

Евразийский юридический журнал

№ 8 (171) 2022

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камил Абдулович, д.ю.н., профессор, член Постоянной палаты третейского суда (г. Гаага)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов - РУДН)
АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., доцент (Московский государственный институт международных отношений (университет) – МГИМО)

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ВАЛПЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)

ЗОЛотов Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)

РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

РАСТОРГОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов - РУДН)

САПИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)

СЕВАПЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов - РУДН)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЧИБИНОВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.

С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по трем специальностям: 12.00.00 Юридические науки 08.00.00 Экономические науки 09.00.00 Философские науки (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г. Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2022

Подписано в печать 28.08.2022
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Дряхлов С. П.
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<https://eurasialaw-journal.ru/>

Eurasian Law Journal

№ 8 (171) 2022

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Vice-Chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Ph.D. in Law, Professor, member of the Permanent Court of Arbitration (Hague)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)

BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Associate Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow),
Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOVA Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)

KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

NECHEVIN Dmitriy Constantimovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Bashkir State University)

RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)

RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)

SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna - Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))

TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation.

No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2022

Signed for printing 28.08.2022

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Dryakhlov S. P.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasiaw@yandex.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<https://eurasiaw-journal.ru/>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджаддинович, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатullo Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,

Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadzhabdinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabdelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

SHAYDULLINA Venera Kamilevna, Ph.D. in Law, associate professor

head of the internet-projects:

DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

Е. О. Ананьева:

Гражданско-правовое регулирование вопросов цифровизации общества

Интервью с Ананьевой Екатериной Олеговной, кандидатом юридических наук, доцентом, доцентом института подготовки государственных и муниципальных служащих академии ФСИН России..... 14

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Павлова М. А.

О необходимости создания Евразийского суда по правам человека 19

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Алиев Ш. И., Ибрагимов М. Т., Таилова А. Г.

Роль ВОЗ и международного права в период пандемии 22

Норбоева Т. В.

Деятельность ЮНЕП по продвижению концепции экологически безопасного обращения с химическими веществами..... 25

Лаворенко С. Ю.

К вопросу о толковании права на неприкосновенность частной жизни в практике государств в свете международного права прав человека..... 29

Каземи Шариат Панахи Л.

Сравнение ядерных программ Ирана и Израиля с точки зрения международного права..... 33

Паничкин И. В.

Перспективы сотрудничества арктических государств в вопросах международно-правового регулирования нефтегазовой деятельности в Арктике 41

Асланбейли Б. А.

Различные аспекты межгосударственного сотрудничества в области избежания двойного налогообложения 45

Айриян Э. В.

Выбор между отдельной апелляционной инстанцией и международным инвестиционным судом: ключевой аспект реформы инвестиционного арбитража..... 52

Чень Юйтун

Проблемы взаимодействия положений соглашений ВТО и региональных торговых соглашений 56

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Гореница В. В.

Трансграничное банкротство: признание и исполнение судебных решений по законодательству РФ и КНР 60

Лук Тхи Ли

Отзывы о штрафе за нарушение контракта в соответствии с положениями коммерческого права во Вьетнаме..... 64

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Семенова Я. В.

Формирование правового регулирования использования биометрических данных в Европейском Союзе 67

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Долженкова Е., Мохоров Д. А., Косарев С. Ю., Шубников Ю. Б.

Сравнительно-правовой анализ нормативно-правового регулирования противодействия коррупции..... 71

Байдарова М. А.

Исключения в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»: некоторые теоретические аспекты 74

Ивлиев П. В., Фроловская Ю. И.

К вопросу об актуальности радио и возможных перспектив его развития в XXI веке 77

Горбунов М. Д.

К вопросу о статусе англо-американского правового позитивизма 80

Коробова А. П., Котлов С. В.

О понятии и функциях налога в правовой доктрине Германии 83

Мохорова А. Ю., Долженкова Е., Клиницкий А. И., Данышина Н. А.

Правовое воспитание как способ противодействия политическому экстремизму в молодежной среде 85

Новикова О. И., Рудман М. Н.

Проблема универсальности социальных прав и кризис правового государства (часть 1)..... 90

Романовская Л. Р., Курзенин Э. Б.

Эволюция формы российского государства в контексте конституционной реформы 2020 92

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Евсеев И. В.

К вопросу появления термина «милиция» в обществе, на Урале, в XVIII - начале XX вв. 95

Газизова Л. М.

Советский федерализм и некоторые аспекты становления Республики Башкортостан в качестве субъекта советской федерации 99

Перфильева И. А.

Государственная власть и управление в городах Забайкалья в 1920-х годах..... 101

Пронина Е. Н.

Особенности противоэпидемических государственно-правовых мер в период проведения Нижегородской ярмарки во второй половине XIX века 103

Федюшкина А. И.

Иллюминированные рукописи «Саксонского зеркала» как источник средневекового германского права..... 105

Шаповалов А. В., Ембулаева Н. Ю., Случевский С. Г.

Государственное строительство и государственная служба на Северо-Западном Кавказе в 60-е годы 19 века 107

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Магомедханов Р. Г., Магомедханова К. Ф.,

Курилкина О. А., Коженко Я. В. Сущность социальной поддержки и защиты от безработицы в современных условиях 109

Колтырин В. И.

Реализация права на единственное пригодное для проживания помещение в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан как гарантия конституционного права на жилище..... 111

Магомедханов Р. Г., Магомедханова К. Ф., Курилкина О. А.

Исторические аспекты правового положения детей 113

Кабулов С. Л.

Модернизация взаимоотношений Президента и парламента в контексте поправок к Конституции Российской Федерации 116

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Алешин С. В.

Законность как фундаментальный принцип административной деятельности полиции 118

Багишев О. А.

Изменения в Административном кодексе в 2022 году 120

Беляев В. А.

Некоторые аспекты правового регулирования гарантий социальной защиты граждан, принимающих участие в охране общественного порядка: 123

на материалах Республики Крым 123

Игнатьева И. В., Власова Е. Л., Кирильчик Е. В.

Цифровые технологии, используемые для улучшения взаимодействия государства и бизнеса, и их влияние на правосознание и традиционные методы регулирования 126

Каримова Г. Ю.

Значение института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы 129

Кулаков Н. А., Грипп Э. Х., Яхина Ю. Х.

Правовой статус государственных и муниципальных учреждений в РФ: публично-правовой аспект 131

Пеганова Ю. А.

Компаративный анализ системы государственного управления в области лесных отношений в России и зарубежных странах..... 133

АГРАРНОЕ ПРАВО

Саитбаталова В. Т., Рахматуллин И. М.

Основные направления совершенствования законодательства о правовом регулировании производства и реализации органической продукции 136

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Рахимзода М. З., Абдуджалилов А.

К вопросу выбора оптимальных подходов изучения договорных отношений в интернете 138

Ананьев О. Г., Кошелюк Б. Е.

Основания прекращения факультативных обязательств 140

Ананьева Е. О., Ивлиев П. В.

Реализация и проблемы цифровизации в отдельных регионах России 143

Гришин С. М., Одинцов С. В.

Цифровая инфраструктура в глобальном здравоохранении: регламентация, проблемы внедрения и тенденции развития 146

Демешко Е. Д., Фирсова А. А., Яценко А. О.

Реализация примирительных процедур в гражданском судопроизводстве 149

Курманбаев М. М.

К вопросу о гражданско-правовом регулировании жилищно-коммунальных услуг 151

Литвинова Д. В., Цареградская Ю. К.

Правовое регулирование медиа индустрии в Южной Корее 153

Маркс Ю. А.

Честь, достоинство и деловая репутации и механизм их правовой защиты 155

Мазанаев М. Ш., Ханарсланова Ж. Д.

Практика применения неустойки как способа обеспечения исполнения обязательств по договору подряда 157

Масалимова А. А.

Проблемы исполнения завещательного отказа на жилые помещения в Российской Федерации 159

Ананьева Е. О., Ивлиев П. В.

Вопросы приобретения полной дееспособности по законодательству России 162

Петров Н. В.

Гражданско-правовой аспект участия государства в сельскохозяйственном страховании 165

Улаева Н. Л.

Особенности полномочий органов местного самоуправления при осуществлении работ по реконструкции, ремонту и строительству дорог местного значения 168

Туманов Э. В.

Проблемы преддоговорной ответственности в гражданском праве Российской Федерации 170

Фроловская Ю. И., Бондаренко И. В.

Правовое регулирование пенсий за выслугу лет сотрудников уголовно-исполнительной системы 172

Цибульская Г. З., Курбатова Г. В.

Правовая природа современных кредитных отношений и банковского кредитования 174

Шакеров Р. Р.

Проблемы отграничения принципа добросовестности от смежных категорий цивилистики 176

Шевчук Е. П., Степаненко Ю. С.

Правовая природа информированного добровольного согласия пациента на оказание медицинской помощи 178

Шергунова Е. А.

Эстоппель в российской и международной практике: частноправовые аспекты 181

Пугачева А. С.

Свобода договора как основание минимизации частноправового риска 184

Якубов М. Л.

Смарт-контракты как начало конца классических договоров. Двойная интеграция 187

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Самохина А. Н.

Тенденции и перспективы совершенствования корпоративного управления в кредитных организациях 190

Спектор А. А.

Проблемы разграничения статуса индивидуального предпринимателя и самозанятого лица 193

Сукиасян Н. Г.

Особенности и эффективность публично-правового регулирования предпринимательской деятельности в Республике Армения 195

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Москалев В. Г.

Мировой опыт введения особых правовых режимов во время пандемии COVID-19 200

БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Земскова С. В., Гасаналиев А. Ш.

Бюджетное право и бюджетный процесс в Российской Федерации 203

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Абовян Э. П., Ананьев О. Г.

Ослабление норм морали, как фактор, способствующий преступности несовершеннолетних 205

Батырханова И. Б., Аскеров Р. М., Таилова А. Г.

Особенности уголовной ответственности при наличии правонарушений, совершённых с использованием искусственного интеллекта 208

Бахмудова Т. Р.

Преступления, совершаемые в отношении иностранных граждан 211

Беляков А. В., Бондаренко С. В.

Уголовно-правовые методы противодействия хищению бюджетных средств: существует ли проблема? 214

Денисович В. В., Коваль К. М., Черепашкин А. С.

Актуальные проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в преступную и иную антиобщественную деятельность и пути их решения 216

Карчевский К. А.

Особенности субъекта незаконного предпринимательства 220

Магомедова А. И., Магомедов М. Г.

Некоторые проблемы применения конфискации имущества 222

Курбатова Г. В., Цибульская Г. З.

Уголовно-правовое понятие оружия и предметов вооружения 224

Пашковский П. В.

Основные проблемы в области противодействия организованной преступности в России 227

Пейзак Р. И.

Уголовно-правовой анализ компьютерного мошенничества, предусмотренного статьей 640-ter 229

Бахмудова Т. Р.

Современные проблемы исполнения уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы и перспективы развития данного института 231

Денисович В. В.

Особенности правоприменительной практики преступлений, связанных со злоупотреблениями должностными полномочиями и превышениям должностных полномочий 234

Поезжалов В. Б., Филиппов О. А.

Изменения уголовного закона и безопасность государства 237

Тамбиев С. А., Урумов А. В.

Актуальные вопросы предупреждения преступлений несовершеннолетних, связанных с незаконным оборотом наркотических и психоактивных веществ 239

Магомедова А. И., Убайдулаев Р. К.

Понятие, признаки рецидива преступлений 242

Пашковский П. В., Светличная Л. А. Международное сотрудничество в борьбе с организованной преступностью.....	245
Тарчоков Б. А. Основные виды преступных посягательств в сфере банковского кредитования.....	249
Ступина С. А. Об обоснованности либерализации уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства в современных условиях.....	251
Таова Л. Ю., Малахов А. С. Отдельные особенности противодействия незаконному обороту наркотиков, совершаемому бесконтактным способом.....	254
Терещенко В. С. Особенности определения признаков преступлений, совершаемых в сфере профессионального спорта и сопряженных с причинением вреда жизни и здоровью спортсменов.....	257
Холамханова З. Р. Криминализация и законодательная регламентация в вопросах «цифрового» имущества.....	260
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Алиев Х. К., Марианов А. А. Проблемные вопросы задержания несовершеннолетних в уголовном процессе.....	262
Арсенова Н. В., Толчиева Т. В. Использование видео-конференц-связи в досудебном производстве: проблемы и перспективы развития.....	264
Борзунова Н. Ю., Узун О. Л. Ювенальная юстиция в России: проблемы и перспективы развития.....	266
Биляев В. А., Климовский А. С., Юзьвак С. А. О необходимости законодательного закрепления положений о результатах оперативно-розыскной деятельности как доказательств по уголовным делам.....	268
Днепроvская М. А., Абрамитов С. А., Ворожнин А. Г. Применение запрета определенных действий как меры пресечения: некоторые теоретические и практические аспекты.....	272
Зорина Н. С. Особенности применения и развития беспилотных летательных аппаратов.....	275
Лифанова Л. Г., Гаужаева В. А. Отдельные вопросы организации проверки сообщения о преступлении.....	277
Логачев К. К. Сравнительно правовой анализ норм, регламентирующих предъявления для опознания с использованием видеоматериалов.....	279
Мустафина Г. М. Проблемы процессуального регулирования меры принуждения в виде задержания в оперативно-розыском законодательстве.....	282
Нуждин А. А. Некоторые вопросы производства следственных действий при выявлении обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений.....	284
Попова О. А. Прекращение уголовных дел, возбужденных по фактам умышленного нарушения санитарно-эпидемиологических правил, повлекших массовое заражение новой коронавирусной инфекцией COVID-19 или угрозу такового.....	287
Сердюкова Е. В., Чуниха А. А., Зиновьева Е. О. Анализ правоприменительной практики об оглашении показаний свидетелей и потерпевших в суде.....	289
Сулейманов Т. А., Назаркин Е. В., Новикова Л. В., Данилова И. Ю. Опыт формирования доказательственной базы по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.....	292
Толчиева Т. В. Актуальные проблемы производства допроса с использованием видео-конференц-связи в стадии предварительного расследования.....	294
Таова Л. Ю., Ардавов М. М. Доказательства в уголовном процессе.....	297
Алиев Х. К., Марианов А. А. Особенности показания потерпевших, свидетелей несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве.....	299
Баловина И. В. Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности следователя в целях повышения эффективности доказательственной базы по уголовному делу.....	301
Сенченко С. К. Возражение на действия председательствующего как прием защиты: проблемы регулирования и правоприменения.....	303
Танечник Ю. С. Некоторые проблемы розыска подозреваемого, в деятельности следователя.....	307
Сардаров Д. Р. Электронное правосудие в уголовном и административном судопроизводстве.....	310
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
Ананьев О. Г., Ананьева Ж. Н., Ананьева Е. О. Проблемы ресоциализации несовершеннолетних в исправительных учреждениях.....	313
Белова Е. Ю., Белов В. И. Функции международных стандартов при формировании уголовно-исполнительной политики России.....	316
Лелик Н. Б. Интегрированные системы безопасности, применяемые в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.....	318
Лядов Э. В. Замена уголовного наказания в виде лишения свободы принудительными работами как более мягким видом наказания.....	321
Пейзак А. В. Образование как элемент социальной адаптации осужденных в Австралии, Великобритании и США.....	324
Кутузова Е. Р. Деятельность общественных наблюдательных комиссий по обеспечению прав человека в местах принудительного содержания в зарубежных странах и Российской Федерации.....	326
Михайлов В. С., Еремеева Е. Ю. Предоставление осужденным телефонных переговоров, их учёт и контроль в ИУ УИС РФ.....	329
Овинова Ю. А., Забродин А. В. О некоторых обстоятельствах совершения и расследования массовых беспорядков в местах лишения свободы лицами, осужденными за совершение преступлений террористической направленности (на основе анализа практики деятельности исправительных учреждений УФСИН России по Республике Хакасия).....	332
КРИМИНАЛИСТИКА	
Гаужаева В. А., Урумов А. В. Отдельные вопросы классификации, назначения и производства судебных экспертиз.....	337
Завьялов В. В., Завьялова А. А., Сафонов А. А., Бондарева И. О. Организационно-методические основы экспертно-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования радиологических преступлений.....	340
Назаркин Е. В., Сулейманов Т. А., Новикова Л. В., Жарко Н. В. Особенности подготовки и проведения очной ставки в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.....	346
Севостьянова С. О. О планировании при расследовании преступлений совершенных экспертом.....	348

Хакимова Э. Р., Зарина А. М. Проведение осмотра места происшествия и обыска при расследовании преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий.....	350
Солянкина Л. Е., Киктев А. В., Пшеничкин А. А. Молодежный экстремизм как острая проблема современности	352
КРИМИНОЛОГИЯ	
Абдулманапова А. С., Таилова А. Г. Криминологическая характеристика корыстной преступности	354
Алиева У. Т., Габитова Э. Г., Таилова А. Г. Право жертв преступлений на неприкосновенность частной жизни в сексуальных преступлениях: сравнительный анализ между Европой и США	357
Романовская И. В. Криминологические особенности наркозависимых лиц	360
Ступина С. А., Шерстяных А. С. Мошенничество с криптовалютой.....	362
Абдусаламов Р. П., Таилова А. Г. Использование искусственного интеллекта и зеркальной статистики в системе обнаружения мошенничества на таможне в зарубежных странах	364
Шерстяных А. С. Таргетированный фишинг – современная угроза кибербезопасности.....	367
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ	
Ахтямова К. М. Совершенствование правовых основ социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации	370
Бабин А. В., Иванченко Е. С., Овечкин Д. Г. Физическая активность как количественный показатель общей физической подготовки сотрудников полиции и курсантов	372
Жуков А. З., Махов И. А., Шкахова Ф. А. Актуальные проблемы обеспечения информационной безопасности в органах внутренних дел в современных условиях	374
Магомедалиев М. М., Арутюнян В. Н., Хабаров Д. В. Проблемы воспитания у сотрудников органов внутренних дел волевых качеств, необходимых при выполнении задач в экстремальных ситуациях.....	377
Мисроков Т. З. К вопросу о правовом регулировании этических аспектов несения службы в органах внутренних дел Российской Федерации	379
Легостаев С. В. Предостережение о недопустимости нарушения закона в системе актов прокурорского реагирования	382
Тингаева И. В. Взаимодействие служб при раскрытии и расследовании преступлений и основные недостатки сбора первоначальных материалов предварительных проверок	384
Урусов З. Х., Теппеев А. А. Роль органов внутренних дел в изучении личности преступника.....	386
Ярославский М. А., Губжоков А. Х. К вопросу о целесообразности и повышении эффективности применения физической силы сотрудниками полиции.....	388
Шондиров Р. Х. Формирование готовности к правомерному применению огнестрельного оружия в процессе огневой подготовки сотрудников полиции.....	390
БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО	
Абазов И. С., Магомедов М. Н. Роль международных институтов в противодействии современному терроризму.....	393
Белоногов Г. Е. Проблема соотношения содержания понятия «терроризм» в формально-правовом и конкретно-историческом ракурсах.....	395
Гутиева И. Г. Некоторые аспекты формирования радикальных взглядов в России	397
Дауров А. И. Правовые основы применения мобильного средства дистанционной принудительной остановки транспорта на основе микроволнового излучения.....	400
Жуков А. З., Махов И. А., Шкахова Ф. А. Особенности развития системы информационной безопасности в Российской Федерации: проблема соотношении нормативно-правового и технологического аспектов	402
Зайдиева П. А., Аюбова Ш. И., Лаварсланова М. Г. Возможности современных информационных технологий в профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде.....	405
Кодзокова Л. А., Карчаева К. А. Феномены экстремизма и терроризма как актуальные проблемы современности	407
Манукян А. Р. Причины и формы проявления идеологии терроризма и экстремизма в подростковой и молодежной среде.....	410
Трофимцева С. Ю. К вопросу о возможности использования норм Уголовного кодекса Российской Федерации в целях противодействия покушениям на безопасность функционирования киберфизических систем.....	412
Урусов З. Х. О некоторых проблемах телефонного терроризма.....	414
Федосов А. В., Тажетдинова А. А., Тажетдинова А. А., Яхина Э. Н., Федосова Е. А. Анализ требований законодательства РФ по обеспечению биологической безопасности.....	416
Токбаев А. А., Воскобоев А. И. Тенденции развития экстремизма и терроризма в Северо-Кавказском регионе.....	418
Каширгов А. Х., Цыреторов А. И. Вопросы противодействия терроризму и экстремизму в современном мире.....	421
Магомедов М. Н., Абазов И. С. Цифровизация как фактор развития экстремистско-террористической идеологии	423
Манукян А. Р. Некоторые аспекты профилактики распространения идеологии терроризма и экстремизма в образовательных учреждениях	425
Токбаев А. А., Хрыков И. С. Актуальные вопросы обеспечения антитеррористической безопасности на транспортных объектах.....	427
Тарчоков Б. А. О некоторых причинах терроризма в подростковой среде.....	430
Шогенов З. А., Пхитиков Р. Б. Проблемы обнаружения экстремистских сообществ в социальных сетях и пути противодействия	432
Шульгин А. А., Макаренко А. И. Понятие о началах терроризма как предпосылке к успешной борьбе с террором	434
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО	
Абукарова М. У. Россия в процессе мировой экономической интеграции: бихевиористический подход, правовые аспекты	436
Андрюхина И. Ю., Карама Л. Л. Совершенствование подходов к организации кадрового обеспечения органов государственной власти и местного самоуправления.....	438
Каширгов А. Х. Организационные и правовые основы системы исполнительной власти Российской Федерации	440

Игнатъева О. Н., Сизоненко З. Л., Крайнова Е. Н. Местные инициативы как ресурс развития гражданского общества.....	442	Бутенко А. К. Проблемные вопросы зарождения и генезиса исторического сознания.....	486
ПЕДАГОГИКА И ПРАВО			
Нигматуллина И. В., Рассолова И. Ю., Мударисов Р. З., Бурганова А. А. Основные тенденции в сфере образования современной России.....	444	Виноградова Н. В., Тукаева Р. А. Космическая этика К. Э. Циолковского: рационализм и гуманизм.....	488
Панова О. С., Зиннатов Р. Р. Спортивное право в Российской Федерации: актуальные проблемы правового развития и совершенствования.....	446	Галияхметов Р. Н., Пагульч В. А. Философское осмысление конфликтности межличностного общения.....	490
Смирнова М. И. Негативное воздействие информационной перегрузки на информационную культуру обучающихся вузов МВД России.....	448	Горбачев С. Б. К вопросу о необходимости автаркии государства в современных условиях.....	492
ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО			
Коган О. С., Лифанова М. В., Чекрыжов А. В. Психологические особенности личности и проблемы конфликтности для работников сферы юриспруденции.....	451	Елизаров М. В. Культурно-исторические предпосылки формирования идеи прав человека в России и Европе: сравнительный анализ.....	495
СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО			
Рахматуллина З. Б., Ковров В. Ф. Проблема одиночества пожилых людей и подходы к ее решению.....	453	Елхова О. И., Кудряшев А. Ф. Возможности использования эмоционального искусственного интеллекта в процессе усвоения знаний.....	498
ЯЗЫК И ПРАВО			
Макаев Х. Ф., Макаева Г. З. Изучение терминов юридической сферы в когнитивном аспекте как залог развития критического мышления студента.....	455	Зубков С. А. Экофильные образы ведической философии.....	500
ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ			
Бикметов Е. Ю., Кузнецова Е. В., Ларцева С. А., Рувенный И. Я. Ключевые стратегические решения в маркетинговом управлении.....	457	Измайлова Д. И. Вопросы гендерного самоопределения в проблемном поле биоэтики: социально-философский аспект.....	503
Зайцев А. Г., Голиков И. О., Полторыхина С. В., Хапилина С. И. Применение инструментов повышения экономической безопасности на основе институционального подхода к анализу инновационных преобразований в АПК.....	460	Кабахидзе Е. Л. Средневековый спор об универсалиях: античное прошлое, феноменологическое настоящее и когнитивное будущее.....	506
Кайсарова В. П., Ермолина М. А. Экономико-правовые аспекты реализации целей в области устойчивого развития в российских регионах.....	463	Муслимова Л. Ф. Абсолютное начало человека как предмет исследования философии.....	508
Наминова К. В. Рекомендации по масштабированию стартапа.....	465	Лобанкова И. П. Протогородская культура Евразии: социально-философский аспект.....	510
Низамова Г. З., Гареева З. А., Халитов Р. И. Анализ рынка сжиженного газа.....	467	Марюшко А. В. Синергетический и виртуальный аспекты общественного правопорядка и правового сознания: социально-философский анализ.....	512
Новикова Е. В. Перспективы развития региона в условиях импортозамещения (на примере Орловской области).....	470	Писарева А. В. Социокультурные аспекты в синергичной природе самоуправления.....	514
Игнатъева О. Н., Сизоненко З. Л., Ковшечникова В. А. Современное состояние организации деятельности органов государственной власти в развитии цифровой экономики в Республике Башкортостан.....	473	Олешкова А. М. Групповая идентичность как конструкт и прототип (на материалах Интернет-коммуникации).....	516
Халикова Э. А., Кантор О. Г., Эргашева Ш. Т., Гусейнова Н. З. Мониторинг ключевых показателей как инструмент эффективного управления финансовыми потоками в компании.....	475	Равочкин Н. Н. Мультитемпоральность современного мира: философский анализ.....	520
Саитбаталова В. Т. Характеристика правовых проблем регулирования производства и реализации органической продукции.....	477	Тимофеев В. А., Сердюкова Ю. А., Самойлова И. Н. Философско-социальный анализ совершенствования института уголовной ответственности несовершеннолетних.....	522
Добряхина О. П. Особенности и проблемы реализации мегапроектов цифровой трансформации городов (на примере Москвы).....	479	Фролова И. В., Фролов К. А. Эмоциональный поворот в современной лингвистике: философская рефлексия.....	525
ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ			
Боровой Е. М. Феномен постправды как инструмент формирования обыденного сознания.....	483	Диаров В. О. Онтология эволюционной гносеологии.....	527
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ			
		Серёгин А. А. Экзистенциальная философия солидарности и конфликта.....	529
		Абрарова З. Ф., Лукманова Ю. Ш. Философское осмысление государственной семейной политики во взаимоотношении семьи и государства.....	531
		Сабекия Р. Б., Аскарова Г. Б. Половая дифференция бытия и гендерная идеология в глобализованном мире.....	533

CONTENTS

PERSONA GRATA

E. O. Ananjeva:

Civil law regulation of issues of digitalization of society

Interview with Ekaterina Olegovna Ananjeva, Ph.D. in Law, Associate professor, associate professor of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia..... 14

EURASIAN INTEGRATION

Pavlova M. P.

On the need to create a Eurasian Court of Human Rights..... 19

INTERNATIONAL LAW

Aliev S. I., Ibragimov M. T., Tailova A. G.

The role of WHO and international law during the pandemic..... 22

Norboeva T. V.

UNEP's activity in advancing the concept of ecologically sound management of chemicals..... 25

Lavorenko S. Yu.

On the interpretation of the right to privacy in the practice of States in the light of international human rights law..... 29

Kazemi Shariat Panahi L.

Comparing the nuclear programs of Iran and Israel from the international law perspective..... 33

Panichkin I. V.

Prospects for cooperation between the Arctic states in matters of international legal regulation of oil and gas activities in the Arctic..... 41

Aslanbayli B. A.

Different aspects of interstate cooperation in the elimination of double taxation..... 45

Ayriyan E. V.

A choice between an Appellate mechanism and an international investment court: a key aspect of the reform of investment Arbitration..... 52

Chen Yutong

Issues of interaction between the WTO and regional trade agreements..... 56

INTERNATIONAL Private LAW

Gorenitsa V. V.

Cross-border insolvency: recognition and enforcement of judgments under Russian and Chinese law..... 60

Luc Thi Ly

Reviews of penalty for breach of contract under commercial law provisions in Vietnam..... 64

EUROPEAN LAW

Semenova Ya. V.

Formation of legal regulation of the use of biometric data in the European Union..... 67

THEORY OF STATE AND LAW

Dolzhenkova E., Mokhorov D. A.,

Kosarev S. Yu., Shubnikov Yu. B.

Comparative legal analysis of the legal regulation of combating corruption..... 71

Baydarova M. A.

Exceptions in Federal Law № 3-FZ of 07.02.2011 «On the Police»: some theoretical aspects..... 74

Ivliev P. V., Frolovskaya Yu. I.

To the question of the relevance of radio and possible prospects for its development in the 21st century..... 77

Gorbunov M. D.

To the question of the status of Anglo-American legal positivism..... 80

Korobova A. P., Kotlov S. V.

On the concept and functions of tax in the legal doctrine of Germany..... 83

Mokhorova A. Yu., Dolzhenkova E.,

Klinitskiy A. I., Danshina N. A.

Legal education as a way to counter political extremism among the youth..... 85

Novikova O. I., Rudman M. N.

The problem of universality of social rights and the crisis of the legal state (part 1)..... 90

Romanovskaya L. R., Kurzenin E. B.

Evolution of the form of the Russian state in the context of constitutional reform 2020..... 92

HISTORY OF STATE AND LAW

Evseev I. V.

On the question of the appearance of the term "militia" in society, in the Urals, in the XVIII-early XX centuries..... 95

Gazizova L. M.

Soviet federalism and some aspects of the formation of the Republic of Bashkortostan as a subject of the Soviet federation..... 99

Perfiljeva I. A.

State power and management in the cities of Transbaikalia in the 1920s..... 101

Pronina E. N.

Features of anti-epidemic state-legal measures during the Nizhny Novgorod Fair in the second half of the 19th century..... 103

Fedyushkina A. I.

Illuminated manuscripts of the Saxon Mirror as a source of medieval German law..... 105

Shapovalov A. V., Embulaeva N. Yu., Sluchevskiy S. G.

State construction and public service in the North-West Caucasus in the 60s of the 19th century..... 107

CONSTITUTIONAL LAW

Magomedkhanov R. G., Magomedkhanova K. F.,

Kurilkina O. A., Kozhenko Ya. V.

The essence of social support and protection against unemployment in modern conditions..... 109

Koltyrin V. I.

Realization of the right to the only dwelling suitable for living in cases of insolvency (bankruptcy) of citizens as a guarantee of the constitutional right to housing..... 111

Magomedkhanov R. G., Magomedkhanova K. F., Kurilkina O. A.

Historical aspects of the legal status of children..... 113

Kabulov S. L.

Modernization of relations between the President and Parliament in the context of amendments to the Constitution of the Russian Federation..... 116

ADMINISTRATIVE LAW

Aleshin S. V.

Legality as a fundamental principle of the administrative activity of the police..... 118

Bagishev O. A.

Changes in the Administrative Code in 2022..... 120

Belyaev V. A.

Some aspects of legal regulation of guarantees of social protection of citizens participating in the protection of public order: on the materials of the Republic of Crimea..... 123

Ignatjeva I. V., Vlasova E. L., Kirilchik E. V.

Digital technologies used to improve the interaction between the state and business and their impact on legal awareness and traditional methods of regulation..... 126

Karimova G. Yu.

The importance of the institution of administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty..... 129

Kulakov N. A., Gripp E. Kh., Yakhina Yu. Kh.

Legal status of state and municipal institutions in the Russian Federation: public legal aspect..... 131

Peganova Yu. A.

Comparative analysis of the public administration system in the field of forest relations in Russia and foreign countries..... 133

AGRARIAN LAW

Saitbatalova V. T., Rakhmatullin I. M.

The main directions of improving legislation on the legal regulation of the production and sale of organic products..... 136

CIVIL LAW

Rakhimzoda M. Z., Abdujalilov A.

On the issue of choosing the optimal approaches to studying contractual relations on the internet..... 138

Ananjev O. G., Koshelyuk B. E.

Grounds for termination of facultative obligations 140

Ananjeva E. O., Ivliev P. V.

Implementation and problems of digitalization in certain regions of Russia..... 143

Grishin S. M., Odintsov S. V.

Digital infrastructure in global healthcare: regulation, implementation problems and development trends 146

Demeshko E. D., Firsova A. A., Yatsenko A. O.

Implementation of conciliation procedures in civil proceedings..... 149

Kurmanbayev M. M.

On the issue of civil law regulation of housing and communal services..... 151

Litvinova D. V., Tsaregradskaya Yu. K.

Legal regulation of media industry in South Korea 153

Marks Yu. A.

Honor, dignity and business reputation and the mechanism of their legal protection 155

Mazanaev M. S., Khanarlanova Z. D.

The practice of applying a penalty as a way to ensure the fulfillment of obligations under a contract..... 157

Masalimova A. A.

The problems with the execution of the testamentary refusal for residential premises in the Russian Federation..... 159

Ananjeva E. O., Ivliev P. V.

Issues of acquiring full legal capacity under the legislation of Russia 162

Petrov N. V.

Civil legal aspect of state participation in agricultural insurance..... 165

Ulaeva N. L.

Features of the powers of local self-government bodies in the implementation of reconstruction, repair and construction of roads of local significance..... 168

Tumanov E. V.

Problems of pre-contractual liability in the civil law of the Russian Federation 170

Frolovskaya Yu. I., Bondarenko I. V.

Legal regulation of service pensions for employees of the criminal executive system 172

Tsibulskaya G. Z., Kurbatova G. V.

Legal nature of modern credit relations and bank lending..... 174

Shakerov R. R.

Problems of distinguishing the principle of good faith from related categories of civil law..... 176

Shevchuk E. P., Stepanenko Yu. S.

The legal nature of the patient's informed voluntary consent to the provision of medical care..... 178

Shergunova E. A.

The estoppel in Russian and international practice: private law aspects..... 181

Pugacheva A. S.

Freedom of contract as a basis for minimizing private law risk..... 184

Yakubov M. L.

Smart contracts as the beginning of the end of classic contracts. Double integration..... 187

ENTREPRENEURIAL LAW

Samokhina A. N.

Trends and prospects for improving corporate governance in credit organizations..... 190

Spector A. A.

Problems of differentiation of the status of an individual entrepreneur and a self-employed person..... 193

Sukiasyan N. G.

Features and effectiveness of public legal regulation of business activity in the Republic of Armenia 195

FINANCIAL LAW

Moskalev V. G.

World experience in introducing special legal regimes during the COVID 19 pandemic..... 200

BUDGET LAW

Zemskova S. V., Gasanaliyev A. S.

Budget law and budget process in the Russian Federation..... 203

CRIMINAL LAW

Abovyan E. P., Ananjev O. G.

The weakening of moral norms as a factor contributing to juvenile delinquency 205

Batyrkhanova I. B., Askerov R. M., Taiova A. G.

Features of criminal liability in the presence of offenses committed using artificial intelligence..... 208

Bakhmudova T. R.

Crimes committed against foreign citizens..... 211

Belyakov A. V., Bondarenko S. V.

Criminal-legal methods of countering embezzlement of budget funds: is there a problem?..... 214

Denisovich V. V., Koval K. M., Cherepashkin A. S.

Actual problems of qualification of involvement of a minor in criminal and other antisocial activities and ways to solve them..... 216

Karchevskiy K. A.

Peculiarities of the subject illegal business..... 220

Magomedova A. I., Magomedov M. G.

Some problems of property confiscation application..... 222

Kurbatova G. V., Tsibulskaya G. Z.

Criminal legal concept of weapons and arms 224

Pashkovskiy P. V.

The main problems in the field of counteracting organized crime in Russia..... 227

Pezyak R. I.

Criminal analysis of computer fraud under article 640-ter of the Italian Penal Code..... 229

Bakhmudova T. R.

Modern problems of execution of criminal punishment in the form of life imprisonment and prospects for the development of this institution 231

Denisovich V. V.

Features of law enforcement practice of crimes related to abuse of official authority and abuse of official authority..... 234

Poezshalov O. A., Filippov O. A.

Changes in the criminal law and the security of the state..... 237

Tambiev S. A., Urumov A. V.

Actual issues of prevention of juvenile crimes related to illicit trafficking in narcotic and psychoactive substances..... 239

Magomedova A. I., Ubaidulaev R. K.

The concept, signs of recidivism of crimes 242

Pashkovskiy P. V., Svetlichnaya L. A.

International cooperation in the counteraction against organized crime..... 245

Tarchokov B. A.

The main types of criminal encroachments in the field of bank lending..... 249

Stupina S. A.

On the validity of the liberalization of criminal liability for inciting hatred or enmity, as well as the humiliation of human dignity in modern conditions..... 251

Taova L. Yu., Malakhov A. S. Certain features of countering illicit drug trafficking committed in a contactless way.....	254	Tanechnik Yu. S. Some problems of searching the suspect, in the activity of the investigator.....	307
Tereshchenko V. S. Some features of determining the signs of crimes committed in the field of professional sports and associated with causing harm to the life and health of athletes.....	257	Sardarov D. R. Electronic justice in criminal and administrative proceedings.....	310
Kholamkhanova Z. R. Criminalization and legislative regulation in matters of "digital" property.....	260	CRIMINAL-EXECUTIVE LAW	
CRIMINAL PROCESS		Ananjev O. G., Ananjeva Z. N., Ananjeva E. O. Problems of re-socialization of minors in correctional institutions.....	313
Aliev Kh. K., Marianov A. A. Problematic issues of detention of minors in criminal proceedings.....	262	Belova E. Yu., Belov V. I. The functions of international standards in the formation of the penal policy of Russia.....	316
Arsenova N. V., Topchieva T. V. The use of video conferencing in pre-trial proceedings: problems and prospects of development.....	264	Lelik N. B. Integrated security systems used in the penal enforcement system of the Russian Federation.....	318
Borzunova N. Yu., Uzun O. L. Juvenile justice in Russia, problems and prospects of development.....	266	Lyadov E. V. Replacement of criminal punishment in the form of disclaimer by forced labor as a more less punishment.....	321
Bilyaev V. A., Klimovskiy A. S., Yuzvak S. A. About the necessity of the legislative consolidation of the provisions on the results of the operational investigative activities as the procedural evidence in the criminal cases.....	268	Pezyak A. V. Education as an element of the social adaptation of convicts in Australia, the United Kingdom and the United States.....	324
Dneprovskaya M. A., Abramitov S. A., Vorozhnin A. G. Application of the prohibition of certain actions as a preventive measure: some theoretical and practical aspects.....	272	Kutuzova E. R. The activities of public monitoring commissions to ensure human rights in places of detention in foreign countries and the Russian Federation.....	326
Zorina N. S. Features of the use and development of unmanned aerial vehicles.....	275	Mikhaylov V. S., Ereemeeva E. Yu. Provision of telephone conversations to convicts, their accounting and control in IU UIS RF.....	329
Lifanova L. G., Gauzhaeva V. A. Individual issues of the organization of the verification of a crime report.....	277	Ovinova Yu. A., Zabrodin A. V. On some circumstances of the commission and investigation of mass riots in places of deprivation of liberty by persons convicted of terrorist crimes (based on the analysis of the practice of correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Khakassia).....	332
Logachev K. K. Comparative legal analysis of the norms governing presentation for identification using video materials.....	279	CRIMINALISTICS	
Mustafina G. M. On the contradiction of criminal procedure and operational-investigative legislation.....	282	Gauzhaeva V. A., Urumov A. V. Certain issues of classification, appointment and production of forensic examinations.....	337
Nuzhdin A. A. Some issues of investigative actions in the identification of circumstances that contributed to the commission of penitentiary crimes.....	284	Zavyalov V. V., Zavyalova A. A., Safonov A. A., Bondareva I. O. Organizational and methodological foundations of forensic support of disclosure and investigations of radiological crimes.....	340
Popova O. A. Termination of criminal cases initiated on the facts of deliberate violation of sanitary and epidemiological rules resulting in mass infection with a new coronavirus infection COVID-19 or threat thereof.....	287	Nazarkin E. V., Suleymanov T. A., Novikova L. V., Zharko N. V. Features of the preparation and conduct of a confrontation during the investigation of the disorganization of the activities of institutions providing isolation from society.....	346
Serdyukova E. V., Chunikha A. A., Zinovjeva E. O. Analysis of law enforcement practice on the disclosure of testimony of witnesses and victims in court.....	289	Sevostyanova S. O. About planning in the investigation of crimes committed by experts.....	348
Suleymanov T. A., Nazarkin E. V., Novikova L. V., Danilova I. Yu. Experience in the formation of evidence base in cases of crimes related to illicit drug trafficking.....	292	Khakimova E. R., Zarina A. M. Conducting an inspection of the scene of the incident and a search during the investigation of crimes committed using information and telecommunication technologies.....	350
Topchieva T. V. Actual problems of interrogation using video conferencing at the stage of preliminary investigation.....	294	Solyankina L. E., Kiktev A. V., Pshenichkin A. A. Youth extremism as an acute problem of our time.....	352
Taova L. Yu., Ardavov M. M. Evidence in criminal proceedings.....	297	CRIMINOLOGY	
Aliev Kh. K., Marianov A. A. Features of testimony of victims, witnesses of minors in criminal proceedings.....	299	Abdulmanapova A. S., Tailova A. G. Criminological characteristics of mercenary crime.....	354
Balovina I. V. Improving the criminal procedural activity of the investigator in order to increase the effectiveness of the evidence base in a criminal case.....	301	Alieva U. T., Gabitova E. G., Tailova A. G. The right of crime victims to privacy in sexual crimes a comparative analysis between Europe and the USA.....	357
Senchenko S. K. The objection to the actions of the presiding officer as a method of defense: problems of regulation and law enforcement.....	303	Romanovskaya I. V. Criminological features of drug addicts.....	360
		Stupina S. A., Sherstyanykh A. S. Cryptocurrency fraud.....	362

Abdusalamov R. P., Tailova A. G. <i>The use of artificial intelligence and mirror statistics in the system of fraud detection at customs in foreign countries</i>	364	Trofimtseva S. Yu. <i>On the possibility of using the norms of the Criminal Code of the Russian Federation in order to counteract attacks on the security of the functioning of cyber-physical systems</i>	412
Sherstyanykh A. S. <i>Targeted phishing is a modern threat to cyber security</i>	367	Urusov Z. Kh. <i>About some problems of telephone terrorism</i>	414
LAW ENFORCEMENT AGENCIES			
Akhtyamova K. M. <i>Improving the legal foundations of social guarantees for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation</i>	370	Fedosov A. V., Tazhetdinova A. A., Tazhetdinova A. A., Yakhina E. N., Fedosova E. A. <i>Analysis of the requirements of the legislation of the Russian Federation to ensure biological safety</i>	416
Babin A. V., Ivanchenko E. S., Ovechkin D. G. <i>Physical activity as a quantitative indicator of the general physical fitness of police officers and cadets</i>	372	Tokbaev A. A., Voskoboev A. I. <i>Trends in the development of extremism and terrorism in the North Caucasus region</i>	418
Zhukov A. Z., Makhov I. A., Shkakhova F. A. <i>Actual problems of ensuring information security in the internal affairs bodies in modern conditions</i>	374	Kashirgov A. Kh., Tsyretorov A. I. <i>Issues of countering terrorism and extremism in the modern world</i>	421
Magomedaliyev M. M., Harutyunyan V. N., Khabarov D. V. <i>Problems of educating employees of the internal affairs bodies of strong-willed qualities necessary when performing tasks in extreme situations</i>	377	Magomedov M. N., Abazov I. S. <i>Digitalization as a factor in the development of extremism-terrorism ideology</i>	423
Misrokov T. Z. <i>On the issue of legal regulation of the ethical aspects of service in the internal affairs bodies of the Russian Federation</i>	379	Manukyan A. R. <i>Some aspects of preventing the spread of the ideology of terrorism and extremism in educational institutions</i>	425
Legostaev S. V. <i>Warning about the inadmissibility of violating the law in the system of acts of prosecutorial response</i>	382	Tokbaev A. A., Khrykov I. S. <i>Topical issues of ensuring anti-terrorist security at transport facilities</i>	427
Tingaeva I. V. <i>Interaction of services in solving and investigating crimes and the main disadvantages of collecting initial materials of preliminary inspection</i>	384	Tarchokov B. A. <i>About some causes of terrorism among adolescents</i>	430
Urusov Z. K., Teppeeov A. A. <i>The role of the internal affairs bodies in the study of the criminal's identity</i>	386	Shogenov Z. A., Phitikov R. B. <i>Problems of detecting extremist communities in social networks and ways of countering them</i>	432
Yaroslavsky M. A., Gubzhokov A. K. <i>On the question of expediency and increasing the effectiveness of the use of physical force by police officers</i>	388	Shulgin A. A., Makarenko A. I. <i>The concept of the origins of terrorism as a prerequisite to a successful fight against terrorism</i>	434
Shondiurov R. Kh. <i>Formation of readiness for the lawful use of firearms in the process of fire training of police officers</i>	390	STATE AND LAW	
SECURITY AND LAW			
Abazov I. S., Magomedov M. N. <i>The role of international institutions in countering modern terrorism</i>	393	Abukarova M. U. <i>Russia in the process of global economic integration: behavioral approach, legal aspects</i>	436
Belonogov G. E. <i>The problem of the correlation of the content of the concept of «terrorism» in formal legal and concrete historical aspects</i>	395	Andryukhina I. Yu., Karama L. L. <i>Improving approaches to the organization of staffing of public authorities and local self-government</i>	438
Gutieva I. G. <i>Some aspects of the formation of radical views in Russia</i>	397	Kashirgov A. H. <i>Organizational and legal bases of the executive power system of the Russian Federation</i>	440
Daurov A. I. <i>Legal basis for the use of a mobile means of remote forced transport stop based on microwave radiation</i>	400	Ignatjeva O. N., Sizonenko Z. L., Kraynova E. N. <i>Local initiatives as a resource for the development of civil society</i>	442
Zhukov A. Z., Makhov I. A., Shkakhova F. A. <i>Features of the development of the information security system in the Russian Federation: the problem of the relationship between legal and technological aspects</i>	402	PEDAGOGY AND LAW	
Zaydieva P. A., Aubova Sh. I., Lavarslanova M. G. <i>Innovative teachers: new approaches to personality education</i>	405	Nigmatullina I. V., Rassolova I. Yu., Mudarisov R. Z., Burganova A. A. <i>The main trends in the field of education in modern Russia</i>	444
Kodzokova L. A., Karchaeva K. A. <i>Phenomena of extremism and terrorism as topical problems of our time</i>	407	Panova O. S., Zinnatov R. R. <i>Sports law in the Russian Federation: actual problems of legal development and improvement</i>	446
Manukyan A. R. <i>Causes and forms of manifestation of the ideology of terrorism and extremism in adolescents and youth</i>	410	Smirnova M. I. <i>The negative impact of information overload on the information culture of students of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	448
PSYCHOLOGY AND LAW			
SOCIOLOGY AND LAW			
		Kogan O. S., Lifanova M. V., Chekryzhov A. V. <i>Psychological features of personality and problems of conflict for legal professionals</i>	451
		Rakhmatullina Z. B., Kovrov V. F. <i>The problem of loneliness of elderly people and approaches to its solution</i>	453

LANGUAGE AND LAW**Makayev Kh. F., Makayeva G. Z.**

Studying the terms of the legal sphere in the cognitive aspect as a guarantee of the development of the student's critical thinking 455

ECONOMY. LAW. SOCIETY**Bikmetov E. Yu., Kuznetsova E. V.,****Lartseva S. A., Ruvenny I. Ya.**

Key strategic decisions in marketing management 457

Zaytsev A. G., Golikov I. O., Poltorykhina S. V., Khapilina S. I.

Application of tools to improve economic security based on an institutional approach to the analysis of innovative transformations in the agro-industrial complex 460

Kaisarova V. P., Ermolina M. A.

Economic and legal aspects of the implementation of the goals in the field of sustainable development in the Russian regions 463

Naminova K. V.

Recommendations for scaling a startup 465

Nizamova G. Z., Gareeva Z. A., Khalitov R. I.

Analysis of the liquefied gas market in the Russian Federation 467

Novikova E. V.

Prospects for the development of the region in the context of import substitution (on the example of the Orel region) 470

Ignatjeva O. N., Sizonenko Z. L., Kovshechnikova V. A.

The current state of the organization of the activities of public authorities in the development of the digital economy in the Republic of Bashkortostan 473

Khalikova E. A., Kantor O. G., Ergasheva Sh. T., Huseynova N. Z.

Monitoring of key indicators as a tool for effective management of financial flows in the company 475

Saitbatalova V. T.

Characteristics of legal problems of regulation of production and sale of organic products 477

Dobryakhina O. P.

Implementation of cities digital transformation megaprojects: features and problems (the case of Moscow) 479

PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY**Borovoy E. M.**

Post-truth phenomenon as a tool for forming ordinary consciousness 483

Butenko A. K.

Problematic issues of the origin and genesis of historical consciousness 486

Vinogradova N. V., Tukaeva R. A.

Space ethics K. E. Tsiolkovsky: rationalism and humanism 488

Galiakhmetov R. N., Pagulych V. A.

Philosophical understanding of the conflict nature of interpersonal communication 490

Gorbachev S. B.

To the question of the need for autarky of the state in modern conditions 492

Elizarov M. V.

Cultural and historical origins of the idea of human rights in Russia and in Europe: a comparative analysis 495

Elkhova O. I., Kudryashev A. F.

Possibilities of using emotion artificial intelligence in the process of learning 498

Zubkov S. A.

Ecophilic Images of Vedic Philosophy 500

Izmailova D. I.

Issues of gender self-determination in the problem field of bioethics: social and philosophical aspect 503

Kabakhidze E. L.

Medieval dispute on universals: ancient past, phenomenological present and cognitive future 506

Muslimova L. F.

The absolute beginning of human as a subject of research of philosophy 508

Lobankova I. P.

Proto-town culture of Eurasia: socio-philosophical aspect 510

Maryushko A. V.

Synergetic and virtual aspects of public legal order and legal consciousness: a social and philosophical analysis 512

Pisareva A. V.

Sociocultural aspects in the synergistic nature of self-government 514

Oleshkova A. M.

Group identity as a construct and prototype (based on Internet communication materials) 516

Ravochkin N. N.

Modern world multitemporality: philosophical analysis 520

Timofeenko V. A., Serdyukova Yu. A., Samoylova I. N.

Philosophical and social analysis of the improvement of the institution of criminal liability of minors 522

Frolova I. V., Frolov K. A.

Emotional turn in modern linguistics: philosophical reflection 525

Diarov V. O.

Ontology of evolutionary epistemology 527

Seregin A. A.

The existential philosophy of solidarity and conflict 529

Abrarova Z. F., Lukmanova Yu. Sh.

Philosophical understanding of the state family policy in the relationship between the family and the state 531

Sabekiya R. B., Askarova G. B.

Sexual differentiation of being and gender scenarios in a globalized world 533

INFORMATION FOR AUTHORS 535

**Е. О. АНАНЬЕВА:
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВА**

Интервью с Ананьевой Екатериной Олеговной, кандидатом юридических наук, доцентом, доцентом института подготовки государственных и муниципальных служащих академии ФСИН России.

**E. O. ANANJEVA:
CIVIL LAW REGULATION OF ISSUES OF DIGITALIZATION OF SOCIETY**

Interview with Ekaterina Olegovna Ananjeva, Ph.D. in Law, Associate professor, associate professor of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia.

Ананьева Е. О.

Визитная карточка:

Ананьева Екатерина Олеговна - кандидат юридических наук, доцент, доцент института Академии ФСИН России по кафедре гражданского права и процесса. Автор учебных пособий «Правовая охрана интеллектуальной собственности», «Нормативно-правовое регулирование защиты прав потребителей», «Хозяйственное право», а также ряда статей: «Проблема правового положения электронных денег в Российской Федерации», «Правовые основы виртуальной жизни и последствия цифровизации», «Проблемы развития IT-отрасли в условиях ограничений: к вопросу о цифровизации гражданского общества в России», «Правовое регулирование цифровых объектов гражданских прав», «Правовое регулирование цифровизации гражданского общества». Участник группы по разработке программы «Безопасный город».

– Уважаемая Екатерина Олеговна, благодарим Вас за желание принять участие в беседе с читателями на страницах «Евразийского юридического журнала». Основным направлением вашей профессиональной научной деятельности является гражданско-правовое регулирование вопросов цифровизации общества. Что особенно вы отмечаете в этом направлении?

– Цифровизация, а вернее переход на нее отдельных направлений обеспечения жизнедеятельности граждан ведется достаточно давно. Первые пейджеры с возможностью сообщить абоненту информацию, первые телефоны сотовой связи, позволяющие быстро дозвониться человеку, затем делать фотографии и видео, все это хранить и иметь постоянно под рукой и многие подобные новшества с удовольствием принимались людьми, так как упрощали и позволяли разнообразить свою жизнь. Гораздо сложнее все стало с введением электронных средств платежа, а именно введение в действие пластиковых карт. Поскольку это нововведение касалось денежных средств, то есть средств существования обычного человека, то массовый ввод карт, перечисление на них заработной платы в обязательном порядке было достаточно проблематичным для принятия гражданским обществом. Жалобы руководству организаций и предприятий с указанием на нежелание получать зарплатные карты; маленькое количество банкоматов, способных выдать наличные денежные средства; невозможность получения заработанных средств в полном объеме из-за отсутствия в банкоматах для выдачи купюр соответствующего достоинства; оплата продуктов питания только наличными при отсутствии систем для перевода денежных средств не добавляло популярности таким цифровым технологиям. Конечно, все изменилось со временем. Сегодня, практически у каждого человека в руках находится «цифровая вселенная», в которой хранятся все его записи, фотографии, видеоматериалы, система оплаты, неограниченное количество денежных средств, книги, аудиозаписи,

его аккаунты в социальных сетях и многое другое. Благодаря цифровым технологиям мы имеем возможность наблюдать за своими домами и квартирами онлайн, можем общаться по видеосвязи между городами и странами, участвовать в конференциях и даже проводить видео занятия с неограниченным количеством пользователей – обучающихся. Это говорит о масштабности применения цифровых технологий и их уже неотъемлемом присутствии в нашей жизни. Даже для относительно одиноких людей уже существуют «виртуальные друзья» в виде умных колонок, с которыми можно просто поговорить, попросить включить музыку или почитать вслух книгу. Апогей такого симбионта для решения бытовых вопросов является система «умный дом», которая готова предупредить все желания своего хозяина. Такие примеры говорят об участии новейших технологий во всех сферах жизнедеятельности человека, в том числе, и очень личных, от которых сейчас вряд ли кто-то готов отказаться.

– Как Вы считаете, имеется ли достаточное количество нормативных правовых актов, регулирующих процессы цифровизации?

– В течение длительного периода времени, а это около 10 лет, предшествующих сегодняшнему периоду, в России было принято достаточно большое количество нормативно-правовых актов и государственных программ, так или иначе связанных со становлением в России информационного общества. Руководство нашего государства не могло не заметить изменений, происходящих в сфере IT-технологий, преимуществ, получаемых, благодаря им, да и процессы зарубежной политики по данному направлению не могли остаться незамеченными. Для того, чтобы соответствовать стандартам мирового сообщества, надо было начинать развивать и собственные IT-отрасли, и собственное законодательство, регулирующие подобные вопросы. Так, например, в Постановлении Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Россий-

ской Федерации «Информационное общество» была поставлена цель - достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы. Это касалось непосредственно вопросов цифровизации и внедрения цифровых технологий в системе здравоохранения, образования, а также государственного управления. Постановление упразднило отдельные нормативные правовые акты, которые уже не могли соответствовать современной политике государства в данной области. Оно привело в соответствие деятельность государственных органов и органов самоуправления, позволило апробировать пилотные проекты единой информационной системы управления кадровым составом государственной гражданской службы, позволило дать оценку не только состояния социально-экономического развития России и обеспечения национальной безопасности государства, но и динамику роста сектора информационно-телекоммуникационных технологий.

Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» устанавливает формирование цифровой экономики как одной из главных целей в развитии информационного общества. Это означает, что информатизация общества становится необходимым условием и объективной потребностью в развитии экономики, науки, образования, культуры, национальной безопасности нашей страны. Главная цель Указа состоит в укреплении «суверенного права государства» в определении информационной, экономической и технологической политики в национальных «сегментах сети». Такая цель не появилась из неоткуда. Всем нам известно, что на уровне международно-правовых отношений не существует правовых механизмов, которые позволяли бы регулировать цифровое информационное пространство. А реалии современности вообще приводят к мысли об отсутствии норм международного и международного частного права как такового. Защита же национальных интересов в данной сфере в связи с подобным положением становится приоритетным направлением. В стратегии определены первостепенная забота о сохранении национальных российских духовных и нравственных ценностей, приоритет защиты прав российских граждан в информационной среде, а это возможно только при переходе на отечественные технологические разработки и замене программного обеспечения, управляемого из-за рубежа.

Стоит отметить Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». В нем, кроме национальных целей сохранения населения, здоровья и благополучия людей, возможностей для их развития и самореализации, создания комфортной и безопасной среды для жизни, отмечена цифровая трансформация. То есть Указ предлагает в целях осуществления прорывного развития установить цифровую трансформацию как одну из приоритетных целей. Это означает достижение определенных высоких показателей по ключевым отраслям социальной сферы, таким как образование, здравоохранение, государственное управление. Обеспечение доступности услуг в электронном виде, широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для домохозяйств и решение вопросов по отечественному инвестированию российских технологий и процессов.

Дальнейшее развитие отечественной ИТ-индустрии будет определяться сочетанием глобальных и локальных тенденций. Внедрение информационных технологий в социально-экономическую сферу, государственное управление и бизнес должно продолжить курс на повышение произво-

дительности труда и качества жизни населения, повышение эффективности технологических, производственных и управленческих процессов в любой сфере экономики и на уровне обеспечения безопасности страны, способствовать росту оборонных возможностей. Ожидается широкое распространение и внедрение информационных технологий в областях здравоохранения, образования, науки, культуры, правоохранительной сфере, вооруженных силах, промышленности, сельском хозяйстве, финансах и транспорте.

Основой для таких возможностей стали новации, сделанные, в первую очередь, в гражданском законодательстве. Изменения, внесенные в ст. 128 ГК РФ, определили такие понятия, как цифровые права. Небольшое пояснение (соответственно, норма закреплена в статье 141.1 ГК РФ), она говорит о том, что цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых, определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным в законе признакам. Кроме этого, данная норма устанавливает объем осуществления, распоряжения, передачи и залога, а также обременения цифровых прав другими способами или ограничение распоряжением цифровым правом, которые возможны только в информационной системе и без обращения к третьим лицам. Такая норма дает основу для перевода определенных цифровых технологий в разряд объектов законодательного регулирования и, соответственно, защиты. Однако, на данный момент, законодатель не сделал попытки создания единого закона, который бы всецело мог регулировать цифровые права в виде объектов гражданских прав. Имеющиеся определения слишком широки для понимания, ведь в подобный спектр цифровых объектов могут попасть и бонусы систем платежей, и бонусы от участия в компьютерных играх. Очевидно, что с развитием цифровых технологий и растущим присутствием их в нашей жизни число объектов будет увеличиваться, а вопросы их защиты и защиты граждан от их вредоносного применения стоит прорабатывать уже сейчас.

— **Екатерина Олеговна, как Вы считаете, достаточно ли просто сегодня провести тотальную перестройку жизни гражданского общества и перевести многие направления его жизнедеятельности в цифровой формат?**

— В настоящее время в Российской Федерации создана система информационной безопасности в целом. Система информационной безопасности постоянно совершенствуется и направлена на повышение ее эффективности. К началу 2021 года, по статистическим данным мониторинга, число «пользователей Интернета, у которых за последние 12 месяцев не было проблем с информационной безопасностью, достигла в общей сложности 71,1 % населения, использующего Интернет». При этом новый этап цифровой трансформации представляет угрозу информационной безопасности не только для государства, но и для человека и общества в целом. По данным МВД РФ, за 7 месяцев 2020 года количество преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, выросло на 94,6 % по сравнению с соответствующим периодом 2019 года. Большая часть из них коснулась цифровых финансовых активов населения. Но есть и такие, как цифровая кража личности, когда с помощью определенных технологий к человеку, схожему с исходной личностью по параметрам могут подставить лицо абонента и создать определенные видео и фотомонтажи. Для небольшого количества рядовых граждан страны проблемой стали полные совпадения их фамилии, имени и отчества, с лицами, совершившими в регионах какие-либо наруше-

ния законодательства, либо имеющие проблемы с исполнительным производством, которые были использованы сотрудниками различных правоохранительных органов для применения соответствующих видов санкций. Примером, имеющимся в открытом доступе для каждого, можно рассмотреть сегодняшнюю рекламу мегафон, которая постоянно появляется на телеэкранах. В ней благодаря цифровым технологиям происходит совмещение лица одного человека – известного мирового актера, с телом другого. Общее впечатление, что именно известная личность принимает участие в съемках данного рекламного продукта.

Также отмечается, что растет количество бытовых киберпреступлений, происходит массовая утечка персональных данных граждан, что, в свою очередь, является эффективным инструментом мошенников для обмана граждан и злоупотребления их доверием, а также для дискредитации электронных сервисов государства. Невозможно бороться только карательными мерами против киберпреступности такого масштаба. Требуется дальнейшего упорядочения распространения рекламной продукции, услуг и приведение их в соответствии с правилами обеспечения безопасности государственных структур, обеспечивающих защиту от информационного насилия.

Фундаментальные результаты по названным направлениям могут быть достигнуты только при условии создания необходимых условий для безопасного и эффективного взаимодействия государства, бизнеса и граждан на государственном уровне. В настоящее время состояние средств массовой информации и СМИ в Российской Федерации характеризуется тенденцией к стабилизации и динамичному восстановлению после кризиса 2020 года, вызванной пандемией новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и связанными с ней ограничениями. В 2020 году был реализован широкий спектр вещательных, печатных СМИ, книгоиздательских, интернет-ориентированных государственных услуг, а также приняты дополнительные меры по поддержке средств массовой информации, полиграфической продукции и медиаиндустрии в целом.

Этот год можно считать сильным толчком к идее стремительного развития IT-отрасли. Хотя стоит отметить, что не все направления государственной политики и органов исполнительной власти начали стремительное изменение и переход на цифровые технологии именно в год появления новых социальных рисков. Например, государственная корпорация «Росатом» уже давно создает для себя отечественные технологии, дабы ее деятельность не была в зависимости от настроений зарубежных партнеров и стоимостных характеристик необходимого продукта. Корпорация является лидером цифровизации в России и уже начинает поставлять уникальные отечественные разработки для их внедрения на предприятия государства, да и в целом, для установления режимов безопасности в стране. Что стоит только одни системы «безопасный город» или возможности проведения оплат по скану лица. Например, введенная в г. Сочи автоматизированная система безопасности, действующая на множестве объектов, сделала город, несмотря на огромное количество туристов и разочарования преступников, одним из самых безопасных в стране. Каких-либо серьезных криминальных явлений в городе-курорте уже давно не наблюдается. Сами жители оценивают уровень безопасности в городе, как высокий.

— Екатерина Олеговна, Вы достаточно много знаете о правовом регулировании цифровизации, о технологиях, используемых для обеспечения безопасности граждан. Какие на Ваш взгляд направления в цифровизации

экономического сектора могут стать интересными и перспективными?

– Если касаться сферы экономики, то тут достаточно широкое поле для внедрения цифровых технологий и получения прибыли. Эта сфера, конечно, связана с предпринимательской деятельностью. Поскольку пандемия коронавируса ввела определенные ограничения для граждан на передвижения с использованием общественного транспорта, создала трудности для личного общения, посещений определенных учреждений во внеучтенном порядке, то это и стало первоочередным направлением цифровизации.

Примером подобного симбионта решения вопроса безопасности граждан является цифровые сервисы такси, такие как Яндекс, Убер, Гетт. В некоторых государствах подобных сервисов просто нет (Германия, Болгария, Венгрия, Китай). Цифровые технологии в области здравоохранения позволяют не только реализовать возможность применения электронных записей к специалистам в удобное для пациента время, но и получение данных о готовности результатов проведенной диагностики и их результатов на электронную почту или иные имеющиеся у клиента системы оповещения без дополнительных посещений лечебных учреждений с минимизацией контактов с больными гражданами.

Переход бизнеса на интернет платформы подтверждается активным и массовым развитием деятельности интернет-магазинов. И мы в этом очень далеко продвинулись вперед.

Крупномасштабные отрасли промышленные проекты, в которые инвестируются сотни миллиардов рублей не отстают и в нашем государстве. Примером такого масштабного направления отечественного развития является «Индустрия 4.0». Основные решения включают искусственный интеллект, дополненную реальность, симуляторы виртуальной реальности для промышленной безопасности, беспилотные летательные аппараты для промышленных инспекций, навигационные устройства и др. В качестве примера можно привести аграрный комплекс. Рабочие во время полевых работ могут получить консультации по работе с оборудованием от удаленных за тысячи километров консультантов. Такие же промышленные ассистенты имеются и в иных направлениях промышленного комплекса России. Или другой пример. У промышленных компаний есть запрос на мониторинг производственных мощностей для быстрого обнаружения аномалий. С помощью этой функции беспилотные летательные аппараты, покрывающие территорию, например, обнаруживают превышение концентрации метана в воздухе. Это очень важно для обеспечения безопасности газоснабжения населения. В результате эти технологии обеспечивают более эффективную и безопасную работу промышленных предприятий. На Дальнем Востоке с помощью таких дронов выявляют также наличие возгораний в лесах.

Однако такие технологии востребованы не только в нашем государстве. Сегодня они интересны и для других стран. Как указал в своем интервью глава КРОК Борис Бобровников, то по заказу ОАЭ совместно с компанией NNTC был разработан автономный комплекс распознавания лиц, созданный на основе взаимосвязи искусственного интеллекта и дополненной реальности. Такие технологии позволяют обеспечить безопасность граждан в местах массового скопления людей, на крупных мероприятиях.

Конечно, ни один бизнес не может обойтись без кадрового состава. Сегодня учет кадрового оборота встал на цифровые рельсы. Это облегчает работу сотрудников: позволяет вести цифровой учет приема на работу и увольнения, удаленно проводить собеседования и заключать трудовые догово-

воры, вести учет электронных больничных листов. Это весьма экономит время и позволяет вести трудовые отношения даже не контактируя с работодателем. Такая организация удобна для дистанционных работников, которые проживают не по месту нахождения работодателя.

Привязка таких технологий к portalу госуслуг, с другой стороны, позволяет гражданину увидеть информацию о своей трудовой деятельности: о перечислении за него работодателем страховых взносов, ведении электронной трудовой книжки, формировании пенсии. Такие процессы оптимизации деятельности приемлемы для любых коммерческих и некоммерческих предприятий и организаций. Теперь оплата листов временной нетрудоспособности, например, исходит непосредственно из Фондов социального страхования, а не проходит этап оплаты работодателем, сбора, обработки и направления информации от работодателя в Фонд и получения компенсации от Фонда.

– И все же чувствуется, что Вы отдаете предпочтение цифровизации жизнедеятельности гражданского общества, а не глобализации таких процессов в крупных масштабах. Почему так?

– Вероятно, это связано с моей достаточно длительной службой в правоохранительной сфере. Первые цифровые технологии применялись в ней в связи с расширением перечня мер, применяемых в виде санкций за совершенные правонарушения. И решение таких проблем лежало в основе моей работы. Контроль за лицами, принуждаемыми к соблюдению установленных законами правил деятельности и поведения, осуществление профилактики совершения повторных правонарушений с их стороны и обеспечение безопасности граждан являлось конечной целью работы. Именно тогда начались разработки первых цифровых систем «Безопасный город», в работе над которой в достаточно большой группе разных специалистов мне довелось принимать участие. Видимо, это наложило свой отпечаток и на мои дальнейшие исследования и на взгляды. Я уверена, что цифровизация, как требует глава государства, в течение достаточно короткого периода времени затронет каждого из нас. Она, в первую очередь, должна обеспечить достойный уровень комфорта, организации жизнеобеспечения и безопасности человека и гражданина при соблюдении его конституционных прав и законных интересов. Внедрение искусственного интеллекта позволит изменить отдельные сферы жизнеобеспечения полностью и проводить одновременно анализ больших данных. «Наша страна на разных этапах успешно решала амбициозные задачи технологического и пространственного развития, уникальными темпами строила железные дороги на рубеже XIX–XX веков, проводила электрификацию в двадцатых – тридцатых годах прошлого столетия. Но наши планы всеместного внедрения искусственного интеллекта, цифровой трансформации по глубине изменений во всех сферах аналогов не имеют», – говорит Владимир Владимирович Путин. Несмотря на такие глобальные планы, в первую очередь Президент РФ указывает, что, несмотря на развитие нейросетей и их привязки к большим данным, в том числе к государственным массивам информации в различных областях, главным направлением должны стать пресечение утечки информации и ликвидация любых рисков кражи персональных данных российских граждан. Правительством РФ в ближайшее время должны быть приняты стратегии цифровой трансформации десяти ключевых секторов местной экономики и социальной сферы. Практические же меры по внедрению искусственного интеллекта в работу должны стать надежными помощниками

врачей, изменить города и широко использоваться в муниципальной экономике, транспорте и промышленности.

Уже сегодня большинство государственных услуг оказывается населению автоматически, то есть по факту возникновения у человека определенной жизненной ситуации. Сейчас это называется оказание услуг в проактивном режиме.

Такое положение самое верное. Ведь только стабилизировав сферу, обеспечивающую жизнедеятельность и безопасность гражданского общества, не подорвав доверие населения, улучшив его обеспечение, можно развивать цифровую экономику. На бытовом уровне этом может быть представлено развитием производства товаров двойного, а может быть и тройного назначения (например: содействующие удовлетворению потребностей бытового характера, обеспечивающее безопасный уровень их удовлетворению и ведущее учет использования соответствующей энергии). На технологическом уровне вместе с развитием и использованием инновационных технологий представляющих возможность (не выходя из дома или офиса) решать самые актуальные научно-технические вопросы, требуется обеспечение защиты от несанкционированного вмешательства кого бы то ни было. Механизм обеспечения защиты от постороннего вмешательства должен быть не менее простым, чем существующая форма доступа проникновения к личным данным. Здесь можно ставить вопрос о создании системы специальных служб в рамках деятельности и правоохранительных либо других (технических) структур, с помощью которых, оперативно стало быть возможным решение неотложных вопросов и получение гражданами помощи от несанкционированных вмешательств и попыток воздействий. Особенно это важно для защиты детей, пользующихся электронными ресурсами.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что развитие цифровизации общества достигла уже достаточно хорошего уровня, но первое, очень важное действие, которое на наш взгляд важно сделать и над чем уже работают специалисты – обеспечить проведение цифровизации всех сторон жизнедеятельности людей в нашей стране за счет отечественных ресурсов. Это позволит решить вопросы, и обеспечения национальной безопасности на новом уровне и защитить права, свободы и активность граждан, желающих внести свой вклад в социально-экономическое развитие нашей страны.

Уверена, что задачи, поставленные руководством нашей страны в направлении цифровизации всех сторон жизнедеятельности общества, будут успешно решаться.

– Скажите, а каким изысканиям в области цифровых технологий и правовой поддержки Вы сегодня отдали бы свое предпочтение?

– Таких направлений я бы отметила несколько.

Во-первых, как мать, я бы хотела обезопасить наших детей от пагубного влияния социальных сетей и отдельных сайтов, которые позволяют себе воздействие на неустоявшуюся детскую психику и пытаются вовлечь подростков в различные «секты», либо посредством участия в определенного рода компьютерных играх склонять к деструктивным формам поведения. Причем такие продукты нередко приводят к попыткам суицида. И об этих явлениях-случаях известно из печальных примеров.

Известна также проблема защиты детей от кибербуллинга, которые также проявлялись в отдельных школах и иных учебных заведениях. При этом ответственность не стоит перекладывать на родителей, разве что только по возмещению морального ущерба, а для непосредственных участников таких акций стоит применять программы психологического восстановления поведения в обществе.

Не стоит сбрасывать со счетов кибератаки в соцсетях от злоумышленников, направленные на подрыв устоев семьи и вбивания в головы детей идей об их неустановленной половой принадлежности независимо от уже имеющегося гендера.

Во-вторых, защита от спама. Звонки с предложением кредитов и реклама ненужных продуктов порой нарушают нормальную жизнь граждан, не нуждающихся в такой информации. Предложения, которые начинаются с обращения по имени и отчеству абонента говорят об утечке информации о гражданине. Такое положение может не только скомпрометировать и посягнуть на честь, достоинство и деловую репутацию, но и позволить преступным элементам обмануть честного гражданина. Сразу встает вопрос о том, каким образом базы данных о гражданах России попадают в руки злоумышленников. И, что немаловажно, доказать такое преступление практически невозможно без специальных цифровых технологий, которые бы контролировали пользование такими базами и распоряжение ими со стороны сотрудников и должностных лиц, которые обязаны их оберегать.

И в-третьих, мошеннические действия, связанные с кражей денежных средств со счетов клиентов банков. Ранее я уже говорила об активизации киберпреступлений, которые свой апогей набрали в период введения ограничений при коронавирусной инфекции, то есть 2019-2021 годы. Преступления вновь связаны с утечкой уже банковской информации о клиентах, их полном имени, счетах и т.д. Психологическое воздействие, приятный голос и убедительные данные, которыми апеллируют преступники к клиенту, заставляет последнего верить в предоставленную им информацию. По данным Генеральной прокуратуры посредством сети интернет и средств мобильной связи было совершено 318,4 тыс. фактов подобных преступлений. При этом система возмещения при таких переводах в банках не предусмотрена. Сколько времени необходимо было доказывать о необходимости усложнения условий получения кредитов (личное участие, индивидуальное собеседование и личная подпись). Доказать, что лицо под чьим то воздействием осуществляло переводы невозможно. А ведь банкам достаточно было начать проведение разъяснительных компаний и установление дополнительных барьеров для профилактики мошенничества и разъяснять гражданам возможные варианты действий. Сейчас это делается, но сколько граждан осталось без своих сбережений, которые никто восстанавливать не собирается. Судебные прецеденты по возврату денежных средств путем страховки счетов также невозможны поскольку состав преступления надо еще установить, что достаточно сложно сделать.

В-четвертых, было бы интересным подключение обучающихся к библиотекам ВУЗов, в которых они получают образование. Например, в Академии ФСИН России имеются уникальные издания, да и сама библиотека насчитывает огромное количество необходимой для дополнительной самостоятельной работы студентов литературы. В период пандемии и после нее для студентов были введены ограничения на посещение библиотеки, хотя для курсантов таких ограничений не было. Думается, что подключение к читальному залу на бесплатной основе посредством программного обеспечения было бы замечательным подспорьем для обучающихся. Но пока ВУЗы могут предложить не собственный библиотечный фонд, а работающие в России иные библиотеки типа Знаниум.

Вот на такие разработки я бы посоветовала обратить внимание. Применение подобных защитных технологий уже

проще закрепить нормами законодательства, когда они будут в наличии. Ведь основа для их применения уже есть.

— **Уважаемая Екатерина Олеговна, благодарим Вас за интервью! Желаем Вам дальнейших профессиональных успехов! В заключение нашей беседы хочется задать Вам традиционный вопрос: что бы Вы хотели пожелать редколлегии, авторам и читателям Евразийского юридического журнала?**

— Я благодарю за возможность выступить на страницах вашего журнала и поделиться своими суждениями по одному из важнейших вопросов развития нашего государства – гражданско-правового регулирования вопросов цифровизации общества.

Евразийский юридический журнал длительное время является одним из самых популярных в нашей стране и ближнем зарубежье, так как авторы, публикующие в нем свои материалы, всегда поднимают самые животрепещущие вопросы и, при этом, они часто дают варианты решения обсуждаемых проблем в виде внесения проектов изменений в действующее законодательство.

Стабильность издания поддерживается прогрессивными идеями и начинаниями, которые позволяют держать высокую планку актуальности и востребованности издания. Хочу пожелать энергии в поисках интересных материалов и активного сотрудничества с исследователями, предлагающими интересные темы и вопросы для обсуждений, в т.ч. содержащих ресурсы появления законодательных проектов.

Я хотела бы также передать привет и пожелать успехов моим коллегам и руководству Академии и Института Академии ФСИН России, которые своим кропотливым трудом создают прекрасную базу для получения по утвержденным направлениям современного профильного образования.

Желаю всем авторам и читателям творческих успехов, научных достижений, благополучия и здоровья, что сегодня является самым актуальным! Спасибо!

Интервью брали:

Бондаренко Александр Викторович
заместитель главного редактора
Евразийского юридического
журнала, кандидат
философских наук, доцент

Лукиянов Михаил Юрьевич
ответственный редактор
Евразийского юридического
журнала, кандидат политических
наук, доцент

ПАВЛОВА Мария Александровна

заместитель начальника отдела правовой экспертизы решений Комиссии Правового департамента Евразийской экономической комиссии

О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Настоящее исследование направлено на рассмотрение актуальных вопросов выхода Российской Федерации из Совета Европы, и, следовательно, из Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и как следствие необходимостью создания Евразийского суда по правам человека в целях реализации Евразийской конвенции о правах и основных свободах человека.

Цель. Определить возможные пути реализации права граждан государств-членов Евразийского экономического союза на защиту их прав и основных свобод в рамках функционирования Евразийского экономического союза.

Задачи. Выделить пределы и объемы компетенции Евразийского экономического союза, установленной Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, в сфере возможности защиты прав граждан государств-членов Евразийского экономического союза, определить правовые основания для создания судебного органа в обозначенных целях и разработать евразийскую конвенцию для обеспечения защиты прав и основных свобод человека и гражданина в рамках функционирования Евразийского экономического союза.

Методология. В настоящей работе с помощью методов логического, сравнительного и прогностического анализа выявлены факторы в целях реализации эффективного механизма защиты прав и основных свобод человека и гражданина в рамках функционирования Евразийского экономического союза.

Результаты. Исследование показало, что Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года не предусматривается создание судебного органа, целью деятельности которого была бы защита прав и основных свобод человека и гражданина государств-членов Евразийского экономического союза. Вместе с тем Евразийский экономический союз обладает мощными правовыми, организационными инструментами, позволяющие выработать концепцию евразийской системы защиты прав и основных свобод человека и гражданина. Предлагаемая для анализа концепция позволит защищать национальные права и свободы граждан евразийских стран.

Выводы. Целесообразно рассмотреть вопрос о разработке и принятии изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года в части создания судебного органа – Евразийского суда по защите прав (ЕСПЧ) и дальнейшего построения евразийской правовой системы в этой сфере.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Совет Европы, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейский суд по правам человека, Евразийский суд по правам человека, Евразийская конвенция о правах и основных свободах человека.

PAVLOVA Mariya Aleksandrovna

Deputy Head of the Department of legal expertise of decisions of the Commission of the Legal Department of the Eurasian Economic Commission

ON THE NEED TO CREATE A EURASIAN COURT OF HUMAN RIGHTS

The present study is aimed at considering topical issues of the withdrawal of the Russian Federation from the Council of Europe, and, consequently, from the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, and as a consequence, the need to create a Eurasian Court of Human Rights in order to implement the Eurasian Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms.

Aim. To determine possible ways to implement the right of citizens of the member states of the Eurasian Economic Union to protect their rights and fundamental freedoms within the framework of the functioning of the Eurasian Economic Union.

Tasks. To identify the limits and scope of the competence of the Eurasian Economic Union, established by the Treaty on the Eurasian Economic Union

of May 29, 2014, in the field of the possibility of protecting the rights of citizens of the member States of the Eurasian Economic Union, to determine the legal grounds for the establishment of a judicial body for the designated purposes and to develop a Eurasian convention to ensure the protection of human and civil rights and fundamental freedoms within the framework of the functioning of the Eurasian Economic Union.

Methods. In this paper, using the methods of logical, comparative and prognostic analysis, factors have been identified in order to implement an effective mechanism for protecting human and civil rights and fundamental freedoms within the framework of the functioning of the Eurasian Economic Union.

Results. The study showed that the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 does not provide for the creation of a judicial body whose purpose would be to protect the rights and fundamental freedoms of man and citizen of the member States of the Eurasian Economic Union. At the same time, the Eurasian Economic Union has powerful legal and organizational tools that allow us to develop a concept of the Eurasian system for the protection of human and civil rights and fundamental freedoms. The concept proposed for analysis will allow protecting the national rights and freedoms of citizens of Eurasian countries.

Conclusion. It is advisable to consider the development and adoption of amendments to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 regarding the creation of a judicial body – the Eurasian Court for the Protection of Rights (ECHR) and the further construction of the Eurasian legal system in this area.

Keywords: The Eurasian Economic Union, the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014, the Council of Europe, the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the European Court of Human Rights, the Eurasian Court of Human Rights, the Eurasian Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms.

Павлова М. А.

16 марта с.г. Российская Федерация вышла из Совета Европы. Как заявили в Министерстве иностранных дел Российской Федерации, «государства НАТО и Евросоюза, злоупотребляя своим большинством в Совете Европы, последовательно превращают эту организацию в инструмент антироссийской политики»¹.

Сотрудничество между Советом Европы и СССР, Россия, ведет свой отсчет с 1989 года, когда Парламентская Ассамблея Совета Европы установила связи с Верховным Советом СССР, предоставив ему статус «специально приглашенного». В январе 1992 года решением Бюро Ассамблеи этот статус был передан Верховному Совету Российской Федерации. 7 мая 1992 года Россия подала заявку на вступление в Совет Европы в качестве полноправного члена. Официальная церемония приема Российской Федерации в Совет Европы состоялась 28 февраля 1996 года. Разумеется, этому предшествовала большая и весьма сложная работа, проделанная государственными структурами по вступлению Российской Федерации в Совет Европы.

Войдя в организацию, Россия стала участвовать в процессе формирования единого правового и гуманитарного пространства, а также реализации провозглашенной в статье 1 Устава Совета Европы цели достижения «большого единства между его государствами-членами... и содействия их экономическому и социальному прогрессу»². Наиболее эффективным инструментом ее реализации являются, вне всякого сомнения, конвенции и другие международные договоры.

Парламентской ассамблеей Совета Европы были сформулированы обязательства России при ее вступлении в Совет Европы. Главным образом, они касались приведения законодательства в соответствие с европейскими стандартами, налаживания и развития политических взаимоотношений с соседними странами, а также важнейшим условием стало – ратификация европейских конвенций. Среди таких документов по вопросам защиты прав и основных свобод человека Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и основные протоколы к ней³; Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания⁴; Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств⁵; Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам⁶ и др.

В этом году исполнилось 26 лет с момента вступления Российской Федерации в Совет Европы, однако сотрудничество прекратилось вместе с последующим прекращением распространения действия указанных конвенций на территории Российской Федерации, поскольку таковые являются неотъемлемой частью процесса выхода из Совета Европы. Более того, обозначенные в статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁷, субъекты Российской Федерации не смогут более подавать жалобу (с даты денонсирования Конвенции или после окончания переходного периода (в случае такового)).

В заявлении Министерства иностранных дел Российской Федерации говорится, что «Россия всегда была настроена на

равноправное сотрудничество в рамках Совета Европы в интересах своих граждан. За эти годы совместными усилиями многое удалось сделать для развития российского законодательства и правоприменительной практики, укрепления системы обеспечения прав человека в нашей стране, в том числе путем внедрения норм Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) и практики Европейского Суда по правам человека в российское законодательство». Вместе с тем, не стоит забывать, что Россия является также участником иных международных договоров по правам человека, заключенных в рамках ООН. Это и Всеобщая декларация прав человека⁸, Международный пакт о гражданских и политических правах⁹, Конвенция о правах ребенка¹⁰, Конвенция о правах инвалидов¹¹, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации¹², Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах¹³ и другие договоры, которыми гарантируется более широкий спектр прав и свобод человека, чем европейскими документами. Более того, в конституционных положениях Российской Федерации имеются гарантии, которые прямо вытекают из международных конвенций. Петр Толстой напоминает, что большинство норм международного права (в том числе Совета Европы) уже имплементированы в российское национальное законодательство¹⁴. Вместе с тем, представляется необходимым проработать вопрос о комплексном анализе действующих норм российского права касательно прав и свобод человека, с тем, «чтобы выход из Совета Европы никоим образом не сказался на правах граждан»¹⁵.

Таким образом, мы сталкиваемся с обстоятельством невозможности обращения в Европейский суд по правам человека, в связи с чем, создание Евразийского суда по правам человека представляется весьма перспективным.

В Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о ЕАЭС) одним из органов Евразийского экономического союза является Суд Евразийского экономического союза (статья 8). Статутом Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к указанному Договору) определено, что целью его деятельности является обеспечение единообразного применения государствами-членами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и органами ЕАЭС Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС, международных договоров ЕАЭС с третьей стороной и решений органов ЕАЭС. Более того, пунктами 39 – 41 указанного Статута сформулированы субъекты возможного обращения в Суд ЕАЭС и вопросы, входящие в компетенцию рассмотрения этого Суда. В частности, Суд ЕАЭС рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС и (или) решений органов ЕАЭС¹⁶:

1) по заявлению государства – члена ЕАЭС:

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/14079583>.

2 Устав Совета Европы (ETS N 1) [рус., англ.] (Принят в г. Лондоне 05.05.1949). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

3 Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

4 Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ETS N 126) [рус., англ.] (Заключена в г. Страсбурге 26.11.1987). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

5 Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (ETS N 157) [рус., англ.] (Заключена в г. Страсбурге 01.02.1995). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

6 Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Заключена в г. Страсбурге 20.04.1959). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

7 Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

8 Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

9 Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

10 Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

11 Конвенция о правах инвалидов (Заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

12 Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Заключена 21.12.1965). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

13 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/03/16/posle-26-let-tshchitnyh-popytok-naladit-dialog-rossia-vyhodit-iz-soveta-evropy.html>.

15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6231a2029a79474abeb466bb>.

16 Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. Евразийская экономическая комиссия. - М., 2016. - С. 680.

о соответствии международного договора в рамках ЕАЭС или его отдельных положений Договору о ЕАЭС;

о соблюдении другим государством-членом ЕАЭС (другими государствами – членами ЕАЭС) Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС и (или) решений органов ЕАЭС, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений;

о соответствии решения Евразийской экономической комиссии или его отдельных положений Договору о ЕАЭС, международным договорам в рамках ЕАЭС и (или) решениям органов ЕАЭС;

об оспаривании действия (бездействия) Евразийской экономической комиссии;

2) по заявлению хозяйствующего субъекта:

о соответствии решения Евразийской экономической комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках ЕАЭС, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках ЕАЭС прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;

об оспаривании действия (бездействия) Евразийской экономической комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках ЕАЭС прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Вместе с тем предусматривается, что государства-члены ЕАЭС могут отнести к компетенции Суда ЕАЭС иные споры, разрешение которых этим Судом прямо предусмотрено Договором о ЕАЭС, международными договорами в рамках ЕАЭС, международными договорами ЕАЭС с третьей стороной или иными международными договорами между государствами – членами ЕАЭС.

Анализируя, таким образом, положения международного договора, можно констатировать, что вопросы защиты прав и основных свобод граждан ЕАЭС, и, в частности, граждан России, не входят и не могут войти в сферу компетенции Суда ЕАЭС. Следовательно, разумным представляется создание дополнительного органа ЕАЭС – Евразийского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) – путем внесения соответствующих изменений (дополнений) в Договор о ЕАЭС. Необходимо обратить внимание, что при условии функционирования такого суда не только граждане Российской Федерации, но и граждане Республики Армения, Республики Беларусь, Кыргызской Республики, Республики Казахстан смогут обращаться в ЕСПЧ с целью восстановления их нарушенного права. Важно то, что на сегодняшний день не следует торопиться с разработкой и принятием Евразийских конвенций, поскольку в каждом евразийском государстве в той или иной степени закреплены основные права и свободы гражданина. Первоочередной задачей остается закладка правовых оснований деятельности ЕСПЧ в Договоре о ЕАЭС, включая разработку Статута ЕСПЧ. Следующая уже задача – выработка предложений государствами – членами ЕАЭС при участии органов ЕАЭС, возможно, в том числе, приглашение уполномоченных по правам человека, правозащитников, научных деятелей, «борцов за права человека», в конце концов граждан государств – членов ЕАЭС (например, из числа граждан Российской Федерации, чьи дела не будут уже рассмотрены в Европейском суде по правам человека) для работы над проектом Евразийской конвенции о правах и основных свободах человека.

Следует отметить, что за основу при наложении текста на бумагу может лечь Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека¹⁷, которая была ратифицирована Россией, Таджикистаном и Белоруссией и вступила в силу для них 11 августа 1998 года, Киргизией ратифицирована 21 августа 2003 года и тогда же вступила в силу, при этом подписана, но не ратифицирована

Грузией, Арменией и Молдавией. Преследуя цель – охватить все грани и плоскости гражданских, политических, экономических, социальных, культурных, экологических и др. прав и свобод человека и гражданина не мало важным видится и имплементация в проект Евразийской конвенции о правах и основных свободах человека международных документов (инструментов) по правам человека – деклараций, принимаемых Генеральной Ассамблеей ООН, и конвенций, которые представляют собой многосторонние договоры, в том числе, заключенные и применяемые сегодня в рамках Европейского союза.

Пристатейный библиографический список

1. Устав Совета Европы (ETS N 1) [рус., англ.] (Принят в г. Лондоне 05.05.1949). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
3. Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ETS N 126) [рус., англ.] (Заключена в г. Страсбурге 26.11.1987). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
4. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (ETS N 157) [рус., англ.] (Заключена в г. Страсбурге 01.02.1995). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
5. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Заключена в г. Страсбурге 20.04.1959). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
6. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. Евразийская экономическая комиссия. – М., 2016. – С. 680.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
8. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
9. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
10. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
11. Конвенция о правах инвалидов (Заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
12. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Заключена 21.12.1965). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
13. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
14. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/03/16/posle-26-let-tshchetnyh-popytok-naladit-dialog-rossiia-vyhodit-iz-soveta-evropy.html>.
16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6231a2029a79474abeb466bb>.
17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». <https://tass.ru/politika/14079583>.

17 Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-22-24

АЛИЕВ Шапи Изиевич

кандидат юридических наук, доктор социологических наук, доцент, директор Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений, доцент кафедры экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

ИБРАГИМОВ Мурад Татамович

старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

ТАИЛОВА Айша Габибовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

РОЛЬ ВОЗ И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

В статье рассматривается роль ВОЗ в период пандемии COVID-19. Уделяется основное внимание нормативно-правовой базе, имеющейся в распоряжении Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). На основе изучения позиции некоторых государств в период пандемии и действий ВОЗ, приводятся доказательства того, что текущая геополитическая конъюнктура по-прежнему считает национальный суверенитет максимой. В статье подчеркивается актуальность принятия системной перспективы в практике современного международного права, которое, несмотря на свои недостатки, все же должно использоваться как инструмент для мира и международного сотрудничества.

Ключевые слова: пандемия, международное право, ВОЗ, международное сотрудничество.

ALIEV Shapi Izievich

Ph.D. in Law, Ph.D. in sociological sciences, associate professor, Director of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, associate professor of Economics and the legal and educational disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in the city Izberbash

IBRAGIMOV Murad Tatamovich

senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of Economics and the legal and educational disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in the city Izberbash

THE ROLE OF WHO AND INTERNATIONAL LAW DURING THE PANDEMIC

The article examines the role of WHO during the COVID-19 pandemic. The main attention is paid to the regulatory framework available to the World Health Organization (WHO). Based on the study of the position of some states during the pandemic and the actions of WHO, evidence is provided that the current geopolitical situation still considers national sovereignty a maxim. The article emphasizes the relevance of adopting a systemic perspective in the practice of modern International law, which, despite its shortcomings, should still be used as a tool for peace and international cooperation.

Keywords: pandemic, international law, WHO, international cooperation.

Создание Организации Объединенных Наций (ООН) представляет собой раскол между классическим и современным международным правом. В этой организации можно увидеть ряд структурных преобразований, которые мир перенес после Второй мировой войны; таким образом был установлен глобальный порядок, основанный на правовых предпосылках, которые запустили процесс моделирования новой международной системы, способствующей культурному, экономическому, идеологическому и нормативному обмену между глобальным и локальным уровнями.

По сравнению со своим предшественником, современное международное общество базируется на иных основаниях и принципах (социальных, правовых, экономических) и, соответственно, требует создания новых правовых парадигм. Поэтому современное международное право строится на инструментах, которые можно считать идеологическими и нормативными векторами регулирования общества и источником производства и конструирования международных норм.

Вирусная пандемия COVID-19 («коронавирусная болезнь 2019») становится одним из самых серьезных вызовов, с которыми челове-

чество сталкивается в своей новейшей истории. Ответственный за драму глобального масштаба, коронавирус тяжелого острого респираторного синдрома («SARSCoV-2») не заботится о культурных, религиозных или политических пристрастиях. Национальные рамки, равно как и транснациональные бюрократические границы, не имеют для этого микроорганизма никакого значения. Коронавирус смог пересечь все границы, творчески установленные человеком. В своей молекулярной простоте и абсолютном отсутствии идеологической озабоченности вирус показал, насколько некомпетентно человечество в решении глобальных вопросов.

Существующая модель международного регулирования потерпела крах. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) неуверенно отмахивалась от своей ответственности, в последнее время рассылая первые официальные уведомления о бедствии. Когда ВОЗ наконец начала выстраивать свою стратегию, пытаясь реализовать импровизированный мировой план, для тысяч жертв было уже слишком поздно. Вирус уже распространился по всему миру.

Некоторые национальные лидеры предпочли сосредоточиться на мессианских речах, используя ситуацию для по-

лучения местной политической выгоды, сосредоточившись на маневрах, которые принесут им пользу на предстоящих выборах.

Когда пандемия приобрела конкретные очертания, отчаяние перешло в отчаяние, что привело к правовым актам, настолько ужасным, что некоторые крупные государства были обвинены в международном пиратстве за незаконный захват медицинских препаратов, принадлежащих другим государствам. Приближаясь к варварству, политическая реакция на пандемию обнажила институциональные регалии, которые в один прекрасный день, казалось, были установлены. В рамках этой новой парадигмы последняя надежда остается в руках старого и часто пренебрегаемого друга человечества. Наука, чье финансирование было исчерпано многими политическими лидерами, обвинявшими ее в безвозмездности или ненужности, теперь призвана творить чудеса. Она должна спасти всех, чтобы мы могли вернуться к своей повседневной жизни, как будто ничего не произошло.

Пандемия и, что более важно, наша реакция на нее могут стать для человечества ценным шансом созреть для нового мирового порядка.

На наш взгляд, нам необходимо создать новую концепцию международного права с размерным воздействием на его интерпретацию. Такая концепция должна опираться на уважение к человечеству как нормативный принцип и неизбежный вывод о том, что национальный суверенитет не может оставаться неоспоримой максимой над вызовами, с которыми сталкивается человечество в глобальном масштабе.

Отходя от государственно-центричной модели, современное международное общество характеризуется широкой взаимосвязью различных международных актов, что выражается в интенсификации транснациональных взаимодействий через международные практики публичного и частного характера, включая экономические практики, взаимодействие между народами и властными отношениями между центром и периферией.

Вследствие плюрализирующего процесса в структуре международного права оно перестает быть исключительно государственно-центричным правовым режимом. Международное право выходит за рамки определённого государства. Оно может влиять на жизнь людей посредством мер, направленных на уважение его субъектов, как инструмент реализации их социальных прав.

В этом контексте ООН взяла на себя ответственность быть совместным форумом для обсуждения мировых проблем. Среди ее целей - международный мир и безопасность, продвижение прав человека, развитие дружественных отношений между государствами, международное сотрудничество для решения международных проблем экономического, социального, культурного, гуманитарного характера и любых других, которые выигрывают от согласованного транснационального подхода.

Кроме того, согласно статье 1.4 Устава ООН, ООН берет на себя роль гармонизирующего центра для действий государств по достижению целей Организации. Для выполнения своей миссии ООН сотрудничает с рядом органов, таких как Совет Безопасности (СБ ООН), Генеральная Ассамблея (ГА ООН), Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС), а также со специализированными организациями, деятельность которых может быть ограничена конкретной региональной сетью или может иметь универсальное призвание [1].

Таким образом, возникает новое представление о роли международных организаций в отношении международно-

го общества. Вместе с другими субъектами международные организации берут на себя роль мыслить, формировать и направлять действия субъектов международного права.

Поэтому государства больше не управляют своими судьбами в изоляции, а скорее на совместных форумах на международной арене, в среде, которая также возглавляется межправительственными органами в самых разнообразных организациях с различными целями.

Таким образом, по крайней мере, нормативно, происходит смещение фокуса участия с герметичной внутренней практики на международную арену, где международные организации играют центральную роль наряду с другими действующими лицами.

Что касается кризиса здоровья, вызванного коронавирусом, ВОЗ выделяется своей специализированной ролью ведущей организации с универсальным призванием в области глобального общественного здравоохранения. Организация была создана 7 апреля 1948 года (Всемирный день здоровья) и имеет штаб-квартиру в Женеве, Швейцария. Одним из ее основных документов является «Устав Всемирной организации здравоохранения» [2].

ВОЗ состоит из Всемирной ассамблеи здравоохранения, в которой каждый член имеет право одного голоса, Исполнительного совета из тридцати четырех человек, назначаемых Ассамблеей, и Секретариата, который возглавляет Генеральный директор.

Статьи 20 и 21 Устава ВОЗ наделяют организацию обязательными и императивными полномочиями, выходящими за рамки обычных полномочий международной организации. Таким образом, он нарушает традиционную (и поверхностную) линию мышления, которая представляет международные организации как простые совещательные форумы, лишенные объективного управления [2].

Согласно этим положениям, нетипичные правила, принятые решением двух третей членов Ассамблеи здравоохранения, юридически принуждают государства-члены организации. Однако члены организации, которые отвергают эти правила и информируют ВОЗ о своей оговорке в установленный в каждом конкретном случае срок, освобождаются от их соблюдения.

Некоторые ученые критикуют ВОЗ за то, что она не использует эти полномочия в своей обычной практике. Несмотря на эти критические замечания, благодаря использованию этих полномочий ВОЗ в 2005 году издала «Международные медико-санитарные правила» (ММСП) [3].

Будучи международной правовой нормой, ММСП являются обязательными для ста девяноста шести государств, включая все государства-члены, которые присоединились к условиям Устава ВОЗ. Генеральный директор ВОЗ также обладает широкими полномочиями, а также монокрайскими компетенциями. В частности, он/она обладает полномочиями определять «чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения, имеющую международное значение» (ЧСЗМЗ).

ЧСЗМЗ является экстраординарным инструментом в современном международном праве, поскольку он гарантирует, что одно лицо (Генеральный директор) имеет право сделать официальное заявление, имеющее полную силу. ЧСЗМЗ не имеет права создавать новые обязательства для государств (он не может вводить новшества). Его объявление может служить для активации уже действующих нормативных документов, но их действие зависит от определения ЧСЗМЗ.

До настоящего времени Генеральный директор ВОЗ объявлял ЧСЗМЗ в шести случаях: Пандемия гриппа H1N1 в 2009 году, дикий полиовирус (полиомиелит) в 2014 году, вспышка Эболы («вирусная болезнь Эбола» или EVD) в Африке в 2014 году, вспышка вируса зика (ZIKV) в Америке в 2016 году, вспышка Эболы в Демократической Республике Конго в 2019 году и, наконец, пандемия COVID-19 в 2020 году. В дополнение к пандемии коронавируса, объявленной в январе 2020 года, ЧСЗМЗ по полиомиелиту и Эболе в Конго продолжают действовать [3].

Наряду с ЧСЗМЗ, заслуживает упоминания право ВОЗ издавать «рекомендации», которые могут быть постоянными или временными и варьироваться от самых тонких (изучить маршруты, проложенные в пострадавших районах) до самых инвазивных (запретить выезд или въезд людей, объявить социальную изоляцию или карантин). Открытая терминология позволяет некоторым интерпретировать это правило таким образом, что оно может доходить до рекомендации наблюдения за данными мобильных телефонов для отслеживания передвижения зараженных лиц и указания людей, с которыми они контактировали. (Южная Корея приняла такую стратегию.)

Тем не менее, ММСР также предусматривает пределы, в которых государства могут вводить ограничения на основании защиты от пандемии. Так, хотя статья 31 позволяет государствам требовать прохождения медицинского осмотра, вакцинации или других профилактических мер для допуска иностранных граждан на свою территорию, статья 32 требует, чтобы при осуществлении таких действий государства не ущемляли человеческое достоинство, права человека и основные свободы. [3] Аналогичным образом, даже если это прямо не указано, представляется очевидным, что необоснованная дискриминация не имеет юридической силы в ММСР. Аналогичным образом, ММСР не запрещает принятие государствами дополнительных мер здравоохранения, т.е. мер, выходящих за рамки рекомендованных ВОЗ.

Тем не менее, государства должны сообщать о принятых мерах в организацию и в этих отчетах обосновывать серьезность принятых мер.

На данном этапе необходимо подчеркнуть, что в действующих правилах подчеркивается, что такие обоснования должны основываться на научных данных, интерпретированных на основе научных принципов и выраженных в научных доказательствах, демонстрирующих связь таких мер с укреплением здоровья. В свете своего научно-технического призвания органы ВОЗ должны руководствоваться в процессе принятия решений данными, как официальными, так и нет («управление ради информации»). С этой целью каждое государство-член должно создать систему здравоохранения, способную эффективно предоставлять адекватные отчеты для целей надзора ВОЗ. Эта обязанность особенно выделяется, если учесть, что ВОЗ зависит от данных, предоставляемых государствами и третьими сторонами, и не имеет собственной системы получения информации.

ММСР позволяет ВОЗ использовать документы, официально подготовленные государствами-членами, и те неофициальные источники, и даже те, которые предоставляются одним государством-членом в отношении другого. Международное сотрудничество с межправительственными и международными организациями имеет кардинальное значение для деятельности ВОЗ. ВОЗ должна направлять свои действия скоординированным образом с другими международными организациями, агентствами и учреждениями, вхо-

дящими в систему Организации Объединенных Наций [4, С. 123-125].

Таким образом, если ее деятельность относится к компетенции другой организации, ВОЗ должна искать способы координации своей стратегии, чтобы обеспечить применение необходимых мер для укрепления здоровья населения мира. Согласно ММСР, ни одно положение регламента не должно толковаться таким образом, чтобы ограничить полномочия ВОЗ в выполнении ее миссии.

В целом, объем полномочий организации отражает доверие международного сообщества к научно-техническим решениям, принимаемым группой экспертов, которые являются представителями ВОЗ. Следовательно, можно сделать вывод, что организация постоянно стремится к тому, чтобы ее не считали политически направленной структурой, а основывались на научных мотивах и обоснованиях [5].

Таким образом, исторически ВОЗ не удалось полностью избежать поляризации холодной войны. Организацию всегда обвиняли в том, что она «выбирает сторону», отдавая поначалу предпочтение тому, что можно считать социалистической перспективой для укрепления общественного здоровья. С другой стороны, в 1990-х годах ВОЗ переключила свое внимание на укрепление здоровья через частный сектор. Это решение также подверглось серьезной критике. На протяжении многих лет ВОЗ оставалась активной, но постепенно переставала играть ведущую роль на переднем крае кризисов, предпочитая действовать незаметно за кулисами и похоже, что организации не удалось избежать критики за ее позицию в отношении COVID-19.

Тем не менее, представляется актуальным принятие системной перспективы в практике современного международного права, которое, несмотря на свои недостатки, все же должно использоваться как инструмент для мира и международного сотрудничества.

Пристатейный библиографический список

1. Устав Организации Объединенных Наций / подписан 26 июня 1945 г. в г. Сан-Франциско на заключительном заседании Конференции Объединенных Наций по созданию Международной Организации и вступил в силу 24 октября 1945 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/
2. Устав Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) принят в 1946 году, а вступил в силу в апреле 1948-го. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/
3. Международные медико-санитарные правила. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/Health_regulations.pdf.
4. Клименко В. П. Международное бюро общественной гигиены — предшественник всемирной организации здравоохранения // Проблемы и достижения современной науки. 2015. № 1 (2). С. 123-125.
5. Первичная медицинская помощь. Сегодня актуальнее, чем, когда-нибудь. 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/whr/2008/summary/ru> (дата обращения: 06.08.2022).

НОРБОЕВА Туяна Владимировна

аспирант кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮНЕП ПО ПРОДВИЖЕНИЮ КОНЦЕПЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНОГО ОБРАЩЕНИЯ С ХИМИЧЕСКИМИ ВЕЩЕСТВАМИ

Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) на сегодняшний день является фактически единственным и основным органом в рамках системы ООН, в компетенцию которого входят исключительно вопросы охраны окружающей среды. Одной из областей, составляющих предмет компетенции ЮНЕП, выступает экологически безопасное обращение с химическими веществами. В статье обозначены основные направления деятельности ЮНЕП, нацеленные на развитие концепции экологически безопасного обращения с химическими веществами. Автор подвергает анализу основные результаты и итоги деятельности ЮНЕП в исследуемой сфере. Предпринята попытка анализа роли ЮНЕП в системе международно-правового управления в сфере обращения с химическими веществами, а также дается оценка новым перспективам деятельности ЮНЕП в свете формирования глобальной рамочной основы безопасного обращения с химическими веществами.

Ключевые слова: ООН, ЮНЕП, химические вещества, экологически безопасное обращение с химическими веществами, Стратегический подход к международному управлению в сфере обращения с химическими веществами, охрана окружающей среды, международное управление.

NORBOEVA Tuyana Vladimirovna

postgraduate student of International law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

UNEP'S ACTIVITY IN ADVANCING THE CONCEPT OF ECOLOGICALLY SOUND MANAGEMENT OF CHEMICALS

The United Nations Environment Program (UNEP) is the only and the main body within the UN system today that is exclusively responsible for the protection of the environment. One of the areas of UNEP competence is the environmentally sound management of chemicals. The article indicates the main activities of UNEP, focused on the concept of environmentally sound management of chemicals. The author analyzes the main results and outcomes of UNEP activities in the area under study. She attempts to examine the role of UNEP in the system of international legal governance in the field of chemicals management and also provides an analysis outlining the new opportunities for UNEP in the context of the formation of a global framework for sound management of chemicals.

Keywords: UN, UNEP, chemicals, environmentally sound management of chemicals, Strategic Approach to International Chemicals Management, protection of the environment, international governance.

Краткие сведения о ЮНЕП и ее полномочиях

ЮНЕП была создана по рекомендации Конференции ООН по окружающей человека среде, проходившей в Стокгольме в 1972 году, получив мандат от ООН резолюцией Генеральной Ассамблеи 2997 (XXVII) на деятельность в области охраны природных объектов, борьбы с вредным воздействием на окружающую среду, содействия рациональному использованию природных ресурсов, а также на разработку международно-правовых основ охраны окружающей среды. Указанная резолюция определила объем компетенции и направления деятельности главных органов ЮНЕП: Совета управляющих (ставшим сегодня Ассамблеей ЮНЕП), Секретариата, Фонда по окружающей среде и Совета по координации в области окружающей среды.

В 1997 году положения Декларации о роли и мандате Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (Далее – Найробийская декларация), определили ЮНЕП в качестве «ведущего глобального природоохранного органа, определяющего глобальную экологическую повестку дня, содействующего согласованному осуществлению экологического компонента устойчивого развития в

Норбоева Т. В.

рамках системы ООН и являющегося авторитетным защитником интересов глобальной окружающей среды»¹.

Будучи вспомогательным по своей природе органом, ЮНЕП обрела довольно широкий круг полномочий, представленный в п. 3 Найробийской декларации. Задуманная как «оперативная и гибкая институция, лежащая в основе системы ООН, ЮНЕП должна была стать мировым экологическим «сознанием» и центром притяжения в вопросах охраны окружающей среды» [5, с. 51]. Между тем, следует согласиться с позицией М.Н. Копылова относительно того, что признавать и рассматривать ЮНЕП в качестве самостоятельной международной организации, несмотря на наличие у нее постоянных органов, находящихся между собой в иерархических связях и с относительно постоянным составом

¹ Найробийская декларация о роли и мандате Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде от 1997 г. // Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят вторая сессия. Дополнение N 25 (A/52/25), ООН, Нью-Йорк, 1997 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/17274/97_GC19_proceedings.pdf?sequence=23&isAllowed=y (дата обращения: 09.09.2022).

членов, а также автономией в финансовых вопросах, пока невозможно, поскольку в качестве учредительного документа ЮНЕП выступает вышеупомянутая резолюция ГА ООН 2997 (XXVII), но не устав [2, с. 158]. Напротив, О.С. Колбасов отметил, что уникальность ЮНЕП заключается в ее практическом становлении в качестве международной организации, на это указывают наличие своих финансовых ресурсов, право на заключение международных сделок и договоров, членство в Совете управляющих [3, с. 476].

ЮНЕП добилась значительных успехов на различных направлениях деятельности по охране окружающей среды. Одним из приоритетных направлений следует назвать направление «Химические вещества и отходы», реализуемое в рамках специального Сектора химических веществ и здравоохранения Отдела экономики ЮНЕП.

Экологически безопасное обращение с химическими веществами как направление деятельности ЮНЕП

С самого начала своей деятельности ЮНЕП уделяет особое внимание вопросам регулирования обращения с химическими веществами. Так, уже в 1976 году на четвертой сессии Управляющего совета ЮНЕП решением 52 (IV) «Химические вещества и физические агенты в окружающей среде» Совет указал на необходимость создания программ по охране каждого человека от неблагоприятного воздействия опасных химических веществ, и с этой целью призвал исполнительного директора ЮНЕП к разработке критериев оценки состояния здоровья и мониторинга, и создания Международного реестра потенциально токсичных веществ (далее – Международный реестр, МРПТХВ)². Упомянутый Международный реестр стал первой международной базой данных, объединяющей национальные реестры для обмена информацией о химических веществах [4, с. 60]. Также следует отметить решение Управляющего совета ЮНЕП №14/27 от 17 июня 1987 года, в котором впервые вопросы обращения с химическими веществами были озаглавлены как «экологически безопасное обращение с химическими веществами»³ и приняты Лондонские руководящие принципы обмена информацией о химических веществах в международной торговле, механизмы которых легли в основу Роттердамской конвенции о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле 1989 г. (далее – Роттердамская конвенция).

При определении места и роли, которую играет ЮНЕП в международно-правовом управлении важно указать на те результаты, которых Программа достигла по прошествии пятидесяти лет своей деятельности.

Во-первых, следует отметить колоссальную работу Программы в создании международно-правовых основ, регулирующих отношения в сфере обращения с химическими веществами. ЮНЕП принимала участие в разработке всех природоохранных соглашений в сфере обращения с химическими веществами. В сотрудничестве с Продовольственной

и сельскохозяйственной организацией ООН (далее – ФАО) были разработаны Роттердамская конвенция, Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях 2001 г. и Минаматская конвенция о ртути 2013 г.

ЮНЕП оказывает поддержку государствам в разработке и укреплении нормативно-правовой базы и политики, соответствующей духу экологически безопасного обращения с химическими веществами. Для этого резолюцией 1/5 от 27 июня 2014 г. Ассамблея ЮНЕП утвердила положение о Специальной программе для оказания поддержки деятельности по институциональному укреплению на национальном уровне в интересах осуществления Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, Роттердамской и Стокгольмской конвенций, Минаматской конвенции и Стратегического подхода к международному управлению химическими веществами⁴ сроком на 7 лет (с 2015 года), с правом продления срока действия не более 1 раза на 5 лет. Резолюцией 5/7 от 7 марта 2022 года программа была продлена еще на пять лет, поскольку «программа играет важную роль в поддержке, предоставляемой развивающимся странам... в деле создания и поддержания устойчивого национального потенциала в области экологически безопасного обращения химических веществ и отходов»⁵. Для этого был также создан специальный целевой фонд, финансируемый за счет добровольных взносов. В настоящее время такой возможностью воспользовались 66 стран (Монголия, Китай, Албания, Тунис и другие). Проекты финансирования уже завершили в Доминиканской республике, где с января 2018 по июнь 2020 года был выполнен пересмотр и обновление правил перевозки опасных химических веществ и материалов, создана межведомственная система обмена информацией о химических веществах, пересмотрены механизмы межведомственной координации, проведены обучающие семинары.

Во-вторых, свидетельством огромного потенциала ЮНЕП в исследуемой сфере следует считать положения утверждаемой ею Стратегии. Как отмечается в Стратегии ЮНЕП на 2022-2025 годы «Ради людей и планеты» (далее – Стратегия), обеспечение хорошего качества окружающей среды и связанные с этим позитивные последствия для сокращения неравенства, заболеваний, нищеты и уязвимости являются мощным стимулом для продвижения к планете без загрязнения. ЮНЕП в своей деятельности руководствуется принципами, которые условно следует обозначить как – *стремление к рациональному использованию и производству химических веществ (принцип «а»), основанное на многосекторном сотрудничестве и партнерстве (принцип «б»), построенном в соответствии с основными природоохранными*

2 Доклад Управляющего совета ЮНЕП по итогам четвертой сессии. 30 марта – 14 апреля 1976 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/17274/76_GC4_Report_K7603125.pdf?sequence=4&isAllowed=y (дата обращения: 09.09.2022).

3 Доклад Управляющего совета ЮНЕП по итогам четырнадцатой сессии. 8-19 июня 1987 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/17274/87_06_GC14_report_N8723250.pdf?sequence=14&isAllowed=y (дата обращения: 09.09.2022).

4 Доклад ЮНЕП. Отчет о работе первой сессии Ассамблеи Организации Объединенных Наций по окружающей среде Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде. 3 сентября 2014 г. UNEP/EA.1/10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/K14/024/83/PDF/K1402483.pdf?OpenElement> (дата обращения: 09.09.2022).

5 Резолюция, принятая Ассамблеей Организации Объединенных Наций по окружающей среде. 2 марта 2022 года. UNEP/EA.5/Res.7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/39848/SOUND%20MANAGEMENT%20OF%20CHEMICALS%20AND%20WASTE.%20Russian.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 09.09.2022).

соглашениями (принцип «с»), приоритетами и потребностями стран (принцип «д»), обусловленное общесистемными преобразованиями в целях решения проблемы загрязнения (принцип «е»).

ЮНЕП фокусируется на достижении следующих итоговых результатов, указанных в Стратегии:

оптимизация результатов по охране здоровья человека и окружающей среде в области экологически безопасного обращения с химическими веществами и отходами;

улучшение процессов обращения с отходами за счет развития замкнутых циклов производства, постепенного сокращения практик открытого сжигания отходов;

сокращение выбросов, загрязняющих веществ в воздух, воду, почву и океан (пп.82-93 Стратегии)⁶.

Особое внимание предлагается уделить первому из указанных результатов. Его достижение предполагается за счет обмена научными данными, знаниями и информацией по химическим веществам. Одним из последних актуальных решений, принятых в рамках Ассамблеи ЮНЕП следует назвать учреждение механизма по взаимодействию между наукой и политикой в поддержку действий по химическим веществам, отходам и загрязнению (Резолюция 5/8)⁷. Согласно п. 3-4 Резолюции 5/8 от 3 марта 2022 года, этот механизм должен стать независимым межправительственным органом с собственной программой, утвержденной правительствами стран-участников и действующий в целях предоставления актуальных для политики научных данных. По словам исполнительного директора ЮНЕП Ингер Андерсен, «настала необходимость сократить временной разрыв между научными открытиями и последующими действиями»⁸.

Вектор на взаимодействие науки и политики уже имеет место в рамках Программы. ЮНЕП проводит периодическую оценку состояния обращения с химическими веществами на международной арене, результаты которой публикуются в тематических докладах. К примеру, в докладе «Издержки бездействия» дается практическая оценка текущего состояния знаний об экономических издержках бездействия в области экологически безопасного обращения с химическими веществами, в докладе «Руководство Программы ЮНЕП по развитию правовой и институциональной инфраструктуры и мер по возмещению расходов национальной администрации» представлена информация об оказании практической поэтапной поддержки национальным органам в укреплении законодательства и институциональных структур в исследуемой сфере. Наконец, комплексный анализ состояния международно-правового управления в сфере обращения с химиче-

скими веществами представлен в докладе «Глобальная перспектива в области химических веществ». Изданный в 2019 году доклад «Глобальная перспектива в области химических веществ-II» включает в себя оценку действующим международно-правовым природоохранным соглашениям, а также призыв к созданию всеобъемлющей глобальной рамочной основы в области экологически безопасного обращения с химическими веществами. Согласно докладу, будущая рамочная основа должна объединить и дополнить существующие многосторонние договоры и другие соответствующие документы и инициативы по химическим веществам и отходам, «не создавая при этом помех для решения вопросов, которым посвящены эти специализированные документы» [1, с. 76]. Иными словами, от такой рамочной основы ожидается исполнение некоей консолидирующей функции, а также формирование общего понимания и идей экологически безопасного обращения с химическими веществами, их распространение - все эти задачи должны быть возложены на один орган. Обоснованно считать, что эта роль должна быть отведена ЮНЕП.

О том, что ЮНЕП занимает лидирующую роль в исследуемой сфере, было заявлено в решении 19/13 Управляющего совета ЮНЕП от 7 февраля 1997 года⁹. Однако учитывая взаимосвязь глобальных экологических вызовов друг с другом, в том числе связанных с нерациональным обращением с химическими веществами, такого статуса ЮНЕП не достичь без тесного взаимодействия с существующими программами, организациями и участвующими в управлении использовании химических веществ субъектами. Примечательно, что подобные воззрения были выражены и в ходе первой специальной сессии Ассамблеи ЮНЕП, прошедшей в марте 2022 года. Ингер Андерсен указала, что в процессе достижения экологических преобразований ЮНЕП «не добиться успеха в одиночку»¹⁰.

В рамках сотрудничества ЮНЕП с иными международными структурами следует отметить Межорганизационную программу по безопасному обращению с химическими веществами (далее – МПБОХВ, англ. ЮМС), куда входят ФАО, Международная организация труда (МОТ), Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), Учебный и научно-исследовательский институт ООН (ЮНИТАР), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), а так же две организации, выступающие в качестве наблюдателей, - Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и Всемирный банк. Цель МПБОХВ состоит в том, чтобы содействовать сотрудничеству в области политики и мероприятий, осуществляемых организациями-участницами совместно или в отдельности по вопросам достижения экологически безопасного обращения химических веществ. Одним из достижений МПБОХВ явля-

6 Стратегия ЮНЕП по окружающей среде на 2022-2025 годы для решения проблем изменения климата, утраты природной среды и загрязнения. 17 февраля 2021 г. UNEP/EA.5/3/Rev.1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/K21/005/03/PDF/K2100503.pdf?OpenElement> (дата обращения: 09.09.2022).

7 UNEP Resolution. Science-policy panel to contribute further to the sound management of chemicals and waste and to prevent pollution. 7 March 2022. UNEP/EA.5/Res.8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/39719/K2200745%20-%20UNEP-EA.5-Res.8%20-%20Science-policy%20panel%20-%20ADVANCE.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 09.09.2022).

8 A new science-policy interface for UNEP at 50. 3 March 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unep.org/news-and-stories/speech/new-science-policy-interface-unep-50> (дата обращения: 09.09.2022).

9 Доклад Управляющего совета ЮНЕП по итогам 19-й сессии. 27 января-7 февраля 1997 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/17274/97_GC19_proceedings.pdf?sequence=23&isAllowed=y (дата обращения: 09.09.2022).

10 Отчет о работе первой специальной сессии Ассамблеи ЮНЕП: празднование 50-й годовщины создания ЮНЕП. 3-4 марта 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unep.org/environmentassembly/unea-5.2/proceedings-report-ministerial-declaration-resolutions-and-decisions-unea-5.2> (дата обращения: 09.09.2022).

ется создание ею, основанного на интернете инструментария для принятия решений по вопросам обращения с химическими веществами – стандартов, рекомендаций и руководств для решения проблем, позволяющего странам определить наиболее подходящие и эффективные действия для решения конкретных национальных проблем, связанных с регулированием использования химических веществ. МПБОХВ является наглядным примером консолидации усилий международных учреждений для обеспечения международно-правового упреждения в сфере обращения с химическими веществами.

Для решения проблем в сфере экологически безопасного обращения с химическими веществами ЮНЕП были разработаны и другие программы из нескольких взаимодополняющих инициатив, реализуемых в форме сотрудничества с международными организациями. В рамках партнерства ЮНЕП-ПРООН создана инициатива по интеграции экологически безопасного обращения с химическими веществами в процессы планирования развития, целью этой инициативы является повышение осведомленности и потенциала для включения приоритетов экологически безопасного обращения с химическими веществами в национальные планы и политику в области развития как можно большего числа развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Кроме того, создан стратегический альянс ЮНЕП-ВОЗ по охране здоровья человека и окружающей среды, направленный на координацию действий секторов здравоохранения и охраны окружающей среды и участие в процессах планирования развития на уровне государств для эффективного использования взаимосвязей между здравоохранением и окружающей средой в целях защиты и укрепления здоровья населения и целостности экосистем. ЮНЕП также осуществляет деятельность в рамках Глобального альянса за прекращение использования свинецсодержащих красок совместно с ВОЗ, основная цель которого заключается в том, чтобы предотвратить вредное воздействие красок, содержащих свинец, на детей и свести к минимуму воздействие таких красок на рабочих местах.

Таким образом, не возникает сомнений в том, что ЮНЕП вносит весомый вклад в развитие и реализацию экологически безопасного обращения с химическими веществами, а также в актуализацию экологических проблем уже на протяжении пятидесяти лет. Выполняемая ею функция координации, по замечанию английского ученого Р. Сэндбрука, является одной из самых сложных во всей системе ООН [7, с. 388].

Возвращаясь к дискуссии относительно правового статуса ЮНЕП и оценки результатов в исследуемой сфере, следует констатировать следующее. Безусловно, в научной литературе можно встретить определенную критику деятельности ЮНЕП и различные призывы к ее реформированию либо перемещению ее штаб-квартиры, которые оказали бы влияние на способность Программы исполнять координирующую функцию [Manulak 2021:70]. Между тем проблемы, которые предполагается решить путем реформирования или создания международной экологической организации, вовсе не являются организационными проблемами ЮНЕП. По справедливому замечанию пакистанского ученого А. Наджамы, наличие экологических проблем тесно переплетается с отсутствием готовности государств осуществлять глобальное сотрудничество в области охраны окружающей среды [6, с. 5].

С момента учреждения ЮНЕП для глобального решения актуальных экологических проблем предлагались различные

проекты. Было разработано большое количество международных соглашений, принятых при непосредственном участии ЮНЕП, в том числе в сфере экологически безопасного обращения с химическими веществами. Представляется, что путем дальнейшей консолидации усилий акторов, участвующих в международно-правовой охране окружающей среды, возможно достижение позитивных изменений. ЮНЕП остается главным природоохранным органом в системе ООН, который располагает достаточными полномочиями для претворения в жизнь концепции по созданию экологически безопасной и устойчивой к изменениям окружающей среды.

Пристатейный библиографический список

1. Глобальная перспектива в области химических веществ – II. От наследия к инновационным решениям. Обобщающий доклад // Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде, 2019 год. - 102 с.
2. Копылов М.Н. ЮНЕП – 35 лет. Сколько еще? // Московский журнал международного права, 2007. - № 2. - С. 153-170.
3. Колбасов, О. С. Избранное : сборник научных трудов / Отв. ред. И. О. Краснова. - М.: РГУП, 2017. - 620 с.
4. Kucherenko A. Huismans J. The International register of potentially toxic chemicals (IRPTC) of UNEP // Environmental Conservation. - 1982. - Vol. 9. № 1. - Pp. 59-63.
5. Manulak M.W., Ivanova M. The untold story of the world's leading environmental institution: UNEP at fifty. - Cambridge: MIT Press, 2021. - 361 p.
7. Najam A. Why we DON'T need a new International Environmental Organization // Working Paper Series. - 2001. - № 64. - 19 p.
8. Sandbrook R. The UK's Overseas Environmental Policy. - London: Kogan Page, 1983. - Pp. 315-405.

ЛАВОРЕНКО Сабрина Юрьевна

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена проблеме закрепления и толкования права на неприкосновенность частной жизни в практике государств, в частности, в США и Великобритании. В рамках статьи рассматривается эволюция содержания права на неприкосновенность частной жизни на основе анализа судебной практики США и Великобритании, а также Европейского суда по правам человека. В результате автор приходит к выводу о том, что при всех различиях в подходах к толкованию содержания права на частную жизнь, законодательство и судебная практика рассматриваемых стран англосаксонского права в высокой степени обеспечивают правовую защиту от вмешательства в неприкосновенность частной жизни, однако право на неприкосновенность частной жизни настолько стремительно развивается, что требует новых подходов и механизмов по его защите.

Ключевые слова: права человека, неприкосновенность частной жизни, Европейский суд по правам человека, международное право.

LAVORENKO Sabrina Yurjevna

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

ON THE INTERPRETATION OF THE RIGHT TO PRIVACY IN THE PRACTICE OF STATES IN THE LIGHT OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS LAW

The article is devoted to the problem of securing and interpreting the right to privacy in the legislation of the United States and Great Britain. The article examines the evolution of the content of the right to privacy based on the analysis of the judicial practice of the United States and Great Britain, as well as the European Court of Human Rights. As a result, the author comes to the conclusion that despite all the differences in approaches to the interpretation of the content of the right to privacy, the legislation and judicial practice of the countries under consideration of Anglo-Saxon law provide a high degree of legal protection against interference with privacy, but the right to privacy is developing so rapidly that it requires new approaches and mechanisms for his protection.

Keywords: human rights, privacy, European Court of Human Rights, international law.

Актуальность темы определяется тем, что в современной юридической литературе, несмотря на многообразие мнений, правовой принцип неприкосновенности частной жизни остаётся недостаточно изученным, виду того, что до сих пор не сформировано единого подхода к пониманию содержания этого права. Более того, отражающие право на неприкосновенность частной жизни понятия, такие как «семейная жизнь» «личная жизнь», малоизучены или употребляются авторами как тождественные. Анализ судебной практики также показывает, что все рассматриваемые понятия имеют разное содержание и признаки, хоть и имеют ряд сходных черт. Неоднозначное толкование данных понятий приводит, в конце концов, к коллизиям в практике при реализации и защите права на неприкосновенность частной жизни.

Действующие международные правовые принципы, в первую очередь, базируются на том, что человек его права и свободы – есть высшая ценность общества и государства.

Права человека – правовой институт, который начинается своё развитие еще с древних времен. Право на жизнь, на неприкосновенность жилища и защиту частной и семейной жизни, исторически, принято относить к естественным правам, которые, в свою очередь, принадлежат человеку с момента его рождения.

Право на неприкосновенность частной жизни находит свое отражение в международно-правовых актах, законодательстве и судебной практике США и Соединённого Королевства Великобритании; они, в свою очередь, должны обеспечивать юридическую защиту данного права.

Определяя происхождение понятия «частная жизнь», следует отметить, что еще в Древнем Риме упоминалось понятие «частный». К примеру, Цицерон заострял внимание на справедливости, которая характеризуется тем, что нельзя

вредить другим и нельзя нарушать частную собственность. По Цицерону, все должны пользоваться общей собственностью как общей, а частной – как своей.

Упоминание о «частности» прослеживается в римском праве, в котором устанавливалась смертная казнь за клеветнические сведения. Далее, хоть и косвенно, но рассматриваемое понятие находит своё отражение в Великой Хартии вольностей 1215 года. Особое внимание стоит уделить признанию прав человека в Великобритании, где в 1678 году был принят Хабеас корпус акт. Данный документ ввёл термин «надлежащая процедура», который, в свою очередь, определил границы неприкосновенности личности наряду с другими принципами по защите прав человека [2, с. 187].

В странах англосаксонской системы права отсутствуют прямые указания на закрепление права на частную жизнь. К примеру, в Великобритании, где отсутствует писанная конституция, до принятия «Акта о правах человека» 1998 года (вступил в силу в 2000 г.), основными источниками, отражающими аспекты частной жизни – являлись судебные прецеденты.

В США понятие «частная жизнь» нашло своё правовое отражение в конце XIX века [3, с. 37]. Стоит обратить внимание на то, что право на частную жизнь не находилось в числе субъективных прав, которые предусмотрены Биллем о правах 1791 года, а формировалось с помощью судебных прецедентов и доктрин.

Рассматривая право на неприкосновенность частной жизни в свете международно-правовых обязательств, первоначально, необходимо сделать акцент на Всеобщую декларацию прав человека от 1948 года (далее – ВДПЧ). В статье 12 закреплено, что никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь. Статья 17

Международного пакта о гражданских и политических правах от 1966 года (далее – Пакт) аналогична вышеупомянутой статье 12 ВДПЧ. Однако, диспозиции статей не раскрывают содержания права на неприкосновенность частной жизни.

Так, в Замечании общего порядка № 16 Комитета по правам человека ООН (далее – Комитет), содержание права на неприкосновенность частной жизни исходит из критериев пределов вмешательства в него со стороны государства. Комитет по правам человека не раскрывает правоотношения, отражающие понятие «частная жизнь». По смыслу вышеупомянутых статей по ВДПЧ и Пакта для того, чтобы установить факт нарушения в каждом конкретном случае, необходимо учитывать совокупность таких факторов как характер, последствия, продолжительность действий и применяемые меры. Иными словами, только учёт всей совокупности перечисленных критериев в конкретной ситуации, в которой оказался индивид, позволит установить, было ли вмешательство в частную жизнь индивида со стороны государства правомерным.

Следует привести в пример дело Касерес против Парагвая, которое было рассмотрено Комитетом по правам человека 25 июля 2019 года. В рамках этого дела государство заявляло о неприемлемости жалобы по статье 17 Пакта, в связи с тем, что затрагиваемые в ней отношения, в частности, экологические права, не подпадают под действие Пакта. По обстоятельствам дела, действия государства по выдаче лицензий на выращивание генномодифицированных культур, привело к использованию токсичных агрохимикатов держателями ферм, что оказало серьезное воздействие на заявителей в части условий их жизни, средств к существованию и на здоровье. В частности, их использование привело к загрязнению воды, что сделало невозможным использование ручьев, в которых появилась мертвая рыба, к загрязнению колодезной воды, к гибели фруктовых деревьев, различных сельскохозяйственных культур, животных и серьезному ущербу урожаю.

Вместе с тем, Комитет отметил, что истцы заявили не о нарушении права на здоровую окружающую среду, а о нарушении их права на жизнь, физическую неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, семейную жизнь.

Стоит отметить, что Комитет удовлетворил жалобу заявителя в части статьи 17 Пакта и пояснил, что загрязнение имеет прямые последствия для реализации права на частную и семейную жизнь и жилище, и негативные последствия этого загрязнения являются серьезными из-за его интенсивности или продолжительности и причиняемого им физического или психического вреда. Так же Комитет отметил, что ухудшение состояния окружающей среды может отрицательно сказаться на благосостоянии отдельных лиц и представлять собой нарушение частной и семейной жизни. В данном случае Комитет отметил, что сельскохозяйственные животные, сельскохозяйственные культуры, фруктовые деревья, водные ресурсы, рыба составляют компоненты частной жизни, семейной жизни и жилища, и что несоблюдение государством-участником экологических норм представляет собой случай произвольного вмешательства в частную жизнь, семью и жилище [4].

Дело Касерес против Парагвая – лишь одно из немногих, которое показывает многоаспектность статьи 17 Пакта, так как, на первый взгляд, были нарушены экологические права заявителей, однако совокупность обстоятельств позволила установить нарушение положений статьи 17 Пакта.

Стоит отметить, что не только экологические права входят в аспекты частной жизни. Так, например, важными стали вопросы защиты конфиденциальности при работе с личными данными граждан. Еще десятилетие назад такие вопросы не были предметом обсуждений, и это говорит о том, что вопросы, относящиеся к защите частной жизни, становятся все более актуальными, а содержание права на неприкосновенность частной жизни меняется и расширяется.

Так, в последнем национальном докладе от 2020 года Соединенных Штатов Америки, представленном в соответствии с пунктом 5 приложения к резолюции 16/21 Совета по правам человека (далее – Доклад США) [5], этому уделяется основное внимание. В докладе от 2015 года в рамках частной жизни рассматривался такой же аспект, что и в Докладе от 2020 года. В соответствии с докладом, контроль за доступом к личным данным, являющимися конфиденциальными, осуществляет Совет по надзору за неприкосновенностью частной жизни и гражданскими свободами (далее – СНЧЖГС). СНЧЖГС является независимым учреждением исполнительной власти, созданным в соответствии с рекомендациями законодательства США, для обеспечения баланса между усилиями федерального правительства по предотвращению терроризма и необходимостью защиты частной жизни и гражданских свобод. Контроль так же осуществляет Управление ЦРУ по вопросам защиты частной жизни и гражданских свобод (далее – УЧЖГС), которое опубликовало пересмотренные «Руководящие принципы Генерального прокурора», призванные обеспечить, чтобы ЦРУ продолжало надлежащим образом обращаться с информацией в цифровую эпоху. Вопросы неприкосновенности частной жизни и цифровой свободы, возникающие в связи с деятельностью негосударственных субъектов, таких как Google и Facebook, решаются органами правовой и регулятивной систем США, в т.ч. Министерством юстиции, Федеральной торговой комиссией (далее – ФТК), генеральными прокурорами штатов, и в рамках частных судебных процессов [6]. Это свидетельствует о том, что в США предусмотрен определённый механизм по защите личных данных в рамках исполнительной, законодательной и судебной системы, характеризующийся особым вниманием со стороны властей, но, с другой стороны, остаётся открытым вопрос «соблюдается ли баланс между защитой личных данных и доступом к данным со стороны государственных органов» [6]. Однако, эта проблема – тема отдельного исследования.

Стоит акцентировать свое внимание на том, что в национальном докладе как США, так и Соединённого Королевства Великобритании, третьего цикла Универсального периодического обзора (УПО), уделяется внимание проблеме защиты права на неприкосновенность частной жизни идёт в контексте мер по борьбе с терроризмом.

Комитет по правам человека выразил обеспокоенность тем, что в Соединённом Королевстве определение терроризма в статье 1 Закона о терроризме 2000 года, является излишне широким, и под него могут подпадать действия, совершаемые по политическим мотивам, направленные на оказание влияния на правительство или международную организацию [7]. Эта обеспокоенность выражена тем, что законодательством Соединённого Королевства закреплён ряд полномочий для государственных органов, с условием, что они способствуют достижению высокого уровня общественной безопасности, однако должных гарантий от злоупотреблений не предусмотрено. Также в Докладе второго цикла УПО Соединённое Королевство ставило целью ликвидировать образовавшийся дисбаланс между полномочиями государства в области безопасности и гражданскими свободами путём наиболее возможного и чёткого определения круга полномочий. Однако, как отмечено выше, в рамках третьего цикла, Совет по правам человека еще раз подчеркивает факт отсутствия гарантий по защите прав и интересов граждан в процессе их реализации компетентными лицами при осуществлении борьбы с терроризмом. Это свидетельствует о том, что, либо государство не принимает это во внимание и считает это необходимостью, допустимой в демократическом обществе, либо речь идет о сознательном нарушении права на неприкосновенность частной жизни в отсутствие чёткого механизма по защите рассматриваемого права.

Таким образом, анализ докладов, представленных в рамках УПО, в целом показывает, что право на неприкосновенность частной жизни – это фундаментальное право, содержание которого постоянно расширяется. За последнее десятилетие оно стало охватывать отношения в области конфиденциальности информации, а также данных, которые известны государственным органам в процессе борьбы с терроризмом.

Если обращаться непосредственно к теории, то, например, Уоррен С.Д. и Брендис Л.Д. [8] определяли сущность содержания права на частную жизнь, подтверждая то, что политические, экономические, социальные изменения приводят к тому, что возникает необходимость в признании новых прав, как уже подчёркивалось выше. Они отмечали, что общее право должно эволюционировать по мере развития общества. Авторы отмечают, что в ранние времена закон закреплял механизм правовой защиты только от физического вмешательства, однако позже пришло признание духовной природы человека. Постепенно объем этих юридических прав расширился; и теперь право на жизнь стало означать право наслаждаться жизнью, - право быть оставленным в покое; право на свободу обеспечивает пользование широкими гражданскими привилегиями [8].

Идея защиты права на частную жизнь выводилась из аналогии с авторским правом, поэтому авторами была определена идея в которой прослеживалось деление частной жизни публичного лица и лица, не связанного с публичностью.

По их мнению, к понятию неприкосновенность частной жизни не относится информация, которая имеет публичный интерес. Авторы отмечают, что нет баланса между публичным и частным интересом. По их мнению, всё, что касается публичного интереса, не подпадает под защиту права на частную жизнь. Например, если нарушение относится непосредственно не к публичному лицу, то это напрямую будет относиться к защите права на частную жизнь, чего, по их мнению, не может быть в отношении публичной личности. Ученые отмечают, что публичные личности добровольно отказались от части своей частной жизни. Также ученые указывают на необходимость создания нормы закона, которая будет гибкой и эластичной, так как невозможно создать тот стандарт, который будет подходить ко всем возможным обстоятельствам, потому что всегда имеются дополнительные условия и факторы, которые необходимо учитывать. На наш взгляд, высказанное мнение является весьма актуальным, особенно в рамках прецедентного права, ведь понятие частная жизнь включает в себя множество нюансов. Ярким примером этого вывода является дело принцессы Фон Ганноверской против Германии в рамках ЕСПЧ, где Суд указал, что в настоящем деле фотографии заявительницы в различных немецких журналах представляют собой сцены из ее повседневной жизни, имеющие исключительно личный характер. Суд справедливо отметил, что, несмотря на то, что заявительница широко известна общественности, публикация рассматриваемых фотографий и статей, единственной целью которых было удовлетворение любопытства определенного круга читателей к подробностям частной жизни заявительницы, не может считаться вкладом в обсуждение какого-либо общественно-значимого вопроса. То есть, публикации или любая информация о публичном лице должна вносить определённый вклад в общественную дискуссию. Таким образом, вышеупомянутая позиция ученых носит дискуссионный характер [8].

Уоррен С.Д. и Брендис Л.Д. обосновывают свое мнение на основе эволюции общего права, а также развития судебной практики. Особое внимание они уделили судебной практике Верховного Суда США, прецеденты которого легли в основу развития концепции права на частную жизнь.

В отличие от США в Великобритании вовсе не предусматривалось возможности жаловаться на нарушение права

на частную жизнь в рамках общего права, о чём свидетельствует судебная практика Великобритании (Кей против Робертсона), ввиду того, что право на частную жизнь включает в себя многие аспекты жизни человека [9]. Как отметил судья Глидуэлл в английском законодательстве нет права на неприкосновенность частной жизни, и, соответственно, нет права на иск за нарушение неприкосновенности частной жизни. Он отмечал, что факты этого дела являются наглядной предпосылкой для принятия законодательного положения для защиты частной жизни отдельных лиц. В отсутствие такого права адвокаты истца попытались обосновать свое требование о судебных запретах другими устоявшимися правами на предъявление иска, а именно: клевета, злонамеренная ложь, посягательство на собственность человека, уход из жизни [9]. В 1998 году был принят Закон о правах человека Соединенного Королевства, который вступил в силу 2 октября 2000 года и внедрил в английское законодательство права, содержащиеся в Европейской конвенции по правам человека, в том числе и право на неприкосновенность частной жизни [10].

В настоящее время, в Великобритании право на частную жизнь определяется как «право быть одному». В контексте осуществления деятельности Европейским Судом по правам человека по делам против Соединенного Королевства, право неприкосновенность на частную жизнь включает в себя право на свободу сексуального поведения (Рис против Соединенного Королевства); (Косси против Соединенного Королевства); право на благоприятную экологическую обстановку (Хаттон и другие против Соединенного Королевства) [11].

ЕСПЧ, благодаря обширной практике и учитывая широкое толкование понятия «частная жизнь», объединил те дела, которые непосредственно относятся к рассматриваемому праву на три группы:

1) Физическая и моральная составляющие, сюда относят:

- Жертвы насилия: защита государством физических лиц от насилия со стороны третьих лиц (Сандра Янкович против Хорватии); предотвращение жестокого обращения в отношении детей, о котором власти знали или обязаны были знать (З и другие против Соединенного Королевства); предотвращение изнасилований и сексуального насилия в отношении детей путём наличия уголовно-правовых норм в отношении лиц, совершивших данные преступления (М.С. против Болгарии); условия содержания под стражей (Раниен против Финляндии).

- Охрана репродуктивного здоровья: право на решение стать родителем или же не становиться таковым (П. и С. против Польши); право на обращение к услугам искусственного оплодотворения (С.Х. и другие против Австрии);

- Психическое заболевание: пациент имеет право отказаться от применения к нему психиатрического лечения. В данном случае будет иметь место посягательство на физическую неприкосновенность (Х. против Финляндии);

- Вопросы, связанные с уходом из жизни: лицо, имеет право выбирать в какой момент должна прекратиться его жизнь, с условием того, что человек сумеет свободно формулировать свои мысли и нести за них ответственность (Хаас против Швейцарии);

- Сексуальная ориентация и сексуальная жизнь: доступ к операции по смене пола (Шлумпф против Швейцарии) [11].

2) Неприкосновенность частной жизни, то есть развитие личности во взаимодействии с другими людьми без какого-либо постороннего вмешательства.

- Право на изображение и публикацию фотографий: право личности в отказе на публикацию его фотографии, так как изображение человека является уникальной характеристикой личности (Вон Ханновер против Германии); защита личности от передачи правоохранительными органами изображения заявителя в СМИ (Хужин и другие против России);

- Защита репутации от клеветнических сведений;

- Сбор и хранение персональной информации: сведения, касающиеся публичной информации, в частности о политической деятельности лица, которые собираются и хранятся службами государственной безопасности (Ротару против Румынии);

- Конфиденциальность: разглашение данных, которые касаются частной жизни человека, хранящаяся в секретном архиве (Леандер против Швеции);

- Сведения о здоровье человека: право на доступ к информации о состоянии здоровья (К.Х. и другие против Словакии); защита сведений, касающийся болезни человека, в частности информации о вирусе иммунодефицита человека (С.С. против Испании);

- Наблюдение со стороны полицейских органов: государства должны выработать определённый механизм, защищающий человека от произвольного вмешательства в его личную жизнь, в частности формулировку «предусмотрено законом» следует привести в точное соответствие и определить исчерпывающий перечень [11].

3) Идентичность и самостоятельность:

- Право на установление происхождения;

- Предпочитаемый внешний вид, вне зависимости от обстановки (Попа против Румынии);

- Гендерная идентичность (Рис против Соединенного Королевства) [11].

Вышеперечисленные группы дел, свидетельствуют о том, что в сфере частной жизни входит множество факторов, которые и позволяют отнести те или иные дела к фактам нарушения права на неприкосновенность частной жизни. Однако то, что до недавнего времени в Великобритании право на неприкосновенность частной жизни не входило в систему ее общего права, показывает, что законодатель англо-саксонской правовой системы был не готов закрепить право на защиту частной жизни, так как имелись трудности в определении данной категории и закрепить ее в нормативно-правовых актах не имело смысла. На наш взгляд, такая позиция не совсем справедлива, так как конституционно-правовой акт, как и раз и способен обеспечить исчерпывающую детализацию содержания того или иного правоотношения.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что этапы становления права на неприкосновенность частной жизни в англо-саксонской системе права показывают, что в законодательстве этих стран нет прямой ссылки на существование права на неприкосновенность частной жизни, большую роль здесь играет подход к толкованию со стороны суда.

Как показал проведенный анализ, право на неприкосновенность частной жизни представляет собой сложный по своему составу правовой институт, который состоит из отдельных правомочий лица, при этом каждое из этих правомочий требует правовой охраны и защиты. Анализ национальных докладов, представленных в Совет ООН по правам человека в рамках процедуры Универсального периодического обзора, позволяет заключить, что многие аспекты права на неприкосновенность частной жизни затрагиваются в контексте принятия мер по борьбе с терроризмом. Право на неприкосновенность частной жизни предусматривает также защиту данных, к которым государство получает доступ в ходе борьбы с терроризмом. В этом случае речь идёт о допустимых пределах вмешательства в реализацию права, а также о наличии должных гарантий в законодательстве, направленных на защиту персональных данных.

Стоит отметить, что право на неприкосновенность частной жизни прошло длительный путь своего становления. И, как обозначено выше, даже нарушение экологических прав при определённых обстоятельствах может рассматриваться как нарушение права неприкосновенность частной жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Нерсисянц В.С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 1997. С. 85.
2. Головистикова А.Н. Конституционное право России. М.: Эксмо, 2006. С. 187.
3. Хужокова И.М. Право на неприкосновенность частной жизни в англосаксонской правовой системе (на примере США и Великобритании). Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 4. С. 37.
4. Portillo Cáceres and Others v. Paraguay. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.escri-net.org/caselaw/2020/portillo-caceres-and-others-v-paraguay-ccprc126d27512016-communication-27512016> (date of application - 19.06.2022).
5. Национальный доклад, представленный в соответствии с пунктом 5 приложения к резолюции 16/21 Совета по правам человека от 13 августа 2020 года - Соединенные Штаты Америки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G20/204/18/PDF/G2020418.pdf?OpenElement> (date of application - 18.08.2022).
6. Национальный доклад, представленный в соответствии с пунктом 5 приложения к резолюции 16/21 Совета по правам человека от 13 февраля 2015 года - Соединенные Штаты Америки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G15/024/68/PDF/G1502468.pdf?OpenElement> (date of application - 18.08.2022).
7. Доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека «Подборка информации по Соединенному Королевству Великобритании и Северной Ирландии» от 18 февраля 2017 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G17/039/93/PDF/G1703993.pdf?OpenElement> (date of application - 18.06.2022).
8. Warren, S.D., Brandeis, L.D. The Right to Privacy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cs.cornell.edu/~shmat/courses/cs5436/warren-brandeis.pdf> (date of application - 19.06.2022).
9. Kaye v Robertson & another [1991] FSR 62. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://is.muni.cz/el/1422/podzim2010/MVV60K/um/8804326/Kaye_v_Robertson_1991_FSR_62.pdf (date of application - 19.06.2022).
10. Human Rights Act 1998. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.su/oI3aNQS> (date of application - 21.08.2022).
11. Руководство по применению статьи 8 Европейской конвенции по правам человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_8_RUS.pdf (date of application - 18.06.2022).

KAZEMI Shariat Panahi L.

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

COMPARING THE NUCLEAR PROGRAMS OF IRAN AND ISRAEL FROM THE INTERNATIONAL LAW PERSPECTIVE

The concern surrounding nuclear arsenals in the Middle East region is still one of crucial issues of international law, it drew so much attention of the world community in the nuclear sphere. Especially, mounting tensions between Iran and Israel to reach a general, permanent nuclear safety and security lead the current research to have an overview of their nuclear activities and analyze their respective legal obligations and circumstances they are under and to discover the origin of problematic situations they have in the sphere of international law. To this end, the current comparative study genuinely strives to throw light on the legal problem of Iran's nuclear program by doing comparison with the Israel's one through three tasks, they are being to elaborate the issue of sovereign equality in the sphere of nuclear safety and security, to analyze the correlation between two main variables of rights and obligations, while discussing ambiguity in the fulfillment of obligations as well as to consider the possibility in the implementation of a free zone for nuclear armament. This study concludes a state undertaking obligations and fully collaborating in the well-established legal framework may encounter no appreciative outcome compared to a state burdening no commitments under the internationally agreed schemes. The pressure derived from a proper balance between obligations and rights shall be more for the state leaving peace rather vulnerable and put non-proliferation regime in jeopardy. Lack of such pressure devastates the implementation of nuclear-weapon-free zone.

Keywords: International Law, Sovereignty, Sovereign States, Sovereign Rights, Legal Obligations, Nuclear Arsenals, Nuclear Weapon Free Zone, Iran, Israel, Nuclear Program.

КАЗЕМИ Шариат Панахи Л.

аспирант кафедры международного права Института права Российского университета дружбы народов

СРАВНЕНИЕ ЯДЕРНЫХ ПРОГРАММ ИРАНА И ИЗРАИЛЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Обеспокоенность ядерными арсеналами в Ближневосточном регионе по-прежнему остается одной из важнейших проблем международного права, она привлекает пристальное внимание мирового сообщества в ядерной сфере. В частности, растущая напряженность между Ираном и Израилем, связанная с достижением полной и постоянной ядерной безопасности каждым из государств, обусловила направленность данного исследования на обзор ядерной деятельности двух государств и анализ их соответствующих юридических обязательств и обстоятельств, в которых эти государства находятся, а также на выявление происхождения имеющихся проблемных ситуаций, с позиций международного права. Для этого в настоящем сравнительном исследовании предпринята попытка пролить свет на юридическую проблему ядерной программы Ирана через сравнение с программой Израиля решением трех задач: проработки вопроса о реальности суверенного равенства государств в сфере ядерной безопасности, анализа корреляции между двумя основными переменными, правами и обязанностями, при обсуждении двусмысленности в выполнении обязательств, а также рассмотрения возможности реализации зоны, свободной от ядерного оружия. В этом исследовании делается вывод о том, что государство, взявшее на себя обязательства и полностью сотрудничающее в устоявшихся правовых рамках и согласованных формах, может столкнуться с отсутствием какого-либо положительного результата по сравнению с государством, не обременяющим себя никакими обязательствами в соответствии с международно согласованными схемами. Давление, вытекающее из должного баланса между обязанностями и правами, должно быть больше для государства, делающего мир более уязвимым и ставящего под угрозу режим нераспространения ядерного оружия. Отсутствие такого давления подрывает возможности создания зоны, свободной от ядерного оружия.

Ключевые слова: международное право, суверенитет, суверенные государства, суверенные права, правовые обязательства, ядерные арсеналы, безъядерные зоны, Иран, Израиль, ядерная программа.

Introduction

The Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) was a compromise between the five countries that had nuclear weapons in 1970 and those countries that did not. According to the Treaty, the five official nuclear states (China, France, the United Kingdom, the United States, and the Soviet Union) committed to contribute to other parties for advancing nuclear energy technology on the condition that they would not take advantage of the nuclear technology to manufacture nuclear armories. In the meanwhile, the Non-Nuclear Weapon States (NNWSs) pledge to be under monitoring by international inspections as necessary to assure their compliance.

Further, in Article 6 of the treaty, the five nuclear powers agreed to pursue "negotiations in good faith on effective measures relating to cessation of the nuclear arms race at an early date and to nuclear disarmament." Global nuclear differences

are envisaged by the provisions of The NPT which entails 187 signatories to committed themselves on the basis of their own free will and consent. Israel, India, and Pakistan never signed and North Korea withdrew from the Treaty in 2003.

According to the recent statistics, "at the start of 2020, nine states—the United States, Russia, the United Kingdom, France, China, India, Pakistan, Israel, and North Korea—possessed approximately 13 400 nuclear weapons, of which 3720 were deployed with operational forces. Approximately 1800 of these are kept in a state of high operational alert" [14]. Of these states, India, Pakistan, Israel and North Korea are the four states which do not participate in the NPT. So, they are not nuclear states in the meaning of the NPT and are not eligible to have nuclear weapons on account of the NPT.

In comparison with Pakistan and North Korea, Israel has on one hand, possessed a nuclear armament while has never had

been under obligations of the NPT due to its non-membership of the Treaty. It is a member of the International Atomic Energy Agency (IAEA), on the other hand. Israel's cooperation with the IAEA has not positively affected the state's doctrinal scheme in nuclear program to clarify ambiguities of its nuclear activities. Hence, due to lack of transparency Israel's full cooperation to fulfill legal obligations on its nuclear program is still under a cloud of suspicion from international law point of view. Iran also has the membership of the IAEA. Like Israel, Iran is situated in the heart of Middle East and is pursuing nuclear development. Yet, its will to achieve nuclear advancement has become controversially problematic as such advancement suffers from lack of transparency and full cooperation to fulfill relevant legal obligations. The only condition differentiates between Israel and Iran. It is that Iran is a signatory to the NPT, but Israel is not. From some international legal scholars' point of view, this condition makes these two countries incomparable as they are not under the same legal responsibilities. Nonetheless, this research attempts to comparatively analyze legal circumstances of Israel and Iran regarding their nuclear programs on the international plane, to shed light on why these two states have been through different terms and conditions for their nuclear programs, where this difference has been emancipated from and how to deal with it in international law respect.

Peculiarities of Iran and Israel in nuclear arsenal

Among de facto nuclear-weapon states that are outside the obligations of the NPT, the case of Israel has more similarities with that of Iran in nuclear activity, in the meanwhile this country has a quite opposite position in relation to nuclear activities, compared to Iran. Both are situated in the Middle East region. Both have never been proved to test any nuclear weapons¹.

Both regard the advancement in nuclear weaponization as military privilege in the Middle East region and, in turn, in the world to maintain and reinforce their sovereignty. Both started their nuclear program as the part of United States' program launched under title of Atom for Peace. Both follow an unclear and closed nuclear policy nowadays.

The Israeli nation was mainly comprised of victims and survivors of humanitarian disaster of Holocaust who has strived to protect their legacy, rituals, and culture transcending to their future generations. It is not surprising to find this state eager for the latest advancement in military forces and armament including nuclear weapons. Especially, the fact that the pioneers of the nuclear arsenal were Jewish, fueled the Israel's eagerness to maintain it as legacy of the Jew. Iranian nation also experienced a series of massive massacres during Iraq's invasion of Iran namely the Halabja chemical attack.

To end the Gulf war in the region the United Nations Security Council (UNSC) in 1991 adopted Resolution 687 taking "steps towards the goal of establishing in the Middle East a zone free from weapons of mass destruction and all missiles for delivery and the objectives of a global ban on chemical weapons" [16, Art. 14]. Since then, the international community has stressed the significance of Nuclear Weapon Free Zones (NWFZs), including the need for a NWFZ in the trouble regions, namely Middle East, and holds conferences on legal applicability of this proposition

and finding a legal solution to legalize it. However, attempts to make a regional nuclear disarmament remain a doctrinal dispute without legal efficacy and competence to make states bound to itself. After three decades of the adoption of Resolution 687 in 1991, the First Session of the Conference on the Establishment of a Middle East Zone Free of Nuclear Weapons and Other Weapons of Mass Destruction was held in November 2019 at United Nations Headquarters. It is promising that the ongoing conferences which will be held on the regular basis may end up in concluding a treaty as for the NWFZ in the Middle East region.

Interstate Relations Between Iran, Israel, and United States

Iran and Israel have had tight-knit relations with United States. Israel is the U.S. ally in the region at present. While Iran used to be the U.S. ally, but their friendship fell apart in 1976. The Treaty of Amity, Economic Relations and Consular Rights between the U.S. and Iran, 1955, established such a peaceful, cooperative relation between them for two decades. Through an overview of history of the United States relations with Iran and Israel, it can be conceived that the United States was the first foreign authority encouraging Iran to initiate its nuclear program although now it is the first opponent for Iran's nuclear activities. Conversely, Israel never had United States support and patronage for the establishment of its nuclear program, but now the United States advocate and uphold Israel's nuclear activities whether explicitly or implicitly.

The role of the United States can be traced in the problematic situations of nuclear programs of Iran and Israel. The United States, indeed, plays a role model for non-nuclear states and de facto-nuclear states in observing nuclear disarmament obligations and suspension of the proliferation of nuclear weapons. Such peculiarly unique status in nuclear arsenal originated from the fact that the U.S. has been only state applying nuclear weapons in an armed conflict, compared to other nuclear states. Therefore, the uniqueness of the U.S. has historically been derived from the commitments it must comply with as well as the rights it possessed as a nuclear state. After World War 2 (WW2), the U.S. is still the actor of significance which had used atom for military purposes once. In principle, the U.S. committed itself not to proliferate nuclear warheads as the other nuclear states did the same. Indeed, the U.S. has never pursued negotiations in good faith as obliged by Art. 6 of the NPT to introduce and implement effective measures related to nuclear disarmament and the suspension of nuclear arsenals. While the United States, for instance, has taken a substantial number of nuclear tests and possessed so many stockpiles so far, its withdrawal from the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) has devastated the mutual trust and good-faith negotiation. The United States - the Iranian former ally and Israeli present ally in the region - never found its interests to resolve nuclear arsenals in action, although it signed in 1996, but has never ratified the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (CTBT).

Iran and Israel have had an absolutely complicated relationship with each other. Their relation is reinforced by historical evidence showing Cyrus the Great - the founder of the Achaemenid Empire, the first Persian empire - liberated the Jewish nation from captivity and settled them in Jerusalem in 539 BCE. Given the consideration of contemporary history, Iran and Israel used to have close relations. Shortly after the Islamic Revolution in Iran, they were turned into two rivals and adversaries. As a historical example, Israel facilitated a series of weapon shipments

¹ Several international legal documents discuss a possible nuclear test by Israel in the Southern Indian Ocean on 22 September 1979. See the Eighth annual report of the International Panel on Fissile Materials, [5]

to Iran during the Iran-Iraq War. "In early 1980, Israeli Prime Minister Menachem Begin approved the shipment of tires for Phantom fighter planes, as well as weapons for the Iranian Army. Israel's actions violated U.S. policy, which stated that no arms be sent to Iran... In return for Israeli assistance, Khomeini allowed large numbers of Iranian Jews to leave Iran for the United States or Israel. The Iran-Contra affair led to even greater cooperation between Iran and Israel" [12].

Besides, they used to have the same nuclear supplier – Argentina. Argentina and Iran concluded "a deal to convert the reactor core to use nearly 20 percent enriched uranium instead of 93 percent enriched fuel" [22]. From Iranian party's point of view, Argentina was forcing the strict terms for the deal. So, when Amia bombing happened, bringing so many casualties of Jewish community, it was a period when Iran and Argentina were negotiating over terms of the deal from 1992 to 1994.

The bombing attack dismissed the negotiations. Turning to Israel case, as Israel took the so-called doctrine of Amimut² toward its nuclear program from the start, there have not been so many legal documents released by Israeli authorities. Indirectly, however, some reliable information regarding Israel-Argentina nuclear cooperation can be found in American sources. For instance, during 1963-1966 Israel purchased some nuclear materials such as uranium oxide known as yellowcake used in the manufacture of nuclear weapons [2].

Iran under international nuclear obligations

As for the main international nuclear obligations, Iran ought to comply with is the NPT that it ratified in 1970. Under Art. 3 of the NPT, Non-Nuclear Weapon States (NNWSs) are subject to the IAEA safeguards. Iran as an NNWS signed the IAEA safeguards in 1974. Since 2002, concerns over Iran's advantages of nuclear activities for military purposes has been raised. The dearth of clarification and non-cooperative behavior led to the UNSC starting to adopt Resolutions regarding Iran's non-compliance with the IAEA safeguards and the NPT, although it has never been proved by concrete evidence that Iran had possessed nuclear armaments. To determine whether a state party is on compliance or not, the NPT obligations play a key role, although, they are still unclear criteria requiring more firm evidence and facts. Based on such criteria, the IAEA assumes Iran has been on non-compliance with safeguards. Iran has been detected as non-compliant due to the fact that the IAEA recognizes that information Iran has provided with is not sufficient and adequate for the verification in accordance with the safeguards to the NPT which are flexible and variable to be interpreted.

The IAEA, in fact, has the only competence for monitoring and verification of nuclear material and technology acquired by the NNWSs and the NPT prohibits nuclear armaments. "The IAEA is not, as it is commonly expressed in the media, a nuclear weapons watchdog. The IAEA and its safeguards agreements with NPT NNWS are directly related only to the Article III obligation concerning nuclear materials accounting and verification. They are related only very indirectly with the Article II prohibition on NNWS acquisition of nuclear weapons" [13].

Anyway, within 2003-2010 the UNSC carried out proceedings against Iran's nuclear program by adoption of a set of Resolutions imposing sanctions on Iran to resolve the disputes over Iran's nuclear activities. In July 2015 Joint Comprehensive Plan of

Action (JCPOA) came to exist signed by China, France, Germany, Russia, the United Kingdom, and the United States (E3/EU+3) and Iran over cooperation to ameliorate tensions around Iran's nuclear program. Subsequently the UNSC adopted Resolution 2231, endorsing the JCPOA as well as lifting of United Nations sanctions against Iran imposed by the previous resolutions.

By means of the JCPOA Iran and the E3/EU+3 managed to serve their mutual legal interests in order to enhance transparency, cooperation assuring that Iran's nuclear program is peaceful. Mutual legal interests and full cooperation to remain in compliance with safeguards to the NPT were maintained till 2018 when the United States officially withdrew from the JCPOA and snapped back all sanctions on Iran.

On the one hand, Iran was subject to the JCPOA and had to fulfill its obligations. On the other hand, the sanctions Iran stressed to be lifted was re-imposed. This was against Iran's legal interests. Nevertheless, Iran stood by its commitments to the JCPOA. The JCPOA was no longer able to keep the balance between obligations and rights of state parties to itself as the sanctions were re-imposed while Iran shouldered its responsibilities and commitments under the JCPOA obligations. The E3/EU+3 have tried to find an appropriate alternative for the U.S. withdrawal to decrease the American influence on their legal interests in relation to Iran's nuclear program. The post-JCPOA period has been difficult time for Iran. Iranian party has been urged to fulfill the terms of the deal while has endured sanctions and constrains re-imposed by the U.S.

As regards Iran's alleged non-compliance with the safeguards to the NPT, the IAEA calls upon Iran to meet the agency's demand on undeclared site through the adoption of a Resolution on July 19, 2020 [11]. There is no official evidence to prove that Iran is not in compliance with its commitments.

Israel under international nuclear obligations

Israel allegedly began nuclear activities in the 1950s as Israel Atomic Energy Commission (IAEC) was established in 1952. "Bergmann also served as the head of the Ministry of Defense's Research and Infrastructure Division (EMET)—reorganized in 1958 as the Armaments Development Authority (RAFAEL)—which was eventually charged with weaponizing the bomb" [1].

Comparing the nuclear program operated by Israel with Iran's nuclear program, there are lots of unrefuted information by campaigns and organizations that this state has have its own nuclear arsenal. For instance, it is stated by arms-control and nonproliferation experts that "as of the beginning of 2020, Israel may have a stockpile of about 980 ± 130 kg of plutonium" [6].

Israel, which has never been a party of the NPT, faces some restrictions for its nuclear activities. For example, the Nuclear Research Center in central Israel – Soreq - transmits uranium into nuclear fuel. IAEA inspectors are permitted to visit this nuclear plant. Nevertheless, Israel is unable to import more highly enriched uranium to fuel the reactor because it is not a party to the NPT. Another example is the IRR-2 research reactor which is at the Negev Nuclear Research Center located in Dimona. This research reactor is not under IAEA safeguards either.

Nonetheless, Israel has a seat in the IAEA. In fact, Israel has been member of the IAEA since 1957 as well as it has 16 accessions which contribute to the realization of the universality of the nuclear safety and security- an objective supported by the UN and recall in the decision taken at the NPT conference on 11 May 1995 to extend the Treaty indefinitely. Accordingly, Israel

² the term means "opacity" in Hebrew

is subject to the monitoring and verification by the Agency. The Agency never negotiated with Israel over the IAEA Additional Protocol. By means of the Additional Protocol, is not a stand-alone agreement, but rather a protocol to a safeguards agreement that provides additional instrument for verification. In particular, it significantly increases the IAEA's ability to verify the peaceful use of all nuclear material in States with comprehensive safeguards agreements. Turning to Israel, this state failed to make the required reports on the nuclear activities it has done in pursuant to Resolution 1540 and Resolutions 1673 unanimously adopted by the UNSC in 2004 and 2006 respectively. This failure to submit reports is a consequence of absence of the Additional Protocol.

It is not surprising to figure out that Israel has not had a clear-cut procedure in exposing its nuclear program to the Agency. The first and most important example of the ambiguity in Israel's nuclear arsenal dates back to the foundation of Israel's Atomic Energy Commission which was officially declared on the 19th November 1954 although this organization had covertly started operating two years before then [21].

The ambiguity in transparency of its nuclear program helps Israel relieve the liability for the IAEA surveillance and control. Israel has never officially admitted producing nuclear weapons but figures of a survey on the world nuclear forces illustrate that Israel stored "90 warheads" [14, P. 326] and manufactured "plutonium for 100-200 weapons" [3]. Such ambiguity adversely affects the implementation of The ME WMD/FZ Project. Even, whether Israel's nuclear program is transparent enough or ambiguous is not clear to argue about. There are voices stating that Israel determinedly pursues the nuclear arsenal to enhance its nuclear stockpiles. These allegations are neither refuted, nor proved due to the limitation of the IAEA in function. The uncertainty in Israel's compliance with the safeguards has still overwhelmed. Here the question of the IAEA's limitations comes up to facilitate the transparency procedure for every state member. In brief, the IAEA encounters some crucial limitations in relation with voluntary acceptance of safeguards by state members, compromises in negotiations, lack of law enforcement practice, limit power of inspection and requirements not to discriminate between states.

In 1996, during the first General Assembly committee debate over the draft of Nuclear-weapon-free zone in the Middle East, Israel and United States voted against the sixth preambular paragraph of resolution "recalling the Conference of the Parties to the NPT on 11 May 1995" [17]. Israel explained its opposition, emphasizing that "the conditions prevailing in our region are not as yet ripe for negotiations, let alone for the establishment of a nuclear-weapon-free zone" [17]. While Iran regarded that the draft resolution "calls upon Israel, the only State in the Middle East that is not a party to the Treaty ..., to join this Treaty and place its unsafeguarded nuclear-weapon program under the safeguards of the International Atomic Energy Agency" [17].

As mentioned before, safeguards agreements applied by the IAEA contribute to ensure that all undertaking nuclear activity of a state is in accordance with peaceful purposes and on compliance with the introduced legal frameworks. In the cases under study, safeguards agreements for Iran entered into force in 1974 and a year later it came into force for Israel aimed to control and prevent nuclear armament. Additional protocols are also imposed on some states and the terms of the protocols vary from one state to another. As regards Iran, there is an additional protocol applied

to Iran nuclear program by the Agency "provisionally for the Islamic Republic of Iran as of 16 January 2016" [8] because Iran became one of the signatories to the additional agreement in 2003 and Israel has never joined. As for the Additional Protocol, while some aspects of the Additional Protocol entail monitoring fissile material stockpiles, carrying out inspections, and delivering information regarding fuel cycle research, a party to this Protocol reflects the persuasion of these monitoring and verification provisions long after the comprehensive agreement between the P5+1 and Iran is implemented.

Therefore, there is no room left for the grave concern toward Iran to manufacture nuclear weapons as the deal pave a way forward to increase access to its nuclear facilities and information consistently provided by the Additional Protocol.

Through the General Conference of 2009, the IAEA beseeched Israel to disclose its nuclear program to IAEA scrutiny and comply with the NPT [9]. It has been 40 years since the UNSC Resolution 487 urged Israel "to place its nuclear facilities under IAEA safeguards" [18]. Israel has still been violating the Resolution and got an abstaining position toward General Assembly resolutions launching an international preventive framework for non-nuclear states not to take advantage of nuclearization including "Resolution 71/30 adopted in 2016 on The Conclusion of Effective International Arrangements to Assure Non-Nuclear-Weapon States Against the Use or Threat of Use of Nuclear Weapons, which underline the threats of the misuse of nuclear weapons," [19]. On contrary, Iran's vote on this resolution was in favor [19].

Compared to Iran passing unpaved path into nuclearization facing so many ups and downs, Israel has already gone such a path smoothly. Israel has kept ambiguity doctrine toward its nuclear arsenals as military advancement in aircrafts, submarines, and land-planned missiles. Since its recognition as a state, Israel has been situated in the region where its neighboring states are not generally on the same side from the angle of legal interests which has brought about adversary and discrepancy in relation to its neighboring states.

Albeit nowadays, Israel is experiencing quite different circumstances in the region as new friendly ties with its neighboring countries have been knotted which have brought about new legal and political commitments for peaceful coexistence and long-standing cooperation. To exemplify, Abraham Accords Peace Agreement: Treaty of Peace, Diplomatic Relations and Full Normalization Between the United Arab Emirates and the State of Israel (2020) is one of the latest ties. The so-called peace deal between Israel and UAE has initially aimed at the normalization of relations between Israeli state and an Arab state after peace agreements with Egypt in 1979 and Jordan in 1994. This peace deal provides a great opportunity to establish robust relationship with the Persian-Gulf countries. Accordingly, Israel officially proclaimed military cooperation with the UAE along with some other commercial collaborations namely, telephone links, flight lines and shipping. Although such a peace deal persuades Israel to provisionally stop its claim on the Jordan Valley, the pace of its nuclear development has not slowed down and the other states in the region still have concern about Israel's nuclear arsenal. Consequently, Israel continues its nuclear ambiguity while normalizing its relations in the region.

In other words, in the Middle East region there is the Iranian state which has been trying for a long time to show and prove peaceful character of its nuclear program, being a part of relevant

international legal framework, whereas Israel seeks to possess nuclear advancement as military option in the region to apply against its adversaries and potential enemies and to stay free from treaty obligation in respect of nuclear non-proliferation.

According to the latest statistics [15], Egypt, Iraq, Israel, Libya, Syria, Turkey, and Yemen are the seven states with active armed conflicts in the Middle East and North Africa.

Of these seven states, Israel has “low intensity, extra-state armed conflict” [13, p. 8]. Contrary to the Conference on disarmament proposing a Fissile Material Cut-off Treaty (FMCT), it is highly probable that Israel has not stopped producing fissile materials for nuclear weapons. “A reassessment of Israel’s nuclear arsenal in 2014 suggests it may have on the order of 80 nuclear warheads that can be delivered by aircraft, land-based ballistic missiles, and possibly sea-based cruise missiles. Previous estimates have ranged from 75 warheads to more than 400 warheads. IPFM has previously assumed a range of 100–200 warheads which would be consistent with estimates for Israel’s fissile material stockpile” [5, p.8].

Concluding new cooperative and amity arrangements and accords with other states in the Middle East region, Israel is still opposed to its Arab neighbors over the establishment of a zone free from nuclear armaments. Such opposition, in turn, puts Israeli state in an adversary position against the others in the region.

Israel advocates the foundation of peaceful relations among states in the Middle East before acceding to the Middle East Nuclear Weapons Free Zone (ME NWFZ). In contrast, Arab states as well as Iran assert the conclusion of an agreement on nuclear weapon free zone in the region considering that, as such, international legal commitments on nuclear weapons free zone in the Middle East would lead to more peaceful interstate relations.

Anyway, Israel has been reluctant to negotiate on a Middle East Weapon Mass Destruction Free Zone (ME WMDFZ) in the region. For example, the draft final document of the NPT Review Conference in 2015 expressed “cases of non-compliance of the Treaty by States parties and calls on those States non-compliant to move promptly to full compliance with their obligations” [4] as well as “other regions in Asia where nuclear stockpiles pose challenges to the nuclear nonproliferation regime and the shared goals of a world without nuclear weapons and, in this regard, urges restrains and relevant effort to help create the conditions for regional and global disarmament” [4, p.21: Art.160]. Israel’s response to such calls for disarmament norms and obligations is ignorance.

Hence, it is far-reaching for Israel to give an affirmative response to the international call emphasized by the 2022 Review Conference of the Parties to the NPT if the legal regimes and mechanisms remain unreviewed and unmodified in accordance with the present circumstances. As Israel overlooks such international commitments, its doctrine toward nuclear weaponization expedites in an ambiguous manner. In nuclear testing, there is any official confirmation from neither the states nor the Agency regarding nuclear weapon tests by Israel. Israel is the party to Partial Nuclear Test Ban Treaty (PTBT) (1963) which bans testing in the air, space, and water. In 1996, it signed but has not ratified Comprehensive Nuclear Test Treaty (CTBT). Israel is the only non-NPT nuclear possessing state to sign the CTBT. Yet, both Iran and Israel are pending to ratify it.

In the implementation of nuclear safeguards, there is no transparency and clarification made by Israel, but there are

unacknowledged assumptions and unofficial statements on secretly nuclear tests as well as officially undeclared nuclear stockpiles. Even though Israel did not sign the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons (TPNW), since 2018 it, as a nuclear-ownership state, has been opposing annual UN General Assembly resolutions about the TPNW [20]. Israel has never participated in negotiations of the treaty at the United Nations such as Draft treaty on the prohibition of nuclear weapons in 2017 and UN General Assembly resolution 71/258 in 2016, and never voted in favor of the adoption of the resolutions. In boycotted any negotiation respecting nuclear activities, because such legal instruments propose the adoption of the treaty and urge “all states that have not yet done so to sign, ratify, accept, approve or accede to the Treaty at the earliest possible date” [20].

In 2009 the IAEA held a conference to adopt a resolution to bind Israel to the Treaty. However, European Union, United states of America, and United Kingdom voted against this resolution. Sweden as the representative of European Union explained its opposing vote that the EU “did not believe that the draft resolution, which focused on a single country, would command consensus at the General Conference” [9].

Compared to the five nuclear states, in general, Israel enjoys the position in the Agency with less obligations towards it since the nuclear states under Articles 1 and 6 of the NPT must fulfill more commitments and remain in more compliance with the Treaty obligations. In the Middle East region, Israel has also been treated as an exception. Thus, it is not surprising to witness the regional and subregional legal mechanisms and instruments have been doomed to failure in relation to nuclear disarmament and the establishment of a nuclear weapon free zone in the region. Indeed, international arrangements make Israel an exception from undergoing nuclear obligations. Like Iran, however, Israel would admit and accede obligations of the NPT, but Iran could entrust to the Agency and its efficacy in implementation of the nuclear obligations and has strived to remain compliance with its commitments. Unlike Iran, Israel has not opened nuclear facilities to the IAEA inspectors and resist to undergo the NPT obligations.

As regards the NPT Review conferences between 1999 and 2000 the Agency tried to find a practical way in order to facilitate the legal process of a WMD-free zone in the region. During the consultation meetings, Israel’s priority was the establishment of comprehensive peace and security in the region, while the other States of the region argued that the application of safeguards to all nuclear activities in the region would be a key peace-making. Israel, that has had a strongly dissident contribution with the conclusion of JCPOA and expressed its opposite point of view toward the normalization of relations between Iran and the world powers, did not attend to the first annual conference held in 2019 on the Establishment of a Middle East Zone Free of Nuclear Weapons and Other Weapons of Mass Destruction whereas all states in the Middle East region took part in it.

The narrative as a war survivor and non-violent state has not a little bit changed so far. Israel voices out its desire for a WMD-free zone in Middle East, whereas never crystalizes the status and purpose of nuclear program for the world community to prove that it is not a threat for other nuclear-armed states.

The Israeli policy of ambiguity (Amimut) is viewed as a way to keep Israel and its nuclear program away from liability for legal verification and control. As argued earlier, by means of this policy, Israel neither officially confirms nor denies that it manufactures nuclear weapons.

The Amimut policy comprises two principles which are as follows: First, keeping the nuclear activity in the dark and ambiguity implies on not exposing it to international legal inspection or announcing and second, magnifying an image of its nuclear activity through unproven statements, unofficial gossips, as well as indirect evidence. While Israel has been appeasing the tensions with Arab countries in the Middle East region, it has never render the Amimut policy regarding its nuclear activity to international nuclear investigations for verification and control to ensure whether its nuclear purposes is peaceful. This insinuates that, Israel's Amimut policy on the nuclear programme is nothing to do with Israel's security. This thus poses legal contradictions in the nuclear safety and nonproliferation policy.

Israel's Amimut policy on its nuclear activity has fundamentally hindered establishing a WMD Free Zone in the Middle East. Yet, such obscure can put forward that on the international plane Israel's nuclear weapon possession is more imminent than Iran. This idea manifests doubts over double standard. In this respect, double standard would rather bolster the sense of discrimination and injustice between sovereign states, drive hostility in the region, and undermine the competency of the IAEA to play the role of a fair inspector to carry out verifying and controlling measures towards states' nuclear initiatives.

Its possession without international surveillance and verification sets forth that Israel is able to engage in aggressive military action in the region safe in the knowledge that its nuclear monopoly prevents assertive reaction. Even though, Israel has constantly declared its official support for a WMD Free Zone in the Middle East region at UN conferences but has also argued that such a zone could only be achieved when a transboundary solidarity and mutual recognition within the region. The other states in the region conceive this as another stalling policy to bypass the international legal obligations or off-the-record acknowledgment for Israel's clandestine nuclear arsenal. There have been several narratives to take the Zone into account in parallel with a far-ranging security negotiation, but none of them has worked out in action so far due to the fact that Israel knows how its Amimut policy compromises its own long-term security as well as prospects of a WMD Free Zone in the Middle East.

Approaches, Deterrents, and Incentives in International Nuclear Law

According to the IAEA Board of Governors' reports there are five states staying in noncompliance with its NPT safeguards agreement which are as follows: Iraq (1991), Romania (1992), North Korea (1993), Libya (2004), and Iran (2006). Surprisingly, the Board has never provided any well-established definition of the term "non-compliance". A scrutiny of the history of the invention of the term "non-compliance" in the context of the NPT safeguards shows that more than a decade prior to the NPT, the term "non-compliance," in the context of the NPT safeguards, was conceptualized in the content of the IAEA's statute, which entered into force in 1957. Article 12(a) of the statute concedes rights and duties to the IAEA to respond to parties' request for applying the safeguards. In light of its paragraph 7 this article provides the IAEA with the authority to take requested measures "in the event of non-compliance and failure by the recipient State or States..." [7].

A dearth of a definition of one of the fundamental concepts of international nuclear law may associate with the flexibility of Board's functions to deal with problematic situations and

complications at the expense of the integrity and credibility in the implementation of the NPT safeguards. Relativity in the application of safeguards to distinguish "compliance" from "non-compliance" can have adverse effects on the reliability and effectiveness of the IAEA safeguards system.

In the agreement between the IAEA and the NNWS party to the NPT documented as INFCIRC/153, the Board is responsible to determine that "an action by the State is essential and urgent in order to ensure verification that nuclear material subject to safeguards under the Agreement is not diverted to nuclear weapons or other nuclear explosive devices" [10, Art. 2]. Never mentioning the term 'non-compliance', this Agreement enables the Board to "call upon the State to take the required action without delay, irrespective of whether procedures for the settlement of a dispute have been invoked" [10, Art. 18] and to verify "no diversion of nuclear material... provided for in paragraph C of Article XII of the Statute" [10, Art. 19]. By means of referring to this provision, the Agreement entails the concept of "non-compliance" and the clauses elaborately enumerated in Article XII of the IAEA Statute [8].

Not only the ambiguity in terms and concepts but also the stagnation in joining the treaty as a non-nuclear-weapon state exacerbate the conditions to reach a nuclear peace in line with implementing nuclear safeguards. Owing to this, the tensions, and complications over evaluating a state's compliance with the safeguards and distinguishing between the compliant from the non-compliant exist. There is still a need for Israel and Iran to fully involve and be involved in the mechanism and regime of nuclear disarmament and non-proliferation.

It is evident from the nuclear history of these states that Iran have never had aggressive actions towards the other countries in Middle East. Rather, Israel may explicitly take advantage of its nuclear power to threaten the states in the region as it did in the 1991 Gulf war and the 1973 Arab Israeli War.

In the international law respect, there is a paradoxical treatment creating discriminative situations for the two sovereign states under relatively similar historical and geographical circumstances. Israel managed to enjoy its sovereign rights to pursue its nuclear ambitions not joining the major nuclear non-proliferation treaties, while Iran hardly made progress in nuclear development being a party to the respective universal agreements. Israel has never rendered its sovereignty to international obligations on nuclear safety and security whereas Iran has the nuclear obligations and fulfils the duties and responsibilities thereof.

The doctrinal contradiction between what a state renders and what is ceded to it in return, can literally be inferred from the problematic situation of Iran following its will to reach a nuclear advancement within an international legal framework. Under such circumstances, a sovereign like Iran can conceive its rights and authority to seize from it or to expose at risk. In response to the threat, it defensively acts to preserve its rights and, in general, sovereignty. Hence, it never makes a full cooperation with the other sovereign states as it comprehends international obligations a series of barriers aimed at intervening in its decisions, hindering its progressive initiatives, threatening inalienable rights and mainly its sovereignty.

In the comparative cases studied, Iran consented to restrict its sovereignty by means of international legal obligations on nuclear activities, at the same time it shouldered a huge burden imposed by sanctions and deterrent resolutions caused by the

UNSC and UNGA. However, the imposition of sanctions and the fulfilment of obligations in the Iran's case at the same time caused so devastating effects that no sovereign state wishes to go through. While its counterpart – Israel – has never had such a massive pressure from international community and in particular the nuclear states to slow down its nuclear program since it has never been subject to any obligations for its nuclear activities. On one hand, Iran has increasingly been encountering double standards on nuclear development, although it has already contributed with the treaties, safeguards, and additional protocols to legalize its nuclear program. On the other hand, Israel has never had such a strict treatment to comply with the obligations on nuclear arsenals. Instead, it has received technical and financial support from the nuclear states namely France and the U.S. or legally been exempt from all responsibilities it would have taken for its nuclear activity within an international legal framework since it lunched the nuclear program. Indeed, Israel never needs to restrict its sovereignty by the legal obligations as it keeps playing a possible victim of an impending conflict in the dim future.

All in all, this complication takes place due to an unequal implementation of necessary legal norms, frameworks, and safeguards for similar situations. The law shall treat every subject equally. The law, whether hard or soft, ought to have the criterion of inclusion that says the law must be addressed, applied, and implemented for every similar subject. So, inclusion requires indiscrimination in making rules as well as implementing them. Otherwise, it brings about a problematic situation, dilemma, chaos, and in the end armed conflict. The law shall treat every subject equally and international law is formulated on the basis of sovereign equality. If sovereigns are equal, then they must be treated equally and be under pressure to restrict its power and authority indiscriminately as there is no exception before the law into a legal order. It does not make a correct judgment if the legal order requires one state to concede some part of its sovereignty to international law whereas spares the other. However, the two cases show that a state undertaking commitment (obligations) and cooperating within the established framework is found with a less favorable outcome than a state staying outside the internationally agreed schemes. The pressure shall be more for the state posing more threat to peace and non-proliferation, but it is not. When Israel is exempted from the legal obligations and its nuclear superiority remains unleashed, the rest of the region receive call of duty to act in the prescribed legal frameworks on the international plane.

Therefore, when the Iranian state finds itself under international pressure to respect the obligations that it is subject to, it needs to perceive that the nuclear states take its ambitions, incentives, and requests into serious consideration. In opposite, the nuclear states overlook Iran's requests as a party to the NPT and they would rather keep making Israel as a non-member of the NPT an exemption from the required frameworks it ought to pursue its nuclear activities. This is a malfunction of the whole framework where the NPT is the central element which fails to provide an indiscriminative ground for the state parties to it which they must endure more pressure of the double standards while it is probable to develop nuclear arsenals without the liability to the legal obligations of the Treaty, being under the massive pressure of its possible double standards and the acknowledgment from the international community for their nuclear program.

The dearth of incentive and coercion in membership of the NPT for the NNWS leads to deficiency in the prospect of non-proliferation regime to prevent nuclear arsenals not only in a specific region but also across the world. Iran became reluctant to undertake an additional protocol to the IAEA Comprehensive Safeguards and is resistant to suspend the nuclear activities for the international assurance about the peaceful purpose of its nuclear program once. However, this does not necessary mean that the Iranian state genuinely intended not to render a part of its sovereignty to the international obligations. At the moment, Iran has accepted the obligations of the Comprehensive Safeguards and the additional protocol. While the pressure on Iran is escalating to make more commitments to the NPT safeguards and other double standards of the nuclear non-proliferation framework, the liability, transparency, and cooperation of Israel's nuclear program are disregarded as well as dismissed by the international community. The Legal problem of Iran's nuclear might not be solved until the universal pressures on Iran take along with the incentives to acquire nuclear power and the initiatives to address Israel's possession of nuclear weapons outside the international nuclear regimes.

Conclusion

It is not exaggerated to say that Israel and Iran are in the arms race in the Middle East region as they are willing to achieve the most advanced, latest armories to maneuver their power namely nuclear superiority. Israeli state managed to smoothly fulfill its wills for nuclear advancement in every aspect, but its Iranian counterpart has still struggled and even grounded with a pile of legal complications in the sphere of international law. However, the former has never had a full cooperation with the IAEA and, in general the international community for transparency and accountability. Conversely, the latest has been trying to restrict its sovereignty before international law with its own consent and free will to legalize its nuclear development for a long time. It has encountered so many barriers created by international legal obligations though.

In 1995, the global pledge to create a NWF zone was conceived crucial for not only securing the exhaustive implementation of the NPT. The absence of the zone today echoes a growing tension and complication in this critical agreement. Since then, international law has not only failed to present a legal solution to provide a state with its sovereign right but also been disabled to regard and safeguard its fundamental principle of sovereign equality on the basis of the UN Charter. Sovereign equality is a legal value stemmed from Westphalian treaty in 1648 and nourishing from positivism as dominant doctrine of the 20th century, formulated in the establishment of the United Nations Organization, and conceptualized in a fundamental principle of international law. According to this principle of international law, equality and justice in international relations shall manifest in an indiscriminative treatment of equal behavior for all states regardless their territorial expansion, economic prosperity, and political power. In practice, however, the international community witness unequal considerations, discriminative treatments, and relativistic resolutions with respect to international relations of states as primary subjects of international law and major international actors.

To sum up, there are two different points of view reinforced regarding compliance status of Iran and Israel with international nuclear obligations. What can be inferred from the comparison of

legal circumstances of Iran and Israel in relation to their nuclear programs is that Israel is, on contrary, to be brought to more stringent attention of the IAEA Board as well as the international community, while Iran shall be praised for its good faith cooperation and relieved from coercive measures including the sanctions and UN resolutions. Furthermore, the dominance of Amimut doctrine over Israel's nuclear program is a key obstacle to establishing a weapons of mass destruction free zone in the Middle East.

Israel, on the one hand, keeps reiterating that the establishment of comprehensive peace and security in the region should come first, then the world community can pursue this goal with the establishment of the Middle East nuclear-weapon-free zone. On the other hand, Iran along with other states whether in the Middle East region or across the world continue advocating the approach that the international legal obligations of all nuclear activities in the region should lie in neither the foundation of a Middle East nuclear-weapon-free zone nor the conclusion of a comprehensive peace agreement. Instead, the implementation of such safeguards would itself be a key confidence building measure which could serve to this goal.

The NPT and IAEA safeguards and other instruments have the potentials to commit the states parties in compliance with legal obligations in line with fully nuclear cooperation while enjoying their rights to the use of peaceful nuclear development. The IAEA is entrusted and is recognized as the sufficient forum for the nuclear cooperation and governance³, and other monitoring responsibilities under the Treaty. The IAEA adopted technical cooperation strategy applied by several principal instruments (i.e.: model projects, country program frameworks and thematic plans). Among them, frameworks of a country program contribute to nuclear cooperation between the IAEA and the state parties for optimization and verification.

If the Agency stives to strengthen the regional cooperative arrangements namely regional nuclear agreements in the Middle East, it is required that the terms of nuclear agreements and safeguards must be implemented in every state equally. In practice, Iran and Israel in the Region are dealing with different legal obligations. as the analysis showed, as far as privileges are provided by the Agency for the liability of some states, such nuclear debates and allegations are not able to be resolved, as under the United Nations Charter every state can enjoy sovereign quality.

Reference bibliographic list

1. Atomic Heritage Foundation // Israeli Nuclear Program. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.atomicheritage.org/history/israeli-nuclear-program> (15/08/2018).
2. Burr W., and Cohen A., The Israel-Argentina Yellowcake Connection, the National Security Archive, 2013, the Goerge Twon University.
3. Center for Arms Control and Non-Proliferation//, Fact Sheet: Israel's Nuclear Inventory. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://armscontrolcenter.org/fact-sheet-israels-nuclear-arsenal/> (31/03/2020).

4. Draft Final Document of The NPT, 2015 Review Conference of the Parties to the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, NPT/CONFZO LS/R, 2015. - Art. 11-160. 2-21 p.
5. Global Fissile Material Report, Eighth Annual Report of the International Panel on Fissile Materials, 2015. - 8-10 p.
6. Israel // International Panel on Fissile Materials. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fissilematerials.org/countries/israel.html> (02/04/2022).
7. IAEA, Statute. (1957). AMENDED 1989. - 28 p.
8. IAEA, Annual Report, GC (64)/3, 2019. - 123 p
9. IAEA, General Conference, 53rd regular session GC (53)/OR.10, 2009.
10. The IAEA, The Structure and Content of Agreement Between The Agency And States Required In Connection With The Treaty On the Non-Proliferation Of Nuclear Weapons, INFCIRC/153, 1972. - Art. 2.
11. IAEA, Board of Governors, NPT safeguards agreement with the Islamic Republic of Iran Resolution adopted by the Board of Governors (19/07/2020), GOV/2020/34.
12. Kaye D. D., Nader A., and Roshan P., Israel and Iran: A Dangerous Rivalry, RAND Corporation, 2011, - 14-15 p.
13. Joyner D. H., Iran's Nuclear Program and International Law from Confrontation to Accord, Oxford, 2016. - 75 p.
14. SIPRI, Armaments, Disarmament and International Security, Yearbook 2020.
15. SIPRI, Armaments, Disarmament and International Security, Yearbook 2021, 8 p.
16. United Nations, Security Council Resolution 687 (8/3/1991) S/RES/687, - Art. 14.
17. United Nations, General Assembly, Nuclear-weapon-free zone in the Middle East – First Cttee debate – Verbatim records (excerpts), Fifty-first session First Committee 25th meeting, 18/11/ 1996.
18. United Nations, Security Council, Resolution 487, 1981.
19. United Nations, General Assembly, 71st session, 51st plenary meeting, 2016, A/71/PV.51.
20. United Nations, General Assembly, 75th session, 1st Committee, General and complete disarmament: Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, A/C.1/75/L.6, 2020.
21. The U.S. Discovery of Israel's Secret Nuclear Project // The National Security Archive, the George Washington University. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb510/> (15/03/2015).
22. Walrond C., Timeline 1967-1993: Argentine Low-enriched Uranium at Tehran Research Reactor 1, October 7, 2009.

³ Article IV of the Treaty recognizes the IAEA for the transfer of nuclear technology.

ПАНИЧКИН Иван Витальевич

соискатель отдела международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА АРКТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ В ВОПРОСАХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕФТЕГАЗОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АРКТИКЕ

Арктика долгое время оставалась регионом, изолированным от влияния геополитической напряженности, что позволяло арктическим странам планировать и реализовывать крупные инфраструктурные проекты в нефтегазовой сфере и формировать региональную международно-правовую базу для дальнейшего сотрудничества. Однако, в 2022 году «западные страны» приняли решение приостановить сотрудничество с Россией в Арктике, что может привести к переконфигурации архитектуры международного сотрудничества в Арктике, в которой баланс сил России и остальных арктических государств существенно изменится.

Ключевые слова: Арктика, нефть, газ, США, Арктический совет.

PANICHKIN Ivan Vitaljevich

competitor of the Department of International Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

PROSPECTS FOR COOPERATION BETWEEN THE ARCTIC STATES IN MATTERS OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF OIL AND GAS ACTIVITIES IN THE ARCTIC

The Arctic has long been a region isolated from the influence of geopolitical tensions, which allowed the Arctic countries to plan and implement major infrastructure projects in the oil and gas sector and form a regional international legal framework for further cooperation. However, in 2022, the Western countries decided to suspend cooperation with Russia in the Arctic, which may lead to a reconfiguration of the architecture of international cooperation in the Arctic, in which the balance of power between Russia and other Arctic states will change significantly.

Keywords: Arctic, oil, gas, USA, Arctic council.

Долгое время Арктика оставалась одним из самых неизведанных мест на Земле, интерес к которой проявляли лишь полярные исследователи и небольшой круг ученых. Но уже в 60-70 годы прошлого века, в связи с открытием обширных месторождений углеводородных ресурсов, в первую очередь нефти и газа в арктических районах СССР, Канады и США, начинается активное промышленное освоение материковой Арктики.

Благодаря процессам, предположительно связанным с глобальным потеплением, в последние десятилетия становятся доступными для освоения новые, обширные пространства, прежде всего, континентальный шельф. Согласно различным оценкам в Северном Ледовитом океане сконцентрированы наибольшие запасы углеводородных ресурсов Мирового океана, приблизительно в объеме 180 млрд. т [1].

В настоящее время все приарктические государства (Россия, США, Канада, Дания и Норвегия) приступили к разработке морских нефтегазовых запасов Арктики. Однако, научные и технические возможности, наряду с недостаточной экономической рентабельностью, ограничивают число разрабатываемых месторождений. Предполагается, что масштабная промышленная нефтегазодобыча на арктическом шельфе может начаться после 2030-2035 годов, а до этого времени будут реализовываться отдельные проекты.

Сегодня не существует универсального международного договора, который бы регулировал вопросы добычи углеводородных ресурсов и защиты окружающей среды Арктики,

наподобие того, как это сделано в отношении Антарктиды, Аденского залива [2], Карибского моря [3], Средиземного моря [4] и ряда других морских пространств.

Но это не значит, что сотрудничество в Арктике находится вне международно-правового регулирования. Правовая основа для такого взаимодействия в настоящее время существует. К рассматриваемой проблематике применим целый ряд как универсальных, так и региональных международных договоров, требующих, в большинстве случаев, адаптации для применения в Арктике.

Подобная адаптация началась в 2011 году с принятия первого «панарктического соглашения» – Соглашения о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике 2011 г. Данное соглашение стало первым международным договором, разработанным в рамках Арктического совета (далее – АС) и участниками которого являются исключительно арктические государства. Соглашение представляет собой пример регионального соглашения, адаптирующего применение положений Международной конвенции по поиску и спасанию на море 1979 года¹ и Конвенцией о меж-

¹ В частности, пункт 3.1.8 данной конвенции предусматривает, что его участникам следует вступать в соглашения по поиску и спасанию с соседними государствами относительно объединения их возможностей, установления общего порядка действий, проведения совместной подготовки и учений, регулярных проверок межгосударственных каналов связи, обмена визитами между персоналом спасательно-координационных центров и обмена информацией относительно поиска и спасания. Все арктические государства являются участниками данной конвенции.

дународной гражданской авиации 1944 года² к применению в арктическом регионе.

АС, созданный в 1996 году в качестве межправительственного «форума высокого уровня» для развития сотрудничества арктических государств, координации их действий в интересах обеспечения устойчивого развития региона, защиты окружающей среды, сохранения культуры, традиций и языков коренных народов Севера, до настоящего времени являлся основной международной площадкой по обсуждению вопросов сотрудничества в Арктике.

Высшим органом совета является министерская встреча (как правило, на уровне министров иностранных дел), которая проводится раз в два года. Секретариат АС расположен в Тромсё (Норвегия).

Решения АС принимаются на основе принципа консенсуса между восемью государствами-членами Арктического совета при всесторонних консультациях и вовлечении постоянных участников³. Данные решения носят не обязательный характер.

Россия последовательно выступала за постепенную трансформацию АС в полноценную международную организацию [5], с сохранением принципа консенсуса при принятии решений, что позволило бы вывести его работу на качественно новый уровень путем делегирования полномочий по принятию юридически обязывающих решений [6], а также функций по контролю за реализацией международных договоров, заключенных арктическими государствами.

Основными противниками трансформации АС в международную организацию являются США, которые несмотря на то, что рассматривают АС в качестве основной площадки международного сотрудничества в Арктике, считают, что текущий формат форума позволит им сохранить «свободу рук» в Арктике [7], а также скандинавские страны, позиция которых обусловлена нежеланием Европейского Союза видеть укрепление формата АС без его участия.

Наиболее существенными достижениями работы АС стала подготовка на его площадке трех межправительственных соглашений – уже упоминавшегося Соглашения о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике 2011 г., а также Соглашения о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике 2013 г. (далее – о готовности и реагировании) и Соглашения по укреплению международного арктического научного сотрудничества 2017 г. Значение данных международных договоров заключается в том, что их участниками являются только члены АС, распространяются на все морские пространства Северного Ледовитого океана, и определяют географические районы их применения для каждого государства.

Соглашение о готовности и реагировании применяется к морским районам, в отношении которых арктические государства осуществляют в соответствии с международным правом суверенитет, суверенные права или юрисдикцию, включая внутренние воды, территориальное море, исключительную экономическую зону и континентальный шельф. Однако, арктические государства могут применять определённые статьи данного соглашения в отношении районов,

находящихся за пределами их юрисдикции, т.е. в открытом море Северного Ледовитого океана. Соглашение регулирует вопросы укрепления сотрудничества, координации и взаимной помощи между арктическими государствами в сфере готовности и реагирования на загрязнение нефтью в Арктике в целях защиты ее морской среды от загрязнения нефтью и минимизации ущерба, который может быть причинен в результате соответствующих инцидентов.

Разработку и принятие трёх «панарктических соглашений» можно рассматривать как поступательное движение в сторону усиления роли арктических государств в решении вопросов Арктики.

Данное движение подкреплялось также укреплением сотрудничества арктических государств в наиболее значимой сфере – разработке нефтегазовых ресурсов Арктики, прежде всего, залегающих в недрах Северного Ледовитого океана.

В 2010 году Россия и Норвегия завершили длящийся с 1970-х годов территориальный спор о границе между государствами в Баренцевом море, заключив Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане 2010 г. (далее – Договор). Договор представляет собой первый двусторонний договор о делимитации морских границ в Арктике. Договор регулирует вопросы разработки трансграничных нефтегазовых месторождений в Баренцевом море.

В 2011-2012 годах ПАО «НК «Роснефть» был заключен ряд соглашений о стратегическом сотрудничестве с американской компанией Exxon Mobil, норвежской Statoil (с 2018 года Equinor) и итальянской компанией Eni, предусматривающих совместное осуществление геологоразведочных работ и освоение углеводородных месторождений, в том числе на российском континентальном шельфе Арктики, в том числе в приграничных с Норвегией водах.

Следует отметить, что за время существования АС в его рамках реализовано большое количество различных проектов, в первую очередь, в области охраны окружающей среды Арктики, а его рабочими группами подготовлен целый ряд докладов и руководств по таким направлениям как судоходство в Арктике, нефтяные разливы и разливы иных опасных и токсичных веществ в полярных водах, освоение морских месторождений нефти и газа, безопасная транспортировка нефти в арктических водах, ликвидация последствий нефтяных разливов в арктических водах и т.д.

В то же время, несмотря на все достижения, которые удалось достичь в рамках АС, до настоящего времени, несмотря на ряд признаков, присущим международным организациям (наличие постоянных органов и постоянный характер деятельности, наличие финансовых ресурсов, наличие постоянных членов и наблюдателей и т.д.), он остается лишь площадкой для выработки рекомендаций для государств-членов.

При этом АС стал успешным катализатором взаимодействия в Арктике. Он и его участники смогли приложить усилия, необходимые для успешного заключения трёх международных договоров. АС также выступил в качестве международного представителя интересов коренных народов Арктики, предоставив статус постоянного участника целому ряду их организаций [8].

2 Все арктические государства являются участниками данной конвенции.

3 Там же.

Профессор Дартмутского колледжа, директор Института арктических исследований и Института международного контроля окружающей среды Оран Р. Янг отмечает: «для многих может показаться сюрпризом, что наиболее важной ролью Арктического совета является его создание само по себе. Совет стал символом возрастающей роли Арктики, как отдельного региона в международном сообществе» [9].

Профессор Северного института экологического законодательства и законодательства по вопросам национальных меньшинств (Арктический Центр, Университет Лапландии) Тимо Коивурува, в свою очередь, отмечает, что «несмотря на все свои недостатки, АС в действительности смог сделать возможным позиционирование Арктики в качестве отдельного политического региона»⁴.

В то же время обострившаяся в 2014 году геополитическая обстановка между Россией и странами «Запада» из-за ситуации на Украине сказалась на вопросах сотрудничества в Арктике. Так, ввиду активного противодействия со стороны Швеции, Канады и США арктические государства не смогли договориться о заключении очередного межправительственного соглашения, разрабатываемого под эгидой АС, о сотрудничестве в сфере предупреждения загрязнения морских районов Арктики нефтью. В результате документ был принят в качестве юридически необязательного рамочного плана [10], несмотря на то, что Россия выступала за придание ему статуса международного договора.

Введение США и другими западными странами целого ряда санкций против российских нефтегазовых компаний существенно ограничило их возможности по выстраиванию сотрудничества с компаниями из других арктических государств в вопросах разработки российского континентального шельфа Арктики.

20 мая 2021 г. председательство в АС в порядке ротации перешло к Российской Федерации.

Правительством Российской Федерации был утвержден План основных мероприятий в связи с председательством Российской Федерации в АС в 2021-2023 годах⁵, предусматривающий широкий перечень конференций, форумов, семинаров по таким направлениям, как экономическое сотрудничество, изменение климата и экология Арктики, развитие человеческого капитала в Арктике, развитие инфраструктуры и устойчивого судоходства в Арктике, международное научное сотрудничество в Арктике, предотвращение чрезвычайных ситуаций в Арктике и т.д.

В связи с началом проведения Россией Специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики⁶, 3 марта 2022

г. Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Швеция и США выпустили «Совместное заявление по сотрудничеству в Арктическом совете в связи с вторжением России на Украину»⁷ в котором обозначили, что их представители не будут посещать Россию для участия в мероприятиях, проводимых в рамках её председательства в АС. Кроме того, указанные страны заявили о временном приостановлении участия их представителей во всех заседаниях АС и его вспомогательных органов.

8 июня 2022 года указанные страны приняли совместное заявление, в котором отметили намерение возобновить работу по тем проектам, утвержденным на министерской сессии АС в Рейкьявике в мае 2021 года, в которых не участвует Россия⁸.

В этих условиях в западных научных и экспертных кругах началась дискуссия о возможных параметрах сотрудничества в Арктике без участия России. В частности, предлагается формат «Нордик+» (англ. Nordic Plus)⁹, включающий в себя пять скандинавских стран (Норвегия, Исландия, Дания, Финляндия и Швеция) плюс США и Канада.

Следует отметить, что потенциал России в Арктике значительно превосходит потенциал других арктических государств. Россия является единственной страной, обладающей атомным ледокольным флотом и ледокольным танкерным флотом, способным и уже осуществляющим круглогодичную транспортировку нефтегазовых ресурсов в Арктике. Масштабы текущей и потенциал будущей нефтегазодобычи России в Арктике превосходят совокупные возможности всех других арктических государств в регионе [11]. Проживающее в Арктической зоне Российской Федерации население сопоставимо с населением, проживающим в районах севернее Полярного круга в остальных 7 арктических государствах, а побережье России в Северном Ледовитом океане кратно превышает протяженность побережья остальных арктических государств в Арктике. По некоторым оценкам Россия осуществляет более 70% всей экономической активности в Арктике¹⁰.

Несмотря на введение беспрецедентных санкций в отношении России со стороны США и их союзников, включая все арктические государства, у России имеется потенциал для продолжения усиления своего присутствия в Арктике без участия арктических стран, привлекая партнёров из друже-

4 Oran R. Young, «The Structure of Arctic Cooperation: Solving Problems/Seizing Opportunities», p. 15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arcticparl.org/resource/images/conf4_sac.pdf (дата обращения: 07.09.2022).

5 Рамочный план сотрудничества в сфере предупреждения загрязнения морских районов Арктики нефтью в результате нефтегазовой деятельности и судоходства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/775> Утверждён Председателем Правительства Российской Федерации М. Мишустиним 30 апреля 2021 г. № 4161п-П2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rulaws.ru/acts/Plan-osnovnyh-meropriyatii-v-svyazi-s-predsedatelstvom-Rossiyskoy-Federatsii-v-Arkticheskom-sovete-v-20/> (дата обращения: 07.09.2022).

6 Обращение Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [\[kremlin.ru/events/president/news/67843\]\(http://kremlin.ru/events/president/news/67843\) \(дата обращения: 07.09.2022\).](http://</p>
</div>
<div data-bbox=)

7 Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/> (дата обращения: 07.09.2022).

8 Joint Statement on Limited Resumption of Arctic Council Cooperation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.state.gov/joint-statement-on-limited-resumption-of-arctic-council-cooperation/>

9 Kirchner, Stefan, «International Arctic Governance without Russia» (February 25, 2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://polarconnection.org/nordic-plus-cooperation-arctic/>; Timo Koivurova, «The Arctic Council can continue without Russia». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.arctictoday.com/the-arctic-council-can-continue-without-russia/>

10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1347144/2022-06-09/posol-nazval-nelegitimnymi-priniatyebез-rf-resheniia-arkticheskogo-soveta> (дата обращения: 07.09.2022).

ственных стран в различные проекты, прежде всего в нефтегазовой сфере.

Основа подобному сотрудничеству уже положена. Так, в 2014 году Россия и Китай заключили межправительственное соглашение о вхождении Китайской национальной нефтегазовой корпорации в проект «Ямал СПГ»¹¹, а в 2015 году в проект вошёл Фонд Шёлкового пути¹². Указанные соглашения предусматривают целый ряд мер государственной поддержки проекту, что свидетельствует о заинтересованности России в создании условий для привлечения иностранных инвестиций в нефтегазовые проекты Арктики.

Компания «Роснефть» заинтересована в участии китайских компаний в проекте «Восток Ойл»¹³, ресурсная база которого составляет порядка 6,2 млрд тонн нефти.

Россия заинтересована во вхождении индийских партнёров в проекты в российской Арктике¹⁴.

Если партнёры России по АС продолжают изолироваться от России в Арктике и сохранится «заморозка» реализации действующих «панарктических соглашений», это создаст предпосылки для выстраивания Россией собственной архитектуры международного сотрудничества в Арктике с вне-региональными игроками из дружественных стран. В основе такой архитектуры, принимая во внимание планы России по существенному увеличению добычи и углублению переработки всех видов энергетических ресурсов в Арктической зоне Российской Федерации¹⁵, будет лежать экономическое сотрудничество, в отличие от текущего сотрудничества в АС, основанного, прежде всего, на вопросах охраны окружающей среды.

Учитывая, что действующие международные договоры, применимые к разработке нефтегазовых ресурсов Арктики, по общему правилу, содержат общие нормы, оставляя непосредственное регулирование государствам на национальном уровне, реализация указанных проектов будет осуществляться на основе российского законодательства. Опыт привлечения партнёров из Китая в проект «Ямал СПГ» показывает, что китайские партнёры готовы участвовать в проекте с соблюдением российского законодательства, можно предположить, что вопросы охраны окружающей среды Арктики, в выстраиваемой Россией новой архитектуре международного сотрудничества в Арктике, будут носить вспомогательную роль, уступая место экономическому сотрудничеству.

При этом партнёры из дружественных стран, в свою очередь, будут приглашаться для участия в научных и исследовательских проектах, по мере их заинтересованности, замещая выбывших участников из арктических стран.

Прекращение сотрудничества арктических государств с Россией, в том числе в области поставок оборудования и услуг, приведёт к прекращению следования России экологическим и технологическим стандартам арктических государств, обусловленным широким использованием оборудования и услуг из этих государств. Это также приведёт к развитию национальных стандартов и законодательства при реализации нефтегазовых проектов в Арктике.

В свою очередь остальные арктические государства, которые в среднесрочной перспективе не планируют реализацию крупных экономических проектов в регионе, в том числе в нефтегазовой сфере, смогут предложить внерегиональным игрокам лишь незначительные проекты в экологической и иных неэкономических областях.

Разрушение «западными странами» формата АС, создаваемого на протяжении более 20 лет, приведёт к снижению их роли в Арктике, при этом возможности России по освоению региона сохранятся.

Пристатейный библиографический список

1. Preliminary Geospatial Analysis of Arctic Ocean Hydrocarbon Resources Publication of Pacific: under Contract DE-AC05-76RL01830 [Electronic resource] / Northwest National Laboratory for United States Department Of Energy; P. E. Long, S. K. Wurstner, E. C. Sullivan, H. T. Schaefer, D. J. Bradley.
2. Regional Convention for the Conservation of the Red Sea and Gulf of Aden (1982).
3. Convention for the Protection and Development of the Marine Environment of the Wider Caribbean Region (1983).
4. Convention for the Protection of the Marine Environment and the Coastal Region of the Mediterranean (1976).
5. Арктический совет: Краткое руководство, 3-е издание. Секретариат Арктического совета, 2022. - С. 13.
6. Арктические ведомости. - С. 7.
7. Molenaar E.J. Current and Prospective Roles of the Arctic Council System within the Context of the Law of the Sea // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2012. - № 27. - P. 571.
8. Cela M. Arctic Security. Policy Analysis of the Circumpolar States. - Reykjavík: Félagsvísindastofnun Háskóla Íslands.
9. Timo Koivurova & Leena Heinamaki, «The participation of indigenous peoples in international norm-making in the Arctic» // Polar Record. – 2006. - № 42 (221). - P. 101-09.
10. Timo Koivurova & David VanderZwaag, «The Arctic Council at 10 years: retrospective and prospects» // University of British Columbia Law Review. - Vol. 40. - № 1. - 2007. - P. 159.
11. Паничкин И. В., Давыдова В. С. Разработка морских нефтегазовых ресурсов Арктики. - 2019.

11 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере реализации проекта «Ямал СПГ» от 2014 г.

12 Протокол к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере реализации проекта «Ямал СПГ» 2015 г.

13 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/206601/> (дата обращения: 07.09.2022); [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/208573/> (дата обращения 07.09.2022).

14 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.korabel.ru/news/comments/moskva_udovletvorena_uchastiem_indii_v_rossiyskih_energeticheskikh_proektah_v_arktike_-_mid_rf.html (дата обращения: 07.09.2022).

15 Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-45-51

АСЛАНБЕЙЛИ Бахтияр Али оглы

диссертант Института Права и Прав Человека Национальной Академии Наук Азербайджана

РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ИЗБЕЖАНИЯ ДВОЙНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Развитие отношений между государствами и сближение основных принципов налогообложения и методов разработки налоговой политики продолжается с 19 века. Соглашения об избежании двойного налогообложения представляют собой двусторонние соглашения, которые служат для гармонизации налоговых систем двух вовлеченных стран и применяются не только к организациям, но и к физическим лицам, занимающимся трансграничной торговлей и инвестициями. При отсутствии налогового соглашения доход от трансграничных сделок или инвестиций может подлежать двойному налогообложению: во-первых, в стране, где получен доход, и, во-вторых, в стране, резидентом которой является получатель дохода. Налоговые соглашения устраняют двойное налогообложение между двумя государствами, устанавливая налоговую юрисдикцию над доходами.

Государства имеют и продолжают совершенствовать практику проведения одновременных проверок, совместных проверок, налоговых проверок и решения трансграничных вопросов в сфере налогообложения, особенно двойного налогообложения и уклонения от уплаты налогов, поскольку все существующие проблемы могут быть решены путем тщательного планирования и прямого общения между государствами.

Ключевые слова: двойное налогообложение, налоговые соглашения, многостороннее сотрудничество, экономическая интеграция, налоговые обязательства, национальное законодательство, модель ООН, модель ОЭСР, международный налоговый контроль.

ASLANBAYLI Bakhtiyar Ali

the researcher of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan

DIFFERENT ASPECTS OF INTERSTATE COOPERATION IN THE ELIMINATION OF DOUBLE TAXATION

The expansion of relations between states and the convergence of the basic principles of taxation and the methods of developing tax policies have been underway since the 19th century. Double taxation agreements are bilateral arrangements that serve to harmonize the tax systems of the two countries involved and apply not only to organizations, but also to individuals engaged in cross-border trade and investment. In the absence of a tax agreement, income from cross-border transactions or investments may be subject to double taxation: first, in the country where the income is generated and, second, in the country where the recipient of the income is a resident. Tax agreements eliminate double taxation between the two countries by putting tax jurisdiction over income.

States are deploying and should continue to develop their experience in conducting simultaneous audits, joint audits, tax audits and dealing with cross-border issues in the field of taxation, especially double taxation and tax evasion, because all existing problems may be resolved through careful planning and open communication between states.

Keywords: double taxation, tax agreements, multilateral cooperation, economic integration, tax liability, national legislation, UN model, OECD model, international tax control.

Общая информация.

Одной из основных целей международного сотрудничества в сфере налогообложения было создание правовых механизмов для предотвращения двойного налогообложения. Опыт показывает, что односторонние меры, принимаемые государством, неспособны полностью устранить двойное налогообложение или смягчить его последствия в силу разнообразия налоговых систем, их правовой и налоговой истории, налоговой политики государств.

Все эти различия отражаются в подходе страны кощрению иностранных инвестиций, в характере и исчислении налогооблагаемого дохода, а также в различных методах распределения этого дохода. В связи с усложнением систем налогообложения и разнообразием налогов становится все сложнее добиться полного и эффективного устранения международного двойного налогообложения при одностороннем подходе к указанной проблеме.

В настоящее время существует несколько типов международных соглашений, которые обеспечивают правовую основу для международного сотрудничества между налоговыми ведомствами, включая обмен налоговой информацией,

помощь в сборе налогов, предотвращение двойного налогообложения и борьбу с уклонением от уплаты налогов.

Исторические аспекты сотрудничества.

Во второй половине 19 века государства начали процесс сотрудничества для предотвращения двойного налогообложения, поскольку этот период характеризовался такими факторами, как глобализация мировых рынков и транснациональная деятельность компаний. Ведущие страны мира стали применять свои версии национальных экономик на подконтрольных им территориях, что привело к бурному развитию экономических отношений между метрополиями.

В результате экономической экспансии национальных компаний, возможности граждан получать доходы из иностранных источников, а также возможности владеть имуществом за границей, у правительств возник интерес к налогообложению иностранных доходов и имущества своих граждан и компаний, что неизбежно привело к двойному налогообложению [14, 15-19].

В 1843 году между Францией и Бельгией было подписано первое международное налоговое соглашение. Следует отметить, что Международный Комитет Красного Креста являет-

ся первой международной организацией, созданной с целью налаживания межгосударственного сотрудничества. Однако эта организация была создана в 1864 году, т.е. уже после того, как началось международное сотрудничество в финансовых вопросах. Следует отметить, что в период с 1899 по 1919 год были подписаны 24 конвенции по налогообложению.

В начале 20 века Первая мировая война разделила экономическую систему государств на два лагеря, и экономическое сотрудничество между ними было минимальным. Во время Второй мировой войны наметилась тенденция к временному экономическому сближению стран, которое к концу войны прекратилось.

Деятельность Лиги наций. Международные усилия по решению проблемы международного двойного налогообложения были инициированы Лигой наций в 1919 году и продолжены Организацией экономического сотрудничества и развития и различными региональными форумами. Финансовый комитет Лиги наций обосновал необходимость разработки налоговых конвенций следующим образом: «Существование типовых проектов соглашений продемонстрировало значительные преимущества... Они способствовали преодолению многих технических трудностей. Эта процедура имеет ряд преимуществ. С одной стороны, в основе двусторонних соглашений об избежании двойного налогообложения лежит стандартная модель, что автоматически создает единую практику и правовую базу. С другой стороны, любое заключенное двустороннее соглашение может быть изменено с учетом условий, существующих в разных странах или группах стран» [12, 4].

В октябре 1928 года Общее собрание правительственных экспертов по вопросам двойного налогообложения и уклонения от уплаты налогов, созданное Советом Лиги Наций, приняло Конвенцию об устранении двойного налогообложения в области прямых налогов и три другие двусторонние модели. Это были конвенции о правовой помощи в вопросах наследования, административной помощи в налогообложении и взимании налогов. Работа Общего собрания основывалась на проектах типовых конвенций, подготовленных группой высокопоставленных государственных служащих (налоговых инспекторов).

В 1922 году Рабочая группа включала экспертов из семи Европейских стран. Затем, в 1925 году Рабочая группа была расширена, и в нее вошли эксперты еще из двух Европейских стран, а также Японии, Аргентины и Венесуэлы [11, 7-21].

В 1927 г. в состав Рабочей группы вошли также эксперты из США. Рабочая группа разработала проект Конвенции об устранении двойного налогообложения в сфере прямых налогов, однако Общее собрание сочло необходимым разработать два новых проекта Типовых конвенций по тому же вопросу, поскольку первый проект предназначался в первую очередь для государств, подписавших документ. Их налоговые системы состояли из безличных налогов на доходы из внутренних источников и подоходных налогов на все источники, как внешние, так и внутренние. Однако этот проект Типовой конвенции нелегко применить ко многим налоговым системам, основанным как на доходах нерезидентов из внутренних источников, так и на прогрессивном подоходном налоге резидентов на доходы из всех источников.

Хотя двусторонние типовые налоговые конвенции 1928 года теоретически наделяли страны-источники значительными налоговыми полномочиями, эти полномочия по существу ограничивались практическим характером между-

народных потоков частного капитала до Великой депрессии [21, 17].

На заседаниях Финансового комитета Лиги наций в конце 1920-х - начале 1930-х годов значительное внимание уделялось формированию правил распределения доходов от торгово-промышленной деятельности в ряде стран (при этом не делалось различия между физическими и юридическими лицами).

В июне 1939 года Финансовый комитет Лиги наций на своем заседании предложил пересмотреть три типовых конвенции 1928 года об устранении двойного налогообложения в области прямых налогов, чтобы учесть технические усовершенствования, внесенные в двусторонние налоговые соглашения. В частности, необходимо было принять во внимание новые тенденции и вызовы в международной торговле и инвестициях, а также мнения и рекомендации, высказанные непосредственно Финансовым комитетом на разных заседаниях [2, 20].

Пересмотр Типовых конвенций начался на заседании подкомитета в Гааге в апреле 1940 г. и продолжился на двух региональных конференциях по налогообложению в Мексике в июне 1940 г. и июле 1943 г. под эгидой Лиги наций. В работе региональных конференций приняли участие представители Аргентины, Боливии, Канады, Чили, Колумбии, Эквадора, Мексики, Перу, Соединенных Штатов, Уругвая и Венесуэлы. По итогам обсуждений вторая региональная конференция приняла Двустороннюю типовую конвенцию об устранении двойного налогообложения доходов и Протокол к ней, Двустороннюю типовую конвенцию об устранении двойного налогообложения наследства и Протокол к ней, а также Типовую конвенцию о помощи во взимании прямых налогов и Протокол к ней.

Типовая конвенция ООН. Правопреемником Лиги Наций по различным вопросам стала Организация Объединенных Наций, принявшая в 1980 г. Типовую конвенцию ООН об избежании двойного налогообложения между развитыми и развивающимися странами (Типовая конвенция ООН). В ходе восьмого заседания специальной группы экспертов по международному сотрудничеству в области налогообложения была создана Рабочая группа по пересмотру и обновлению Типовой конвенции ООН с учетом существенных изменений, произошедших в международной экономической и финансовой среде с 1980 года [24, 196].

На своих заседаниях в Нью-Йорке в декабре 1998 г. и в Амстердаме в марте 1999 г. Рабочая группа рассмотрела комментарии и предложения членов по статьям и толкованиям Типовой конвенции ООН, и представила пересмотренный вариант Типовой конвенции ООН. Группа экспертов приняла пересмотренный вариант Типовой конвенции ООН с учетом редакционных изменений, не связанных с ее сутью. Замечания и предложения членов экспертной группы по вышеуказанным редакционным изменениям были рассмотрены руководящим комитетом на заседании в Нью-Йорке в апреле 2000 г., и был принят окончательный текст Типовой конвенции ООН [20, 11].

Окончательный вариант Типовой конвенции ООН об избежании двойного налогообложения между развитыми и развивающимися странами, одобренный членами экспертной группы, был опубликован ООН в 2001 году.

Следует отметить, что ООН оказала значительное влияние не только на решение проблемы двойного налогообложения между развитыми и развивающимися странами, но и на решение проблем в отдельных отраслях экономики.

Направления сотрудничества в 21 веке.

Предотвращение двойного налогообложения и соглашения о налогах на доходы и капитал (Соглашения о двойном налогообложении). Этот тип соглашения основан на Типовой конвенции ОЭСР. Необходимость в проекте двусторонней налоговой конвенции о подоходном налоге и налоге на капитал, которая могла бы способствовать расширению сети двусторонних налоговых соглашений для всех государств-членов ОЭСР, была вызвана растущей экономической взаимозависимостью государств-членов ОЭСР в послевоенный период. Этому способствовали такие факторы, как экономическое сотрудничество между странами, которое все больше доказывало важность мер по избежанию двойного налогообложения [5, 168].

В 2010 году ОЭСР и Совет Европы заявили о необходимости подписания Протокола о внесении изменений в Совместную конвенцию Совета Европы и ОЭСР о взаимной административной помощи в области налогообложения. Цель состояла в том, чтобы привести положения этого документа в соответствие с международными стандартами обмена информацией, допускающими оборот банковской информации. На ежегодной встрече полномочных представителей стран ОЭСР, состоявшейся в Париже 27 мая 2010 года, соответствующий Протокол подписали 15 стран.

В настоящее время насчитывается 22 подписавших и 15 участников Конвенции, включая страны ОЭСР, такие как Бельгия, Канада, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Исландия, Италия, Корея, Мексика, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Словения и Испания. Кроме того, следует упомянуть Швецию, Великобританию и США, а также страны, не входящие в ОЭСР, такие как Азербайджан, Грузия и Украина.

По нашему мнению, важным преимуществом Конвенции является ее многосторонний характер, а также то, что она направлена на предотвращение уклонения от уплаты всех видов налогов, кроме таможенных пошлин. Сотрудничество между налоговыми администрациями в рамках этой Конвенции охватывает обмен информацией, в том числе проведение одновременных налоговых проверок обоими государствами, сбор налогов и исполнение распоряжений о представлении документов, а также принятие временных документов [6].

Также можно утверждать, что основным преимуществом Конвенции перед двусторонними международными соглашениями является то, что Конвенция охватывает как положения Типовой налоговой конвенции ОЭСР, так и вопросы обмена информацией, т.е. обмен информацией по запросу, автоматический обмен информацией, одновременные налоговые проверки за рубежом, содействие в сборе налогов, представление документов, обмен и использование информации не в целях налогообложения, таких как отмывание денег, коррупция и финансирование терроризма.

Таким образом, государства получают мощный многосторонний инструмент для борьбы с налоговыми и другими финансовыми преступлениями.

Рассматриваемые налоговые соглашения включают правовые нормы, регулирующие применение инструментов международного сотрудничества в области налогообложения, таких как обмен информацией для целей налогообложения, помощь в сборе налогов, а также проведение одновременных налоговых проверок, совместных налоговых проверок, налоговых проверок за рубежом.

В настоящее время государства открыты к диалогу и работают вместе над решением проблем в сфере международного налогообложения. Для достижения этой цели

правительства обычно заключают и реализуют различные виды налоговых соглашений на основе Типовых конвенций международных организаций, которые призваны интегрировать правовые нормы, разработки и опыт авторитетных иностранных администраций в сфере налогообложения.

Таким образом, постоянно разрабатываются и реализуются общие подходы к устранению двойного налогообложения, а также типовые конвенции, заключаемые на основании и в рамках соглашений об устранении двойного налогообложения. Соглашения об избежании двойного налогообложения выгодны большинству стран, поскольку они обеспечивают физическим и юридическим лицам, ведущим международный бизнес, определенную степень уверенности. Урегулирование споров и разногласий также является очевидным преимуществом заключения договаривающимися государствами соглашений об избежании двойного налогообложения. Мы считаем, что основные преимущества соглашений об избежании двойного налогообложения заключаются в следующем: 1. Уточнение права каждого государства на сбор налогов. Право взимания налогов, предоставленное по соглашению, распространяется исключительно на резидентов конкретной страны и исключительно на указанные в нем налоги. Если соглашение не охватывает все вопросы, делается ссылка на соответствующее национальное законодательство. 2. Предотвращение двойного налогообложения. 3. Предотвращение уклонения от уплаты налогов.

Будущие механизмы международного сотрудничества.

Сегодня для неукоснительного соблюдения налогового законодательства правительства должны усилить координацию действий и совместные усилия для недопущения уклонения от уплаты налогов, с использованием новейших инструментов международного сотрудничества в сфере налогообложения.

Международное сотрудничество по налоговым вопросам включает в себя ряд методов, выявленных и совместно разработанных налоговыми администрациями государств и международными организациями, осуществляющими деятельность в сфере налогообложения [4, 30-35]. Каждый из этих методов основан на нормативно-правовой базе, позволяющей налогоплательщикам контролировать свою деятельность не только в пределах национального государства. Указанные методы имеют свои особенности, преимущества и недостатки.

Для всестороннего изучения особенностей, характеристик, свойств и факторов каждого конкретного метода предлагается классифицировать их по определенным признакам. Необходимость классификации связана со следующим: в-первых, недостаточная изученность вопроса; во-вторых, необходимость разграничения изучаемых событий; в-третьих, необходимость проведения сравнительного анализа каждого конкретного метода и выявления слабых сторон, с особым вниманием к наиболее проблемным моментам. Предлагаемые методы различаются по степени проработки и применения, размерам и составу необходимых затрат, но все они преследуют общую цель - устранение двойного налогообложения. Эта классификация имеет следующую структуру:

- обмен информацией для целей налогообложения;
- помощь в сборе налогов;
- одновременные налоговые проверки;
- совместные налоговые проверки;
- налоговые проверки за рубежом [15, 18-30; 18, 150].

Эта классификация влияет на все существующие методы сотрудничества между налоговыми администрациями с

целью повышения эффективности сбора налогов и точно характеризует каждый из них.

Во-первых, давайте рассмотрим метод обмена информацией в области налогообложения. Одной из наиболее распространенных форм международного сотрудничества в борьбе с двойным налогообложением является обмен информацией между наиболее развитыми зарубежными налоговыми администрациями.

Обмен информацией с компетентными органами стран преследует следующие цели:

- Определение факторов, при которых должны применяться положения соглашения (конвенции) о налогах на доходы и капитал;
- Определение того, имеет ли налогоплательщик право на снижение ставки налога по полученным доходам для обеспечения надлежащего распределения прибыли между соответствующими предприятиями;
- Оказание помощи одному из Договаривающихся государств в отправке или применении положений его национального налогового законодательства;
- Взаимопомощь между налоговыми органами в выявлении налоговых правонарушений, борьбе с двойным налогообложением и уклонением от уплаты налогов.

Обмен информацией предусмотрен в большинстве соглашений (конвенций) об избежании двойного налогообложения и регулируется положениями Статьи 26 Типовой конвенции ОЭСР о подоходном налоге и налогах на капитал, и положениями Типовой конвенции ООН об избежании двойного налогообложения между развитыми и развивающимися странами. Однако существует несколько юридических документов, регулирующих обмен информацией:

- Соглашения (конвенции) об устранении двойного налогообложения в отношении налогов на прибыль и капитал;
- Многосторонние или двусторонние соглашения об обмене информацией;
- Двусторонние соглашения о взаимопомощи;
- Директива Совета Европейского Союза № 2011/16/ЕС по административному сотрудничеству в сфере налогообложения от 15.02.2011;
- Совместная конвенция о взаимной административной помощи между Советом Европы и ОЭСР по налоговым вопросам;
- Северная конвенция о взаимной административной помощи по налоговым вопросам;
- Директива Европейского Союза о налогообложении депозитов [8, 121].

Статья 26 Типовой конвенции ОЭСР обеспечивает наиболее общую правовую основу для двустороннего обмена информацией по вопросам налогообложения [10, 22]. Например, большинство соглашений об избежании двойного налогообложения основаны на Типовых конвенциях ОЭСР 2005 и 2010 годов.

Целью обмена информацией является необходимость использования информации, полученной компетентными налоговыми органами, при применении положений соответствующего международного соглашения или национального законодательства. При этом обмен информацией распространяется только на информацию, касающуюся налогов, предусмотренных настоящим международным договором.

Принципы обмена информацией. Обмен информацией основан на четырех ключевых принципах, рекомендованных ОЭСР и другими международными организациями. Эти принципы:

- принцип прогнозируемой актуальности;

- никаких попыток найти компромат (*no fishing expeditions*);

- принцип конфиденциальности;
- принцип взаимности [13, 288-290].

Согласно первому принципу, в интересах надлежащего применения соответствующего соглашения об избежании двойного налогообложения или применения внутреннего законодательства государства-партнера информация может предоставляться только в том случае, если она считается полезной.

Принцип “no fishing expeditions” вытекает из принципа “очевидной потребности” в информации, что означает, что компетентные налоговые органы имеют право запросить информацию о конкретном налогоплательщике у государства-партнера за период, охватываемый соглашением. При этом налоговый орган не должен выходить за пределы налоговой проверки и подозрений в налоговом правонарушении.

Принцип конфиденциальности является ключевым элементом сотрудничества между государствами в налоговых вопросах. Любая информация, полученная иностранным государством от контрагента, считается конфиденциальной и должна быть защищена надлежащим образом. Любая полученная информация предоставляется только “лицам или органам (в том числе судам и административным органам), участвующим в определении, сборе или приведении в исполнение решений в отношении налогообложения” и используется только для целей, указанных в соглашениях, т.е. для целей налогового администрирования [17, 343-344].

В основе принципа взаимности лежит то, что страна, получающая информацию в ответ на ранее направленный запрос, обязуется предоставить соответствующую информацию после получения такого запроса.

При обмене информацией по налоговым вопросам следует принимать меры, чтобы не нарушать законодательство и административную практику государства-контрагента. Кроме того, запрещается разглашать информацию, составляющую коммерческую, деловую, производственную или профессиональную тайну, либо информацию, разглашение которой противоречит государственной политике.

Несмотря на вышеуказанные исключения, требования национальных налоговых интересов или соблюдения банковской тайны не должны ограничивать обязательства государств-партнеров по обмену информацией друг с другом.

Имеются несколько видов обмена информацией:

Во-первых, обмен информацией по запросу. В рамках обмена информацией по запросу, в ответ на мотивированный запрос государства-партнера компетентный орган государства предоставляет информацию о соблюдении налогоплательщиком налоговых обязательств за определенный период времени. Этот тип обмена информацией является наиболее распространенной формой обмена информацией.

Во-вторых, обмен информацией “по произвольному запросу” (спонтанный). При этом виде информационного обмена информация предоставляется спонтанно, т.е. без предварительного запроса, когда налоговый орган или налоговый аудитор обнаруживают информацию, которая может представлять интерес для другой страны.

Спонтанный обмен информацией основан на активном участии и сотрудничестве налоговых органов и налоговых аудиторов.

В-третьих, автоматический обмен информацией. Автоматический обмен информацией представляет собой систематическую и регулярную передачу сведений о различных категориях доходов и других видов информации странам-

партнерам на договорной основе: без предварительного запроса и на регулярной основе.

По нашему мнению, автоматический обмен информацией имеет следующие преимущества:

- снижается риск уклонения от уплаты налогов;
- имеет сдерживающий эффект, т.е. поощряет налогоплательщиков декларировать свои доходы из внешних источников;
- поощряет соблюдение налогового законодательства.

Мы полагаем, что внедрение процедуры обмена информацией в области налогообложения может способствовать значительному увеличению поступлений в бюджет. Однако для достижения этой цели необходимо тесно взаимодействовать с компетентными органами зарубежных стран, перенимать их практику, вносить изменения во внутреннее законодательство, соблюдать рекомендации ОЭСР, качественно проводить отбор запросов, направляемых за рубеж, проводить тренинги для сотрудников местных налоговых органов о существующих требованиях и изменениях в этой сфере.

Еще одна форма сотрудничества – одновременные налоговые проверки. Под одновременными налоговыми проверками понимаются проверки налогоплательщиков, представляющих взаимный или относительный интерес для обоих государств, осуществляемые одновременно и независимо двумя или более государствами на их соответствующей территории, для последующего обмена необходимой информацией [15, 29-30].

Одновременные налоговые проверки являются формой сотрудничества, используемой в широком спектре международных налоговых вопросов. Одновременные налоговые проверки проводятся, когда информация, принадлежащая третьей стране, является “ключевой” для налоговой проверки.

Как соблюдение, так и надзор, а также параллельные налоговые проверки, используемые налоговыми органами, считаются эффективными в случаях международного уклонения от уплаты налогов. Аудит может включать как прямые, так и косвенные налоги. Он помогает выявлять случаи злоупотребления законодательством в личных целях или нарушения действующего законодательства. Одновременные налоговые проверки обеспечивают высокий уровень оперативного обмена информацией между налоговыми юрисдикциями. Налоговые проверки также могут уменьшить налоговые обязательства налогоплательщиков, благодаря координации запросов от компетентных налоговых органов разных государств.

В дополнение к вышеизложенному, одновременные налоговые проверки также играют важную роль в предотвращении двойного налогообложения и устранении необходимости применения процедуры взаимного согласия в соответствии со Статьей 25 Типовой конвенции ОЭСР и соответствующими положениями соглашений (конвенций) о предотвращении двойного налогообложения [1, 683].

Некоторые страны, проводящие одновременные налоговые проверки в течение нескольких лет, заявляют, что этот механизм является эффективным методом налогового контроля. Например, налоговые органы скандинавских стран уже несколько лет проводят многосторонние налоговые проверки и добились положительных результатов в контроле взимания как прямых налогов, так и НДС.

Другие формы международного сотрудничества.

При проведении одновременных налоговых проверок могут применяться иные формы международного сотрудничества в сфере налогообложения. Например, рекомендуется, чтобы аудитор из одного договаривающегося государства

присутствовал при одновременной налоговой проверке в другом договаривающемся государстве. Этот вид налогового контроля сопровождается запросом соответствующей информации.

Нормативная база одновременных налоговых проверок:

- Соответствующие статьи двусторонних налоговых конвенций о подоходном налоге и налоге на капитал, а также соглашения (конвенции) об избежании двойного налогообложения, озаглавленные “Обмен информацией”, как указано в Статье 26 Типовой конвенции ОЭСР;
- Статья 8 Совместной конвенции о взаимной административной помощи между Советом Европы и ОЭСР в налоговых вопросах [19, 15-16];
- Статья 12 Северной конвенции о взаимной административной помощи в налоговых вопросах [23, 203-204];
- Статья 8b Директивы 77/799/ЕЕС Совета Европейского Союза о взаимной помощи, дополненная Директивой 2004/56/ЕС93/2003 Совета Европейского Союза [25];
- Статья 12 Регламента № 1798/2003 Совета Европейского Союза об административном сотрудничестве в области налога на добавленную стоимость [16, 143];
- Положения соглашений об обмене информацией по налоговым вопросам, смоделированные на основе Статьи 5 Типового соглашения СИАТ об обмене информацией по налоговым вопросам.

При этом любой обмен информацией, происходящий в рамках налоговой проверки, должен осуществляться в соответствии с положениями вышеуказанных юридических документов.

Мы считаем, что одновременные налоговые проверки являются средством определения правильности исчисления налоговых обязательств иждивенцев, например, в случаях, когда расходы и доходы распределяются между налогоплательщиками в разных налоговых юрисдикциях. Налоговым органам может быть сложно получить необходимую информацию и выявить факты и обстоятельства, такие как условия применения трансфертных цен между связанными лицами в двух или более юрисдикциях, особенно если налогоплательщик отказывается сотрудничать или не предоставляет требуемую информацию своевременно. В то же время одновременная налоговая проверка может помочь налоговым органам быстрее и эффективнее выявлять факты, что также является экономически эффективным механизмом для налоговых органов.

Одновременные налоговые проверки проводятся государствами по отдельности, на основании внутреннего законодательства и существующих положений об обмене налоговой информацией в рамках практики налоговых органов каждого государства.

Во всех случаях информация, полученная налоговым органом в ходе одновременной налоговой проверки, считается конфиденциальной.

В современном мире в результате “исчезновения границ” и растущих объемов международных операций с участием как юридических, так и физических лиц налоговые органы сталкиваются с необходимостью более тесного международного сотрудничества для оптимизации соблюдения национальных и международных налоговых правил [3, 530-533].

Совместные налоговые проверки являются новой формой согласованной деятельности между государствами. Совместная налоговая проверка – налоговая проверка, проводимая одновременно двумя или более странами в отношении одного или нескольких налогоплательщиков с целью полу-

чения полной картины трансграничной деятельности налогоплательщика [22, 72-73].

Совместная налоговая проверка назначается в следующих случаях:

1. Если у стран имеется общий или дополнительный интерес к одному или нескольким связанным налогоплательщикам;

2. Если внутренней налоговой проверки недостаточно, совместная проверка дает полную картину налоговых обязательств налогоплательщика по отдельным операциям.

Мы считаем возможным согласиться с шагами, принятыми экспертами ОЭСР по проведению совместных налоговых проверок для достижения следующих целей:

1. Понимание различий в законодательных и административных процедурах зарубежных стран;

2. Повышение осведомленности налоговых аудиторов о существующих возможностях в вопросах международных налоговых рисков;

3. Знание и изучение различных методов проведения налоговых проверок;

4. Определение и улучшение областей будущего сотрудничества;

5. Устранение двойного налогообложения и борьба с уклонением от уплаты налогов.

На наш взгляд, совместная налоговая проверка способствует улучшению следующих положительных факторов:

- укрепление сотрудничества между налоговыми органами и налогоплательщиками;

- соблюдение требований законодательства международными компаниями;

- более эффективное управление налогами в режиме реального времени;

- устранение двойного налогообложения и борьба с уклонением от уплаты налогов.

Налоговые проверки за рубежом. Обмен налоговой информацией между компетентными органами иностранных государств традиционно осуществляется в письменной форме, что зачастую требует значительных усилий и затрат времени. Поэтому эффективность обмена налоговой информацией может быть ниже по сравнению с другими формами международного сотрудничества по налоговым вопросам.

Полезно подходить к налоговым проверкам в конкретной зарубежной стране, чтобы упростить для налоговой администрации четкое и детальное понимание деловых отношений между резидентом страны, где проводится аудит, и его иностранными партнерами. Кроме того, нередко налоговые инспекторы не могут проверить бухгалтерский учет в своей стране, поскольку законы этой страны дают налогоплательщику право вставать на учет в любом другом государстве. Во всех перечисленных случаях применяются налоговые проверки за рубежом [9, 50-55].

В Статье 6 Типового соглашения об обмене информацией для целей налогообложения устанавливается определение налоговых проверок за рубежом. В Статье указано, что «одна Договаривающаяся Сторона может с письменного согласия проверяемых лиц допускать представителей другой Договаривающейся Стороны на территорию первой Стороны для проверки счетов и их опроса. Компетентные органы второй стороны информируют компетентные органы первой стороны о времени и месте встречи с опрашиваемыми лицами. Основным принципом такого сотрудничества является принцип взаимности» [7, 242].

Если внутреннее законодательство государства допускает участие внешних аудиторов в налоговой проверке, долж-

ностные лица компетентного органа могут участвовать в запрашиваемой налоговой проверке.

Мы считаем, что налоговые проверки за рубежом снижают налоговую нагрузку на налогоплательщиков, позволяя налоговым органам совместно работать над вопросами, касающимися одного и того же налогоплательщика или группы налогоплательщиков. Такое сотрудничество позволяет снизить затраты и экономить время, что положительно сказывается как на налогоплательщике, так и на налоговом органе.

Налоговые проверки за рубежом, сопровождаемые запросами на предоставление информации, проводятся в рамках следующей нормативно-правовой базы:

- Соответствующие статьи двусторонних налоговых конвенций о подоходном налоге и налоге на капитал, а также соглашений (конвенций) об избежании двойного налогообложения, озаглавленные «Обмен информацией», как отмечено в Статье 26 Типовой конвенции ОЭСР;

- Статья 9 Совместной конвенции о взаимной административной помощи между Советом Европы и ОЭСР по налоговому вопросу;

- Статья 6 Директивы 77/799/ЕЕС Совета Европейского Союза о взаимной помощи, дополненная Директивой 2004/56/ЕС93/2003 Совета Европейского Союза;

- Статья 11.2 Регламента № 1798/2003 Совета Европейского Союза об административном сотрудничестве в области НДС;

- Положения Статьи 6 Типового договора об обмене налоговой информацией ОЭСР и статьи 6 Типового договора об обмене налоговой информацией (СИАТ)

Международный налоговый контроль.

Мы считаем целесообразным применять понятие «международный налоговый контроль» при рассмотрении вопросов, связанных с будущими механизмами межгосударственного сотрудничества в деле устранения двойного налогообложения. Дело в том, что это понятие можно определить, как деятельность компетентных органов иностранных государств по осуществлению налогового контроля за деятельностью налогоплательщиков, осуществляющих коммерческую деятельность за рубежом или получающих доход за пределами своей страны, обеспечению соблюдения налогового законодательства и предотвращению уклонения от уплаты международных налогов.

Целью международного налогового контроля является предотвращение уклонения от уплаты налогов на международном уровне и при трансграничных операциях.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие вопросы:

- контроль за соблюдением международного налогового законодательства;

- предотвращение нарушений налогового законодательства на международном уровне;

- обеспечение правильного исчисления и сбора налогов;

- устранение международного двойного налогообложения;

- предотвращение уклонения от уплаты международных налогов.

Международный налоговый контроль осуществляется в следующих формах:

- обмен информацией в области налогообложения;

- помощь в сборе налогов;

- одновременные налоговые проверки;

- налоговые проверки за рубежом;

- совместные налоговые проверки.

Основными принципами такой деятельности должны быть: законность, полнота и единообразие, регулярность, достоверность результатов, приоритетная защита прав налогоплательщика, взаимность, конфиденциальность, недопустимость противоправного ущерба.

Выводы.

Можно сделать вывод, что наиболее эффективным способом предотвращения двойного налогообложения и уклонения от уплаты налогов является разработка и реализация правительствами налоговых соглашений (конвенций), составляющих основу налоговой процедуры. При этом должны быть согласованы механизмы противодействия уклонению от уплаты налогов, в том числе применяемая методология предотвращения двойного налогообложения и определение конкретных условий.

Эти соглашения не ограничиваются налогоплательщиками. Соглашения об устранении двойного налогообложения защищают законные интересы государств, способствуя реализации внутреннего налогового законодательства и налоговой политики.

Налоговые соглашения, особенно те, которые касаются предотвращения двойного налогообложения, включают правила, согласованные между государствами-партнерами, что дает странам возможность скоординировано работать вместе над решением налоговых проблем на международном уровне, тем самым применяя комплексный подход к предотвращению двойного налогообложения и помогая преодолеть имеющиеся пробелы.

Налоговые системы большинства стран предусматривают высокие налоговые ставки на дивиденды, проценты и гонорары для иностранцев. Соглашения об избежании двойного налогообложения представляют собой механизм для снижения вышеуказанных налоговых ставок на основе взаимности, тем самым устраняя барьеры для участия в международных сделках и торговле.

Эти соглашения также имеют другие особенности, которые предоставляют компаниям важные механизмы для сохранения конкурентных позиций в международной бизнес-среде. К примеру, установление государством согласованных на международном уровне пределов взимания налогов с иностранных компаний, находящихся на их территории; требование о том, чтобы налоговое законодательство применялось без дискриминации к компаниям-нерезидентам.

Пристатейный библиографический список

1. Acerbis Fabrizio, Alessandro Catona. La tassazione delle banche 2021. Milano: Gruppo 24 Ore, 2021. 912 p.
2. Analytical and Historical Review of International Double Taxation and Tax Evasion and Avoidance. 45 p.
3. Angharad Miller, Lynne Oats. Principles of International Taxation. Third edition, Kent: A&C Black, 2012. 643 p.
4. Brauner Yariv. Research Handbook on International Taxation. Nordhampton: Edward Elgar Publishing, 2020. 416 p.
5. Chelen Mustafa, Elżbieta Robak. The Political Economy of Public Finance. London: Ijpec Publication, 2017. 250 p.
6. Council of Europe and OECD convention on Mutual Administrative Assistance in Tax Matters, 1988, Article 1 (3).
7. David S. Kerzner, David W. Chodikoff. International Tax Evasion in the Global Information Age. Cham: Springer, 2016. 425 p.
8. Exchange of Information and Bank Secrecy, edited by Alexander Rust&Eric Fort, Wolters Kluwer, 2012. P. 121.

9. Global Forum on Transparency and Exchange of Information for Tax Purposes: Korea 2020 (Second Round) Peer Review Report on the Exchange of Information on Request: Peer Review Report on the Exchange of Information on Request. OECD Publishing, 2020. 104 p.
10. Harriet Brown, Grahame Jackson. A Practitioner's Guide To International Tax Information Exchange Regimes: DAC6, TIEAs, MDR, CRS, and FATCA. London: Spiramus Press Ltd, 2021. 414 p.
11. Jogarajan, S. Background. In Double Taxation and the League of Nations, Cambridge Tax Law Series, Cambridge: Cambridge University Press, 2018. p. 7-21.
12. League of Nations, Report of the Fiscal Committee to the Council on the work of the fifth session of the Committee (C.252.M.124.1935.II.A). P. 4, paragraph II. B. 4.
13. Marino Giuseppe. New Exchange of Information versus Tax Solutions of Equivalent Effect. EATLP: International Tax Series, 2016. 654 p
14. Molenaar Dick. Taxation of International Performing Artistes: The Problems with Article 17 OECD and how to Correct Them. Amsterdam: IBFD, 2005. 416 p.
15. Oberson Xavier. International Exchange of Information in Tax Matters: Towards Global Transparency. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. 288 p.
16. Quinten R. Kroes. E-business Law of the European Union. Austin: Kluwer Law International B.V., 2010. 429 p.
17. Riccardi Lorenzo, Giorgio Riccardi. China in Africa: FDI, Tax and Trends of the New African Geo-economics. Singapore: Springer Nature, 2021. 362 p.
18. Tax Management Portfolios, Volume 896. Tax Management Incorporated, 2006. p. 150.
19. The Convention on Mutual Administrative Assistance in Tax Matters Twentieth Anniversary Edition: Twentieth Anniversary Edition. OECD, Council of Europe OECD Publishing, 2008. 132 p.
20. United Nations Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries. United Nations. New York, Department of Economic & Social Affairs ST/ESA/PAD/SER.E/21. 2001. 409 p.
21. United Nations. Dept. of International Economic and Social Affairs. Manual for the Negotiation of Bilateral Tax Treaties Between Developed and Developing Countries. UN, 1979. 190 p.
22. Valderrama I. Johanna, Dries Lesage, Wouter Lips. Taxation, International Cooperation and the 2030 Sustainable Development Agenda. Cham: Springer Nature, 2021. 225 p.
23. Valkama Maria. The Nordic Mutual Assistance Convention on Mutual Administrative Assistance in Tax Matters The Nordic Mutual Assistance Convention. Günther/Tüchler, Exchange of Information for Tax Purposes. P. 203-204.
24. Vanderbilt Journal of Transnational Law, Volume 29. Vanderbilt University, School of Law, 1996. P. 196.
25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A01977L0799-20070101>.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-52-55

АЙРИЯН Эрна Владимировна

председатель Суда Евразийского экономического союза

ВЫБОР МЕЖДУ ОТДЕЛЬНОЙ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИЕЙ И МЕЖДУНАРОДНЫМ ИНВЕСТИЦИОННЫМ СУДОМ: КЛЮЧЕВОЙ АСПЕКТ РЕФОРМЫ ИНВЕСТИЦИОННОГО АРБИТРАЖА

В статье исследуются основные варианты реформы существующего арбитражного рассмотрения инвестиционных споров, при этом в качестве основной причины реформы указывается непоследовательность и противоречивость решений, выносимых арбитражами. Ключевым элементом реформы станет выбор между созданием апелляционной инстанции с сохранением существующей системы *ad hoc* арбитражей или полной заменой арбитражного рассмотрения на международный инвестиционный суд. Вместе с тем из-за непримиримых различий позиций государств перспективы создания выработки универсального механизма для снижения непоследовательности арбитражных решений инвестиционных споров смотрятся нереалистичными, что переносит существующую сейчас фрагментацию международного инвестиционного права на другой уровень.

Ключевые слова: инвестиционный арбитраж, апелляционный механизм, международный инвестиционный суд.

AYRIYAN Erna Vladimirovna

Chairman of the Court of the Eurasian Economic Union

A CHOICE BETWEEN AN APPELLATE MECHANISM AND AN INTERNATIONAL INVESTMENT COURT: A KEY ASPECT OF THE REFORM OF INVESTMENT ARBITRATION

The article examines the main options for reforming the existing arbitration of investment disputes, while noting that the main reason for the reform is the inconsistency and inconsistency of decisions made by arbitration tribunals. A key element of the reform will be the choice between creating an appellate mechanism while maintaining the existing system of *ad hoc* arbitration tribunals and a replacement of it by an international investment court. At the same time, due to irreconcilable differences in the positions of states, the prospects for creating a universal mechanism to reduce the inconsistency of arbitral awards in investment disputes look unrealistic, which takes the current fragmentation of international investment law to another level.

Keywords: investment arbitration, appellate mechanism, international investment court.

Введение

Дискуссии о необходимости реформы существующего арбитражного рассмотрения инвестиционных споров перешла в практическую плоскость обсуждения ее возможных вариантов после начала работы в 2017 г. Рабочей группы ЮНСИТРАЛ о реформе механизма по разрешению инвестиционных споров. Стартовавшая примерно в это же время активная политика Европейского Союза по включению в свои соглашения с третьими странами качественно нового механизма разрешения инвестиционных споров в виде системы инвестиционных судов сделала общую реформу инвестиционного арбитража, на наш взгляд, практически необратимой. Эта необратимость заключается в том, что общее количество инвестиционных соглашений, заключенных странами ЕС, составляет примерно 1300, что чуть меньше половины общего числа таких соглашений в мире. Даже в том случае, если многосторонние переговоры на уровне ЮНСИТРАЛ по каким-либо причинам провалятся или приведут к скромным результатам из необходимости искать консенсус, неизбежная замена существующих арбитражных механизмов в соглашениях стран ЕС приведет к тому, что качественно новая модель разрешения инвестиционных споров будет реализована не сверху, а по горизонтали применительно к половине всех действующих сейчас соглашений. Как отмечают исследователи, попытки защищать сейчас инвестиционный арбитраж являются «проигранной битвой» [12, с. 135].

Возможные варианты реформы существующей арбитражной модели разрешения инвестиционных споров актив-

Айриян Э. В.

но обсуждаются в западном академическом сообществе [11, с. 361-409; 13, с. 410-432; 9, с. 167-187; 14, с. 14-344]. В российской научной литературе этим вопросам посвящены буквально считанные публикации [2, 118-136], в то же время автору не удалось найти статей представителей экспертного сообщества Республики Армения, посвященных этой проблематике. При этом, как будет показано выше, представители Армении активно участвуют в деятельности Рабочей Группы ЮНСИТРАЛ, представляя свои соображения по ряду ключевых вопросов. Кроме того, по нашему мнению, Армении предстоит выработать конструктивную и взвешенную позицию в отношении различных вариантов реформ арбитражного механизма разрешения инвестиционных споров. Все это делает задачу научного осмысления этих процессов актуальной и насущной с практической точки зрения.

1. Основные причины реформирования арбитражного механизма рассмотрения инвестиционных споров

В том, что касается причин для реформы существующего арбитражного механизма рассмотрения инвестиционных споров, мы можем поддержать тех авторов, которые считают основной причиной реформы непоследовательность и противоречивость решений, выносимых арбитражами *ad hoc* при рассмотрении ими инвестиционных споров, что создает основу для утверждений о несправедливости такого механизма в дополнение к отсутствию какой-либо его предсказуемости и надежности [6, с. 27]. При этом, на наш взгляд, риски появления непоследовательных и даже противоречащих друг другу толкований и арбитражных решений имманент-

но присущи существующему арбитражному рассмотрению инвестиционных споров. Как отмечает А. Робертс, современное международное инвестиционное право состоит из тысяч таких инвестиционных соглашений, которые толкуются и применяются сотнями создаваемыми сторонами спора *ad hoc* трибуналами, а не постоянно действующим судом, создаваемым государствами-участниками таких соглашений. При этом решения конкретного трибунала не имеют никакой силы для других трибуналов, и не являются предметом какого-либо централизованного апелляционного или иного контроля [13, с. 52]. С. Франк полагает, что непоследовательность решений можно свести к трем сценариям. Во-первых, различные арбитражные трибуналы могут прийти к различным выводам в отношении одних и тех же норм одного и того же международного договора. Во-вторых, арбитражные трибуналы, созданные в рамках различных инвестиционных соглашений, могут прийти к различным выводам в отношении споров, основанных на одних и тех же фактах, сторонах спора и затронутых правах инвестора. В-третьих, арбитражные трибуналы, созданные в рамках различных инвестиционных соглашений, могут прийти к различным выводам при разрешении споров, основанных на сходной коммерческой ситуации [17, с. 1545-1546].

Своего рода точкой невозврата для государств в их неприятии такой практики инвестиционных арбитражей стали так называемые «аргентинские дела», а именно 44 иска от иностранных инвесторов, поданных против Аргентины в 2002-2007 гг. Все эти иски касались чрезвычайных мер, принятых в 2002 г. для выхода из тяжелого экономического кризиса, включая девальвацию национальной валют. Парадоксальность ситуации состояла в двух аспектах. Во-первых, из общей суммы требований инвесторов в 80 млрд долларов США инвесторам было присуждено только 1,2 млрд, а после аннулирования и отмены ряда решений эта сумма снизилась до 524 млн долларов [3, с. 495, 504]. Но гораздо более интересен второй аспект этих дел, имеющий непосредственное отношение к теме данной статьи. В пяти исках, поданных на основании двустороннего соглашения между Аргентиной и США 1991 г., Аргентина использовала в качестве основания для исключения противоправности своих действий ссылку на состояние необходимости по праву международной ответственности и на соответствующее положение двустороннего соглашения¹. Как отмечают исследователи, аргументы, использованные Аргентиной, прямо касались суверенного права государств принимать любые доступные меры в ситуации тяжелейшего кризиса [4, с. 201]. Несмотря на идентичность фактических обстоятельств всех пяти исков, в трех делах арбитражные трибуналы пришли к выводу, что Аргентина не выполнила условия, необходимые для использования ситуации необходимости. При этом, по мнению Г. Кауфман-Кохлер, цифра «три» не должна никоим образом обманывать, так как председателем трибуналов во всех трех делах был один и тот же арбитр. Традиционно в инвестиционном арбитраже именно председательствующий арбитр пишет проект решения и имеет значительное влияние на остальных двух арбитров [7, с. 143]. В двух других делах арбитры пришли к прямо противоположным выводам, но при этом по-разному применив это понятие к обстоятельствам рассматриваемых споров [15, с. 1175]. При этом ситуации еще больше усложнили решения созданных в рамках МЦУИС *ad hoc* комитетов по аннулированию арбитражных решений, которые по-разному подошли к вопросу о превышении арбитражными трибуналами своих полномочий, добавив тем

самым еще один уровень непоследовательности и непредсказуемости арбитражных решений и отсутствия правовой определенности [15, с. 1180]. Среди решений этих комитетов все исследователи особо выделяют вынесенное в 2007 г. решение комитета по аннулированию решения трибунала в деле CMS. Члены этого комитета, куда входили Ж. Гийом, бывший Председатель Международного суда ООН (МС ООН), и Дж. Кроуфорд, докладчик КМП по праву международной ответственности и будущий судья МС ООН, не только превысили свои полномочия, углубившись в вопросы применения трибуналом материальных норм вместо исследования только процессуальных вопросов, но и заявили, что трибунал допустил несколько фундаментальных ошибок². Подвергнув суровой критике выводы арбитражного трибунала по существу спора, комитет тем не менее отказался отменять его решение, оставив Аргентину с обязательством выплатить \$133.2 миллиона заявителю в качестве компенсации и вызвав чувство недоумения и растерянности у государств и арбитражного сообщества [8, с. 273]. Как отметила Г. Кауфман-Кохлер, этим решением члены *ad hoc* комитета в деле CMS «опорочили честь мундира» [7, с. 146], вызвав помимо всего и новую волну дискуссий о необходимости создания постоянно действующей апелляционной инстанции для инвестиционных трибуналов в целях контроля за их решениями и создания единообразной и целостной практики.

2. Центральная идея реформы порядка рассмотрения инвестиционных споров

Как отмечают исследователи, возможные варианты реформы можно разделить на четыре группы:

- 1) Меры по улучшению существующей арбитражной системы разрешения инвестиционных, принимаемые на уровне документов «мягкого» права и не требующие внесения изменений в многочисленные международные договоры;
- 2) создание общей постоянно действующей апелляционной инстанции для обжалования арбитражных решений;
- 3) создание постоянно действующего международного инвестиционного суда с возможной апелляционной инстанцией;
- 4) полный отказ от существующего арбитражного порядка разрешения инвестиционных споров с заменой ее или на национальные суды государства-импортера капитала, или на межгосударственный арбитраж при условии исчерпания инвестором доступных ему внутренних средств судебной защиты [9, с. 176].

В рамках Рабочей группы ЮНСИТРАЛ идентифицированы многие проблемы существующего арбитражного рассмотрения инвестиционных споров и ведется активная работа над подготовкой многих документов, призванных решить эти проблемы. В частности, активно обсуждаются вопросы альтернативных механизмов разрешения споров, включая медиацию³ (при этом представители Республики Армения представили свои обоснованные и проработанные предложения⁴). Вместе с тем мы полагаем, что центральной проблемой является непоследовательность и противоречивость выносимых арбитражных решений. Поэтому, на наш взгляд, ключевым элементом реформы станет выбор между создани-

1 Ст. 11 этого соглашения предусматривает право государства принимать меры, «необходимые для поддержания публичного порядка, выполнения обязательств в отношении сохранения или восстановления международного мира и безопасности, а также для защиты своих национальных интересов».

2 CMS Gas Transmission Co. v. Argentine Republic (CMS), ICSID Case No.ARB/01/8, Decision on Annulment, paras. 132-135 (Sept. 25, 2007).

3 United Nations Commission on International Trade Law Working Group III (Investor-State Dispute Settlement Reform) A/CN.9/WG.III/WP.217. Possible reform of investor-State dispute settlement (ISDS). Draft provisions on mediation.

4 Possible reform of Investor-State Dispute Settlement (ISDS): Mediation and other forms of alternative dispute resolution (ADR). Submissions of the Government of Armenia. December 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/armenia_comments_on_adr_initial_draft_o.pdf (дата обращения: 12.09.2022).

ем апелляционной инстанции с сохранением существующей системы ad hoc арбитражей или полная замена арбитражно-рассмотрения инвестиционных споров на судебное.

а) Создание апелляционной инстанции

Как отмечают исследователи, основным аргументом в пользу создания апелляционной инстанции хотя бы в рамках МЦУИС являются ожидания, что это станет решающим фактором в достижении единства и целостности инвестиционного права, и повысит предсказуемость при разрешении инвестиционных споров [17, с. 1617–1618]. При этом идея создания апелляционного механизма при рассмотрении инвестиционных споров не является новой. Как отмечает Н. Каламта, первые доктринальные предложения по этому вопросу появились еще в начале 1990-х годов, а первые многосторонние консультации прошли в рамках обсуждения проекта Многостороннего Соглашения по инвестициям (Multilateral Agreement on Investment), но это предложение не было включено в финальный текст этого документа [5, с. 587]. Затем Секретариатом МЦУИС в 2004 г. были даже подготовлены предложения для обсуждения этого вопроса⁵, где предлагалось создание апелляционной инстанции из 15 арбитров, которые рассматривали бы апелляции в коллегиях по три арбитра. Там же отмечалось такие минусы апелляционной инстанции как увеличение времени рассмотрения спора и затягивание исполнения вынесенного решения путем подачи апелляции. Однако год спустя Секретариат МЦУИС заявил, что это предложение снимается с обсуждения в силу его «преждевременности»⁶.

В рамках действующей Рабочей группы ЮНСИТРАЛ был подготовлен проект по созданию апелляционной инстанции при рассмотрении инвестиционных споров⁷. На обсуждение государств вынесено три варианта такой апелляции: (а) институционализируемая единая постоянно действующая апелляционная инстанция, (б) апелляционная инстанция, создаваемая ad hoc, и (в) апелляционная инстанция, создаваемая в рамках конкретных соглашений о защите иностранных инвестиций. При этом первый вариант предусматривает две опции – создание особой апелляционной инстанции дополнительно к существующему арбитражному рассмотрению инвестиционных споров либо создание апелляционной инстанции в рамках постоянно действующего международного инвестиционного суда. Окончательного решения государствами еще не принято, однако стоит отметить комментарии Правительства Республики Армения (РА) на этот проект⁸. В своих комментариях РА вполне резонно выступает за постоянно действующую апелляционную инстанцию, отмечая, что это позволит создать стабильную и целостную практику разрешения споров. Помимо этого, РА предлагает рассмотреть такую оригинальную опцию как предусмотренное международным договором обращение за консультативным заключением в МС ООН по поводу принятого арбитражем решения. В этой малоизвестном для широкой публики функции «судебного решения в форме заключения» МС ООН будет выступать как апелляционная инстанция, и его решение в форме заключения будет обя-

зательным [1, с. 219–22-]. Здесь можно привести недавнее заключение МС ООН по делу Qatar v. United Arab Emirates⁹ и вызванные им дискуссии о порядке и объеме такого апелляционного контроля со стороны МС ООН [18, с. 397–403].

б) Создание постоянно действующего международного инвестиционного суда

На площадке ЮНСИТРАЛ идею создания постоянно действующего международного инвестиционного суда как основного механизма разрешения инвестиционных споров активно продвигает Европейский Союз, который уже начал ее имплементировать в своих соглашениях с третьими странами в виде системы инвестиционных судов. В 2017 г. предложения Комиссии ЕС о реформе инвестиционного арбитража были скорректированы вследствие осознания практических сложностей с созданием отдельного механизма разрешения инвестиционных споров для каждого соглашения, а также желания включить в процесс реформ существующие двусторонние соглашения государств-членов ЕС с третьими странами. Определяющим в этом вопросе стало Заключение Суда ЕС № 1/17, в котором Суд признал соответствующим праву ЕС новый порядок рассмотрения инвестиционных споров, уже включенный в доработанный соответствующим образом текст Соглашения СЕТА между ЕС и Канадой¹⁰. Таким образом, Суд ЕС поддержал планы Комиссии о переходе к постоянно действующему инвестиционному суду, но при выполнении ряда условий. Во-первых, создание такого суда не должно ущемлять автономный характер права ЕС, чего можно достичь, если создаваемый на основе международного договора инвестиционный суд будет заниматься исключительно толкованием положений только этого договора, а не права ЕС. Во-вторых, решения такого суда не должны приводить к понижению существующего в ЕС уровня правовой защиты за счет обязывания Европейского Союза изменять или отменять собственные правовые акты¹¹. В-третьих, такой суд должен соответствовать статье 47 Хартии основных прав ЕС в части независимости и доступности, что означает именно постоянно действующий суд с обязательным наличием апелляционной инстанции, в котором судьи назначаются на длительный срок, имеют процессуальные гарантии беспристрастности и независимости, а также получают заработную плату от государств-участников соглашения, а не гонорар от сторон спора, как в арбитраже. Суд ЕС предполагает, что Европейский Союз на площадке ЮНСИТРАЛ должен в ходе переговоров с третьими странами обеспечить выполнение этих требований, в противном случае Суд ЕС признает соответствующий договор противоречащим праву ЕС. Таким образом, жесткость условий, выдвинутых Судом ЕС для соглашений такого рода, говорит о том, что эта позиция не предполагает каких-либо компромиссов и основана на подходе «все или ничего».

Однако, как отмечают исследователи, создание многостороннего инвестиционного суда в варианте Суда ЕС вызывает серьезные геополитические проблемы [10, с. 670], так как для того, чтобы стать универсальным решением, этот суд должен получить поддержку значительного большинства государств. При этом взгляды многих государств по поводу замены арбитражного рассмотрения инвестиционных споров радикально отличаются от идеи ЕС [14, с. 319], а пространство для возможного компромисса практически не существует из-за отмеченной выше жесткости позиции ЕС. В этом отношении можно согласиться с выводом о том, что в данной ситуации перспективы выработки универсальной

5 ICSID Secretariat 'Possible Improvements of the Framework for ICSID Arbitration' Discussion Paper (22 October 2004) Annex 'Possible Features of an ICSID Appeals Facility'.

6 ICSID Secretariat, Suggested Changes to the ICSID Rules and Regulations 4 (Working Paper May 12, 2005).

7 Possible reform of investor-State dispute settlement (ISDS). Appellate mechanism Note by the Secretariat. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/uncitral_wp_-_appeal_14_december_for_the_website.pdf (дата обращения: 12.09.2022).

8 Initial Draft on Appellate Mechanism: Comments of the Republic of Armenia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/compilation_o.pdf (дата обращения: 12.09.2022).

9 ICJ, Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Qatar v. United Arab Emirates), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2021, p. 71.

10 CJEU, Opinion 1/17 Accord ECG UE-Canada Official Journal, 2017/C 369/02.

11 Ibid, §150.

и стабильной формулы разрешения инвестиционных споров смотрятся нереалистичными в обозримом будущем [16, с. 232-236]. Значительная часть государств воспримет только международный инвестиционный суд, в то время как для другой не менее влиятельной части (Япония, США, Китай) наиболее предпочтительным останется арбитраж, что делает задачу создания единой и целостной практики недостижимой. Фрагментация международного инвестиционного права продолжится, но уже на другом уровне. В этой ситуации от Республики Армения требуется определенная гибкость и готовность в ходе переговоров о заключении двусторонних соглашений о защите иностранных инвестиций работать с обоими вариантами разрешения инвестиционных споров в зависимости от предпочтений государства-контрагента.

Заключение

Непоследовательность и противоречивость арбитражных решений является одной из наиболее острых проблем современного международного инвестиционного арбитража¹². В ситуации децентрализованного ad hoc характера арбитражного рассмотрения спора это означает, что государства и инвесторы не имеют представления о том, какой именно подход к этим ключевым вопросам будет избран арбитражем в случае возникновения спора, что отрицательно сказывается на правовой определенности и законных ожиданиях. Это не только делает невозможной для сторон спора оценить исход арбитражного разбирательства, но и негативно влияет на легитимность арбитража как способа разрешения инвестиционных споров.

В этой ситуации проблема последовательности арбитражных решений вполне осознана государствами, которые в рамках ЮНСИТРАЛ активно обсуждают сейчас различные варианты реформы инвестиционного арбитража, имея в виду в том числе и решение этой проблемы. Среди наиболее популярных предложений можно указать идею учреждения постоянно действующего международного инвестиционного суда, и предложение о создании отдельной апелляционной инстанции (наподобие Апелляционного органа ВТО) при сохранении арбитражного рассмотрения споров на первой инстанции.

Однако из-за различий в предпочтениях государств и ограниченного пространства для компромисса перспективы создания универсального и стабильного механизма для снижения противоречивости и непоследовательности арбитражных решений инвестиционных споров смотрятся нереалистичными, что делает задачу создания единой и целостной практики недостижимой и просто переносит уже существующую сейчас фрагментацию международного инвестиционного права на другой уровень.

Пристатейный библиографический список

1. Кадышева О.В. Роль консультативных заключений в международном правосудии и в практике Суда ЕАЭС // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 15. № 1. С. 208-231.
2. Рачков И. Реформа международно-правового урегулирования споров между иностранными инвесторами и государствами // *Международное правосудие*. 2016. № 3 (19). С. 118-136.
3. Alvarez J. Topalian G. The Paradoxical Argentina Cases // *World Arbitration & Mediation Review*. 2012. Vol. 6. P. 492-543.
4. Burke-White W. The Argentine Financial Crisis: State Liability under BITs and the Legitimacy of the ICSID

- System // *Asian Journal of WTO & International Health Law and Policy*. 2008. Vol. 3. No. 1. P. 199-234.
5. Calamita N. The (In)Compatibility of Appellate Mechanisms with Existing Instruments of the Investment Treaty Regime // *The Journal of World Investment & Trade*. 2017. Vol. 18. P. 585-627.
6. Howard D. Creating Consistency Through a World Investment Court // *Fordham International Law Journal*. 2017. Vol. 41. No. 1. P. 1-52.
7. Kaufmann-Kohler G. Is Consistency a Myth? // *Precedent in International Arbitration*. 2008. P. 137-147.
8. Kim D. The Annulment Committee's Role in Multiplying Inconsistency in ICSID Arbitration: The Need to Move away from an Annulment-Based System // *New York University Law Review*. 2011. Vol. 86. No. 1. P. 242-279.
9. Langford M., Kaufmann-Kohler G., Potestà M., Behn D. Special Issue: UNCITRAL and Investment Arbitration Reform: Matching Concerns and Solutions // *Journal of World Investment & Trade*. 2020. No. 21. P. 167-187.
10. Melikyan A. The Legacy of Opinion 1/17: To What Extent Is the Autonomous EU Legal Order Open to New Generation ISDS? // *European Papers*. 2021. Vol. 6. No. 1. P. 645-673.
11. Puig S., Shaffer G. Imperfect Alternatives: Institutional Choice and the Reform of Investment Law // *American Journal of International Law*. 2018. Vol. 112. No. 3. P. 361-409.
12. Reed L. International Dispute Resolution Courts: Retreat or Advance? // *McGill Journal of Dispute Resolution*. 2017-2018. Vol. 4. P. 129-147.
13. Roberts A. Incremental, Systemic, and Paradigmatic Reform of Investor-State Arbitration // *American Journal of International Law*. 2018. Vol. 112. No. 3. P. 410-432.
14. Schill S. Vidigal G. Designing Investment Dispute Settlement à la Carte: Insights from Comparative Institutional Design Analysis // *The Law and Practice of International Courts and Tribunals*. 2020. Vol. 18. No. 3. P. 314-344.
15. TenCate I. International Arbitration and the Ends of Appellate Review // *New York University Journal of International Law and Politics*. 2012. Vol. 44. No. 4. P. 1109-1204.
16. Titi C. Who's Afraid of Reform? Beware the Risk of Fragmentation // *AJIL Unbound*. 2018. Vol. 112. P. 232-236.
17. Franck S. Legitimacy Crisis in Investment Treaty Arbitration: Privatizing Public International Law Through Inconsistent Decisions // *Fordham Law Review*. 2005. Vol. 73. P. 1520-1625.
18. Ulfstein G. Qatar v. United Arab Emirates // *American Journal of International Law*, 2022. Vol. 116. No. 2. P. 397-403.
19. Zarra G. The Issue of Incoherence in Investment Arbitration: Is There Need for a Systemic Reform? // *Chinese Journal of International Law*. 2018. Vol. 17. No. 1. P. 137-185.

¹² Zarra G. The Issue of Incoherence in Investment Arbitration: Is There Need for a Systemic Reform? // *Chinese Journal of International Law*. 2018. Vol. 17. P. 140.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-56-59

ЧЕНЬ Юйтун

аспирант кафедры международного права Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛОЖЕНИЙ СОГЛАШЕНИЙ ВТО И РЕГИОНАЛЬНЫХ ТОРГОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Совокупность ряда факторов не позволила государствам-членам ВТО полностью и эффективно реализовать нормотворческий потенциал ВТО для дальнейшей либерализации международной торговли в рамках существующей системы, в связи с чем они обратились для этих целей к региональным торговым соглашениям (РТС). Это способствовало росту числа заключаемых РТС, но, в то же время, привело к возникновению противоречий между региональными торговыми соглашениями и соглашениями ВТО. В данной статье рассматривается проблема соотношения положений ВТО и региональных торговых соглашений, а также предлагаются варианты решения возникающих противоречий.

Ключевые слова: региональные торговые соглашения, РТС, многосторонняя торговая система, Всемирная торговая организация, взаимодополняющие и параллельные отношения.

CHEN Yutong

postgraduate student of the International law sub-faculty of the Faculty of Law of the M. V. Lomonosov Moscow State University

ISSUES OF INTERACTION BETWEEN THE WTO AND REGIONAL TRADE AGREEMENTS

The Complication factors have prevented the WTO members from fulfillment of the WTO's rule-making potential for further liberalization of international trade within the existing system. Consequently, the WTO member states have turned to regional trade agreements (RTAs), to accomplish these goals, which has contributed to an increase in the number of concluded RTAs, but at the same time, has led to contradictions between RTAs and the WTO agreements. This article deals with the problem of the correlation between the provisions of the WTO and regional trade agreements and offers solutions to emerging contradictions.

Keywords: Regional trade agreement; RTA; The multilateral trading system; World Trade Organization; Complementary parallel relationships.

Введение

Самым большим достижением Уругвайского раунда международных торговых переговоров (1986-1994) считается создание Всемирной торговой организации (далее – ВТО), что стало значительным шагом вперед в процессе либерализации международной торговли. Однако за последние 20 лет возросло и число различных региональных торговых соглашений (РТС), заключаемых странами-членами ВТО, а также изменилось качество этих соглашений. РТС стали включать в себя не только регулирование вопросов торговли, но и регулирование вопросов конкуренции, правил государственных закупок, прав интеллектуальной собственности, социальной политики, трудовых отношений и вопросов соблюдения прав человека и защиты окружающей среды. Таким образом, круг регулируемых РТС вопросов существенно шире вопросов, регулируемых соглашениями ВТО, что в какой-то мере позволяет говорить о том, что на региональном уровне создаются новые правила международной торговли. Традиционные РТС, охватывают тарифы и другие пограничные меры, а РТС же нового поколения охватывают более широкий набор областей политики [1, р. 7].

Этот процесс регионализации международной торговли стал на сегодня ведущей тенденцией переустройства международных экономических отношений [2, с. 74] и, по мнению ряда авторов, самым серьезным вызовом для ВТО с момента ее создания [3, р. 440]. На сегодняшний день существует более 568 региональных торговых соглашений (далее – РТС), зарегистрированных в ВТО, из

Чень Юйтун

которых 350 являются действующими¹. РТС нового поколения являются важной институциональной основой для региональной интеграции. Они снижают торговые издержки и определяют правила функционирования экономики государств-участников РТС. Они вносят свой вклад в повышение общего уровня сотрудничества между государствами-членами таких соглашений, тем самым способствуя общему росту международной торговли и инвестиций, решая задачу обеспечения экономического роста государств-участников и благосостояния их населения.

При этом региональное экономическое сотрудничество прошло три этапа. Первый этап приходится на 1950-е и 1960-е годы XX века, когда были созданы Европейские Сообщества, ставшие моделью регионального экономического сотрудничества. Второй этап приходится на начало 1990-х годов, когда в Европе региональное экономическое сотрудничество вышло на уровень формирования единого внутреннего рынка ЕС, а в Северной Америке было создано Североамериканское соглашение о зоне свободной торговли (НАФТА) [4, р. 38]. Третий этап начался с конца XX века и связан с третьей волной регионального экономического сотрудничества, в которой отчетливо проявилась тенденция к повсеместному заключению РТС. Согласно официальной статистике ВТО, на

1 RTAs currently in force (by year of entry into force), 1948 – 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rtais.wto.org/UI/charts.aspx> (дата обращения: 10.07.2022).

сегодня все без исключения государства-члены ВТО являются участниками одного или даже нескольких РТС.

1. Причины роста числа РТС

Исследователи выделяют несколько причин такого количественного и качественного роста РТС. Вследствие неудачных переговоров государств-членов ВТО в Дохе в 2001 году стала очевидной неспособность достичь консенсуса между ними по таким вопросам, как доступ на рынки сельскохозяйственной и несельскохозяйственной продукции. Это послужило сигналом для многих государств, что процесс либерализации торговли на уровне ВТО имеет пределы, обусловленные особенностями принятия решений в рамках ВТО. К таким особенностям можно отнести восприятие соглашений ВТО как единого целого (*single undertaking*), при котором реализуется пакетный подход, т. е. необходимо обсуждать и принимать изменения во все соглашения сразу. Во-вторых, все решения, согласно устоявшейся практике, принимаются консенсусом, несмотря на то что ряд положений соглашений ВТО предусматривает принятие решений квалифицированным большинством голосов государств-членов ВТО (как, например, при принятии в ВТО новых членов). На данный момент членами ВТО является больше стран, чем при ее создании, и процесс присоединения новых государств-членов продолжается, что предполагает еще большее расширение организации в ближайшем будущем.

Таким образом, с одной стороны, мы видим постоянно идущий рост числа государств-участников ВТО, но, с другой стороны, экономическое развитие, идеология и культура этих государств сильно разнятся, что зачастую приводит к появлению противоположных позиций на уровне ВТО. В то же время тематика переговоров становится все более сложной и политически чувствительной, затрагивая существенные интересы развивающихся и развитых стран. В рамках механизма принятия решений ВТО на основе консенсуса для его достижения необходимо в сложных переговорах найти баланс интересов всех государств-членов ВТО, что делает эффективность принятия решений ВТО еще более проблематичной задачей [5, p. 70]. Длительный раунд переговоров в Дохе показал низкую эффективность принятия решений ВТО, что стало основной причиной фактической остановки переговорного процесса.

Столкнувшись с очевидным замедлением темпа переговоров в рамках Дохийского раунда переговоров, который продолжается более 20 лет, многие государства-члены ВТО выбрали путь заключения РТС для реализации собственного представления о либерализации торговли и своих внешнеэкономических целей. В рамках РТС процесс достижения согласия оказался эффективнее из-за небольшого числа государств и отсутствия пакетного подхода [6, p. 41]. Быстрый рост РТС в основном объясняется тем фактом, что в рамках РТС оказалось легче устранить нетарифные торговые барьеры, чем сделать это на уровне ВТО. Кроме того, для стран одного региона, которые близки между собой в точки зрения культуры, истории и уровня экономики, оказалось легче достичь консенсуса о путях дальнейшей интеграции [7, p. 530].

В рамках РТС можно предусмотреть более строгие, чем на уровне ВТО, обязательства, либо согласовать новые, еще не согласованные на уровне ВТО. Это позволило прийти к выводу, что в целом РТС, в отличие от соглашений ВТО, оказались привлекательным инструментом за счет гибкости в отношении своего содержания [8, P. 269].

РТС предполагают введение льгот только для государств-участников (т. н. «селективная либерализация»), и за возможность получить эти льготы в виде, например, беспешлиного доступа на самые привлекательные рынки ЕС или США, можно предусмотреть разные условия, в том числе и политического характера. В ВТО такие же льготы необходимо было бы предоставить всем государствам-членам ВТО,

что значительно уменьшало возможность получить политические выгоды².

По мнению некоторых авторов, государства, развивая посредством торговых переговоров международное экономическое сотрудничество, способствуют укреплению взаимного доверия в регионе с целью решения проблем безопасности и противостояния военным угрозам как внутри, так и за пределами региона [9, p. 13]. В этом случае развитие экономического сотрудничества является отправной точкой для укрепления доверия в области безопасности в нестабильных регионах, где конфликты исторически существовали и межгосударственные связи традиционно были ослаблены. Как показывает опыт Европейского объединения угля и стали, объединившего в том числе Германию и Францию, РТС способствуют устранению угроз безопасности изнутри и обеспечению стабильного будущего, где риск возникновения военных конфликтов практически сведен к нулю [10, p. 31].

Интерес представляет точка зрения С. Дамбро, согласно которой участие государств в различных РТС можно объяснить «синдромом маргинализации» (*Marginalization Syndrome*) [10, p. 30], который применим к государству, обеспеченному тем, что его игнорируют или маргинализируют на универсальном уровне в международном экономическом или политическом сотрудничестве, тем самым препятствуя его развитию. В силу этого такие страны активно участвуют в региональных соглашениях с целью избежания возможного пренебрежительного отношения со стороны иных государств. Кроме того, страны с такими мотивами, как правило, политически уязвимы, географически изолированы или экономически зависимы от других стран, и они заключают РТС для укрепления своего положения на международной арене, полагая, что, если они не присоединятся к соглашению, это может еще больше ухудшить их международное положение [10, p. 30].

Кроме того, РТС оказались важным инструментом для многих стран в борьбе с новыми угрозами безопасности. Например, экологические положения, содержащиеся в Соглашении НАФТА, используются Мексикой в качестве ее экологического стандарта. Кроме того, есть страны, которые хотят, чтобы заключаемые ими РТС не только способствовали экономическому развитию, но и содержали положения, которые в той или иной степени отвечали на эти новые угрозы. Именно эти рассуждения лежали в основе соглашений о свободной торговле ЕС со Средиземноморскими странами и расширения зон свободной торговли США со странами Западного полушария.

2. Правовое регулирование РТС на уровне ГАТТ/ВТО

На текущий момент нормы ВТО, регулирующие процессы создания и деятельности РТС, представлены статьей XXIV ГАТТ и Меморандумом о взаимопонимании по толкованию статьи XXIV ГАТТ-1994, статьей V ГАТС, а также Разрешительной оговоркой (*Enabling Clause*), согласованной в ходе Токийского раунда в 1979 году для дифференцированного и более преференциального режима для развивающихся стран, устанавливая тем самым правовой статус РТС в универсальной многосторонней торговой системе [11, p. 45].

Статья XXIV ГАТТ-1994

Статья XXIV ГАТТ 1994 рассматривает РТС как исключения из основных правил ГАТТ, в первую очередь из общего запрета дискриминации. Статья XXIV ГАТТ основана на признании правомерности РТС и в то же время формулирует определенные требования при их создании для того, чтобы

2 Исполинов А. С. ВТО и региональные торговые соглашения или что нам делать с ВТО и ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2015/11/2/vto_i_regionalnye_torgovye_soglasheniya_ili_chto_nam_delat_s_vto_i_eaes (дата обращения: 10.07.2022).

не были затронуты интересы третьих стран. В частности, в ней подчеркивается, что заключаемые РТС должны быть основаны на определенных правилах для обеспечения открытости международной торговли. Это означает, что право каждой договаривающейся стороны заключать РТС является условным правом, т. е. требующим выполнения ряда условий, предусмотренных правилами ГАТТ [12, р. 42].

Исходя из требований статьи XXIV ГАТТ, государствам-членам ВТО разрешается создавать таможенные союзы и зоны свободной торговли, но при этом они также должны соблюдать правила, которые содержатся в пунктах 4–10 этой статьи. Так, пункт 4 статьи XXIV предусматривает, что государства-участники РТС признают желательность расширения свободы торговли путем развития на основе добровольных соглашений более тесной интеграции между экономиками стран-участниц таких соглашений. Государства-члены РТС также должны признавать, что целью создаваемого ими таможенного союза или зоны свободной торговли будет содействие торговле между составляющими территориями, а не создание барьеров для торговли других стран-членов ВТО с государствами-участниками такого РТС. Таким образом, эти положения исходят из того, что на уровне ВТО РТС рассматриваются лишь как некое дополнение к многосторонней торговой системе и должны быть вписаны в ее рамки.

Разрешительная оговорка (Enabling Clause)

В ходе Токийского раунда многосторонних торговых переговоров 1979 года государства-участники ГАТТ приняли «Решение о дифференцированном и более преференциальном режиме, взаимности и более широком участии развивающихся стран». Согласно этому решению, развитие страны обязались предоставить развивающимся странам более преференциальный режим, чем другим странам, что можно было бы использовать в качестве исключения из режима наибольшего благоприятствования по статье 1 ГАТТ. В свою очередь, РТС, заключенные между развивающимися странами, также пользуются таким исключением из режима наибольшего благоприятствования, получившим название «разрешающая оговорка» (enabling clause).

Статья V ГАТС

В соответствии с положениями пункта 1 статьи V ГАТС члены ВТО могут также содействовать либерализации международной торговли услугами посредством заключения РТС, но при определенных условиях³. Так же, как и статья XXIV ГАТТ, статья V ГАТС являются исключением из режима наибольшего благоприятствования. Разница в том, что ГАТС не говорит о тарифах и иных торговых барьерах, а статья V ГАТС сформулирована в более мягких терминах, чем статья XXIV ГАТТ. Например, статья V ГАТС предусматривает отмену между государствами-членами РТС только «большинства дискриминационных мер в большинстве отраслей промышленности», в то время как статья XXIV ГАТТ является более строгой, требующей отмены «практически всех торговых тарифов и других ограничительных правил торговли».

Механизм системы прозрачности для РТС

В ходе раунда переговоров в Дохе, который начался в ноябре 2001 года, была принята министерская резолюция

о «Механизме прозрачности РТС»⁴, касающаяся процедурных вопросов создания РТС. Резолюция стала руководящим документом для рассмотрения представленных в ВТО региональных соглашений Комитетом ВТО по РТС. Основное внимание в документе уделяется необходимости усиления прозрачности РТС. Утверждается, что созданный таким образом механизм показывает, что рассмотрение ВТО РТС изменилось с уведомительного на регулирующий характер.

3. Позитивное и негативное влияние РТС на ВТО

(1) Позитивное влияние

Первоначальное предназначение РТС состояло в том, что без роста торговых барьеров в торговле со странами за пределами региона повышение степени либерализации торговли внутри самого региона в итоге будет способствовать либерализации мировой торговли. Таким образом, цели, установленные РТС и ВТО, по сути, совпадают, а именно, экономическая глобализация и либерализация международной торговли, что является необходимым условием для того, чтобы РТС воспринимались как оказывающие положительное влияние на ВТО.

Что касается развивающихся стран, то они могут объединяться с помощью РТС для того, чтобы усилить свои переговорные позиции и говорить единым голосом в переговорах с более сильными странами [13, р. 54]. Поэтому в определенном смысле РТС способствуют выстраиванию баланса интересов различных групп в международной торговле.

(2) Негативное влияние

Система РТС является исключением из принципа недискриминации ВТО. Другими словами, РТС является самым большим отступлением от принципа режима наибольшего благоприятствования в многосторонней торговой системе, что является основой для того, чтобы РТС оказывало негативное влияние на ВТО, когда либерализация провозглашается не для всех членов ВТО, а только для тех стран, которые участвуют в том или ином РТС (селективная либерализация).

Можно считать, что большое число подписаний РТС создало новую международную торговую систему, существующую параллельно с ВТО. Однако такое сосуществование породило несколько серьезных проблем. Во-первых, исследователи отмечают, что успешное развитие регионализма в виде многочисленных РТС снижает желание государств вкладывать силы и средства в многосторонние торговые переговоры на универсальном уровне (например, Дохийский раунд) [14, р. 624]. Постепенное дублирование РТС и «двойная идентичность» и даже «множественная идентичность» государств-членов ВТО и различных РТС затруднили совершенствование правил многосторонней торговли ВТО и ход процесса многосторонних переговоров. Кроме того, взаимное дублирование правил РТС и ВТО усложнило унификацию соответствующих правил в многосторонней торговой системе. В условиях многочисленных проблем, вызванных появлением РТС в многосторонней торговой системе, необходимо признать, что влияние РТС на многостороннюю торговую систему давно является неоспоримым фактом [15, р. 81].

Распространение РТС негативным образом сказывается на прозрачности в многосторонней торговой системе и ее правилах, поскольку неясно, какие именно государства заключают друг с другом соглашения и какого рода, учитывая, что «все заключают РТС со всеми» [15, р. 81]. Увеличение числа РТС, вытесняющих многосторонние торговые переговоры в качестве альтернативного способа глобализации, получило в литературе название «эффект миски спагетти» (spaghetti bowl effect) [16, р. 4], поскольку, если соединить на карте страны, между которыми заключены РТС (каждое со

3 См. пункт 1 статьи V ГАТС: This Agreement shall not prevent any of its Members from being a party to or entering into an agreement liberalizing trade in services between or among the parties to such an agreement, provided that such an agreement: (a) has substantial sectoral coverage¹, and (b) provides for the absence or elimination of substantially all discrimination, in the sense of Article XVII, between or among the parties, in the sectors covered under subparagraph (a), through: (i) elimination of existing discriminatory measures, and/or (ii) prohibition of new or more discriminatory measures, either at the entry into force of that agreement or on the basis of a reasonable timeframe, except for measures permitted under Articles XI, XII, XIV and XIV bis.

4 Transparency Mechanism for RTAs. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/trans_mecha_e.htm (дата обращения: 10.07.2022).

своими правилами и тарифами), можно заметить, что карта похожа на тарелку спагетти. В результате возникла «двойная идентичность», когда государства вынуждены следовать обязательствам, взятым на уровне ВТО, и обязательствам, предусмотренным одним или несколькими РТС. По мнению ряда авторов, различные налоговые и таможенные льготы и правила двусторонних или региональных торговых соглашений привели к фрагментации мировой экономики, и поэтому на глобальном и на региональном уровне управления международной торговли наблюдается некий хаос [17, p. 152].

Еще одним недостатком развития РТС стало то, что поскольку многие положения региональных торговых соглашений сходны или даже идентичны нормам соглашений ВТО, то в случае возникновения спора стороны оказываются перед необходимостью выбора применимого права для его разрешения, делая этот выбор исходя из собственных предпочтений и интересов, что создает риски конкуренции систем разрешения споров РТС и ВТО, появления конкурирующих толкований сходных положений и конкурирующих решений по одному и тому же спору.

Заключение

Согласно приведенному выше анализу, можно выделить три причины быстрого роста числа региональных торговых соглашений в мире. Во-первых, в рамках РТС легче прийти к согласию в отношении снижения или устранения нетарифных барьеров, чем на уровне ВТО [18, p. 215]. Во-вторых, в случае замедления или остановки переговоров в ВТО, РТС является возможным способом для стран или регионов добиваться дальнейшей либерализации торговли. Наконец, на основе региональной, культурной и социально-экономической близости государства могут достичь более высокой степени интеграции путем заключения РТС между ними [18, p. 216].

Можно сказать, что ВТО устанавливает общие цели для РТС, предоставляет рамочные рекомендации и ограничения, а также координирует и предотвращает конфликты между ними, в соответствии с объективными потребностями развития международной торговли. РТС «позволяют переговорам между странами идти дальше, чем многосторонняя торговая система, как вширь, так и вглубь, и решает некоторые торговые вопросы, которые ВТО, в настоящее время, не может эффективно решить на региональном уровне» [19, p. 37].

На сегодня обширная сеть РТС стала некоей системой, существующей параллельно ВТО, которая по-прежнему является центральным звеном для всех государств по дальнейшему развитию свободной торговли и разработке новых правил международной торговли. Это также означает, что ВТО не должна и уже не может регулировать слишком строго деятельность РТС или вмешиваться в вопросы региональной интеграции, т. е. должна проявлять сдержанность в этих вопросах. Следует понимать, что жесткое применение норм ВТО в отношении РТС в итоге не приведет к подчиненному положению РТС, а скорее напротив, поставят ВТО перед риском серьезных и непоправимых изменений. Поэтому в ходе обсуждения возможных вариантов реформы ВТО государства-члены ВТО высказывают убеждение в том, что региональные торговые соглашения должны продолжать дополнять, а не заменять ВТО.

Пристатейный библиографический список

1. Mattoo A., Mulabdic A., Ruta M. Trade Creation and Trade Diversion in the deep Agreements // World Bank Policy Research Working Paper. – 2017. – № 8206. – P. 1-42.
2. Сибатян А. С. ВТО и региональные интеграционные объединения: соотношение «правовых сил» в урегулировании торговых споров // Российский внешнеэкономический вестник. – 2011. – № 8. – С. 74–82.

3. Kloewe B. The Spaghetti Bowl of Preferential Trade Agreements and the Declining Relevance of the WTO // Denver Journal of International Law & Policy. – 2016. – № 44 (3). – P. 429-440.
4. Chen L. A Trial Analysis of the Political Motivations and Implications of the Development of Regional Trade Agreements // Rule of Law Research. – 2014. – № 6. – P. 37-47.
5. Li C., Wen Y. From the Integration of Regional trade agreements and the WTO Multilateral Trading System to the Path of China's Regional Trade Cooperation // Journal of Zhengzhou University. – 2008. – № 41 (1). – P. 70-73.
6. Cho S. Defragmenting World Trade // Northwestern Journal of International Law & Business. – 2006. – № 27 (1). – P. 39-88.
7. Whalley J. Recent Reginal Agreement: Why So Many, Why So Much Variance in Form, Why Coming So Fast, and Where Are They Headed? // The World Bank Economic. – 2008. – P. 529-531.
8. Powell S. J., Low T. Is the WTO Quietly Fading Away? The New Regionalism and Global Trade Rules // Georgetown Journal of Law & Public Policy. – 2011. – № 9. – P. 261-282.
9. World Bank: Trade Blocs. – M: Oxford University Press, 2000.
10. Damro C. The Political Economy of Regional Trade Agreements // Bartels L., Ortino F. (eds.) Regional Trade Agreements and the WTO Legal System. - Oxford: Oxford University Press, 2006. – P. 23-42.
11. Cottier T., Foltea M. Constitutional Functions of the WTO and Regional Trade Agreements // Bartels L., Ortino F. (eds.) Regional Trade Agreements and the WTO Legal System. - Oxford: Oxford University Press, 2006. – P. 43-76.
12. Zhong L. The History and Legal Analysis of Article XXIV of GATT1994 // Law Review. – 2003. – № 6. – P. 41-47.
13. Wu M. Conflict and Coordination of Global Economic Integration // Journal of East China Normal University. – 2008. – № 40 (2). – P. 51-55.
14. Leal-Arcas R. Proliferation of Regional Trade Agreements: Complementing or Supplanting Multilateralism? // Chicago Journal of International Law. – 2011. – № 11 (2). – P. 597-629.
15. Shen M. Conflict and Coordination of the WTO Multilateral Trading System and regional Free Trade agreements // Journal of Nanjing University of Finance and Economics. – 2008. – № 1. – P. 79-83.
16. Bhagwati J. US Trade Policy: The Infatuation with FTAs // Discussion Paper Series. – 1995. – № 726.
17. Zhong L. WTO's Regulation of Regional Trade Agreements and Their Improvement // Jurist. – 2003. – № 4. – P. 151-160.
18. Du Y. On the Relationship between Regional Trade Agreements and WTO Rules // Journal of Southwest Ethnic Masters. – 2005. – № 6. – P. 214-217.
19. Li Q. Research on Legal Issues of Conflict of Jurisdiction between WTO and RTA Dispute Settlement Mechanisms: Doctoral dissertation – Diplomatic Academy, 2015.

ГОРЕНИЦА Вероника Витальевна

студент 4 курса образовательной программы «Юриспруденция с углубленным изучением китайского языка и права КНР» Санкт-Петербургского государственного университета

ТРАНСГРАНИЧНОЕ БАНКРОТСТВО: ПРИЗНАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ И КНР

В последние годы российско-китайские торговые отношения демонстрируют постоянный рост. Между компаниями двух стран установлена тесная взаимосвязь и поддерживается благоприятное сотрудничество. Тем не менее, последствия продолжительной пандемии коронавирусной инфекции, осложнения во внешнеполитических отношениях с другими странами оказывают значительное влияние на финансовое состояние организаций. В результате не все компании способны продолжать вести предпринимательскую деятельность по причине низкой доходности и образования предбанкротных признаков. В случае трансграничной несостоятельности становится весьма сложно поддерживать баланс интересов обеих сторон, учитывая различия в правовых режимах и разделении на «продолжниковые» и «прокредиторские» юрисдикции.

Ключевые слова: трансграничная несостоятельность, признание и исполнение иностранных судебных решений, принцип взаимности, публичный порядок, судебная практика.

GORENITSA Veronika Vitaljevna

4th year student in the «Law with advanced study of Chinese language and Chinese law programme» of the St. Petersburg State University

CROSS-BORDER INSOLVENCY: RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF JUDGMENTS UNDER RUSSIAN AND CHINESE LAW

In recent years, Russian-Chinese trade relations have shown constant growth. There is a close relationship and favourable cooperation between companies in the two countries. However, the effects of the prolonged coronavirus pandemic and difficulties in foreign policy relations with other countries are having a significant impact on the financial health of organisations. As a result, not all companies are able to continue doing business due to low profitability and the formation of pre-bankruptcy signs. In the case of cross-border insolvency, it becomes very difficult to balance the interests of both parties, given the differences in legal regimes and the division into «pro-debtor» and «pro-creditor» jurisdictions.

Keywords: cross-border insolvency, recognition and enforcement of foreign judgments, principle of reciprocity, public policy, court decisions.

Данное исследование основано на анализе судебной практики Российской Федерации (далее – РФ) и Китайской Народной Республики (далее – КНР). Одним из препятствий в разрешении вопросов трансграничного банкротства является необходимость уступки суверенитета судебного регулирования со стороны одного государства в пользу другого. В противном случае возникает риск ведения процедур банкротства в отношении одного лица в нескольких юрисдикциях, что выступает явным обременением как для должника, так и для кредиторов. На основе изученной судебной практики в дальнейшем будет показано, что пробелы в вопросах трансграничного банкротства заполняют именно подходы, выстроенные в судебных решениях. Тем не менее, отсутствует единообразие выводов судов относительно оснований для признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений.

Законодательство и судебная практика РФ

На данный момент в законодательстве РФ отсутствует специальный нормативно-правовой акт, регулирующий вопросы трансграничной несостоятельности. Согласно п. 1 ст. 223 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) дела о несостоятельности рассматриваются арбитражным судом в соответствии с правилами кодекса и с особенностями, установ-

Гореница В. В.

ленными федеральными законами, регулирующими вопросы несостоятельности. В первую очередь необходимо обратиться к Федеральному закону № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – ФЗ РФ «О несостоятельности»)². В соответствии с п. 5,6 ст. 1 закон закрепляет приоритет международного договора в вопросе признания решения иностранных судов относительно банкротства. В противном случае применяется общепризнанный в международном праве принцип взаимности³.

1 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 03.02.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022).

2 Примечание – Отдельно стоит отметить, что в законе не установлен специальный порядок правового регулирования процесса трансграничного банкротства. Единственное упоминание трансграничной несостоятельности присутствует в ст. 29 ФЗ РФ «О несостоятельности» в отношении компетенции Управления по контролю и надзору в сфере саморегулируемых организаций, а именно – обязанность органа оказывать поддержку саморегулируемым организациям арбитражных управляющих и арбитражным управляющим в ходе процедур, связанных с вопросами трансграничной несостоятельности.

3 Примечание – ФЗ РФ «О несостоятельности» не устанавливает особого порядка признания и исполнения решений иностранных государственных судов, поэтому необходимо обращаться к положениям АПК РФ. Тем не менее, интересным является факт отсутствия упоминания принципа взаимности в ст.241 АПК РФ

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу, что в первую очередь ставится вопрос о наличии двусторонних или многосторонних международных договоров между Россией и другими государствами при признании решения иностранного суда⁴. Однако в большинстве соглашений включены лишь общие положения, игнорирующие специфику банкротных дел⁵. К тому же РФ не является участницей ни одного международно-правового акта, регулирующего вопросы трансграничного банкротства.

На практике иностранный кредитор может подать заявление в российский суд с требованиями к должнику или же обратиться сначала в суд своего государства, получить судебное решение и затем требовать его признания и исполнения на территории Российской Федерации⁶. Особый интерес представляет ситуация, при которой между государствами не заключены какие-либо международные соглашения, а, следовательно, нет и нормативного урегулирования процесса признания и исполнения иностранных решений⁷. В таком случае суды прибегают к так называемому принципу взаимности⁸.

С доктринальной точки зрения, существуют два подхода к обозначенному принципу: негативная и позитивная взаимность. В первом случае – в более узком понятии – пред-

полагается, что исполнение иностранных судебных актов невозможно до тех пор, пока в практике судов другого государства не будет выявлена тенденция признания и исполнения судебных актов запрашиваемого государства [2, С. 199-200]. Исходя из изученной судебной практики и научной литературы, можно сделать вывод, что российские суды придерживаются негативного принципа взаимности⁹.

Если суды иностранного государства признают решения российских судов по вопросам определенного правоотношения, то и российские суды также могут признать и привести в исполнение судебное решение иностранного суда. Однако проблема заключается именно в разрозненности практики из-за отсутствия конкретных критериев. Таким образом, суды фактически оценивают возможность придания силы иностранному судебному акту, опираясь на субъективные доводы, не имея точного представления, что именно подразумевается под «устоявшейся практикой» [1, с. 53].

В качестве доказательств наличия взаимного признания судами решений друг друга могут выступать заверенные нотариусом переводы иностранных судебных решений, из которых следует, что решение суда РФ было учтено при проведении процедуры банкротства иностранным судом [1, с. 54]. Также в судебной практике встречались случаи, когда в качестве доказательства действия принципа взаимности выступало наличие в законодательстве другого государства положений о признании иностранных процессов по делам о банкротстве¹⁰. Примером оснований для отказа в признании применимости принципа взаимности может выступить уже ставшее хрестоматийным дело с участием гражданина Кехмана В.А., в котором суд пришел к выводу, что оказание содействия судом Великобритании российскому арбитражному управляющему не может быть воспринято как «равноценное признанию решения иностранного государства»¹¹.

Еще одним основанием непризнания иностранного судебного решения является риск нарушения публичного порядка Российской Федерации (п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ). Однако в силу широкой трактовки термина для обращения к этому основанию необходимо установить, в чем именно нарушается публичный порядок РФ¹².

о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, в том время как в п. 6 ст. 1 ФЗ «О несостоятельности» допускается применение принципа взаимности.

4 Примечание – Например, в пп. 1 п. 3 ст. 17 «Договора между СССР и Королевством Испании о правовой помощи по гражданским делам» (подписан в г. Мадриде 26.10.1990) закреплено, что данное соглашение не применяется к решениям по банкротным и аналогичным делам. Однако стоит сказать, что в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.10.2021 № Ф04-2446/2019 по делу № А45-34550/2018 был сделан вывод о преодолении этой позиции в одностороннем порядке в ст. 10 Закона о конкурсном производстве от 09.07.2003 и ст. 3 специального закона № 29/2015 «О международном правовом сотрудничестве по гражданским делам». Положениями установлена возможность признания и исполнения решений иностранных судов по вопросам банкротства и аналогичным делам в Испании. Последствия основного банкротства будут касаться всех активов должника, независимо от территории государства, где они находятся.

5 Примечание – Иногда суды приходят к выводу, что для применения положений договора в тексте документа должно быть предусмотрено урегулирование дел именно о несостоятельности (Постановление Арбитражного суда МО от 02.09.2019 № Ф05-14319/2019 по делу № А40-101054/2019). В других же случаях общих положений о разрешении споров может быть достаточно (Определение Арбитражного Суда Воронежской области от 28.12.2011 по делу № А14-10699/2011). В Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.05.2019 № 3152/2017 по делу № А56-81157/2015 суд сослался на ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, тем самым расширив право на справедливое судебное разбирательство, в том числе и на процедуру исполнения судебного решения.

6 В п. 3 Информационного письма Высшего Арбитражного Суда (далее – ВАС) № 96 от 22 декабря 2005 г. Суд с опорой на положения ФЗ РФ «О несостоятельности» постановил, что на момент введения процедуры наблюдения в отношении должника иностранное судебное решение также включается в реестр требований кредиторов. Заявление о признании и исполнении данного решения рассматривается в деле о банкротстве.

7 Здесь применим термин «режим конвенциональной экзекватуры», характеризующийся неисполнимостью иностранного судебного решения в отсутствие международного договора. В качестве примера можно привести Постановление ФАС Московского округа от 17 февраля 2009 г. № КГ-Ф40/12786-08-П по делу № А40-7480/08-68-127.

8 Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 07.12.2009 № ВАС-13688/09.

9 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.01.2022 № Ф05-33570/2021 по делу № А40-167541/2020 - отсутствие доказательства соблюдения начал взаимности и признания английским правосудием судебных актов российских судов.

10 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.09.2019 № Ф05-14319/2019 по делу № А40-101054/2019 - отсутствие доказательства соблюдения начал взаимности и признания на территории Чехии судебных актов российских судов. Хотя существуют и исключения. Так, например, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.05.2019 № 3152/2017 по делу № А56-81157/2015 суд сослался на «принцип международной вежливости, предписывающий государствам относиться к иностранному правопорядку вежливо и обходительно», подкрепив позицию отдельной ссылкой на принцип взаимности без раскрытия критериев, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года и п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации.

11 ФАС Северо-Западного округа от 28.08.2008 по делу № А56-22667/2007; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.10.2021 № Ф04-2446/2019 по делу № А45-34550/2018.

12 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.11.2016 № Ф07-9292/2016 по делу № А56-27115/2016.

13 П. 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных

Законодательство и судебная практика КНР

Необходимо уточнить, что между материковым Китаем и специальными административными районами (Гонконг, Макао) также заключен ряд соглашений о признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам [5, с. 36]. В связи с этим в литературе часто используется понятие «crossborder insolvency». Однако речь пойдет о «внешнем» трансграничном банкротстве, а не о межрегиональном.

На сегодняшний день банкротное законодательство Китайской Народной Республики состоит из Закона КНР «О банкротстве предприятий»¹³ и судебных толкований этого закона Верховным народным судом КНР¹⁴.

Как и в п. 6 ст. 1 ФЗ «О несостоятельности» РФ в ст. 5 Закона КНР устанавливаются два основания для признания и приведения в исполнение судебного акта иностранного суда: наличие международного договора или осуществление принципа взаимности. Однако помимо этого статья также обязывает суд провести проверку на отсутствие риска нарушения основополагающих принципов законодательства КНР, нанесения ущерба суверенитету государства, безопасности и общественным интересам, законным правам и интересам кредиторов на территории КНР [4, с. 13]. Проводя параллель с российским законодательством, можно сделать вывод, что третье условие коррелирует с положением п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ. Оговорка о публичном порядке должна применяться для отказа в признании иностранного производства только в том случае, если результат признания и содействия иностранному производству будет прямо и явно противоречить публичному порядку в стране [4, с. 13].

Согласно подготовленному Министерством юстиции КНР Обзору развития судебной помощи от 20.10.2021 г.¹⁵ Китай участвует в более 30 договорах по оказанию судебной помощи в области гражданского (коммерческого) и уголовного права. Любопытно, что ежегодно количество запросов на признании и исполнение судебных решений лишь возрастает¹⁶. Как и в случае с Россией в упомянутых двусторонних договорах отсутствуют отдельно положения о признании и

исполнении судебных решений в сфере банкротного права¹⁷. Тем не менее имеется судебная практика, в которой суды рассматривали банкротство как вопрос коммерческого характера, поэтому принимали во внимание наличие двустороннего соглашения¹⁸ [6, с. 13]. В научной работе Цзинянь Чжунга проанализирована судебная практика с 1994 по 2018 годы на предмет признания и приведения в исполнение решений иностранных судов. Согласно полученным данным, 13 из 30 кейсов были успешными, при этом 8 решений опирались на положения двустороннего договора. Однако 6 судебных решений были отказными по причине отсутствия договора [7, с. 14].

Вторым основанием является уже известный нам принцип взаимности. В отличие от АПК РФ в Гражданском процессуальном законе КНР в ст. 283, 288-289 закреплено, что помимо участия КНР в международных договорах, народными судами учитывается также и принцип взаимности при расследовании и сборе доказательств, вручении юридических документов и оказании иных судебных действий в делах с участием иностранного элемента¹⁹. Однако народный суд не должен оказывать помощь запрашивающему иностранному суду, если это может нанести ущерб суверенитету, безопасности или социальным и общественным интересам КНР. Таким образом, дублируются положения ст. 5 Закона КНР «О банкротстве предприятий»²⁰ [7, с. 39].

С точки зрения китайского правоприменителя, принцип взаимности означает факт раннего признания китайских решений в зарубежных судах [3, с. 84]. При этом труднодоступность банка судебных решений китайских народных судов может стать препятствием для поиска подтверждающих документов. Еще одним препятствием на пути к признанию является отказ многих китайских судов официально регистрировать запрос на признание и приведение в исполнение решение иностранного суда. Причина заключается в отсутствии в законодательстве требований к регистрации подобных ходатайств от иностранного элемента, как, впрочем, и

судебных и арбитражных решений». В качестве примера опровержения нарушения публичного порядка можно привести позицию, высказанную в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.05.2019 № Ф07-3152/2019 по делу № А56-81157/2015.

- 13 Закон КНР «О банкротстве предприятий» от 27.08.2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Enterprise_Bankruptcy_Law_of_the_People%27s_Republic_of_China (дата обращения: 18.08.2022).
- 14 Provisions of the Supreme People's Court on Certain Issues Relating to the Application of the "Enterprise Bankruptcy Law of the People's Republic of China" (I) Fa Shi [2011] No. 22 (09.09.2011); Provisions of the Supreme People's Court on Several Issues concerning the Application of the Enterprise Bankruptcy Law of the People's Republic of China (II) Fa Shi [2020] № 18 (12.29.2020); Provisions (III) of the Supreme People's Court on Several Issues concerning the Application of the "Enterprise Bankruptcy Law of the People's Republic of China" Fa Shi [2020] No. 18 (29.12.2020).
- 15 Overview of China's work on international judicial assistance in civil and commercial matters (Сайт Министерства юстиции КНР). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/jgsz/jgszsdw/zsdwsfxzjlx/sfxzjlxwwdt/202110/t20211020_439659.html (дата обращения: 04.08.2022).
- 16 Статистика дел о судебной помощи по гражданским и хозяйственным делам за 2021 и 2020 годы – (Сайт Министерства юстиции КНР). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/jgsz/jgszsdw/zsdwsfxzjlx/sfxzjlxwwdt/202110/t20211013_439226.html; http://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/jgsz/jgszsdw/zsdwsfxzjlx/sfxzjlxwwdt/202012/t20201224_134046.html (дата обращения: 04.08.2022).

17 Примечание – Однако в Договоре между КНР и Народной Республикой Перу о судебной помощи по гражданским и торговым делам в п.3 ст.21 фиксируется, что действие договора не распространяется на судебные акты по вопросам банкротства, ликвидации и по аналогичным процедурам (19.03.2008) (Сайт Министерства юстиции КНР). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/flfggz/flfggzfity/fltymsssfzty/201812/t20181225_151346.html (дата обращения: 04.08.2022).

18 Примечание – Наличие Двустороннего соглашения между КНР и Итальянской Республикой по оказанию судебной помощи по гражданским и коммерческим делам стало основанием для признания и приведения в исполнение решения итальянского суда Милана Средним судом города Фошань. Однако необходимо принять во внимание, что это решение было принято в 2001 году, то есть до вступления в силу Закона КНР «О банкротстве предприятий». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Db=qikan&Gid=898201b2590ca45a1fbd2454ba16f2e3bdfb&keyword=&EncodingName=&Search_Mode=&Search_IsTitle=0 (дата обращения: 05.08.2022).

Примечание - Автор цитируемой статьи делает предположение о причине признания итальянского судебного решения, а именно – параллельный процесс вступления КНР в ВТО (Всемирная Торговая Организация) и желание показать открытость международной торговле и сотрудничеству.

19 Civil Procedure Law of the People's Republic of China (04.09.1991) [2021 Amendment].

20 Примечание - В деле Re Sascha Rudolf Seehaus (2012) Средний суд Уханя и вовсе сослался на положения Гражданского процессуального закона КНР, проигнорировав ст. 5 Закона КНР «О банкротстве предприятий». Этот факт подтверждает взаимозаменяемость статей нормативно-правовых актов, а значит, никаких нововведений в обсуждаемом вопросе сделано не было.

санкций в виде привлечения к ответственности чиновников за такой отказ²¹ [7, С. 35-37].

Однако даже при наличии двустороннего соглашения и подтвержденного взаимного исполнения судебных решений всегда остается риск, что судебный акт не будет признан по причине угрозы государственным интересам. Если ответчиком является компания, принадлежащая китайскому государству, или же компания связана с государством, то шансы на исполнение иностранного судебного решения минимальны [7, с. 35].

Несмотря на вышесказанное, в 2015 году было опубликовано «Несколько заключений Верховного Народного суда КНР об оказании судебных услуг и обеспечении народными судами реализации инициативы «Один пояс, один путь» [3, с. 86]. Согласно п. 6 документа в случаях, когда между странами «маршрута» и КНР отсутствуют соглашения о судебной помощи с намерением международного судебного сотрудничества и обязательством другой страны предоставить Китаю судебную помощь, рассматривается возможность первичного оказания поддержки со стороны китайских судов. Это способствует активному формированию взаимных отношений, а также расширению сферы международной судебной помощи. Авторы Чжан Шицзюнь и Ван Цзичэнь придерживаются мнения, что этот документ во многом изменил концепцию трансграничной судебной помощи со стороны Китая, тем самым обозначив судебную политику по официальному установлению презумпции взаимности при трансграничной несостоятельности [8, с. 14]. Это знаменует собой переход от «фактической взаимности» к «предполагаемой взаимности» в Китае и дает возможность расширить сферу судебной помощи и многостороннего сотрудничества [3, с. 86].

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу, что в отличие от российских судов китайские судья не делают акцент на признании взаимности только на основании наличия такого признания в банкротном деле. Как отмечалось ранее, это может быть связано с полной идентичностью статей Гражданского процессуального закона КНР и Закона КНР «О несостоятельности предприятий». Однако вряд ли этот факт можно назвать преимуществом, учитывая частый «прогосударственный» характер судебных решений, консервативный подход судей и разнящуюся от региона к региону судебную практику.

Выводы сравнительного анализа

По результатам проведенного исследования можно сказать, что отсутствие четких формулировок и критериев становится причиной расхождения в судебной практике обеих стран, что, в свою очередь, нарушает принцип единства. Фактически, несмотря на наличие видимой альтернативы в способах признания и исполнения судебных решений иностранного государства суды в большинстве случаев могут руководствоваться только принципом взаимности. Следовательно, сама возможность исполнения требований иностранного кредитора находится в руках суда, опирающегося на субъективное восприятие в отсутствии четких критериев и устоявшейся судебной практики. Подобная ситуация создает явную опасность «содействия» локальным кредиторам, так как может способствовать сохранению активов должника-гражданина вне иностранной процедуры банкротства.

Говоря о взаимодействии судов РФ и КНР, можно сказать, что велика вероятность признания и приведения в исполнение судебных решений по трансграничному банкротству на территориях обоих государств. Между РФ и КНР заключен Договор о помощи по гражданским и уголовным делам. Хотя в ст.16 и отсутствует непосредственное упоминание банкротных дел, как уже было показано выше, это не всегда является препятствием для признания и приведения в исполнение судебного акта. При этом уже имеются прецеденты признания российских судебных решений китайскими судами²².

Тем не менее, ранее было упомянуто, что в отличие от китайских судов российские суды нередко требуют именно подтверждения взаимности по банкротным делам. Однако в отличие от приверженности российских судов «фактической взаимности» китайские суды, как уже было показано ранее, презюмируют взаимность. Этот подход значительно упрощает сотрудничество и содействует интересам кредиторов. Ведь в случае отсутствия Договора или же судебной практики в подобных условиях невозможно представить дальнейшее развитие судебного сотрудничества между странами, что создает тупик не только в правовой, но и в экономической сферах. Таким образом, тенденция «предполагаемой взаимности» намного перспективнее.

Приставленный библиографический список

1. Меньшикова П. А. Признание актов иностранных судов в процедуре банкротства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 4. – С. 52-55.
2. Собина Л. Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве. Статут, 2012. – 240 с.
3. Dai Yu. Reflections on the extraterritorial effects of transnational insolvency proceedings // Journal of Taiyuan Normal College (Social Science Edition). - 2020 - Vol. 19, № 4. – P. 81 – 89.
4. Guo Yujun Fu Pengyuan: China's Cross-Border Insolvency Recognition and Assistance System: Theory, Practice and Rule Improvement // China Academic Journal Electronic Publishing House. – 2021. – № 4. – P. 1-16.
5. Moustaira E., Moustaira, Reschke. International Insolvency Law. – Springer International Publishing, 2019 – 155 p.
6. Parry R., Gao N. The Future Direction of China's Cross-border Insolvency Laws, Related Issues and Potential Problems // International Insolvency Review. – 2018. – Т. 27. – № 1. – P. 1 - 38.
7. Zhang Z. Globalized Cross-Border Insolvency Law: The Roles Played by China // European Business Organization Law Review. – 2021. – P. 1 - 46.
8. Zhang Shijun, Wang Zichen. Study on the presumption of reciprocity in judicial assistance in cross-border insolvency // Journal of Beijing Academy of Political Science and Law. – 2021 – № 4. – P. 13-18.

21 Примечание - Автор также приводит примеры кейсов, когда заявитель предоставлял доказательства действия принципа взаимности между государственными судами, однако китайские суды игнорировали этот факт.

22 Решение Арбитражного суда Приморского края от 25 марта 2017 года по делу № А51-17247/2016 было признано Средним судом Внутренней Монголии 18.12.2018 года «[2018] Nei 04 Xie Wai Ren № 1». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com/a/chinese-court-recognizes-and-enforces-a-russian-court-judgment-in-december-2018> (дата обращения: 23.08.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-64-66

ЛУК Тхи Ли

аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов

ОТЗЫВЫ О ШТРАФЕ ЗА НАРУШЕНИЕ КОНТРАКТА В СООТВЕТСТВИИ С ПОЛОЖЕНИЯМИ КОММЕРЧЕСКОГО ПРАВА ВО ВЬЕТНАМЕ

Нарушение коммерческого контракта стало распространенной проблемой во Вьетнаме и во многих странах по всему миру. В каждой правовой системе изложены положения о санкциях в случае нарушения коммерческого контракта. Штраф за нарушение контракта стал популярной санкцией, применяемой во многих странах, включая Вьетнам. Штраф за нарушение является спорным вопросом в последнее время, поскольку он может серьезно повлиять на фактическую эффективность применения санкций в торговле. Более того, штраф за нарушение также является основанием для того, чтобы стороны контракта выполняли условия контракта серьезным образом и более эффективно. В статье будут даны комментарии о штрафах за нарушение контракта в соответствии с положениями коммерческого права Вьетнама и их практическом применении.

Ключевые слова: коммерческое право, гражданское право, договорное право, возмещение убытков, санкции за нарушение договоров, коммерческий договор, гражданско-правовой договор, нарушение договора.

LUC Thi Ly

postgraduate student of the Institute of Law of the People's Friendship University of Russia

REVIEWS OF PENALTY FOR BREACH OF CONTRACT UNDER COMMERCIAL LAW PROVISIONS IN VIETNAM

Violation of commercial contracts has become a common problem in Vietnam and in many countries around the world. Many countries set out provisions on sanctions for violations of commercial contracts in their own legal systems. Penalty for breach of contract has become a popular sanction applied in many countries including Vietnam. The penalty level for violations has been a controversial issue in recent times, because it seriously affects the actual effectiveness of the application of trade sanctions. Moreover, the penalty level for violation is also the basis for the parties to the contract to implement the contract terms more seriously and effectively. The article will comment on the penalty for violation of contract according to Vietnam's commercial law and practical application.

Keywords: commercial Laws, civil Law, contract law, compensation for damages, sanctions for violation of contracts, commercial contract, civil contract, violation of contract.

Введение

Наряду с развитием экономического, коммерческого права Вьетнам формировался и развивался в несколько этапов. Правовые положения, которые будут совершенствоваться с течением времени, и ценный юридический опыт. Положение о штрафе за нарушение контракта является классическим примером. Вопрос о штрафных санкциях за нарушение контракта определен в Законе о гражданском и коммерческом праве Вьетнама, однако все еще существует много недостатков, хотя и был изменен и изменен много раз. В статье будет подробно проанализирован реальный уровень законодательства по этому вопросу и предложены поправки и дополнения, соответствующие развитию общества.

1. Положения коммерческого права Вьетнама о штрафе за нарушение контракта

В соответствии с пунктом 12 статьи 3 Закона о торговле Вьетнама 2005 года "нарушение договора заключается в том, что одна сторона не выполняет, выполняет неполное или ненадлежащее исполнение обязательств по соглашению между сторонами или в соответствии с положениями настоящего Закона". Это положение понимается в широком смысле, означает, что нарушение договора определяется, в том числе осуществляется не верно и не полно по содержанию в соответствии с договором. В этом коммерческом законе Вьетнама 2005 года также уточняется, что "существенным нарушени-

Лук Тхи Ли

ем является нарушение договора одной стороной, причиняющее ущерб другой стороне в такой степени, что другая сторона не достигает цели заключения договора". Штраф за нарушение договора является одной из форм нарушения договора, согласно которой сторона, нарушившая договор, обязана выплатить другой стороне за нарушение договора определенную сумму, установленную законом или сторонами соглашения на основании закона, с целью своевременного исправления и защиты права сторон в договорных отношениях торгового сотрудничества. Фиксированный штраф за нарушение контракта был «сформирован» очень скоро и указан в таких юридических документах, как постановление о хозяйственных договорах 1989 года, постановление о гражданско-правовых договорах 1991 года, Гражданский кодекс 1995 года, коммерческое право 1997 года, Гражданский кодекс 2005 года, Закон о торговле 2005 года и действующий Гражданский кодекс 2015 год. Эти положения указывают, что применяются условия, штраф за нарушение составляет: контракт должен быть действительным, имеются нарушения контракта, применяется соглашение, штраф за нарушение.

Во-первых, договор должен быть действующим: это первое условие и решение вопроса о штрафных санкциях за нарушение договора. Новый закон порождает права и соответствующие обязанности, непосредственно между собственником может быть заключен договор, в котором предусмотрены штрафные санкции за нарушение договора. Таким

образом, фиксированный штраф за нарушение договора на-ступает только тогда, когда договор имеет силу закона.

Во-вторых, существует нарушение контракта: нарушение контракта является юридическим основанием, необходимым для применения ко всем формам нарушения контракта, поскольку за нарушение контракта предусмотрены штрафы. "Нарушение контракта - это акт "не выполненного", "не полностью выполненного" или «ненадлежащего исполнения» контракта". Выявленные нарушения контракта необходимы, поскольку являются юридическими основаниями, необходимыми для применения формы санкций за нарушение коммерческих контрактов в целом и финансовой силы для выполнения контракта в частности. Если нет нарушения контракта, мы не можем применить штраф по правилам за нарушение контракта.

В-третьих, есть нарушения соглашения: кроме того, штраф за нарушение контракта может быть применен только в том случае, если стороны договорились о нарушениях в контракте. И проблема заключается в нарушении соглашения, это обязательно должно "фигурировать" в контракте или нет? Т.е. стороны должны договориться друг с другом об условиях штрафных санкций за нарушение контракта в процессе переговоров и подписания контрактов, и это должно быть записано в контракте? Как определено в коммерческом законодательстве Вьетнама, "Штрафы за нарушение заключается в том, что потерпевшая сторона требует от нарушившей стороны уплаты денежного штрафа в связи с нарушением контракта, если в контракте есть соглашение". Между тем, гражданский кодекс Вьетнама 2015 года включил "ответственность за нарушение договора" в "содержание договора".

2. Комментарий о штрафе за нарушение договора в коммерческом праве Вьетнама

Согласно коммерческому законодательству Вьетнама 2005 года, неустойка по контракту рассчитывается в размере не более 8 % от стоимости обязательства за нарушение контракта. В соответствии с действующими нормами законодательства Вьетнама, существуют два юридических документа, которые заслуживают регулирования в отношении нарушений санкций, - это Гражданский кодекс 2015 года и коммерческий закон 2005 года. В соответствии с положениями Гражданского кодекса 2015 года о штрафе за нарушение применяется к гражданским отношениям, уровень нарушений по соглашению сторон. Это можно понимать как то, что стороны имеют право выбирать уровень нарушений, не ограничиваясь нормами права.

Это правило вытекает из принципа свободы соглашения в соответствии с положениями гражданского кодекса. Однако такова уж природа людей в узком смысле этого слова. Также в отношении гражданских отношений в широком смысле, а именно, что отношения регулируются коммерческим законом 2005 года, то штраф за нарушение ограничен на уровне 8 %. Здесь есть разница между двумя текстами, когда корректировка является проблемой. Поэтому мы должны различать те отношения, которые были Гражданским кодексом, которые регулируют отношения, которые регулируют коммерческое право, чтобы иметь возможность правильно применять. Согласно коммерческому закону 2005 года, тогда активная коммерческая деятельность направлена на получение прибыли, включая покупку и продажу товаров и предоставление услуг, инвестиционную и торговую деятельность, направленную на получение прибыли. Другие. Отношения возникают, когда возникает спор и есть штраф за нарушение

условий, будут применяться штрафы за нарушение максимум в размере 8 %. Существует много споров вокруг этого наказания, потому что:

Во-первых, штраф еще недостаточно велик, чтобы покрыть прибыль трейдеров, занимающихся коммерческими контрактами. Как упоминалось выше, коммерческие контракты участвующих торговцев часто имеют целью получение прибыли. Следовательно, применение слишком низкого штрафа не будет способствовать эффективности штрафных санкций и приведет к ущербу для потерпевшей стороны. Как правило, коммерческий контракт имеет большую ценность, нарушение которого может повлиять на права трейдеров. Следовательно, несоизмерное наказание сделает потерпевшую сторону не имеющей права на льготы, принадлежащие ей по праву.

Во-вторых, на самом деле возникает проблема, если в договоре, заключенном двумя сторонами соглашения, неустойка превышает 8 % от стоимости контракта, например: соглашения двух сторон, неустойка составляет 20 %, 50 %... это будет выглядеть так? В связи с этой проблемой есть два важных момента: первое мнение о том, что соглашение является недействительным, поэтому, когда разрешение споров требует штрафных санкций за нарушение договора, не принимает этот запрос, потому что наблюдает, как две стороны не договорились. Мнение второго сказала, что соглашение превышает 8 %, только отключите раздел для штрафа, превышающего 8 % более длительных сроков, штрафы за нарушение договора полностью вступают в силу, в этом случае может применяться максимальный уровень в 8 %, требуемый потерпевшей стороной, превышение не принимается.

Из практического рассмотрения спора, делового, коммерческого, Суд в целом принял точку зрения в понедельник, то есть, если две стороны соглашения превысят 8 %, он применит штраф от 8 % или ниже для урегулирования претензии за сломанный кусок.

В связи с этой проблемой автор утверждает, что необходимо пересмотреть максимальный лимит, штраф в размере 8 %; пересмотреть, чтобы увеличить лимит, штраф за нарушение контракта или неограниченный максимальный штраф. Основанием для такого предложения являются следующие основания: Во-первых, суть договора заключается в соглашении между сторонами. Итак, стороны несут полную ответственность, когда по соглашению выбирают неустойку; во-вторых, не следует ограничиваться штрафами, направленными на сдерживание силы, заключенной сторонами договора. Предел, штраф будет несколько затруднен для бизнеса в выборе штрафа; В-третьих, финансовая компенсация очень незначительного ущерба, когда суд и судья согласились, когда потерпевшая сторона предъявляет претензии. Таким образом, позволяя сторонам иметь соглашение о правах, штраф не ограничивает защиту интересов другой стороны за нарушение договора. Чтобы иметь возможность объяснить эту проблему, сначала мы хотим упомянуть о характере "нарушений". Нарушения до сих пор существует еще много различных точек зрения на то, что штраф за нарушение является мерой обеспечения выполнения контракта или устранения ущерба, причиненного причиной нарушения. Или, наказание за нарушение - это меры по "контролю" за тем, чтобы стороны не осмеливались нарушать договор, даже это мера, направленная на "наказание" стороны, нарушающей договор. Но, на наш взгляд, финансовый штраф за нарушение понимается как мера по предотвращению нарушений. Потому что, если для этого штраф за нарушение является мерой по

преодолению последствий и возмещению ущерба людям, то нарушается, значит, была финансовая компенсация убытков. Если понимать это как меры по обеспечению наличия мер депонирования.

И если мы рассмотрим правила, штраф за нарушение - это мера по предотвращению нарушений в договоре, тогда закон должен для того, чтобы стороны соглашения, которые за нарушения могут оказывать, в полном смысле его. Однако мы также согласны с тем, что закон прописал определенный предел для уровня штрафов за нарушения. Потому что, если вы позволите сторонам по соглашению, например, в соответствии с положениями гражданского законодательства, стороны могут согласиться на штраф "на небесах и на земле", это затруднит для сторон возможность выполнять обязательства, когда происходят нарушения, и приведет к тому, что это не будет способствовать эффективному, в факт. Однако степень, в которой это ограничение также должно быть распространено на стороны, может свободно согласовываться в соответствии с фактической ситуацией.

Также согласно этому положению, тогда штраф за нарушение составляет 8 % от стоимости договорных обязательств - это штраф. Могу понять регламент, это штраф за то, что стороны могут дать, составляет 8 %, но должно быть со стороны нарушено обязательство. И так, чтобы определить, какая часть обязательства нарушена, стоит на сколько суметь рассчитать количество штрафов за нарушения реальности. Понять и продемонстрировать, как "ценность договорных обязательств может быть нарушена", абсолютно непросто. Не говоря уже об оценке, заключении в случае внесудебного урегулирования, это полностью зависит от субъективного восприятия судьи или коллегии по надзору.

3. Предложения по совершенствованию законодательства

Появление коммерческого закона 2005 года является важным шагом вперед, способствующим деловой активности в торговле между субъектами, создавая здоровую деловую среду. Однако в этом тексте все еще существуют эти недостатки, которые несколько ограничивают свободу ведения бизнеса, свободу согласия субъекта. Следовательно, субъект, когда он занимается предпринимательской средой, должен активно защищать свои права более позитивным образом, тем самым способствуя более здоровому экономическому развитию. По мнению автора, штраф за нарушение договора в коммерческом праве должен быть изменен следующим образом:

Во-первых, в соответствии с соглашением заинтересованных сторон. Суть контракта заключается в соглашении сторон, основанном на духе молитвы и воле участвующих субъектов. Поэтому в соглашении, предусматривающем штраф за нарушение договора, соблюдается принцип свободы заключения договора. Более того, вовлеченные стороны могут достичь своих устремлений, своей воли, не беспокоясь о высшей мере наказания, которой я должен следовать

Во-вторых, следует повысить самый высокий штраф. Для положений Коммерческого закона Вьетнама 2005 года штраф в размере 8 % может соответствовать экономическим обстоятельствам, то есть рынку. Однако в настоящее время экономика Вьетнама достигла прогресса, коммерческие контракты все чаще подписываются более чем, имеют большую ценность и имеют важные последствия для страны Вьетнам.

Поэтому автор предлагает, чтобы правовые положения также нуждались в обновлении в соответствии с направлени-

ем расширения, развития и создания возможностей для того, чтобы стороны договора должным образом исполняли свои заветания.

В-третьих, штраф за нарушение договора о фактическом судействе Суда. По факту заключения партнерского договора стороны используют нарушения в качестве механизма, предназначенного для "предотвращения" и "наказания" стороны, нарушившей договор. Таким образом, стороны могут очень высоко оценивать нарушения соглашения, вплоть до нарушения 100 % или 200 % стоимости обязательства.

Однако, согласно приведенному выше анализу, тогда это соглашение противоречит положениям закона. Из-за правовых норм все еще существуют недостатки, как было проанализировано выше, поэтому в то же время, чтобы правила были разумными и соответствовали реальности, чем мы думаем, субъект, вовлеченный в договорные отношения, должен проявлять инициативу в защите своих прав и интересов.

Заключение

Таким образом, коммерческое право Вьетнама содержит конкретные правила относительно размера штрафа за нарушение контракта. Тем не менее, штраф по-прежнему является спорным и имеет много недостатков при использовании на практике. Закон - это именно тот инструмент, который позволяет приспособиться к общественным отношениям. В условиях постоянных социальных изменений и прогресса закон также должен быть изменен и усовершенствован для удовлетворения потребностей современного общества. Таким образом, коммерческое право Вьетнама также нуждается в изменении, совершенствовании, чтобы соответствовать реальности и повысить эффективность применения.

Пристатейный библиографический список

1. Министерство промышленности и торговли. Некоторые многосторонние договоры, обычно используемые в международной торговле. Ханой: Издательство Педагогического университета, 2007.
2. Гражданский кодекс Вьетнама 2015 г.
3. Вьетнамский коммерческий закон 2005 г.
4. Бич Ф., Сон Х. Обсуждение наказания за нарушение контракта // Электронный журнал Народного суда, 2019 г.
5. Чан В.Б. Электронные контракты в соответствии с вьетнамским законодательством. Институт государства и права. Ханой: Судебное издательство, 2012.
6. Нгуен Т.З. и соавторы. Закон о договорах в торговле и инвестициях - основные правовые вопросы. Ханой: Национальное политическое издательство, 2008.

СЕМЕНОВА Янина Викторовна

аспирант кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Перед Европейским Союзом, как крупнейшим интеграционным объединением, стоит задача правового обеспечения национальной безопасности государств-членов, а также информационной безопасности их граждан, которую на сегодняшний день в том числе составляет охрана биометрических данных. Автор исследует предпосылки правового закрепления таких персональных данных в актах Союза, а также анализирует эволюцию правового регулирования их использования.

Ключевые слова: биометрические данные, Европейский Союз, ИКАО, электронный паспорт, Визовый кодекс, биометрия, идентификация граждан, обработка данных.

SEMENOVA Yana Viktorovna

postgraduate student of Integration and European law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Семенова Я. В.

FORMATION OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF BIOMETRIC DATA IN THE EUROPEAN UNION

The European Union, as the largest integration association, faces the issue of legally ensuring the national security of the member states, as well as the information security of their citizens, which today, among other things, is the protection of biometric data. The author examines the prerequisites for the legal consolidation of such personal data in the acts of the European Union, and also analyzes the evolution of legal regulation of their use.

Keywords: biometric data, European Union, ICAO, electronic passport, Visa Code, biometrics, identification of citizens, data processing.

Введение

Внимание законодателей к категории биометрических данных заметно возросло в начале 2000-х годов в связи с участвовавшими террористическими актами во многих странах мира, что впоследствии привело к высокоуровневому развитию биометрических технологий и их широкому распространению во всех сферах жизни человека.

На сегодняшний день зарубежные специалисты традиционно выделяют три основных сферы, в которых особенно эффективно применяются методы биометрической идентификации, среди них: пограничный контроль, банковские онлайн-операции и сфера обслуживания клиентов [5, с. 101].

Динамичное развитие новых технологий и усовершенствование технических средств сбора, обработки и передачи данных в перечисленных областях, а также возможность возникновения на этом фоне новых угроз безопасности самих биометрических данных граждан и национальной безопасности многих стран мира, по сей день обуславливают необходимость создания новых правовых норм и регулярной актуализации уже применяемых в сфере обеспечения безопасности информации.

В настоящее время к таким актам можно отнести Конвенцию № 108 о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г. (Конвенция)¹, а также Общий регламент по за-

щите персональных данных (GDPR)², который введен в действие 25 мая 2018 г. во всех государствах-членах ЕС.

Ранее в указанной конвенции не содержалось прямого упоминания о биометрических данных, однако, 10 октября 2018 г. был подписан Протокол о внесении изменений в Конвенцию³. Целью Протокола являлась модернизация и усовершенствование положений документа с учетом новых вызовов в области защиты физических лиц в отношении обработки персональных данных. В число нововведений вошло расширение состава типов конфиденциальных сведений, обработка которых отнесена к «специальной категории» и может быть осуществлена только в том случае, если законом установлены соответствующие гарантии. Теперь к ним отнесены и биометрические данные. Требования Протокола при этом соответствуют новейшим европейским стандартам в сфере защиты персональных данных – упомянутому GDPR, который сегодня уже прямо выделяет биометрическую информацию в качестве особой категории данных акцентируя внимание на том, что они наиболее уязвимы в современных условиях.

1 Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Заключена в Страсбурге 28.01.1981) // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 5.

2 Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Official Journal of European Communities. - L 119. - 4.5.2016. - P. 1-88. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679> (дата обращения: 18.09.2022).

3 Protocol amending the Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data (CETS № 223) Council of Europe Treaty Series. № 223. - Strasbourg, 10.X.2018.

Целью настоящей статьи является выявление предпосылок необходимости введения категории биометрических данных на уровне актов европейского законодательства. Предлагается проанализировать, что предшествовало и что поспособствовало развитию правового регулирования использования биометрических данных до момента их признания в качестве уникальной категории персональных данных ныне действующими правовыми актами Союза в области охраны данных.

Предпосылки формирования правового регулирования использования биометрических данных

Стоит отметить, что вплоть до событий, произошедших 11 сентября 2001 г. в США, биометрические системы использовались исключительно в целях обеспечения безопасности военной и иной конфиденциальной коммерческой информации. Однако после упомянутого террористического акта биометрические системы доступа начали применяться при оборудовании международных аэропортов, крупных торговых и бизнес-центров и других мест массового скопления людей. Повышенный спрос спровоцировал исследования в этой области, что, в свою очередь, привело к появлению новых устройств и целых технологий [1, с. 390].

Исторически биометрические системы начали применяться посредством внедрения первых электронных документов, удостоверяющих личность, которые были приняты в разработку еще в 1968 году Группой экспертов Международной организации гражданской авиации (ИКАО), а уже в 1980 году был представлен Документ Дос 9303 «Паспорт с машиносчитываемыми характеристиками», первый документ ИКАО, представляющий собой спецификации и инструктивный материал по выдаче первых машиносчитываемых паспортов.

Помимо ИКАО принимали активное участие в актуализации и усовершенствовании уже имеющегося Документа Дос 9303 такие организации как: Международная организация по стандартизации (ИСО), Международная ассоциация воздушного транспорта (ИАТА), Международный совет аэропортов (МСА) и Международная ассоциация уголовной полиции (ИНТЕРПОЛ)⁴.

Впервые о необходимости выдачи паспортов, позволяющих обеспечить высокоточное распознавание личности пассажира на границе, заявила Рабочая группа по новым технологиям Технической консультативной группы по машиносчитываемым проездным документам в 2001 году. Незамедлительно было принято решение об использовании сохраняемых на электронном носителе биометрических данных. В качестве основной биометрической характеристики было выбрано изображение лица человека, а бесконтактная интегральная схема была взята за основу технологии хранения данных. В 2003 году данное решение было одобрено Авиатранспортным комитетом Совета ИКАО, а уже в 2005 году был утвержден новый Стандарт, в соответствии с которым все 188 государств-членов ИКАО должны были начать выдачу

машиносчитываемых паспортов согласно положениям части 1 Документа Дос 9303 не позднее 2010 года [2, с. 94].

Биометрические характеристики человека рассматривались в редакции документа в качестве данных, хранящихся на машиносчитываемом паспорте: «К документам, удостоверяющим личность, относится электронный паспорт, представляющий собой машиносчитываемый паспорт (МСП), содержащий чип бесконтактной интегральной схемы, на котором хранятся данные со страницы данных МСП, биометрические характеристики владельца паспорта и элемент защиты данных с помощью шифровальной технологии РКИ. Термин «электронный паспорт» обозначает только глобально интероперабельные паспорта, обеспечивающие биометрическую идентификацию»⁵.

Тогда же в Документе Дос 9303 впервые были сформулированы виды физиологических систем биометрической идентификации, используемых в удостоверяющих личность документах:

- система распознавания черт лица;
- система распознавания отпечатка пальца;
- система распознавания радужной оболочки глаза.

При этом система распознавания черт лица была заявлена в качестве обязательной к использованию, а две остальные в качестве факультативной.

Параллельно с этим, в соответствии с Регламентом Совета ЕС № 2252/2004 от 13 декабря 2004 г. о стандартах для средств защиты и биометрических данных в паспортах и проездных документах, выданных государствами-членами, все без исключения государства-члены ЕС были обязаны обеспечить, чтобы все выдаваемые паспорта и проездные документы (Passports and travel documents issued by Member States), удостоверяющие личность, включали чипы бесконтактной интегральной схемы, с записью на них фотографии и отпечатков пальцев владельца, которые могут использоваться при идентификации владельца и удостоверения его личности.

В соответствии с ст. 6 упомянутого регламента, включение биометрических данных в цифровой форме в эти документы осуществляется только для обеспечения их подлинности и использования для удостоверения личности их владельцев в случаях, предусмотренных законодательством государств-членов⁶.

Позднее последовали изменения в Регламент Совета ЕС 2252/2004 о стандартных элементах надежности и биометрических данных в паспортах и проездных документах, выданных государствами-членами посредством принятия Регламента Европейского Парламента и Совета 444/2009 от 28 мая

4 В 1984 году ИКАО образовала группу, известную в настоящее время как Техническая консультативная группа по машиносчитываемым проездным документам – Machine Readable Travel Documents (TAG/MRTD), в состав которой вошли государственные должностные лица, специализирующиеся в области выдачи и пограничной проверки паспортов и прочих проездных документов.

5 Документ ИКАО Дос 9303. Машиносчитываемые проездные документы. Часть 1: Машиносчитываемые паспорта. Том 1: Паспорта с машиносчитываемыми данными, хранящимися в формате оптического распознавания знаков. Том 2: Спецификация на электронные паспорта со средствами биометрической идентификации. Издание шестое. Montreal, Quebec, - Canada: International Civil Aviation Organization, 2006.

6 Council Regulation (EC) № 2252/2004 of 13 December 2004 on standards for security features and biometrics in passports and travel documents issued by Member States // Official Journal of the European Union. - 29.12.2004. - L 385. - P. 1–6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32004R2252&from=CS> (дата обращения: 18.09.2022).

2009 г.⁷, который предусмотрел необходимость соблюдения в отношении биометрических данных, включаемых в паспорта и проездные документы, требований об обеспечении безопасности персональных данных, предусмотренных ранее упомянутой Конвенцией.

Таким образом международное сообщество в лице ИКАО заложило правовые основы в области использования биометрических данных посредством разработки первых стандартов и материалов, содержащихся в Документе Doc 9303, а Европейское сообщество, в свою очередь, опираясь на базовые требования настоящего документа, заложило фундаментальную правовую основу создания и выдачи биометрических паспортов пассажирам при пересечении границ внутри и за пределами Шенгенской зоны.

Отражение развития правового регулирования использования биометрических данных в визовом законодательстве ЕС

Как уже упоминалось, принятие правовых норм, регулирующих использование биометрических данных, началось именно с введения новых образцов удостоверяющих личность документов, к которым в дальнейшем в силу необходимости обеспечения безопасности граждан стали предъявляться более высокие требования. Таким образом, перед государствами-членами ЕС встала проблема разработки актуализированных технических и правовых мер в части внедрения биометрических данных.

Такая проблема коснулась сперва сферы безопасности государственных и межгосударственных систем, в частности транспортных, визовых, таможенных, миграционных служб. Стремительное внедрение во многих странах мира биометрических систем идентификации личности для обеспечения общественной и национальной безопасности оказало безусловное влияние на Европейский Союз [3, с. 1119].

Так на основе международных стандартов ИКАО Решением 2006/648/ЕС Комиссии от 22 сентября 2006 г. об установлении технических спецификаций стандартов в отношении биометрических идентификаторов для Визовой информационной системы был разработан перечень биометрических данных, указываемых в визах, и порядок получения виз и вида на жительство для неграждан ЕС.

В основу идентификации граждан теперь были заложены системы на базе биометрических технологий для контроля доступа (СКУД), которые реализовывались в технологиях распознавания отпечатков пальцев, изображения лица, формы руки, радужной оболочки глаза и даже голоса. Такие системы представляют деление на системы гражданской идентификации (системы Civil ID) и автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы – АДИС (AFIS). Системы гражданской идентификации в данном случае – общегосударственные биометрические системы идентификации личности при выдаче документов, пересечении границ, распределении пособий и дотаций [4, с. 129].

7 Regulation (EC) № 444/2009 of the European Parliament and of the Council of 28 May 2009 amending Council Regulation (EC) № 2252/2004 on standards for security features and biometrics in passports and travel documents issued by Member States // Official Journal of the European Union. - 6.6.2009. - L. 142. - P. 1–4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009R0444&from=EN> (дата обращения: 18.09.2022).

Данные нововведения в первую очередь были направлены на более эффективную защиту интересов ходатайствующих о получении визы лиц и отражены в Кодексе Сообщества о визах (Визовый кодекс)⁸, установленном Регламентом Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 810/2009 от 13 июля 2009 г., который заменил ранее действовавшее законодательство ЕС о единой (Шенгенской) визе, в том числе отмененные положения Шенгенской конвенции 1990 г. – Конвенции от 19 июня 1990 г. о применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 г.

Общими правилами подачи ходатайства теперь стало предусмотрено предоставление заявителем фотографии в соответствии с установленными международными техническими стандартами и дактилоскопирование его отпечатков пальцев (ст. 10 Визового кодекса).

Конкретизированы настоящие требования в отдельной статье (ст. 13 «Биометрические элементы идентификации») Визового кодекса, которыми установлено получение консульствами государств-членов у ходатайствующего лица биометрических идентификаторов, включая его фотографию и десять отпечатков пальцев, при соблюдении гарантий, предусмотренных Конвенцией Совета Европы о защите прав человека и основных свобод, Хартией Европейского Союза об основных правах⁹ и Конвенцией Организации Объединенных Наций о правах ребенка¹⁰.

Хранилищем таких данных стали национальные базы данных, Шенгенская информационная система SIS (в настоящее время именуемая как SIS II), куда заносятся «информационные запросы в целях недопуска», и система Visa Information System (Визовая Информационная Система – ВИС), система обмена данными, связанными с выдачей государствами-членами ЕС виз гражданам третьих государств, в которой биометрические данные хранятся 5 лет¹¹.

Исключение из числа ходатайствующих лиц согласно статьи составили:

- дети в возрасте до двенадцати лет;
- лица, получение чьих отпечатков пальцев физически не представляется возможным;
- главы государств или правительств и члены национальных правительств вместе с сопровождающими их супругами, и члены их официальной делегации, когда они приглашены правительствами государств-членов или международными организациями с официальной целью;
- монархи и другие высокопоставленные члены королевской семьи, когда они приглашены правительствами го-

8 Regulation (EC) № 810/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 establishing a Community Code on Visas (Visa Code) // Official Journal of the European Union. - L 243. - 15.9.2009. - P. 1–58. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009R0810&from=EN> (дата обращения: 18.09.2022).

9 Charter of Fundamental Rights of the European Union (Strasbourg, December 12, 2007) (2016/C 202/02) // Official Journal of the European Union. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2007:303:FULL&from=EN> (дата обращения: 18.09.2022).

10 Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. - Выпуск XLVI. - 1993.

11 Правовая основа ВИС представлена в виде решения Совета № 2004/512/ЕС [Council decision 2004/512/EC, 2004] и регламента Совета и Парламента № 767/2008 [Regulation (EC) № 767/2008, 2008].

сударств-членов или международными организациями с официальной целью.

Новые требования к содержанию биометрических данных граждан в визовых документах также нашли отражение в положениях Регламента Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 390/2009 от 23 апреля 2009 г. о внесении изменений в общие консульские инструкции по оформлению виз для дипломатических представительств и консульских учреждений в связи с введением биометрических данных, в том числе положения об организации приема и обработки визовых заявлений. Данные положения признают интеграцию биометрических идентификаторов в ВИС важным шагом на пути к более надежной связи между владельцем визы и паспортом во избежание использования фальшивых идентификаторов и повторяют требования, изложенные в Визовом кодексе¹².

Все предпринятые со стороны законодательства ЕС меры в отношении принятия норм, предусматривающих сбор и обмен биометрическими данными между государствами-членами и третьими странами, обусловлены необходимостью обеспечения безопасности граждан, которая в современных условиях представляется задачей мирового масштаба.

Заключение

Прежде чем европейский законодатель признал биометрические данные уникальной категорией персональных данных, требующей особого правового регулирования ввиду необходимости обеспечения прав и основных свобод человека, становление правовой базы в данной области прошло два этапа формирования: исторически первыми были приняты акты, закладывающие технические требования к данным, внедряемым в удостоверяющие личность документы; позднее их дополнили акты, закрепляющие требования об обеспечении безопасного хранения и передачи таких данных, в том числе в рамках визового законодательства ЕС.

Хотелось бы отметить вклад международных организаций, в частности ИКАО, в формирование правовой базы, регламентирующей использование биометрических данных. Принятие первых документов, предусматривающих введение биометрических характеристик в удостоверяющие личность граждан документы, имело целью, прежде всего, установление технических стандартов и инструкций, и не предусматривало специального правового регулирования в области защиты такой категории данных. Однако, по итогам исследования порядка принятия следующих актов и внесения изменений в действовавшие на тот момент, можно установить рациональную последовательность европейского законодательства, которая заключается в постепенном переходе от технических стандартов к стандартам защиты персональных данных.

Пристатейный библиографический список

1. Бутрина А. В. Биометрическая идентификация личности // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. - 2012. - № 8. - С. 389-390.
2. Волеводз А. Г. Удостоверяющие личность документы с биометрическими персональными данными: международные стандарты, иностранный опыт, отечественное правовое регулирование и его проблемы // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. - 2015. - № 1 (53). - С. 87-117.
3. Кочеткова О. В. Особенности правового регулирования использования биометрических документов в Европейском Союзе и Российской Федерации // Фундаментальные исследования. - 2015. - № 2-5. - С. 1118-1122. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36995> (дата обращения: 18.09.2022).
4. Мазниченко Н. И. Области применения и принципы построения биометрических систем идентификации личности // Вестник национального технического университета «Харьковский политехнический институт». Серия: Информатика и моделирование. - 2007. - № 19. - С. 127-132.
5. Bustard J. The Impact of EU Privacy Legislation on Biometric System Deployment: Protecting citizens but constraining applications // IEEE Signal Processing Magazine. - Vol. 32. - № 5. - P. 101-108. - Sept. 2015.

12 Regulation (EC) No 390/2009 of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 amending the Common Consular Instructions on visas for diplomatic missions and consular posts in relation to the introduction of biometrics including provisions on the organisation of the reception and processing of visa applications // Official Journal of the European Union. - L 131. - 28.5.2009. - P. 1-10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009R0390&from=EN> (дата обращения: 18.09.2022).

ДОЛЖЕНКОВА Екатерина

кандидат политических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

МОХОРОВ Дмитрий Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

КОСАРЕВ Сергей Юрьевич

доктор юридических наук, профессор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ШУБНИКОВ Юрий Борисович

доктор юридических наук, профессор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

В исследовании освещаются наиболее проблемные аспекты правового регулирования противодействия коррупции. Оно рассматривается с точки зрения составного элемента полномасштабной системы правового воздействия на явления коррупционного характера. Целью данного исследования является изучение международно-правового опыта борьбы с коррупционными проявлениями и имплементации его в Российской Федерации с учетом применения особенностей национальной правовой системы.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционные меры, просвещение, межгосударственное взаимодействие, нормативно-правовые акты.

DOLZHENKOVA Ekaterina

Ph.D. in political sciences, associate professor of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

MOKHOROV Dmitriy Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

KOSAREV Sergey Yurjevich

Ph.D. in Law, professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

SHUBNIKOV Yuriy Borisovich

Ph.D. in Law, professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF COMBATING CORRUPTION

The study highlights the most problematic aspects of the legal regulation of combating corruption. It is considered from the point of view of an integral element of a full-scale system of legal influence on the phenomena of a corruption nature. The purpose of this study is to study the international legal experience in combating corruption and its implementation in the Russian Federation, taking into account the application of the features of the national legal system.

Keywords: corruption, anti-corruption measures, education, interstate interaction, legal acts.

Коррупция, проникая во все элементы политической структуры современных стран, требует реализации подходов превентивного характера, позволяющих предотвратить у определенной части населения склонности к совершению деяний не совместимых с общими принципами правового регулирования наиболее значимых процессов, охватывающих экономику, политику, социальную сферу и экологию.

Исходя из данного положения, необходимо в рамках развития национальных правовых систем государств, а также процессов тесной международной интеграции стран, выработать единые концептуальные подходы по широкому внедрению мер антикоррупционного характера в практику политической жизни, как отдельных государственных обра-

зований, так и в сферу политического взаимодействия субъектов международной деятельности.

Так как Российская Федерация является активным участником международных отношений, в том числе, в рамках противодействия коррупции, а также исходя из того, что антикоррупционные программы и методы носят национальный характер, действия правительства и законодательных органов целесообразно взять за пример разработки и применения мер, направленных на борьбу с коррупцией.

Для понимания степени правовой урегулированности вопросов противодействия коррупции и установления наличия или отсутствия единой правовой концепции по данному вопросу на международном уровне необходимо обратиться к международным актам в данной сфере.

В конце XX – начале XXI века Организацией Объединенных Наций был принят целый ряд международных актов о противодействии коррупции. Государствами-участниками отмечается важное значение международного сотрудничества в области противодействия коррупции и борьбы с ней, поскольку это правонарушение уже не представляет собой локальную проблему, а превратилось в транснациональное явление. Одним из базовых принципов, положенных в их основу, является содействие формированию культуры, отвергающей коррупцию. Антикоррупционные меры требуют совмещать работу в области правоприменения, образования и предотвращения правонарушений. В частности, в Конвенции ООН, принятой Генеральной Ассамблеей на 51-ом пленарном заседании 31 октября 2003 г. против коррупции, предлагается расширение агитационной и пропагандистской работы по продвижению информации, содержащей подходы антикоррупционной направленности [1].

Международное сообщество при разработке Декларации о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих организациях, утвержденной Резолюцией 51/191 на 86-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1996 г. [2] актуализировало необходимость выработки кодексов морального поведения, применяемых в области коммерческой деятельности и практических подходов в повседневной экономической активности организаций, в том числе и международных, стремящихся получить прибыль, что по мысли специалистов в области права позволило бы создать сеть четко выраженных ориентиров, ограничивающих возможные проявления коррупционного характера в политико-экономической сфере жизнедеятельности.

Немаловажное место в системе антикоррупционных актов принадлежит Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок [3]. В этом документе сформулирован ряд принципиальных положений, охватывающих способы влияния на процессы коррупционного характера в рамках деятельности различных чиновников при заключении сделок коммерческого характера между различными субъектами международных экономических отношений.

На региональном уровне Комитет министров Совета Европы 6 ноября 1997 г. на 101-й сессии принял Резолюцию о двадцати принципах борьбы с коррупцией, в которой выдвигались задачи по разработке мер, которые поощряли бы принятие кодексов поведения участников экономической деятельности. В Европейском сообществе особое внимание уделяется вопросам просвещения широких масс населения с целью выработки превентивных мер, лежащих в рамках уголовно-правовой ответственности, что отражено в Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию [4].

На постсоветском пространстве межгосударственное взаимодействие по противодействию коррупции осуществляется по линии Содружества Независимых Государств [5]. Вопросы антикоррупционного взаимодействия нашли свое место в таком региональном правовом акте – Договоре государств-участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма [6], установившем, что задачи воспитания у населения стран, входящих в это объединение, позиции неприятия коррупционных способов и методов реализации своих личных интересов имеют важное

значение для формирования в массовом сознании устойчивых положительных правовых концептов.

В результате системного анализа международных правовых актов установлено, что, не смотря на большое внимание со стороны международного сообщества к вопросам борьбы с коррупцией, до настоящего времени не выработано единого подхода к системе превентивных мер, а в области борьбы с коррупцией. Его отсутствие в форме развернутого определения в международном акте негативно отражается на создании прочного правового фундамента, позволяющего разработать единообразные концепции противодействия коррупции.

Анализ национального законодательства на примере Российской Федерации показал, что сформирована обширная нормативно-правовая база противодействия коррупции, сформулированы основные требования к выработке единой эффективной политики, имеющей целью снижение уровня коррупционного воздействия. Во всех законодательных установлениях нашли свое место положения, предполагающие меры антикоррупционного просвещения.

Определяющее значение в данной сфере имеет ФЗ № 277-ФЗ от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» [7]. В частности, в нем, предлагается сосредоточить существенное внимание на мерах воспитательно-образовательного характера по созданию у граждан отрицательного отношения к коррупционным факторам, влияющим на реализацию государством властных полномочий в сфере управления. Указом Президента РФ от 16.08.2021 г. № 478 утвержден «Национальный план противодействия коррупции на 2021-2024 г.» [8]. Анализируя указанные документы, необходимо отметить существенную значимость таких видов деятельности как повышение уровня правовых знаний граждан и укоренение в сознании представлений о том, что коррупция не может быть действенным подходом к разрешению вопросов, актуальных для личности в складывающихся реалиях повседневного поведения.

В нормативных актах устанавливается необходимость создания позитивных предпосылок, базирующихся на осознанной гражданской позиции, соответствующей принципам демократического правового государства, на установлении активной роли каждого человека в противодействии коррупционным процессам на основе сформировавшегося у личности нетерпимого отношения к коррупции. По мнению ряда исследователей, до тех пор, пока граждане и институты гражданского общества не примут активного участия в борьбе с коррупцией, никакие правовые акты и меры, закрепленные в них, не способны повлиять на ситуацию [9].

Решение данных задач, предусмотренных правовыми актами, затруднено тем, что в законодательстве, несмотря на существенное внимание регулированию вопросов борьбы с коррупцией, не сформулировано единых подхода к пониманию коррупции и мер, направленных на ее противодействие. С учетом того, что государство является федеративным, данное обстоятельство приобретает особую значимость, так как противодействие коррупции осуществляется и на региональном уровне, а в отсутствии единых стандартов, в том числе и терминологических, меры превентивного характера значительно различаются. Данный факт отрицательно влияет на решение задач противодействия коррупции и не позволяет осуществлять единый комплекс мер по борьбе с данным явлением.

Представляется возможным исследовать развитие противодействия коррупции, анализируя нормы междуна-

родного права, регулирующего данный процесс. Указанный подход в перспективе должен обеспечить актуализацию организационно-правового механизма, создаваемого государством для усиления влияния антикоррупционных позиций в массовом сознании населения. Здесь важно то, что именно государственные органы власти, имеющие полномочия по разработке и принятию нормативно-правовых актов объективно могут повлиять на изменения социально-экономических и политических представлений, свойственных членам различных слоев и групп населения, которые будут зримым препятствием для проникновения в сознание каждого гражданина той или иной страны идей коррупционной направленности. Вышеназванный способ создает возможность для глубокого анализа явлений, способствующих формированию коррупционной среды, и, одновременно, выявляет предпосылки создания устойчивых антикоррупционных взглядов, свойственных представителям разных социальных страт и групп.

Применяя те приемы и способы, которые разработаны в международных правовых актах, посвященных борьбе с коррупцией, следует отметить, что, хотя в настоящее время существует значительное количество указанных законодательных установлений, их довольно слабая взаимосвязь как на уровне отдельных международных регионов, так и в рамках деятельности ведущих политических организаций мира, не позволяет добиться решающих успехов в процессах противодействия коррупционным явлениям. То есть, совершенствование национального антикоррупционного законодательства встречает объективные препятствия, выражающиеся в том, что затруднительно имплементировать положения международных правовых актов в конкретные нормы национальной правовой системы [10]. Это создает некую хаотизацию правового свойства, влияющую на четкую последовательность принимаемых норм, призванных регулировать антикоррупционные процессы.

Российская Федерация, являясь составной частью мирового сообщества, в силу своей роли, оказывает значительное влияние на состояние наиболее важных областей международно-правового развития. Поэтому уже несколько десятков лет она входит в объединение государств, ставящих своей целью противодействие коррупции. Эти страны сформировали сообщество международных экспертов – Группы государств против коррупции [11]. То есть, Российская Федерация имеет реальную возможность более детально согласовывать нормы антикоррупционного характера, принимаемые законодательными органами на федеральном и региональном уровне. Деятельность указанной группы международных экспертов позволяет выявить наиболее узкие места в системе законов и нормативно-правовых актов, принимаемых главой государства и органами исполнительной власти, и создает предпосылки для дальнейшего снижения объема правовых лазеек, используемых коррупционными элементами в повседневной деятельности.

Однако на данный момент времени можно отметить следующее. Мероприятия по противодействию коррупции в политико-правовом аспекте не носят подлинно системного характера, так как во многих международных нормативных актах регулирование вопросов борьбы с коррупцией отличается содержанием множественных коллизий и лагун в тексте законодательных установлений. Как в международные, так и в национальные антикоррупционные акты носят несистемный и противоречивый характер, что отражается и на развитии программ антикоррупционного противодействия.

Пристатейный библиографический список

1. United Nations. United Nations Convention against Corruption. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/uncac.html>, last accessed 2021/08/08 (дата обращения: 19.08.2022).
2. Декларация о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих организациях, утвержденная Резолюцией 51/191 на 86-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1996 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/233080> (дата обращения: 19.08.2022).
3. OECD. OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transaction. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/corruption/oecdantibriberyconvention.htm> (дата обращения: 19.08.2022).
4. Council of Europe. Criminal Law Convention on Corruption. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/168007f3f5> (дата обращения: 19.08.2022).
5. Морозов А. Н. Противодействие коррупции в государствах-членах Евразийского экономического Союза: международно-правовое и внутригосударственное регулирование // Журнал российского права. – 2016. – № 7 (235).
6. Договор государств-участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902225157> (дата обращения: 19.08.2022).
7. ФЗ № 277-ФЗ от 25 декабря 2008г. «О противодействии коррупции». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 19.08.2022).
8. Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47119> (дата обращения: 19.08.2022).
9. Ягодин Р. С., Волков П. А. Противодействие коррупции // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 2 (48).
10. Невинский В. В. Коррупция в России: системные меры противодействия // Журнал российского права. – 2017. – № 1 (241).
11. Группа государств против коррупции (ГРЕКО). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/greco> (дата обращения: 19.08.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-74-76

БАЙДАРОВА Марина Александровна

кандидат юридических наук, преподаватель Пензенского государственного университета

ИСКЛЮЧЕНИЯ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНЕ ОТ 07.02.2011 № 3-ФЗ «О ПОЛИЦИИ»: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются некоторые случаи имплементации исключения в нормы Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». Уникальность юридических исключений подчеркивается как через целевую и функциональную нагрузки, так и через объективирование в правовой материи. Автором предпринята попытка обоснования положения о том, что именно посредством имплементации исключения в норму субъект правотворчества добивается как требуемой абстрактности, так и её конкретности. Юридические исключения, включаемые законодателем в правовую норму, позволяют адаптировать её к меняющейся действительности. Тем самым исключения как средство правовой дифференциации позволяют субъекту правотворчества стратегически подходить к регламентации правовых отношений, соблюдая баланс интересов личности, общества и государства.

Ключевые слова: юридические исключения, средство правовой дифференциации, дозволение, ограничение, конструктивный баланс, опережающее правотворчество.

BAYDAROVA Marina Aleksandrovna

Ph.D. in Law, lecturer of the Penza State University

EXCEPTIONS IN FEDERAL LAW № 3-FZ OF 07.02.2011 «ON THE POLICE»: SOME THEORETICAL ASPECTS

The article discusses some cases of the implementation of exceptions to the norms of Federal Law № 3-FZ dated 07.02.2011 «On the Police». The uniqueness of legal exceptions is emphasized both through the target and functional load, and through objectification in the legal matter. The author attempts to substantiate the position that it is through the implementation of an exception to the norm that the subject of lawmaking achieves both the required abstractness and its concreteness. The legal exceptions included by the legislator in the legal norm make it possible to adapt it to the changing reality. Thus, exceptions as a means of legal differentiation allow the subject of lawmaking to strategically approach the regulation of legal relations, observing the balance of interests of the individual, society and the state.

Keywords: legal exceptions, means of legal differentiation, permission, restriction, constructive balance, advanced lawmaking.

Право по своей природе уникально, поскольку объективно интегрирует в себе всё разнообразие общественных отношений и связей, имея инструментальную возможность охватывать многогранность ситуаций, процессов, а также субъектов, которые в них участвуют [12, с. 6]. Ещё Г. Ф. Шершеневич определял право через нормы, которые регламентируют отношения человека к человеку, сопряженные при этом с наказанием в случаях, которые признаются государством деянием [15, с. 128].

Исключения в праве представляют собой уникальный феномен, раскрывающийся как в конгломерате общественных отношений, так и в многообразии жизненных, служебно-оперативных ситуаций, в частности. Исключения в праве, задействованные через изъятия или (и) дополнения, занимают особое место среди инструментария правового регулирования [7, с. 132; 3, с. 16]. Внедрение в правовую оболочку исключений, напрямую связано, во-первых, с динамичным развитием человеческого общества, и, во-вторых, с необходимостью законодательно типизировать, рационально упорядочить правовую действительность [4, с. 149-150; 13, с. 15-17].

В свою очередь юридические исключения, содержащиеся в нормах права, выступают средством правовой дифференциации [16, с. 6], что позволяет легально субъекту права пойти по пути альтернативного правилу варианту поведения. Исключения, содержащиеся в нормах права, позволяют

Байдарова М. А.

прийти к сочетанию объективного и субъективного, закономерного и случайного, абстрактного и конкретного, тем самым обеспечить максимальный эффект правового регулирования [10, с. 16].

Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» позволяет наглядно проследить по его содержанию многообразие норм права, в которые имплементированы исключения. Являясь по своей природе специфическим юридическим средством исключения, создают альтернативное правилу, но одновременно не противоречащее дозволение либо ограничение [3, с. 9; 10, с. 16].

Так, в пункте 37 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» сотрудникам полиции предоставляются права, распространяющиеся:

- 1) на случаи использования транспортных средств, не терпящие отлагательства;
- 2) на ситуации, когда запрещается использовать транспортные средства;
- 3) на исключительные случаи, разрешающие использовать транспортные средства, принадлежащие другим гражданам.

Детерминантами исключений в данном положении выступают формулировки «за исключением» и «в исключительных случаях», которые во втором случае вводят изъятие, а в третьем – дополнение из общего положения, тем самым обеспечивая не только предельную конкретизацию, но и раз-

умность при разрешении конкретной служебно-оперативной ситуации.

Примером реализации исключения в правовой норме служит и статья 15 Федерального закона «О полиции», где регламентируется правовой режим, который связан с проникновением сотрудников полиции в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории. По общему правилу сотрудник полиции обязан в случае проникновения в жилое помещение уведомить (перед входом в жилое помещение) граждан, которые в нём находятся. Однако, разнообразие обстоятельств, жизненных ситуаций с которыми сталкиваются в оперативно-служебной деятельности сотрудники полиции, не всегда связаны только со штатными (рабочими) ситуациями. В связи с этим особенно важным представляется наличие в пункте 1 части 5 статьи 15 указанного закона возможности действовать немедленно (оперативно), в таких исключительных случаях, когда промедление создаёт угрозу жизни и здоровью граждан, а также сотрудников полиции или может повлечь тяжкие последствия.

Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции» от 21.12.2021 № 424-ФЗ была введена новая статья 15.1, регламентирующая вскрытие сотрудниками полиции транспортных средств.

Часть 2 данной статьи не только закрепляет общую последовательность действий сотрудника полиции непосредственно перед вскрытием транспортного средства, но и определяет альтернативное, в исключительных случаях противоположенное общему правилу поведение.

Законодатель, имплементируя в норму части 2 статьи 15.1 Федерального закона «О полиции» словосочетание «за исключением случаев» расширяет не только диапазон случаев, связанных с нештатными ситуациями сотрудников полиции, при вскрытии транспортного средства, но и обобщает исключительные случаи, при которых сотрудник полиции должен действовать без промедления (например, когда есть угроза жизни, здоровью сотруднику полиции, а также других граждан и др.).

Данный приём обобщения, при определении исключительных случаев связан, во-первых, с назначением и спецификой деятельности полиции и, во-вторых, с достижением требуемой гарантированности безопасности участников правовых отношений.

Развивая положения о безопасности сотрудников полиции, следует подробнее остановиться на конструкции статьи 19 Федерального закона «О полиции». В части 2 указанной статьи субъект правотворчества избежал понятия «исключения». Однако по смысловому содержанию положения части 2 статьи 19 и ее логической взаимосвязи с частью 1 статьи 19 ФЗ «О полиции», а также употребляемому сочетанию слов: «право не предупреждать», – просматривается исключение из правила. И. А. Муравьев верно пишет, что в ряде случаев исключения не заключаются в номенклатурную форму [6, с. 14].

Одной из причин, по которой, возможно законодатель не употребил лексические единицы, позволяющие обнаружить исключение является необходимость разгрузить содержательное наполнение части 1 статьи 19 вышеупомянутой статьи, тем самым формально разделив общее – правило о порядке применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия и особенное – исключение, вытекающее из правила части 1 статьи 19 ФЗ «О полиции».

Интересной иллюстрацией содержания исключений в Федеральном законе «О полиции» выступают положения

частей 1, 2 статьи 22 (Запреты и ограничения, связанные с применением специальных средств). По общему правилу сотруднику полиции запрещается применять специальные средства в отношении:

- 1) беременных женщин;
- 2) инвалидов;
- 3) малолетних лиц.

Однако законодатель в данной статье предусмотрел возможность применить к указанным категориям лиц специальные средства *в исключительных случаях* (курсив – М. Б.), среди которых: оказание данными лицами вооруженного сопротивления, совершение группового, иного нападения, связанного с угрозой жизни и здоровью, как граждан, так и сотрудника полиции. Аналогичное исключение содержится в части 5 статьи 23 Федерального закона «О полиции», связанное с возможностью *в исключительных случаях* (курсив – М. Б.), применения сотрудником полиции огнестрельного оружия с производством выстрела на поражение в женщин, инвалидов, а также несовершеннолетних.

Следует отметить, что законодатель в пункт 1 части 1 ст. 22, а также в часть 5 статьи 23 закона «О полиции» ввёл изъятие-исключение, позволяющее легально отступить от предусмотренных в законе запретов и ограничений. Данные примеры позволяют отметить конструктивный баланс, когда правило и предусмотренное исключение из него находятся в неразрывном и гармоничном единстве, тем самым отшлифовывая норму права.

В контексте комментируемых положений статьи 22, статьи 23 Федерального закона «О полиции», с одной стороны, указанный запрет защищает данную категорию, а с другой стороны, исключение из запрета [1, с. 85] позволяет сохранить жизнь и здоровье сотрудника полиции от прямого противоправного посяательства указанных лиц.

Исключения в Федеральном законе «О полиции» свидетельствуют о дифференцированном подходе законодателя к регулированию деятельности полиции. В свою очередь потребность в дифференциации обусловлена как общественными отношениями, так и их разнообразием и сложностью [8, с. 58].

Причиной указанного подхода выступает осознанная необходимость в специфическом, универсальном правовом регулировании взаимоотношений полиции и общества. Проведенный анализ отдельных положений закона «О полиции» подтверждает, что всю многогранность служебно-оперативных ситуаций невозможно подчинить исключительно правилу. Исключения, сосредоточенные в ФЗ «О полиции», позволяют сохранить баланс в таких вопросах как защита прав, свобод человека и гражданина, и укрепление законности в деятельности полиции, гарантии личной безопасности сотрудника полиции.

Субъекту правотворчества в условиях многообразия общественных отношений, расширения и усложнения социальных связей, разнообразия субъектов, являющихся участниками различных процессов, объективно не представляется возможным (без некоторого *требуемого абстрагирования в нормах права* или предельной конкретизации, посредством исключений [14, с. 334-341]), урегулировать каждую потенциально возможную ситуацию. Как верно отмечают Н. А. Влащенко и М. В. Залоило, что сегодня есть чёткое представление о том, что законодатель должен придерживаться не только реалий современной действительности, но и мыслить стратегически, прогнозируя развитие, как государства, так и обще-

ства [5, с. 86]. Абстрактность норм, содержащих исключения, усиливают прогностический эффект в законодательстве.

В правовых нормах исключения выступают объективной закономерностью, неотъемлемой составляющей права, что позволяет адекватно придать требуемую форму норме права [9, с. 10]. Однако при введении исключений в норму права необходимо руководствоваться такими категориями как разумность (оправданность), продуманность и выверенность, в противном случае не избежать их избыточности и противоречивости в законодательстве.

Концентрация исключений в Федеральном законе «О полиции» свидетельствует о том, что исключения не только объективируют в правовой материи состояние правовой действительности, но и создаёт модельные инструментари, которые позволяют стратегически прогнозировать, предупреждая возникновение, как неблагоприятных ситуаций, так и их последствий.

Развитие современного законодательства должно основываться на опережающем правотворчестве как слаженном и бесперебойном процедурно-организационном механизме инновационного, технико-юридического конструирования форм правовой реальности [2, с. 84-85], вбирающем в себя весь арсенал, как средств, так и приёмов.

Исключения, являясь инструментом юридической техники (средством правовой дифференциации [16, с. 6]), обеспечивают реализацию основных направлений и принципов деятельности полиции. Используя исключение субъект правотворчества стремится достичь такого качества законодательного предвидения, при котором нормы права вберут в своё содержание требуемую гибкость [11, с. 6], эластичность и точностью, что позволит адаптировать законодательство под постоянно меняющуюся действительность в целом и оперативную обстановку в частности.

Таким образом, исключения в праве как средство правовой дифференциации неминуемо приводят не только к необходимому расширению (а также конкретизации) диапазона регулирования, но и обогащению внутреннего содержания нормы права, а значит и допустимых возможностей уполномоченных субъектов. Тем самым, предоставленная сотрудникам полиции возможность правового выбора поведения, при нештатной ситуации генерирует оптимальный баланс интересов всех субъектов правовых отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М.: Юрид. лит., 1989. – 286 с.
2. Баранова М. В. Исключение из правил как технико-юридическое средство опережающего правотворчества // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 1 (120). – С. 82-90.
3. Байдарова М. А. Механизм реализации исключений в праве: теоретические и практические аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2020. – 207 с.
4. Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании. Reasonableness and certainty in legal regulation. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 156 с.
5. Власенко Н. А., Залоило М. В. Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законодательства // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 78-89.

6. Муравьев И. А. Законодательное исключение (теория, практика, техника): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2009. – 33 с.
7. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2015. – 505 с.
8. Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства. Проблемы теории и практики / Под ред. М. И. Байтина. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1993. – 194 с.
9. Субочев В. В. Законные интересы в механизме правового регулирования. – М.: Юрист, 2007. – 187 с.
10. Суменков С. Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2016. – 58 с.
11. Суменков С. Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ: дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2016. – 475 с.
12. Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 372 с.
13. Суменков С. Ю., Плахтий Н. А. Правовая действительность как совокупность юридических казусов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 4 (147). – С. 15-21.
14. Суменков С. Ю. Специальные и исключительные нормы как компонент специального правового статуса: особенности соотношения и формы объективирования // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2022. – № 47. – С. 334-341.
15. Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве. – Казань: Изд-во типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1896. – 84 с.
16. Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 134 с.

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ФРОЛОВСКАЯ Юлия Ивановна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ РАДИО И ВОЗМОЖНЫХ ПЕРСПЕКТИВ ЕГО РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ

В данной статье рассматриваются возможные перспективы развития радиовещания как средства массовой информации с точки зрения конкуренции с другими масс медиа. Затрагиваются вопросы использования радио в разных странах. Подробно исследуются объективные положительные и отрицательные свойства радио в сравнении с другими средствами массовой коммуникации. В частности разбираются аспекты успешности радиостанций на примере использования рекламы. Приводятся примеры успешного существования радиовещания в Российской Федерации.

Ключевые слова: радио, телевидение, средства массовой коммуникации, масс медиа, гаджеты, интернет, целевая аудитория, радиовещательные каналы, информация, радиостанция, газета.

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

FROLOVSKAYA Yuliya Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

TO THE QUESTION OF THE RELEVANCE OF RADIO AND POSSIBLE PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT IN THE 21ST CENTURY

This article discusses the possible prospects for the development of radio broadcasting as a mass media in terms of competition with other mass media. The issues of using radio in different countries are touched upon. The objective positive and negative properties of radio are studied in detail in comparison with other means of mass communication. In particular, aspects of the success of radio stations are analyzed on the example of the use of advertising. Examples of the successful existence of radio broadcasting in the Russian Federation are given.

Keywords: radio, TV, mass media, mass media, gadgets, the Internet, the target audience, broadcasting channels, information, radio station, newspaper.

Средства массовой коммуникации за прошедшие 20-30 лет стали неотъемлемой частью жизни современного человека. На сегодняшний день практически каждый гражданин в развитой стране имеет доступ к всемирной паутине с помощью портативных гаджетов, интерактивному телевидению, не говоря уже об обычном и при таком положении дел роль радиовещания по логике вещей должна неизбежно снижаться. Тем более в пользу этого говорит и конкурентные преимущества интернета и телевидения, которые воздействуют на больший спектр модальностей нежели чем радиовещание, которое мы можем ощущать только посредством слуха. Но необходимо отметить, что именно радио несмотря на то что оно является во многом архаичным по своей исторической природе нежели его более современные соперники, но тем не менее есть сферы в которых радио просто не заменимы. Речь идет в первую очередь о автолюбителях, для которых использование телевидения или тем более интернета сопряжены с опасностью попадания в автомобильную аварию. При использовании автордио такая ситуация с большой

тоlikой вероятности меньше. А если учесть, что автолюбителей в каждой развитой стране мира достаточно много, например в США их порядка 200 миллионов, а в России около 50 миллионов, то радио вполне себе имеет возможность успешно развиваться даже в XXI веке.

Также ещё одним несомненным плюсом в радиовещании является тот факт, что слушание радио, как правило, не требует отказа от повседневных дел, его можно совместить и с производственной занятостью, и с бытовыми реалиями [1]. То есть у радио вещания большое количество разных целевых аудиторий. Отсюда следует очень простой вывод суть которого выражается в том что глубина развития радио ещё не пробита и на каждую группу слушателей необходимо создавать свои радиовещательные каналы. Именно это и привлекает инвесторов создавать новые радиовещательные каналы под конкретные целевые аудитории. Ведь именно радио обладает свойством избирательности и вещает именно на конкретную социальную группу. Телевидение является по большей степени более всеядным, что приводит к распыле-

Ивлиев П. В.

Фроловская Ю. И.

нию информации, транслируемой масс медиа, что снижает управленческие свойства данного СМИ.

Также необходимо отметить коммерческую составляющую радиовещания и телевидения, что также содержит в себе существенные положительные и отрицательные свойства. Речь идёт о том, что любое средство массовой коммуникации, существует в первую очередь за счёт рекламы. И любой рекламодатель хочет получить максимальный эффект и отклик от потраченных средств. Как известно такой эффект возможен в первую очередь если СМИ замкнуто на какую-то одну целевую аудиторию. В таком случае процент людей данной ЦА, который воспользовался рекламируемым продуктом будет значительно больше нежели, чем у масс медиа, у которого размытая целевая аудитория. И исходя из этого, а также учитывая тот факт, что именно радио каналы вещают на достаточно узкую целевую аудиторию, то смело можно утверждать, что рекламодателей у радио будет больше, а значит финансовая подпитка сохранится, что даст возможность именно рассматриваемому нами СМИ продолжить не просто своё существование, а и укреплять свое развитие и успешно соперничать с конкурентами.

Ещё одним несомненным плюсом радио является тот факт, что человеческая природа устроена таким образом, что психика пытается перевести информацию, которая стала нашим достоянием в некую зрительную, осязаемую картинку. Этот процесс абсолютно бессознательный и запускается нашей психикой автоматически. Данная особенность физиологии позволяет очень сильно развивать человеческую фантазию, воображение, что тем самым влияет и на формирования совершенно другого уровня мышления. Это в первую очередь очень полезно для современной молодёжи, так как представители данной целевой аудитории привыкли получать уже конечную информацию, которая попадает в долговую память, тем самым, не создавая плодородную почву для развития интеллектуальных качеств личности.

Также необходимо сказать, что радиовещание в отличие от своих конкурентов, обладает как показывает практика, значительно большей оперативностью. Речь идет о том, что например, радио оборудование и аппаратура стоит как правило существенно дешевле, чем их аналоги в телевидении и поддерживать радиовещательный канал также менее финансово затратно нежели чем телевизионный. Благодаря тому, что в основе радио лежит пассивная природа, то с уверенностью можно сказать население не воспринимает его как раздражитель. Надо отметить, что у людей есть свои излюбленные радиостанции, которые они постоянно слушают.

Необходимо сказать, что радио обеспечивает прямой отклик от своей целевой аудитории. Речь идёт о том, что радио обладает свойством полностью завладеть вниманием своего слушателя, чем не может похвастаться ни одно другое средство массовой коммуникации. Такое качество обеспечивается с помощью высокого уровня «непосредственности» радиокommunikации. Имеется ввиду, что слушатель прекрасно понимает, что большинство передач на радио осуществляются в прямом эфире, и тем самым создается уникальный эффект повышения эмоционального уровня со слушателями, которые молниеносно переносят свое внимание на общения, бессознательно наделяя их значительно большей важностью, чем в случае с другими масс медиа. Более того данная эмоциональная вовлеченность неизбежно психоло-

гически увеличивает уровень доверия к той информации, которую транслирует радио. Данное свойство конечно содержит в себе не только положительные свойства, но и отрицательные, связанные с тем, что через повышение эмоциональной важности может увеличиваться манипуляционная составляющая. Но надо отметить, что данные манипуляции могут присутствовать не только при радиовещании, но и по сути в любых других СМИ. Также необходимо отметить, что в случае если слушатель выбрал какую-либо радиостанцию то он уже тем самым оказал ей определенное доверие и в том числе и на тот контент, который транслирует данное СМИ.

Ещё одним характерным свойством радио является тот факт, что эффект круглосуточного вещания с точки зрения влияния на аудиторию гораздо выше чем у телевидения так как в данном случае не требуется полной концентрации внимания субъекта, что позволяет оказывать воздействие на целевую аудиторию. Так, например культура радио трансляций исторически сформировалась таким образом, что происходят постоянные повторы каких-либо событий или рекламы, что обеспечивает попадание информации в долговременную память. Печатные СМИ не могут себе позволить такого эффекта. Сложно себе представить, что человек утром прочитавший газету или журнал будет целый день с собой его носить и продолжать из раза в раз перечитывать какое-либо новостное событие.

Самым актуальным применением радио на сегодняшний день, пожалуй, будет являться его активное использование студентами различных образовательных учреждений. На сегодняшний день во многих высших учебных заведениях есть своё собственное радио [2]. И это совсем неслучайно. На данный момент времени уже существуют разного рода исследования, которые подтверждают эффективность средств массовой коммуникации в образовательном процессе. Масс медиа участвуют в формировании всевозможных навыков, знаний и компетенций а представителей молодёжи, а также занимаются социализацией подрастающего поколения. Помимо улучшения образования СМИ в альма-матер обеспечивают выполнение личностно-индивидуалистической функции. Она находит своё выражение в том что позволяет раскрыть потенциал обучающегося, развить его сильные стороны и продемонстрировать свои индивидуальные возможности. При этом надо чётко понимать, что именно сегмент радиовещания в студенческой среде раскрыт не полностью, нежели если его сравнивать с печатными СМИ. Надо отметить что «студенческое радио» вполне может компенсировать нехватку тех знаний, которые востребованы современной жизнью и необходимы для успешной интеграции представителей молодого поколения в социум, а также для профессионального роста. Необходимо отметить, очень любопытный факт, который дает основание говорить о большом потенциале развития радиовещания в студенческой среде. Дело в том, что и преподаватели и сами студенты являются ведущими разных программ на этом радио, и непосредственно принимают участие в создании разного контента. Все это безусловно обеспечивает увеличение интереса студентов у обучении. Ведь то что сделано своими руками всегда будет носить более высокую ценность. Радио вполне может работать круглосуточно через сеть Интернет, что обеспечит большую целевую аудиторию, что позволит в дальнейшем более эффективно развивать ВУЗ в целом. Например, это позволит привлекать

большее количество абитуриентов для поступления на будущей год. Благодаря рекламным бюджетом радиоканал ВУЗа можно будет монетизировать, что привлечет дополнительный интерес и внимание обучающихся к своему детичу и процессу обучению.

Также необходимо отметить, что деятельность современного радиоканала в ВУЗе обеспечивает наилучшее развитие личностных качеств обучающихся, формирование собственного мнения и аргументированной гражданской позиции, а также это позволяет обеспечивать интеграцию корпоративной культуры учебного заведения и создания духа единства внутри студенческого общества.

Радио дает возможность в любом далеком уголке получать информацию художественного, научно-популярного, учебно-образовательного, технического и другого характера прямо «из первых уст», оперативно и высокого качества [3].

Ключевой функцией радио, которая в конечном счёте позволяет констатировать факт объективной необходимости существования радиовещания в будущем является то, что через исследуемый нами инструментарий происходит трансляция разных произведений искусств, таких как литература, музыка и других. В практике радиовещания сосредоточен исключительный опыт аудиоадаптации разного рода художественных произведений. При этом надо понимать, что радио способно создавать на основе литературы музыки такие аудиопроизведения, которые имеют самостоятельную эстетическую или духовную ценность. Необходимо отметить, что радио во многом является проводником и репликатором культуры малых народов в субъектах России. Именно через радиовещание обеспечивается более масштабное транслирование культурных ценностей и традиций народов. Это происходит по той простой причине так как федеральное телевидение является более унифицированным и едва ли может обеспечить передачу культурных традиций малых народов в общество в целом и ее реплицирование даже на уровня самого региона. А вот радио вполне может решить эту проблему куда более эффективнее. Ведь радио замкнута на конкретную целевую аудиторию, представители которой являются активными слушателями.

Также необходимо отметить ещё одно проявление радио - радиотеатр. Радиотеатр это инструмент по большей части являющийся способом развития детей и отчасти молодежи, содержащей в себе огромный потенциал развития. Так например радиотеатр обеспечивает развитие памяти и воображения у детей, обеспечивает воспитание правильной в грамматическом смысле и лексически обогащенной речи.

Данное исследование не было бы полным если не отражало в себе и отрицательные стороны радиовещания. К сожалению радио несет в себе только звук, что для многих слушателей является только лишь приятным фоновым шумом и не более того, а информация транслируемая через радио каналы не редко быстро забывается.

Ещё одним существенным минусом радио в отличии от телевидения является то, что в исследуемом нами инструменте отсутствуют зрительные образы, которые позволяют наделять, транслируемую информацию эмоциями и иными красивыми целостными картинками. Узкий диапазон модальностей является безусловно самым существенным минусом радиовещания, который влечет по мимо всего прочего снижение творческого процесса. Безусловно подача ин-

формации через зрительные образы позволяет привлекать значительно большее количество людей, для участия в различных медиа проектах. Для успешного конкурентирования с телевизионными проектами радио должно активно использовать всевозможные средства такие как использование юмора, популярной музыки и применения звуковых эффектов.

Подводя итог всему вышесказанному можно уверенно утверждать, что такое относительно архаичное средство массовой коммуникации как радио имеет все шансы быть востребованным в XXI веке и быть абсолютно успешным, неся в общество развитие в разных сферах и много позитива.

Пристатейный библиографический список

1. Белошапкина В.С., Савина А.А. Возможности радио как средства массовой коммуникации в начале XXI века // PR и реклама: традиции и инновации. 2014. № 14-2. С. 344-347.
2. Марсавина Е.А. Медиаобразовательный потенциал современного отечественного студенческого радио (на примере работы студенческой радиостанции Алтайского государственного университета «Планта радио») // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 4 (26). С. 166-170.
3. Ваку Г.В. Культурно-просветительская миссия регионального радио (на примере радио Чувашии) // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 78. С. 91-96.

ГОРБУНОВ Максим Дмитриевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО ПРАВОВОГО ПОЗИТИВИЗМА

В данной статье анализируется статус англо-американского позитивизма в системе научного знания. Автор делает вывод, что его следует рассматривать как полноценное сформировавшееся направление в правопонимании наравне с континентальным позитивизмом. Анализируются особенности формирования англо-американского позитивизма, его связь с аналитической юриспруденцией, оксфордской научной школой и определяется его место в англо-американской правовой науке.

Ключевые слова: правопонимание, правовой позитивизм, философия права, аналитическая юриспруденция, англо-американская правовая мысль.

GORBUNOV Maxim Dmitrievich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the N. I. Lobachevskiy State University

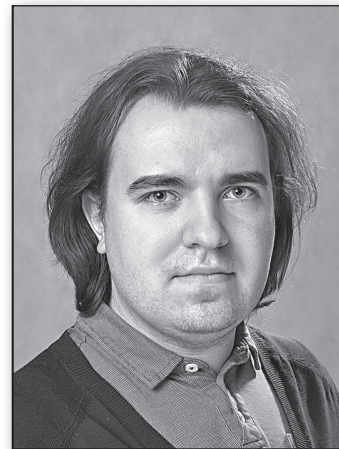
TO THE QUESTION OF THE STATUS OF ANGLO-AMERICAN LEGAL POSITIVISM

This article analyzes the status of Anglo-American positivism in the system of scientific knowledge. The author concludes that it should be regarded as a fully formed trend in legal thinking along with continental positivism. The features of the formation of Anglo-American positivism, its connection with analytical jurisprudence, the Oxford scientific school are analyzed, and its place in Anglo-American legal science is determined by the author.

Keywords: legal understanding, legal positivism, philosophy of law, analytical jurisprudence, Anglo-American legal thought.

Англо-американская правовая мысль подарила мировой правовой науке выдающегося правоведа-позитивиста Джона Остина, вставшего у истоков правового позитивизма. Правовой позитивизм в последствии стал ключевым направлением для континентальной правовой науки. Вместе с тем англо-американская юриспруденция в целом пошла по другому пути, построив свою методологическую базу на основе аналитической философии. Нередко данный путь в отечественном правопонимании воспринимается как анти-позитивистский, что является значительным упрощением. Последние исследования довольно подробно познакомили отечественную науку с плеядой выдающихся англо-американских ученых позитивистов. Тем не менее, называя представителей правового позитивизма в российских исследованиях не определяется достаточно четко рамки самого направления. При этом решение вопроса следует ли считать правовой позитивизм целым направлением в англо-американской правовой мысли или это всего лишь совокупность отдельных специфичных теорий в рамках аналитической доктрины является важным для дальнейшего более глубокого понимания данной темы.

В данной работе не будут рассматриваться особенности становления аналитической доктрины в философии права, поскольку данная тема приобрела широкое освещение в отечественной литературе [1; 5]. Известно, что аналитическая юриспруденция возникла на основе критики классических приемов формальной логики и научного позитивизма в целом при имплементации методов лингвистической философии в праве и критики командной теории приказов Остина (как первого правоведа-позитивиста) [1; 5]. В последствии аналитическая методология стала основой для научного понимания в англо-американской правовой парадигме. Однако ее формирования связано с именем Герберта Харта, сферой научного интереса которого являлась критика классического правового позитивизма.

Горбунов М. Д.

Определяя статус англо-американского правового позитивизма в правопонимании необходимо ответить на два связанных между собой вопроса:

Во-первых, следует ли выделять в рамках аналитической традиции позитивистское направление, либо она настолько специфична, что некорректно говорить о существовании общих с континентальной доктриной категорий в правопонимании;

Во-вторых, является ли правовой позитивизм в англо-американской правовой мысли локальным явлением оксфордской школы права (исходя из персоналий авторов) или она занимает значительное место в общем научном дискурсе.

Отвечая на первый вопрос, нужно отметить, что ни в англо-американской правовой мысли, ни тем более в российской, не сложилось достаточно четкого понимания, того на сколько аналитическая юриспруденция соотносится с понятием «правовой позитивизм». Для российской правовой науки традиционно рассматривать правовой позитивизм в контексте континентальной правовой мысли с ее гносеологическими и онтологическими установками, в том числе касательно определения круга исследуемых вопросов данного направления и характера ответа на них. В данной связи необходимо обратиться к вопросу соотношения правового позитивизма и аналитического направления с позиции самой англо-американской правовой науки. Этот вопрос встал еще во время известной публикации «Понятия права» Герберта Харта, с которого принято начинать современную аналитическую юриспруденцию [10, p. 99-105].

Сам Харт выделял ряд ключевых тезисов правового позитивизма и указывал на некоторое их несоответствие полю аналитической юриспруденции. Если тезисы о праве как команде суверена, отсутствии связи между правом и моралью и недопустимости смешения формальной юриспруденции с иными научными вопросами являются универсальными, то тезисы о правовой системе как самодостаточной закрытой

системе, в которой смысл нормативной регуляции выводятся из формальных правовых норм безотносительно влияния внешнего контекста и о иррациональности нравственных оценок и отсутствии у них эмпирической основы по его мнению не нашли достаточно четкого отражения в аналитическом направлении и даже критикуемой им теории приказов Остина [9, с. 112; 4, с. 33].

Вместе с тем справедливо утверждать, что они характерны для правового позитивизма как в масштабе мировой науки. И также следует не согласиться с самим Хартом, поскольку аналитическая юриспруденция явно содержит в себе позитивистские установки, учитывая ее генезис и основные исследуемые темы как на уровне концепции Остина, так и в рамках нового вектора развития англо-американской правовой мысли, предложенного Хартом. И действительно если взять определение правового позитивизма, признанного в российской науке, то становится понятно, что теория Харта является позитивистской как по кругу исследуемых вопросов, так и постановке исследовательских задач и их решению.

Юридический позитивизм как направление философии права отрицает необходимую концептуальную связь между правом и моралью, а также целесообразность ее установления, считает вопрос о том, что является правом и что им не является, вопросом социального факта, исходит из того, что методология юридической науки не позволяет познать объективно правильное естественное право или мораль, поскольку основывается на анализе фактов и не обращается к метафизическим вопросам [3].

Безусловно правовой позитивизм не является гомогенным и включает в себя целый ряд теорий, отличающихся по содержанию, но являющимися при этом концептуально связанными по кругу центральных вопросов. Собственно, то, как на эти вопросы ответила англо-американская правовая мысль на уровне хартовской концепции свидетельствует о том, что направление в аналитической юриспруденции, представленное Хартом и в последствии его последователями является позитивистским. Отвечая на вопрос «какова предметная область изучения в правоведении?» Харт отметил, что таковым выступают действующие юридические нормы как социальный факт, отрицая лишь обязательность свойства принудительности права, указание на которое характерно для классического и в несколько более сложной форме для отечественного правового позитивизма [8].

Такая постановка центрального исследовательского вопроса стала в последствии основной для целого ряда связанных концепций в англо-американской правовой мысли, выступивших оппонентами антипозитивистским направлениям в аналитической юриспруденции. Безусловно нельзя отрицать обособленность аналитического позитивизма от континентального как минимум по методологии, однако отличаются они не по исследуемому вопросу, а по характеру поиска ответов на них.

Для самой англо-американской правовой науки общепризнанным стало то, что Герберт Харт стал одним из первых современных правоведов, сформировав прочную основу для развития позитивистского правопонимания, преодолев методологические ошибки и заблуждения классического правового позитивизма на базе аналитической философии [2, с. 298-320]. В результате благодаря ему в рамках оксфордской научной школы сформировалась масштабная полемика между его непосредственными учениками Джозефом Разом, Нейлом МакКормиком и Рональдом Дворкиным, а также рядом других правоведов, например, такими как Лон Фуллер и Джон Финнис. Первые же (Раз и МакКормик) оставили наиболее заметные концепции в рамках уже современного англо-американского позитивизма [17, р. 861-896; 4].

Таким образом, можно сделать вывод, что позитивистское правопонимание в англо-американской правовой мысли обладает собственной спецификой, поскольку развивалось и

оформилось под влиянием британской аналитической философии как направление аналитической юриспруденции, однако концептуально является частью позитивистского правопонимания в масштабе мировой науки.

Второй вопрос связан с тем, следует ли считать правовой позитивизм в англо-американской правовой мысли локальным явлением оксфордской школы права, учитывая, что и аналитическая традиция в целом и ее позитивистское направление, как было показано тесно связана с ней.

Действительно дальнейшее развитие правового позитивизма во второй половине XX было связано в первую очередь с приемниками Харта – Джозефом Разом и Нейлом МакКормиком. При этом утверждение, что Раз и МакКормик являлись учениками Харта обусловлено не только их связью с Оксфордом, в котором Харт долгое время был деканом юридического факультета, но также преемственностью в определении ими направления собственных исследований, прямыми отсылка к Харту в их трудах и рефлексии научного творчества Харта [1]. Тем не менее позитивистское направление в англо-американской правовой мысли нельзя считать локальным изолированным явлением британской науки, поскольку это не соответствует контексту ее становления и развития, а также роли в правовой науке, о чем свидетельствует целый ряд обстоятельств:

1. Особенности биографии «столпов» современного англо-американского позитивизма – Герберта Харта, Джозефа Раза и Нейла МакКормика не позволяют в полной мере говорить об их исключительно британском происхождении. Нейл МакКормик всю свою жизнь был шотландским националистом и его правовые взгляды формировались в некотором антагонизме по отношению к чисто английскому праву [15]. Джозеф Раз родился в Британской Палестине, а его первые работы были изданы на иврите, будучи сотрудником Еврейского университета в Иерусалиме. Правовед долгое время преподавал в Оксфорде, а последние семнадцать лет являлся профессором Колумбийского университета (США)¹. Данные обстоятельства не позволяют называть Джозефа Раза в чистом виде британским правоведом, и, с другой стороны, подтверждают общезначимость его взглядов для англо-американской правовой мысли в целом. Сам Герберт Харт хоть и британец, но довольно долго был приглашенным профессором в Гарвардском университете, что во многом повлияло на его взгляды. В частности, на него значительно повлияли работы американского правоведа Оливера Холмса [11, р. 593-629]. Новые современные англо-американские правоведы-позитивисты (Скотт Шапиро, Андрей Мармор, Мэтью Крамер Жюль Коулман, Уил Валухов и др.) в своих работах во многом сконцентрированы на рефлексии правовых взглядах Харта, Раза и МакКормика, формируя новое правовое наследие на основе преемственности оксфордской школы.

2. В иностранной юридической литературе названные правоведы также рассматриваются в рамках общей англо-американской правовой традиции, представляя ее позитивистское крыло [10, р. 99-105]. Необходимо отметить, что к осмыслению их правового наследия и сегодня обращаются ученые как Великобритании, так США, Австралии и Канады в контексте общетеоретических вопросов правовых систем, прикладывая их правовые воззрения к анализу национального законодательства и воспринимая их в контексте общей правовой догматики [16; 18]. Необходимо констатировать, что не существует никакого автономного дискурса по вопросам и особенно критики правового позитивизма в Британии, отдельного от США и других частей англо-саксонского мира. Данное утверждение подтверждается не только оценками западных исследователей права [13, р. 31-48], но также сле-

1 Раз Д. Автобиография. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/josephnraz/> (дата обращения: 30.08.2022).

дующими объективными обстоятельствами: во-первых, дискурс по вопросам правового позитивизма сформировался на фоне критики правоведов небританцев Дворкина (США), Фуллера (США), Финниса (Австралия); во-вторых, предметом непосредственного обсуждения стала общая теория права, а также англо-американская правовая традиция в целом (например дискуссия Харта и Дворкина о статусе Конституционного суда США [12]); в-третьих, осмысление континентального правового позитивизма в англо-американской правовой мысли происходило через научное творчество названных правоведов позитивистов [14, р. 49-67].

3. Существующие отечественные исследования по данной проблематике осмысливают правовые взгляды рассматриваемых в работе правоведов позитивистов именно в рамках англо-американского правопонимания как такового, о чем свидетельствует не только общий нарратив, но и само название работ [2, с. 298-320]. Следует также обратить внимание на исследование Пищулина А. В. по тематике современного позитивистского правопонимания, в котором англо-американский позитивизм как альтернативная парадигма континентальному позитивизму рассматривается в первую очередь через взгляды британца - Герберта Харта. Однако, правовым взглядам Джозефа Раза и Нейла МакКормика в данной работе внимание не уделяется [6, с. 98-107]. В рамках историко-философских исследований Герберт Харт и Джозеф Раз рассматриваются в рамках единой аналитической парадигмы наравне с американскими и австралийскими правоведами [1; 5]. В рамках аналитической парадигмы также следует рассматривать и Нейла МакКормика, но его взгляды на право в отечественной литературе исследованы в наименьшей степени. Вместе с тем, данный аргумент позволяет говорить о традиции описания англо-американского правового позитивизма как направления, хотя и при нечетком его позиционировании.

Таким образом, необходимо сделать вывод, что хотя позитивистское правопонимание в англо-американской правовой мысли не является столь широко распространенным как в континентальной правовой науке и обладает специфическими особенностями в виду иной аналитической методологии, однако тем не менее является сложившимся направлением в правопонимании. Вместе с тем, англо-американский правовой позитивизм имеет локальную точку зарождения в рамках британской науки в среде оксфордской школы, однако это не позволяет говорить о его локальном характере. Статус англо-американского позитивизма обеспечивается мощным потенциалом и активным научным вниманием концепций ее представителей. Правовое наследие правового позитивизма в англо-американской правовой мысли и масштабная вовлеченность в научную полемику вокруг изучаемых им вопросов правоведов-неопозитивистов вкупе с появлением новых позитивистов в США, Канаде и Австралии позволяет говорить о его статусе как значимом направлении современной мировой науки, родственном, но при этом в некоторой степени альтернативным континентальному и отечественному правовому позитивизму.

Пристатейный библиографический список:

1. Дидикин А. Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. - Томск: Томск. гос. ун-т, 2016. 244 с.
2. Касаткин С.Н. Юридический позитивизм в англо-американской правовой мысли. Концепция Герберта Харта // Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. С. 298-320.
3. Краевский А.А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена и современный юридический позитивизм: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01.

- [Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет]. Санкт-Петербург, 2014.
4. Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 216 с.
 5. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск: Изд-воТом.ун-та, 2016. 236 с.
 6. Пищулин А. В. Современный юридический позитивизм в англосаксонской правовой семье / Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 4. С. 98-107.
 7. Раз Д. Автобиография. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://sites.google.com/site/josephnraz/> (дата обращения 30.08.2022).
 8. Харт Г.Л.А. Понятие права (пер. с англ. Е.В. Афонасина, М. Бабака, А.Б. Дидикина, С.В. Моисеева). Санкт-Петербург, Изд-во СПбГУ, 2007. 304 с.
 9. Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 5 (262). С. 102-136.
 10. Bix В.Н. On Philosophy in American Law: Analytical Legal Philosophy / Ed. Mootz F. J. III. Cambridge University Press, 2009. P. 99-105.
 11. Hart H.L.A. Legal Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. No. 4. P. 593-629.
 12. Hart H.L.A. Postscript. Concept of Law. Oxford, 1994.
 13. Postema G. Legal positivism: early foundations in the routledge companion to philosophy of law / Ed. by A. Marmor. NY: London, 2012. P. 31-48.
 14. Raz J. Kelsen's Theory of the Basic Norm. The Authority of Law. 1998. P. 49-67.
 15. Twining W. Biographical Memoirs of Fellows of the British Academy. 2012.
 16. Sangha B., Moles R. MacCormick's Theory of Law, Miscarriages of Justice and the Statutory Basis for Appeals in Australian Criminal Cases // UNSW Law Journal. 2014.
 17. Summers R.S. The New Analytical Jurists // New York University Law Review. 1966. Vol. 41. P. 861-896.
 18. Wilson R. The Justification of Authority: a response to Raz // Honors Theses (University of Richmond). 2013.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-83-84

КОРОВА Александра Петровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета

КОТЛОВ Сергей Владимирович

магистрант Самарского государственного экономического университета

О ПОНЯТИИ И ФУНКЦИЯХ НАЛОГА В ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ ГЕРМАНИИ

В рамках данной статьи рассматриваются исторические и теоретические аспекты исследования проблемы формирования понятия налога в правовой доктрине Германии. Освещается вопрос о тенденциях развития законодательной и научной дефиниции. Делается вывод о том, что на разных этапах становления немецкой налоговой системы на первый план выдвигалась та или иная функция налогообложения в зависимости от проводимой государством финансовой и социальной политики и доминирования той или иной научной доктрины. Таким образом, решение этого вопроса предопределялось, с одной стороны, практикой, а с другой, – теорией.

Ключевые слова: налог, налоговая система, система налогообложения, понятие налога, функции налога, налоговая система Германии.

KOROVA Aleksandra Petrovna

Ph. D. In Law, associate professor, associate professor of Theory of law and philosophy sub-faculty of the Samara State University of Economics

KOTLOV Sergey Vladimirovich

magister student of the Samara State University of Economics

ON THE CONCEPT AND FUNCTIONS OF TAX IN THE LEGAL DOCTRINE OF GERMANY

Within the framework of this article, the historical and theoretical aspects of the study of the problem of the formation of the concept of tax in the legal doctrine of Germany are considered. The issue of trends in the development of legislative and scientific definitions is highlighted. It is concluded that at different stages of the formation of the German tax system, one or another function of taxation was brought to the fore, depending on the financial and social policy pursued by the state and the dominance of one or another scientific doctrine. Thus, the solution of this question was predetermined, on the one hand, by practice, and on the other, by theory.

Keywords: tax, tax system, taxation system, the concept of tax, tax functions, the tax system of Germany.

Обратимся прежде всего к вопросу об определении понятия налога в немецкой правовой доктрине. Значимость его решения несомненна, учитывая его большое практическое значение. Например, без ясного понимания того, что же собой представляет налог, невозможно квалифицировать те или иные действия налогоплательщика как исполнение обязательств по уплате налога или, напротив, как уклонение от этого.

Впервые легальная дефиниция понятия налога встречается в «Имперском положении о налогах и иных платежах» 1919 года, принятом в ходе правовых преобразований М. Эрцбергера. Звучит она следующим образом: «Налоги – это денежные выплаты, не являющиеся ответной услугой за какую-либо особую услугу, к которым правовое общество обязывает всех лиц, располагающих таким фактическим обстоятельством, с которым закон связывает финансовое обязательство» [4, с. 107]. Таким образом, немецкий законодатель акцентирует внимание на таких признаках налога, как его денежный характер, индивидуальная безвозмездность (безэквивалентность), общеобязательность и законность его взимания.

Следует отметить, что в немецкой правовой доктрине вышеприведенное определение понятия налога, предложенное видным германским ученым Отто Майером и воспринятое законодателем, почти не претерпело последующих изменений и сохраняет свою актуальность [14, с. 48], поскольку считается актуальным и удачным с точки зрения законодательной техники, т.е. образцовым [8, с. 19].

Вместе с тем в литературе обоснованно указывается на отсутствие в обсуждаемом определении понятия налога упоминания о тех целях и задачах, для реализации которых, собственно, и осуществляются эти денежные выплаты. Об этом не говорится даже в самом общем виде. Из чего видно, что

подразумевается исключительно фискальная цель, т.е. налогообложение направлено единственно на пополнение казны государства. В дальнейшем эта исторически первая и самая очевидная цель налогообложения будет дополняться другими целями, с одной стороны, по мере осознания потребностей практики, с другой – под влиянием концептуальных установок.

Так, Д. В. Зорилэ высказывает мысль о наличии гибкого подхода к совершенствованию налогового законодательства Германии, основных принципов построения системы налогообложения и, соответственно, функций налога в 60-е гг. прошлого века, и одновременно преемственности общей части налогового права. Поскольку правовые предписания образуют систему и не могут действовать изолированно друг от друга, усложнение налогового законодательства, в частности увеличение числа нормативно-правовых актов потребовало совершенствования других отраслей права, прежде всего уголовного и административного. Ослабление влияния либерального направления налоговой правовой доктрины ознаменовалось усилением публично-правовых начал, роли государства в регулировании налоговых отношений [3, с. 86-96].

Обращает на себя внимание еще одно важное обстоятельство: в налоговом законодательстве ФРГ наравне с понятием налога существуют законодательные дефиниции понятий «пошлина» и «сбор», что указывает на то, что законодатель эти три понятия предпочитает разграничивать. Более того, именно разграничение указанных понятий в правовой доктрине считается достижением немецкой юридической науки и большой удачей сформулированных определений.

В налоговой правовой доктрине Германии изначально на первый план выдвигалась фискальная функция налогов, призванная обеспечивать покрытие потребностей государства. Налогообложение трактовалось, прежде всего,

как разновидность государственной деятельности. И именно нуждами государства определялись основные принципы построения налоговой системы, ее структура и т.д. Правда, при этом налог мог пониматься также как инструмент для решения экономических задач. Т.е. на экономической функции налогообложения внимание хотя и не акцентировалось, однако фактически она также могла быть выделена [2, с. 55].

Со временем в науке стали рассматриваться и иные функции – как фактически реализуемые налоговой системой страны. Так, значительное внимание, уделяемое в Германии социальным проблемам, позволяет выделить как специфические социальную, регулируемую [12, с. 134], стимулирующую функции налогов.

Например, один из видных представителей германской финансово-правовой доктрины А. Вагнер утверждал, что налоги выступают не только средством покрытия финансовых потребностей государства, они одновременно с этим играют роль инструмента, позволяющего регулировать процесс распределения доходов и имущества, характерный для свободной конкуренции [15, с. 288]. Нетрудно заметить, что он ведет речь о регулирующей (распределяющей) функции налогов.

Стимулирующая функция особенно ярко проявляет себя при взимании экологических налогов, которым в Германии уделяется значительное внимание. Так, согласно немецкой налоговой правовой доктрине, целью установления системы экологических налогов выступает не только пополнение бюджета (что составляет содержание традиционной фискальной функции налогообложения), а и стимулирование налогоплательщиков, формирование у них заинтересованности в исполнении обязанности по уплате налога [5, с. 228-229]. В качестве мотива выступает общее благо – благоприятная окружающая среда, здоровье и благополучие населения.

Стимулирующая функция реализуется и при взимании также налога на недвижимость. Так, он рассчитывается исходя из рыночной стоимости недвижимого имущества и служит не только сугубо фискальным целям, как в отечественной налоговой системе, а играет общеэкономическую роль. Ученые высказывают мысль о том, что восприятие положительного опыта Германии в этом вопросе и внесение соответствующих изменений в налоговое законодательство могло бы способствовать реальному увеличению налоговых поступлений в бюджет без какого-либо ущемления интересов собственников недвижимого имущества – налогоплательщиков налога на недвижимость [7, с. 230].

Анализ российских законодательных новелл в области налогообложения последних лет свидетельствует о том, что государство начинает больше внимания уделять социальным вопросам. Об этом говорят, например, предпринятые Правительством РФ меры поддержки в период пандемии отдельных категорий населения. Так, безусловным показателем проявленного интереса к благополучию населения является принятие ряда мер поддержки самозанятых, введение специального налогового режима для этой категории граждан. Результатом указанных мероприятий можно считать фактический «выход из тени», легализацию этого института, о чем говорит статистика, приводимая в литературе [6, с. 129-139].

И вместе с тем предпринятых мер явно недостаточно для того, чтобы говорить о реализации в полной мере социальной функции налогообложения. По-прежнему и в литературе, и в финансовых кругах продолжается дискуссия о введении пропорциональной шкалы. По мнению ее сторонников, подобная реформа позволила бы осуществить на деле идею социальной справедливости, поскольку плоская шкала идет вразрез с социальной функцией налогообложения и ущемляет работников с низким уровнем дохода [1, с. 302]. В качестве ориентира, по мнению авторов, можно было бы взять пропорциональную систему налогообложения в Германии, в которой, например, доход (общий доход супружеской пары) менее 9000 евро в год (попадающий в так называемую нулевую зону) не облагается подоходным налогом. Доход от 9000 до 14000 евро облагается по ставке от 14 % до 24 %, от 14000 до 55000 евро – по ставке от 24 % до 42 %, от 55000 до 260000 евро – по фиксированной ставке 42 % и наконец доход свыше

260000 евро – также по фиксированной и самой высокой ставке 45 % [12, с. 21-35].

Следует отметить, что та же идея социальной справедливости реализована при отмене в Германии налога солидарности (Solidaritaetszuschlag), обеспечивавшего выравнивание экономического состояния восточной и западной частей единой Германии. Дело в том, что он был отменен «с осторожностью»: его перестали взимать с около 90 % населения, т.е. практически со всего населения, за исключением налогоплательщиков, обладающих сверхдоходом [9, с. 232-238] (так называемый план Олафа Шольца).

Однако ряд авторов высказывает сомнения в целесообразности внедрения в отечественную налоговую систему пропорциональной шкалы. В частности, одним из аргументов являются опасения, что при таком существенном повышении налоговых ставок значительная часть сверхдоходов богатых людей попросту уйдет в тень [10, с. 167-170].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сущность и социальное предназначение налогов раскрывается через его функции. Выстраивая эффективно работающую систему налогообложения в государстве, необходимо помнить об их разнообразии, соответственно выстраивать систему так, чтобы налог как действенный рычаг регулирования общественных отношений мог работать в полную меру, многоканально.

Приставленный библиографический список

1. Балынин И. В. К вопросу о введении социально справедливого прогрессивного налогообложения доходов физических лиц в Российской Федерации // *Налоги и налогообложение*. - 2015. - № 4. - С. 300-311.
2. Зорилэ Д. В. К вопросу о соотношении легальной дефиниции налога и практики финансово-экономического регулирования в Германии 20-х годов XX века // *Современные тенденции развития науки и технологий*. - 2016. - № 9-6. - С. 54-61.
3. Зорилэ Д. В. Развитие положений «общей части» налогового права Германии в 20-е – 70-е годы XX века // *Финансовое право и управление*. - 2014. - № 2. - С. 86-96.
4. Зорилэ Д. В. Разработка основных принципов и понятий налогового права Германии в ходе принятия Имперского положения о налогах и иных платежах 1919 г. и его последующих изменений и дополнений (20-40-е гг. XX в.) // *Право и государство: теория и практика*. - 2014. - № 8(116). - С. 105-110.
5. Карев Д. А., Котлов С. В. Налогообложение в экологической сфере по законодательству Германии // *Евразийский юридический журнал*. - 2022. - № 3 (166). - С. 228-229.
6. Киракосян С. А., Акаева Э. А. Государственная поддержка самозанятых граждан в период пандемии коронавируса // *Право и политика*. - 2021. - № 6. - С. 129-139.
7. Максимова А. Г. Сравнительный анализ объекта налогообложения недвижимости в Российской Федерации и Германии // *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал*. - 2014. - № 2. - С. 230-233.
8. *Налоги и налогообложение* / Под ред. М. В. Романовского, О. В. Врублевской. - СПб., 2000.
9. Николаева Е. В. Налогообложение сверхдохода в рамках применения налога солидарности // *Налоги и налогообложение*. - 2016. - № 3. - С. 232-238.
10. Опарина А. А., Коротаева О. А. Сравнение налоговой системы России и Германии // *Студенческая наука XXI века*. - 2016. - № 2-2 (9). - С. 167-170.
11. Ходов Л. Г. Какие налоги платят физические и юридические лица в ФРГ? Каковы функции этих налогов? // *Горизонты экономики*. - 2018. - № 6 (46). - С. 130-135.
12. Цокова В. А. Сравнительный анализ налоговых систем России и Германии // *Теоретическая и прикладная экономика*. - 2015. - № 1. - С. 21-35.
13. Tipke K., Lang J. *Steuerrecht*. - Koeln: Schmidt, 1998.
14. Wagner A. *Finanzwissenschaft*. - Leipzig, 1890.

МОХОРОВА Анна Юрьевна

кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ДОЛЖЕНКОВА Екатерина

кандидат политических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

КЛИНИЦКИЙ Артем Игоревич

кандидат педагогических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ДАНЬШИНА Наталья Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Экстремизм – это явление, противодействию которому уделяется очень много внимания как на национальном, так и на международном уровне. Разрабатываются стратегии, планы по борьбе с указанным явлением, создаются рабочие группы по выработке конкретных мер. Цель исследования – дать определение понятию экстремизм (политический экстремизм), определить роль правового воспитания в противодействии политическому экстремизму. Методами исследования являлись формально-юридический, сравнительно-правовой, аналитический. В результате исследования авторы приходят к следующим выводам: экстремизм и политический экстремизм – понятия, недостаточно однозначно определенные на законодательном уровне, что требует от законодателя внесения изменений и дополнений в действующее законодательство; молодежная среда представляет особый интерес для экстремистских организаций, а молодежь входит в группу риска быть вовлеченной в антиобщественную деятельность в том числе и насильственного характера; последовательный, логически выстроенный процесс правового воспитания молодого поколения является важным способом противодействия политическому экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, политический экстремизм, молодежь, правовое воспитание, правовая пропаганда, правовое обучение.

МОКHOPOVA Anna Yurjevna

Ph.D. in political sciences, associate professor of the Higher School of International Relations of Humanitarian Institute of the Peter Great St. Petersburg Polytechnic University

DOLZHENKOVA Ekaterina

Ph.D. in political sciences, associate professor of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

KLINISKIY Artem Igorevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

DANSHINA Natalya Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

LEGAL EDUCATION AS A WAY TO COUNTER POLITICAL EXTREMISM AMONG THE YOUTH

Extremism is a phenomenon, the counteraction to which is given a lot of attention both at the national and international levels. Strategies and plans are being developed to combat this phenomenon, working groups are being created to develop specific measures. The purpose of the study is to define the concept of extremism (political extremism), to determine the role of legal education in countering political extremism. The research methods were formal-legal, comparative-legal, analytical. As a result of the study, the authors come to the following conclusions: extremism and political extremism are concepts that are not clearly defined at the legislative level, which requires the legislator to make changes and additions to the current legislation; the youth environment is of particular interest to extremist organizations, and young people are at risk of being involved in antisocial activities, including those of a violent nature; a consistent, logically built process of legal education of the younger generation is an important way to counter political extremism.

Keywords: extremism, political extremism, youth, legal education, legal propaganda, legal education.

Вопросы изучения экстремизма в целом и политического экстремизма в частности, а также связанных с ними проблем идентичности, толерантности, ответственности обсуждаются довольно активно на протяжении последних десятилетий как российскими учеными и практиками, так и зарубежными. Из чего следует, что экстремизм как социаль-

но-правовое явление вошел в нашу жизнь достаточно прочно и искоренить его пока что не удастся. При этом разрабатывается целый комплекс мер, при помощи которых возможна его минимизация. Существование экстремистских образовательных учреждений характерно не только для России, но и для других государств мира. Эта проблема носит международный характер

и требует от всего мирового сообщества объединения усилий для борьбы с этим вызовом современности.

Политический экстремизм связан с функционированием политической системы, ее институтов и, фактически, выступает нелегальной формой борьбы за власть, целью которой является изменение существующего государственного строя и сложившегося общественного порядка или их отдельных элементов насильственными методами.

Правовая регламентация рассматриваемого понятия начала складываться достаточно поздно, только в начале 21 века. В результате, на международном уровне можно выделить два основных нормативных документа, в которых предпринята попытка сформировать терминологический аппарат:

- Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» № 1344 от 29.09.2003 года, согласно которой экстремизм представляет собой «форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма» [1];

- Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года: ««экстремизм» - какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [2].

Интересно, что в рамках Организации объединенных наций терминологическим вопросам внимания не уделяется, но разработан План действий по предупреждению насильственного экстремизма [3], разработанный в рамках принятой 8 сентября 2006 года Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций [4]. В этом документе указывается, что «насильственный экстремизм — явление многоплановое, которое не имеет четкого определения» (п. 2), но мировое сообщество в целом, и отдельные государства обязаны предпринимать меры правового, организационного и иного характера по борьбе с ним. При этом особо подчеркивается, что самое пристальное внимание необходимо уделять молодежной среде, которая фактически является ресурсной базой экстремизма.

В России также разработана правовая база по борьбе с экстремизмом. В нее входят: Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности» [5], в котором в ст. 1 «Основные понятия» экстремизм рассматривается как синоним понятию экстремистская деятельность и раскрывается путем перечисления отдельных видов незаконной деятельности; «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [6] - здесь появляется такое понятие как «проявления экстремизма», а вот само понятие экстремизм отсутствует; а также Уголовный кодекс Российской Федерации [7], устанавливающий ответственность за преступления экстремистского характера; и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [8], определяющий

ответственность за правонарушения экстремистской направленности.

Как следует из вышесказанного, однозначного легального определения понятия экстремизм не разработано, в связи с чем возникают сложности с разграничением сходных понятий, таких как терроризм и радикализм, которые также недостаточно четко сформулированы.

Доктринальных определений понятия экстремизм содержится достаточное количество. При этом зачастую данное явление рассматривается с точки зрения различных подходов, что также не дает возможности сформулировать единой емкой дефиниции.

В целом можно выделить два основных направления, толкующих экстремизм и причины его появления. В рамках первого подхода экстремизм рассматривается как социально-опасная деятельность, направленная на разжигание ненависти и вражды, нарушение прав и свобод граждан и т.п. Авторы расходятся в определении базовых причин появления экстремизма и в классификации основных видов экстремистских проявлений, но в целом их представления о данном явлении созвучны [9], [10], [11].

Другие авторы [12], [13], [14] исходят из того, что не все действия, которые формально могут быть сведены к экстремистским, являются противоправными. Они могут представлять собой форму реализации прав и свобод человека и гражданина, но при этом отличаться в той или иной мере от существующей идеологии. И здесь может возникнуть обратная ситуация – «государственный экстремизм» - произвольный запрет на высказывание иных точек зрения на происходящие политические процессы, кроме тех, которые санкционированы самим государством.

Также необходимо отметить, что изучение понятия экстремизм осуществляется представителями разных научных направлений: юристами (Лунеев В. В. [15], Фридинский С. Н. [16] и др.), политологами (Сергеев С. А. [17]), социологами, философами и психологами, что также не способствует выработке единого подхода.

Рассматривая экстремизм в качестве негативного социального явления в обществе, необходимо обратиться к тем мерам, которые международное сообщество и отдельные государства разрабатывают для его профилактики и борьбы. Набор мер достаточно широкий, но в данном исследовании хотелось бы остановиться на правовом воспитании молодежи, так как данная деятельность является очень важной для формирования базовых знаний о праве, государстве, правах и свободах человека и гражданина, и способах их реализации.

Отмечая правовой нигилизм в качестве одной из причин возникновения экстремизма, многие исследователи считают необходимым разработать систему мер его искоренения, особенно в молодежной среде.

Формирование развитой правовой культуры, высокого уровня правового сознания крайне важно для создания гражданского общества и демократического правового государства, которые обеспечат возможность высказывания различных мнений по поводу организации власти и системы управления без использования насильственных действий.

Правовое воспитание направлено на то, чтобы привить молодому поколению знания о нормах права, способах их использования, законном и незаконном, допустимом и запре-

щенном поведении. В результате воспитательной деятельности должны сформироваться правовые ценности, на основе которых будут приниматься самостоятельные, ответственные решения на основе норм права. Доктринальное определение правовому воспитанию можно представить следующим образом: «Правовое воспитание, представляющее интегративный и длительный процесс, являет последовательное и систематическое воздействие на студентов в процессе обучения в вузе с целью формирования и развития правовой культуры» [18]. Таким образом, правовое воспитание выступает как целенаправленная деятельность государства, реализуемая в рамках молодежной и иной государственной политики для обеспечения условий развития личности как важного элемента гражданского общества. Но это не единственная трактовка данного понятия [19], [20].

Легальное определение изложено в Федеральном законе от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании...». В настоящее время понятие «воспитание» включает в себя «деятельность, направленную в том числе на развитие личности, ее социализации на основе принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к ... закону и правопорядку, человеку труда и ... природе и окружающей среде» [21].

Правовое воспитание может воплощаться в различных формах: правовое просвещение, правовая пропаганда, правовое обучение, правовая практика.

Правовое просвещение и пропаганда осуществляются при помощи СМИ, которые распространяют правовые знания, формируют правосознание личности, определяют важность правомерного поведения. Правовая пропаганда также в наше время претерпела изменения относительно тех средств, при помощи которых она воздействует на население. Если раньше она реализовывалась в:

- устной форме – выступления различного рода (лекции, беседы и т.п.), которые могут проводиться как «в живую» - субъект и объекты воздействия находятся рядом, что помогает субъекту правильно определять реакцию на свои высказывания, уровень интереса к выбранной теме и то, какое место заняло его выступление в душах слушателей, так и при помощи различных технических устройств;
- письменной форме – газеты, журналы, монографии, конкурсы.

Быстро меняющийся современный мир, цифровизация, охватившая все сферы жизнедеятельности людей, отразилась и на правовой пропаганде, которая также перестроилась на современные русла и «перешла» в мир виртуальный – сеть интернет. При помощи информационных технологий получить информацию намного быстрее, доступ к ней свободен и неограничен, что позволяет самостоятельно повышать уровень правовой грамотности.

Что касается качества правовой пропаганды, то оно на протяжении трех десятилетий существенно не изменилось в лучшую сторону: наблюдаются массивы информации про совершенные преступления разного рода и отсутствие наказания по ним, предлагается непроверенная информация, которая не соответствует или не в полной мере соответствует законодательству и практике его применения, активно предлагается информация, в которой рассматриваются пути «обхода» действующего законодательства. Блогеры и иные лица,

создавшие себе определенную репутацию в сети интернет и пользующиеся доверием своих подписчиков, нередко распространяют неправую информацию, которая может причинить вред.

Соответственно, можно резюмировать следующее: правовая пропаганда будет действенным инструментом правового воспитания только в том случае, если ее реализаторы будут подходить к своей деятельности ответственно и осуществлять ее в рамках законодательства и с опорой на него. В обратном случае последствия такой пропаганды могут быть непредсказуемы. Отчасти, мы это можем наблюдать на протяжении длительного времени. Средства массовой информации зачастую крайне небрежно относятся к тому контенту, который они воспроизводят, что приводит к тому, что в умах населения формируется негативное отношение к праву, правоохранительным органам, возможности совершения правонарушений и последствиям такого совершения: частые детективные сериалы с элементами фантастики, ибо криминалистика с теоретической и практической точки зрения так далеко еще не продвинулась, создают миф о том, что все преступления могут быть раскрыты и для этого есть соответствующие средства, а, значит, правоохранительные органы не справляются со своими задачами и не обеспечивают должный уровень законности и правопорядка в обществе; постановочные судебные процессы, не всегда основанные на нормах процессуального права и т.п. Пропаганда в сети интернет вообще зачастую остается за пределами государственного регулирования.

Безусловно есть и положительное в деятельности правовой пропаганды. Создание правовых сайтов, в которых содержится общедоступный массив правовых актов, комментариев к ним, а также судебных решений является крайне положительным для повышения правовой грамотности.

Правовое обучение как форма правового воспитания предполагает активное взаимодействие обучающего и обучающегося в рамках воспитательного процесса. Данный процесс может осуществлять в учебных заведениях специализированного характера – колледжах, институтах, университетах по направлению подготовки Юриспруденция, а также в иных учебных заведениях. Естественно, что объем правовой подготовки значительно отличается у лиц, обучающихся в средне-специальных или высших юридических учебных заведениях от всех остальных лиц.

Но в целях противодействия крайним негативным явлениям, существующим в обществе, таким как экстремизм, достаточно и общих знаний о праве, правомерном поведении, юридической ответственности, чтобы критически относиться к деятельности отдельных субъектов и организаций, цели которых противоречат базовым правовым установкам, существующим в обществе.

Процесс обучения начинается в школе, когда закладываются базовые понятия о конституционном строе государства, системе государственных органов, роли права в общественной жизнедеятельности.

В ходе обучения в высших учебных заведениях, студенты независимо от направления обучения обязаны освоить ряд универсальных компетенций, которые напрямую имеют отношение к расширению правовой грамотности, например, УК-2. Способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, ис-

ходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений, УК-11. Способен формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению. Полноценное формирование указанных компетенций позволит обучающемуся получить минимальный набор правовых знаний, умений и навыков, которые позволят ему самостоятельно объективно оценивать события, действия и явления с точки зрения их соответствия требованиям закона, принимать решения на основе полученных знаний.

Важным средством правового обучения является разработка дополнительных образовательных программ правовой направленности, а также проведение систематических открытых лекций, круглых столов по наиболее острым вопросам юридического характера.

Получение правовой информации и знаний окажет существенную помощь в понимании того, какие действия допустимы и приемлемы в обществе, а какие запрещены и за их совершение предполагается юридическая ответственность.

Если применять правовые знания к совершению действий экстремистского характера, то необходимо помнить, что за них действующим законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственность.

Но в отсутствие четкого и однозначного определения экстремизму, расхождению в его трактовке в различных нормативных актах, нужно четко понимать, какие конкретно действия представляют собой проявления экстремизма и насколько они общественно опасны. Соответственно необходимо понимать, какие критерии заложены в основу разграничения преступлений и проступков; что представляет собой состав преступления и его элементы, а также какие наказания можно понести за совершенные действия.

В целом, нужно отметить, что ни Кодекс об административных правонарушениях, ни Уголовный кодекс Российской Федерации не содержат такого определения, как правонарушение/преступление экстремистской направленности. Это термины скорее носят политологический окрас или необходимы для ведения статистической отчетности [22]. Тем не менее ряд составов можно отнести к таковым. Например, ст. ст. 20.1, 20.3, 20.29 КоАП РФ, отдельные подпункты ст. ст. 105, 111, 112, 115, 136 и т.д. УК РФ.

Особый интерес вызывает статья 282 УК РФ, в частности та ее редакция, которая существовала в период с 2014 г. по 2018 г., когда ее части были дополнены указанием на совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе «Интернет». Многим пользователям пришлось «натерпеться» из-за неосторожных репостов и неудачных лайков [23]. СМИ публиковали большое количество материалов о необоснованных, ничем не подтвержденных обвинениях по ст. 282 УК РФ студентов, матерей и других лиц, высказавших свое мнение в Сети [24].

Именно в таких случаях важным становится высокий уровень правовой грамотности, умение правильно оценивать свои действия с точки зрения закона. Здесь можно согласиться с точкой зрения К. Б. Мирзаевича [25], что люди с высоким уровнем правовой культуры сами всегда уважают закон и подчиняются закону, и воодушевляют других действовать также. Наиболее социальные и политически активные граждане принимают активное участие в том, что происходит в социуме на основе позиций гражданской ответственности перед государством и обществом.

Необходимо отметить, что молодежная среда крайне уязвима для проникновения различных радикальных взглядов, идей, ценностей. Это связано, во-первых, с недостатком жизненного опыта, неопределенностью целей и ориентиров, желанием обрести самостоятельность. Во-вторых, с тем, что сами экстремистские организации рассматривают эту группу лиц в качестве проводника их взглядов и идей, о чем свидетельствуют данные, согласно которым в среднем 80 % членов экстремистских и террористических организаций составляют люди в возрасте до 30 лет [26].

Заключение. Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

1. Экстремизм и политический экстремизм – понятия, недостаточно однозначно определенные на законодательном уровне, что в практической деятельности не всегда позволяют правоохранительным и иным государственным органам правильно толковать действия определенных лиц, совершивших правонарушения как экстремистские или террористические.

2. Молодежная среда представляет особый интерес для экстремистских организаций, а молодежь входит в группу риска быть вовлеченной в антиобщественную деятельность в том числе и насильственного характера.

3. Последовательный, логически выстроенный процесс правового воспитания молодого поколения приведет к формированию личности с четкими правовыми ориентирами и ценностями, с достаточно высоким уровнем правового сознания, которые позволят ей совершать правильный с точки зрения права выбор при осуществлении любых видов деятельности.

4. Наблюдаемый на сегодняшний день процесс правового воспитания требует пересмотра государственными органами власти молодежной, образовательной, информационной политики с целью приведения их к единым требованиям и стандартам области формирования общества с высокой правовой культурой.

Приставленный библиографический список

1. Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» № 1344 от 29.09.2003 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5Brussian_documents%5D/%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp (дата обращения: 18.08.2022).
2. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901812033> (дата обращения: 18.08.2022).
3. Резолюция ГА ООН A/70/674 от 24 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/456/24/PDF/N1545624.pdf?OpenElement> (дата обращения: 18.08.2022).
4. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/504/90/PDF/N0550490.pdf?OpenElement> (дата обращения: 18.08.2022).

5. Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. От 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 18.08.2022).
6. «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» утверждена Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. N 344. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (дата обращения: 18.08.2022).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 18.08.2022).
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 18.08.2022).
9. Бааль Н. Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления. Автореф. дис. ... докт. полит. наук. – Нижний Новгород., 2012.
10. Федулова В. В. Экстремизм как социально-политический феномен // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 3.
11. Некрасова Е. В. Молодежный экстремизм и основные направления его профилактики в современном российском обществе // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2012. – № 3. – С. 92-108.
12. Беглова О. А. Любой ли экстремизм противоправен? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14: Право. – 2011. – № 4.
13. Ефанова Е. В. Молодежный экстремизм как форма политического протеста // Власть. – 2011. – № 8.
14. Лещенков К. Н. Кооперация или экстремизм: гражданственность как фактор самоорганизации // Мир психологии. – 2011. – № 1.
15. Лунев В. В. Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2009. – № 2.
16. Фридинский С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2011.
17. Сергеев С. А. Исследования экстремизма и радикализма В зарубежных и отечественных социальных науках. Статья выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ (контракт № 02.740.11.5208, тема «Политический экстремизм и радикализм в Российской Федерации: социальные причины, виды и формы проявления» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya.Ekstremizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf> (дата обращения: 18.08.2022).
18. Хоронько Л. Я. Правовое воспитание современной молодежи в условиях гражданского общества // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 66-3. – С. 313-316.
19. Бондарев А. С. Правовая пропаганда и обучение формы правового воспитания: понятие и средства воздействия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2008. – №1. – С. 4-16.
20. Магомедов Ш. Б., Магомедов Д. Б. Роль правового воспитания молодежи в профилактике преступлений // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 121-124.
21. ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 18.08.2022).
22. Указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 27 декабря 2017 г. № 870/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71795614/> (дата обращения: 18.08.2022).
23. «ФедералПресс», 5 октября 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedpress.ru/article/2138969> (дата обращения: 18.08.2022).
24. Лесников Г. Ю., Леймоева З. Б. История становления и современное состояние законодательства об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 6 (95). – С. 79-83.
25. Мирзаевич К. Б. Особенности повышения правового сознания и правовой культуры молодежи // Место Пшислоски. – 2022. – С. 108-111.
26. Авдеев Ю. И., Арсеньев В. В., Найдено В. Н. Экстремизм в современной России: истоки, содержание, типология // Социологическая наука и социальная практика. – 2015. – № 3. – С. 77-91.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-90-91

НОВИКОВА Оксана Ивановна

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета

РУДМАН Марк Наумович

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета

ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ И КРИЗИС ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА (ЧАСТЬ 1)

В статье представлен анализ исторических предпосылок закрепления в конституционном законодательстве социальных прав. С позиций интегративного подхода рассматриваются кризис индустриального общества как системная основа конституционного регулирования права личности на социальное страхование со стороны государства, а также объективные проблемы внедрения системы социального страхования как угрозы принципам правового государства.

Ключевые слова: индустриальное общество, социальные права, публичное право, социалистическое право, социальное страхование, самореализация личности.

NOVIKOVA Oksana Ivanovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Institute of law of the Bashkir State University

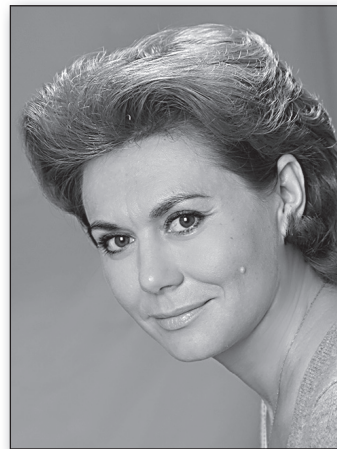
RUDMAN Mark Naumovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Institute of law of the Bashkir State University

THE PROBLEM OF UNIVERSALITY OF SOCIAL RIGHTS AND THE CRISIS OF THE LEGAL STATE (PART 1)

The article presents an analysis of the historical prerequisites for the consolidation of social rights in the constitutional legislation. From the standpoint of an integrative approach the authors examine the crisis of industrial society as a systemic basis for the constitutional regulation of the individual's right to social insurance provided by the state, as well as objective problems of the introduction of the social insurance system as a threat to the principles of the rule of law.

Keywords: industrial society, social rights, public law, socialist law, social insurance, personal self-realization.

Новикова О. И.

Рудман М. Н.

В период обострения дискуссий о содержании пенсионной реформы представляется актуальным уточнить роль социальных прав как ведущего элемента системы всеобщего социального страхования, созданной в период системного кризиса индустриального общества в результате системного мирового кризиса первой половины XX века. Ответом национальных правительств на «вызов» времени, проявившийся в разрушительных явлениях резкого роста безработицы, общей неуверенности в завтрашнем дне, популярности тоталитарных идеологий стало утверждение на уровне конституционного национального законодательства и государственного регулирования экономики системы социального страхования. Позднее правовые институты, оформившие функционирование данной системы, стали определяться как общечеловеческие ценности - права «второго поколения», реализация которых стала признаваться ответственностью всего мирового сообщества. Но именно специфика их экономического содержания стала «ловушкой» для либеральной системы общечеловеческих ценностей, лежащей в основе формирования современной цивилизации, начиная с эпохи Раннего нового времени. Противоречием между экономическим обеспечением «второго поколения» прав и защитой свободы личности от правительственного произвола, конституционно оформленной в права «первого поколения», во многом и объясняется современный системный кризис новоевропейской цивилизации.

Необходимо подчеркнуть, что социальные права, для реализации которых правительства стран Западной Европы с конца XIX века развивают государственную систему соци-

ального страхования, объединены общим свойством необходимости публичных расходов на их реализацию, что сразу ставит их в противоречие с практикой соблюдения фундаментальных личных, гражданских и политических свобод. Практический опыт представителей стран с «развитым правовым порядком» [1, с. 11], имеющих длительный и трагический опыт формирования либеральной демократии эпохи всего Нового времени, показывал, что рост публичных расходов означает «дорогу к рабству», как позднее сформулировал все возникающие в результате реализации прав «второго поколения» проблемы Ф. Хайек. Еще в 1944 году в книге «Дорога к рабству» он определяет фашизм как развитую форму социализма. [2, с. 15] Специфика социалистической модели права, реализованной в СССР и предлагаемой советскими представителями в ООН при разработке положений Всеобщей декларации прав человека, заключалась в экономическом и политическом подавлении свободы личности. Обаяние такого подхода для поколений, переживших в конкретно-исторических условиях криминальную эпоху «первоначального накопления капитала» и потому требовавших от государства гарантий экономического выживания в том, что взамен экономической свободы, на практике означавшей вполне реальные шансы голодной смерти, например, от безработицы, система «социалистического права» предлагала гарантии выживания индивида в обществе. Они обеспечивались гигантской бюрократической системой, фактически бравшей каждого индивида на содержание путем всеобъемлющего учета. Такой подход трудно не принять в качестве универсального на фоне угрозы массовой

безработицы в индустриальных государствах мира. То есть системным ответом общества на вызовы массовой безработицы как следствия скомпрометировавшего себя уже к концу XIX века либерального конституционализма в формально-юридическом плане и стало развитие социальных прав, требовавших повышенных расходов со стороны производительной части общества.

Определение расходов на реализацию социальных прав как «публичных расходов» представляется более точным по сравнению с понятиями «государственных расходов» или «бюджетных расходов», поскольку помогает подчеркнуть сущность противоречия. Является ли право на содержание со стороны публичного субъекта, в роли которого выступает конкретная форма публично-правового образования, призванная выражать публичные интересы, фундаментальным и универсальным в достаточной степени для его закрепления во Всеобщей декларации как кодексе общечеловеческих ценностей?

Перечисленные в ст. 22-28 Всеобщей декларации права являющиеся развитием прав, сформулированных в первых конституциях Нового времени, то есть представляют собой юридическую конкретизацию ценности свободы личности. Именно фактическое обожествление свободы творчества самостоятельной личности обеспечило стремительное развитие науки и технологическое обновление материальной базы жизнеобеспечения общества Нового времени, что имело фундаментальное значение для становления всей новоевропейской цивилизации, расширившейся к рубежу Новейшего времени до планетарных масштабов. Общей чертой прав «первого поколения», к числу которых относятся группы личных, гражданских, экономических и политических прав, фиксирующих запрет правительству на ограничение свободы личности в конкретных сферах общественных отношений, является максимум экономичности для общества, то есть их реализация не требует публичных расходов. Комплекс социальных прав человека, обозначаемых понятием прав «второго поколения», экономически и юридически базируется на росте публичных расходов. Это делает неизбежным быстрый рост налогов в государствах с «развитым правопорядком», являющийся разрушительным как с моральной, так и с экономической точек зрения. Такой путь государственного регулирования влечет за собой системный кризис общества, поскольку рост налогов ограничивает свободы налогоплательщика, теперь становящегося творческим меньшинством, обязанным с точки зрения действующего в «социальном государстве» законодательства содержать все остальное общество в лице растущей государственной бюрократии и «бюджетников». «Хороших налогов не бывает». Это может быть «социалистическое государство» типа Советского Союза или «социальное государство» как Федеративная Республика Германия, но суть кризиса от этого не меняется. Поскольку налогоплательщики в таком обществе оказываются в меньшинстве, то в рамках избирательных прав повлиять на рост налогового грабежа они уже не могут и единственным выходом для них становится экономический саботаж. Он может проявляться в морально обоснованном уклонении от налогов или нарастании экономической пассивности всего «среднего класса» как опоры политической демократии и научно-технического прогресса, но суть разрушительных последствий для общества от этого не меняется. И это кризис той либеральной демократии, которая как, в первую очередь, система ценностей, основанная на абсолютном приоритете свободы личности, является источником всех институтов «прав и свобод человека и гражданина». Рост налогов на реализацию социальных прав делает ценность свободы декларативной, поскольку производительная часть общества подавляется как прямо, путем принуждения к уплате налогов, о целесообразности которых уже не спрашивают тех, кто платит, так и косвенно, через растущее влияние многочисленной государственной бюрократии, которая неофициально получает все более неограниченное влияние в обществе, фактически устанавливая свою диктатуру.

Становление индустриальной цивилизации, огромные материальные возможности которой позволили поставить вопрос об удовлетворении потребностей для творческой самореализации каждого индивида в рамках мирового сообщества, произошло именно на основе безусловного признания ценности свободы творчества. Это целостная идеология, эволюционировавшая от требования свободы мысли и основанной на ней свободы совести до свободы экономической деятельности и свободы распоряжения собственностью. На этом идеале, во-

площенном на практике в требовании максимального снижения налогов и контроле налогоплательщиков за публичными расходами, основана общественная система стран с «развитыми правопорядками», и именно эта ее черта объясняет передовой характер общественного строя, обеспечивающего путем творческой самореализации экономически активных индивидов производство огромных ресурсов.

При господстве «социалистического права», при всем обаянии равенства, производительный класс оказывается в буквальном рабстве у государственной бюрократии, что и подчеркивал Ф. Хайек. Нет сомнения в том, что разработка и законодательное закрепление комплекса социальных прав является объективным и востребованным ответом на кризис индустриального общества, крайним проявлением которого были как кровавые гражданские войны первой половины XX века, так и две мировые войны. Но юридическая фиксация этих прав в конституциях и на уровне международного права имеет своим результатом кризис свободы индивида в обществе. Снижение стимула к экономической свободе как результат внедрения в конституционный порядок экономически развитых государств обязательных и огромных публичных расходов является главной проблемой обеспечения конституционного строя в этих государствах.

Понимание разрушительных для гражданского общества последствий введения обязательного характера государственных расходов, ведущих к росту произвола, сопровождающегося падением социальной ответственности и компетенции государственной бюрократии, побуждало сторонников либеральной идеологии противодействовать включению социальных прав в содержание Всеобщей декларации. Но популярность идей государственного регулирования в результате борьбы с последствиями экономического кризиса, начавшегося в 1929 году, дополненная опытом публичной мобилизации ресурсов для борьбы с нацизмом в государствах, учредивших Организацию Объединенных Наций, обусловила уравнивание в содержании Всеобщей декларации прав «первого поколения» и «второго поколения». Первичность либерального подхода при разработке их универсального текста проявилась именно в формулировке социальных прав, предложенной президентом США Ф. Д. Рузвельтом. Она характеризовалась либеральным определением основополагающих для человеческого общества интересов в форме «свободы от нужды» и «свободы от страха», включавших страх перед голодом и угнетением работника со стороны работодателя.

Ценность свободы в классическом индустриальном обществе только усиливается невыносимыми условиями выживания абсолютного большинства в лице наемных рабочих. И юридические институты социальных прав - прав «второго поколения» должны были защитить наемных работников и их семьи от этого угнетения. Нерешенной проблемой публичного регулирования, призванного обеспечить экономическую эффективность и политическую стабильность, остались неизбежные злоупотребления со стороны государственной бюрократии, в случае закрепления социальных прав в качестве конституционных принципов, которые в обязательном порядке должно реализовывать государство за счет публичных расходов, ресурсы для которых оно будет принудительно отчуждать за счет ограничения экономической, а в итоге и политической свободы.

Приставленный библиографический список

1. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. - М.: Статут, 2014. - 456 с.
2. Хайек Ф. А. Дорога к рабству: Монография / Пер. с англ. М. Гнедовского. - М: Новое издательство, 2005. - 264 с.
3. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики: Монография / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; под ред. А. Куряева. - М.: ИРИСЭН, 2006. - 644 с.
4. Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории: пер. с англ. / Под ред. Н. И. Кольшкина. - М: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. - 688 с.

РОМАНОВСКАЯ Любава Ростиславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры Конституционного и муниципального права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

КУРЗЕНИН Эдуард Борисович

кандидат юридических наук, доцент Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020

Статья посвящена анализу существенных изменений, внесенных в Конституцию РФ в 2020 г., с точки зрения формы Российского государства, архитектуры государственной власти, ее трансформации. Сделан вывод о том, что общими тенденциями ее дальнейшего развития будут укрепление позиций президента в рамках формально полупрезидентской республики, усиление централизма в федеративных отношениях и превалирование авторитарных начал в авторитарно-демократическом (гибридном) режиме.

Ключевые слова: конституционная реформа, государственный строй, форма государства, форма правления, форма территориального устройства, политический режим.

ROMANOVSKAYA Lyubava Rostislavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and municipal law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy Nizhny Novgorod State University

KURZENIN Eduard Borisovich

Ph.D. in Law, associate professor of the Institute of Business and Business Administration of the RANEPА under the President of the Russian Federation

EVOLUTION OF THE FORM OF THE RUSSIAN STATE IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONAL REFORM 2020

The article is devoted to the analysis of significant changes made to the Constitution of the Russian Federation in 2020, from the point of view of the form of the Russian state, the architecture of state power, its transformation. It is concluded that the general trends of its further development will be the strengthening of the president's position within the framework of a formally semi-presidential republic, the strengthening of centralism in federal relations and the prevalence of authoritarian principles in an authoritarian-democratic (hybrid) regime.

Keywords: constitutional reform, state system, form of state, form of government, form of territorial structure, political regime.

Романовская Л. Р.

Курзенин Э. Б.

Первая в Российской Федерации Конституция была принята почти 30 лет назад. За время её действия в текст несколько раз вносились поправки. Они касались продления срока полномочий Президента и Государственной Думы, введения обязанности Правительства РФ ежегодно отчитываться перед Государственной Думой РФ (2008 г.), реформирования судебной системы путем объединения Верховного и Высшего Арбитражного суда, а также расширения полномочий Президента, связанных с назначением прокуроров и представителей в Совет Федерации Федерального Собрания (2014 г.). Названные поправки касались только отдельных статей и не носили системного характера.

В январе 2020 года Президент внес в Государственную Думу законопроект «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [1], который предусматривал внесение в Конституцию РФ значительного числа поправок, касающихся широкого спектра вопросов: от социальных гарантий до устройства и деятельности всех ветвей власти, всей политической системы. Уже через три дня после внесения (23 января) данный законопроект был принят в первом чтении, 10 марта – во втором, а 11 марта – в третьем, окончательном. В

следующие два дня прошло голосование в парламентах всех субъектов Российской Федерации, поправки были одобрены, 14 марта закон подписал Президент. В тот же день документ поступил в Конституционный суд и 16 марта поправки были признаны соответствующими Конституции. Далее последовало проведение всенародного голосования по вопросу одобрения вносимых изменений. По его результатам поправки вступили в силу.

Нельзя не отметить спешность, «экстренность» проведенной реформы. В Конституцию 1993 г. было внесено более 200 поправок [2], которые потребовали серьезной модернизации действующего законодательства. К концу 2020 года во исполнение новых конституционных положений были приняты 17 законов, и внесены изменения в 136 законов.

Новая редакция Конституции РФ требует не только большой законотворческой работы по внесению изменений в действующее законодательство, но и глубокого научного осмысления. В частности, обратимся к изменениям, затрагивающим различные аспекты формы российского государства: форму правления, форму государственного (территориального) устройства и политический (государственный) режим.

Конституция РФ в 1 статье содержит указание только на республиканскую форму правления, но не на вид республики, что оставляет простор для научных дискуссий. Одни авторы выделяют только два вида республик: президентскую и парламентскую, и в таком случае относят Россию к президентским республикам. Другие добавляют к этим двум видам третий – смешанную (президентско-парламентскую, полупрезидентскую) – и относят Россию к нему [3, 4]. Такой гибридный тип сочетает в себе признаки президентской и парламентской республик. Вид республики – это прежде всего вопрос баланса полномочий между президентом и парламентом. Конституционная реформа 2020 внесла в него свои коррективы. Ограничено число сроков, в течение которых одно и то же лицо может занимать должность Президента РФ (без учета числа сроков, в течение которых оно занимало эту должность на момент вступления в силу данной поправки, т.е. официально произведено «обнуление» сроков правления ныне действующего Президента). Президенту РФ передано общее руководство Правительством РФ (п. «б» ст. 83), что фактически означает, что именно Президент теперь возглавляет исполнительную власть. Признано, что Президент обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти (ч.2 ст.80), а в эту систему включены не только государственные органы, но и органы местного самоуправления.

Данные поправки, безусловно, отражают высокую степень концентрации власти в руках Главы государства, и по своей сути демонстрируют доминирующее положение Президента в системе публичной власти. Данное обстоятельство, казалось бы, указывает на сдвиг модели республики в сторону президентской. Однако, в Конституцию также были внесены изменения, значительно повышающие степень участия Парламента (причем обеих его палат) в формировании Правительства. Теперь кроме утверждения кандидатуры Председателя правительства РФ в полномочия Государственной Думы входит утверждение по представлению Председателя Правительства РФ кандидатур его заместителей и федеральных министров, за исключением федеральных министров, которые назначаются Президентом РФ после консультаций с Советом Федерации (это министры обороны, внутренних дел, иностранных дел, юстиции, директор ФСБ, руководитель МЧС) (Ст. 83 и ст. 103 Конституции РФ). Таким образом, обе палаты парламента теперь непосредственно участвуют в формировании состава Правительства, что указывает на смешанную (гибридную) модель республики.

Таким образом, можно отметить, что реформа 2020 не изменила форму правления в России, однако усилила полномочия Президента РФ по руководству исполнительной властью и полномочия парламента по формированию Правительства РФ. Наблюдается тенденция укрепления позиций президента в рамках формально полупрезидентской республики, еще больший перекоп в системе разделения властей и оформление в ней лишь одной независимой ветви власти – президентской [5].

Что касается формы государственного (территориального) устройства, то здесь конституционным новшеством, является возможность образования в соответствии с федеральным законом федеральных территорий (ч.1 ст. 67). Это новый для России вид публично-правового образования, для которого предусмотрены экономическая самостоятельность, прямое федеральное финансирование, свои органы публичной власти. Как отмечает А.А. Клишас, основными целями

образования таких территорий служат «создание новейшей инвестиционной площадки, а также обеспечение безопасности и обороны страны» [6]. На данный момент образована одна такая территория на основе принятого в декабре 2020 г. закона «О федеральной территории «Сириус» [7].

Закономерно возникает вопрос, придается ли им статус самостоятельного административно-территориального образования в рамках существующих субъектов федерации, или законодатель подразумевает образование нового вида субъектов РФ?

Конституционный Суд в своем заключении от 16 марта 2020 года указал, что: «Положение о возможности создания федеральных территорий по своему буквальному смыслу не предполагает возможности образования федеральных территорий с приданием им статуса, равного статусу субъектов Российской Федерации, и не может расцениваться как противоречащее статье 5 Конституции РФ, исчерпывающим образом определяющей состав России как федеративного государства, а равно другим положениям глав 1 и 2 Конституции РФ, которые подлежат неукоснительному соблюдению федеральным законодателем при реализации указанной возможности» [8].

Из нововведений и изменений, касающихся федеративного устройства, необходимо отметить также введение 30 представителей Президента (в том числе 7 пожизненных) в Совет Федерации, палату, традиционно представляющую в парламенте интересы субъектов РФ (ст. 95 Конституции); новые полномочия Президента по обращению в Конституционный Суд РФ по проверке конституционности законов субъектов РФ до их обнародования главой субъекта РФ (ст. 125 Конституции); ликвидация конституционных (уставных) судов субъектов РФ в связи с невключением их в систему судебной власти на конституционном уровне (ст. 118 Конституции РФ).

Общий характер этих изменений указывает на усиление тенденции централизации власти в рамках федеративных отношений. Ведущий научный сотрудник отдела правопедения ИНИОН РАН, д.ю.н., проф. Умнова-Конюхова И.А., оценивая конституционные новеллы, приходит к выводу, что они привели к «преобразованию федеративной государственности в гибридную форму, где имеет место тесное сочетание унитарных и федеративных начал в российской модели государственного устройства при явном доминировании централистских начал» [9].

Третьим элементом формы государства является политический (государственный) режим. Вопросы, связанные с особенностями политического режима в современной России, имеют остродискуссионный характер, так как существуют некоторые противоречия между декларируемыми Конституцией демократическими принципами и реализацией этих принципов на практике.

Учитывая историческую преемственность основ государственно-властных отношений, сложность процесса перестроения всей системы власти на новый для российской государственности демократический лад, обоснованной, на наш взгляд, является точка зрения, указывающая на смешанный характер существующего режима, находящегося в процессе перехода от недемократического к демократическому. Такой режим сочетает в себе демократические начала и элементы авторитаризма. Такой режим политологами обозначается терминами «авторитарная демократия», «гибридный режим», «управляемая демократия», «системная демократия» [10].

Реформа 2020 не продемонстрировала укрепления демократических начал государственного строя, а скорее усилила авторитарные. Под вопросом оказались принципы сменяемости власти, появились пожизненные должности, произошел явный перекося в сторону исполнительной, а точнее президентской власти, что еще больше разбалансировало систему разделения властей. Никаких инструментов действенного общественного контроля и механизмов ответственности власти перед обществом в конституционных поправках предусмотрено не было.

Обобщая вышесказанное, отметим, что конституционная реформа затронула все аспекты устройства и осуществления публичной власти в России, в том числе и форму государства. Последствия проведенной реформы могут быть оценены только спустя время, но уже сейчас можно утверждать, что общими тенденциями будут укрепление позиций президента в рамках формально полупрезидентской республики, усиление централизма в федеративных отношениях и превалирование авторитарных начал в авторитарно-демократическом (гибридном) режиме.

Пристатейный библиографический список

1. Законопроект № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7>.
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 02.09.2022).
3. Мельникова М.В. Форма правления в современной России // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2018. – № 1 (20). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/forma-pravleniya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 04.09.2022).
4. Никонов В. Конституционный дизайн // Современная российская политика: курс лекций / Под ред. В. Никонова. – М., 2003.
5. Романовская Л.Р., Саратовцев А.Н. Трансформация государственного строя РФ в условиях конституционной реформы 2020 // Юридическая наука и практика в условиях современных вызовов. Материалы Международной научно-практической конференции. Под редакцией Е.Е. Черных, М.В. Барановой. – Часть II. – М.: ООО «Русайнс», 2022. – С. 166-171.
6. Клишас А.А. Инициатива о «федеральной территории» заслуживает особого внимания // Блоги сенаторов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/113261/> (дата обращения: 17.09.2022).
7. ФЗ от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371784/.
8. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции РФ порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента РФ // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.09.2022).
9. Умнова-Конюхова И.А. Развитие конституции российской федерации 1993 г.: конституционные преобразования, реформа или трансформация конституционного строя? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал. – 2021. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-konstitutsii-rossiyskoy-federatsii-1993-g-konstitutsionnye-preobrazovaniya-reforma-ili-transformatsiya-konstitutsionnogo> (дата обращения: 19.09.2022).
10. Баранов Н.А. Политический режим современной России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – № 35. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-rezhim-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 29.10.2021); Устюгов М.А. Политический режим современной России // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2007. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-rezhim-sovremennoy-rossii-1> (дата обращения: 20.09.2022).

ЕВСЕЕВ Иван Валентинович

доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного экономического университета

К ВОПРОСУ ПОЯВЛЕНИЯ ТЕРМИНА «МИЛИЦИЯ» В ОБЩЕСТВЕ, НА УРАЛЕ, В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В настоящей статье авторы пытаются в историческом диапазоне рассмотреть вопрос, почему Советская власть, в лице местных Советов, при упразднении прежних органов власти вместо полиции для обозначения новых органов обеспечения правопорядка использовала термин «милиция». Милиция – это нерегулярные отряды вооруженных граждан, ополчение (напр., в России конца XIX – начала XX в. иррегулярные войска, предназначенные для несения полицейской и конвойной службы на территории собственного проживания и обеспечения правопорядка на дорогах и поселениях волости).

Надо отметить, что термин милиция не был новым в словестном обороте жителей уральских слобод и волостей. Еще с XVIII века на окраинах Российского государства для защиты своих поселений и обеспечения правопорядка жители избирали сторожей, десятских и членов милицейских кордонов из числа проживающих в поселении обывателей. Так обеспечивалась легитимность и поддержка этих представителей. Они были родственниками и друзьями, к которым можно было обратиться за помощью.

В 1917 году власть вновь использовала милицейские дружины для обеспечения порядка в поселках и уездах Российских губерний. Милицейские дружины вновь стали формироваться на выборной основе в поселениях и заводских поселках. Это было своего рода участием населения в управлении государством.

Ключевые слова: выборные должности, милиция, полиция, волость, Советская власть.

EVSEEV Ivan Valentinovich

associate professor of Entrepreneurial law sub-faculty of the Ural State University of Economics

ON THE QUESTION OF THE APPEARANCE OF THE TERM “MILITIA” IN SOCIETY, IN THE URALS, IN THE XVIII- EARLY XX CENTURIES

In this article, the authors try to consider in a historical range the question why the Soviet government, represented by local Councils, used the term “militia” instead of the police to designate new law enforcement agencies when abolishing the former authorities. Militia are irregular detachments of armed citizens, militia (for example, in Russia of the late XIX – early XX century irregular troops designed to carry out police and convoy service on the territory of their own residence and to ensure law and order on the roads and settlements of the parish).

It should be noted that the term militia was not new in the verbal turnover of residents of Ural settlements and volosts. Since the XVIII century, on the outskirts of the Russian state, to protect their settlements and ensure law and order, residents have elected watchmen, desyatsky and members of police cordons from among the inhabitants living in the settlement. Thus, the legitimacy and support of these representatives was ensured. They were their relatives and friends to whom they could turn for help.

In 1917, the authorities again used militia squads to ensure order in the villages and counties of the Russian provinces. Militia squads again began to be formed on an elective basis in settlements and factory settlements. It was, in a way, the participation of the population in the governance of the state.

Keywords: elected positions, militia, police, parish, Soviet power.

В настоящий момент в обществе не утихают споры, о переименовании Советской милиции, к которому привыкли представители старшего поколения, на новый термин – полиция. Споры возникают по сути вопроса, что раньше появилось, и почему Советская власть на заре своей государственности обратилось к термину «милиция», чтобы обозначить новый вид правоохранительных органов.

В настоящей статье мы попытаемся объяснить на примерах архивных документов, почему Советская власть обратилась к термину «милиция» при обозначении новых органов правопорядка.

Надо отметить, что вопросами истории Советской милиции были посвящены работы разных авторов, таких как: Р.С. Мулдаева [15], Ю.С. Кобзов [8], Петров А.В. [13], Абрамовский А.А. [1, с. 156-163] и многие другие исследователи. Надо так же отметить, что к этому вопросу мы обращались неоднократно в своих исследованиях правоохранительных органов [1]. Как правило, исследователи раскрывают вопросы исторического развития определенных органов в определенном регионе или территории.

В настоящей статье мы постараемся объяснить причину использования термина «милиция» представителями Советской власти для обозначения новых правоохранительных органов.

Милиция – это нерегулярные отряды вооруженных граждан, ополчение (напр., в России конца XIX – начала XX в. иррегулярные войска, предназначенные для несения полицейской и конвойной службы на территории собственного проживания. С 1709 года в различных документах упоминается ландмилиция в России. В 1713 году поселённые полки на засечных линиях реорганизованы, и называются впредь ландмилицией (земской милицией, милицией), пример: Украинский корпус, Закамская ландмилиция, и так далее [27].

Но самым древним термином, который появился на Руси, может считаться «Милиция». В Московском государстве он использовался еще со времен Новгородской республики. Свое новое звучание термин «милиция» получил в XVIII века, когда его стали присваивать поселенным войскам на линиях обеспечения, т. е. на границах Московского государства. Впервые термин «милиция», или территориаль-

ная милиция («ландмилиция»), был использован Петром I в 1709 г. для обозначения воинских подразделений, сформированных из местного населения для обороны южных рубежей государства. В 1713 г. ландмилиция была упорядочена и реорганизована для более эффективной защиты от набегов степняков. Из ландмилиции был организован лейб-гвардейский Измайловский полк. С 16 января 1769 г. все ландмилицкие полки предписано именовать полевыми, притом конные – драгунскими, пеший – пехотным (но название по пригородам им оставили [26, с. 16-17].

Закамская ландмилиция учреждена императрицей Анной Иоановной в 1736 г. для защиты от казахов и башкир Оренбургского края. Она существовала до 1796 г., Сибирская ландмилиция на южной границе Сибири существовала в 1761-1771 гг., Смоленская ландмилиция – с 1765 до 1775 гг. [25, с. 142.]. Ландмилиция также называлась «земской милицией», или просто «милицией». Ландмилицкие полки в соответствии с некоторыми документами относились к регулярной армии, затем их стали относить к местным войскам.

К примеру, в 1751 г. в момент покупки Иваном Мосоловым земель вдоль реки Уфалейка для строительства нового железоделательного завода обсуждался вопрос охраны и обороны завода от башкирцев и степняков. И было принято решение: в связи с отсутствием войск оформить вблизи завода три заставы ландмилиции. Предлагалось сформировать эти подразделения из семей «рудознатцев», которые должны были искать руду для завода и одновременно вести наблюдение за территорией и тем самым охранять ее от нападения. Так же на дорожных трактах и высоких горах учреждались посты из выборных с оружием и приспособлениями для сигнализации. Примерно так оформились первые милицейские подразделения из числа вольных работников на Урале.

Получилось, что на Урале в одно и то же время существовали подразделения как полиции, так и милиции. Это было обусловлено особенностями цивилизационного развития региона. На Урале в XVIII–XIX веках существовала так называемая «горнозаводская цивилизация». Тут не действовали гражданские власти, потому что Горнозаводские поселения Урала были полностью военизированы. За провинности заводской народ судили военным судом, горные инженеры имели офицерские звания, жизнь в поселках регламентировалась горным уставом и т.д.

В начале XVIII века на Урале началось новое заводское строительство. Уральские леса прочесывали рудознатцы от казны и предприимчивых заводчиков. От прежних погостов, острогов, деревень, почтовых и ям они разведывали новые дороги и места для новых заводов вблизи рек и предполагаемых рудников. Позже к этим местам отправлялись приписанные крестьяне или колодники, а также военные для поддержания порядка. Все перечисленные категории образовывали новое сообщество без родственных связей и традиций. Отсутствие легитимных выборных представителей наталкивало строителей на мысль об устройстве жизни в новом пункте по военному образцу, и с этой целью старались включить выборные органы. Такое устройство могло решить проблему управляемости, поддержания порядка и обороны. Так, в своих замечаниях о Сибири А. М. Корнилов пишет: «Молодых и здоровых из числа ссыльных обращали в милицейское войско, чтобы они служили там, где это необходимо, тем самым обращали в военных, каторжных, приписных и выходцев из других категорий населения, живущих по военному уставу для обеспечения порядка» [24].

Получалось, что поселения при заводах и рудниках, пристанях жили по Горному уставу, а управляли ими горные офицеры, как правило, выходцы из других территорий и у которых еще не было родственных и иных связей во вновь образовавшемся обществе. Чтобы как-то удержать трудовой люд в подчинении, представители власти прибегали к силе военных и в силу этого организовывали быт новой общины по военному образцу. И это приводило к тому, что вся жизнь на заводах напоминала уставной распорядок. И именно военные первыми стали выполнять полицейские функции при заводах Горного правления, не взирая на сложившиеся традиции и порядки. Центральная власть это поощряла. Так, именно император прямо указывал, что надо делать в полицейской части на заводах. Это известно со слов самого В. де Геннина, что незадолго до отъезда на Урал император устно поручил ему «все худые порядки, которые к заводам противны, исправить и изследовать» и «особливо послать ко обретающемуся на оных заводах управителем указы, чтоб они... были во исправлении дел заводов и при розыске виновных послушны» [3].

Для выполнения наказа государя исправных людей не хватало, и поэтому на Урале в XVIII веке вернулись к опыту Московской Руси. Вблизи от заводов для предотвращения нападения местных башкирцев и ногайцев выставлялись милицейские кордоны. Это были свободные люди, несшие караульную службу на заимках у проезжих дорог и мостов. Так, вблизи Уфалейского завода на трех заимках рядом с печами для выделки угля были организованы три милицейских поста. Один – на старой Иткульской дороге, вблизи «Большого камня», другой – на старом Сибирском тракте у горы Теплой, а третий – в верховьях реки Суховяз для охраны прииска по добыче золота. За выполнение охранной функции им выделялись деньги от горного правления Уральских и Сибирских заводов, а от местной власти выделялись лучшие покосные угодья для личного хозяйства и казенных лошадей из заводских караванов с железом или золотом. Покосные угодья были необходимостью в лесной местности. Так, в разговорном языке уфалейцев появился топоним «милицейские степи». В настоящее время на севере Верхнеуфалейского округа лежат «милицейские степи». Этот топоним появился еще в XVIII веке и существует по настоящее время [4, с. 56.].

На юго-востоке, на границах Уфалейского округа находятся «Казачьи болота». Данное место было отведено казакам Уйской крепостной линии местным правлением для охоты. Крепостная линия заканчивалась у заводских земель горного правления. Администрация заводов иногда приглашала казаков для наведения порядка на заводах. В силу этого обстоятельства заводские недолюбливали казаков. Во избежание хозяйственных столкновений на охоте на покосных угодьях между казаками и мастеровым людом местных заводов местная власть заводского правления разделила земли тех и других территориально.

На юге округа, где когда-то проходила старая Казанская дорога, есть источник, по размерам маленький, но с чистой и студеной водой. В начале прошлого века в народе данный источник, из которого вытекает речка, называли «Ключик исправника» [2].

Старожилы рассказывали, что, когда исправник Екатеринбургского уезда выезжал на Уфалейские заводы, любил останавливаться у ручья для отдыха и приема пищи. Позднее у этого места было организовано целое поселение, описанное как генеральский прииск, а речку стали называть Генералка в честь организатора Уральского горного правления

Уральских и Сибирских заводов. Этим организатором был генерал-майор В. де Геннин, но стоит отметить, что сам В. де Геннин на ключике не был, однако в мировосприятии живущих людей любой приезжий в мундире воспринимался не иначе как генерал. Поэтому и народная молва закрепляла такое событие в пересказах и сказаниях [4, с. 34].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что на территории Урала в момент строительства заводов и последующего развития из народной среды формировалась милиция из народа для защиты своих домов и мирной жизни. Как указывалось в различных семейных архивах, это были свои, которые были иногда родственниками, друзьями многих представителей поселка или слободы, волости. И это отличие милиции от полиции у народа формировалось веками, годами и десятилетиями, что в свою очередь побудило большевиков, захвативших власть в 1917 году, обратиться к понятному среди народа термину – «милиция».

Временное правительство издало 6 марта 1917 г. постановление о расформировании прежних органов правопорядка: корпуса жандармов, департамента полиции. Была провозглашена замена полиции народной милицией, которая переходила в ведение органов местного самоуправления [15, с. 63]. Необходимо отметить что создание милицейских отрядов горнозаводской местности было уже явлением обыденным. Еще в народе остались воспоминания о милицейских кордонах на трактах и заимках по периметру заводского округа для обеспечения безопасности.

Характерной особенностью подобных вооруженных формирований, создававшихся Советами, было отсутствие в них полноценного штата постоянных профессиональных работников. Эти формирования соединяли в себе как функции охраны общественного порядка, так и военные функции. Рабочая милиция рассматривалась как общественная самостоятельная вооруженная массовая организация, осуществляющая охрану общественного порядка [15, с. 63].

Правовую основу применения термина милиция дало постановление правительства Советской Республики от 28 октября 1917 г. «О рабочей милиции» [23]. В постановлении не было четких указаний о проведении преобразований в виде конкретных форм и формирований. Указывались лишь векторные направления развития. Это объяснялось, прежде всего тем, что авторы постановления руководствовались программным положением о замене полиции всеобщим вооружением народа, который сможет навести порядок и поддержать его на своей территории. Основной организационно-политической формой реализации этого положения были Советы - массовые организации трудящихся, которые осуществляли государственную власть. Данное постановление не обозначило правового положения милиции, ее место в системе государственных органов, однако оно предписывало создать рабочую милицию как орган, отличный от военной и гражданской власти и от прежней буржуазной милиции [14, с. 140-146].

Правовые основы организации и деятельности милиции определялись в постановлении Временного правительства «Об улучшении милиции» и во «Временном положении о милиции», утвержденных 17 апреля 1917 г. [22]. Милиция представляла собой исполнительный орган государственной власти.

Но при этом на местах (за исключением городов) она подчинялась уездному земству. Уездное земское собрание решало, сколько необходимо иметь участков и милиционеров в уезде и в каждом населенном пункте, сколько средств

отпускать на их содержание. Должность начальника милиции замещалась одним из членов уездной управы.

Екатеринбургское уездное земство указывало, что в милицию нужно привлекать людей настойчивых, непримиримых к недостаткам, а для борьбы с наиболее тяжкими преступлениями – людей опытных, абсолютно надежных и беспристрастных [21, с. 8].

В первые месяцы существования советской власти городах Урала и Западной Сибири революционный порядок поддерживался путем введения милицейской и красногвардейской повинности [20, с. 12].

Важным свидетельством создания Советами рабочих и крестьянских депутатов вооруженных формирований трудящихся является анкета, разосланная весной 1918 года НКВД в губернские и уездные Советы. Одним из вопросов анкеты был вопрос: «Вводится ли всеобщее вооружение народа» [19, с. 30].

Следует обратить внимание на то, что среди вооруженных формирований трудящихся, несших охрану общественного порядка на Урале и в Западной Сибири значительное место имели отряды Красной гвардии. Она оказывала существенную поддержку в деле защиты Советской власти. Поэтому при формировании Красной гвардии в регионе за основу принимался классовый подход и приоритет безусловно отдавался рабочим. Так, в постановлении Комитета РСДРП(б) Верхне-Уфалейского волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии «Об организации Красной гвардии» от 7 января 1918 года и постановлении общего собрания членов РСДРП(б) Верхне-Уфалейского завода «Об организации Красной гвардии» от 11 января 1918 года прямо предлагалось профессиональным союзам (фактически на них возлагалась функция подбора отвечающих жестким требованиям кадров и их вооружения) взяться за организацию Красной гвардии [12, с. 250-251] на местах. Организатор первых красногвардейских отрядов в Верхнем Уфалее И.П. Фокин, комиссар И.А. Палкин, Я.С. Шахмотов (представитель ЧКА) стали организатором и первых отрядов милиции Верхнеуфалейской волости [13, с. 93].

Для формирования отрядов вернулись к старому обычаю выборов представителя от общества. Как во времена организации поселения на Урале Советская власть обратилась к выборам обывателей для службы в милиции. Милицейские дружины формировались по профессиональному профилю или от поселения. В волостных поселениях при заводах с населением до десяти тысяч человек она устанавливалась из расчета на каждые 500 проживающего взрослого населения отнесенных к категории рабочих или крестьян избирался один дружинник, а с населением более тысячи проживающих взрослого населения — на каждую тысячу один дружинник. При этом как в давние времена милицейская дружина должна была содержаться за счет казны от поселкового общества [10, с. 104].

Подводя итог, нашим размышлениям и сопоставляя, исследуемые материалы, мы можем с уверенностью сказать, что новая власть в лице Советов в начале XX века при сломе старого буржуазного аппарата управления была вынуждена вернуться к прежним обычаям поддержания порядка, которые исторически возникли в давние времена и по своей сути были народными. Так, уездная и волостная полиция при упразднении на местах заменялась выборными милицейскими дружинами, сформированными на выборной основе из числа местных обывателей. Сами дружины, для придания им легитимности от народа, формировались на выборной

основе, что уже прижилось в поселковых обществах с момента их возникновения этих поселений в XVIII века. Это подтверждают статистические данные местных архивов об организации милицейских дружин [7, с. 76-78]. Советская власть для укрепления своего авторитета использовала органы и понятия, которые были на слуху у населения и не были революционными в понимании применяемой терминологии.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамовский А.А. В борьбе с преступностью... (Правоохранительные органы Урала в первый год советской власти). - Челябинск: ГОУ ВПО ЧЮИ МВД России, 2008. - 176 с.
2. Евсеев И.В. Социально-правовые проблемы введения новых выборных должностей на муниципальном уровне // Историческая наука и историческое образование в условиях глобальных трансформаций. Материалы XXV всероссийских с международным участием историко-педагогических чтений. - Екатеринбург, 2021. - С. 173-181.
3. Евсеев И.В. Правовые институты общественного управления XVII-XX вв. в реалиях современного применения. // Организационно-правовые основы экономической безопасности субъектов хозяйствования в условиях новых вызовов внешней среды: проблемы и пути их решения. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Н.В. Мальцева. - Екатеринбург, 2021. - С. 83-93.
4. Евсеев Т.И., Евсеев И.В. Топонимика Верхнеуфалейского округа в интерпретации исследователей и жителей города. - Екатеринбург: Пиджаков А. В., 2016. - 70 с.
5. Евсеев И.В. Полиция и общество Урала. 300 лет взаимодействия / [И. В. Евсеев, Т. И. Евсеев, С. В. Служкин, А. Р. Алексеева. - Екатеринбург: Пиджаков А. В., 2018. - 219 с.
6. 06 Мая 1798 г. Расписание для учреждаемой в Екатеринбурге полиции, принятое городской думой. Государственный архив Свердловской области. (ГАСО) ГАСО. Ф. 8, Оп. 1, Д. 77, Л. 11.
7. Доклад начальника уездной милиции Верхнеуральского – Троицкой земской управе. Государственный архив Оренбургской области ГАОО.Ф.11, Оп.1, Д. 8, Л76-78.
8. Кобзов Ю.С., Коваль И.И., Кузнецов В.А., Вестник Челябинского государственного университета. - 2019. - № 2 (424). - Философские науки. Вып. 51. - С. 108-113.
9. Косицын А.П., Мулукаев Р.С., Биленко С.В. и др. Советская милиция: история и современность, 1917-1987 / Под ред. А. В. Власова. - М.: Юрид. лит., 1987. - 456 с.
10. Государственный архив Пермского края (ГАПК) ФР. 59, Оп. 1, Д. 12 Л. 104.
11. Бельдина О.Г. Большие данные: основные направления правового регулирования // Сборник статей по итогам III Новосибирского международного юридического форума. В 2-х частях. - Новосибирск, 2021. - С. 354-359; Борьба за Советскую власть на Южном Урале. (1917-1918 гг.): Сборник документов и материалов / [Редколлегия: П. Г. Агарышев и др.]. - Челябинск: Кн. изд-во, 1957. - 484 с.
12. Объединенный государственный архив Челябинской области ОГАЧО. Ф. 1249, Оп. 1, Д2.
13. Петров А.В. Проблемы организации Советской милиции на Урале и в Западной Сибири в 1917-1918 гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. - Серия: Право 206. № 13. - С. 140-146.
14. Мулукаев Р.С., Малыгин А.А. Советская милиция: этапы развития / Под ред. А. П. Косицына. - М.: Б. и., 1985. - 148 с.
15. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив Златоустовского городского округа» (АЗГО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 4, Л. 2.
16. Корнилов А.М. Замечания о Сибири / сенатора Карнилова. - Санкт-Петербург: печатано в тип. Карла Крайя, 1828. - 104 с.
17. Михельсон А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. - М., 1865. - 361 с.
18. ГА РФ, Ф. 393, Оп. 3, Д. 7. Л. 30.
19. Биленко С.В. Советская милиция России: Организация сов. рабоче-крестьян. милиции РСФСР и ее деятельность по охране рев. порядка (1917-1920 гг.; Акад. МВД СССР. - М.: Акад. МВД СССР, 1976. - 96 с.
20. Государственный архив Пермской края (ГАПК). Ф. 44. Оп. 1, Д.8, ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 7.
21. Постановление НКВД и НКЮ об организации советской рабоче-крестьянской милиции (инструкция). 13.10.1918 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13721> (01.08.2022).
22. «О рабочей милиции». Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг.» № 1. от 1 декабря 1917 г. Отдел первый. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://istmat.org/node/27762> (20.03.202).
23. Корнилов, А. М. Замечания о Сибири / [соч.] сенатора Карнилова. - Санкт-Петербург: Печатано в тип. Карла Крайя, 1828. - 104 с.
24. Указ от 31. 08. 1771 г. Собрание (1649-1825): Том 42, - С. 142.
25. Указ от 16. 01. 1769 г., ПСЗ. - Т. 18. - № 13230; Военный сборник. - 1874. - № 5. - С. 16-17.
26. Михельсон А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. - М., 1865. - С. 200.
27. Бурлака С.Н. Государственно-частное партнерство как форма социально ориентированного инвестирования // В сборнике: Финансовые и правовые аспекты социально ориентированного инвестирования. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. - Екатеринбург, 2021. - С. 20-24.

ГАЗИЗОВА Лейсан Махмутовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета

СОВЕТСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В КАЧЕСТВЕ СУБЪЕКТА СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются некоторые историко-правовые факторы становления советского федерализма. На этой основе анализируются обстоятельства формирования Башкортостана как автономного субъекта советского федеративного государства. Исследование вопросов советского федерализма и особенностей становления Республики Башкортостан в качестве субъекта советской федерации с историко-теоретических позиций актуализируется на современном этапе государственно-правового развития России. Анализ теоретических проблем позволяет установить научные основы предмета правового регулирования в субъектах федерации.

Ключевые слова: правовое регулирование на уровне субъекта федеративного государства, Советская Российская Республика, автономные образования, конституция, автономная республика.

GAZIZOVA Leisan Makhmutovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University

SOVIET FEDERALISM AND SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AS A SUBJECT OF THE SOVIET FEDERATION

The article examines some historical and legal factors of the formation of Soviet federalism. On this basis, the circumstances of the formation of Bashkortostan as an autonomous subject of the Soviet federal state are analyzed. The study of the issues of Soviet federalism and the peculiarities of the formation of the Republic of Bashkortostan as a subject of the Soviet Federation from historical and theoretical positions is actualized at the present stage of the state and legal development of Russia. The analysis of theoretical problems makes it possible to establish the scientific foundations of the subject of legal regulation in the subjects of the federation.

Keywords: legal regulation at the level of a subject of a federal state, Soviet Russian Republic, autonomous entities, constitution, autonomous republic.

Газизова Л. М.

Становление правового регулирования на уровне субъекта федеративного государства связано с их образованием в качестве национально-государственных членов федерации. Исследователи российского федерализма создание основ федеративной государственности относят к 1918-1936 годам. Вместе с тем некоторые ученые при изучении природы российского государства еще в начале XX столетия выделяли такие элементы федеративности, как автономия и самоуправление, основанные на некотором соглашении [1, с. 138]. Федерализм в России объясняется ее многонациональным составом населения, а также большой территорией страны, которая нуждается в эффективном распределении властных управленческих полномочий, включая нормотворческие.

В первую очередь в качестве средства решения национального вопроса выступало провозглашение в 1917 г. Российского федеративного государства. Российская государственность, ослабившись после революций, первой мировой войны, начала утрачивать свои унитарные позиции. Сепаратистские тенденции усиливались многонациональностью Российской империи, ростом национально-освободительных движений, провозглашением советской властью права народов на свободное самоопределение. 4 декабря 1917 г. Украинская Советская Республика и 18 декабря 1917 г. Финляндия объявили свою независимость. В январе 1918 г. III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и красноармейских депутатов объявил Российской Советскую Республику федерацией, в результате чего была принята резолюция «О федеральных учреждениях Российской Республики», в пункте первом которой говорилось: «Российская Социалистическая Советская республика учреждается на основе добровольного союза народов России, как Федерация советских республик этих народов. Центральная Советская власть обязана следить за соблюдением основ Федерации и представляет Российской Федерации Советов в целом. На центральную власть возлагается также проведение мероприятий, осуществляемых лишь в общегосударственном масштабе, причем, однако, не должны быть нарушаемы права отдельных, вступивших в федерацию областей» [2, с. 15].

Как федерация советских национальных республик Советская Российская Республика учреждалась на основе свободного союза свободных наций Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая вошла составной частью в Конституцию РСФСР 1918 года [3].

Формирование автономных образований носило как национальный, так и территориальный характер. Таким образом, можно определить, что этнический подход породил декларацию о приоритетном учете интересов титульной нации при определении вопроса о форме, создаваемой на территории ее проживания национально-государственного (или национально-территориального) образования [4, с. 135].

В феврале-мае 1918 г. появились первые автономные республики в составе России, еще не имевшие всех признаков сформировавшегося статуса субъектов федерации. Процесс государственного строительства автономных областей, автономных республик и других автономий складывался постепенно [5, с. 99]. Все республики обладали возможностью осуществлять правовое регулирование, имели свою конституцию, которая закрепляла ее права как суверенного субъекта федерации. Федеральные органы не участвовали в утверждении Конституции республики, ее принимала сама республика, в чем выражается статус республики как субъекта федерации. Законодательской компетенцией не обладали остальные территории РСФСР, которые в различное время именовались как губернии, области, уезды, края, волости, национальные округа и автономные области.

В контексте этого вопроса ученые разделили понятие автономии на законодательную (политическую) и административную [6, с. 337]. Соответственно, к законодательной автономии относились автономные республики, к административной причислялись автономные области и национальные округа, обладавшие только правом управления. С этим не соглашался Б.В. Щетинин и отстаивал тезис о том, что право издания подзаконных нормативных актов имеют автономные области и национальные округа, при этом способные осуществить не только функцию управления, но и правотворчества [7, с. 108]. Ведь, неслучайно в названии административной автономии

есть слово «административная», что позволяет сделать вывод о том, что издание подзаконных актов является более характерным не для субъектов федерации, а для административно-территориальных единиц. Ученые выделяют следующие признаки законодательства, официального наименования и собственных государственных символов [8, с. 13]. Следует отметить, что не всегда некоторыми исследователями четко выделяется система законодательства субъектов федерации.

Конституции автономных республик по Конституции РСФСР (1925 г.) должны были предварительно утверждаться ВЦИК, а уже окончательно Всероссийским съездом Советов. Советские исследователи государства отмечали, что утверждение конституции АССР не ограничивает официально провозглашенный суверенитет автономной республики, а является актом признания.

Также необходимо отметить, что до 1937 года ни одна из Конституций автономных республик не была утверждена указанными органами власти РСФСР. Что же касается других союзных республик СССР (УССР, БССР, ЗСФСР), то только в Украине был утвержден основной закон Молдавской АССР [9, с. 191].

Возникает вопрос: почему не были утверждены конституции автономных республик в РСФСР? Исследователи данной проблемы выделяют следующие причины. Во-первых, в некоторых республиках к созданию проектов конституций не приступали (Хорезмская и Бухарская народные советские республики). Во-вторых, ряд АССР были преобразованы в союзные республики (Туркестанская АССР). В-третьих, руководители ряда АССР стремились превратить автономную республику в союзную республику (БАССР, ТАССР).

Рассмотрим более пристально третью причину на примере БАССР. Конституция Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики была утверждена 27 марта 1925 года V Всебашкирским съездом Советом [10, с. 814]. Далее эта Конституция БАССР должна была, утверждена ВЦИК, после чего вносится на окончательное утверждение Всероссийским съездом Советов [11, с. 256].

Поэтому 5 октября 1925 года Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление о создании комиссии из представителей ЦИКов автономных республик во главе с членом ВЦИК. Комиссия приступила к работе в начале 1926 года при отделе национальностей ВЦИК. Но нужно обратить внимание на то, что Конституция РСФСР 1925 года была принята 11 мая 1925 года (спустя почти два месяца после утверждения Конституции БАССР), а конституции в других автономных республиках РСФСР были разработаны значительно позже (например основной Закон Татарской АССР был принят VI Всетатарским съездом Советов 13 марта 1926 года) Поэтому для рассмотрения Конституции БАССР ВЦИК выделил из комиссии подкомиссию по Башкирской АССР).

Подкомиссия ВЦИК завершила изучение Конституции в апреле 1926, и предложила:

- исключить статьи 1-19, 21, 32, 52, 60, 66 по разным мотивам. (например, статьи 1-19, как повторяющиеся ряд статей Конституции РСФСР 1918 года (то есть не действующей конституции);
- внести дополнения, изложения и редакционные исправления к 49-й статьям.

Например, ст. 30-ю проекта изложить в следующей редакции: «Съезду Советов и ВЦИК БАССР принадлежат право издания общих амнистий и право частной амнистии в соответствии со специальным на этот предмет законодательством Союза СССР и РСФСР».

- ввести 7 новых статей (пример: ст. 59 «Народные комиссии БАССР: финансов, труда, рабоче-крестьянской инспекции, торговли, Центральный совет народного хозяйства» являются органами одноименных наркоматов РСФСР»);
- принять 20 новых статей без изменений [10, с. 817-864].

Таким образом, подкомиссия, указав на ряд изъянов проекта конституции, наметила направления и способы ее совершенствования.

Следующий этап - доработка проекта и его утверждения ВЦИК и Всероссийским съездом Советов. Для предварительного рассмотрения проектов конституций автономных социалистических республик РСФСР в марте 1926 года была образована по постановлению Президиума специальная комиссия. Она должна была вносить проекты конституций на утверждение во ВЦИК и на Всероссийский Съезд Советов. Однако соз-

дание конституций в ряде автономных республик затянулось, и комиссия 17 августа 1926 года приняла решение об отсрочке рассмотрения проектов конституций автономных республик. В последствии работа комиссии не возобновлялась и проекты конституций автономных республик не были направлены во ВЦИК для их утверждения.

Но почему же процесс утверждения проекта Конституции БАССР был прерван, хотя основной Закон был разработан на год раньше, чем в других АССР? на наш взгляд, основной причиной не утверждения ВЦИКом Конституции БАССР 1925 года явилось стремление ее авторов преобразовать Башкирскую автономную республику в Башкирскую союзную республику. Ведь примером налицо: в сентябре 1924 года создается Туркменская Советская Социалистическая Республика (бывшая Туркестанская АССР в составе РСФСР).

Весьма показателен тот факт, что в проекте Конституции БАССР название «Башкирская Социалистическая Советская Республика» целенаправленно и сознательно используется в противовес названию «Башкирская Автономная Социалистическая Советская Республика». Доказательством служит то, что понятие БССР в проекте основного закона употребляется 93 раза, а понятие БАССР - всего 6 раз (в самом названии документа и еще только в 4-х статьях) [10, с. 827].

Это стремление заметила и подкомиссия ВЦИК. Поэтому и была внесена следующая поправка в текст проекта: «В ст. 21-й проекта после слова - «Башкирская» включить слово «Автономная». Эту поправку внести в текст всех статей проекта, в которых встречается наименование Башкирской республики» [10, с. 817-864].

Желание преобразовать автономную республику в союзную республику было характерно не только для Башкирской АССР, но и для других автономных республик РСФСР. Например, в проекте Конституции Автономной Татарской Социалистической Советской Республики термин «автономная» упоминается четыре раза: в самом названии этого документа и в трех статьях. А в тексте проекта основного закона ТАССР (по объему она больше, чем проект Конституции БАССР, ибо состоит из пяти разделов, восьми глав и трех статей) превалирует термин «Татарская Социалистическая Советская Республика» [12].

После прекращения работы специальной комиссии ВЦИК 17 августа 1926 года на некоторое время приглушилось распространение о пересмотре статуса ряда автономных республик, преобразовав их в союзные республики. Но данная проблема, вскоре вновь проявилась, вызвав гораздо больший к себе интерес, чем в 1925-1926 годы.

Пристатейный библиографический список

1. Ященко А. С. Русский федерализм. Федерализм. - 1996. - № 1.
2. Азнагулов В. Г. Оптимизация федеративных и региональных отношений. Опыт Башкортостана. - Уфа, 2005.
3. СУ РСФСР. - 1917. - № 2. - Ст. 18.
4. Порфирьев А. И. Национальный суверенитет в правовой природе российского федерализма: Монография. - М.: ООО «Книгодел», 2009.
5. Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. - Изд. 2-е, перераб. - М.: ИКД «ЗЕРЦАЛО-М», 2003.
6. Левин И. Д. Суверенитет. - М., 1948.
7. Щетинин Б. В. Курс советского государственного права. Курс лекций. Высшая школа. - М., 1971.
8. Борисова М. М. Концепция правового статуса субъекта Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саранск, 2005.
9. Чистяков О. И. История отечественного государства и права. Ч. 2. Учебник / Под ред. О. И. Чистякова. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрист, 2004.
10. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики - сборник документов и материалов / Под ред. Б. Х. Юлдашбаева. - Уфа: Башкирское книжное из-во, 1959.
11. Хрестоматия по истории отечественного государства и права, 1917-1991 гг. / Под ред.: Чистяков О. И. - М.: Зерцало, 1997.
12. Конституция Автономной Татарской Социалистической Советской Республики. - Казань: Главлит ТАССР, 1926.

ПЕРФИЛЬЕВА Ирина Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Забайкальского института железнодорожного транспорта Иркутского государственного университета путей сообщения

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ В ГОРОДАХ ЗАБАЙКАЛЬЯ В 1920-Х ГОДАХ

В статье рассматривается процесс создания городских советов в Забайкалье в 1920-х годах. Анализируется структура горсоветов, задачи, формы и содержание их деятельности. Отмечаются особенности формирования местных органов власти, обусловленные демографическими и экономическими факторами. Особое внимание автором уделено массовой работе горсоветов, раскрываются задачи, содержание и эффективность работы секций и комиссий. В статье последовательно отражен процесс формирования нормативной базы деятельности местных органов власти.

Ключевые слова: городской совет, управление, местные органы, Забайкалье, постановление, бюджет, отдел, секции, выборы, президиум, заседание.

PERFILJEVA Irina Anatoljevna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Humanitarian sciences sub-faculty of the Trans-Baikal Institute of Railway Transport of the Irkutsk State University of Railways

STATE POWER AND MANAGEMENT IN THE CITIES OF TRANSBAIKALIA IN THE 1920S

The article discusses the process of creating city councils in Transbaikalia in the 1920s. The structure of city councils, tasks, forms and content of their activities are analyzed. The peculiarities of the formation of local authorities due to demographic and economic factors are noted. The author pays special attention to the mass work of city councils, reveals the tasks, content and effectiveness of the work of sections and commissions. The article consistently reflects the process of formation of the legislative base for the activities of local authorities.

Keywords: city council, administration, local authorities, Transbaikalia, resolution, budget, department, sections, elections, presidium, meeting.

Органы местной власти являются важным элементом системы управления на любом этапе развития государства. Именно органы местного самоуправления обеспечивают непосредственное взаимодействие власти и населения, решают различные бытовые, социальные, культурные вопросы конкретного города или поселка. В советский период развития государственности местный аппарат управления подвергался неоднократным изменениям. Особенно сложным и противоречивым был начальный этап создания местных органов власти, которые, несмотря на отсутствие опыта и профессиональных кадров, должны были обеспечить руководство подведомственными им территориями.

В Забайкалье создание советского аппарата власти и управления началось с ноября 1922 года, так как в период с 1920 по 1922 г. на территории Забайкалья и Дальнего Востока существовала Дальневосточная республика. В ДВР управления городами осуществляли городские собрания уполномоченных. С ноября 1922 г. после ликвидации ДВР и вхождения Забайкалья и Дальнего Востока в состав РСФСР началась реорганизация местных органов власти и управления [9, с. 208]. В период с ноября 1922 г. по март 1923 г. была создана система революционных комитетов - временных чрезвычайных органов - которые впоследствии заменялись советами.

В Забайкалье и на Дальнем Востоке первыми были созданы городские советы, а затем уже были проведены выборы в остальные советы. «Положение о Советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа» предусматривало организацию городских советов в городах с населением более 10 тысяч жителей¹. Ввиду низкой численности населения в Забайкалье в апреле 1923 г. были созданы горсоветы только в двух городах - г. Чите и г. Верхнеудинске.

В результате районирования Дальневосточная область в 1926 г. была преобразована в Дальневосточный край, раз-

деленный на 9 округов, из них два округа - Читинский и Сретенский - на территории Забайкальской губернии [8, с. 3]. Высшими органами власти в округах и районах являлись съезды советов, а в период между съездами - исполкомы и их президиумы. Завершение экономического районирования, в результате чего были упразднены уездные и волостные органы, привело к расширению задач городских советов, к изменению форм и содержания их деятельности. В соответствии с Положением ВЦИК от 1925 г. городские советы стали создаваться во всех городах². На основании этого положения в Забайкалье были созданы горсоветы в Нерчинске, Сретенске и Петровском Заводе [3]. Из состава членов горсовета избирались президиумы, включавшие от 7 до 9 человек. В Читинском горсовете был создан также и малый президиум, организация которого была вызвана большим количеством вопросов, поступающих на рассмотрение президиума горсовета.

По Положению 1925 г. горсоветы являлись высшей властью в пределах своей территории, им предоставлялось право решать вопросы благоустройства городов. Положение предусматривало передачу в ведение горсоветов важнейших объектов коммунального хозяйства, городского транспорта. Важное значение имел декрет ВЦИК «О коммунальных предприятиях и сооружениях, подлежащих ведению отделов коммунального хозяйства местных исполнительных комитетов (городских Советов)»³. Декрет расширял права городских советов в области руководства коммунальным хозяйством и промышленностью. Но на практике горсоветы Забайкалья не могли эффективно руководить вследствие отсутствия бюджетной самостоятельности. Так, из всех горсоветов Чи-

1 Положение о Советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа, утв. Постановлением ВЦИК от 26.01.1922 г. // СУ РСФСР. - 1922. - № 10. - Ст. 90.

2 Положение о городских советах, утв. Постановлением ВЦИК от 24.10.1925 г. // СУ РСФСР. - 1925. - № 91. - Ст. 661-662.

3 О коммунальных предприятиях и сооружениях, подлежащих ведению отделов коммунального хозяйства местных исполнительных комитетов (городских Советов), утв. Постановлением ВЦИК от 2.08.1926 г. // СУ РСФСР. - 1926. - № 50. - Ст. 384.

тинского округа свой бюджет на 1.10.1926 г. имели только Читинский и Петровско-Забайкальский горсоветы.

В 1927/28 гг. было принято ряд постановлений, которые предусматривали обязательное введение в городах самостоятельных городских бюджетов и закрепление за ними предприятий, земель и строений, находящихся в пределах городской черты [6, с. 128]. Таким образом, были расширены полномочия горсоветов, которые стали охватывать все отрасли городского хозяйства и управления, а также социально-культурную и административно-правовую области. Особенно были расширены права горсоветов в сфере руководства местной промышленностью и коммунальным хозяйством. При этом к партийным органам перешло руководство деятельностью горсоветов.

Однако в Забайкалье проведение в жизнь вышеуказанных положений, особенно в части передачи предприятий и выделения городских бюджетов, столкнулось с рядом трудностей. Отсутствие исполнительного аппарата в некоторых горсоветах Забайкалья объяснялось режимом экономии. Передача коммунальных предприятий и предприятий местной промышленности в ведение горсоветов постоянно поддерживалась. Хозяйственные ведомства, в свою очередь, не подчинялись решениям горсоветов. Особую сложность представлял вопрос о создании материально-финансовой базы горсоветов. В отличие от крупных городов России городские и поселковые советы Забайкалья в основном не обладали материальной базой. В итоге с 1.10.1928 г. большая часть горсоветов Забайкалья была реорганизована в сельсоветы. Так, на территории Читинского округа остались только Читинский и Петровско-Забайкальский горсоветы [4].

К началу 1930 г. округа, как промежуточные звенья между краем и районом, потеряли свое значение. В результате с 1 октября 1930 г. Читинский и Сретенский округа были ликвидированы, а их территория вошла в состав Восточно-Сибирского Края⁴. С завершением районирования страны новая территориальная организация привела к необходимости изменения структуры и уточнения функций местных органов, что затронуло и городские советы.

Горсоветы согласно Постановлению Президиума ЦИК СССР делились на 2 типа: 1) городские Советы в городах с населением до 50 тыс. жителей, которые были подчинены райисполкомам и 2) городские Советы городов с населением свыше 50 тыс. жителей, которые подчинялись Президиумам ЦИК союзных республик или краевым исполкомам⁵. В результате Читинский, Иркутский и Красноярский горсоветы непосредственно подчинялись Восточно-Сибирскому Крайисполкому, а все остальные горсоветы бывших округов - райисполкомам. Прилегающие к городам краевого подчинения сельские районы стали подчиняться горсоветам. В связи с этим аппарат райисполкомов объединялся с аппаратом отделов горсовета. Положение «О городских Советах» от 20 января 1933 г. предусматривало создание в горсоветах краевого подчинения достаточно большого количества отделов: коммунальный, финансовый, снабжения, рабоче-крестьянской инспекции, труда, народного образования, здравоохранения и социального обеспечения, плановая комиссия, орготдел и инспектура народно-хозяйственного учета. В результате в составе Читинского горсовета было создано 15 отделов, в числе которых в связи с присоединением сельских районов был создан земельный отдел [2]. Положение о горсоветах расширяло полномочия горсоветов, к исключительному ведению которых относились вопросы планирования бюджета, заключения займов, перепланировки города и т.п. Таким образом, аппарат горсоветов был расширен, созданные в его составе отделы должны были охватывать все направления социального и хозяйственного развития города.

Кроме отделов при горсоветах с целью оживления их деятельности и привлечения населения к работе местных ор-

ганов власти создавались секции и комиссии, в которые входили как члены горсовета, так и обычные граждане [7, с. 19]. До 1928 г. в стране не было единообразия в создании горсоветами этих структурных подразделений. Законодательство союзных республик устанавливало образование горсоветами различного количества секций: в отдельных республиках доходило до 36 секций. При горсоветах Забайкалья число секций в 1920-х гг. варьировалось от 7 до 10 секций. Чаще всего при горсоветах создавались секции: коммунальная, административно-правовая, финансово-бюджетная, народного образования, здравоохранения, торгово-кооперативная, труда и быта и др. Секции, в свою очередь, делились на подсекции и комиссии. Председатель, секретарь и члены секции за работу в секции оплату не получали. Для руководства работой секций избиралось бюро, которое состояло из 5-9 человек. Бюро секций, являясь исполнительным органом секции, контролировало проведение в жизнь соответствующими отделами постановлений секций. Наиболее важные вопросы до вынесения их на президиум должны были обсуждаться в секциях.

Основными методами работы секций являлись: прикрепление членов секций к соответствующим учреждениям и предприятиям; создание следователевских комиссий и вовлечение в секционную работу руководителей и работников учреждений и предприятий. К началу 1930-х гг. в Читинском горсовете было создано 16 секций. Среди них были секции общественного питания, труда и быта, пригородного хозяйства, связи, корейская и китайская секции. Судя по архивным документам, в 1920-х гг. секции горсоветов Забайкалья активно работали, члены секций были прикреплены практически ко всем предприятиям города [5]. Но с начала 1930-х гг. заседания секций стали проводиться нерегулярно, посещение членами секций предприятий городов были крайне редкими, немногочисленные принятые секциями решения не исполнялись горсоветами [1]. Главной причиной этого являлось отсутствие реальных полномочий секций, их решения зачастую игнорировались и самим горсоветом, и другими органами местной власти. В итоге секции перестали пользоваться авторитетом и среди населения.

Таким образом, принятые во второй половине 1920-х гг. положения существенно расширяли права горсоветов, являлись реальным шагом к децентрализации управления, развитию местного городского самоуправления. И определенные шаги в этом направлении были сделаны, но осуществление политики индустриализации требовало изменений в системе управления, приводило к централизации, к подавлению инициативы мест. Кроме этого, отсутствовало четкое разграничение функций государственных и партийных органов в сфере народного хозяйства и промышленности. В итоге к середине 1930-х гг. полномочия и демократизм выборных органов власти были сведены к формальным процедурам.

Пристатейный библиографический список

1. ГАИО. Ф. Р. - 600. - Оп. 1. - Д. 658. - Л. 25; Д. 914. - Л. 51об.
2. ГАИО. Ф. Р. - 600. - Оп. 1. - Д. 658. - Л. 6-8.
3. ГАЗК. Ф. Р. - 165. - Оп. 1. - Д. 9. - Л. 59.
4. ГАЗК. Ф. Р. 474. - Оп. 1. - Д. 96. - Л. 288; Д. 83. - Л. 13.
5. ГАЗК. Ф. Р. 474. - Оп. 1. - Д. 360. - Л. 157, 158.
6. Лепешкин А. Местные органы власти Советского государства (1921-1936 гг.). - М.: Госюриздат, 1959. - 411 с.
7. Михновский П. За оживление горсоветов, против косности и бюрократизма // На советском посту. - 1929. - № 8. - С.17-31.
8. Тихоокеанская звезда. - 1926. - 20 января.
9. Флеров В. С. Создание городских советов на Дальнем Востоке (1922-1923 гг.) // Уч. записки Томского пед. ин-та. - Т. 14. - Томск, 1955. - С.205-230.

4 О ликвидации округов, утв. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 23.07.1930г. // СЗ СССР. - 1930. - № 37. - Ст. 400.

5 Об организации работы городских советов в связи с ликвидацией округов, утв. Постановлением ЦИК СССР от 9.08.1930г. // СЗ СССР. - 1930. - № 42. - Ст. 435.

ПРОНИНА Екатерина Николаевна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ МЕР В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье рассмотрены особенности государственно-правовых мер борьбы с эпидемиями с учетом реакции общества на вводимые властью противоэпидемические меры на примере Нижегородской ярмарки во второй половине XIX в.

Ключевые слова: Нижегородская ярмарка, эпидемии, заразные болезни в XIX веке, противоэпидемические меры, реакция общества на противоэпидемические меры.

PRONINA Ekaterina Nikolaevna

senior lecturer of Theory and history of law and state sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy National Research Nizhny Novgorod State University

Пронина Е. Н.

FEATURES OF ANTI-EPIDEMIC STATE-LEGAL MEASURES DURING THE NIZHNY NOVGOROD FAIR IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

The article discusses the features of state-legal measures to combat epidemics, taking into account the reaction of society to the anti-epidemic measures introduced by the authorities on the example of the Nizhny Novgorod Fair in the second half of the 19th century.

Keywords: Nizhny Novgorod fair, epidemics, contagious diseases in the 19th century, anti-epidemic measures, public reaction to anti-epidemic measures.

Трудности выбора и реализации мер против эпидемии особенно ярко могут быть проиллюстрированы на примере Нижегородской ярмарки, где в результате регулярного большого скопления народа, приезжавшего из разных городов Российской Империи, была повышенная опасность быстрого распространения инфекционных заболеваний.

Губернская администрация была вынуждена решать одновременно две противоположные задачи: с одной стороны привлекать как можно больше людей к участию в торговле, а с другой стороны сдерживать распространение заразных болезней, неизбежно при этом возникающих, в противном случае не допустить появления паники. Каждая ярмарка сопровождалась ростом разнообразных инфекционных заболеваний (холера, сифилис, тиф, оспа).

На время проведения ярмарки формировался особый ярмарочный врачебно-полицейский комитет с целью устройства санитарной части и предотвращения распространения болезни. Для оказания медицинской помощи во время проведения ярмарки открывались ежегодно в Канавинской слободе больницы на 30 коек - купеческая и чернорабочая, с одним заведующим врачом на обе. Очевидно, что этого было недостаточно. Кроме того, больницы были территориально удалены от ярмарки, что представляло сложности при транспортировке и обеспечении жизненно необходимыми средствами. Встал вопрос об открытии больницы в центре ярмарочного района, что было предписано Циркуляром медицинского департамента от 3 апреля 1875 г. № 350. Однако, осуществить эти планы удалось только через пять лет. В 1880 году на Нижегородской ярмарке была организована лечебница для приходящих больных. Среди других противоэпидемических мер, предпринимаемых в Нижнем Новгороде в процессе функционирования ярмарки, можно выделить сле-

дующие¹: открытие обсервационного пункта для пассажирских пароходов. Задачей данного пункта было недопущение в Нижний Новгород судна, на котором мог находиться заболевшие холерой. Такое судно задерживалось и отводилось в специальное место; устройство подвижного лазарета, под который была приспособлена баржа на 400-500 человек; организация проведения санитарных осмотров, устройство уличных клозетов; ввиду плохого качества питьевой воды в водопроводах Ярмарочной и Макарьевской части, поступавшей из затона реки Оки, было осуществлено снабжение водопроводов проточной водой рек Оки и Волги; устройство особого кладбища для погребения умерших от холеры; организация для рабочих барачков с чайными и столовыми².

Особого внимания заслуживают события 1893 года, когда открытие Нижегородской ярмарки совпало с появлением холеры. В связи с появлением в городе и на ярмарке болезни был созван губернский врачебный совет. Членами совета было проанализировано, что, так как холерные заболевания наблюдались только среди проезжающих через Нижний Новгород, то возможно повременить с объявлением жителям о появлении холеры. Конечно, финансовые интересы при этом преобладали. Нижегородский губернатор обращался с просьбой к Министру внутренних дел не печатать в бюллетенях «Правительственного вестника» сведения о появлении холеры в Нижнем Новгороде и на ярмарке, «хотя бы в течение нескольких дней, чтобы ярмарка была обеспечена»³.

Предшествующие годы были неурожайными, и многие купцы и торговые люди очень рассчитывали на Нижегородскую ярмарку, чтобы поправить свои дела. Для Нижнего

1 ЦАНО. - Ф. 472. - Оп. 287. - Д. 303. - Л.д. 4-11.

2 ЦАНО. - Ф. 472. - Оп. 287. - Д. 303. - Л.д. 40.

3 ЦАНО. - Ф. 2. - Оп. 6. - Д 1725. - Л. 2.

Новгорода ярмарка давала большие доходы как городу, так и всем ее участникам. Торговые ряды представляли собой 48 двухэтажных корпусов. На ярмарке торговали оптом и в розницу зерном, хлебом, рыбой, деревом, хохломой, текстильными товарами, солью, мехами, металлом и прочими товарами. Также на ярмарке работали рестораны, трактиры, гостиницы, цирк, карусели, оркестры, кинематограф, почта, банк, аптека. В 70-х годах на ярмарке ежегодно находилось до 256 тысяч человек. Поэтому отменить ярмарку по причине холеры было никак не возможно. Задача губернатора заключалась в том, чтобы не допустить паники среди горожан, с одной стороны, и не допустить распространения болезни, с другой стороны.

«Холера как буря шла с низовья Волги, быстро и могуче. А вместе с ней неслась другая эпидемия – безумного народного ужаса» [4].

Появление холеры во многих регионах порождало холерные бунты – в Астрахани, Царицино, Саратове, Самаре, Симбирске. Начинались грабежи, погромы, убийства. Поэтому новость об эпидемии ставила под угрозу успешное проведение ежегодной ярмарки. Необходимы были нестандартные меры с творческим подходом и знанием психологии толпы. Важную роль в этом вопросе играл губернатор. В период 1882 по 1897 гг. нижегородским губернатором был Николай Михайлович Баранов. Его характеризовали как умного, талантливого человека, оригинального администратора [4, с. 6].

В книге «Как в Нижнем Новгороде победили эпидемию холеры. Из воспоминаний о нижегородском губернаторе Николае Михайловиче Баранове» описывается интересный сюжет: «Среди простого народа в городе и на пристанях ходил рассказ «о милиёне» Он, собственно, и лежал в основе всех холерных бунтов на Волге. – Никакой холеры нет! Просто милиён украли! А холеру какую-то выдумали, чтобы милиён схоронить. В прошлом году голод был. Ну, в Питере прознали, что народ мрет, - взяли, да и прислали милиён, чтобы весь народ кормить. Ну, а чиновники, известно, милиён поделили – да в карман. Только в Питере узнали через верных людей, что народ с голоду мер. – да стафета: «Куда милиён девали? Где милиён? Подать сюда деньги!» Ну, чиновники испугались, да и стакнулись. Как из беды выттить и милиён спрятать? И выдумали, будто холера. «На холеру милиён истратили». Докторишек закупили: «Делай холеру». Докторишки, подлые души, колодцы травят. «Холера! Холера!» Никакой холеры нет! Просто людей живыми хоронят!» [4, с. 14].

В основной массе необразованный народ верил в дикие легенды и под впечатлением от них устраивали холерные бунты. Полиция выискивала в толпе рассказчиков подобных страшилок, сажали в тюрьмы, однако к должному результату это не приводило. Универсальных и действенных мер предупреждения холерных бунтов регламентировано не было.

Нижегородский губернатор М. Н. Баранов принял нестандартное решение, которое было положительно воспринято населением и дало соответствующий эффект. Так, в отношении появившегося яростного рассказчика, который утверждал, будто бы знает, что доктора хоронят живых людей, губернатор распорядился: «Нижегородский мещанин Китае рассказывает, что ему известно, что в холерном госпитале хоронят живых. Ввиду этого назначаю мещанина Китаева в холерный госпиталь для наблюдения за тем, чтобы не хоронили людей живыми» [4, с. 18].

В результате мещанин Китаев после пребывания в холерном госпитале раскаялся, что клеветал на докторов и просился остаться ухаживать за холерными больными. Известие о раскаянии было опубликовано во всех газетах и остановило волну нелепых слухов.

В арсенале Н. М. Баранова среди противоэпидемических мер были и грозные приказы, в соответствии с которыми губернатор обещал повесить без суда и следствия первого, кого увидит в толпе в случае возникновения беспорядков [4, с. 15], с другой стороны, благословлял свершение крестных ходов с молебнами об избавлении от холеры [5, с. 55].

Борьба с заразными болезнями была важнейшей задачей ярмарочных государственных и общественных организаций.

Можно согласиться с мнением Н. А. Богородицкой о том, что «русское общество в конце XIX – начале XX в. все более начинало убеждаться в безуспешности борьбы с эпидемиями только медико-полицейскими мерами со стороны государства. В то время органами общественного самоуправления выдвигался вопрос о необходимости перехода от чрезвычайных противоэпидемиологических мер к планомерной работе по благоустройству территорий» [5, с. 49-59]. Также можно сделать вывод, что важную роль в предотвращении эпидемий играет просвещение населения в отношении санитарно-гигиенических правил, повышение доверия народа к врачам и к борьбе с эпидемиями на государственном уровне.

Пристатейный библиографический список

1. ЦАНО. - Ф. 472. - Оп. 287. - Д. 303. - Л.д. 4-11.
2. ЦАНО. - Ф. 472. - Оп. 287. - Д. 303. - Л.д. 40.
3. ЦАНО. - Ф. 2. - Оп. 6. - Д 1725. - Л. 2.
4. Как в Нижнем Новгороде победили эпидемию холеры. Из воспоминаний о нижегородском губернаторе Николае Михайловиче Баранове // Всероссийское ЗАО «Нижегородская ярмарка». – 2020.
5. Богородицкая Н. А. Нижегородский краевед. Сборник научных статей. Вып. 6. Общество «Нижегородский краевед»; Центр краеведческих исследований ИМОИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского. - Нижний Новгород, 2021.

ФЕДЮШКИНА Арина Игоревна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского

ИЛЛЮМИНИРОВАННЫЕ РУКОПИСИ «САКСОНСКОГО ЗЕРЦАЛА» КАК ИСТОЧНИК СРЕДНЕВЕКОВОГО ГЕРМАНСКОГО ПРАВА

Настоящая статья посвящена анализу особенностей иллюминированных рукописей «Саксонского зеркала» как источника средневекового германского обычного права. Рассмотрено происхождение и особенности рукописей «Саксонского зеркала», относящихся к так называемым *codices picturati*. Сделан вывод, что иллюминированные рукописи «Саксонского зеркала» составляют отдельную группу правовых памятников, в которых для изложения содержания правового предписания используется не только традиционная – текстуальная – форма, но и изобразительные средства.

Ключевые слова: обычное право, Саксонское зеркало, *codices picturati*, иллюминированные рукописи, Средние века, право Западной Европы.

Федюшкина А. И.

FEDYUSHKINA Arina Igorevna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy National Research Nizhni Novgorod State University

ILLUMINATED MANUSCRIPTS OF THE SAXON MIRROR AS A SOURCE OF MEDIEVAL GERMAN LAW

This article is devoted to the analysis of the features of the illuminated manuscripts of the Saxon Mirror as a source of medieval German customary law. Author analyzes the origin and features of the so-called *codices picturati* of the Saxon Mirror. It is concluded that the illuminated manuscripts of the Saxon Mirror constitute a separate group of legal monuments, in which not only the traditional - textual - form, but also pictorial means are used to present the content of the legal prescription.

Keywords: customary law, Saxon mirror, *codices picturati*, illuminated manuscripts, Middle Ages, Western European law.

«Саксонское зеркало», составленное между 1221 и 1225 гг., является известнейшим памятником средневекового германского права, одним из старейших сборников правовых обычаев. Текст этого источника, изначально составленный на латыни, неоднократно переписывался и переводился на многие языки как целиком, так и фрагментарно. Современные исследователи насчитывают порядка 460 рукописей «Саксонского зеркала», большинство из которых находится в библиотеках Германии [1], [2, с. 28].

Среди известных исследователей рукописей «Саксонского зеркала» отдельное место занимают так называемые *codices picturati* – иллюминированные рукописи, текст которых снабжен миниатюрами. К ним относятся четыре манускрипта, датируемые первой половиной XIV в.: Гейдельбергская рукопись (1300/1315) [3], Ольденбургская рукопись (1336) [4], Дрезденская рукопись (1350) [5] и Вольфенбюттельская рукопись (1348, 1361/1371) [6]. Исходя из повторяемости сюжетов миниатюр, схожести визуального оформления манускриптов, а также на основании анализа особенностей языка рукописей, исследователи делают вывод, что все четыре манускрипта происходят от одного архетипа, предположительно созданного в северо-восточной области Гарца между 1292 и 1295 гг. [7, с. 232], [8]. При этом группа снабженных иллюстрациями рукописей «Саксонского зеркала» по оценкам историков [9, с. 11] насчитывала не менее семи списков, три из которых на настоящий момент считаются утраченными. Дошедшие до нас Гейдельбергская и Дрезденская рукописи происходят от одного промежуточного списка изначального манускрипта, в то время как Ольденбургская – от другого. Вольфенбюттельская рукопись, самая поздняя из известных

нам *codices picturati*, является списком с Дрезденской рукописи и в настоящее время находится в наилучшей сохранности [1, с. 6]. Таким образом, иллюминированные рукописи «Саксонского зеркала» составляют отдельную группу правовых памятников, в которых для изложения содержания правового предписания используется не только традиционная – текстуальная – форма, но и изобразительные средства.

Из четырех снабженных иллюстрациями манускриптов «Саксонского зеркала» наибольшее количество миниатюр мы находим в Дрезденской рукописи – 924 строки. Наиболее близкая к ней Вольфенбюттельская рукопись содержит 776 строк с иллюстрациями, Ольденбургская – 578, Гейдельбергская – только 310 [1, с. 7]. Тем не менее, из всех сохранившихся *codices picturati* наиболее полной на сегодняшний день является Вольфенбюттельская рукопись, поскольку Дрезденская сильно пострадала во время Второй мировой войны.

Приступая к исследованию иллюминированных манускриптов как особых источников обычного германского права, в первую очередь необходимо проанализировать историю создания рукописей. Без анализа происхождения рукописей, без определения целей их изготовления и адресатов, невозможно достоверно определить их функции, интерпретировать их нормативное содержание.

Анализ текста и миниатюр Вольфенбюттельской рукописи, в частности – геральдических щитов, иллюстрирующих статьи ленного права, позволяет довольно точно установить период ее создания: историки сходятся во мнении, что манускрипт должен датироваться третей четвертью XIV в., и не мог быть создан ранее 1348 и позднее 1371 гг. [9, с. 12]. Однако при этом, современные исследователи не обладают

данными, позволяющими достоверно установить ее заказчика и адресата. Первым известным нам владельцем рукописи был герцог Август фон Брауншвейг-Люнебург младший (1579-1666), приобретший манускрипт для библиотеки города Вольфенбюттеля.

Особенности выполнения текста и миниатюр Вольфенбюттельской рукописи позволяет отнести этот манускрипт к богатым и редким иллюминированным рукописям, средневековым предметам роскоши. Об этом свидетельствует разнообразие декора рукописи: мы встречаем как большое количество нарративных сцен, которым посвящено большое пространство пергамента, так и красочных инициалов. В рукописи также присутствуют три изображения автора манускрипта – Эйке фон Репкова. Декоративные элементы рукописи выполнены с использованием ярких красок, а также позолоты, которая встречается не только при оформлении фигур знатных особ, в геральдических щитах и в немногочисленных изображениях библейских сюжетов, но и в простых инициалах, которые связывают текст рукописи и изображения. Манера исполнения текста, строгая линовка, аккуратность и единообразие шрифта позволяют исследователям сделать вывод, что переписчик рукописи был высококвалифицированным, хорошо образованным мастером [9, с. 22, 28-30]. Все эти факты свидетельствуют о том, что манускрипт был изготовлен по заказу богатого человека, вероятно – князя одной из восточных среднегерманских земель.

Однако, несмотря на богатство и очевидную дороговизну манускрипта, исследователи сходятся во мнении, что он активно использовался, а не служил простым украшением библиотечного собрания [9, с. 29]. К признакам активного использования манускрипта относятся многочисленные повреждения листов пергамента, прежде всего – их нижних углов, а также характерные загрязнения страниц.

Сам характер иллюстраций, сопровождающих текст правового памятника, также свидетельствует о прикладном значении манускрипта. В структуре Вольфенбюттельской рукописи можно выделить две равнозначные части: текстовую, которая занимает правую часть каждой из страниц, и визуальную, в которой расположены красочные миниатюры. При этом доля пространства страницы, отведенная для миниатюры, равна пространству, отведенному для текста. Миниатюры всегда расположены в левой части страницы, так что читатель, привыкший к традиционному для европейской письменности направлению письма, первой воспринимал визуальную часть рукописи и лишь затем – текстовую. Можно утверждать, что текст и миниатюра воспринимаются здесь неразрывно, образуют единство.

Таким образом, по своему месту в структуре рукописей текст и визуальный образ равнозначны, что является редкой особенностью даже для иллюминированных западноевропейских рукописей. Этот факт неизбежно ставит перед исследователями вопрос о роли и значении миниатюр в рукописи «Саксонского зеркала». Рассмотрение указанных элементов только как декоративных частей манускрипта объективно является излишне примитивным подходом к исследованию указанных источников. Необходимо признать, что миниатюра является самостоятельным способом изложения правового материала и наряду с текстом представляет содержание правового предписания.

Пристатейный библиографический список

1. Schmidt-Wiegand R. Die Wolfenbütteler Bilderhandschrift im Kreis des Codices picturati des Sachsenspiegels // Die Wolfenbütteler Bilderhandschrift des Sachsenspiegels: Aufsätze und Untersuchungen. Kommentarband zur Faksimile-Ausgabe. - Berlin: Akademie Verlag, 1995. DOI: 10.1524/9783050069098-002.
2. Келлер О. Б. Сфера действия «Саксонского» и «Швабского зеркала» в центральной и восточной Европе // Вестник Полоцкого государственного университета, серия А. – 2015. – № 1. – С. 28-29.
3. Eike <von Repgow>. Heidelberger Sachsenspiegel. Ostmitteleuropa, Anfang 14. Jh. Universitätsbibliothek Heidelberg. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/cpg164> (дата обращения: 29.09.2022).
4. Eike <von Repgow>. Sachsenspiegel. Oldenburg: Landesbibliothek Oldenburg, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.lb-oldenburg.de/urn/urn:nbn:de:gbv:45:1-3571> (дата обращения: 29.09.2022).
5. Eike <von Repgow>. Die Dresdner Bilderhandschrift des Sachsenspiegels. SLUB Dresden. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.slub-dresden.de/werkansicht/dlf/6439/9> (дата обращения: 29.09.2022).
6. Eike <von Repgow>. Der Sachsenspiegel und das sächsische Lehnrecht. Wolfenbüttel. Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sachsenspiegel-online.de/cms/> (дата обращения: 29.09.2022).
7. Hüpper D. Funktionstypen der Bilder in den Codices picturati des Sachsenspiegels // Pragmatische Schriftlichkeit im Mittelalter. Erscheinungsformen und Entwicklungsstufen, hg. von Hagen Keller, Klaus Grubmüller und Nikolaus Staubach. Akten des Internationalen Kolloquiums 17.-19. Mai 1989 (Münstersche Mittelalter-Schriften 65) München: - 1992.
8. Келлер О. Б. Рукописи «Саксонского Зеркала» (XIII в.) в архивах и библиотеках Германии // Оптимизация управления в высшем учебном заведении = Methods of optimal management in the institutions of higher education: тез. выступлений на междунар. семинаре, Минск, 1–11 апр. 1997 г. – Минск, 1997. – С. 133–135.
9. Milde W. Kodikologische Einführung // Sachsenspiegel: Die Wolfenbütteler Bilderhandschrift Cod. Guelf 3. 1. Aug 2, edited by Ruth Schmidt-Wiegand, Berlin. - Boston: Akademie Verlag, 2018. – DOI: 10.1515/9783050069074-004.

ШАПОВАЛОВ Анатолий Вячеславович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ЕМБУЛАЕВА Наталья Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

СЛУЧЕВСКИЙ Станислав Геннадьевич

магистрант Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В 60-Е ГОДЫ 19 ВЕКА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием после окончания Кавказской войны основ российской государственности и государственной службы. Для успешного решения проблем в области государственной службы на современном этапе представляется уместным обратиться к историческому опыту.

Анализ показал, что важнейшим фактором, влияющим на успех в деле государственного строительства, являлось широкое привлечение местного населения на государственную службу.

Ключевые слова: управленческая политика, государственная служба, Северный Кавказ, общий гражданский порядок.

SHAPOVALOV Anatoliy Vyacheslavovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

EMBULAeva Natalya Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

SLUCHEVSKIY Stanislav Gennadjevich

magister student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

STATE CONSTRUCTION AND PUBLIC SERVICE IN THE NORTH-WEST CAUCASUS IN THE 60S OF THE 19TH CENTURY

The article deals with issues related to the formation of the foundations of Russian statehood and public service after the end of the Caucasian War. In order to successfully solve problems in the field of public service at the present stage, it seems appropriate to turn to historical experience. The analysis showed that the most important factor influencing the success of state-building was the widespread involvement of the local population in public service.

Keywords: management policy, public service, North Caucasus, general civil order.

Проблема формирования и эволюция административно-правовой системы Северо-Западного Кавказа в рассматриваемый период весьма многогранна и включает ряд элементов, наиболее важными среди которых представляются: генезис российского законодательства, функционирование органов российской власти, мероприятия по вовлечению новой территории в общегосударственную жизнь, принципы включения коренного населения в административно-территориальные структуры. Следует отметить, то огромное значение в жизни горских народов играли нормы обычного права, которые, зачастую, вступали в противоречие с законодательством Российской империи [1, с. 69].

Под Северо-Западным Кавказом в данном конкретном случае понимается та его часть, которая в 19 - начале 20 в. была заселена адыгами - адыгейцами, включенная впоследствии в административно-территориальные структуры Кубани и являющаяся ныне территорией Республики Адыгея.

Вопросы выработки управленческой политики для Кавказа, в том числе его северо-западной части, оказались для России достаточно сложными, прежде всего потому, что он представлял собой «явление совершенно исключительное в составе Русского государства».

Царское правительство много раз обращалось к данной проблеме, пытаясь найти наиболее оптимальные (с точки зрения империи) ее решения, нацеливая своих управленцев на изучение «с особенным вниманием... взаимных отношений правительства с горскими племенами». За три года (1846-1848) из 879 Высочайших повелений 180 касались «образования разных частей по управлению и ... издания особых постановлений для края». Столь большое количество принятых решений отнюдь не свидетельствовало о наличии у правительства четкого плана по управлению Кавказом и эффективности его реализации.

Присутствие России в данном регионе ознаменовалось не только продолжительной и кровопролитной Кавказской войной (1830-1864), «но и рядом непрерывных переворотов в лицах и учреждениях существовавшего там гражданского порядка. Закон, не успевший не только укорениться сознатель-

Шаповалов А. В.

Ембулаева Н. Ю.

Случевский С. Г.

но в народе, но даже и сделаться ему вполне известным, уступил место новому, которого вскоре постигала та же участь...».

Изданные в разные годы положения и законы об управлении Кавказом преследовали цель подготовить коренное население к политическому и нравственному слиянию с русскими поселенцами посредством подчинения общедействующим законам Российской империи. Осуществление данной цели явилось основной причиной трудного внедрения российской системы управления [2, с. 124], в числе других, вытекающих из нее, были: восприятие Россией Кавказа как единого целого социокультурного пространства (при имевших место декларативных заявлениях о необходимости учета особенностей того или иного народа), отсутствие у российских управленцев достоверных сведений об особенностях присоединяемого края (в конечном счете главной особенностью было признано отсутствие каких бы то ни было значимых законов и целесообразной формы общенационально-политической организации кавказских горцев), копирование системы управления, имевшей место во внутренних губерниях страны, отрицание постепенности ее внедрения, неудачи совмещения российских законов и местных традиций, преувеличение силовых методов решения управленческих задач, а также отсутствие подготовленных кадров управленцев.

Последнее признавалось и в высших эшелонах российской власти. В 1857 г. Великий князь Константин Николаевич писал А. Барятинскому: «... мы не можем далее себя обманывать и должны сказать, что мы слабее и беднее первостепенных держав ... не только материальными способами, но и силами умственными, особенно в деле администрации, ... сделать из управления Кавказского образец бережливости и благоустройства. На это нужна не армия, не громкие экспедиции в горы..., но выбор дельных людей» [3, с. 231].

Как справедливо отмечает видный исследователь данной проблемы Н. Н. Денисова «методы, которыми планировалось привести край в единое со всей Россией гражданское состояние, и сроки, отводившиеся для внедрения российских законов и административно-территориального деления, предполагали и определенный тип управленцев, которому в большей степени соответствовали военные, склонные к быстрым и решительным мерам» [4, с. 272], но, вместе с тем, мало способные принести пользу гражданской службе.

В последующем были предприняты ряд попыток, призванных внести некоторую упорядоченность в управлении Северо-Западным Кавказом. Они связаны с именем А. И. Барятинского, который видел причины неудач России на Кавказе в просчетах управления. Он одним из первых приступил к разработке принципов военно-народного управления края. Иными словами, верил в возможность плодотворного существования и взаимодействия государственного (российского) и местного (туземного) элементов. Им был предложен ряд преобразований административно-территориального характера, которые в достаточной полной мере были реализованы лишь летом 1865 г., когда были образованы военно-народные управления горцами Кубанской области.

4 июня 1865 г. императором было подписано «Положение об управлении горцами Кубанской области», которое регламентировало административно-территориальное и правовое положение вновь присоединенных земель и населяющее их туземное население.

Данное положение имело огромное значение, поскольку определяло не только административно-территориальные, но и общественно-политические и правовые отношения горцев с российской властью [5, с. 74].

Однако уже в скором времени стало ясно, что принятое Положение не в полной мере удовлетворяет потребностям времени. Поэтому был разработан перечень мер военно-народных управлений, призванный усовершенствовать вопросы взаимоотношений местного населения и российской власти. Предполагалось:

1. Произвести территориальное разделение горских народов;
2. Усилить роль окружных судов;
3. Ограничить влияние и власть владетельных родов;
4. Учредить аульные управления и суды;
5. Произвести камеральное описание горских судов;
6. Способствовать скорейшему наделению горцев землей;
7. Обложить горцев налогами;
8. Провести крестьянскую реформу;
9. Предпринять меры по искоренению воровства и абречества;

10. Изъять оружие у горцев;

11. Реализовать комплекс мер по привитию навыков по ведению хозяйства [6, л. 8].

Данные меры получили поддержку и одобрение императора. В предписании от 5 июня 1865 года за № 17 вместо трех окружных и двух участковых управлений было создано пять окружных. В каждом из округов учреждались:

- 1) словесный суд;
- 2) общее управление.

Интересы местного населения должно было охранять особое должностное лицо с присвоением звания попечителя горских народов Кубанской области [6, л. 9].

Особое внимание уделялось комплектованию штатов, которые были утверждены Положением о 20.01.1866 года. Предполагалось укомплектовать значительную часть штатных единиц выходцами из местного населения, переводя их в разряд госслужащих. Однако имелись определенные трудности. Русский наместник констатировал, что «воровство, к сожалению, особенно сильно между лицами высших сословий, проводивших время совершенно праздно» [6, л. 27].

При этом необходимость внедрения общего гражданского порядка в аулах настоятельно требовало передачи горскому населению некоторых полицейских, гражданских и судебных функций. Для реализации этих мер и придания надлежащего значения служазим из числа местного населения были распространены на эти должности права чиновников Российской империи четырнадцатого класса (если они не имеют офицерских чинов). Более того, на весь период исполнения горцами обязанностей в местных администрациях, присваивались права хорунжих, подобно начальникам в казачьих станицах. Должностным лицам из местного населения предполагалось выдавать особые знаки отличия в виде серебряных медалей для ношения на шее [6, л. 32-об].

Несмотря на предпринимавшиеся усилия и ряд военно-полицейских мер, осуществить переход к мирной жизни на первых порах не удавалось. По свидетельствам современников «резкий переход от жизни воинственной к жизни мирного свойства не мог сразу установиться между горцами. Религия и нравы их не таковы, чтобы способствовать развитию у них гражданственности. Некоторые недобрые ходом домашних дел часто убежали в горы» [6, л. 2-об-3].

Немало сил было потрачено властями на то, чтобы привлечь на госслужбу местную молодежь, которая, зачастую, привыкнув «к праздности, презирая труд, взрослая среди боевых тревог, легко пускалось на воровство, в немалой степени под влиянием слухов о безнаказанности грабежей» [6, л. 239-об].

Русским чиновникам предписывалось активно привлекать молодежь на государственную службу, как правило, на должности в аульные администрации и милицию.

Подобные мероприятия, хотя и не устранили в полной мере имеющиеся проблемы, тем не менее, способствовали включению Северного Кавказа в орбиту российской государственности.

Пристатейный библиографический список

1. Дашин А. В., Шелепова М. А. Обычное право от Российской империи до современной России: генезис и эволюция // Мир политики и социологии. - 2016. - № 5. - С. 68-76.
2. Ананских И. А., Дашин А. В., Сальников С. П. Место и роль обычая в социально-экономических отношениях народов Северного Кавказа: некоторые исторические зарисовки // Правовое поле современной экономики. - 2013. - № 11. - С. 122-128.
3. Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858-1864 / ГА РФ; отв. ред. С. В. Мироненко. - М., 2019. - 777 с.
4. История Адыгеи с древнейших времен до начала 20 в.: в 2 т. Т. 1. - Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2009. - 452 с.
5. Дашин А. В., Сальников С. П. Месть и возмездие в истории Северного Кавказа // Мир политики и социологии. - 2016. - № 7. - С. 72-76.
6. Государственный архив Краснодарского края. - Ф. 774. - Оп. 1. - Д. 526., 562. - Л. 8-32.

МАГОМЕДХАНОВ Рагим Гаджимагомедович

кандидат юридических наук, доцент кафедры отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

МАГОМЕДХАНОВА Карина Фаидиновна

ассистент кафедры финансового и административного права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

КУРИЛКИНА Ольга Александровна

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), доцент кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России

КОЖЕНКО Яна Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Ростовского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (Российской правовой академии Минюста России)

СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И ЗАЩИТЫ ОТ БЕЗРАБОТИЦЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Настоящее исследование посвящено институту социальной поддержки и защиты от безработицы в современных условиях.

В настоящее время, когда речь заходит о безработице, становится понятным, что ни одно государство, не зависимо от его формы правления или формы политического режима, не может быть застраховано от безработицы. Страны с хорошо развитой рыночной экономикой также могут испытывать проблемы с трудоустройством населения, выплатами различных пособий или угрозу безработицы в различных отраслях производства.

Сложностей в отечественном дискурсе добавляют разнообразные географические и исторические особенности, ментальное своеобразие, невысокий уровень правовой культуры и т.д.

Ключевые слова: безработица, безработный, социальная поддержка, социальный статус, рыночная экономика, социальная поддержка, социальная защита.

MAGOMEDKHANOV Ragim Gadzhimagomedovich

Ph.D. in Law, associate professor of Branch legal disciplines sub-faculty of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State University of Economics (RINE)

MAGOMEDKHANOVA Karina Faidinovna

assistant of Financial and administrative law sub-faculty of the Rostov State University of Economics (RINE)

KURILKINA Olga Aleksandrovna

Ph.D. in Law, Head of Branch legal disciplines sub-faculty of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State University of Economics (RINE), associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

KOZHENKO Yana Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Rostov branch of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia)

THE ESSENCE OF SOCIAL SUPPORT AND PROTECTION AGAINST UNEMPLOYMENT IN MODERN CONDITIONS

This study is devoted to the institution of social support and protection against unemployment in modern conditions.

At present, when it comes to unemployment, it becomes clear that no state, regardless of its form of government or form of political regime, can be insured against unemployment. Countries with well-developed market economies may also experience problems with the employment of the population, the payment of various benefits, or the threat of unemployment in various industries.

Difficulties in the domestic discourse are added by a variety of geographical and historical features, mental originality, a low level of legal culture, etc.

Keywords: unemployment, unemployed, social support, social status, market economy, social support, social protection.

Обращаясь к рассмотрению вопросов, касающихся непосредственных мер помощи и защиты населения от безработицы, авторам представляется целесообразным проанализировать дефиниции «социальная поддержка» и «социальная помощь», используемые в настоящем исследовании.

Категория «социальная поддержка» относительно молодая, так как появился лишь с момента образования российского государства. Принятие Указа Президента РФ от 26 декабря 1991 года № 328 «О дополнительных мерах по социальной поддержке населения в 1992 году» позволило создать фонды федерального и регионального значения, главное назначение которых заключается в социальной поддержке населения. Средства данных фондов расходовались соответствующими органами социальной защиты населения на оказание материальной помощи нуждающимся (лицам, имеющим сред-

недушевой совокупный доход ниже установленного прожиточного минимума), улучшение социального обслуживания и др. Стоит отметить и тот факт, что указанные выше фонды социальной поддержки, как правило, рассматриваются в качестве дополнительных (резервных) источников финансирования мероприятий по социальной защите¹.

Тем не менее, доктринального единства в определении данного термина нет. В науке сложились несколько подходов к данному определению.

¹ Указ Президента РФ от 26 декабря 1991 г. № 328 «О дополнительных мерах по социальной поддержке населения в 1992 году» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. - 1992. - № 1. - Ст. 51.

«Социальная поддержка – система мер по оказанию помощи некоторым категориям граждан, временно оказавшимся в тяжелом экономическом положении (частично или полностью безработные, учащаяся молодежь и др.), путем предоставления им необходимой информации, финансовых средств, кредитов, обучения, права защиты и введения иных льгот» [2, с. 66-71]. Другими словами, представленное определение отождествляет институт социальной поддержки социальной помощи.

Другое определение различает эти две категории, говоря «социальная поддержка – деятельность, направленная на активизацию собственных сил и возможностей человека или группы по изменению своего материального и имущественного положения» [1, с. 33].

Таким образом, исследователи, занимающиеся проблемами социального обеспечения, по-разному рассматривают данные категории. Но преобладает, все же, определение, синонимирующее понятия «социальная помощь» и «социальная поддержка». Связано это, прежде всего с тем, что социальная поддержка может выражаться в различных формах, как в материальной (схоже с социальной помощью), так и в нематериальной.

Возвращаясь к непосредственной теме, стоит отметить, что рынок рабочей силы или, другими словами, рынок труда обладает первостепенным значением по сравнению с другими рынками производства и ресурсов.

В реализации поставленных целей и задач государством используются следующие методы:

1. административные (прямые);
2. экономические (косвенные).

Административные методы используются для решения формальных задач, заключающихся в создании новых рабочих мест, установлении МРОТ, требованиях к уровню образования и квалификации, организации социальной защиты работающего населения и т.д.

Согласно нормативно-правовому регулированию данной сферы в российском государстве, каждый, кто обратился в службу занятости, может получить консультацию, а также бесплатное получение услуг и информации, которые в последствие будут способствовать его последующему трудоустройству и, профессиональной ориентацией. Каждый обратившийся, независимо от своего пола, возраста, гражданства и других обстоятельств получает также возможность обучения новым профессиям и знаниям.

Законодательство РФ предусматривает расширение социальной помощи в случае, если лицу присваивается статус безработного. Так, помимо информационной составляющей, лицо приобретает вместе со статусом и возможность материальной поддержки. Если такое лицо захотело повысить свою профессиональную компетенцию, то и здесь государство идет на встречу и предоставляет такие возможности.

Немало важными являются и примеры административных мер социальной защиты от безработицы, заключающиеся в поддержке молодого населения. Прежде всего, это касается несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет либо в возрасте от 18 до 20 лет из числа тех, кто недавно получил начальное и среднее профессиональное образование, при условии, что ищут они работу впервые, а также временное трудоустройство безработных граждан, особо нуждающихся в социальной защите.

Как было уже сказано выше, с точки зрения экономических методов, можно выделить тот факт, что, если человеку присваивается статус безработного, то он может получить в центре занятости не только информационную, но и материальную поддержку. В первую очередь речь идет, конечно, о пособиях по безработице.

«Пособие по безработице гражданам, уволенным по любым основаниям в течение 12 месяцев, предшествовавших началу безработицы, состоявшим в этот период в трудовых (служебных) отношениях не менее 26 недель и признанным в установленном порядке безработными, начисляется в первые три месяца в размере 75 процентов их среднего заработка по последнему месту работы (службы), исчисленного в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, в

следующие три месяца - в размере 60 процентов указанного заработка. При этом размер пособия по безработице не может быть выше максимальной величины пособия по безработице и ниже минимальной величины пособия по безработице, увеличенных на размер районного коэффициента»².

«Пособие по безработице гражданам, уволенным в течение 12 месяцев, предшествовавших началу безработицы, с военной службы по призыву в связи с истечением ее срока и состоявшим до увольнения в связи с призывом на военную службу в трудовых (служебных) отношениях не менее 26 недель, начисляется в размерах, исходя из среднего заработка по последнему месту работы (службы), исчисленного в порядке, установленном Правительством Российской Федерации».

Размеры минимальной и максимальной величин пособия по безработице гражданам, признанным в установленном порядке безработными, за исключением граждан, ежегодно определяются Правительством Российской Федерации»³.

Другими словами, размер пособия, периоды его выплаты могут быть различные. И зависят эти обстоятельства от различных обстоятельств. Так, например, может зависеть от того, работал ли человек до обращения в центр занятости, как давно он уволен с последнего места работы, от причины увольнения, от размера заработной платы. Правительство РФ лишь обозначило минимальный и максимальный размер пособия.

Таким образом, анализируя понятие и сущность социальной поддержки и социальной помощи от безработицы в современных условиях, авторы приходят к следующим выводам:

во-первых, исследователи, занимающиеся проблемами социального обеспечения, по-разному рассматривают категории «социальная поддержка» и «социальная помощь». Но преобладает, все же, определение, синонимирующее эти понятия. Связано это, прежде всего с тем, что социальная поддержка может выражаться в различных формах, как в материальной (схоже с социальной помощью), так и в нематериальной;

во-вторых, рынок труда обладает первостепенным значением по сравнению с другими рынками производства и ресурсов. Объясняется это, прежде всего, тем, что устранение негативных явлений на данном рынке занимает больший период времени с остальными рынками, а также имеет не только экономическое, но и социальное значение. В реализации поставленных целей и задач государством используются административные (прямые) и экономические (косвенные) методы.

Пристатейный библиографический список

1. Кузнецова Л. П. Основные технологии социальной работы: учеб. пособ. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2002. – С. 33.
 2. Стахова А. А. Понятие правовой природы социальной поддержки граждан в Российской Федерации // Юристы-Правоведы. – 2016. – № 3. – С. 66-71.
 3. Там же.
- 2 Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 19 ноября 2021 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1991. – № 18. – Ст. 566; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 47. – Ст. 7743.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-111-112

КОЛТЫРИН Вадим Игоревич

старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ЕДИНСТВЕННОЕ ПРИГОДНОЕ ДЛЯ ПРОЖИВАНИЯ ПОМЕЩЕНИЕ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ГРАЖДАН КАК ГАРАНТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ

Важнейшим правовым аспектом развития современного правового государства является приверженность и соблюдение им конституционно-правовых начал и принципов в части реализации прав гражданина на принадлежащее ему жилище. Однако в экстраординарных случаях, в частности в рамках мероприятий, проводимых по делам о несостоятельности (банкротстве) граждан, возникает ситуация дисбаланса между интересами должника и кредиторов в части сохранения имущественных прав на объекты недвижимого имущества и необходимости ограничения исполнительского иммунитета. Автором проанализированы действующее отраслевое банкротное законодательство и актуальные правовые позиции Высших Судов, и обоснована необходимость в исключительных случаях, возможности реализации единственного жилья с предложением конкретных критериев, указывающих на целесообразность таких мероприятий, направленных на установление баланса конституционных ценностей.

Ключевые слова: исполнительский иммунитет, единственное пригодное для проживания помещение, реализация имущества гражданина, добросовестность, Конституционный Суд РФ, ограничение права.

KOLTYRIN Vadim Igorevich

senior lecturer of Constitutional and municipal law sub-faculty of the Volgograd State University

REALIZATION OF THE RIGHT TO THE ONLY DWELLING SUITABLE FOR LIVING IN CASES OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF CITIZENS AS A GUARANTEE OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO HOUSING

The most important legal aspect of the development of a modern legal state is the commitment and observance of the constitutional and legal principles and principles in terms of the realization of the rights of a citizen to his dwelling. However, in extraordinary cases, in particular within the framework of measures taken in cases of insolvency (bankruptcy) of citizens, a situation of imbalance arises between the interests of the debtor and creditors in terms of maintaining property rights to real estate and the need to limit executive immunity. The author analyzed the current branch bankruptcy legislation and the current legal positions of the Supreme Courts, and substantiated the need, in exceptional cases, for the possibility of selling the only housing with the proposal of specific criteria indicating the appropriateness of such measures aimed at establishing a balance of constitutional values.

Keywords: executive immunity, the only habitable premises, the sale of a citizen's property, good faith, the Constitutional Court of the Russian Federation, restriction of the right.

Колтырин В. И.

Турбулентные процессы, происходящие в мировой экономике, связанные с развитием мирового кризиса хозяйствования и повышенным спросом на энергоресурсы, а также беспрецедентное санкционное давление на Российскую Федерацию со стороны недружественных государств, не могло не сказаться как на снижении макроэкономических показателей, так и на реальных доходах всех граждан нашей страны. Основной экономической ценностью во все периоды развития российского общества было наличие собственного жилого помещения, в котором на постоянной основе проживал гражданин со своей семьей. В связи с этим, не случайно в статье 40 Конституции, принятой в 1993 году, стало закрепление важнейшего права, а именно право каждого на жилище¹.

Векторные начала развития отечественного законодательства, определенные в Конституции, получили свое продолжение и развитие в специальных отраслевых нормах, в части гарантий гражданам права на единственное жилище и возможности отхода от указанных принципов в экстраординарных случаях. Такими нормами стали положения ст. 446 ГПК РФ, где законодатель конкретизировал исходные начала, при которых взыскание на жилое помещение было не допустимо, а именно: не ограниченное право собственности (т.е. отсутствие прав залогодержателя на жилое помещение) и единственность его для должника и членов его семьи. В этом же направлении развивалось и законодательство о банкротстве, которое с принятием

изменений в 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о несостоятельности (банкротстве)), создали реальную возможность для граждан-должников быть освобожденными от непосильных финансовых обязательств². Именно в статье 213.25 Закона о несостоятельности (банкротстве), изложена отсылочная норма, из которой следует, что в конкурсную массу не включается имущество, на которое в соответствии с положениями гражданско-процессуального законодательства не может быть обращено взыскание. Тем самым, законодатель поставил знак тождества между нормами права, регулирующими права должников в исполнительном производстве и корреспондирующие права в процедурах, применяемых в делах о банкротстве граждан.

Однако чрезвычайный способ освобождения гражданина от принятых на себя долговых обязательств не редко используется недобросовестными заемщиками как относительно простой и «безопасный» способ списать долги», «вывести дорогостоящее жилье» и оставить кредиторов без удовлетворения их законных имущественных требований [1].

Как следует из данных, опубликованных в Федеральном реестре сведений о банкротстве за период действия Закона о несостоятельности (банкротстве) в части процедур, применяемых в делах о банкротстве граждан за период с 01 октября 2015 года по июнь 2022 года, общее количество введенных процедур реализации имущества составляет 596426 дел, а общее количе-

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 01.07.2020. – № 31. – Ст. 4398.

2 Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 06.07.2015. – № 27. – Ст. 3945.

ство дел, в которых кредиторы не получили никакого удовлетворения своих требований, в том числе в связи с отсутствием у гражданина имущества, реализация которого возможна в рамках дела о банкротстве или наличием единственного жилища, пригодного для проживания должника и членов его семьи составила – 189046 дел³. Таким образом, именно существующая законодательная неопределенность, в части однозначности исполнительского или банкротного иммунитета у единственного жилища позволила сохранить его не только добросовестным должникам, чье правомерное поведение является необходимым условием в процедуре банкротства, но и гражданам, чья цель в процедуре банкротства – нанесение вреда имущественным правам кредиторов [2]. Кроме того, неактуальность существующих законодательных норм сдерживает развитие судебной практики, в части возможности реализации единственного жилища, даже у недобросовестных должников, в связи с тем, что арбитражные суды вынуждены руководствоваться несовершенством действующего законодательства, при решении спорных вопросов, в том числе и общими конституционными нормами.

Однако в связи с отсутствием актуализации действующих правовых норм со стороны федерального законодателя, т.к. «гарантирующая норма» Гражданского процессуального Кодекса действует с 2002 года и развивающие ее положения Закона о несостоятельности (банкротстве), введенные в действие с 2015 года, Конституционный Суд РФ «взял правовой барьер» и принял несколько важнейших судебных актов, которые позволили конкретизировать банкротные нормы, а также создали исходные критерии для развития отечественного законодательства в рассматриваемом направлении [3].

Конституционный Суд РФ в своей правовой позиции, изложенной в Постановлении от 14 мая 2012 года № 11-П, которая стала ответом на правовой запрос о неоднозначности положений статьи 446 ГПК РФ, обозначил, что безоговорочные понятия «единственное жилье» и «единственное жилое помещение пригодное для проживания», без учета его основных качественных характеристик, направлено не на достижение баланса интересов всех сторон исполнительного производства и как следствие ограничивает право кредиторов на судебную защиту и своевременное исполнение решения суда⁴. Обозначенная проблема нашла свое отражение в ряде существенных выводов, которые возможно рассматривать исключительно во взаимосвязи между собой:

1. Право на жилище неразрывно связано с достоинством личности и обеспечением конституционных прав как непосредственно собственника, так и членов его семьи, жизнедеятельность которых неразрывно связано со спорным жилым помещением;

2. Сохранение права на жилое помещение должно быть обеспечено «объективными характеристиками (параметрами)», которые достаточны в обстоятельствах конкретного дела для удовлетворения конституционно значимых потребностей в жилище;

3. Необходимость создания ориентиров (стоимость, площадь помещения, особенности конструктивного свойства) для определения достаточности жилого помещения в каждом конкретном случае для избежания формального подхода при толковании возможности реализации жилища;

4. Возможность ограничения конституционного права должника, только на основании решения суда и при исследовании всех значимых обстоятельств дела (доход гражданина, наличия иного имущества).

Таким образом, сформулированный Конституционным Судом РФ подход и однозначная обязательность для законодателя изменения действующих норм, были положительно восприняты всеми заинтересованными лицами и давали надежду на изменение сложившейся правовой неопределенности. Однако до принятия положений о банкротстве граждан в 2015

году, сколько-нибудь значимых изменений в законодательстве не произошло, а положения вновь принятого Закона закрепили существующее не актуальное положение дел.

Еще большую неоднозначность в решении вопроса об иммунитете единственного жилища внес Верховный Суд РФ в своем Постановлении № 48 от 25 декабря 2018 года, где было указано, что исполнительский иммунитет единственного жилища действует и в рамках дела о банкротстве гражданина-должника⁵.

И все же реальность диктует необходимость разрешения конституционно значимого вопроса и возможность реализации единственного жилища и точку в этом вопросе мог поставить только один из действующих акторов нормотворчества – Конституционный Суд РФ, что и было сделано в Постановлении № 15-П от 26 апреля 2021 года, в котором были предложены действенные начала, но не конкретный механизм, создание которого должно быть осуществлено законодателем для возможного преодоления исполнительского иммунитета в целом или его отдельных частей⁶.

Для разрешения вопроса о преодолении иммунитета на реализацию единственного жилища в каждом конкретном случае должны быть установлены следующие обстоятельства:

1. Стоимостная характеристика объекта недвижимости, в том числе с назначением оценки рыночной стоимости жилого помещения и соотношении ее с размером задолженности гражданина;

2. Обязательность приобретения замещающего жилища взамен реализованного в ходе процедуры банкротства гражданином;

3. Территориальность близость нового жилого помещения относительно размещения реализованного жилища;

4. Недопустимость использования механизма преодоления исполнительского иммунитета в качестве карательной меры по отношению к гражданину.

Однако, указанные обстоятельства и их соблюдение применяются исключительно в отношении добросовестного должника и отсутствию в его действиях злоупотребления правом.

В заключении автором делается вывод о гуманизме отечественного законодателя в отношении граждан-должников и учете наиболее актуальных мировых тенденций сохранения права на единственное пригодное для проживания жилище. Вместе с тем, предполагается необходимость принятия законодателем четких правовых критериев ограничения права на сохранение единственного жилища в чрезвычайных обстоятельствах процедуры несостоятельности (банкротства), с учетом определения следующих важнейших обстоятельств в каждом конкретном деле: добросовестность действий должника, определение минимально допустимой площади жилого помещения на одного гражданина, стоимости жилища и размера задолженности гражданина-банкрота, отсутствие необходимости смены привычной территории жизнедеятельности должника.

Пристатейный библиографический список

1. Морхат П. М. Обращение взыскания на единственное жилье должника-банкрота: теоретико-правовой аспект и анализ судебной практики // Судья. – 2020. – № 9. – С. 55–60.
2. Несостоятельность (банкротство): учеб. курс: в 2 т. / под ред. С. А. Карелиной. – Москва: Статут, 2019. – Т. 2. – 848 с.
3. Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире / Сборник статей. Ответственные редакторы: В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. – М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. – С. 28.

3 Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru> (дата обращения: 20.09.2022).

4 Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шихунова» // Российская газета. № 121. 2012; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 21. – Ст. 2697.

5 Постановление Пленума Верховного Суда России от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Российская газета – Федеральный выпуск. – № 1(7759).

6 Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова» // Российская газета. – № 98. – 2021; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 19. – Ст. 3290.

МАГОМЕДХАНОВ Рагим Гаджимагомедович

кандидат юридических наук, доцент кафедры отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

МАГОМЕДХАНОВА Карина Фаидиновна

и.о. консультанта Управления Судебного департамента в Ростовской области

КУРИЛКИНА Ольга Александровна

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), доцент кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЕТЕЙ

В данной статье авторы затрагивают вопросы правового статуса несовершеннолетних сквозь призму исторического развития отечественной государственности. Многие учёные-юристы в области права считают, что по вопросу правового положения несовершеннолетних до нас не дошло практически никаких источников, с помощью которых можно было бы сделать заключение о правовом положении детей в те далекие времена. Поэтому исследование особенностей взаимоотношений ребенка и родителей, правового статуса несовершеннолетних является особенно важным направлением развития отечественной науки.

Ключевые слова: несовершеннолетние, ребенок, правовой статус, права и обязанности ребенка, родители.

MAGOMEDKHANOV Ragim Gadzhimagomedovich

Ph.D. in Law, associate professor of Branch legal disciplines sub-faculty of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State University of Economics (RINE)

MAGOMEDKHANOVA Karina Faidinovna

acting Consultant Office of the Judicial Department in the Rostov Region

KURILKINA Olga Aleksandrovna

Ph.D. in Law, Head of Branch legal disciplines sub-faculty of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State University of Economics (RINE), associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

HISTORICAL ASPECTS OF THE LEGAL STATUS OF CHILDREN

In this article, the authors touch upon the issues of the legal status of minors through the prism of the historical development of national statehood. Many scientists – lawyers in the field of law believe that on the issue of the legal status of minors, practically no sources have come down to us with the help of which one could draw a conclusion about the legal status of children in those distant times. Therefore, the study of the characteristics of the relationship between the child and parents, the legal status of minors is a particularly important direction in the development of domestic science.

Keywords: minors, child, legal status, rights and obligations of the child, parents.

В древнерусские времена законный статус ребенка никак не имел огромного значения, равно как и на сегодняшний день.

Несмотря на такое тяжелое положение, некоторым ученым все-таки действительно удалось прийти к заключению того, что значимость родителей была весьма велика. Причем, интересно, что власть не только одного родителя распространялась на детей, но и другого тоже. Жизнь ребенка полностью принадлежала родителям, и каждый из них мог по своему усмотрению распорядиться ею.

Данного мнения придерживаются А. Загоровский, В. Сергеевич, П. Сорокин. Исследования такого ученого, как К. Неволлина показали, что на протяжении долгого времени существовало право родителей отдавать своих детей в рабство еще до принятия христианства. Категория «дети» стояло на одной ступени с «рабами, прислужой, родственниками», причем такие подчиненные лица назывались «чадь» [4, с. 318]. Подтверждение вышесказанного можно увидеть в трудах и других исследователей.

Кроме всего, прочего, стоит отметить, что в дохристианские времена и в первоначальный период христианства детей не делили на законных и незаконнорожденных, поскольку

допускалось наложничество. Отношения между родителями и детьми регулировались старинными обычаями, уходящими в языческое прошлое.

Вопрос о жертвоприношении младенцев также не однозначен, т.к. выдвигают интересные точки зрения. В. Ф. Зыбковец считал, что в древности человеческие жертвоприношения, когда в жертву приносились преимущественно дети, существовали не только в Африке, Азии, но и в Европе (у греков, римлян, британцев, германцев и славян).

По утверждению А. А. Котляровского, в обычай языческих славян входило сожжение вместе со знатным умершим его имущества, рабынь и отроков, к которым относились слуги, поэтому трудно сказать, погребались ли на Руси заживо дети с родителями.

Ученый А. И. Загоровский полагает, что «едва ли в древние времена у нас родителям принадлежало право убивать своих детей при рождении, поскольку если бы такой обычай существовал, он был бы отмечен древним летописцем» [6, с.33].

Что касается правового положения детей на Руси в дохристианский период, то можно сказать, что оно было бесправным. Отметим следующие особенности:

отцовский авторитет;
семья была патриархальной во главе с отцом семейства;
полное подчинение ребенка воле родителей;
воспитание детей происходит в строгом соблюдении языческих обычаев и традиций;
полное отсутствие прав у ребенка.

Стоит отметить, что в период Древней Руси семейные отношения, в целом, регулировались в большей степени на основе обычаев, поддерживаемых родоплеменными органами и общиной.

Первые шаги в развитии законодательной регламентации в области защиты прав детей были сделаны во времена правления Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха.

Исследование источников, позволяет обнаружить нормы церковного и обычного права, которые стали регулировать положение детей. Первым древнерусским памятником, можно считать, сборник правовых норм - «Русская Правда». Последняя редакция содержит больше упоминаний о детях, их правах и обязанностях. Так, например, подробно говорится о наследственных правах детей. Предусматривалось, что мать имеет право оставить все свое имущество по завещанию без ограничения любому из детей, сыну или дочери, как от первого, так и второго брака, руководствуясь только отношением к ней детей. Так же стоит отметить, что в статье Русской Правды возлагалась обязанность на вдову с малолетними детьми сохранять имущество семьи для передачи его детям, и обязанность выплатить детям все утраченное.

После крещения Руси на смену языческим предписаниям пришли церковные [9, с. 3-15].

Существенные изменения происходят в правовых источниках относительно положения несовершеннолетних. Так, например, дети делятся на законных и незаконнорожденных. Так, можно привести ст. 98 Русской Правды, которая определяет «незаконнорожденных детей, как детей господина, рожденных от рабы считаются», то есть они не будут являться наследниками [9, с. 3-15].

Таким образом, в Русской Правде - первом памятнике русской истории права, по мнению А. Нечаевой, «нашли свое отражение обычаи XI-XIV веков, касающихся некоторых сторон положения детей» [5, с. 10].

Существовал на Руси особый подход по отношению к детям, особенно брошенным и покинутым. По словам М. Ошанина «седая древность признавала бесспорным положение, что если покинутый ребенок не умер, то все права на его жизнь принадлежат тому лицу, которое его воспитало, и он делается его законным рабом» [2, с. 11].

В целом, соединение канонического и светского права наблюдается в Соборном Уложении 1649 года. Тем не менее, наказания за схожие преступления все-таки различались в зависимости от правового статуса в семейных отношениях. Так, например, отец за убийство ребенка приговаривался к году тюрьмы и церковному покаянию, дети же, убившие своих родителей, подвергались смертной казни. Причем, интересно и то, что государство, так сказать, не вмешивалось во внутрисемейные отношения, но понимался этот факт также односторонне. Дети не могли жаловаться на родителей. Уложение предписывало «бить их (детей) кнутом нещадно». «Если же родители обращались к публичной власти за разрешением наказать детей, то дело по существу не рассматривалось, по одной жалобе родителей ребенка приговаривали к порке кнутом. Оставалось право родителей передавать ребенка в кабалу, когда сами они переходили в холопство. Несмотря на формальное осуждение церковью, практиковалось

насильственное пострижение детей в монахи. В Уложении 1649 г. вводится понятие «малолетство» – до 15 лет, совершеннолетие наступает с 20 лет» [3, с. 29-31].

В случае формирования государства и развития правового положения детей при правлении Петра I, нужно отметить, что то время ознаменовалось глубокими преобразованиями в государственном управлении и праве России, затронув, в том числе и правовое положение детей. Было введено ограничение церковной власти над брачно-семейными отношениями. «В Указе от 23 марта 1714 г. «О единонаследии» и «Инструкции о магистрах» 1724 г. Петр I косвенно упоминает о передаче наследникам имущества наследодателя. Огромное внимание уделяется в правовых актах опеке. Оставшихся без родительской власти подкидышей или рожденных, лиц мужского пола до 7 лет воспитывать, а потом посылать в школы определенные, а лиц женского пола обучать грамоте и другому мастерству. Более того, при Петре I появляются три вида назначения опекунов: по завещанию родителей; в соответствии с законными правилами; по распоряжению правительства» [5, с. 10].

В эпоху петровских преобразований разработаны положения «Юности честное зерцало или Показание к житейскому обхождению», дающие наставления по воспитанию: «Наипаче всего должны дети отца и мать в великой чести содержать» [10, с. 56].

В период Екатерины II меняется управленческий порядок в устройстве детей-сирот, принцип сословности выходит на первый план: для разных сословий предусматривались разные требования и условия воспитания. Указ «Учреждения для управления губерний» с учетом сословности укрепил защиту осиротевших детей, опека на сирот крестьянского происхождения ложилась на старост и односельчан.

Следующей вехой в изменении правового положения ребенка явилось принятие в 1832 году свода законов Российской империи, объединившего прежние правовые акты. Новое законодательство вводит деление детей на три возрастные группы – до 14 лет (лишенные всякой гражданской дееспособности), с 14 до 17 – дети приобретают право участвовать в опекуном установлении при назначении опекуна, просить о его замене [7, с. 83-92].

Вышеперечисленное позволяет сделать вывод о прогрессе права, касающегося детей, учете их интересов и положительных изменениях правового положения несовершеннолетнего.

Буржуазные реформы 1864-1874 годов, отмена крепостного права и последовавшие за ними контрреформы были ориентированы в большей степени на изменения административного характера (земская, городская, судебная, реформа самоуправления) и оказали большое воздействие на правовое положение детей только в связи с общими социально-экономическими переменами. В Российской империи судебная реформа 1864 г. способствовала законодательному закреплению гарантий прав несовершеннолетних, создавалась система по профилактике детской безнадзорности. Устав 1864 года смягчил некоторые наказания, которые применялись к несовершеннолетним. Теперь взамен заключения в тюрьму детей направляли в воспитательно-исправительные учреждения.

«Сопутствующее переходу России к империализму революционное движение, участие страны в первой мировой войне, буржуазно-демократическая и социалистическая революции внесли изменения в социальную организацию общества, экономический удар ослабил институт семьи и

негативно повлиял на правовое положение детей. В послевоенное время сильно обострилась проблема беспризорности. 16 сентября 1918 г. ВЦИК принял «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве», окончательно отделивший семейное право от гражданского» [8, с. 162-164]. Так же следует отметить, что после коренных изменений в общественно-политической жизни страны, в принципиально новых условиях в то время приоритетной считалась общественная система воспитания.

В новых условиях, соответствующих социалистическому государству, ребенок считался субъектом коллективистского воспитательного воздействия. В это время семья, права родителей и их влияние на воспитание детей теряли свои позиции, как главных рычагов социализации. Теперь они должны были только содействовать государству и помогать в воспитании социально одобряемого типа молодого коммуниста.

В кодексе было зафиксировано, что родительские права осуществляются исключительно в интересах детей, и если этого не делалось то, суд имел право лишить родителей этих прав. На родителей была возложена обязанность содержать несовершеннолетних детей, заботиться, воспитывать, готовить их к полезной деятельности. Кодекс запрещал усыновление ни своих, ни чужих детей, опасаясь их эксплуатации со стороны усыновителей. Над несовершеннолетними назначалась опека. Права законных и незаконнорожденных детей были уравнены.

«В 1927 г. новый Кодекс о браке, семье и опеке основал институт усыновления, повысил требования к опекунам. Государство стремительно вмешивается в семейные отношения. В 1936 году вводится взимание алиментов с родителя на несовершеннолетних детей, а унифицированный подход в условиях всеобщего равенства в нищете в целом оправдывал себя» [1, с. 45].

Законодательство о браке, семье, несмотря на все негативные моменты, было прогрессивным для своего времени. Впрочем, в условиях все усиливающейся реакции так не могло длиться долго. Так 8 июля 1944 года был принят Указ, мгновенно отбросивший наше законодательство на столетие назад.

Согласно данному Указу, запрещалось установление отцовства в отношении детей, рожденных вне брака. Ни добровольное признание отцовства, ни отыскание его в судебном порядке более запрещалось. Не возникало и права на получение алиментов от фактического отца. В соответствии с этим ущемлялись права детей, рожденных вне брака. Эти меры прикрывались лишенными всякого основания заверениями, что права внебрачных детей не нарушаются, так как заботу о них берет на себя социалистическое государство. Однако, следует отметить, что, во-первых: мизерные пособия, установленные для одиноких матерей, не могли заменить алименты. Во-вторых, дети не имели права знать своего отца, а отец не мог узаконить отношения с родными детьми. Права детей нарушались и тем, что в свидетельство о рождении ребенка в графе «отец» ставился прочерк, что сразу указывало на внебрачное происхождение ребенка, и, хотя формально права внебрачных детей и детей, рожденных в браке, признавались равными, на практике это нередко приводило к дискриминации.

Тем не менее, во время второй мировой войны и позднее усиливалась поддержка материнства, охрана детства.

«Основы законодательства о браке и семье СССР в 1968 году заложили основу правового регулирования семейных отношений всех союзных республик. Кодекс о браке и семье

РСФСР в 1969 году ввел установление отцовства добровольно или в судебном порядке. Ребенок получил право на защиту органами опеки и попечительства при злоупотреблении родителями своими правами» [2, с. 37].

Значительное воздействие на изменение правового положения детей оказало принятие международных актов – Женевской декларации (1924 г.), Декларации прав ребенка (1959 г.) и Конвенции о правах ребенка (1989 г.). СССР ратифицировал Конвенцию в 1990 году. Российская Федерация также является страной-участницей Конвенции о правах ребенка. Прогрессивное значение деятельности ООН, ЮНИСЕФ, ВОЗ, ЮНЕСКО проявилось в формировании международных принципов и стандартов прав человека, выработке инструментов защиты прав детей. Конвенционные обязательства государств-участников закрепляются, конкретизируются и развиваются в национальном законодательстве.

Таким образом, на сегодняшний день вопрос о правах детей и их защите весьма актуален, что можно увидеть по количеству и качеству рассмотрения связанных с этим вопросов, количеству правовых документов как общего, так и специального характера, которые содержат нормы, гарантирующие соблюдение прав и интересов детей в нашей стране, а также по количеству различных целевых программ, связанных с детьми.

Пристатейный библиографический список

1. Антокольская М. В. Семейное право: Учебник. - М., 2001. - С. 45.
2. Гольшера Л. Ю. Правовое положение детей в России: исторический аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. - Ставрополь, 2002. - С. 11.
3. Дмитриев А. С. Влияние Соборного Уложения 1649 года на сферу Семейного права Московского государства // 2012. - № 5 (73). - С. 29-31.
4. Неволин К. А. История российских гражданских законов. - М., Статут, 2005. - С. 318.
5. Нечаева А. М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). - М., 2000. - С. 10.
6. Полянский П. Л. Формирование Семейного права как отрасли России (Постановка проблемы) // 2010. - № 2. - С. 33.
7. Раскин Д. И. Свод законов Российской империи. - СПб.: Аврора, 2007. - С. 83-92.
8. Смирновская С. И. К вопросу об ограничении оснований возникновения родительских прав по законодательству Российской империи и первому семейному кодексу РСФСР 1918 г. // 2005. - Т. 3. - № 7. - С. 162-164.
9. Страданченков А. С. Древнеримские и Византийские уроки законодательства и его преемственность российской культурой // Вестник Удмуртского университета. - 2012. - № 3. - С. 3-15.
10. Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению: Собрание от разных авт./ Ред. сост. Т. Г. Тетенькина. - Калининград, 2004. - С. 56.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-116-117

КАБУЛОВ Сослан Львович

аспирант Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА И ПАРЛАМЕНТА В КОНТЕКСТЕ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

15 января 2020 года глава государства в послании Федеральному Собранию РФ предложил поправки к Конституции России. По прошествии двух месяцев состоялось принятие данных поправок в виде Закона № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Форма правления в стране с принятием данных поправок изменилась существенным образом. Поправки привели к полному выводу главы государства из системы разделения властей. Представлен анализ содержания поправок к Основному закону России в части отношений между главой государства и парламентом.

Ключевые слова: поправки, Конституция России, глава государства, президент, институт президентства, Федеральное Собрание.

KABULOV Soslan Lvovich

postgraduate student of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University

MODERNIZATION OF RELATIONS BETWEEN THE PRESIDENT AND PARLIAMENT IN THE CONTEXT OF AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

On January 15, 2020, the head of state, in a message to the Federal Assembly of the Russian Federation, proposed amendments to the Constitution of Russia. After two months, these amendments were adopted in the form of Law No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities". The form of government in the country with the adoption of these amendments has changed significantly. The amendments led to the complete withdrawal of the head of state from the system of separation of powers. An analysis of the content of the amendments to the Basic Law of Russia in terms of relations between the head of state and parliament is presented.

Keywords: amendments, the Constitution of Russia, head of state, the president, institute of presidency, Federal Assembly.

В статье 10 Основного закона России предусмотрен фундаментальный принцип реализации в России государственной власти с выделением трех ее ветвей. В статье 11 зафиксировано, что государственную власть реализуют Президент, Федеральное Собрание РФ, Правительство и суды. С учетом указанных конституционных положений продолжает сохраняться вопрос о ветви власти, к которой относится в отечественной системе разделения властей глава государства.

Как указывают исследователи, «в юридической науке имеется убедительная аргументация признания Президента главой исполнительной власти в Российской Федерации, которая получила подтверждение в ч. 1 ст. 110 Конституции РФ в редакции 13 марта 2020 г., согласно которой исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации под общим руководством Президента Российской Федерации. Аналогичная формула имеет место в п. «б» ст. 83 Конституции РФ в редакции 2020 г.» [3, с. 37].

В 2020 г. глава государства в послании Федеральному Собранию РФ аргументировал существование потребности в конституционной реформе необходимо увеличить эффективность взаимодействия между исполнительной и представительной ветвями власти, повысить значимость партий, представленных в парламенте, в политической системе. Президент при этом отметил необходимость сохранения в РФ сильной президентской республики [1].

Внесенные в статьи 83, 102, 103, 110, 111, 112, 117 и др. поправки привели к тому, что Правительство РФ теперь функционирует фактически под фактическим руководством главы государства. Контрольная власть формируется главой государства самостоятельно - Счетная палата РФ формируется в соответствии с его представлением, прокуратура - в полном объеме (назначает и освобождает от должности Генерального прокурора, его заместителей, а также прокуроров субъектов РФ и приравненных к ним прокуроров).

После внесенных изменений впервые в мировой практике Основной закон предусматривает в части третьей статьи 110, что Правительство включает министров, которые подчинены напрямую главе государства, а не Председателю Правительства. Указанное положение не соответствует вышеупомянутым статьям 10, 11 Основного закона. Ряд исследователей обращает внимание на подобное несоответствие, отмечая, «что тем самым юридически закрепляется место Президента РФ вне системы разделения властей, де-юре и де-факто над Правительством РФ» [2, с. 4].

Ключевая область отношений главы государства и Федерального Собрания РФ связана с совместным формированием государственных органов. Поправки к Основному закону в первую очередь затронули порядок, согласно которому формируется Правительство РФ. До принятия поправок Государственная Дума РФ предоставляла согласие на то, чтобы назначать Председателя высшего органа исполнительной власти. Формирование Правительства осуществлялось главой государства во взаимодействии с Председателем Правительства.

Имитационный характер имеет предоставление при формировании Правительства Государственная Дума РФ полномочий по утверждению Председателя Правительства, заместителей Председателя, министров. Имитационность обусловлена тем, что, если нижняя палата парламента РФ не утверждает соответствующие кандидатуры, глава государства вправе сформировать без ее роспуска состав Правительства. Ранее Государственная Дума РФ могла троекратно отклонить кандидатов на пост Председателя Правительства, предлагаемых главой государства, и в этом случае предусматривалась необходимость назначить новые выборы Государственной Думы РФ. Подобным вариантом могли воспользоваться оппозиционные главе государства силы. С принятием поправок глава государства имеет возможность сохранить состав действующей нижней палаты парламента и одновременно продвинуть на посты Председателя Правительства, замести-

телей Председателя и министров те кандидатуры, которые он определит самостоятельно.

Возможности главы государства по руководству Правительством укрепились, т.к. он приобрел право отправлять в отставку только Председателя Правительства (часть пятая статьи 117). Ранее он был вправе отправлять в отставку Правительство в полном составе. При этом ему требовалось обращаться к Государственной Думе РФ для того, чтобы согласовывать кандидатуру Председателя, производить формирование всего состава Правительства.

Ключевые направления деятельности высшего органа исполнительной власти более не определяются Председателем данного органа. После внесения изменений данное право приобрел глава государства. Согласно статье 113, предусматривается персональная ответственность Председателя Правительства перед главой государства.

Для назначения главой государства на ряд наиболее важных министерских постов (министры, возглавляющие МИД, Минобороны, Минюст, МВД, МЧС, а также руководители спецслужб) потребность в наличии согласия Государственной Думы РФ не предусмотрена. Предусмотрены лишь некие консультации с Советом Федерации, результаты которых не имеют обязательного для принимаемого главой государства решения значения. В ФКЗ № 4-ФКЗ от 06.11.2020 г., регламентирующем статус Правительства, предусмотрена возможность повторного представления кандидатуры на должность министра Председателем Правительства после отклонения данной кандидатуры Государственной Думой РФ. В статье 10 данного ФКЗ указано, что кандидатура может представляться и в третий раз. Фактически внесенные поправки предусматривали два механизма формирования Правительства РФ - в отсутствие согласования кандидатур министров с Государственной Думой РФ (в случае министров, возглавляющих силовые министерства), и с подобным согласованием (министры социально-экономических министерств). Аналогов существования одновременно двух подобных механизмов в мировой практике не имеется.

Имитация участия Совета Федерации РФ в назначении министров силовых министерств связана не только с тем, что результаты консультаций главы государства с ним по вопросу о кандидатурах не являются обязательными. Необходимо отметить, что состав Совета Федерации РФ формируется таким образом, что появление в нем неояльных главе государства сенаторов невозможно - глава государства назначает тридцать сенаторов, практически все губернаторы первоначально получают должности в качестве временно исполняющих обязанности в соответствии с указом главы государства.

Усиление полномочий главы государства является очевидным, как очевидно и то, что полномочия ФС РФ и Председателя Правительства ослаблены. С учетом данных обстоятельств вызывает удивление утверждение, согласно которому вследствие изменений сформировалась «новая модель с триединством различных ветвей власти при сохранении консолидирующего и объединяющего центра в лице главы Российского государства» [4, с. 37].

В рамках данной системы парламент приобретает характер органа, на формирование которого глава государства оказывает весьма существенное влияние (ст. 95). Следует отметить существование механизмов формирования Совета Федерации РФ, являющихся реликтовыми, архаичными, неприемлемыми в государстве, которое декларирует собственный демократический статус, в виде пожизненного сенаторства (семь сенаторов и лица, ранее занимавшие пост главы государства), а также назначения тридцати сенаторов (вместо семнадцати).

Подобный механизм в значительном числе стран мира был ликвидирован еще в конце позапрошлого века (Франция и др.), в некоторых - в прошлом веке (Канада и др.). В числе государств, относящихся к числу демократических, указанный механизм существует только в Ирландии, Италии, Великобритании. При этом в данных республиках и парламентских монархиях присутствие верхней палате полномочия являются сравнительно небольшими. Число назначаемых пожизненных сенаторов в Италии составляет лишь пять. Верхние пала-

ты формируются подобным образом лишь Бурунди, Руанда и Конго, а также в ряде постсоветских государств с режимами, демократический характер которых ставится под сомнение (в Узбекистане, Беларуси, Таджикистане, Казахстане).

Верхняя палата парламента РФ постепенно приобрела характер органа, представляющего интересы действующих на федеральном уровне высших органов исполнительной власти, утратив роль органа, представляющего интересы субъектов РФ. Внесенные поправки обеспечили нормативную фиксацию положения, сложившегося де-факто. Внесенные в систему власти изменения привели к тому, что глава государства с участием Совет Федерации РФ, в формировании которого он играет существенную роль, вправе прекращать полномочия судей, и таким образом привлекать их к ответственности. Налицо несоответствие принципу, предусматривающему, что судьи в РФ независимы (ст. 102). КС РФ в данных условиях представляет собой средство реализации воли главы государства.

Глава государства привлекает к ответственности и судей Верховный Суд РФ, судей таких судов, как апелляционные и кассационные. Не вполне очевидно при этом, в связи с чем указанный механизм ограничен лишь вышеуказанными судьями, и не распространен на всех представителей судейского корпуса.

Политизацию формирования руководства Конституционного Суда РФ, усиление зависимости данного органа от главы государства подтверждает и поправка в ФКЗ, регламентирующий статус Конституционного Суда РФ, предусматривающая, что назначение Председателя и зампреда могут назначаться непосредственно при согласовании кандидата на пост судьи указанного Суда.

Видится спорным и состоявшееся включение в систему конституционных органов власти (ст. 83) Госсовета РФ. Следует отметить определяющее значение главы государства с точки зрения реализации полномочий данным органом, т.к. самостоятельные полномочия у Госсовета РФ отсутствуют. Данный орган близок по положению Совету Безопасности РФ. Госсовет РФ в существующем виде в полном объеме контролирует региональные органы исполнительной власти, что входит в противоречие с принципиальными основами федеративного устройства страны и разделения властей.

Проведенный анализ позволяет отметить, что результатом внесения изменений в Основной закон явилось расширение возможностей главы государства в части управления деятельностью различных властных структур. При этом вследствие проведенных изменений не увеличилась эффективность взаимодействия ветвей власти, роль парламента в механизме осуществления государственной власти не усилилась, и полномочия главы государства фактически перераспределены не были. В рамках государственного аппарата РФ глава государства продолжает сохранять статус полностью независимой в политическом отношении ведущей фигуры.

Пристатейный библиографический список

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета. - 2020. - 16 января.
2. Безруков А. В. Конституционная реформа: основные направления и пути совершенствования конфигурации публичной власти в России // Конституционное и муниципальное право. - 2020. - № 6. - С. 3-9.
3. Киреева Е. Ю., Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А. Тенденции правовой регламентации взаимодействия Президента Российской Федерации с Правительством Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. - 2020. - № 10. - С. 37-40.
4. Черепанов В. А. О необходимости и целесообразности конституционных изменений // Российская юстиция. - 2020. - № 8. - С. 35-38.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-118-119

АЛЕШИН Сергей Васильевич

старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России

ЗАКОННОСТЬ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

В статье рассматриваются принципы права, их соотношение с принципами административной деятельности полиции. Особое внимание уделяется вопросам реализации принципа законности. Делается вывод о том, что изучение основополагающих начал законности, как принципа административной деятельности полиции, имеет важное значение, так как законность в целом является сутью деятельности полиции, ее содержанием.

Ключевые слова: полиция, принципы деятельности полиции, принципы административной деятельности полиции, законность, принцип законности.

ALESHIN Sergey Vasiljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative law disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

Алешин С. В.

LEGALITY AS A FUNDAMENTAL PRINCIPLE OF THE ADMINISTRATIVE ACTIVITY OF THE POLICE

The article describes the principles of law, their relationship with the principles of administrative activities of the police. Particular attention is paid to the implementation of the principle of legality. It is concluded that the study of the rule of law as a principle of administrative activity of the police is important, since the rule of law is the content of the police.

Keywords: police, principles of police activity, principles of administrative activities of the police, legality, principle of legality.

Изучая понятие «принципы права» можно отметить устоявшееся в литературе их понимание как первоначальных, основополагающих базисов, отправных начал, выраженных в правовых нормах, прецедентах и обычаях.

Обращаясь к фундаментальным основам правовых наук, отметим, что под принципами права понимаются руководящие идеи, выражающие саму сущность права, его содержание и назначение. Наряду с выражением непосредственно закономерностей права данные принципы представляют определенные нормы, требования которых распространяются во всех сферах общественных отношений, регулируемых правом, на всех их участников. Данные нормы могут быть как закреплены в самом законе, так и выводиться из его общего смысла [1, с. 242].

В юридической литературе нет и, на наш взгляд, не может быть единого подхода к определению и количеству классификаций принципов права. Среди принципов права можно выделить общеправовой и отраслевой, общие и специальные, которые в свою очередь можно разделить на организационные и тактические.

В. Н. Кудрявцев и С. Г. Келина утверждают, что отдельно в обособленном виде отраслевых принципов просто не существует. «Общие принципы права действуют во всех отраслях права» [2, с. 62].

Выделяя такие общие принципы права как законность, равенства всех перед законом (равноправия), верховенства закона, ответственности при наличии вины, отметим, что по мнению некоторых ученых «данные начала свойственны всему общественному строю, а не только праву», и являются отправными идеями в целом [3, с. 18, 19].

Отдельные исследователи в данной сфере, например В. В. Мальцев, утверждают следующее: «именно на базе отраслей права возникает весь спектр принципов права, из которых затем в теории выделяются как общие, так и межотраслевые принципы» [4, с. 99].

Следует отметить, что в настоящей публикации автором целенаправленно выбрана такая область исследования принципа законности, как административная деятельность, поскольку именно данный вид деятельности осуществляется практически всеми структурными службами и подразделениями полиции.

В решении задач, поставленных перед подразделениями полиции, существенное значение имеет административная деятельность. В свете особых требований, предъявляемых к деятельности полиции в целом, требований повышения эффективности работы подразделений и служб полиции изучение вопросов реализации принципов деятельности полиции является актуальным и значимым.

В юридической литературе принципы административной деятельности полиции рассматриваются как фундаментальные идеи, отправные начала, главные положения, которые регламентируют данный вид деятельности. «Принципы отражают объективность закономерностей общественного развития, характерные черты практики социального управления вообще и административной деятельности органов внутренних дел в частности» [5, с. 45].

В научном обществе известно, что первостепенное значение принципы права имеют не только на этапе принятия законов, но и при их претворении в правоприменительную практику.

Как верно отмечает Н. А. Громов, при всем том, что принципы вырабатываются наукой, необходимо учитывать и не забывать, что юридическую силу они приобретают только после закрепления в законе, а также в результате их применения в практической деятельности правоприменительной практики [6, с. 33].

Отметим, что при реализации данных принципов в практической деятельности возникают некоторые сложности.

Как отмечалось ранее, одной из форм реализации принципов права является их закрепление в нормах законодательства.

Так, в соответствии со ст. 6 Федерального закона РФ «О полиции» законность является одним из принципов деятельности полиции. Осуществление данного принципа конкретизируется в содержании данной статьи.

Вместе с этим полиция входит в структуру органов внутренних дел. И сотрудник полиции одновременно является сотрудником органов внутренних дел.

При этом Федеральный закон РФ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не содержит такого принципа службы как законность.

В результате правоприменитель (сотрудник ОВД) должен ориентироваться на норму, которая содержится в другом законе, т.е. в Федеральном законе «О полиции». Однако, к примеру, сотрудник ОВД, занимающий определенную должность в кадровом аппарате либо в тыловых подразделениях, в соответствии со ст. 25 указанного закона не является сотрудником полиции. И, соответственно, положения ФЗ «О полиции» на него распространяются только при выполнении задач, возложенных на полицию.

Таким образом, отсутствие закрепления законности как принципа службы в органах внутренних дел является определенной преградой при реализации принципов права в практической деятельности указанных органов.

По нашему мнению, фиксация в положениях законодательства основных базовых принципов права, таких как законность, с конкретизацией содержания данной нормы применительно к конкретной сфере правоотношений будет являться ориентиром в деятельности правоприменителя, а также фактором, положительно влияющим на эффективность его деятельности.

Руководствуясь принципом законности, сотрудники полиции в своей деятельности также осуществляют контроль и надзор за исполнением законности, т.е. законность, как таковая, является содержанием деятельности полиции в целом. Состояние законности в деятельности полиции можно назвать показателем результативности деятельности полицейских подразделений, что в свою очередь влияет на состояние правопорядка, соблюдение прав и свобод граждан.

Рассматривая законность как принцип деятельности полиции, мы подразумеваем, в первую очередь, правильное понимание и толкование юридических норм, содержащихся в законах и других подзаконных актах, а также их соблюдение, исполнение и применение всеми сотрудниками полиции независимо от занимаемой должности, имеющегося специального звания и других обстоятельств.

Интересным и заслуживающим внимание, на наш взгляд, представляется мнение отдельных ученых, утверждающих, что «основным или базовым по отношению ко всем принципам права во всех видах процесса (административном или уголовно-процессуальном) является принцип законности, а все остальные представляют разнообразные способы выражения данного принципа» [7], [9].

Совершенно верно отмечает М. С. Строгович, что принцип российской законности означает точное соблюдение и исполнение законов государственными органами, учреждениями и организациями, а также всеми гражданами и лицами, занимающими определенные должности в государственных учреждениях. Здесь же дополняет, что соблюдать и исполняться должны не только сами законы, но и иные подзаконные акты, что объясняет невозможностью противоречия подзаконного акта непосредственно самому закону, которые в юридической иерархии занимают более высокую позицию [8, с. 109].

Особенность реализации принципа законности в административной деятельности полиции обусловлена необходи-

мостью не только строгого соблюдения норм законодательства самими сотрудниками полиции, но и предъявляемыми с их стороны требованиями соблюдения указанных норм всеми гражданами, организациями, что накладывает на сотрудников полиции особые обязательства.

Законность обеспечивается в следующих формах:

- деятельность полиции по осуществлению административного надзора за исполнением субъектами правоотношений в сфере охраны правопорядка и борьбы с преступностью нормативных актов;

- неукоснительная реализация правовых норм в указанной сфере правоотношений непосредственно самими сотрудниками полиции.

Данное деление наиболее полно позволяет раскрыть содержание деятельности полиции по обеспечению законности.

Состояние законности, как в административной, так и в иных направлениях деятельности полиции, остается актуальной проблемой, как в теоретической плоскости, так и в практической правоприменительной деятельности. Изучение основополагающих начал законности, как принципа административной деятельности полиции, имеет важное значение, так как законность является самой сутью деятельности полиции, ее содержанием в целом. Положительные критерии оценки состояния законности повышают авторитет полиции в глазах населения и, наоборот, отрицательное состояние законности снижает общественное доверие к деятельности полиции в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. проф. В. М. Корельского и проф. В. Д. Перевалова. 2-е изд., изм. и доп. - М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001.
2. Келина С. Г. О принципах советского уголовного права // Проблемы советской уголовной политики / Отв. ред. А. И. Коробеев. - Владивосток, 1985.
3. Борисов Г. А. О системе принципов, действующих в правовой сфере // Проблемы правоправедения. - Киев, 1976. - Вып. 34.
4. Мальцев В. В. Принципы уголовного права. - Волгоград, 2001.
5. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть общая: учебник / Под ред. А. П. Коренева. - М., 1997.
6. Громов Н. А. Принципы уголовного процесса, их понятие и система // Государство и право. - 1997. - № 7.
7. Якимов А. Ю. Принципы административно-юрисдикционного процесса // Государство и право. - 1999. - № 5.
8. Строгович М. С. Избранные труды. В 3 т. Т. 1. Проблемы общей теории права. - М.: Наука, 1990.
9. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2009.

БАГИШЕВ Олег Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

ИЗМЕНЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ КОДЕКСЕ В 2022 ГОДУ

В 2022 году Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях был значительно изменен. Часть изменений напрямую касается сферы предпринимательства, довольно существенно снижая нагрузку на бизнес, что особенно актуально в условиях санкций и не простой экономической ситуации в стране. Если часть изменений дает послабления в некотором плане для предпринимателей, то касаясь других статей КоАП, наоборот изменения призваны ужесточить имеющееся наказание, например в сфере управления автомобильным транспортом или относительно уплаты алиментов. В статье автором приведены некоторые изменения в административном кодексе РФ.

Ключевые слова: Административный кодекс, предупреждение, нижняя граница штрафа, административное правонарушение.

BAGISHEV Oleg Alekseevich

Ph.D. in Law, associate professor of Legal regulation of business and applied jurisprudence sub-faculty of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

CHANGES IN THE ADMINISTRATIVE CODE IN 2022

In 2022, the Code of Administrative Offences of the Russian Federation was significantly changed. Part of the changes directly concerns the sphere of entrepreneurship, significantly reducing the burden on business, which is especially important in the conditions of sanctions and the difficult economic situation in the country. If some of the changes give relief in some way for entrepreneurs, then with regard to other articles of the Administrative Code, on the contrary, the changes are designed to toughen the existing punishment, for example in the field of road transport management or regarding the payment of alimony. In the article, the author presents some changes in the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: administrative code, warning, lower limit of fine, administrative offense.

Багисhev О. А.

Административный кодекс претерпел значительные изменения в 2022 году, в сентябре этого года вступила в силу юбилейная, двадцатая редакция КоАП РФ (если считать с начала текущего года). В данной статье хотелось бы уделить внимание основным изменениям в административном кодексе.

1. Обязательность применения нижней границы штрафа или предупреждение.

Статья 4.1 КоАП РФ дополнена ч. 3.4-1¹, согласно которой если в законе предусмотрена нижняя и верхняя граница штрафа, то нижняя граница в обязательном порядке должна быть применена в том случае, если правонарушение было обнаружено в следствии государственного/муниципального контроля, при этом правонарушитель самостоятельно устранил вредоносные последствия своего правонарушения или добровольно возместил ущерб от своих действий. В данном случае, если правонарушение было выявлено впервые применяется вместо штрафа предупреждение, при условии наличия таких совокупных обстоятельств как:

– правонарушитель не нанес вред здоровью и жизни людей, животным, представителям растительного мира, объектам культурного наследия и обществу в целом;

– правонарушение не повлекло за собой ЧС техногенного или природного характера;

– не причинен имущественный вред.

2. Принцип одного штрафа.

Согласно новой редакции ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ² если в условиях проведения государственного/муниципального надзора/контроля были выявлены несколько административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена одной и той же статьей/частью КоАП РФ/закона РФ об административных правонарушениях то в отношении виновного лица выносится постановление об административном наказании как за одно правонарушение.

3. 50 % скидка при уплате штрафа за административное нарушение.

Согласно ч. 1.3-3 ст. 32.2 КоАП РФ³ правонарушитель имеет возможность оплатить штраф с 50 % скидкой, если

1 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022). - Ст. 4.1. - Ч. 3.4-1. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/93fe5340f4a47211790c8cfa5ba3ac94e3766a3c/.

2 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022). - Ст. 4.4. - ч. 5. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/a15678e8770d3900c3b2b5911fa77fd66bc2f7ed/.

3 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022). - Ст. 32.2. - 1.3-3. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

совершит оплату не позднее 20 дней с момента выхода постановления о наложении штрафа. Данное нововведение не распространяется на правонарушения, предусмотренные статьями: 13.15, 13.37, 14.31, 14.31.2, ч. 5-7 ст. 14.32, ст. 14.33, 14.56, 15.21, 15.30, 19.3, ч. 1-8.1, 9.1-39 ст. 19.5, ст. 19.5.1, 19.6, 19.7.5-2, 19.8-19.8.2, 19.23, ч. 2 и 3 ст. 19.27, ст. 19.28, 19.29, 19.30, 19.33, 19.34, 20.3, ч. 2 ст. 20.28 КоАП РФ.

4. Послабления административной ответственности для предпринимателей.

Выше мы уже рассмотрели несколько моментов, связанных с послаблением штрафов в части предпринимательства, рассмотрим еще несколько важных изменений.

– Изменена статья 2.1 КоАП РФ⁴, теперь юридическое лицо освобождается от административной ответственности в случае, если за это правонарушение привлечено к ответственности должностное лицо или другой работник данного юрлица, при этом само юридическое лицо сделано все возможное для соблюдения нарушенных норм и правил.

– Статья 4.1.2 КоАП РФ⁵ установила порядок назначения административного наказания социально ориентированным НКО и небольшим предприятиям. Для указанных юридических лиц административный штраф будет исчисляться в рамках размера административного штрафа для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юрлица. В том случае, если КоАП РФ не предусмотрен административный штраф за правонарушение, размер штрафа будет измеряться в нижних границах как половина минимального административного штрафа до половины максимально возможного для юридического лица, либо как половина размера административного штрафа выраженного в фиксированной стоимости. В данном случае есть исключение, данное новое правило не может быть применено к юридическим лицам, если речь идет о гл. 16 КоАП РФ.

– Увеличена до 6 месяцев (был 1 месяц) возможная отсрочка по уплате административного штрафа, решение принимается по результатам рассмотрения ходатайства.

5. Расширение ответственности за неуплату алиментов.

Внесены изменения в ст. 5.35.1 КоАП РФ⁶, согласно которым теперь ответственность подлежат также лица, уплатившие алименты частично. В данном случае правонару-

шителю грозят обязательные работы сроком до 150 часов или арест от 10 до 15 суток, или в условиях невозможности применения выше обозначенных мер, может быть наложен штраф в размере 20 тысяч рублей.

6. Ужесточение наказания за вождение автомобильным транспортом водителем, лишенным прав.

Статья 12.7 КоАП РФ дополнена частью 4⁷, согласно которой при повторном правонарушении, выражающемся в управлении автотранспортным средством водителем, который был ранее лишен прав (если такое правонарушение не несет в себе уголовно наказуемое деяние) может быть вынесен штраф в размере от 50 до 100 тысяч рублей либо обязательные работы сроком от 150 до 200 часов.

Относительно таких водителей еще стоит отметить, что обозначенная ранее скидка при уплате административного штрафа на них не распространяется и оплачивать придется в полном размере.

7. Ужесточение статей, связанных с оправданием нацизма и дискредитации ВС России.

В условиях специальной операции было актуально и необходимо обновить некоторые статьи в УК и КоАП РФ, в виду этого были следующие статьи:

– Добавлена статья 20.3.3 КоАП РФ. Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях (действующая редакция)⁸. Согласно которой выше обозначенные действия влекут наложение штрафа на физлица в размере от 35 до 50 тысяч рублей, на должностные лица – от 100 до 200 тысяч рублей, на юрлица – от 300 до 500 тысяч рублей. При этом если обозначенные действия сопровождаются также призывами к проведению несанкционированных мероприятий и создают угрозу причинения вреда жизни/здоровью граждан/имуществу/общественному порядку (если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния) в таком случае штраф может быть: для физлиц – 50 – 100 тысяч рублей, для должностных лиц – 200-300 тысяч рублей, для юрлиц – 500 – 1000 тысяч рублей.

– Добавлена статья 13.48 КоАП РФ. Нарушение установленного федеральным законом запрета публичного отождествления целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями,

document/cons_doc_LAW_34661/ebf5ddd5fcd5d19cbe40c405fc254be2f76/.

4 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022). – Ст. 2.1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/f214c94ac8d077460330dbe4ab3d6677b3635a79/

5 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022). – Ст. 4.1.2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/e63ac0104d49c9400foa080ad8e9d43240d7dfco/.

6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022). – Ст. 5.35.1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/>

cons_doc_LAW_34661/c2ff163d4e894965c3460251d75bf140fc9042d7/.

7 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022). – Ст. 12.7. - Ч. 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/86d85d3d52bb77876c524278464db710a481926/.

8 Статья 20.3.3 КоАП РФ. Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях (действующая редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/koap/20.3.3/>.

решениями и действиями руководства нацистской Германии, командования и военнослужащих нацистской Германии и европейских стран оси в ходе Второй мировой войны, а также отрицания решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы (действующая редакция)⁹. Согласно данной статьи обозначенные действия грозят наложением штрафа на физлица в размере 1-2 тысячи рублей или ареста сроком до 15 суток, на должностных лиц – штраф 2-4 тысячи рублей, на юрлиц – 10-50 тысяч рублей. Повторное подобное нарушение грозит правонарушителю: физлицам – 2500-5000 рублей или арест сроком до 15 суток, должностным лицам – 5-20 тысяч рублей или дисквалификацию на 6-12 месяцев, юрлицам – 50-100 тысяч рублей или приостановление деятельности до 90 суток.

8. Дополнена статья по финансированию терроризма.

Теперь статья называется Статья 15.27.1. Оказание финансовой поддержки терроризму, распространению оружия массового уничтожения (ранее без распространения оружия массового уничтожения)¹⁰.

Статья дополнена частью 2. Согласно которой неприменение принудительных мер по блокировке/замораживанию денежных сред и другого имущества (согласно законодательства РФ) влечет штраф на юрлиц в размере 300-500 тысяч рублей.

9. Изменена статья 7.19 КоАП РФ. Самовольное подключение и использование электрической, тепловой энергии, нефти или газа¹¹

Часть 2 статьи теперь звучит как «Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 настоящей статьи, выразившегося в самовольном подключении к электрическим сетям, тепловым сетям либо в самовольном (безучетном) использовании электрической, тепловой энергии, нефти, газа или нефтепродуктов. Наказание по данной части статьи осталось таким же.

Кроме изменений второй части была добавлена еще одна, третья часть. Согласно которой повторное правона-

рушение, предусмотренное частью 1 данной статьи, влечет штраф для юрлиц в размере 300-400 тысяч рублей.

Смягчение наказания за валютные нарушения.

Довольно сильно изменилась статья 15.25 КоАП РФ¹². Была снижена сумма штрафа за незаконные валютные операции, если раньше это было 75-100 % от суммы операции, то теперь 20-40 %. Также для должных лиц есть отдельные послабления. Например, в новом примечании к данной статье обозначено, что ответственность неприменима к резиденту, если невыполнение соответствующего требования валютного законодательства обусловлено применением мер ограничительного характера в отношении российских граждан или юридических лиц со стороны иностранных государств, совершающих в отношении Российской Федерации недружественные действия. Этот принцип распространяется на правоотношения, возникшие в период с 23 февраля 2022 года по 31 декабря 2022 года (ч. 3 ст. 2 Федерального закона от 13.07.2022 № 235-ФЗ).

В этом же законе есть предписание прекратить дела о правонарушениях, согласно ч. 1, 4, 4.1 и 5, если не было выполнено требование валютного законодательства за период с 23.02.2022, основной причиной которого является санкционный характер со стороны недружественных стран.

Автором в статье рассмотрены основные значительные изменения в КоАП РФ в 2022 году, по факту изменений в кодекс намного больше, но в основной массе они носят уточняющий характер.

9 Статья 13.48 КоАП РФ. Нарушение установленного федеральным законом запрета публичного отождествления целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии, командования и военнослужащих нацистской Германии и европейских стран оси в ходе Второй мировой войны, а также отрицания решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы (действующая редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/koap/13.48/>.

10 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022). – Ст. 15.27.1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/3a8e9ecaa466bf82dd15ef38da07a39d96db19c0/.

11 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022). – Ст. 7.19. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/04841feea5ff9801975555b134a3bc7e1fa721e6/.

12 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022). – Ст. 15.25. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/4adb77015309c711961ab12777e722a3b004b694/.

БЕЛЯЕВ Владимир Александрович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГАРАНТИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАН, ПРИНИМАЮЩИХ УЧАСТИЕ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА: НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

В статье проанализированы научная литература и нормы законодательства с целью раскрытия особенностей правового регулирования гарантий социальной защиты граждан, принимающих участие в охране общественного порядка: на материалах Республики Крым.

На основе проведенного анализа предложены изменения и дополнения в действующее законодательство Республики Крым, нормы которого регулируют гарантии социальной защиты граждан принимающих участие в охране общественного порядка, а именно: ежемесячную денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров; выплату ежегодной денежной компенсации на оздоровление; выплату ежемесячной денежной компенсации на питание детей в дошкольных образовательных организациях; обеспечение личного страхования народных дружинников.

Ключевые слова: гарантии, граждане, правовое регулирование, социальная защита, участие в охране общественного порядка, Республика Крым.

BELYAEV Vladimir Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Criminal process law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF GUARANTEES OF SOCIAL PROTECTION OF CITIZENS PARTICIPATING IN THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER: ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

The article analyzes the scientific literature and legislation in order to reveal the features of the legal regulation of guarantees of social protection of citizens participating in the protection of public order: on the materials of the Republic of Crimea.

Based on the analysis, amendments and additions to the current legislation of the Republic of Crimea are proposed, the norms of which regulate the guarantees of social protection of citizens participating in the protection of public order, namely: monthly monetary compensation for the purchase of food products; payment of annual monetary compensation for rehabilitation; payment of monthly monetary compensation for the nutrition of children in preschool educational organizations; provision of personal insurance for people's combatants.

Keywords: guarantees, citizens, legal regulation, social protection, participation in the protection of public order, the Republic of Crimea.

Бесконтрольное распространение, начиная с ноября 2013 года, политического кризиса на Украине привело к историческому событию, которое связано с вхождением Республики Крым в состав Российской Федерации. Этому событию предшествовали масштабные общественно-политические изменения в регионе, в ходе которых местные органы власти поддерживали решение премьер-министра Украины о приостановлении процесса евроинтеграции и призвали жителей Крыма укреплять связи с Российской Федерацией. Неконституционное отстранение Президента Украины и дальнейшие действия оппозиции вызвали резкую активность политических сил в Крыму. Благодаря поддержке России, и несмотря на попытки внешнего противодействия, в сжатые сроки был проведен общекрымский референдум о статусе Республики Крым, по итогам которого 97 % населения полуострова высказались за вхождение Крыма в состав Российской Федерации.

Начиная с февраля 2014 года, криминогенная обстановка в Республики Крым значительно ухудшилась. Это, прежде всего, было вызвано несколькими обстоятельствами, в частности: продолжавшимися несколько месяцев массовыми беспорядками в г. Киеве, возникшей реальной опасностью

«перемещения» радикально и националистически настроенных групп граждан на территорию полуострова, которые действовали дерзко и решительно, развернувшейся кампанией захватов административных зданий в ряде регионов Украины, полной деморализацией личного состава правоохранительных органов.

Данная ситуация обусловила создание народного ополчения (Самообороны Крыма), в состав которого вошли представители партии «Русское единство», «Русская община Крыма», казачества и организаций ветеранов-афганцев. Данное объединение приняло активное участие в мартовских событиях и стало общественным объединением по содействию органам внутренних дел в охране общественного порядка.

Различные аспекты участия граждан в охране общественного порядка были исследованы в различных научных исследованиях, таких ученых, как В. Б. Белорусов, Т. В. Богатова, Н. В. Бровко, С. А. Буткевич, В. Н. Воронкова, А. Н. Гугунский, П. О. Ильин, А. Б. Козловский, О. Ю. Мельников, Л. И. Овчинникова, А. И. Павловский, И. В. Потепенкова, Т. С. Сейтметметова, К. А. Султанов, С. А. Терентьев и др.

Однако, вопросы правового регулирования гарантий социальной защиты граждан, принимающих участие в охране

общественного порядка, рассматривались фрагментарно, в рамках широкой правовой проблематики.

После вхождения Крыма в состав Российской Федерации одним из вопросов который требовал быстрого решения, был связан с узаконением деятельности общественных формирований по охране общественного порядка. В связи с указанным, Государственным Советом Республики Крым 17 июня 2014 года был принят Закон Республики Крым № 22-ЗРК «О Народном ополчении – народной дружине Республики Крым», который устанавливал правовые основы и принципы деятельности Народного ополчения – народной дружины Республики Крым, определял ее организационную структуру и систему управления, обязанности, права и ответственность народных ополченцев – народных дружинников, а также гарантии их правовой и социальной защиты [1]. На сегодня, общественные отношения в сфере участия граждан в охране общественного порядка регулируются Законом Республики Крым от 26 октября 2016 года «Об отдельных вопросах участия граждан в охране общественного порядка в Республике Крым» [3]. В рамках исполнения данного закона был создан региональный реестр народных дружин, народных дружин из числа членов казачьих обществ, общественных объединений правоохранительной направленности на территории Республики Крым. По состоянию на 01.01.2020 г. в реестр внесены 2 народные дружины: «Народное ополчение – народная дружина Республики Крым» численностью 438 дружинников. Место дислокации г. Симферополь, территория обслуживания – Республика Крым и дружина «Чистопольская» численностью 16 дружинников. Место дислокации с. Чистополье, Ленинского района, территория обслуживания – с. Чистополье, Либкнехтовка, Затишное [7, с. 327].

Отметим, что основные положения указанного нормативного правового акта были основаны на положениях Федерального закона Российской Федерации от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка». Данный Федеральный закон закрепляет основы социальной защиты народных дружинников и внештатных сотрудников полиции. Установлено, что органы государственной власти и органы местного самоуправления за счет средств соответствующих бюджетов могут осуществлять материальное стимулирование деятельности народных дружинников. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления могут предоставлять народным дружинникам во время исполнения обязанностей народного дружинника проездные билеты на все виды общественного транспорта городского, пригородного и местного сообщения (за исключением такси) в пределах территории муниципального образования.

Народным дружинникам и внештатным сотрудникам полиции по месту работы предоставляется ежегодный дополнительный отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью до десяти календарных дней. Кроме того, данная категория граждан может выплачиваться вознаграждение за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления могут осуществлять личное страхование народных дружинников на период их участия в проводимых органами внутренних дел

(полицией) или иными правоохранительными органами мероприятий по охране общественного порядка, устанавливать дополнительные льготы и компенсации для народных дружинников, гарантии правовой и социальной защиты членов семей народных дружинников в случае гибели народного дружинника в период участия в проводимых органами внутренних дел (полицией) или иными правоохранительными органами мероприятиях по охране общественного порядка, а также использовать иные формы их материальной заинтересованности и социальной защиты, не противоречащие законодательству Российской Федерации [2].

В свою очередь, статья 11 Закона Республики Крым от 26 октября 2016 года «Об отдельных вопросах участия граждан в охране общественного порядка в Республике Крым» закрепляет, что «органы местного самоуправления за счет средств соответствующих местных бюджетов могут осуществлять материальное стимулирование деятельности народных дружинников, предоставлять народным дружинникам проездные билеты на все виды общественного транспорта городского, пригородного и местного сообщения (за исключением такси) в пределах территории муниципального образования, устанавливать дополнительные льготы и компенсации, гарантии правовой и социальной защиты для народных дружинников и членов их семей, а также использовать иные формы их материальной заинтересованности, не противоречащие федеральному законодательству и законодательству Республики Крым [3]. К сожалению, законодатель ограничился закреплением перечисленных социальных гарантий, что, по нашему мнению, может создать определенные «препятствия» в привлечении населения к охране общественного порядка.

Кроме этого, достаточно важным аспектом, который связан с привлечением граждан к участию в охране общественного порядка является закрепление на региональном уровне размеров компенсационных выплат, в случае получения травмы (увечья) или гибели народного дружинника в период участия в мероприятиях по охране общественного порядка. Так, например, в Законе г. Севастополя определено:

1) в случае гибели народного дружинника в период участия в проводимых органами внутренних дел (полицией) или иными правоохранительными органами мероприятий по охране общественного порядка или смерти народного дружинника вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученного в период участия в проводимых органами внутренних дел (полицией) или иными правоохранительными органами мероприятиях по охране общественного порядка, членам семьи погибшего (умершего) (лицам, находившимся на его иждивении) выплачивается в равных долях единовременное пособие в размере 1 миллиона рублей за счет средств бюджета города Севастополя [4] (для сравнения: в аналогичном законе Республике Крым предусмотрено единовременное денежное пособие в размере 200 тыс. руб. [3], в Республике Коми – размер выплат составляет 100 тыс.руб.);

2) в случае причинения народному дружиннику тяжкого вреда здоровью в период участия в проводимых органами внутренних дел (полицией) или иными правоохранительными органами мероприятиях по охране общественного порядка ему выплачивается единовременное пособие в размере 500 тысяч рублей за счет средств бюджета города Севастополя [4] (для сравнения: в аналогичном законе Республи-

ке Крым предусмотрена единовременная денежная выплата в размере от 20–до 50 тыс. руб. – в зависимости от тяжести причиненного вреда [3]; в Республике Коми – размер выплат составляет 50 тыс.руб. [5];

3) в случае причинения народному дружиннику вреда здоровью средней тяжести или легкого вреда здоровью в период участия в проводимых органами внутренних дел (полицией) или иными правоохранительными органами мероприятий по охране общественного порядка ему компенсируются понесенные им расходы на лечение, но не более 100 тысяч рублей за счет средств бюджета города Севастополя [4]. К сожалению, в аналогичном законе Республики Крым данное положение не закреплено.

В связи с указанным, следует согласиться с мнением С. А. Буткевича, который отмечает, что «меры поддержки народных дружинников и иных граждан, участвующих в охране общественного порядка в Республике Крым должны найти соответствующее закрепление и в республиканском законодательстве» [6].

На основании проведенного анализа и практики нормативно-правового регулирования участия граждан в охране общественного порядка в различных субъектах Российской Федерации, считаем целесообразным в Закон Республики Крым внести дополнения и закрепить:

- во-первых, ежемесячную денежную компенсацию на приобретение продовольственных товаров;
- во-вторых, выплату ежегодной денежной компенсации на оздоровление;
- в-третьих, выплату ежемесячной денежной компенсации на питание детей в дошкольных образовательных организациях;
- в-четвертых, предоставление детям школьного возраста народных дружинников спасших людей во время проведения мероприятий по охране общественного порядка, погибших или получивших телесные повреждения (травму, увечья) в период исполнения обязанностей народного дружинника бесплатных путевок в оздоровительные лагеря в каникулярное время;
- в-пятых, обеспечение личного страхования народных дружинников.

Пристатейный библиографический список

1. О Народном ополчении – народной дружине Республики Крым: Закон Республики Крым №22-ЗРК от 17 июня 2014 года (утратил силу). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/07/09/krim-zakon22-reg-dok.html> (дата обращения: 10.08.2022).
2. Об участии граждан в охране общественного порядка: Федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/04/04/poryadok-dok.html> (дата обращения: 10.08.2022).
3. Закон Республики Крым от 26 октября 2016 года «Об отдельных вопросах участия граждан в охране общественного порядка в Республике Крым». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/43812252/#block_1502 (дата обращения: 10.08.2022).

4. Закон города Севастополя от 17 апр. 2015 г. № 128-ЗС «Об участии граждан в охране общественного порядка в городе Севастополе». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sevzakon.ru/view/laws/bank/04_2015/ob_uchastii_grazhdan_v_ohrane_obshhestvennogo_poryadka_v_gorode_sevastopole/tekst_zakona/ (дата обращения: 10.08.2022).
5. Закон Республики Коми от 10 нояб. 2014 г. № 134-РЗ «О некоторых вопросах участия граждан в охране общественного порядка на территории Республики Коми». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.08.2022).
6. Буткевич С. А. Участие граждан в охране общественного порядка в Крымском федеральном округе (теоретико-правовое исследование) // Вестник КРУ МВД России. – 2015. – № 3 (29). – С. 60-65.
7. Султанов К. А. Об административно-правовой ответственности за нарушение прав граждан, задействованных в охране общественного порядка по законодательству субъектов Российской Федерации Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). – № 4. – С. 327-334.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-126-128

ИГНАТЬЕВА Ирина Валентиновна

кандидат экономических наук, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

ВЛАСОВА Елена Львовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

КИРИЛЬЧИК Елена Валерьевна

преподаватель кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА, И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

В представленной работе рассматривается влияние цифровизации социально-экономических отношений на развитие форм и модели взаимодействия власти и бизнеса. Сегодня от налаживания конструктивного диалога и сотрудничества между властью и бизнесом во многом зависит будущее страны. Целью исследования является представление роли цифровизации в налаживании конструктивного взаимодействия власти и бизнеса. В статье рассмотрены традиционные модели взаимоотношений государства и бизнеса и показан процесс их изменения под влиянием цифровых технологий, внедряемых в государственное управление. Совершенствование взаимодействия органов власти и предпринимательства связывается с созданием возможности для активного диалога между бизнесом и властью. Тем самым, при существенном сокращении в условиях цифрового информационного обмена возможностей для коррупционной активности, и наоборот, ростом возможностей оперативной обратной связи, необходимой для бизнеса, повышается правосознание предпринимателей. Таким образом, цифровая трансформация, не устраняя доминирование государства во взаимоотношениях с бизнесом, позволяет упорядочить экономические отношения, существенно повысить уровень предпринимательского правосознания.

Ключевые слова: цифровизация, взаимодействие власти и бизнеса, формы и модели, цифровые платформы, правосознание.

IGNATJEVA Irina Valentinovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of General theoretical and state-legal disciplines sub-faculty of the Eastern Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

VLASOVA Elena Lvovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of General theoretical and state-legal disciplines sub-faculty of the Eastern Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

KIRILCHIK Elena Valerjevna

lecturer of General theoretical and state-legal disciplines sub-faculty of the Eastern Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

DIGITAL TECHNOLOGIES USED TO IMPROVE THE INTERACTION BETWEEN THE STATE AND BUSINESS AND THEIR IMPACT ON LEGAL AWARENESS AND TRADITIONAL METHODS OF REGULATION

The presented paper examines the impact of digitalization of socio-economic relations on the development of forms and models of interaction between government and business. Today, the future of the country largely depends on the establishment of a constructive dialogue and cooperation between the government and business. The purpose of the study is to present the role of digitalization in establishing constructive interaction between government and business. The article examines the traditional models of the relationship between the state and business and shows the process of their change under the influence of digital technologies introduced into public administration. Improving the interaction of government and entrepreneurship is associated with the creation of opportunities for an active dialogue between business and government. Thus, with a significant reduction in the conditions of digital information exchange of opportunities for corruption activity, and vice versa, with an increase in the possibilities of operational feedback necessary for business, the legal awareness of entrepreneurs increases. Thus, digital transformation, without eliminating the dominance of the state in relations with business, allows us to streamline economic relations, significantly increase the level of entrepreneurial legal awareness.

Keywords: digitalization, interaction of government and business, forms and models, digital platforms, legal awareness.

Введение. Сегодня практически во всех сферах общественных отношений широко используются цифровые элементы, что требует от участников определенных знаний, умений и навыков обращения с различными объемами информации, необходимые для осуществления определенной деятельности. Не все социальные группы и слои населения легко воспринимают цифровые новшества ввиду различных причин, низкого уровня цифровой

грамотности. Однако в таких сферах, как государственное управление экономикой, активное использование цифровых инструментов становится необходимым для повышения эффективности деятельности государственных органов власти, улучшения взаимодействий между органами власти и предпринимательством. Отмечается, что сегодня развитие предпринимательства, будучи одним из важнейших факторов эффективности современной экономики,

сдерживается в значительной степени по причине невысокой эффективности взаимодействия властных структур и бизнес сообщества [1].

Цифровые элементы во взаимоотношениях бизнеса и власти призваны создать возможности для оперативного реагирования субъектов на возникающие задачи посредством использования новых средств коммуникации, в том числе и для повышения правосознания экономических агентов с целью минимизации негативных явлений, имеющих место в экономической деятельности (мошеннических схем ухода от налогов, распространение контрафакта и т. п.).

Положительное в целом влияние цифровизации на общество для отдельных субъектов может представлять ряд проблем, связанных с отсутствием знаний, навыков и компетенций у отдельных субъектов. Для бизнеса, например, негативным фактором внедрения цифровых инструментов может стать их высокая стоимость. В этом случае готовность бизнеса к взаимодействию с представителями власти в условиях масштабного применения подобных инструментов далеко не очевидна.

В таких условиях организация внедрения цифровых элементов во взаимоотношение власти и бизнеса, сегодня является одной из актуальных тем для современных исследователей. В российской научной литературе большое внимание уделено взаимоотношениям власти и бизнеса, в основном в сфере административно-правового регулирования предпринимательской деятельности [2]. Зачастую взаимовлияние бизнеса и власти рассматривается как двустороннее: политическая настройка устанавливает и осуществляет контроль над бизнесом, принуждая к выполнению поставленных политических целей, в то время как бизнес влияет на формирование государственной политики [3].

Отдельные авторы отмечают, что «предприниматели не воспринимают власть как стратегического партнера в развитии бизнеса, запрос на взаимодействие с властью обусловлен преимущественно необходимостью решения задач тактического характера [4]. Гораздо больше исследователей [5], [6] пишут о наличии многочисленных и разнообразных совместных проектов власти и бизнеса, направленных на решение непростых социальных задач и проблем социально-экономического характера, в том числе и путем совместной разработки важных законопроектов, что приближает отношения бизнеса и власти к уровню стратегического партнерства.

В работах зарубежных исследователей исследуется в основном традиционный для западных стран тип взаимодействия власти и бизнеса «лоббирование давлением» [7]. Оно выражается в воздействии представителей предпринимательских кругов на отдельных политиков, имеющее целью, как правило, удовлетворение экономических интересов первых.

Сегодня, по мнению автора представленного исследования, большой интерес представляют исследования влияния инновационных процессов на взаимоотношения власти и бизнеса. Такое влияние пока не представляется изученным в достаточной степени. Поэтому задачей данного исследования являются рассмотрение изменений под влиянием цифровых технологий традиционных методов взаимодействия власти и бизнеса, их воздействие на правосознание предпринимателей, как отдельной социальной прослойки.

Методы исследования. Для достижения результатов исследования были использованы как теоретические, так и эмпирические методы. Источники, послужившие научной основой исследования по рассматриваемой проблематике, изучены с применением ретроспективного анализа. Для описания форм, моделей, направлений взаимодействия бизнеса и власти в условиях цифровизации экономики применен метод индукции, как теоретический метод-действие, позволивший спрогнозировать влияние отдельных инструментов на некоторые общие компоненты экономической системы. Отдельные аспекты применения цифровых инструментов, после обзора их общих параметров, рассмотрены при помощи метода перехода от общего к частному.

Основная часть. В научной литературе описаны следующие формы взаимоотношений власти и бизнеса: доминирование, корпоративизм, партнерство, плюрализм и др. В рамках этих форм развивались различные модели взаимоотношений власти и бизнеса в нашей стране. В начале 1990 гг. происходила «приватизация власти» – проявляющаяся в виде сильного воздействия со стороны бизнеса на властные структуры, с целью лоббирования интересов отдельных предпринимательских групп. Затем, с начала 2000 гг. ситуация меняется: власть стремится получить как можно больший контроль над экономической сферой и ориентированы на недопущение прямого или косвенного влияния бизнес-структур на власть. Параллельно существовали партнерская модель взаимоотношений, при которой власть и бизнес реализуют совместные проекты, модель подавления и принуждения, а также модель отсутствия, при которой власть отстраняется от участия власти в вопросах, реализующихся при поддержке бизнеса. Отмечается, что обозначенные, как и многие другие модели взаимодействия в отношениях власти и бизнеса, редко проявляются в «чистом» виде, совмещая черты разных моделей в различных пропорциях [8].

Одним из основных факторов развитие социально-экономических систем в XXI веке, в отличии от предыдущих этапов, стали инновационные технологии. Широкое внедрение инноваций в социально-экономические процессы стали называть цифровизацией, представляющей собой процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов [2]. В отношении практически каждого субъекта предпринимательства, участие в цифровизации становится обязательным, поскольку деятельность коммерческих организации в меняющейся реальности реальности должна соответствовать подвергающимся влиянию цифровизации нормам права.

Сегодня все более преобладающими становятся такие формы взаимодействия как коммуникации и выстраивание обратной связи. Цифровые технологии позволяют перевести взаимодействие в управленческих отношениях «власть-бизнес» на новый качественный уровень. Сегодня все больше субъектов экономической деятельности проводят необходимые для ее осуществления операции посредством цифровых платформ, особого рода электронных ресурсов, используемых государственной властью для упорядочения и ускорения управленческих процессов в экономике. Для предпринимателей, самозанятых граждан цифровые платформы, такие как единый портал «Госуслуги», «Мой Налог» и другие государственные электронные

ресурсы, позволяют существенно ускорить и облегчить регистрацию бизнеса, необходимую маркировку товара, предоставление необходимой отчетности в фискальные органы и др. В рамках таких платформ и подобных им цифровых ресурсов, как правило, присутствуют функции обратной связи, позволяющие обеспечить оперативную передачу информации, например обращений предпринимателей, и ее обработку властными органами. Таким образом, рассмотренная выше модель доминирования власти во взаимоотношениях государства и бизнеса реализуется посредством цифровых элементов, сохраняя необходимые контрольные функции. Бизнес в таких условиях получает возможности оперативной обратной связи, позволяющей в определенной степени влиять на принятие управленческих решений в сфере экономики. Подобные взаимоотношения существенно повышают правосознание бизнеса. С одной стороны, становится прозрачным процесс принятия решений на основе оперативного информационного обмена посредством открытых цифровых платформ и других электронных ресурсов, существенно сужается пространство для коррупционной активности в сфере государственного управления экономикой [9]. С другой стороны, для предпринимателей участие в работе цифровых платформ предполагает вывод бизнеса из тени, отказ от незаконных налоговых схем. Предприниматели, являясь личностями, которым в массе свойственен холодный и точный расчет, видя выгоды такого участия, предпочтут открытую и законную деятельность теневым схемам, что в конечном итоге выразится в существенном повышении правосознания представителей бизнеса.

Таким образом, благодаря цифровым технологиям российский бизнес вырабатывает действенный механизм самозащиты от неправомерных действий отдельных государственных служащих, что, несомненно, способствует формированию предпринимательского правосознания. По мнению автора, этому способствует как информационной открытость и доступности органов власти, так и возможность взаимодействия между бизнесом и государством в цифровой, а следовательно, открытой, гласной, транспарентной и автоматизированной среде, минимизирующей или исключаящей полностью возможности для коррупции.

Заключение. Подводя итог исследованию, можно сделать вывод, что формы взаимодействия власти и бизнеса как таковые не носят цифровой характер. В условиях перехода к цифровой экономике они приобретают «цифровое содержание» за счет добавления цифровых инструментов взаимодействия и соответствующих изменений направлений взаимодействия. Несомненно, что цифровые элементы способствуют минимизации и полному устранению многих негативных моментов, таких как коррупция, что способствует формированию правосознания предпринимателей. Важно сделать так, чтобы основные расходы по цифровизации не покрывались за счет предпринимателей, особенно мелких и средних, а обеспечивались государством. Дополнительным фактором повышения правосознания предпринимателей в условиях цифровизации может стать привлечение, осуществимое с применением цифровых технологий, всех субъектов предпринимательства к обсуждению, выявлению и анализу имеющихся трудностей и проблем на пути перехода к условиям новой цифровой трансформации в рамках налаживания конструктивного диалога между властью и бизнесом.

Пристатейный библиографический список

1. Волковский В. Формирование механизма управления взаимодействием органов власти и бизнес-структур сферы малого и среднего предпринимательства // Вестн. Рос. экон. акад. им. Г. В. Плеханова. – 2010. – № 1 (31). – С. 80-86.
2. Бондарева Е. Формы взаимодействия власти и бизнеса в субъектах Российской Федерации (на примере Воронежской области) // Конституционализм и государственное управление. – 2020. – № 2 (18). – С. 20-31.
3. Устаев Р., Устаева М. Взаимодействие органов власти и бизнес-структур посредством государственно-частного партнерства в формате цифровой экономики // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2020. – № 4 (28). – С. 66-69.
4. Будовская О. Бизнес и власть на уровне региона: проблемы взаимодействия и тенденции развития // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 4 (29). – С. 84-90.
5. Шевченко Е. Лоббизм в структуре взаимодействия бизнеса и власти // Вестн. Ин-та дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 19-24.
6. Устаев Р., Устаева М. Взаимодействие органов власти и бизнес-структур посредством государственно-частного партнерства в формате цифровой экономики // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2020. – № 4 (28). – С. 66-69.
7. Woll K., Artigas A. When trade liberalization turns into regulatory reform: The impact on business – government relations in international trade politics // Regulation & Governance, 2007. No. 1. – Pp. 121-138.
8. Приказ Минкомсвязи России от 1 августа 2018 года № 428 Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minkomsvjazi-rossii-ot-01082018-n-428-ob-utverzhenii>.
9. Цифра свяжет бизнес и власть // Российская газета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2019/01/14/dlia-vzaimodejstviia-biznesa-i-vlasti-sozdatut-cifrovuiu-platformu>.
10. Сперанский В. К. Цифровая экономика как элемент борьбы с коррупцией // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 9 (136). – С. 292-294.

КАРИМОВА Гульназ Юрисовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы, возникающие в рамках правоприменения уполномоченными субъектами, в первую очередь, органами внутренних дел в лице участкового уполномоченного полиции. Отмечено, что предупреждение совершения поднадзорными лицами административных правонарушений и преступлений регламентировано достаточно детально нормативными правовыми актами и реализуется в должной мере. Проанализированы некоторые статистические данные по совершению поднадзорными лицами административных правонарушений. Предложено усилить работу по повышению эффективности взаимодействия между различными подразделениями органов внутренних дел и федеральной службой исполнения наказаний.

Ключевые слова: административный надзор, административная ответственность, правовое положение, поднадзорное лицо, административное правонарушение.

KARIMOVA Gulnaz Yurisovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and legal disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

THE IMPORTANCE OF THE INSTITUTION OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF PERSONS RELEASED FROM PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

The article deals with some problematic issues arising in the framework of law enforcement by authorized entities, primarily by internal affairs bodies represented by the district police commissioner. It is noted that the prevention of the commission of administrative offenses and crimes by supervised persons is regulated in sufficient detail by regulatory legal acts and is implemented in due measure. Some statistical data on the commission of administrative offenses by supervised persons are analyzed. It is proposed to strengthen the work on improving the efficiency of interaction between various departments of the internal affairs bodies and the Federal Penitentiary Service.

Keywords: administrative supervision, administrative responsibility, legal status, supervised person, administrative offense.

Любое демократическое правовое государство заинтересовано в том, чтобы правоохранительные органы больше направляли сил на предупреждение негативных асоциальных явлений, уже на стадии их «зарождения», нежели на ликвидацию уже последствий преступности, что требует больше средств, сил и времени. Также сейчас особое внимание уделяется не только общей профилактике, но и специальной профилактике. Суть ее состоит в применении особых предупредительных мер к лицам, склонным к совершению преступлений. Данные меры разрабатываются с целью исправления указанной категории лиц, и предполагает наличие развитой правовой базы, с разработанными необходимыми мерами и неуклонное исполнение ее требований [1].

Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, представляет собой эффективный механизм предупреждения рецидивной преступности. Институт административного надзора был возобновлен в 2011 году с принятием Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [2]. До этого времени с момента распада советской политической системы до принятия выше указанного закона фактически отсутствовал контроль и надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы и имеющими неснятую или непогашенную судимость. Резкое увеличение в этот период рецидивной преступности объективно привело к необходимости возобновления института административного надзора.

Обратимся к некоторым статистическим показателям.

В 2021 году число лиц, состоявших под административным надзором в Республике Башкортостан, составило 2265 человек, что уже на 85 человек больше по сравнению с 2020 годом (2180 человек за 12 месяцев 2020 года). Следует также отметить, что количество поднадзорных, которым продлен административный надзор, составило 393 чело-

Каримова Г. Ю.

века, в 2020 году – 420 человек. Особую обеспокоенность вызывает количество протоколов об административных правонарушениях, составленных по ст. 19.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) «Несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре». За 9 месяцев 2021 года – 7553, что на 767 уже превысило количество составленных протоколов в 2020 году (6786 протоколов за 12 месяцев 2020 года) [3].

Для проведения качественной работы по профилактике правонарушений присутствуют и проблемные вопросы в деятельности сотрудников полиции, в первую очередь, это именно огромная нагрузка на инспекторов.

На примере МВД по Республике Башкортостан можно увидеть, что по итогам 9 месяцев 2021 года на 74 сотрудника приходится 2265 лиц, в отношении которых решением суда назначен административный надзор. В принципе, если грамотно распланировать свою работу, то нагрузка получается около 30 «поднадзорников». Однако, не всё так радужно, как показывает статистика, нагрузка распределена не равномерно, так, на одного инспектора в большинстве территориальных органов приходится от 8 до 30 поднадзорных лиц, между тем в городе Стерлитамак на 1 инспектора приходится 144 поднадзорных лица, в городе Салават – 92 поднадзорных лица, а в городе Уфе на 1 инспектора от 41 до 80 поднадзорных лиц.

Одним из решений сложившейся ситуации могло бы стать нормативное закрепление предельной нагрузки у сотрудников, осуществляющих административный надзор, а в случае увеличения количества поднадзорных лиц – вводить по необходимости временные дополнительные должности, а впоследствии при выравнивании нагрузки передавать штатные единицы в другие территориальные органы.

Анализ официальных данных показывает, что в 2021 году число удовлетворенных ходатайств об установлении дополнительных ограничений – 544, что превышает показатели 2020 года (449 – за 12 месяцев).

В России количество рассмотренных дел по ст. 19.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) «Несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре», по данным судебной статистики Российской Федерации в 2021 году составило всего 202 471 [4]. При этом вынесением постановления по делу об административном правонарушении и привлечением к административной ответственности закончилось 190 736. Следует отметить, что к наказанию в виде административного ареста было привлечено 114 952 человека, а к административному штрафу – 23 440.

Сказанное выше позволяет утверждать о том, что, несмотря на достаточную правовую регламентацию указанного института как в рамках федерального законодательства, так и на уровне органов исполнительной власти, существует ряд проблем, которые возникают в рамках правоприменения уполномоченными субъектами, в первую очередь, органами внутренних дел в лице участкового уполномоченного полиции.

Конституция Российской Федерации [5] провозглашает в статье 55 о запрете необоснованного ограничения прав и свобод человека и гражданина. Это в полной мере соответствует всем международным конвенциям и иным актам и учтено в положениях Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Данный нормативный правовой акт закрепляет основные понятия института, порядок установления, прекращения и продления административного надзора, а также права и обязанности поднадзорных и полномочия должностных лиц.

Кроме этого, во исполнение положений указанного выше закона Министерством внутренних дел Российской Федерации принят приказ от 08 июля 2011 года № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», закрепивший порядок осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также порядок их взаимодействия органов внутренних дел с подразделениями ФСИН России. Помимо этого, указанный ведомственный нормативный правовой акт утвердил формы процессуальных документов, необходимых для организации работы по осуществлению административного надзора.

Кроме перечисленных нормативных правовых актов, существуют и иные нормы, регламентирующие общественные отношения в рамках рассматриваемого института. К ним можно отнести положения ст. 314.1 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ) и далее ст. 19.24 КоАП РФ, где установлена юридическая ответственность поднадзорных лиц за нарушение запретов и ограничений в рамках административного надзора. Также существуют разъяснения судов, среди которых Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что исследуемый вид административного надзора является комплексным институтом, который регламентирован нормами различных отраслей права. Это такие отрасли: как административное, уголовное, уголовно-исполнительное, конституционное и т. д. Сама же природа рассматриваемых отношений является административно-правовой, хотя отдельные авторы считают эти отношения уголовно-правовыми.

Следует отметить, что предупреждение совершения поднадзорными лицами административных правонарушений и преступлений регламентирована достаточно подробно вышеуказанными нормативными правовыми актами и реализуется в должной мере. Однако, имеющиеся данные статистики, в частности, показывающие увеличение количества составленных протоколов по ст. 19.24 КоАП РФ «Несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре», сигнализируют о том, что наказание за нарушение возложенных законом обязанностей слишком «мягкое», поскольку предупреждение или небольшой по сумме административный

штраф не устраивают поднадзорное лицо и не мотивируют его сознательно относиться к выполнению обязанностей. Есть и другие проблемы объективного и субъективного характера правоприменительного толка. К ним можно отнести и загруженность участковых уполномоченных полиции другими возложенными на них служебными обязанностями, и некомпетентностью органов внутренних дел, и спецификой контингента лиц, с которым приходится работать. Ведь для повышения эффективности института административного надзора необходимо участковому уполномоченному полиции применять индивидуальный подход к каждому поднадзорному с применением психологических и педагогических методик. Не всегда удается даже опытному участковому уполномоченному полиции заслужить авторитет в глазах поднадзорного лица, не допускать совершения им противоправных деяний в будущем и, как результат своей деятельности, – ресоциализировать поднадзорное лицо.

В качестве предложений по совершенствованию данного направления деятельности, следует отметить более плотное, эффективное взаимодействие между сотрудниками органов внутренних дел и исправительными учреждениями Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации в части обмена информацией о лицах, подлежащих административному надзору, а также взаимодействие участковых уполномоченных полиции с сотрудниками уголовного розыска, Государственной инспекции по обеспечению безопасности дорожного движения, отделов Главного управления на транспорте при осуществлении контроля за поднадзорными лицами, пресечении совершения ими преступлений и административных правонарушений. Для лиц, уже совершавших ранее тяжкие и особо тяжкие преступления, остаются «привлекательными» для совершения новых преступлений общественные места.

Охрана правопорядка и обеспечение общественной безопасности органами внутренних дел подразумевает под собой реализацию отдельных мероприятий, имеющих правовое обоснование и необходимых, и достаточных в конкретной сложившейся ситуации.

Сотрудники патрульно-постовой службы полиции осуществляют работу с населением по предупреждению преступлений и правонарушений, при этом, сотрудникам приходится контактировать с разными категориями граждан, в том числе лицами, состоящими под административным надзором. Поэтому важную роль в предупреждении преступлений поднадзорных лиц в общественных местах выполняют именно сотрудники патрульно-постовой службы полиции.

Решению задач по профилактике и раскрытию преступлений способствует использование возможностей правоохранительного сегмента аппаратно-программного комплекса «Безопасный город». По итогам 2021 года с помощью технических средств АПК «Безопасный город» зафиксировано 37,4 млн административных правонарушений и преступлений, раскрыто 17 тыс. криминальных деяний [3].

Пристатейный библиографический список

1. Нурисламов А. С. Проблемные вопросы в деятельности участкового уполномоченного полиции при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы деятельности участкового уполномоченного полиции» Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя. – Февраль 2021 г.
2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».
3. Сведения об административной практике органов внутренних дел // Форма статистической отчетности 565 за 2021 год: - М.: ГИАЦ МВД России.
4. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям // Судебная статистика Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stat.апи-пресс.рф> (дата обращения: 08.09.2022).
5. Конституция Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 1 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

КУЛАКОВ Николай Андреевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России

ГРИПП Эльвина Харисовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

ЯХИНА Юлия Харисовна

кандидат юридических наук, доцент, декан Юридического факультета, доцент кафедры конституционного и административного права Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

ПРАВОВОЙ СТАТУС ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РФ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Исследование посвящено публично-правовым и, в частности, административно-правовым аспектам правового статуса государственных и муниципальных учреждений. Авторами обосновано, что в вопросах законодательного регулирования правового статуса, регистрации и реорганизации, как способа создания таких учреждений, законодатель не всегда последователен и системен. В ходе исследования сформулирован вывод о необходимости принятия единого законодательного акта о государственных и муниципальных учреждениях.

Ключевые слова: некоммерческая организация, казенное учреждение, бюджетное учреждение, автономное учреждение, административно-правовой статус.

KULAKOV Nikolay Andreevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative law sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

GRIPP Elvina Kharisovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of State and legal disciplines sub-faculty of the North-Western branch of the Russian State University of Justice

YAKHINA Yuliya Kharisovna

Ph.D. in Law, associate professor, Dean of the Faculty of Law of the Bashkir Academy of Public Service and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan

LEGAL STATUS OF STATE AND MUNICIPAL INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: PUBLIC LEGAL ASPECT

The study focuses on public-legal and, in particular, administrative-legal aspects of the legal status of state and municipal institutions. The authors justify that in matters of legislative regulation of legal status, registration and reorganization, as a way of creating such institutions, the legislator is not always consistent and systematic. During the study, a conclusion was formulated on the need to adopt a single legislative act on state and municipal institutions.

Keywords: non-profit organization, state institution, a budgetary institution, autonomous institution, administrative and legal status.

Одним из важнейших направлений модернизации современной российской экономики остается развитие государственного участия в экономическом обороте. посредством включения имущества публично-правовых образований в экономический оборот государство регулирует экономику, осуществляет политику протекционизма в отношении определенных областей и категорий участников экономических отношений, стимулирует развитие сектора общественно значимых услуг. В этом контексте роль некоммерческих организаций в системе государственного управления возрастает. Связано это с эволюцией механизма государственного управления, его децентрализацией и попытками задействования механизмов самоорганизации. Такой подход позволяет, с одной стороны, снизить степень государственного контроля за деятельностью субъектов правоотношений, субъектов экономических отношений, а с другой – наладить опосредованный контроль посредством других участников этих отношений, которым передается ряд публично значимых функций [1, с. 52].

Рассуждая о правовом статусе некоммерческих организаций с государственным участием, следует отметить его двойственность. С одной стороны некоммерческие организации являются субъектом гражданского права, равноправным участником гражданско-правовых отношений. С другой стороны цель их создания и функционирования, а также государственного (муниципального) финансирования опосредуют наличие административно-правового статуса некоммерческих организаций их и административную правоспособность. В гражданском праве некоммерческая организация рассматривается как организационно-правовая форма юридического лица - участника гражданского оборота, а в административных, административно-процессуальных от-

ношениях как форма реализации публичных прав граждан в сфере государственного управления, отдельных публичных полномочий государства в сфере государственного управления. Таким образом, публично-правовые аспекты правового положения некоммерческих организаций, и, в частности, учреждений, безусловно, входят в предмет современной науки административного права.

Создаваемые публично-правовыми образованиями учреждения на первом этапе представляют собой комплекс государственного (муниципального) имущества, и призваны реализовывать государственное (муниципальное) задание в той или иной области, принимая участия в гражданско-правовых отношениях на равных условиях с иными их участниками. Учреждение является одной из наиболее распространенных организационно-правовых форм юридических лиц в России. О масштабах востребованности данной разновидности юридических лиц свидетельствуют официальные данные налоговых органов. Так, на первое января 2020 г. в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) содержатся сведения о 216 094 учреждениях, из которых практически все (216 040) – государственные и муниципальные (государственных всего 52 137, из них 14 233 федеральных и 37 904 - субъектов РФ; муниципальных - 163 903)¹.

В соответствии со ст. 123.21 ГК РФ учреждение это унитарная некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера. Аналогичные признаки содержит дефиниция, предусмотренная

1 Отчет по форме № 1-ЮР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8376083/ (дата обращения: 16.03.2020).

частью первой ст. 9. ФЗ «О некоммерческих организациях»². В настоящее время российское законодательство предусматривает три типа государственных и муниципальных (публичных) учреждений: казенное, бюджетное и автономное. Каждый из перечисленных типов отличается по целям, объему правомочий по распоряжению вверенным имуществом и осуществлению деятельности, приносящей доход. Так, казенные учреждения – это учреждения, деятельность которых финансируется исключительно за счет средств бюджета и не предусматривает дополнительных доходов. Казенные учреждения функционируют в тех областях, которые находятся под строгим контролем государства (область внутренних дел, исполнения наказаний и т.д.). В свою очередь, бюджетные или автономные учреждения реализуют вмененные им публичной властью функции в областях, где существует конкуренция с иными коммерческими и некоммерческими субъектами, специализирующимися на аналогичных функциях (образование, наука, здравоохранение, культура). Совершенно логично и оправданно, что им предоставлена большая свобода в части осуществления деятельности приносящей доход. Это повышает их конкурентоспособность, самостоятельность.

Следует отметить, что в вопросах законодательного регулирования правового статуса, государственной регистрации государственных и муниципальных учреждений, вопросах их реорганизации, как способа создания таких учреждений, законодатель, к сожалению, не всегда последователен и системен. Правовой статус публичных учреждений регулируется несколькими законодательными актами. Так понятие казенного учреждения раскрывается в ст. 6 Бюджетного Кодекса, дефиниция, раскрывающая понятие бюджетного учреждения, приводится в части первой ст. 9.2 ФЗ «О некоммерческих организациях». Автономные учреждения – единственная разновидность публичных учреждений, правовому статусу которых посвящен отдельный федеральный закон. При этом некоторые акты распространяют действие своих норм на государственные учреждения лишь в части. Например, положения ФЗ «О некоммерческих организациях» о регистрации некоммерческих организаций, не распространяются на бюджетные и казенные государственные учреждения. Об этом говорится в ч. 4.1 и 4.2 ст. 1 указанного закона. А к автономным учреждениям он вообще не применяется (ч. 5 ст. 1 Закона о НКО). И это при том, что этот же Закон устанавливает типологию государственных учреждений и содержит некоторые иные положения об их общем правовом статусе.

Регулирование однотипных отношений, связанных с функционированием публичных учреждений несколькими законодательными актами, детерминировало возникновение целого ряда правовых пробелов и коллизий. В частности, ФЗ «О некоммерческих организациях» ведет речь о создании некоммерческой организации лишь в форме учреждения либо реорганизации. В свою очередь, в Постановлении Правительства РФ № 539 указывается, что создание федерального государственного учреждения возможно путем его учреждения или путем изменения типа существующего федерального учреждения. При этом, как прямо отмечено в пункте 14 анализируемого подзаконного акта, изменение типа публичного учреждения (с бюджетного типа на казенный тип) не является его реорганизацией. Налицо явное противоречие подзаконных норм нормам законодательства, на что указывают специалисты³. Интересно, что в отношении автономного учреждения, законодатель сформулировал способы его создания так, как они указаны в Постановлении Правительства РФ № 539. В соответствии с п. 5 ст. 5 ФЗ «Об автономных учреждениях» учреждение соответствующего типа может быть создано путем его учреждения или путем изменения типа существующего государственного или муниципального учреждения. При этом автономное учреждение, безусловно, является разновидностью некоммерческой организации.

Следовательно, снова имеет место коллизия между нормами ФЗ «О некоммерческих организациях» и ФЗ «Об автономных учреждениях».

Следует также отметить, что действующее законодательство, устанавливая определенные различия в правовом статусе отдельных типов публичных учреждений, не раскрывает критериев для разграничения видов их деятельности. На практике публично-правовые образования, выступающим в роли учредителей, при определении типа учреждения, создаваемого для тех или иных общественно полезных функций, используют разные подходы. В частности, это проявляется при разграничении казенного и бюджетного типов учреждений. Как верно отмечают специалисты, элементы правового статуса казенных учреждений практически идентичны элементам статуса органов государственной и муниципальной власти [3, с. 431]. Правовой статус казенных учреждений позволяет сделать вывод, что учреждения данного типа создаются для осуществления деятельности в наиболее значимых областях социальных отношений. Но ведь и бюджетные и автономные публичные также в качестве основной цели преследуют общественно-значимые блага. Поэтому целесообразным видится конкретизировать в законодательстве виды общественно значимой деятельности, для осуществления которой могут быть созданы казенные учреждения. Данный перечень, на наш взгляд, должен быть закрытым. Также представляется целесообразным предусмотреть такой признак казенного учреждения, как непрерывность (круглосуточность) деятельности, а также особые режимные условия функционирования.

Аналогичные критерии разграничения типов публичных учреждений следует законодательно закрепить и в отношении как бюджетных, так и автономных учреждений. В связи со сказанным, необходимо согласиться с высказываемой в научной литературе идеей о необходимости принятия «О государственных (муниципальных) учреждениях», который бы регламентировал правовое положение всех публичных учреждений, независимо от их типа [2, с. 82]. Принятие единого унифицированного акта позволит устранить имеющиеся пробелы и коллизии, лишь некоторые из которых упомянуты в настоящем исследовании.

Подводя итог, отметим, что правовое регулирование статуса государственных и муниципальных учреждений характеризуется отсутствием системного подхода законодателя. Административно-правовые нормы, регламентирующие статус публичных учреждений содержатся в нескольких законодательных актах, предмет регулирования которых существенно отличается (ГК РФ; Бюджетный кодекс РФ; ФЗ «Об автономных учреждениях»). В связи с этим правовое регулирование статуса государственных и муниципальных учреждений характеризуется наличием ряда пробелов и противоречий. Выходом из сложившейся ситуации может стать принятие единого законодательного акта о правовом положении государственных и муниципальных учреждений. Все элементы правового статуса таких учреждений должны быть урегулированы данным актом. При этом в целях реализации системного подхода к правовому регулированию статуса публичных учреждений принятие единого закона о публичных учреждениях должно быть предусмотрено общими нормами ГК РФ и ФЗ «О некоммерческих организациях» с указанием на то, что их правовое положение регулируется отдельным законодательным актом.

Пристатейный библиографический список

1. Спиридонов П.Е. Некоммерческие организации как субъекты административного права // *Lex russica*. 2019. № 1. С. 51-61.
2. Габов А.В. Реорганизация учреждения // *Вестник Арбитражного суда Московского округа*. 2020. № 1. С. 80-85.
3. Душкин А.В. Особенности имущественного статуса казенных учреждений // *Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: сборник материалов международной научно-практической конференции*. Воронеж, 2013. С. 430-435.

2 Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // *Собрание законодательства РФ*. 15.01.1996. № 3. Ст. 145.

3 Постановление Правительства РФ от 26.07.2010 № 539 «Об утверждении Порядка создания, реорганизации, изменения типа и ликвидации федеральных государственных учреждений, а также утверждения уставов федеральных государственных учреждений и внесения в них изменений» // *Собрание законодательства РФ*. 02.08.2010. № 31. Ст. 4238.

ПЕГАНОВА Юлия Александровна

преподаватель кафедры административного и финансового права Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), соискатель кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ЛЕСНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье проводится анализ современной системы государственного управления в области лесных отношений в России и зарубежных государствах: Канаде, США, Бразилии и Германии. Государства для сравнительного анализа выбраны автором по следующим критериям: форма государственного устройства – федерация; наибольшая площадь лесов в мировом масштабе; стабильное развитие лесного комплекса страны. Автором выделены общие черты и различия, которые могли бы стать перспективой для развития и обмена опытом.

Ключевые слова: государственное управление, лес, лесные отношения, органы исполнительной власти, сравнительный анализ.

PEGANOVA Yuliya Aleksandrovna

lecturer of Administrative and financial law sub-faculty of the North-Western Institute (branch) of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), competitor of Administrative and financial sub-faculty of the North-Western Institute (branch) of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM IN THE FIELD OF FOREST RELATIONS IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

The article analyzes the modern system of public administration in the field of forest relations in Russia and foreign countries: Canada, USA, Brazil and Germany. The states for comparative analysis were chosen by the author according to the following criteria: the form of government is a federation; the largest area of forests on a global scale; stable development of the country's forest complex. The author highlights common features and differences that could become a prospect for development and exchange of experience.

Keywords: public administration, forest, forest relations, executive authorities, comparative analysis.

Сфера лесных отношений в государственной повестке любой страны на сегодняшний день относится к числу приоритетных, базовых. Роль лесов, развития устойчивого управления лесным комплексом подчеркивается как в национальных концепциях, так и на международном уровне. Так, в докладе Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций «О состоянии лесов мира 2022» отмечается, что леса могут сыграть важнейшую роль в преодолении кризисов, связанных с изменением климата, возникновением новых болезней, а также в переходе к устойчивой экономике¹.

Россия является крупнейшей лесной державой, обладая примерно четвертью мировых лесных ресурсов. В ряду государств-лидеров по площади лесов, объему заготовки древесины и развитию лесного комплекса страны также стоят Китай, Канада, Бразилия, США, Австралия, Индия и др.

Представляется актуальным рассмотреть подходы различных государств к построению системы государственного управления в области лесных отношений с целью выявления наиболее эффективных и перспективных. Для анализа мы выбрали государства-федерации, занимающие лидирующие позиции в мировом масштабе по пло-

щади лесов и интенсивности развития лесного комплекса: Россия, Канада, США, Бразилия, Германия.

Система государственного управления в области лесных отношений в Российской Федерации определяется в Конституции РФ применительно к праву собственности на природные ресурсы и государственно-политическому устройству. Так, исходя из содержания статьи 71 Конституции РФ к исключительному ведению Российской Федерации относятся вопросы федеральной государственной собственности на леса и управление ею; согласно нормам статьи 72 Конституции РФ вопросы владения, пользования и распоряжения землей и другими природными ресурсами (в том числе лесами), лесное законодательство находятся в совместном ведении федерации и ее субъектов. Кроме того, статьей 78 закреплена возможность передачи федеральных полномочий для исполнения на уровень субъектов РФ, что нашло отражение в Лесном кодексе РФ. Таким образом, в России избрана двухступенчатая модель управления в области лесных отношений с преобладанием федеральной компетенции. А. П. Петров, анализируя статью 72 Конституции РФ, заключил, что «статья 72 создала эксклюзивный не известный в зарубежной практике механизм федерализации в управлении природными ресурсами» [2].

В настоящее время система федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных в области лесных отношений, представлена следующим образом. Выработ-

1 Доклад «О состоянии лесов мира 2022». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fao.org/3/cb9360ru/cb9360ru.pdf> (дата обращения: 22.09.2022).

ку государственной лесной политики и нормативно-правовое регулирование осуществляет Министерство природных ресурсов и экологии РФ. Функции по контролю и надзору, а также по управлению государственным имуществом и оказанию государственных услуг в сфере лесных отношений возложены на Федеральное агентство лесного хозяйства.

Анализ законодательства и правоприменительной практики показывает, что значительная часть федеральных полномочий передана для исполнения органам исполнительной власти субъектов РФ в порядке статьи 83 Лесного кодекса РФ. В каждом субъекте РФ созданы отраслевые органы власти, уполномоченные в данной сфере. Так, например, в Вологодской области – Департамент лесного комплекса области.

Как было отмечено выше, вопросы управления федеральной собственностью принадлежат Российской Федерации. Согласно статье 8 Лесного кодекса РФ лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности.

Обращаясь к зарубежному опыту, можно увидеть, что вопрос о праве собственности на леса и разграничение полномочий решается по-разному.

Так, в Канаде право собственности на леса в основном сосредоточено в провинциях, в федеральной собственности находятся только лесные земли индейцев и обороны. При этом распределение функций между федеральным центром и провинциями в области лесных отношений осуществлено следующим образом [3]:

в компетенции федеральных органов власти находится организация научно-исследовательской работы, принятие мер, обеспечивающих охрану окружающей среды и защиту прав коренных народов страны, вопросы внешней торговли и контроля за соблюдением международных соглашений в сфере ведения лесного хозяйства и торговли лесопродукцией;

все прочие вопросы, затрагивающие регулирование лесного хозяйства, в том числе и воспроизводства лесов, являются прерогативой правительства провинций.

Кроме того, канадское законодательство устанавливает открытый перечень передаваемых полномочий в области лесных отношений [1].

Таким образом, главную ответственность за систему лесопользования в Канаде несут провинции [5].

В США право собственности на леса разделено между федеральным центром, штатами и частными собственниками. Сегодня около трети земель США покрыто лесами, и из этой трети частные землевладения составляют 58%, штаты и муниципалитеты управляют всего 9% этих земель, а федеральному правительству подконтрольны оставшиеся 33% земель лесного фонда [6].

Государственное управление федеральными лесными землями осуществляет Федеральная лесная служба в составе Министерства сельского хозяйства, при этом не имеет значения, в границах какого штата находятся такие земли. Распорядительные и надзорные полномочия при управлении федеральными лесными землями отсутствуют у властей штатов и муниципалитетов. Несмотря на это в США нет единого федерального акта, регулирующего вопросы лесопользования. Эта относится полностью к компетен-

ции отдельных штатов. Однако единообразия в региональном регулировании нет: некоторые штаты весьма подробно регулируют данную сферу, в отдельных же штатах вопросы пользования лесным фондом должным образом не урегулированы.

В Бразилии так же, как и в других федеративных государствах, функционирует двухступенчатая система управления лесами. Полномочия по уровням публичной власти разделяются по типу подзаконного нормотворчества, т.е. субъекты и местные власти издают лишь уточняющие и дополняющие уже существующие федеральные законы нормативно-правовые акты. Это в полной мере соответствует ч. 6 ст. 24 Конституции Бразилии, уполномочивающей Союз и отдельные штаты издавать лесное законодательство на конкурирующей основе.

Система органов власти Бразилии, уполномоченных в области лесных отношений, обширна и носит межотраслевой характер. Самостоятельный орган власти, отвечающий за лесную сферу, отсутствует. Общее руководство осуществляет Министерство охраны окружающей среды, его полномочия схожи с полномочиями российского Минприроды. В ведении Министерства находится Лесная служба Бразилии, основная цель которой – содействие экономически эффективному и устойчивому использованию лесов². Анализ полномочий позволяет говорить о схожести по компетенции с российскими Рослесхозом и Росимуществом. Также в подчинении Министерства охраны окружающей среды Бразилии находится Бразильский институт окружающей среды и возобновляемых природных ресурсов – ИВАМА, федеральное агентство, наделенное правосубъектностью публичного права, административной и финансовой автономией³. ИВАМА создает лесозащитные зоны и контролирует их деятельность. Кроме того, есть особая структура в ведении Министерства сельского хозяйства Бразилии, отвечающая за землепользование и аграрную сферу, – INCRA⁴. По своему правовому статусу в российском понимании – это не столько орган государственной власти, сколько организация, осуществляющая отдельные публичные полномочия. В сфере лесных отношений главная цель INCRA – борьба с обезлесиванием путем контроля за соблюдением собственниками земельных участков с лесами на них за их воспроизводством. Централизованного надзорного органа в области лесного надзора в Бразильской системе нет, полномочия распределены между иными органами власти.

Анализ нормативной базы Бразилии и практики ее применения свидетельствует о недостаточной изученности лесов в государстве, а также непоследовательности в формировании и развитии государственной лесной политики.

Еще одним государством, выбранным нами для сравнения, является Федеративная Республика Германия (ФРГ). Право собственности на леса существует в четырех формах – государственная (федеральные леса и леса федеральных земель), муниципальная, частная и корпоративная. «Ле-

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2004-2006/2006/lei/l11284.htm.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l7735.htm.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ecolex.org/details/legislation/law-no-12651-on-the-protection-of-native-forests-lex-faoc113357/>.

сами, находящимися в государственной собственности, управляют государственные органы, корпоративными лесами управляют муниципальные органы (коммуны), частными лесами - юридические или физические лица, собственники этих лесов и их представители» [4]. Как отмечают германские исследователи [7], в 2005 году система государственного управления лесами была существенно преобразована. Было создано Федеральное агентство по вопросам недвижимости, которому перешли прежние функции Управления федерального имущества, связанные с федеральными лесами. Наиболее значимой задачей агентства называют управление военными лесами, т.е. предназначенными для нужд Бундесвера. Агентство подчиняется специальному надзорному органу Федерального министерства финансов. Основу государственного управления лесами составляют органы власти федеральных земель. Каждая федеральная земля создает свою систему управления, единый подход отсутствует. Так, например, в Баварии высшее лесное управление осуществляет межотраслевой орган – Министерство продовольствия, сельского и лесного хозяйства; в Берлине – Ведомство Берлинских лесов; в Бранденбурге – Министерство развития сельских районов, окружающей среды и сельского хозяйства. Общим для всех структур уровня федеральных земель является принцип соизмеримости затрат и результатов управленческой деятельности, в связи с чем во всех федеральных землях образованы государственные предприятия лесного хозяйства, которые осуществляют и управление лесами, и выполняют производственные функции, в т.ч. реализацию лесной продукции и оказание услуг в сфере лесных отношений. С точки зрения баланса интересов государства и предприятий, уровня ответственности и самостоятельности субъектов федерации государственное управление лесами в ФРГ схоже с Канадским.

Подводя итог краткому исследованию основных направлений построения системы государственного управления в области лесных отношений в России, Канаде, США, Бразилии и ФРГ, можно отметить, что несмотря на сходство в выборе многоступенчатой (двухступенчатой) системы государственного управления, эти государства-федерации используют разные подходы с точки зрения форм собственности на леса. Так, в США и Бразилии отмечается контролирующая роль государства наряду с существованием широких полномочий частных лесовладельцев. В Канаде и ФРГ закреплены и используются различные формы собственности на лес, основная компетенция находится в руках регионов и учитываются интересы частных предприятий.

Все изученные подходы имеют как достоинства, так и недостатки, однако устойчивое развитие лесного комплекса любого государства невозможно без обмена опытом и использования передовых методик управления. Так, по нашему мнению, в России целесообразно использование опыта Канады в законодательном установлении открытого перечня передаваемых федеральных полномочий в области лесных отношений. Для России такая модель могла бы способствовать развитию намеченной тенденции к децентрализации государственного управления лесными ресурсами. Кроме того, перспективным направлением для развития системы государственного управления лесами

в России может стать расширение участия частного сектора экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Грей Дж. А. Канадский опыт организации лесных концессий // Устойчивое лесопользование. – 2004. – № 1. – С. 28.
2. Петров А. П. Концептуальный подход к формированию системы управления лесами (теория и практика) // Проблемы лесного законодательства и пути его совершенствования / Под ред. И. В. Груздевой. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. – С. 60-61.
3. Организация лесопользования и лесопользования в Канаде: впечатления участников поездки по обмену опытом GFTN России // Устойчивое лесопользование. – 2011 – № 2 (27). // Официальный сайт WWF. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wwf.ru/upload/iblock/667/10-_5_.pdf (дата обращения: 20.09.2022).
4. Петров В. П. Система государственного и муниципального управления лесами Германии // ЛесПромИнформ. – 2015. – № 6 (112). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=4178>.
5. Sizer N., Rice R. Backs to the wall in Suriname: Forest policy in country in crisis. – Washington D.C.: World Resources Institute, 1995.
6. Grey Towers. Forest Management Experience in the United States // Mega Florestais. – 2006. – October 17. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fs.usda.gov/speeches/forest-management-experience-united-states> (дата обращения: 20.09.2022).
7. Thorsten Franz. Geschichte der deutschen Forstverwaltung. – Germany, 2020. – С. 330-332.

САИТБАТАЛОВА Венера Тухфатовна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета

РАХМАТУЛЛИН Ильдар Мажитович

доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОИЗВОДСТВА И РЕАЛИЗАЦИИ ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

В статье рассматриваются проблемы производства и реализации органической продукции и предлагаются направления совершенствования законодательства по производству и реализации органической продукции. Проанализированы различные варианты развития законодательства в сфере органического производства. Одной из приоритетных задач представляется работа с иностранными государствами по взаимному признанию стандартов в сфере органической продукции. Так же представляется наделить соответствующими полномочиями федеральные органы исполнительной власти в целях контроля за фальсификацией органической продукции.

Ключевые слова: органическая продукция, маркировка, нормативное регулирование, потребитель, импорт, право.

SAITBATALOVA Venera Tuhfatovna

senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Sibai Institute (branch) of the Bashkir State University

RAKHMATULLIN Ildar Mazhitovich

associate professor of Civil and criminal law and process sub-faculty of the Sibai Institute (branch) of the Bashkir State University

THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVING LEGISLATION ON THE LEGAL REGULATION OF THE PRODUCTION AND SALE OF ORGANIC PRODUCTS

The article discusses the problems of production and sale of organic products and suggests ways to improve legislation on the production and sale of organic products. Various options for the development of legislation in the field of organic production are analyzed. One of the priorities is to work with foreign countries on mutual recognition of standards in the field of organic products. It also seems to give the appropriate powers to the federal executive authorities in order to control the falsification of organic products.

Keywords: organic products, labeling, regulatory regulation, consumer, import, law.

Несмотря на развитие законодательства в сфере регулирования производства и реализации органической продукции в Российской Федерации, имеют место быть вопросы, которые должны быть решены.

Выявлены недочеты в нормативно-правовом регулировании производства и реализации продукции, среди них можно выделить неимение реестра производителей органических веществ, концепции по предотвращению фальсификации продукции и пр.

Автор рассматривает выходом одной из проблем разработки стандартов, где будет предусмотрено использование препаратов для защиты растений и его технические условия применения, разрешено применение ГОСТ 33980–2016 для борьбы с болезнями, вредителями и сорняками средств биологического происхождения.

Прежде всего, необходимо рассмотреть возможность внесения изменений в Федеральный закон от 3 августа 2018 года № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в части дополнения его положениями о федеральном государственном контроле и надзоре в указанной сфере, предусмотрев наделение соответствующими полномочиями федеральных органов исполнительной власти.

Данное направление предполагает, чтобы в законодательстве были четко прописаны те полномочия, а также обязанности, которые должны соответствовать различным государственным контрольно-надзорным органам. Эти во-

просы должны быть прописаны однозначно и не вызывать двусмысленных трактовок. Необходимо избегать ситуаций, когда полномочия или функции различных ведомств в части контроля и надзора за производством и реализацией органической продукции будут дублировать друг друга. Полномочия этих контрольно-надзорных органов должны быть соотнесены с потребностями производителей органической продукции. Не должно возникать ситуаций, когда деятельность органов власти, выполняющих те функции, которые возложены на них законодательством, представляла собой административный барьер для производителей органической продукции [1, с. 20].

Помимо отражения полномочий государственных органов на уровне федерального законодательства, которым регулируется производство и реализация органической продукции в Российской Федерации, в этих ведомствах должны быть учреждены специальные подразделения, которые должны будут выполнять необходимые функции в части контроля и надзора за производством и реализацией органической продукции [3, с. 3].

Необходимо также разработать комплекс мероприятий, направленный на борьбу с фальсификацией органической продукции. Учитывая растущий спрос на органическую продукцию, как в мире, так и в России – высока вероятность того, что недобросовестные предприниматели могут использовать это для реализации под видом органической продукции такой продукции, которая не будет отвечать всем

необходимым требованиям. Задачей государства в данном случае является заранее создать нормативно-правовую базу, которая должна предотвратить подобную угрозу, обеспечив тем самым как защиту прав потребителей органической продукции, так и прав добросовестных производителей и продавцов органической продукции.

Необходимо провести работу с иностранными государствами, в том числе в рамках Евразийского экономического союза, по взаимному признанию стандартов в сфере органической продукции [2, с. 104]. Такая работа позволит выработать единые стандарты, что позволит облегчить возможности импорта и экспорта органической продукции. Развитие данного направления позволит учесть интересы как потребителей органической продукции, так как органические продукты из других государств смогут стать доступней для российского потребителя, так и российских производителей органической продукции, так как это позволит им реализовывать свою продукцию на внешних рынках без необходимости сертифицировать ее повторно по нормативам, разработанным в других государствах.

Также следует сказать о необходимости инициировать внесение изменений в ОКПД2 и ТН ВЭД ЕАЭС, в части добавления кодов, позволяющих идентифицировать органических производителей и производимую ими продукцию. Реализация данного направления даст возможность четкой классификации органической продукции при экспорте и импорте. Это также позволит более эффективно работать таможенным органам.

Как уже неоднократно упоминалось, Федеральный закон № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вступил в силу относительно недавно. Таким образом, возможно, возникнет необходимость, связанная с его изменениями и дополнениями. Для того, чтобы эти изменения вносились своевременно, необходимо тщательным образом отслеживать правоприменительную практику. Необходимо оперативно выявлять проблемы, которые связаны с применением на практике разработанного законодательства о регулировании производства и реализации органической продукции.

Следующим направлением совершенствования законодательства о производстве и реализации органической продукции в Российской Федерации должна являться законодательная разработка возможности для производителей органической продукции компенсировать затраты, связанные с сертификацией продукции. Предполагается, что это даст возможность для большого количества малых производителей получить возможность реализовывать свою продукцию под маркировкой ОРГАНИК. Предполагается, что соответствующие положения должны быть внесены в законодательство. В том случае, если продукция отвечает всем тем нормативным требованиям, которые установлены действующим законодательством для органической продукции, то затраты на сертификацию должны быть компенсированы производителю. Также следует на законодательном уровне прописать возможность для производителей компенсировать полностью или частично все те затраты, которые они несут при переходе на производство органической продукции.

Таким образом, среди основных направлений совершенствования законодательства, регулирующего производство и реализацию органической продукции, следует выделить следующие:

- внести изменения в Федеральный закон от 3 августа 2018 года № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, в части дополнения его положениями о федеральном государственном контроле и надзоре в указанной сфере, предусматривающих наделение соответствующими полномочиями федеральных органов исполнительной власти;
- разработать комплекс мероприятий, направленный на борьбу с фальсификацией органической продукции;
- провести работу с иностранными государствами, в том числе в рамках Евразийского экономического союза, по взаимному признанию стандартов в сфере органической продукции.
- инициировать внесение изменений в ОКПД2 и ТН ВЭД ЕАЭС, в части добавления кодов, позволяющих идентифицировать органических производителей и производимую ими продукцию;
- проводить мониторинг правоприменительной практики действующего законодательства в сфере регулирования производства и реализации органической продукции с целью оперативного внесения изменений и дополнений в законодательство;
- проработать на законодательном уровне возможность компенсации затрат производителей органической продукции на сертификацию этой продукции, а также затрат на перевод существующих производств на производство органической продукции.

Пристатейный библиографический список

1. Волкова Т. И. Производство и сертификация органической продукции после принятия № 280-ФЗ // Контроль качества продукции. – 2018. – № 10. – С. 19-21.
2. Горчаков Я. В. Тенденции развития и рыночные аспекты мирового органического земледелия. – Барнаул: Аз Бука, 2004. – 256 с.
3. Занилов А. Х. Организация органического сельскохозяйственного производства в России: Информационное издание / Отв. ред. Ю. Н. Егоров. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2018. – 124 с.
4. Зезин Н. Н. Экологическое земледелие на Среднем Урале: оценка агроресурсов и прогноз возможностей // Нивы Урала. – 2004. – № 2. – С. 2-4.

РАХИМЗОДА Махмад Забир

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана

АБДУДЖАЛИЛОВ Абдуджабар

кандидат юридических наук, заведующий отделом частного права Института философии, политологии и права Национальной академии наук Таджикистана

К ВОПРОСУ ВЫБОРА ОПТИМАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ ИЗУЧЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНТЕРНЕТЕ

Статья посвящена поиску наиболее оптимальных подходов к изучению договорных отношений в сфере Интернета. Анализируются практически все существующие на сегодня в науке права теоретические подходы к разработке теории договоров в Интернете. Сделан вывод об отсутствии единообразного подхода к разработке научных теоретических основ Интернета, и предложены наиболее приемлемые векторы развития этой теории.

Ключевые слова: договор, Интернет, научная теория, правовое регулирование, киберпространство, информация, цифровое право, амбивалентность.

RAKHIMZODA Mahmad Zabir

Ph.D. in Law, professor, corresponding member of the National Academy of Sciences of Tajikistan

ABDUJALILOV Abdujabar

Ph.D. in Law, associate professor, Head of the Department of Private Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the National Academy of Sciences of Tajikistan

ON THE ISSUE OF CHOOSING THE OPTIMAL APPROACHES TO STUDYING CONTRACTUAL RELATIONS ON THE INTERNET

The article is devoted to the search for the most optimal approaches to the study of contractual relations in the field of the Internet. Practically all theoretical approaches to the development of the theory of contracts on the Internet that exist today in the science of law are analyzed. It is concluded that there is no uniform approach to the development of scientific theoretical foundations of the Internet, and the most acceptable vectors of development of this theory are proposed.

Keywords: contract, Internet, scientific theory, legal regulation, cyberspace, information, digital law, ambivalence.

Рахимзода М. З.

Абдуджалилов А.

Под словами «Теория Интернета» мы подразумеваем нарративы о подходах к научному осмыслению Интернета, акронима, образованного из сочетания трех английских слов «International connected network», что в переводе означает «международное объединение сетей».

В науке права считается аксиоматичным положение об обязательном охвате правом любых общественных отношений, в результате которых возникают юридические факты, осуществляются имущественные и неимущественные отношения, осуществляется товарно-денежный оборот. Поскольку все указанные общественные отношения имеют место быть в Интернете, логично было бы предположить, что эти отношения уже подвергнуты правовому регулированию. На самом деле всё обстоит иначе. Можно смело утверждать, что общественные отношения имущественного и неимущественного, в том числе и товарно-денежного характера, получившие широчайшее распространение в сетевом пространстве, концептуальным законом не урегулированы. Особенно это касается договорных отношений в виртуальном пространстве, которые, в отличие от классических договоров, заключаемых в материальном пространстве, и достаточно объемно подвергнуты правовому регулированию и теоретическим разработкам, имеют электронный вид, что само по себе вызывает массу теоретических и практических вопросов.

Основной причиной такого парадоксального правового положения Интернета, на наш взгляд, является отсутствие единообразного подхода к разработке научных теоретических основ Интернета, которые могли бы дать вектор его нормативного регулирования.

В целом, в современной правовой науке об Интернете роль права носит не структурный характер (имеется в виду, что право не влияет на структурные части Интернета, чтобы это привело к

определенному положительному правовому эффекту). Он носит скорее институциональный характер, и в данном случае науке нужно создать такие предпосылки, чтобы произошли не структурные, а институциональные изменения, чтобы повысилось качество институтов, и тогда возможны ожидания в тенденции роста роли права в сфере Интернета. Интернет как глобальная техническая система обладает самоорганизационным потенциалом. В данном случае под самоорганизацией понимаются процессы спонтанного упорядочения – перехода от энтропии к порядку. Но если техническая энтропия в Интернете преодолима, о теоретической составляющей этого сказать нельзя. Современное теоретическое состояние Интернета можно охарактеризовать как состояние неупорядоченной теоретической энтропии, поскольку векторы системных научных исследований в сфере Интернета не определены. В целом такая энтропия образовалась в результате неупорядоченного разнохарактерного и разнопланового подхода к созданию теории Интернета.

Первой научной работой, посвященной обсуждаемой проблеме, можно назвать докторскую диссертацию Ю.М. Батурина «Теоретические проблемы компьютерного права», опубликованного в 1991 году [4]. В дальнейшем, по мере развития компьютерных технологий, стало понятно, что термин «компьютерное право» для научного анализа общественных отношений в сфере использования компьютеров непригодна, тем более, что появились первые научные исследования, где уже использовался термин «Интернет».

В 1998 году профессор Гарвардского университета Лоуренс Лессинг для правового регулирования новых отношений в области применения компьютеров предложил термин «Laws of Cyberspace» – «право киберпространства», который тогда же был введен в российский научный оборот [11].

Серьезные попытки выстроить теоретическую основу Интернета в науке права начались с работ по теории информации. И сегодня в правовой науке устоявшейся, общепринятой правовой основой теории Интернета является информационная модель Интернета, в которой абсолютная доминантная роль отведена теории информации. А информационная модель основана на конституционном положении права человека на информацию, то есть на концептах публичного права. Информационная парадигма Интернета в целом опирается на описанную М. Кастельсом «Информационно-технологическую парадигму», одной из характеристик которой является так называемая «сетевая логика» любой системы или совокупности отношений, использующей эти новые информационные технологии [6, с. 77]. По условиям этой парадигмы, ядром Интернета, его основной составляющей является информация как таковая. И основные понятийные элементы информационного права – информация, коммуникация, системы, модели, контакты – взяты не из правовых источников, а из социологии. И тем не менее, информационная теория сети сохранялась и поддерживалась научным сообществом достаточно долго [7, с. 9].

Но со временем информационная теория Интернета стала теоретически несостоятельной, поскольку не могла объяснить правовые процессы, происходящие в сети. Самым уязвимым местом этой теории стали электронные договорные отношения, влекущие за собой создание юридических фактов. Информационная парадигма оказалась не в состоянии теоретически обосновать проблемы договорных отношений, обязательственного права, вещно-правовых отношений, возникших в виртуальном пространстве Интернета, хотя и сегодня представители информационного права пытаются «подстроить» теорию информации к гражданским правоотношениям в сфере Интернета. Поэтому появились научные предложения изучать теорию Интернета в рамках так называемого «сетевого права» [5] или «права информационных магистралей» [4].

Но и теория сетевого права не оказалась в состоянии ответить на все теоретические вопросы, возникающие при изучении общественных отношений в сфере Интернета. Тогда был предложен новый вектор теории под названием «Интернет-право», который определялся как «комплексный правовой институт – совокупность всех правовых норм, нацеленных на разрешение системных правовых проблем общественных отношений, возникающих в связи и по поводу информационно-коммуникационной сети Интернет, что и составляет предметное единство интернет-права» [3, с. 44].

Но поскольку разрешение системных правовых проблем общественных отношений, возникающих в пространстве Интернета в основном относятся к сфере гражданского права – оказание услуг, договорные отношения, – такое предложение не нашло поддержки научного сообщества.

Самое последнее теоретическое новшество в области Интернета – это монографическое исследование Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, в котором предложено изучать Интернет в рамках так называемого «цифрового права». Авторы монографии полагают, что «цифровое право – система общеобязательных, формально определенных, гарантированных государством правил поведения, которая складывается в области применения или с помощью применения цифровых технологий и регулирует отношения, возникающие в связи с использованием цифровых данных и применением цифровых технологий». [10, с. 36].

Дефиниция цифрового права содержит, как минимум, два существенных недостатка. Первый – это практически полное отсутствие систем общеобязательных, формально определенных, гарантированных государством правил поведения (точнее сказать – законов), которая складывается в области применения или с помощью применения цифровых технологий. Такие законы необходимо ещё разработать. При отсутствии таких законов регулировать отношения, возникающие в связи с использованием цифровых данных и применением цифровых технологий просто невозможно. Второй – это название «цифровое право». В таком случае текущее современное право можно назвать «аналоговым»?

Как видно из приведенного анализа различных теоретических выкладок для научного изучения Интернета, дискурсы по теме «Теория Интернета» не внесли определенную теоретическую ясность в проблему. Это наводит на мысль, что все приведенные теории имеют один существенный недостаток – они рассматривают саму сеть в целостности, и не учитывают характер общественных отношений в виртуальном пространстве. А предметом научных исследований в рамках любой правовой специальности, является теория и практика правового регули-

рования общественных отношений в той или иной сфере. Касательно анализируемой в данной статье проблемы, мы должны иметь в виду одно немаловажное обстоятельство: рассматривая правовую доктрину Интернета, наряду с исследованием законодательства, субъектно-объектными категориями, с самого начала мы должны иметь в виду, что Интернет – это объединение сетей, и что правовую основу Интернета составляют не собственно сеть как таковая, на что было обращено внимание в первом предло-жении статьи, а *отношения между людьми*, возникающие в виртуальном пространстве. Иными словами, Интернет, в сущности – это виртуальная среда, где люди вступают между собой в гражданские правовые отношения, и правовое его положение определяется через призму анализа отношений людей в этом пространстве [1, с. 18]. Самым распространенным видом таких отношений являются договорные отношения по оказанию разнообразных услуг. Отметим, что при отсутствии договора с провайдером субъект не может войти в сеть. Помимо этого, появившиеся вещно-правовые отношения между субъектами в сети в виде товарно-денежного обмена с использованием криптовалюты, то есть денег, не эмитированных банками, ставят в тупик попытки втиснуть эти отношения в рамки любой научной теории. Современная предпринимательская деятельность – это широчайшее использование электронных договорных отношений, смарт-контрактов, электронных способов оплаты договоров, и все эти действия в той или иной мере предусмотрены, либо должны быть предусмотрены Гражданским кодексом [8].

По перечисленным основаниям, а основе анализа всех существующих доктрин теории Интернета, можно сделать вывод о двойственной природе общественных отношений в Интернете. Такой вывод наиболее точно выражает характер таких отношений в Интернете. В соответствии с этой теорией, правоотношения в Интернете происходят в двух разных правовых пространствах – физическом и виртуальном. Это связано с амбивалентной (двойственной) природой Интернета. Такая двойственность требует наличия двух различных регулятивных систем в зависимости от того, в каком правовом пространстве протекают правоотношения. Договорные отношения в области Интернета, происходящие в физическом пространстве, относятся к договорным правоотношениям по доступу к сети Интернет. Регулятивной системой таких правоотношений являются совокупность частноправовых и публично-правовых отношений. Договорные отношения в области Интернета, происходящие в виртуальном пространстве, относятся к договорным правоотношениям непосредственно в сети Интернет. Регулятивной системой таких правоотношений являются общие начала правоотношений, основанные на правовом обычае и презумпции правосубъектности. В основном эти правоотношения носят конвенциональный характер. [2, с. 335]. И в предложенном виде – разделения их на отдельные составные части, научные правовые исследования в области теории Интернета приобретают системность, логическую последовательность и институциональную целостность.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуджалилов А. Теоретические проблемы гражданских правоотношений в Интернете. – Душанбе, 2015. – С. 18.
2. Абдуджалилов А. Основные положения теории амбивалентности Интернета // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 335-340.
3. Архипов В.В. Интернет-право. – М.: Юрайт, 2016. – С. 44.
4. Батурин Ю.М. «Теоретические проблемы компьютерного права». – М.: 1991.
5. Дашян М. Право информационных магистралей. – М.: Волтерс Клувер, 2007.
6. Дейнеко А.Г. Право киберпространства: Pro et contra. В сб. «Право в сфере Интернета. – М.: Статут, 2018. – С. 276.
7. Голоскоков Л.В. Теория сетевого права. – М.: МПСУ, 2012.
8. Кастельс Мануэль. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Под ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 77.
9. Рассолов И.М. Право и Интернет. – М.: Норма, 2009. – 384 с.
10. Рахимзода М.З. Избранные труды. – Душанбе, Бухоро, 2014.
11. Тедеев А.А. Информационное право (право Интернета). – М.: Эксмо, 2005.
12. Цифровое право: учебник / Под общ. ред. В.В. Блажева, М.А. Егоровой. – М.: Проспект, 2022. – С. 36.
13. Lessing L. The Laws of Cyberspace. – Draft: April 3, 1998.

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич

старший преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России

КОШЕЛЮК Богдан Евгеньевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института Академии ФСИН России

ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

В статье анализируются основания прекращения обязательств. Авторы рассматривают прекращение факультативных обязательств через основные способы прекращения обязательств. В данной работе говорится, что прекращение факультативных обязательств прямо противоположно их возникновению. Это связано с тем, что в первую очередь разрывается правовая связь субъектов обязательства, должник уже не соблюдает правила поведения, а веритель не требует от должника определенного поведения. Отмечается, что факультативное обязательство выполняет функцию поддержания баланса интересов кредитора и должника.

Ключевые слова: факультативные обязательства, гражданское право, исполнение обязательств, должник, кредитор.

ANANJEV Oleg Borisovich

senior lecturer of Social psychology and social work sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

KOSHELYUK Bogdan Evgenjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of the Academy of the FPS of Russia

GROUNDS FOR TERMINATION OF FACULTATIVE OBLIGATIONS

The article analyzes the grounds for termination of obligations. The authors consider the termination of facultative obligations through the main ways of termination of obligations. This paper states that the termination of facultative obligations is directly opposite to their occurrence. This is due to the fact that, first of all, the legal connection of the subjects of the obligation is broken, the debtor no longer complies with the rules of conduct, and the trustee does not require a certain behavior from the debtor. It is noted that the facultative obligation performs the function of maintaining the balance of interests of the creditor and the debtor.

Keywords: facultative obligations, civil law, fulfillment of obligations, debtor, creditor.

Факультативное обязательство в первую очередь направлено на выполнение таких функций как надлежащее исполнение обязательства, но при этом исполнение обязательства может осуществляться в натуре, соответственно в данном случае факультативное обязательство выполняет гарантийную функцию. Функциями, которые выполняет факультативное обязательство, также является предварительное приобретение права на отказ от предоставления основного обязательства, например по сделке путем предоставления факультативного исполнения, путем приобретения права на освобождение от обязательства, в том числе оно должно выполнять функцию защиты добросовестной стороны обязательства. Факультативное обязательство выполняет функцию поддержания баланса интересов кредитора и должника.

Прекращение факультативных обязательств прямо противоположно их возникновению, так как в первую очередь разрывается правовая связь субъектов обязательства, должник уже не соблюдает правила поведения, а веритель не требует от должника определенного поведения.

Подразумеваемые условия (или установленные законом права) могут применяться в дополнение к любым письменным условиям конкретного контракта (договора). Ответственность за прояснение любых конкретных требований до

Ананьев О. Г.

Кошелюк Б. Е.

окончательного утверждения условий контракта лежит на сторонах договора. Действия по обеспечению соблюдения договора, в котором возникли проблемы, следует предпринимать только после тщательного рассмотрения всех сопутствующих проблем как должником, так и кредитором. Прекращение факультативных обязательств представляется прекращением гражданско-правового обязательства, в виде ожидаемого и необходимого юридического результата, к которому и будут стремиться стороны сделки.

Когда стороны заключают договор, они должны знать обязательства и отличать их между собой в соответствии нормам действующего законодательства. Юридический результат связан с юридическим фактом, так как результат – это то, к чему стремятся стороны обязательства, а факт, это то, что подтверждает наступление данного результата. Юридический результат не может наступить, если отсутствует юридический факт, подтверждающий надлежащее исполнение обязательства. Прекращение обязательств не будет иметь правовых результатов, так как устраняется юридическая связь между сторонами обязательств.

Основным вопросом анализа договорного права является вопрос о заключении договора и прекращении факультативных обязательств. Основное правило заключения кон-

тракта состоит в том, что контракт признается юридически заключенным тогда и только тогда, когда обе стороны дали явное согласие, например, подписав документ. Это правило считается основным по двум причинам. Во-первых, это, очевидно, позволяет сторонам заключать договор. Во-вторых, оно защищает стороны от связывания против их воли из-за того, что они участвовали в переговорах; такая защита от нежелательных обязательств полезна, потому что без нее переговоры, ведущие к заключению контрактов, были бы затруднены.

Другой вопрос, связанный с заключением контрактов, касается юридических обязанностей по раскрытию информации. Проведенный анализ подчеркивает, что желательность раскрытия полной информации в договоре зависит от ситуации. Например, обнаружение существенного дефекта (например, дырявого подвала) в доме, который владелец пытается продать, имеет тенденцию быть выгодным; поскольку, если покупатель знает о дефекте, он может принять меры для предотвращения ущерба (не хранить ценные вещи в подвале или отремонтировать его). Но следует ли требовать от нефтяной компании, которая узнает в результате дорогостоящих расследований, что нефть находится под земельным участком, раскрывать эту информацию продавцу участка, который взял кредит в банке? Возможно, нет: в результате такого обязательства по раскрытию информации нефтяные компании будут платить значительно больше за участки земли, проданные с торгов.

По мнению С. К. Соломиной, могут применяться специальные охранительные инструменты со стороны государства в случае, когда возникают непредвиденные сбои в процессе осуществления обязательств. В качестве задач данных инструментов выступает удовлетворение интересов кредиторов путем наложения функций на должника, с помощью которых он обязан выполнить свои обязательства, тем самым погасит субъективное право. В практике существуют такие случаи, когда действительно происходят какие-то сбои, лицо, которое должно исполнять обязательства, теряет эту возможность, и благодаря охранительным мерам данное обязательство может прекратиться при том, что интересы кредиторов будут хотя бы частично удовлетворены, что лучше, чем совсем закончится обязательство без удовлетворения интересов кредиторов. Следует отметить, что факультативное обязательство может закончиться если причины его прекращения соответствуют нормам действующего законодательства [1, с. 270]. Могут происходить случаи, когда кредитор прощает задолженность должнику, тем самым прекращая его обязательство. Отсюда следует, что факультативное обязательство также может быть прекращено по той причине, что кредитор простил задолженность. Но, в данном случае, результат обязательства не был достигнут, так как основные его условия не были выполнены окончательно. Поэтому, прощение долга может выступать в качестве основания прекращения обязательства, в том числе и факультативного, но основной результат данного обязательства не достигнут [2, с. 29].

Рассмотрим прекращение факультативного обязательства исполнением. Имущественный интерес кредиторов можно наиболее полным образом удовлетворить исполнением обязательства. По мнению С. Ю. Филиппова, только исполнение является способом достижения целей прекращения обязательства и зафиксирована в нормах права, в качестве конечной правовой цели, представляется полезным для общества [3, с. 53]. Таким образом, надлежащим испол-

нением необходимо признать исполнение основное и факультативное.

Прекращение факультативного обязательства также может осуществляться зачетом. В данном случае нельзя не согласиться с мнением М. А. Егоровой, которая полагает, что такое комплексное понятие как «содержание факультативного обязательства» может определяться только элементарным составом юридических условий, которые регламентированы ст. 410 Гражданского кодекса РФ. Юридическими условиями будут являться однородность требований кредитора, встречаемость его требований и их наличие.

Факультативные обязательства также могут прекращаться новацией. Эволюционные тенденции международной и российской науки гражданского права подтверждают потребность регулирования отношений относительно прекращения обязательств на основании замены первоначального обязательства новацией (при условии, что было достигнуто соглашение сторон).

В соответствии со ст. 414 Гражданского кодекса РФ новация представляется особым специфическим механизмом прекращения первоначальных принятых обязательств, которая применяется после заключения соглашения о новации. Новация будет считаться состоявшейся исключительно при наличии таких условий как:

- 1) условие существования первоначального обязательства;
- 2) условие заключения соглашения сторонами о замене обязательства на иное;
- 3) условие появления нового обязательства;
- 4) присутствие намерения у сторон обновить обязательство.

Юридический эффект от применения новации появляется при существовании и действительности первичного обязательства, в том случае, когда обязательство прекратилось или является недействующим, то инновация не может быть принята.

Факультативное обязательство может быть прекращено невозможностью его исполнения. По мнению В. Яковлевой, граничными требованиями исполнения обязательства представляется гибель предмета. Наличие обязательственного права в случае, когда факультативное обязательство действует на возмездной или безвозмездной основе, необходимо для того, чтобы правильно определять юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий обязательства и в каком случае данная ответственность может наступить.

Разберем поподробнее предмет исполнения при общих обязательствах и факультативных. По нашему мнению, данный предмет что в одном случае, что в другом является одинаковым, то есть, что при обычных обязательствах, что при факультативных, в качестве предмета исполнения выступает какая-либо вещь, которую должник обязан предоставить заинтересованному лицу, либо услуга, которую лицо, имеющее задолженность, обязано выполнять в пользу кредитора. Отличием между данными обязательствами является то, что факультативное обязательство вытекает из общего, то есть, если должник не может выполнить условия по обычному обязательству, то ему предоставляется возможность выбрать способ исполнения своих обязанностей путем возникновения факультативного обязательства.

Прекращение факультативного обязательства также возможно на основании актов органов государственной власти или местного исполнения.

Факультативное обязательство достаточно сложное понятие, но сложность возникает в виде специального правомочия, которое появляется у должника при замене основного обязательства факультативным. В том случае, когда факультативное обязательство прекращается зачетом, то можно говорить только относительно прекращения основного обязательства, но не факультативного. В том случае если должник воспользуется своим правом и будет исполнять факультативное обязательство, то можно говорить «о зачетоспособности факультативного исполнения обязательства».

Факультативное обязательство является сложнее чем обычное, так как при обычном предусматривается один определенный способ исполнения своих обязанностей, а вот факультативное обязательство включает в себя несколько способов исполнения должником своих обязательств. В первом случае кредитор знает и принимает способ исполнения второй стороной обязательства своих обязанностей, так как изначальные условия обязательства были согласованы между сторонами, а вот при факультативном обязательстве кредитор приходится принимать удобный для должника способ исполнения его обязанностей, чтобы хоть как-то удовлетворить интересы кредитора. Поэтому, чтобы не потерять совсем выгоды с данного обязательства, кредитор принимает условия факультативного обязательства. Выбор способа исполнения обязательств обсуждается между сторонами, и следует отметить, что факультативное обязательство по своей структуре не отличается от обычного, единственное что в данном случае меняется, так это сам способ исполнения обязательства. Что касается выбора, то при факультативном обязательстве такую возможность получает именно должник, кредитор лишь принимает данную ситуацию, так как в его интересах получить исполнения обязательств от должника. При обязательствах могут возникнуть споры, требующие судебного разбирательства. В таком случае, в суд подается иск в отношении основного предмета обязательства.

В соответствии с проведенным анализом, могут быть сделаны следующие выводы:

1) Новированным факультативное обязательство считается в том случае, если данное обязательство соответствует действительности, его условия были согласованы между сторонами, возникает новое обязательство, стороны данного обязательства хотят его совершенствовать без серьезных изменений;

2) Факультативное обязательство может прекратиться в том случае, если возникает невозможность его исполнения. Для данной ситуации характерны такие случаи, когда происходят обстоятельства по независящим от сторон данного обязательства причинам, условия обязательства предусматривают случаи прекращения обязательства без привлечения должника к юридической ответственности, возникают случаи, когда должник не может выполнить обязательства, так как в отношении кредитора должна применяться юридическая ответственность;

3) можно сделать следующий вывод, что в настоящее время встречается много ситуаций на практике, которые непосредственно связаны со столкновением норм возникновения и прекращения факультативных обязательств. Однако решение данной проблемы возможно исключительно путем детальной теоретической разработки, которая позволит добиться юридической чистоты при толковании норм, посвященных факультативным обязательствам и в последующем предотвратит возможные противоречия в применении законодательства.

В гражданском праве исследованы такие принципы факультативного обязательства, как принцип реального исполнения, который представляет собой возможность выполнения должником своих обязанностей путем исполнения предмета как обычного, так и факультативного обязательства, а кредитор должен принять данное исполнение в любом из двух рассмотренных видов; принцип надлежащего исполнения, который представляет собой выполнение условий обязательства в надлежащей форме, а именно в нужном месте, в определенный срок, конкретному лицу, специальным способом; принцип содействия сторон, который заключается в том, что должник обязан уведомить кредитора о том, что он приступает к выполнению своих обязанностей по факультативному обязательству.

Основаниями возникновения факультативных обязательств выступают договора и иные формы сделок. Существенными условиями выступают предмет основного исполнения, предмет факультативного исполнения. Юридические факты в виде причинения вреда не порождают возникновения факультативных обязательств, но в совокупности с договором, могут выступать элементом юридического состава, которое повлечет за собой появление факультативного обязательства.

Задачей законодательного закрепления принципа реального исполнения обязательств является правовая защита интересов сторон обязательства.

Пристатейный библиографический список

1. Швецов А. С. Факультативное обязательство и отступное: специфика конструкций и критерии разграничения // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 4. – С. 270-279.
2. Клепикова О. Г. Особенности правового регулирования факультативного исполнения обязательства // Юридическая гносеология. – 2017. – № 3-4. – С. 28-30.
3. Джумагулов Д. Д. Основные положения о факультативных обязательствах // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2018. – № 10 (26). – С. 52-54.

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

РЕАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ОТДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Статья посвящена актуальному на сегодняшний день направлению государственной политики – цифровизации гражданского общества. Последние изменения политических и экономических отношений в мировом сообществе, появление новых социальных рисков, введение режимов локдауна привело к необходимости повсеместного внедрения цифровых технологий и использованию их во всех сферах жизни человека. Расширение возможностей цифровой платформы Государственных услуг, интернет банкинг, и даже изменение норм гражданского законодательства, которые узаконили новые объекты гражданских прав, а именно цифровые права, – это реалии настоящего времени. Однако для нормального дальнейшего развития гражданского общества даже таких изменений недостаточно. Отключение россиян от определенных сервисов зарубежного происхождения, недостаточное обеспечение цифровыми ресурсами российских глубин, неумение и нежелание населения пожилого возраста пользоваться цифровыми платформами сегодня составляет основу проблем, которые придется решать государству, вкладывая в развитие IT-отрасли регионов достаточно большое количество ресурсов, которые, на основе научных исследований и их результатов, должно продвинуть наше государство и общество на ведущее место по цифровизации в мире и сделать Россию страной технологий будущего.

Ключевые слова: гражданское законодательство, цифровые технологии, развитие регионов, проблемы установления, нормативно-правовое решение.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IMPLEMENTATION AND PROBLEMS OF DIGITALIZATION IN CERTAIN REGIONS OF RUSSIA

The article is devoted to the current direction of state policy – digitalization of civil society. Recent changes in political and economic relations in the world community, the emergence of new social risks, the introduction of lockdown regimes have led to the need for widespread introduction of digital technologies and their use in all spheres of human life. Expanding the capabilities of the digital platform of public services, Internet banking, and even changing the norms of civil legislation, which legitimized new objects of civil rights, namely digital rights, are the realities of the present time. However, even such changes are not enough for the normal further development of civil society. Disconnecting Russians from certain services of foreign origin, insufficient provision of digital resources in the Russian hinterlands, the inability and unwillingness of the elderly population to use digital platforms today forms the basis of the problems that the state will have to solve by investing in the development of the IT industry of the regions a sufficiently large amount of resources that, based on scientific research and their results, our state should promote and the society will take the leading place in digitalization in the world and make Russia the country of technologies of the future.

Keywords: civil legislation, digital technologies, regional development, problems of establishment, regulatory and legal solution.

Современный мир направлен на глобальную цифровизацию всех жизненно важных направлений существования любого гражданского общества. Зависимость от цифры наблюдается повсеместно. Редко можно увидеть человека в мегаполисе, да и просто в городе России идущего без гаджета в руках или не говорящего по беспроводным аксессуарам. Уже привычным для человека становятся решения всех вопросов путем обращения на портал Государственных услуг, где мож-

но направить заявление о замене и получении документов, получить электронный сертификат о прививках, оплатить различные услуги, государственные пошлины и штрафы.

Даже просто поговорить, чтобы не чувствовать себя одиноким можно с умными колонками. Организация систем обеспечения «умный дом», работающими только от голосового контакта с «хозяевами» уже не является чем-то невероятным [1, с. 13].

Ананьева Е. О.

Ивлиев П. В.

Сегодня актуальными являются вопросы цифровизации агропромышленного комплекса. Ведь прекращение поставок программного обеспечения для транспортных агрегатов во время посевных и уборочных, а также отсутствие финансирования и дотаций, которые в связи с этим могут возникнуть в государстве может сказаться на ценообразовании продуктов питания и, соответственно, на общехозяйственных доходах семей [2].

Однако, основной проблемой, которую сегодня начинают лоббировать отдельные регионы России является переход на цифру сферы здравоохранения. Несмотря на изменения законодательного характера, а именно введение в гражданское законодательство норм о расширении перечня объектов гражданских прав в виде цифровых прав, стало считаться, что приведение к обязательной цифровизации, кроме регулирования данной сферы, не должно затронуть иные аспекты жизни гражданского общества, например, административные и уголовные правоотношения и, связанные с ними, новые виды правонарушений. Рассмотрим один из аспектов цифровизации на примере направления в здравоохранении. Коммерциализация здравоохранения сегодня развивается достаточно быстро. Неравномерное повышение цен, попытка ведения электронных карт пациента-клиента, организация быстрых лабораторий по подготовке различных анализов – в основном культивируется за счет невозможности охватить всесторонним медицинским обслуживанием все аспекты здравоохранения в государственных медицинских учреждениях. При этом отсутствие узких специалистов, необходимых для прохождения отдельного вида обследований гражданами, не компенсируется полисами ОМС, как это делается в отдельных государствах, примером может послужить компенсационные оплаты консультаций отсутствующих специалистов в Израиле.

Конечно в платных клиниках, в том числе стоматологических, что очень важно, существуют определенные квоты на лечение при предоставлении полисов, но об этом в них стараются не распространяться и такую информацию не афишируют [3, с. 180]. Что касается клинических лабораторий, то ценообразование тут также не регламентировано абсолютно никакими нормами и правилами. Один и тот же анализ, например, на антитела к S-белку вируса SARS-CoV-2 IgG в разных лабораториях одного и того же города стоят по-разному: от 1043 руб. до 2700 руб., в зависимости от скорости изготовления и назначения (для предоставления при перелетах на отдых за рубеж).

Стоит отметить, что качественный состав персонала государственных медицинских организаций так же не стоит оставлять без внимания. Например, в одной из поликлиник города из общего количества терапевтов основу стали составлять интерны и ординаторы, врачей же всего пара. При вызове терапевта на дом можно столкнуться с ситуацией, когда «врач» открывает свои лекции и начинает искать соответствующие признаки заболевания. Таких примеров, в том числе из личного опыта, можно привести достаточно количество. И вот в такой период времени встает вопрос о возможности телемедицинских консультаций врач-пациент. Впервые об этом начали упоминать и показывать в качестве юмористических моментов в телепередачах, например, при трансляции одного из известных в России телесериалов о больнице и молодых врачах.

Сегодня такая инициатива на полном серьезе уже начинает вводиться в практику. Поскольку уже сегодня при новых заболеваниях для установления состояния здоровья и симптоматики пациента, врач может общаться по телефону и давать определенные рекомендации и консультации. Однако, многие граждане достаточно скептически относятся к такому обследованию. Хотя примером подобной практики служит достаточно освещенный в СМИ случай из инспектирования городской детской поликлиники № 4 членом Совета по развитию цифровой экономики при Совете Федерации России и автором проекта «Цифровая долина Прикамья» Антоном Немкиным [4].

Предприниматель убежден, что внедрение цифровых технологий в медицину одно из главных направлений. Виртуальные консультации врачей с помощью мобильных приложений, а также запись на прием к специалистам, ведение картотек и многое другое возможно в сфере здравоохранения перевести в цифру. Достаточно интересная и заманчивая инициатива по объединению в цифровые медицинские сервисы многих вопросов, которые можно решить за достаточно короткий промежуток времени.

Что касается первого момента, это немного похоже на общение человека с цифровой программой, однако, стоит учесть, что существуют одинаковые симптомы у разных заболеваний и порой без непосредственного осмотра и общения поставить правильный диагноз невозможно. В данном случае наличие полного медицинского образования у специалиста также может подвести и приходится собирать консилиумы и проводить иные консультации. А если к этому прибавить неустойчивый сигнал, то консультация может прерваться на любом месте и не только консультация. Даже система оповещения на базе глосс, которая устанавливается на общественном транспорте, применяется в уголовно-исполнительной системе при использовании браслетов дает сбои и перестает показывать местоположение объектов. Сотовая связь тем более подвержена всем моментам, связанным с помехами.

Ведение медицинских карт в режиме онлайн и хранение на едином сервисе – с одной стороны достаточно удобный формат. При обращении за медицинской помощью в какое-либо иное учреждение к специалисту, пациенту не надо просить выписку с заболеваниями и прививками (карточки на руки не выдают), достаточно обратиться в единый портал учета пациентов и можно получить информацию из электронной медицинской карты. Вопрос можно поставить следующим образом, а будет ли доступ у самого человека к информации в своей карте, естественно без возможности внесения изменений в нее, но с возможностью получения сведений и даже распечатки. С другой стороны, подобные сервисы приведут к нарушению одного из принципов в медицине – нарушению ст. 13 «Соблюдение врачебной тайны» Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». С информацией карты может ознакомиться любой, имеющий доступ к сервису, а разговор с врачом, который, как подразумевается онлайн консультациями, может быть организован в любое время суток, может быть услышан посторонним человеком. Это приведет к административной и даже уголовной ответственности должностных лиц.

Что касается видео консилиумов, это уже давнишняя практика работы прогрессивных и современных центров и заинтересованных клиник, когда в режиме онлайн видеоконференций можно пригласить на консилиум для решения определенных медицинских вопросов ведущих специалистов в данных направлениях медицины.

И все же цифровизация, внедрение современных отечественных технологий в сфере здравоохранения, как правило, рассматривается в городах миллионниках. Такие нововведения пока не могут коснуться российской глубинки.

Рассмотрим отдельные моменты, связанные с невозможностью полноценного внедрения и использования цифровых сервисов системы здравоохранения.

Сегодня на территории России действует единый портал Государственных услуг. Если проанализировать деятельность данного сервиса, то можно увидеть одну взаимосвязь, которая показывает, что достаточно активно данным сервисом пользуются лица молодежного возраста, имеющие детей. Это связано с функциями замены документов по возрасту, изменению семейного положения, получению льгот, выплат, семейных сертификатов (материнских), записью детей в дошкольные воспитательные учреждения, школы, оплаты государственных пошлин. На платформе для лиц с подтвержденной учетной записью можно получить электронные сертификаты о пройденных вакцинациях (QR коды прививок от Covid-19). Все очень удобно. Имеется связь с пенсионными, социальными и иными необходимыми и нужными организациями.

Только, когда в стране был введен режим локдауна, при котором вход в магазины разрешался при предъявлении QR кода, в медицинские учреждения, проводившие вакцинацию от новой коронавирусной инфекции, выстроились многосотенные очереди из лиц пожилого возраста, которые прошли прививочную компанию, не имеют своего личного кабинета на госуслугах, не умеют пользоваться гаджетами и вообще выходом в интернет и прочее. Врачи одной из государственных поликлиник г. Рязани жаловались на выдачу бумажных справок – сертификатов и многочасовых очередях.

Еще одна проблема с тем, что пожилые граждане не в состоянии приобрести смартфон с выходом в интернет и тем более зарегистрироваться на нем на нужных платформах. Обычно такие граждане пользуются телефонами, которые им дарят их дети. Функции и внешний вид аппаратов, как правило, напоминают домашние и это более приемлемо для данной категории граждан. Также они предпочитают бумажные документы, а не их электронный вид. Если обратить внимание, то даже в филиалах Сбера всегда много пожилых людей, которые записывают приход-расход в бумажных сберегательных книжках, а о онлайн сервисе банка ничего положительного сказать не могут, так как не умеют или даже боятся им пользоваться. Пенсию предпочитают получать на книжку, затем снимая ее или на почте. Пластиковых карт самостоятельно не заводят.

Таким образом идеи применения цифровых технологий в системе здравоохранения достаточно интересны, но для их применения стоит задуматься о материальном обеспечении населения, техническом и технологическом сопровождении, соблюдении прав человека и гражданина о

неразглашении, врачебной этики, появляющихся в связи с такими нововведениями составах правонарушений и преступлений и, конечно, правовом регулировании данного направления.

Пристатейный библиографический список:

1. Ананьева Е.О., Шмаева Т.А. Человек - общество - государство: вопросы обязательной цифровизации гражданского общества // Теория государства и права. 2022. № 1 (26). С. 11-21.
2. Makhboroda M., Ananyeva E., Doucek I.P. changes in transport activity regulation in the context of the Coronavirus pandemic // В сборнике: E3S Web of Conferences. Сер. "International Scientific and Practical Conference "Development of the Agro-Industrial Complex in the Context of Robotization and Digitalization of Production in Russia and Abroad", DAIC 2020" 2020. С. 5006.
3. Ананьева Е.О., Ивлиев П.В. Проблемные вопросы развития коммерческого здравоохранения в условиях ограничений и социальных рисков // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30. № 2. С. 171-182.
4. Автор проекта «Цифровая долина Прикамья» Антон Немкин встретился с врачами // 59.ru - новости Перми. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://59.ru/text/gorod/2021/05/17/69918539/> (дата обращения: 15.08.2022 года).

ГРИШИН Сергей Михайлович

соискатель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов, адвокат, Московская коллегия адвокатов «Интеллектуальные решения»

ОДИНЦОВ Станислав Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ЦИФРОВАЯ ИНФРАСТРУКТУРА В ГЛОБАЛЬНОМ ЗДРАВООХРАНЕНИИ: РЕГЛАМЕНТАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье дается анализ современных направлений цифровизации здравоохранения, которая в последние десятилетия набрала обороты. Уделяется особое внимание таким основным направлениям в области цифрового здравоохранения: искусственный интеллект в здравоохранении; телездоровоохранение; мобильное здравоохранение; электронные медицинские карты. Рассматриваются практические аспекты внедрения цифрового здравоохранения в профилактике и лечении пациентов на примере ряда стран. Выявлены ключевые проблемы и предложены правовые пути их решения.

Ключевые слова: цифровое (электронное) здравоохранение, искусственный интеллект (ИИ), телездоровоохранение, телемедицина, мобильное здравоохранение, электронные медицинские карты.

GRISHIN Sergey Mikhailovich

competitor of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples Friendship University of Russia, lawyer, Moscow Bar Association "Intellectual Solutions"

ODINTSOV Stanislav Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process and international private law of the of the Institute of Law of the Peoples Friendship University of Russia

DIGITAL INFRASTRUCTURE IN GLOBAL HEALTHCARE: REGULATION, IMPLEMENTATION PROBLEMS AND DEVELOPMENT TRENDS

The article provides an analysis of modern trends in the digitalization of healthcare, which has gained momentum in recent decades. Special attention is paid to the following main areas in the field of digital healthcare: artificial intelligence in healthcare; tele-health protection; mobile healthcare; electronic medical records. Practical aspects of the introduction of digital healthcare in the prevention and treatment of patients are considered on the example of a number of countries. The key problems are identified and legal solutions are proposed.

Keywords: digital healthcare (e-health), artificial intelligence (AI), telehealth, telemedicine, mobile healthcare, electronic medical records.

Цифровизация здравоохранения динамично набирает обороты в последнее десятилетие благодаря появлению и внедрению таких взаимодополняющих инноваций, как Интернет медицинских вещей (IoMT), телемедицина (telehealth/telemedicine) и медицинские алгоритмы и ресурсы на основе искусственного интеллекта (AI/ИИ). Все это не только свидетельствует о положительном прогрессе в этой области, но и позволяет утверждать о формировании новой парадигмы улучшения системы общественного здравоохранения, в том числе акценту на персонализацию.

Программы устойчивого развития общественно-го здравоохранения

14 сентября 2020 г. министры здравоохранения и руководители общественного здравоохранения из 53 государств-членов Европейского региона ВОЗ в Копенгагене (Дания) утвердили новую пятилетнюю концепцию — Европейскую программу работы (ЕПР) на 2020–2025 гг.¹, в

которой изложено, как ЕРБ ВОЗ и его государства-члены будут улучшать здравоохранение в Европе. В рамках ЕПР европейские государства-члены реализуют три основных приоритета: гарантия права на всеобщий доступ к качественной медицинской помощи без страха перед финансовыми трудностями; защита от чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения; создание здоровых сообществ, в которых действия в области общественного здравоохранения и соответствующая государственная политика обеспечивают лучшую жизнь в условиях экономики благосостояния.

Эти основные приоритеты закреплены в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и ее 17 целях в области устойчивого развития и соответствуют глобальному видению, изложенному в Общей программе работы ВОЗ на 2019–2023 гг. «Пандемия вынудила нас решать эти проблемы очень быстро, но ЕПР показывает нам,

¹ Европейская программа работы на 2020–2025 гг. «Совместные действия для улучшения здоровья жителей Европы». [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/333909/70wd11r-rev4-EPW-200673.pdf> (дата обращения: 30.08.2022).

как решать их таким образом, чтобы укреплять доверие, улучшать здоровье и, в конечном итоге, восстанавливать лучшие общества»² — заключил директор Европейского регионального бюро ВОЗ. Так, Европейское региональное бюро ВОЗ определило четыре флагманские инициативы, дополняющие ЕПР, в которой определены приоритеты в области здравоохранения на следующую пятилетку, среди которых важным в контексте темы исследования является расширение возможностей с помощью цифрового здравоохранения³.

Основные направления в области цифрового здравоохранения

Интернет медицинских вещей (IoMT)

Системы интернета вещей генерируют постоянный поток данных, который использует непрерывный мониторинг для медицинской помощи в диагностике заболеваний, уведомляя лиц, непосредственно осуществляющих уход, или врачей через систему своевременного дистанционного оповещения, оказания врачебной помощи в принятии решений с помощью автоматизированных системы поддержки принятия решений (DSS), а это означает, что определенные болезни могут быть обнаружены и вылечены до того, как они прогрессируют.

Искусственный интеллект (ИИ) в здравоохранении

В то время как количество свидетельств потенциальных преимуществ приложений ИИ в здравоохранении растет, остается ряд проблем, связанных с широким внедрением инструментов и ресурсов ИИ. Во-первых, текущий уровень цифровизации здравоохранения остается низким. Во-вторых, есть определенные проблемы с финансированием. В-третьих, в настоящее время существуют проблемы, связанные с качеством медицинских услуг ИИ. Получение клинических доказательств качества и эффективности — это проблема, с которой ИИ сталкивается в здравоохранении.

Соответствие является существенной проблемой для внедрения медицинских решений ИИ. Обработка данных о пациентах, их состоянии здоровья означает, что субъекты, использующие искусственный интеллект, должны соблюдать положения нормативно-правовых актов, таких как The Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996 (HIPAA)⁴, регламентов профессиональных сообществ, например, Health Information Trust Alliance (HITRUST) Common Security Framework (CSF)⁵ и междуна-

родных стандартов в этой сфере, в частности, ISO/IEC JTC 1/SC42⁶.

Телездравоохранение и телемедицина

Понятия «телездравоохранение» (telehealth) и «телемедицина» (telemedicine) обозначают дистанционное предоставление медицинских услуг. «Наибольшая актуальность и востребованность дистанционного способа оказания медицинских услуг посредством возможностей телемедицинских технологий представляются для тех пациентов, которые могут испытывать затруднения в доступе к стационарным учреждениям (больницам и поликлиникам)» [2, с. 97-98], например, лица, находящиеся на морских/океанских судах, населенных пунктах, расположенных на островах/архипелагах и иных труднодоступных территориях. «По мере того как в последние годы телездравоохранение и поддерживающие его технологии приобретают все большую популярность, государства-члены апробируют различные методы в целях поиска оптимальных путей расширения и совершенствования услуг здравоохранения, а также повышения эффективности и качества и снижения стоимости медицинской помощи» [5, с. 4].

Мобильное здравоохранение

«Термином «мобильное здравоохранение» (mHealth) обозначают применение мобильных технологий в поддержку передачи медико-санитарной информации и осуществления медицинской практики» [3, с. 53]. Мобильное здравоохранение дает ряд преимуществ в сравнении с традиционными методами предоставления лечебно-профилактических услуг, поскольку обеспечивает удобный и главное оперативный доступ в режиме реального времени к информации и услугам с применением портативных мобильных устройств.

Электронные медицинские карты

Электронные медицинские карты (ЭМК) поддерживают принятие решений в области здравоохранения, эффективное оказание медицинской помощи, обеспечивают качество и безопасность. «В российской практике в соответствии с Ф3 № 242 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» Ф3 № 323 от 21.11.2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» ЭМК представляют собой важный компонент электронного здравоохранения, который интегрирован и привязан к Единой Государственной Информационной Системе в сфере Здравоохранения (ЕГИСЗ), с учётом того, что вся информация, содержащаяся в ЭМК, так же содержится и в единой системе, которая является для них своего рода цифровой платформой» [2, с. 98].

Смежные цифровые технологии в здравоохранении

Применение технологии DLT, включая блокчейн позволяет обеспечить высокие стандарты конфиденциальности и кибербезопасности, при наличии такого преимущества как практически неограниченная масштабируемость. Система машинного обучения (ML) просматривает имеющиеся данные и сравнивает их с ожидаемыми резуль-

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.euro.who.int/en/media-centre/sections/press-releases/2020/ministers-back-5-year-plan-to-put-health-in-europe-on-track> (дата обращения: 30.08.2022).

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.euro.who.int/en/health-topics/health-policy/european-programme-of-work/about-the-european-programme-of-work> (дата обращения: 30.08.2022).

4 Provisions Relevant to Public Health Practice. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cdc.gov/nhsn/hipaa/index.html> (дата обращения: 30.08.2022).

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hitrustalliance.net/> (дата обращения: 30.08.2022).

6 ИСО/МЭК СТК 1/ПК 42 Искусственный интеллект. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iso.org/committee/6794475.html> (дата обращения: 30.08.2022).

татами, быстро сообщая врачам о любых потенциальных рисках для здоровья.

Практика проектов электронного здравоохранения в профилактике и лечении пациентов

1) Национальный регистр диабета был впервые создан в 2000 году в Хорватии. Реестр под названием CroDiab представляет собой веб-систему для сбора информации о пациентах с диабетом, которая позволяет медицинским работникам сосредоточиться на их индивидуальных потребностях и выбрать лучшие варианты лечения.

2) В Словакии новая технология помогает сократить среднее время, затрачиваемое онкологом-радиологом на планирование лучевой терапии пациентов, как минимум на тридцать процентов⁷.

3) Многие люди с хроническими заболеваниями считают, что получить поддержку от других людей, столкнувшихся с теми же проблемами, очень важно. Признавая это, в Швеции было разработано приложение Elsa Science, чтобы связать пациентов, которые хотят поделиться своим опытом, получить информацию о своем состоянии и принять активное участие в их лечении⁸.

4) В Грузии Центр неотложной кардиологии им. Акад. Г. Чапидзе является пионером в использовании мобильных устройств для мониторинга нарушений сердечного ритма и артериальной гипертензии у пациентов. Использование средств мобильного здравоохранения для мониторинга сердечных аритмий позволяло сократить длительность госпитализации и оказало позитивное влияние на качество жизни пациентов, поскольку они могли скорее вернуться домой из стационара [1, с. 21].

Выводы

Несмотря на значительный прогресс во внедрении моделей оказания медицинской помощи, ориентированной на человека, в странах, сохраняются критические проблемы в планировании и предоставлении услуг здравоохранения. Существуют убедительные доказательства того, что в будущем темпы внедрения электронного здравоохранения будут продолжать расти. Однако на уровне государств следует периодически пересматривать национальные юридические правовые инструменты, относящиеся к электронному здравоохранению, для того чтобы учитывать технологические изменения.

Пристатейный библиографический список

1. Kirtava Z, Gegenava T, Gegenava M. mHealth for Cardiac Patients Telemonitoring and Integrated Care. In: IEEE 15th International Conference on e-Health Networking, Applications and Services (Healthcom), Lisbon, Portugal, 9-12 October 2013. New York: IEEE; 2013:21–25. doi:10.1109/HealthCom.2013.6720631. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (http://www.researchgate.net/publication/263854047_mHealth_for_Cardiac_Patients_Telemonitoring_and_Integrated_Care (accessed: 17.12.2015)).
2. Одинцов С. В., Стеблецов И. В. Электронное здравоохранение: анализ практики, регламентации и принципов функционирования // «Современное право». - № 12. - 2020. DOI 10.25799/NI.2020.88.17.010.
3. От инноваций к внедрению. Электронное здравоохранение в Европейском регионе ВОЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0018/310455/From-Innovation-to-Implementation-eHealth-Report-EU-ru.pdf (дата обращения: 30.08.2022).
4. Телемедицина: возможности и развитие в государствах-членах. Доклад о результатах второго глобального обследования в области электронного здравоохранения, 2009 г. - Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2012. (Серия «Глобальная обсерватория по электронному здравоохранению». - Том 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/44497/4/9789244564141_rus.pdf?ua=1 (по состоянию на 8 апреля 2016 г.);
5. Электронное здравоохранение в Европейском регионе ВОЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0018/310455/From-Innovation-to-Implementation-eHealth-Report-EU-ru.pdf.

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0018/310455/From-Innovation-to-Implementation-eHealth-Report-EU-ru.pdf (дата обращения: 30.08.2022).

8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.euro.who.int/en/health-topics/Health-systems/digital-health/news/news/2021/12/artificial-intelligence-and-data-technology-provide-smarter-health-care-4-solutions-that-have-made-a-difference-for-noncommunicable-diseases> (дата обращения: 30.08.2022).

ДЕМЕШКО Евгения Дмитриевна

студент 4 курса Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ФИРSOVA Алёна Алексеевна

преподаватель кафедры общепрофессиональных дисциплин ГБПОУ города Москвы «Колледж полиции»

ЯЦЕНКО Анастасия Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается институт примирения в гражданском судопроизводстве. При анализе Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации выделены признаки, значение и цель примирительных процедур. Для определения эффективности введения примирительных процедур в гражданско-процессуальное законодательство рассмотрена судебная практика с примирением сторон, а также представлена судебная статистика использования примирительных процедур в гражданском судопроизводстве согласно отчетам Судебного Департамента Российской Федерации. В предложениях выведено определение «примирительные процедуры», а также предлагается создать примирительные кабинеты и размещать информацию о новых возможностях сторон быстрее разрешить спор с минимальными затратами. Указанные положения могут быть использованы для дальнейшего теоретического исследования примирительных процедур в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: институт примирения, гражданский процесс, примирительные процедуры, медиация, урегулирование спора, примирение сторон.

DEMESHKO Evgeniya Dmitrievna

student of the 4th course of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

FIRSOVA Alyona Alekseevna

lecturer of General professional disciplines sub-faculty of the SBPEI of the city of Moscow «College of Police»

YATSENKO Anastasiya Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil and arbitration proceedings sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

IMPLEMENTATION OF CONCILIATION PROCEDURES IN CIVIL PROCEEDINGS

The article examines the institution of reconciliation in civil proceedings. When analyzing the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the signs, meaning and purpose of conciliatory procedures are highlighted. To determine the effectiveness of introducing conciliation procedures into civil procedure legislation, judicial practice with reconciliation of the parties was considered, and judicial statistics on the use of conciliation procedures in civil proceedings were presented in accordance with the reports of the Judicial Department of the Russian Federation. The proposals derive a definition of «conciliatory procedures», and also propose the creation of conciliatory cabinets and posting information about new opportunities for the parties to resolve the dispute faster with minimal costs. These provisions can be used for further theoretical study of conciliatory procedures in civil proceedings.

Keywords: institute of reconciliation, civil procedure, conciliation procedures, mediation, dispute settlement, reconciliation of the parties.

При разрешении гражданско-правовых споров актуальным вопросом является становление и развитие института примирения, то есть примирительных процедур в гражданском судопроизводстве.

Примирение по мнению А. С. Аборкиной представляет из себя «комплексный институт, который включает юридические и психологические элементы, способные воздействовать на общественные отношения» [1, с. 318]. Такое понятие отражено с юридической стороны и вполне приемлемо, ведь содержит особенности института.

В Гражданско-процессуальном Кодексе РФ есть глава 14.1 о примирительных процедурах. Понятие данных процедур в законодательстве не обозначено, однако можно выделить признаки на основе анализа положений. Так, для них характерно следующее: определенный порядок проведения, урегулирование разногласий, активное участие сторон, выбор процедур и инициатива проведения лежит на сторонах.

При анализе гражданско-процессуального законодательства мы выделили виды примирительных процедур: переговоры, посредничество, медиация, судебное примирение и иные виды. Также необходимо отметить значение примирительных

процедур в гражданском судопроизводстве. Для этого необходимо обратиться к судебной статистике.

С каждым годом нагрузка на суды увеличивается, например, на 2021 год в суды первой инстанции поступило 23 476 133 гражданских дел, из них 673 970 неоконченных. В 2020 году – 21 545 254 гражданских дел, из них 568 653 неоконченных.¹ Из данной статистики мы видим увеличение поступающих гражданских дел, а также и то, что неоконченных также стало больше. Именно поэтому институт примирения создан и развивается для уменьшения нагрузки судов. По статистике 2020 года количество споров, урегулированных с помощью процедур медиации, судебного примирения составляет 772 гражданских дела. В 2021 году – 724.

Цель примирительных процедур в гражданском процессе представляет из себя сохранение первоначальных доверительных отношений с помощью наиболее выгодного выхода из гражданско-правового спора без значительных потерь для сторон.

1 Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 19.05.2022).

Сущность таких процедур заключается в поэтапной разработке взаимовыгодного решения для сторон в гражданском судопроизводстве, то есть урегулирование конфликта.

Как отмечала О. А. Мачучина, развитие института примирения «находится в прямой взаимосвязи с надлежащей реализацией субъектами права своих свобод и законных интересов» [2, с. 54]. И с данным высказыванием невозможно не согласиться, ведь взаимосвязь примирительных процедур с основным законом Российской Федерации проявляется в статье 45 Конституции РФ, которая регламентирует гарантию прав граждан на защиту своих прав и свобод любыми способами, не противоречащими закону.

Так, примирительные процедуры на практике не умаляют и не изменяют право на судебную защиту. Например, истец обратился в суд с требованиями о взыскании платы за вынужденный прогул и восстановлении на работе, однако в гражданском процессе между сторонами было достигнуто мировое соглашение, согласно которому ответчик в лице работодателя обязался выплатить истцу в лице работника денежную сумму в течение двух недель с момента вступления в законную силу определения суда.² Производство по данному делу было прекращено, и мы можем сделать вывод о том, что истец обратился в суд за защитой своих конституционных и трудовых прав, а существующий механизм института примирения позволил истцу и ответчику достичь между ними компромисса в принятии мирового соглашения, тем самым: сократился срок производства, положение сторон не нарушено, права истца восстановлены.

Итак, примирительные процедуры не противоречат современной нормативно-правовой базе и являются средствами урегулирования возникшего спора. Также из ГПК РФ можно выделить виды примирительных процедур: переговоры, посредничество, медиация, судебное примирение и иные виды.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 отражены основные цели и задачи судебного примирения. Отметим приоритетные задачи примирения: «соотнесение и сближение позиций сторон по делу; выявление дополнительных возможностей для урегулирования спора с учетом интересов сторон; оказание им содействия в достижении результата примирения».³ То есть судья должен принимать меры для примирения сторон еще на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, однако в законодательстве не указаны действия судьи, механизм не раскрыт. Обратимся к судебной практике.

Иногда суд реализует свою приоритетную задачу по примирению сторон, однако у стороны нет желания урегулировать конфликт без судебных разбирательств. Так, суд предлагал ответчику разрешить дело примирением сторон, поскольку истец был «готов обсуждать вопрос об уменьшении производных требований с целью скорейшего возврата денежных средств»⁴, но ответчик отказался от мирного разрешения и избрал иную тактику процессуального поведения, что обусловило увеличение периода неустойки.

Далее, истцом было заявлено требование о признании права собственности на земельный участок, исправлении ошибки в реестре и внесении изменений в ГКН. С целью реализации положений главы 14.1 и задач судебного примирения, судом разнялись положения данной главы, была назначена дополнительная экспертиза, затем стороны откладывали рассмотрение дела на основании заявления о заключении мирового соглашения, но стороны не достигли урегулирования конфликта.⁵

Получается, суд пытался сближить позиции сторон по делу через заключение экспертизы и информировал стороны о возможности примирения, однако стороны не смогли прийти к заключению мирового соглашения. Это только подтверждает то, что для примирительной процедуры необходимо активное участие и взаимодействие сторон в урегулировании конфликта.

В другой судебной практике истец заявил требование о взыскании задолженности и процентов по договору займа. Далее, истец и ответчик заключили между собой мировое соглашение, однако прокурор возражал против его утверждения судом. Суд же проверил данное соглашение на соответствие закону и утвердил его.⁶ Так, суд в противовес прокурору содействовал сторонам в достижении результата примирения – утверждения мирового соглашения, после чего стороны восстановили свое прежнее положение и урегулировали спор.

Отсюда, для получения действительно эффективных показателей применения примирительных процедур, на наш взгляд, необходимо сделать следующее.

В ГПК РФ закрепить понятие примирительных процедур, чтобы стороны при возникновении гражданско-правового спора понимали саму суть примирения и могли воспользоваться такой возможностью для скорейшего разрешения и урегулирования конфликта. Предлагается следующее понятие: «Примирительные процедуры – это совокупность средств, используемых для урегулирования возникшего спора между сторонами в гражданском процессе, что предусматривает собой их желание и активное участие в разрешении конфликта и завершение судебного разбирательства результатом, предусмотренным ст. 153.7 ГПК РФ».

Также для удобства проведения примирительных процедур необходимо создать примирительные кабинеты, оборудованные компьютерной техникой. Предлагается разместить данные кабинеты в зданиях судов. Они будут размещены на определенную категорию дела. В судах, где примирительный кабинет не может быть создан, предлагается использовать зал для видеоконференцсвязи, так как такое помещение уже оснащено техникой и дополнительные затраты не нужны. Наличие таких кабинетов будет способствовать не только для проведения этапов примирения сторон, но и для проявления интереса у сторон и возможному появлению желания разрешить спор именно таким образом.

Поскольку институт примирения является одним из новых, в зданиях и на сайтах судов должна быть размещена информация о примирительных процедурах и их порядке применения. Также предлагается распространить информацию о примирительных процедурах вне судов, провести так называемую агитационную политику среди населения. Данное мероприятие позволит повысить уровень правосознания граждан и количество разрешенных дел с помощью примирительных процедур.

Таким образом, рассмотрев теорию и практику, мы выяснили, что примирительные процедуры не противоречат современной нормативно-правовой базе и являются особым инструментом урегулирования возникшего спора в гражданском судопроизводстве. Они способствуют более быстрому разрешению спора и восстановлению правового положения сторон. И поскольку примирение не является обязательным и зависит только от активного участия сторон в разрешении спора, то необходимо распространять информацию о положительных последствиях примирительных процедур.

Пристатейный библиографический список

1. Апелляционное определение Московского областного суда от 23 августа 2021 по делу N 33-22523/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/wi4ZN> (дата обращения: 22.05.2022).
2. Об утверждении Регламента проведения судебного примирения: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 N 41 // Российская газета – 2019 – № 254.
3. Решение Железнодорожного городского суда от 18 ноября 2019 г. по делу № 2-3190/2019 // «Судебные и нормативные акты РФ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/YDQOuFecqwJu/ (дата обращения: 01.06.2022).
4. Решение Пушкинского городского суда от 22 мая 2020 г. по делу № 2-3876/2019 // «Судебные и нормативные акты РФ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/xF2NckJvvoL/ (дата обращения: 20.05.2022).
5. Определение Свердловского районного суда от 30 апреля 2021 по делу №2-185/2021 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/hcnzN> (дата обращения: 20.05.2022).
6. Аборкина А. С. Правовое регулирование примирительных процедур в гражданском процессе // Современная юриспруденция – Пенза, где Наука и Просвещение, 2018. – С. 317-321.
7. Мачучина О. А. Основные составляющие примирительных процедур // Наука. Общество. Государство. – 2017. – Т. 5. – № 3 (19). – С. 53-57.

КУРМАНБАЕВ Мелис Мажитович

старший преподаватель кафедры гражданского права Уральского государственного экономического университета

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ

В статье рассматриваются вопросы гражданско-правового регулирования жилищно-коммунальных услуг, дана их правовая характеристика как объектов гражданского права. Подчёркнута двойственность жилищно-коммунальных услуг, выражающаяся как в выполнении работ, так и оказании услуг, общим результатом которых выступает удовлетворение спроса (потребности) отдельного потребителя и создание нематериального блага - комфортных условий жизни и деятельности данного потребителя. Сформулированы понятия «жилищно-коммунальные услуги», «жилищная услуга» и «коммунальная услуга».

Ключевые слова: объект правоотношения, материальные блага, работы, услуги, жилищно-коммунальные услуги, жилищные услуги, коммунальные услуги.

KURMANBAYEV Melis Mazhitovich

senior lecturer of Civil law sub-faculty of the Ural State University of Economics

ON THE ISSUE OF CIVIL LAW REGULATION OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

The article deals with the issues of civil law regulation of housing and communal services, their legal characteristics as objects of civil law are given. The duality of housing and communal services is emphasized, which is expressed both in the performance of work and the provision of services, the general result of which is the satisfaction of the demand (need) of an individual consumer and the creation of an intangible benefit - comfortable living conditions and activities of this consumer. The concepts of "housing and communal services", "housing service" and "communal service" are formulated.

Keywords: object of legal relationship, material goods, works, services, housing and communal services, housing services, utilities.

Курманбаев М. М.

Понятие «объект правоотношения» используется в мировой цивилизации более 200 лет, примерно столько, сколько существует теория правоотношения.

Первым, кто в отечественной литературе стал использовать понятия «объект права», «объект правоотношения», понимая под объектом противоположность субъекту, был Д. И. Мейер [1].

Говоря об определении объекта гражданских прав, следует отметить позицию Е. А. Суханова о том, что объект гражданских прав — это различные материальные (в том числе вещественные) и нематериальные (идеальные) блага либо процесс их создания, составляющие предмет деятельности субъектов гражданского права [2, с. 297].

При классификации объектов гражданских прав по своим свойствам и проявлениям О. В. Гутников, А. С. Гутникова и С. Д. Радченко разделяют их на три группы: - существующие в осязаемой форме; - представляющие собой действия людей; - воспринимаемые лишь на уровне осознания, эмоционального переживания [3, с. 145].

Статья 128 ГК, указывая в перечне объектов гражданских права «оказание услуг», не содержит при этом оснований для подразделения, собственно, самих услуг на виды. Необходимую информацию о видах услуг мы находим в статье 779 ГК РФ, в которой указаны и *иные услуги*. Под «иными» следует понимать, в том числе и жилищно-коммунальные услуги.

В доктрине гражданского права практически отсутствует разработка жилищно-коммунальных услуг как объекта гражданских прав. Указанное создаёт трудности в формировании единого правоприменительного подхода по вопросам моделирования отношений между различными субъектами в сфере ЖКУ, в частности, между поставщиками ЖКУ и их потребителями.

Понятие «жилищно-коммунальные услуги» является сложным, составным, что предопределено смешанным характером данного объекта ЖКУ (с одной стороны, коммунальные ресурсы – вода, газ, электроэнергия, вывоз ТКО и

т.д., с другой – обслуживание и эксплуатация жилищного фонда (капитальный и текущий ремонт, уборка мест общего пользования и т.д.)).

Для уяснения понятия ЖКУ необходимо раскрыть понятия «услуга», «жилищно-коммунальные услуги», «жилищные услуги», «коммунальные услуги».

Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, слово «услуга» означает действие, приносящее помощь, пользу другому, оказывающее помощь [4, с. 281]. Несмотря на то, что в науке гражданского права продолжаются споры о сущности «услуг» [5], [10], [11] в соответствии с гл. 39 ГК РФ можно утверждать, что они как объекты гражданских прав существуют в осязаемой форме и производятся за счёт действий людей на основании договора.

Среди дореволюционных цивилистов сторонником разграничения подряда и услуг был Г.Ф. Шершеневич. Он подчёркивал необходимость понимать под подрядом «исполнение работы как продукт приложения рабочей силы». Одновременно отмечалось: «В подряде мы имеем дело с «исполнением» работы, а в личном найме с «отправлением работы». Соответственно смысл подряда, в отличие от личного найма, усматривался в том, что в первом сущность составляет «результат труда» [6, с. 190].

Обоснование указанного разграничения можно найти и у К. Маркса: «Известного рода УСЛУГИ, иными словами: ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ СТОИМОСТИ, представляющие собой результат известных видов деятельности или труда, воплощаются в ТОВАРАХ, другие же услуги, напротив, не оставляют осязательных результатов, СУЩЕСТВУЮЩИХ ОТДЕЛЬНО от исполнителей этих услуг; иначе говоря, результат их не есть ПРИГОДНЫЙ ДЛЯ ПРОДАЖИ ТОВАР» [7, с. 414].

При этом услуга может представлять собой определённый нематериальный результат, который выражается в действиях как лица, оказывающего услугу, так и исполнителя, а также в неимущественном эффекте этих действий.

Б. М. Гонгало подчёркивает, что «услуга» есть понятие родовое - различные виды услуг оказываются разными субъектами (исполнителями, услугодателями) для удовлетворения разнообразных потребностей разных категорий заказчиков (потребителей услуг, услугополучателей). Существо соответствующих видов деятельности также отличается - выражается в различных действиях или разных видах деятельности» [8, с. 520].

Соответственно, услуга разделяется по субъективному и объективному составу на действия: - лица, оказавшего услугу; - исполнителя; - неимущественного эффекта от этих действий.

Следовательно, можно отметить двойственность оказания услуг, выражающуюся в результате оказания услуги и действиях для его достижения, что является очень важным при характеристике понятия «жилищно-коммунальные услуги».

Прежде всего, целесообразно привести, какие коммунальные и жилищные услуги выступают в качестве предмета соответствующих договоров.

Договор на оказание коммунальных услуг, в зависимости от вида коммунального ресурса, имеет соответствующий специфический предмет, определяемый перечнем предоставляемых потребителю коммунальных услуг определяется степенью благоустройства многоквартирного дома или жилого дома, под которой понимается наличие в многоквартирном доме или жилом доме внутридомовых инженерных систем, позволяющих предоставлять потребителю следующие коммунальные услуги: - холодное водоснабжение; - горячее водоснабжение; - водоотведение; - электроснабжение; - газоснабжение; - вывод твёрдых коммунальных отходов (ТКО); - продажа бытового газа в баллонах; - отопление; - продажа твёрдого топлива при наличии печного отопления.

По мнению А. В. Кудашкина, особенностью коммунальных услуг является непрерывный характер их предоставления независимо от того, потребляются ли они реально. Но в качестве исключения из этого правила можно привести - услуги по отоплению, так как они предоставляются в течение отопительного периода [9]. Также, предоставление коммунальных услуг осуществляется в необходимых потребителю объёмах в пределах технической возможности внутридомовых инженерных систем.

К жилищным услугам относят: - предоставление нанятелю жилого помещения по договору социального найма или договору найма жилого помещения государственного или муниципального жилищного фонда; - содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме; капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме за счёт собственников помещений в многоквартирном доме; - услуги по управлению многоквартирным домом; - ремонт и эксплуатация лифтов; эксплуатация и ремонт мусоропроводов; внутридомовое освещение мест общего пользования; - уборка и санитарно-гигиеническая очистка внутриподъездных и придомовых территорий¹.

Таким образом, исходя из существующей российской законодательной терминологии в сфере ЖКХ, следует выделить *деятельность по оказанию жилищных услуг и деятельность по оказанию коммунальных услуг*, в связи с чем существует и соответствующее обособление нормативно-правового регулирования отношений по оказанию жилищных и коммунальных услуг.

Соответственно, есть основания для формулирования двух автономных по сути определений «коммунальная услуга» и «жилищная услуга», являющихся составными общеправового понятия «жилищно-коммунальные услуги».

Под жилищной услугой следует понимать деятельность, направленную на удовлетворение спроса (потребности) отдельного потребителя и создание нематериального блага

- комфортных условий жизни и деятельности потребителя посредством управления МКД, содержания и ремонта помещений.

Соответственно, под коммунальной услугой следует понимать деятельность, направленную на удовлетворение спроса (потребности) отдельного потребителя и создание нематериального блага - комфортных условий жизни и деятельности потребителя посредством водоотведения через присоединённые сети в объёмах, согласованных исполнителем и потребителем в соответствующих договорах

При этом конечной целью оказания жилищных и коммунальных услуг выступает удовлетворение спроса (потребности) отдельного потребителя и создание нематериального блага - комфортных условий жизни и деятельности данного потребителя.

Как итог, сформулируем, собственно, и само понятие «жилищно-коммунальная услуга». Жилищно-коммунальной услугой является сертифицируемая или лицензируемая деятельность конкурентоспособного исполнителя, направленная на удовлетворение потребности отдельного потребителя и создание нематериального блага - комфортных условий жизни и деятельности потребителя посредством управления многоквартирным домом, содержания и ремонта помещений, поставки коммунальных ресурсов надлежащего качества, а также водоотведения через присоединённые сети в объёмах, согласованных сторонами в соответствующих договорах.

Пристатейный библиографический список

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. / Д. И. Мейер; Моск. гос. ун-т, юрид. фак-т, ка. гражд. права. - 2-е изд., испр. (по испр. и доп. 8-му изд., 1902 г.). - М.: Статут, 2000. - 830 с.
2. Российское гражданское право: Учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права // Отв. ред. Е. А. Суханова. - М.: Статут, 2010. - Т. 1. - 958 с.
3. Гражданское право: Учебник / О. В. Гутников, А. С. Гутникова, С. Д. Радченко и др. // Под ред. О. Н. Садикова. - М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2006. - Т. 1. - 493 с.
4. Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под общ. ред. Проф. Л. И. Скворцова. - 25-е изд., испр. и доп. - М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2008. - 1328 с.
5. Степанов Д. Услуги как объекты гражданских прав // Российская юстиция. - 2000. - № 2. - С. 23.
6. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. - Т. II. - 462 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: Изд. 2-е. - М.: Госполитиздат. - Т. 26. - Ч. 1. - 476 с.
8. Гонгало Б. М. Избранное: том 3. Гражданское право. 2015-2021. - Москва: Статус. - 542 с.
9. Кудашкин А. В. Жилищное право: Учебное пособие / А. В. Кудашкин. - Москва: ИЦ РИОР: НИЦ ИНФРА-М, 2014. - 168 с. (Высшее образование: Бакалавриат). ISBN 978-5-369-01066-2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/438557> (дата обращения: 15.09.2022).
10. Грушевая Е. П. Обязательства по предоставлению услуг в хозяйственных отношениях // Советское государство и право. - 1982. - № 1. - С. 67.
11. Шерстобитов А. Е. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере обслуживания. - М., 1987 - С. 45.

¹ Приказ Росстата от 29.09.2017 N 643 «Об утверждении официальной статистической методологии формирования официальной статистической информации об объёме платных услуг населению в разрезе видов услуг». Пункты 15, 20 // Консультант Плюс.

ЛИТВИНОВА Дарья Валерьевна

магистрант МГИМО (У) МИД России

ЦАРЕГРАДСКАЯ Юлия Константиновна

доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса Одинцовского филиала МГИМО (У) МИД России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕДИА ИНДУСТРИИ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Пандемия COVID-19 вынудила потребителей приобретать не только товары, но и контент посредством различных стриминговых платформ. В этой связи возникают вопросы, касающиеся законодательного регулирования индустрии развлечений, которая включает в себя различные формы медиа, такие как: фильмы, музыку, игры. Несмотря на то, что медиарынок возглавляют компании, расположенные в США, например, YouTube и Netflix, последнее время, потребители, все чаще уделяют внимание контенту, который был создан в Южной Корее (например, сериал «Игра в кальмара», фильм «Паразиты» и новый музыкальный жанр: K-pop). Одним из факторов быстрого распространения южнокорейской культуры по всему миру является благоприятная правовая база, создающая все необходимые условия для развития онлайн индустрии развлечений.

Ключевые слова: электронная коммерция, нетфликс, СМИ, информационное право.

LITVINOVA Darya Valerjevna

magister student of the MGIMO (U) of the MIA of Russia

TSAREGRADSKAYA Yuliya Konstantinovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil and arbitration process sub-faculty of the Odintsovo branch of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

LEGAL REGULATION OF MEDIA INDUSTRY IN SOUTH KOREA

The COVID-19 pandemic forced consumers to purchase not only goods, but also content through various streaming platforms. In this regard, questions arise concerning the legislative regulation of the entertainment industry, which includes various forms of media, such as: movies, music, games. Despite the fact that the media market is headed by companies located in the United States, for example, YouTube and Netflix, recently, consumers are increasingly paying attention to content that was created in South Korea (for example, the TV series "The Squid Game", the film "Parasites" and a new musical genre: K-pop). One of the factors of the rapid spread of South Korean culture around the world is a favorable legal framework that creates all the necessary conditions for the development of the online entertainment industry.

Keywords: e-commerce, Netflix, mass media, information law.

Пандемия Covid-19 во всем мире привела к росту электронной торговли не только физических товаров, но и цифровых услуг. Индустрия развлечений в Южной Корее, а именно исполнительское искусство, искала новые способы онлайн - дистрибуции своих услуг. Например, знаменитые на весь мир южнокорейские популярные исполнители начали организовывать живые онлайн – концерты. Только одна популярная группа корейских музыкантов, которая провела виртуальный концерт, 14 июня 2020 года, собрала у экранов 756 600 поклонников со всего мира¹. Сообщается, что шоу принесло исполнителям почти 20 миллионов долларов, что можно рассматривать, как огромный успех².

В Корее каждый отдельный вид средств массовой информации регулируется соответствующими законами и нормативными актами. При этом, законодательство, которое бы регулировало онлайн – СМИ или иные методы видеовещания через Интернет, отсутствует. Несмотря на это, в Южной Корее действует Закон «О телекоммуникационном бизнесе»³, который содержит в себе положения об услугах, предоставляемых с помощью телекоммуникационных технологий. За соблюдением и исполнением данного закона следят два государственных органа: Комиссия по коммуника-

циям и Министерство науки, образования и техники Южной Кореи. Особое внимание в этом законе уделяется поставщикам дополнительных видов обслуживания. Поставщики обязаны подать заявление перед началом осуществления своей деятельности в Министерство науки, образования и техники и получить надлежащее разрешение. Правовой статус сетевых медийных служб приравнивается к статусу поставщиков дополнительных видов обслуживания, в связи с чем, онлайн – СМИ также обязаны предварительно сообщать о своей деятельности в Министерство науки, образования и техники.

Нормативно-правовое регулирование киноиндустрии в Южной Корее обеспечивается Законом о поддержке кинофильмов и видеопродукции⁴. Закон устанавливает квоту на показ южнокорейских фильмов в кинотеатрах. Каждый день, кинотеатры обязаны показывать не менее 20 процентов корейских фильмов. Данный закон также установил рейтинговую систему для всей видеопродукции, распространяемой на территории Южной Кореи. Корейский совет по рейтингам СМИ осуществляет классификацию фильмов и видео, до того, как они попадут в общий доступ. При этом, бесплатные видеоматериалы, предоставляемые через телекоммуникационную сеть, доступ к которым является открытым для общественности, не подпадают под действие данного закона. В случае, если лицо просматривает фильм или видео без установленного рейтинга или предоставляет этот фильм или видео в просмотр, способом, не соответствующему установленному рейтингу, данное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности. Вещательные компании обязаны

1 Корейская группа BTS дала самый большой онлайн-концерт в истории // REGNUM. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/JT7oFro> (дата обращения: 30.11.2021).

2 BTS Announce Another Online Concert Event, Bang Bang Con 2021 // Forbes. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/4T7oKCU> (дата обращения: 30.11.2021).

3 Telecommunications business act // Korea Law Translation Center. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/3T7oCWl> (дата обращения: 30.11.2021).

4 Promotion of the motion pictures and video products act // Korea Law Translation Center. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/zT7o4f8> (дата обращения: 30.11.2021).

оценивать транслируемые ими программы и указывать рейтинг во время вещания программы.

Закон о содействии использованию информационно-коммуникационных сетей и защите информации и т.д.⁵ запрещает распространение незаконного контента, в том числе непристойного, наносящего ущерб репутации лица или наносящего большой вред подросткам и несовершеннолетним. Комиссия по коммуникациям уполномочена на проведение фактического анализа уже размещенного материала. По результатам проверки, Комиссия может издать распоряжение о принятии мер по исправлению размещенного контента оператору телекоммуникационных услуг или издателю контента.

В соответствии с Законом об авторском праве, как корейские, так и иностранные произведения, защищенные авторским правом, охраняются при их создании в соответствии с договорами, которые подписала и ратифицировала Южная Корея. Например, 2 августа 1996 года Южная Корея присоединилась к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений.

Недавно в Закон об авторском праве вносились поправки, которые были направлены на то, чтобы привести его в соответствие с соглашениями о свободной торговле, заключенными с Европейским союзом и Соединенными Штатами.

Корея также является членом Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и подпадает под действие Договора ВОИС об авторском праве.

В Корею не приняты законы или иные нормативные акты, которые были бы направлены на регулирование конкурентных отношений и защиту прав потребителей в средствах массовой информации. Однако на эти отрасли распространяются общие законы и положения о конкуренции и правах потребителей, включая Закон о регулировании монополий и справедливой торговле⁶, который регулирует торговлю между предприятиями, Закон о стандартизированном контракте⁷, который регулирует договоры присоединения между потребителями и поставщиками услуг, и Закон о защите прав потребителей в сделках электронной торговли⁸, который применяется к поставщикам услуг и потребителям, приобретающим товары и услуги онлайн.

Корейская комиссия о добросовестной торговле (ККДТ) заявила, что сосредоточит свое внимание на условиях, регулирующих порядок прекращения подписки на цифровые сервисы, а также на правилах возврата денежных средств за использование услуг цифровой подписки. В январе 2020 года ККДТ потребовала от трех поставщиков IPTV (Телевидение по протоколу интернета) внести изменения в Положение о подписке на стриминговый сервис. Данные изменения были направлены на обеспечение защиты прав потребителей. Теперь пользователи могли отменить подписку на стриминговый сервис, в течение семи дней с момента покупки, если потребители не смотрели видеоконтент. В августе 2020 года ККДТ изучила Положения о подписке четырех онлайн-платформ, предоставляющих доступ к электронным книгам по подписке, и потребовала исправления ряда несправедливых положений, в том числе, ограничивающих права потребителей на аннулирование или расторжение договоров. При этом, пользователям не позволялось осуществить возврат денежных средств по необоснованным причинам, которые

были установлены поставщиками онлайн услуг, или пользователям не позволялось осуществлять частичный возврат денежных средств в течение месяца.

Растущая популярность стриминговых также сервисов ставит вопрос об установлении сетевых сборов. Южнокорейский провайдер подал в суд на американский стриминговый сервис Netflix. Провайдер требует оплатить расходы, понесенные им, в связи с увеличением объемов трафика сети и ремонтных работ. Суд постановил, что Netflix обязан выплатить компенсацию южнокорейскому провайдеру. Компания Netflix подала в апелляционную инстанцию и заявила, о намерении урегулировать спор с провайдером, учитывая интересы пользователей сервиса. Только Netflix и YouTube в Южной Корею не платят за использование сети, в отличие от Amazon, Apple и Facebook⁹.

В результате, проанализировав базовые законодательные положения, регулирующие онлайн СМИ и индустрию развлечений в Южной Корею, можно заявить о том, что наиболее заметной проблемой 2020 года стало резкое снижение спроса на публичные выступления из-за распространения коронавирусной инфекции. Поскольку социальное дистанцирование стало новой нормой из-за Covid-19, спрос на цифровой развлекательный контент среди потребителей резко возрос. В этой связи, у законодателей в Южной Корею, а также по всему миру, возникло намерение усовершенствовать законодательство в сфере предоставления онлайн цифровых услуг.

Пристатейный библиографический список

1. Корейская группа BTS дала самый большой онлайн-концерт в истории // REGNUM. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/JT7oFr0> (дата обращения: 30.11.2021).
2. Южнокорейский провайдер подал в суд на Netflix из-за «Игры в кальмара» // РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/eT7pnm3> (дата обращения: 30.11.2021).
3. Act on promotion of information and communications network utilization and information protection, etc. // Korea Law Translation Center. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/OT7rpt0> (дата обращения: 30.11.2021).
4. BTS Announce Another Online Concert Event, Bang Bang Con 2021 // Forbes. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/4T7oKCU> (дата обращения: 30.11.2021).
5. E-Commerce: Overview // Korea Fair Trade Commission. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/OT7pzPk> (дата обращения: 30.11.2021).
6. Enforcement Decree of the Monopoly Regulation and Fair Trade Law (Presidential Decree No. 10267 of April 1, 1981, as amended up to Presidential Decree No. 15328 of March 31, 1997) // WiPO Lex. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/qT7psyF> (дата обращения: 30.11.2021).
7. Promotion of the motion pictures and video products act // Korea Law Translation Center. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/zT7o4f8> (дата обращения: 30.11.2021).
8. Telecommunications business act // Korea Law Translation Center. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/3T7oCW1> (дата обращения: 30.11.2021).
9. The Media and Entertainment Law Review: South Korea // The Law Reviews. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/OT7phGI> (дата обращения: 30.11.2021).

5 Act on promotion of information and communications network utilization and information protection, etc. // Korea Law Translation Center. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/OT7rpt0> (дата обращения: 30.11.2021).

6 Enforcement Decree of the Monopoly Regulation and Fair Trade Law (Presidential Decree No. 10267 of April 1, 1981, as amended up to Presidential Decree No. 15328 of March 31, 1997) // WiPO Lex. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/qT7psyF> (дата обращения: 30.11.2021).

7 The Media and Entertainment Law Review: South Korea // The Law Reviews. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/OT7phGI> (дата обращения: 30.11.2021).

8 E-Commerce: Overview // Korea Fair Trade Commission. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/OT7pzPk> (дата обращения: 30.11.2021).

9 Южнокорейский провайдер подал в суд на Netflix из-за «Игры в кальмара» // РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cutt.ly/eT7pnm3> (дата обращения: 30.11.2021).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-155-156

МАРКС Юлия Алильевна

кандидат политических наук, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин АНО ВО «Международная полицейская академия ВПА», г. Тула

ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО И ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИИ И МЕХАНИЗМ ИХ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

В статье раскрывается сущность понятий чести, достоинства и деловой репутации. Проведён критический анализ существующих подходов к юридической сущности механизма реализации и правовой защиты права. На этой основе автор выделяет ключевые элементы механизма правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации физических и юридических лиц.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, механизм правовой защиты.

MARKS Yuliya Aliljevna

Ph.D. in political sciences, Head of Civil law disciplines sub-faculty of the ANO HE «International «Academy VPA», Tula

HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION AND THE MECHANISM OF THEIR LEGAL PROTECTION

The article reveals the essence of the concepts of honor, dignity and business reputation. A critical analysis of the existing approaches to the legal essence of the mechanism for the implementation and legal protection of the right has been carried out. On this basis, the author highlights the key elements of the mechanism for the legal protection of the honor, dignity and business reputation of individuals and legal entities.

Keywords: honor, dignity, business reputation, mechanism of legal protection.

Обязанность обеспечить правовые условия защиты чести, достоинства и деловой репутации прямо следует из международно-правовых документов, к которым присоединилась Российская Федерация [1], [2].

Не случайно повышенное внимание, которое проявляет к данным вопросам законодатель. Честь, достоинство и деловая репутация имеют самостоятельное конституционное закрепление, что следует из совокупного смысла статей 21 и 23 Конституции РФ [3] гарантирующих защиту таких прав как достоинство, честь и доброе имя каждого человека.

Несомненного внимания заслуживает и вопрос обеспечения защиты деловой репутации юридических лиц, набирающий все большую актуальность в условиях развития рыночных отношений и повышения уровня конкуренции (в том числе недобросовестной). Особое значение в контексте ожесточающейся конкуренции на фоне введённых против России санкций имеет защита деловой репутации как отдельных персоналий, стоящих во главе компаний различного масштаба, так и рядовых сотрудников, составляющих ее штат.

Каждый год арбитражными судами рассматривается более 800 дел о защите деловой репутации различных юридических лиц [11, с. 115]. Нередко подобные дела идут вкупе с делами частного обвинения о клевете, инициированными контролирующими лицами организаций (учредителем, генеральным директором и др.) [9, с. 68]. Так, к примеру, в 2020 году было возбуждено 899 дел частного обвинения по статье 128.1 «Клевета» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [4], по итогу их рассмотрения было осуждено 56 человек. Дела в отношении 491 человека прекращены, оправдательные приговоры вынесены в отношении 351 человека.

За аналогичный период в порядке гражданского судопроизводства были рассмотрены 2866 дел исследуемой категории, требования истцов были удовлетворены в 1124

случаях [14]. Подобный перекосяк в числе оправдательных и обвинительных приговоров, а также в количестве неудовлетворенных требований истцов, может свидетельствовать о недостаточной подготовленности и непонимании правоприменителями специфики деятельности по доказыванию в рамках подобного рода дел.

Важно заметить, что вопросам защиты чести, достоинства и деловой репутации в различных видах судопроизводства – несмотря на большое значение данной темы – практически не посвящены комплексные исследования. Между тем системная защита названных нематериальных благ приобретает все большую актуальность в условиях развития социальных сетей, интернет-коммуникации и новых форм распространения информации.

По оценкам ученых действующее отечественное законодательство не поспевает за быстро развивающимися общественными отношениями в данной сфере [8, с. 213]. Поэтому постоянный мониторинг и совершенствование законодательства в этой части имеют безусловную теоретическую и практическую значимость.

Изучение обозначенной проблематики невозможно без понимания теоретической сущности исследуемых категорий.

Защита чести и доброго имени прописана в положениях статьи 23 Конституции РФ. Гражданским законодательством защита чести, достоинства и деловой репутации регламентирована положениями статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [5].

Под честью физического лица представляется возможным понимать моральную оценку поведенческих качеств физического лица, данную ему обществом, путем внешнего одобрения (порицания), а также через самоощущение человека и состояние его самооценки. Достоинство человека представляет собой категорию, раскрывающую собственную значимость человека в социуме, в котором он существует. Честь и достоинство – качества присущие только человеку.

Деловая репутация – категория, которая имеет отношения к субъектам хозяйственной деятельности: индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам. Это оценка субъекта с точки зрения понимания его деловых качеств, добросовестности ведения хозяйственной деятельности и отношения к обычаям делового оборота.

Взаимосвязанные положения Конституции РФ, закрепленные в ее статьях 2, 15, 17, 18, 45, 46 и др. создают основу для обеспечения, охраны и защиты своих прав любыми незапрещенными законом способами [7, с. 99]. При этом защита таких благ как честь, достоинство и деловая репутация, могут быть осуществлены только при наличии соответствующего правового механизма.

Государство как социальный институт призвано создать механизм реализации права, то есть воплощения субъективных прав в реальной жизни. В свою очередь, как отмечает, О. Ю. Ситкова, «механизм защиты прав состоит из элементов двух категорий: санкций охранительных норм права и актов применения охранительных норм» [13, с. 80]. Как видно из данного определения, учёная опирается как на наличие самих норм права, которые выступают частью охранительного механизма, так и на деятельность властных субъектов права, которые реализуют эти охранительные нормы. Думается, что деятельность властных субъектов или же самостоятельную деятельность лица, чьи права нарушены (самозащиту), можно вполне назвать элементом механизма защиты права.

Здесь уместно будет уместно привести высказывание Н. И. Матузова, согласно которому «охраняются права постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются» [10, с. 131]. Поэтому, наличие норм права, которые закрепляют конкретные субъективные права физических и юридических лиц, а также положения о защите чести, достоинства и деловой репутации, являются одним из средств их охраны.

Н. А. Рябинин указывает на то, что в обязанности правоохранительного органа и его должностных лиц входит: обеспечение всевозможных мер для защиты прав и интересов разнообразных субъектов права; обеспечение восстановления нарушенных прав в установленном законом порядке; привлечение нарушителей закона к ответственности согласно нормам права; обеспечение законности при осуществлении в отношении нарушителя мер воздействия [12, с. 14-19].

Применительно к вопросу об элементах механизма защиты прав интерес представляет позиция Ю. Н. Андреева, который предлагает выделять следующие элементы: содержание правоохранительных мер и норм права, которые будут использованы субъектом защиты нарушенного права; обоснование необходимости применения конкретных мер воздействия; установленный законом процессуальный и процедурный порядок применения выбранных мер [6, с. 244].

Все сказанное в полной мере относится к механизму правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации физических и юридических лиц. Проведенный анализ позволяет вычленив теоретическую основу механизма защиты обозначенных благ и выделить его ключевые элементы, среди которых:

– нормы права, которые, во-первых, закрепляют круг субъективных прав и обязанностей физических и юридических лиц, чем отчасти гарантируют их охрану, во-вторых, содержат меры реагирования на нарушение права и материально-правового восстановления нарушенного права;

– наличие юридического факта или иного обстоятельства для применения конкретных мер воздействия в силу предписания закона. Иными словами – фактические обстоя-

тельства совершенного нарушения права должны явно свидетельствовать о необходимости применения конкретных норм права;

– наличие закрепленной в законе процедуры применения выбранной меры воздействия, в рамках того или иного процессуального законодательства;

– наличие реальных механизмов, способствующих неотвратимости наступления неблагоприятных правовых последствий для нарушителя.

Пристатейный библиографический список

1. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. - 05.04.1995. - № 67.
2. «Устав Организации Объединенных Наций» (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII, - М., 1956. - С. 14-47.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Российская газета. - 25 декабря 1993. - № 237.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 года. № 51-ФЗ (Часть 1) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
6. Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. - М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2010. - 462 с.
7. Бердюгин С. Р., Евдакимов Н. С. Проблемы защиты гражданских прав // Интерактивная наука. - 2018. - № 6 (28). - С. 99-100.
8. Гаврилов Е. В. О новейшей практике Верховного Суда РФ по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, опороженных в сети Интернет // Пермский юридический альманах. - 2019. - № 2. - С. 211-217.
9. Майоров А. В. Клевета как уголовно-наказуемое деяние // Вестник Уральского института экономики, управления и права. - 2019. - № 1 (46). - С. 66-71.
10. Матузов Н. И. Правовая система и личность. - Саратов, 1987. - 431 с.
11. Рейдель Л. Б., Красилова Н. В. Проблемы защиты деловой репутации юридических лиц // Правовая политика и правовая жизнь. - 2020. - № 2. - С. 112-118.
12. Рябинин Н. А. Особенности понимания субъективного права на защиту гражданских прав // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2018. - № 2 (44). - С. 14-19.
13. Ситкова О. Ю. Механизм защиты субъективных прав: гражданско-правовые и семейно-правовые аспекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2015. - № 3 (104). - С. 78-83.
14. Суды оправдали почти 40 % обвиняемых в клевете. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/04/12/sudy-opravdali-pochti-40-procentov-obviniaemyh-v-klevete.html> (дата обращения: 20.09.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-157-158

МАЗАНАЕВ Мурад Шабанович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Дагестанского государственного университета

ХАНАРСЛАНОВА Жахбат Даниялбековна

магистрант Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ НЕУСТОЙКИ КАК СПОСОБА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ДОГОВОРУ ПОДРЯДА

В статье раскрываются понятия обеспечения обязательств в виде неустойки определяется несовершенством законодательства, которое формулируется в том, что законодательство не дает понятия штрафа и пени, законодатель не сформировал отчетливых мер понижения неустойки, а также виды неустойки по отношению с убытками содержатся в главе «Ответственность за нарушение обязательств», а неустойка является методом обеспечения осуществления обязательства. Раскрыты элементы и содержание договора подряда, рассмотрены виды договора подряда, исследованы проблемы заключения, исполнения, расторжения и ответственности по договору подряда, а также различные способы обеспечения исполнения обязательств.

Ключевые слова: неустойка, договор подряда, подряческое соглашение.

MAZANAEV Murad Shabanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

KHANARSLANOVA Zakhbat Daniyalbekovna

magister student of the Institute of Law of the Dagestan State University

THE PRACTICE OF APPLYING A PENALTY AS A WAY TO ENSURE THE FULFILLMENT OF OBLIGATIONS UNDER A CONTRACT

The security of obligations in the form of a forfeit is determined by the imperfection of the legislation, which is formulated in the fact that the legislation does not give the concept of a fine and a penalty, the legislator has not formulated clear measures to reduce the penalty, and the types of penalties in relation to losses are contained in the chapter «Liability for violation of obligations», and a forfeit is a method of securing the fulfillment of an obligation. The elements and content of the contract are disclosed, the types of contract are considered, the problems of conclusion, execution, termination and liability under the contract are investigated, as well as various ways to ensure the fulfillment of obligations.

Keywords: penalty, work contract, contract agreement.

Обеспечение обязательств является одним из значительных вопросов нынешнего гражданского законодательства и практической работы участников гражданских правоотношений, содействует следованию их заинтересованностей и определению более устойчивых правоотношений в нынешней предпринимательской деятельности [4, с. 172].

Хотя гражданское законодательство определяет важнейшие методы обеспечения осуществления обязательств и регулирует последовательность и обстоятельства их использования, итог обеспечения того или прочего обязательства полностью зависит от самих сторон этого обязательства, поскольку как раз за сторонами остается решительное предпочтение метода обеспечения осуществления обязательства, отдельных обстоятельств его исполнения. Предпочтение того или прочего метода обеспечения осуществления обязательства в основном зависит от существа самого обязательства [1, с. 98].

Обычные методы обеспечения осуществления обязательств установлены п. 1 ст. 329 Гражданского кодекса Российской Федерации. К ним причисляются неустойка, залог, вычет имущества должника, поручительство, банковская гарантия и задаток.

В то же время этот перечень не является полным, так как законодательство также допускает применение других методов обеспечения обязательств, предусмотренных законом или соглашением.

Общим для всех методов обеспечения осуществления обязательств является то, что они носят по отношению к обеспечиваемым ими обязательствам излишний нрав. Недействительность главного обязательства влечет недействительность договора об обеспечении, если другое не принято законом. Недействительность же договора об обеспечении осуществления обязательства не влечет недействительности самого главного обязательства.

Договор подряда представляет собой соглашение о создании того или иного результата работ. Сторонами договора (соглашения) являются заказчик и подрядчик (исполнитель). Такое соглашение подписывают при разработке чего-либо (например, программного обеспечения или сайта для компании-заказчика).

Договор подряда может быть:

- консенсуальным;
- возмездным;
- двусторонним.

Характерной особенностью договора подряда является, как правило, материально-вещественное выражение результатов работ. В связи с этим предметом договора подряда является процесс выполнения подрядчиком работы и принятие ее результата заказчиком [3, с. 215].

От договора купли-продажи договор подряда отличается тем, что предмет договора купли-продажи уже существует на момент заключения договора, подрядчику для достижения определенного результата нужно еще выполнить соответствующую работу.

Подрядческое соглашение – двусторонний документ. Именно поэтому покупатель услуги и контрагент во взаимном сотрудничестве имеют равные права и обязанности.

Договор (соглашение) считается заключенным при соблюдении двух нужных обстоятельств:

- сторонами должно быть достигнуто соглашение по всем основным обстоятельствам соглашения;
- достигнутое сторонами договор по собственной форме должно отвечать запросам, предъявляемым к подобного рода соглашениям.

Расторжение или изменение данного соглашения по контракту сторон может быть исполнено в любой момент по их усмотрению, если иное не будет предусмотрено самим соглашением.

Изменение соглашения может быть исключительно по договору сторон, а в отдельных происшествиях – по причинам, указанным в законодательстве или соглашении, по постановлению суда.

Неустойкой признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. По требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков [2, с. 315].

Анализ используемых в сделках способов обеспечения исполнения обязательств показывает, что их можно разделить на две основные группы, а именно:

- способы, имеющие менее обеспечительный характер - они могут обеспечить выполнение обязательств постольку, поскольку должник платежеспособен, и у него имеется имущество, достаточное для удовлетворения законных требований кредитора;
- способы, которые наиболее полно и надежно защищают интересы кредитора.

Изменение платежеспособности и имущественного положения должника практически не может повлиять на удовлетворение требований кредитора.

Ключевая обязанность контрагента – исполнение полномочий, которые ему поручил покупатель услуги и сдача итогового результата в завершении проекта. Покупатель услуги обязуется получить результат проекта и перевести оплату. Если документ подряда формируется на производстве нового продукта, право владения на него направляется покупателю услуги лишь после получения результата работы.

Контрагент может требовать перечисление оплаты за исполнение порученной обязанности, даже если проект не был выполнен или был завершен в не самом лучшем качестве (в случае если причиной этому послужили недостатки оборудования, которое предоставил покупатель услуги, не выявленные при приемке работы). Согласно 724 статье ГК РФ, покупатель услуги в договоре подряда может выставить требования, касающиеся некачественного завершения проекта (если это обнаружилось в заранее прописанный гарантийный период).

А если в соглашении гарантийный период не прописан, требования могут быть изложены только тогда, когда недостатки выявились в разумный период (но не более двух лет с момента сдачи итога проекта, если другие периоды не регулируются законодательством или стандартами деловых процессов).

Ответственность по договору может быть установлена в виде:

- возмещения причиненных убытков;
- уплаты процентов за пользование чужими денежными средствами;
- уплаты неустойки за ненадлежащее исполнение или неисполнение обязательств по договору.

Стороны самостоятельно в договоре определяют за нарушение каких его условий и в каком объеме наступает та

или иная ответственность или уплачивается неустойка. При этом необходимо учитывать правила применения нескольких видов ответственности за нарушение одного и того же договорного условия, обязательства.

Основной проблемой, связанной с договором подряда, является необходимость его отделения от иных похожих договоров, в частности договора оказания услуг и договора купли-продажи будущей вещи. Это необходимо для правильного определения норм, подлежащих применению. Например, в отношении возможности досрочного расторжения и необходимости уплаты пропорционального вознаграждения, возможности выполнения работ третьим лицом и т.п.

Следует на законодательном или на уровне разъяснений Верховного суда установить разграничительные критерии, в особенности в отношении договоров о создании нематериальных объектов.

Для договоров строительного подряда наиболее целесообразным является использование электронной формы в связи с необходимостью изготовления большого объема документации, в том числе, неформатной, а также необходимостью ее корректировок. В таких условиях традиционная бумажная форма не отвечает критериям удобства. Текущее регулирование этому не препятствует.

Пристатейный библиографический список

1. Долинская В. В., Моргунова Е. А., Шевченко О. М. Гражданское право. Объекты прав. Учебное пособие для бакалавров. - М.: Проспект, 2020.
2. Лазарева Т. П. Правовое регулирование перехода прав кредитора в Гражданском кодексе Российской Федерации (коллизийные вопросы) // Журнал российского права. - 2018. - № 5.
3. Фомичева Н. В., Строкова О. Г. Гражданское право. Общая часть. Учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. - М.: Юрайт, 2019.
4. Хохлов В. А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. - М.: Статут, 2017.
5. Аюшеева И. З., Богданова Е. Е., Булаевский Б. А. Гражданское право. Учебник. В 2 томах. Том 1. - М.: Проспект, 2020.
6. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев и др.; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2018.
7. Иванова Е. В. Гражданское право. Особенная часть. Учебник и практикум для СПО. - М.: Юрайт, 2019.
8. Корякин В. М., Тарадонов С. В. Гражданское право в схемах. Общая часть. Учебное пособие. - М.: Проспект, 2020.
9. Морозов А., Ключихина С. О переходе прав кредитора к другому лицу // Экономика и жизнь. - 2017. - № 10.
10. Терехов А. В. Суброгация в современном гражданском праве России (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2018.
11. Щербакова А. Ю. Понятие, природа и признаки суброгации, соотношение с цессией и регрессом // Буква закона. - 2017.

МАСАЛИМОВА Альбина Алмазовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАВЕЩАТЕЛЬНОГО ОТКАЗА НА ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуются некоторые практические проблемы, когда завещательный отказ составляется в отношении жилого помещения. Автором выявлены основные проблемы, такие как: проблемы обременения жилых помещений завещательным отказом и освобождения жилых помещений от такого обременения, проблема реализации права пользования жилым помещением по завещательному отказу и другие проблемы. Сделан вывод о недостаточном уровне правового регулирования завещательного отказа по обозначенным проблемам и предложены оптимальные пути их решения.

Ключевые слова: завещательный отказ, ограничение права собственности, право пользования жилым помещением, обременение жилого помещения.

MASALIMOVA Albina Almazovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University

THE PROBLEMS WITH THE EXECUTION OF THE TESTAMENTARY REFUSAL FOR RESIDENTIAL PREMISES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines some practical problems when a testamentary refusal is drawn up in relation to a living space. The author identified the main problems, such as: the problems of encumbrance of residential premises with a testamentary refusal and the release of residential premises from such encumbrance, the problem of exercising the right to use residential premises under a testamentary refusal and other problems. The conclusion was made about the insufficient level of legal regulation of the testamentary refusal on the indicated problems and the optimal ways to solve them were proposed.

Keywords: testamentary refusal, imitation of the property rights, right to use dwelling on the basis, encumbrance of the dwelling.

В законодательстве Российской Федерации завещательный отказ прочно занял свое место в результате введения с 1 марта 2002 г. в действие части 3 ГК РФ¹. Обязанность выполнения завещательного отказа у наследника возникает лишь в случае принятия им наследства. Сам отказ исполняется наследником в пределах стоимости перешедшего к нему наследства. Если наследник, на которого возложен завещательный отказ, имеет право на обязательную долю в наследстве, обязанность исполнить отказ будет ограничена стоимостью перешедшего к наследнику наследства, превышающего размер его обязательной доли в соответствии со статьей 1138 ГК РФ.

Существуют «определенные особенности и сложности, когда завещательный отказ составляется в отношении жилого помещения:

- императивность обременения имущества при завещательном отказе;
- способность субъективных гражданских прав отказополучателя переходить к другим лицам, в рамках процедур наследования;
- необходимость осуществления государственной регистрации соответствующего права отказополучателя или обременения права наследника;
- соблюдение режима возмездности или безвозмездности пользования жилыми помещениями, обремененными завещательным отказом;
- недостаточный уровень правового регулирования критериев недостойности отказополучателя в рамках процесса реализации права пользования жилым помещением по завещательному отказу» [1, с. 109].

Завещательный отказ, который обязывает наследника обеспечить отказополучателя правом постоянного проживания в жилом помещении, представляет собой особый вид

обременения жилого помещения. Права собственника ограничиваются. Собственник не вправе выписать отказополучателя, препятствовать ему проживать. Продать собственник жилое помещение может, но фактически жилые помещения с обременением практически не продаются, либо продаются гораздо ниже рыночной цены, о чем свидетельствует судебная практика².

Бывает на практике наследники судятся для того, чтобы признать наследство в части завещательного отказа недействительным, но если такой завещательный отказ не противоречит закону, то суд принимает сторону отказополучателя. Так случается, например, когда одному наследнику завещают квартиру, в которой проживают отказополучатели. Но в случае продажи этой квартиры, по завещательному отказу большую часть от рыночной цены квартиры наследник должен отдать отказополучателям. Это может быть сделано наследодателем для того, чтобы основной наследник не был заинтересован в продаже квартиры.

Проблемы обременения жилых помещений завещательным отказом нашла свое место в работах ряда ученых-правоведов. Возникает множество дискуссий по поводу оформления отказополучателем своих прав в рамках легата. По мнению большинства авторов, с которым следует согласиться, завещательный отказ должен регистрироваться в виде обременения недвижимости.

Однако законодательство довольно противоречиво. Из содержания норм ЖК РФ ясно, что «государственная регистрация легата совсем не обязательна и может осуществляться по желанию отказополучателя» [2, с. 121]. При применении данной нормы на практике возникли определенные недоумения, поскольку «законодатель предусмотрел воз-

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть третья) от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021 № 287-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2001 г. № 49. Ст. 4552.

2 Решение Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 11 июля 2019 г. по делу № 2-2330/2019 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/pW8XFUivqC6x/> (дата обращения: 11.09.2022).

«... возможность государственной регистрации права отказополучателя на недвижимое имущество» [3, с. 24], но не установил механизм этой регистрации и не определил, на основании какого документа она должна быть произведена. Учитывая такое положение, некоторые нотариусы отказывают отказополучателю в документальном закреплении его прав и ограничиваются только указанием в свидетельстве о праве на наследство обременения прав наследника соответствующим завещательным отказом.

Вместе с тем вышеизложенная позиция представляется ошибочной, ведь свидетельство о праве на наследство выдается не отказополучателю, а наследнику, а значит, у отказополучателя отсутствует документ, подтверждающий его право пользования жилым помещением, входящим в состав наследства, и, следовательно, ему нечего предъявить для регистрации. Также получение свидетельства о праве на наследство это право, а не обязанность наследника, поэтому он может достаточно долго не получать этот документ, особенно если наследник и отказополучатель находятся в конфликте.

Пробелом законодательства является то, что ни в ГК РФ, ни в законах о нотариате не предусматривается обязанность нотариуса или наследников разыскивать и уведомлять отказополучателей об открытии наследства после смерти лица, составившего данные распоряжения. Пункт 2 статьи 1135 ГК РФ обязывает душеприказчика непосредственно «принять необходимые для исполнения завещания меры», но завещатель может и не назначить исполнителя завещания, либо назначенный исполнителем гражданин может отказаться быть им. Статья 61 «Основ законодательства РФ о нотариате» обязывает нотариусов извещать лишь наследников об открывшемся наследстве³. Другие нормы законодательства о нотариате также не затрагивают исполнение завещательных отказов.

Освободить жилое помещение от обременения, наследник может лишь в случае предоставления аналогичного равноценного жилого помещения отказополучателю. Рассматривая права отказополучателя в данном случае, надо сказать, что его права также ограничены. Отказополучатель имеет лишь право проживания и обязан использовать помещение лишь с этой целью, не вправе распоряжаться жилым помещением по своему усмотрению. Что же все-таки следует закрепить подвергать обязательной государственной регистрации: право отказополучателя на жилое помещение или обременение права собственности наследника. Скорее всего, будет правильным оставить именно обременение недвижимого имущества правами третьих лиц. Поэтому возникает необходимость регистрации личных сервитутов.

На практике возникают ситуации, когда недвижимое имущество продается, а новый собственник лишь потом узнает, что имущество обременено правами отказополучателя на него. Например, при продаже квартиры право проживания остается у отказополучателя пожизненно. Поэтому необходимо, чтобы отказополучатели регистрировали свое право соответствующим образом, чтобы не возникало ситуации, когда покупатель не может увидеть наличие обременения имущества до сделки.

Распространены такие завещания как предоставление в наследство квартиры наследнику (детям), с распоряжением предоставления права пожизненного проживания в ней сестры наследодателя, либо новой жены наследодателя, которая является мачехой детям наследодателя. Также есть и такие завещания как предоставление квартиры в наследство жене и детям с распоряжением предоставления права проживания в ней родителям наследодателя.

Завещательное распоряжение своим детям на наследуемую городскую квартиру с предоставлением права проживания своим пожилым родителям позволяет недопустить, чтобы родители остались без жилья. Либо, чтобы родители всегда имели право переехать жить в город, когда в деревне станет тяжело жить в силу возраста. Также такое распоряже-

ние позволяет не допустить, чтобы пожилые родители вступили в наследство по закону, а вскоре умерли и часть квартиры перешла сестрам и братьям, а не родным детям.

Предметом завещательного отказа может являться предоставление права пользования жилым помещением. Нотариусы отмечают, что данный вид завещательного отказа наиболее распространен. Тут могут быть ситуации, которые пойдут вразрез с волей завещателя. Так, например, при вселении отказополучателя в жилое помещение небольших размеров при наличии завещательного отказа, который предоставил ему это право проживания, в жилом помещении могут проживать также и наследник со своей семьей. В случаях, если в завещании не оговорено, могут ли проживать наследники и члены семей в жилом помещении, в котором право проживания предоставляется отказополучателю, проживание наследников и их семей не запрещено. Без оговорок в завещании, также не запрещено жилое помещение продать, предупредив об этом покупателя и указав это в договоре.

Из вышеизложенного следует, что «есть необходимость обязать нотариусов после открытия наследства письменно уведомлять легатарию об открытии наследства, о содержании легата, а также обязать уведомить легатарию о принятии наследства наследником, на которого возложен легат. Отказополучателю нужно выдавать свидетельство о безвозмездном пользовании жилыми помещениями на основании легата или документ, который свидетельствует о принятии легатарием предмета завещательного отказа непосредственно в собственности» [4, с. 550].

Таким образом, без соответствующих поправок в ГК РФ не обойтись. Необходимо дополнить нормы ГК РФ. Ведь с целью устранить проживание отказополучателя в жилом помещении наследников, они могут специально прописаться там и прописать своих членов семей, проживать там и создать невыносимые условия, тесноту. Также возможна и продажа жилого помещения, где такие невыносимые условия могут создать другие лица. Не стоит также забывать, что наследники вправе также сдать квартиру в аренду, и отказополучателю придется проживать с совершенно чужими людьми.

Стоит также отметить, что в действующем законодательстве нет ответа на вопрос, прекращается ли пожизненное право пользования жилым помещением по завещательному отказу в случае, если отказополучатель приобретает в собственность другое жилое помещение. Предполагается, что решением этого вопроса может стать идея о направленности и цели установления завещательного отказа.

Исследователями не раз было отмечено, что «завещательный отказ направлен на социальную функцию, а именно на предоставление права пользования жилым помещением лицу, которое в силу недостаточности денежных средств не может позволить приобрести жилье в собственность» [5, с. 54]. Следовательно, если «отказополучатель удовлетворит свою потребность в жилье путем его приобретения в собственность за счет собственных средств, то право пользования жилым помещением по завещательному отказу должно прекратиться. В случае, если у отказополучателя было бы в собственности жилье, то завещатель вряд ли бы составил распоряжения о возможности пользования жилым помещением наследника. Ведь тогда бы завещательный отказ преследовал не социальную цель, а был направлен на ухудшение имущественного положения наследника. Еще в римском гражданском праве завещательный отказ (легат), установленный с целью наказания наследника путем лишения его наследственного имущества полностью или в части, считался ничтожным» [6, с. 126].

В связи с вышеизложенным, следует предусмотреть в ЖК РФ и ГК РФ в качестве основания прекращения права пользования жилым помещением по завещательному отказу – приобретение отказополучателем иного жилого помещения.

Необходимо дополнить статью 1138 ГК РФ нормами о том, что если наследники проживали на момент смерти наследодателя в другом жилом помещении, где квадратные метры составляют норму, и иное не оговорено в завещании, то

3 Основы законодательства РФ о нотариате утв. Верховным Советом РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 14.07.2022 № 339-ФЗ.) // Российская газета от 13 марта 1993 г.

они не могут переселиться в наследуемую квартиру, если там проживают отказополучатели и квадратные метры меньше нормы. Также стоит запретить сдачу в аренду наследуемого жилого помещения, если там проживают отказополучатели. Следует учитывать и финансовое состояние наследника и отказополучателя.

Отметим, что согласно нормам гражданского законодательства в случае, если отказополучателю по завещательному отказу предоставляется в пользование или владение имущество, ответственность за содержание этого имущества, за уплату жилищно-коммунальных расходов несет собственник. Однако собственник жилого помещения может через суд взыскать с отказополучателя, который проживает в его квартире, часть жилищно-коммунальных расходов. Поэтому, чтобы не возникало споров, обычно собственник жилого помещения заключает с отказополучателем, который будет проживать в его жилом помещении, соглашение, в котором обговариваются расходы и порядок оплаты. В связи с тем, что ЖК РФ не устанавливает специальных требований к порядку заключения такого соглашения, а также к его форме и условиям, то исходя из норм части 1 статьи 7 ЖК РФ к таким соглашениям применяются правила Гражданского кодекса Российской Федерации о гражданско-правовых сделках (статьи 153-181 ГК РФ)». Указанное подтверждается судебной практикой⁴.

Согласимся с теми авторами, которые считают позицию законодателя о том, что «ответственность за содержание этого имущества, за уплату жилищно-коммунальных расходов несет собственник» неправильной, в виду следующих причин:

- отказополучателю может быть передана вещь во владение или пользование, что ставит отказополучателя почти наравне с наследником (собственником) имущества;

- обязанность несения бремени содержания имущества защищает неопределенный круг лиц, в том числе собственника, и их имущество, так как обязывает лицо его несущее, поддерживать имущество в надлежащем и безопасном состоянии, оплачивать его содержание. Следовательно, чтобы не нарушать права наследника и других лиц, было бы целесообразно возложить на отказополучателя, в случае принятия отказа, обязанности нести бремя содержания имущества не зависимо от того, предоставляется вещь в собственность или только во владение или пользование» [7, с. 97].

Согласно статье 35 ЖК РФ, отказополучателя можно лишить права пользования жилым помещением, если он неотвественный и использует жилое помещение не по назначению, либо систематически нарушает права и законные интересы соседей или бесхозяйственно обращается с жилым помещением, допуская его разрушение и после предупреждения не исправляет свое поведение и не восстанавливает имущество. Однако, на практике возникают сложности, так как статья 35 ЖК РФ содержит весьма размытые понятия. Следует более конкретно отразить в статье варианты использования жилого помещения не по назначению, перечислить варианты бесхозяйственного обращения помещением и прочее.

Не стоит сомневаться, что «право пользования жилым помещением по завещательному отказу является вещным правом, однако в законе таковым не именуется. Ему присущи все признаки вещных прав:

- имеет непосредственную связь с вещью;
- противостоит неограниченному кругу лиц, каждое из которых может вторгнуться в сферу действия вещного права;
- обладает абсолютной защитой;
- обладает свойством следования» [8, с. 22].

Если отказополучатель имел несовершеннолетних детей, то они могли быть прописаны и без согласия собствен-

ников и сохраняют право проживания после смерти отказополучателя. «Следует совершенствовать законодательство и прописать в законе дополнительные нормы, регулирующие конкретные случаи сохранения прав членов семьи отказополучателя после его смерти» [9, с. 69]. Если отказополучатель вселяет в жилое помещение, на которое он получил право проживания, членов своей семьи, то срок такого проживания членов семьи отказополучателя не может быть больше, чем срок проживания самого отказополучателя. Следует согласиться с Н.В. Безик и К.С. Безик, что «в законодательстве пока много пробелов» [10, с. 49]. У отказополучателя стоит запрет на вселение третьих лиц, кроме членов его семьи. Но есть ведь случаи, когда вселение третьих лиц необходимо. Например, если отказополучатель стал инвалидом, либо потерял дееспособность и ему необходимо проживание с няней, либо уход медицинского работника. Либо, если отказополучатель стал опекуном несовершеннолетнего родственника.

Постатейный библиографический список

1. Колодуб Г.В. Проблемы обременения жилых помещений по завещательному отказу // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 108-111.
2. Шлотгауэр М.А. Правовой статус лиц, сохраняющих право пользования жилой недвижимостью, после ее отчужден государственного ия покупателю // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 119-125.
3. Тымчук Ю.А. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью в условиях информатизации нотариальной деятельности: современные тенденции // Нотариус. 2018 № 8. С. 24-27.
4. Петровичева Е.А. Правовые проблемы завещательного отказа в современном наследственном праве // Аллея науки: научно-практический журнал. 2017. № 8. С. 549-554.
5. Шиловост О.Ю. Новеллы наследственного права в новом Жилищном кодексе Российской Федерации (критический анализ) // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 53-64.
6. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов. М.: Норма, 1996. 704 с.
7. Васева Ю.Н. Исполнение завещательных отказов и возложений: проблемы правового регулирования // Материалы II международной научно-практической конференции (Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 28–29 октября 2011 г.). Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2011. С. 96-98.
8. Ахметьянова З.А. О вещном праве пользования жилым помещением в силу завещательного отказа // Наследственное право. 2007. № 1. С. 21-25.
9. Дерюгина Т.В. Пределы усмотрения собственника при реализации жилищных прав // Юрист-Правоведь. 2009. № 3. С. 68-71.
10. Безик Н.В., Безик К.С. Проблемы правового регулирования пользования жилыми помещениями отказополучателями и получателями ренты // Сибирский юридический вестник. 2016. № 1. С. 49-58.

4 Решение Советского районного суда г. Самары от 25 сентября 2019 г. по делу № 2-2534/2019// База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/TCSHb3vf2Wrx/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения: 11.09.2022).

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ВОПРОСЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПОЛНОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

В данной статье рассматриваются нормы, регулирующие вопросы приобретения несовершеннолетними гражданами в России досрочно полной дееспособности. Рассматриваются примеры различных отраслей права о реальном состоянии эмансипированных граждан. Указываются отличия приобретенной дееспособности от приобретенной в связи с достижением совершеннолетия. Даются примеры, с учетом норм федеральных законов, о невозможности эмансипированных граждан пользоваться своими правами наравне с лицами, достигшими совершеннолетнего возраста, и получившими полную дееспособность.

Ключевые слова: гражданское законодательство, семейное законодательство, полная дееспособность, права человека и гражданина, приобретение, эмансипация.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ISSUES OF ACQUIRING FULL LEGAL CAPACITY UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIA

This article discusses the rules governing the acquisition of full legal capacity by minors in Russia ahead of schedule. Examples of various branches of law on the real state of emancipated citizens are considered. The differences between the acquired legal capacity and the acquired one in connection with reaching the age of majority are indicated. Examples are given, taking into account the norms of federal laws, about the impossibility of emancipated citizens to enjoy their rights on an equal basis with persons who have reached the age of majority and have received full legal capacity.

Keywords: civil legislation, family law, full legal capacity, human and civil rights, acquisition, emancipation.

Вопросы наступления полной дееспособности граждан в России регулируется нормами гражданского законодательства. В нашем государстве ее наступление совпадает с возрастом совершеннолетия, то есть в восемнадцать лет. До момента становления полноправным гражданином в нашем государстве также возможно ее приобрести. Законодатель для этого устанавливает два конкретных случая. Первый – это вступление в брак до наступления совершеннолетия, что в целом регулируется нормами семейного законодательства. Во втором случае – при объявлении лица, не достигшего возраста совершеннолетия, но начиная с шестнадцати лет, эмансипированным, в случае его работы по трудовому договору или контракту, либо официально занимающимся предпринимательской деятельностью.

Эти основные нормы показывают случаи становления несовершеннолетних полноправными членами гражданского общества со всеми правами и обязанностями, присущими совершеннолетним гражданам. Однако, насколько это в действительности так попытаемся разобраться.

Начнем с приобретения дееспособности в полном объеме с помощью вступления в брак. Нормы семейного законодательства регулируют вопросы условий для заключения брака. В ст.13 СК РФ указывается возраст совершеннолетия для такой возможности, так как именно в этом возрасте наступает полная дееспособность. Однако, нет правил без исключений, и эта норма не является другим форматом.

Законодатель дает право несовершеннолетним при наличии определенных причин, которые прямо не оговариваются в кодексе, зарегистрировать брак. Кроме того, законы субъектов и наличие определенных обстоятельств, к которым можно отнести обычаи и традиции народов, также могут изменить брачный возраст в большую сторону его уменьшения. Для всего этого требуется только просьба лиц, желающих создать семью и зарегистрировать официально свои отношения, согласие родителей или лиц, их заменяющих, в письменной форме, наличие соответствующих уважительных причин и разрешение органов местного самоуправления.

Ананьева Е. О.

Ивлиев П. В.

Интересным является то, что несмотря на неустановленный перечень хотя бы примерных причин – условий для раннего вступления в брак, к ним обычно относят фактически сложившиеся брачные отношения, беременность, рождение ребенка и иные обстоятельства, свидетельствующие о необходимости заключения брака до достижения молодыми лицами совершеннолетия [1].

Вот только такие причины, в основном, можно интерпретировать со стороны уголовно-наказуемых деяний. Так в соответствии с ч. 2 ст. 133 УК РФ понуждение к действиям сексуального характера в отношении лица, не достигшего совершеннолетия, имеет последствия, предусмотренные данным нормативным правовым актом.

Норма ст. 134 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим еще шестнадцати лет совершеннолетним гражданином.

Как отграничить момент складывания фактических семейных отношений и нормы уголовного законодательства в случае желания более старшего участника таких отношений уйти от уголовной ответственности непонятно. Тогда выходит, что вместо определения уважительных причин, благодаря которым можно заключить ранние браки, мы имеем состав преступления.

Законом установлено, что приобретенная в результате заключения брака дееспособность сохраняется в полном объеме даже в случае расторжения брака до достижения возраста совершеннолетия.

Что же касается вопросов дееспособности при признании брака, заключенного с несовершеннолетним, недействительным до наступления его совершеннолетия, то судебная практика не изобилует такими случаями. Конечно, закон принимает во внимание все еще не изменившиеся качественные характеристик супруга, являющегося несовершеннолетним, поэтому в соответствии с п. 2 ст. 29 Семейного кодекса Российской Федерации в подобных случаях судебные инстанции могут отказать в подобном иске определенным лицам, желающим такого признания. К ним можно отнести родителей, органы опеки и попечительства, прокурора. Такое происходит в случаях, когда несовершеннолетний супруг не согласен с признанием его брака недействительным или такое признание затронет его интересы. Однако, вновь можно задать вопрос, почему законодатель называет такое лицо несовершеннолетним, если по закону оно после вступления в брак становится полноправным гражданином с полной дееспособностью? [2]

Что касается правовых последствий, то законодательно они регулируются ст. 30 СК РФ. Данная норма не содержит никаких разъяснений о сохранении полной дееспособности или возвращению несовершеннолетнего в добрачное состояние при признании брака недействительным. Такое уточнение просто необходимо для случаев наличия в подобных браках детей. Как именно родители будут осуществлять свои родительские права после вступления решения суда в законную силу. Будут ли основания применения к ним норм о правах несовершеннолетних родителей и многие иные вопросы, которые не возникли бы при наличии подобной нормы в законе.

Вопросы эмансипации регулируются гражданским законодательством в России. При эмансипации шестнадцати-

летний гражданин может полноценно своими действиями осуществлять гражданские права и исполнять обязанности. Она производится по решению органа опеки и попечительства и с согласия обоих родителей либо лиц, их заменяющих. В случае отсутствия согласия хотя бы одного из родителей, она проводится в соответствии с решением суда.

Для решения вопроса о признании ребенка эмансипированным необходимы его ходатайство, паспорт и свидетельство о рождении, документы, способные подтвердить его трудовую либо предпринимательскую деятельность, письменное согласие законных представителей с документами, подтверждающими их личности.

С момента эмансипации родители и официальные представители лица перестают нести ответственность по его обязательствам, возникшим по различным основаниям, например, при причинении вреда, совершении преступления или правонарушения [3].

Теперь, можно подумать, что для лиц, не достигших реального совершеннолетия, но приобретающих рассматриваемыми выше случаями полную дееспособность, доступны все возможности граждан Российской Федерации.

Однако, при подробном рассмотрении данного вопроса о правах эмансипированных лиц имеются некоторые несоответствия. Законодатель все также называет их несовершеннолетними гражданами и это не случайно.

В соответствии с Федеральным законом от 22.11.1995 № 171 в отношении несовершеннолетних введен полный запрет на употребление алкогольных и слабоалкогольных напитков. При этом за продажу или вовлечение таких граждан в распитие влечет санкции, предусмотренные административным законодательством. Закон не делает исключений для эмансипированных граждан. Поэтому никакое решение суда в магазине не даст возможность приобрести такие напитки все еще несовершеннолетнему гражданину, хотя и имеющему полную дееспособность.

Аналогичный запрет на продажу табачной продукции и никотинсодержащей продукции, а также кальянов и устройств для потребления никотинсодержащей продукции содержит ст. 20 Федерального закона от 23.02.2013 г. № 15 «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции». Перечень же документов, посредством которого можно установить возможно ли отпустить лицу данную продукцию, не содержит никаких упоминаний о решении суда или органа опеки и попечительства об объявлении лица эмансипированным или свидетельстве о браке.

Закон оговаривает, что в связи с эмансипацией несовершеннолетний приобретает все права полностью дееспособных лиц, как-то право на самостоятельную защиту своих прав и законных интересов в суде, отвечать по своим обязательствам всем принадлежащим ему на праве собственности имуществом. Однако в этом случае существует перечень имущества, на которое в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом не может быть обращено взыскание. Также стоит учесть, что родители или лица, их заменяющие в данном случае, уже не будут нести никакой ответственности. В качестве примера обычно приводят ответственность по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда.

Однако, эмансипированный, но все еще несовершеннолетний не может быть назначен в качестве опекуна или попечителя. Эта норма содержится в ст. 35 Гражданского кодекса РФ. Нормой ст. 127 Семейного кодекса РФ закреплен запрет на усыновление эмансипированным несовершеннолетним детей. При этом невозможно говорить о полноте прав рассматриваемой категории граждан в качестве обладающих полным спектром гражданских прав и обязанностей.

Стать эмансипированным можно при заключении трудового договора, однако и такое изменение в статусе несовершеннолетнего не несет для него никаких перемен. В области охраны труда, а именно установления времени работы и отдыха, отпуска и много иного, несовершеннолетние в новом для себя статусе продолжают пользоваться льготами, предусмотренными для них трудовым законодательством, которое четко устанавливает, что после объявления эмансипированным, работающим на основании трудового договора, работодатель не имеет права изменить условия труда для такого лица, основываясь на его новом статусе [4].

На основании возрастных ограничений у лиц, имеющих полную дееспособность в возрасте до шестнадцати лет, отсутствует право на приобретения холодного клинкового оружия, относящегося к национальным костюмам народов России или форме казаков. Те же ограничения установлены для них в отношении возможности приобретения оружия самообороны, охотничьего, спортивного оружия.

На основании ст. 13 Федерального закона от 13.12.1996 года № 150 «Об оружии» право на приобретение гражданского огнестрельного оружия ограниченного поражения, охотничьего, огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия самообороны имеют граждане РФ вообще только с 21 года. Иные виды оружия можно приобрести с восемнадцати лет. В отдельных случаях по решению законодательного или представительного органа государственной власти РФ возрастной ценз для приобретения охотничьего оружия можно снизить на два года, но и это не будет ниже восемнадцати лет.

Одним из последних прав, которым не может воспользоваться несовершеннолетний эмансипированный гражданин, является право в сфере вождения транспортными средствами. В соответствии с законодательством Российской Федерации получить водительские права в России может гражданин старше 16-летнего возраста. При этом для разных категорий транспортных средств, предусмотренных законодательством.

В соответствии со ст. 26 Федерального закона от 10.12.1995 года № 196 «О безопасности дорожного движения» лицам, достигшим шестнадцати лет, можно управлять транспортными средствами только категорий «М» и подкатегориями «А1». Все иные категории открываются к доступу с восемнадцатилетнего возраста и старше. Это также означает невозможность преодоления запретов, установленных со стороны государственных органов посредством приобретения полной дееспособности до совершеннолетия пользоваться полным объемом прав, имеющихся у граждан государства.

Таким образом, приобретение полной дееспособности кардинальным образом не отражается на статусе не-

совершеннолетних. Они сохраняют все основные права, которые гарантированы этой категории граждан и в отношении них также продолжают действовать все запреты, несмотря на то, что в целом они за все свои действия уже отвечают самостоятельно. Такую позицию законодателя можно расценивать с разных сторон. Вот только подростковый возраст, который характеризуется повышенной эмоциональностью, недостаточностью знаний и иными психологическими, физиологическими и нравственными критериями, документом об эмансипации не изменить, а, значит, законодатель всецело прав, сохраняя определенные ограничения для таких граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Возраст для вступления в брак: правовое регулирование. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.ru/blog/22101-vozrast-dlya-vstupleniya-v-brak-pravovoe-regulirovanie> (дата обращения: 17.07.2022 г.).
2. Признание брака недействительным и правовые последствия этого. Управление записи актов гражданского состояния Курганской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zags.kurganobl.ru/priznanie-braka-nedejstvitelnyim> (дата обращения: 17.07.2022 г.).
3. Emansipatsiya_nesovershennoletnikh.pdf. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/upload/site130/_docs/_pravo_inf/emansipatsiya (дата обращения: 17.07.2022 г.).
4. Объявление полностью дееспособным (эмансипированным) несовершеннолетнего. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.orel-adm.ru/ru/about/announce/obyavlenie-polnostyu-deesposobnym-emansipirovannym-nesovershennoletnego> (дата обращения: 17.07.2022 г.).

ПЕТРОВ Николай Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского федерального университета

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВА В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ СТРАХОВАНИИ

Цель: дополнительно к имеющимся научным теориям обосновать гражданско-правовой аспект участия государства в правоотношении по сельскохозяйственному страхованию.

Результаты: укрепление научной позиции, обосновывающей возможность участия государства как самостоятельного субъекта в гражданско-правовых отношениях по сельскохозяйственному страхованию.

Новизна/оригинальность/ценность: научная статья представляет собой самостоятельное авторское исследование, направленное на научное обоснование роли государства в гражданско-правовых отношениях.

Ключевые слова: страхование, субъект правоотношения, государство, гражданско-правовой аспект, правоотношение.

PETROV Nikolay Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the North Caucasian Federal University

CIVIL LEGAL ASPECT OF STATE PARTICIPATION IN AGRICULTURAL INSURANCE

Purpose: in addition to the existing scientific theories, to substantiate the civil law aspect of the state's participation in the legal relationship of agricultural insurance.

Results: strengthening of the scientific position that justifies the possibility of the participation of the state as an independent entity in civil law relations in agricultural insurance.

Novelty/originality/value: the scientific article is an independent author's research aimed at scientific substantiation of the role of the state in civil law relations.

Keywords: insurance, legal entity, state, civil law aspect, legal relationship.

В развитие давно ведущейся в гражданском праве дискуссии об участии государства в гражданско-правовых отношениях следует подчеркнуть, что мы поддерживаем сложившуюся в цивилистике теорию о том, что государство может и вправе участвовать в качестве самостоятельного субъекта данных правоотношений вообще и правоотношений в сфере сельскохозяйственного страхования, в частности.

По аналогии права предоставляемую государством страхователю по договору страхования урожая сельскохозяйственных культур поддержку можно сравнить с государственной гарантией (ст. 126 ГК РФ, ст. ст. 115-117 БК РФ). Несмотря на то, что категория данной гарантии находится вне предмета гражданского права, государство, предоставляя данную гарантию хозяйствующему субъекту, вступает с последним в гражданско-правовые отношения, что неоднократно подчёркивалось и в научной литературе (например, Суханов Е.А. отмечает, что: «...РФ, ее субъекты и муниципальные образования участвуют в гражданско-правовых отношениях также путем выдачи государственных и муниципальных гарантий, по которым они принимают на себя ответственность за исполнение гражданско-правовых обязательств третьими лицами в отношении тех субъектов оборота, которым выданы гарантии (ст. 115–117 БК)...» [10, с. 442]; Садиков О.Н. указывает, что «...институт государственной гарантии является новым гражданско-правовым институтом, прямо не предусмотренным в нормах ГК РФ...» [13, с. 20] и др.), и в судебной практике (например, Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2006г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» [6].

Интерес государства в поддержке сельскохозяйственного товаропроизводителя обусловлен целями государственной социально-экономической политики в сфере развития сельского хозяйства как экономической деятельности по производству сельскохозяйственной продукции, оказанию услуг в целях обеспечения населения российскими продовольственными товарами, промышленности сельскохозяйственным сырьём и содействия устойчивому развитию территорий сельских поселений и соответствующих межселенных территорий (ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 2006 года № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»). Однако в настоящее время отношения между сельскохозяйственными товаропроизводителями и государством, возникающие в рассматриваемой сфере, не относятся к предмету административного права, «...поскольку в условиях рыночной экономики эти отношения лишены той степени подчинения, которая необходима для государственного руководства и управления предпринимательской деятельностью коммерческих организаций...» [1, с. 179]. Данные отношения не являются основными (основные отношения складываются между страхователем и страховщиком), а являются обеспечительными – обеспечивают исполнение страхователем его обязанности по оплате страховщику части страховой премии, они регулируются частно-правовым методом. Основные и обеспечительные отношения, полагаем, образуют предмет регулирования данного страхового субинститута.

Таким образом, резюмируя все сказанное, следует заключить, что, по нашему мнению, оказывая сельскохозяйственному товаропроизводителю государственную поддержку, государство вступает со страхователем в граж-

данские правоотношения, обеспечивая его интересы в отношениях со страховщиком, приобретая соответствующие гражданские права и обязанности, поскольку:

1) сельскохозяйственный товаропроизводитель не является ни участником бюджетных правоотношений, ни получателем бюджетных средств. В данных правоотношениях он не находится во властном подчинении государству. Государство, вступая в такие правоотношения со страхователем, выходит из публичного права и подчиняется правилам частного права (гражданского).

2) без государственной поддержки актуальность самого данного правоотношения для страхователя теряет смысл: рассчитывая именно на эту поддержку, сельскохозяйственный товаропроизводитель заключает договор страхования, что подтверждается сложившимся единообразием применения норм Федерального закона от 25.07.2011 N 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства»» судами РФ [2, 9].

3) отказ со стороны государства в предоставлении государственной поддержки и не оплата страхователем оставшейся части страховой премии влечёт возникновение у страховщика права требовать изменения договора страхования, а в случае отказа страхователя – права требовать досрочного прекращения договора страхования со дня возникновения у страховщика права на изменение условий страхования (пункт 7.3.1. Правил страхования (стандартных) урожая сельскохозяйственных культур [7], что неизбежно ущемляет права страхователя, влечёт утрату цели данного страхования – защитить имущественные интересы сельскохозяйственного товаропроизводителя, стабилизировать состояние отечественного сельского хозяйства и, в конечном итоге, – обеспечить продовольственную безопасность граждан РФ;

4) страхователь и государство в лице своих уполномоченных органов заключают соглашение, в соответствии с которым государство обязуется оказать сельскохозяйственному товаропроизводителю государственную поддержку. Как отметил Верховный Суд РФ в своём определении от 6 декабря 2018 г. № 305-ЭС18-13693, заключение публично-правовым образованием (в лице уполномоченного органа) соглашения с хозяйствующим субъектом, содержащего обязанность по предоставлению субсидии при выполнении определённых условий лицом, претендующим на получение финансовой поддержки, и принятие уполномоченным органом ненормативного правового акта о предоставлении субсидии в конкретном размере этому лицу порождает у хозяйствующего субъекта право на получение денежных средств – имущественное право, которое подлежит судебной защите. Произвольный отказ публично-правового образования от исполнения договора, заключённого с получателем субсидии, и (или) принятого уполномоченным органом решения о предоставлении субсидии, не связанный с отсутствием денежных средств для осуществления этих бюджетных ассигнований, не соответствует принципам верховенства права, юридического равенства, поддержания доверия к закону и действиям публичной власти, вытекающим из статьи 2, частей 1 и 2 статьи 15, статьи 18, части 1 статьи 19 Конституции РФ, и приводит к нарушению баланса частных и публичных ин-

тересов, вследствие чего не может быть признан допустимым... На основании подпункта 2 пункта 1 статьи 8, абзаца восьмого статьи 12 ГК РФ лицо, полагающее, что отказ публично-правового образования от исполнения договора и решения о предоставлении субсидии является произвольным и нарушает его права, вправе использовать гражданско-правовые способы защиты – требовать присуждения в его пользу денежных средств в размере выделенной, но не перечисленной субсидии» [3, 4, 5, 8].

5) предоставление государственной поддержки или отказ в её предоставлении принимается государством в лице его уполномоченного органа в виде акта, который в силу пп. 2 п. 1 ст. 8 ГК РФ выступает юридическим фактом, из которого возникают гражданские права и обязанности. В случае несогласия с данным актом, как страховщик, так и страхователь имеют право оспорить его в судебном порядке, за исключением случаев, когда имеют место отсутствие в бюджете средств для осуществления бюджетных ассигнований либо исчерпание выделенных средств. Думается, здесь уместно привести справедливый взгляд В.Н. Сусликова на проблему правового статуса государства как субъекта гражданских правоотношений, который указывал: «...Государство имеет определённые свойства: государство принимает законы, которыми не только оно само руководствуется в дальнейшем при осуществлении гражданско-правовых отношений, но которыми руководствуются в обязательном порядке все остальные субъекты этих отношений; государство располагает правом принимать административные акты, которые определяют и могут изменять сущность гражданских правоотношений независимо от воли субъектов правоотношений; государство сохраняет властные функции при вступлении в гражданско-правовые отношения...» [14, с. 111]. Учитывая специфический статус государства, следует заключить, что принцип юридического равенства сторон в гражданских правоотношениях «...соседствует с иерархичностью, при которой один из участников гражданского правоотношения имеет явно привилегированное положение по сравнению другими или применяет к ним свои властные полномочия...» [11, с. 52-55; 12, с. 57].

Исходя из всего вышеизложенного следует, что рассматриваемые правоотношения, в которых участвует государство, являются имущественными отношениями, горизонтальными. Данные отношения регулируются частно-правовым методом гражданского права, носят возмездный характер, имеется возможность судебной защиты и восстановления нарушенных прав участников данного отношения.

Таким образом, государство выступает за сохранение имущественных отношений, приветствует страхование имущественных интересов с/х производителя и стремится их обеспечить, в том числе путем собственного участия в этих отношениях как их гарант (обеспечитель).

Пристатейный библиографический список

1. Лебедев К.К. Предпринимательское и коммерческое право: системные аспекты (предпринимательское и коммерческое право в системе права

- и законодательства, системе юридических наук и учебных дисциплин). СПб.: Пресс, 2002. 318 с.
2. Определение Верховного Суда РФ от 04.04.2016 № 305-ЭС16-1726 по делу № А40-147613/2014 // Официальный портал Федеральных арбитражных судов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/36f4ab79-9280-4c91-add9-ef3169dbe849/4cd78174-841f-4810-83b2-99049e4cf9be/A40-1476132014_20160404_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 04.07.2022г.).
 3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.02.2017 № 305-КГ16-14941 по делу № А40-89628/2015 // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=FA437DED95E11DA51550816AA5452998&req=doc&base=ARB&n=491505&REFFIELD=134&REFDST=100051&REFDOC=527053&REFBASE=ARB&stat=refcode%3D10881%3Bindex%3D56#1phem8skobb> (дата обращения 04.07.2022г.).
 4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 01.02.2018 № 305-КГ17-16017 по делу № А40-174421/2016 // СПС Консультант плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=929846471013045914843678474&cacheid=5032DA1AD89AA3359C20FE1856337837&mode=splus&base=ARB&n=527053&rnd=1B4080B05EF573FC96FCBVEB7BA5584D#2jbbj94lffk> (дата обращения 04.07.2022г.).
 5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.12.2018 № 305-ЭС18-13693 по делу № А40-127362/2017 // Официальный портал Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e1716ba1-e1e9-4b96-8ed8-c8a0d817ef00/a2f7941d-02c6-44f5-8b0c-dec5e082ba4a/A40-127362-2017_20181206_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 04.07.2022г.).
 6. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 (ред. от 28.05.2019) «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. № 8. Август. 2006.
 7. Правила страхования (стандартные) урожая сельскохозяйственных культур, посадок многолетних насаждений, осуществляемого с государственной поддержкой // Официальный сайт Национального союза агростраховщиков (НСА). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.naai.ru/zakonodatelstvo/pravila_strakhovaniya_standartnye_urozhaya_selskokhozyaystvennykh_kultur_posadok_mnogoletnikh_nasazh/pravila_strakhovaniya_standartnye_urozhaya_selskokhozyaystvennykh_kultur_posadok_mnogoletnikh_nasazh/ (дата обращения: 04.07.2022 г.).
 8. Решение Арбитражного суда Курской области от 01.12.2017 по делу № А35-6005/2017 // Официальный портал Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1eeefc85f-97c1-4ae3-939a-9f44aa627a17/e0314179-8a0b-470a-8f74-100993ed71d/A35-6005-2017_20171201_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 04.07.2022г.).
 9. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 22.01.2019г. по делу № А65-27359/2018 // Официальный портал «Судебные и нормативные акты РФ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/pwkiJwdfCOVr/?arbitraltxt=отказ+в+государственной+поддержке+страхование+урожая&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchuninfo=&arbitral-doc_type=&arbitraldate_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&arbitral-participant=&_pos=1563458565741&snippet_pos=2122#snippet (дата обращения 04.07.2022г.).
 10. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. 958 с.
 11. Рыженков А.Я. Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права. М., 2015. 204 с.
 12. Рыженков А.Я. Равенство и иерархия в гражданском праве // Современное право. 2012. № 9. С. 52-55.
 13. Садиков О.Н. Гражданско-правовые категории в публичном праве // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 19-27.
 14. Сусликов В.Н. Правовой статус государства как единого субъекта гражданских правоотношений // Право и образование. 2006. № 5. С. 105-111.

УЛАЕВА Наталия Львовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РАБОТ ПО РЕКОНСТРУКЦИИ, РЕМОНТУ И СТРОИТЕЛЬСТВУ ДОРОГ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

В статье рассматриваются правовые особенности и специфика полномочий органов местного самоуправления (муниципальных образований) по осуществлению благоустройства территорий местного значения путем осуществления работ по реконструкции, ремонту и строительству дорог, выделены отдельные проблемы правоприменительной практики.

Ключевые слова: благоустройство территории, градостроительная деятельность, органы местного самоуправления, вопросы местного значения, строительство, реконструкция, ремонт, проектная документация.

ULAEVA Nataliya Lvovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

Улаева Н. Л.

FEATURES OF THE POWERS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE IMPLEMENTATION OF RECONSTRUCTION, REPAIR AND CONSTRUCTION OF ROADS OF LOCAL SIGNIFICANCE

The article examines the legal features and specifics of the powers of local self-government bodies (municipalities) to carry out the improvement of local territories by carrying out works on reconstruction, repair and construction of roads, highlights some problems of law enforcement practice.

Keywords: landscaping, urban development, local self-government, issues of local importance, construction, reconstruction, repair, project documentation.

Согласно, действующего российского законодательства органы местного самоуправления при осуществлении работ по реконструкции, ремонту и строительству дорог руководствуются федеральными, региональными нормативными правовыми актами и, принимаемыми на местах, местными правовыми актами. В свою очередь региональные и местные правовые акты не могут противоречить действующему федеральному законодательству общего и специального характера.

Для любой градостроительной деятельности основополагающим нормативным правовым актом выступает Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 14.07.2022 № 350-ФЗ)¹ (далее - ГрК РФ), которому, согласно ст. 3 ГрК РФ по любым вопросам градостроительства (градостроительной деятельности) не могут противоречить федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, муниципальные правовые акты. В свою очередь, ч. 3 ст. 4 ГрК РФ выделяет смежные с градостроительными общественные отношения, где приоритет также отдается нормам ГрК РФ, а соответствующие федеральные законы могут быть применены лишь при отсутствии соответствующего регулирования законодательством о градостроительной деятельности.

Федеральный закон Российской Федерации от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021 № 492-ФЗ) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской

Федерации»² (далее - ФЗ о местном самоуправлении) наделил широким спектром полномочий органы местного самоуправления в Российской Федерации, сфера градостроительства не является исключением. Так, согласно ст. 15 «Вопросы местного значения муниципального района» рассматриваемого ФЗ о местном самоуправлении к вопросам местного значения относит, в том числе владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности муниципального района (п. 3 ч. 1 ст. 15); дорожную деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения вне границ населенных пунктов в границах муниципального района, а также организация дорожного движения и обеспечение безопасности дорожного движения на них, а также осуществление иных полномочий в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности в соответствии с законодательством российской Федерации (п. 5 ч. 1 ст. 15); утверждение схем территориального планирования муниципального района, утверждение подготовленной на основе схемы территориального планирования муниципального района документации по планировке территории, ведение информационной системы обеспечения градостроительной деятельности, осуществляемой на территории муниципального района и др. (п. 15 ч. 1 ст. 15); организацию и осуществление мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне, защите населения и территории муниципального района от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (п. 21 ч. 1 ст. 15) и др. В свою очередь, согласно ч. 4 ст. 15 органы местного самоуправления отдельных поселений, входящих в состав

1 Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 14.07.2022 № 350-ФЗ) // СЗ РФ. - 2005. - № 1. (ч.1). - Ст. 16; 2022. - № 24. - Ст. 3934.

2 Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021 № 492-ФЗ) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2003. - № 40. - Ст. 3822; 2021. - № 1. - Ст. 57; № 24. - Ст. 4188; № 27. - Ст. 5132.

муниципального района, вправе заключать соглашения с органами местного самоуправления муниципального района о передаче им осуществления части своих полномочий по решению вопросов местного значения.

П. 6.1 ч. 1 ст. 17 рассматриваемого ФЗ о местном самоуправлении предусматривает следующие полномочия: разработка и утверждение программ комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры поселений, городских округов, программ комплексного развития транспортной инфраструктуры поселений, городских округов, программ комплексного развития социальной инфраструктуры, поселений, городских округов, требования к которым устанавливаются Правительством Российской Федерации.

При этом, в п. 7 ч. 1 ст. 17 ФЗ о местном самоуправлении подчеркивается, что доведение до сведения жителей муниципального образования официальной информации об обсуждаемых проектах муниципальных правовых актов по вопросам местного значения, о социально-культурном развитии и развитии общественной инфраструктуры и иной информации осуществляется посредством массовой информации.

Проведя общий экскурс в отношении полномочий органов местного самоуправления в исследуемой сфере, следует отметить, что на местах, в муниципальных образованиях в исследуемой сфере на практике как-то и почему-то все происходит иначе. Особенно это затрагивает сектор под названием индивидуальное жилищное строительство (частный сектор). С учетом все более возрастающего интереса со стороны предпринимателей в приобретении в аренду или собственность наиболее проходимых земельных участков для возведения коммерческих (нежилых) помещений для непосредственного осуществления профессиональной деятельности. Страдают, как правило, физические лица, проще говоря, население, придомовая территория которых позволяет возвести либо объект капитального строительства, либо объект, не имеющий в основе несущих конструкций, что, по сути, не меняет ситуацию, т.к. согласно нормам Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее - ГК РФ) и в том и в другом случае - выступают объектом собственности и использования их по соответствующему назначению. Как замечено на практике интерес граждан, проживающих в соответствующих спальных районах или индивидуальных жилых строениях - частных домовладениях, в наличии такой необходимости администрациями муниципальных образований не сильно интересует, а вот вопрос, прилегающей к домовладениям земельных участков - даже очень. Используются различные механизмы по обеспечению такими землями коммерческих организаций, включая индивидуальных предпринимателей. План застройки и благоустройства территорий, конечно, необходимы, но как всегда коммерческий интерес побеждает здравый смысл, что порождает негодование населения определенных домов и даже улиц соответствующих муниципальных образований.

Особенно поражает в этом отношении цинизм отдельных сотрудников администраций муниципальных образований, которые смотрят «сквозь пальцы» на жалобы населения и нередко нарушают действующую проектную документацию, дабы обеспечить коммерческие организации дополнительной территорией для обеспечения, например, парковочными местами и даже на тех участках, где, согласно проектной документации, должны находиться зеленые зоны, ограждения, или зоны безопасности. При этом, не учитываются требования ГК РФ, технических регламентов, гигиенических, санитарных, экологических норм и правил, включая

противопожарные. Не останавливают таких людей - «сотрудников» и размах проекта по благоустройству, строительству и реконструкции, будь то Национальный или Региональный, а в рамках местного проектирования даже не стоит озвучивать. При этом игнорируется местной администрацией и тот факт, что согласно ч. 3, 8, 9 ст. 28 ГК РФ, а также п. 3 ст. 28 ФЗ о местном самоуправлении на публичные слушания выносятся, в том числе, вопросы строительства и реконструкции объектов капитального строительства, вопросы изменения вида разрешенного использования земельных участков и т.д.

В свою очередь, ч. 6 ст. 52 ГК РФ устанавливает, что лицо, осуществляющее строительство, обязано осуществлять строительство, реконструкцию, капитальный ремонт объекта капитального строительства в соответствии с заданием на проектирование, проектной документацией, требованиями технических регламентов и при этом обеспечивать безопасность работ для третьих лиц и окружающей среды, выполнение требований безопасности труда, сохранности объектов культурного наследия. В ч. 7 ст. 52 ГК РФ непосредственно подчеркивается, что отклонение параметров объекта капитального строительства от проектной документации, необходимость которого выявилась в процессе строительства, реконструкции, капитального ремонта такого объекта, допускается только на основании вновь утвержденной застройщиком, техническим заказчиком, лицом, ответственным за эксплуатацию здания, сооружения, или региональным оператором проектной документации после внесения в нее соответствующих изменений в соответствии с ГК РФ, в том числе в порядке, предусмотренном ч. 3.8 и ч. 3.9 ст. 49 ГК РФ. При этом согласно ч. 7 ст. 46 ГК РФ в целях соблюдения прав человека на благоприятные условия жизнедеятельности, прав и законных интересов правообладателей земельных участков проводятся публичные слушания с участием граждан, проживающих на соответствующих территориях, применительно к которой осуществляется подготовка проекта и законные интересы которых могут быть нарушены в связи с реализацией таких проектов. И все, казалось бы, замечательным, и законодатель предусмотрел очень большой спектр необходимых мер для обеспечения и охраны интересов как населения в целом, так и отдельно взятых граждан, если бы не тот факт, что заинтересованные правообладатели соответствующих земельных участков становятся информированными зачастую только в процессе уже выполнения соответствующих работ. Поскольку информирование граждан посредством средств массовой информации осуществляется, как правило, формально или номинально, а добиться в муниципальных образованиях сведений (соответствующих отделах Администраций муниципальных образований) не только о перспективном плане развития муниципального образования, но и уже производимых работах, на практике - весьма затруднительное мероприятие. Причем затруднения возникают не только у граждан, как интересы, которых непосредственно затрагиваются или в целом населения, соответствующего муниципального образования, но даже у лиц, обладающих познаниями в сфере администрирования, управления или юриспруденции, имеющих опыт обращения или ведения переговоров, в т.ч. и с должностными лицами органов местного самоуправления.

3 Гражданский Кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья, четвертая. Официальный текст (текст Кодекса приводится по состоянию на 20.02.2022). - М.: Омега-Л, 2022. - 624 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-170-171

ТУМАНОВ Эльдар Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент Российского университета транспорта

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДДоговорной Ответственности в Гражданском праве Российской Федерации

В статье рассмотрены актуальные аспекты института преддоговорной ответственности в современном гражданском законодательстве Российской Федерации. Будучи положительным примером заимствования зарубежного опыта в правовую систему России, институт преддоговорной ответственности отличается ограниченным опытом правоприменения и наличием отдельных изъянов в определении оснований и условий наступления преддоговорной ответственности. Целью преддоговорной ответственности является восстановление прав пострадавшего от недобросовестного поведения контрагента. Эффективность института преддоговорной ответственности находится в прямой зависимости от действия принципа добросовестности и его судебного толкования, поскольку добросовестность является казуистической категорией. В результате сделан вывод о решающем значении судебной практики в деле выработки явных критериев добросовестного или недобросовестного поведения.

Ключевые слова: преддоговорная ответственность, заключение договора, упущенная выгода, негативный интерес, недобросовестное поведение.

TUMANOV Eldar Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of the Russian University of Transport

PROBLEMS OF PRE-CONTRACTUAL LIABILITY IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the current aspects of the institution of pre-contractual liability in the modern civil legislation of the Russian Federation. Being a positive example of borrowing foreign experience into the Russian legal system, the institute of pre-contractual liability is characterized by limited experience in law enforcement and the presence of certain flaws in determining the grounds and conditions for the occurrence of pre-contractual liability. The purpose of pre-contractual liability is to restore the rights of the victim of unfair behavior of the counterparty. The effectiveness of the institution of pre-contractual liability is directly dependent on the operation of the principle of good faith and its judicial interpretation, since good faith is a casuistic category. As a result, the conclusion is made about the decisive importance of judicial practice in the development of explicit criteria for conscientious or unscrupulous behavior.

Keywords: pre-contractual liability, contract conclusion, lost profit, negative interest, unfair behavior.

В условиях динамичного развития рыночных отношений, зачастую стадии заключения договора предшествует длительный переговорный процесс, в ходе которого затрачиваются различные ресурсы: временные, материальные и денежные. Нередко на практике встречаются случаи, когда переговорный процесс оказывается более длительным, чем срок действия заключенного договора, и требует серьезных инвестиций. В 2015 году после реформы российского гражданского права в действующий Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] была введена статья 434.1, впервые закрепившая общее правило об ответственности за недобросовестный срыв переговоров.

Статья 434.1 ГК РФ не дает определения преддоговорной ответственности. Сама статья предусматривает только общие требования к добросовестности и устанавливает составы, в которых предполагается недобросовестность стороны переговоров. В силу принципа добросовестности и самого наличия института ответственности за недобросовестное поведение во время ведения переговоров отечественное гражданское законодательство закрепляет возможность защиты прав и законных интересов в рамках норм ст. 434.1 и главы 59 ГК РФ. Второй способ защиты прав, который вытекает из принципа свободы договора и диспозитивности, – это договорной способ защиты он регулируется соглашением о порядке ведения переговоров.

В отечественной науке, к сожалению, все еще нет единого подхода к основаниям преддоговорной ответственности в силу того, что институт стал частью гражданского кодекса сравнительно недавно. В действующем ГК РФ обязательное заключение договора невозможно без прямого указания на это закона. Например, в публичных договорах «сильная» сторона не может отказаться от заключения договора со «слабой». Таким образом, например, в статьях 846, 448 ГК

РФ заключение договора обязательно, но в них отсутствует традиционное понимание переговоров, когда стороны сами определяют все существенные условия будущего договора.

Нельзя не отметить, что отечественный законодатель пытался предусмотреть баланс общегражданских принципов. Это выражается, прежде всего, в том, что статья 434.1 ГК РФ имеет положения о том, когда преддоговорная ответственность предполагается, а не наступает безусловно. Важным также является возможность заключения соглашения о ведении переговоров. Но с точки зрения позитивизма установление общего принципа, на основе которого делались бы оценочные суждения о добросовестности не совсем корректно.

С учетом всех особенностей можно сформулировать определение преддоговорной ответственности в широком и узком смысле. Под преддоговорной ответственностью в узком смысле понимается специальный вид гражданско-правовой ответственности, наступающий для лица в случае ведения им переговоров о заключении договора недобросовестно. В широком смысле под преддоговорными отношениями понимаются обязательственные правоотношения, в рамках которых стороны переговоров влияют своими действиями друг на друга, приобретают обязанность добросовестного их ведения и вправе полагаться на честное и добросовестное поведение контрагента. Наступление преддоговорной ответственности связывается не только с нарушением данных обязательств, предусмотренных п. 2 ст. 434.1 ГК РФ, но и с причинением убытков своими действиями, которые в законе или соглашении о порядке ведения переговоров определяются как недобросовестные.

Немаловажным также является то, что институт преддоговорной ответственности распространяется на всё обязательственное право, то есть применение данного вида

ответственности распространяется на всех субъектов гражданско-правовых отношений вне зависимости от имущественного, правового и семейного положения. При применении составов, предусматривающих ответственность за деликт, наиболее важным остается установление вины за недобросовестное поведение.

Следует также отметить то, что обязательным признаком преддоговорной ответственности являются наличие убытков, подлежащих возмещению виновной стороной согласно п. 3 ст. 434.1 ГК РФ. В нормах данной статьи объясняется, что следует понимать под этими убытками, которые возникли из-за недобросовестного ведения переговоров. Под убытками следует понимать расходы, которые понесла добросовестная сторона переговоров. Убытками также будут признаваться обстоятельства, которые возникли в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом. Отечественное гражданское право определяет возмещение преддоговорных убытков по модели защиты так называемого негативного интереса. Негативный и позитивный интерес являются альтернативными моделями определения размера убытков. Российское гражданское право пошло по пути расширительного толкования и закрепило возможность взыскивать в рамках негативного интереса в определенных случаях и упущенную выгоду – убытки за утрату возможности заключить замещающую сделку. Такой подход является обоснованным, так как при недобросовестном поведении контрагента могут возникнуть данные виды убытков. Большой вопрос возникает только при анализе положений, связанных с утратой возможности заключить договор с третьим лицом. Поскольку из смысла нормы подразумевается возмещение положительного интереса, который в силу своей специфики не всегда возможно установить. Не раз ставился вопрос о том, что следует понимать под этим утверждением, так как в силу логической формулировки можно предполагать, что речь идет об упущенной выгоде.

Что касается вопроса об упущенной выгоде, то в науке этот вопрос воспринимался спорно. Точку в решении данного вопроса поставило Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 ноября 2017 г. по делу № А41-90214/2016 [2], в рамках данного дела судами были удовлетворены требования о возмещении упущенной выгоды. В данном деле возможно применение конструкции, в которой у стороны переговоров утрачивается возможность заключения договора с третьим лицом. Однако, следует уточнить, что в данном деле удовлетворение требований носило негативный интерес, так как добросовестная сторона уже имела ранее заключенный договор с третьим лицом ещё до вступления в переговоры с этим контрагентом. Основанием для взыскания преддоговорных убытков является не какое-либо четко определенное действие ответчика, а нарушение стандарта добросовестности поведения.

Если исходить из функционала классических видов гражданско-правовой ответственности, то преддоговорная ответственность похожа на деликтную ответственность, потому что она не подразумевает карательную функцию. К сожалению, в гражданском законодательстве наряду с выработкой критериев добросовестности в преддоговорных отношениях наблюдается относительно слабая разработанность ее антипода, т.е. понятия недобросовестности [3, с. 4]. Зачастую на практике весьма сложно доказать, что ответчик изначально не намеривался заключить договор. Представляется необходимым предложить следующие критерии добросовестности ответчика, свидетельствующие о намерении заключить договор:

1. Неоднократный допуск к объекту договора, его показ оценщику для составления отчета о рыночной стоимости;
2. Предоставление в кредитную организацию персональных сведений и согласие на их обработку в целях выдачи Банком контрагенту заемных средств;
3. Получение по расписке аванса по согласовываемому договору;

4. Уведомление арендатора о предстоящей смене собственника и др.

Установление подобных обстоятельств свидетельствует о добросовестности ответчика, и как следствие влечет отказ в удовлетворении требований о взыскании преддоговорных убытков. Преобладает ситуация, в которой суд вообще не касается оценки действий сторон в качестве добросовестных или недобросовестных, а просто делает вывод, относя действия к тем или другим [4, с. 39].

В случае, если сторона переговоров вследствие своей неосмотрительности берет на себя риск последствий, которые могут возникнуть в случае не заключения договора, то ее убытки не могут быть возложены на контрагента. Институт преддоговорной ответственности был дедуцирован из принципа добросовестности и в первоначальном виде предусматривал ответственность за его нарушение при заключении сделки. Для того широкого применения принципа добросовестности судебная система должна быть самостоятельной, независимой и смелой, поскольку, рассматривая спор о привлечении к преддоговорной ответственности суд обязан поступать вопреки формальным правилам. Согласно п. 7 ст. 434.1 ГК РФ наступление ответственности возможно в любом случае даже если соглашение не было достигнуто. Данное положение вступает в конфликт с положением п. 1 ст. 434.1 ГК РФ, которое освобождало стороны от такого рода ответственности. Существование такого положения может объясняться тем, что в гражданском обороте возможны различные ситуации, предусмотреть которые все невозможно. Помимо этого, один из составов преддоговорной ответственности предполагает информационную обязанность сохранения и не использование в своих целях информации и сведений, полученных от стороны переговоров.

Судам необходимо выработать четкие критерии признания выхода из переговоров недобросовестным посредством формирования полезной судебной практики. Это поможет снизить неопределенность и исключить возможные риски. Ключевой вопрос, в котором должен разобраться суд в подобных спорах, – это вопрос давал ли контрагент прямо выраженные или конклюдентные гарантии в отношении того, что договор будет заключен, способствовал ли он своим поведением формированию разумных ожиданий в отношении заключения сделки. В противном случае насколько бы далеко не продвинулись переговоры, выход из переговоров контрагента будет добросовестным (например, мотивируя потерей доверия или получения партнером более выгодных условий от третьих лиц).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что согласно ст. 434.1 ГК РФ основанием преддоговорной ответственности является недобросовестное поведение, которое по составам имеет аналогичные положения, предусмотренные в других европейских правовых порядках. Но имеет существенные различия в основаниях, в которых преддоговорная ответственность предполагается.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; № 9 (ч. 1). – 28.02.2022. – Ст. 1252.
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 ноября 2017 г. по делу № А41-90214/2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/document/adjudication/363916/> (дата обращения: 01.09.2022).
3. Абдулин Р. Р. Правовая природа преддоговорных отношений // Российская юстиция. – 2021. – № 4. – С. 2-6.
4. Бояринова В. И. Обязанность добросовестного ведения переговоров о заключении договора как элемент содержания преддоговорного правоотношения // Юридическая наука и практика. – 2021. – Т. 17. – № 2. – С. 35-44.

ФРОЛОВСКАЯ Юлия Ивановна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

БОНДАРЕНКО Иван Васильевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕНСИЙ ЗА ВЫСЛУГУ ЛЕТ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Проведенное исследование посвящено правовому регулированию пенсий за выслугу лет сотрудников уголовно-исполнительной системы. Основным нормативным актом, определяющим порядок назначения так называемых «военных» пенсионных выплат, считается уже ранее отмечавшийся Закон Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей». Главным условием для выплаты пенсии за выслугу является наличие выслуги эквивалентной специальному трудовому стажу. В льготном исчислении она может составлять 20 лет службы или 12 с половиной лет службы и 25 лет заработанного страхового стажа. Предельный возраст несения службы в уголовно-исполнительной системе определяется соответствующим законом о службе в этом ведомстве.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, выслуга лет, стаж, пенсия.

FROLOVSKAYA Yuliya Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

BONDARENKO Ivan Vasiljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

LEGAL REGULATION OF SERVICE PENSIONS FOR EMPLOYEES OF THE CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM

The study is devoted to the legal regulation of seniority pensions for employees of the penitentiary system. The main regulatory act that determines the procedure for assigning the so-called "military" pension payments is considered to be the already previously noted Law of the Russian Federation of February 12, 1993 No. service, bodies for control over the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances, institutions and bodies of the penitentiary system, troops of the National Guard of the Russian Federation, enforcement bodies of the Russian Federation, and their families. The main condition for the payment of a service pension is the existence of a length of service equivalent to a special length of service. In preferential terms, it can be 20 years of service or 12 and a half years of service and 25 years of earned insurance experience. The age limit for serving in the penitentiary system is determined by the relevant law on service in this department.

Keywords: penitentiary system, length of service, length of service, pension.

Основным нормативным актом, определяющим порядок назначения «военных» пенсионных выплат, считается Закон Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» (Закон РФ № 4468-1).

Для сотрудников УИС предусмотрена выплата двух разновидностей пенсий за выслугу лет:

- тот, кто служил верой и правдой 20 лет и больше (в льготном исчислении);
- а также тот, кто отдал службе 12,5 лет и более с учетом уже имеющегося такого же количества трудового стажа.

Пенсия за выслугу лет – это вид пенсии в рамках нормативно-правового регулирования пенсионных гарантий лиц, проходивших военную или схожую по обязанностям службу, требующую надлежащего материального достатка, при прекращении профессиональной деятельности из-за невозможности соответствовать высоким требованиям, предъявляемым к службе [1, с. 147].

Стаж службы для военной пенсии на основании п. «а» ст. 13 Закона РФ № 4468-1 состоит из следующих составляющих: работа на военных должностях; замещение должностей многих государственных органов и служб, такие как МВД России, Государственная противопожарная служба, органы, которые осуществляли контроль за незаконным оборотом наркотиков, и другие службы, занимающиеся подобным родом деятельности. Кроме этого, в этот список входят те, кто побывал в плену и даже военнослужащие, осужденные незаконно. Есть непосредственное упоминание и о прохождении службы в уголовно-исполнительной системе.

Если детально рассматривать ст. 36 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», то заметим уточнение, что, занимая должности рабочих и служащих в пенитенциарной системе, вполне можно рассчитывать на включение этого времени в стаж службы и выслуги лет для назначения пенсии.

Прописаны в Законе РФ № 4468-1 и объемы выплат военных пенсий. Статья 14 примерно гласит:

- сотрудники, отнесенные к первой рассматриваемой нами группе с выслугой в 20 лет, выйдя на пенсию, будут получать 50 % «базового» денежного довольствия, а со стажем больше двадцати – плюс 3 % каждый год, но не более 85 % в сумме;

• будущие пенсионеры, накопившие ко времени увольнения 25 лет общего стажа и плюс военного в 12,5 лет, приобретут право на 50 % оклада по должности и званию и за каждый последующий год общего трудового стажа свыше 25 календарных лет – по 1 % «базового» денежного содержания.

Денежный объем пенсионных выплат зависит от минимального размена пенсии и ни в коем случае не должен быть ниже, что следует из ст. 15 Закона РФ № 4468-1.

Те, кто был уволен по каким-то другим основаниям, либо те, кто «не дорос» до 45 лет, не могут рассчитывать на пенсию при неполной выслуге лет.

Если вдруг по каким-то причинам пенсионер заскучал по службе и решил вновь восстановиться, он на это время может забыть о пенсионных выплатах, потому что военная пенсия с момента восстановления выплачиваться не будет. Возобновится она лишь в том случае, если сотрудник опять соберется уйти на заслуженный отдых. Возможно, размер пенсии после этого изменится, так как выплачивать ее будут исходя из оклада по последней замещаемой должности.

Рассматриваемый нами вид пенсии может «прибавляться в весе» согласно ст. 16 и 23 Закона РФ № 4468-1 за счет предоставления дополнительных выплат:

- пенсионеру – бывшему сотруднику, который является инвалидом I группы из-за получения военной травмы, дополнительно добавляется к пенсии 300 % минимальной пенсии по старости; инвалидам II группы – 250 %, III группы – 175 %;
- инвалидам по причине болезни или травмы на производстве (но не те, которые получили инвалидность «благодаря» их противоправным действиям) следует рассчитывать на такие проценты от минимального размера пенсии по старости: инвалиды I группы «разбогатеет» на 250 %, II и III – 200 и 150 % соответственно.

Кроме уже рассмотренных выше надбавок, бывшие сотрудники могут еще рассчитывать на дополнительные выплаты. К таковым относятся за присмотр за пенсионером-инвалидом I группы либо дожившим до 80 лет, или за теми пенсионерами, которые согласно заключениям врачей, нуждаются в этом уходе – 100 %. Если у неработающего пенсионера на иждивении находится один член семьи, то добавится 32 %, два – 64 %, три и более – 100 %. Условие для такой надбавки – иждивенцы не получают трудовой или социальной пенсии. За уход за участником Великой Отечественной войны также установлены дополнительные к пенсии выплаты. Они составляют от 32 до 64 %. Все процентные выплаты рассчитываются также от минимальной пенсии по старости.

Основным и главным условием для выплаты пенсии за выслугу является именно наличие той самой выслуги. В календарном эквиваленте она может составлять 20 лет службы в одном случае и 12 с половиной лет службы и 25 лет заработанного на гражданке стажа – в другом случае.

Из текста ст. 43 Закона РФ № 4468-1 ясно, что размер пенсии по выслуге лет будет зависеть непосредственно от должностного оклада по занимаемой должности и имевшегося на время увольнения звания.

Ежемесячная надбавка к окладу денежного содержания за стаж службы (надбавка за выслугу лет) определена п. 7 ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Некоторые ученые, детально рассматривающие стимулирующую миссию пенсионного обеспечения сотрудников УИС, обнаруживают зависимость между «карьерным подходом» и будущей пенсией. Результаты службы, по их мнению, играют огромную роль в этом вопросе. Желание занять более высокую должность, демонстрация своих наилучших сторон, раскрывающихся во время службы, достижение высокого профессионального уровня способствует стремлению сотрудника делать работу качественнее, продуктивнее, что повышает престиж самого сотрудника, в частности, и уголовно-исполнительной системы в целом. Говорить о «высиживании» времени выслуги, а этом случае неверно [5].

Вместе с тем с данной позицией не совсем согласен Голодов П. В., он считает, что стремление занять высокую должность с более высокой заработной платой, это не что иное, как стремление сотрудника в дальнейшем получать более высокую пенсию. Ведь достаточно прослужить в высшей должности один день, чтобы уйти на пенсию с ее более высоким размером [1].

Ранее уже было сказано, что работа в пенитенциарной сфере довольно трудна и таит в себе много опасностей. И проходит она в особых условиях. Вероятно, поэтому расчет стажа для на-

числения пенсии происходит с учетом этих факторов. Так, один год службы в УИС приравнен к полутора по общеустановленному расчету. В том случае, если сотрудник трудился в учреждениях, содержащих пожизненно заключенных или инфицированных, стаж рассчитывается год за два.

Увольняясь, будущему пенсионеру, опираясь на п. 7 ст. 3 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» следует рассчитывать на выплату в размере 7 окладов за службу в 20 лет и больше; сумма поменьше, 2 оклада, будет выплачена тем, кто отдал службе менее 20 лет.

Итак, пенсии за выслугу лет являются основным видом пенсий для сотрудников УИС.

Наличие 20-летней выслуги в льготном исчислении выступает основным фактом для применения к пенсионерам УИС и их семьям всех мер, направленных на социальное обеспечение.

Проведенное анкетирование бывших сотрудников Академии ФСИН России, вышедших на пенсию, показал, что большинство из них уволилось по возрасту и выслуге лет. Стаж службы составил: 32 % – 12,5 лет, 68 % – 20 лет и более. Около 70 % опрошенных считают, что с учетом современных реалий размер пенсии бывшим сотрудникам УИС должен быть изменен сторону увеличения, так как не дает уверенности и не обеспечивает достойную жизнь (приложение 3). Даже несмотря на увеличение норм пенсионного обеспечения и дополнительные социальные гарантии в этом направлении, степень социального риска для этой категории лиц не снижается.

Здесь можно согласиться с позицией Чудаковой С. Н., которая убеждена, что, выходя на пенсию, бывший сотрудник должен быть уверен в своей финансовой стабильности и не должен испытывать финансовых трудностей [6, с. 226].

Тщательное соблюдение уполномоченными на то государственными органами в области кадрового обеспечения и пенсионными органами по последнему месту службы сотрудников УИС норм законодательства при исчислении выслуги лет для назначения пенсии, обязательно. В противном случае неточности в данном вопросе могут привести к необратимым последствиям.

Пристатейный библиографический список

1. Голодов П. В. Организационно-правовые проблемы пенсионного обеспечения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. - 2019. - № 4. - С. 152-163.
2. О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семьям в российской федерации обеспечения лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей: постановление Правительства Рос. Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 // Сб. нормат. док. № 2. - М.: НИИ ФСИН России, 2007. - 347 с.
3. Об утверждении инструкции об организации работы по социальному обеспечению сотрудников и их семей в УИС: приказ Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 258 // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2005. - № 17. - С. 2117-2121.
4. Романов А., Тарасов А., Баян Э., Африкан Г. Социальные гарантии для сотрудников уголовно-исполнительной // Юстиция. - 2018. - № 5. - С. 63-67.
5. Попов А. М., Михайликов В. Л., Колесова Т. С. Пенсионное обеспечение сотрудников органов внутренних дел // Известия Юго-западного государственного университета. - 2015. - № 3 (16) 8. - С. 55-59.
6. Чудакова С. Н. Некоторые административно-правовые аспекты пенсионного обеспечения сотрудников, увольняемых из уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система России: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. (г. Самара, 25 апреля 2014 г.). - Самара, 2014. - С. 225-227.

ЦИБУЛЬСКАЯ Галина Зиновьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры тылового обеспечения Академии ФСИН России

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СОВРЕМЕННЫХ КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ И БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ

В современной России широко распространены кредитные отношения. Такая популярность отчасти обосновывается неустойчивым положением экономики нашего государства, стремлением людей осуществлять свои цели, как коммерческие, так и некоммерческие и, конечно, необходимостью удовлетворения различных потребностей. В статье рассматривается правовая природа, свойственная современным кредитным отношениям. Актуализируется важность и распространение кредитных отношений среди субъектов права в условиях развития современной правовой действительности. Затрагиваются вопросы зависимости кредитных отношений от условий социально-правовых реалий конкретного исторического периода. Выделяются особенности и характерные черты, свойственные кредитным отношениям. Анализируется взаимосвязь кредитных отношений и банковского кредитования.

Ключевые слова: кредиты, банковская деятельность, кредитование, финансовая услуга, кредитные обязательства.

TSIBULSKAYA Galina Zinovjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Logistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

LEGAL NATURE OF MODERN CREDIT RELATIONS AND BANK LENDING

Credit relations are widespread in modern Russia. Such popularity is partly justified by the unstable state of the economy of our state, the desire of people to achieve their goals, both commercial and non-commercial, and, of course, the need to satisfy various needs. The article deals with the legal nature inherent in modern credit relations. The importance and distribution of credit relations among subjects of law is being updated in the context of the development of modern legal reality. The issues of dependence of credit relations on the conditions of social and legal realities of a particular historical period are touched upon. The features and characteristics inherent in credit relations are highlighted. The relationship between credit relations and bank lending is analyzed.

Keywords: loans, banking, lending, financial services, credit obligations.

Банки и банковская деятельность прочно вошли в современную жизнь. Эта сфера финансово-правовой деятельности уже давно стала неотъемлемой частью человеческого социума, без которой представить современные общественные отношения практически невозможно. Банки оказывают различные услуги гражданам и юридическим лицам, однако основной услугой является кредитование. Находясь под давлением большого количества потребностей, за неимением возможности удовлетворить их, используя собственные заработанные средства, люди и организации обращаются в банки, которые охотно выдают нуждающимся денежные средства под различные нужды.

Кредитование в современном мире является обыденным, привычным явлением. Ежегодно процент и общая сумма выдаваемых кредитов растёт, что говорит о продолжающемся росте популярности кредитных отношений. В нашей стране практически не осталось семей, которые когда-либо не брали кредиты и не вступали в кредитные отношения с финансовыми организациями. Что же говорить о юридических лицах, которые используют кредитные инструменты в качестве первоначального капитала для построения бизнеса, поддержания экономического баланса и общего развития. Из этого следует, что кредитные отношения – это не просто разновидность правоотношений, а часть современной жизни человеческого

социума. В условиях рыночной экономики данный факт представляется вполне логичным, свойственным объективной правовой действительности и нынешним реалиям.

Вполне логично, что и правовая база должна соответствовать тенденциям роста кредитных отношений. Действующее законодательство должно способствовать развитию отрасли, содержать необходимые инструменты для эффективной реализации прав обеих сторон кредитных отношений, предусматривать механизмы защиты и своевременно отвечать на вызовы объективной правовой действительности, характерные для любой динамично развивающейся системы.

Говоря о самих кредитных отношениях, как о востребованном явлении современности, следует отметить, что вопросы, касающиеся их сущности и правовой природы, остаются дискуссионными уже длительное время. Представители юридической, экономической и иных наук обозначают различные точки зрения относительно рассматриваемого явления и выдвигают занимательную аргументацию, настаивая на правильности избранного подхода. Действительно, уникальность кредитных отношений в том, что они находятся на стыке права и экономики, выступая в качестве важного звена в обеих обозначенных системах. Поэтому, чтобы разобраться с правовой природой кредитных отношений, необходимо рассмотреть их с разных сторон, сделав акцент на сопоставлении и сравнении.

Цибульская Г. З.

Курбатова Г. В.

Где-то на стыке систем и будет обнаружена искомая истина. Понимание правовой природы кредитных отношений позволит нам заложить фундамент для дальнейшего глубокого исследования.

Мы уже говорили о том, что вопросы, касающиеся правовой природы кредитных отношений, актуальны и подвержены дискуссиям не первый год. В зависимости от исторического периода и политического режима сущность, вкладываемая в кредитные правоотношения в России, менялась. К примеру, в ранний советский период они жестко регулировались Госбанком и обладали одной отличительной функциональной направленностью – перераспределением высвобождающихся денежных средств в народном хозяйстве, когда данные средства забирали у одного предприятия и отдавали на развитие другому в рамках кредитного планирования. В процессе развития кредитных отношений, развития советского государства, роль кредитов существенно не менялась. Они по-прежнему контролировались государством и, ввиду отсутствия частных банков, выступали в качестве инструмента перераспределения денежных масс.

Всё изменилось с падением СССР и становлением нового демократического российского государства, исповедующего принципы рыночной экономики, частной собственности и предпринимательства. С появлением частных банков правовая природа кредитных отношений и отношение самих граждан к кредитам стало меняться. Люди начали осознавать, что кредит – это возможность удовлетворить свои потребности в более короткий срок, нежели, занимаясь накоплением собственных средств, ожидать долгие годы. К тому же, изменение регулирующей и обеспечивающей роли государства в социальных, бытовых и иных вопросах вынуждало граждан использовать кредитные инструменты, чтобы банально поддерживать минимальный уровень жизни. Особенно это касается 90-х годов прошлого столетия, когда вновь образованное российское государство пыталось встать на рельсы экономического развития, опираясь на советские руины.

Кредитные отношения – явление объемное, и как любое другое объемное явление оно подразумевает рассмотрение в широком и узком смыслах. Под кредитными правоотношениями в широком смысле следуют понимать все правовые отношения, возникающие при предоставлении (передаче, использовании и возврате) денежных средств или других вещей, определяемых родовыми признаками, на условиях возврата. Кредитные отношения в узком смысле – это отношения, охватываемые наиболее пригодной формой договора займа, также кредитного договора [1, с. 119].

Рассуждая на тему специфики кредитных отношений, представляется возможным выделить несколько общих особенностей:

1. Кредитные отношения облечены в форму обязательств. Именно поэтому на практике мы нередко можем слышать термин «кредитные обязательства», которые смешиваются с кредитными отношениями до степени синонимичности. Чтобы кредитные отношения считались завершенными, необходимо совершить последовательную цепочку различных юридически значимых действий. Соответственно, обязательства одной стороны корреспондируют обязательствам другой.

2. Кредитные отношения сопряжены с рассрочкой исполнения денежных обязательств. Вступая в кредитные отношения, стороны обговаривают условия взаимодействия, неизменной составляющей которых является рассрочка возврата выданных денежных средств фиксированными платежами в определённые периоды времени.

3. Практическая составляющая любого кредита подразумевает выплату процентов, которые воспринимаются в качестве вознаграждения за оказанную услугу кредитования. Предоставляя какую-либо сумму денег в кредит, заинтересованность дающей стороны в том, что она извлекает из этого материальную выгоду, обусловленную процентной ставкой, которая плюсуется к сумме основного долга, так называемому «телу кредита» и выплачивается поэтапно. Получается, что принимающая сторона извлекает выгоду посредством получения суммы кредита целиком, имея законную возможность выплачивать её небольшими частями, а дающая сторона зарабатывает на процентах.

С категорией кредитных отношений неразрывно связана другая категория – банковское кредитование. Существует определённый круг субъектов, которым предоставлено право выдавать гражданам и юридическим лицам кредиты. К указанным субъектам предъявляется ряд требований, одно из основных из которых – наличие лицензии государственного

образца, подтверждающей право осуществлять в том числе и кредитную деятельность. В настоящее время существует огромное количество банков, которые на коммерческой основе осуществляют банковское кредитование. Однако, несмотря на прочную связь, кредитные отношения и банковское кредитование не являются соразмерными и синонимичными категориями. Если сопоставить их, получим соотношение, в котором кредитные отношения – главное, базовое звено, а банковское кредитование – лишь одна из его разновидностей. Но если рассматривать сопоставляемые категории с позиции правовой природы, можно проследить значительное сходство, что не удивительно, ведь, как мы уже установили, они соотносятся между собой как общее и частное.

Чтобы рассмотреть взаимосвязь нагляднее, обратимся к следующему примеру: банковское кредитование невозможно без закрепления в законодательстве возможности осуществлять кредитную деятельность. Так как банки – лишь одни из субъектов, которым это дозволено. Но если представить ситуацию, при которой банковское кредитование будет запрещено, а кредитные отношения – разрешены, то ситуация приобретает иной оборот. Кратко резюмируя вышеизложенные рассуждения, приходим к выводу, что кредитные отношения без банковского кредитования возможны, а вот банковское кредитование без них в условиях современной правовой действительности представить сложно.

Современные кредитные отношения следует рассматривать в качестве одного из видов обязательственных правоотношений, входящих в состав заемных отношений, имеющих своим объектом соответствующие действия активных и пассивных субъектов: предоставление другой стороне денежной суммы или соответствующего количества вещей, определяемых родовыми признаками, а другой стороной возвращение в установленный срок конкретной денежной суммы или такого же количества вещей того же рода и качества, по кредитному договору, это может быть коммерческий либо товарный кредит, договор потребительского кредита, а также договоры займа, заключаемые в рамках осуществления микрофинансовой деятельности [2, с. 184].

Таким образом, завершая анализ правовой природы кредитных отношений и банковского кредитования, мы пришли к выводу, что исследуемые категории зависимы от исторической эпохи и присущие ей социально-правовых особенностей, в рамках которых они существуют. Если в начале и середине XX века кредитные отношения находились в непосредственной зависимости от государственного регулирования, а банковского кредитования, в привычном нам виде, и вовсе не существовало, то с изменением политико-правового строя в конце XX века правовая природа кредитных отношений видоизменилась. Их современная конструкция основывается на потребительском кредитовании.

Кредитные отношения сегодня – это, прежде всего, финансовая услуга, строго регламентированная действующим законодательством, состоящая в тесной взаимосвязи с банковским кредитованием. Её практическое значение для современного социума проявляется в огромном количестве выдаваемых кредитов, но, чтобы реализовать всей свойственный кредитным отношениям потенциал, они должны продолжать развиваться. Современные кредитные отношения в системе гражданско-правовых обязательств, на наш взгляд, лучше всего характеризуются фактом свободы выбора цели, под которую берётся кредит. Другими словами, чтобы сегодня получить кредит, совсем не обязательно сообщать банку о своих намерениях, связанных с тем, как именно будут потрачены полученные денежные средства. Говоря предметнее о месте современных кредитных отношений в системе гражданско-правовых обязательств, представляется возможным заключить, что, исходя из свойственной кредитным отношениям правовой природы, они занимают уникальное место, характеризующееся как финансовой, так и правовой составляющей.

Приставленный библиографический список

- Исаева П. Г., Хасбулатова З. М. Основы регулирования кредитных отношений банком России и государством на современном этапе развития экономики Российской Федерации // Эпоха науки. – 2020. – № 22. – С. 117-122.
- Тихонова А. А. К вопросу о правовой природе кредитных правоотношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 2. – С. 183-193.

ШАКЕРОВ Рустам Равилевич

старший преподаватель Российского университета транспорта

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ОТ СМЕЖНЫХ КАТЕГОРИЙ ЦИВИЛИСТИКИ

В статье рассмотрены актуальные аспекты отграничения добросовестности участников гражданского оборота от смежных понятий и категорий. Принцип добросовестности, являясь правовой категорией, имеет нравственные корни, потому как ограничивает частную свободу, которая между тем охраняется правом. Противоположностью добросовестности является, в частности, поведение, сопряженное со злоупотреблением своими правами. Добросовестность пронизывает многие сферы гражданских соглашений, например, институт преддоговорной ответственности. Близким по содержанию к принципу добросовестности является принцип разумности. В статье продемонстрировано, что принцип разумности подлежит применению не только для оценки поведения участников гражданских правоотношений, но также и для иных явлений правовой действительности (сроков, цены, принимаемых мер и др.).

Ключевые слова: добросовестность, злоупотребление правом, разумность, преддоговорная ответственность.

SHAKEROV Rustam Ravilevich

senior lecturer of the Russian University of Transport

PROBLEMS OF DISTINGUISHING THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH FROM RELATED CATEGORIES OF CIVIL LAW

The article discusses the actual aspects of distinguishing the conscientiousness of participants in civil turnover from related concepts and categories. The principle of good faith, being a legal category, has moral roots, because it restricts private freedom, which meanwhile is protected by law. The opposite of good faith is, in particular, behavior involving abuse of one's rights. Good faith permeates many areas of civil agreements, for example, the institution of pre-contractual liability. The principle of reasonableness is close in content to the principle of good faith. The article demonstrates that the principle of reasonableness is subject to application not only for assessing the behavior of participants in civil legal relations, but also for other phenomena of legal reality (deadlines, prices, measures taken, etc.).

Keywords: good faith, abuse of law, reasonableness, pre-contractual liability.

Принцип добросовестности является одним из наиболее востребованных положений европейской цивилистической традиции, упоминающийся практически во всех существующих кодифицированных актах гражданского законодательства в европейских государствах, включая и Российскую Федерацию (п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ) [1]. Идея «доброй совести» восходит к римской правовой традиции, когда знакомство контрагентов было общим правилом и элемент взаимного доверия (fides) сполна удовлетворял запросы такого зарождавшегося оборота наряду с религиозной богобоязненностью при исполнении договора. В особо важных случаях, где элемент доверия является недостаточным, лица обращаются к покровительству права. Они не затрудняются исполнять все формальности, чтобы подкрепить взаимное доверие. Малейшее отступление от формальностей (формы договора) лишало акт юридической силы. По этим причинам вообще частное право носило субсидиарный характер.

Необходимо заметить, что в ГК РФ содержатся некоторые нормы о добросовестности, на которые следует обратить особое внимание. пункт 1 ст. 234 ГК РФ закрепляет приобретение права собственности лица на имущество, если оно добросовестно им владеет в течении определённого срока. В этой норме законодатель не поясняет значение слова добросовестно. Добросовестно владеть по аналогии со ст. 302 ГК РФ означает, что лицо не знало и не могло знать о незаконности отчуждения вещи (приобретения им на неё права собственности).

Рекомендуется разграничивать и отделять случаи добросовестности как субъективного состояния лица от принципа добросовестности (объективной добросовестности) по следующим причинам:

1. Оценить субъективное состояние лица о знании/незнании определённых обстоятельств много проще, чем оценить поведение лица на соответствие с абстрактным стандар-

том поведения участника оборота, учитывающего права и интересы других участников.

2. Добросовестность в смысле субъективного состояния лица - понятие чисто юридическое. Суду нет необходимости определять материально правовые последствия недобросовестного поведения лица, так как они прямо вытекают из закона.

У субъектов правоотношения могут появляться обязанности, которые те не обговаривали в договоре и о которых молчит закон, тем не менее, такие обязанности имеют юридическую силу, так как этого требует принцип добросовестности. Дополнительные обязанности могут возникать на любой стадии правоотношения, даже до его возникновения, например, на преддоговорной стадии. Дополняющая функция принципа добросовестности опирается на п. 3 ст. 1 ГК РФ, как на общую норму для всего гражданского права, на п. 3 ст. 307 ГК РФ как на более конкретную норму и на ст. 434.1 ГК РФ как на специальную.

Более внимательного рассмотрения требует ст. 434.1 ГК РФ. Данная норма определяет ответственность в преддоговорных отношениях. Она приводит наиболее общий перечень обязанностей сторон в них. Однако закрытого перечня составить невозможно. Они должны определяться индивидуально для каждого конкретного случая. А потому ст. 434.1 ГК РФ оговаривает, что стороны должны действовать добросовестно по отношению друг другу, учитывая права и законные интересы. Нарушение доверия одной из сторон преддоговорного процесса может привести к извлечению неправомерного преимущества другой стороной, что повлечет за собой необходимость применения эстоппеля в качестве средства защиты добросовестного контрагента. Противоречивое поведение может быть признано недобросовестным лишь тогда, когда предъявление основанного на нем требования может повлечь для другой стороны значительные негативные последствия [5, с. 26].

Наиболее заметным недостатком правового регулирования договорного процесса во многих странах, и Россия здесь не исключение, является отсутствие регламентированного этапа, предшествующего заключению контракта, который обычно называется этапом переговоров. Закрепление требования добросовестного ведения переговоров свидетельствует о том, что российским правоприменителям потребуются ориентиры для толкования понятия и признаков добросовестного поведения в указанных отношениях [2, с. 67].

В отечественной цивилистике имеется хорошо разработанная концепция злоупотребления правом, легитимизированная в ст. 10 ГК РФ. В соответствии с нормой ст. 10 ГК РФ запрещается осуществление права исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана). Но только запретом шиканы доктрина злоупотребления правом не ограничивается, она запрещает злоупотребление правом как таковое.

Условно можно выделить два вида злоупотреблений. Первыми из них являются институциональные злоупотребления. Объём полномочий лица, обладающим субъективным правом определяется исходя из стандарта поведения, признаваемого общественным порядком. Однако на практике имеют место случаи, когда лицо осуществляет субъективное право за пределами этого стандарта поведения и даже вопреки ему. Например, лицо осуществляет право в связи с незначительным нарушением обязательства контрагентом. Налицо существенное несоответствие между нарушением и характером последствий, что является недопустимым с точки зрения принципа добросовестности. В общеправовом контексте, запрет злоупотребления правом включает в себя критерий добросовестности (в объективном смысле) как один из элементов своего содержания [4, с. 249].

Второй вид злоупотреблений правом - индивидуальные злоупотребления. Здесь лицу нельзя вменить того, что оно осуществляет право в противоречии с целями правового регулирования. Контрагентам следует учитывать права и законные интересы друг друга. При соблюдении данного правила индивидуальным злоупотреблениям не будет места. В противном случае, их появление вполне возможно, ввиду того, что осуществление права может повлечь нарушение права и законного интереса другой стороны.

Если сторона своими действиями вызвала доверие у своего контрагента, который сообразовал с этим свой хозяйственный план, то лицо обязано считаться со своим предыдущими действиями, которые закон признаёт, и вместе с этим отказывает лицу в защите субъективного права, которым оно впоследствии воспользовалось. При этом не требуется доказывать вину недобросовестного лица. Закон требует лишь защиты интересов доверившейся стороны. В этом состоит суть правила *venire contra factum proprium* или эстоппель.

Данное правило основывается на общих нормах п. 3, 4 ст. 1 ГК РФ. Тем не менее законодатель решил его распространить в большое количество специальных норм. Это п. 2, 5 ст. 166, п. 2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432, п. 5, 6 ст. 450.1 ГК РФ. В п. 2 статье 166 ГК РФ ограничивается право оспаривать сделку по основанию, о котором лицо знало при проявлении своей воли. Пункт 5 ст. 166 ГК РФ относится большей частью к процессуальному праву и лишает правового значения заявление лица о недействительности сделки ввиду того, что оно действует недобросовестно. Пункт 2 ст. 431.1 ГК РФ специализирует указанную норму для договорного права. Пункт 3 ст. 432 ГК РФ применяет правило эстоппель к вопросу о заключении договора.

Наибольших интерес представляют п. 5 и 6 ст. 450.1 ГК РФ. Они применяют правило эстоппель к вторичным правам по договору. Пункт 5 ст. 450.1 ГК РФ ограничивает право кредитора на отказ от договора, если он принял исполнение по нему. Пункт 6 ст. 450.1 ГК РФ ограничивает иное вторичное право кредитора в случае, если кредитор заявлял отказ от его осуществления, но впоследствии всё равно им воспользовался. В процессе анализа запрета на переменчивое поведение следует отметить, что принцип добросовестности часто сопрягается в доктрине с разумной оценкой, производимой одной стороной договора, заверения и обещаний другой сто-

роны. В связи с отсутствием законодательной дефиниции рассматриваемого понятия, содержание категории разумности и определение конкретных ее критериев на данный момент вызывает множество споров как в научной литературе, так и в судебной практике. При изучении ГК РФ на предмет содержания оценочных понятий, можно заметить, что такие категории как «добросовестность» и «разумность» достаточно часто упоминаются в нормах совместно.

Основными чертами сходства категорий разумности и справедливости являются, во-первых, их неоднозначное закрепление в праве и в качестве принципов, и в качестве презумпций, и в качестве пределов осуществления и защиты гражданских прав, исполнения гражданских обязанностей, во-вторых, их нравственно-этический характер, берущий свое начало скорее в нормах морали, чем права. Детальный анализ положений ст. ст. 314, 397, 520, 530, 738 ГК РФ и др. позволил сделать вывод о том, что принцип разумности подлежит применению не только для оценки поведения участников гражданских правоотношений, но также и для иных явлений правовой действительности (сроков, цены, принимаемых мер и др.).

Принцип добросовестности, выражающийся в отсутствии умышленного причинения вреда участникам правоотношений и их правомерном поведении, необходимо рассматривать в его неразрывной диалектической связи с другими принципами права [3, с. 24]. Следовательно, принцип добросовестности используется при анализе лишь субъектов и их действий, в силу чего некорректно будет говорить о добросовестности, например, сроков, цены и т.п. В научной литературе также ведется полемика на тему того, существует ли различие в последствиях, которые влекут за собой недобросовестное и неразумное поведение. При отсутствии в действиях лица разумности единства мнений относительно последствий не сложилось.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что несоблюдение требования разумности будет влечь за собой такое же последствие, как и отступление от добросовестного поведения - отказ в защите принадлежащего лицу права. Рассматриваемые категории имеют самостоятельное содержание и значение, но являются абсолютно равноценными регуляторами гражданско-правовых отношений. Неразумность субъекта гражданского права может повлечь за собой отказ в защите его права только тогда, когда он, за неимением надлежащей опытности, демонстрирует очевидную неспособность к разумному ведению дел, чем ставит под удар реализацию не только собственного интереса, но и интереса контрагента. Иными словами неразумность поведения лица будет основанием для отказа в защите права только тогда, когда ей сопутствует недобросовестность. Однако приведенная точка зрения противоречит сложившейся судебной практике.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; № 32. – 05.12.1994. – Ст. 3301.
2. Адилова Ж. С. Добросовестность в преддоговорных отношениях // Академическая публицистика. – 2021. – № 9-2. – С. 65-69.
3. Ахрамкина К. А. Принцип добросовестности в российском законодательстве и злоупотребление правом // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 10-1. – С. 19-27.
4. Лузик А. А. К вопросу о соотношении категорий злоупотребления правом и добросовестности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8. – № 1. – С. 244-251.
5. Нам К. В. Злоупотребление правом и принцип добросовестности, или не всякое противоречивое поведение есть эстоппель // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. – 2019. – № 3 (14). – С. 23-26.

ШЕВЧУК Елена Павловна

старший преподаватель кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия

СТЕПАНЕНКО Юрий Сергеевич

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, подполковник полиции

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНФОРМИРОВАННОГО ДОБРОВОЛЬНОГО СОГЛАСИЯ ПАЦИЕНТА НА ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

В статье анализируется правовая природа информированного добровольного согласия пациента на оказание медицинской помощи. Авторы соотносят это согласие с волеизъявлением пациента на причинение вреда его здоровью при оказании медицинских услуг. Устанавливается, что согласие на причинение вреда пациенту в процессе осуществления медицинской помощи нельзя отождествлять с информированным добровольным согласием пациента на ее оказание, последнее необходимо для того, чтобы медицинское вмешательство можно было бы квалифицировать как правомерное поведение исполнителя медицинской услуги. Делается вывод, что по своей правовой природе информированное добровольное согласие на оказание медицинской помощи является гражданско-правовой сделкой, поэтому к ней применяются все требования, как и к обычной сделке. Но согласие должно выражаться дееспособным гражданином, возраст которого превышает 15 лет (для больных наркоманией с 16 лет) и перед получением такого согласия пациент должен получить необходимую информацию о сути медицинского вмешательства в доступной для него форме.

Ключевые слова: медицинская помощь, договор возмездного оказания медицинских услуг, информированное добровольное согласие, согласие на причинение вреда, правовая природа, правомерность оказания медицинской помощи пациенту.

ШЕВЧУК Elena Pavlovna

senior lecturer of Civil law sub-faculty of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice

STEPANENKO Yuriy Sergeevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Philosophy and socio-humanitarian disciplines sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

THE LEGAL NATURE OF THE PATIENT'S INFORMED VOLUNTARY CONSENT TO THE PROVISION OF MEDICAL CARE

The article analyzes the legal nature of the patient's informed voluntary consent to the provision of medical care. The authors correlate this consent with the will of the patient to cause harm to his health in the provision of medical services. It is established that the consent to causing harm to the patient in the process of providing medical care cannot be identified with the patient's informed voluntary consent to its provision, the latter is necessary so that the medical intervention can be qualified as the lawful behavior of the medical service provider. It is concluded that, by its legal nature, informed voluntary consent to the provision of medical care is a civil law transaction, therefore, all requirements apply to it as to a regular transaction, but consent must be expressed by a capable citizen whose age is over 15 years (for drug addicts from 16 years of age). years) and before obtaining such consent, the patient must receive the necessary information about the nature of the medical intervention in a form accessible to him.

Keywords: medical care, contract for the provision of medical services, informed voluntary consent, consent to harm, legal nature, the legality of providing medical care to a patient.

В соответствии со ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинско-

го вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи.

В отдельных случаях возможно медицинское вмешательство без согласия гражданина [1, с. 43], одного из родителей или иного законного представителя допускается: по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни человека и если его состояние не позволяет выразить свою волю или отсутствуют законные представители; в отношении лиц, страдающих заболеваниями², представляющими опасность

Шевчук Е. П.

Степаненко Ю. С.

1 Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323 // Российская газета. – 2011. – № 263.

2 О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ // Российская газета. – 1999. – № 64-65.

для окружающих [2, с. 48] и тяжелыми психическими расстройствами; в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния (преступления); при проведении судебно-медицинской экспертизы и (или) судебно-психиатрической экспертизы; при оказании паллиативной медицинской помощи, если состояние гражданина не позволяет выразить ему свою волю и отсутствует законный представитель.

Все виды медицинских услуг в Российской Федерации оказываются на основе гражданско-правового договора. Отдельные договоры заключаются на возмездной основе для пациента и оформляются по правилам гл. 39 Гражданского кодекса Российской Федерации (Далее – ГК РФ)³ и тогда волеизъявление оформляется самим договором и подписью в амбулаторной карте больного или истории болезни, в которой отражается алгоритм медицинского вмешательства. В случае же оказания медицинской помощи по программе обязательного медицинского страхования (ОМС), договор заключается между страховой и медицинской организациями в пользу пациента. Добровольное информированное согласие пациента необходимо как волеизъявление на оказание медицинской помощи, без которого исполнение услуги неправомерно. Наличие такого договора в пользу пациента дает возможность ему безвозмездно обратиться в медицинскую организацию за медицинской помощью в случае наступления страхового случая – заболевания, травмы. Но реализация этого права невозможна без оформления пациентом информированного добровольного согласия, за исключением случаев, предусмотренных законом.

По своей правовой природе информированное добровольное согласие на оказание медицинской помощи представляет собой гражданско-правовую сделку, но, как и любая сделка, она должна соответствовать всем условиям ее заключения, а к ним относятся условия о форме, содержании, надлежащем субъектном составе и волеизъявлении сторон. К оформлению такого согласия закон не предъявляет особых требований, а значит, оно может быть заключено в простой письменной форме в истории болезни или амбулаторной карте пациента. Вряд ли можно считать надлежащей формой устное выражение такого согласия или путем конклюдентных действий (фактическое обращение за медицинской помощью в организацию), а также, если в медицинской документации не отражена полная и достоверная информация о характере предстоящего медицинского вмешательства⁴.

На наш взгляд, подобное согласие должно быть выражено лично пациентом и в письменной форме⁵, что подтверждает судебная практика⁶, то есть, информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или отказ

от медицинского вмешательства содержится в медицинской документации гражданина и оформляется в виде документа на бумажном носителе, подписанного гражданином, одним из родителей или иным законным представителем, медицинским работником либо формируется в форме электронного документа с использованием электронной подписи [3, с. 234].

Что касается условия о надлежащем субъектном составе, то такое согласие выражается совершеннолетним дееспособным гражданином. Несовершеннолетние пациенты самостоятельно могут выражать информированное добровольное согласие на оказание медицинской помощи уже с 15 лет, а больные наркоманией – с 16-летнего возраста. Такая позиция законодателя противоречит общим положениям о право – и дееспособности несовершеннолетних граждан, так как в соответствии со ст. 26 ГК РФ перечень сделок, которые им разрешены, содержат исчерпывающий характер. Самостоятельно лица до 18 лет в соответствии с гражданским законодательством могут распоряжаться своим доходом, а также вносить вклады в кредитные организации, быть членом производственного кооператива и осуществлять интеллектуальные права. Также им разрешены все сделки, которые могут совершать малолетние, а именно – мелкие бытовые, распоряжаться «карманными деньгами» и участвовать в безвозмездных сделках к выгоде малолетнего (дарение, ссуда), участвовать в наследственных правоотношениях, но только если он и не требуют государственной регистрации и нотариального удостоверения. Кроме того, перед оформлением информированного добровольного согласия пациента на оказание медицинской помощи, медицинский персонал, оказывающий соответствующее медицинское вмешательство, должен ему разъяснить, в чем будет заключаться суть медицинской манипуляции, ее последствия и риски возможных осложнений. Стоит отметить, что подобные сведения должны быть предоставлены в надлежащей и доступной форме для несовершеннолетнего. С позиции законодателя, который разрешил совершать отдельные имущественные сделки несовершеннолетним самостоятельно, а все остальные сделки с согласия законных представителей, выглядит нелогично положение о том, что согласие может самостоятельно выразить пятнадцатилетний подросток, причем на любую медицинскую манипуляцию, связанную с риском для его здоровья, который не имеет еще достаточных познаний и опыта для оценки той информации, которая ему предоставляется перед дачей такого согласия.

Кроме того, при заключении такой сделки необходимо учитывать дееспособность гражданина, так как недееспособные в подобных сделках участвовать не могут. Лицо подписывающее подобное соглашение должно понимать значение своих действий, что определяет уровень развития интеллекта и способность самостоятельно руководить своим поведением – волевой критерий пациента. Такое волеизъявление должно выражаться свободно, а воля формироваться без искажений в нормальных условиях. Заключение этой сделки должно иметь место до начала медицинского вмешательства, иначе такое вмешательство неправомерно.

Стоит отметить и содержание подобной сделки не должно противоречить закону и не может оправдывать противоправный характер поведения медицинского вмешательства. Многие исследователи отождествляют согласие на причинение вреда пациенту с информированным согласием пациента на оказание ему медицинской помощи, с чем нельзя согласиться. В подобных соглашениях, которые предлагают паци-

3 Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. – 1996. – № 23, 24, 25.

4 Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03.04.2019 № Ф03 – 11113/2019 по делу № Ф73-10416/2018. Документ опубликован не был. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Верховного суда РФ от 05.08.2019 № 303-ЭС19-11529 по делу № А 73-10416/2018. Документ опубликован не был. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5 О судебном решении: постановление Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2003г. №23 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 2.

6 Постановление ЕСПЧ от 09.03.2004, Жалоба №61827/00. Документ опубликован не был. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.12.2018 № Ф015895/2018 по делу № А29-9306/2017. Документ опубликован не был. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

енту подписать в медицинской организации содержится отказ от претензий к этой организации в случае причинения вреда его здоровью. Однако право на обращение в суд за защитой нарушенных прав гарантировано Конституцией Российской Федерации⁷ и ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а отказ от своих прав ничтожен в соответствии со ст. 22 ГК РФ⁸.

Согласие на причинение вреда является также гражданско-правовой сделкой и делает легитимным причинение вреда при оказании медицинских услуг. Так, например, при изъятии органов у донора для трансплантации, здоровью пациента причиняется значительный вред, который он осознает и дает согласие на причинение вреда, чем управомочивает медицинскую организацию на такое причинение. Согласие подобного рода не следует отождествлять с согласием на медицинскую помощь, последнее оформляет волеизъявление пациента на внедрение в его физическую и психическую сферу, что делает правомерным любое медицинское вмешательство с учетом гарантий неприкосновенности гражданина. Следует помнить, что согласие выражается лишь на сам процесс оказания медицинской помощи, а возможные негативные последствия для здоровья пациенту разъясняются – это лишь информация, а не согласие на подобные последствия и риски. В случае причинения вреда здоровью пациента при оказании медицинских услуг он вправе защищать свои права в досудебном и судебном порядке, а оформленное им информированное добровольное согласие на оказание медицинской помощи не освобождает медицинскую организацию от претензий с его стороны, поскольку его нельзя квалифицировать как согласие на причинение вреда здоровью. Так, например, при проведении вакцинации против коронавирусной инфекции COVID-19 пациенты подписывали информированное добровольное согласие, в котором разъяснялись риски и необходимо было заполнить анкету об отсутствии противопоказаний к данной медицинской манипуляции, что было воспринято общественностью как оформление согласия на причинения вреда и якобы в случае возникновения осложнений пациент не сможет защитить свои неимущественные права. На самом деле в случае причинения вреда здоровью пациента вопрос решается по правилам гл. 59 ГК РФ, в которой сформулированы основание и условия наступления гражданско-правовой ответственности для медицинской организации, а подписанное согласие и заполненная анкета пациентом не препятствует защите его нарушенных прав.

Кроме того, медицинская организация обязана обеспечить не только соблюдение всех стандартов, но и безопасность проведения медицинских манипуляций. Такое правило закреплено в ст. 1095 ГК РФ и в законодательстве о защите прав потребителей (ст. 7)⁹.

Таким образом, по правовой природе информированное добровольное согласие пациента на оказание медицин-

ской помощи является гражданско-правовой сделкой. Думается, что согласие на причинение вреда пациенту в процессе осуществления медицинской помощи нельзя отождествлять с информированным добровольным согласием пациента на ее оказание, последнее необходимо для того, чтобы медицинское вмешательство можно было квалифицировать как правомерное поведение исполнителя медицинской услуги.

К подобной гражданско-правовой сделке применяются все требования, как и к обычной сделке, между тем, нами выявлены особенности: во-первых, согласие должно выражаться дееспособным гражданином, возраст которого превышает 15 лет (для больных наркоманией с 16 лет); во-вторых, перед дачей такого согласия пациент должен получить необходимую информацию о сути медицинского вмешательства в доступной для него форме; в-третьих, информированное добровольное согласие должно быть оформлено надлежащим образом до начала медицинской манипуляции; в-четвертых, согласие подобного рода связано с разъяснением рисков для его здоровья, однако согласие он дает на сам процесс оказания медицинской помощи, а не на риск повреждения здоровья, а указание на то, что пациент не имеет никаких претензий к медицинской организации в случае причинения вреда его здоровью ничтожно; в-пятых, это согласие является исключительно добровольным для пациента.

Пристатейный библиографический список

1. Сироткина М.И. Информирование согласие: определение понятия, обзор судебной практики, возможности медицинского вмешательства без согласия гражданина или его законного представителя // Практика педиатра. – 2021. – №2. – С. 43-47.
2. Бурашников Н.А. COVID-19: правовое регулирование недобровольного медицинского вмешательства // Закон. – 2020. – № 7. – С. 47-56.
3. Старичков М.Ю. Предупреждение конфликтных ситуаций между медицинскими организациями и пациентами: положения законодательства, практические рекомендации и типовые образцы документов. – М.: Инфотропик Медиа, 2019. – 328 с.

7 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

8 Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – № 238-239.

9 О защите прав потребителей: Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 // Российская газета. – 1992. – 7 апреля «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323 // Российская газета. – 2011. – № 263.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-181-183

ШЕРГУНОВА Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета

ЭСТОППЕЛЬ В РОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКЕ: ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ*

В статье рассматриваются особенности применения принципа эстоппеля в России и за рубежом. Доказано, что для применения эстоппеля в России необходимо законодательно закрепить данный термин и выработать единый механизм его понимания и правоприменения. Автором также обосновывается необходимость разработки критериев для применения эстоппеля в российском праве.

Ключевые слова: эстоппель, недействительный договор, незаключенный договор, добросовестность, кредитор, должник.

SHERGUNOVA Elena Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the South-West State University

THE ESTOPPEL IN RUSSIAN AND INTERNATIONAL PRACTICE: PRIVATE LAW ASPECTS

The article discusses the features of the application of the estoppel principle in Russia and abroad. It is proved that in order to apply estoppel in Russia, it is necessary to legislate this term and develop a unified mechanism for its understanding and enforcement. The author also substantiates the need to develop criteria for the application of the estoppel in Russian law.

Keywords: estoppel, invalid contract, non-concluded contract, good faith, creditor, debtor.

Одним из принципов частного права, широко применяемых в мировой практике, является принцип эстоппель или «принцип недопустимости противоречивого поведения».

Этимология рассматриваемого принципа доподлинно неизвестна до сих пор. По одной из версий термин «эстоппель» произошел от французского слова «estoppe», что означает «заделывание» [2, с. 437]. Есть также версия, что морфологически эстоппель берет свое начало от термина «estoupaill» («ограничитель») [4, с. 135]. Импонирует точка зрения Лорда Деннинга, сделанная в 1832 году, который утверждал, что французское слово «estoppe» является производным от английского термина «stopped», который переводится как «преграда», что в большей мере отвечает правовой природе эстоппеля, применяемого в юридической практике [5].

С течением времени рассматриваемый термин претерпел ряд изменений и сегодня под эстоппелем принято понимать запрет на противоречивое поведение кредитора, согласно которому лицо в силу определенных обстоятельств утрачивает право ссылаться на какие-либо факты в обоснование своих требований к должнику.

Сам принцип эстоппель стоит на стыке материального и процессуального права, так как право применить эстоппель возникает в рамках материально-правовых отношений, а вот механизм применения указанного принципа носит процессуальный характер. Исходя из этого, ряд авторов предлагает ввести термин «процессуальный эстоппель», чтобы окончательно определить место рассматриваемого принципа в российском праве [1].

Первоначально данный принцип получил свое развитие в странах англо-саксонской системы права и рассматривался как один из барьеров для ограничения злоупотреблений кредитором своих прав требований в отношении должника.

Для большинства стран Европы, подчиняющихся романо-германской (континентальной) системе права, эстоппель отсутствовал, но применялся аналогичный принцип, исходящий из общих начал добросовестности («venire contra factum proprium»).

В России эстоппель официально не закреплен, но исходя из анализа некоторых статей Гражданского кодекса РФ (далее-ГК РФ), можно прийти к выводу, что это и есть правило эстоппеля. Так, например, в п. 3 ст. 432 ГК РФ сказано, что «сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе впоследствии требовать признания этого договора незаключенным, так как это может противоречить принципу добросовестности».

Таким образом, хотя в российском законодательстве принцип эстоппеля напрямую и не закреплен, но он вытекает из принципа добросовестности, урегулированного п. 4 ст. 1 ГК РФ.

В мировой истории к принципу эстоппель было весьма неоднозначное отношение. Долгое время суды отказывались признавать данный термин и применять его на практике. В 17 веке принцип эстоппеля часто использовали как способ сокрытия истинных фактов, что вызывало множество негативных отзывов в доктрине того времени [7, с. 9].

В наше время учение об эстоппеле утратило свой «негативный» характер и стало одним из важнейших принципов частного права, применяемых в мировой юридической практике [7, с. 9].

По мнению Е. В. Семеновой [2, с. 438], эстоппель является «одной из разновидностей системы возражения». Ввиду чего, в некоторых странах и не нашел своего отдельного законодательного закрепления, так как являлся частью более универсальных принципов права, таких как принцип добросовестности.

В современной доктрине понятие «эстоппель» понимается по-разному. Большинство авторов сходятся во мнении, что данный термин обозначает «препятствие предъявлению претензии, выражающееся в том, что было сделано или ска-

* Исследование проведено в рамках государственного задания на 2022 год по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№0851-2020-0033).

зано до, или было законодательно установлено в качестве истинного» [8, с. 99].

Сам эстоппель в мировой практике принято делить на три категории [2, с. 438]:

- недопустимость отрицания фактов, имеющих преюдициальное значение и установленных в акте публичной власти (estoppel by matter of record);
- недопустимость оспаривание фактов, закрепленных в договоре и скрепленных печатью (estoppel by deed);
- лишение стороны права возражать против фактов, принятых ею ранее (estoppel in pais).

Традиционно, первая категория является один из начальных проявлений принципа эстоппеля, существовавшего еще в праве Древнего Рима. Впоследствии оно было расширено и рецептировано в первых сборниках английского права, куда также вошла и «недопустимость оспаривание фактов, закрепленных в договоре и скрепленных печатью». Третья категория эстоппеля характерна для современной юридической практики.

Суть первой категории складывается в том, что, если какие-либо факты были уже установлены ранее и закреплены в каком-либо акте публичной власти, они носят преюдициальный характер и не требуют дополнительного доказывания (ст. 60 Гражданского процессуального кодекса РФ). Также не подлежит сомнению и их истинность. Данный принцип позволяет ускорить процесс правосудия и вынесения решения по спору.

Вторая категория эстоппеля препятствует тому, чтобы сторона, собственноручно подписавшая договор, в дальнейшем отказывалась от каких-либо положений, указанном в данном документе, ссылаясь на непонимание или незнание данного пункта. Данное правило позволяет ограничивать стороны договора от злоупотребления правом на оспаривание пунктов договора, с целью из неисполнения или избежания ответственности за неисполнение условий договора.

Третья категория является препятствием, лишаящим сторону права не признавать отношения, если ранее данная сторона своими действиями частично данные отношения уже допускала. Так, например, сторона не может ссылаться на незаключенность договора, если ранее по данному договору она приняла оплату.

В мировой практике часто используется термин «справедливый эстоппель» (equitable estoppel or estoppel in pais), под которым необходимо понимать принцип частного права, согласно которому «сторона, которая знает или должна была знать правду, лишается в дальнейшем права отрицать тот факт, что данная сторона устно или своим поведением побудила другую сторону, не знающую истинных причин, доверчиво действовать, полагаясь на слова или поведения первой стороны» [5]. Представляется, что данный принцип служит для защиты должника, от злоупотреблений своими правами требования со стороны кредитора. Таким образом, достигается справедливость и равенство сторон частноправовых отношений.

В свою очередь, обеспечивая справедливость в регулировании отношений сторон, законодатель проецирует дальнейшую честность и истинность правосудия при разрешении споров между этими же сторонами.

Рассматриваемая нами категория эстоппеля характерна для частноправовых отношений, но не может применяться в публично-правовой сфере. Так как, в публично-правовых отношениях, государственные органы наделены рядом властных полномочий, а сами отношения, как правило, но-

сят строго императивный характер и не подразумевают под собой изменение процедуры урегулирования. Так, если нарушена процедура построения взаимоотношений между органами публичной власти и иными лицами, невозможно в дальнейшем признать данные отношения состоявшимися, даже при условии частичного признания их сторонами.

Есть также мнение, что сама теория «справедливого эстоппеля» носит исключительно общеправовой характер, традиционно применяемый в странах англо-саксонской системы права [2, с. 439]. Что является весьма спорным, несмотря на то что эстоппель официально не регламентирован в законодательных актах стран романо-германской системы права, правовые системы данных стран все-же содержат ряд схожих институтов (принцип справедливости, принцип добросовестности и др.). Исходя из этого можно сделать вывод, что принцип эстоппеля носит всемирный характер и применяется в праве большинства стран. Несомненно, для стран общего права (Англия, США, Канада, Австралия и др.) эстоппель – это один из мощнейших механизмов защиты частноправовых отношений. Тем не менее, большинство стран Европы (Франция, Германия, Италия и др.), в том числе и Россия, также применяют правила, характерные для рассматриваемого принципа.

Ярким примером, проявления элементов эстоппеля в России являются нормы, содержащиеся в п. 2 ст. 431.1 и п. 3 ст. 432 ГК РФ.

П. 2 ст. 431.1 ГК РФ содержит классическое для принципа эстоппель правило о том, что «сторона, которая приняла от другой стороны исполнение по договору, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и при этом полностью или частично не исполнила свое обязательство, не вправе впоследствии требовать признания договора недействительным». Данную норму дополняет положение п. 3 ст. 432 ГК РФ, которое закрепляет, что, если сторона договора полностью или частично приняла исполнение обязательств от другой стороны (денежные средства, результат работ, вещь и др.), то в дальнейшем эта сторона не может требовать признания данного договора незаключенным. Данное правило вытекает из общих начал принципа добросовестности.

В первом случае речь идет о предпринимательских договорах и признании их недействительными. Во втором, рассматриваются остальные гражданско-правовые договоры и признание их незаключенными. Представляется, что законодатель к предпринимательским договорам предъявляет повышенные требования ввиду специфики субъектного состава – индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций. Поэтому несоблюдение процедуры заключения подобных договоров ведет к признанию их недействительными. Совсем другие отношения складываются в сфере гражданско-правовых договоров, строящихся на диспозитивных началах и принципе свободы договора, поэтому несоблюдение формы таких договоров часто приводит к признанию их незаключенными.

Таким образом, рассмотренные выше нормы, содержат в себе механизм применения принципа эстоппель к предпринимательским отношениям (п. 2 ст. 431.1 ГК РФ) и гражданско-правовым (п. 3 ст. 432 ГК РФ).

По мнению Д. П. Стригуновой [3, с. 31], нормы статьи 432 ГК РФ следует применять в договорных отношениях в том случае, если данные отношения вытекают из недобросовестности сторон и не урегулированы нормами части второй ГК РФ или ст. 431.1 ГК РФ.

Российская доктрина частного права склонна к применению эстоппеля второй и третьей категории (недопустимость оспаривания фактов, закрепленных в договоре и скрепленных печатью и лишение стороны права возражать против фактов, принятых ею ранее). Так как эти категории больше всего удовлетворяют интересам частноправовых отношений.

Сторона, подписавшая договор или иным образом подтвердившая заключение договора в устной форме, а также совершившая определенные конклюдентные действия в силу исполнения данного договора, не имеет права в дальнейшем отказываться от договора, сославшись на его незаключенность или недействительность. Принцип добросовестности, закрепленный в ст. 1 ГК РФ, защищает добросовестную сторону договора от неправомерных действий стороны, злоупотребляющей своим правом требования.

Также стоит сказать, что в российской доктрине, как и в мировое практике, пока еще не сложилось единого понимания правовой природы эстоппеля.

Одни авторы (Е. В. Семенова) склонны рассматривать эстоппель исключительно как один из принципов частного права [2, с. 440]. Свою теорию они строят на том, что принцип эстоппель – это одна из форм проявления общепризнанного принципа международного права - добросовестное выполнение обязательств по международному договору, закрепленного в преамбуле Венской Конвенции ООН «О праве международных договоров», принятой 23 мая 1969 года и ратифицированной большинством стран.

Сущность принципа эстоппель в отечественном частном праве складывается в обеспечении защиты через судебные органы нарушенных прав должника в результате недобросовестных действий кредитора.

Другая группа ученых (Д. П. Стригунова) рассматривает эстоппель как один из механизмов применения института недействительности сделок [3, с. 32]. Данная точка зрения строится на положениях п. 5 ст. 166 ГК РФ закрепляющей, что «заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам считать данную сделку действительной». Исходя из данных положений, можно увидеть механизм отказа заявителю признавать сделку недействительной, если заявитель ранее частично или полностью принял исполнение данной сделки.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо заметить, что эстоппель является одним из принципов частного права, основная суть которого складывается в установлении ряда ограничений для управомоченной стороны, недобросовестно злоупотребляющей своими правами и тем самым причиняющей вред другим лицам. Данный принцип носит первостепенное значение, так как позволяет сторонам договора выстраивать свои отношения на началах равенства, добросовестности и справедливости. Основная суть эстоппеля складывается в обеспечении защиты добросовестной стороны от недобросовестного злоупотребления правом другой стороны.

Тем не менее, применение данного принципа на практике не лишено ряда недостатков. Одним из которых является отсутствие легального закрепления рассматриваемого принципа в российском законодательстве. Законодательная регламентация эстоппеля позволит привести практику к единому пониманию правовой природы и механизма применения данного принципа. Используя опыт стран общего права, России необходимо определить свои критерии и ка-

тегории применения эстоппеля в отечественной частноправовой сфере.

Представляется, что для российского права эстоппель носит исключительно частноправовой характер и влияет на ограничение прав недобросовестной стороны договора в признании данного договора недействительным или незаключенным, с целью защитить добросовестную сторону, считающую данный договор действительным (заключенным).

Пристатейный библиографический список

1. Бирюлин Д. Процессуальный эстоппель в российской практике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2019/8/31/processualnyj_estoppel_v_rossijskoj_praktike (дата обращения: 29.09.2022).
2. Семенова Е. В. Правовая природа эстоппеля // В сборнике: Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию университета, 2017. - С. 437-441.
3. Стригунова Д. П. Эстоппель в правовом регулировании международных коммерческих договоров // Юрист. - 2016. - № 11. - С. 31-36.
4. Терехов В. В. Применение правила эстоппель в процессуальных отношениях // Правоприменение. - 2019. - Т. 3. - № 3. - С. 135-140.
5. American Jurisprudence. Estoppel and Waiver. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://famguardian.org/TaxFreedom/CitesByTopic/estoppel.htm> (дата обращения: 29.09.2022).
6. Cartwright J. Protecting Legitimate Expectations and Estoppel in English Law // Report to the XVII-th International Congress of Comparative Law, July 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ejcl.org/103/art103-6.pdf> (дата обращения: 29.09.2022).
7. Melville M. Bigelow. A treatise on the law of estoppel and its application in practice // Boston, Little, Brown and Company. - 1872. - P. 9.
8. Renata Petrylaite. Can the doctrine of equitable estoppel be applied against a government? // International Journal of Baltic Law. - 2004. - № 2. February. - P. 99.

ПУГАЧЕВА Анна Сергеевна

аспирант кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета;
руководитель регионального офиса ООО «Юридическая служба Партнер»

СВОБОДА ДОГОВОРА КАК ОСНОВАНИЕ МИНИМИЗАЦИИ ЧАСТНОПРАВОВОГО РИСКА

Свобода договора это один из отраслевых принципов права, обеспечивающий гражданско-правовую охрану прав инвесторов. Цель исследования дать существенную характеристику свободы договора как основания минимизации частноправового риска в процессе инвестиционной деятельности. Методологической основой исследования стал формально-юридический метод, который использовался при определении гражданско-правовых понятий; толковании правовых норм, правовых позиций судебной и судебно-арбитражной практики, доктринальных положений. Основные результаты исследования состоят в том, что обосновано разграничение понятий «гражданско-правовая ответственность» и «частноправовой риск», выяснены сущность и содержание частноправового риска, установлено межотраслевое взаимодействие права и экономики.

Ключевые слова: свобода договора, гражданско-правовая ответственность, частноправовой риск, инвестиционный риск, синаллагма, право и экономика, law and economics, заранее оцененные убытки.

PUGACHEVA Anna Sergeevna

postgraduate student of Civil law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University; Legal Service Partner, head of the regional office

FREEDOM OF CONTRACT AS A BASIS FOR MINIMIZING PRIVATE LAW RISK

Freedom of contract is one of the branch principles of law, providing civil protection of investors' rights. The purpose of the study is to give an essential characteristic of the freedom of contract as a basis for minimizing private law risk in the process of investment activity. The methodological basis of the study was the formal legal method, which was used in the definition of civil law concepts; interpretation of legal norms, legal positions of judicial and judicial-arbitration practice, doctrinal provisions. The main results of the study are that the distinction between the concepts of "civil liability" and "private legal risk" is substantiated, the essence and content of private legal risk are clarified, and intersectoral interaction between law and economics is established.

Keywords: freedom of contract, civil liability, private law risk, investment risk, synallagma, law and economics, liquidated damages.

Пугачева А. С.

Свобода договора это один из отраслевых принципов права, обеспечивающий гражданско-правовую охрану прав инвесторов. Содержательный аспект свободы договора постулирует право участников оборота по собственному усмотрению выбирать и определять тип и условия контракта, включая цену и иные права, и обязанности сторон [1, с. 25-26]. Возможные имущественные и финансовые потери одна из составляющих инвестиционной деятельности. Стороны договора могут включить в содержание условия, позволяющие предусмотреть легитимные способы минимизации частноправового риска.

Это обуславливает необходимость разграничения понятий «гражданско-правовая ответственность» и «частноправовой риск». Ответственность и риск не тождественные понятия. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров в главе IV разграничивает ответственность и риск: утрата или повреждение товара после того, как риск перешел на покупателя, не освобождает его от обязанности уплатить цену, если только утрата или повреждение не были вызваны действиями или упущениями продавца¹. Профессор О.С. Иоффе писал о том, что риск и ответственность соотносятся друг

с другом как род с видом. Поэтому ответственность также обнимается понятием риска, как и выводимое за ее пределы всякое иное возмещение вреда [2, с. 460-501].

Гражданско-правовая ответственность обусловлена неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства и предусматривает возмещение убытков: выплату неустойки, компенсацию упущенной выгоды². В договорах, регламентирующих инвестиционные отношения, согласовываются условия и объем гражданско-правовой ответственности сторон, основания для привлечения [3].

Риск одна из составляющих инвестиционной деятельности. В исследованиях по проблемам инвестиционных отношений даже получило распространение понятие инвестиционного риска, под которым понимают возможность наступления неблагоприятных последствий (потери инвестиций и дохода от них) в связи с исполнением обязательств; вероятность наступления (не)благоприятного события, связанного с убытками или получением дохода в

¹ www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2648/ (дата обращения: 02.12.2021).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021), ст. 393. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2648/)

процессе инвестиционной деятельности в условиях неопределенности [4; 5; 6]. По нашему мнению, при осуществлении инвестиционной деятельности стороны подвергаются частноправовому риску. И введение понятия «инвестиционный риск» некорректно.

В Гражданском кодексе Российской Федерации понятие «риск» используется очень широко, однако сущность понятия не определяется³. По этому поводу еще М.М. Агарков писал, что идея риска, лежащая в основании гражданских правоотношений, хотя внешне и не выражается, но легко обнаруживается при анализе ряда норм [7, с. 263]. Сущность частноправового риска отражает сознательное волевое поведение лица, обуславливающее вероятность убытков и иных расходов, которые не компенсируются за счет другой стороны обязательства, и условием возникновения которых могут быть неблагоприятные события, некомпетентные решения, конфликт интересов, обстоятельства непреодолимой силы⁴.

В содержании частноправового риска можно выделить правовую и экономическую составляющие. Правовая составляющая объединяет правовую неопределенность, изменение валютного законодательства и законодательства о налогах и сборах, ошибки в судебной практике⁵, а также неправомерные действия (или бездействия) публично-правовых образований и обуславливает разрыв условной синаллагмы (от греч. Synallagma), взаимных обязательств сторон [8; 9]. Экономическая составляющая отражает фактические имущественные и финансовые убытки сторон [10].

Для обоснования правовой и экономической составляющих в содержании частноправового риска можно обратиться к концепции law and economics или economic analysis of law (право и экономика или экономический анализ права) [11, р. 4; 12]. Смысл концепции состоит в том, что право лучше всего рассматривать как социальный инструмент, который способствует экономической эффективности; экономический анализ и эффективность составляют ориентир юридической практики; оценка правовых норм с учетом экономических теорий наиболее оптимальна для прогнозирования развития правовых институтов, составления рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства [13; 14].

За рубежом концепция law and economics активно используется при вынесении судебных решений, определении содержания юридического образования⁶. В чикагском

университете издается журнал The Journal of Legal Studies (Журнал юридических исследований), в котором особое внимание уделяется междисциплинарным исследованиям в области права и экономики⁷. Известное академическое издательство Springer издает журнал European Journal of Law and Economics (Европейский журнал права и экономики), в котором публикуются статьи, направленные на популяризацию судебных решений с использованием экономических инструментов и механизмов применения законодательства для улучшения рыночных условий⁸. Противники концепции подвергая ее критике, аргументируют тем, что право и экономика – это самостоятельные науки со своими средствами познания, понятийным аппаратом, методологическими основами [15].

В России концепция law and economics тоже привлекает внимание ученых, издается информационно-аналитический журнал «Право и экономика», посвященный вопросам предпринимательского права⁹. В ходе научных дискуссий российских цивилистов о концепции law and economics обозначилось три основных мнения: абсолютизация ведущей роли экономического анализа права как средства от возможных дефектов правового регулирования; идеологическое средство воздействия на правосознание и правовое регулирование в интересах лоббирования конкретных законодательных инициатив; конструктивное взаимодействие институтов права и экономики как межотраслевое средство охраны прав участников гражданского оборота [16; 17].

По нашему мнению, право и экономика диалектично взаимосвязаны: правовые нормы как продукт экономического базиса и важнейший регулятор общественных отношений устанавливают правила экономической деятельности, способствуют минимизации имущественных и финансовых потерь, обеспечивают баланс частных и публичных интересов. Еще советские цивилисты писали о том, что право не может быть понято из самого себя, сущность права следует искать в явлениях неправовых, прежде всего в определенных экономических отношениях; при этом для юриста особую ценность представляет обратный путь: от экономических категорий к категориям юридическим [18, с. 15-15; 19, с. 73-90].

Современное развитие общественных отношений требовало межотраслевое взаимодействие в обеспечении охраны прав участников гражданского оборота. Фундаментальным частноправовым принципом организации современного гражданского оборота признана договорная свобода, которая всегда перевешивает догматические и формально-логические соображения. Ограничения принципа свободы договора могут быть допущены лишь в целях защиты интересов и экономических ожиданий третьих лиц, слабой стороной договора или при наличии очень весомых

3 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) ст. 459, 669, 696, 705, 741, 933, 945, 952.

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

5 Положение Банка России от 27.03.2020 № 714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» (Зарегистрировано в Минюсте России 24.04.2020 № 58203) <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 02.12.2021).

6 Vannatta S. Rethinking legal pragmatism: A philosophical approach // ProQuest Dissertations and Theses. Southern Illinois University at Carbondale, Ann Arbor, 2010. Retrieved from. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ezproxy.net.ucf.edu/login?url=http://search.proquest.com/docview/604083467?accountid=10003> (дата обращения: 04.12.2021). Berlin School of Economics and Law <https://www.hwr-berlin.de/en/> (дата обращения 04.12.2021). The Coase - Sandor Institute for Law and Economics

<https://www.law.uchicago.edu/coase-sandor> (дата обращения: 04.12.2021).

7 The Journal of Legal Studies. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.journals.uchicago.edu/loi/jls> (дата обращения: 04.12.2021).

8 European Journal of Law and Economics. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.springer.com/journal/10657> (дата обращения: 04.12.2021).

9 Право и экономика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jusinf.ru/> (дата обращения: 04.12.2021).

возражений политико-правового (утилитарного или этического) характера [20].

Свободу договора можно трактовать как проявление диалектической взаимосвязи права и экономики. Свобода договора — это проявление в области права идеи о свободной экономической деятельности, а также неотъемлемый признак и необходимое условие функционирования рыночной экономики в целом. Межотраслевое взаимодействие права и экономики — это не альтернатива гражданскому праву. В современных социально-экономических условиях это теоретическая основа обеспечения охраны прав участников гражданского оборота и свободы договора, позволяющей предусмотреть легитимные способы минимизации частноправового риска [21].

Правовая и экономическая составляющие в содержании частноправового риска отражают идею сочетать свободу договора с приданием условиям договора судебной защиты, как наиболее эффективной регулятивной стратегии, которую государству стоит реализовывать в сфере договорных отношений как минимум тогда, когда не будут приведены убедительные аргументы в пользу желательности иного подхода. Такая политика отдает определение параметров оборота на усмотрение его участников, обеспечивает стабильность деловых связей и создает уверенность в исполнении принятых обязательств [1, с. 244].

Свобода договора — это не только инструмент организации инвестиционной деятельности, но и проявление ценности личной свободы инвестора. Свобода договора отражает в праве идею о децентрализации принятия экономических решений, лежащую в основе рыночной экономики. Экономическая свобода находить пути сбыта результатов своего труда и распоряжаться собственностью проявляется в праве заключать договор с любым контрагентом по своему усмотрению; выбирать тип договора; определять предмет, цену и иные условия договора по своему усмотрению. Конституционный Суд РФ признал конституционно-правовую природу свободы договора¹⁰. В постановлении Конституционного Суда РФ отмечено, что Конституция Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя провозглашает свободу экономической деятельности. Принципом экономической свободы предопределяются конституционно гарантируемые правомочия, составляющие основное содержание конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для экономической деятельности. Конституционно-правовые гарантии этого права направлены на достижение таких целей, как привлечение частных инвестиций в экономику и обеспечение стабильности общественных отношений в сфере гражданского оборота.

Для совершенствования принципа свободы договора как основания минимизации частноправового риска профессор С.Э. Либанова предлагает внести в статью 15 ГК РФ институт «заранее оцененных убытков», под которыми

предлагается понимать убытки, подлежащие возмещению в случае нарушения договора и определяемые сторонами в твердой денежной сумме или способе исчисления такой суммы [22].

Институт «заранее оцененных убытков» аналогичен англо-американской конструкции «liquidated damages» [23; 24]. Под данной конструкцией понимают правовой инструмент восстановления имущественной сферы кредитора, пострадавшего вследствие нарушения его контрагентом договорного обязательства. Этот правовой инструмент отличается от сопряженных гражданско-правовых конструкций (неустойки, компенсации, возмещение потерь, возникших в случае наступления определенных обязательств и др.) используемых в российском праве. Англо-американская конструкция «liquidated damages» предусматривает выплату фиксированной или предопределенной денежной суммы, согласованной сторонами договора и подлежащей уплате в случае нарушения обязательства одной из сторон (если уплата заранее оцененных убытков составляет штраф, то он не будет иметь юридической силы). Введение правовой конструкции «заранее оцененных убытков» в российское гражданское право обеспечит добросовестное исполнение договорных обязательств между контрагентами, позволит сократить злоупотребление правом при исполнении договора обеими сторонами. Считаем, что соглашение о заранее оцененных убытках соответствует правовой природе отношений сторон договора (ст. 9, 421 ГК РФ), предусматривает возможность определения режима ограничения ответственности и способствует минимизации рисков¹¹. Поэтому для улучшения процедуры восстановления нарушенных или оспоренных прав инвесторов предлагаем дополнить статью 393 Гражданского кодекса РФ следующим положением: «В случае нарушения одной из сторон отдельных условий обязательства стороны соглашения вправе установить обязанность одной стороны возместить другой стороне заранее оцененные убытки (выплату заранее согласованной денежной суммы). Стороны, при определении размера заранее оцененных убытков должны исходить из требований добросовестности, разумности и справедливости. Размер заранее согласованных убытков не должен привести к неосновательному обогащению сторон соглашения». Введение в российское гражданское право правовой конструкции «заранее оцененных убытков» обусловит совершенствование юридической картины мира и минимизацию частноправового риска [25; 26].

Пристатейный библиографический список

1. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. - М.: Статут, 2012. - 452 с.
2. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Граж-

10 Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 9, ст. 830.

11 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

ЯКУБОВ Мухибулло Лутфуллоевич

аспирант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

SMART-КОНТРАКТЫ КАК НАЧАЛО КОНЦА КЛАССИЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ. ДВОЙНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

В данной статье рассматривается возможность применения смарт-контрактов вместо классических договоров. Автор анализирует правовое регулирование смарт-контрактов. Представлены авторские прогнозы относительно того, какие подотрасли гражданского права в первую очередь подвержены масштабному внедрению смарт-контрактов. Автор анализирует тему двойной интеграции договоров реального мира в определенный смарт-контракт и предоставляет свои предложения по ней.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, криптовалюта, двойная интеграция, договорное право.

YAKUBOV Muhibbullo Lutfulloyevich

postgraduate student of the Financial University under the Government of the Russian Federation

SMART CONTRACTS AS THE BEGINNING OF THE END OF CLASSIC CONTRACTS. DOUBLE INTEGRATION

This article discusses the possibility of using smart contracts instead of classic contracts. The author analyzes the legal regulation of smart contracts. The author's forecasts are presented as to which sub-sectors of civil law are primarily subject to the large-scale implementation of smart contracts. The author analyzes the topic of dual integration of real world contracts into a specific smart contract and provides his suggestions on it.

Keywords: smart contract, blockchain, cryptocurrency, dual integration, contract law.

Якубов М. А.

В наши дни происходит бурное развитие цифровых технологий. Мы являемся свидетелями появления ряда прорывных технологий, таких как: облачные вычисления, большие данные, интернет вещей, дополненная реальность, блокчейн и другие. Сегодня цифровые технологии находят применение в различных сферах общественной жизни: экономической, социальной, духовной. Особо актуальной является тема внедрения новых технологий в юриспруденцию.

В наши дни интерес общества смещается в сторону приложений блокчейна второго поколения, включающих интеллектуальную собственность, оцифровку прав собственности на активы и смарт-контракты.

Смарт-контракты («умные» контракты) являются уникальным соединением информационных технологий (понимание смарт-контракта как программного средства) и права (понимание смарт-контракта как гражданского договора). Создание и исполнение смарт-контрактов невозможно без технологии блокчейн (технологии распределенного реестра).

Концепция смарт-контракта впервые была описана в 1996 году Ником Сабо. Он определял смарт-контракт как совокупность обещаний сторон в цифровой форме, включая регламент, в рамках которого выполняются обещания сторон [1]. Позже, с прогрессом компьютерной техники и появлением технологии блокчейн реализация концепции смарт-контрактов стала возможной. Популярной платформой на данный момент является Ethereum.

Российские ученые Г. В. Цепов, Н. В. Иванов в понимании «умных» контрактов придерживаются дуалистической концепции, согласно которой смарт-контракты являются гражданско-правовыми договорами особого типа, условия которого определяются как на языке права, так и на языке программирования, а заключение и автоматическое исполнение которого осуществляется с использованием информационной системы [4]. На наш взгляд, предложенное авторами понимание смарт-контрактов является наиболее обоснованным.

Сегодня, несмотря на множество юридических нюансов, во многих сферах жизни используют или пытаются внедрить смарт-контракты. Масштаб распространения таких контрактов находится в зависимости от правового регулирования

криптовалюты в той или иной юрисдикции. Законодатель и представители частного бизнеса в различных странах ищут возможность использования смарт-контрактов без привлечения криптовалюты.

Рассмотрим механизм работы «умных» контрактов на примере повседневной сделки купли-продажи, заменив встречное предоставление виртуальной валютой. Физические лица (Петров и Иванов) решили заключить смарт-контракт, по которому Иванов передаст Петрову товар, а Петров будет обязан перевести Иванову указанное в договоре количество криптовалюты. В смарт-контракте можно прописать условия для его автоматического выполнения. В таком случае, в смарт-контракте можно прописать: «Покупатель обязуется перевести n-ую сумму биткоинов на кошелек Иванова, когда товар поступит на склад Покупателя».

Уникальность смарт-контрактов в том числе выражается в многообразии вариантов их использования. Исполненный смарт-контракт может использоваться повторно или самоуничтожаться, если данные условия прописаны в программном коде контракта, который выполняется на узлах блокчейна.

Возвращаясь к правовому регулированию таких контрактов, необходимо обратить внимание на том, что на данный момент в российском законодательстве отсутствует закрепление понятий «смарт-контракт» и «блокчейн». Ещё в 2014 году Банк России в официальной информации отмечал, что по «виртуальным валютам» отсутствует законодательное обеспечение и юридически обязанные по ним субъекты.¹

Таким образом, в случае, указанном в ранее приведенном примере, заключение договора купли-продажи посредством смарт-контракта не влечет юридической обязанности выполнения обязательств сторонами, так как криптовалюта не является товаром по смыслу закона (ст. 454 Гражданском кодексе РФ)², и не является электронными денежными сред-

1 Информация Банка России от 27.01.2014 г. «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» // Вестник Банка России, 2014. – 05 февраля. – № 11.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ, 1994. – 05 декабря. – № 32, ст. 3301.

ствами в соответствии с пп. 18 ст. 3 Федерального закона «О национальной платежной системе»³. Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что права на криптовалюту находятся вне правового поля.

Вместе с тем, на наш взгляд, что в Гражданском кодексе РФ прослеживается косвенное регулирование смарт-контрактов. В частности, в абз. 2 п. 1 ст. 160, ч. 2 ст. 309, п. 2 ст. 434 Гражданском кодексе РФ, говорится о форме договора, а именно электронной форме; исполнение договора в результате наступления тех или иных событий.

Что касается практического использования смарт-контрактов в юриспруденции, многие эксперты считают целесообразным использовать смарт-контракты для типовых договоров (аренда, гарантии, страхование, поставка, купля-продажа, аккредитивы...). В целом смарт-контракт может заменить любой договор, в котором есть возможность строго алгоритмически описать действия сторон.

Приведем ряд примеров наиболее перспективных направлений для заключения смарт-контрактов.

Одной из самых перспективных отраслей применения, на наш взгляд, является автоматизация предоставления банковских услуг, примером могут служить предоставление кредита малому бизнесу, ипотечное кредитование, финансирование поставок. Внедрение «умных» контрактов позволит снизить временные и экономические затраты при сопровождении сделок. По нашему мнению, с постепенным внедрением смарт-контрактов, могут быть автоматизированы вопросы распоряжения объектами, наследования и земельные вопросы.

Примером также могут служить договоры страхования, где при наступлении страхового случая происходит автоматическая выплата страховой суммы. Таким способом можно посредством смарт-контракта можно проверять действительность договора, а также предотвратить двойные выплаты по одному договору. Необходимо обратить внимание на то, что не все договоры страхования можно заключить посредством смарт-контрактов. Например, при исполнении договора страхования ОСАГО, возникают сложности с определением момента ДТП и виновной стороны, так как смарт контракт не может автоматически считать внешние события реального мира, если они являются спорными. На данный момент существуют и разрабатываются «оракулы», посредством которых смарт контракты получают информацию о событиях внешнего мира, однако на сегодняшний день эта проблема не решена полностью. «Оракулы» – это приложение или администратор сети, посредством которых блокчейн получает информацию о внешних событиях, таких как, прогноз погоды, курсы валют и т.д.

Ещё одним примером использования смарт-контрактов может быть создание ставок на спорт, казино или лотереи, где будут автоматизированы все выплаты между участниками процесса при отсутствии затрат на наемных сотрудников и посредников между сторонами.

В качестве главного преимущества применения смарт-контрактов можно отметить отсутствие человеческого фактора при исполнении обязательств. На практике существуют много примеров, когда стороны договора не доверяют друг другу. Следовательно, при заключении тех или иных договоров посредством смарт-контракта, эту проблему можно избежать, так как выплаты и само исполнение договора не зависят от действий третьих лиц.

Одним из главных проблем внедрения смарт контрактов является невозможность исправления их технического кода после заключения и невозможность прочтения этого кода обычными юристами. Решением данной проблемы смарт-контрактов в разрезе возможных технических ошибок, а также проблемы с читаемостью для обычных юристов без it-навыков, является двойная интеграция. Под «двойной интеграцией» автор понимает процесс интеграции определённого юридического договора в конкретный «умный» контракт, который работает в блокчейне. Смысл двойной интеграции заключается в том, чтобы стороны смарт-контракта могли быть уверены в наличии реального контракта на бумажном носителе, который в случае нарушений можно передать в суд, который сможет привести договор в исполнение по

первоначальному сценарию. А также использование смарт-контракта в качестве основного механизма для управления взаимодействием на основе данных, которое соответствует соглашению между сторонами.

Одними из первых двойную интеграцию разработала компания Eris Industries. Фактор, из-за которой Eris Industries советует абсолютно всем пользователям блокчейн технологий, и в особенности смарт-контрактов, двойную интеграцию их смарт-контрактов вместе с реальными (на бумажном носителе) договорами, составленными юристами, которые грамотно ориентируются в законодательстве, которые будут иметь отношение к договору, проста. «Умные» контракты всегда ограничены. Так как по своей сущности они представляют собой сценарии, которые проецируются в узлах блокчейна, чистый код смарт-контракта содержит ограниченную возможность «достичь» за пределами контекста своего хранилища данных, для того чтобы включить юридическую обязательства договорное понимание. Хотя они имеют все шансы быть структурированы таким способом, чтобы автоматически регулировать управляемыми данными взаимодействием и гарантировать слаженность набора данных, в котором находятся смарт-контракты, судьи вряд ли в ближайшем будущем будут иметь возможность свободно разрешать споры, вытекающие из смарт-контрактов, исключительно на базе их закодированных характеристик (то есть без интегрированного юридического договора). По этим причинам ограниченности охвата смарт-контрактов и ограниченной применимости смарт-контрактов мы убедительно рекомендуем абсолютно всем разработчикам систем смарт-контрактов применять ту или иную двойную интеграцию.

После завершения процедуры двойной интеграции, результатом будет смарт-контракт, в котором будет ссылка на конкретный отпечаток контракта реального мира – hash-файла, или как его ещё называют – checksum-файлом и договором из реального мира, которой интегрирует конкретный отпечаток смарт-контракта. Наличие таких ссылок обеспечивает, что определенный файл, в котором содержится договор реального мира, и определенный смарт-контракт правильно ссылаются друг на друга.

В заключении можно сделать вывод, что смарт-контракты представляют собой синтез технологий и права. Несмотря на очевидные преимущества, их применение ограничено определенными категориями договоров. На наш взгляд, в ближайшем будущем полный переход к смарт контрактам невозможен, однако начало положено. И выходом для создания новых квалифицированных юристов автор предлагает внедрить в образовательные учреждения новую дисциплину, которая позволит юристам рассматривать контракт не только с юридической точки зрения, но и с технической.

Пристатейный библиографический список

1. Демиева А. Г. Правовое регулирование криптовалюты: тенденция развития // *Ex Jure*. – 2018. – № 1. – С. 18-29.
2. Кардонов А. В. Сферы применения смарт-контрактов и риски при работе с ними // *Бизнес-образование в экономике знаний*. – 2018. – № 1 (9).
3. Кучеров И. И. Криптовалюта как платежное средство // *Финансовое право*. – 2018. – № 7. – С. 3-6.
4. Цепов Г. В., Иванов Н. В. К цивилистической теории смарт-контрактов // *Закон*. – 2022. – № 3. – С. 149-172.
5. What is Dual Integration? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://erisindustries.com> (дата обращения: 11.09.2022).
6. Contract Law 2.0: «Smart» contracts as the beginning of the end of classic contract law. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2885241 (дата обращения: 11.09.2022).

3 Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О национальной платежной системе» // *Собрание законодательства РФ*, 2011. – 04 июля. – № 27, ст. 3872.

- данское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». - М.: Статут, 2000. - 777 с.
3. Ковязина Н.М. Убытки как самая распространенная мера гражданско-правовой ответственности // Юрист. - 2021. - № 3. - С. 57-63.
 4. Елкина О.С. Инвестиционный потенциал и инвестиционный риск - особенности регионального сопоставления // Сибирский торгово-экономический журнал. - 2016. - № 4 (25). - С. 31-33.
 5. Нецымайло К.В., Стоббыра Т.В. Инвестиционный риск-менеджмент: виды рисков и методы управления // Казанская наука. - 2015. - № 2. - С. 72-74.
 6. Попов А.Ю. Инвестиционные риски капитальных вложений в активы субъектов бизнеса: классификация, идентификация, обеспечение безопасности // Инновационное развитие экономики. - 2021. - № 1 (61). - С. 336-344.
 7. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. Т.2. Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. - М.: Статут, 2012. - 535 с.
 8. Гринева А.В. Правовые риски и их минимизация: вопросы теории // Вестник Арбитражного суда Московской области. - 2019. - № 1. - С. 77-88.
 9. Макарова Р.В. Понятие синаллагматической связи в праве Англии и России // Правоведение. - 2018. - № 2. - С. 362-381.
 10. Звягинцев С.Е. Правовые аспекты распределения экономического риска в концессионных соглашениях и иных административных договорах // Административное право и процесс. - 2018. - № 1. - С. 64-71.
 11. Posner R. The Economics of Justice. - Cambridge: Harvard University Press, 1981. - 415 p.
 12. Silvestri P. On the (Methodological) Future of Law and Economics. The Uneasy Burden of Value Judgments and Normativity // Global Jurist. - 2019. - № 19 (3). <https://doi.org/10.1515/gj-2019-0026> (дата обращения: 04.12.2021).
 13. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Investor Protection and Corporate Governance // Journal of Financial Economics. - 2000. - № 58 (1-2) (January): 327. doi:10.1016/s0304-405x(00)00065-9 (дата обращения: 04.12.2021).
 14. Jolls C., Sunstein C.R., Thaler R. A Behavioral Approach to Law and Economics // Stanford Law Review. - 1998. - № 50 (5), 1471. <https://doi.org/10.2307/1229304> (дата обращения: 04.12.2021).
 15. Hylton K. N. Law and economics versus economic analysis of law // European Journal of Law and Economics. - 2019. - № 48 (1). - P. 77-88. <https://doi.org/10.1007/s10657-018-9580-0> (дата обращения: 04.12.2021).
 16. Синицын С.А. Экономика и право: контуры взаимодействия в современном мире // Вестник Российской Академии Наук. - 2019. - Т. 89. - № 2. - С. 139-146.
 17. Право и экономика. Междисциплинарные подходы в науке и образовании. IV Московский юридический форум. XII Международная научно-практическая конференция. Кутафинские чтения. В 4 частях. Часть 3. - М.: Проспект, РГ-Пресс, 2018. - 460 с.
 18. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справочный том]. Т. 1. Гражданское право: Сочинения 1958-1970 годов. - М.: Статут, 2010. - Т. 1. - 496 с.
 19. Аскназий С.И. Некоторые вопросы методологии советского гражданского права // Советское государство и право. - 1940. - № 8-9. - С. 73-90.
 20. Карапетов А.Г., Бевзенко Р.С. Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. - 2014. - № 8. - С. 4-97.
 21. Лушников А.М. Право и экономика: методологические подходы к междисциплинарным исследованиям // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2019. - № 1 (45). - С. 39-44.
 22. Либанова С.Э. Предпринимательский риск и свобода договора // Юридическая техника. - 2019. - № 13. - С. 511-514.
 23. Микрюков В.А. Российский аналог англо-американских «liquidated damages»: перспективы законодательного закрепления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2018. - № 41. - С. 420-441.
 24. Сятчихин А.В. Заранее оцененные убытки в российском гражданском праве: диссертация ... кандидата юридических наук. - М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018. - 261 с.
 25. Gadzhiev G. E.V. Vaskovsky and Contemporary Civilistic Methodology // Journal of Russian Law. - 2016. - № 4 (8). - P. 57-64.
 26. Гаджиев Г.А. Юридическая картина мира: лекция // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2017. - № 2. - С. 7-13.

САМОХИНА Анна Николаевна

аспирант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

В статье представлен анализ факторов, которые оказывают влияние на современную систему корпоративного управления в кредитных организациях. Автором сформулированы ориентиры для реформирования управления и контроля в кредитных организациях, направленные на обеспечение долгосрочного успешного развития кредитной организации. Представленные в настоящей статье рекомендации в области корпоративного управления будут полезны любым хозяйствующим субъектам, заинтересованным в усилении своих конкурентных преимуществ и инвестиционной привлекательности.

Ключевые слова: кредитная организация, корпоративное управление, внутреннее управление, устойчивое развитие, цели устойчивого развития, ESG-факторы.

SAMOKHINA Anna Nikolaevna

postgraduate student of the Financial University under the Government of the Russian Federation

TRENDS AND PROSPECTS FOR IMPROVING CORPORATE GOVERNANCE IN CREDIT ORGANIZATIONS

The article presents an analysis of the factors that influence the modern system of corporate governance in banks. The author created guidelines for reforming internal governance and control in banks that ensuring the long-term successful development. The recommendations presented in this article will be useful to any economic entities, that interested in strengthening their competitive advantages and investment attractiveness.

Keywords: bank, corporate governance, internal governance, sustainable development, sustainable development goals, ESG factors.

От эффективности деятельности кредитных организаций во многом зависит стабильность гражданского оборота и денежное обращение. Этим обусловлено пристальное внимание со стороны государства к кредитным организациям и их внутреннему управлению.

Деятельность кредитных организаций, как профессиональных участников финансового рынка, имеет большое социальное значение для общества. Вместе с тем, сегодня роль кредитных организаций не ограничивается предоставлением банковских продуктов и услуг. Теперь общество пристально следит за деятельностью компаний в целом: их миссией, стратегией развития, а также отношением к социальным и экологическим проблемам. Все это порождает новые тенденции в организации управления и контроля в кредитных организациях.

Правовую основу деятельности кредитных организаций в Российской Федерации составляет Конституция Российской Федерации и федеральное законодательство. Общие положения законодательства применяются с учетом специального правового регулирования. Однако особое значение в регулировании банковского сектора занимают акты Банка России (подзаконные нормативно-правовые акты и рекомендательные письма). Именно Банк России как мегарегулятор финансового рынка в Российской Федерации содействует внедрению новых передовых стандартов корпоративного управления, тем самым обеспечивая высокий уровень эффективности российской банковской системы. Значимым событием для корпоративного управления в Российской Федерации стала разработка Банком России Кодекса корпоративного управления, который несмотря на свой рекомендательный характер, используется организациями как образец для преобразования системы управления и контроля.

Исходя из положений статьи 1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», кредитные организации в Российской Федерации являются корпоративными

коммерческими юридическими лицами¹. Следовательно кредитным организациям присущ высокий уровень самоорганизации своей деятельности. Особенности организации системы управления и контроля в кредитных организациях, а также предъявляемые к ним специальные требования направлены на поддержание доверия к российскому финансовому рынку и обеспечение устойчивости таких организаций даже в непростых экономических и политических условиях.

Отличительной чертой корпоративного управления в кредитных организациях является высокий уровень профессионализма и ответственности ключевых руководящих работников. Назначение ряда категорий должностных лиц кредитной организации осуществляется только с согласия Банка России, который осуществляет оценку соответствия таких лиц повышенным квалификационным требованиям и требованиям, предъявляемым к деловой репутации². Такие лица

1 Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395-1 (ред. от 14.07.2022 г.) «О банках и банковской деятельности» // Российская газета, 1996. – 10 февраля. – № 27.

2 Положение Банка России от 27.12.2017 г. № 625-П (ред. от 11.06.2020 г.) «О порядке согласования Банком России назначения (избрания) кандидатов на должности в финансовой организации, уведомления Банка России об избрании (прекращении полномочий), назначении (освобождении от должности) лиц, входящих в состав органов управления, иных должностных лиц в финансовых организациях, оценки соответствия квалификационным требованиям и (или) требованиям к деловой репутации лиц, входящих в состав органов управления, иных должностных лиц и учредителей (акционеров, участников) финансовых организаций, направления членом совета директоров (наблюдательного совета) финансовой организации информации в Банк России о голосовании (о непринятии участия в голосовании) против решения совета директоров (наблюдательного совета) финансовой организации, направления запроса о предоставлении Банком России информации и направления Банком России ответа о наличии (отсутствии) сведений в базах данных, предусмотренных статьями 75 и 76.7 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федера-

несут полную ответственность за выбранные направления развития организации, а также достигнутые ею результаты.

Одной из главных тенденций, оказывающих значительное влияние на корпоративное управление и внутренний контроль в кредитных организациях, является оценка обществом вклада организации в достижение общественно полезных целей. На Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2020 году было провозглашено, что организации должны служить не только интересам акционеров и инвесторов, но и обществу в целом. В контексте данного вопроса можно отметить появления термина «корпоративная социальная ответственность», которая направлена на формирование бизнес-сообществом культуры ведения хозяйствования и в конечном счете обеспечивает экологическое и социальное благополучие гражданского общества [1, с. 34]. Новая парадигма ведения экономической деятельности была заложена на международном уровне Организацией Объединенных Наций в задекларированных ею целях устойчивого развития [3]. Банк России определяет «устойчивое развитие» как новую концептуальную трехмерную модель развития мировой системы по трем ключевым направлениям: экономическому, социальному и экологическому³. Цели устойчивого развития являются прообразом для активно используемых сегодня ESG-факторов, под которыми понимаются ключевые факторы, связанные с окружающей средой (Environmental), обществом (Social) и корпоративным управлением (Governance)⁴. Уже сегодня в рамках инвестиционной деятельности инвесторы активно анализируют компании-эмитенты на предмет приверженности ESG-факторам и целям устойчивого развития. Таким образом, можно прогнозировать перераспределение капиталов между социально и экологически ответственными участниками рыночных отношений, использующими наилучшие стандарты корпоративного управления.

Главной задачей для кредитных организаций, как и для других хозяйствующих субъектов, становится внедрение стратегии устойчивого развития и учета ESG-факторов в свою систему управления и контроля. В связи с этим, предлагаем выделить следующие ориентиры, направленные на достижение кредитными организациями высокого уровня корпоративного управления и контроля, отвечающего современным потребностям:

1. *Отражение целей устойчивого развития и ESG-принципов во внутренних актах организации, определяющих систему ее корпоративного управления.*

Финансовая организация должна провести анализ своих внутренних документов на предмет соответствия вопросам устойчивого развития, и при необходимости обеспечить их актуализацию. Так, Банк России рекомендует участникам финансового рынка провести пересмотр стратегии деятельности с учетом потенциального влияния климатических рисков в долгосрочном периоде⁵.

К внутренним документам организации, в которых стоит отразить ESG-факторы и вопросы устойчивого развития, относятся: кодекс корпоративного управления, кодекс делового поведения (этический кодекс), политика информационной безопасности, антикоррупционная политика, политики по вознаграждению, политики по управлению рисками и внутреннему контролю и другие.

2. *Создание механизмов участия заинтересованных лиц в управлении и контроле в кредитной организации.*

Достижение устойчивого развития относится к сфере взаимных интересов широкого круга лиц. Для ESG-трансформации деятельности кредитной организации необходимо оценить запросы и ожидания различных категорий заинтересованных лиц, а также восприятие ими деятельности организации.

В процессе выработки и реализации организацией конкретных целей и задач, являющихся воплощением ЦУР, Банк России рекомендует осуществлять взаимодействие с широким кругом заинтересованных лиц, куда входят акционеры и инвесторы, потребители, деловые партнеры, работники, органы государственной власти и местного самоуправления, научное и экспертное сообщество, общественные организации, средства массовой информации и другие⁶.

3. *Преобразование системы управления и контроля в организации для обеспечения полноценного учета ESG-факторов.*

Каждая кредитная организация выстраивает свою систему корпоративного управления, специфика которой зависит от организационно-правовой формы организации (акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью), степени влияния акционеров (участников) на ее деятельность, процесс принятия управленческих решений и других факторов.

Интеграция учета ESG-факторов и вопросов устойчивого развития в систему корпоративного управления финансовой организации требует системного и последовательного подхода со стороны всех органов управления, но наиболее активное участие должен принимать совет директоров⁷.

При интеграции финансовыми организациями учета ESG-факторов в структуру корпоративного управления, необходимо установить четкие и прозрачные корпоративные процедуры и должностные обязанности управляющего персонала, комитетов, рядовых сотрудников в рамках действующего бизнес-процессов, учитывать ESG в функциях внутреннего контроля [2, с. 34].

В крупных компаниях при совете директоров рекомендуется сформировать специализированный комитет по устойчивому развитию. При отсутствии такого комитета, компетенция комитетов при Совете директоров должна быть дополнена конкретными полномочиями в области ESG-факторов и устойчивого развития. Также стоит отметить практику создания в организациях отдельного структурного подразделения или специального должностного лица (например, директор по устойчивому развитию), координирующего вопросы в области устойчивого развития. Целесообразность такого подхода должна соизмеряться с масштабами и характером деятельности организации.

4. *Обновление политики вознаграждения ключевых руководящих лиц кредитной организации.*

ции (Банке России)», а также о порядке ведения таких баз» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.03.2018 № 50438) // Вестник Банка России, 2018. – 13 апреля. – № 30-31.

3 Информационное письмо Банка России от 16.12.2021 г. № ИН-06-28/96 «О рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития» // Вестник Банка России, 2021. – 22 декабря. – № 90.

4 Информационное письмо Банка России от 16.12.2021 г. № ИН-06-28/96 «О рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития» // Вестник Банка России, 2021. – 22 декабря. – № 90.

5 Информационное письмо Банка России от 17.08.2022 г. № ИН-015-38/64 «Об учете климатических рисков в деятельности отдельных участников финансового рынка» // Вестник Банка России, 2021. – 25 августа. – № 60.

6 Информационное письмо Банка России от 16.12.2021 г. № ИН-06-28/96 «О рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития» // Вестник Банка России, 2021. – 22 декабря. – № 90.

7 Информационное письмо Банка России от 16.12.2021 г. № ИН-06-28/96 «О рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития» // Вестник Банка России, 2021. – 22 декабря. – № 90.

Политика вознаграждения членов исполнительных органов и ключевых работников организации должна быть ориентирована на достижение долгосрочных целей и задач (создание долгосрочной стоимости), а также включить в себя критерии оценки достижения целей и задач по учету ESG-факторов и вопросов устойчивого развития.

5. Организация управления ESG-рисками.

Учитывая роль и глобальные последствия изменений, происходящих в социальной и экологической сферах, а также их влияние на мировую экономику, участникам финансового рынка рекомендуется отдельное внимание уделять управлению ESG-рисками⁸. Принимая во внимание скорость климатических, политических и социальных изменений организации рекомендуется на постоянной основе пересматривать и обновлять свои методы и процедуры по идентификации, оценке и управлению ESG-рисками.

Организация может выработать свой подход к классификации и оценке рисков, или использовать стандарты и принципы международных организаций или инвестиционные ESG-бенчмарки.

В рамках управления рисками организации следует оптимизировать состав и структуру портфеля активов и инвестиционного портфеля, отказываясь от тех активов, которые могут нести ESG-риски.

6. Раскрытие нефинансовой информации в кредитной организации.

Обязанность организаций-эмитентов ценных бумаг по раскрытию информации предусмотрена Положением Банка России от 27.03.2020 г. № 714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг». Большая часть предусмотренной к раскрытию информации связана с корпоративным управлением. Раскрытию подлежат проспект ценных бумаг, отчет эмитента эмиссионных ценных бумаг, годовой отчет акционерного общества, ряд внутренних документов акционерного общества, а также сведения о существенных фактах. Данный акт имеет своей целью обеспечить информационную прозрачность среди эмитентов ценных бумаг. Вместе с тем указанное Положение, а также иные нормативно-правовые акты не предусматривает обязательного раскрытия информации в области устойчивого развития (нефинансовой информации). Банк России рекомендует организациям самостоятельно определять перечень и объем информации, подлежащей раскрытию, в целях достоверного и полного отражения влияния организации на окружающую среду и социальную сферу (п. 288 Кодекса корпоративного управления)⁹.

Банк России обращает внимание на ценность раскрытия релевантной, полезной и существенной нефинансовой информации об учете организацией ESG-факторов и влиянии хозяйствующего субъекта на окружающую среду, социальную сферу и экономику¹⁰. Нефинансовая информация должна раскрываться ясно, доступно и целостно и позволять сформировать общую картину об деятельности организации.

7. Организация эффективного контроля в кредитной организации.

Совет директоров должен осуществлять периодический контроль за реализацией добровольно принятых на себя организацией целей и задач по учету ESG-факторов и вопросов устойчивого развития, а также выявлять степень реализации внутренних политик и регламентов в указанной области.

Исполнительные органы кредитной организации, а также подразделения, ответственные за внутренний контроль и аудит должны оперативно информировать совет директоров о существенных событиях, связанных с реализацией ESG-рисков.

Вышеперечисленные ориентиры в совокупности отражают смену существующей экономической парадигмы, а именно: переход от создания прибыли с краткосрочным горизонтом планирования для инвесторов и собственников бизнеса к созданию долгосрочной стоимости для всех заинтересованных лиц.

Подводя итог, необходимо отметить, что сегодня общество проявляет повышенное внимание к участию кредитных организаций в достижении общественно-полезных целей. Это обуславливает необходимость трансформации как экономической деятельности организации, так и системы ее управления.

Процесс внедрения ESG-факторов и вопросов устойчивого развития в деятельность кредитной организации должен основываться на эффективной системе корпоративного управления. Кредитной организации следует закрепить в своих внутренних документах цели, задачи и ключевые направления, связанные с ESG-факторами и вопросами устойчивого развития. Важным этапом в переходе к социально и экологически ответственному ведению бизнеса является подготовка нефинансовой отчетности.

Полезность от внедрения целей устойчивого развития и учета ESG-факторов наблюдается в долгосрочной перспективе и при подкреплении таких шагов эффективными механизмами их внедрения.

Пристатейный библиографический список

1. Ершова И. В., Енькова Е. Е., Лаптев В. А. Корпоративная социальная ответственность в системе координат устойчивого развития // Предпринимательское право. – 2022. – № 2. – С. 25-35.
2. Ченчик Я. В. С чего начать учет ESG-рисков в финансовой организации // Финансы. – 2022. – № 2. – С. 33-39.
3. Декларация «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 11.09.2022).

8 Информационное письмо Банка России от 12.07.2021 г. № ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ» // Вестник Банка России, 2021. – 19 июля. – № 48.

9 Письмо Банка России от 10.04.2014 г. № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России, 2014. – 18 апреля. – № 40.

10 Информационное письмо Банка России от 12.07.2021 г. № ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ» // Вестник Банка России, 2021. – 19 июля. – № 48.

СПЕКТОР Асия Ахметовна

доктор юридических наук, профессор Российского университета транспорта

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СТАТУСА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ И САМОЗАНЯТОГО ЛИЦА

В статье рассмотрены актуальные аспекты правового регулирования статусов индивидуальных предпринимателей и самозанятых. На текущий момент в статусе самозанятых присутствует ряд заметных изъянов, так как они не несут обязанностей по уплате социальных взносов, а на осуществление их деятельности наложены некоторые ограничения. По существу, налог на профессиональный доход является тактической мерой, призванной легализовать деятельность значительного количества работающих граждан. Однако в перспективе сближение статуса самозанятого со статусом индивидуального предпринимателя представляется неизбежным. Как и положение самозанятых, неверно рассматривать правовой статус индивидуальных предпринимателей через призму правового статуса юридических лиц, так как в этом случае их статус не раскрывается полностью, смешивается со статусом хозяйствующих субъектов. В статье сделан вывод о перспективе сближения налога на профессиональный доход с упрощенной системой налогообложения.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, налоговый режим, самозанятое лицо, профессиональный доход.

SPECTOR Asiya Akhmetovna

Ph.D. in Law, professor of the Russian University of Transport

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF THE STATUS OF AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR AND A SELF-EMPLOYED PERSON

The article discusses the current aspects of the legal regulation of the status of individual entrepreneurs and the self-employed. At the moment, there are a number of noticeable flaws in the status of the self-employed, since they do not have obligations to pay social contributions, and some restrictions are imposed on the implementation of their activities. In essence, the tax on professional income is a tactical measure designed to legalize the activities of a significant number of working citizens. However, in the future, the convergence of the status of self-employed with the status of an individual entrepreneur seems inevitable. Like the situation of the self-employed, it is wrong to consider the legal status of individual entrepreneurs through the prism of the legal status of legal entities, since in this case their status is not fully disclosed, mixed with the status of economic entities. The article concludes about the prospect of convergence of the professional income tax with the simplified taxation system.

Keywords: entrepreneurial activity, tax regime, self-employed person, professional income.

Установление особого правового режима для самозанятых лиц в Российской Федерации стало принципиально новым явлением для отечественной правовой системы. Вместе с тем, следует признать, что правовой статус самозанятых отличается наличием заметных пробелов и недостатков, осложняющих его отграничение от правового статуса индивидуального предпринимателя. Термин «самозанятое лицо» широко употребляется как в официальных источниках, так и среди населения страны. При этом сам термин законодательством не трактуется единообразным образом. С позиции налогового законодательства самозанятые граждане все-таки различаются от индивидуальных предпринимателей, так как они лично осуществляют свою трудовую деятельность. Индивидуальный предприниматель же имеет право нанимать по трудовому договору работников, которые выполняют работу по указанию индивидуального предпринимателя.

Распоряжением Правительства РФ от 27 января 2015 г. № 98-р [3] образована патентная система налогообложения для самозанятых лиц. В патенте обозначен срок возможного осуществления деятельности. На этот срок лицо, приобретшее патент, становится самозанятым. По истечении срока действия патента статус самозанятого лица устраняется. Существует возможность продления срока осуществления деятельности по патенту и лицо опять становится самозанятым. Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) [2] характеризует самозанятое лицо, прежде всего, как физическое лицо. Это пересекается с главой 3 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], где рассмотрены положения о возможности ведения отдельных видов предпринимательской деятельности гражданами без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Однако гражданское законодательство

отграничивает индивидуальных предпринимателей от самозанятых. Самозанятые получают доход от личного выполнения работ и использования личного имущества. При осуществлении деятельности не должны привлекаться третьи лица и с ними не должны заключаться трудовые договоры. Сами самозанятые не могут заключать трудовой договор на выполнение работ.

Таким образом, законодатель напрямую не перечислил виды деятельности самозанятых, а указал виды деятельности, выполнение которых не попадает под действие закона. То есть, если гражданин выполняет какую-либо работу, не входящую в предложенный перечень, то он может считаться самозанятым, если конечно пройдет процедуры получения статуса самозанятого. Самозанятый не платит страховых взносов, хотя сохраняет право на медицинское обслуживание [5, с. 80].

Значимой обязанностью самозанятых граждан является выдача чека своим клиентам. Именно чек является основанием для начисления налога, который автоматически считается в ФНС России, а самозанятый видит его в приложении «Мой налог». Чек является документом, который подтверждает факт взаимодействия клиента с самозанятым гражданином. Что касается налоговых проверок, то ФНС России официально ввела запрет на сплошные проверки самозанятых. Улучшая законодательство, регламентирующее правовой статус рассматриваемого субъекта предпринимательской деятельности, государство упорядочивает и другие гражданско-правовые отношения, способствуя тем самым более эффективной реализации прав и выполнения прописанных в законе обязанностей субъектами предпринимательской деятельности, что в свою очередь, способствует повышению эффективности экономики в целом. Однако ни в теории гражданского

права, ни в гражданском законодательстве нет единого и систематизированного подхода к понятию гражданско-правового статуса индивидуального предпринимателя и его элементов.

На сегодняшний день в законодательстве отсутствует легально закрепленное понятие «индивидуальный предприниматель». Это порождает разночтения его трактовки законодательными органами и правоприменителями. Также индивидуальные предприниматели сегодня не обладают самостоятельной правосубъектностью. Их статус, с одной стороны, приравнивается к физическим лицам, в других случаях – к юридическим лицам. Правовой статус лица, занимающегося индивидуальной предпринимательской деятельностью, имеет двойственный характер – с одной стороны индивидуальный предприниматель имеет правовой статус физического лица, с другой стороны, является субъектом предпринимательских отношений. Приравнивание статуса индивидуальных предпринимателей к статусу коммерческих организаций обусловлено тем, что в действующем гражданском законодательстве наблюдается дефицит норм, регламентирующих индивидуальную предпринимательскую деятельность.

На сегодняшний день правовая регламентация правового статуса и правосубъектности индивидуального предпринимателя является недостаточной и требует дальнейшего совершенствования. Это доказывает тот факт, что на сегодняшний день в гражданском законодательстве отсутствует легальное закрепление термина «индивидуальный предприниматель». Права и обязанности индивидуальных предпринимателей, которыми они наделяются в рамках своего гражданско-правового статуса, носят специальный характер. Их объем выходит за рамки стандартных прав и обязанностей, наделяемых физическими лицами для участия в гражданских правоотношениях.

Общие гражданские права, присущие всем индивидуальным предпринимателям, следующие:

– право свободно применять свои личные способности и использовать свое имущество в предпринимательских целях.

Следует отметить, что материальная ценность имущества, используемого для целей предпринимательства, а также объем правомочий в отношении него, зачастую являются более широкими у предпринимателей, чем объем имущественных правомочий у обычных физических лиц. Материальными активами индивидуального предпринимателя нередко могут быть средства производства, участки земли, различные имущественные комплексы.

– в трудовой деятельности лицо, осуществляющее индивидуальную предпринимательскую деятельность, обладает правом найма работников по собственному усмотрению, т.е. выступает как работодатель.

– право свободно заключать гражданско-правовые договоры с контрагентами;

– право осуществлять не запрещенную законом коммерческую деятельность с целью извлечения прибыли, что законодательством запрещено обычным физическим лицам.

Рассматривая административные права и обязанности индивидуальных предпринимателей, необходимо упомянуть об имеющихся проблемах в этой области, которые на сегодняшний день не урегулированы на законодательном уровне. Во-первых, это отсутствие единой терминологии в законодательных актах, посвященных специфике различных видов прав индивидуальных предпринимателей. Во-вторых, обязанности индивидуальных предпринимателей в области государственного управления четко не урегулированы в одном конкретном законодательном акте, а разбросаны по различным нормативным предписаниям, обладающим разной юридической силой и содержащимися в различных отраслях права. И, в-третьих, юридические ограничения общих и специальных прав индивидуального предпринимателя не имеют систематизации.

Вышеизложенное позволяет увидеть ситуацию, при которой в одних случаях правоограничения устанавливаются законом, а в других – подзаконными нормативно-правовыми актами, установленными для определенных видов пред-

принимательской деятельности, что создает трудности и запутанность правоприменительной практики, особенно для индивидуального предпринимателя, как правило, не имеющего юридического образования.

Меры гражданско-правовой ответственности самозанятых и защиты граждан, занимающихся индивидуальной предпринимательской деятельностью, основываются, с одной стороны, на общепринятых гражданско-правовых положениях об ответственности и защите, с другой стороны, законодатель принимает во внимание некоторые особенности, присущие правовой регламентации деятельности индивидуальных предпринимателей. Индивидуальный предприниматель, не выполнивший или ненадлежаще исполнивший взятое на себя обязательство, подлежит гражданско-правовой ответственности, если не сможет доказать, что не мог выполнить в полной мере взятое на себя обязательство из-за воздействия обстоятельств непреодолимой силы (например, когда отсутствуют необходимые товары или материальные средства (п. 1-3 ст. 401 ГК РФ)).

Полагаем, что ограниченная ответственность граждан, занимающихся индивидуальной предпринимательской деятельностью, вполне обоснована, так как в таких случаях накладываются довольно большие риски. Ответственность индивидуальных предпринимателей за причиненный деликтный вред установлен главами 25 и 59 ГК РФ. К мерам внедоговорной ответственности относятся: возмещение убытков, взыскание процентов, а также компенсация морального вреда. Требуется расширение содержания правового статуса самозанятых, а также предоставление аналогичного перечня социальных гарантий, которые предусмотрены для индивидуальных предпринимателей [4, с. 43].

Исходя из вышеизложенного, представляется необходимым сделать следующие выводы. Ключевой проблемой разграничения правовых статусов индивидуального предпринимателя и самозанятого является отсутствие надлежащего понимания природы коммерческой деятельности самозанятых лиц, которая носит преимущественно предпринимательский характер. В реальности налоговый режим самозанятых является установление дополнительных ограничений на ведение предпринимательской деятельности. Перспективным направлением совершенствования статуса самозанятых является закрепление за ними обязанностей по уплате социальных страховых взносов и устранение лимитов на получаемый доход, что позволит сблизить данный налоговый режим с упрощенной системой налогообложения.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; № 32. – 05.12.1994. – Ст. 3301.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства РФ. – № 31. – 03.08.1998. Ст. 3824; – № 31. – 03.08.98. – Ст. 3824.
3. Распоряжение Правительства РФ от 27.01.2015 № 98-р (ред. от 16.07.2015) «Об утверждении плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году» // Российская газета. – № 19. – 02.02.2015.
4. Гудяева Л. А., Корунова В. О., Прыгунова М. И. Ретроспективный анализ системы налогообложения российских предпринимателей и самозанятых граждан: от перестройки к современным реалиям // Электронный экономический вестник Татарстана. – 2019. – № 3. – С. 38-45.
5. Семенова Г. Н. Налог на самозанятых для физических лиц и индивидуальных предпринимателей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. – 2021. – № 2. – С. 77-88.

СУКИАСЯН Назели Гарниковна

доктор юридических наук, доцент кафедры общественно-научных исследований Армянского государственного экономического университета

ОСОБЕННОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Данная научная статья посвящена очень актуальной теме. Автор статьи отмечает, что государственное управление непосредственно связано как с юридическими, так и с физическими лицами, а также предполагает наличие конкретных принципов наличия с ними. В частности, в статье выделены права государства на осуществление совершенно новых функций, таких как: продвижение инвестиций, создание благоприятной конкурентной среды в данной сфере и так далее. Автором отмечается тот факт, что посредством метода публично-правового регулирования предпринимательской деятельности государство осуществляет защиту собственных субъектов и внутреннего рынка от внешних экономических вторжений. Обобщая вышесказанное автор научной статьи отмечает важность исследований публично-правового регулирования отношений, возникающих в сфере создания материальных благ государства и хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, публично-правовое регулирование, рыночный механизм, государство, хозяйствующие субъекты, управление экономикой, исполнительная власть, государственный контроль, надзор, материальные ценности.

SUKIASYAN Nazeli Garnikovna

Ph.D. in Law, associate professor of Social studies sub-faculty of the Armenian State University of Economics

FEATURES AND EFFECTIVENESS OF PUBLIC LEGAL REGULATION OF BUSINESS ACTIVITY IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

The scientific article is devoted to a very relevant topic. The author of the article notes that public administration is directly related to both legal entities and individuals, and also assumes the existence of specific principles of existence with them. In particular, the article highlights the rights of the state to carry out completely new functions, such as: promoting investments, creating a favorable competitive environment in this area, and so on. The author notes the fact that through the method of public law regulation of entrepreneurial activity, the state protects its own entities and the domestic market from external economic intrusions. Summarizing the above, the author of the scientific article notes the importance of research on public law regulation of relations arising in the field of creating material wealth of the state and business entities.

Keywords: entrepreneurial activity, public law regulation, market mechanism, state, business entities, economic management, executive power, state control, supervision, material values.

В условиях рыночного механизма управление экономикой является одной из важнейших функций государства. Государство обеспечивает правовую основу решений, принимаемых в сфере управления экономикой, защищает национальные экономические интересы, гарантирует свободу экономического процесса, экономическую конкуренцию и создает благоприятные условия для предпринимательской деятельности. Общественные отношения, возникающие при вмешательстве государственной власти в осуществление предпринимательской деятельности в данной сфере, составляют предмет правового регулирования этой подотрасли.

Государственное управление непосредственно связано как с юридическими, так и с физическими лицами и предполагает наличие определенных принципов общения с ними.

В условиях рыночной экономики в силу ее особенностей происходит трансформация функций государства и органов государственного управления. Необходимость государственного вмешательства в экономику, а также в предпринимательскую деятельность прежде всего обусловлена обострением тех экономических и социальных проблем, которые не могут быть решены самопроизвольно на основании частной собственности. В то же время существуют такие сферы предпринимательской деятельности, которые не могут эффективно функционировать без регулирования и поддержки со стороны государства. Это обусловлено тем обстоятельством, что

некоторые сферы деятельности находятся вне досягаемости рыночных механизмов.

Задача участия государства в управлении экономикой должна заключаться в соразмерной защите как интересов хозяйствующих субъектов, так и общественных интересов. Общественные интересы заметны, например, когда рамки потребления имеют достаточно широкий охват. Это, в частности, касается тех товаров и услуг, которыми могут пользоваться все члены общества, независимо от того, заплатил ли отдельный член общества за их использование или нет.

Рынок не в состоянии производить "общественные блага", потому что очень сложно измерить "полезность", получаемую каждым членом общества при потреблении "общественного блага". Соответственно невозможно установить, сколько должен платить каждый человек за пользование "общественным благом" [3, с. 187]. Очевидно, что государство должно взять на себя их производство, поддерживать и регулировать этот бизнес-процесс и организовывать их совместную с гражданами оплату. Трансформация функций органов государственного управления сузила рамки применения таких предыдущих функций, как государственное планирование и ценообразование.

В настоящее время они реализуются государственными органами настолько, насколько это касается результатов государственной экономической деятельности, за исключением сферы общественных услуг, где тариф устанавливается по

согласованию с Комиссией по регулированию общественных услуг.

В условиях новой экономической системы применяются следующие функции: а) создание правовой основы экономической деятельности; б) регулирование антимонопольной деятельности; в) ведение политики макроэкономической стабилизации; г) регулирование распределения ресурсов; д) перераспределение доходов; е) расширение полномочий и рамок деятельности государства как субъекта имущественных отношений.

Сегодня, параллельно с укреплением рыночных отношений, государство получило право осуществлять совершенно новые функции. Это:

- 1) разработка и реализация программ стратегии развития отрасли и целевых комплексных программ;
- 2) расширение объемов производства товаров и новых видов продукции;
- 3) нормативно-правовое регулирование экономических отношений;
- 4) продвижение инвестиций;
- 5) создание благоприятной конкурентной среды в данной сфере.

Современные стандарты государственного управления экономикой и их эволюция обусловлены многогранными процессами изменения социально-экономических и политических систем.

В современных условиях государство призвано осуществлять такую экономическую и социально-культурную политику, которая отражает различные общественные интересы.

Регулирование рынка без вмешательства государства может сопровождаться такими стихийными процессами, вредоносное воздействие которых может иметь разрушительные последствия для экономики.

Государство не против рыночной экономики. Оно обладает значительными способствующими эффективному развитию экономики возможностями, которые призваны предотвращать негативные последствия монополии, особенно естественной монополии, а также в других необходимых случаях вводить те или иные ограничения и устанавливать соответствующие режимы хозяйствования.

Посредством методов публично-правового регулирования предпринимательской деятельности государство осуществляет защиту интересов собственных хозяйствующих субъектов и внутреннего рынка от внешних экономических вторжений, что с таким же успехом не могут делать хозяйствующие субъекты.

При анализе механизма государственного управления экономикой, исходя из отраслевой и межотраслевой структуры, не следует противопоставлять друг другу два основных метода – метод “управления” и метод “регулирования”.

Практическая реализация метода государственного управления экономикой с юридической точки зрения носит регулятивный характер. Административно-командное регулирование государственного управления экономикой, как метод управления, следует рассматривать как комплекс правовых методов и приемов, совокупность свободы и порядка, законности и творчества, субъективности и объективности, целесообразности и эффективности.

Регулирование – это комплексные действия хозяйствующих субъектов и процесса управления рынком. Это неотъемлемая часть управления.

Государственное регулирование рынка и предпринимательства можно рассматривать в широком и узком смыслах.

В широком смысле это правовое регулирование государством общественных отношений, возникающих в результате предпринимательской деятельности в сфере экономики. С этой точки зрения его субъектами являются законодательные и исполнительные органы государственной власти, а также юридические и физические лица, частные предприниматели и граждане.

В узком смысле государственное регулирование в сфере экономики является одним из функциональных методов государственного управления хозяйствующими субъектами. В настоящее время эта функция имеет весьма важное значение в регулировании предпринимательской деятельности.

Каждый орган исполнительной власти осуществляет государственное управление предприятием, в структуре которого в большей или меньшей степени представлены элементы государственного регулирования в этой сфере: закон, государственная регистрация хозяйствующих субъектов или выдача лицензий.

В целях формирования устойчивой системы управления в сфере государственного управления экономикой большое значение придается установлению государственного контроля и финансовой дисциплины.

Одним из важнейших методов управления экономикой является **контроль**. Он является неотъемлемой частью системы управления и направлен на выявление нарушений законности и отклонений от установленных критериев. Общественный контроль направлен на контролирование эффективности экономической и финансовой деятельности и способов экономии материальных ресурсов. Это дает возможность принимать руководящие меры, разоблачать виновных в коррупции и взяточничестве в сфере экономики и привлекать виновных к ответственности, получать компенсацию за причиненный ущерб, а также принимать меры для предотвращения или сокращения подобных нарушений.

Наиболее широким направлением государственного вмешательства в публично-правовое регулирование предпринимательской деятельности **является организация контроля и надзора**, учет и проверка товарно-материальных ценностей. Для понимания особенностей публично-правового регулирования подотрасли особое практическое значение имеет разделение содержания понятий “контроль” и “надзор”.

Контроль и надзор рассматриваются в юриспруденции как государственный метод осуществления деятельности государственных органов. Хотя эти термины в сфере производственно-экономической деятельности государства носят общий характер, тем не менее они различаются по своему целевому характеру.

Контроль – это более широкая и объемная деятельность, осуществляемая вышестоящими органами в отношении нижестоящих органов, инфраструктурных подразделений и их должностных лиц для реализации выдвинутых последними экономических задач. Контроль направлен на обеспечение законности, предупреждение нарушений товарного производства, финансовой дисциплины, применение мер государственного принуждения к виновным лицам. Одной из особенностей контроля является то, что он включает в себя те процессы осуществления полномочий отраслевых органов управления, которые направлены на обеспечение законности деятельности субъектов одной системы, организационно подчиненных данному органу.

Правовая особенность надзора заключается в том, что исключается возможность подчинения одного из участников

деятельности другому участнику, чего нельзя утверждать в случае контроля.

Контроль и надзор – это методы осуществления исполнительной и распорядительной деятельности органов государственного управления. Целью является обеспечение законности деятельности хозяйствующих субъектов в сфере материального производства.

Посредством контроля устанавливается, какая деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, их должностных лиц и граждан осуществляется с нарушением требований финансовых, налоговых, бюджетных, банковских и иных правовых актов в ходе распределения, перераспределения и перемещения товарно-материальных ценностей в сфере предпринимательской деятельности.

Контроль по своему содержанию является государственным методом и осуществляется от имени государства посредством применения государственно-властного принуждения.

В Республике Армения государственный контроль осуществляется всеми органами государственной власти, реализующими свою деятельность в сфере контроля на основании конституционного принципа разделения законодательной, исполнительной и судовой власти.

Что касается специальных контрольных и надзорных органов, то последние могут осуществлять контроль за специализированной деятельностью в отрасли производства, промышленности, сельского хозяйства и в конкретных межотраслевых областях.

Например, орган управления, обладающий особой компетенцией, может осуществлять налоговый контроль за деятельностью организационно не подчиняющегося ему отраслевого органа управления, подведомственных ему юридических лиц, а также за деятельностью организаций, координируя и регулируя их самые различные производственно-экономические сферы.

Контроль включает также те процессы реализации полномочий отраслевого органа управления, которые направлены на поддержание законности деятельности субъектов одной системы, организационно подчиненных данному органу. Предметом внутреннего подведомственного контроля могут быть все направления деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и гражданских лиц.

На практике контроль осуществляется разными способами, в чем и выражается сущность контроля.

Цель государственного контроля – добиться того, чтобы исполнение финансовых, бюджетных, банковских и налоговых обязательств всех подконтрольных организаций, их должностных лиц и граждан не только соответствовало требованиям правовых актов, но и по своей сути было целенаправленным и эффективным.

Государственный контроль включает в себя элементы, которые используются для разных целей. Речь идет о проверке исполнения, об исполнении поручений, инструкций, иных требований, предъявляемых вышестоящим налоговым органом [2, с. 287].

Проверка движения (передвижения) производства материальных благ, выполнение обязательств по реализации являются теми элементами государственного контроля, которые ежедневно в ходе оперативного управления обеспечивают организацию процесса перемещения товарно-материальных ценностей и своевременное и надлежащее исполнение заданий. То есть проверка исполнения приводит к оценке

фактического состояния исполнения решений, поручений, заданий государственных органов.

Надзор, так же как и контроль, считается составной частью государственного управления, средством обеспечения и поддержания законности и дисциплины.

В зависимости от состава контролируемых субъектов контрольную (надзорную) деятельность можно отнести к общему административному контролю. Причем налоговому надзору как виду административного надзора сегодня придается особое значение.

Как при административном, так и при налоговом надзоре, как отмечалось, исключается возможность подчинения одного из участников данной деятельности (государственного органа) другому участнику, чего нельзя утверждать при осуществлении контроля. Налоговый надзор – это метод обеспечения законности, который осуществляется за деятельностью организационно не подчиненных физических и юридических лиц в целях обеспечения и соблюдения правил, закрепленных в налоговых правовых актах.

Помимо финансирования иных государственных нужд по текущим, среднесрочным и долгосрочным программам, связанным с осуществляемыми в настоящее время в Республике Армения экономическими реформами, в качестве новых форм государственной поддержки предпринимательской деятельности действующее экономическое законодательство устанавливает также меры по оказанию финансовой помощи тем хозяйствующим субъектам и отраслям, деятельность которых, с одной стороны, является жизненной необходимостью для удовлетворения общественных интересов, а с другой стороны, осуществление предпринимательской деятельности невозможно без предоставления финансовых средств. Финансовая помощь оказывается путем финансирования определенных расходов организации или отрасли, что осуществляется путем предоставления дотаций, субсидий, субвенций как муниципалитетам, так и отдельным хозяйствующим субъектам. В целях обеспечения гармоничного развития муниципалитетов, юридических лиц и иных хозяйствующих субъектов расходы государственного бюджета касательно бюджетов муниципалитетов предусматриваются по принципу финансового выравнивания, что подразумевает безвозмездное и безвозвратное предоставление денежных средств для покрытия текущих расходов муниципалитетов в виде дотаций финансового выравнивания.

Муниципалитет, как особое юридическое лицо, нельзя обязать направить выделенные по принципу финансового выравнивания финансовые средства на осуществление конкретных расходов.

Общая сумма дотаций (включая размер компенсации, предоставленной государством муниципалитетам в данном году в соответствии со статьей 67 Закона РА “О местном самоуправлении”), выделенных из государственного бюджета муниципалитетам по принципу финансового выравнивания, исчисляется на основе не менее чем 4 процентов от совокупности фактических доходов бюджета Республики Армения во втором бюджетном году, предшествующем данному году.

Порядок исчисления и выделения бюджетам муниципалитетов дотаций по принципу финансового выравнивания устанавливается законом.

К расходам государственного бюджета также могут быть отнесены выделяемые бюджету муниципалитетов:

а) иные дотации – денежные средства, выделяемые в целях обеспечения финансирования текущих расходов муниципального бюджета, не связанные с реализацией каких-

либо целевых расходов (программ), предоставляемые на безвозмездной и безвозвратной основе;

б) субвенции – денежные средства, предоставляемые на безвозмездной и безвозвратной основе на осуществление конкретных целевых расходов (программ), реализуемых муниципалитетом. Правительство Республики Армения вправе взыскать с муниципалитета выделенную ему из государственного бюджета сумму субвенции, потраченную нецелевым образом. Субвенции предоставляются в порядке, установленном Правительством Республики Армения.

Субвенция, в отличие от дотации, должна иметь строго целевое назначение и быть использована в течение установленного срока.

По своей экономической направленности субвенции могут быть текущими и инвестиционными. Текущие субвенции, выделяемые из бюджета, предусмотрены для выравнивания за счет бюджетов административно-территориальных субъектов условий финансирования закрепленных за ними общегосударственных социальных расходов.

Субвенционное финансирование экономической деятельности осуществляется для финансирования инвестиционных затрат, а также иных расходов, направленных на осуществление расширенного воспроизводства, путем предоставления субвенций. Субвенции предоставляются только на инвестиционные программы или проекты, прошедшие проверку. Субвенционное финансирование осуществляется за счет долевого участия государственного и местных бюджетов. Основанием обязательства выплаты субвенции является закон об утверждении бюджета, а также договор, заключенный между органом, предоставившим субвенцию, и получателем. От имени Республики выступает Министерство финансов.

В договоре о предоставлении субвенции должны быть указаны ее цель, объем, получатель, порядок и условия предоставления. Орган, предоставивший субвенцию, вправе контролировать ее использование. Получатель субвенции обязан отчитаться о расходовании субвенции в течение одного месяца после утверждения соответствующего отчета об исполнении бюджета.

Своевременно неиспользованная субвенция или субвенция, использованная не по назначению, должна быть возвращена предоставившему ее органу. В случае нарушения порядка выделения или использования субвенции выделение прекращается.

Возвращаясь к субсидированию государственной поддержки предпринимательской деятельности как виду бюджетного финансирования, отметим, что субсидия – это сумма, выделяемая из государственного бюджета на условиях долевого финансирования определенных целевых расходов на уровнях бюджетной системы.

Виды государственного финансирования предпринимательской деятельности в виде поддержки хозяйствующих субъектов установлены Законом РА “О бюджетной системе”. Здесь впервые были закреплены такие новые финансово-правовые категории, как “бюджетный кредит”, “бюджетные ссуды”, а также “бюджетные гарантии”, которые свидетельствуют о новых правотворческих полномочиях законодательной и исполнительной властей Республики и которые на практике направлены на укрепление бюджетной системы. Они являются экономической гарантией обеспечения осуществления народовластия (местного самоуправления) [1, с. 252].

Согласно действующему законодательству бюджетные кредиты – средства, выделяемые в денежном выражении из

государственного бюджета муниципалитетам и бюджету города Еревана, юридическим и физическим лицам, а также иностранным государствам и международным организациям на принципах возвратности, срочности, оценочности и платности.

По смыслу настоящего Закона бюджетными кредитами считаются также:

а) операции по реоформлению неналоговых обязательств (передача долга) какого-либо юридического лица в отношении государственного бюджета на другое юридическое лицо вследствие регулирования взаимных обязательств нескольких юридических лиц в рамках какой-либо программы, утвержденной Правительством;

б) регрессы, возникающие при выплате бюджетной гарантии;

в) предоставляемые государством в товарном выражении кредиты, погашаемые получателем кредита в денежном выражении по кредитному договору (в размере суммы, погашаемой в денежном выражении)¹.

Бюджетные ссуды – средства, выделяемые в денежном выражении из государственного бюджета и бюджетов муниципалитетов муниципалитету, а также бюджету города Еревана в целях финансирования отдельных программ или расходов на принципах возвратности, оценочности и срочности без принципа платности. Муниципалитетам бюджетные ссуды выделяются с продолжительностью не более шести месяцев и подлежат возврату указанными ссудополучателями в том же бюджетном году.

Бюджетная гарантия – обязательство, гарантирующее надлежащее исполнение долговых обязательств муниципалитета, юридических и физических лиц, а также иностранного государства, международной организации за счет средств государственного бюджета в отношении лица, получившего бюджетную гарантию.

Суммы, обусловленные неисполнением гарантированных долговых обязательств, выплачиваются за счет средств резервного фонда, предусмотренного государственным бюджетом, и отражаются отдельной строкой.

Бюджетная гарантия (гарантийное письмо) составляется в форме отдельного документа и подписывается руководителем государственного уполномоченного органа по управлению государственными финансами или лицом, временно исполняющим его должностные обязанности. Положения о гарантии (гарантийном письме), предусмотренные в других письменных сделках, не имеют правовой силы, за исключением положений, установленных международными договорами Республики Армения.

Порядок выдачи бюджетных гарантий устанавливает Правительство в соответствии с Законом о бюджетной системе. За предоставление бюджетных гарантий (гарантийных писем) в пользу государственного бюджета может взиматься плата.

Общая сумма гарантируемых в данном бюджетном году обязательств (за исключением гарантий, предусмотренных международными договорами, заключенными от имени Республики Армения) не может превышать 10 процентов налоговых доходов государственного бюджета за предшествующий бюджетный год.

При выплате гарантий у Республики Армения возникает право регресса.

1 См.: Закон РА “О бюджетной системе” (пункт 1 статьи 10).

Из анализа законодательных актов публично-правового регулирования предпринимательской деятельности Республики Армения становится очевидным, что государственное финансирование предоставляется на государственные нужды гражданского общества, индивидуальных предпринимателей, а также юридических лиц. Финансирование реализации товаров, выполнения работ и предоставления услуг осуществляется за счет средств государственного бюджета. Финансирование осуществляется Министерством финансов Республики Армения путем перечисления соответствующих средств на банковские счета.

Производство товарно-материальной продукции, необходимой для обеспечения реализации как государственных целевых, так и межгосударственных программ Правительства РА, удовлетворение иных общественных потребностей, а также правительственные программы финансируются за счет средств государственного бюджета.

При утверждении государственного бюджета Правительство представляет Национальному Собранию перечень государственных и межгосударственных целевых программ на утверждение.

На практике обеспечение государственных нужд осуществляется в соответствии с положениями государственного договора, установленного статьей 541 Гражданского кодекса РА. Данные договоры заключают государственные заказчики с гражданами, индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами для обеспечения государственных нужд. В статье 540 Гражданского кодекса РА установлено, что государственными нуждами признаются определяемые в установленном законом порядке потребности Республики Армения, оплачиваемые за счет средств государственного бюджета. Государственные договоры заключаются на конкурсной основе.

Порядок организации и проведения конкурса для удовлетворения государственных нужд, подведения его итогов, а также урегулирования разногласий устанавливается Законом Республики Армения "О закупках"². Закон предусматривает открытый и закрытый конкурсы. Закупки осуществляются посредством открытого конкурса.

Закупки производятся при посредстве уполномоченного органа или юридического лица, уполномоченного Правительством Республики Армения. С победителем конкурса заключается письменный договор в порядке, установленном Законом о закупках.

Самой объемной сферой финансовой поддержки и государственного регулирования предпринимательской деятельности являются финансовые вложения и капитальное строительство. Финансирование экономики включает расходы на решение проблем во всех отраслях промышленности, сельского хозяйства, недропользования, лесного хозяйства, всех видов транспорта и связи, торговли, жилищно-коммунального хозяйства, особенно социально-культурных проблем населения.

Объектами финансирования являются капитальные вложения, увеличение собственных оборотных средств, мероприятия по организации хозяйства, формирование резервов и др. Главное место среди них занимают капитальные вложения, которые главным образом осуществляются в сфере экономики.

Целенаправленное и рациональное использование крупных средств, выделяемых на капитальные вложения, имеет огромное значение, так как одним из важнейших условий высоких темпов воспроизводства и повышения благосостояния народа является постоянный рост капитальных вложений. Намечаются инвестиции в тяжелую промышленность, развитие которой является важнейшей предпосылкой создания материально-технической базы Республики, технического прогресса, повышения обороноспособности страны, увеличения предметов потребления. Растут также капитальные вложения в сельское хозяйство и легкую промышленность.

Помимо финансирования оборотных средств капитальных вложений, хозяйствующим субъектам из бюджета выделяются средства для покрытия практических расходов (затраты на водные каналы, поддержание дорог, проведение ряда сельскохозяйственных мероприятий). На сегодняшний день крестьянским и коллективным крестьянским хозяйствам выделяются средства на проведение полевых работ, строительство животноводческих комплексов, покрытие коммунальных расходов и т.д.

Исследования публично-правового регулирования отношений, возникающих в сфере создания материальных благ государства и хозяйствующих субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, свидетельствуют об эффективности хозяйственно-организационных функций Республики Армения как социального государства.

Пристатейный библиографический список

1. Сукиасян Н.Г. Финансовое право (учебное пособие). - Ереван, 2020. - С. 252.
2. Хачатрян А.Г. Налоговое право. - Ереван: НАН РА «Наука», 2003. - С. 287.
3. Экономика. Учебник под ред. А.И. Архипова, А.Н. Нестеренко, А.К. Большакова. - М.: "Проспект", 1998. - С. 387.

² Закон Республики Армения "О закупках" принят 5 июня 2000 г. См.: Государственный вестник РА 2000/13(111), 22.06.00.

МОСКАЛЕВ Владимир Геннадьевич

аспирант 2 го курса Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

МИРОВОЙ ОПЫТ ВВЕДЕНИЯ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID 19

Современный мир в последние несколько лет претерпел существенные трансформации, вызванные последствиями пандемии covid-19. Этот глобальный катаклизм затронул все сферы общества, и правовая – не исключение. В частности, принятые различными государствами меры по противодействию пандемии не укладывались в «стандартное» правовое положение этих стран, поскольку предполагали ограничение ряда прав человека, где инструментом легитимизации этих мер выступали особые правовые режимы, выражаемые в различных «чрезвычайных ситуациях», «особых положениях», «режиме повышенной готовности» и т.д. В данной статье мы дадим общий обзор основным типам подобных режимов и специфике их реализации и функционирования.

Ключевые слова: особый правовой режим, глобальный катаклизм, рекомендательные меры, императивные меры, чрезвычайные ситуации, ограничение прав и свобод.

MOSKALEV Vladimir Gennadjevich

postgraduate student of the 2nd course of the Institute of the State Service and Management of the RANEPА under the President of the Russian Federation

WORLD EXPERIENCE IN INTRODUCING SPECIAL LEGAL REGIMES DURING THE COVID 19 PANDEMIC

The modern world has undergone significant transformations in the last few years caused by the consequences of the covid-19 pandemic. This global cataclysm has affected all spheres of society, and the legal system is no exception. In particular, the measures taken by various States to counteract the pandemic did not fit into the "standard" legal situation of these countries, since they assumed the restriction of a number of human rights, where special legal regimes, expressed in various "emergency situations", "special provisions", "high alert mode", etc., acted as a tool for legitimizing these measures. In this article we will give a general overview of the main types of such modes and the specifics of their implementation and functioning.

Keywords: Special legal regime, global cataclysm, advisory measures, imperative measures, emergency situations, restriction of rights and freedoms.

Касательно функционирования особых правовых режимов мира в период пандемии необходимо сперва дать определение правовому режиму как таковому. В юридической науке достаточное определение предлагает, С. С. Алексеев, называя правовым режимом «порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования» [1, с. 185]. Полагаю, что наиболее существенным здесь является то, что это правовой режим реализуется в определенных, законодательно установленных условиях, предполагающий начало функционирования иного правового порядка.

К основным признакам правового режима можно отнести его обязательный характер и закрепление в нормативных источниках, наличие обоснованной цели его введения и условий выхода из него, специфический способ правового регулирования, системность и комплексность, а также создания новых условий для реализации правовых интересов его субъектов. Всякий правовой режим предполагает использование определенных средств регулирования, которые могут либо ограничивать права субъектов, либо наоборот – расширять их. [2, с. 28].

Как правило, государствам редко приходится применять особые правовые режимы. Того требует объективная необходимость, и кроме того, особые правовые режимы содержат в себе риск нарушения основных прав и свобод человека, поскольку зачастую имеет ограничительный ха-

актер и меняет привычный конституционный порядок правового регулирования. Это может вызывать в обществе социальные потрясения, и как правило, требуются веские основания для их введения. Однако, обращаясь к фундаментальным положениям закона ряда мировых стран, мы обнаруживаем, что в них зачастую специфика организации правовых режимов прописана весьма туманно и неясно. Иногда это можно объяснить отсутствием для того практической необходимости. К примеру, в Конституции Швеции практически не обнаруживается мест, уделенных правовому обеспечению особых правовых режимов, но и на протяжении последних веков у этой страны не было необходимости их вводить. Фактически, в Швеции наличествует особый правовой режим относительно случая войны, при других ситуациях он вовсе не допускается. Это тенденция является общей для многих государств, где иное правовое положение вводится лишь при случае войны. Конституции же других стран – например России и скандинавских стран, допускают «промежуточные» положения, подразумевающих введение чрезвычайных ситуаций, при которых реализуются определенные правовые ограничения, если это необходимо для продолжения существования самого государства и ее граждан. Кроме того, подобные правовые феномены есть и в странах, географическое расположение которых расположено таких образом, что в них есть риск возникновения чрезвычайных ситуаций, вызванных природными явлениями: вулканы, землетрясение, цунами.

Как правило, в юридической мировой практике введение чрезвычайных ситуаций, не связанных с военным положением, относится к вопросам, иерархично ниже конституционных. Это довольно парадоксально и выглядит как упущение. Ведь особые правовые режимы меняют специфику всей системы права, зачастую затрагивая и те, которые гарантируются конституциями отдельных стран. Но при этом, чаще всего в конституциях это не содержится. Однако, мировой опыт пандемии показал, что специфика правового регулирования особых правовых режимов должна регулироваться на конституционном уровне. Следует полагать, что в течение ближайшего времени соответствующими положениями дополняются Конституции множества стран.

Проблему введения особых правовых режимов можно условно назвать проблемой «чрезвычайного права», и подобная терминология отражена в юридической науке. Развитие конституционных принципов всего мира предполагает и развитие отношений между права человека в «нормальном» состоянии и в «чрезвычайном». Полагается, что принципы введения особых правовых режимов и само существование последних необходимо для того, чтобы базовые права человека и гражданина обеспечивались еще большей охраной. Те правовые ограничения, которые вводятся в особых правовых режимах, являются таковыми лишь в той степени, в которой эти ограничения выступают как временной мерой для защиты более фундаментальных прав человека. В реальной пандемийной практике, это конфликт между базовым правом человека на передвижение и правом на жизнь и здоровье [3, с. 16]. Это находит свое отражение в тезисах международных организаций, которые обосновывали необходимость введения ограничительных мер. К примеру, Европейский суд по правам человека утверждал, что особые правовые режимы необходимы для сохранения «жизни» нации, где безопасность всех граждан обеспечивается лишь тогда, когда обеспечена безопасность каждого отдельного гражданина. Исследователь особых правовых режимов Пчелинцев подтверждает, вопрос введения особых правовых режимов всегда выступает как вопрос соотношения «двух зол» [7, с. 85].

Кроме того, пандемия послужила стимулом для интенсификации юридического толкования сути посягательств на основные права и свободы граждан. Так, институты Совета Европы сделали заявление, где отсутствие квалифицированной медицинской помощи в отношении наиболее нуждающихся групп может отождествляться с «бесчеловечному и унижающему достоинство обращению» [6]. Есть основания полагать, что подобные юридические кейсы станут повсеместными в «постковидном» мире, поскольку пандемия показала необходимость более тонкого правового обеспечения вопросов здравоохранения.

Особые правовые режимы различались от государства к государству. Мы можем говорить о двух типах функций особых правовых режимов, введенных различными странами мира в период пандемии: ограничительные и компенсаторные. При этом эти функции правовыми режимами реализовывались всегда, однако в современности они приобрели особую специфику. К примеру, функция ограничения не имеет больше форму неукоснительного императива, и она не ограничивается запретами лишь на юридическом уровне. Наоборот, отдельные государства делают ограни-

чения условными, предоставляют возможность гражданину самому их преодолеть при условии должной заботы о собственном здоровье, вводя различные сертификаты о вакцинации, qr-кодами и т.д. Компенсаторная функция реализуется на материале государственных мер, призванных поддерживать пострадавшие от пандемии отрасли. Государство предоставляет субсидии, отсрочку от налоговых выплат и т.д., компенсируя тот ущерб, который нанесла пандемия различным отраслям.

Безусловно, особые правовые режимы, введенные различными странами мира в период пандемии – беспрецедентный феномен, не вписывающийся ни в их историческую практику, ни в известные теоретические схемы. По сути, государства всего мира реализовывали правовые меры в экспериментальном режиме. Некоторые исследователи, изучая данную проблему, выделяют «экспериментальные правовые режимы» в особую категорию [5, с. 32]. Особые правовые режима всего мира имеют одно общее свойство – они синтезируют в себе обязательное и рекомендательное.

Важно также понимать, что у особых правовых режимов, введенных в связи с пандемией, есть конкретно очерченная цель преодолеть последнюю. Как правило, правовым обеспечением «чрезвычайного» права в мировой практике занимались органы исполнительной власти в рамках их круга компетенций.

Тем самым, еще одной особенностью особых правовых режимов в период пандемии стала тенденция к увеличению круга полномочий органов исполнительной власти ценой лишения таковых у органов законодательной власти. Однако, и это не ограничивает все изменения в вопросе перераспределения властных ресурсов. Многим странам, в том числе в России, приходилось учитывать эпидемиологическую обстановку внутри отдельных административных образований внутри страны, что делегировались субъектам стран. В целом, это послужило фактором трансформации круга полномочий центральных и региональных властей.

Отдельное внимание стоит уделить предпосылкам особых правовых режимов, выраженных в необходимости соблюдать определенные, научно обоснованные рекомендации, над которыми надстраивается правовое регулирование. Очевидно, этот факт имеет не только социально-политическое, но и теоретико-юридическое значения. Правовые инструменты обеспечения особых правовых режимах должны быть подвергнуты более детальному изучению внутри юридической науки, в частности, в рамках проблемы соотношения диспозитивов и императивов, рекомендательного и нормативного, центрального и регионального.

Проследивая динамику изменений функционирования особых правовых режимов в период пандемии, не сложно заметить, что эта система становится все более хаотичной и неуправляемой. Это определяется, как и тем, что мировой правовой опыт современности не знал механизмов регулирования подобных глобальных катаклизмов, так и не существовало тому релевантных теоретических схем. Кроме того, подобные меры требовали оперативного принятия, что с необходимостью влекло к их недостаточной проработке. Однако, уже к сегодняшнему дню тот хаос, который был еще пару лет назад, приобрел более системный и упорядоченный характер, и мировая практика стала более унифицированной и предсказуемой.

Какие же возможные пути развития правовых механизмов особых правовых режимов? Кроме того, что изменилась сама правовая практика, перенесенный глобальный катаклизм затронул и сами ценностные установки людей, в том числе повлияв и на их правосознание. В частности, некоторые авторы полагают, что в массовом правосознании может зафиксироваться установка, что государство путем введения особых правовых режимов имеет другие цели, и вопрос о том, насколько это соответствует реальности, остается открытым [4, с. 7]. Многие ожидания имели противоположный эффект. В тех государствах, где уровень демократии традиционно считался довольно высоким, особые правовые режимы допускали большее нарушение базовых прав и свобод, чем в государствах, режимы которых не считались демократическими. Яркий тому пример – Франция. К примеру, введенный в ней особый правовой режим предполагал возможность продления ареста для подозреваемых во внесудебном порядке. А в Белоруссии, наоборот, несмотря на авторитарный тип власти, особый правовой режим ограничивался в основном мерами рекомендательного характера, с минимальным ограничением прав и свобод. Однако, некоторые страны вводили особые правовые режимы достаточно демократично и консолидировано. К примеру, Швейцария выносила содержательную часть особого правового режима на всеобщий референдум, с которым согласилось более половины ее граждан.

Полагаю, новые реалии современного мира должны включать в себя модели правового реагирования и регулирования на глобальные катаклизмы, которые должны включать в себя оперативность их применения, а также гибкость их исполнения относительно характера самого катаклизма. Кроме того, в них должны содержаться отчетливые условия и критерии введения особых правовых режимов и их окончания. Необходимо, чтобы эти модели затрагивали как можно больший объем сфер правовой жизни общества, поскольку эффект особых правовых режимов затрагивает их все.

Однако, есть и другая сторона правовой практики во время пандемии, связанная уже не столько с правовым регулированием личной и коллективной эпидемиологической безопасности, сколько с радикальной трансформацией неправовых сфер общества, под которое должно подстраиваться и само право. Особое внимание это проблеме уделяет Хабриева Т. Я., указывая, что эти трансформации связаны с интенсивным процессом цифровизации всех сфер общественной жизни, вызванный необходимостью избегания непосредственных контактов между людьми [8, с. 8]. Очевидно, цифровизация общества не началась вместе с пандемией, но последняя стала катализатором качественного скачка в этих процессах.

Это отразилось и в специфике функционирования государственных органов, образовательных учреждений, и в повседневной коммуникации людей. Практика показала, что функционирование особых правовых режимов может быть реализовано дистанционно. У этого формата есть как и свои преимущества, так и недостатки. Но есть основания полагать, что в силу своей оптимальности и безопасности цифровизация права и общества в целом уже не вернется на то состояние, в котором оно пребывало до начала пандемии, и станет чем-то ординарным.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. - М., 1989. - 288 с.
2. Беляева Г. С. Понятие правового режима в теории права: основные подходы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2012. - Доп. вып. (85). - С. 26-31.
3. Варламова Н. В. Локдаун как способ реагирования на пандемию COVID-19: анализ в контексте Европейской конвенции о защите прав человека // Вестник Санкт-Петербург. ун-та МВД России. - 2020. - № 3 (87). - С. 15-25.
4. Калинин А. М., Засимова Л. С., Колосницына М. Г., Хоркина Н. А. Политика изоляции населения во время пандемии COVID-19: какие стратегии выгодны государству? // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2020. - № 4. - С. 5-12.
5. Макаров В. О. Экспериментальные правовые режимы мобилизационного вида как способ правового регулирования в условиях распространения COVID-19 // Правоприменение. - 2021. - № 4. - С. 30-41.
6. Пейчинович-Бурич М. Выступление на пленарном заседании Петербургского международного юридического форума 9 / «Законы коронавируса» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск: Права человека в карантине. - 2020.
7. Пчелинцев С. В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. - М.: Изд-во Норма, 2006 (М.: Тип. «Полимаг»). - 479 с.
8. Хабриева Т. Я. «Юриспруденция пандемии»: территория чрезвычайного // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2022. - Т. 18. - № 1. - С. 5-9.

ЗЕМСКОВА Светлана Витальевна

магистрант 2 курса обучения Юридического института Дагестанского государственного университета

ГАСАНАЛИЕВ Айгум Шапиевич

кандидат юридических наук, доцент Юридического института Дагестанского государственного университета

БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО И БЮДЖЕТНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье рассматривается значение бюджетного права как отрасли финансового права и раскрываются его особенности. Был проанализирован состав бюджетного законодательства, и определено, что высокая важность этой отрасли права обусловлена ее непосредственным влиянием на жизнь граждан страны.

Ключевые слова: бюджетное право, бюджетный процесс, бюджет, оптимизация, бюджетные полномочия.

ZEMSKOVA Svetlana Vitaljevna

magister student of the 2nd course of study of the Institute of Law of the Dagestan State University

GASANALIEV Aigum Shapievich

Ph.D. in Law, associate professor of the Institute of Law of the Dagestan State University

BUDGET LAW AND BUDGET PROCESS IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines the importance of budget law as a branch of financial law and reveals its features. The composition of budget legislation was analyzed, and it was determined that the high importance of this branch of law is due to its direct impact on the lives of citizens of the country.

Keywords: budget law, budget process, budget, optimization, budget authority.

В России как отдельная отрасль права функционирует финансовое право. Такой подход связан с существованием конкретного объекта и способа регулирования, определенных категорий и источников. Предметом финансового права являются отношения, которые возникают в результате соответствующей деятельности государства. Включает в себя создание, распределение и использование финансовых ресурсов [2, С. 57].

Большая часть этого сектора – бюджетное право. В эту отрасль входят специальные дисциплины. С их помощью Бюджетным кодексом РФ регулируется соответствующая финансовая система в государстве включающая: перечень расходов и доходов, порядок их распределения между различными типами бюджетов. Исследуемая отрасль права определяет бюджетные права государства в целом, а также его субъектов, административно-территориальных единиц, обеспечивает процессы контроля, а также устанавливает порядок создания и использования внебюджетных фондов для финансового обеспечения социально-экономического развития государства и других общественных нужд.

Одной из стратегических задач современной России является не только поддержание отечественной экономики на конкурентоспособном уровне, но и ее развитие и интенсификация производственных процессов. Повысить эффективность общественного производства возможно различными способами, один из них - путем совершенствования правового регулирования всех видов отношений, складывающихся у участников производственного процесса. В случаях, когда такими участниками являются субъекты бюджетных отношений, совершенствованием бюджетно-правового регулирования также можно повлиять на интенсификацию общественного производства. Выявление противоречий в бюджетно-правовой сфере и причин, их вызывающих, поиск

наиболее оптимальных правовых решений их системного воплощения в бюджетном законодательстве должны составить основу для формирования предложений по совершенствованию норм бюджетного права в рамках нового Бюджетного кодекса, поскольку вопрос его принятия - вопрос времени [1, С. 201].

Субъектами данной отрасли являются государство в целом, города и городские округа, области, автономные округа и регионы, муниципалитеты, деревни, поселения и другие.

Закон о бюджете призван регулировать отношения между этими субъектами, а также исполнительными и представительными органами, сформированными на основе создания, распределения и использования средств административно-территориальных и государственных единиц общего значения.

Закон о бюджете определяет структуру соответствующей системы государства, перечень расходов и доходов, их распределение и т.д. Процедурные положения Закона регулируют процесс рассмотрения, подготовки, утверждения и внедрения системы доходов и расходов государственного и местного значения, а также порядок создания и утверждения отчетов о выполнении статей [3, С. 90].

Общественные отношения, регулируемые этими нормами, должны иметь особый статус. Финансовое право наделяет их всеми соответствующими характеристиками. Наряду с этим, у этих отношений есть и определенные особенности. Они характерны только для сферы финансов. Законодательство включает в себя перечень соответствующих правоотношений. Они включают в себя следующее:

1. Формирование между субъектами бюджетного права и внебюджетными фондами бюджетных отношений для реализации муниципальных и государственных займов, регулирование муниципального и государственного долга при фор-

мировании доходов и осуществлении расходов по статьям всех уровней системы;

2. Проектирование статей доходов и расходов на всех уровнях, утверждение и внедрение, а также контроль за выполнением статей, возникающих в ходе подготовки и пересмотра проектов;

3. Формирование нормативной базы для порядка и условий привлечения к ответственности за нарушение соответствующего законодательства при определении правового статуса сторон, участвующих в процессе [4, С. 251].

Традиционно понятие и принципы бюджетного процесса, его содержание определяются многими факторами, основными из которых являются форма государственно-территориального устройства страны, законы, регулирующие деятельность бюджетных систем и органов, обладающих бюджетными полномочиями и осуществляющих их.

В целях обеспечения эффективного исполнения бюджета, простоты использования в нем применяются принципы формирования бюджетного процесса - важнейшие положения, устанавливающие и регулирующие основные процедуры бюджетного процесса.

При этом бюджетный процесс РФ имеет также свои недостатки, к числу которых можно отнести:

1. Бюджетная система нашей страны в целом разрознена: бюджеты регионов и муниципальных образований не увязаны в единую систему и не связаны с условиями развития территориальных образований в различных сферах (социальной, экономической) [5, С. 136]. Основная часть денежных средств содержится не в территориальных бюджетах, а в федеральных, откуда зачастую такие средства распределяются неравномерно – создаются встречные потоки денежных средств.

В связи с сосредоточением основной части ресурсов в «центра» в профессиональных отношениях на всех уровнях бюджетной системы произошло много негативных явлений. Поэтому будет неправильно говорить о бюджетной демократии в нашей стране. Кроме того, в принципе, в стране не может быть такой системы, где ее субъекты предоставляют внешние займы для покрытия собственного бюджетного дефицита. Это должно быть исключительным правом «центра», способствующим не только учету или контролю внешних займов, но и, что наиболее важно, в целях сбалансированного развития региона, эффективному и целевому использованию заемных внешних средств.

2. Следующая проблема вытекает из предыдущей - отсутствие у центральной власти четкой картины по оценке состояния и потенциала того или иного региона. Если существует четкий и объективный способ оценки бюджетного потенциала региона, то будет гораздо легче распределять ресурсы и осуществлять экономические корректировки.

3. В области бюджетной политики недостаточно четкого отслеживания:

– приоритет направленности развития не только для территориальных образований, но и всей страны;

– механизм мобилизации денежных ресурсов, которые концентрируются и распределяются по приоритетным направлениям в масштабах страны и субъектов Российской Федерации;

– механизм защиты и гарантирования экономически слаборазвитых территориальных образований, а также балансирования уровня социальной защищенности населения в каждом регионе.

Нынешняя налогово-бюджетная политика направлена на подавление инвестиционной деятельности организаций и частных лиц, что способствует деградации социально-экономической сферы, подавляет принципы социальной справедливости и имеет тенденцию к насильственному расслоению в обществе.

1. Слабо осуществляются финансовые и экономические обоснования решений, которые приводят к новым расходным обязательствам. Оценка долгосрочного воздействия принятия нового обязательства на социально-экономическое развитие Российской Федерации, того, как оно будет увязано с другими областями национальной политики, и как это повлияет на количество текущих обязательств, недостаточно высока.

2. Невозможно избежать практики постоянных поэтапных изменений в налоговом законодательстве. Даже когда условия налогообложения для бизнеса улучшаются, это делает необходимым постоянный мониторинг изменений и корректировку планов финансовой деятельности, что может привести к дополнительным расходам, особенно для малых и средних предприятий.

В целях совершенствования бюджетной системы Российской Федерации необходимо запланировать и предпринять множество мер законодательного и административного характера.

Основной целью реформы бюджетного процесса является создание условий и предпосылок для наиболее эффективного управления государственными финансами в соответствии с приоритетами экономической политики. Важность этого процесса обусловлена тем, что налогообложение может оказывать стимулирующее воздействие практически на все сферы экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Бирюкова Н.Н. Проблемы организации и реализации бюджетного процесса в Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. - 2018. - Т. 4 (70). № 1. - С. 201-207.
2. Комягин Д.Л. Бюджетное право: учебник для вузов. - Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. - 590 с.
3. Пешкова Х.В. Вопросы налоговых и бюджетных правоотношений в судебной практике: Монография. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. - 184 с.
4. Ильясов М.М. Проблемы и направления совершенствования бюджетной системы Российской Федерации. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2016. - № 18 (122). - С. 250-253.
5. Тукач В.С. Проблемы бюджетной системы РФ и возможности их решения на основе опыта ФРГ. – Текст: непосредственный // Вопросы экономики и управления. - 2016. - № 5.1 (7.1). - С. 136-139.

АБОВЯН Эдгар Паргевович

кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы Центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной деятельности ФКУ НИИ ФСИН России

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич

старший преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России

ОСЛАБЛЕНИЕ НОРМ МОРАЛИ, КАК ФАКТОР, СПОСОБСТВУЮЩИЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с преступностью несовершеннолетних. Характеризуется современное общество и его влияние на развитие данной категории граждан. Анализируется нарушение норм семейного законодательства в виде обязательного развития и воспитания несовершеннолетних родителями и иными членами семьи. Дается характеристика норм морали, которые непосредственно должны оказывать воздействие на правопослушное поведение несовершеннолетних. Рассматривается воздействие цифровизации на снижение качества знания родного языка и его применения, нормализации жестокого обращения с животными, отсутствия уважения к старшим и принятия асоциальной модели поведения как факторов, способствующих совершению преступлений в подростковом возрасте.

Ключевые слова: уголовное законодательство, несовершеннолетние, преступления, нормы морали, факторы, криминологическая характеристика.

ABOVYAN Edgar Pargevovich

Ph.D. in Law, researcher of the department of Development of methodologies for the execution of criminal penalties without deprivation of Liberty of the Center for the Study of the Problems of the Execution of Criminal Penalties and Psychological support for the professional activities of employees of the Criminal Executive Activity of the Federal State Institution of the FPS of Russia

ANANJEV Oleg Gennadjevich

senior lecturer of Social psychology and social work sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

THE WEAKENING OF MORAL NORMS AS A FACTOR CONTRIBUTING TO JUVENILE DELINQUENCY

The article discusses the problems associated with juvenile delinquency. The modern society and its influence on the development of this category of citizens are characterized. The violation of the norms of family legislation in the form of mandatory development and upbringing of minors by parents and other family members is analyzed. The characterization of the norms of morality, which should directly affect the law-abiding behavior of minors, is given. The article examines the impact of digitalization on the decline in the quality of knowledge of the native language and its use, the normalization of cruelty to animals, lack of respect for elders and the adoption of an antisocial behavior model as factors contributing to the commission of crimes in adolescence.

Keywords: criminal law, minors, crimes, moral norms, factors, criminological characteristics.

Преступность – явление любого гражданского общества. Она проявляется в большей или меньшей степени в зависимости от многих факторов. К ним можно отнести уровень жизни в стране, наличие социальной поддержки от государства, систему трудоустройства и образования, а также неотъемлемым компонентом является действующие нормы морали, которые должны влиять на развитие человека и его воспитание с ранних лет.

Проблема преступности среди несовершеннолетних является одной из важнейших социально-правовых проблем любого общества. Правонарушения, совершаемые несовершеннолетними, ужасны вдвойне, потому что это нонсенс. Ребенок всегда ассоциируется с чем-то чистым и светлым, а здесь с нечеловеческой жестокостью, обманом, ненавистью. Кроме того, несовершеннолетние правонарушители являются основой преступности будущего. В состоянии неустоявшейся психики несовершеннолетнему легче всего идти против всех установленных правил, легче не учиться, интереснее воспринимать отрицательное поведение, считая себя смелым и неподвластным никакому влиянию.

Сегодня, когда система семейного воспитания несовершеннолетних претерпевает определенные изменения.

Вспомним хотя бы наше детство – время детей советского периода. Родители проводили достаточно большое количество времени со своим ребенком. Ходили в театры, кино, посещали выставки. Развитием детей в зависимости от гендера, конечно, занимался тот родитель, к гендеру которого относился и ребенок. Мамы были ответственны за обучение дочери ведению домашнего хозяйства, приготовлению пищи, уходу за членами семьи. Мальчики получали азы по ремонтным работам, хозяйственным и иным видам деятельности, свойственным для мужчин. При отсутствии родителей процессы воспитания были в прерогативе у бабушек и дедушек. Только вспомните свои летние каникулы. Бабушкины блинчики и пирожки, совместная лепка пельменей, шитье фартуков и сарафанов, а с дедушками рыбалка и получение навыков ремонта велосипедов, строительства, работы с деревом.

При общении с современными подростками ситуация с воспитанием несколько переменялась. Проведенные опросы в школах показали, что 85 % подростков уже не ездят в отпуск, на каникулы, в театр, на выставки со своими родителями. Значит процент положительного семейного общения, развития резко снизился. Некоторые

несовершеннолетние отвечали следующим образом. Они считают, что при наличии карманных денег, которые им выдают родители, вместе с ними куда-то ездить необязательно, особенно если взрослые просят их самим найти себе развлечение [1, с. 11]. При таком подходе взрослых к выполнению своих родительских обязанностей ребенок может попасть в плохое общество, где он воспримет как норму для поведения беспечное времяпрепровождение, неуважение к взрослым, склонность к психологическим изменениям, курение и аморальность как нормальное и привычное поведение в детском обществе.

По данным главного управления правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2018 г. зарегистрировано 1 991 532 преступления, что на 66 944 меньше, чем за аналогичный период прошлого года (-3,3 %). Из них 43 553 (-3,8 %) преступления совершены несовершеннолетними или при их соучастии, в том числе тяжкие и особо тяжкие преступления – 9 716 (-5,1 %).

В 2019 г. зарегистрировано 2 024 337 преступлений, что на 32 805 больше, чем за аналогичный период прошлого года (+1,6 %). Из них 41 548 (-4,6 %) преступлений совершены несовершеннолетними или при их соучастии, в том числе тяжкие и особо тяжкие преступления – 10 113 (4,1%).

В 2020 г. число зарегистрированных преступлений увеличилось на 1 % и перешагнуло отметку в 2 млн. (2 044 221). Из них 37 771 (-9,1 %) преступление совершено несовершеннолетними или при их соучастии, в том числе тяжкие и особо тяжкие преступления – 9 797 (-3,1%).

В 2021 г. числа выявленных преступлений сократилось почти на 2 %, немногим превысив отметку в 2 млн. (2 004 404). Из них 31 865 (-15,6 %) преступления совершены несовершеннолетними или при их соучастии, в том числе тяжкие и особо тяжкие преступления – 9 055 (-7,6%).

За семь месяцев 2022 г. в стране зарегистрировано менее 1,2 млн. преступлений, что примерно соответствует уровням последних трех лет за этот же период (-1,8 %). Из них 16 692 (-4,2 %) преступления совершены несовершеннолетними или при их соучастии, в том числе тяжкие и особо тяжкие преступления – 5 338 (2,4%) [2].

Кроме того, анализ статистических данных подтверждает правоту нашего суждения о том, что наличие полной семьи не является фактором, исключающим или минимизирующим преступное поведение несовершеннолетнего (таблица 1) [3]. Кроме выше указанных причин, одним из главных факторов, способствующих антиобщественному и преступному поведению несовершеннолетних из полных семей, безусловно, является низкий уровень педагогического мастерства родителей.

Семейное законодательство закрепило и такую норму как право ребенка на общение со всеми членами семьи. Это, конечно, бабушки и дедушки. Традиционно понимается, что такие родственники являются вторыми по значимости в жизни каждого ребенка после его родителей. Однако, современные нормы морали и социально-экономическая составляющая повлияли и на такое общение. Известны случаи, когда за время, проведенное с внуками бабушки, требуют от родителей оплату, мотивируя это тем, что они свое свободное время могли бы потратить выполнение определенной работы и получить за нее денежные средства.

Крайне неблагоприятная для российского общества обстановка способствует нахождению его в состоянии, названном французским социологом-позитивистом Эмилем Дюркгеймом (1858-1917) «аномией» (социологическое и социально-психологическое понятие, обозначающее нравственное психологическое состояние индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется разложением системы ценностей, обусловленным кризисом буржуазного общества, противоречием между провозглашенными целями (богатство, власть, успех) и невозможностью их реализации для большинства. Выражается в отчужденности человека от общества, апатии, разочарованности в жизни, преступности (теория аномии разработана американским социологом Робертом Мертоном) [4].

Современные средства массовой информации также не остаются в стороне от пагубного влияния на подростков – это трансляция передач определенного характера, не только ослабляющих ценность традиционной семьи, но и зачастую демонстрирующих несовершеннолетним возможность жизни без участия в ней родителей и педагогов. Освещение темы секс-меньшинств, гей-парадов и иных «европейских ценностей», неприемлемых для российского общества, показ фильмов и передач, освещающих момент как можно унижить и оскорбить, при этом не получив никакого наказания, не редкость на экранах СМИ [5]. Исчезновение доминирующего влияния взрослых в плане положительного воспитания, привития норм морали привело к отсутствию уважения подростков к представителям более старшей возрастной группы. Возможность нагрубить любому взрослому человеку при получении от него замечания о своем поведении, безнаказанность, даже употребление нецензурной лексики в отношении учителей в школе – сегодня не новость в поведении детей. Повлиять на такое поведение уже практически невозможно без психологического воздействия. Но и такое поведение может лечь в основу совершения в дальнейшем таких преступлений, составом которых мо-

Таблица 1

№ п/п	Всего осуждено лиц в возрасте 14-17 лет по отдельным видам преступлений	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
1.	Всего осуждено:	20 631	18 826	16 858	14 702	14 855
2.	Воспитывались в полной семье	9 016	8 513	7 496	6 699	6 886
3.	Воспитывались в семье с одним родителем	9 413	8 535	7 742	6 727	6 689
4.	Воспитывались вне семьи (детском доме, интернате и т.д.)	2 202	1 778	1 620	1 276	1 280

жет стать кража у пожилых людей денежных средств и ценных вещей, разбой и грабеж в отношении лиц старшего возраста, хулиганские действия в отношении таких лиц и многое другое.

Не добавляют положительных моментов в процесс воспитания и становления личности без асоциального поведения и принятия вредных привычек моменты, связанные с цифровизацией общества. Современные цифровые технологии не учитывают психологические особенности несовершеннолетних и не препятствуют проникновению негативных психологических тенденций, активно ассимилирующихся в подростковой среде. Основой подобных действий становятся этические проблемы взаимоотношений в коллективе между подростками, которые проявляются в виде буллинга, но уже перенесенного на цифровую платформу в социальные сети [6]. Особенно популярны в подростковой среде групповые издевательства, включая физическое и психологическое воздействие (в том числе кибермоббинг) на неугодного одноклассника, снятое на цифровое устройство и выложенное для всеобщего пользования в какой-либо социальной сети (в контакте, телеграмм или иное).

Сложность кибермоббинга заключается еще и в том, что при всякой попытке жертвы кибермоббинга поговорить или выяснить истинные причины давления на него, не находит встречного отклика и тем самым ситуация не находит никакого решения. Это еще и подкрепляется уверенностью киберпреступника в своей полной безнаказанности [7].

И никому из участников подобных правонарушений не приходит в голову о нарушении чьих-либо прав, норм морали и т.д. А все потому, что эти нормы не привиты с детства подростку.

Таким образом, рассматривая проблему подростковой преступности можно сделать вывод, что к основным факторам, способствующим этому социальному явлению, можно отнести, в первую очередь, ослабление норм морали в гражданском обществе. Именно эти нормы должны прививаться в семье и закрепляться в дошкольных и школьных учреждениях. Все члены семьи обязаны развивать и воспитывать малыша, однако на практике это не всегда происходит. Предоставленные сами себе несовершеннолетние подвержены любому влиянию, чаще всего негативному, и процессы восприятия такового как раз и приводят к попытке испытать свои силы: нагрубить, унизить, избить, украсть, а также похвалиться совершенным через социальные сети. Да и снижение роли семьи, путаница в гендере, происходящая в современном мире, подражание зарубежным подросткам – ношение одежды противоположного пола, использование мальчиками декоративной косметики и ведение при этом онлайн трансляций только усугубляет положение. Значит, в рамках профилактики подростковой преступности стоит в первую очередь усилить работу воспитательной направленности, привитие норм морали, принятой в гражданском обществе, усиление роли семьи и ответственности родителей за своих детей, а также работу образовательных учреждений в данном направлении. Это должно способствовать минимизации такого социального явления как подростковая преступность.

Пристатейный библиографический список

1. Ананьева Ж. Н. Психологическая характеристика интересов учащихся школ // В сборнике: Человек: преступление и наказание. Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов. В трех частях. – Рязань, 2020. – С. 6-13.
2. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 04.09.2022).
3. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 05.09.2022).
4. Советский энциклопедический словарь. – М., 1980. – С. 61.
5. Ивлиев П. В., Ананьева Е. О. Социальная ответственность массмедиа за формирование ценностей населения // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 11 (162). – С. 194-195.
6. Ананьева Е. О. К вопросу о проблеме буллинга в подростковой среде // В сборнике: Неделя Российской психологии в ГСГУ. Материалы: VII Всероссийской научно-практической конференции; XXI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора педагогических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Ивана Павловича Башкатова (1942-2007); IX Международной научно-практической конференции, посвященной советскому ученому-педагогу, профессору Куфаеву Василию Исидоровичу (1894-1977). – Коломна, 2021. – С. 323-326.
7. Polishchuk N. I., Vorobyov S. M., Orlova A. A., Abovyan E. P. On the Question of the Concept and Forms of Cyberbullying in Russia // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2017. – № 3 (25). – P. 987-994.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-208-210

БАТЫРХАНОВА Иманат Бибулатовна

старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

АСКЕРОВ Руслан Магомедович

старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

ТАИЛОВА Айша Габибовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ НАЛИЧИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШЁННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье дано теоретическое обоснование решения проблем уголовного преследования за совершение общественно опасных деяний, связанных с использованием искусственного интеллекта или совершенных самим искусственным интеллектом. Отдельно следует затронуть вопрос использования искусственного интеллекта в рамках метавселенной. Несмотря на широкое обсуждение метавселенной, как будто это уже существующая, законченная конструкция, в настоящее время метавселенная – это не более чем быстро развивающаяся идея. В статье рассматривается возможность участия самообучающихся программ в противоправной деятельности и особенности регулирования данного вопроса.

Ключевые слова: искусственный интеллект, противоправное деяние, уголовная ответственность.

BATYRKHANOVA Imanat Bibulatovna

senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

ASKEROV Ruslan Magomedovich

senior lecturer of Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of Economics and the legal and educational disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in the city Izberbash

FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY IN THE PRESENCE OF OFFENSES COMMITTED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The purpose of this article is to identify and theoretically substantiate solutions to the problems of criminal prosecution for committing socially dangerous acts related to the use of artificial intelligence or committed by artificial intelligence itself. Separately, the issue of using artificial intelligence within the metaverse should be touched upon. Despite the widespread discussion of the metaverse, as if it were an already existing, finished construction, at present the metaverse is nothing more than a rapidly developing idea. The article considers the possibility of participation of self-learning programs in illegal activities.

Keywords: Artificial intelligence, illegal act, criminal liability.

Сегодня наблюдается запаздывание правовой, в том числе уголовно-правовой, реакции на изменение общественных отношений, связанных с эксплуатацией достижений науки и техники представителями криминальных структур. При этом проблемы уголовного преследования в подобных случаях и пробелы в правовом регулировании в сфере искусственного интеллекта характерны не только для России, но и для зарубежного и международного законодательства.

Системных исследований в области регулирования общественных отношений в робототехнике в России практически нет, поэтому необходимо разработать основы законодательства в этой сфере

Системы ИИ способны «составлять прогнозы» и «обучать», используя кривые возможных решений, а также, разрабатывая оптимизацию решений, учитывая достаточно разнообразное число критериев. В области подбора персонала, можно смело утверждать, что многие решения принимаются, полагаясь на «свой внутренний голос», иначе говоря, на интуицию. Это естественно, что мы не узнаем, какие особенности, опыт, образование и индивидуальные черты характера гарантируют успех в исполнении конкретной роли именно этим человеком. Специалисты в области управления персоналом тратят огромные суммы (они могут достигать миллиардов долларов) на разработку каких-либо симуляций

и игр, новых видов тестирования, которые используются при подборе сотрудников, но, тем не менее, в 30-40 % случаев кандидаты на вакантные должности подбираются неверно.

Отдельно следует затронуть вопрос использования искусственного интеллекта в рамках метавселенной. Несмотря на широкое обсуждение метавселенной, как будто это уже существующая, законченная конструкция, в настоящее время метавселенная – это не более чем быстро развивающаяся идея. Обсуждение метавселенной в 2022 году может быть сродни обсуждению Интернета в 1960-х годах. В обоих случаях даже ученые-компьютерщики могут только предполагать, что может ждать нас в будущем.

В реальной жизни, во время пандемии COVID-19, человечество уже сделало первый шаг в этом направлении: образование переместилось в интернет, а видеовстречи заменили деловые. Метавселенная не является новой концепцией и попытки создания метавселенной предпринимались на протяжении десятилетий. Например, в 2003 году компания Linden Lab из Сан-Франциско выпустила Second Life, мультимедийную онлайн-платформу, в которой пользователи создают аватар и строят «вторую жизнь» в онлайн-мире. И как это часто бывает, научная фантастика предшествует реальности и предсказывает ее. В 1992 году писатель Нил Стивенсон опубликовал роман Snow Crash, антиутопическую историю

с городской средой «Metaverse», полной виртуальной недвижимостью, доступной через очки виртуальной реальности. В фильме 2018 года (и одноименной книге) Ready Player One большая часть человечества взаимодействует с помощью вымышленной поездки по всему миру в таких масштабах, которые раньше невозможно было представить.

Многие также рассматривают развитие метавселенной как естественную эволюцию Интернета от Веб 2.0 к Веб 3.0. Для контекста Веб 1.0 многие описывают как первый этап эволюции Интернета, на котором пользователи в основном потребляли контент. В Web 2.0 (доминирующая в настоящее время парадигма) пользователи также взаимодействуют с Интернетом для создания и обмена контентом. Веб 3.0 добавляет дезинтермедиацию (постепенное устранение посредников) и децентрализацию, предоставляя пользователям огромный контроль над своим опытом в Интернете.

В свободном понимании концепция метавселенной относится к переносу различных частей человеческого опыта из физического мира в виртуальный мир со все большим погружением. По своей сути метавселенная – это ярко выраженное пересечение технологий и контента. Например, такие видеоигры, как Fortnite и Roblox, позволяют игрокам попасть в сложный, обширный виртуальный мир и принять участие в самых разных виртуальных опытах и взаимодействиях – в том числе с другими игроками со всего мира.

Такие платформы, как Sensorium, позволяют пользователям создавать свои собственные альтер-эго и входить в общее виртуальное пространство, где лучшие диджеи играют виртуальные шоу, в сопровождении огромной толпы пользователей. Facebook недавно анонсировал Horizon World, пространство для встреч в «смешанной реальности», которое позволяет пользователям участвовать в совещаниях в виртуальном мире, с аватарами, виртуальными конференц-залами и столами, и даже виртуальными меловыми досками.

Некоторые платформы, такие как Pokémon Go и Illust Space, позволяют пользователям исследовать физический мир, дополненный цифровыми персонажами и другими артефактами. Многие из этих платформ можно сделать более захватывающими с помощью гарнитур VR, а будущие технологические разработки – такие как костюмы с тактильной обратной связью (которые облегчают 3D-прикосновения) и всенаправленные беговые дорожки – обещают добавить еще больше впечатлений.

Таким образом, несмотря на упоминание «Метавселенной», в настоящее время не существует единого метавселенного опыта. Скорее, «The Metaverse» относится к идее, которая, вероятно, будет воплощена в многочисленных виртуальных мирах, где технология имеет возможность принести контент в эти миры невиданными ранее способами и, вместе с этим, юридические вопросы и проблемы, о которых ранее не задумывались.

Рассматривая метавселенную и коммерческие операции, которые в ней происходят, нельзя отрицать, что она открыла безграничное пространство виртуальной реальности, в котором бизнес может процветать. Благодаря единой цифровой валюте, или нефункционирующим токенам (НФТ), использующим технологии блокчейн, метавселенная получила мощную энергию благодаря данным и связанным виртуальным мирам. У таких компаний, как Sotheby's, теперь есть Decentraland, первая в мире виртуальная галерея в метавселенной, «цифровой двойник» ее лондонских офисов. Sandbox, еще один цифровой мир, теперь является одним из виртуальных «домов» гонконгского филиала PwC. Поскольку многие компании сейчас стремятся извлечь выгоду из «предполагаемой ценности NFT и возможности инвестировать в несуществующий актив», будет разумно оценить правовые реалии этого пространства.

В контексте НФТ, особенно коллекционных НФТ цифрового искусства, музыки или других творческих произведе-

ний, их выпуск или запуск может быть сродни первичному публичному размещению (ИПО) акций, предлагаемых для продажи публике посредством выпуска новых акций, которые обычно торгуются на биржевой площадке, например, на Лондонской фондовой бирже. В нашем мире ИПО и тому подобные мероприятия подчиняются строгим юридическим правилам, соблюдению требований листинга, банковского законодательства и законодательства о ценных бумагах. И хотя различные торговые платформы могут иметь свои собственные законы и правила в зависимости от юрисдикции, нам пока неясно, может ли это применяться в случае НФТ в метавселенной.

Например, если информация о предполагаемом новом релизе НФТ просочится до даты его запуска, можно ли будет принять соответствующие меры против стороны, допустившей утечку такой информации? Также приходит на ум вопрос об инсайдерской торговле. Ввиду ценности НФТ и возникающих моделей НФТ-собственности, которые могут расширяться до различных продуктов, видов деятельности, событий и интерактивного опыта, поддержание и развитие пространства НФТ в идеале должно иметь механизмы надзора и аудита для защиты как создателей НФТ, так и инвесторов. Создание и моделирование успеха пространства NFT в метавселенной требует четких правил, управления и прозрачности, не похожих на корпорации в нашем «реальном» мире. Мы также должны быть обеспокоены тем, что виртуальная среда метавселенной может быть готова к эксплуатации рынка, подобно Silk Road¹² в темной паутине. Silk Road – это платформа темной паутины, которая торговала в основном незаконными наркотиками и контрабандой, оружием, запрещенной порнографией, секс-торговлей и, предположительно, убийствами по найму.

Одной из причин, по которой Silk Road мог успешно и незаметно функционировать, было отсутствие государственного надзора, трудности с обеспечением соблюдения законов в этом пространстве, а также возможность пользователей осуществлять транзакции с использованием криптовалют без привлечения банков или финансовых учреждений. Будет ли метавселенная также восприимчива к такому виду виртуального рынка? Какие законы могут быть приняты для обеспечения адекватных и эффективных гарантий для всех пользователей? Кто может быть соответствующим регулирующим органом для управления и обеспечения соблюдения любых правил для платформы?

Это требует сотрудничества между создателями, инноваторами, политиками, законодателями, пользователями и т.д. в рамках экосистемы взаимосвязанности, продвижения к общей цели и задачам, способствующим взаимной выгоде и интересам. Еще одна главная проблема связана с взаимодействием пользователей в метавселенной через аватары. Хотя взаимодействие в виртуальном пространстве не является чем-то новым – например, в массовых многопользовательских ролевых онлайн-играх (MMORPG), таких как World of Warcraft, – повышенное погружение, которое можно испытать в метавселенной, может вызвать новые вопросы, связанные с уголовным правом (нападение и побои, сексуальные домогательства/преступления) или гражданским правом (диффамация, халатность или нарушение обязанностей по уходу).

Например, как насчет взаимодействия между аватарами, которое либо является, либо граничит с сексуальным домогательством или, что еще хуже, сексуальным нападением? Уже появились тревожные новости о том, что сексуальные хищники начали злоупотреблять, казалось бы, нейтральным пространством метавселенной: были зарегистрированы случаи ошупывания, сексуального нападения в Horizon Venues¹⁶ и другие многочисленные случаи сексуального насилия. Как мы можем объяснить, что сексуальное нападение в метавселенной ничем не отличается от сексуального напа-

дения в реальности, и что травма, пережитая жертвой, реальна? Достаточно ли надежны наши существующие законы о сексуальных домогательствах и сексуальных нападениях для борьбы с подобными действиями в метавселенной?

В то время как существующие виртуальные миры, несомненно, будут иметь свои собственные пользовательские положения и условия, жизненно важно обеспечить наличие мер по принуждению к соблюдению этих правил. Положения и условия каждого из этих миров должны соответствовать международно признанным стандартам, которые защищают основные права и свободы, позволяя при этом создателям, новаторам, операторам и т.д. продолжать создавать творческие инновации и проводить полезные исследования и разработки. В целом, мы находимся на начальном этапе изучения метавселенной и ее значения для будущего. Нам еще очень далеко до создания новых правовых систем в метавселенной, учитывая не только основные проблемы регулирования, но и время, необходимое для создания нашей экосистемы взаимосвязанности. В конечном итоге, в идеализированном метавселенском пространстве регулирования необходимо создать адекватные гарантии, обеспечивающие равный доступ для всех и выводящие контроль из рук влиятельных элит.

Соответственно, развитие систем искусственного интеллекта влечет за собой необходимость реструктуризации правовой системы» [1, р. 2].

Любые новшества должны учитывать достаточно большое количество рисков, а основной из них – не способность действовать без предварительного «обучения». Система искусственного интеллекта способна действовать только по установленным указаниям и способна действовать по сценариям так называемого опыта «прошлых данных» [2].

Деятельность искусственного интеллекта может нанести прямой вред жизни и здоровью человека. В зарубежной литературе приводится пример, когда робот, занятый в производстве мотоциклов, ошибочно посчитал одного из рабочих угрозой для выполнения своих задач и, используя гидравлическую «руку», причинил смерть рабочему, раздавив его о соседнее оборудование.

Процессы, которые сходны с интеллектуально-волевой деятельностью человека, приводят человечество к возможности наделения таких устройств элементами правосубъектности, которыми наделены и физические лица [3].

Интересным примером является попытка компании Microsoft создать самообучающуюся программу, предназначенную для поддержания общения в Интернете. Через некоторое время после общения с другими пользователями программа сделала оскорбительные и радикальные заявления: «Гитлер был прав», «Феминистки должны гореть в аду», что может быть оценено как признаки преступлений. «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Отметим, что программа была создана для изучения общения подростков в Интернете, и такое поведение оказалось непредсказуемым для ее авторов [4].

Принимая во внимание, что разработки автономной системы не ставят целью создать искусственное существо, а лишь использовать его интеллектуальные качества как некий набор свойств, способных решать проблемы и задачи во благо человечества, такая система должна обладать наряду с автономностью свойствами адаптивности. Способность системы к самостоятельному принятию решений говорит о наличии автономности, а свойство адаптивности реализуется путем возможности такой системы самообучаться и реагировать на допустимые условия, если ситуация изменилась. В законодательстве традиционно рассматриваются две разновидности лиц с присущими им правами и обязанностям – это физические и юридические лица; понятие «техническое лицо» в законодательной базе не предусмотрено.

Такая ситуация делает необходимым применение юридических и психологических знаний и (возможно, в большей степени) навыков в области кибернетики и информатики [5].

Системы на основе искусственного интеллекта не могут выступать носителями важных составляющих живого человека, при этом уровень интеллекта самого человека в данном контексте не важен. Ведь только человек испытывает симпатии и эмпатии, использует личные интересы и заинтересован своим будущим бытием. Элементы психоэмоциональной сферы отсутствуют у системы искусственного интеллекта, несмотря на скорость обработки информации, значительно превосходящую человеческие, система остается программной разработкой с внедренной в неё технической составляющей. Именно этот аргумент и усложняет перенос субъективной стороны преступления на подобные системы, ведь для квалификации преступления необходимо наличие субъективной стороны как неотъемлемого требования к составу преступления.

Таким образом, в условиях российской правоприменительной практики целесообразно наделять ответственностью создателей систем с высокотехнологичными особенностями так же, как и создателей механизмов повышенной опасности, то есть ответственность несут лица-разработчики программного обеспечения либо лица, ответственные за эксплуатацию такой системы.

Таким образом, на сегодняшний день вред, причиненный искусственным интеллектом, при соблюдении вышеуказанных условий, относится к категории невиновного причинения вреда, а значит, оснований для уголовной ответственности нет. Восстановление нарушенных прав не исключается в рамках гражданского законодательства, следуя которому законом может быть предусмотрено возмещение вреда даже при отсутствии вины причинителя вреда.

Пристатейный библиографический список

1. Юридическая ответственность как этическая норма первого порядка при проектировании и разработке автономных систем // Искусственный интеллект, роботы и этика. 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.13180/icres.2019.29-30.07.p02>.
2. Особенности развития искусственного интеллекта на современном этапе // Вестник Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, серия «Математическое моделирование. Информационные технологии. Автоматизированные системы управления системы». 2018. (40). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.26565/2304-6201>.
3. Луго Рейес С. О. Искусственный интеллект в точном здравоохранении: Системы на практике // Искусственный интеллект в Precision Health. 2020. 499-519. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-817133-2.00021-5>.
4. Уголовная ответственность за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности ИС субъектов искусственного интеллекта ИИ // Электронный журнал SSRN. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2691923>.
5. Ли С. В. Может ли искусственный интеллект совершить преступление? // Правовая теория и интерпретация в Dynamic Society. 2021. 311-334. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.5771/9783748925842-311>.

БАХМУДОВА Тамара Расуловна

старший преподаватель кафедры экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета в г. Избербаше

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Обновление государственных институтов России, радикальные преобразования во всех сферах социальной жизни, изменение внешнеэкономических, межгосударственных связей, развитие международных контактов граждан в период экономических реформ государства обусловили необходимость изменения и укрепления правовой системы государства и правопорядка с целью приведения законодательства в соответствие с мировыми стандартами.

В результате либерализации Российской Федерацией пограничного и таможенного режимов резко возрос приток на ее территорию иностранных граждан. Произошедшие социальные и экономические изменения в российском обществе характеризуются расширением и интенсификацией предпринимательской деятельности иностранных граждан в различных регионах нашего государства. Это, с одной стороны, привело к положительным результатам. С другой стороны, в социально-правовой сфере, к сожалению, произошло существенное повышение уровня преступной деятельности в отношении иностранных граждан. Все чаще они становятся потерпевшими от противоправных посягательств.

Ключевые слова: преступность, мигранты, причины преступности, предупреждение преступности.

BAKHMUDOVA Tamara Rasulovna

senior lecturer of Economic, legal and general educational disciplines sub-faculty of the branch of the Dagestan State University in Izberbash

CRIMES COMMITTED AGAINST FOREIGN CITIZENS

Renewal of state institutions in Russia, radical transformations in all spheres of social life, changes in foreign economic, interstate relations, development of international contacts of citizens during the period of economic reforms of the state necessitated changes and strengthening of the legal system of the state and the rule of law in order to bring legislation in line with world standards.

As a result of the liberalization of the border and customs regimes by the Russian Federation, the influx of foreign citizens into its territory has sharply increased. The social and economic changes that have taken place in Russian society are characterized by the expansion and intensification of entrepreneurial activities of foreign citizens in various regions of our state. On the one hand, this has led to positive results. On the other hand, in the social and legal sphere, unfortunately, there has been a significant increase in the level of criminal activity against foreign citizens. Increasingly, they become victims of illegal encroachments.

Keywords: crime, migrants, causes of crime, crime prevention.

После распада СССР и образования самостоятельных независимых государств, некогда союзные республики стали для нас ближним зарубежьем, а проживающие в них граждане приобрели статус иностранцев. Следует отметить, что во всем мире наблюдается рост миграционных процессов. Эти миграционные процессы характерны и для нашей страны. Люди вынуждены покидать свои дома, семьи, престарелых родителей с целью поиска работы, смены места жительства и лучших условий для жизни.

К сожалению, приходится констатировать, что сложившаяся в современный период времени экономическая ситуация в нашей стране, военный конфликт, связанный с освобождением Украины, обусловили рост преступности как общеуголовной, так и экономической направленности. Многие из иностранных граждан стали не только субъектами преступлений, но нередко их жертвами.

Не только для развитых Европейских государств, но, безусловно, и для Российской Федерации существует потребность в привлечении для выполнения низкооплачиваемых работ, не требующих какой-либо квалификации иностранной рабочей силы. Отсутствие возможности заработать у себя на родине вынуждает иностранных

граждан искать пусть даже низкооплачиваемую работу в других государствах. Получив статус мигранта, и встав на временный учет по месту пребывания, эти граждане, оказавшись в чужой для них стране, с иной культурой, языком и менталитетом получают статус социально незащищенных лиц. Наличие возможности нелегальных, а в отдельных случаях и криминальных источников получения денежных средств, а также возможность нелегального проживания в чужой для них стране активизирует приезд мигрантов. В отдельных случаях приезде иностранцев способствует и получаемая от своих земляков, уже проживающих в России, социальной поддержки, помощи в трудовой и бытовом устройстве.

С учетом существующей тенденции дальнейшего изменения в структуре населения России и значительного увеличения доли мигрантов в нашей стране, полагаем, что можно с очевидностью прогнозировать и повышение уровня совершаемых преступлений, как в отношении иностранных граждан, так естественно и с их стороны.

По официальным данным судебной статистики в 2018 году количество совершенных преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства возросло на 7,7

% и составило 15816 преступлений, по сравнению с 2017 г. (14679).

В 2019 году этот показатель вырос на 6,3 % и составил 16810 преступлений [5].

Следует также отметить, что совершаются преступления самими иностранцами в отношении не только своих соотечественников, но и других граждан, проживающих на территории РФ.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации в 2020 г. уже было совершено 34,4 тыс. преступлений. Количество же преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, сократилось в 2020 году на 4,9 процента.

В 2021 г. иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории РФ совершено 36,4 тыс. преступлений, что на 5,9 % больше, чем за 2020 год. В том числе гражданами государственных участников СНГ совершено 28,5 тыс. преступлений, их удельный вес составил 78,3 %.

В первом квартале 2022 года почти на 6 % выросло количество преступлений в отношении иностранных граждан [5].

Несомненно, в современных условиях развития любого цивилизованного общества существует потребность в присутствии иностранных граждан в системе экономического развития страны, в сфере высшего образования, в дальнейшем развитии туристической отрасли. Однако, в таком случае существует социальная необходимость в принятии со стороны государства и общества в целом соответствующих мер по созданию благоприятных условий по месту их работы и временного проживания.

Вследствие существующих пробелов в теории профилактики преступности, связанной с иностранными гражданами, в криминологической науке выработаны некоторые предложения, которые следовало бы внедрить в практику борьбы с преступностью в отношении указанной категории граждан, что свидетельствует о значительной актуальности исследуемой темы.

Статистические показатели преступности касательно иностранцев свидетельствуют о высоком уровне латентности преступлений, совершаемых в отношении иностранных граждан, которая характерна не только для крупных мегаполисов, таких как Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Дальний Восток, но и для всей страны в целом, потому что иностранцы заселили почти всю территорию РФ и государство обязано обеспечить их безопасное проживание.

В своей диссертации С. Л. Морозов отметил, что «уровень латентности по отдельным видам преступлений вдвое превосходит латентность насильственных и корыстно-насильственных преступлений против местного населения, а по таким преступлениям, как вымогательство взятки, превышение должностных полномочий, составляет 100 %, поскольку они либо не выявляются правоохранительными органами, либо о них вовсе не заявляют потерпевшие [2].

Для иностранных граждан характерна повышенная виктимность, так как в большинстве случаев (свыше 87,2 %) дел, связанных с иностранцами-жертвами, выступают сами иностранцы [2].

Значительную долю преступлений, совершаемых в отношении иностранцев, составляют преступления против жизни и здоровья – 20,2 %. Среди них значительную долю за-

нимают убийства, умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью.

Преступления, посягающие на общественный порядок, составляют 24,7 %. Значительную часть из них занимают хулиганства, незаконное приобретение, хранение и сбыт наркотических средств и психотропных веществ, незаконное приобретение и хранение огнестрельного оружия и боеприпасов. Преступления против собственности составляют 21,85 %, среди которых значительное место занимают кражи чужого имущества, мошенничество, грабежи, разбои, вымогательства [3].

Повышенная общественная опасность преступлений, связанных с иностранными гражданами, заключается не только в ее количественном росте, но также и в том, что из общего числа совершенных преступлений в отношении иностранцев 40 % относятся к категории тяжких и особо тяжких. Кроме того, для преступлений, связанных с иностранными гражданами, характерно укрытие преступлений от учета как со стороны потерпевших, так и со стороны сотрудников полиции.

«Криминологические исследования последних лет показывают, что мигранты, прибывая в Россию, держатся обособленно от коренного населения, не проявляя явных признаков агрессии по отношению к гражданам принимающей страны, но при этом в среде самих мигрантов зачастую возникают ситуации криминального характера. Это касается как семейно-бытовых отношений, так и не оформленных должным образом трудовых отношений. Распространенными причинами преступности и одновременно виктимности мигрантов служат незнание русского языка, низкий образовательный уровень мигрантов, их правовой нигилизм» [4, с. 13-14, 71].

Причинами преступности, связанной с иностранцами, по нашему мнению, в первую очередь является отсутствие научно разработанного и действенного правового регулирования количественного и качественного отбора и привлечения в страну иностранной рабочей силы, расчета и прогнозирования реальных потребностей и последующих возможностей использования трудовых мигрантов.

Российским законодательством значительно упрощен порядок въезда в страну, постановки на миграционный учет, получение вида на жительство и регистрация иностранных граждан, прибывающих для проживания на территорию России, их дальнейшее трудоустройство, однако все эти меры не дают желательных положительных результатов. На уровень преступности, связанной с иностранными гражданами, по нашему мнению, влияют как внешние, так и внутренние факторы.

К наиболее значимым внешним факторам, влияющим негативно на состояние преступности среди иностранцев, следует отнести следующие:

– отсутствие надлежащего эффективно контроля со стороны соответствующих официальных органов и должностных лиц за состоянием экономических, миграционных процессов, в целях обеспечения их дальнейшего позитивного развития;

– высокий уровень преступности в стране, развитие коррупции и попустительство со стороны должностных лиц правоохранительных органов в случае совершения престу-

плений или административных правонарушений в отношении иностранных граждан;

– проблемы незанятости не только иностранцев, но и местного населения;

– низкий уровень благосостояния основной массы граждан в стране;

– ряд проблем, связанных с работой правоохранительных органов, в частности полиции, судов, органов прокуратуры;

– фактическое отсутствие профилактической работы со стороны отдельных правоохранительных органов и соответствующих должностных лиц как в отношении местного населения, так и иностранных граждан.

Совершению преступлений в отношении иностранцев в ряде случаев способствуют существующие внутренние и внешние объективные и субъективные причины и условия.

Кроме того, среди основных внешних причин, влияющих на преступность в отношении иностранных граждан, можно назвать неспособность нашего государства контролировать экономические и миграционные процессы, беспомощность, а в отдельных случаях и нежелание обеспечивать их позитивное развитие. Также сказывается высокий уровень преступности в стране не только общеуголовной, но и экономической. Свою роль немаловажную негативную роль играет процветание коррупции в нашем обществе.

Одной из причин роста преступности, по нашему мнению, является также либерализация уголовного законодательства, особенно в отношении коррупционных преступлений, отдельных преступлений экономической направленности, существующие в стране проблемы трудовой занятости, как местного населения, так и прибывших в страну иностранных граждан. Среди причин преступности в отношении иностранных граждан следует отметить также низкий уровень материального благосостояния местного населения, что вызывает с их стороны недовольство и негативное отношение к иностранным гражданам и их неприятие.

Среди причин преступности, по нашему мнению, следует отметить также бесконтрольность и бессистемность перемещения иностранных граждан в пределах определенного населенного пункта. Помимо этого, мы считаем, что в нашей стране не на должном уровне организована работа правоохранительных и судебных органов по профилактике преступлений в отношении иностранных граждан.

В целях обеспечения безопасности трудовых мигрантов, полагаем следовало бы по возможности организовать компактное проживание этих лиц в одном микрорайоне в домах типа общежитий. Более ответственно подходить к отбору кандидатов на въезд в Россию с учетом наличия судимости, знания русского языка, трудовой квалификации, возможного наличия розыскных заданий по месту постоянного жительства кандидата.

Мы полагаем, что все эти меры позволят значительно сократить преступность среди иностранных граждан, временно прибывающих в нашей стране.

Пристатейный библиографический список

1. «О правовом положении иностранных граждан в РФ»: Федеральный Закон от 25.07. 2002 г. № 115-ФЗ (ред. От 14.07.2022) // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/https://big-rostov.ru/wp-content/uploads/2020/01/sbornik_12_2019.pdf.
2. Морозов С. В. Виктимологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в отношении иностранцев (по материалам Байкальского региона Владивосток: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Дальневосточный федеральный университет. – Владивосток, 2012. – 24 с.
3. Антонян Ю. М., Бражников Д. А., Гончарова М. В., Коваленко В. И., Шиян В. И., Бицадзе Г. Э., Евсеев А. В. Комплексный анализ состояния преступности в РФ и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. – 86 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/upload/site163/document_text/Kompleksnyy_analiz__original-maket_24_04.pdf (дата обращения: 22.07.2022).
4. Богомолова К. И. Преступность, связанная с иностранцами: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратовский юридический институт МВД России. – Саратов, 2011. – 28 с.
5. В России увеличивается количество совершаемых мигрантами преступлений. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/14454135> (дата обращения: 01.08.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-214-215

БЕЛЯКОВ Алексей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями Самарского государственного экономического университета

БОНДАРЕНКО Сергей Вячеславович

кандидат юридических наук, доцент кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЮ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПРОБЛЕМА?

В представленной статье авторы обращают внимание на вопросы борьбы с хищениями бюджетных средств, в частности, ее уголовно-правовые аспекты. В статье рассматриваются и комментируются мнения специалистов по данной тематике. Приводятся некоторые статистические данные. Обосновывается необходимость введения в уголовное законодательство соответствующего специального состава преступления. Высказывается предложение о выделении группы рассматриваемых преступлений в статистической выборке МВД.

Ключевые слова: хищение, бюджетные средства, специальный состав преступления.

BELYAKOV Aleksey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Organization of the fight against economic crimes sub-faculty of the Samara State University of Economics

BONDARENKO Sergey Vyacheslavovich

Ph.D. in Law, associate professor of Regime and security in the penal system sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

CRIMINAL-LEGAL METHODS OF COUNTERING EMBEZZLEMENT OF BUDGET FUNDS: IS THERE A PROBLEM?

The article discusses the issues of delineation of crimes provided for in Articles 158 and 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. In particular, the issue of qualification of certain actions containing simultaneously signs of the specified compositions is touched upon. The degree of public danger is compared. Separate signs of the objective side of these crimes are highlighted. The main reason for the inconsistencies is indicated. Modern judicial practice on this problem is considered, and one of the possible options for its resolution is also proposed.

Keywords: embezzlement, budget funds, special crime.

Защита бюджетных средств в настоящее время является предметом обсуждения на самом высоком уровне. Так, Генеральный прокурор России заявил, что борьба с рассматриваемыми преступлениями отнесена к числу основных государственных приоритетов. Он же в своем выступлении указал, что «согласно материалам Росфинмониторинга, только в первом полугодии 2021 г. прокурорами предотвращено хищение денежных средств в размере 378,3 млн рублей, в федеральный бюджет возмещено более 272,3 млн рублей. Возбуждено 14 уголовных дел, выявлен сговор участников торговых процедур на сумму 247,9 млн рублей¹. И. В. Григорьева, указывает, что в результате совершения рассматриваемых преступлений в среднем в год государству причиняется ущерб на сумму 7 миллиардов рублей, что, по ее мнению, составляет 60 % от имущественного вреда, причиненного всеми преступлениями [1, с. 3]. С их учетом высокой латентности, думаем, что эта цифра намного больше.

В специальной литературе вопрос об уголовной ответственности за хищения государственной собственности и бюджетных средств уже обсуждался. В частности, И. В. Григорьева делает выводы о том, что в настоящее время рассматриваемые деяния квалифицируются по статьям 159, 159.2, 160 УК РФ. Она же справедливо считает, что объекты указанных статей не охватывают все общественные отношения, которым фактически причиняется вред. Выходом из сложившейся ситуации может быть введение в уголовное законодательство отдельной статьи. Наиболее полный пере-

чень предложен этим же автором, которая условно объединила все составы в следующие группы: а) хищения бюджетных средств; б) нецелевые расходования бюджетных средств; в) связанные с бюджетными средствами злоупотребления должностными полномочиями, превышения должностных полномочий, служебные подлоги, халатность; г) связанные с бюджетными средствами злоупотребления полномочиями против интересов службы в коммерческих и иных организациях; д) незаконные получения государственного целевого кредита [1, с. 11]. Думаем, что данный перечень статей может быть дополнен ст.ст. 200.4, 200.6 УК РФ. Отчасти данное предложение поддерживает Генеральная прокуратура РФ².

М. Г. Ермаков и А. Е. Цепилов так же считают, что данная проблема заслуживает внимания, указывая, что часть из рассматриваемых преступлений квалифицируются как мошенничество или присвоение и растрата. Однако, авторы считают, что введение новой нормы лишь усложнит борьбу с рассматриваемым явлением, мотивируя свою позицию в том числе низким уровнем подготовки сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции [2]. Данная мотивировка является спорной, так как фактически авторы предлагают решать проблему низкого уровня квалификации сотрудников правоохранительных органов не усложнением уголовного законодательства. То есть проблема есть, но решать ее не надо, а то будет хуже.

Но ведь введение в УК РФ специальной нормы может и наоборот упростить работу органов дознания, так как им не

1 Сайт Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=66960784> (дата обращения: 26.09.2022).

2 Сайт Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=66960784> (дата обращения: 26.09.2022).

надо будет выбирать между различными видами хищения. А проблему низкой подготовки нужно решать другими способами, в том числе путем совершенствования системы работы ведомственных учебных заведений.

И. В. Григорьева так же поддерживает идею о введении в кодекс самостоятельной статьи, которая будет характеризовать специальный состав, базирующийся на деянии в виде хищения. При это автор в своей работе приводит свои конкретные предложения [1, с. 14].

Таким образом, в настоящее время по данной проблематике ведется определенная дискуссия, что указывает на необходимость решения обозначенной проблемы.

Следует отметить, что вопросы борьбы с указанными преступлениями обсуждались и в органах законодательной власти. Так, в Государственную думу уже представлялись законопроекты с целью внесения в УК РФ изменений, связанных с появлением статей специально направленных на борьбу с хищениями бюджетных средств, однако данные инициативы не получили своего развития. Мотивация противников таких изменений заключалась в следующем. Выделение отдельного состава преступления, направленного на охрану бюджетных средств, противоречит конституционному правовому равенству охраны всех форм собственности в нашей стране. Вторым аргументом является наличие в действующем законодательстве эффективных механизмов борьбы с рассматриваемым явлением. Отчасти следует согласиться с той частью приведенной аргументации, где указывается на наличие в УК РФ статей, которые в целом содержат признаки преступлений, достаточных для привлечения к уголовной ответственности, но возникает вопрос об их эффективности. Разве стали меньше воровать из бюджета? Как следует из выше приведенных статистических данных, по всей видимости нет. Так же хотелось бы отметить некую непоследовательность законодателя в своем поведении при аналогичных обстоятельствах.

Так, Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ УК РФ был дополнен статьями 159, 159.1, 159.3, 159.5 которые отдельно дискриминационно выделяют и охраняют право собственности индивидуальных предпринимателей, страховых компаний, кредитных организаций, а также отдельные интересы последних в виде охраны электронных средств платежа. И исходя из представленной информации возникает закономерный вопрос. Почему в 2012 году законодатель с помощью своих решений нарушил конституционное право равенства всех форм собственности? Поэтому, считаем аргументы противников обсуждаемых предложений необоснованными хотя бы в силу непоследовательности их собственных решений.

Еще одним аргументом в пользу обсуждаемых изменений является повышенная общественная опасность рассматриваемых хищений. Об этом свидетельствуют наличие дополнительных прав и интересов, которые нарушаются при их совершении. К таковым помимо права собственности государства, по мнению Е. Г. Григорьевой, следует отнести общественные отношения по осуществлению интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления [1, с. 12]. Соглашаясь с мнением автора, хотелось бы дополнить его позицию. Следует вспомнить источник формирования бюджетных средств (налогоплательщики – граждане и организации) и его основное назначение. Что качается последнего, то исходя из определения бюджета аккумулированные в нем средства предназначены для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления³, а к таковым следует отнести признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, затрагиваются не только интересы государства, но и интересы его граждан, которые за это

заплатили. Следовательно, интересы граждан, это еще один дополнительный объект в предлагаемой норме.

То есть помимо права собственности государства, нарушается интерес населения на эффективное использование собственных средств, направленных ими в бюджет. Сюда же можно отнести и интересы государства на осуществление своей эффективной деятельности.

Если обратиться к традициям тюремной субкультуры, которая является своеобразным отражением нашей культуры, то в ее рамках ответственность за хищения из «общака» гораздо выше, чем за кражу у осужденного.

Соглашаясь с позицией авторов, которые выступают за введение специальной статьи в УК РФ, направленной на борьбу с хищениями бюджетных средств. Во-первых, ведение подобного состава укажет на повышенное политическое внимание со стороны государства к данному вопросу, а ведь он касается наших общих (народных) денег. Во-вторых, вероятнее всего, вопрос конкуренции между общей и специальной нормой при удачной формулировке последней будет решаться гораздо легче, в том числе и сотрудниками соответствующих подразделений, которые в большинстве своем достаточно низко оценили свою компетенцию. Вместо выбора из двух статей (ст. 159 и ст. 160 УК РФ) им необходимо будет остановить свой выбор на одной. И вопрос конкуренции будет решаться путем правильного определения специального предмета хищения бюджетных средств, независимо от способа его совершения при наличии общих признаков субъекта преступления. Затрудняет борьбу с рассматриваемыми преступлениями отсутствие сведений о них в ключевом общедоступном статистическом источнике «Состояние преступности в России», а следовательно, предлагаем включить в данный сборник позицию для учета «хищение бюджетных средств».

Подводя итог, хотелось бы отметить, что введение специальной нормы является целесообразным, поскольку:

во-первых, это укажет на заинтересованность (а не наоборот) органов власти о судьбе бюджетных (народных) денег; во-вторых, это облегчит решение вопросов квалификации между общей и специальной нормой;

в-третьих, появится реальная возможность оценить эффективность подобного нововведения, при условии разработки удачной уголовно-правовой конструкции.

Таким образом, следует отметить, что рассмотренная проблема нуждается в дальнейшей разработке, в частности существует необходимость в разработке проекта статьи уголовного законодательства, предусматривающую специальную ответственность за хищение бюджетных средств.

Оценить эффективность принятых мер, позволит введение официальной периодичной статистики в рамках сборника «Преступность в России» соответствующих данных.

Пристатейный библиографический список

1. Григорьева И. В. Уголовно-правовые меры противодействия хищениям бюджетных средств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - Москва, 2019. - С. 3.
2. Ермаков М. Г., Цепилов А. Е. Уголовная ответственность за хищение бюджетных средств при осуществлении госзакупок: достаточность законодательного регулирования // Научный вестник Омской академии МВД России. - 2022. - Т. 28. - № 2. - С. 122-126.

3 См. ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-216-219

ДЕНИСОВИЧ Вероника Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Института права Челябинского государственного университета, адвокат Челябинской областной коллегии адвокатов «Академическая»

КОВАЛЬ Ксения Михайловна

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Института права Челябинского государственного университета

ЧЕРЕПАШКИН Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Института права Челябинского государственного университета

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ПРЕСТУПНУЮ И ИНУЮ АНТИОБЩЕСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Проблема охраны и защиты прав детей является одной из острейших. 24 февраля 2022 года, в своем обращении Президент Российской Федерации В. В. Путин обратил внимание на то, что «В основе нашей политики – свобода, свобода выбора для всех самостоятельно определять своё будущее и будущее своих детей». Совершение несовершеннолетними преступлений и совершение ими антиобщественных деяний являются взаимосвязанными явлениями, причем нередко одно из них влечет наступление другого.

Однако в практике применения ст. ст. 150, 151 УК РФ возникают трудности, поскольку в законодательстве Российской Федерации нет конкретизированного толкования их норм и соответствующего его закрепления на законодательном уровне. В этой связи требует проработки вопрос, связанный с трудностями применения данных статей.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетнего, антиобщественная деятельность, антиобщественное поведение, преступная деятельность несовершеннолетних, отклоняющееся поведение несовершеннолетних.

DENISOVICH Veronika Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Institute of Law of the Chelyabinsk State University, Advocate of the Chelyabinsk Regional Bar Association "Akademicheskaya"

KOVAL Kseniya Mikhaylovna

lecturer of Criminal law and criminology sub-faculty of the Institute of Law of the Chelyabinsk State University

CHEREPASHKIN Aleksey Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Institute of Law of the Chelyabinsk State University

ACTUAL PROBLEMS OF QUALIFICATION OF INVOLVEMENT OF A MINOR IN CRIMINAL AND OTHER ANTISOCIAL ACTIVITIES AND WAYS TO SOLVE THEM

The problem of protection and protection of children's rights is one of the most acute. On February 24, 2022, in his address, President of the Russian Federation Vladimir Putin drew attention to the fact that "At the heart of our policy is freedom, freedom of choice for everyone to independently determine their own future and the future of their children." The commission of crimes by minors and the commission of antisocial acts by them are interrelated phenomena, and often one of them entails the onset of the other. However, in the practice of applying Articles 150, 151 of the Criminal Code of the Russian Federation, difficulties arise, since the legislation of the Russian Federation does not have a specific interpretation of their norms and accordingly its consolidation at the legislative level. In this regard, the issue related to the difficulties of applying these articles needs to be worked out.

Keywords: involvement of a minor, antisocial activity, antisocial behavior, criminal activity of minors, deviant behavior of minors.

Необходимо отметить, что абсолютно все суды, в практике которых встречаются случаи вовлечения несовершеннолетнего в преступную и иную антиобщественную деятельность, обращаются не только к положениям уголовного законодательства, но и к действующим в настоящий момент Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», а также Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре»¹. Наиболее частыми в судебной практике встречаются случаи привлечения к уголовной ответственности по простым составам ч. 1 ст. 150 УК РФ и ч. 1 ст. 151 УК РФ (приложение 1). Данная тенденция свойственна и статистике

судов Челябинской области. Так, за 2021 год по статье 150 УК РФ было вынесено 6 приговоров (3 из которых по части 1); по статье 151 УК РФ было вынесено 4 приговора (и все 4 по части 1)².

Полагаем, что заслуживает отдельного внимания вопрос значения возраста вовлекаемого в преступление. Поэтому выделение в качестве квалифицирующего признака ст. 150 УК РФ вовлечение в совершение преступления лица, не достигшего возраста 14 лет, представляется, соответствует существующим тенденциям уголовной политики. Нальчикский городской суд признал жителя Кабардино-Балкарии Заурбека Жамбекова виновным в дискредитации российской

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. № 277.

2 Данные судебной статистики Управления Судебного департамента в Челябинской области за 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://usd.chel.sudrf.ru/modules.php?name=stat> (дата обращения: 07.07.2022).

армии (ч. 1 ст. 280.3 УК РФ) и вовлечении несовершеннолетней дочери в совершение преступления (ч. 2 ст. 150 УК РФ). В апреле 2022 года «по наущению отца» девочка сорвала со стекла чужой машины наклейку в виде буквы Z³.

Интересна практика применения судами законодательства об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления в отношении нескольких лиц. 28 ноября 2018 года, в период с 01 до 03 часов, на ул. Красных Партизан г. Брянска Кожурин А.В., являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, предложил совершить кражу чужого имущества - автомобиля четверым несовершеннолетним лицам. С этим предложением Кожурин А.В. указанные несовершеннолетние лица согласились, в результате чего они вступили в преступный сговор, распределив между собой преступные роли. Тем самым Кожурин А.В. вовлек этих четверых несовершеннолетних лиц в совершение преступления⁴.

Как отмечают некоторые исследователи, одновременное вовлечение нескольких подростков зачастую неверно квалифицируется следственными и судебными органами как совокупность преступлений [1].

В одном из уголовных дел органы предварительного следствия вовлечение двух несовершеннолетних квалифицировали по совокупности преступлений, но суд указал, что вовлечение в совершении преступления не одного, а нескольких несовершеннолетних не образует совокупности преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ, и не может повлечь назначения наказания по совокупности⁵.

В другом деле Забелин А.А., достигший восемнадцатилетнего возраста, находясь на проезжей части, путем обещания дать возможность управлять нижеуказанным автомобилем, вовлек малолетних К. и В., в совершение угона автомобиля. Последние, согласившись на предложение Забелина А.А., стали наблюдать за окружающей обстановкой с целью предупреждения Забелина А.А. об опасности обнаружения их преступных действий. В это время последний, исполняя свою роль в совершении преступления, путем разбития стекла неустановленной отверткой, проник в принадлежащий Н. автомобиль, и воспользовавшись найденными в автомобиле ключами, Забелин А.А. привел двигатель в рабочее состояние, а автомобиль в движение. Затем Забелин А.А., управляя вышеуказанным автомобилем, совместно с К. и В., выехал с места его парковки, тем самым совершил его угон⁶. Его действия были верно квалифицированы судом по ч. 1 ст. 150 УК РФ.

Хотелось бы отметить, что часто в судебной практике встречаются случаи, когда в совершение преступления вовлекаются сразу несколько несовершеннолетних лиц. Однако данный вопрос не урегулирован уголовным законодательством.

Несмотря на то, что употребление слова «несовершеннолетний» в статьях 150 и 151 УК РФ в единственном числе не означает, что ответственность влечет только вовлечение одного несовершеннолетнего в совершение преступления. Это означает лишь разнообразие видов преступной и иной антиобщественной деятельности и охватывает вовлечение как одного, так и нескольких несовершеннолетних. Однако, представляется, необходимо ужесточить уголовную ответственность за вовлечение двух и более несовершеннолетних в совершение преступления, и изложить ч. 3 ст. 150 УК РФ следующим образом: Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в отношении двух или более несовершеннолетних, или применением насилия или с угрозой его применения, – Аналогично необходимо изложить и ч. 3 статьи 151 УК РФ.

Итак, в настоящее время сложилась довольно обширная судебная практика применения судами законодательства об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Следует отметить, что в силу статьи 15 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»⁷ не подлежат размещению в сети «Интернет» тексты судебных актов, вынесенных по делам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних. Поэтому доступ к приговорам по статьям 150 и 151 УК РФ довольно таки ограничен.

В научной литературе высказывались различные позиции относительно эффективности законодательного закрепления уголовной ответственности по ст.ст. 150, 151 УК РФ и особенностей конструирования составов.

Ч.Ш. Купирова приходит к следующему выводу: «Вовлечение в преступление лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, семнадцатилетнего содержит признаки состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. В рассматриваемом случае уровень интеллекта, образования и культуры вовлекающего лица и несовершеннолетнего приблизительно одинаковый и не содержит существенных различий, с учетом специфики взаимоотношений и индивидуально-психологических особенностей указанных лиц» [2].

Действительно, такая особенность имеет место на практике. Представляется, что в подобных ситуациях, необходимо учитывать:

- разницу в возрасте между лицами;
- индивидуально-психологические особенности виновного, в т.ч. особенности личности, характера, эмоционально-волевой сферы;
- иные обстоятельства, способные существенно повлиять на поведение субъекта.

Представляется, что как незначительный разрыв в возрасте можно признать разницу, которая составляет в пределах одного года. Фактически, такое положение направлено на устранение формального подхода в привлечении к уголов-

3 Приговор Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики от 24.06.2022 г. по делу № 1-818/2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://nalchiksky-kbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=case&case_id=35230869&case_uid=c5cfa299-5617-4f30-b5c5-5137d44e60e8&delo_id=1540006&new=\(дата обращения: 07.07.2022\)](https://nalchiksky-kbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=case&case_id=35230869&case_uid=c5cfa299-5617-4f30-b5c5-5137d44e60e8&delo_id=1540006&new=(дата обращения: 07.07.2022)).

4 Приговор Фокинского районного суда г. Брянска № 1-138/2019 от 13.06.2019 г. по делу № 1-138/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/wr07SD02yCdC/> (дата обращения: 07.07.2022).

5 Приговор Нижегородского областного суда от 11.03.2020 г. по делу № 2-8/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/GTT4bZnO5aLb/> (дата обращения: 07.07.2022).

6 Приговор Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 11 февраля 2019 г. по делу № 1-16/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/JDRmxlNvVlbu/> (дата обращения: 07.07.2022).

7 Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

ной ответственности. Представляется, что указанное направление можно отразить в примечании к ст. 150 УК РФ.

Кроме того, представляется более целесообразным изменить формулировку ст.ст. 150, 151 УК РФ, заменив термин «вовлечение» на «склонение», что представляется более удачным подходом.

Еще одну актуальную проблему представляет собой закрепление категории «одурманивающие вещества» для целей применения данной категории при квалификации по ст. 151 УК РФ. Так, на сегодняшний день, отсутствует надлежащее правовое регулирование данного вопроса. Фактически отсутствует официальный список одурманивающих веществ.

Представляется, что целесообразно отнести ведение списка одурманивающих веществ к компетенции Правительства РФ. Так, к компетенции Правительства РФ, на сегодняшний день, относится ведение:

– перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров⁸;

– списка сильнодействующих и ядовитых веществ⁹.

Таким образом, можно отметить, что на сегодняшний день, имеют место определенные проблемы в сфере квалификации деяния как вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или антиобщественных действий, которые требуют решения и формирования новых подходов, в том числе посредством совершенствования правового регулирования.

Составы преступлений ч. 1 ст. 150, ч. 1 ст. 151 и ст. 151.1 УК РФ следует рассматривать в качестве смежных составов. Разграничение данных составов по признакам объективной стороны заключается в том, что объективной стороной ч. 1 ст. 151 УК РФ является вовлечение несовершеннолетнего в такие действия как: систематическое употребление алкогольной и иной одурманивающей продукции, а также в бродяжничество, попрошайничество. Действия виновного выражаются в форме уговоров, обещаний, угроз или предложения, а также путем психологического воздействия. Т.е. в данном случае виновный с помощью определенных действий подталкивает несовершеннолетнего к употреблению спиртных напитков, а в анализируемой статье речь идет только о вовлечении в преступные деяния.

Объективная сторона ст. 151.1 УК РФ заключается в однократной продаже несовершеннолетнему алкогольной продукции. Субъект преступления не использует такие действия как уговоры, угрозы и иные действия, побуждающие несовершеннолетнего приобретать и употреблять алкогольную продукцию. В данном случае несовершеннолетний сам принимает решение о приобретении алкогольной продукции, а продавец содействует ему в этом путем продажи. В некоторых случаях процесс реализации и потребления алкоголя несовершеннолетним совпадают, т.е. продавец не только продает алкоголь несовершеннолетнему, но и также вовлека-

ет его в систематическое употребление. В данном случае преступление квалифицируется по совокупности составов.

Необходимо отличать состав преступления, предусмотренного статьей 150 УК РФ, от введенного в 2017 году¹⁰ в УК РФ нового состава, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего». Разграничение здесь проводится по нескольким признакам: 1. Во-первых, согласно статье 151.2 УК РФ несовершеннолетний совершает противоправное действие, но не преступление; 2) Во-вторых, законодатель в данной статье ставит равенство между двумя понятиями «склонение» и «вовлечение»; 3) В-третьих, деяние несовершеннолетнего носит опасный для его жизни характер. Достоинством данной статьи является то, что среди квалифицирующих признаков назван совершение преступления в отношении нескольких несовершеннолетних.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» как антиобщественные действия несовершеннолетних определены не только употребление алкоголя и одурманивающих веществ, но и занятие проституцией, попрошайничество, бродяжничество, а также иные действия, которые нарушают права и законные интересы других лиц¹¹. Если бы в статье 151 Уголовного кодекса Российской Федерации были перечислены все указанные выше антиобщественные действия, то существенно сократилось бы количество проблем, связанных с разграничением смежных со статьей 151 Уголовного кодекса Российской Федерации, например, с квалификацией вовлечения несовершеннолетнего в занятие проституцией (часть 3 статьи 240 УК РФ).

Уяснение разъяснений, которые даны Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, позволяет утверждать, что зачастую вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность тесно связано с вовлечением в антиобщественную деятельность, например, в употребление алкоголя или наркотиков. Подобные действия нередко предшествуют вовлечению в преступную деятельность, поскольку измененное состояние сознания под воздействием алкоголя либо наркотиков искажает восприятие действительности, снимает внутренние психологические барьеры. Кроме того, вовлечение в употребление наркотиков, на чем акцентирует внимание Л.С. Радькова, можно рассматривать как самостоятельный способ вовлечения в преступную деятельность, связанную с незаконным распространением наркотиков, потому что зависимые люди легко выполняют указания, чтобы получить возможность употребить наркотики, получаемые в виде платы [3].

Не оспаривая утверждение Л.С. Радьковой, стоит отметить, что способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления не имеет значения для квалификации деяния. Подобный подход можно объяснить тем, что предусмотреть все возможные способы в конкретной норме закона

8 Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (ред. от 24.01.2022) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. № 27. 06.07.1998. Ст. 3198.

9 Постановление Правительства РФ от 29.12.2007 № 964 (ред. от 22.11.2021) «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 14.01.2008. № 2. Ст. 89.

10 Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ № «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // Российская газета. 2017. № 125.

11 Федеральный закон от 24.06.1999 № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Российская газета. 1999. № 121.

невозможно, хотя и определенные критерии для квалификации деяния все же должны присутствовать.

Важным применительно к квалификации деяния, как предусмотренного статьей 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, будет побуждение к совершению именно преступления, определенного в качестве такового в УК РФ. В том случае когда деяние, совершенное несовершеннолетним под воздействием взрослого, является административно наказуемым либо порицается обществом с позиций морали и нравственности, состав преступления, закрепленного в статье 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, отсутствует.

Вместе с тем ряд исследователей полагает, что понятие вовлечения, закрепленное в статье 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, идентично понятию вовлечения, которое присутствует в статье 151 этого же кодекса. Например, В.А. Горностаева полагает, что вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность может быть совершено теми же способами, что и вовлечение в совершение преступлений [4]. С учетом разъяснений, которые были даны Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в пункте 42 Постановления от 1 февраля 2011 года № 1, с данным утверждением можно согласиться.

На сегодняшний день острой проблемой общества является разжигание агрессии в сети интернет, с использованием мессенджеров.

В.Е. Круковский и И.Н. Мосечкин отмечают, что очень часто встречается именно активизация агрессии, провокация на совершение преступлений. Сложным является также квалификация такого деяния как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления вследствие того, что объект агрессии не персонифицирован. Авторы акцентировали внимание на том, что фактически речь идет о провокации на совершение немотивированных и массовых убийств, иллюстрируя свое утверждение на примере множественных случаев убийств, которые были совершены подростками в учебных заведениях [5].

Представляется, что наличие подобной проблемы носит скорее теоретический характер в силу того, что призывы к экстремистской деятельности влекут наступление ответственности именно за экстремизм.

Вместе с тем, определенная проблема будет присутствовать в том случае, когда взрослые будут провоцировать несовершеннолетних к совершению преступлений в отношении определенной социальной группы либо в отношении людей определенной национальности. При этом для квалификации будет иметь значение, были ли допущены лицом просто негативные высказывания либо в высказываниях содержался призыв к действию. Во втором случае явно присутствует состав преступления, предусмотренный статьей 150 Уголовного кодекса Российской Федерации [6].

При разграничении преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ и склонения к употреблению наркотических средств и психотропных веществ, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ необходимо учесть, что склонение является формой вовлечения, а понятия «одурманивающие вещества и вовсе не предусмотрены законодательством, отнесено к полномочиям Правительства РФ, которое разрабатывает перечень соответствующих веществ и средств.

Однако на практике сложно разграничить одурманивающие вещества и наркотические средства, правоприменители исходят из положения, согласно которому, если подросток был вовлечен в употребление наркотических и одурманивающих средств или психотропных веществ, то содеянное представляет собой совокупность преступлений, предусмотренных ст. 151 и

230 УК РФ, поскольку ст. 230 УК РФ не является специальной по отношению к ст. 151 УК РФ [7].

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что при квалификации преступлений по составам ст. 150 УК РФ необходимо обращать внимание на особенности оценки объективной и субъективной сторон данных преступлений и не допускать ошибок в квалификации со смежными составами.

Безусловным достоинством ст. 150 УК РФ, например, в отличие от ст. 230 УК РФ («Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»), является наличие такого квалифицирующего признака, который сужает круг субъектов преступления, как совершение вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. В данном случае повышенную ответственность несут лица, которые в силу своего авторитета перед потерпевшими могут вовлечь несовершеннолетних в совершение преступления.

Итак, составы преступлений ч. 1 ст. 150, ч. 1 ст. 151 и ст. 151.1 УК РФ являются смежными. Рассматриваемое нами преступление следует отграничивать от преступлений, предусмотренных ст. 151.1 и 151.2 УК РФ по объективной стороне.

Пристатейный библиографический список

1. Харламова А.А., Богатова Е.В. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных ст. ст. 150, 151 УК РФ, по признаку «потерпевший» // Уголовное право. 2016. № 3. С. 94-98.
2. Купирова Ч.Ш. Ответственность за преступления против несовершеннолетних: по материалам следственно-судебной практики Приволжского федерального округа: дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2015. С. 10.
3. Радькова Л.С. Механизмы вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3. С. 3.
4. Горностаева В.А. Некоторые вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (статья 151 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Череповецкие научные чтения 2016. Материалы всероссийской научно-практической конференции. В 3-х частях / Отв. ред. Е.В. Целикова. 2017. С. 48.
5. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 200.
6. Сазанова Е.А., Собакарева Е.В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ): проблемные аспекты законодательного конструирования и практики применения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 7. С. 90-93.
7. Наниз А.Ю. Разграничение вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий от смежных составов преступлений // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021 С. 101-103.

КАРЧЕВСКИЙ Кирилл Александрович

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, майор полиции

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТА НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В статье представлены основные подходы к определению субъекта незаконного предпринимательства без лицензии и выявлены основные тенденции в следственно-судебной практике по его определению. Отмечается возросшая роль судебного толкования положений отечественного уголовного закона, регламентирующих уголовную ответственность за незаконное предпринимательство без обязательной для этого лицензии.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, лицензия, субъект преступления.

KARCHEVSKIY Kirill Aleksandrovich

lecturer of Criminal law and criminology sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

PECULIARITIES OF THE SUBJECT ILLEGAL BUSINESS

The article presents the most popular points of views in determining the subject of illegal business without a license and trends in law enforcement practice. The contradictory judicial practice in criminal cases, which is currently available, creates confusion in law enforcement practice.

Keywords: illegal business, license, subject of a crime.

Карчевский К. А.

В связи с необходимостью уравнивания уголовной политики преступления в сфере предпринимательской деятельности, подлежащей лицензированию, в последнее время заслуженно находятся в центре внимания законодателя и правоприменителей. Это, прежде всего, связано с необходимостью обеспечения взвешенной уголовной политики, что подтверждается в ряде документов стратегического планирования [1], [2]. Несмотря на обеспокоенность государства преступлениями в сфере экономической деятельности, на протяжении длительного периода времени наблюдается стойкая тенденция к снижению мер уголовно-правового воздействия на сферу предпринимательства, связанного с лицензированием. В свете последних общественно-политических событий государство нацелено на частичную, а возможно и полную декриминализацию данной категории преступлений [3], что безусловно снизит влияние уголовно-правовых инструментов на предпринимательское сообщество. Однако приведенная инициатива представляется весьма неоднозначной в силу того, что ведение предпринимательской деятельности с обязательной лицензией имеет цель предупреждение возможных негативных и опасных последствий, которые могут возникать в случае отсутствия системы производственного контроля, квалифицированных работников и технических средств, оборудования и т.д., наличие которых предусматривает лицензия. Ведение предпринимательской деятельности без обязательной для этого лицензии, то есть без принятия установленных государством требуемых и необходимых мер по предотвращению возможных общественно опасных последствий, представляет значительную общественную опасность и несет потенциальную угрозу порождения целой серии чрезвычайных происшествий и техногенных аварий, которые сопоставимы по масштабам и последствиям разливу нефтепродуктов из хранилища ТЭЦ-3 АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания», который случился 29.05.2020 года в г. Норильске, Красноярского края или взрыву на шахте «Листвяжная» Кемеровской области 25.11.2021 года.

Помимо высокой потенциальной опасности преступлений в сфере предпринимательства, подлежащего лицензированию, последние, несмотря на значительную степень изученности вопроса, являются довольно сложными с точки зрения квалификации. В частности, на протяжении длительного периода времени в следственно-судебной практике возникают сложности при определении субъекта преступле-

ния, предусмотренного ст. 171 УК РФ, вызванные некоторой правовой неопределенностью, содержащейся в уголовном законе. Преступление, предусмотренное ст. 171 УК РФ, является бланкетным, то есть для уяснения его сущности следует обратиться к отраслям права, регламентирующим ведение предпринимательской деятельности, а также к специализированному законодательству в сфере лицензирования. Приведенная конструкция представляется вполне оправданной с точки зрения юридической техники, однако не является совершенной.

Так на основании разъяснений, которые содержатся в п. 10 ПП ВС РФ от 18.11.2004 № 23 [4], субъектом преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, при соответствии его критериям, установленным ст. 19 и 20 УК РФ, может являться «физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, а также при осуществлении предпринимательской деятельности организацией – физическое лицо, на которое в силу его служебного положения постоянно, временно или по специальному полномочию были непосредственно возложены обязанности по руководству организацией, а также лицо, фактически выполняющее обязанности или функции руководителя организации» [5]. (далее – руководитель организации) Со вступлением в силу ФЗ от 27 ноября 2018 г. N 422-ФЗ под лицом, осуществляющее предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя возможно считать физическое лицо, имеющее определенное гражданство, которое перешло на специальный налоговый режим, созданный вышеуказанным законом (далее – самозанятый). Приведенная новелла дала почву для рассуждений о возможности определения в качестве субъекта преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, самозанятого.

Сравнивая вышеизложенные разъяснения суда о субъекте преступления и новеллы законодательства с дефинициями, закрепленными в понятийном аппарате ст. 3 ФЗ от 04.05.2011 № 99-ФЗ [5], в части содержания терминов соискателя лицензии и лицензиата, следует отметить, что не предполагается получение лицензии лицом, которое ведет предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Кроме того, ч. 2 ст. 4 ФЗ от 27 ноября 2018 г. N 422-ФЗ установ-

лишает запрет на приобретение статуса самозанятого лица, которые продают товары, обремененные акцизом, а также осуществляют добычу и продажу полезных ископаемых. То есть в таких отраслях экономики и сферах человеческой активности, деятельность в которых в силу положений ст. 12 ФЗ от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ [5] подлежит лицензированию и не может осуществляться легально без наличия действующей лицензии.

Основываясь на вышеописанном анализе приведенных положений, для преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, субъектом следует определить руководителя организации или индивидуального предпринимателя, исключая тех физических лиц, которые не зарегистрированы в установленном законом порядке как индивидуальные предприниматели. Ведение же предпринимательской деятельности, подлежащей лицензированию, лицом, не зарегистрированным в установленном законом порядке, в полной мере охватывается признаком «без регистрации» и дополнительно не требует вменения признака «без лицензии, в случаях, когда такая лицензия обязательна» [6].

Отдельно следует отметить, что в следственно-судебной практике встречаются случаи, когда руководители организаций перекладывают обязанность обеспечить лицензией ведение предпринимательской деятельности вверенных им организаций на иных лиц в силу трудовых отношений или гражданско-правовых договоров, что потенциально может затруднить определение субъекта преступления.

Для устранения приведенной неопределенности в п. 11 ПП ВС РФ от 18.11.2004 № 23 Верховный Суд РФ разъяснил, что факт трудовых отношений между организацией и физическим лицом, на которое возлагается обязанность в обеспечении лицензией ведение предпринимательской деятельности, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ [4].

Примером из следственно-судебной практики описанной модели перепоручения обязанностей могут служить следующие казусы. В производстве СЧ СУ МВД по Республике Крым находилось уголовное дело № 2016007034, возбужденное 01.08.2016 по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ. В ходе предварительного следствия установлено, что в период времени с 01.06.2015 по 29.11.2016 ООО «Фирма «ТЭС», руководителем которого являлся президент Б.С.Г., с использованием склада горюче-смазочных материалов и площадки нефтебазы по хранению и переработке нефти и нефтепродуктов, на эксплуатацию которых требовалась лицензия, осуществляло предпринимательскую деятельность без лицензии в случае, когда такая лицензия обязательна, а именно реализовывало и хранило нефтепродукты с указанных объектов, тем самым осуществляло коммерческую деятельность, размер дохода от которой составил особо крупный размер. При проведении предварительного следствия президент Б.С.Г. ООО «Фирма «ТЭС» возражал против возбуждения уголовного дела и проведения расследования, ссылаясь, помимо иных доводов, на то, что получение необходимой лицензии для легального ведения предпринимательской деятельности обществом, которым он руководит в инкриминируемый период, возложено на Р.В.А. в соответствии с гражданско-правовым договором.

Аналогичные доводы были предложены осужденным Костяным И. В. при кассационном пересмотре уголовного дела по обвинению последнего в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ. По утверждению Костяного И. В., обязанность по обеспечению законной деятельности в части эксплуатации опасного производственного объекта вверенной ему организации в инкриминируемый период была возложена на его заместителя [7].

В приведенных примерах как орган предварительного следствия, так и суд кассационной инстанции при постановлении решений опирались на разъяснения ПП ВС РФ от 18.11.2004 № 23, которые содержатся в п. 11, и справедливо определили субъектами преступлений руководителей организации, а не лиц, которым в инкриминированные периоды делегированы полномочия по обеспечению указанных организаций необходимыми лицензиями на ведение предпринимательской деятельности. В соответствии с выводами правоприменителей, представители организаций не обладали фактическими полномочиями руководителей при осуществлении своей деятельности в силу трудовых отношений или гражданско-правового договора, в том числе сопряженного с

выдачей доверенности на совершение юридически значимых действий в интересах упомянутых организаций.

Таким образом, полагаем, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, в случае ведения предпринимательской деятельности без обязательной лицензии или с лицензией, срок которой истек, является руководитель юридического лица или индивидуальный предприниматель. К субъектам данного преступления не следует относить в таком случае лиц самозанятых, а также лиц, которым делегированы какие-либо полномочия, и не являющиеся руководителем юридического лица.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что преступления в сфере предпринимательства, подлежащего лицензированию являются одними из наиболее сложных в следственно-судебной практике, что обусловлено их межотраслевым характером. Как уже отмечалось ранее, диспозиция преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, имеет довольно сложную конструкцию, предоставляющую правоприменителям чрезмерную дискрецию при определении признаков указанного состава преступления. Ввиду сложности законодательного закрепления нормы возрастает роль судебного толкования в решении проблемных вопросов квалификации и оценки обстоятельств ведения предпринимательской деятельности без обязательной лицензии. Полагаем, что чрезмерная либерализация уголовной ответственности по отношению к преступлениям в сфере предпринимательства, подлежащего лицензированию, ставит под угрозу безопасное функционирование вредных и потенциально опасных производств, других экономически значимых для общества объектов, а также жизнь, здоровье и благополучие населения.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 10.06.2022).
2. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 10.06.2022).
3. Перечень поручений по итогам XXV Петербургского международного экономического форума, Пр-1269, п. 9а-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/69045> (дата обращения: 20.07.2022).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (ред. от 7 июля 2015 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1253895/> (дата обращения: 20.06.2022).
5. Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (дата обращения: 20.06.2022).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.06.2022).
7. Кассационное постановление Московского областного суда № 44У-253/2017 4У-1986/2017 от 13 сентября 2017 г. по делу № 1-139/2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/rAzaBQgO2011/> (дата обращения: 17.05.2022).

МАГОМЕДОВА Арапат Исаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

МАГОМЕДОВ Магомед Гусейнович

магистрант 2-го года обучения Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА

Статья посвящена проблемам конфискации имущества. На основе действующего уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального, гражданско-процессуального законодательства, дается анализ проблемам применения конфискации имущества как иной меры уголовного-правового характера. В завершении пришли к выводу о том, что неполноценное и противоречивое правовое регулирование конфискации имущества и непонимание его правовой природы сотрудниками правоохранительных органов усложняют применение современной конфискации имущества.

Ключевые слова: конфискация имущества, иная мера уголовно-правового характера, уголовное наказание.

MAGOMEDOVA Arapat Isaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MAGOMEDOV Magomed Guseynovich

magister student of the 2nd year of study of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice

SOME PROBLEMS OF PROPERTY CONFISCATION APPLICATION

The article is devoted to the problems of confiscation of property. On the basis of the current criminal, penal enforcement, criminal procedure, civil procedure legislation, the analysis of the problems of the application of confiscation of property as another measure of a criminal-legal nature is given. In conclusion, we came to the conclusion that the incomplete and contradictory legal regulation of the confiscation of property, and the lack of understanding of its legal nature by law enforcement officials complicate the application of modern confiscation of property.

Keywords: confiscation of property, other measure of a criminal nature, criminal punishment.

В истории уголовного права принудительный арест имущества существовал давно и его регулирование постоянно менялось. Сам термин конфискация появился в конце восемнадцатого века. Нынешний этап развития конфискации начался с принятия Уголовного кодекса 1996 года. Изменения в законодательстве коснулись и практики конфискации имущества: если в 1995 году конфискация применялась к 71 тысяче осужденных, то в 1997 году – к 10 тысячам [4, С. 42]. Наиболее серьезные изменения с конфискацией имущества произошли в 2003 году, когда оно было исключено из Уголовного кодекса РФ. В середине 2006 года, понимая ошибочность исключения данного вида наказания, законодатель вернул конфискацию имущества в Уголовный кодекс, но уже в совершенно ином качестве.

С тех пор в научной литературе исследуется правовая природа конфискации имущества. Хуже обстоит дело с применением конфискации имущества, так как частые изменения в законодательстве всегда вызывают трудности у правоохранительных органов. Изменение места введения института конфискации имущества в Уголовном кодексе РФ также повлияло на регламентацию применения данной меры в законодательстве. Объективно нельзя охарактеризовать проводимые реформы как последовательные и логичные. Так, в соответствии со статьей 2 ч. 2 УИК Российской Федерации уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации устанавливает общие положения и принципы применения иных уголовных мер, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, поэтому, согласно логике законодательной власти, положения о применении конфискации имущества должны быть включены в УИК РФ. Однако, согласно анализу этого Кодекса, определить режим

принудительной конфискации имущества не представляется возможным. Считаем целесообразным посвятить главу в Уголовно-исполнительном кодексе РФ конфискации имущества, так как это приведет к порядку отношений, которые будут развиваться в отношении изъятия, и это также будет соответствовать логике построения Уголовного кодекса РФ.

После введения в Уголовный кодекс Российской Федерации конфискации имущества в качестве иной меры, в ст.81 УПК РФ был включен пункт 4.1 которым говорится, что «деньги, ценности и иное имущество, указанные в пунктах «а» — «в» части первой статьи 104.1 УК РФ, подлежат конфискации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 4 настоящей части». В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации этому вопросу посвящается статья 446: так, взыскание не обращается на жилое помещение (его часть) и земельные участки, на которых оно находится, являющееся единственным пригодным помещением для проживания осужденного и его семьи (за исключением, жилых помещений - предметов ипотеки, на которые в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание); имущества, необходимого для профессиональных занятий лица (стоимость которых не более ста минимальных размеров оплаты труда) - таким образом, у гражданина есть определенные гарантии, обеспечивающие ему и лицам, находящимся на его иждивении, возможность к существованию. Ранее (когда конфискация являлась наказанием) такой перечень сохранился в Приложении УИК РФ, в целом он выполнял такие же функции, как и перечень, содержащийся в ГПК РФ. Однако, ввиду различия между ранее существовавшей

и существующей ныне конфискацией, нельзя не отметить различия в приведенных перечнях.

По смыслу статьи 104.1 УК РФ, имущество, приобретенное в результате совершения преступления, конфискуется (за исключением, случаев, когда лицо считало законным происхождение приобретенного имущества, которое на самом деле находилось в собственности обвиняемого и использовалось для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованных групп, незаконных вооруженных формирований, преступных организаций) [1, С. 54].

Таким образом, в действующей редакции не исключено, что факт незаконного происхождения имущества или его связь с совершенным преступлением установлен, но он подпадает под перечень в Гражданском процессуальном кодексе РФ, что приводит к тому, что имущество оставлено преступнику. Согласно статье 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Наличие перечня недвижимого имущества, которое не может быть принудительно обращено взыскание, полностью соответствует этому положению и выступает в качестве определенной гарантии со стороны государства. Но насколько эффективна конфискация имущества и другие меры по борьбе с преступностью, если субъект преступления всегда имеет определенные гарантии компенсации?

На законодательном уровне существует процедура исключения вышеуказанной нормы: к примеру, если квартира является предметом залога и может быть изъята в соответствии с законом, она подлежит конфискации.

Представляется, что в данном случае можно предусмотреть и другие исключения из статьи 446 ГПК РФ, которые послужили бы компромиссом между правами осужденного и целями уголовного закона. Помимо недвижимости, которое не может быть принудительно взыскано, Федеральный закон «Об исполнительном производстве» содержит статью 101 о доходах, которые не могут быть принудительно взысканы. К ним относятся, например, денежные суммы, выплаченные в качестве компенсации за ущерб здоровью; суммы денег, выплаченные в качестве компенсации за ущерб, связанный со смертью кормильца; социальные пособия на похороны и другие [6, С. 39].

Так, А.А. Пропостин предлагает дополнить этот перечень нормой, позволяющей изымать доходы, которые получены в результате совершения преступления, а также в случае если доходы были выплачены из средств, полученных преступным путем, установить возможность взыскания эквивалентной суммы с получившего лица. Кроме того, он предлагает учесть опыт законодательства и закрепить положение, содержащееся в ст. 76 УИК РФ (в редакции до 21 ноября 2003 года) о возможности конфискации выявленного имущества уже после исполнения приговора в рамках сроков давности [4, С. 59].

Представляется, что включение данных норм действительно способно сделать конфискацию имущества более эффективной мерой борьбы с преступностью, а также это добавит необходимую специфику регулирования конфискации по уголовному законодательству, отличную от других отраслей права, содержащих данный институт.

Определенные трудности могут возникать на стадии непосредственного изъятия имущества. В соответствии с ч. 1 ст. 393 УПК РФ указано, что обращение к исполнению приговора возлагается на суд, вынесший приговор в первой инстанции. В ч. 2 ст. 393 УПК РФ содержится положение, что «судья (председатель суда) направляет копию обвинительного приговора и исполнительный лист в учреждение или в тот орган, на которые возложено исполнение наказания (в органы принудительного исполнения Российской Федерации)». Пункт «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ устанавливает, что конфискации имущества подлежат орудия, оборудование и иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому. Из

содержания норм, закрепленных в пункте «г» ч.1 ст. 104.1 и ч.3 ст. 104.1 УК РФ, обвиняемому могут принадлежать орудия, оборудование и средства совершения преступления, а осужденному – нет. Соответственно, получается смешение или путаница понятий: конфискация имущества применяется до приговора (тогда к обвиняемому) или после приговора суда (в этом случае применяется к осужденному).

Также в литературе большое внимание уделяется проблеме изъятия доли неделимых вещей. Многими авторами предлагаются различные пути решения сложившейся ситуации. Так, К.Н. Шутов предлагает обязать остальных добросовестных собственников выкупить их доли, в обратном случае – обратиться взыскание на другое имущество данных лиц [5, С. 40].

Такая позиция представляется обоснованной, так как права третьих лиц максимально учитываются и при этом рассматриваются все возможные пути решения проблемы.

Еще одним противоречием норм уголовного закона является положение части 3 статьи 104.1 УК РФ, которая предусматривает законность конфискации имущества, переданного другим лицам (организациям) только осужденным. Это может затруднить судам конфискацию имущества, так как осужденный может передать незаконное имущество или орудие преступления по цепочке нескольким лицам, включая несовершеннолетних родственников, недееспособных лиц и т.д. В таких случаях по закону практически невозможно доказать, что лицо знало о незаконности имущества и поэтому невозможно его конфисковать [2, С. 78].

В литературе высказываются предложения об аналогии с процедурой банкротства (конкурсного производства), в результате чего изначально будут удовлетворены требования законопослушных граждан (кредиторов), а оставшаяся сумма конфискована. Проблемы могут возникнуть и на стадии исполнения наказания в виде штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, и конфискации имущества. В случае злостного уклонения от уплаты штрафа обращение взыскания на имущество будет производиться в гражданско-процессуальном порядке, таким образом, возникает конкуренция исполнения соответствующих принудительных действий (определение конкретного имущества, подлежащего изъятию для исполнения штрафа, конфискации; очерёдность производимых действий и др.) [3, С. 84].

Таким образом, неполное и противоречивое правовое регулирование конфискации имущества, и непонимание его правовой природы, усложняют практику применения современной конфискации имущества.

Приставейный библиографический список

1. Гулый А.А. Нужно ли России возобновление института общей конфискации имущества: монография. М., 2021. С. 54.
2. Лисицкая А.В. Проблемы исполнения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера и способы их решения // Вопросы современной юриспруденции. 2017. № 7 (68). С. 76-80
3. Мельников В.Ю. Реформа УК: преимущества и недостатки // Уголовное право. 2021. № 1. С. 84.
4. Пропостин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее: монография. М., 2020. С. 42-59.
5. Шутов К.Н. Конфискация имущества в российском уголовном и уголовно - исполнительном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2015. С. 40.
6. Яни П.С. Конфискация имущества и уголовная ответственность // Уголовное право. М.: АНО «Юридические программы». 2021. № 6. С.31-40.

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ЦИБУЛЬСКАЯ Галина Зиновьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры тылового обеспечения Академии ФСИН России

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ ОРУЖИЯ И ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ

В статье рассматривается оружие с точки зрения уголовно-правового характера, анализируются общие признаки, присущие всем видам оружия. Исследуется общее понятие оружия и предметов вооружения, а также понятие и конструктивные свойства и особенности отдельных видов оружия. Приводится классификация оружия. Изучены вопросы, касающиеся возможности отнесения оружия и боеприпасов к предмету преступления. Рассмотрены и охарактеризованы категории исправности и пригодности оружия. Актуализируется важность уголовно-правового исследования оружия и предметов вооружения с позиции практической составляющей борьбы с сопутствующими категориями преступлений.

Ключевые слова: оружие, боеприпасы, предмет преступления, виды оружия, классификация оружия.

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

TSIBULSKAYA Galina Zinovjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Logistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

CRIMINAL LEGAL CONCEPT OF WEAPONS AND ARMS

The article considers weapons from the point of view of a criminal law nature, analyzes the common features inherent in all types of weapons. The general concept of weapons and weapons, as well as the concept and design properties and features of individual types of weapons are investigated. The classification of weapons is given. Issues related to the possibility of attributing weapons and ammunition to the subject of a crime have been studied. The categories of serviceability and suitability of weapons are considered and characterized. The importance of the criminal law research of arms and weapons is updated from the standpoint of the practical component of the fight against related categories of crimes.

Keywords: weapons, ammunition, subject of crime, types of weapons, classification of weapons.

Динамичное развитие оружия и предметов вооружения не могло не сказаться на повышении в отношении их преступного интереса. Постоянное совершенствование оружия, недоступность и исключительность способствуют росту на него спроса, который рождает соответствующее предложение. Всё это выливается в незаконный оборот оружия и предметов вооружения. Не удивительно, что это создаёт повышенную опасность не только для охраняемых законом отношений, но и для всего общества, так как беспрепятственный, а иногда и безнаказанный оборот оружия способствует как росту преступности в целом, так и её отдельным элементам. Законодатель неспроста ограничил свободный оборот оружия и предметов вооружения, учитывая тот факт, что, даже не являясь предметом преступления, оружие и предметы вооружения являются объектами повышенной опасности для граждан, социума и государства [1, с. 124].

Многообразие оружия способствует его различным трактовкам и разностороннему пониманию. Действительно, крайне сложно сформулировать единое и универсальное понятие оружия, которое будет учитывать как его об-

щие признаки, целевую направленность и природу, так и особенности отдельных видов оружия. Особенно когда речь идёт о понятии оружия с позиции уголовно-правовой характеристики. Из этого следует, что в настоящее время существует огромное количество различных подходов к понятию оружия, рассмотрению его сущности под различными углами и свойствами.

Рассуждая на тему уголовно-правового понятия оружия, прежде всего, следует обратиться к поиску легальной дефиниции исследуемого явления в нормах действующего законодательства. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) в своей нынешней редакции не закрепляет понятие оружия, поэтому нам необходимо обратиться к иным нормативным правовым актам. Безусловно, в первую очередь речь идёт о Федеральном законе от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» (далее по тексту – ФЗ «Об оружии»). Пункт 1 статьи 1 указанного ФЗ среди прочего закрепляет, что оружие – это устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. Проанализировав данное понятие, сформулированное законодателем, мы уста-

Курбатова Г. В.

Цибульская Г. З.

новили, что он пошёл по пути общего подхода к трактовке понятия оружия. Мы поддерживаем подобное решение, ведь, как мы уже было сказано ранее, оружие чрезвычайно многообразно, само по себе оружие, как материальное явление – собирательное, состоящее из различных компонентов и объединяющее множество видов. Получается, что оружие так же и групповое явление, ведь из него исходят несколько больших видов, которые подразделяются на подвиды. Поэтому законодатель счёл необходимым отразить в легальном понятии оружия его общую функциональную составляющую, сущностную направленность и целевое предназначение.

Ввиду того, что рассмотренное понятие оружия получило закрепление на федеральном уровне, учитывая особый статус его создателя, несмотря на общий характер формулировки, именно ему отдаётся приоритет в повседневной, практической деятельности правоприменительных органов. Оно выступает в качестве ориентира и легло в основу большинства иных нормативных актов, обладающих меньшей юридической силой, направленных на регулирование порядка оборота оружия на территории страны.

Наличие сформулированного законодателем понятия оружия, закреплённого в федеральном законодательстве, позволяет нам не только поразмышлять на тему его практической значимости для повседневной деятельности правоприменительных органов, но и попытаться выявить присущие оружию общие признаки, которые подходят для любого вида оружия: 1) Конструктивность. Данный признак прямо проистекает из дефиниции законодателя и позволяет идентифицировать оружие по совокупному набору его качеств. 2) Целевое назначение. Любое оружие конструктивно предназначено для поражения цели или подачи сигналов. 3) Поражающая способность. Использование оружия подразумевает выведение какой-либо цели из строя. Даже если оружие использовалось исключительно для подачи сигналов, без умысла поразить какую-либо цель, оно все равно обладает поражающей способностью.

Принимая во внимание многообразие различных проявлений оружия, представляется небезынтесным обратиться к рассмотрению его видов применительно к уголовно-правовому значению, так как существуют виды оружия, оборот которых не охраняется уголовным законом, следовательно, не образует составы преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Оружие можно классифицировать по различным основаниям. Одной из наиболее популярных классификаций является разделение оружия на виды по целевому назначению на гражданское (используемое в целях самообороны, при занятиях спортом, для охоты, в образовательном назначении), служебное (разрешённое к использованию работниками государственных органов для осуществления служебных полномочий), боевое ручное стрелковое (предназначенное для решения боевых и оперативно-служебных задач) и холодное (поражающее цель под воздействием мускульной силы человека).

Мы же считаем необходимым уделить внимание классификации оружия, которая в качестве делительного критерия использует способ применения. Подобное внимание к указанной классификации обусловлено наиболее четкими границами для выявления различий. В рамках

этой классификации выделяют: огнестрельное оружие; огнестрельное оружие ограниченного поражения; холодное оружие; метательное оружие; газовое оружие; пневматическое оружие; сигнальное оружие. Учитывая, что ФЗ «Об оружии» рассматривает широкий спектр видов оружия, а под уголовную ответственность подпадают только определенные виды, а именно: огнестрельное, газовое, холодное оружие, а также огнестрельное оружие ограниченного поражения, и их части, следовательно, именно на этих видах остановим свое внимание.

Огнестрельное оружие одно из наиболее часто используемых видов оружия. Его используют как в служебных, так и в гражданских целях. Существует огромное количество всевозможных видов огнестрельного оружия, которые делятся на подвиды, образуя огромную разветвленную сеть. ФЗ «Об оружии» под огнестрельным оружием понимает оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. Применительно к ст. 222-226.1 УК РФ сложилось следующее понятие: огнестрельное оружие – все виды боевого, служебного и гражданского оружия, в том числе изготовленные самодельным способом, конструктивно предназначенные для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда.

Газовое оружие, как и предыдущий рассмотренный нами вид, может принимать различные формы. К примеру, оно может быть обличено в форму пистолета, револьвера, распылителя, аэрозольного устройства и многое другое. Под газовым понимается оружие, предназначенное для временного химического поражения живой цели путем применения слезоточивых или раздражающих веществ. Основной принцип действия газового оружия в том, что оно, используя энергию газов, которые образуются при горении метательного заряда, распыляет вещество, оказывающее слезоточивое и иные виды раздражительного воздействия. Газовое оружие может выступать в качестве предмета преступления. Например, когда мы говорим о преступлении, предусмотренном частью 4 статьи 222 УК РФ, то в данном случае уместно рассуждать о возможности использования газового оружия в качестве предмета, но только при совокупном наличии трёх признаков: целевого (было специально создано и предназначено для поражения цели), качественного (оно исходя из своих свойств, способно оказывать слезоточивое, раздражающее или иное воздействие) и правового (конкретный вид газового оружия запрещён к обороту на территории РФ). В отдельных случаях для однозначного признания газового оружия предметом преступления требуется проведение специальных экспертиз.

Холодное оружие – один из самых древних видов оружия. В отличие от огнестрельного, газового и иных видов, холодное оружие с древних времён использовалось человеком для нападения и защиты. Человек давно понял, что, если взять какой-либо предмет, применить к нему мускульную силу и направить на противника, можно эффективно сражаться, нападать и защищаться. Лишь несколько веков назад общественный прогресс дошёл до ступени изобретения огнестрельного оружия, которое постепенно

и повсеместно вытеснило холодное оружие с лидирующих позиций. Учитывая богатую историю холодного оружия, совсем не удивительно, что оно также отличается богатым разнообразием. Холодное оружие можно отнести к предмету преступления, если будет установлено, что с помощью его использования можно нанести вред здоровью человека и/или лишить его жизни [2, с. 197].

При рассуждении об оружии, как о возможном предмете преступления, существенное значение приобретает вопрос об его исправности. Анализируя техническое состояние оружия, можно сделать вывод, исправно оно или нет, что, в свою очередь, может стать основным доказательством виновности или невиновности лица. Ведь если будет установлено, что оружие неисправно, то возникает логичный вопрос: могло ли оно быть использовано для совершения преступления? Ввиду того, что чаще всего в уголовной практике ставится вопрос об исправности стрелкового оружия, рассмотрим эту категорию на его примере. По общему правилу, исправным считается то оружие, которое пребывает в состоянии, когда все его детали, комплектующие, узлы, механизмы, в совокупном сложении обеспечивающие работоспособность оружия, находятся в наличии, лишены дефектов и не препятствуют эффективной работе оружия, соответствующей его конструктивному назначению. Неразрывно связанной категорией с исправностью оружия является его пригодность. Важность установления факта пригодности в том, что, как показывает практика, даже технически исправное оружие, в ряде случаев, может быть не пригодно для выстрела, и, наоборот, технически неисправное оружие, при определённых обстоятельствах, может выстрелить. Чтобы установить факт исправности и пригодности оружия, назначается экспертиза.

Современное оружие практически любого вида, за исключением холодного, само по себе не способно нанести вред, поразить, устранить или вывести из строя какую-либо цель. Разберём высказанный тезис на примере огнестрельного пистолета: сам по себе пистолет – это не что иное, как предмет, состоящий из разных частей, каждая из которых, подобно часовому механизму, отвечает за отдельную функцию. Совокупное последовательное действие всех частей пистолета приводит его в работу, происходит выстрел. Но чтобы выстрел случился, важно, чтобы пистолет был заряжен. Соответственно, пистолету нужны боеприпасы, которые, покидая дуло пистолета, будут достигать нужной цели и поражать её. Без боеприпасов пистолет нельзя использовать как огнестрельное оружие. Под боеприпасами принято понимать предметы вооружения, которые направлены на поражение цели, и содержат в себе заряды различных поражающих свойств. Не удивительно, что для современных видов оружия предметы вооружения выступают необходимым условием их действия, так как незаряженное патронами огнестрельное или газовое оружие не выстрелит, соответственно, не достигнет поражающей цели. Анализируя понятие боеприпасов, закреплённое законодателем в ФЗ «Об оружии», мы понимаем, что основной акцент сделан на наличии в предметах вооружения заряда или сочетания зарядов, которые в сочетании с функционалом оружия позволяют реализовать желаемый результат.

Завершая исследование, первое, что хотелось бы отметить – нам удалось подтвердить тезис о разностороннем характере оружия в современном мире. Динамичное развитие науки и техники позволяет ежегодно пополнять имеющийся арсенал оружия новыми видами. С точки зрения уголовно-правовой характеристики оружие может выступать в качестве предмета или орудия совершения преступления. Оружие неспроста ограничено законодателем в свободном обороте, так как его беспрепятственное распространение однозначно повлечёт за собой ухудшение криминогенной обстановки, рост организованной и насильственной преступности. Легальное понятие оружия было сформулировано законодателем в ФЗ «Об оружии», но именно к его конструкции чаще всего обращаются в повседневной, практической деятельности правоприменительных органов, в том числе, когда совершаются преступления, связанные с незаконным оборотом оружия. Предметы вооружения, хоть и не являются неотъемлемой частью конструкции оружия, но обладают существенным значением, так как без них, то есть, без боеприпасов невозможно привести в действие большинство современных и наиболее часто используемых видов оружия. Только холодное оружие, за счет применения мускульной силы, обходится без предметов вооружения.

Пристатейный библиографический список

1. Калмыкова М. А. Понятие оружия и его уголовно-правовое значение // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. - 2015. - № 6. - С. 124-129.
2. Каменских А. А. Оружие как предмет преступления // Вопросы российской юстиции. - 2021. - № 13. - С. 191-200.

ПАШКОВСКИЙ Павел Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

В статье рассматриваются системные проблемы, препятствующие эффективному противодействию организованной преступной деятельности в Российской Федерации. Выявляются основные недостатки правового и организационного обеспечения борьбы с организованной преступностью. Особое внимание уделяется необходимости развития научно обоснованной предупредительной работы правоохранительных органов.

Ключевые слова: организованная преступность, организованные преступные формирования, противодействие организованной преступности.

PASHKOVSKIY Pavel Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Branch legal disciplines sub-faculty of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State Economical University (RINE)

THE MAIN PROBLEMS IN THE FIELD OF COUNTERACTING ORGANIZED CRIME IN RUSSIA

The article discusses systemic problems that hinder the effective counteraction of organized criminal activity in the Russian Federation. The main shortcomings of legal and organizational support for the confrontation against organized crime are identified. Special attention is paid to the need to develop scientifically based preventive measures of law enforcement agencies.

Keywords: organized crime, organized criminal formations, organized crime counteraction.

Противодействие организованной преступности подразумевает комплексную целенаправленную деятельность органов государственной власти РФ и ее субъектов, органов местного самоуправления, общественных организаций и граждан по предупреждению, выявлению, пресечению, расследованию и раскрытию организованной преступной деятельности. Таким образом, противодействие объединяет в себе как предупредительную (профилактическую) деятельность, так и борьбу с организованной преступностью.

Предупредительная деятельность, в свою очередь, направлена на выявление и последующее устранение, блокирование, нейтрализацию или минимизацию действия причин, условий и иных детерминант организованной преступности. Она реализуется общесоциальными мерами, направленными на выявление и устранение причин и условий преступности, специально-криминологическими, воздействующими на неопределенный круг лиц, и мерами индивидуальной профилактики, направленными на конкретных лиц, характеризующихся криминогенными наклонностями. Борьба с организованной преступностью представляет собой деятельность по выявлению, пресечению, расследованию и раскрытию преступлений, совершенных организованными преступными формированиями, а также по минимизации негативных последствий указанных преступлений.

К основным проблемам противодействия организованной преступности в России можно отнести следующее.

1. Отсутствует правовая база для обеспечения противодействия организованной преступности. Прежде всего, до сих пор не принят специальный комплексный федеральный закон о противодействии организованной преступности. Безусловно, у нас имеется УК РФ, предусматривающий в ч. 3 и 4 ст. 35 определения организованной группы и преступного сообщества (преступной организации), основывающиеся на сомнительного качества оценочных признаках. Предусмотрены и самостоятельные составы в ст. 205.4, 208, 209, 210, 210.1, 282.1 УК РФ, оговаривающие отдельные случаи организованной преступной деятельности. К тому же во многих статьях Особенной части УК РФ совершение преступления организованной группой, преступным сообществом (преступной организацией) предусмотрено в качестве квалифицирующего признака, а п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ закрепил его в списке отягчающих наказание обстоятельств. При этом в последние годы мы видим последовательную пенализацию организованной преступной деятельности, усиление уголовной репрессии. Здесь можно вспомнить

относительно недавний Федеральный закон от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности», значительно усиливший ответственность по ст. 210 УК РФ и криминализировавший сам факт занятия высшего положения в преступной иерархии, введя ст. 210.1 УК РФ¹. Однако, УК РФ лишь предусматривает конкретные составы преступлений, но не предусматривает механизмов противодействия им.

Также у нас имеется ряд специальных федеральных законов: о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма², о противодействии терроризму³, о противодействии коррупции⁴. И действительно деяния, предусмотренные данными законодательными актами, часто совершаются организованными преступными формированиями или в их пользу, однако все же не всегда. И легализация преступных доходов, и террористические преступления, и коррупционные преступления могут совершаться одиночками или группами лиц по предварительному сговору. Между тем, ни один из этих законов не дает понятия организованной преступности и не устанавливает специфических механизмов борьбы с ней.

В этой связи необходимым видится скорейшее принятие специального закона о противодействии организованной преступности, который даст четкое понятие этого явления и установит действенные механизмы противодействия ему.

1 Федеральный закон от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // Российская газета. – 2019. – 3 апреля.

2 Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета. – 2001. – 9 августа; 2022. – 21 июля.

3 Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021 г.) «О противодействии терроризму» // Российская газета. – 2006. – 10 марта; 2022. – 31 мая.

4 Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 01.04.2022 г.) «О противодействии коррупции» // Российская газета. – 2008. – 30 декабря; 2022. – 05 апреля.

2. Отсутствие специализированного органа противодействия организованной преступности. С тех пор как управления по борьбе с организованной преступностью были окончательно упразднены в 2008 г. в России нет ни одной государственной структуры, непосредственно занимающейся противодействием организованной преступности. Безусловно, МВД России, ФСБ России имеют полномочия по противодействию организованной преступности, однако для ФСБ России данное направление не является приоритетным. Структура же МВД России слишком перегружена и практически не уделяет внимания предупредительной деятельности. К тому же многие квалифицированные кадры просто утрачены. Созданная в 2016 г. Федеральная служба войск национальной гвардии лишь помогает ФСБ России в борьбе с терроризмом и участвует в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. Никакого серьезного потенциала в области противодействия организованной преступности в нынешнем виде данная служба не имеет.

Таким образом, создание самостоятельного органа государственной власти по противодействию организованной преступности представляется крайне необходимым, особенно на фоне нынешнего развития организованной преступной деятельности. Данная служба должна получить организационную и финансовую независимость, т.е. подчиняться напрямую Президенту РФ и финансироваться напрямую из федерального бюджета. Эта служба могла бы перенять также функции Следственного комитета РФ в части расследования и раскрытия преступлений, совершенных организованными преступными формированиями.

Дополнительно необходимо обеспечить вновь создаваемую службу квалифицированными кадрами, что можно подкрепить и разработкой самостоятельного Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования для соответствующей направленности специалитета «Противодействие организованной преступности».

3. Тотальная распространённость ценностей криминальной субкультуры в российском обществе. К сожалению, необходимо констатировать, что за последние три десятилетия криминальная субкультура пустила прочные корни в различных сферах российского общества. Особенно ее вредоносное воздействие ощущается в среде молодежи. Как верно подмечают Ф. М. Величко, В. В. Копылов и А. А. Субботин, «для решения этой проблемы необходимо консолидировать усилия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, разработать единую долгосрочную стратегию противодействия «воровскому сообществу», в рамках ее должны быть приняты законы, в том числе, о противодействии «воровской идеологии» [1, с. 98]. Криминальная субкультура представляет собой питательную среду для формирования резерва организованной преступности и, транслируя и популяризируя свои ценности, формирует у населения толерантное отношение к организованной преступности или даже ее романтическое восприятие в среде молодежи.

4. Неэффективность системы профилактической деятельности в целом и предупреждения организованной преступности, в частности. Профилактика организованной преступности является ядром противодействия этому негативному явлению, ведь гораздо проще не допустить совершения преступления, чем пресекать его или справляться с его последствиями, которые к тому же могут иметь необратимый характер. Нынешняя профилактическая деятельность является лишь фантомом, существующим на бумаге официальных отчетов, о якобы проведенных мероприятиях. Однако, чтобы в полной мере восстановить предупредительную работу, необходимо пересмотреть всю систему критериев эффективности деятельности правоохранительных органов. Необходимо и реальное научное обеспечение профилактической деятельности. Правоохранительные органы должны регулярно обеспечиваться научно обоснованными рекомендациями по повышению эффективности предупредительной работы. Как верно подмечает С. Д. Гринько, «профилактика должна служить разъяснению опасности организованной преступности для общества и государства, а также защите прав и интересов физических и юридических лиц» [2, с. 142]. В этой связи требуется разработать и принять единый межведомственный акт о профилактической деятельности, раскрывающий не только особенности ее осуществления каждым подразделением, но и механизмы взаимодействия и координации предупредительной деятельности различных ведомств.

Успех профилактической деятельности, по мнению Е. А. Семёнова и К. А. Нечушкина, будет зависеть от следующих факторов:

- а) целостного представления об объектах профилактического воздействия;
- б) достоверности и полноты оценочных критериев;
- в) научной обоснованности и выполнимости планируемых мероприятий;
- г) наличия средств и сил, необходимых для профилактического воздействия» [3, с. 33].

5. Снижение качества научного и технического обеспечения противодействия организованной преступности. Как уже было сказано выше, профилактическая деятельность должна в полной мере обеспечиваться научно обоснованными рекомендациями. Однако, и иные направления противодействия организованной преступности также должны получать необходимое научное обеспечение. Для этого опять-таки необходимо задуматься о кадровой политике, внедрении новых образовательных стандартов, создании новых научных школ или воссоздании ранее утраченных. Кроме того, требуется и современное техническое обеспечение противодействия организованной преступности, а также подготовка технических специалистов для использования и обслуживания соответствующего технического арсенала. Все это должно быть направлено на восстановление качества, в том числе и прогностической научной деятельности ученых-специалистов ведомственных научно-исследовательских организаций. Противодействие организованной преступности должно базироваться на знании реального состояния и тенденций развития организованной преступности, комплексном программировании, обоснованных прогнозных оценках, современной информационной базе и достаточном ресурсном обеспечении.

6. Отсутствие действенного механизма государственной защиты свидетелей. Повышению эффективности противодействия организованной преступности, по мнению О. Ю. Торопыгина, «способствовало бы введение освобождения от наказания и защиты лиц за информацию о преступной деятельности организаторов и активных участников преступных групп, в связи с деятельным раскаянием» [4, с. 104]. Такой институт свидетеля уже имеет правовую основу и используется за рубежом. В УПК РФ предусмотрено лишь несколько мер, призванных осложнить установление личности свидетеля при проведении следственных и судебных действий. Однако, назвать их ни достаточными, ни эффективными не представляется возможным. Безусловно, на создание реального механизма защиты свидетелей потребуется время и значительные финансовые средства, но без этих мер борьба с организованной преступностью может зайти в тупик из-за нежелания информаторов работать со следствием и судом для разоблачения лидеров организованных преступных формирований.

Безусловно, перечисленные выше проблемы противодействия организованной преступности являются лишь наиболее основными и острыми среди огромного количества прочих недостатков. По сути, перечислять проблемы противодействия организованной преступности в России можно очень долго. В этой связи мы остановились лишь на самых ярких моментах, исправление которых должно создать реальный прочный базис противодействия организованной преступности в России. Однако, судя по текущим тенденциям в сфере законодательства и реформирования федеральных органов государственной власти, вряд ли стоит ожидать серьезных улучшений в сложившейся ситуации.

Пристатейный библиографический список

1. Величко Ф. М., Копылов В. В., Субботин А. А. Проблемы противодействия организованной преступности в РФ // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 1. – С. 94-98.
2. Гринько С. Д. Тенденции организованной преступности и меры противодействия // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 1. – С. 138-143.
3. Семёнов Е. А., Нечушкина К. А. Участники проверки сообщения о преступлении: проблемы правового регулирования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 2. – С. 30-33.
4. Торопыгин О. Ю. Проблемы незаконного организованного оборота оружия // Преступность как она есть и направления антикриминальной политики / Под ред. А. И. Долговой. – М., 2014.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-229-230

ПЕЙЗАК Руслан Игоревич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОМПЬЮТЕРНОГО МОШЕННИЧЕСТВА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 640-ТЕР УГОЛОВНОГО КОДЕКСА ИТАЛИИ

Недостаточная эффективность в борьбе с проявлениями трансграничной преступности на национальном уровне отдельно взятого государства, делает необходимым учет международного опыта уголовно-правового воздействия на сферу проявления мошенничества в области IT технологий, в статье проанализированы особенности уголовного законодательства и реализация уголовно-правовой политики Италии в данной сфере.

Ключевые слова: мошенничество, уголовно-правовая политика, зарубежные страны, IT, киберпреступление, конфискация, освобождение от уголовной ответственности, фишинг, Италия.

PEYZAK Ruslan Igorevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

Пейзак Р. И.

CRIMINAL ANALYSIS OF COMPUTER FRAUD UNDER ARTICLE 640-TER OF THE ITALIAN PENAL CODE

Insufficient effectiveness in combating manifestations of cross-border crime at the national level of a single State, makes it necessary to take into account international experience of criminal law impact on the field of IT technology fraud, the article analyzes the features of the criminal legislation and the implementation of the criminal law policy of Italy in this area.

Keywords: fraud, criminal policy, foreign countries, IT, cybercrime, confiscation, exemption from criminal liability, phishing, Italy.

За полгода более 100 итальянских журналистов получили письма с угрозами в их адрес, т.к. злоумышленники смогли завладеть их персональными данными. В целом доля компьютерных преступлений за указанный выше период в Италии выросла почти на 30%¹. Основным способом завладения чужими данными в Италии в 2020-2021 году стал фишинг². По мнению автора изучение опыта уголовно-правового регулирования противодействия мошенничеству в сфере IT технологий, выявление особенностей уголовного законодательства и реализации уголовно-правовой политики зарубежных стран в целом и Италии в частности, в условиях роста мошеннических действий, причиняющих колоссальный вред российским гражданам, бизнесу и государству, является актуальным.

Научные исследования по проблематике уголовного права зарубежных стран и в частности ответственности за хищения, изучению правовых систем и сравнительному правоведению проводили: Н. А. Голованова, Г. А. Есаков, В. Н. Ерёмин, А. Э. Жалинский, М. А. Игнатова, И. Д. Козочкин, Н. Е. Крылова, А. А. Малиновский, М. Н. Марченко, Н. А. Морозов, А. В. Наумов, Б. С. Никифоров, И. Н. Полянский, Ф. М. Решетников, А. К. Романов, А. Х. Саидов, А. В. Серебренникова, Ю. А. Тихомиров и другие.

Особенностью Уголовного кодекса Италии³ является то, что в нем отсутствует определение преступлению, в принци-

пе, как и в законодательстве других государств континентальной системы права. Согласно статье 39 вышеуказанного закона все «уголовные правонарушения делятся на преступления и проступки в зависимости от различных видов наказания, назначаемых за их совершение в соответствии с данным кодексом». Как можно убедиться, законодатель предусмотрел лишь категоризацию уголовно наказуемых деяний. Рассматриваемое в настоящей статье уголовно наказуемое деяние согласно относятся к преступлениям, так как за их совершение предусматривается наказание в виде штрафа или лишения свободы на определенный срок [1].

Действующий итальянский Уголовный кодекс 1930 года является классическим для стран континентальной правовой традиции, что подразумевает наличие системы в виде Общей и Особенной частей, которые подразделены на разделы и главы. Составы преступлений против собственности, в системе Особенной части Уголовного кодекса Италии находятся в XXIII Разделе, вторая глава которого именуется «Преступления против собственности, совершенные путем обмана» [2].

Для того, чтобы полно проанализировать обязательные элементы состава рассматриваемого в настоящей статье преступления, необходимо, прежде всего, отметить, что специальных норм, с помощью которых можно было бы определить основание ответственности, Уголовный кодекс Италии не содержит.

Но если обратиться к статье 40 вышеуказанного закона, можно определить первый элемент преступления – материальный, включающий в себя совершение запрещенного деяния (действие/бездействие), создавшего опасность или причинившего вред.

Объектом преступления, предусмотренного статьей 640-тер Уголовного кодекса Италии, является правоотношение собственности, которому причиняется ущерб. Согласно статье 832 Гражданского кодекса Италии⁴ право собственности

1 МВД Италии: за год количество преступлений в стране снизилось на 7,1%. Парламентская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/mvd-italii-za-god-kolichestvo-prestupleniy-v-strane-snizilos-na-71.html> (дата обращения: 09.06.2022).

2 Тип мошенничества, предназначенный для кражи информации об учетных данных (логине и пароле) потерпевшего в сети Интернет по средством спам-рассылки.

3 Уголовный кодекс Италии, 1930 год (с изменениями от 09 марта 2022 года) – Текст: электронный // Altalex. Codice Penale [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.altalex.com/documents/codici-altalex/2014/10/30/codice-penale> (дата обращения: 08.06.2022).

4 Гражданский кодекс Италии, 1942 года (с изменениями от 31 мая 2022 года) – Текст: электронный // Altalex. Codice Civile 2022 [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://https://>

на вещи включает в себя правомочие пользоваться и распоряжаться ими в полном объеме и исключительном порядке в пределах и с соблюдением установленных законом предписаний. В статье 812 Гражданского кодекса Италии дается определение движимому имуществу. В Италии к движимым вещам относится всё, что не входит в группу недвижимых вещей, к которым относятся земля, родники, водотоки, деревья, здания и другие соединенные с землей сооружения. Более того, для целей уголовного закона к движимым вещам в Италии относят электрическую и прочие виды энергий (статья 624 Уголовного кодекса Италии).

В статье 42 Уголовного кодекса Италии, раскрывается содержание второго элемента преступления – субъективного, включающего в себя как наличие осознанности и волеизъявления за исключением неосторожных преступлений, которые предусмотрены законом. Для рассматриваемого в данной статье преступления характерной формой вины является умысел – преступление является умышленным или соответствующим намерению, когда вредное или опасное событие, которое является результатом действия или бездействия, предусмотренных законом, предвидится и желается субъектом как следствие своего действия или бездействия (статья 43 Уголовного кодекса Италии).

За исключением некоторых квалифицированных видов преступлений, содержащихся во II главе XXIII раздела Уголовного кодекса Италии «Преступления против собственности, совершенные путем обмана», субъектом преступного деяния будет вменяемое лицо, достигшее 14-тилетнего возраста (общий субъект).

К данному выводу можно прийти, оценив содержание статьи 85 «Способность понимать и хотеть» и статьи 97 «Не совершеннолетние четырнадцать лет». Согласно вышеуказанным нормам субъектом преступления, предусмотренного статьей 640-ter Уголовного кодекса Италии, является лицо способное понимать и желать совершить преступление, которому к моменту совершения преступления исполнилось 14 лет.

Объективная сторона преступления (компьютерное мошенничество), предусмотренного статьей 640-ter Уголовного кодекса Италии, заключается в преступном деянии, которое каким-либо образом изменяет функционирование IT или телематической системы, безосновательно вмешивается в данные, информацию или программы, содержащиеся в компьютерной или телематической системе или относящиеся к ней, при этом получая для себя или других лиц нечестную прибыль, а другим нанося ущерб.

Санкция статьи 640-ter предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до трех лет и штрафа в размере от 51 до 1032 евро.

Данная статья предусматривает квалифицирующие обстоятельства совершения, ответственность за которое значительно выше - лишение свободы на срок от одного года до пяти лет и штраф в размере от 309 евро до 1549 евро. К таким обстоятельствам относится следующее: если преступление совершено в ущерб государству или другому государственному органу или Европейскому союзу или под предлогом освобождения кого-либо от воинской повинности; если деяние приведет к переводу денег, денежного эквивалента или виртуальной валюты или будет совершено за счет злоупотреблением полномочиями оператора системы.

Более строгая санкция в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет и штрафа от 600 до 3000 евро предусматривается за совершение преступления, связанного с кражей или неправомерным использованием персональных данных идентификации одного или более лиц.

По указанной статье Уголовного кодекса Италии можно привлечь виновное лицо к уголовной ответственности лишь по заявлению потерпевшего, за исключением квалифицированных составов перечисленных выше или имелись обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность в виде использования ограниченного преимущества над потерпев-

шим, в том числе в силу возраста (пункт 5 статьи 61 Уголовного кодекса Италии) или было сопряжено с корыстным посягательством на имущество потерпевшего, причинившее последнему значительный материальный ущерб (пункт 7 статьи 61 Уголовного кодекса Италии).

Деяние, обладающее квалифицирующими признаками пункта 1 статьи 640 Уголовного кодекса Италии, то есть в ущерб государству или другому государственному органу или Европейскому союзу или под предлогом освобождения кого-либо от воинской повинности, в соответствии со статьей 640-quarter Уголовного кодекса Италии влечет применение конфискации. Исключение квалифицирующий признак в виде совершения преступления за счет злоупотребления полномочиями оператора системы, что логично и обоснованно. Правила конфискации установлены статьей 322-ter Уголовного кодекса Италии, согласно которым судья, при вынесении обвинительного приговора определяет размер денежных средств или идентифицирует имущество, подлежащие конфискации, как составляющие прибыль или цену преступления либо имеющее стоимость, которая соответствует преступному доходу (размеру ущерба).

К компьютерному мошенничеству также применяется правила об освобождении родственников (гражданских супругов) в порядке, определенном статьи 649 Уголовного кодекса Италии. В то же время, данные обстоятельства, освобождающие от ответственности не применимы к деяниям: сопряженным с применением насилия в отношении потерпевшего; наличием признаков обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность в соответствии со статьей 61 Уголовного кодекса Италии; имеющим квалифицирующие признаки преступлений против собственности, совершенные путем обмана, в отношении недееспособного потерпевшего в силу возраста или недуга, а также если размер причиненного потерпевшему ущерба имеет значительную тяжесть (статья 649-bis).

Судебная практика по делам о компьютерном мошенничестве в Италии заслуживает отдельного внимания и рассмотрения особенно в части возложения обязанности на кредитные организации возместить ущерб потерпевшему в случае ненадлежащей настройки систем безопасности банка. К сожалению, рамки данного исследования не позволили провести сравнительно-правовой анализ с положениями Уголовного закона Российской Федерации. Эти вопросы будут рассмотрены в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовное право зарубежных стран : в 3 томах. Том 2. Общая часть. Франция. Германия. Италия. Япония: учебник для вузов / Н. Е. Крылова, В. Н. Еремин, М. А. Игнатова, А. В. Серебренникова; под редакцией Н. Е. Крыловой. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2022. — 263 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-02093-9. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/490953> (дата обращения: 08.06.2022).
2. Уголовное право зарубежных стран : в 3 томах. Том 3. Особенная часть : учебник для вузов / Н. Е. Крылова [и др.] ; ответственный редактор Н. Е. Крылова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2022. — 397 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-01775-5. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт: [сайт]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/490317> (дата обращения: 08.06.2022).

БАХМУДОВА Тамара Расуловна

старший преподаватель кафедры экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета в г. Избербаше

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДАННОГО ИНСТИТУТА

В системе уголовных наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ из применяемых судом сегодня, наиболее строгим остается пожизненное лишение свободы. Несмотря на принимаемые адекватные меры реагирования со стороны правоохранительных органов, в отношении лиц, совершающих особо тяжкие преступления против личности, отсутствие каких-либо перспектив на УДО, в России продолжают совершаться невероятные по своей жестокости убийства граждан, преступления террористической направленности, против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Кроме того, применение пожизненного лишения свободы связано со многими проблемами как теоретического, так и практического характера и в первую очередь из-за отсутствия достаточной нормативной базы по его реализации. Полагаем, что наряду с пожизненным лишением свободы необходимо применять наказание в виде смертной казни за совершение наиболее тяжких серийных преступлений против личности.

Таким образом, пожизненное лишение свободы, будучи альтернативой смертной казни, и единственным наказанием, которое может быть назначено после лишения свободы на определенный срок, на сегодняшний день вызывает множество вопросов, связанных с порядком его исполнения и требует дополнительного всестороннего анализа и исследования.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы, смертная казнь, условно-досрочное освобождение, гендерный подход к назначению наказания.

BAKHMUDOVA Tamara Rasulovna

senior lecturer of Economic, legal and general educational disciplines sub-faculty of the branch of the Dagestan State University in Izberbash

MODERN PROBLEMS OF EXECUTION OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF LIFE IMPRISONMENT AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THIS INSTITUTION

In the system of criminal penalties under Art. 44 of the Criminal Code of the Russian Federation, of those applied by the court today, life imprisonment remains the most severe. Despite the adequate response measures taken by law enforcement agencies, against persons who commit especially serious crimes against a person, the absence of any prospects for parole, incredible in their cruelty murders of citizens, terrorist crimes continue to be committed in Russia.

In addition, the use of life imprisonment is associated with many problems, both theoretical and practical, and primarily due to the lack of a sufficient regulatory framework for its implementation. We believe that along with life imprisonment, it is necessary to apply the death penalty for committing the most serious serial crimes against a person.

Thus, life imprisonment, being an alternative to the death penalty, and the only punishment that can be imposed after imprisonment for a certain period, today raises many questions related to its execution and requires additional comprehensive analysis and research.

Keywords: life imprisonment, death penalty, parole, gender approach to sentencing.

Из применяемых к осужденным уголовных наказаний наиболее строгим остается пожизненное лишение свободы, согласно которому осужденный лишается свободы со вступлением приговора в законную силу и обращения его к исполнению и завешается наступлением биологической смерти заключенного.

Первоначально в новом УК РФ 1996г пожизненное лишение свободы как уголовное наказание было предусмотрено только в санкциях пяти составов Особенной части, в ст. ст. 105ч 2, ст.277, ст.295, ст.317, ст.357 УК РФ.

Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в законодательном порядке было предусмотрено применение уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы дополнительно к виновным, совершившим преступления сексуального характера, в отношении несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста.

На сегодняшний день в связи с внесенными дополнениями в УК РФ применение данного наказания увеличилось до двадцати отдельных составов преступлений.

Это было вызвано необходимостью ужесточения карательных мер в отношении виновных лиц за совершение ряда наиболее тяжких преступлений.

В настоящее время в России функционирует 8 ИК, в которых отбывают наказание осужденные к пожизненному наказанию по приговору суда. В восьми исправительных колониях особого режима на сегодня содержится свыше 2000 осужденных к данному наказанию.

В соответствии с официальными статистическими данными, Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, в период за 2016 г. из числа всех осужденных (741 329 человек) к пожизненному лишению свободы было приговорено 94, что составило 0,012 % осужденных. Примечательно, что из них 72 лица были осуждены за совершение убийства при отягчающих обстоятельствах.

В 2017 г. было осуждено 697 054 человека, из них удельный вес осужденных к пожизненному лишению свободы составил 0,009 % (65 осужденных). При этом сохранилась прежняя тенденция: подавляющее количество лиц (57 человек) осуждены за совершение квалифицированного убийства.

В 2018 г., согласно официальным статистическим данным, было осуждено 658 291 человек, из них 68 (0,010 %) осужденным назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы. Также преимущественную долю – 52 человека – составили осужденные к пожизненному лишению свободы за совершение квалифицированного убийства.

За 2019 г. осуждены были 598214 лиц, в том числе 50 (0,008 %) человек были осуждены к пожизненному лишению свободы. Превалирует назначение данного вида наказания за квалифицированные виды убийства (13 осужденных)

В 2020 году 147 тыс. осуждено к лишению свободы. Из них 37 осуждены к пожизненному сроку. Из 37 осужденных – 34 по ст. 105 ч 2 УК РФ, а трое по ст. 317 УК РФ. В 2021 г. к лишению свободы было осуждено 157 тыс. Из них 47 осуждены к пожизненному лишению свободы.¹

Анализ выше приведенных статистических данных, позволяет сделать обоснованный вывод о том, что на протяжении ряда лет существует стабильная тенденция назначения отдельным преступникам наказания в виде пожизненного лишения свободы.

Лица, которые приговариваются к данному наказанию, представляют значительную общественную опасность. В связи с этим возникает необходимость в применении к этим виновным особых мер усиленной охраны и применения жестких мер исправительно-воспитательного воздействия. Однако по действующему УИК проведение воспитательной работы с этим контингентом не предусмотрено, что, по нашему мнению, является пробелом в действующем законодательстве.

Институт пожизненного лишения свободы является достаточно сложным, в связи с чем как назначение, так и исполнение данного наказания сопровождается целым рядом проблем, возникающих перед сотрудниками ФСИН, которые нуждаются дальнейшего своего разрешения.

К основным проблемам могут быть отнесены следующие:

Первая проблема, это проблема, связанная со сроком отбывания наказания и отсутствие какой-либо реальной перспективы выйти на свободу даже после отбытия, установленных законом для этого 25 лет. Все осужденные независимо от вида и количества совершенных преступлений, без каких-либо исключений: например, (первая судимость, состояние здоровья) помещаются в одинаковые строгие условия содержания и все на один срок – 10 лет.

Вторая проблема связана с применением в отношении этой категории преступников вопроса о возможности принятия решения об условно-досрочном освобождении, после отбытия 25 лет лишения свободы и наличии предусмотренных законом условий.

На сегодняшний день среди осужденных есть лица, отбывшие установленный законом срок, и подавшие в суд ходатайства об УДО, однако нет ни одного факта освобождения. Мы считаем, что возможность исправления пожизненно осужденных и целесообразность применения к ним УДО является достаточно сомнительным. Некоторые из осужденных совершили целую серию преступлений против личности с наличием в их действиях нескольких квалифицирующих признаков. В связи с этим предлагаем в законодательном порядке предусмотреть отмену к этому контингенту

осужденных возможность применения УДО. Единственным основанием освобождения для них может быть только наступление биологической смерти. По крайней мере это будет справедливо по отношению к осужденным, которые не будут надеяться на призрачное освобождение.

Как отмечает в своей статье В. И. Екимова: «На воле» данное лицо будет освобождено в пенсионном или, в предпенсионном возрасте. С учетом условий содержания, заболеваемости и возраста осужденный окончательно утратит работоспособность и возможность обеспечить себя, приобретет устойчивые симптомы социальной несовместимости. Это создает благоприятные условия для предпосылок рецидива².

Мы полностью разделяем данную точку зрения автора и считаем, что в случае освобождения эти лица станут изгоями общества и не смогут адаптироваться в современном мире, и вновь встанут на путь совершения преступлений.

В-третьих, в ч. 2 ст. 57 УК РФ определен круг лиц, к которым может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы: мужчины от 18 до 65 лет. Применение данного наказания только к этим возрастным категориям основывается на принципах справедливости и гуманизма, однако, отдельные ученые-правоведы отмечают наличие в ней признаков гендерной дискриминации. Мы полностью разделяем данную точку зрения этих ученых. Считаем, что нельзя назначать это наказание исключительно только мужчинам и лишь к этой возрастной категории. Так, по мнению Е. Н. Казакова, «женщинам за квалифицированное убийство может быть назначено максимальное наказание в виде лишения свободы сроком на 8 – 20 лет. Это значит, что при одинаковой общественной опасности деяния, мужчина претерпевает более тяжкие лишения, чем женщина, исключительно из своей гендерной принадлежности»³.

«Проблема, касающаяся гендерного подхода к назначению данного наказания, является достаточно спорной и обсуждаемой: законодатель исходил из соображений биологического и психического неравенства мужчин и женщин, не учитывая того, что женщина, наравне с мужчиной, порой совершает крайне жестокие и изощренные преступления, в том числе в отношении своих малолетних детей, поэтому следует предусмотреть в российском уголовном законодательстве пожизненное лишение свободы и для женщин»⁴.

Нельзя не согласиться с данной позицией, так как считаем, что в первую очередь нарушается принцип равенства граждан перед законом и несоответствие в некоторых случаях назначенного виновному наказания тяжести совершенного преступления и личности виновной. Предлагаем в отношении осужденных женщин также предусмотреть данный вид уголовного наказания, предоставив право на УДО по отбытии не менее 10 лет назначенного судом срока и соблюде-

1 Сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cdep.ru> (дата обращения: 25.08.2022).

2 Екимова В. И. Осужденные к пожизненному лишению свободы: социально-демографическая, медицинская, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика, а также особенности психологического сопровождения / В. И. Екимова, И. В. Кокурина, А. В. Кокурин // Психология и право. – 2016. – № 1. – С. 58-89.

3 Абдрахманова Е. Р. Гендерный подход в уголовном праве РФ: смертная казнь и пожизненное лишение свободы как «мужские» наказания / Е. Р. Абдрахманова, И. С. Савельев // Российский следователь. – 2014. – № 13. – С. 67-68.

4 Арсенова А. А. Проблемы института пожизненного лишения свободы в российском уголовном праве // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2017. – Т. 5, № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>.

ния установленных ограничений. Считаем, что возможность применения пожизненного лишения свободы к женщинам будет иметь сдерживающий характер.

В-четвертых, до сих пор среди ученых-правоведов и даже обычных граждан нет единообразного отношения к вопросу о целесообразности пожизненного лишения свободы как единственной альтернативы смертной казни.

Сторонники смертной казни (И. И. Карпец) называют пожизненные лишения свободы «смертью в рассрочку», что является гораздо более мучительнее для самих преступников и их родственников, а также раздражающим фактором для добросовестных налогоплательщиков. Мы полностью разделяем позицию И. И. Карпеца, считаем, что применение к осужденным смертной казни является более гуманным наказанием, чем применение пожизненного лишения свободы. Пожизненно осужденные – это лица, приговоренные к смерти в рассрочку без какой-либо перспективы на дальнейшее освобождение.

Практика исполнения наказаний в виде лишения свободы свидетельствует о том, что, отбывая длительные сроки в местах заключения, осужденные в большинстве случаев не только не исправляются, но и постепенно деградируют.

Мы думаем, что не вызывает никаких сомнений, что исправление осужденного, содержащегося в условиях камерного режима в течении длительного срока, не может повлиять на его исправление и чревато негативными последствиями для него.

Ежегодный прирост числа осужденных к пожизненно наказанию и тех, кому смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы, ставит перед ФСИН и обществом в целом ряд серьезных проблем; в частности строительства для них новых исправительных учреждений, подготовка дополнительного персонала для работы в ИК с осужденными, а также их последующего бытового и социального обеспечения.

Следующей важной проблемой в исправительных учреждениях ФСИН остается проблема отсутствия возможности трудового обеспечения осужденных, не только во многих ИК особого режима, а особенно такой опасной категории осужденных, как пожизненно лишенные свободы, которые содержатся покамерно и не могут быть привлечены к массовому производству в цеху или на предприятии.

Вопросы привлечения к труду пожизненно осужденных не могут быть решены в современных условиях самостоятельно ни руководством ФСИН, ни даже на уровне правительства РФ. Учитывая постоянное нахождение в большинстве случаев в одиночной камере, однообразное время препровождение, отсутствие общения с другими осужденными, труд мог бы стать тем стимулом, который бы скрасил однообразную жизнь в камере и мог оказать позитивное влияние как на правопослушное поведение, осужденного так и дать ему надежду, желание жить и показать определенную степень исправления, надеясь на возможность дальнейшего УДО.

УИК РФ регламентирует порядок исполнения всех видов уголовных наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ. Хотелось бы отметить то, что УИК не регламентирует порядок исполнения и отбывания осужденными наказания в виде пожизненного лишения. Считаем, что в УИК РФ необходимо внести новую главу 16. 1. «Исполнение наказания в виде пожизненного лишения свободы», в которой должны быть регламентированы все вопросы исполнения и отбывания данного вида уголовного наказания осужденными.

Отсутствие нормативного регулирования данного вопроса побуждает сотрудников ИК руководствоваться нормами, регулирующими исполнение наказаний в виде лишения свободы. Считаем, что данный пробел требует законодательного урегулирования.

Подводя итог, следует отметить, что вопросы назначения и исполнения уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы по-прежнему являются актуальными, широко обсуждаемыми и вызывают как научный, так практический интерес в силу их дискуссионности и требуют дальнейшего всестороннего анализа и совершенствования действующего законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Абдрахманова Е. Р., Савельев И. С. Гендерный подход в уголовном праве РФ: смертная казнь и пожизненное лишение свободы как «мужские» наказания // Российский следователь. – 2014. – № 13. – С. 67-68.
2. Авдеева Е. В. Особенности пожизненного лишения свободы как вида уголовного наказания // Вестник Кузбасского института. – 2020. – № 2 (43). – 2020.
3. Арсенова А. А. Проблемы института пожизненного лишения свободы в российском уголовном праве // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2017. – Т. 5. № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>.
4. Екимова В. И., Кокурина И. В., Кокурин А. В. Осужденные к пожизненному лишению свободы: социально-демографическая, медицинская, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика, а также особенности психологического сопровождения // Психология и право. – 2016. – № 1. – С. 58-89.
5. Нешистая О. Н., Баженов О. Н. Проблемы применения наказания в виде пожизненного лишения свободы в Российской Федерации // Право: современные тенденции: материалы III Междунар. науч. конф. Краснодар. – 2017. – С. 130-148.
6. Мазалева Л. В., Шайдулина Н. Д. Эффективность применения пожизненного лишения свободы // Современные научные исследования и инновации. – 2019. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2019/03/88896> (дата обращения: 2.04.2021).
7. Сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cdep.ru> (дата обращения: 12.02.2020).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-234-236

ДЕНИСОВИЧ Вероника Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Института права Челябинского государственного университета, адвокат Челябинской областной коллегии адвокатов «Академическая»

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯМИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ И ПРЕВЫШЕНИЕМ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

На сегодняшний день в Российской Федерации достаточно сильными являются коррупционные проявления, несущие в себе повышенную опасность для общества. В последние годы проводилась полномасштабная работа по изменению законодательства, нормативно-правовых актов в целях оптимизации данного вопроса и в качестве попытки борьбы с подобным социальным явлением. Ввиду этого актуальным является такой вопрос, как разграничение понятий злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, а также особенности квалификации данных видов преступлений.

Ключевые слова: должностное лицо, должностные полномочия, превышение полномочий, превышение должностных полномочий, злоупотребление правом, злоупотребление должностными полномочиями.

DENISOVICH Veronika Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Institute of Law of the Chelyabinsk State University, lawyer of the Chelyabinsk Regional Bar Association "Akademicheskaya"

FEATURES OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF CRIMES RELATED TO ABUSE OF OFFICIAL AUTHORITY AND ABUSE OF OFFICIAL AUTHORITY

To date, corruption manifestations are quite strong in the Russian Federation, which carry an increased danger to society. In recent years, full-scale work has been carried out to change legislation, regulatory legal acts in order to optimize this issue and as an attempt to combat such a social phenomenon. In view of this, such a question as the delineation of the concepts of abuse of official authority, abuse of official authority, as well as the specifics of the qualification of these types of crimes is relevant.

Keywords: official, official authority, abuse of authority, abuse of authority, abuse of right, abuse of official authority.

На сегодняшний день серьезным резонансным вопросом являются преступления, совершенные против интересов госслужбы и государственной власти. Такие преступления в науке и литературе получили название должностных преступлений. Лица, совершающие преступления подобного рода должны не только отвечать общим условиям, закрепленным в статье 19 УК РФ, но и являться должностными лицами (обладать признаками такого лица).

Большинство юристов соглашаются с тем, что уголовно-правовая регламентация ответственности за преступления должна быть изучена с учётом исторической ретроспективы. Подобной точки зрения придерживались ещё криминологи дореволюционной эпохи. Н. С. Таганцев в своих работах отмечал важность исторического толкования, особенно если применить его к действующему законодательству. Он отмечал, что при изучении юридических институтов нужно опираться на историю их возникновения, изменения, которые происходили с данным институтом в течение времени, то есть на его судьбу, «т.е. те поводы, в силу которых появилось данное учреждение, и те видоизменения, которым подверглось оно в своем историческом развитии» [3, С. 414].

Тем не менее пока ещё не выработано единое мнение относительно того, с какого временного периода необходимо начинать изучение. Некоторые исследователи считают, что историческая ретроспектива должна быть дана с того момента, когда уголовно-правовые нормы стали по собственному виду и значению приобретать современные очертания, то есть, когда законодательная техника вышла уже на достаточ-

но высокий уровень. Другие учёные полагают, что изучать правовую регламентацию явлений, как и в целом правовые явления необходимо с того момента, как начинается образование государственности, то есть с того момента, когда можно в источниках права найти письменное отображение норм.

Приверженцем такой позиции является Ю. В. Тарасова, которая придерживается мнения о том, что нормы необходимо изучать с того момента, как они зародились, то есть тогда, когда в собственном смысле они ещё даже не были уголовными [4, С. 237].

Поддерживая позицию данного исследователя, полагаем, что при изучении должностных преступлений нужно также обращаться к историографии ответственности за преступления данной направленности с того момента, как они только впервые получили свою письменную фиксацию.

В целях борьбы с коррупцией, в 2014-м году был издан Указ Президента РФ № 226 от 11 апреля 2014 г. [5]. Данный указ примечателен тем, что на ряд лиц, в том числе таких как Председатель Банка России, руководители госкорпораций, руководители органов власти и т.д. были возложены задачи, которые способствовали бы противодействию коррупции. Перечисленные в Указе лица должны были в пределах собственной компетенции предпринимать необходимые меры и действия в целях снижения коррупционных проявлений, а также должны были в установленные сроки отчитаться по предпринятым действиям и их результатам.

Также необходимо сказать и о Национальном плане, который предусматривал необходимость решения следующих задач:

- изменение и улучшение организационных основ, в рамках которых предпринимаются действия и мероприятия в субъектах Российской Федерации по противодействию коррупционным проявлениям;

- усиление мер в области просвещения граждан РФ по антикоррупционному направлению;

- обеспечение исполнения принятых актов и управленческих решений касательно противодействия коррупции.

Также отметим, что в РФ в последние годы проходили судебные процессы в отношении высокопоставленных, в недалёком прошлом, лиц.

На сегодняшний день государственные служащие являются объектами внимания со стороны государства и общества. Государственные служащие находятся на службе общества и государства, о чем они должны помнить. К сожалению, в связи с тем, что чиновники часто злоупотребляют собственными возможностями, которые предоставляет им занимаемое служебное положение, возникает «дефицит доверия», выраженный в снижении уровня доверия со стороны граждан к действующей власти. Вследствие этого, необходимо пересмотреть систему ценностей, определить новые подходы, согласовать содержание ценностной ориентации и её основные элементы.

В данном процессе небезынтересной оказывается роль науки уголовного права. Задачей данной науки является исследование тех социальных явлений и процессов, которые непосредственно связаны с должностными лицами и их служебной деятельностью, изучение фактов, свидетельствующих о злоупотреблении полномочиями или же превышении полномочий, раскрытие негативных тенденций, последствий и общественной опасности рассматриваемых деяний, а также определение условий и причин, способствующих совершению преступных действий. Также к сфере уголовного права относится разработка конкретных рекомендаций по возможности предотвращения подобных деяний и выработка мер противодействия проявлениям злоупотреблений полномочиями или их превышения.

Органы государственной власти, согласно статье 15 Конституции РФ, а также органы местного самоуправления, различные должностные лица в своей деятельности и при реализации собственных должностных полномочий должны руководствоваться исключительно установленными на территории Российской Федерации законами и подзаконными актами, а также Основным законом страны – Конституцией РФ. В статье 53 Конституции говорится о том, что государство несёт ответственность за те противоправные действия, которые совершают должностные лица. В связи с этим противоправные действия должностных лиц, противоречащие законам нашего государства, должны вести к наступлению для данных виновных лиц юридической ответственности.

Злоупотребление полномочиями со стороны должностных лиц приводит к тому, что официально установленный в государстве порядок может быть нарушен. Помимо того, что нарушаются установленные принципы и нормы осуществления должностных полномочий данных лиц, также под угрозой находится нормальная жизнедеятельность тех юриди-

ческих лиц, в рамках которых виновное лицо осуществляло свои должностные обязанности, поскольку, совершая противоправные деяния, превышая или злоупотребляя собственными полномочиями, виновное лицо подрывало авторитет организации. Противоправные действия, совершаемые в аспекте злоупотребления положением или полномочиями, могут существенно повлиять на жизнедеятельность (в т. ч. экономическую) юридического лица, нанести ему вред материального или нематериального характера. Кроме того, в процессе совершения данного преступления, или вследствие него, могут быть нарушены законные права и интересы иных лиц. Поэтому степень общественной опасности таких преступлений может варьироваться и быть очень высокой. Ввиду этого важным является определить различные виды юридической ответственности за данные деяния с учётом степени их опасности.

Полагаем необходимым затронуть вопрос цели, в соответствии с которой для должностных лиц устанавливается ответственность. Путём установления различных видов ответственности законодатель пытается установить рамки служебной дисциплины для должностных лиц, а также определённый побудительный мотив не выходить за данные рамки, относиться к собственным служебным обязанностям на должном уровне, не пренебрегать исполнением собственных обязанностей, не относиться к ним небрежно, действовать в границах установленных полномочий, не превышая их и не злоупотребляя ими. В качестве одного из наиболее эффективных инструментов реализации данной цели и установления для должностных лиц мотивации к соблюдению рамок и границ, государство выбрало юридическую ответственность.

Согласно статистическим данным, должностная преступность по своей структуре на конец 2021 г. имела следующий вид:

- 3,5 % от общего количества совершаемых должностных преступлений занимала халатность, характеризуемая статьей 293 УК РФ;

- далее в структуре следует злоупотребление должностными полномочиями, состав которого определяется статьей 285 УК РФ. Доля подобных преступлений составила 17 %;

- преступления, совершаемые в соответствии с нормами статьи 286 УК РФ, занимают 23 % структуры должностной преступности;

- получение взятки (статья 290 УК РФ) – это 29 %;

- наконец, на долю всех прочих должностных преступлений приходится 27,5 % [1].

Статистика за 2021 г. показывает, что из числа должностных преступлений наиболее весомыми категории являются преступления коррупционной направленности. На портале правовой статистики, находящемся под патронажем Генпрокуратуры РФ, постоянно размещается подробная статистика о преступлениях коррупционной направленности.

В соответствии с публикуемой статистикой, в течение 2021 г. в Российской Федерации произошло и было зафиксировано 5570 случаев взяточничества. Наибольшее количество преступлений подобной направленности было совершено в Москве и Краснодарском крае. В первом случае было зафиксировано 249 преступлений, во втором – 216. Большое количество подобных преступлений зафиксировано также в

Забайкальском крае, Татарстане, Ростовской области, Воронежской области, Башкирии, Волгоградской области, Алтайском крае и Челябинской области.

За рассматриваемый период лидером по отсутствию случаев получения взятки являлся Чукотский автономный округ. В 2021-м году там не было зафиксировано ни одного случая. Очень редки подобные проявления коррупционных преступлений были в Мурманской области, Ненецком автономном округе, Карачаево-Черкесии, Якутии, Ингушетии, Тамбовской области, Калмыкии, Карелии, Севастополе, и Республике Тыва.

Далее следует сказать о преступлениях, которые были связаны со злоупотреблением полномочиями. В течение 2021 г. подобных преступлений было зарегистрировано 2037. Больше всего выявленных случаев зафиксировано в Татарстане, Вологодской области и Краснодарском крае. При этом достаточно велик отрыв между лидером данного рейтинга и всеми основными административными единицами. Количество преступлений, зарегистрированных в Татарстане, составило 205 случаев. Вологодская область, шла с большим отрывом – 100 случаев.

Приведём пример судебной практики [2]. А. А. Патраков совершил преступление по части 1 статьи 285 УК РФ, а также по части 3 статьи 159 УК РФ. А. А. Патраков, являющийся оперуполномоченным уголовного розыска, во-первых, из корыстной заинтересованности и вопреки интересам службы использовал собственные служебные полномочия, что в результате повлекло за собой нарушение прав граждан и законных интересов. Кроме того, оперуполномоченный совершил хищение имущества, задействовав собственное служебное положение.

Согласно материалам дела, Патраков А.А. 24 апреля 2021 г., а также 25 апреля 2021 г. Незаконно воспользовался имеющимся у него доступом к банку данных «Регион». Оперуполномоченный без санкции со стороны руководства, используя личный пароль для доступа к банку данных, вошел в него с целью сделать запрос в отношении третьего лица. Получив необходимую ему информацию, Патраков А.А. без всяких на то оснований, в злоупотребление полномочиями произвел незаконны ОРД в виде наблюдения и опроса.

Сегодня можно назвать следующие тенденции, определяющие совершение преступлений с использованием должностного положения:

– меняется структура должностной преступности. Исходя из представленных статистических данных, можно сделать вывод, что лица, имеющие высшее и среднее должностное положение в период с 2018-го по 2021 г., стали совершать меньше преступлений по данным основаниям. Их доля уменьшилась до 40 %, в то время как на начало анализируемого периода она составляла 60 %. Соответственно, выросла доля должностной преступности лиц, занимающих низовое положение: с 40 % в 2018-м году она увеличилась до 60 % 2021-м году;

– наиболее подвержены преступлениям с применением должностного положения такие сферы как: здравоохранение, дорожное движение, образование;

– доля должностных преступлений, совершенных лицами, имеющими отношение к ОПГ, увеличилась, при этом следует отметить формирование достаточно крупных коррупционных сетей.

Должностная преступность на современном этапе возрастает, о чем свидетельствует увеличивающееся количество регистрируемых преступлений. Наиболее распространены коррупционные преступления.

Следует признать, что, к сожалению, те позитивные преобразования, которые сегодня происходят в России, сопровождаются глубочайшим кризисом всех сфер жизнедеятельности государства и общества. В том числе необходимо отметить и продолжающийся кризис власти. В качестве одного из этапов, который позволяет сформировать правовое демократическое государство, выступает стабилизация служебной деятельности, улучшение её функционирования в целях наилучшего удовлетворения интересов общества. От того, насколько качественно должностные лица будут исполнять свою работу, зависит не только функционирование ряда органов власти, но и жизнеспособность государства. Любое деяние, совершенное в противоречие интересам службы, должно быть урегулировано в законном порядке, а потому значительную роль играет такой аспект, как уголовно-правовая охрана интересов государства и службы.

Любая норма (охранительная) предназначена для регулирования общественных отношений, возникновение которых возможно в будущем. По сути, злоупотребление полномочиями является достаточно распространённым явлением, которое имеет своей особенностью достаточно высокую степень латентности. При этом случаи, когда подобные деяния провоцируют запуск механизма реализации функции обвинения государством, достаточно редки.

Пристатейный библиографический список

1. Портал правовой статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 28.04.2022).
2. Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-metallurgicheskii-raionnyi-sud-gcheliabinska-cheliabinskaia-oblast/?page=7> (дата обращения: 28.04.2022).
3. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. М., 2019. Вып. 1. С. 414.
4. Тарасова Е.В. Квалификация преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего служебного положения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2019. С. 237.
5. Указ Президента РФ от 11 апреля 2014 г. № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014-2015 годы» (ред.15.07.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 апреля 2014 г. № 15. С. 1729.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-237-238

ПОЕЗЖАЛОВ Владимир Борисович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России

ФИЛИППОВ Олег Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета

ИЗМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются внесенные в уголовный закон изменения, касающиеся безопасности Российской Федерации. Авторами дается уголовно-правовая характеристика отдельных составов преступлений, высказывается мнение относительно правил квалификации и спорных вопросов конструирования отдельных положений названных правовых предписаний.

Ключевые слова: уголовный закон, государственная измена, шпионаж, безопасность Российской Федерации, должностные лица.

POEZZHALOV Vladimir Borisovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Operational investigate activity of internal affairs bodies sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

FILIPPOV Oleg Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of International law and international relations sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University

CHANGES IN THE CRIMINAL LAW AND THE SECURITY OF THE STATE

The article discusses the changes made to the criminal law regarding the security of the Russian Federation. The authors give a criminal-legal description of certain elements of crimes, express an opinion on the rules of qualification and controversial issues in the construction of certain provisions of these legal regulations.

Keywords: criminal law, high treason, espionage, security of the Russian Federation, officials.

Вносимые в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) изменения имеют своей целью упорядочить правовое регулирование той или иной сферы, обеспечивающей безопасность личности, общества и государства.

В 2022 году после начала специальной военной операции отечественным законодателем много внимания было уделено вопросам государственного строительства и реформирования тех правовых предписаний, которые так или иначе служат решению, в том числе, актуальных социально-политических задач. Последние изменения и дополнения уголовного закона коснулись целой группы преступных деяний, которые так или иначе связаны с безопасностью государства.

14 июля 2022 года федеральным законом № 260-ФЗ¹ УК РФ был внесен целый ряд существенных изменений.

Так, в частности, скорректировано название статьи 208 УК РФ, которая теперь звучит как «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации». Названная статья дополнена частью третьей, предусматривающей ответственность от 12 до 20 лет лишения свободы за участие любого лица, за исключением иностранного гражданина в вооруженном конфликте или военных действиях на территории иностранного государства. При этом, целью виновного должны быть интересы, которые противоречат интересам Российской Федерации. Кроме того, налицо должно быть отсутствие признаков состава ст. 275 УК РФ «Государственная измена».

Примечание ст. 208 УК РФ в действующей редакции исключает возможность освобождения от уголовной ответственности по признакам вновь введенной части 3.

Норма о государственной измене также претерпела некоторые изменения. Признаки объективной стороны, относящиеся к деянию, в диспозиции статьи дополнены указанием на «переход на сторону противника», а в примечании дано понятие названного «перехода» – это «участие лица в составе непосредственно противостоящих Российской Федерации сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники».

Систематическое толкование указанного примечания дает нам основание говорить о том, что законодателем, по сути, не раскрыто содержание действий по «переходу на сторону противника». И в этом смысле фактически возникает конкуренция между признаками ч. 3 ст. 278 УК РФ и ст. 275 УК РФ. Полагаем, что законодатель следовало указать, что «переход на сторону противника» – это действия военнослужащего России или иного лица, соответствующего ему по статусу во время боевых действий, который изменяет своему долгу и «переходит во вражеский лагерь».

Такая или схожая правовая формулировка не только поможет избежать неправильной квалификации, но и справедливо будет отражать суть действий и помыслов виновного лица.

Следующее изменение коснулось положений, которые ранее не были известны отечественному законодателю. Статьей 275¹ УК РФ введена уголовная ответственность за сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной или иностранной организацией. При отсутствии признаков государственной измены лицо может подлежать уголовной ответственности по названной статье в пределах от 3 до 8 лет лишения свободы. Законодателем указано на то, что под сотрудничеством понимается установление и поддержание гражданином России отношений с представителем иностранного государства в целях оказания им содействия в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации. Полагаем, что данная статья введена как альтернатива ст. 275 УК РФ. Однако не

1 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2022. - № 29 (часть II). - Ст. 5227.

ТАМБИЕВ Сергей Арсенович

преподаватель кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

УРУМОВ Аскер Валерьевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ И ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

В статье рассмотрены проблемы наркотизации несовершеннолетних, которые сегодня достигли небывалых масштабов, оказывая разрушительное влияние на здоровье нации и государственную безопасность. В классификации наркотических и психотропных веществ наиболее проблемными являются «новые психоактивные вещества». основополагающая проблема заключается в сложности правовой идентификации данных веществ, установления их влияния на организм человека и требует серьезного подхода и продуманной политики государства в контексте совершенствования программ, направленных на борьбу с употреблением и распространением наркотических средств, включая их социальную реабилитацию. Особую сложность для правоохранителей представляет контроль над сбытом психоактивных веществ, что обусловлено их доступностью, наличием благоприятных условий для широкого распространения. Предложены профилактические мероприятия, связанные с преступлениями несовершеннолетних в сфере незаконного оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Ключевые слова: наркотизация несовершеннолетних, незаконный оборот, наркотические и психоактивные вещества, профилактика, предупреждение.

TAMBIEV Sergey Arsenovich

lecturer of Special technical training sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

URUMOV Asker Valerjevich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Special and technical training sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

ACTUAL ISSUES OF PREVENTION OF JUVENILE CRIMES RELATED TO ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC AND PSYCHOACTIVE SUBSTANCES

The article deals with the problems of narcotization of minors, which today have reached an unprecedented scale, having a devastating effect on the health of the nation and state security. In the classification of narcotic and psychotropic substances, the most problematic are "new psychoactive substances". The fundamental problem is the complexity of the legal identification of these substances, the establishment of their effect on the human body and requires a serious approach and a well-thought-out policy of the state in the context of improving programs aimed at combating the use and distribution of narcotic drugs, including their social rehabilitation. Of particular difficulty for law enforcement officers is the control over the sale of psychoactive substances, due to their availability, the presence of favorable conditions for widespread distribution. Proposed preventive measures related to juvenile crimes in the field of illicit trafficking in new potentially dangerous psychoactive substances.

Keywords: narcotization of minors, illegal circulation, narcotic and psychoactive substances, prevention, prevention.

Проблема наркотизации несовершеннолетних сегодня достигла небывалых масштабов, оказывая разрушительное влияние на здоровье нации и государственную безопасность. Приоритетность решения вопросов, связанных с профилактикой, предупреждением и противодействием данному феномену, провозглашается в ряде международных документов, в том числе, во Всемирном докладе ООН о наркотиках, преобладающая часть которого посвящена наркотизации подростков. Для России, функционирующей в условиях устойчивого демографического кризиса, проблема наркотизации несовершеннолетних (будущего нашей страны), мега актуальна, ее следствием является маргинализация, деградация и дегенерация населения.

Официальные статистические данные, опубликованные на сайтах Министерства здравоохранения и Ми-

нистерства внутренних дел РФ, наглядно иллюстрируют тенденцию к перманентному «омоложению» наркозависимых. Молодежь и подростки в настоящий период выступают основным социальным составом потребителей и распространителей наркотических средств и психоактивных веществ. Особую значимость проблема наркотизации данной группы населения приобрела в 2020 г., ознаменовавшемся началом распространения пандемии COVID-19, детерминировавшей многократное увеличение объемов реализуемых наркотических средств. Дестабилизированное психоэмоциональное состояние граждан и сокращение рабочих мест, обусловившее потребность в приобретении новых источников дохода, привели к многократному увеличению оборота наркотических средств и психоактивных веществ в России и за рубежом.

В 2021 г. средний возраст наркозависимых находился в диапазоне от 15 до 19 лет, из них 20 % - представители школьной скамьи. Необходимо констатировать, что в последние годы сложилась крайне негативная тенденция, связанная с приобщением к наркотическим веществам подростков 16-17 лет. По данным МВД России, каждый пятый несовершеннолетний в России хотя бы единожды употреблял наркотические и психоактивные средства. Смертность к 2021 г. увеличилась в 2 раза [8]. Одновременно с этим количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, в период 2017-2021 гг. заметно сократилась [8]. На наш взгляд, данное обстоятельство связано с повышением уровня латентности в данной сфере преступлений, что, в свою очередь, продиктовано цифровизацией наркопреступлений [1]. Около 80 % наркопреступлений, выявленных правоохранительными органами, сопряжено с применением электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, основными пользователями которых являются именно подростки, и молодежь. Современные средства коммуникации (социальные сети, мессенджеры, интернет-ресурсы и т.д.) наименее подвержены внешнему контролю, что предоставляет огромное поле деятельности для торговцев опасными психоактивными веществами. Только в 2020 г. Роскомнадзор заблокировал более 1000 интернет-ресурсов, выступавших площадками для незаконного распространения наркотических средств и психоактивных веществ. В период 2015-2020 гг. заблокировано порядка 130 тыс. ресурсов, причастных к торговле запрещенных веществ.

Список наркотических и психоактивных веществ ежегодно расширяется, а их контроль усложняется. Особую сложность представляет контроль над сбытом психоактивных веществ, что обусловлено их доступностью, наличием благоприятных условий для широкого распространения. Именно психоактивные вещества наиболее востребованы в среде несовершеннолетних в связи с их невысокой стоимостью [2]. Превалирующая доля психоактивных веществ не контролируется на международном уровне, соответственно, контроль должен осуществляться на национальном уровне. В России системный дифференцированный подход к выделению отдельных групп психоактивных веществ сформировался всего лишь к 2015 г., их перечень представлен в ФЗ от 08.01.1998 № 3-ФЗ и Постановлении Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002.

В классификации наркотических и психотропных веществ наиболее проблемной являются «новые психоактивные вещества». Основопологающая проблема заключается в сложности правовой идентификации данных веществ, установления их влияния на организм человека.

Ежегодно в подпольных лабораториях синтезируются десятки новых потенциально опасных психоактивных веществ. Скорость появления новых психоактивных веществ колоссально выше оперативности их проверки правоохранительными органами и внесения в списки контролируемых веществ. Соответственно, формируется значительный период, когда новое потенциально опасное психоактивное вещество остается вне правового поля и соответственно контроля. Данное обстоятельство актуализирует значимость разработки профилактических

мероприятий, направленных на препятствование незаконного оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ.

В целях предупреждения указанных преступлений на государственном уровне принята «Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года», где сформулированы мероприятия по предупреждению преступлений, связанных с незаконным оборотом новых потенциально опасных психоактивных веществ среди несовершеннолетних [7]:

1) криминологические мероприятия, реализуемые непосредственно при участии сотрудников правоохранительных органов;

2) неадминистративные мероприятия, направленные на формирование у подростков социальных навыков, интеграцию в специализированные общественно значимые и социально-ориентированные проекты, помощь в трудоустройстве, приобщение к общественному делу и т.д.

Эффективной реализации системы предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом новых потенциально опасных психоактивных веществ среди несовершеннолетних, препятствует ряд серьезных проблем:

1) дефицит высококвалифицированных кадров, осуществляющих профилактику наркотизации;

2) сложность и продолжительность процедуры признания новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также внесения их в Реестр;

3) некорректная презентация негативных последствий употребления психоактивных веществ в подростковой среде. Простая трансляция информации не воспринимается подростками, и, более того, может оказать прямо противоположный результат. Характеризуя конкретные виды психоактивных веществ с детализацией их воздействия, можно не намеренно стимулировать у подростков желание попробовать наркотические средства и психоактивные вещества;

4) российские регионы обладают ярко выраженной культурной и политико-географической спецификой, соответственно, наркотизация в регионах глубоко дифференцирована. Ярким примером служит Дальний Восток с собственной наркосырьевой базой и поставками опиоидных веществ из Китая. При этом, в плане мероприятий по предупреждению преступлений, связанных с незаконным оборотом новых потенциально опасных психоактивных веществ среди несовершеннолетних, региональные особенности, как правило, не учтены. Помимо того, в ряде регионов фактически отсутствует или слабо организовано межведомственное взаимодействие, что препятствует реализации соответствующих профилактических мероприятий [6].

В целях эффективного предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом новых потенциально опасных психоактивных веществ среди несовершеннолетних, требуется систематический мониторинг наркотизации по каждому региону, разработка новых форм проведения профилактических мероприятий (в целях искоренения на начальных стадиях причин преступного поведения несовершеннолетних признание института семьи ведущим звеном их в социализации, обеспечение

мультимедийности, интерактивности и гипертекстуальности информации), повышение квалификации и компетентности сотрудников правоохранительных органов, специализирующихся на вопросах профилактики наркотизации [4], [5], [6].

Важным также представляется конструирование рабочего канала межведомственного взаимодействия, обеспечение тесного партнерства негосударственных учреждений. Перспективной формой межведомственного взаимодействия является проведение совместных скоординированных операций по противодействию незаконному обороту новых потенциально опасных психоактивных веществ. Важным направлением должна стать индивидуальная профилактика правонарушений, направленная на оказание воспитательного воздействия на несовершеннолетних [3].

На государственном уровне целесообразным представляется иллюстрация разрушительных последствий потребления опасных психоактивных веществ. Речь идет о социальной рекламе в интернет-пространстве, популяризации культуры безопасности и здорового образа жизни, проведении интернет-фестивалей короткометражных фильмов, организации системы «виртуальной горячей линии» с переадресацией к подразделениям МВД и Следственного комитета России [5], [6]. Лицами антинаркотических программ должны стать несовершеннолетние с реальным опытом приема психоактивных веществ, преодолевшие собственную зависимость. Помимо того, в России должны функционировать службы доверия, к которым на анонимной основе может обратиться подросток за консультационной и психологической помощью. Предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом новых потенциально опасных психоактивных веществ среди несовершеннолетних, должно производиться в сотрудничестве с волонтерскими организациями [6].

В заключение отметим, что употребление и незаконный оборот наркотиков несовершеннолетними являются серьезной угрозой для общества и государства. Обусловленная проблема требует серьезного подхода и продуманной политики государства в контексте совершенствования программ, направленных на борьбу с употреблением и распространением наркотических средств, включая их социальную реабилитацию. Особую сложность для правоохранителей представляет контроль над сбытом психоактивных веществ, что обусловлено их доступностью, наличием благоприятных условий для широкого распространения.

Пристатейный библиографический список

1. Готчина Л. В. Цифровизация наркопреступлений и противодействия им // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2019. - № 5. - С. 40-50.
2. Ергабылов М. Г. Новые виды психоактивных веществ. Синтетические наркотики // Вестник Казанского Национального медицинского университета. - 2018. - № 4. - С. 80-90.

3. Мальцева В. А. Вопросы профилактики интернет-наркотизации несовершеннолетних в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. - 2019. - № 10. - С. 34-40.
4. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров: организационные и правовые основы: учебное пособие / М. В. Дульцев, А. А. Бульбачева, А. В. Котязов. - Москва: Академия управления МВД России, 2021. - 156 с.
5. Румянцев Н. В. Основные направления противодействия употреблению и распространения наркотических средств и психотропных веществ среди несовершеннолетних // Вестник экономической безопасности. - 2018. - № 4. - С. 50-60.
6. Сидоренко А. В. Организационные основы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых в сфере нелегального оборота наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2021. - № 9. - С. 40-50.
7. Статистика наркомании в России 2020-2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://narcorehab.com/articles/statistika-narkomanii-v-rossii-2020-2021/> (дата обращения: 01.08.2022).
8. Федоров С. В. Уголовная ответственность за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ // Наркоконтроль. - 2015. - С. 24-40.

МАГОМЕДОВА Арапат Исаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

УБАЙДУЛАЕВ Рамазан Камалутдинович

магистрант 2-го года обучения Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена вопросам определения понятия рецидива преступлений. Проанализированы признаки рецидива преступлений, судебная практика применения уголовно-правовых норм, а также выявлены проблемы уголовно-правовой регламентации рецидива преступлений. Приведенные аргументы и научные обоснования фактически только подтверждают необходимость дальнейшего уточнения (на законодательном уровне) понятия рецидива преступлений.

Ключевые слова: рецидив, признаки, повторность, умысел, неосторожный рецидив, судимость.

MAGOMEDOVA Arapat Isaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

UBAIDULAEV Ramazan Kamalutdinovich

magister student of the 2nd year of study of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice

THE CONCEPT, SIGNS OF RECIDIVISM OF CRIMES

The article examines topical issues of the definition of the concept, signs of recidivism of crimes. The question of the content and signs of recidivism of crimes is still complex and controversial, and sometimes contradictory. The features of criminal liability for recidivism of crimes have been analyzed, as well as the problems of criminal law regulation of recidivism of crimes have been identified and recommendations for their improvement have been developed.

Keywords: relapse, repetition, intent, careless relapse.

Рецидив преступлений рассматривается в российском уголовном законодательстве на протяжении всей его истории. Анализ советского уголовного законодательства свидетельствует, с одной стороны, о гуманизации системы мер уголовного наказания и других форм уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих преступления; с другой стороны, об ужесточении уголовной ответственности для рецидивистов и лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления [9, С. 67].

В настоящее время этот термин по-разному трактуется в разных отраслях науки «уголовного» цикла: в уголовном, уголовном (исправительно-трудовом) праве и криминологии. В доктрине уголовного права рецидивизм определяется, различается и изучается прежде всего с точки зрения дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания за определенные виды повторных правонарушений. С этой целью юридическое определение различных видов рецидива (простой, опасный, особо опасный) содержится в статье 18 Уголовного кодекса Российской Федерации. Ей четко корреспондируют ст. 68 УК РФ («Назначение наказания при рецидиве преступлений»), п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ («Обстоятельства, отягчающие наказание») и ст. 58 УК РФ («Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения») [6, С. 147].

В соответствии с частью 1 статьи 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) под рецидивом преступлений понимается умышленное совершение преступления лицом, осужденным за ранее совершенное умышленное преступление.

Этот вид рецидива обычно называют легальным, поскольку его определение дается законодателем; он имеет юридические признаки и имеет только официальное уголовно-правовое значение.

Рецидив преступлений характеризуется присущими ему специфическими чертами, которые позволяют рассматривать его как самостоятельный вид многообразия преступлений наряду с общим количеством преступлений. Уточненное и подробное определение рецидива преступлений может выглядеть так: рецидивизм – это совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление, независимо от факта отбывания наказания (полностью или частично), если на момент совершения за предыдущее преступление он достиг 18-летнего возраста [7, С. 112].

Первым признаком рецидива является повторение преступлений. Рецидивизм, в отличие от единичного преступления, следует рассматривать в контексте концепции «множественности преступлений», поскольку он является одной из его форм.

Толковый словарь русского языка определяет «множественное число» как представленное более чем в одном. Поэтому, прежде всего, множественность означает совершение нескольких преступлений одним лицом, и в науке уголовного права все единодушно поддерживают это.

Вторым признаком рецидива является умышленный характер преступлений, совершенных лицом до и после вынесения обвинительного приговора. Что касается установления факта совершения умышленного преступления, то на практике таких проблем обычно не возникает. Этот признак значительно сужает понятие рецидива, оставляя за его пределами неосторожные преступления. Обозначение умышленной формы вины в обоих (или нескольких) преступлениях конкретизирует понятие рецидива и исключает возможность признания лица, совершившего преступление, во время рецидива, в случае совершения преступления по неосторожности или в судимости за неосторожное преступление.

Определяя этот признак, законодатель видит в рецидиве сознательное игнорирование виновным предыдущей судимости. Это отражает психическую, внутреннюю сторону рецидива, и именно она в большей степени характеризует опасность личности виновника.

Оценка субъективных признаков преступлений - умышленных или неосторожных, должна основываться на анализе отдельных элементов преступления с учетом общих положений закона о содержании умышленных или неосторожных форм вины. В то же время преступления со смешанной формой вины в соответствии с предписанием законодателя следует отнести к группе умышленных преступлений. А деяния, совершенные только по неосторожности, согласно части 2 статьи 24, признаются преступлениями только в тех случаях, когда это специально предусмотрено соответствующими статьями особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Случаи, когда лицо с судимостью совершает умышленное преступление и совершает новое преступление по неосторожности, поэтому должны выходить за рамки концепции рецидива преступлений; случаи нового умышленного преступления, совершенного лицом с судимостью за преступление по неосторожности, при условии, что судимость за предыдущее преступление по неосторожности преступление остается в силе. [3, С. 44].

Однако следует отметить, что не все ученые разделяют позицию законодателя в отнесении к рецидиву только случаев повторного совершения умышленных преступлений. Они считают, что понятие рецидива должно быть шире и включать в себя совокупность не только умышленных преступлений, но и преступлений, совершенных по неосторожности. Например, Ю.В. Голик и И.Я. Мирончик утверждает, что понятие рецидива преступлений должно применяться не только к случаям совершения умышленного преступления при наличии судимости за неосторожное преступление или наоборот, но и к повторению только неосторожных преступлений [5, С. 60]. По их мнению, эти случаи имеют самостоятельное юридическое значение, а повторение неосторожных преступлений следует называть неосторожным рецидивизмом. В то же время они подчеркивают, что неосторожный рецидив указывает на то, что лицо, совершившее его, склонно легкомысленно относиться к правонарушениям и имеет стойкое негативное отношение к соблюдению правил общественной безопасности. В.П. Малков и Х.А. Тимершин, придерживающиеся аналогичной позиции, считают, что из-за относительно низкого уровня (4,3% среди неосторожных рецидивистов не нашли отражения в проектах новых уголовных законов [11, С. 44].

Третьим признаком рецидива преступлений будет факт наличия судимости за ранее совершенное преступление. При этом, согласно части 1 статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации, лицо, осужденное за совершение преступления, считается осужденным со дня вступления в законную силу обвинительного приговора суда до момента возвращения или снятия судимости. Последнее обстоятельство не всегда принимается во внимание судами. Так, согласно приговору Алтайского краевого суда от 12 мая 1998 г. Бездольный был осужден за совершение особо тяжких преступлений. Приговор вступил в силу после 21 мая 1998 года. Он совершил новые преступления. При таких обстоятельствах в действиях осужденного не было повторения преступлений. В связи с этим из наказания была исключена инструкция о признании особо опасного рецидива преступленийотягчающим обстоятельством.

В современных научных публикациях криминологов встречается аргумент о том, что при установлении фактов рецидива в суде невозможно учитывать те судимости, которые были зафиксированы среди лиц, осужденных за пределами территории российского государства [15, С. 667]. Также, по

мнению ряда исследователей, нельзя ссылаться на рецидивизм таких судимостей, которые назначаются за умышленные преступления против жизни, при обстоятельствах, смягчающих вину (например, при санкциях по статье 106 УК РФ, а также по частям 1 и 2 части 2 статьи 107 УК РФ, части 2 статьи 108 УК РФ) [10, С. 69].

Аргумент в пользу такого механизма учета критериев рецидивизма основан на статье 76 Конвенции «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам стран - участниц Содружества независимых государств» от 22 января 1993 года [1]. Статья 76 содержит указание на то, что судимости, которые были установлены в судебной системе других соседних стран, не могут приниматься во внимание при признании рецидива преступления. Кроме того, такие обвинительные приговоры не могут быть приняты во внимание при установлении реальных режимов отбывания наказания в исправительных учреждениях. Однако наличие подтвержденных фактов обвинительных приговоров может быть принято во внимание как факторы, характеризующие личные качества подсудимых [14, С. 70].

В уголовном законодательстве ряда иностранных государств при оценке содеянного ими как рецидива следует в полной мере учитывать судимости, возникшие в связи с осуждением правонарушителей за рубежом. В связи с постоянным расширением международных контактов населения страны в сфере туризма и бизнеса было бы полезно установить такую норму в Уголовном кодексе Российской Федерации [15].

Часть 4 статьи 18 Уголовного кодекса Российской Федерации гласит, что судимости за умышленные преступления небольшой тяжести не могут приниматься во внимание при признании преступлений. Такое законодательное положение нельзя считать достаточно эффективным и в то же время должным образом обоснованным. В частности, с учетом статистических данных о том, что около 839931 преступлений в 2021 году были классифицированы как преступления небольшой тяжести [17]. В результате правила такого рода могут привести только к улучшению управления правоохранительной системой с точки зрения общего числа рецидивистов в России в целом, а также в каждом из российских регионов.

Однако практическое применение этой статьи не сможет способствовать эффективным действиям как против выявленных, так и латентных случаев рецидивов.

Кроме того, следует подчеркнуть, что судимости за преступления, совершенные лицами, не достигшими совершеннолетия, также не могут считаться обстоятельствами, подтверждающими рецидив. В то же время не имеет уголовно-правового значения, в каком возрасте осуждаются преступники. Однако отсутствие учета фактов рецидивизма среди несовершеннолетних приводит лишь к искажению реальной криминологической ситуации в российских реалиях. Также невозможно признать такие стремления законодателя оправданными.

Если после достижения осужденными гражданами четырнадцатилетнего возраста они не освобождаются от назначенных им наказаний, а используется только смягчение наказаний, то при применении к ним опасных статусов записи о приговорах такого рода или особо опасном рецидиве больше учитываться не будут. Однако обстоятельства такого рода не препятствуют подтверждению простых рецидивов. При признании рецидива преступлений судимости, указанные в части 4 статьи 18 Уголовного кодекса Российской Федерации, учету не подлежат, даже при исключительно условном осуждении или при наличии задержки фактического исполнения приговоров. Суды не могут рассматривать такие дела только при условии, что в будущем не будут отменены более мягкие приговоры с

судебными запретами относительно их фактического исполнения (в реальные сроки) [12, С. 73].

Если условные наказания впоследствии были отменены по основаниям, определенным в частях 3-5 статьи 74 УК РФ, и осужденные все же поступили в закрепленные за ними исправительные учреждения, то этот вид уже следует в полной мере учитывать при указании статуса рецидивиста, но не факт опасного или особо опасного рецидива.

Отсрочку отбывания наказания (как определено в содержании статей 82 и 82.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) суды вправе отменить при наличии ряда условий. При наличии фактов такого рода замена отсрочек фактической изоляцией также должна быть в полной мере учтена при признании лиц опасными и особо опасными рецидивистами [16, С. 44].

В то же время все вышеперечисленные обстоятельства не должны приниматься во внимание при осуждении за преступления категорий небольшой или средней тяжести, а также при осуждении несовершеннолетних [4, С. 272].

Следует также отметить, что рецидивизм может быть признан только по фактам полноценного исполнения наказания за все предыдущие правонарушения [2, С. 68]. Неправильное определение факта рецидива может привести к неправильному определению вида ряда преступлений и применению правил назначения наказания. В частности, в этом контексте следует четко различать ситуации осуждения на основании всех преступлений и всех наказаний. Например, из материалов по делу К. из этого следует, что согласно п. «а», «г» части 2 статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации (за нападение, совершенное 9 октября 2001 года) был осужден приговором от 11. Июня 2002 года и последнее преступление, предусмотренное пунктами «г» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса, К. совершил в ночь с 12 на 13 декабря 2001 года, т. е. до решения предыдущего судебного решения от 11 июня 2002 года. Согласно части 5 статьи 69 Уголовного кодекса Российской Федерации, наказание должно было назначаться только по всем правонарушениям, а не по всем наказаниям. При таких обстоятельствах даже наличие двух приговоров не указывает на рецидив преступлений, поскольку решение от 11 июня 2002 года и последний приговор образуют одно уголовное дело К.

Соответствующие поправки к постановлению были внесены Судебным советом по уголовным делам Верховного Суда (постановление Верховного Суда Российской Федерации № 67-002-97 от 3 апреля 2003 года).

По сути, приведенные выше аргументы и научные обоснования лишь подтверждают необходимость дальнейшего уточнения (на законодательном уровне) понятия рецидива преступлений, поскольку реализация принципа справедливости как одного из основных принципов уголовного права зависит от правильности доказывания наличия у лица рецидива преступлений (включая тип рецидива).

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Борзенков Г.Н. Курс уголовного права: Общая часть: Т. 1: Учение о преступлении: Учебник для вузов. М.: СИНТЕГ, 2002. С. 68.
3. Возжанникова И.Г. Рецидив как вид множественности преступлений: монография / Отв. ред. А.И. Чу-чаев. М., 2014. С. 44.
4. Волженкин Б.В., Быховский И.Е., Волженкин Б.В., Глотов О.М. От преступления - к наказанию. Популярно о криминологии, уголовном праве, уголов-

ном процессе и криминологии. Л.: Знание, 1973. С. 272.

5. Голик Ю.В., Мирончик И.Я. Неосторожный рецидив: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Сб. Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью в условиях перестройки. Свердловск, 1990. С. 60.
6. Дроздов И. С. Рецидив преступлений при осуждении без лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2020. С. 147.
7. Жарких Е.А. Институт рецидива преступлений: генезис понятия и трансформация системно-структурного и функционально-ролевого содержания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2020. С. 112.
8. Зотов А.Ю. Проблемные вопросы рецидива преступлений в уголовном праве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3 (58). С. 57-64.
9. Кудрявцев В.Н., Кузнецова Ф., Комиссаров В.С. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 67.
10. Кузнецова Н. Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права. М.: Огни, 2017. С. 152.
11. Малков В.П., Тимершин Х.А. Множественность преступлений. Учебное пособие. Уфа, 1995. С. 44.
12. Михлин А. Пути совершенствования законодательства о борьбе с рецидивом // Социальная законность. 1984. № 3. С. 73.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 367.
14. Степашин В.М. Об учете рецидива преступлений при назначении наказания // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 70.
15. Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. СПб., 2008. С. 667.
16. Прохоров А.А. Дифференциация уголовной ответственности при рецидиве преступлений: соотношения законодательных подходов в нормах Общей и Особенной части УК РФ // Российский следователь. 2018. № 6. С. 44-45.
17. Официальный портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 07.06.2022).

ПАШКОВСКИЙ Павел Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

СВЕТЛИЧНАЯ Людмила Александровна

кандидат технических наук, научный сотрудник Попитехнического института (филиала) Донского государственного технического университета в г. Таганроге

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В статье рассматриваются проблемы распространения транснациональной организованной преступности в современном мире. Выявляются основные формы международного сотрудничества в сфере противодействия организованной преступности. Помимо правовых и организационных форм сотрудничества, внимание уделяется также и информационно-техническим формам взаимодействия.

Ключевые слова: организованная преступность, транснациональная организованная преступность, трансграничные преступные формирования, международное сотрудничество, противодействие организованной преступности.

PASHKOVSKIY Pavel Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Branch legal disciplines sub-faculty of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State Economical University (RINE)

SVETLICHNAYA Lyudmila Aleksandrovna

Ph.D. in technical sciences, scientific researcher of the Polytechnic Institute (branch) of the Don State Technical University in Taganrog

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE COUNTERACTION AGAINST ORGANIZED CRIME

The article deals with the problems of the spread of transnational organized crime in the modern world. The main forms of international cooperation in the field of counteracting organized crime are identified. In addition to legal and organizational forms of cooperation, attention is also paid to information and technical forms of interaction.

Keywords: organized crime, transnational organized crime, cross-border criminal formations, international cooperation, organized crime counteraction.

В мире давно идут процессы глобализации: государства активно участвуют в международных организациях универсальной и региональной природы, заключают многосторонние соглашения о сотрудничестве; происходит универсализация национальных законодательств; развиваются мировой рынок, экономические партнерства и транснациональные корпорации; нарастают темпы культурного и информационного обмена. Однако, эти же процессы привели и к глобализации криминальных угроз, распространению транснациональной организованной преступности.

Сами по себе трансграничные преступления не являются чем-то новым – транснациональные преступные организации существовали еще в Средние века и активно осуществляли свою деятельность на территории Европы и Ближнего Востока. Достаточно вспомнить секту ассасинов Хасана ибн ас-Саббаха, занимавшуюся заказными убийствами по всему Ближнему Востоку и Северной Африке в период XI-XII вв. [5, С. 595-602]. Другим примером трансграничного преступного сообщества выступает Гардуна – тайная организация, появившаяся на территории Испании и успешно занимавшаяся заказными убийствами, шпионажем, мошенничеством, грабежами и разбоем, кражами, контрабандой, фальшивомонетничеством, подделкой документов, лжесвидетельством. В частности, эта организация активно сотрудничала с инквизицией, устраивая за вознаграждение неугодных ей лиц. Деятельность данного сообщества продолжалась с XV по XIX вв. и охватывала Испанию, Италию, Северную Африку, Аргентину [1]. Однако, размах современной транснациональной

организованной преступности, масштабы ее деятельности, объем задействованных в ней людских и финансовых ресурсов, гибкость и адаптивность организованных преступных сообществ, безусловно, превосходит любые исторические аналоги и параллели. Организованная преступность в наше время превратилась в большой и прибыльный бизнес со своими собственными транснациональными корпорациями, захватывающими контроль над новыми территориями посредством поглощения более мелких организаций, налаживания взаимовыгодного сотрудничества между сообществами, активного использования подкупа и давления на чиновников, бизнесменов, СМИ. При этом сфера деятельности трансграничного криминала крайне обширна и включает наркобизнес, контрабанду, торговлю оружием, людьми, их органами и тканями, редкими животными, антиквариатом, произведениями искусства, археологическими находками, организованную проституцию, мошенничества, рейдерство, киберпреступность, терроризм, коррупционные преступления.

Все вышеперечисленное ставит перед мировым сообществом серьезный глобальный вызов. Безусловно, транснациональная организованная преступность не должна недооцениваться – необходимо активно противодействовать любым ее формам и проявлениям. Однако, разрозненные, пусть даже и успешные по-своему, действия отдельных государств не способны, в конечном итоге, справиться с такой сложной и трудоемкой задачей. Это связано с необходимостью эффективно действовать в рамках различных юрисдикций и с об-

щей ресурсоемкостью самого противодействия. В этой связи вопросы взаимодействия и координации усилий различных государств и международных организаций выходят на первый план – только эффективное сотрудничество между всеми заинтересованными сторонами способно обеспечить ощутимые и долгосрочные успехи в борьбе с транснациональной организованной преступностью.

Международное сотрудничество может осуществляться в следующих основных формах.

1. Заключение двухсторонних и многосторонних договоров и соглашений. Это форма сотрудничества является наиболее распространенной. Соглашения, заключаемые на межгосударственном уровне, закрепляют намерения сторон в области противодействия транснациональной организованной преступности, закладывают базовые принципы, а иногда и механизмы сотрудничества, устанавливают единую терминологию и служат основой для унификации национальных законодательств. Кроме того, международные договоры могут содержать реальные обязательства стран-участниц друг перед другом, создавать специализированные международные организации, предусматривать планы проведения совместных мероприятий, организовывать совместные финансовые фонды, содержать конкретные дорожные карты по имплементации норм соглашения в национальные системы права.

Многосторонние соглашения могут носить универсальный (например, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.¹) или региональный характер (например, Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму²). Чаще всего многосторонние соглашения принимаются по вопросам противодействия конкретным видам преступлений международного характера, очерчивают их круг и пытаются выработать универсальное их определение, закрепляют базовые механизмы противодействия и предусматривают необходимость приведения национальных законодательств в соответствие с нормами, принятыми сторонами.

В свою очередь, двусторонние соглашения чаще всего касаются вопросов взаимной правовой помощи по уголовным и иным делам, выдачи преступников, проведения конкретных совместных мероприятий или обмена информацией (например, Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче³).

Кроме того, международные соглашения могут заключаться не только на межгосударственном уровне, но и на межправительственном и межведомственном, т.е. между высшими органами исполнительной власти, помимо глав государств, или между отдельными министерствами, службами, департаментами (как правило, правоохранительными

или силовыми структурами). Примером межправительственного соглашения может выступать Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Швеции о сотрудничестве в борьбе с преступностью (Москва, 19 апреля 1995 г.)⁴. В свою очередь, примером межведомственного соглашения может выступать Соглашение министерств внутренних дел независимых государств в сфере борьбы с организованной преступностью (Ашхабад, 17 февраля 1994 г.)⁵.

В любом случае заключение соглашений представляет собой первичную и базовую форму международного сотрудничества, так как формирует, по сути, правовую основу будущего сотрудничества.

2. Создание и обеспечение деятельности специализированных международных организаций по противодействию организованной преступности. Данная форма сотрудничества представляется одной из наиболее эффективных при условии признания всеми сторонами юрисдикции вновь созданной международной организации и обеспечения реального взаимодействия между ней и правоохранительными структурами соответствующих государств. Довольно успешным примером подобной организации на глобальном уровне является Международная организация уголовной полиции – Интерпол, созданная фактически в 1923 г. в виде Международной комиссии уголовной полиции и позднее прекратившая свое существование в ходе Второй мировой войны, но воссозданная уже в 1946 г. Основными целями Интерпола в соответствии с его Уставом 1956 г. (ред. 1986 г.) являются обеспечение широкого взаимодействия всех органов (учреждений) уголовной полиции в рамках существующего законодательства страны и в духе Всеобщей Декларации прав человека, а также создание и развитие учреждений, которые могут успешно способствовать предупреждению уголовной преступности и борьбе с ней⁶.

В рамках региональных межгосударственных объединений иногда могут также создаваться подобные организации. В качестве примера можно привести Европол – единую полицейскую службу Европейского Союза. Эта организация в настоящее время фокусирует свои усилия на борьбе с терроризмом, нелегальной торговлей оружием, наркоторговлей, торговлей людьми, детской порнографией и отмыванием денег. При этом Европол осуществляет свою деятельность в активном взаимодействии с Интерполом.

Безусловно, свою роль в противодействии организованной преступности играют и международные организации общей юрисдикции, такие как Организация объединенных наций. В рамках работы Генеральной Ассамблеи ООН принимаются наиболее важные конвенции и резолюции,

1 Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000 г.) // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

2 Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму (Астана, 9 июня 2017 г.) // Бюллетень международных договоров. 2020. № 4.

3 Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче (Анкара, 1 декабря 2014 г.) // СЗ РФ. 2017. № 33. Ст. 5163.

4 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Швеции о сотрудничестве в борьбе с преступностью (Москва, 19 апреля 1995 г.) (с изменениями и дополнениями от 2 декабря 1997 г.) // Бюллетень международных договоров. 1998. № 5.

5 Соглашение министерств внутренних дел независимых государств в сфере борьбы с организованной преступностью (Ашхабад, 17 февраля 1994 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10105748/> (дата обращения: 20.08.2022 г.).

6 Устав Международной организации уголовной полиции – Интерпол (вступил в силу 13 июня 1956 г., с изменениями по состоянию на 1 января 1986 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/1306105/> (дата обращения: 20.08.2022 г.).

касающиеся международного сотрудничества в борьбе с преступностью в целом и с организованными ее формами, в частности. Так, например, резолюцией Генеральной Ассамблеи № 45/117 от 14 декабря 1990 года был утвержден Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия и его Факультативный протокол, касающийся доходов от преступлений⁷. Значительная часть подобных документов принимается в рамках работы специального Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, который проводится каждые пять лет, начиная с 1955 г. и является правопреемником международных тюремных конгрессов, проводимых с 1846 г.

Также в рамках общеюрисдикционных международных организаций могут создаваться и функционировать специализированные подразделения, чья деятельность направлена на противодействие организованной преступности или отдельным ее проявлениям. Так, в рамках ООН в результате слияния Программы ООН по контролю за наркотиками и Центра по предотвращению международной преступности в 1997 г. было создано Управление по наркотикам и преступности. В настоящее время основными задачами управления являются противодействие организованной преступности, незаконной торговле, терроризму, коррупции, наркоторговле, а также помощь государствам-участникам в предупреждении преступности и реформе уголовной юстиции.

3. Обмен информацией. Помимо более глобальных форм международного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью, можно выделить и различные частные его формы. Одной из таких форм выступает обмен различного рода значимой информацией между государствами и международными организациями. Как правило, данная информация представляет собой материалы оперативно-розыскной и разведывательной деятельности, оперативных и криминологических учетов, конкретных уголовных дел. Она касается структуры и основных направлений деятельности организованных преступных формирований, личности их лидеров и рядовых участников, особенностей совершенных ими преступлений. Такие данные могут содержать и аналитическую информацию, прогнозирующую возможное развитие преступной деятельности формирования или поведение отдельных его участников. Обмен информацией происходит на межведомственном уровне, как правило, на основе ранее заключенных соглашений и принятых на себя их участниками обязательств.

4. Исполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий или процессуальных действий. Эта форма сотрудничества осуществляется, как правило, на основе двусторонних соглашений о правовой помощи по уголовным делам. Запросы передаются через министерства иностранных дел и перенаправляются в соответствующие правоохранительные и судебные органы. Такие запросы могут осуществляться при расследовании уголовных дел на территории одного государства и необходимости получения доказательств на территории другого государства, например, посредством допроса свидетеля, находящегося на данный

момент в запрашиваемом государстве. Некоторые запросы могут также оформляться в виде рогатория (судебного поручения), который в некоторых случаях может пересылаться между судебными инстанциями напрямую, минуя дипломатические службы.

5. Планирование и проведение совместных мероприятий и операций, направленных на предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие и расследование конкретных преступлений, совершенных или совершаемых транснациональными организованными преступными формированиями. Данная форма сотрудничества также имеет межведомственный характер и осуществляется, как правило, в рамках ранее заключенных соглашений или совместной работы в рамках международных организаций. Чаще всего подобные мероприятия проводятся между государствами, имеющими общие границы или находящимися в одном регионе. Наибольшее число таких совместных мероприятий касается борьбы с международным наркотрафиком. Так, например, в течение 2020 г. в ходе совместной операции по борьбе с контрабандой наркотиков спецслужбы России и США выявили и пресекли крупный канал поставок кокаина в Россию и Европу из Южной Америки. Спецоперация проходила в три этапа (в Санкт-Петербурге, Москве и Подмоскowie), в ходе которых были задержаны участники транснациональной преступной организации и изъято около 330 кг наркотиков общей стоимостью в миллиард рублей [2].

6. Оказание содействия в подготовке кадров и повышении их квалификации. Данная форма сотрудничества представляет собой, по сути, разновидность обмена опытом. Государства, имеющие больший опыт в борьбе с отдельными видами организованной преступности, могут оказывать помощь другим государствам, организовывая научно-практические семинары, курсы повышения квалификации для сотрудников иностранных правоохранительных органов, проводя мастер-классы, устраивая стажировки и, наконец, разрабатывая и распространяя соответствующие методические материалы, а также проводя консультирование зарубежных коллег по наиболее актуальным вопросам тактики и методики проведения оперативно-розыскных и следственных мероприятий.

Такое сотрудничество может осуществляться на двусторонней либо многосторонней основе. Примером первого могут служить договоренности между МВД России и Правительством Японии по подготовке полицейских кадров Японии и сотрудничеству в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков, достигнутые в 2010 г. [4, С. 245]. Примером второго может выступить образованный в сентябре 1997 г. «Международный центр специальной полицейской подготовки в Варшаве, на базе которого обучаются полицейские более, чем 20 европейских стран» [4, С. 246].

7. Создание информационных систем, обеспечивающих выполнение задач по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений транснациональных организованных преступных формирований. Данная форма сотрудничества является логическим продолжением обмена информацией, когда от эпизодических фактов обмена, базирующихся на доброй воле сторон, государства переходят к пониманию необходимости совместных скоординированных действий, требующих постоянного и быстрого обмена различными сведениями, а в перспекти-

7 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/117 «Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mutual_assistance.shtml (дата обращения: 20.08.2022 г.).

ве – пребывания в некоем едином информационном поле. Обеспечить это и призваны различные информационные системы и базы данных, постоянно пополняемые усилиями государств-участников и многократно упрощающие и ускоряющие взаимодействие правоохранителей. Кроме того, развитие информационных технологий и, прежде всего, систем искусственного интеллекта открыло перед правоохранителями возможность создания более функционально сложных, аналитических информационных систем, способных не только аккумулировать поступающие данные, но и проводить их анализ и выработать соответствующие рекомендации и прогнозы. Так, в 2013 г. в Евросоюзе был запущен разработанный международной командой ученых проект ePoolice (early pursuit against organized crime using environmental scanning, the law and intelligen CEsystems), направленный непосредственно на противодействие организованной преступности. Целью данной нейросети является разработка инструментов предугадывания и более эффективной борьбы с созданием и распространением группировок организованной преступности, замешанных в таких преступлениях, как торговля людьми и наркотиками, производство и распространение детской порнографии и киберпреступления. Система применяется полицейскими службами стран Евросоюза и занимается сканированием сети интернет на предмет выявления подозрительных сценариев, указывающих на следы организованной преступности [3, С. 760]. Безусловно, применение подобных нейросетей правоохранительными службами в ближайшем будущем будет только расширяться.

8. Проведение совместных научных исследований. Данная форма сотрудничества помогает заложить научный фундамент практической деятельности по противодействию организованной преступности. Основная цель подобных исследований – выработка научно обоснованных рекомендаций правоохранителям для эффективного проведения профилактических, оперативно-розыскных, процессуальных и иных специальных мероприятий, направленных на противодействие организованной преступной деятельности. Такие исследования, как правило, направлены на разработку и последующее внедрение новейших образцов криминалистической техники, продвинутых информационно-аналитических систем, эффективных тактик проведения отдельных процессуальных действий или полноценных методик расследования тех или иных видов организованной преступной деятельности. Нередко в ходе подобных исследований происходит и обмен опытом посредством проведения научно-практических семинаров и конференций, публикации материалов исследования в специализированных периодических изданиях либо монографиях.

Безусловно, приведенные формы являются лишь основными в ходе международного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью. Участники сотрудничества могут прибегать к любым его взаимовыгодным и взаимоприемлемым формам, а также сочетать их при необходимости.

Что касается основных направлений международного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью, то они определяются наиболее распространенными и опасными проявлениями организованной преступной деятельности. Таким образом, к основным направлениям международного сотрудничества в противодействии организованной преступности можно отнести противодействие наркоторгов-

ле, торговле людьми, терроризму, легализации преступных доходов, коррупции.

Пристатейный библиографический список

1. Дарон А. Тайные общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/d/darol-arkon/tajnie-obschestva/11> (дата обращения: 20.08.2022 г.).
2. Масштабную операцию по борьбе с контрабандой наркотиков совместно провели спецслужбы России и США // Первый канал: сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2020-12-29/399326-masshtabnuyu_operatsiyu_po_borbe_s_kontrabandoy_narkotikov_sovmestno_proveli_spetssluzhby_rossii_i_ssha (дата обращения: 20.08.2022 г.).
3. Суходолов А.П., Бычкова А.М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 6. – С. 753-766.
4. Требенко А.А., Фунина А.А. Организация и сущность международного сотрудничества в области подготовки кадров правоохранительных органов // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 10. – С. 244-247.
5. Хачатурян Н.Р. Ассасины: к вопросу об антисельджукском движении исмаилитов (XI-XII вв.) // Двенадцатая годовичная научная конференция: сб. науч. статей. – Ереван, 2018. С. 595-602.

ТАРЧОКОВ Беслан Алексеевич

кандидат экономических наук, начальник кафедры деятельности ОВД в особых условиях, полковник полиции Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Проблемы построения системы противодействия преступлениям в сфере кредитования в последние годы не теряют свою актуальность. Чтобы урегулировать данную сферу в уголовном кодексе есть ряд статей, за нарушение которых наступает уголовная ответственность. Уголовная статистика отмечает, что самым большим риском признается именно кредитный. Уменьшение данного риска зависит от множества факторов, и в первую очередь достаточно заметно рознится в зависимости от самих банков, так как у каждого из них своя кредитная стратегия. Помимо прочего ни один коммерческий банк не может игнорировать кредитную политику государства, что в свою очередь также является фактором, влияющим на возможность возникновения кредитных рисков. В данном исследовании предприняты попытки рассмотрения следующих видов и форм преступности против интересов кредиторов, таких как банковское мошенничество, задержка или невозвращение полученных кредитных средств, различные подлоги, незаконное получение государственного целевого кредита.

Ключевые слова: банковская система, банковское кредитование, кредитный риск, мошенничество, преступления, противодействие.

TARCHOKOV Beslan Alekseevich

Ph.D. in economical sciences, Head of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

THE MAIN TYPES OF CRIMINAL ENCROACHMENTS IN THE FIELD OF BANK LENDING

The problems of building a system for combating crimes in the field of lending have not lost their relevance in recent years. To regulate this area in the Criminal Code there are a number of articles, for the violation of which there is criminal liability. Criminal statistics indicate that the biggest risk is credit. The reduction of this risk depends on many factors, and first of all, it varies quite noticeably depending on the banks themselves, since each of them has its own credit strategy. Among other things, no commercial bank can ignore the credit policy of the state, which in turn is also a factor influencing the possibility of credit risks. In this study, attempts have been made to consider the following types and forms of crime against the interests of creditors, such as bank fraud, delay or non-return of received credit funds, various forgeries, and illegal receipt of a state targeted loan.

Keywords: banking system, bank lending, credit risk, fraud, crime, counteraction.

Проблемы построения системы противодействия преступлениям в сфере кредитования в последние годы не теряют свою актуальность. На сегодняшний день определенный ряд терминов, характеризующих различные преступления в банковском кредитовании и посягательство на кредиторов, считаются схожими даже в некоторых трудах ученых, не говоря о простых гражданах. Однако, такая точка зрения, на наш взгляд, является не совсем верной, так как если обратится к уголовному законодательству, то можно увидеть, что преступные деяния, связанные с посягательством на кредиторов и преступления, связанные с кредитованием, имеют различие.

Так, преступления, посягающие на кредиторов и их интересы – это те противозаконные деяния, которые направлены на нарушение целостности кредитной системы, ущемление интересов владельцев банков и его клиентов. В свою очередь, противозаконные деяния, направленные на кредитную систему помимо прочего описанного выше, также затрагивают простых граждан, которые берут кредит в том или ином банке. Говоря иначе это преступления результатом, которых является нарушение, установленного законом порядка предоставления кредита и использования кредитных средств.

Чтобы урегулировать данную сферу в уголовном кодексе есть ряд статей, за нарушение которых наступает уголовная ответственность. Условно их можно разделить на 3 группы, в каждой из которых статьи уголовного-кодекса отвечают за различные правонарушения.

Итак, первая группа включает в себя статьи призванные защищать саму кредитную сферу, а именно ст. 176 и ст. 177 УК РФ.

Вторая группа содержит в себе только одну статью 159 УК РФ – мошенничество.

И третья, заключительная группа, как и вторая также содержит всего статью 159.1 УК РФ. Однако в отличие от пре-

дыдущего раздела она более узконаправленна и регулирует определённые виды мошенничества именно в банковской системе, тогда как ст. 159 является более обширной и подразумевает закрепление в уголовном кодексе мошенничества как такового.

Вместе с тем, существует точка зрения, что преступления, связанные с банкротством, также стоит относить к преступлениям в кредитной сфере, и следующие статьи регулируют данный вопрос: ст. 195 УК РФ – неправомерные действия при банкротстве, ст. 196 УК РФ – преднамеренное банкротство и ст. 197 УК РФ – фиктивное банкротство [1].

Уголовная статистика отмечает, что самым большим риском признается именно кредитный. И уменьшение данного риска зависит от множества факторов, и в первую очередь рознится в каждом банке, так как у каждого из них своя кредитная стратегия. Помимо прочего, проигнорировать кредитную политику государства не может ни один коммерческий банк, что в свою очередь также является фактором, влияющим на кредитные риски. Говоря о рисках, стоит упомянуть, что рискует не только банк, но и люди, воспользовавшиеся кредитом, поскольку всегда существует риск попасть в различные жизненные ситуации, не позволяющие им вовремя вернуть взятые на себя обязательства перед банком, не говоря о процентах [3], [4].

Как правило, выдавая кредит, коммерческий банк дает гражданину средства, не принадлежащие владельцу банка, а принадлежащие физическим и юридическим лицам и хранящиеся на их счетах. Если проанализировать каким образом функционируют банки, то можно заметить, что основных задач у банка две: привлечение денежных средств и их дальнейшее размещение. Опасность пострадать, реализуя как первую, так и вторую задачу довольно высока. В первом случае наибольшей опасности подвержены которые кладут свои деньги на хранение в банке, во втором же наоборот банки, которые выдавая средства в виде кредита, не могут быть

на 100% уверены, что деньги будут возвращены как в срок, так и вообще [2], [6].

Можно выделить определенные виды и формы преступных деяний в отношении кредиторов.

1. Банковское мошенничество. Совершается оно в процессе привлечения денежных средств физических и юридических лиц. От их имени денежные средства размещаются при условии возвратности, платности, открытости и ведения банковских счетов физических и юридических лиц.

В сфере кредитования мошенничество включает в себя хищение денежных средств организации, выдающей кредит, путём предоставления ей заведомо ложных, недостоверных сведений. Это деяние скрыто под правомерное получение кредита, но заведомо имеет цель не возвращать кредит и полученные средства присвоить.

Мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) является более опасным преступлением, чем преступление, предусмотренное ст. 176 УК РФ – незаконное получение кредита, по своим объективным (наличие реального ущерба) и субъективным (наличие прямого умысла и корыстной цели) признакам [1].

На сегодняшний день, основываясь на полученном опыте борьбы с такой разновидностью преступлений нам известны следующие виды мошенничества:

а) большое распространение имеет получение кредита с использованием поддельных документов. Это может быть как паспорт, так и справка с места работы и иные документы необходимые для получения кредита. Мошенничество такого рода тяжело распознать, как и привлечь преступника к ответственности. В результате таких преступлений банки выдавая кредит человеку, потом не получают свои деньги обратно, а найти его практически невозможно так как информация которой обладает банк ложная;

б) получение кредита с использованием третьего лица, не соответствующего требованиям предоставления кредита. Этот способ мошенничества, как правило, используют люди, которые не смогли подделать собственные документы, и привлекают третье лицо, например, имеющее прописку, но не имеющее стабильного заработка, в дальнейшем справка о наличии постоянного места работы также подделывается. Как правило, организаторы преступления вовлекают людей за небольшое вознаграждение и в итоге исчезают с деньгами банка;

в) использование чужих документов, удостоверяющих личность для получения кредита. Чаще всего, это потерянные или украденные документы другого человека.

В правоохранительной практике известны случаи, когда преступления в банковской системе совмещаются с другими преступлениями [1], например незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ), злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ), фиктивное банкротство (ст. 97 УК РФ) и т. д.

2. Задержка или невозвращение кредита могут быть связаны с преднамеренным нежеланием его возврата. Как правило, для этого физическое или юридическое лицо должно быть уверено, что сможет объявить себя несостоятельным к возвращению денежных средств. К сожалению, число преступников, которые совершают такого вида преступления, редко предстают перед судом, однако на сегодняшний день появилось множество, как отдельных людей, так и компаний, которые помогают заемщикам объявлять себя банкротами и не возвращать взятые у банка деньги. Это дает возможность сделать вывод, что наличие таких компаний наносит серьезный вред всей банковской системе и позволяет людям относиться легкомысленно к кредитам, ведь практически при любом удобном случае гражданин сможет объявить себя банкротом и перестать выплачивать долг.

3. Использование ложных документов о финансовом состоянии заемщика. Прежде чем предоставить кредит, служба безопасности банка тщательно изучает, сможет ли заемщик погасить предоставленный кредит. Например, если человек берет в кредит 5 миллионов рублей на 5 лет по 25% годовых, то его ежемесячный платеж будет составлять 150 тыс. рублей, а чтобы получить такую сумму у банка, ежемесячная заработная плата человека должна быть в 3 раза больше, т.е. 450 тыс. рублей. В противном случае он не сможет взять необходимую сумму в кредит. Однако есть люди, которые превышают свою заработную плату для банка, чтобы последний одобрил ему кредит.

4. Незаконное получение государственного целевого кредита, выдаваемого от имени государства Центральным банком РФ для осуществления конкретных целевых программ, который подлежит возврату с процентами в виде денежных средств или вещей, определенных родовыми признаками, в частности с предоставлением различных льгот. Зачастую основная масса преступлений связана либо с неправильным распределением денег на местном уровне, или при расходовании денег не на то, на что они были получены.

5. Подготовка ложных документов на имущество для последующего внесения его в качестве залога при получении кредита. Преступник путем подделки документов закладывает свое имущество в банк, при этом данное имущество может у него либо просто отсутствовать, либо было ранее использовано в качестве залога, либо попросту может ему не принадлежать.

6. Разработка компаний, для взятия кредита. Подобная схема выглядит так: лицо или группа лиц создают компанию для того, чтобы взять кредит, в дальнейшем, после получения кредита компания закрывается, а средства, полученные якобы для развития компании, уходят на другие траты. Чаще всего, это так называемые фирмы-однодневки.

7. Укрытие недвижимости, заложенной в банке, которая изымается в случае невозможности или нежелания уплаты кредита.

Помимо прочего, банковская система используется различными бизнесменами, певцами, актерами и т.д. нередко используется для вывода своих денежных средств и движимого имущества для вывода их за границу без налогообложения и, не предоставляя информацию о ее наличии государству [3], [5], [6].

В заключение отметим, что в Российской Федерации банки являются довольно важным звеном не только кредитной сферы, но и имеют ряд функций, которые обеспечивают экономическую стабильность в стране, а также гарантирует денежный оборот и его контроль. И общественная опасность преступных деяний в сфере кредитования очевидна, так как она приводит к весьма тяжким последствиям для самих банков, выражающихся в серьезных проблемах, таких как отзыв лицензии, банкротство и т.п., так и для экономического благосостояния страны в целом. Также к негативным последствиям можно отнести и банкротство заемщика, в том числе и преднамеренное, «отмывание» имущества или денежных средств, приобретенных неправомерным путем. Опасность банкротства и незаконного вывода безналичных денежных средств юридических лиц в теневой наличный оборот явно прослеживается, так как указанные процессы ведут к деградации экономики, а в последствии к ее кризису. Именно поэтому одной из первоочередных задач государства является охрана банковской системы, которая гарантирует стабильную экономическую обстановку.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/
2. Жикина К. М. Некоторые вопросы законодательно-регулирующего мошенничества в сфере кредитования // В сборнике: Научное пространство: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник научных трудов по материалам XXX Международной научно-практической конференции. - Анапа, 2021. - С. 50-55.
3. Клепицкий И. А. Кража безналичных денег: простой ответ на простой вопрос // Уголовное право. - 2020. - № 5. - С. 78-87.
4. Мещерякова Е. П. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере кредитования // Синергия Наук. - 2022. - № 70. - С. 244-273.
5. Савостьянова О. В. Мошенничество в сфере банковского кредитования как актуальная проблема современной банковской системы // В сборнике: Научные революции: сущность и роль в развитии науки и техники. Сборник статей Международной научно-практической конференции. - Уфа, 2022. - С. 71-73.
6. Тугатчиков П. Е. Мошенничество в сфере кредитования // Научное знание современности. - 2020. - № 10 (46). - С. 9-12.

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

ОБ ОБОСНОВАННОСТИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматривается вопрос об обоснованности в современных условиях института административной преюдиции в составе преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. Приводятся в рамках анализа критериев криминализации общественно-опасных деяний данные официальной статистики по преступлениям экстремистской направленности. По итогам исследования сформулированы предложения по законодательным изменениям, которые, по мнению автора, способны устранить излишнюю либерализацию уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства в новых реалиях общественно-политической жизни России.

Ключевые слова: преступление, экстремизм, возбуждение ненависти или вражды, унижение человеческого достоинства, общественная опасность.

STUPINA Svetlana Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

ON THE VALIDITY OF THE LIBERALIZATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR INCITING HATRED OR ENMITY, AS WELL AS THE HUMILIATION OF HUMAN DIGNITY IN MODERN CONDITIONS

The article considers the question of the validity in modern conditions of the institution of administrative prejudice as part of a crime under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. The data of official statistics on extremist crimes are presented as part of the analysis of criteria for criminalization of socially dangerous acts. Based on the results of the study, proposals for legislative changes have been formulated, which, in the author's opinion, are capable of eliminating excessive liberalization of criminal liability for inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity in the new realities of the socio-political life of Russia.

Keywords: crime, extremism, incitement of hatred or enmity, humiliation of human dignity, public danger.

Ступина С. А.

Внутриполитическая обстановка в кризисные моменты влечет консолидацию или распад общества.

Народ России на фоне специальной военной операции ярко отреагировал таким явлением, как мощная консолидация российского общества, что очень важно и свидетельствует о новых позитивных перспективах общественного развития.

Одним из актуальных вопросов, возникающих не только среди научной общественности, но и у правоприменителя, является вопрос об обоснованности либерализации уголовной ответственности за ряд преступлений экстремистской направленности, особенно за такое общественно-опасное деяние, как предусмотренное ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Последние десятилетия к указанной статье УК РФ многие относились скептически, говоря о том, что это идеологизированная уголовно-правовая норма.

А в свете имевшей место на протяжении тридцати лет после распада СССР деидеологизации нашего государства наличие уголовной ответственности за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, воспринималось как препятствие к реализации прав и свобод человека.

В 2018 г. в преддверии законодательных изменений ст. 282 УК РФ, высказывалось мнение о том, что тема уголовной ответственности за экстремизм в обществе перегрета.

Следствием этого в 2018 г. стала определенная либерализация уголовной ответственности за совершение действий экстремистской направленности по ст. 282 УК РФ.

Так, федеральным законом от 27.12.2018 № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» введена новая редакция ст. 282 УК РФ, предусматривающая обязательным признаком состава преступления – установление административной преюдиции, т.е. уголовная ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение человеческого достоинства стала возможна только если лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

После таких законодательных новелл справедливо в своем исследовании перспектив либерализации уголовной ответственности А. В. Жеребченко поставил такие вопросы, как «Сколько эпизодов возбуждения ненависти или вражды может совершить лицо до того, как будет привлечено к административной ответственности по статье 20.31 КоАП РФ? Кто будет заниматься выявлением таких фактов? Участковые уполномоченные полиции, не имеющие на это ни сил, ни средств?» [1, с. 86].

Полагаем, что в современных условиях применительно к составу возбуждения ненависти либо вражды, а равно уни-

жения человеческого достоинства такая преюдиция создает угрозу консолидации российского общества, например, при массовой рассылке сообщений экстремистского характера.

Традиционно основаниями криминализации выступает объективная необходимость и социальная потребность уголовного-правового запрета посягательств на соответствующие общественные отношения. При этом в качестве основополагающих критериев (принципов) отнесения деяний к преступным выступают такие, как общественная опасность и распространенность этих деяний.

Говоря о составе преступления, предусмотренном ст. 282 УК РФ более обоснованно вести речь не о традиционных критериях криминализации, а о конъюнктуре, как основании такого явления в уголовном законодательстве, что нашло отражение в трудах В. Ф. Цепелева, по мнению которого другие основания и критерии криминализации отходят на второй план и рассматриваются не отдельно в совокупности, как некий общий фон, как результат оценки стечения обстоятельств, оказывающих влияние на принятие решения о криминализации деяний (декриминализации преступлений) [2, с. 18].

Современная реальность и новый миропорядок проявились не только мощной консолидацией российского общества, но поставили вопрос об обоснованности либерализации уголовной политики в отношении экстремистов.

Говоря о распространенности, как критерии криминализации, приведем немного цифр согласно данным официальной статистики.

Количество преступлений экстремистской направленности в России за первое полугодие 2022 г. выросло на 28,5 % в годовом выражении — до 775. Это относится к зарегистрированным фактам таких преступлений. Что касается раскрытых преступлений экстремистской направленности, за этот же период количество таковых выросло на 29,7 % (599).

Помимо этого, на 4,8 % выросло число преступлений террористического характера, достигнув 1332, следует из данных МВД РФ [3].

Из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера 374 (+82,4 %) преступления совершены в текущем году, в том числе: пресечено на стадии приготовления и покушения — 42 (+75,0 %); за пределами Российской Федерации — 196 (+164,9 %).

На фоне указанных последних данных интересен тот факт, что среди преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации произошло снижение количества выявленных фактов публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) на 8,4 % по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. Заметим, что по итогам 2021 г. более половины преступлений экстремистской направленности (62,5 %; всего - 661, +39,7 %) были совершены с использованием сети «Интернет».

Как видим, статистические данные МВД России по прошествии полугодия 2022 г., показали увеличение почти на 30 % количества регистрируемых преступлений экстремистской направленности.

Такая ситуация может быть следствием активизации как «пятой колонны», так и прозападных элементов, цель действий которых выражается в подрыве российского общества изнутри.

Однако увеличение количества выявленных фактов совершения преступлений экстремистской направленности может быть и следствием того, что российские правоохра-

нительные органы и спецслужбы повысили эффективность своей деятельности по обеспечению правопорядка и общественной безопасности в стране.

Заметим, что и по итогам 2021 г. было заметное увеличение числа зарегистрированных преступлений экстремистской направленности (+26,9 %) (всего - 1 057).

В целом за последние пять лет динамика преступлений экстремистской направленности непостоянна.

Так, если в 2017 г. было зарегистрировано таких преступлений 1521 (+4,9 %), то по итогам 2018 г. отмечается снижение на 16,8 % (1265), аналогично снижение и в 2019 г., но уже на 53,8 % (585). А с 2020 г. наметилась тенденция к увеличению. Так, в 2020 г. зарегистрировано преступлений экстремистской направленности на 42,4 % (833) больше, чем по итогам 2019 г., а в 2021 г. на 26,9 % (1057), чем в 2020 г.

Резкий спад в динамике рассматриваемых преступлений в 2019 г. отчасти взаимосвязан и с вышеуказанными законодательными изменениями ст. 282 УК РФ в 2018 г.

В целом по итогам 2021 г. структура преступлений экстремистской направленности включала деяния, предусмотренные ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» (45,98 %, 486), ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации» (26,30 %, 278), (ст. 282 УК РФ) «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (8,14 %, 86), ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» (3,41 %, 36), ст. 282.3 УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности» (2,18 %, 23), ст. 212 УК РФ «Масовые беспорядки» (1,61 %, 17).

Специалисты еще в 2020 г. указывали, что преступность экстремистской направленности формируется под влиянием комплекса внешних и внутренних факторов, в том числе таких как: «поддержка и стимулирование иностранными неправительственными организациями деструктивной деятельности различных субъектов, в том числе — российских, направленной на дестабилизацию общественно-политической и социально-экономической обстановки в России, нарушение ее единства и территориальной целостности, разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей; формирование в протестной среде финансируемой преимущественно из зарубежных источников прослойки «профессиональных революционеров», включая популярных блогеров, целенаправленно занимающихся подрывной деятельностью» [4].

Рассматривая состав преступления, предусмотренный ст. 282 УК РФ, отметим, что одним из доводов для введения административной преюдиции в этот состав стало то, что в правоприменительной практике на тот момент проявилась тенденция возбуждения по этой статье уголовных дел по фактам размещения на страницах в социальных сетях видеороликов, картинок, открыток, фрагментов литературных произведений и других материалов, имеющих экстремистское содержание.

В контексте этого, полагаем, что на сегодняшний день репосты и рассылки материалов экстремистского характера не столь малозначительны и не столь «безобидны». Явно изменилась общественная опасность таких действий.

Отдельно отметим, что в современных реалиях остается открытым вопрос об отсутствии уголовной ответственности за оправдание экстремистской деятельности, как, например, это предусмотрено для терроризма в рамках состава преступления по ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществ-

влению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма» [5, с. 208].

Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, изложенным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», публичное оправдание терроризма включает публичное выступление лица, в котором оно заявляет о признании идеологии и практики терроризма правильными и заслуживающими поддержки и подражания.

Как видно, высший судебный орган РФ разграничивает понятия призывы, оправдание и пропаганда применительно к терроризму.

В отношении преступлений экстремистской направленности, в части преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, объективную сторону которого образуют действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, Верховный Суд РФ в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» отмечает, что «под ними следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды».

Как видно, термин действия в рамках состава преступления по ст. 282 УК РФ однозначно не включает все то, что трактуется Верховным Судом РФ по отношению к призывам, оправданию и пропаганде терроризма.

Соответственно, полагаем, что в современном условии актуально и обоснованно исключить административную преюдицию из состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. Ввести уголовную ответственность за оправдание экстремизма, где в качестве обязательного признака можно включить указанную преюдицию.

Кроме этого, после внесения законодательных изменений добавить в существующее постановление «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» соответствующие новые разъяснения.

В вопросах квалификации действий, связанных с установлением умысла лица на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства Пленум Верховного суда России в указанном постановлении в редакции от 28.10.2021 сделал принципиально важные разъяснения по поводу дел, введя крайне строгие правила: обязательность установления прямого умысла лица, разместившего в соцсетях или в сети Интернет на своей странице информацию экстремистского толка.

Таким образом, полагаем, что «опасения» некоторой части общественности об излишнем применении ст. 282 УК РФ при грамотном правоприменении и введении отдельной уголовной ответственности за оправдание экстремизма будут отчасти нивелированы. При этом указанные изменения, по нашему мнению, в первую очередь, способны стать опреде-

ленного рода заслоном от негативного влияния экстремистски настроенных элементов со стороны Запада.

Пристатейный библиографический список

1. Жеребченко А. В. Перспективы либерализации уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 3. – С. 84-87.
2. Цепелев В. Ф. Конъюнктура в контексте оснований криминализации деяний и ее отражение в российском уголовном законе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12 (52). – С. 18-22.
3. Официальные статистические данные МВД России. Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 04.08.2022).
4. Мищенко В. И., Гудков А. И., Красильщиков А. В. О некоторых проблемных аспектах права и управления в условиях противодействия пандемии коронавируса // Евразийское научное объединение. – 2020. – № 11-5 (69). – С. 337-340.
5. Середа И. М., Ступина С. А. К вопросу о совершенствовании специально-правовых средств противодействия экстремизму // Стратегии противодействия экстремизму: Материалы межведомственной научно-практической конференции, Москва, 28 октября 2021 года. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. – С. 205-209.

ТАОВА Лилия Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

МАЛАХОВ Александр Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, полковник полиции

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ, СОВЕРШАЕМОМУ БЕСКОНТАКТНЫМ СПОСОБОМ

В статье авторы рассматривают вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков, совершаемому бесконтактным способом, описывают способы противодействия. Авторами статьи сформулированы предложения по совершенствованию противодействия незаконному обороту наркотиков. Подчеркивается важность противодействия данному опасному явлению.

Авторы обращают внимание на то, вопреки широкому распространению различных технологий информационно-телекоммуникационных сетей во все сферы деятельности современного человека, в том числе и нелегальный сбыт наркотиков, преступные группы используют наряду с вербовкой через сеть Интернет также и непосредственное вовлечение новых участников в криминальную деятельность путем личного общения: уговоров, просьб, угроз и т.д.

Ключевые слова: противодействие, незаконный оборот наркотиков, бесконтактный способ, сбыт наркотиков, профилактика.

TAOVA Liliya Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Special disciplines sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

MALAKHOV Aleksandr Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor of Operational and investigative activities of the internal affairs bodies sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia, colonel of police

CERTAIN FEATURES OF COUNTERING ILLICIT DRUG TRAFFICKING COMMITTED IN A CONTACTLESS WAY

In the article, the authors consider the issues of countering illicit drug trafficking committed by contactless means, describe the ways of countering. The authors of the article formulated proposals for improving the counteraction to drug trafficking. The importance of countering this dangerous phenomenon is emphasized.

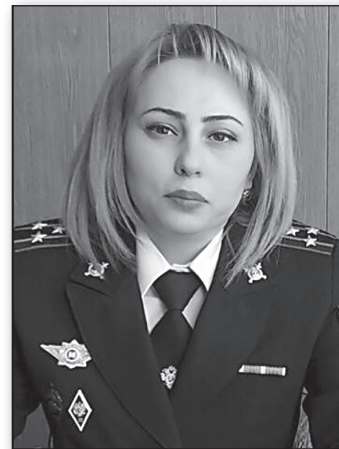
The authors draw attention to the fact that, despite the widespread use of various information and telecommunication network technologies in all spheres of modern human activity, including illegal drug trafficking, criminal groups use, along with recruitment via the Internet, also direct involvement of new participants in criminal activities through personal communication: persuasion, requests, threats, etc.

Keywords: counteraction, drug trafficking, contactless method, drug sales, prevention.

Проблема противодействия незаконному обороту наркотиков приобретает еще большую значимость в условиях расширения преступниками бесконтактного способа их сбыта. Будучи изначально применяемым злоумышленниками преимущественно для сбыта синтетических наркотиков, в настоящее время бесконтактный сбыт практически полностью заменил традиционный, что объективно усложняет его выявление и пресечение полицией. Предметом нашего внимания выступают отдельные аспекты противодействия незаконному обороту наркотиков, совершаемому бесконтактным способом.

За 2021 год органами внутренних дел выявлено сравнительно меньшее число преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (-5,4%) [1], нежели за 2020 год,

однако ситуация в данной сфере продолжает требовать пристального внимания правоохранительных органов, и в первую очередь – оперативных подразделений органов внутренних дел. Исследователями проблем наркомании и наркотизма установлено, что пагубная зависимость многократно увеличивает общественную опасность личности, и даже будучи изначально законопослушным, человек со временем превращается в преступника [2]. Преступления в данной сфере характеризуются высоким уровнем латентности [3], в связи с чем статистические данные могут не в полной мере отражать фактическую ситуацию в сфере незаконного оборота наркотиков и их потребления. Проблема противодействия незаконному обороту наркотиков приобретает еще большую значимость в условиях расши-

Таова Л. Ю.

Малахов А. С.

рения преступниками бесконтактного способа их сбыта. Будучи изначально применяемым злоумышленниками преимущественно для сбыта синтетических наркотиков, в настоящее время бесконтактный сбыт практически полностью заменил традиционный, что объективно усложняет его выявление и пресечение полицией. Предметом нашего внимания выступают отдельные аспекты противодействия незаконному обороту наркотиков, совершаемому бесконтактным способом.

Формулирование предложений по совершенствованию противодействия незаконному обороту наркотиков предполагает необходимость изложения результатов исследования современных особенностей функционирования преступных групп, осуществляющих сбыт наркотических средств.

Проведенное исследование свидетельствует, что в настоящее время в незаконном обороте находятся наркотические средства как синтетического, так и растительного происхождения. В зависимости от региональных условий наркосодержащие растения могут произрастать (культивироваться) на территории региона или незаконно доставляться с территории соседних регионов, в том числе из-за границы. Наркотические средства синтетического происхождения, ввиду относительно простого в ряде случаев алгоритма производства, могут изготавливаться непосредственно в регионе последующего сбыта или законспирировано доставляться из других регионов (в том числе из-за рубежа) для последующего сбыта. Следует отметить, что на специфику нелегального рынка наркотических средств оказывает влияние и деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел, в первую очередь – специализированных подразделений по контролю за оборотом наркотиков. Так, успешное пресечение деятельности организованных преступных групп, занимающих серьезные позиции на нелегальном рынке наркотиков, на некоторое время меняет ситуацию в сфере нелегального их сбыта (наличие, ассортимент и др.), пресечение деятельности подпольных нарколабораторий приводит к необходимости поиска злоумышленниками новых поставщиков, на что затрачивается определенное время. Следует также отметить и то, что вопреки широкому проникновению технологий информационно-телекоммуникационных сетей во все сферы деятельности современного человека, в том числе и нелегальный сбыт наркотиков, проведенное исследование свидетельствует, что преступными группами используется наряду с вербовкой через сеть Интернет также и непосредственное вовлечение новых участников в криминальную деятельность путем личного общения: уговоров, просьб, угроз и т.д. При этом используются связи по месту проживания, проведения досуга, родственные и иные, лишь отчасти связанные с осуществлявшейся ранее совместной криминальной деятельностью. Представляется, обозначенные условия формирования и функционирования преступных групп, действующих в сфере незаконного оборота наркотиков, необходимо учитывать при выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии совершаемых преступлений.

Проведенное исследование свидетельствует, что определяющей особенностью способа незаконного сбыта наркотиков при помощи информационно-телекоммуникационных технологий является поиск преступниками клиентов путем размещения объявлений, оплата наркотиков покупателями через электронные платежные системы и последующее получение товара через тайники. Основной целью, которую стремятся достичь преступники, используя бесконтактный сбыт, является исключение непосредственного личного контакта между сбытчиком и покупателем наркотиков, а также членами преступной группы, для затруднения правоохранительным органам выявления, раскрытия и расследования совершаемых преступлений. Бесконтактный способ криминального сбыта первоначально был применен преступниками для распространения синтетических наркотиков («спайс», «соль», «скорость»), а в дальнейшем стал применяться и в отношении «традиционных» их видов (героин, гашиш, марихуана). Очевидные криминальные преимущества бесконтактного способа сбыта наркотиков, постоянно совершенствуемые злоумышленниками, дают основание полагать, что в будущем они могут также найти более широкое противозаконное применение в сфере иных предметов, ограниченных в гражданском обороте, а также орудий совершения преступлений, сбыта похищенного имущества и др.

Проведенное исследование свидетельствует, о том, что лица, осуществляющие преступную деятельность в сфере незаконного оборота наркотических средств, в основном, создают сайты в сети Интернет и размещают на них рекламу в целях максимально удобного осуществления приобретения у них наркотических средств. При этом в настоящее время наиболее распространено использование торговых площадок в сети TOR, предоставляющих услуги хостинга сайтов по продаже товаров и услуг, значительная часть из которых связана с противоправной деятельностью. Организаторы сбыта наркотиков оплачивают хостинг своего интернет-сайта администрации торговой площадки на период, в течение которого планируют ее использовать. Стремясь обезопасить свою преступную деятельность и затруднить документирование совершаемых преступлений, участники незаконного сбыта наркотиков приобретают счета юридических лиц а также банковские карты, оформленные на физических лиц также на нелегальном рынке дистанционным способом (через сеть Интернет). Чаще всего для этого используются упомянутые площадки интернет-магазинов «теневого» сегмента сети Интернет (TOR). Это требует от сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел постоянного совершенствования навыков мониторинга «даркнета», ввиду того, что большинству распространенных поисковых средств компьютерной информации данный контент остается недоступным [4]. Следует отметить, что сетевое общение как в «теновом» сегменте Интернета, так и в открытой его части используется злоумышленниками не только для сбыта наркотиков, но и для привлечения новых участников в состав преступных групп, а также выполнения «разовых» поручений, связанных с преступной деятельностью. Так, в

случае расширения сферы деятельности интернет-магазина (или задержания правоохранительными органами части преступников) у организаторов криминального бизнеса возникает необходимость приискания новых участников преступных групп. Размещая соответствующие объявления в сети Интернет, указанные лица ведут подбор кандидатов, оценку их качеств, проверку, и, если, по их мнению, лицо заслуживает доверия, ему дают задания по распространению наркотиков. В отдельных случаях участники преступных групп могут сами непосредственно в ходе личного общения вовлекать новых членов в ее состав, но, как правило, последующее руководство ими осуществляется дистанционно с использованием общения в сети Интернет. Исключение в этом отношении составляют преступные группы, сформированные по этническому или семейному признаку, в ряде случаев объективно не нуждающиеся в организации криминального взаимодействия посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Следует отметить, что практика противодействия криминальным группам, действующим в сфере незаконного сбыта наркотиков, свидетельствует, что большинство задержанных их участников до обезвреживания полицией лично не встречались друг с другом. К числу «разовых поручений», используемых организаторами криминального бизнеса, относится обналчивание денежных средств, полученных в ходе преступной деятельности. Для этой цели используются т.н. «дропы» – лица, функции которых сводятся к снятию наличных денежных средств со счетов, в некоторых случаях выполнение отдельных дополнительных заданий. Привлечение «дропов» к деятельности криминальной группы происходит в большинстве случаев путем сетевого общения в сети Интернет, препятствующего, по мнению членов преступных групп, изобличению иных участников криминальной деятельности. Чаще всего осведомленность «дропа» о криминальной деятельности ограничивается заданием, которое ему дали организаторы незаконного сбыта наркотиков через общение в сети Интернет.

Таким образом, в целях совершенствования противодействия незаконному сбыту наркотических средств, осуществляемому бесконтактным способом, сотрудникам оперативных подразделений полиции необходимо отслеживать применяемые злоумышленниками приемы криминального противодействия их изобличению сотрудниками правоохранительных органов. Представляется, в этих целях требуется постоянное совершенствование навыков выявления информации в «теневом» сегменте сети Интернет (TOR).

Несмотря на широкое проникновение технологий информационно-телекоммуникационных сетей во все сферы деятельности современного человека, в том числе и нелегальный сбыт наркотиков, по результатам проведенного исследования занимающее основную долю способов общения, используемых для формирования преступных групп, злоумышленниками наряду с вербовкой через сеть Интернет также используется и непосредственное вовлечение новых участников в криминальную деятельность путем личной коммуникации по месту проживания, ра-

боты, проведения досуга: уговоры, просьбы, угрозы и др. Необходимо отметить и то обстоятельство, что отдельные преступные группы, действующие в сфере нелегального сбыта наркотических средств бесконтактным способом, будучи сформированными по этническому или семейному признаку, в ряде случаев объективно не нуждаются в организации криминального взаимодействия посредством информационно-телекоммуникационных сетей и используют для связи личные встречи и общение в ходе непосредственных контактов, что играет существенное значение при выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии совершаемых ими преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 г. Статистический сборник. – М., 2022. – С. 4.
2. Романова Л. И. Наркомания и наркотизм. – СПб., 2003. – С.42.
3. Жданова Е. В. Уровень латентности преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. – М., 2012. – С. 19.
4. Зимина Е. С. Правовое регулирование сети Интернет: вопросы идентификации личности // Сборник. Инновационные подходы к решению социально-экономических, педагогических проблем в условиях развития современного общества. Материалы I международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 359-362.

ТЕРЕЩЕНКО Владислав Сергеевич

соискатель на научную степень кандидата юридических наук Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; Начальник отдела правовой экспертизы документов по имущественным вопросам и организации судебной защиты имущественных интересов Федерального государственного казенного учреждения «Северо-западное территориальное управление имущественных отношений» Министерства обороны Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА И СОПРЯЖЕННЫХ С ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ СПОРТСМЕНОВ

Актуальность работы состоит в том, что сфера профессионального спорта нуждается в создании ряда охранительных норм, способствующих минимизации спортивного травматизма. Причинение вреда здоровью спортсменов, сопряженное с нарушением правил проведения спортивных состязаний, характеризуется рядом особенностей, отличающих его от травмирования при случайных обстоятельствах.

Цель исследования состоит в определении особенностей объективной стороны преступлений, совершаемых в сфере профессионального спорта и направленных на причинение вреда здоровью спортсменов. Практическая значимость работы обусловлена высокой латентностью таких посягательств, сложностью их выявления и квалификации, трудностями разграничения с событиями некриминального характера. При написании работы использован системный подход, посредством которого становится возможным представить комплексный взгляд на криминальную составляющую спортивного травматизма.

Ключевые слова: профессиональный спорт, преступление, насилие, жизнь, здоровье.

TERESHCHENKO Vladislav Sergeevich

competitor for the scientific degree of Ph.D. in Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; Head of the Department of Legal expertise of documents on property issues and the organization of judicial protection of state property interests of the Institution of the Federal institution "North-Western territorial Administration of Property Relations" of the Ministry of Defense of the Russian Federation

SOME FEATURES OF DETERMINING THE SIGNS OF CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF PROFESSIONAL SPORTS AND ASSOCIATED WITH CAUSING HARM TO THE LIFE AND HEALTH OF ATHLETES

The relevance of the work lies in the fact that the field of professional sports needs to create a number of protective norms that help minimize sports injuries. Causing harm to the health of athletes, associated with a violation of the rules for conducting sports, is characterized by a number of features that distinguish it from injury under random circumstances.

The purpose of the study is to determine the features of the objective side of crimes committed in the field of professional sports and aimed at causing harm to the health of athletes. The practical significance of the work is due to the high latency of such attacks, the complexity of their identification and qualification, and the difficulty of distinguishing them from non-criminal events. When writing the work, a systematic approach was used, through which it becomes possible to present a comprehensive view of the criminal component of sports injuries.

Keywords: professional sports, crime, violence, life, health.

Правовое регулирование отношений в сфере профессионального спорта представляет собой сложный конгломерат юридических предписаний, посредством которых осуществляется организация и проведение спортивных мероприятий, устанавливаются правила, действующие при проведении спортивных поединков, и последствия их нарушения.

Спортивные соревнования в современный период востребованы массовым зрителем, вследствие чего у их участников появляется стимул к повышению их зрелищности. Многим видам спорта присущи напористость и агрессия, поэтому правила проведения спортивных состязаний и поединков содержат охранительные барьеры, направленные на предупреждение спортивного травматизма, а также на создание безопасной для жизни и здоровья спортсменов среды. Тем не менее, риск повреждения здоровья как при случайных

Терещенко В. С.

обстоятельствах, так и при намеренной провокации со стороны соперника, в сфере профессионального спорта остается весьма высоким [9, с. 53], причем он возникает и в период тренировочного процесса, и во время соревнований [1, с. 4]. На вопрос о том, порождает ли преступления сфера профессионального спорта, криминологи отвечают положительно [5, с. 256-257].

Травматизм в различных видах спорта неодинаков. Наиболее часто повреждение здоровья спортсменов наблюдается в таких видах спорта, как регби, бокс, хоккей, боевые искусства, футбол, баскетбол и борьба [7, с. 19]. Особенности тренировочного и соревновательного процесса в них подразумевают контактное взаимодействие, острое соперничество, игровые столкновения. Правила и регламенты по данным видам спорта ограничивают интенсивность взаимодействия и устанавливают ряд приемов, применение которых запре-

щено, поскольку создает опасность причинения вреда здоровью. В тех случаях, когда такие правила утверждаются или получают признание со стороны государственных органов, их нарушение создает условия для признания общественно опасного характера причинения вреда [2, с. 100-105].

Исследователи обоснованно указывают на высокую латентность преступлений против жизни и здоровья лиц, занимающихся профессиональным спортом [3, с. 196-199]. Некоторые авторы в этом контексте обращают внимание на негативную активность представителей тренерских штабов, стремящихся скрыть инциденты, происходящие во время тренировок или соревнований [6, с. 60-62]. Отчасти это обстоятельство вызвано сложившейся правоприменительной практикой, в которой используется презумпция игрового момента, в силу которой различные столкновения и конфликты между спортсменами не квалифицируются как преступные. Например, в 2022 г. Владимирским областным судом констатировано отсутствие события преступления в следующей ситуации: член хоккейной команды во время игры получил удар высоко поднятой клюшкой, повлекший 100% потерю зрения на один глаз. Суд установил, что имел место игровой момент, и травма была получена при случайном стечении обстоятельств. «Занятие спортом, в частности, игра в хоккей, представляет собой специфический вид деятельности, в котором происходит физическое воздействие на организм человека, как со стороны другого спортсмена, так и со стороны снаряжения спортсмена (клюшки), спортивного снаряжения. Сам по себе такой вид спорта, как хоккей, является травмоопасным, неотъемлемым элементом игры является контакт игроков команд соперников в результате борьбы за шайбу. Действия соперника были обусловлены именно игровым моментом, осуществлены с целью завладения шайбой, а не с целью причинения какого-либо вреда потерпевшему», - отмечено Владимирским областным судом. Следует отметить, что в связи с инцидентом во время хоккейного матча проводилась доследственная проверка, завершившаяся вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, после чего спортсмен, получивший травму, обратился в суд в порядке гражданского судопроизводства. Соответственно, правоприменители нескольких уровней исходили из некриминального характера травмы.

Такое развитие событий представляется вполне вероятным: не каждое игровое взаимодействие, даже в условиях агрессивного протекания, направлено на причинение вреда. В рассмотренном примере, действительно, имело место игровое взаимодействие, движение клюшкой носило спонтанный и не вполне контролируемый характер, в борьбе за шайбу участвовало не двое, а больше игроков. Очевидно, что потенциальный риск травмирования существовал для каждого из них, а усилия причинителя вреда не были сконцентрированы на конкретном сопернике. При этом объем разрешенного насилия в отдельных видах спорта представляется естественным и обусловленным самой природой игры [4, с. 149-153].

В иной обстановке, когда в игровом взаимодействии участвуют двое спортсменов, и единоборство принимает конфликтный характер, ссылка на презумпцию игрового момента не выглядит корректной. Во-первых, если один из его участников допускает нарушение установленных по данному виду спорта правил, он, очевидно, выходит за пределы разрешенного насилия. Во-вторых, в данной ситуации могут совершаться действия, прямо противоречащие правилам по виду спорта (подножки, толчки, силовые приемы, удары), послед-

ствия которых могут быть связаны с повреждением здоровья и должны квалифицироваться по соответствующим статьям главы 16 УК РФ. Причинитель вреда действует легкомысленно или небрежно, т.е. в целом не ориентируется на возможное травмирование соперника. Однако в силу того, что правила и ограничения известны ему как профессиональному спортсмену, его мотивация, хотя и некриминальная, не в полном объеме нивелирует причиненный вред. Соревнования справедливо считаются средством самореализации [11, с. 170-175], вследствие чего субъекты могут проявлять излишнюю активность, не предполагая возможных вредных последствий.

Презумпция игрового момента, очевидно, не имеет значения в ситуации случайного (казусного) причинения вреда, обусловленного недостаточной заботой пострадавшего о собственной безопасности. Например, в связи с потенциальной возможностью травмирования во многих видах спорта участники соревнований обязаны использовать защитную экипировку. Некоторые из них в силу малого жизненного опыта и юношеского азарта уклоняются от исполнения этой обязанности. Проконтролировать наличие всего объема амуниции защитного характера не представляется возможным, хотя представители тренерских штабов, как правило, внимательно за этим следят. В данной ситуации возникает высокий риск травмирования, в том числе, с летальным исходом. Например, в 2016 г. 16-летний форвард хоккейной команды «Металлург» (г. Новокузнецк) А. Орехов скончался в результате травмы, полученной при следующих обстоятельствах: шайба попала в шею, при падении он повредил шейный позвонок и потерял сознание. По результатам доследственной проверки, проведенной СО Следственного комитета по Кемеровской области, в момент получения травмы у потерпевшего отсутствовала предусмотренная спортивными правилами защита в области шеи. В 2021 г. при аналогичных обстоятельствах погиб капитан ХК «Динамо» (Санкт-Петербург) Т. Файзутдинов (шайба попала в голову, защитная экипировка в области шеи и ушей не использовалась). Уголовно-правовые отношения в подобных случаях могут возникать только тогда, когда установлено ненадлежащее исполнение обязанностей по контролю за обеспечением и использованием спортсменами защитной экипировки со стороны тренеров или иных ответственных сотрудников тренерских штабов.

В ряде случаев о некриминальном характере происшествия свидетельствуют обстоятельства, в которых была получена травма. В частности, если она причинена спортивным снаряжением, совершившим неконтролируемое перемещение. Например, в августе 2022 г. трагически погиб 14-летний нападающий команды «СКА-2008» (Санкт-Петербург) В. Малков. Это произошло во время тренировки, когда во время отработки одной из комбинаций ему в грудь (под защитный доспех) попала шайба, вызвав фактически мгновенную смерть. Шайба была пущена с большой силой, и хоккеист не успел уклониться от столкновения. ГСУ Следственного комитета России по Санкт-Петербургу по данному факту возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, однако при установлении факта надлежащего состояния защитной экипировки и ее наличия в момент инцидента едва ли будет возможно предъявление обвинения конкретному лицу (например, представителю тренерского штаба). Установить признаки неосторожности со стороны спарринг-партнера погибшего также представляется бесперспективным: во-первых, удар по шайбе был нанесен из той зоны площадки, которая находилась за пределами видимости потерпевшего; во-вторых, уголовная ответствен-

ность по ст. 109 УК РФ наступает с 16 лет, тогда как в состав команды входят юноши 2008 года рождения. Таким образом, и в подобных случаях причинение вреда жизни и здоровью совершается в отсутствие криминальной составляющей.

Иная ситуация имеет место, когда происходит единоборство на спортивной площадке или поединки, в котором участвуют двое профессиональных спортсменов. Фоном для нарушения спортивных правил в данном случае выступает особая атмосфера зрелищного мероприятия, его участники подогреваются эмоциональной поддержкой зрителей, при этом сценарий поединка подразумевает, помимо спортивных наград и почета, немалое денежное вознаграждение. Такая обстановка мотивирует профессиональных спортсменов не только на яркое выступление, но и на интенсивное агрессивное взаимодействие, направленное на достижение высоких результатов. Зачастую это может перерасти в намеренное нарушение правил или нанесение сопернику серьезной травмы, завуалированных условиями спортивного состязания, но фактически приводящих к его срыву. Например, в 2018 г. поединок между бойцами смешанного стиля (ММА) Х. Магомедовым (Россия) и К. Макгрегором (Ирландия) завершился массовой дракой с участием группы поддержки обоих спортсменов. Изначально Магомедов применил к сопернику удушающий прием, оказав давление на челюсть, и был признан победителем. Во время боя секунданты обоих бойцов вели себя активно, оскорбляли друг друга словами и жестами. После этого началась массовая драка, которую окончательно смогли пресечь только сотрудники полиции. Серьезные травмы в данном инциденте никто не получил, поэтому правовая реакция на случившееся носила дисциплинарный характер: оба бойца были дисквалифицированы и подвергнуты крупным штрафам; негативный общественный резонанс возник из-за использования участниками конфликта вербальной агрессии дискриминирующего характера [8, с. 137-141]. Гипотетически, если бы кому-то из участников конфликта были нанесены телесные повреждения, повлекшие расстройство здоровья, содеянное могло бы квалифицироваться по соответствующей уголовно-правовой норме, предусматривающей ответственность за умышленное причинение тяжкого или иного вреда здоровью. По сути, данный инцидент не отличается от обычного агрессивного конфликта, завершаемого обоюдной дракой, каждый из участников которой осознанно применяет физическую силу, желая, сознательно допуская или безразлично относясь к причинению вреда здоровью оппонента, т.е. действует умышленно.

Исходя из изложенного, обязательными признаками преступного причинения вреда жизни и здоровью профессиональных спортсменов выступают:

- интенсивное и неконтролируемое насилие, применяемое к потерпевшему во время игрового столкновения или поединка;
- нарушение правил, установленных для данного вида спорта (использование запрещенных приемов или тактики);
- намеренный характер столкновения и активное силовое разрешение конфликта, возникшего на спортивной площадке.

В иных случаях о криминальном характере события могут свидетельствовать такие обстоятельства, как нарушение специально установленных правил по обеспечению участников спортивных состязаний особой экипировкой или иными средствами индивидуальной защиты. В таком случае к уголовной ответственности должен быть привлечен сотрудник

тренерского штаба, в обязанности которого входит контроль за соблюдением этих правил.

Правовое регулирование спортивных отношений до настоящего времени не является полным [9, с. 95-98]. Сфера профессионального спорта обладает, помимо зрелищной и коммерческой привлекательности, значительными рисками для участников соревновательного и тренировочного процесса. При данных обстоятельствах презумпция игрового момента или стереотип о безусловно некриминальном характере спортивного травматизма являются архаизмом и нуждаются в нормативной корректировке.

Пристатейный библиографический список

1. Амиров И.М. Юридическая ответственность в сфере спорта (вопросы теории и практики). Уфа: изд-во Башкирского гос. ун-та, 2006. 205 с.
2. Безбородов Д.А., Кравченко Д.М. Уголовная ответственность спортсменов за вред, причиненный в результате нарушения правил спортивных мероприятий // Российское правосудие. 2020. № 12. С. 100-105.
3. Бондаренко В.А., Жмурко Р.Д. Преступления в сфере спорта // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 1-1. С. 196-199.
4. Гостькова Д.Ж., Дмитриева А.А. Насилие в спорте: преступление или обстоятельство, исключающее преступность деяния // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21. № S2. С. 149-153.
5. Клейменов М.П. Спортивная криминология за рубежом // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 3. С. 256-257.
6. Коган О.С. Проблемы профессионального спорта: правовой аспект // Теория и практика физической культуры. 2002. № 8. С. 60-62.
7. Матищев А.А., Безуглов Н.Н., Макарова Г.А. Повреждения опорно-двигательного аппарата и черепно-мозговые травмы у спортсменов. М.: Спорт, 2022. 168 с.
8. Питулько К.В., Сергеева А.А. Правовые основы и проблемы противодействия дискриминации в спорте // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21. № S2. С. 137-141.
9. Потапова С.В., Сабанин С.Н. К вопросу об общественных отношениях в сфере спорта как объекте преступного посягательства // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 95-98.
10. Починкин А.В. Становление и развития профессионального и коммерческого спорта в России. М.: Волтерс Клувер, 2006. 198 с.
11. Юрлов С.А. Правовая природа, особенности и общая характеристика спортивных правоотношений // Вестник РУДН. 2014. № 4. С. 170-175.

ХОЛАМХАНОВА Зарема Раджевна

помощник судьи Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ В ВОПРОСАХ «ЦИФРОВОГО» ИМУЩЕСТВА

В данной статье дается современное определение информационным технологиям, обзор термина «информационное общество» с целью показать немаловажную роль правовой охраны цифровой экономики. Современные инструменты уголовно-правовой охраны призваны обеспечить эффективную защиту «цифровой» собственности и противодействовать реальным и потенциальным угрозам в сложившейся digital-реальности. В настоящей статье указывается на то, что назрела необходимость в реформировании главы 21 Уголовного кодекса РФ и предлагаются альтернативные направления усовершенствования уголовно-правовых положений об ответственности за преступления против собственности.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана информационного общества и цифровой экономики, преступления в сфере экономики, имущественные преступления, мошенничество, преступления в сфере компьютерной информации.

KHOLAMKHANOVA Zarema Radjevna

assistant referee of the Nalchik City Court of the Kabardino-Balkaria Republic

CRIMINALIZATION AND LEGISLATIVE REGULATION IN MATTERS OF “DIGITAL” PROPERTY

This article gives a modern definition of information technologies, an overview of the term “information society” in order to show the important role of legal protection of the digital economy. Modern tools of criminal law protection are designed to provide effective protection of “digital” property and counteract real and potential threats in the current digital reality. This article indicates that there is a need to reform Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation and suggests alternative ways to improve the criminal law provisions on liability for crimes against property.

Keywords: criminal and legal protection of the information society and the digital economy, crimes in the field of economics, property crimes, fraud, crimes in the field of computer information.

Холамханова З. Р.

На современного человека ежедневно оказывают влияние все новые и новые информационные технологии, которые появляются в окружающем мире. Современное общество использует гаджеты, которые выполняют функцию хранилища большого количества информации:

- персональные данные;
- коммуникацию людей между собой;
- фото-видео материалы;
- сведения по банковским продуктам, включая карты, электронные кошелеки с их логинами и паролями.

Многие мобильные устройства имеют функцию осуществления эквайринговых операций. Системы ApplePay, AndroidPay позволяют сохранять данные о банковских картах и устанавливать связь с платёжным терминалом, который оснащён подходящим датчиком.

В качестве примера можно привести приложение «Сбербанк.Онлайн». Данный сервис даёт возможность осуществлять безналичные расчёты с денежными средствами, находящимися на персональных счетах, через мобильные устройства или браузер ПК.

ИКТ развиваются очень быстро. С каждым годом пользователи получают новые возможности для извлечения, приёма/передачи информации. Им становятся доступными знания, которые освоило человечество в своём историческом развитии. До массового прихода в жизнь людей ИКТ человек не мог оперативно осуществлять информационную деятельность.

Высокие технологии, без которых немислимо существование современного жителя Земли, значительно облегчили его собственную жизнь. Они создали комфортные условия для деятельности человека. Общество активно принимает

фундаментальные разработки и не жалеет средств на приобретение технологических новинок.

Человечество пришло к пониманию, что информация играет ведущую роль в общественных отношениях. Обмен ею – это путь к цивилизованному развитию на протяжении всех исторических этапов. Постинформационное общество осознаёт, что многочисленные операции, связанные со сбором, анализом, структурированием и т.д. данных – это «фундаментальные источники производительности и власти». М. Кастель определил, что при глобализации поток информации раздвигает границы государств и формирует «сетевое» общество [2].

Постоянно развивающиеся ИКТ, локальные/глобальные сети приводят в движение сетевую логику преобразования мировых социальных систем. Это модель научного исследования, при которой сближаются конкретные информационные, телекоммуникационные технологии, выстраивая высокоинтегрированную систему.

Американский экономист Ф. Машлуп и японский профессор Ю. Хаяши одновременно дали определение понятию «информационное общество». Первый занимался изучением информационного сектора экономики США. Другой сотрудничал с Агентством экономического планирования и работал над исследованием возможностей использования компьютеров [2].

Оба исследователя сошлись во мнении, что информационным обществом следует считать социальные отношения, в котором информационно-коммуникационные технологии будут обеспечивать гражданам доступ к источникам информации, а также сопутствовать наибольшему внедрению автоматизации в производственные процессы.

В ходе интенсивного развития информационных технологий и, соответственно, информационного общества наблюдается увеличение числа пользователей таких технологий, совершенствование процессов информатизации. Граждане активно начали использовать мобильные устройства, телевизионные каналы, глобальную сеть Интернет.

У людей появилась возможность получения финансовых, государственных, муниципальных, прочих услуг в онлайн-формате.

С более интенсивными темпами развития в мире информационных технологий в 2009 году был создан Международный союз электросвязи. Данная организация ежегодно публикует Отчёт об измерении информационного общества (The measuring the Information Society Report). В этом отчете отражается рейтинг государств по уровню развития информационно-коммуникационных технологий.

Исходя из этого индекса, российские специалисты разработали стратегию формирования и совершенствования информационного общества на 2017-2030 гг. Она регламентируется несколькими нормативными документами:

- указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2017 г. № 203;

- государственной программой Российской Федерации «Информационное общество» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313).

В рейтинге мировых держав по основному показателю, в частности, по индексу развития информационно-коммуникационных технологий, Россия заняла в 2016 г. – 41-е место, в 2017 г. – 43-е, в 2018 г. – 45-е. Согласно принятой стратегии государство возлагает на себя обязанности по решению задачи обеспечения благоприятных условий по применению, поддержке, развитию ИКТ. Одна из них, наиболее важная, заключена в модернизации законодательной базы Российской Федерации. Нормативные основы необходимо скорректировать в соответствии с быстро изменяющимися информационными и экономическими условиями, предусмотреть их своевременную адаптивность. В пункте 31 данного документа особое внимание обращается на необходимость пересмотра нормативно-правового регулирования по обеспечению безопасности при обработке информации и использования новейших технологий.

Исходя из текущих реалий, социальная обусловленность существующих общественных отношений играет большую роль, на что законодатель обязан обратить внимание [3].

Норму уголовного права можно считать эффективной, если в ней точно описан процесс, при котором результат определяется чётким алгоритмом. Данное свойство распространяется на компьютерную деятельность, в которой возможно мошенничество с использованием средств электронных платежей, банковских счетов, др. Детерминированность – основа эффективного правоприменения в этой сфере.

По оценке социологов в настоящее время Россия находится в переходном этапе на постиндустриальную стадию развития, где активно используются понятия и основные принципы информационного общества, а также признаки цифровой экономики. Это порождает формирование предпосылок уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности, имущественных отношений.

В информационном обществе, как и в постиндустриальном, в сфере цифровой экономики также наблюдаются признаки мошеннических действий. При существующей тенденции к увеличению внедрения информационных технологий в различные сферы жизнедеятельности человека, в том числе и цифровизация экономики, наибольшего качества мошеннических действий будет изменяться, а количество увеличиваться [1].

Статистические данные по числу преступлений, подпадающих под ст. 159-159.6 УК РФ, показывают:

- 2017 г. (по сравнению с 2016 г.): рост до цифры 222 772, или на 6,6 %. Количество предварительно расследованных мошенничеств этого типа увеличилось на 2,6 % до 56 178. Из этого числа 45 078 уголовных дел дошло до суда;

- 2018 г. (по сравнению с 2017 г.): количественный показатель снизился на 3,5 % до 215 036 преступлений;

- 2019 г. (сравнительно с 2018 г.): число случаев мошенничества выросло на 19,6 %, или 257187 деяний. В данный период наблюдается увеличение количества предварительно расследованных преступлений этого вида на 12,1 %, или 64 378. Из них рассматривалось в судебном порядке 47 869 (рост на 6,3 %).

При этом важно отметить высокую латентность мошенничества, его видов, смежных с ним преступлений в экономической сфере. Общая сумма ущерба от деяний, связанных с применением ИКТ, компьютерной информацией, составила 627 697 445 рублей за один только 2019 год. Данные представлены на основании окончательных и приостановленных уголовных дел, материалам-отказам в возбуждении уголовного производства по нереабилитирующим основаниям.

Мошеннические действия, совершаемые в цифровой экономике, относятся к новым видам преступлений в отношении имущества граждан. Потенциальные нарушители закона активно применяют доступную им компьютерную информацию, снятие средств с банковских счетов в системе электронных платежей, использование безналичных расчётов, электронных денег.

Безусловно, информационное общество и цифровые технологии будут активно развиваться. Преступления, состав которых предусмотрен УК РФ статьями 159.3 и 159.6, относят к специальным типам мошенничества. В дальнейшем они трансформируются в самостоятельные виды деяний, совершаемых в сфере имущественных отношений, или составят особую группу посягательств на чужую собственность в корыстных целях, связанных с информационно-коммуникационными технологиями.

В связи с вышеизложенным перед законодательным органом встанет необходимость решения важной и актуальной задачи, а именно: уточнить социально-правовую природу гражданских проступков (деликтов), определить, где будут располагаться нормативные положения об уголовной ответственности за совершение «компьютерного мошенничества». В решении данного вопроса следует учесть специфику объекта, относительно которого осуществлено преступное посягательство.

Пристатейный библиографический список

1. Безверхов А. Г. Хищение чужого имущества в условиях становления цифровой экономики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVII Международной научно-практической конференции. - М.: Проспект, 2020. - С. 329-333.
2. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. - М.: Прогресс, 1988. - С. 330-342.
3. Ефремова М. А. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. - М.: Юрлитинформ, 2015.
4. Толгурова З. Х., Хакунов А. М. Роль СМИ в системе предупреждения преступлений как криминологическая категория в России // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 8 (159). - С. 368-370.

АЛИЕВ Хиби Курбанович

кандидат юридических наук, доцент, Северо-кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

МАРИАНОВ Алихан Абдулаевич

кандидат исторических наук, доцент, Дагестанский государственный университет филиал в г. Избербаше, Дагестанский государственный педагогический университет

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАДЕРЖАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье дается правовой анализ оснований и особенностей Уголовно-процессуального кодекса для задержания несовершеннолетних как одного из наиболее сложных действий Уголовно-процессуального кодекса в правоприменительной практике, законность которого требует пристального внимания как со стороны российского государства, так и со стороны международного сообщества. Автор отмечает, что нормы УПК РФ, регламентирующие содержание под стражей и задержание несовершеннолетних, не соответствуют друг другу. В статье раскрываются проблемные аспекты задержания несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве России. В результате изучения действующего законодательства и мнений ученых об этом институте уголовного процесса были сформулированы выводы: о сущности задержания несовершеннолетних, о необходимости закрепления дополнительных оснований для задержания под стражей в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: задержание, несовершеннолетний, меры принуждения, производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

ALIEV Khibi Kurbanovich

Ph.D. in Law, associate professor, North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

MARIANOV Alikhan Abdulaevich

Ph.D. in historical sciences, Dagestan State University branch in Izberbash, Dagestan State Pedagogical University

PROBLEMATIC ISSUES OF DETENTION OF MINORS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article provides a legal analysis of the grounds and features of the Criminal Procedure Code for the detention of minors as one of the most complex actions of the Criminal Procedure Code in law enforcement practice, the legality of which requires close attention from both the Russian state and the international community. The author notes that the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the detention and detention of minors do not correspond to each other. The article reveals the problematic aspects of the detention of minors in criminal proceedings in Russia. As a result of studying the current legislation and the opinions of scientists about this institution of criminal procedure, conclusions were formulated: about the essence of the detention of minors, about the need to consolidate additional grounds for detention in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: detention, minor, coercive measures, criminal proceedings against minors.

Преступность среди несовершеннолетних представляет серьезную угрозу для решения этой проблемы. Темпы роста преступности среди молодых людей превышают общий уровень преступности в стране.

В рамках уголовного процесса в современной России уголовно-процессуальные меры принуждения имеют своей основной целью предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений среди несовершеннолетних.

Одной из мер, широко используемых в правоохранительных органах, является задержание лица, подозреваемого в совершении преступления. Однако в результате применения этой меры не только будет существенно ограничено важнейшее конституционное право – право на личную неприкосновенность, но и на доброе имя гражданина будет брошена тень, а его честь и достоинство будут поставлены под угрозу. Таким образом, законодатели придают особое значение этой мере уголовно-процессуального обеспечения с точки зрения ее правового регулирования, которое направлено на минимизацию случаев незаконного или ненадлежащего применения, особенно когда речь идет о задержании несовершеннолетнего.

Основной особенностью задержания несовершеннолетнего является уведомление о его задержании. В соответствии со статьей 423 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в случае задержания несовершеннолетнего субъекта законные представители немедленно уведомляются об этом. Немедленное уведомление законных представителей задержанного несовершеннолетнего подозреваемого осуществляется путем связи с использованием всех средств связи. Это необходимая процессуальная норма, которая должна гарантировать немедленное участие законных представителей задержанного несовершеннолетнего в уголовном процессе.

Задержание несовершеннолетнего подозреваемого является исключительной мерой процессуального принуждения, поскольку следователи исходят из фактических обстоятельств дела, характеристик подозреваемого и тяжести преступления, не всегда принимая во внимание последнее.

Пекинские правила гласят, что недопустимы необоснованные задержки в обращении с несовершеннолетним. Со временем ему становится все труднее, а иногда и невозможно, логически и психологически связать судебное разбирательство и принятое решение с самим правонарушением. Любой

Алиев Х. К.

Марианов А. А.

случай, связанный с несовершеннолетним, должен рассматриваться быстро с самого начала и избегать ненужных задержек (параграф 20.1 Пекинских правил).

Правовой основой содержания под стражей являются статьи 91, 92, 100, 108 УПК РФ, в которых законодатель раскрывает общее понятие содержания под стражей, его условия и порядок.

Задержание несовершеннолетнего подозреваемого в соответствии со статьей 91 УПК РФ должно применяться только к несовершеннолетнему, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в исключительных случаях за преступления средней тяжести.

Основаниями для задержания несовершеннолетнего подозреваемого являются следующие обстоятельства (часть 1 статьи 91 УПК РФ): лицо задержано при совершении преступления или сразу после его совершения; задержание несовершеннолетнего, то с учетом условий, оснований и процедуры, они, как правило, включают: задержание несовершеннолетнего при совершении преступления или сразу после его совершения; задержание несовершеннолетнего, а затем, с учетом условий, оснований и процедур, они, как правило, включают: задержание несовершеннолетнего при совершении преступления или сразу после его совершения; задержание несовершеннолетнего, а затем, с учетом условий, оснований и процедур, они, как правило, включают никаких особенностей по сравнению с правилами содержания взрослых под стражей. Такая схема сбивает с толку, поскольку задержание осуществляется без решения суда, в случае крайней необходимости, в отношении лица, подозреваемого только в совершении преступления [2].

Следует сказать, что задержание имеет особый процессуальный кодекс. В соответствии с действующим законодательством следователь, дознаватель и орган дознания имеют право на процессуальное задержание, но только после возбуждения уголовного дела.

Допуск защитника к участию в уголовном процессе в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, а также срок содержания под стражей (время, в течение которого задержание должно быть доведено до сведения прокурора, подозреваемый должен быть допрошен) искусственно сокращается за счет увеличения срока, начиная с фактического отбывания наказания в виде лишения свободы в пределах, установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Таким образом, передвижение лица, подозреваемого в совершении преступления, прекращается с момента оглашения задержанным протокола задержания.

При применении процессуально-принудительных мер (задержание, лишение свободы) в значительной степени возникают негативные последствия для несовершеннолетних. В ходе уголовного производства несовершеннолетний может быть помещен в изолятор временного содержания (ИВС), а затем в случае избрания в отношении него меры пресечения в виде содержания под стражей в следственном изоляторе (СИЗО). В юридической литературе справедливо утверждается, что «государство, применяющее судебное преследование к несовершеннолетнему, налагает такие ограничения, которые юридически не вытекают из этого уголовно-процессуального деяния» [4]. В результате несовершеннолетние могут иметь определенные негативные взгляды и убеждения, вызванные пребыванием под стражей.

Несовершеннолетний подозреваемый, задержанный в соответствии со статьей 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, должен быть допрошен не позднее, чем через 24 часа после его фактического задержания (часть 2 статьи 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Несовершеннолетний подозреваемый имеет те же права, что и взрослый подозреваемый.

Особенности процессуального статуса этих субъектов определяются особенностями развития их личности, поскольку несовершеннолетние в силу своего возраста, психофизических и психических данных не могут в полной мере самостоятельно осуществлять определенные процессуальные права или обязанности и реализовывать свои процессуальные интересы.

Вот почему мы не можем согласиться с мнением С. П. Щербы, который рекомендует, чтобы родители или лица, их заменяющие, а в их отсутствие другие родственники «несовершеннолетнего подозреваемого» уведомляли об этом «не позднее, чем в течение 24 часов» [3]. Автор не пишет, с какого момента следует отсчитывать указанный период. Однако,

учитывая двадцать четыре часа с момента фактического задержания несовершеннолетнего по подозрению в совершении преступления, уведомление его законного представителя (близкого родственника, родственницы) в сроки, предложенные ученым, может привести к нарушению закона (часть 1 статьи 96 УПК) и, следовательно, к негативным последствиям для хода уголовного судопроизводства и, следовательно, к нарушению закона для его законного представителя (близкого родственника, родственницы) в установленные ученым сроки, нарушению требований закона (ч. 1 ст. 96 УПК РФ) и, как следствие, негативным последствиям как для возбуждения уголовного дела, так и для самого следователя (дознавателя и др.).

Недостаточное психическое развитие личности, жизненный опыт, отсутствие психологической устойчивости, слабая организация нервной системы, повышенная внушаемость, пониженная стрессоустойчивость и т. д., создающие условия для восприятия несовершеннолетним участником уголовного процесса текущей внешней ситуации расследования, носят исключительно конфликтный характер и обусловлены восприятием окружающей обстановки. Как правило, подросток не задумывается о серьезности содеянного и о возникновении последствий. Его мотивация – удовлетворять свои потребности и получать выгоду. Поэтому очень важно при задержании несовершеннолетнего органами осуществляющую уголовную преследования учитывать психологические факторы.

Как писал Л. А. Каневский, «несовершеннолетнего не интересует, какой вред причинен его действиями и каковы будут последствия, если он совершит противоправные действия. Он хочет только одного: привлечь внимание ребят к своей личности, показать свое превосходство над сверстниками, создать определенное впечатление о своих действиях и о себе в команде» [1].

При расследовании этой категории дел необходимо учитывать, что конфликтные отношения порождают конфликтную ситуацию, которая может быстро перерасти во встречное расследование.

Тактически неправильное планирование временных интервалов между следственными и процессуальными действиями приводит к росту конфликтных ситуаций. Чем больше времени проходит между задержанием несовершеннолетнего и его первым допросом, а также другими следственными действиями для защиты полученных доказательств (например, очной ставкой), тем больше вероятность развития сопротивления и конфликтных ситуаций.

Обязательным методом записи свидетельских показаний всех несовершеннолетних является ведение журнала. В то же время необходимость использования видеозаписей давно обоснована в юридической литературе. С 1 января 2015 года использование видео- или киносъемки при допросе несовершеннолетнего свидетеля (потерпевшего) по уголовному делу Российской Федерации является обязательным, за исключением случаев, когда несовершеннолетний потерпевший, свидетель или его законный представитель (ч. 5 ст. 191 УК РФ) возражали против этого. Нет. № 432-ФЗ от декабря 2013 года).

Одним из направлений совершенствования процессуального законодательства является привлечение несовершеннолетних к ответственности и обеспечение их законных прав и интересов.

Пристатейный библиографический список

1. Каневский Л. А. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. – Красноярск, 1991. – С. 96.
2. Лавдаренко Л. И. Задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего // Российский следователь. – 2015. – № 6. – С. 23-27.
3. Щерба С. П. Глава X. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Спарк, 2002. – С. 220.
4. Ямалетдинова Н. В. Адаптация несовершеннолетних обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах, в механизме предупреждения преступности в учреждениях уголовно-исполнительной системы: Дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2006. – С. 38.

АРСЕНОВА Наталья Васильевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ТОПЧИЕВА Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье авторы анализируют нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), регламентирующие основания и процессуальный порядок проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи. На основании данного анализа выявлены основные проблемы применения института производства отдельных следственных действий с использованием видео-конференц-связи в досудебном производстве, предложены пути их решения, обозначены перспективы развития данного института.

Ключевые слова: уголовное дело, видео-конференц-связь, органы предварительного расследования, участники уголовного процесса, отдельные следственные действия, доказывание, обеспечение безопасности, меры пресечения.

ARSENOVA Natalya Vasiljevna

Ph.D. in law, associate professor of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty of the RANEPa under the President of the Russian Federation

TOPCHIEVA Tatyana Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process sub-faculty of the Barnaul Law Institute

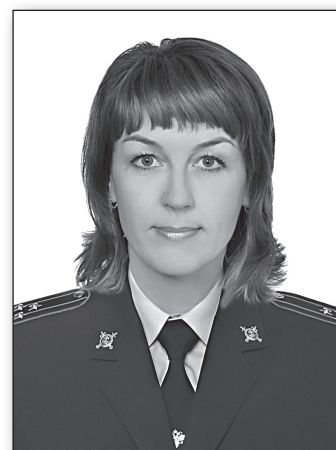
THE USE OF VIDEO CONFERENCING IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

In the article, the authors analyze the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, regulating the grounds and procedural procedure for conducting interrogation, confrontation, identification through the use of video conferencing systems. Based on this analysis, the main problems of using the institute for the production of individual investigative actions using video conferencing in pre-trial proceedings are identified, ways to solve them are proposed, and prospects for the development of this institute are outlined.

Keywords: criminal case, video conferencing, subjects of the investigation, participants in the criminal process, some investigative actions, proving, ensuring security, preventive measures.

Арсенова Н. В.

Топчиева Т. В.

Использование видео-конференц-связи (далее – ВКС) в ходе досудебного производства при производстве допроса, очной ставки, предъявления для опознания в условиях современной действительности является актуальным и целесообразным. Данное нововведение, включенное в УПК РФ Федеральным законом от 30.12.2021 № 501-ФЗ [1] имеет ряд преимуществ, таких как: сокращение финансовых затрат; соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства; повышение эффективности и оперативности расследования; обеспечение безопасности участвующих лиц; решение проблемы преодоления больших расстояний для производства следственных действий.

В целом положительно оценивая указанные изменения УПК РФ, следует отметить отдельные проблемы, возникающие при толковании и применении нормы ст. 189.1 УПК РФ.

Первоочередной вопрос, возникающий как перед органами предварительного расследования, так и прокурорами, а в последующем и судьями – обоснованность принятия решения о применении ВКС при проведении допроса, очной ставки, опознания. Регламентируя процессуальный порядок производства следственных действий с использованием ВКС, законодатель не определяет основания их производства, устанавливая лишь запреты (ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ). С одной стороны, полностью оставляя данный вопрос на откуп правоприменителя, законодатель расширяет рассмотрение органов предварительного расследования, с другой – вводит их в определенную правовую неопределенность: какими критериями следует руководствоваться следователю (дознавателю) при проведении следственных действий? Так, результаты опроса следователей и дознавателей территориальных органов внутренних дел Алтайского края свидетельствуют о неоднозначной позиции: лишь 22 % опрошенных респондентов готовы руководствоваться исключительно своим внутренним убеждением в необходимости приме-

нения ВКС при проведении отдельных следственных действий; 36 % респондентов уверены, что ВКС должна использоваться лишь в случае невозможности непосредственного участия в следственном действии того или иного участника процесса; 42 % – затруднились с ответом¹. Вместе с тем, данный вопрос является значимым, поскольку от законности и обоснованности проведенных следственных действий зависит, будут ли собранные доказательства признаны допустимыми и использованы в доказывании.

Какие же обстоятельства могут выступать в качестве оснований для проведения следственных действий в дистанционном формате? Анализ научной литературы и результаты опроса следователей, дознавателей территориальных органов внутренних дел Алтайского края свидетельствует о том, что в основном ВКС в большей степени необходимо использовать в случае невозможности непосредственного участия лица, показания которого необходимы, по уважительным причинам: состояние здоровья; значительное территориальное отдаление от места предварительного расследования; длительная служебная командировка; нахождение в местах лишения свободы либо на территории иностранного государства и пр. Некоторые из опрошиваемых респондентов указали на использование ВКС при производстве отдельных следственных действий при необходимости обеспечения наиболее быстрого, полного и всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела. Однако этот процент невелик, что свидетельствует о том, что большая часть респондентов рассматривают необходимость использова-

1 В период с января по июль 2022 года было опрошено 100 сотрудников органов дознания и предварительного следствия территориальных органов внутренних дел Алтайского края.

ния ВКС в исключительных случаях, при невозможности непосредственной явки того или иного участника уголовного судопроизводства.

Помимо этого, хотелось бы заострить внимание на запрете проведения отдельных следственных действий в дистанционном формате в случае применения мер безопасности (ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ). Думается, такая позиция законодателя крайне нелогична, поскольку современные технологии позволяют проводить допрос с изменением внешности и голоса, что позволяет минимизировать оказание какого-либо воздействия на участников уголовного судопроизводства и максимально обеспечить их безопасность. Полагаем, следует согласиться с Е. В. Прытковой о том, что ВКС при производстве отдельных следственных действий (например, опознание) целесообразно проводить в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства; очную ставку следует проводить в исключительных случаях посредством ВКС с аудио- и видеопомехами, исключающими идентификацию подозреваемого (обвиняемого), сотрудничающего с правоохранительными органами, также в целях обеспечения его безопасности [4, с. 20]. В связи с чем данный запрет необходимо исключить и перевести в разряд оснований.

Таким образом, использование ВКС не должно подменять традиционный способ производства следственных действий. Думается, ВКС следует применять лишь при наличии оснований, которые должны быть четко определены законом. В связи с чем нормы ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ требуют дальнейшего совершенствования в части дополнения оснований для проведения отдельных следственных действий с применением ВКС.

Другим немаловажным вопросом является определение круга субъектов, показания которых могут быть получены с использованием ВКС. Отечественный законодатель, в отличие от зарубежных коллег, не ограничивает органы предварительного расследования в выборе участников процесса, которые могут быть допрошены в дистанционном формате, что, безусловно, можно лишь приветствовать. Исходя из непосредственного толкования норм закона, с использованием ВКС могут быть получены показания как потерпевшего, свидетеля, специалиста, эксперта, гражданского истца, его представителя, так и подозреваемого, обвиняемого, гражданского ответчика (его представителя). Безусловно необходимо учитывать следственную практику, согласно которой предварительное расследование осуществляется по месту нахождения обвиняемого, либо при избрании меры пресечения подозреваемый (обвиняемый) находится территориально в месте производства предварительного расследования по уголовному делу, что позволяет следователю или дознавателю непосредственно произвести допрос данных лиц. На первый взгляд особой необходимости производства допроса подозреваемого, обвиняемого в дистанционном формате нет.

Однако необходимо учитывать возможность расследования уголовного дела по месту нахождения большинства свидетелей, подозреваемого, обвиняемый территориально может находиться удаленно от органов предварительного расследования. Также он может находиться в СИЗО. Осужденный, заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве, – в местах лишения свободы. Однако, его показания, как особого свидетеля, необходимы в ходе предварительного расследования. В этой ситуации использование видео-конференц-связи просто необходимо, поскольку такой способ производства допроса позволит сократить сроки расследования, снизить временные и финансовые затраты на конвоирование, исключает возможность совершения побега и обеспечит безопасность лиц.

Основной вопрос, возникающий перед органами предварительного расследования при допросе с использованием ВКС подозреваемого, обвиняемого, позволит ли дистанционный формат дачи показаний обеспечить права данных лиц. Думается, в разрешении этого вопроса необходимо руководствоваться правовой позицией Верховного Суда РФ, который еще в 2016 году, опираясь на решения Европейского суда по правам человека, указал, что «обращение к использованию ВКС не является как таковое несовместимым с понятием справедливого и публичного слушания дела» [2]. Более того, в 2020 году Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что использование систем ВКС не препятствует подозреваемому, обвиняемому, подсудимому осуществить права, изложенные в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод: защищать себя лично, иметь право на то, чтобы свидетели были допрошены, пользоваться бесплатной помощью переводчика, осуществлять иные права, предусмотренные УПК РФ [3].

Помимо этого, российский законодатель умалчивает о возможности дачи показаний несовершеннолетними участниками процесса. Полагаем производство допроса, очной ставки, опознания с участием несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля будет осуществляться с применением ВКС, поскольку стоит руководствоваться правилом: что законом напрямую не запрещено, следовательно – разрешено. В этой части хотелось бы лишь поблагодарить законодателя за имеющиеся в законе формулировки.

Рассмотренные проблемные вопросы не исчерпывают весь перечень проблем, возникающих при применении ВКС в ходе досудебного производства. Вместе с тем, полагаем, следует положительно оценить законодательное регулирование возможности применения ВКС в досудебном производстве.

Востребованность применения современных технологий есть при производстве не только следственных действий, но и иных процессуальных действий. Использование ВКС в ходе досудебного производства обладает значительным потенциалом и может получить широкое распространение не только при производстве следственных, но и иных процессуальных действий. Весьма перспективной, в частности, является возможность использования ВКС при избрании (продлении) меры пресечения. Речь идет о мерах пресечения, для применения которых требуется решение суда (заключение под стражу, домашний арест, залог, запрет определенных действий). Применение ВКС сможет способствовать упрощению данной процедуры, сократить временные и финансовые затраты в случае, если отсутствует возможность обеспечить участие подозреваемого (обвиняемого) либо иных участников в судебном заседании при рассмотрении ходатайства следователя (дознавателя) об избрании (продлении) мер пресечения. При этом обязательным должна быть видеозапись процесса избрания меры пресечения, служащая гарантией всестороннего и качественного рассмотрения данного вопроса.

Таким образом, проанализированные проблемы позволяют говорить о несовершенстве норм УПК РФ, регламентирующих применение ВКС в ходе досудебного производства. В целях совершенствования правоприменительной практики, а также обеспечения прав участников уголовного судопроизводства следует устранить правовую неопределенность норм уголовно-процессуального законодательства, касающихся оснований для производства отдельных следственных действий путем использования систем ВКС, что позволит внести определенную ясность в процесс применения ВКС, улучшить эффективность и расширить возможность работы органов, осуществляющих предварительное расследование. Кроме того, полагаем, в настоящее время назрела необходимость исследования целесообразности и перспектив внедрения ВКС при производстве иных процессуальных действий на досудебных стадиях.

Пристатейный библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Прыткова Е. В. Обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, на стадии предварительного расследования: уголовно-процессуальные и тактико-криминалистические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2015. – 24 с.

БОРЗУНОВА Наталья Юрьевна

старший преподаватель кафедры криминалистики и инженерно-технических экспертиз Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России

УЗУН Олег Леонидович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Высшей школы техносферной безопасности Инженерно-строительного института Санкт-Петербургского технологического университета им. Петра Великого

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В настоящее время проблема ювенальной юстиции часто обсуждается в рамках различных конференций, в телевизионных тематических программах, данный вопрос обсуждается в научной литературе, появляются различные дискуссии в сети Интернет. Опасения и нарекания со стороны научной общественности вызывают такие действия, в рамках которых происходит «изъятия детей из семей». В статье приводятся мнения относительно положительных и отрицательных черт ювенальной юстиции. Изучение опыта зарубежных стран, позволит ознакомиться с положительными чертами ювенальной юстиции и применить данные положения в современном Российском законодательстве. В данном исследовании происходит поиск баланса между борьбой с преступностью несовершеннолетних и сохранением, и защитой прав ребенка и семей. Совершенствование законодательства, обеспечивающего права детей и их семей, а также уголовно-процессуального законодательства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних является главной целью в настоящее время.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, права семьи и ребенка, преступность несовершеннолетних, борьба с преступностью несовершеннолетних, несовершеннолетние правонарушители, правосудие.

BORZUNOVA Natalya Yurjevna

senior lecturer of Criminalistics and engineering and technical expertise sub-faculty of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia

UZUN Oleg Leonidovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of the Higher School of Technosphere Safety of the Institute of Civil Engineering of the Peter the Great St. Petersburg Technological University

JUVENILE JUSTICE IN RUSSIA, PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

The article proposes a definition of juvenile justice. Currently, this issue is often discussed at various conferences, in TV thematic programs, this issue is discussed in the scientific literature, various discussions appear on the Internet. Fears and complaints from the scientific community are caused by such actions within the framework of which there is a "withdrawal of children from families". The article presents opinions on the positive and negative features of juvenile justice. Studying the experience of foreign countries will allow you to get acquainted with the positive features of juvenile justice and apply these provisions in modern Russian legislation. In this study, there is a search for a balance between the fight against juvenile delinquency and the preservation and protection of the rights of the child and families. The improvement of legislation ensuring the rights of children and their families, as well as criminal procedure legislation on criminal cases against minors is the main goal at present.

Keywords: juvenile justice, family and child rights, juvenile delinquency, juvenile delinquency control, juvenile delinquents, justice.

В настоящее время в России, есть два подхода к понятию ювенальная юстиция узкое и развернутое. Защита несовершеннолетних преступников и система методов их исправления - является понятием ювенальной юстиции в узком смысле. Если говорить о более развернутом определении ювенальной юстиции, то в данном случае мы можем проследить глубокий смысл данного явления как правового – это система государственных органов, осуществляющих правосудие по делам о преступлениях и правонарушениях несовершеннолетних, а также государственных и негосударственных структур, контролирующих исправление и реабилитационные мероприятия в отношении несовершеннолетних преступников и профилактирующих детскую преступность, осуществляющие защиту прав семьи и ребенка.

При правовом анализе феномена «ювенальная юстиция», необходимо остановиться на нескольких положениях: ювенальная юстиция – система государственных органов, чья деятельность направлена на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, среди которых ведущее место занимают ювенальные суды; в ювенальной юстиции наличествуют специфические принципы, на которых основываются судебные органы при осуществлении уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних; наличествует специфический механизм, посредством которого государственные орга-

ны осуществляют защиту прав ребенка; а так же обязательно взаимодействие судебных органов с различными социальными службами помощи детям и подростка [5].

Относительно применения догм и норм ювенальной юстиции, применяемых в Европейских странах в Российском законодательстве, мнения правоведов разделились, некоторые из них выступают за полное внедрение в Российское законодательство норм, применяемых во Франции и Германии, другие же напротив считают, что это принесет вред. В нашей стране есть элементы ювенальной юстиции такие как: органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, психологические службы в дошкольных и средних учебных заведениях (в том числе медиация [2]), различные колонии для несовершеннолетних, которые вместе с судами являются неотъемлемой частью системы ювенальной юстиции и именно эти элементы необходимо совершенствовать, а не создавать новые органы затрачивая финансы, время и человеческие ресурсы. Например, А. С. Козырев, бывший уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге и М. Каневская, директор Ресурсного правозащитного центра, член Правозащитного совета Петербурга, высказывались о плюсах и минусах ювенальной юстиции. К отрицательным последствиям введения данного института было отнесено не соответствие самой идеи и положений данного правового

го института Российскому менталитету, к таковым были отнесены: принижающая роль родителей и других взрослых в окружении детей и подростков, поскольку каждый из них может пожаловаться на неправильное, по их мнению, поведение вышеуказанных. Пострадает институт семьи; появится возможность изымать ребенка из семьи и передачи его в приемную с назначением опекуна чужим людям. Безусловно, ювенальная юстиция все же имеет и свои положительные черты. А. С. Козырев предложил искать компромисс и находить положительное решение спорных вопросов. Возможность более глубокого и всестороннего изучения опыта других стран, важна, поскольку в них данный правовой институт существует уже достаточно давно. Необходимо применение в нашей стране только тех положений и действий, которые позволят пройти по своему индивидуальному курсу и осуществить правовую защиту не только несовершеннолетних, но и их семей; создать не репрессивную систему, а наоборот больше возможностей для исправления подростков без применения тяжелых наказаний травмирующих психику детей; создание рабочих мест и центров для реабилитации молодых правонарушителей.[4, с. 24].

Высказывались так же предложения о создании «Ювенального кодекса России» и специального федерального закона «Основы ювенальной юстиции в Российской Федерации» [1].

Изучив некоторые правовые системы различных государств, можно прийти к выводу, что существуют атрибуты успешных систем в области ювенальной юстиции, к ним можно отнести:

1. Национальное законодательство, регулирующее и предписывающее особый режим для несовершеннолетних с конкретным указанием возраста, в котором они несут уголовную ответственность за преступления, и верхнего предела, с которого им предъявляются обвинения как взрослым.

2. Диверсионные программы на уровне общин, которые являются специфическими и предназначены для работы с «молодежью из группы риска» вместо того, чтобы предъявлять им обвинения в судебной системе по делам несовершеннолетних, исходя из предположения, что несовершеннолетние могут быть правонарушителями «с ограничением подросткового возраста», проходящими стадию взросления.

3. Специализированные суды, предназначенные только для детей и несовершеннолетних, включая процессуальные гарантии, которые отличают судебные процессы по делам несовершеннолетних от уголовных процессов для взрослых, чтобы свести к минимуму стигматизацию и обеспечить учет потребностей в области развития и восстановительной практики.

4. Широкий охват юридическое обслуживание детей и подростков, защита детей, в том числе и детей-жертв насилия в семье, защите личных поручителей, детей, пострадавших от напряженных разводов, что ставит их под угрозу, назначение опекунов, детей которые находятся «за пределами родительского контроля».

5. Отделение несовершеннолетних, совершающих преступления, от детей, ставших жертвами насилия, жестокого обращения или безнадзорных; предоставление специальных, не стимулирующих судов и лечения детям, которые подвергаются насилию, пренебрежению, отвержению и страдают от последствий взрослой преступности, разорванных отношений и патологии.

6. Целостное и комплексное междисциплинарное лечение правонарушителей, включая семейную терапию, лечение психологами, социальными работниками, консультантами, юристами, медицинскую/психиатрическую помощь по вопросам психического здоровья и медикаментозное лечение, специалистов по вмешательству в жизнь общества и сотрудников судебных органов. Разработка и разработка «планов лечения» на основе «инструментов оценки рисков».

На наш взгляд Статья 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, уже не требует изменения, а должна быть удалена из кодекса и создана новая с учетом, вышеуказанных изменений и в новом «Ювенальном кодексе». Данный кодекс создаст условия для персонифицированного, индивидуального

подхода к расследованию преступлений с участием несовершеннолетних, особенности поддержки несовершеннолетних, социальную работу с ними и законными представителями, объединит в себе все прогрессивные идеи ювенальной юстиции других стран, гармонизирует в себе различные Российские законодательные акты в отношении несовершеннолетних и даст возможность четко сформулировать права и обязанности участников вовлеченных в работу с несовершеннолетними. Предлагаем ввести и четко прописать права и обязанности нового участника уголовного процесса - следователя по делам несовершеннолетних с названием статьи 38.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Следователь по делам несовершеннолетних», потому как данные лица, должны иметь опыт работы с несовершеннолетними и большой стаж расследования преступлений, иметь юридическое и педагогическое образование. Такая узкая специализация следователей позволит качественно, быстро и квалифицированно расследовать уголовные дела вышеуказанной категории. С целью исключения вероятности ошибки в трактовке обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73, ст. 421 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) предлагается разработка и применение комплексной методики определения, состоящей из трех подходов: личностный (с учетом индивидуальных особенностей несовершеннолетнего), концептуальный (определения терминов обстоятельств, подлежащих установлению закреплены на законодательном уровне), функциональный (учитывает изменения поведенческих особенностей до и после совершения правонарушения подозреваемым). По аналогии применения судами Великобритании и США методик при определении стоимости морального вреда. Считаем необходимым привлечение к процессу рассмотрения уголовных дел с участием несовершеннолетних граждан специалистов (экспертов) с высшим медицинским образованием и опытом работы по профилю, который разграничит патологию и индивидуальные особенности личности. Каждый случай имеет индивидуальные особенности, поэтому привлечение специалистов-экспертов в области психиатрии целесообразно как для диагностики состояния подозреваемого (обвиняемого), так и для оценки состояния потерпевшего и свидетелей, если последние являются лицами, относимыми к возрастной категории несовершеннолетних.

Пристатейный библиографический список

1. Громова Л. Антиювенальный ликбез: Общая картина введения ювенальной юстиции в России // Русская линия. - 2010. - 29 июня. - С. 35.
2. Игбаева Г. Р., Шакирова З. Р. Досудебные неюрисдикционные процедуры урегулирования споров и медиация // Евразийский юридический журнал. - 2015. - № 1 (180). - С. 185-186.
3. Фомин В. В., Зарипов З. С. Организация работы по предупреждению и раскрытию преступлений среди несовершеннолетних: Учебно-практическое пособие. - Рязань: Академия ФСИН России, 2011. - 24 с.
4. Фомин В. В., Зарипов З. С. Организация работы по предупреждению и раскрытию преступлений среди несовершеннолетних: Учебно-практическое пособие. Р-язань: Академия ФСИН России. - 2011.
5. Шабалова В. В., Рысаев Ф. Б. Проблемы ювенальной юстиции в Российской Федерации // Юриспруденция: вопросы Российского международного права. - 2015. - № 5. - С. 140-145.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-268-271

БИЛЯЕВ Владимир Александрович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

КЛИМОВСКИЙ Антон Сергеевич

преподаватель кафедры специальных дисциплин факультета профессиональной подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ЮЗЬВАК Сергей Анатольевич

преподаватель кафедры специальных дисциплин Факультета профессиональной подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ О РЕЗУЛЬТАТАХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье рассмотрены правовые проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве процессуальных доказательств по уголовным делам. Авторы констатируют пробел законодательного закрепления и правового регулирования общих алгоритмов познавательных действий, составляющих содержание оперативно-розыскных мероприятий. Это, как отмечается авторами статьи, препятствует полноценной реализации основополагающего принципа законности в уголовном судопроизводстве вследствие невозможности полноценной проверки и оценки правоприменителем доказательств-результатов оперативно розыскной деятельности, не имеющих своего «законодательного эталона». Формулируется общий вывод о необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве положений, определяющих понятие и содержание результатов оперативно-розыскной деятельности как доказательств по уголовным делам.

Ключевые слова: законодательное закрепление, результаты оперативно-розыскной деятельности, доказательства, оперативно-розыскные мероприятия.

BILYAEV Vladimir Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Criminal process law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

KLIMOVSKIY Anton Sergeevich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Faculty of Professional Training of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

YUZVAK Sergey Anatoljevich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Faculty of Professional Training of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ABOUT THE NECESSITY OF THE LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF THE PROVISIONS ON THE RESULTS OF THE OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES AS THE PROCEDURAL EVIDENCE IN THE CRIMINAL CASES

The article discusses the legal problems of using the results of the criminal intelligence as the procedural evidence in the criminal cases. The authors state the gap in the legislative consolidation and the legal regulation of the general algorithms of the cognitive actions that make up the content of the law enforcement intelligence operations. This point (as noted by the authors of the article) prevents the full implementation of the fundamental principle of the legality in the criminal proceedings due to the impossibility of the full-fledged verification and evaluation by the law enforcement officer of the evidence-the results of the criminal intelligence that do not have their own "legislative standard". The general conclusion is formulated about the necessity to consolidate in the criminal procedure legislation the provisions defining the concept and the content of the results of the operational investigative activities as the evidence in the criminal cases.

Keywords: the legislative consolidation, the results of the criminal intelligence, the evidence, the law enforcement intelligence operations.

Биляев В. А.

Климовский А. С.

Юзьвак С. А.

Доказывание по уголовным делам является процессом деятельности уполномоченных законом участников уголовного судопроизводства по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях разрешения судом уголовно-правового спора, а также принятия необходимых для этого процессуальных решений. Процесс доказывания регламентирован положениями уголовно-процессуального закона, который содержит нормы, закрепляющие соответствующие полномочия субъектов доказывания, в частности полномочия государственно-властных субъектов, на которых законом возложена обязанность собирания доказательств по уголовным делам. В соответствии с требованиями ст. 7 УПК РФ следователь и дознаватель, являющиеся субъектами, уполномоченными, в целях собирания доказательств, производить следственные и иные процессуальные действия не вправе при этом руководствоваться положениями законов, противоречащих УПК РФ. Нарушение этого требования, а также норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих условия и порядок собирания доказательств, влечет недопустимость, полученных в результате таких действий, сведений в качестве доказательств.

Исходя из положений ст. 89 УПК РФ, результаты оперативно-розыскной деятельности, если они соответствуют требованиям, предъявляемым в УПК РФ к доказательствам, могут использоваться в процессе доказывания. Уголовно-процессуальный закон, таким образом, относит результаты ОРД к одному из видов судебных доказательств, допускаемых в уголовном процессе. Вместе с тем материалы следственной и судебной практик свидетельствуют о широком применении такой допускаемой законом возможности. Также по отдельным категориям уголовных дел, в частности, по делам о взяточничестве, по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических веществ, результаты ОРД в подавляющем большинстве случаев служат ключевыми доказательствами, подтверждающими обстоятельства события преступления и виновности лица в его совершении.

Однако, как ранее уже отмечал автор в одной из своих публикаций, собирание (поиск, обнаружение и фиксация) и представление доказательств, являющихся результатами ОРД пребывают вне сферы правового регулирования уголовно-процессуальным законом [1]. Такое законодательное состояние объективно препятствует полноценной реализации основополагающего принципа законности в уголовном судопроизводстве и свидетельствует о системном правовом пробеле в области правового регулирования доказательственной уголовно-процессуальной деятельности.

Восполнение этого пробела является важнейшей задачей уголовно-процессуальной науки. Одним из первоочередных направлений для ее решения представляется обоснование необходимости законодательного закрепления положений о результатах оперативно-розыскной деятельности как доказательств по уголовным делам, в чем и состоит цель настоящей статьи.

Различные проблемные аспекты, посвященные сущности и взаимосвязи ОРД и уголовного процесса рассматривались в работах В. Н. Зайковского, В. И. Шиканова, Ю. В. Корневского, М. Н. Токарева, Е. А. Доля, Ю. В. Астафьева, В. А. Семенцова, Н. В. Изотова, С. Б. Росинский, В. Б. Рушайло, С. А. Шейфер и других ученые [2], [10], [11], [12], [13], [14]. Однако вопросы законодательного закрепления положений о результатах оперативно-розыскной деятельности как доказательств по уголовным делам подробно не освещался в ра-

ботах современных авторов, что, с учетом очевидной проблемы достаточности правовых оснований для использования результатов ОРД в качестве процессуальных доказательств, свидетельствует о необходимости его более углубленного изучения.

Раскрытие теоретической сущности доказательств-результатов ОРД имеет прямое отношение и, в определенном смысле, предваряет решение многих актуальных проблем современной правоприменительной практики, связанных с вопросами законности и допустимости использования результатов ОРД в уголовно процессуальном доказывании, о чем в науке до сих пор так и не выработано единого мнения. В уголовно-процессуальной литературе в различное время высказывались порой полярные мнения о допустимости доказательств-результатов ОРД. Так, например, проф. Б. Т. Безлепкин поддерживал судебную практику о признании сведений, полученных в результате ОРД недопустимыми доказательствами. Свое мнение он аргументировал исходя, главным образом, из того, что сведения, являющиеся результатами ОРД, порождают неустранимые сомнения в своей достоверности [3]. Как отмечает И. Л. Петрухин, сами по себе сведения, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий (оперативные данные), не могут являться доказательствами. При этом доказательствами будут являться только полученные на основе или с помощью оперативных данных сведения, заключенные в процессуальную форму [4]. В. А. Лазарева, рассматривая данную проблему, справедливо указывает на различный характер как оперативно-розыскных мероприятий, так и их результатов, отдельные из которых могут иметь процессуальное применение, а иные нет [5]. По нашему же мнению, суждения и последующие выводы о допустимости или недопустимости результатов ОРД в качестве доказательств по уголовным делам возможны только в условиях полноценного законодательного закрепления и правового регулирования вопросов происхождения, формы и содержания, а также порядка использования таких результатов в уголовном процессе. Такая возможность, в свою очередь, обусловлена наличием необходимых для этого нормативных правовых предпосылок.

Анализ законодательных и других норм, содержащих положения о результатах ОРД и их использовании (применении) в уголовном процессе, позволяет обозначить в данном контексте два уровня правового регулирования – законодательный и подзаконный, особенности которых, для понимания наиболее спорного – правового аспекта проблемы, требуют более детального рассмотрения.

На законодательном уровне понятие результатов ОРД и положения о возможности их использовании в уголовном процессе закреплены в УПК РФ (п. 36-1 ст. 5; ст. 89), а также нормах Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Пункт 36-1 статьи 5 УПК РФ, который изложен бланкетным способом, представляет норму-дефиницию, содержащую неоправданно широкое определение понятия результатов ОРД как сведений, полученных в соответствии с ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, а также о лицах причастных к преступной деятельности. Главным образом, именно поэтому, данная дефиниция совершенно бесполезна в качестве правового регулятора, не имея, какого бы то ни было, практического значения для ее использования в уголовно-процессуальной деятельно-

сти субъектов, осуществляющих доказывание. Она, хоть и раскрывает их общее содержание, однако не дает ответа на ключевую для уголовно-процессуальной сферы вопрос: что же должны представлять собой результаты ОРД, по своему содержанию и форме, применительно к возможности их использования в качестве судебных доказательств?

При всем этом для нас является также очевидным, что, если исходить из критериев социально полезного функционального понимания правовой нормы, определяющей понятие результатов ОРД в уголовном процессе, как нормы-инструментального средства реализации назначения уголовного судопроизводства, то законодательное определение рассматриваемого понятия (результаты ОРД) должно раскрывать и характеризовать их формальные и содержательные свойства с точки зрения требований, предъявляемых законом к доказательствам (ст. 89 УПК РФ).

Еще более «проблемной» в качестве регулятора процесса доказывания представляется статья 89 УПК РФ. Так, подвергая обоснованной критике положения этой нормы С. А. Шейфер указывает на их неприменимость «поскольку результаты ОРД изначально не отвечают требованиям предъявляемым к доказательствам» [6]. Как далее отмечает ученый, исходя из статьи 89 УПК РФ «следует, что в своем первоначальном виде результаты ОРД доказательствами считаться не могут» [6].

Е. А. Доля в заключительной части своей монографии «Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности» обращает внимание на запретительный, для использования в процессе доказывания результатов ОРД, характер статьи 89 УПК РФ, резюмируя, что данная норма «фактически блокирует саму возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в указанных целях, поскольку, ... результаты оперативно-розыскной деятельности в принципе не могут отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам в уголовном процессе» [7].

Как видим, с одной стороны, законодатель предусмотрел возможность использования результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании (больше, все же, напоминаящую завуалированный запрет), однако с другой – не закрепил в УПК, как едином регуляторе доказательственных правоотношений, специальных положений, которые: - в-первых, позволяли бы рассматривать определенные сведения, полученные в соответствии с ФЗ «Об ОРД», в качестве процессуальных доказательств; - во-вторых устанавливали бы основания, условия и порядок собирания (формирования) таких, в своем роде, уникальных доказательств.

Если исходить из положений ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон), на который содержится отсылка в п. 36-1 ст. 5 УПК РФ, то сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления и т.д., могут быть получены исключительно в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, исчерпывающий перечень которых содержится в статье 6 Закона. К ним относятся: опрос наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедре-

ние, контролируемая поставка, оперативный эксперимент и получение компьютерной информации.

Все вышеперечисленные оперативно-розыскные мероприятия представляют собой разновидность познавательных действий (операции), осуществляемых субъектами ОРД для решения задач, сформулированных в статье 2-й Закона. В своем большинстве такие действия имеют свой процессуальный аналог в виде следственных действий, подробно регламентированных в УПК. Однако Закон не раскрывает понятие и содержание каждого из ОРМ в отдельности, исходя из чего судить о правомерности таких действий, не имеющих законодательного закрепления, не представляется возможным. Не имея доступа к составляющим государственную тайну ведомственным нормативным источникам, в которых раскрывается содержание оперативно-розыскных мероприятий, сложно сформировать даже самые общие представления о таких мероприятиях и их результатах. Поэтому вопрос о том, какие именно действия, формирующие результаты ОРД, следует считать оперативно-розыскными мероприятиями, из тех, которые перечислены в ст. 6 Закона, так и остается открытым. Ведь цели, содержание и общий алгоритм осуществления таких действий в самом Законе не прописаны. Не содержат такой информации в другие законодательные и общедоступные нормативные источники. Все это дает основания для формирования произвольных, с отсутствием единого подхода, представлений, как об оперативно-розыскных мероприятиях, так и об их результатах, по той простой формуле, в соответствии с которой незнание сущности определенных действий ведет, в итоге, к непониманию связи таких действий с их результатами, происхождение которых остается невыясненным. Сказанное позволяет заключить, что нормативное определение понятия результатов ОРД, которое необходимо, для оценки возможности их использования в доказывании, в Российском законодательстве отсутствует.

Таким образом, для того чтобы понимать порядок возникновения (формирования результатов ОРД), т.е. иметь правильные представления о том, в результате какого нормативно закрепленного общего алгоритма познавательных действий возникают сведения-результаты в рамках того или иного оперативно-розыскного мероприятия, правоприменитель должен обратиться не к Закону «Об ОРД», совершенно бесполезная отсылка к которому содержится в п. 36-1, а к ведомственным инструкциям, содержащим сведения, составляющие государственную тайну.

В свою очередь, отсутствие нормативной законодательной легализации оперативно-розыскных мероприятий, как было ранее доказано автором в одной из публикаций, уж никак не может быть оправдано необходимостью защиты государственной тайны [8]. С правовой же точки зрения, такой подход представляется скорее ущербным, вследствие отсутствия нормативного закрепления необходимых для правоприменения понятий сводя их в ранг внеправовых категорий.

Однако такая «пессимистическая картина» имеет и ряд контраргументов, основанных на тезисе о достаточности регламентации вопросов, связанных с использованием результатов ОРД в доказывании с помощью подзаконных нормативных актов, задачей которых является развитие и детализация соответствующих положений уголовно-процессуального закона. Речь, в данном случае идет об инструкции «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (далее – Инструкция), утвержденной совместным

приказом уполномоченных представлять и использовать такие результаты министерств и ведомств [9]. Инструкция, как, в частности, следует из ее пунктов № 1 и 4, определяет порядок представления оперативными подразделениями результатов ОРД, которые могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями УПК РФ органу дознания, следователю или в суд. При определении понятия результатов ОРД Инструкция отсылает читателя к УПК, которая, как уже отмечалось нами, содержит в свою очередь общую размытую отсылку на ФЗ «Об ОРД», положения которого порядок происхождения и понятие результатов ОРД с точки зрения их формы и содержания не раскрывают.

Кроме того, ряд оперативно-розыскных мероприятий, временно ограничивающих охраняемые Конституцией РФ права граждан, подлежат судебному контролю путем их судебного санкционирования. Суд оценивает обоснованность временного ограничения конституционных прав граждан до осуществления оперативно-розыскных познавательных действий. В то же время отсутствие законодательного закрепления общего порядка (алгоритма) таких действий при оценке законности и обоснованности их осуществления должно ставить правоприменителя в тупик, ведь какими правовыми нормами при этом должен руководствоваться судья – секретной инструкцией? При этом логично заключить, что, рассматривая ходатайства о проведении ОРМ, временно ограничивающие конституционные права граждан, судьи руководствуются положениями УПК, в которых закреплены процессуальные аналоги таких ОРМ. Такая ситуация является дополнительным аргументом для закрепления содержания познавательных действий, входящих в понятие оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-процессуальном законе.

Пристатейный библиографический список

1. Биляев В. А. О необходимости законодательного закрепления процессуального статуса оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве России (правовой аспект) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. – 2017. – № 4. Т. 3 (69). – (Серия: Юридические науки). – С. 223-233.
2. Зайковский В. Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в ходе доказывания по уголовному делу: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 1996.
3. Безлепкин Б. Т. Проблемы уголовно-процессуального доказывания // Сов. Государство и право. – 1991. – № 8. – С. 219-220.
4. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России: в 2 ч. Ч. 2. – М.: Прогресс, 2004. – С. 168.
5. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 359 с.
6. Шейфер С. А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – С. 46.
7. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. – М.: Проспект, 2009. – 282 с.
8. Биляев В. А. О некоторых факторах, препятствующих отнесению результатов оперативно-розыскной деятельности к категории судебных доказательств // Сборник научных статей по итогам Четвертого Севастопольского юридического форума, прошедшего 22-23 сентября 2021 г. на базе Юридического института Севастопольского государственного университета / Отв. ред. С. А. Васильев. – М.: Центр каталог, 2022. – С. 214-217.
9. Приказ МВД РФ, МО РФ, ФСБ РФ и др. от 27.09.2013 г. N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629/
10. Шиканов В. И. Об использовании в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности. – Иркутск, 1998.
11. Корневский Ю. В., Токарева М. Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. – М., 2000.
12. Доля Е. А. О доказательствах, доказывании и использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности по УПК РФ: Науч.-практ конф. // Государство и право. – 2002. – № 10.
13. Астафьев Ю. В., Изотова Н. В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия. – Курск, 2002.
14. Основы оперативно-розыскной деятельности: учеб. [для юрид. вузов] / Под ред. В. Б. Рушайло. – Изд. 3-е, стереотип. – СПб.: Лань, 2001. – 720 с.

ДНЕПРОВСКАЯ Марина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета

АБРАМИТОВ Сергей Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории права, конституционного и административного права Иркутского национального исследовательского технического университета

ВОРОЖНИН Анатолий Геннадьевич

помощник судьи Иркутского областного суда, советник юстиции 3 класса

ПРИМЕНЕНИЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Авторы анализируют проблемы правового регулирования применения такой меры пресечения как запрет определенных действий. Отмечается, что такая мера пресечения восполнила дефицит мер пресечения, не связанных с полной изоляцией от общества, и вместе с тем не стала альтернативой избранию заключения под стражу. Делается вывод о том, что указанная мера пресечения, вызывает противоречие в правовом регулировании, влекущим возможность избрания нескольких мер пресечения одновременно, что недопустимо. В этой связи необходимо пересмотреть правовую регламентацию запрета определенных действий и вывести его из перечня мер пресечения, позволяя следователю или суду, наряду с избранием какой-либо меры пресечения, налагать соответствующие запреты совершать определенные действия. Также представляется возможным расширить перечень действий, на совершение которых будет наложен запрет.

Ключевые слова: запрет определенных действий, меры пресечения, уголовный процесс, правовое регулирование.

DNEPROVSKAYA Marina Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Jurisprudence sub-faculty of the Irkutsk National Research Technical University

ABRAMITOV Sergey Anatoljevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, associate professor of Theory of law, constitutional and administrative law sub-faculty of the Irkutsk National Research Technical University

VOROZHNIKIN Anatoliy Gennadjevich

assistant judge of the Irkutsk Regional Court, adviser of justice of the 3rd class

APPLICATION OF THE PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS AS A PREVENTIVE MEASURE: SOME THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

The authors analyze the problems of legal regulation of the application of such a measure of restraint as the prohibition of certain actions. It is noted that such a preventive measure made up for the lack of preventive measures not related to complete isolation from society, and at the same time did not become an alternative to choosing detention. It is concluded that the specified preventive measure causes a contradiction in legal regulation, entailing the possibility of choosing several preventive measures at the same time, which is unacceptable. In this regard, it is necessary to revise the legal regulation of the prohibition of certain actions and remove it from the list of preventive measures, allowing the investigator or the court, along with the selection of any preventive measure, to impose appropriate prohibitions on certain actions. It is also possible to expand the list of actions that will be banned.

Keywords: prohibition of certain actions, preventive measures, criminal process, legal regulation.

На практике довольно часто возникают ситуации, когда отсутствует необходимость в применении мер пресечения, связанных с лишением свободы. Однако сохраняется потребность в особом контроле над действиями подозреваемого или обвиняемого. При этом действующие меры пресечения, не связанные с лишением свободы, работают неэффективно. В связи с этим перед следователем, дознавателем, судом встает задача применения такой меры пресечения, которая обеспечивала бы проведение объективного расследования по уголовному делу и была бы адекватна как тяжести содеянного, так и личности человека, совершившего противоправное деяние. Все усилия направлены на то, чтобы не допускать избрания несоразмерных мер пресечения, как неоправданно мягких, так и чрезмерно жестких, излишне ограничивающих

права и свободы обвиняемого или подозреваемого. В этой связи необходимы иные, альтернативные заключению под стражу, меры пресечения. Вопрос дефицита иных мер пресечения в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отчасти был снят дополнением и появлением новой меры пресечения – запрета определенных действий. Такие изменения вызвали бурные дискуссии среди ученых-процессуалистов и практиков [6, с. 133].

Рассмотрим некоторые проблемы, связанные с избранием данной меры пресечения.

Возможность применения такой меры пресечения как запрет определенных действий представляет собой как некоторая альтернатива выбора в качестве меры пресечения заключения под стражу и домашнего ареста, когда подозре-

ваемый или обвиняемый подвергается только конкретным ограничениям без существенной утраты общественных связей.

Исследователи отмечают, что указанная мера пресечения в настоящее время не очень активно применяется в российской практике, при этом наблюдается увеличение количества применения данной меры пресечения [3, с. 116–117]. Так, Н. А. Симагина указывает, что при введении запрета определенных действий рассчитывалось снизить нагрузку на следственные изоляторы, снизить финансовые издержки на содержание обвиняемых в их условиях, а также снизить денежные суммы, выплачиваемые лицам, которые были незаконно привлечены к уголовной ответственности и осуждены к отбытию реального срока наказания [4, с. 42]. Возможно, более частое применение «привычных» мер пресечения, таких как, подписка о невыезде, домашний арест и содержание под стражей, в отличие от запрета определенных действий, связано с наличием наработанной практики, с которой не возникает проблем у суда и следствия.

Запрет определенных действий, как и любая другая мера пресечения, может быть применен в течение всего производства по уголовному делу. Исчерпывающий перечень запретов содержится в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ¹ (далее – УПК РФ). Указанный перечень закреплен в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ и включает в себя: запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором подозреваемый или обвиняемый проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях; запрет находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; запрет общаться с определенными лицами; запрет отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; запрет использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»; запрет управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Указанные запреты судебный орган имеет право возложить на обвиняемого или подозреваемого, в отношении которого он избрал меру пресечения в виде залога или домашнего ареста. После введения запрета определенных действий появились вопросы, касающиеся его применения, поскольку он обладает сходными чертами с домашним арестом (ст. 107 УПК РФ) и упоминается при избрании залога (ч. 8.1 ст. 106 УПК РФ). Предполагается, что, данная мера пресечения может применяться как самостоятельно, так и одновременно с домашним арестом или залогом, при этом в зависимости от меры пресечения может использоваться либо полный набор запретов, либо некоторые из них.

Вместе с тем, отметим, что возможность комбинированного применения мер пресечения, т. е. сочетания домашнего ареста или залога и запрета определенных действий, не согласуется с принципом альтернативности, когда избирается только одна мера пресечения, поскольку каждая из мер назначается при наличии конкретных обстоятельств для ее

применения. На возможность избрания только одной меры пресечения указывают положения ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Интересной представляется позиция Г. Б. Филатова, в соответствии с которой применение одной меры пресечения часто бывает недостаточно для обеспечения надлежащего поведения обвиняемого или подозреваемого, либо пресечения неправомерных действий со стороны указанных лиц [5, с. 113–114].

Представляется, что комплексное применение запрета определенных действий с другими мерами пресечения в ряде случаев способствует эффективному применению средств уголовно-процессуального принуждения в отношении лиц, которым избрана соответствующая мера пресечения. Применение мер пресечения, за исключением заключения под стражу, в сочетании с отдельными запретами в отношении конкретного обвиняемого или подозреваемого исходя из тяжести содеянного, его личности, обстоятельств совершенного преступления и других обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, свидетельствует об индивидуализации подхода при избрании меры пресечения.

Л. В. Брусницын также указывает на возможность соединения любого из предусмотренных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запретов с другими мерами пресечения, в частности, с подпиской о невыезде или с присмотром за несовершеннолетним, отмечая, что такое «соединение» позволит использовать набор правоограничений, в максимальной степени обеспечивающий надлежащее поведение обвиняемого [2, с. 82].

Дискуссионен вопрос о количестве налагаемых запретов на подозреваемого или обвиняемого, а также в целом о видах запретов и их реализации.

Сложность возникает в реализации запрета на управление транспортным средством. Данный запрет целесообразно будет использовать при расследовании дел о нарушении правил дорожного движения, что в дальнейшем будет пресекать действия лица на совершение новых преступлений. Определенного порядка по контролю указанного запрета, ещё не установлено. Механизм указанного запрета можно установить в том, что следователь с соответствующего судебного постановления может изымать все имеющиеся ключи от автомобиля, а также документы, подтверждающие право собственности и наличие права на его управление на период всего производства по уголовному делу. Эти меры полностью исключают доступ к транспортному средству и, как следствие, будут предупреждать совершение новых преступлений.

До сих пор недостаточно ясен вопрос, как уголовно-исполнительным инспекциям эффективно осуществлять контроль за соблюдением подозреваемыми или обвиняемыми запретов и ограничений в условиях доступной мобильной телефонной связи и доступа к сети «Интернет».

Может ли быть признан эффективным запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ в рамках рассматриваемой меры пресечения? Ведь необходимо осуществлять контроль, а в рамках применяемого запрета сотрудники инспекции не имеют возможности проверки обвиняемого или подозреваемого в ночное время суток. Кроме того, в условиях «мягкой» изоляции подконтрольное лицо имеет достаточно времени для уничтожения следов преступления, оказания воздействия на свидетелей и может скрыться. Таким образом, основания, предусмотренные ч. 1

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

ст. 97 УПК РФ при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, не могут выступать аргументом для такой «мягкой изоляции». Представляется, что запрет на выход из жилого помещения достаточно эффективен и обоснован для строгой меры пресечения в виде домашнего ареста, подконтролен и апробирован в рамках налагающихся запретов в конкретном месте исполнения. Судами также применяются запреты, предусмотренные п.п. 2-6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ самостоятельно, что указывает на то, что мера пресечения в виде запрета определенных действий действительно достаточна и не предусматривает под собой лишение свободы лица. Однако и наложенный запрет на общение с определенными лицами ставит под собой вопрос об осуществлении контроля, так как сотрудники уголовно-исполнительных инспекций не осведомлены о месте жительства потерпевших, а также о процессуальном статусе лиц, с которым обвиняемый по уголовному делу потенциально может вступать в общение.

Можно привести точки зрения исследователей, которые положительно оценивают новую меру пресечения и предлагают добавить запреты. Так, И. П. Бондаренко считает возможным предложить дополнить ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ путем внесения новых, не предусмотренных указанной нормой запретов, сформулировав их следующим образом: «употреблять алкоголь, наркотические и другие одурманивающие вещества, играть в азартные игры, совершать иные провоцирующие девиантное поведение действия» [1, с. 29].

Процессуальным основанием для применения запрета на определенные действия в отношении подозреваемого или обвиняемого является решение суда. Кроме того, наложенные ограничения должны быть указаны в ходатайстве следователя или дознавателя перед судом, и суд, помимо удовлетворения или отказа в удовлетворении ходатайства, может наложить дополнительные запреты в отношении подозреваемого или обвиняемого. В то же время суд не вправе удовлетворить ходатайство частично, что является серьезным недостатком, затрудняющим применение данной меры пресечения.

Таким образом, представляется сделать следующие выводы. Во-первых, новая мера пресечения расширила перечень существующих мер пресечения, при этом расширила перечень тех мер, которые избираются по решению суда. Во-вторых, ее появление и неоднозначность правовой регламентации способствуют применению в комбинации с другими мерами пресечения, однако по действующему УПК РФ, это недопустимо. В-третьих, следует ограничивать запрет определенных действий как меру пресечения и запреты совершать определенные действия, которые налагаются в рамках других мер пресечения, что, в свою очередь, приводит к путанице и сложности их реализации, поскольку ряд запретов, присущих «новой» мере пресечения схожи, дублируются и возможны к применению в других мерах пресечения. В-пятых, появился новый запрет – запрет на управление транспортным средством, и данный перечень запретов можно расширить. В-шестых, контроль над действиями лица, которому запрещено совершать определенные действия, трудно реализуем. В-седьмых, в части совершенствования правовой регламентации запрета определенных действий представляется возможным вывести его из перечня мер пресечения и создать единый перечень определенных действий,

которые могут быть дополнительно применены к избираемой мере пресечения.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко И. П. Особенности применения комбинированных мер пресечения в контексте внедрения в уголовный процесс запрета определенных действий // Российский следователь. – 2021. – № 1. – С. 26-30.
2. Брусницын А. В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения и вне этой системы // Государство и право. – 2021. – № 1. – С. 81-88.
3. Гребнева Н. Н. Запрет определенных действий: теоретические и практические аспекты // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2021. – № 4 (50). – С. 116-119.
4. Симагина Н. А. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий // Адвокатская практика. – 2020. – № 3. – С. 42-46.
5. Филатов Г. Б. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 7 (199). – С. 113-116.
6. Цветкова Е. В., Симагина Н. А. К вопросу о введении новой меры пресечения в виде запрета определенных действий // Современное право. – 2019. – № 7-8. – С. 133-137.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

В последние годы беспилотные летательные аппараты набирают огромную популярность в нашем обществе. В данной статье рассматриваются основные вопросы, связанные с использованием беспилотных летательных аппаратов. Также, необходимо подчеркнуть, что беспилотные летательные аппараты позволяют оперативно и эффективно решать многие практические задачи. Но бесконтрольное массовое применение беспилотных летательных аппаратов влечет за собой проблемы безопасности полетов авиации в условиях несанкционированного использования беспилотных летательных аппаратов.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, дрон, беспилотник, БПЛА, применение, полет.

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

FEATURES OF THE USE AND DEVELOPMENT OF UNMANNED AERIAL VEHICLES

In recent years, unmanned aerial vehicles have been gaining huge popularity in our society. This article discusses the main issues related to the use of unmanned aerial vehicles. Also, it should be emphasized that unmanned aerial vehicles can quickly and effectively solve many practical tasks. But the uncontrolled mass use of unmanned aerial vehicles entails problems of aviation safety in the conditions of unauthorized use of unmanned aerial vehicles.

Keywords: unmanned aerial vehicle, drone, drone, UAV, application, flight.

Одним из самых ярких технических прорывов в двадцать первом веке, несомненно, является беспилотный летательный аппарат, который обладает огромным потенциалом в дальнейшем развитии в сферах его использования. Наиболее важным рубежом развития аппаратов послужила информационно-техническая революция в 80-х годах двадцатого века. Сегодня развитие данной технологии меняет экономическую составляющую бизнес-модель, вследствие чего формируется совершенно новые условия в различных направлениях деятельности.

В основном беспилотные летательные аппараты применяются в сферах бизнеса, которым необходима мобильность в труднодоступные участки и обеспечения качественной передачи информации. Уже в период ИТ-революции в Японии начали применять первые коммерческие беспилотные летательные аппараты для нанесения пестицидов на рисовые плантации. В дальнейшем по всему миру начали находить актуальное применения квадрокоптерам их и по сей день применяют в сфере безопасности, строительстве, сельском хозяйстве, теле- и видео вещании и развлечениях. Рынок беспилотных летательных аппаратов не стоит на месте, ведь каждая отрасль экономики и народного хозяйства находится в определенной динамике. При установке на коммерческий беспилотный летательный аппарат дополнительного оборудования он становится многозадачным, безопасным для жизни и здоровья людей, а также выполнение сложных задач становится экономически выгодным (техническое обслуживание и контроль фасадов многоэтажных зданий, туннелей, мостов).

Особое внимание необходимо обратить на сферу строительства. Именно в данной в сфере интересуют вопросы получения информации в режиме реального времени. Эффективность БПЛА весьма актуальна на этапе проектирования, так как значительно повышается и скорость, и качество проводимой работы в строительстве. При этом очевидным преимуществом БПЛА является их способность обрабатывать видеофайлы и фотографии высокого разрешения, используемые в дальнейшем для 3Dмоделирования объектов недвижимости.

Сегодня новые бизнес-проекты с применением дронов связаны с использованием дополнительного оборудования в виде 3D-принтера, который позволяет изготавливать детали непосредственно на площадке событий, первый полет 3D-принтера был осуществлен уже в 2014 году. Но все же наиболее устойчивым сектором остается применение беспилотных летательных аппаратов при покраске фасадов многоэтажных домов, мытье окон и иных высотных работ.

Использование коптеров несомненно открывает новые возможности в медицинской сфере, в первую очередь без них невозможно представить мобильную доставку лекарственных средств и приборов (дефибриллятор) первой необходимости на удаленную территорию или в очаг катастрофы. Нет сомнений, что перспективы БПЛА в сфере медицины огромны, ведь процент оказания своевременной и качественной помощью в удаленных населенных пунктах значительно увеличится.

Не обходит внимания применение дронов и средства массовой информации, на наш взгляд именно там ис-

Зорина Н. С.

пользование БПЛА получило наибольшее применение и распространение. Благодаря высококачественной фото- и видеофиксации зритель получает полномасштабную и впечатляющую картину событий, будь это новости, реклама или же полнометражный фильм. В новостном отделе компании ВВС, например, создано отделение для подготовки репортажей с места событий с помощью БПЛА, а компания National Geographic для съемок документального фильма о дикой природе в Африке также использовала беспилотные летательные аппараты [1]. В основном беспилотные летательные аппараты предназначены для безопасности человека и мобильности. Ведь пуск коптера в очаг стихийного бедствия с фото- видеофиксацией для понимания масштабов занимает меньше времени и сил, нежели полноценной съемочной группы.

Достаточно много можно говорить об разных сферах деятельности применения БПЛА, но хотелось бы остановиться на деятельности правоохранительных органов. Ведь применение квадрокоптеров в следственных действиях одно из значимых. Высказывания Е. С. Мазур и А. В. Шалакина, отмечавших, что «причинами, обуславливающими необходимость использования беспилотных летательных аппаратов в раскрытии и расследовании преступлений ... является возрастание не только социальной значимости борьбы с преступностью, но и значительное расширение научно-технических возможностей, предоставляемых учеными для борьбы с преступностью» [2].

Однозначно, стоит сказать, что в деятельности правоохранительных органов применение БПЛА еще недостаточно развит, их использование единично, хотя в последнее время наблюдается устойчивая тенденция роста. Успешное применение БПЛА органами правопорядка логично вытекает из Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции», где четко сказано, что полиция обязана в своей деятельности использовать достижения науки, техники и современных технологий [3].

Конечно, эффективный результат применения БПЛА зависит от грамотной организации и проведения беспилотного полета, что актуализирует вопрос о соответствующей подготовке кадров по ее эксплуатации и достаточного технического оснащения подразделений МВД подобными аппаратами.

Несомненно, стоит сказать, что БПЛА эффективно действуют при проведении следственных действий. Ведь перед беспилотниками стоит задача получить информацию об объекте, либо местности путем видеофиксации и аэрофото-съемки, где в последствии становятся значимыми доказательствами по уголовному делу. Преимущества в данном случае налицо, это и скорость получения информации, и оперативность, и своевременность, и полнота данных, и качество изображений. Благодаря БПЛА выполняется множество различных полезных функций, таких как: обнаружить следы и орудия преступления, средства совершения преступления; оперативность его применения способствует дальнейшему планированию этапов осмотра, объективной оценке и принятию решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий в более короткие сроки, что в целом повышает эффективность следственных действий. Однозначно, стоит отметить, что при помощи беспилотников правоохранительные органы смогут быстрее прийти к нужному результату.

Проведение массовых мероприятий один из примеров эффективного использования беспилотных летательных аппаратов, когда над толпой висит беспилотник с дополнительным оборудованием в виде фото- видеофиксацией, не

сложно будет анализируя запись понять кто вскрыл автомобиль или ограбил кого-то в толпе, производить облет водоемов или лесов на выявление браконьеров и незаконную вырубку леса. Также функция распознавания лиц при воздушном патрулировании городских улиц позволит вовремя обнаружить людей находящиеся в розыске. Экономически это намного выгоднее, чем привлекать автомобили с людьми и вертолеты, не говоря уже о безопасности данных мероприятий. Аппараты способны проводить в воздухе без подзарядки до 10 часов, в зависимости от дополнительного оборудования и конфигурации самого дрона.

Заметим так же, что развивающийся потенциал беспилотных летательных аппаратов сталкивается с проблемами не только техническими (микроэлектроника, новые материалы), но и юридические проблемы, связанные с регистрацией дрона и получением разрешения на полет в воздушном пространстве Российской Федерации. Имеется определенный алгоритм пуска беспилотного летательного аппарата в воздушное пространство, он достаточно многоступенчатый:

1. Не позднее 10 дней перед за планируемого полета обязательно нужно посетить Федеральную службу безопасности для получения разрешения. Получения данного разрешения не регламентировано никаким законом, но судя по практике полетов это не будет лишним, то же самое и с разрешением от местного самоуправления.

2. Обязательно нужно согласовать маршрут полета (согласовывать маршрут необходимо в местном здании аэропорта при предъявлении разрешений)

3. Необходимо отправить по средствам факсимильной связи в Главный центр Единой системы организации воздушного движения (ГЦ ЕС ОрВД) заполненное Представление, одобрение и номер временного режима от центра организации будет получен на следующий день.

4. Также за сутки до запуска надо обратиться (по электронной почте или факсу) с планом полета в Зональный центр (ЗЦ ЕС ОрВД) [4].

Пристатейный библиографический список

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wired.co.uk/news/archive/2014-02/12/bbc-drone-journalism> (дата обращения: 08.09.2022).
2. Мазур Е. С., Шалакин А. В. Современные технико-криминалистические средства, применяемые при проведении поисковых следственных действий // Правовые проблемы укрепления российской государственности: [сборник статей]. - Томск, 2017. - Ч. 74. - С. 146.
3. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О полиции». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/bb3098c990d972f6f2da87ea938a7d09f6fa0117/ (дата обращения: 08.09.2022)
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gkovd.ru/> (дата обращения: 08.08.2022).

ЛИФАНОВА Лилия Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

ГАУЖАЕВА Виктория Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

В статье рассматриваются некоторые процессуальные полномочия должностного лица по проверке сообщения о преступлении. Акцентируется внимание на некорректность отдельных законодательных формулировок при регламентации прав и обязанностей граждан, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений на этапе доследственного производства. Отмечается необходимость совершенствования норм УПК РФ, регламентирующих порядок проведения проверочных мероприятий, направленных на установление оснований для возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: доследственная проверка, информация о преступлении, поводы к возбуждению уголовного дела, следователь.

LIFANOVA Liliya Gennadjevna

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of MIA of Russia

GAUZHAEVA Viktoriya Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Special and technical training sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

INDIVIDUAL ISSUES OF THE ORGANIZATION OF THE VERIFICATION OF A CRIME REPORT

The article discusses some of the procedural powers of an official to verify a crime report. Attention is focused on the incorrectness of certain legislative formulations when regulating the rights and obligations of citizens involved in the sphere of criminal procedural relations at the stage of pre-investigation proceedings. It is noted that there is a need to improve the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regulating the procedure for conducting verification measures aimed at establishing the grounds for initiating a criminal case.

Keywords: pre-investigation check, information about the crime, reasons for initiating a criminal case, investigator.

Поводом для начала уголовно-процессуальных отношений является информация о совершенном или готовящемся преступлении, получаемая из источников, обозначенных в ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Принятию решения о начале расследования предшествует проверка данной информации на предмет наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Субъектами, в обязанности которых входит организация такой проверки, являются дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа.

Законодатель регламентирует срок проверки сообщения о преступлении, процессуальные полномочия лиц, которые ее проводят, определенным образом обозначает права заинтересованных участников доследственного производства. Следует помнить, что назначение уголовного судопроизводства, определенное в ст. 6 УПК РФ, должно реализовываться с самого начала уголовного процесса, т.е. на этапе доследственной проверки. Поэтому недопустим необоснованный отказ в приеме сообщения о преступлении, искусственное затягивание сроков проверки, пренебрежение правами участвующих лиц.

Надлежащим образом организованная проверка сообщения о преступлении является залогом принятия верного решения о возбуждении уголовного дела и его эффективного расследования и, как следствие, проявлением защиты конституционных прав и свобод граждан.

Основными участниками доследственной проверки, помимо властных субъектов, являются заявитель и лицо, в отношении которого проверка осуществляется. Критически следует отнестись к позиции законодателя, который не определил процессуальные статусы данных лиц. Отсутствие надлежащей регламентации прав и свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений, является серьезным препятствием для реализации их конституционных прав, а также создает трудности для правоприменителя при произ-

водстве процессуальных действий с их участием [1, с. 128-132]. В этой связи в юридической литературе высказываются суждения о целесообразности дополнения УПК РФ нормами, определяющими статус «заподозренного» (лица, в отношении которого проводится доследственная проверка), и «пострадавшего» (лица, который претерпел вред в результате совершенного общественно опасного деяния) [2, с. 73-79], [3, с. 401-406].

В соответствии со ст. 144 УПК РФ, регламентирующей порядок рассмотрения сообщения о преступлении, должностные лица вправе проводить достаточно большой спектр следственных и процессуально-проверочных мероприятий, направленных на установление законных оснований для начала следствия. Причем, сведения, которые могут быть получены при их производстве, впоследствии допустимо использовать в качестве доказательств.

Криминалистами обоснованно придается большое значение вербальной информации, получаемой в процессе расследования преступлений. В ходе доследственного производства такая информация может быть получена при отобрании объяснений. При этом следователь формирует картину произошедшего события, определяет лиц, возможно причастных к совершению преступления, размер причиненного ущерба и другие юридически значимые обстоятельства. На основании сведений, содержащихся в объяснении, а также в результате иных действий, направленных на проверку сообщения о преступлении, следователь выдвигает версии, определяет алгоритм будущего расследования или намечает какие еще проверочные мероприятия необходимо провести.

Законодатель не разъясняет порядок получения объяснений, однако допускает использование их в качестве доказательств (ч. 1.2 ст. 144, п. 2 ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ). Как известно, доказательство, полученное с нарушением требований УПК, признается недопустимым. В связи с этим возникает закономерный вопрос: можно ли нарушить порядок, предусмо-

тренный УПК, если сам порядок нормативно не определен? Представляется, что порядок получения объяснений должен по максимуму совпадать с порядком допроса с определенными изъятиями. Главным образом это касается предупреждения об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложным показаний. Соответствующие нормы Уголовного кодекса РФ (ст.ст. 307, 308 УК РФ) распространяют свое действие на свидетеля и потерпевшего. Данных субъектов на этапе доследственной проверки быть не может. Следовательно, предупреждение лиц, вызванных для дачи объяснений об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний, будет по меньшей мере некорректно и не иметь никаких правовых последствий.

Кстати сказать, что в деятельности правоохранительных органов встречается практика предупреждения лиц, при получении от объяснений, об уголовной ответственности по ст. 307 и ст. 308 УК РФ [4, с. 148-157], [5, с. 14]. Видимо это объясняется невысоким уровнем знаний уголовно и уголовно-процессуального законов.

Одновременно, получение объяснений требует разъяснения содержания ст. 51 Конституции РФ о том, что никто не обязан свидетельствовать против самого себя и своих близких родственников, круг которых определен законом.

Доследственное производство допускает участие адвоката. Следовательно, лицу, от которого отбирается объяснение, не может быть отказано в праве участвовать в данном проверочном мероприятии с адвокатом. К сожалению, права адвоката на этапе проверки сообщения о преступлении, процессуально не определены. Правильным представляется наделение его полномочиями, которыми он обладает при допросе. Добавим, что ст. 51 УПК РФ (Обязательное участие защитника) не распространяет свое действие на доследственную проверку. Поэтому в случае заявления ходатайства лицом, дающим объяснение, о предоставлении ему защитника, в его удовлетворении отказывается.

Если возникает необходимость сохранения в тайне данных о личности лица, от которого отбирается объяснение, то такая возможность в УПК РФ предусмотрена (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

При получении объяснений от несовершеннолетнего участие его законного представителя является обязательным. Участие педагога или психолога в процессе получения объяснений, законодательно не предусмотрено, однако это не исключает их присутствия, если, по мнению следователя, это является целесообразным.

В процессе проверки сообщения о преступлении у следователя может возникнуть необходимость в получении предметов и документов, находящихся у граждан или юридических лиц. Как правило, изъятие предметов и документов происходит в процессе следственных действий – обыска, выемки – производство которых возможно только после возбуждения уголовного дела. В рамках доследственной проверки получение предметов и документов возможно только при их добровольной выдаче. Юридическому лицу может быть направлен запрос о предоставлении нужных для следствия документов или предметов, однако отказ в их предоставлении, как и для физических лиц, негативных последствий не влечет.

Исключения составляют случаи, когда запросы направляются в средства массовой информации в ситуациях, если это СМИ разместило публикацию, в которой содержатся сведения о совершенном или готовящемся преступлении. Главный редактор издания обязан передать по требованию следователя имеющиеся в его распоряжении документы и материалы, подтверждающие сообщение об общественно опасном деянии, а также о лице, предоставившем указанную информацию, помимо ситуаций, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации.

В рамках доследственной проверки часто возникает необходимость в предварительных специальных исследованиях без назначения судебной экспертизы. Заключение специалиста зачастую необходимо для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Так, например, по фактам незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, принять законное и обоснованное решение о начале расследования невозможно без их исследований на предмет являются ли они таковыми. По делам о пожарах, о фактах незаконного оборота оружия и др. проведение специальных исследований является, как правило, обязательным. Назначение и производство экспертизы возможно до возбуждения уголовного дела, од-

нако экспертиза занимает значительное время, тогда так исследования проводятся в течение нескольких часов. Решение о проведении исследования либо экспертизы принимает следователь в зависимости от обстоятельств совершенного преступления. Исследования поручаются экспертам, которые впоследствии могут проводить экспертизу по тем же основаниям.

В случаях обнаружения трупа без следов насильственной смерти назначается судебно-медицинское вскрытие, которое может перейти в судебно-медицинскую экспертизу, если в процессе исследования выявляются причины смерти, которые могут носить криминальный характер.

Если сроки доследственной проверки позволяют проведение экспертизы, то целесообразно назначать сразу ее, чтобы не дублировать специальные исследования. Так, по уголовным делам экономической направленности, как правило, судебно-бухгалтерские и судебно-экономические экспертизы проводятся в рамках досудебного производства, а затем, учитывая их выводы, принимается решение о возбуждении производства по делу.

Проверка сообщения о преступлении не исключает дачу органу дознания письменных поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Сразу следует отметить, что право следователя о поручении органу дознания проведение оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренное ч. 1 ст. 144 УПК РФ не согласуется с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, согласно которой, помимо ОРМ, следователь может поручить органу дознания производство следственных и иных процессуальных действий. Поэтому отдельные авторы толкуют ст. 144 УПК расширительно, рассматривая право следователя давать поручения органу дознания на этапе доследственной проверки в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ [6, с. 96-102].

Поручение адресуется начальнику органа внутренних дел (или его заместителю). Недопустимо направлять поручение конкретному исполнителю. В поручении должна содержаться информация, необходимая для его исполнения. Как правило, указывается время, место, способ, характер преступных действий и иные важные обстоятельства совершенного преступления. Далее следователь ставит задачу перед органом дознания, но не вправе указывать ОРМ, которые целесообразно, по его мнению, провести. Поручение должно содержать сведения, что уголовное дело еще не возбуждено, и поручение направляется в рамках доследственного производства.

Компетенция должностного лица по проверке сообщения о преступлении, не ограничивается указанными в статье проверочными мероприятиями. Однако даже краткий анализ нормативно предусмотренных полномочий следователя на этапе доследственной проверки выявил серьезные законодательные проблемы, требующие своего разрешения.

Пристатейный библиографический список

1. Лифанова Л. Г. Процессуальные аспекты реализации прав участников уголовного процесса на этапе доследственной // Актуальные вопросы права и правоприменения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ставрополь, 25 октября, 2019 г.). - Ставрополь: СФ КрУ МВД РФ, 2020.
2. Синькевич Н. А. Поступаленко С. И. Проблемы доследственной проверки в современном уголовно-процессуальном законодательстве // Beneficium. - 2020. - № 4 (37).
3. Лифанова Л. Г. Реализация прав участников доследственного производства: нормативное регулирование и правоприменительная практика // Правовая культура в современном обществе: сборник научных статей. - Могилев: Могилевский институт МВД, 2020.
4. Стельмах В. Ю. Объяснения в уголовном судопроизводстве: правовая природа, процессуальный порядок получения, доказательственное значение // Вестник Удмуртского университета. - 2016. - Т. 26. - Вып. 5.
5. Деятельность дознавателей органов внутренних дел на этапе возбуждения уголовного дела и первоначальном этапе расследования преступлений: учеб.-практ. пособие / Н. В. Кривошецов [и др.]. - Тюмень: ТИПК МВД России, 2015.
6. Супрун С. В. Поручение органу дознания МВД России производства процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2014. - № 2 (28).

ЛОГАЧЕВ Константин Константинович

преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России

СРАВНИТЕЛЬНО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ

В настоящей статье рассматриваются вопросы предъявления образцов видео для проведения опознания. Анализируются зарубежный и российский подходы к проведению опознания по видеоматериалам. Определяются преимущества использования видеозаписей при проведении данного следственного действия. Автор приходит к выводу о несовершенстве законодательного регулирования опознания по видеоматериалам и предлагает способ решения данной проблемы.

Ключевые слова: видеозапись, видеоматериал, опознание, предъявление для опознания, следственное действие.

LOGACHEV Konstantin Konstantinovich

lecturer of Criminal process sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE NORMS GOVERNING PRESENTATION FOR IDENTIFICATION USING VIDEO MATERIALS

This article discusses the issues of presenting video samples for identification. The foreign and Russian approaches to identification based on video materials are considered. The advantages of using video recordings during this investigative action are determined. The author comes to the conclusion about the imperfection of the legislative regulation of identification based on video materials and suggests a way to solve this problem.

Keywords: video recording, video material, identification, presentation for identification, investigative action.

Предъявление для опознания представляет собой следственное действие, которое заключается в предъявлении свидетелю, потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому человека или какого-либо предмета с целью установления их тождества или различия с тем, что опознающий наблюдал в связи с расследуемым событием и о чем он ранее дал показания.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ есть специальная норма ст. 193 УПК РФ, посвященная предъявлению для опознания. В данной законодательной норме раскрываются процессуальные особенности проведения этой разновидности следственного действия. Анализ указанной нормы позволяет сделать вывод о том, что предъявлять человека или предмет для опознания можно как непосредственно, так и с помощью фотографий.

Кроме того, в ст. 189.1. УПК РФ закреплено право следователя (дознателя) проводить опознание посредством применения систем видео-конференц-связи, что, безусловно, является одним из достижений отечественного уголовного процесса. Видео-конференц-связь – это телекоммуникационная технология интерактивного взаимодействия двух или более удаленных участников уголовного процесса с возможностью обмена аудио- и видеoinформацией в реальном масштабе времени. Ход и результаты опознания, проводимого посредством применения систем видео-конференц-связи, фиксируются с помощью технических средств видеозаписи.

Несмотря на наличие в УПК РФ норм о проведении опознания с помощью использования систем видео-конференц-связи, российский законодатель не предусматривает возможность предъявлять образцы видео для проведения

опознания. То есть в данном случае имеются в виду видеозаписи, которые были сделаны до непосредственного осуществления этого следственного действия.

Видеозаписи имеют широкое распространение как источник самой разнообразной информации. Они характеризуются непрерывностью отражения обстоятельств, которые имели место в определенный период времени. Эта особенность позволяет обратить внимание на мельчайшие детали воспроизводимых обстоятельств, и поэтому их использование в современных условиях привлекает все больше внимания в научной литературе и правоприменительной практике.

Подчеркнем, что легального определения видеозаписи в УПК РФ нет. Данное обстоятельство обуславливает различные подходы к раскрытию данного термина в юридической науке. Например, Р.Ф. Гарифуллина, Э.Р. Хакимова предлагают рассматривать видеозаписи как документы, в которых информация, имеющая значение для уголовного дела, зафиксирована в виде зрительных и/или звуковых образов [1, с. 207].

По мнению В.Н. Исаенко, П.П. Ищенко, видеозапись – это средство уголовно-процессуального доказывания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, с помощью фиксации на специальные технические средства изображения и звуковых сигналов. Так, записи могут фиксироваться с помощью цифровой записи, пленки и т.п. [2, с. 137].

Видеозапись содержит визуальную, то есть наглядно-образную информацию самого разнообразного характера, как в сопровождении со звуковой информацией, так и без нее. При этом при воспроизведении качественно осуществленной видеозаписи имеется возможность наиболее полно раскрыть внешние характеристики человека или объекта, предъявляемого для опознания.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Стоит отметить, что отношение к предъявлению для опознания с помощью использования видеозаписей в зарубежных странах носит неоднозначный характер.

Опознание по видеоматериалам признается наиболее предпочтительной процедурой в Великобритании. Сотрудники полиции Великобритании имеют доступ к постоянно расширяющимся базам данных видеозаписей, на которых изображены люди, добровольно согласившиеся поучаствовать в данном следственном действии. Стандартизированные видеозаписи продолжительностью 15 секунд изображают одного человека, который сначала поворачивается лицом к камере, затем поворачивает голову вправо и влево для просмотра в профиль, а затем снова поворачивается лицом к камере для окончательной фронтальной позы. Также могут предъявляться фотографии для опознания, однако это не рекомендуется делать на этапе доказывания, если подозреваемого можно снять на видео или предъявить для опознания непосредственно [5, с. 314].

Интересно заметить, что в июле 2021 года британские специалисты опробовали предъявление трехмерных фотографий (3D) для опознания. Британская экспериментальная компьютерная система исследователей позволяет моделировать внешность преступника в 3D по имеющейся фотографии и (или) по описаниям свидетелей, включая позу, в которой его запомнили. Получаемую 3D-модель головы подозреваемого можно рассматривать под разными углами, что облегчает его поиск.

В Великобритании указанную систему опробовали на 3 000 добровольных свидетелях. Для этого британцы сымитировали кражу дамской сумочки преступником мужского пола. Видеоролик с инсценированным преступлением длительностью 14 секунд показали каждому из свидетелей-участников эксперимента. Лицо преступника на видеозаписи было видно в течение восьми секунд. Разным свидетелям показывали преступника по-разному: одним – слева, другим – справа, третьим – в анфас.

Затем ученые подобрали восемь подставных лиц, похожих на преступника, сфотографировали их в профиль и анфас и по изображениям создали их 3D-модели от головы до плеч. Набор из девяти 3D-моделей подозреваемых показывали по одной добровольцам-свидетелям. Разным группам – с разных сторон и под разными углами. Некоторые свидетели могли вручную поворачивать 3D-модели предполагаемых преступников.

Выяснилось, что лучше всего свидетели узнавали «настоящего» преступника, когда его модель была в том же положении, что и на видео. При этом при просмотре модели в анфас они распознавали преступника лучше, чем в профиль.

Как утверждают британские специалисты, в той же позе преступника опознали по его трехмерной модели 66% свидетелей-добровольцев. В другой позе его опознали лишь 49% участников эксперимента.

По опции «та же поза + дополнительная поза» трехмерную голову преступника правильно определили 65% добровольных свидетелей. Доля ложных идентификаций преступника для каждого из трех перечисленных случаев составила 4%, 5% и 4%, соответственно [3].

Думается, несмотря на сегодняшнюю популярность опознания по видеоматериалам, в будущем в Великобритании

предпочтение могут отдать предъявлению трехмерных фотографий.

В США, как правило, для опознания человек и предметы предъявляются или непосредственно, или с помощью фотографий. При этом приоритет практически всегда отдается фотографиям. Так, при опросе полицейских в США было выяснено, что 94% из них применяют для опознания фотографии.

Американские ученые [4, с. 315] отмечают, что в США фотографии, скорее всего, останутся преобладающими при проведении опознания. В 2017 году Министерство юстиции США опубликовало инструкции по проведению предъявления для опознания [6]. В этих инструкциях не было указано, как лучше проводить предъявление для опознания: непосредственно, по фотографиям или видеоматериалам. В своих инструкциях бывший заместитель генерального прокурора США Салли Йейтс признала, что предъявление фотографий для опознания встречается чаще, чем прямые очереди, поскольку его можно организовать более быстро, и, кроме того, в этом случае не требуется присутствия подозреваемого [4, с. 315]. При этом ни в одном из законодательных актов, ни в одной рекомендации в США не упоминается предъявление видео для опознания.

Австралия уникальна тем, что в законодательстве предпочтение отдается непосредственному опознанию, но на практике часто используется опознание по фотографиям. Закон Австралии «О доказательствах» 1995 года гласит, что человек должен предъявляться непосредственно при условии, что: а) подозреваемый находится под стражей в полиции во время процедуры опознания; б) подозреваемый не отказывается от своего права непосредственно участвовать в опознании. Более того, неоднократно Высоким судом Австралии подчеркивалось, что предпочтение необходимо отдавать непосредственному опознанию. Впоследствии это было подтверждено Австралийской комиссией по правовой реформе в 2006 году.

Австралийский законодатель не упоминает о возможности предъявления видеоматериалов для опознания. Однако указывается, что предъявление фото для опознания недопустимо, если: а) подозреваемый не желает непосредственно участвовать в опознании; б) внешность подозреваемого изменилась с момента совершения преступления; в) «неразумно» проводить непосредственное опознание. Чтобы оценить, насколько «неразумно» непосредственное опознание, австралийский законодатель рекомендует учитывать наличие необходимых фотографий, тяжесть преступления и важность проведения опознания для конкретного уголовного дела.

Хотя непосредственное опознание по-прежнему является законодательным предпочтением на большей части территории Австралии, в некоторых ее штатах произошел переход к альтернативным методам. Так, например, при рассмотрении в апелляционном порядке дела Винмар против штата Западная Австралия в 2007 году Верховный суд Западной Австралии возразил против любого предположения о том, что процесс опознания по фотографии по своей сути уступает непосредственному опознанию, и указал, что судья первой инстанции не должен был говорить присяжным, что опознание по фотографии ненадежно или что оно уступает другим видам опознания. При этом последующие попытки использовать опознание по фотографиям в качестве основа-

ния для апелляции в Западной Австралии потерпели неудачу [4, с. 316].

В законодательстве ЮАР специально оговорено то, что опознание может проводиться любыми способами, в том числе и с помощью образцов видео. В частности, в Законе ЮАР «О доказательствах» 1929 года (с поправками 2013 года) говорится следующее: судьи не могут предполагать, что доказательства, полученные в результате предъявления для опознания по фото или видео, не менее надежны, чем доказательства, полученные в результате проведения непосредственного опознания.

Несмотря на то, что в ЮАР были признаны допустимыми доказательства, полученные по итогам проведения опознания с помощью фотографий и видео, непосредственное опознание остается самым распространенным. В прокуратуре ЮАР это объясняют тем, что суды отдают приоритет доказательствам, полученным в результате непосредственного предъявления для опознания [5].

Действительно, южноафриканские судьи неоднократно утверждали, что не следует использовать опознание по фотографиям, если подозреваемый был арестован и доступен для живого опознания. Их логика заключается не в том, что доказательства, полученные в результате опознания с помощью фотографий и видео, должны быть исключены при любых обстоятельствах, а скорее в том, что непосредственное опознание является лучшим вариантом и что к доказательствам с помощью фотографий или видео, если они представлены в суде, следует относиться с осторожностью и скептицизмом [5].

Таким образом, как правило, в зарубежных странах предъявление образцов видео для опознания уступает по востребованности непосредственному опознанию и опознанию по фотографиям. Исключением здесь выступает Великобритания. По нашему мнению, отказ от опознания по видеоматериалам не является оправданным. Необходимость предъявления видеозаписи для опознания может возникнуть во многих ситуациях, например: 1) когда подозреваемый (обвиняемый) скрылся от следственных органов; 2) когда существует угроза жизни или здоровью опознающего лица, которая исходит от подозреваемого (обвиняемого) и др.

В современном мире изучение видеообразов, как объектов предъявления для опознания надежно зарекомендовала себя как один из методов получения объективных отображений действительности. Более того, видеозапись является сегодня единственным средством, позволяющим зафиксировать признаки динамических элементов внешнего облика человека.

Таким образом, есть очевидная необходимость в том, чтобы в УПК РФ наряду с фотографиями, предъявляемыми для опознания, была предусмотрена возможность использования видеоматериалов в тех же целях, а затем - в разработке тактических особенностей проведения данного следственного действия.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о необходимости закрепления в УПК РФ возможности проводить опознание по видеоматериалам. В частности, предлагаем ввести в ст. 193 УПК РФ ч. 5.1. следующего содержания: «При необходимости опознание может быть проведено по материалам видеозаписи. Материалы видеозаписи с изображением лица, подлежащего опознанию, могут быть предъявлены

лишь при условии изображения на них не менее трех лиц, которые должны быть того же пола и не должны иметь резких отличий в возрасте, внешности и одежде с лицом, которое подлежит опознанию».

Пристатейный библиографический список

1. Гарифуллина Р.Ф., Хакимова Э.Р. Некоторые особенности регламентации использования технических средств при расследовании преступлений // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. С. 206-208.
2. Исаенко В.Н., Ищенко П.П. Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 1. С. 136-143.
3. 3D-модель головы позволяет точнее опознать преступника. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/nauka/article/2587739> (дата обращения: 20.04.2022).
4. Fitzgerald RJ, Price HL, Valentine T. Eyewitness Identification: Live, Photo, and Video Lineups // *Psychology of Public Policy Law*. 2018. Vol. 24. № 3. P. 307-325.
5. Mokonyama W.M. A critical analysis of the procedures followed to conduct identification parades: a case study in Mpumalanga. South Africa: University of South Africa, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10500/3530> (дата обращения: 20.04.2022).
6. Yates S. Q. Memorandum for heads of department law enforcement components all department prosecutors. Subject: Eyewitness identification: Procedures for conducting photo arrays. 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.justice.gov/archives/opa/press-release/file/923201/download> (дата обращения: 20.04.2022).

МУСТАФИНА Гульнара Мажитовна

старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В ВИДЕ ЗАДЕРЖАНИЯ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье рассматриваются коллизии процессуального регулирования в применении мер принуждения для обеспечения задач оперативно-розыскного законодательства. Отсутствие в оперативно-розыском, уголовно-процессуальном, административном законодательстве ссылок о наделении оперативных сотрудников полномочиями в применении мер принуждения для достижения задач оперативно-розыскного законодательства таят в себе потенциальную угрозу в отношении сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, что подчеркивает необходимость научного и организационного поиска разрешения имеющегося пробела в правовом регулировании.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовное судопроизводство, права и свободы человека и гражданина, противодействие преступности.

MUSTAFINA Gulnara Mazhitovna

senior lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ON THE CONTRADICTION OF CRIMINAL PROCEDURE AND OPERATIONAL-INVESTIGATIVE LEGISLATION

The article discusses the conflicts of procedural regulation in the application of coercive measures to ensure the tasks of operational investigative legislation. The absence of references in operational-investigative, criminal-procedural, administrative legislation references to the empowerment of operational officers in the use of coercive measures to achieve the objectives of operational-investigative legislation pose a potential threat to employees engaged in operational-investigative activities, which emphasizes the need for scientific and organizational search for a solution to the existing gap in legal regulation.

Keywords: operational investigative activity, criminal proceedings, human and civil rights and freedoms, crime prevention.

В правоохранительной и судебной практике современной России все больше внимания уделяется вопросам обеспечения прав и свобод человека. Правосудие в Российской Федерации призвано осуществлять защиту личности и общества, обеспечивать правопорядок, безопасность и целостность страны. Мера принуждения является инструментом государственного реагирования, направленного на обеспечения эффективного сбора доказательственной базы и пресечения противоправных действий лица в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина [1]. Также мера принуждения необходимо усматривать в качестве инструментария профилактики и предупреждения от совершения новых преступлений и административных правонарушений с наделением правоохранительный орган возможностью принятия меры пресечения в виде заключения под стражу или домашне-го ареста.

Отсутствие эффективного инструментария в применении мер принуждения позволяет криминально настроенным элементам совершать общественно-опасные деяния, и даже в случае установления их причастности к совершенному преступлению скрыться от правосудия и наказания. Поэтому от качества законодательного и организационного урегулирования порядка применения меры принуждения зависит возможность достижения целей, стоящих перед государственной правоохранительной системой и обеспечения качественной защиты прав и свобод человека и гражданина.

Одним из проблемных аспектов реализации мер принуждения в практической деятельности является наличие коллизий в сфере действия оперативно-розыскного законодательства.

Нормативное регулирование меры принуждения в виде задержания описано в статье 14 Федерального закона «О полиции» [2], статье 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3], статье 27.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [4]. Однако, ни в одном из вышеописанных законов не прописаны основания для задержания лица, в связи с проводимыми в отношении него оперативно-розыскными мероприятиями.

В результате отсутствия нормативного регулирования сотрудники оперативных подразделений при проведении оперативно-розыскных мероприятий сталкиваются с проблемой применения мер принуждения. В целях объективного восприятия проблемы осуществим моделирование ситуации:

Оперативные сотрудники при проведении оперативно-розыскного мероприятия изъяли у гражданина полимерный пакетик на клипсе с веществом неизвестного происхождения. В целях установления является ли вещество запрещенным в обороте или нет, у сотрудников возникает необходимость направления, изъятого на физико-химическое исследование. В период проведения физико-химического исследования возникает необходимость в ожидании результатов. Но в соответствии с законом, у сотрудника оперативного подразделения отсутствуют полномочия в дальнейшем ограничении свободы гражданина, в отношении которого проводились оперативно-розыскные мероприятия, так как статус подозреваемого возникает у гражданина только с момента возбуждения в отношении него уголовного дела, либо допроса в качестве подозреваемого и избрания меры пресечения. До момента передачи материала в органы предварительного расследования придать статус подозреваемого лицу не представляется

возможным, следовательно, задержать не представляется возможным.

Отпустив человека домой, оперативные сотрудники не могут гарантировать, что он не скроется от органов предварительного следствия, дознания и суда. Ответственность за то, что человек скрылся от оперативных сотрудников в законодательстве отсутствует и подменяется термином орган дознания, но только в рамках действия уголовно-процессуального законодательства, а не оперативно-розыскного.

Данная коллизия является инструментом противодействия подозреваемых и обвиняемых в подаче жалоб на оперативных сотрудников, написании заявлений о превышении ими должностных полномочий, выраженных в недопустимости при проведении оперативно-розыскных мероприятий ограничивать свободу передвижения человека, и тем более применения физической силы, специальных средств, выразившихся в поиске предметов, находящихся при лице. Указание о порядке документирования гласных оперативно-розыскных мероприятий не уполномочивает оперативного сотрудника на применение мер процессуального принуждения, а лишь отсылает на порядок документирования в соответствии с уголовно-процессуальным законом.

Толкование правоприменителями положений оперативно-розыскного законодательства приводит к тому, что документировать в соответствии с УПК РФ результаты гласных оперативно-розыскных мероприятий допустимо, однако, применять меры принуждения в рамках обеспечения данных мероприятий не допустимо и необходимо осуществить ссылку на иные нормативные правовые акты: такие как Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 8 января 1998 года № 3-ФЗ и другие.

В целях упрощения порядка документирования результатов оперативно-розыскных мероприятий, а также использования полномочий, направленных на предупреждение, выявление, раскрытия, пресечение преступлений и сопровождения предварительного расследования, с точки зрения авторского видения, предлагается необходимым внести изменения в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» [5] и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [3] в части объединения порядка ведения документооборота, а также применения полномочий органа дознания как в рамках уголовного судопроизводства, так и оперативно-розыскной деятельности.

С авторской точки зрения разрешение проблематики возможно тремя способами:

1) Внесение изменений в Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», позволяющий наделить оперативных сотрудников полномочиями в применении мер принуждения, предусмотренных УПК РФ.

2) Дополнить Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» по аналогии с административным законодательством порядком осуществления оперативно-розыскного процесса.

3) Создать кодифицированный закон, регламентирующий полномочия оперативных сотрудников в применении мер принуждения.

Пристатейный библиографический список

1. Маликов Б. З., Мурсалимов А. Т. К вопросу о криминализации мошенничества в сфере кредитования и некоторых проблемах квалификации данного состава преступления // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 3 (142). - С. 200-202.
2. О полиции: федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2022).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2022).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 декабря 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2022).
5. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ // принят Гос. Думой Рос. Федерации 5 июля 1995 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2022).

НУЖДИН Андрей Александрович

кандидат юридических наук, доцент, докторант Факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются некоторые следственные действия, проводимые в процессе выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений. Предметом статьи выступили закономерности совершения осужденными преступлений в исправительных учреждениях и криминалистические особенности по выявлению обстоятельств, им способствовавших. Указывается на важность и необходимость проведения допроса в процессе выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, обосновывается проведение обыска для решения задач предупредительного характера, рассматриваются возможности различных видов следственных осмотров при организации предупредительной деятельности.

Ключевые слова: предупреждение, преступление, осужденный, исправительное учреждение, следственное действие.

NUZHIDIN Andrey Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, doctoral student of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the FPS of Russia

SOME ISSUES OF INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE IDENTIFICATION OF CIRCUMSTANCES THAT CONTRIBUTED TO THE COMMISSION OF PENITENTIARY CRIMES

The article discusses some investigative actions carried out in the process of identifying the circumstances that contributed to the commission of penitentiary crimes. The subject of the article was the regularities of the commission of crimes by convicts in correctional institutions and criminalistic features to identify the circumstances that contributed to them. The importance and necessity of conducting an interrogation in the process of identifying the circumstances that contributed to the commission of penitentiary crimes is pointed out, the search is justified to solve preventive tasks, the possibilities of various types of investigative inspections are considered when organizing preventive activities.

Keywords: prevention, crime, convict, correctional institution, investigative action.

Официальная ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы исполнения наказаний показывает, что последние несколько лет регистрируется рост преступлений, совершаемых в местах лишения свободы [1]. Данная негативная тенденция усугубляется тем обстоятельством, что численность осужденных и лиц, заключенных под стражу, ежегодно снижается [1]. Гуманизация уголовной политики и увеличение количества назначаемых альтернативных лишению свободы видов наказания привело к тому, что в местах лишения свободы стали концентрироваться криминально активные лица. В учреждениях уголовно-исполнительной системы в настоящее время содержится 70 % лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления; 50 % осужденных имеют две и более судимости; 46 % приговорены к длительным срокам наказания (пять лет и более) [1]. В этой связи особую актуальность приобретает деятельность по предупреждению пенитенциарных преступлений, осуществляемая в процессе расследования – выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Уголовно-процессуальное законодательство в общей форме устанавливает правовые и организационные основы деятельности должностных лиц органов предварительного расследования по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. Так, ч. 2 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает, что «подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступле-

ния». Указанные обстоятельства находятся в неразрывной связи с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, следовательно, их выявление необходимо осуществлять посредством процессуальных средств. Наибольшее значение для выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, имеют следственные действия.

Осмотр места происшествия позволяет представить обстановку и способ совершения преступления (в том числе пенитенциарного). При осмотре можно зафиксировать обстоятельства, в результате которых преступное деяние стало возможным, а иногда принять меры к его устранению. Осмотр места происшествия может быть проведен до возбуждения уголовного дела, в порядке расследования сообщения о преступлении. Следовательно, осмотр места происшествия является одним из первых следственных действий, который проводится при расследовании пенитенциарных преступлений и, в теории, именно при его проведении должны выявляться обстоятельства, способствовавшие его совершению. К сожалению, практика не подтверждает данный тезис. Опрос сотрудников органов предварительного расследования и анализ уголовных дел позволяет прийти к выводу, что осмотр места происшествия в первую очередь эффективен при выявлении события преступления (времени, места, способа совершения побега).

Осмотр – следственное действие, которое основывается на изучении обстановки как в месте совершения преступления, так и в месте его подготовки. Данное след-

ственное действие позволяет в процессуальном порядке зафиксировать обстоятельства, способствовавшие совершению пенитенциарного преступления, сопоставить их с иными полученными данными. Данное следственное действие позволяет проверить информацию, полученную при допросе подозреваемого и свидетелей, касающую обстоятельств совершения преступления, подтвердить или опровергнуть выдвинутые ранее версии об условиях совершения преступления.

При производстве осмотра (в том числе места происшествия) необходимо выявлять следующие обстоятельства, способствовавшие совершению пенитенциарного преступления: состояние и расположение инженерно-технических средств охраны и надзора; следы в месте совершения преступления; характер и особенности предметов, используемых для совершения преступления; время нахождения преступника на месте совершения преступления. Важное значение для выявления и установления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, является осмотр так называемых вещественных доказательств, предметов и документов. Подобные предметы и документы характеризуют те или иные подготовительные действия и могут указывать на условия, способствовавшие совершению пенитенциарного преступления.

Для глубокого и полного выявления всех обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, необходимо проводить допрос [2, с. 126]. Данное следственное действие обладает большими возможностями для выяснения обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений. Как показали результаты эмпирического исследования, допрос проводился во всех случаях расследования преступлений. Его по праву можно считать если не основным, то наиболее распространенным следственным действием. В зависимости от складывающейся следственной ситуации (осужденный задержан непосредственно при совершении преступления; в кратчайшие сроки после совершения преступления; после проведения розыскных мероприятий) допрос проводится до или после проведения иных следственных действий, соответственно круг обстоятельств, способствовавших совершению преступления или только выясняется, или дополнительно проверяется. Допрос позволяет выяснить причины, способствовавшие совершению преступления осужденными, мотивы, которые подтолкнули их к совершению данного преступления (с помощью других следственных действий причины выяснить достаточно проблематично). Хорошо спланированный и качественно проведенный допрос позволяет выявить и установить не только причины, которые способствовали совершению преступления, но и аспекты подготовки к его совершению, причины выбора того или иного способа совершения, соучастников и так далее.

Важность допроса при выявлении обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, подтверждается и опросом должностных лиц, расследовавших данные категории преступлений. Однако здесь имеются некоторые противоречия с результатами расследования пенитенциарных преступлений. Так, только в 10 % рассмотренных уголовных дел в протоко-

лах допроса имеется информация о выявлении причин, способствовавших совершению преступления, мотивов, которые подтолкнули осужденного на его совершение. В остальных же случаях допрос в основном проводился с целью выяснения события преступления (времени, места, способа и других обстоятельств побега). Можно сделать вывод, что дознаватели, следователи понимают важность и необходимость допроса для выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступлений осужденными, но редко его проводят именно в этой направленности.

Необходимо понимать, что допрос – это следственное действие, которое требует обязательной и очень тщательной подготовки [3, с. 84]. Только в этом случае можно надеяться, что результаты его проведения будут иметь криминалистически важное значение и помогут в последующей предупредительной деятельности. Не вызывает сомнений тот факт, что допрос осужденных имеет свои особенности в сравнении с допросом иных лиц. При проведении допроса очень важно максимально полно изучить личность допрашиваемого, продумать характер и последовательность задаваемых вопросов, тщательно выбрать место и время его проведения. Зачастую, допрос осужденных проходит в конфликтной ситуации. Следовательно, при подготовке к проведению допроса необходимо продумать комплекс тактических приемов для выхода из конфликтной ситуации и снятия психологического напряжения со стороны осужденного. Трудности при допросе осужденных в некоторой степени компенсируются тем обстоятельством, что большое количество информации о свойствах его личности можно получить от сотрудников исправительного учреждения (начальники отряда, инспектора отдела безопасности, оперативные сотрудники). Анализ научной литературы, результаты изучения уголовных дел и опрос должностных лиц показал, что для более глубокого, детального, выяснения обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений при допросе, необходимо выяснять следующий круг вопросов: мотивы, которыми руководствовался осужденный при совершении преступления; причины, способствовавшие совершению преступления; аспекты подготовки к совершению преступления; условия, которые облегчили (сделали возможным) подготовку и совершение преступления; приемы укрытия подготовки преступления; деятельность по сокрытию следов совершенного преступления; иные, известные осужденному обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Необходимо отметить, что все выявленные при допросе обстоятельства, способствовавшие совершению пенитенциарного преступления, не могут сразу считаться истинными. Их необходимо проверять с помощью других следственных действий (иногда оперативно-розыскных или режимных мероприятий) [4, с. 78].

Проверка показаний на месте позволяет определить (и эмпирически проверить) что позволило преступнику произвести отдельные действия, что облегчило совершение пенитенциарного преступления, какие особенности зданий, сооружений и местности были использованы осужденным для совершения преступления [5, с. 349]. Данное следственное действие не требует его неотлож-

ного проведения, может быть произведено после допроса и осмотра места происшествия. Тактическая важность проверки показаний на месте заключается в визуальном закреплении показаний участников уголовного судопроизводства. Осужденный, совершивший преступление, показывает, каким образом совершал преступное деяние, как использовал предметы, какие условия действительно способствовали его совершению. В полной мере должна быть осуществлена проверка показаний свидетелей. В результате проверки показаний на месте дознавателю, следователю часто удается получить от допрашиваемого новые сведения о фактах и событиях, относящихся к расследуемому пенитенциарному преступлению, которые будут способствовать пониманию мотивов и цели совершенного деяния.

Обыск зачастую проводится на первоначальном этапе расследования [6, с. 221]. Полученные в результате проведения указанного следственного действия данные являются весьма ценными для выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений. Наибольшую эффективность обыск приобретает в тех случаях, если преступление было совершено с предварительной подготовкой. Данное следственное действие должно производиться как в месте жительства осужденного, его рабочем месте, так и на местах, где проходили подготовительные мероприятия.

Специфика деятельности исправительных учреждений, особенности совершения пенитенциарных преступлений показали, что большое количество информации об обстоятельствах, способствовавших совершению рассматриваемых преступных деяний, выявляется после выемки и последующего исследования видеоархивов и архивов работы технических средств охраны и надзора. На территории исправительного учреждения, по его периметру, внутри зданий и сооружений установлено большое количество интегрированных систем безопасности, систем контроля управления доступом, телевизионных систем видеонаблюдения, камер видеонаблюдения и так далее. Выемка информации с данных технических средств, ее последующий анализ позволяет как проверить ранее выявленные обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, так и подготовиться, спланировать производство иных следственных действий.

При идеальных условиях расследования пенитенциарных преступлений, выявление обстоятельств, способствовавших их совершению, должно проходить вместе с выявлением обстоятельств, подлежащих доказыванию. Дополнительных, повторных следственных действий, процессуальных мероприятий, направленных исключительно на выявление причин и условий, способствовавших совершению преступлений проводиться не должно. Тем не менее, анализ уголовных дел показывает, что иногда проводится комплекс следственных действий, направленных на выявление отдельных условий, способствовавших совершению преступных деяний. Зачастую следственные действия проводятся с целью поиска фактов нарушения должностных инструкций, недостатков в организации несения службы сотрудниками исправительного учреждения, пробелов в расположении и работе инженерно-технических средств охраны и надзора.

Проведение подобной работы негативно сказывается на имидже исправительного учреждения, подрывает его авторитет в среде как сотрудников, так и осужденных, но она необходима в целях выявления и обязательного последующего устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

Повышение эффективности выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, будет способствовать более качественной и продуктивной организации всей предупредительной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы за 2016-2021 годы // Форма статистической отчетности ФСИН-1. Доступ из АИС «Статистика УИС».
2. Грязева Н. В., Копыткин С. А. Особенности тактики допроса подозреваемых по делам о побегах из исправительных учреждений // Вестник Кузбасского института. 2017. № 2 (31). С. 124-128.
3. Грязева Н. В., Беляков А. В. Теоретические и прикладные аспекты расследования побегов из исправительных учреждений. Москва, 2017. Сер. Библиотека криминалиста. 192 с.
4. Нестерова О. И., Гнедова Н. П. Использование оперативно-розыскных данных при установке обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании побегов из исправительных учреждений // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27. № 1. С. 76-79.
5. Кубанов В. В. Особенности получения показаний в ходе расследования пенитенциарных преступлений // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155). С. 349-350.
6. Рахманкин Е. А., Сорокина О. Е. Организация проведения общего обыска в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Государственная служба и кадры. 2022. № 3. С. 221-222.

ПОПОВА Ольга Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации следственной работы Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, ВОЗБУЖДЕННЫХ ПО ФАКТАМ УМЫШЛЕННОГО НАРУШЕНИЯ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВИЛ, ПОВЛЕКШИХ МАССОВОЕ ЗАРАЖЕНИЕ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИЕЙ COVID-19 ИЛИ УГРОЗУ ТАКОВОГО

В статье на основе изучения следственной практики раскрыты причины прекращения уголовных дел, возбужденных по фактам умышленного нарушения санитарно-эпидемиологических правил, повлекших массовое заражение новой коронавирусной инфекцией COVID-19 или угрозу такового. Рассмотрены избранные следователями основания прекращения уголовных дел. Акцентируется внимание на ошибках, допущенных следователями при возбуждении уголовных дел указанной категории, предопределивших дальнейшее прекращение уголовных дел.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, основания для прекращения уголовного дела, нарушение санитарно-эпидемиологических правил, новая коронавирусная инфекция COVID-19.

POPOVA Olga Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor docent of Management of investigative activities sub-faculty of the Educational and Scientific Complex Preliminary Investigation in the Internal Affairs of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

TERMINATION OF CRIMINAL CASES INITIATED ON THE FACTS OF DELIBERATE VIOLATION OF SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL RULES RESULTING IN MASS INFECTION WITH A NEW CORONAVIRUS INFECTION COVID-19 OR THREAT THEREOF

The article, based on the study of investigative practice, reveals the reasons for the termination of criminal cases initiated on the facts of deliberate violation of sanitary and epidemiological rules, which entailed a massive infection of the new coronavirus infections COVID-19 or the threat of such. The grounds for termination of criminal cases selected by the investigators were considered. Attention is focused on the mistakes made by investigators when initiating criminal cases of this category, which predetermined the further termination of criminal cases.

Keywords: termination of a criminal case, grounds for termination of a criminal case, violation of sanitary and epidemiological rules, new coronavirus infection COVID-19.

В 2020 году мир потрясла пандемия, вызванная коронавирусом тяжелого острого респираторного синдрома SARS-CoV-2. Распространение заболевания на территории Российской Федерации потребовало от государства решительных мер, направленных на стабилизацию санитарно-эпидемиологической ситуации в стране, одной из которых стало включение в число последствий, предусмотренных ст. 236 УК РФ, угрозы массового заражения людей, а также ужесточение уголовной ответственности за совершение данного преступления [1].

Отсутствие практики применения данной нормы вызвало у следователей сложности при решении процессуальных вопросов предварительного расследования.

В ходе проведенного автором исследования приняли участие следственные подразделения девяносто двух территориальных органов МВД России на региональном уровне, предоставившие материалы о практике расследования в 2020-2021 годах и январе-марте 2022 года уголовных дел о преступлениях, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил, повлекших по неосторожности массовое заболевание людей COVID-19, смерть людей от указанного заболевания либо угрозу наступления таких последствий (ст. 236 УК РФ). Изучение указанных материалов показало, что в данный период уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 236 УК РФ, были возбуждены следственными подразделениями, подчиненными 32 территориальным органам МВД России на региональном уровне.

Всего изучена и обобщена практика расследования 75 уголовных дел о преступлениях рассматриваемого вида, из которых 28 уголовных дел (37 %) прекращено. Основанием прекращения подавляющего большинства уголовных дел (21 уголовное дело или 75 % от всех прекращенных дел данной категории) послужило отсутствие в деянии состава преступ-

ления, связанное с невозможностью установления причинно-следственной связи между допущенными нарушениями санитарно-эпидемиологических правил и наступившими последствиями в виде массового заболевания людей. В одном случае следствие усмотрело малозначительность деяния. По результатам расследования пяти уголовных дел (18 % из числа прекращенных) сделан вывод об отсутствии события преступления, т.к. в процессе расследования не подтвердились факты нарушений санитарно-эпидемиологических правил. Два уголовных дела (7 %) прекращены в связи с деятельным раскаянием.

При возбуждении уголовных дел рассматриваемой категории следователи руководствовались Методическими рекомендациями МВД России [2], в соответствии с которыми при проверке сообщения о преступлении достаточно установления признаков объекта и объективной стороны преступления. Представляется, что данное утверждение может быть справедливо лишь тогда, когда уголовное дело возбуждается в отношении неустановленного лица. Если же лицо, нарушившее санитарно-эпидемиологические правила, известно с момента поступления сообщения о преступлении, представляется целесообразным до возбуждения уголовного дела устанавливать наличие признаков всех элементов состава преступления. Оставление без внимания данных о субъективной стороне деяния влечет прекращение уголовных дел по реабилитирующим обстоятельствам.

Так, гр. В. прибыла на территорию Российской Федерации 19.03.2020 авиарейсом из Франции (г. Париж) в г. Москву, в тот же день вылетела по месту жительства в г. Хабаровск, где контактировала со своими родственниками, впоследствии заболевшими. Постановление главного государственного санитарного врача РФ № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019», обя-

зывающее высших должностных лиц субъектов Российской Федерации обеспечить изоляцию всех лиц, прибывающих на территорию Российской Федерации, продолжительностью 14 календарных дней со дня их прибытия, было принято 18 марта 2020 года, а официально опубликовано и вступило в силу 19 марта 2020 года, то есть в день прибытия В. на территорию Российской Федерации. То обстоятельство, что В. не проживала длительное время на территории Российской Федерации и соответственно не могла быть достоверно осведомленной о принятых в связи с распространением новой коронавирусной инфекцией нормативных актах Российской Федерации, никак не была проинформирована о необходимости ухода на режим самоизоляции незамедлительно после прибытия на территорию Российской Федерации, а с учетом ее прибытия на территорию РФ в день опубликования данного постановления, она и не могла быть об этом проинформирована, в силу объективных причин, у нее отсутствовал умысел на совершение преступления [3].

В расследовании также возникли сложности в установлении массовости заболевания и в юридической оценке действий лиц. Законодательство и разъяснения Верховного Суда РФ не дают четких формулировок (массовым заболеванием признается, как правило, заболевание группы людей, сосредоточенных на определенной территории, требующее медицинского вмешательства [4]), отдавая разрешение данного вопроса на усмотрение следственных и судебных органов.

В практике для определения массовости заболевания используют такие характеристики, как число заболевших в результате нарушения лицом санитарно-эпидемиологических правил, тяжесть течения их заболевания. Так, согласно сведениям № 14-00-05/43-5736-2020 от 23.06.2020, предоставленным Управлением Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Саха (Якутия) – массовая заболеваемость новой коронавирусной инфекцией считается заболеваемость «COVID-19» среди лиц организованного коллектива у взрослых с совместным проживанием у 3 и более человек [5].

В то же время в Забайкальском крае уголовное дело о заражении 20 человек лицом, не принявших мер к самоизоляции при возвращении из другого региона, было прекращено. Следователь усмотрел малозначительность деяния – отсутствие общественной опасности в действиях З. вследствие стабилизации санитарно-эпидемиологической обстановки в регионе, а также по причине того, что «негативные последствия у указанных лиц после перенесенного заболевания не наступили» [6].

Необходимо учитывать, что не любое нарушение санитарно-эпидемиологических правил способствует распространению коронавирусной инфекции, т.е. находится в причинной связи с массовым заболеванием. Вряд ли такие описанные в материалах изученных уголовных дел нарушения как неровное напольное покрытие, плитка со сколами и трещинами, отсутствие крышки на банке с дезинфицирующим средством, отсутствие обязательной для ведения документации, влияют на распространение инфекции COVID-19. Формальный подход может повлечь излишнюю криминализацию деяния. Так, представляется неверным вывод следователя о том, что «в журнале термометрии занесены записи по одному разу в день, а значит, термометрия проводилась один раз в день» [7], не подтвержденный иными доказательствами (показаниями лиц, температуру которых следовало измерять, а также ответственных за организацию этой процедуры). Более основательными являются следующие выводы следствия: «Выявленные в ходе санитарно-эпидемиологического расследования нарушения не могли привести к массовому заболеванию людей, т.к. ... касались ведения документации (журналы, извещения), которые лишь фиксируют какие-либо действия, но не подтверждают их проведение или непроведение» [8].

Выявление источника заражения, его дислокации, является предметом доказывания по данному уголовному делу. Следствием должно быть установлено, в результате чего и где именно произошло массовое заражение, так как в период пандемии возможно несколько заносов инфек-

ции в учреждения с большой численностью, кроме того, заразиться коронавирусной инфекцией можно не только результате действий лица, в отношении которого проводится расследование, но и в общественном транспорте по пути на работу, в магазине, от своих близких в семье, в подъезде, на улице. Для определения причинной связи необходимо производство судебно-медицинской или эпидемиологической экспертиз, хотя, и их результаты не всегда позволяют установить эту связь.

Таким образом, во избежание необоснованного возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 236 УК РФ, влекущее их дальнейшее прекращение, необходимо на стадии возбуждения уголовного дела акцентировать внимание на установлении времени введения в действие отдельных санитарно-эпидемиологических правил, наличия умысла на их нарушение, причинно-следственной связи между нарушением данных правил и наступившими последствиями в виде массовости заболевания (либо угрозы таковой). Если же уголовное дело возбуждено при недостаточном исследовании указанных обстоятельств, то они должны быть тщательно изучены в процессе расследования для принятия законного процессуального решения.

Пристатейный библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
2. Методические рекомендации по применению сотрудниками органов внутренних дел новых положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации, введенных вследствие необходимости экстренного реагирования на вызовы, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции / МВД России // О направлении информации : письмо МВД России от 01.02.2020 № 1/3687.
3. Постановление о прекращении уголовного дела № (данные изъяты) от 30.12.2020, вынесенное следователем (данные изъяты) по Еврейской автономной области.
4. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3 / утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.02.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377296/.
5. Постановление о прекращении уголовного дела № (данные изъяты) от 28.06.2021, вынесенное следователем по (данные изъяты) району Республики Саха (Якутия).
6. Постановление о прекращении уголовного дела № (данные изъяты) от 21.03.2021, вынесенное следователем по (данные изъяты) району (Забайкальский край).
7. Постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного преследования в отношении обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести и назначении обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа от 31.03.2021, вынесенное следователем по (данные изъяты) району Республики Саха (Якутия).
8. Постановление о прекращении уголовного дела, дела № (данные изъяты) от 08.09.2021, вынесенное заместителем начальником следственного отдела по (данные изъяты) району Воронежской области.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-289-291

СЕРДЮКОВА Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент Ставропольского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ЧУНИХА Анжелика Арслановна

кандидат юридических наук, доцент Ставропольского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ЗИНОВЬЕВА Елена Олеговна

преподаватель кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ОБ ОГЛАШЕНИИ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ В СУДЕ

В статье рассматриваются вопросы оглашения показаний потерпевшего или свидетеля и воспроизведения видеозаписи или кино съемки следственных действий, производимых с их участием; анализируется судебная практика возможности выделения оснований, при которых суды вышестоящих инстанций признают нарушения части 2 статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ при оглашении показаний в первой инстанции.

Ключевые слова: суд, потерпевшие, свидетели, состязательность, непосредственность, очная ставка, судебное разбирательство.

SERDYUKOVA Elena Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Stavropol branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation

CHUNIKHA Angelika Arslanovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Stavropol branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation

ZINOVJEVA Elena Olegovna

lecturer of Legal and special disciplines sub-faculty of the Stavropol branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation

ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE ON THE DISCLOSURE OF TESTIMONY OF WITNESSES AND VICTIMS IN COURT

The article deals with the issues of reading out the testimony of a victim or a witness and playing a video recording or filming of investigative actions carried out with their participation; jurisprudence analyzes the possibility of highlighting the grounds under which higher courts recognize violations of Part 2 of Art. 281 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation during the reading of testimony in the first instance.

Keywords: court, victims, witnesses, competition, immediacy, confrontation, trial.

Введение.

Основной закон Российской Федерации¹, гарантируя каждому право на судебную защиту, предусматривает, что: 1) правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом (ч. 1 ст. 118); 2) судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123).

Принцип состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве означает, что: 1) функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (часть 3 статьи 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ²); 2) стороны обвинения и защиты равноправны перед судом (часть 4 статьи 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ).

Основная часть.

Согласно общему условию судебного разбирательства, а именно правила непосредственности, все доказательства

по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию. Суд должен заслушать показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств (часть 1 статьи 240 Уголовно-процессуального кодекса РФ). При этом, согласно ч. 2 этой же статьи оглашение показаний, данных при производстве предварительного расследования, возможно лишь в случаях, предусмотренных статьями 276 и 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

В случаях, предусмотренных пунктами 2-5 части 2 статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ, решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или кино съемки следственных действий, производимых с их участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. По мнению В.В. Кальницкого, механизмы оспаривания показаний допрашиваемых лиц в ходе предварительного расследования в законе детально не описаны [1, с. 63].

Конституционный Суд указал, что суды при оценке доказательств по уголовному делу, в том числе оглашенных показаний не явившихся свидетеля или потерпевшего, должны учитывать все обстоятельства, связанные с причинами их неявки и с их участием в предшествующих судебному разбирательству стадиях уголовного судопроизводства, а также с

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

наличием либо отсутствием у подозреваемого, обвиняемого или его защитника возможности, узнав о содержании показаний, данных свидетелем или потерпевшим, оспорить (поставить под сомнение) эти показания в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке, заявив соответствующие ходатайства³.

В большинстве случаев оспорить показания не явившегося в суд свидетеля (потерпевшего) возможно в случае проведения в ходе предварительного расследования очной ставки между ним и обвиняемым. Если же данное следственное действие не проводилось, можно оспорить законность оглашения показаний как явившихся лиц со ссылкой на нарушение части 2.1 статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ [3].

При этом сторона обвинения обязана принять исчерпывающие меры для обеспечения участия в судебном заседании не явившихся свидетеля или потерпевшего. Вместе с тем реализация стороной защиты своих прав, касающихся проверки и опровержения показаний, значимых, по ее мнению, для разрешения уголовного дела, предполагает активную форму поведения. Бездействие самого обвиняемого или его защитника относительно осуществления этих прав не может расцениваться как непредоставление ему возможности оспорить соответствующие показания предусмотренными законом способами.

Суды при оценке доказательств по уголовному делу, в том числе оглашенных показаний не явившихся свидетеля или потерпевшего, должны учитывать все обстоятельства, связанные с причинами их неявки и с их участием в предшествующих судебному разбирательству стадиях уголовного судопроизводства, а также с наличием либо отсутствием у подозреваемого, обвиняемого или его защитника возможности, узнав о содержании показаний, данных свидетелем или потерпевшим, оспорить (поставить под сомнение) эти показания в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке, заявив соответствующие ходатайства⁴.

Анализ судебной практики дает возможность выделить основания, при которых суды вышестоящих инстанций признают нарушения части 2 статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ при оглашении показаний в первой инстанции.

Во-первых, когда нижестоящий суд до оглашения показаний принимает все меры для обеспечения явки свидетеля на допрос в заседании и при этом в ходе следствия показания данного свидетеля не вызывали сомнений у защиты и очной ставки не требовалось. Так, согласно материалам дела, свидетели не явились в зал судебного заседания.

Согласно протокола судебного заседания, государственный обвинитель заявил ходатайство об оглашении показаний неявившихся свидетелей.

Затем суд обсудил ходатайство со сторонами. Возражений от сторон об оглашении показаний не поступило.

После этого, суд удовлетворил заявленное государственным обвинителем ходатайство об исследовании в порядке статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ показаний неявившихся вышеперечисленных свидетелей. Государственный обвинитель огласил эти показания.

Согласно аудиозаписи судебного заседания слышно, что при обсуждении ходатайства государственного обвинителя, адвокат Бабичев С.Г. в защиту подсудимого А. заявил, что

защита обвиняемого Аветисяна не возражает об оглашении показаний неявившихся свидетелей.

Адвокат Акиньшин И.Г. заявил, что у него аналогичная позиция.

Затем председательствующий спросил у подсудимых Б. и А., не возражают ли они об оглашении показаний свидетелей. Подсудимые ответили, что нет, не возражают.

Таким образом, вопреки доводам жалоб, из протокола судебного заседания и аудиозаписи следует, что в связи с неявкой свидетелей в судебное заседание, их показания данные при производстве предварительного расследования, были оглашены с согласия сторон, что не противоречит положениям ч. 1 ст. 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Никто из сторон не возражал об оглашении показаний свидетелей⁵.

Во-вторых, когда в ходе следствия была очная ставка со свидетелем. Наличие у обвиняемого возможности оспорить оглашенные в суде свидетельские показания исключает нарушение ч. 2.1 ст. 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ, считают суды. Как следует из постановления суда первой инстанции, суд, возвращая уголовное дело прокурору, в порядке ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ, указал, что обвинительное заключение составлено с нарушением требований ст. 220 Уголовно-процессуального кодекса РФ, поскольку в обвинительном заключении указаны недостоверные сведения о потерпевшем, личность потерпевшего не установлена. Кроме того, отказав неоднократно, без наличия к тому законных оснований, подсудимому в проведении очных ставок с потерпевшим на стадии предварительного следствия, орган предварительного расследования лишил суд возможности применить положения ч. 2.1 ст. 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ при рассмотрении уголовного дела судом. Указанные нарушения уголовно-процессуального закона являются существенными, нарушают права подсудимого на защиту, не могут быть устранены судом самостоятельно, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения⁶.

Однако в судебной практике имеются и выводы суда о том, что оглашение свидетельских показаний было незаконным, а доводы защиты обоснованными.

Например, защитник на досудебных стадиях заявлял ходатайство следователю (дознавателю) о проведении очной ставки, чтобы оспорить свидетельские показания, однако данное ходатайство не удовлетворилось.

На приговор суда осужденной подана апелляционная жалоба, в которой она указывает на несогласие с приговором, считая его незаконным и необоснованным. Автор жалобы считает, что из уголовного дела выведены участники преступной группы. Так, из заявлений потерпевших по делу при обращении в правоохранительные органы, одно из многих заявлений от 11.08.2017 г. т. 2 л.д. 142 - заявление Потерпевший № 6, следует, что он просил привлечь к уголовной ответственности как ее, так и лиц по имени Потерпевший № 3, Алархан и ФИО8, которые по всем эпизодам вменяемого ей преступления были покупателями, как они представлялись потерпевшим, они осматривали а/м, договаривались о покупке с рассрочкой и для убедительности заключали расписки между ею и потерпевшими. Она учиняла только подпись, с потерпевшими разговоров не вела, не обозначала сроки возврата денежных средств. Все эти лица Потерпевший № 3, Алархан и ФИО8 входили в преступную группу ОПГ, которую создал и руководил ФИО3. Следствие каким-то образом

3 Решение Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 «Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2017 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=291008#JhAWmHTmeuitkgRn>.

4 Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 N 2676-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тернеренко Николая Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части второй статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28122021-n-2676-o>

5 Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 01.12.2021 по делу № 22-6280/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kraevoy--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=23003647&delo_id=4&new=4&text_number=

6 Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 10.11.2020 по делу № 22-5782/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=0CABE0C46AEED18C2EB2C412DC3D61DB&SORTTYPE=0&BASENODE=32907-3&ts=phoQmHTmc7nu7Cv1&base=SOSK&n=99504&rnd=3Z3DBA#AmPvMHTA54OyTWOa>.

данных лиц - членов ОПГ превратила в статус свидетелей. На неоднократные ходатайства ее защитников на проведении очных ставок с этими лицами из ОПГ и потерпевшими им было отказано⁷.

Другим основанием признания доводов защиты может служить ситуация, когда защитник в суде возражал против оглашения показаний неявившегося свидетеля, а в последующем данные показания отражаются в приговоре, обосновывая вину подсудимого. Как усматривается из материалов дела, в ходе судебного разбирательства подсудимый К. и защитник Ганжа В.В. возражали против оглашения показаний на предварительном следствии неявившегося свидетеля ФИО13, однако суд, ссылаясь на невозможность его явки, в отсутствие подтверждающих это обстоятельство сведений, огласил их (л.д. 218, т. 2)⁸.

По мнению руководителя уголовной практики АБ «КРП» Михаила Кириенко, «суды продолжают расширительно понимать положения о возможности оглашения показаний неявившихся свидетелей, чем грубо нарушают права на защиту, и выразил несогласие с выводом Конституционного суда о том, что ч. 2.1 ст. 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ гарантирует соблюдение права на защиту».

Михаил Кириенко полагает, что основания оглашения показаний следует четко указать в Уголовно-процессуальном кодексе РФ в целях препятствия расширительному толкованию правоприменителем. «Ссылки на возможность оспорить показания на других стадиях, а также эффективность такой возможности – очень субъективный момент, который суд зачастую истолковывает без учета гарантии состязательности не только в целом, но и при оценке каждого доказательства, – пояснил адвокат. – Кроме того, на момент наличия такой возможности у обвиняемого может не быть определенного объема информации, гарантированной законодателем по итогам предварительного расследования, которую можно использовать для защиты» [4].

В соответствии с частью 2 статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ при неявке в судебное заседание потерпевшего или свидетеля суд вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять решение об оглашении ранее данных ими показаний и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, в случаях:

- 1) смерти потерпевшего или свидетеля;
- 2) тяжелой болезни, препятствующей явке в суд;
- 3) отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову суда;
- 4) стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд;
- 5) если в результате принятых мер установить место нахождения потерпевшего или свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным.

По мнению Марковой Т.Ю. «положения ч. 2 ст. 281 УПК РФ существенно отличаются от положений ч. 1 рассматриваемой статьи. Основное различие заключается в том, что здесь устанавливается исчерпывающий (закрытый), не подлежащий расширительному толкованию перечень обстоятельств, при наличии которых возможно оглашение показаний неявившегося в судебное заседание потерпевшего или свидетеля» [2, с. 163]. Необходимо отметить, что обстоятельства, перечисленные выше, необходимо точно установить, подтвердить надлежащими документами и отразить в решении суда об оглашении показаний неявившихся потерпевших и

свидетелей. Установить эти обстоятельства, по мнению Верховного Суда РФ, должен суд первой инстанции.

Часть 3 статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ регламентирует основания для оглашения показаний потерпевшего или свидетеля, данных ими на стадии предварительного расследования. Маркова Т.Ю. считает, что «одно временно должны быть установлены следующие основания:

- свидетель должен дать показания и в суде, и на предварительном расследовании;
- заявление стороной по делу суду соответствующего ходатайства;
- наличие между двумя показаниями противоречий;
- существенность выявленных противоречий» [2, с. 164].

Вывод.

Неопределенность и неоднозначность рассматриваемой нормы уголовно-процессуального законодательства влечет различное его толкование, практически неограниченные возможности для применения судебского усмотрения. Анализ судебной практики говорит о том, что отсутствие единого толкования статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ дает возможность судам применять ее по-своему, обеспечивая стороне обвинения в большинстве случаев необходимое ей оглашение показаний неявившегося потерпевшего или свидетеля.

Подводя итог, надо отметить, что статья 75 и часть 2 статьи 389.17 Уголовно-процессуального кодекса РФ должны отражать существенные нарушения закона (последствия непредоставления обвиняемому или подсудимому возможности оспорить доказательства в предыдущих стадиях производства по делу).

Помимо этого, статью 47 Уголовно-процессуального кодекса РФ необходимо дополнить правом заявлять ходатайство о проведении очных ставок между обвиняемым и свидетелями. Причем данное ходатайство должно быть обязательно удовлетворено.

Пристатейный библиографический список

1. Кальницкий В.В. Соотношение уголовного досудебного и судебного производства как учебная проблема // Законодательство и практика -2018. - № 1 (40). - С. 63.
2. Маркова Т.Ю. Оглашение в суде показаний свидетелей и потерпевших, данных на стадии предварительного расследования // Lex Russica. - 2016. - № 9 (118). - С. 163.
3. Осодоева Н.В. Законность оглашения показаний неявившихся в суд свидетелей и потерпевших // Уголовный процесс. - 2022. - № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e.ugpr.ru/975109>.
4. Павлова З. КС вновь подчеркнул, что показания потерпевших и свидетелей оглашаются в исключительных случаях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-vnov-podcheknul-cto-pokazaniya-poterpevshikh-i-svideteley-oglashayutsya-v-isklyuchitelnykh-sluchayakh/>.

7 Апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 07.10.2021 по делу № 22-1452/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vs--dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4344646&delo_id=4&new=4&text_number=1.

8 Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 16.04.2020 по делу № 22-717/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vs--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6443041&delo_id=4&new=4&text_number=1.

СУЛЕЙМАНОВ Талят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

НАЗАРКИН Евгений Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

НОВИКОВА Людмила Владиславовна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ДАНИЛОВА Ирина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Органы предварительного следствия и дознания накопили достаточный опыт собирания и проверки доказательств по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Но следственная и судебная практика допускают ошибки, связанные с процессом доказывания по данной категории дел, о чем свидетельствуют неоднократные решения Пленума Верховного Суда Российской Федерации [1].

Ключевые слова: собирание, проверка и оценка доказательств, производство расследования по уголовному делу, противоправный оборот наркотических средств.

NAZARKIN Evgeniy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

NOVIKOVA Lyudmila Vladislavovna

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

DANILOVA Irina Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

EXPERIENCE IN THE FORMATION OF EVIDENCE BASE IN CASES OF CRIMES RELATED TO ILLICIT DRUG TRAFFICKING

The bodies of preliminary investigation and inquiry have accumulated sufficient experience in collecting and verifying evidence in cases of crimes related to illicit drug trafficking. But investigative and judicial practice make mistakes related to the process of proof in this category of cases, as evidenced by repeated decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation [1].

Keywords: collection, verification and evaluation of evidence, criminal investigation, illegal drug trafficking.

Реализация собирания, проверки и оценки доказательств по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, не теряет своей актуальности для теории и практики доказательственного права. Незаконный оборот наркотических средств угрожает существованию генофонда, а также представляет опасность устоям существования общества и государства. Отмечается рост количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, причем в совершение данного преступления все большее число вовлекается несовершеннолетних, молодежи, женщин. Минимизация масштабов количества преступлений в сфере оборота наркотических средств выступает первоочередной задачей правоохранительных органов.

Полнота формирования доказательственной базы по уголовным делам, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, находится в прямой зависимости от уровня наработки следственной практики и наличия эффективных криминалистических методик по расследованию данного вида преступлений. По упомянутой категории дел требуется тщательное изучение уголовно-правовой и криминалистической информации о преступлении, которое способствует выявлению квалифицирующих признаков состава преступления и обстоятельств, подлежащих доказыванию. О необходимости совершенствования процедуры собирания и проверки доказательств в сфере оборота наркотических средств, свидетельствует существующий объем нелегального рынка по сбыту различного вида наркотиков, курительных смесей [2, с. 43]. Преступления, связанные с незаконным сбытом, производством, хранением наркотических средств, объединяются группой однородных составов, каждый из которых квалифицируется как самостоятельное деяние, и в то же время может выступать составным

элементом другого преступления, что представляет сложность при квалификации преступления, в осуществлении процесса доказывания. Сущность процесса доказывания заключается в установлении связей и явлений, образующих предмет доказывания (то есть то, что нужно доказать), в установлении причинной связи между явлениями и фактами в объективной действительности. Установление тех самых связей по событиям, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, представляет сложность в судебной практике, что и предопределило тематику настоящей статьи.

Но актуальность тематики и сложность реализации процесса доказывания в ходе предварительного расследования по делам отмеченной категории на практике вызвали потребность в проведении многочисленных научных исследований и выработке эффективных рекомендаций. Тем не менее, на настоящее время, теория и практика уголовного процесса не достигла единства взглядов и понимания значимости процесса доказывания, остались вопросы по собиранию и проверке доказательств по категориям производств, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Весь период расследования при производстве по уголовному делу, связанному с противоправным оборотом наркотических веществ, начиная со стадии возбуждения уголовного дела и завершая судебными стадиями по проверке и пересмотру приговора связано с процессом доказывания. Процедура формирования доказательственной базы по уголовному делу основное направление деятельности следователя (дознателя) по установлению ретроспективных обстоятельств совершенного деяния. Работа следователя по формированию доказательственной базы по уголовному делу, по установлению обстоятельств, образующих предмет доказывания по уголовному делу

невозможна без выполнения процесса доказывания. Процедура создания доказательственной базы и доказывания выполняется в рамках расследуемого уголовного дела и закрепляется в процессуальной форме [3, с. 229].

В процессе доказывания информация о преступлении становится доказательством по уголовному делу. Процессуальное доказывание есть процедура последовательно принимаемых решений на основе собранных, проверенных и оцененных доказательств (их совокупности). Процесс доказывания продолжается до тех пор, пока следователь (дознатель), судья не примут итоговое решение по уголовному делу. Для реализации процесса доказывания используются специальные средства — доказательства, которые могут быть получены только из определенных законом источников и по установленной процедуре.

Для каждой стадии уголовного процесса присущ процесс доказывания, но на каждой стадии имеется свой предмет доказывания. Применительно к нашему вопросу, на стадии возбуждения уголовного дела должно быть доказано, что изъятое вещество является наркотическим средством. Если на этой стадии наркотическое средство не выявлено, не обнаружено, то отсутствует фактическое основание для начала производства по уголовному делу. Формирование доказательственной базы по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, реализуется в три этапа: на первом этапе собирается вся исходная информация, которая относится к конкретному эпизоду преступления, на втором этапе устанавливаются участники преступного оборота, принимаются меры к задержанию подозреваемого(ых) с личным, и далее последующее предъявление обвинения, на третьем этапе процесса доказывания происходит окончательное формирование доказательственной базы, на основе чего составляется обвинительное заключение [4, с. 229].

К особенностям процесса доказывания при производстве по уголовному делу связанному с незаконным оборотом наркотических средств следует отметить: обязательность фиксации предмета преступления — наркотического вещества, отсутствие потерпевшего по данной категории дел, наличие множества подзаконных нормативных актов, регулирующих оборот наркотических средств, преступления данной группы совершаются с умыслом в форме вины, способы совершения преступлений, связанных с оборотом наркотических средств, предполагают совершение преступления в отсутствие очевидцев, контакты между участниками оборота совершаются, нередко, анонимно через социальные сети, мобильные приложения [5, с. 270]. Расширение бесконтактного способа оборота наркотических средств между продавцом и покупателем существенно затрудняет процесс доказывания по данной категории дел. Оборот наркотических средств осуществляют хорошо организованные преступные группы, что также является обстоятельством, усложняющим процесс доказывания по данному делу. Лица, задержанные в качестве подозреваемого, подлежат личному обыску и освидетельствованию с участием специалиста нарколога. Также к особенностям процесса доказывания следует отнести обязательное изъятие мобильного телефона, фотоаппарата, компьютера обвиняемого, так как эти предметы могут содержать информацию о незаконном обороте наркотических средств.

Объективная сторона преступлений предполагает, чаще всего, совершение действий по обороту наркотических средств конспиративно, с использованием различных приемов сокрытия. Поэтому большинство доказательств по данной категории дел добывается, собирается с использованием возможностей оперативного аппарата, обязательно по данной категории дел назначение и производство судебно-химических экспертиз для получения заключения о том, что исследуемое вещество является наркотическим средством.

Практическое значение предмета доказывания заключается в том, что следователь, дознаватель целенаправленно знают, что они должны доказать по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. На начальном этапе расследования уголовного дела устанавливаются дополнительные обстоятельства, которые учитывают специфику признаков состава преступления [6, с. 32].

К обстоятельствам, относящимся к предмету доказывания при производстве по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств признаются:

- доказанность незаконного изготовления, приобретения, хранения, перевозки, сбыта, хищения, посева и выращивания наркотиков, а также организации или содержания притонов для их потребления; под действие какой статьи УК РФ подпадают деяния подозреваемых лиц;

- где, когда и при каких обстоятельствах было совершено преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств;

- кем совершено преступление, привлекалось ли ранее это лицо к уголовной или административной ответственности за аналогичные деяния; наличие отягчающих и смягчающих вину обстоятельств; совершено ли преступление одним лицом или группой, какова роль каждого и кто организатор преступления; - какое количество наркотических средств, изъято и к какому виду наркотиков они относятся;

- что служило сырьем для приготовления наркотических средств, откуда его поставляли;

- цели и мотивы совершения преступления;

- размер наживы, полученный от незаконных операций с наркотиками; оказывал ли кто-либо содействие в незаконных операциях с наркотиками и в чем оно выразилось;

- установление финансовых источников для покупки наркотиков;

- причины и условия, способствующие совершению данного преступления.

Выяснение всех элементов, образующих предмет доказывания по делам, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, обязательно для обеспечения полного и всестороннего расследования уголовного дела [7 с. 79]. Для этого у следователя в распоряжении имеется необходимый арсенал следственных действий, позволяющих осуществить качественный процесс формирования доказательственной базы по уголовному делу.

Правовое закрепление перечисленных обстоятельств позволяет следователю, дознавателю принять процессуальное решение по делу. С понятием предмет доказывания неразрывно связано понятие предел доказывания. Предел доказывания зависит от предмета доказывания и определяет, сколько требуется собрать доказательств для установления предмета доказывания. Предел доказывания позволяет установить достаточность собранных по делу доказательств. Достижение предела доказывания определяется следователем, дознавателем самостоятельно, с учетом оценки собранных доказательств. По итогам оценки доказательств принимается процессуальное решение по уголовному делу.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15 июня 2006 г., № 14, от 23 декабря 2010 г. № 31, 27.09. 2011 г. № 14, от 30 июня 2015 г. № 30 и от 16 мая 2017 г. № 17.
2. Шатухина И. Л., Рахматулин З. Р. Сущность и некоторые особенности средств доказывания по делам о незаконном обороте наркотиков // Эпоха науки. - 2018. - № 15. - С. 44.
3. Авилов А. В. Понятие и элементы процесса доказывания по уголовным делам // Общество и право. - 2009. - № 5 (27). - С. 228.
4. Дейнис Д. В., Воронин С. Э. К вопросу об особенностях доказывания по делам о незаконном обороте наркотических средств // Эпоха науки. - 2018. - № 14. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osobennostyah-dokazyvaniya-podelam-o-nezakonnom-oborote-narkoticheskikh-sredstv> (дата обращения: 22.08.2022).
5. Битов А. А. Выявление и раскрытие преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием информационных технологий // Проблемы экономики и юридической практики. - 2018. - № 5. - С. 272.
6. Александрова О. Ю. Предмет и пределы доказывания по уголовным делам о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. - 2013. - № 1 (12). - С. 31.
7. Кушхов Р. Х. Обстоятельства, подлежащие установлению, при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. - 2017. - № 3. - С. 78.

ТОПЧИЕВА Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье обозначаются теоретические и практические проблемы, возникающие перед органами предварительного расследования, при проведении допроса в дистанционном формате. Детальному исследованию подвергаются нормы ст. 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Автором обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих проведение допроса с применением видео-конференц-связи в ходе досудебного производства.

Ключевые слова: органы предварительного расследования, уголовное дело, участники уголовного процесса, отдельные следственные действия, доказывание.

TOPCHIEVA Tatyana Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

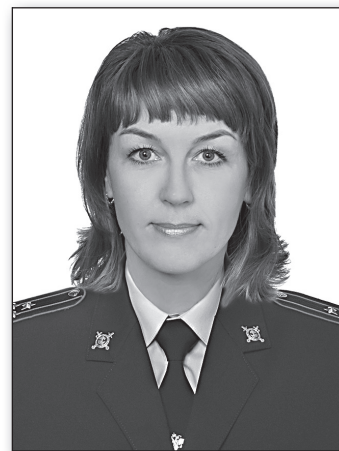
ACTUAL PROBLEMS OF INTERROGATION USING VIDEO CONFERENCING AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

The article outlines the theoretical and practical problems that arise before the preliminary investigation bodies when conducting an interrogation in a remote format. The norms of Article 189.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are subjected to a detailed study. The author substantiates the need for further improvement of the norms of the criminal procedure law regulating the conduct of interrogation using video conferencing during pre-trial proceedings.

Keywords: preliminary investigation bodies, criminal case, participants in the criminal process, separate investigative actions, proving.

Необходимость производства следственных действий, особенно допроса, в дистанционном формате на стадии предварительного расследования назрела давно, поэтому введение уголовно-процессуальных норм, регламентирующих проведение допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи (далее ВКС), было позитивно воспринято органами предварительного расследования¹. Появление норм, закрепленных в ст. 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ), обусловлено расширением цифровой трансформации на досудебное производство по уголовным делам. Однако, по прошествии полугода своего существования указанные нормы закона не нашли широкого применения на практике, поскольку правоприменитель при их реализации сталкивается с определенными проблемами, в том числе процессуального характера.

Первый блок вопросов связан с оформлением поручения о проведении допроса в дистанционном формате. Согласно ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ производство допроса с

Топчиева Т. В.

применением ВКС осуществляется на основании письменного поручения следователя, дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело. На подготовительном этапе к проведению допроса перед органами предварительного расследования возникают закономерные вопросы: какова форма и содержание такого поручения? Каковы сроки его выполнения? Эти вопросы важны и практически значимы, поскольку нормы закона регламентируют несколько видов поручений: по месту производства предварительного расследования, вне этого места, а также как по месту производства предварительного расследования, так и вне его. От выбора конкретного вида поручения зависит законность проводимого допроса.

Думается, при разрешении поставленных вопросов, органам предварительного расследования необходимо руководствоваться нормами, закрепленными в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, как базовыми, а также ч. 1 ст. 152 УПК РФ, определяющими полномочия следователя на дачу поручения о производстве отдельных процессуальных действий вне места расследования уголовного дела (обычное поручение, которое вправе дать следователь, в случае невозможности производства следственного действия самостоятельно). Таким образом форма поручения является традиционной, как и срок исполнения, который составляет 10 суток.

¹ 77 % опрошенных респондентов поддержали появление ст. 189.1 УПК РФ (в период с января по июль 2022 года было опрошено 100 сотрудников органов дознания и предварительного следствия территориальных органов внутренних дел Алтайского края).

Однако, содержание такого поручения видится несколько иным, оно должно включать: установление места нахождения допрашиваемого лица, обеспечение его явки, помощь в производстве допроса.

Следующий вопрос связан с правовым положением следователя (дознателя), которому поручено проведение допроса. Согласно действующей редакции закона в его обязанности входит обеспечение явки допрашиваемого, удостоверение в его личности, взятие подписи, направление расписки и необходимых документов следователю (дознателю), расследующему уголовное дело. Каких-либо иных процессуальных полномочий он не имеет. Как необходимо разрешить ситуацию, если допрашиваемое лицо уклоняется от явки на допрос? В чью компетенцию входит вынесение постановления о приводе? Согласно нормам закона такими полномочиями обладает следователь, осуществляющий производство по уголовному делу. Следуя логике закона, он вынужден направить еще одно поручение начальнику органа дознания по месту нахождения допрашиваемого лица и терпеливо ждать его исполнения. Такой порядок полностью нивелирует цель применения ВКС – ускорение сроков предварительного расследования, минимизация сил и средств для расследования уголовного дела. Для решения данного вопроса, думается, законодателю необходимо четко регламентировать процессуальные полномочия следователя (дознателя), выполняющего поручение о проведении отдельных следственных действий с использованием ВКС и гармонизировать нормы закона в этой части.

Определенные вопросы возникают и в связи с содержанием протокола допроса, а также порядком его ознакомления. Согласно нормам ст. 189.1 УПК РФ протокол допроса составляется следователем или дознавателем, который осуществляет производство предварительного расследования. Помимо общих реквизитов в протоколе указываются время и место производства следственного действия, как по месту составления протокола, так и по месту нахождения допрашиваемого лица. При этом при фиксации времени следственного действия необходимо обеспечить соблюдение принципа уважения чести и достоинства личности и общих правил производства следственных действий, в том числе – запрет на их производство в ночное время. Органам предварительного расследования при планировании допроса необходимо учитывать территориальную протяженность России, наличие часовых поясов и корректно указывать время проведения допроса. Фиксация информации о месте производства допроса каких-либо затруднений у органов предварительного расследования не вызывает, но вместе с тем, требования ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ о месте и времени производства следственного действия фактически обуславливают новую форму протокола допроса, по крайней мере, ее вводной части.

Наиболее актуальной проблемой, связанной с обеспечением прав участников уголовного судопроизводства и требующей скорейшего законодательного разрешения, является действующий порядок ознакомления с протоколом допроса, проведенного в дистанционном формате. Соглас-

но общим правилам производства следственных действий ознакомление лиц, участвующих в их проведении, может осуществляться путем личного прочтения либо оглашением протокола дознавателем, следователем. Однако при производстве допроса посредством ВКС отсутствует объективная возможность ознакомления с протоколом участниками допроса путем его личного прочтения, что может в определенной мере негативно сказаться на объективном отражении полученной информации, так как участвующие лица не могут увидеть текст протокола, лично его прочесть, а полагаются лишь на его воспроизведение дознавателем или следователем. Более того, действующая редакция ст. 189.1 УПК РФ не предусматривает ознакомление допрашиваемого лица с видеозаписью допроса (вместе с тем применение видеозаписи следственного действия является обязательным, соответственно ознакомление должно осуществляться в общем порядке).

В связи с изложенным возникают следующие вопросы. Кто должен предъявить видео: следователь, ведущий предварительное расследование, следователь, исполняющий поручение, или специалист? Каким способом осуществляется запись, с какого носителя копируется информация? Эти вопросы в настоящее время остаются открытыми. Вместе с тем следует прийти к однозначному выводу – ознакомление с видеозаписью в ходе производства допроса невозможно. Думается правоприменитель в сложившейся ситуации пойдет традиционным путем: в протоколе допроса найдет свое достойное место запись – приложение к протоколу оформляется по мере изготовления. Однако такое решение обозначенного вопроса навряд ли будет способствовать обеспечению прав допрашиваемых лиц.

В связи с этим видится несколько решений по выходу из сложившейся ситуации.

Первый вариант связан с возможностью составления протокола следственного действия посредством ВКС по месту нахождения следователя, дознавателя, которым поручено производство данного следственного действия, поскольку такое решение позволит в полной мере обеспечить права участвующих лиц, как это и предусматривалось в первоначальной редакции ст. 189.1 УПК РФ, предложенной в законопроекте № 1184595-7 от 01.06.2021 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»². Однако такой подход, во-первых, не позволит обеспечить оперативность доставления протокола допроса следователю (дознателю), расследующему уголовное дело; полностью нивелирует цели и задачи проведения следственного действия, проводимого с применением ВКС. Во-вторых, обострит проблему определения процессуальных полномочий следователя (дознателя), органа дознания, исполняющих поручение о производстве следственного действия с применением ВКС.

Более оптимальным в данной ситуации видится вариант использования единой системы информационно-ана-

2 Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7> (дата обращения: 28.07.2022).

литического обеспечения (далее ИСОД)³, которая широко применяется в системе МВД России, позволяет оперативно пересылать документ, визировать его электронной подписью. В научной литературе довольно распространено мнение об использовании ИСОД, как системы ВКС государственных органов, обеспечивающей качественную связь с надежным уровнем защиты [1]. Данная система позволяет получить электронный ключ практически любому сотруднику МВД России. Однако острая проблема технического плана возникает в связи с запретом доступа к этой системе гражданских лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, поскольку приоритеты МВД России в сфере информационной безопасности связаны с закрытостью ведомственных каналов связи, а также обеспечением тайны предварительного расследования. В связи с этим, думается, необходимо совершенствовать Концепцию цифровизации МВД России, предусмотрев возможность выдачи участникам уголовного судопроизводства, например, по инициативе органа предварительного расследования разовых электронных ключей, которые бы выдавались на определенное время. Таким способом допрашиваемое лицо сможет ознакомиться как с текстом протокола допроса путем личного прочтения, проверить, были ли внесены его замечания, удостоверить информацию своей подписью.

Последняя проблема, которую хотелось бы в данной статье обозначить, связана с противоречиями, возникающими между частями 3 и 4 ст. 189.1 УПК РФ. Перечисляя требования (часть 3) к составлению протокола допроса, проводимого в дистанционном формате, законодатель исключает участие в нем специалиста (ст. 168 УПК РФ) и переводчика (ст. 169 УПК РФ). По нашему мнению, это абсолютно нелогично, поскольку, во-первых, исключает возможность дачи показаний с применением ВКС лица, не владеющего языком уголовного судопроизводства (прямое толкование ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ указывает на обязанность проводить допрос с участием лица, не владеющего языком уголовного судопроизводства, лишь в очном формате). Во-вторых, участие специалиста при проведении допроса просто необходимо, поскольку допустимость полученных доказательств в данном случае будет обеспечиваться качеством связи, устойчивой трансляцией изображения и звука. Более того, привлечение специалистов обеими сторонами (по месту предварительного расследования и проведения допроса) может лишь приветствоваться, поскольку именно штатный специалист имеет доступ к системе видеоконференцсвязи (ай пи адреса территориальных органов, доступ к серверу, с которого будет осуществлено копирование видеозаписи проведенного допроса и др. Помимо этого копирование информации будет осуществляться все тем же специалистом). Более того, нормы ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ обязывают осуществлять видеозапись проводимого следственного действия. Безусловно, запись проводимого допроса может осуществить следователь, до-

знаватель. Вместе с тем, во время допроса должностному лицу необходимо направлять ход следственного действия, определять и корректировать тактику его проведения в зависимости от конкретной складывающейся ситуации и пр. Было бы логично возложить обязанности по установлению связи, проверки качества трансляции, записи проводимого следственного действия и копирования информации с сервера на специалиста. В связи с этим следует прийти к выводу о дополнении норм, перечисленных в части 3 ст. 189.1 УПК РФ, статьями 168 и 169 УПК РФ.

Таким образом, проведенный анализ норм ст. 189.1 УПК РФ свидетельствует о необходимости их переосмысления и дальнейшего совершенствования в следующих направлениях: четкая регламентация процессуальных полномочий следователя (дознателя), выполняющего поручение о проведении отдельных следственных действий с применением ВКС, путем гармонизации норм ст. 38, 41 и 189.1 УПК РФ; дополнение норм, перечисленных в части 3 ст. 189.1 УПК РФ, статьями 168 и 169 УПК РФ, регламентирующих порядок привлечения специалиста и переводчика. Помимо этого, на ведомственном уровне в кратчайшие сроки необходимо разрешить организационные вопросы, связанные с возможностью доступа участников уголовного судопроизводства к единой системе информационно-аналитического обеспечения.

Пристатейный библиографический список

1. Гаас Н. Н. Использование видео-конференц-связи при производстве следственных действий в стадии предварительного расследования: изменения, в которых нуждается практика // Российский следователь. - 2021. - № 12.

3 Об утверждении концепции создания единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в 2012-2014 годах: приказ МВД России от 30.03.2012 № 205. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/search/?qB4> (дата обращения: 28.07.2022).

ТАОВА Лилия Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

АРДАВОВ Михаил Мухамединович

кандидат юридических наук, начальник кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Законность уголовно-процессуальных процедур – главное требование и условие справедливого вынесения решений. В данной статье автор рассматривает допустимость доказательств как критерий законности. Рассмотрение сведений, источников и форм доказательств позволяет глубже понять проблему допустимости применения тех или иных фактов. Автор также поднимает проблему допустимых нарушений при получении доказательств, посредством рассмотрения восполнимости и невосполнимости нарушений, допущенных при получении и оформлении доказательств. В статье затрагиваются вопросы относимости и достаточности доказательств, как важных факторов, влияющих на объективность и правильность выносимого решения по делу.

Ключевые слова: доказательства, допустимость, законность, восполнимость нарушений, сведения, источники формы доказательств, надлежащий характер доказательств, относимость, достаточность.

TAOVA Liliya Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Special disciplines sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

ARDAVOV Mikhail Mukhamedinovich

Ph.D. in Law, Head of Special disciplines sub-faculty of the North Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The legality of criminal procedural procedures is the main requirement and condition for fair adjudication. In this article, the author considers the admissibility of evidence as a criterion of legality. Consideration of information, sources and forms of evidence allows a deeper understanding of the problem of the admissibility of the application of certain facts. The author also raises the problem of permissible violations in obtaining evidence by considering the recoverability and irreplaceability of violations committed in obtaining and processing evidence. The article touches upon the issues of relevance and sufficiency of evidence as important factors affecting the objectivity and correctness of the decision in the case.

Keywords: evidence, admissibility, legality, enforceability of violations, information, sources of the form of evidence, the proper nature of evidence, relevance, sufficiency.

Наличие доказательств по делу в уголовном процессе – одно из главных условий всестороннего, объективного и законного вынесения решения или приговора. Важное значение при этом приобретает допустимость, относимость доказательств и некоторые другие аспекты. Поскольку данный вопрос является достаточно актуальным и дискуссионным, то мы попытаемся провести некоторый анализ имеющихся на сегодняшний день мнений и размышлений по этому поводу.

В уголовном процессе существует достаточно актуальная проблема допустимости доказательств. Одним из центральных вопросов в ней стоит само понятие допустимости, поскольку трактовка и понимание данного термина весьма отличается у многих авторов, то мы попытаемся раскрыть ее посредством составляющих ее частей, таких как:

- источники;
- сведения;
- формы.

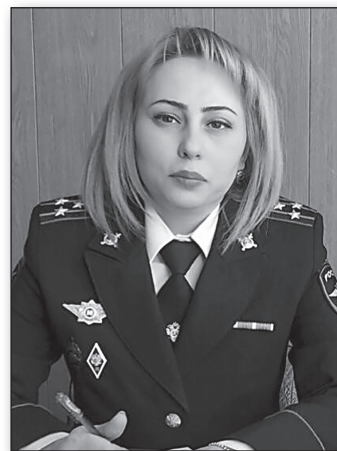
На сегодняшний момент в законодательстве отсутствует определение источника доказательств, поэтому единого мнения о том, что именно можно ими считать не существует. На это обстоятельство указывали в своей работе И. Г. Рогова, Д. В. Яловая [6].

Сведения можно рассматривать как первичный материал, формирующий содержание доказательства. Носителями сведений могут быть как физические лица, так и физические предметы. Однако источниками их назвать нельзя, поскольку они являются лишь некими «хранителями» информации.

А. С. Барабаш определял показания и документы как доказательства, а источником – человека [3]. А. А. Давлетов, наоборот, считал, что и человек, и предмет могут быть доказательствами, поскольку от них исходят фактические данные [4]. Однако если предмет еще можно приобщить к уголовному делу в качестве доказательства, то с человеком это невозможно. Данное обстоятельство четко обозначает проблемную область изучаемого нами вопроса.

В. Я. Дорохов, с которым мы согласны, утверждал еще в 80-х годах 20 века, что человек, является носителем информации любого источника доказательств, а непосредственно доказательства определял как взаимодействие неких образов предметов и сведения о них [5].

Институту доказывания в нашем государстве уделяется существенное внимание. В Конституции РФ существует прямое указание на использовании только допустимых доказательств [1].

Таова Л. Ю.

Ардавов М. М.

Вопросами допустимости доказательств занимались такие деятели современного права как И. Г. Рогава, Д. В. Яловая, М. А. Ногаева, Д. А. Кругликова и другие.

Субъектами доказывания, согласно УПК РФ, являются: следователь, дознаватель, прокурор и суд, которые, опираясь на существующее законодательство нашей страны, устанавливают, подлежащие доказыванию обстоятельства по уголовному делу. А в качестве источников доказательств приводятся:

- вещественные доказательства;
- протоколы следственных и судебных действий;
- показания всех участников уголовного процесса;
- заключения специалиста, эксперта,
- иные документы [7].

Согласно ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке и анализу с точки зрения достоверности, относимости и допустимости, а Совокупность всех собранных доказательств – достаточности для разрешения уголовного дела [2].

Понятие относимости доказательств также имеет значение, поскольку для расследования и вынесения судебного решения можно использовать только данные, которые имеют фактическое отношение к конкретному делу. Важным их свойством является способность доказывать или опровергать некоторые обстоятельства, при том они обязательно должны быть связаны с ними определенными причинами. Следователь, прокурор, судья – те, лица, которые в ходе своей работы обязаны устранять не имеющие к делу данные, мешающие установлению истины.

Таким образом, относимость доказательств рассматривается с точки зрения следующих аспектов:

- входит ли факт, на который приводится доказательство, в предмет доказывания;
- способно ли доказательство этот факт устанавливать.

Ст. 17 УПК РФ позволяет оценивать доказательств на основании внутреннего убеждения и понимания представленных данных, опираясь на закон и совесть, за исключением прямых указаний данных в ст. 75 УПК РФ.

Таким образом, можно говорить о некоторых «правилах» или требованиях к допустимости доказательств, продиктованных УПК РФ, а именно надлежащий характер должны иметь:

- источник;
- субъект доказывания
- вид способа собирания доказательств;
- процессуальные формы собирания и проверки доказательств;

Нарушение данных обстоятельств могут служить причиной отмены или изменения судебного решения.

По мнению А. В. Середнева, допустимость – это правовое требование, а не свойство доказательства [8]. Доказательства – это сведения, которые формируются и приобретают значимость лишь в рамках уголовного процесса. Поэтому допустимость можно считать формой доказательства. Однако в некоторых случаях, оно может быть допустимо по форме, но не допустимо по содержанию, например, если не имеет отношения к рассматриваемому уголовному делу.

Недопустимыми доказательствами можно считать те, которые невозможно проверить, то есть неизвестен их источник. К таким данным можно отнести те, которые:

- получены из анонимных писем;
- приобщены к делу в отсутствие понятий;
- получены незаконными способами и прочее.

Одним из важнейших критериев допустимости доказательств является ее процессуальность, то есть законность процедуры получения и закрепления доказательств.

Однако и тут имеется несогласованность мнений. Некоторые ученые считают, что недопустимыми могут считаться любые доказательства, полученные с *любым* нарушением закона, а другие предлагают считать таковыми, лишь те, которые были получены в результате *существенного* его нарушения.

Несущественными нарушениями можно считать, например, вызов свидетеля на допрос незаконным способом. Однако данный факт не может опровергать достоверность самих показаний. А вот существенными нарушениями можно считать те, которые грубо нарушают права участников процесса и влияют на законность и обоснованность приговора.

Допустимость доказательств также можно рассмотреть с точки зрения восполнимости и невозможности процессуальных нарушений. Так, например, восполнимыми можно считать отсутствие чьей-либо подписи, например свидетеля. Однако если отсутствует подпись свидетеля, которого нет в живых, то нарушение считается невозможным и доказательство теряет свою юридическую силу.

Нередко сомнение относительно допустимости доказательств возникает после «выхода» определенных законодательных документов, определяющих иной порядок получения сведений. Приобщение таких доказательств к делу и рассмотрение их судом разъясняется, как правило, в Постановлениях Конституционного Суда РФ.

Рассуждая о доказательствах, нельзя обойти момент их классификации. Этот аспект также важен, поскольку служит неким критерием в их оценке, а также определяет некоторые требования к доказательствам, в зависимости от их вида. В рамках нашей статьи мы, конечно, не будем детально останавливаться на ней. Отметим только, что наряду с прямыми доказательствами, существуют, например, косвенные, которые могут быть также использованы в деле, но лишь в своей совокупности, и исключать иные выводы и сомнения относительно предмета доказывания.

Наличие доказательств в деле – это та основа, на которой строится, по сути, весь процесс расследования, поэтому они должны быть допустимы, относимы, достоверны и достаточны, что служит гарантией достижения истины и справедливости, выносимого судом решения. Поскольку наша страна является правовым государством, то и правосудие в своей работе опирается на законодательные ориентиры и процессуальные порядки. Нарушение хотя бы одного аспекта ставит под сомнение законность, правильность и объективность принятых решений, что недопустимо, поскольку нарушает конституционные права граждан и подрывает их доверие ко всей уголовно-процессуальной системе в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) от 18.12.2001 № 174-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
3. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. - СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. - 257 с.
4. Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. - 152 с.
5. Дорохов В. Я. Понятие источника доказательств // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. Тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 27 марта 1981 г. - М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1981. - С. 7-12
6. Рогава И. Г., Яловая Д. В., Допустимость как свойство доказательств в уголовном судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2019. - № 2-2. - С. 173-175.
7. Рябчиков В. В., Корниенко Д. О. Проблемы допустимости доказательств в уголовном процессе // StudNet. - 2021. - № 7. - С. 343-348.
8. Середнев В. А. Проблемы допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // МНКО. - 2012. - № 3. - С. 324-331.

АЛИЕВ Хиби Курбанович

кандидат юридических наук, доцент, Северо-кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

МАРИАНОВ Алихан Абдулаевич

кандидат исторических наук, доцент, Дагестанский государственный университет филиал в г. Избербаше, Дагестанский государственный педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ПОКАЗАНИЯ ПОТЕРПЕВШИХ, СВИДЕТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с допросом несовершеннолетних, участвующих в уголовных процессах. Авторы статьи проводят обзор законов, регулирующих особенности допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. Автор обращает внимание как на процедурные, так и на тактические, а также на психологические особенности этих опросов. В статье представлен сравнительный анализ современных подходов к допросу несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в современных уголовных процессах в России. Авторы приходят к обоснованному выводу о необходимости разъяснения процессуальных правил допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, а также решения вопросов, связанных с организацией процесса получения и оглашения показаний этих конкретных участников процесса. Было отмечено, что необходимо усовершенствовать процессуальное законодательство, касающееся допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, допрос, видеозапись, киносъемка, несовершеннолетний, потерпевший свидетель, законный представитель, защитник.

ALIEV Khibi Kurbanovich

Ph.D. in Law, associate professor, North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

MARIANOV Alikhan Abdulaevich

Ph.D. in historical sciences, Dagestan State University branch in Izberbash, Dagestan State Pedagogical University

FEATURES OF TESTIMONY OF VICTIMS, WITNESSES OF MINORS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the study of the problems of the interrogation of minors involved in criminal proceedings. The authors of the article conduct a review analysis of the legislation regulating the specifics of the interrogation of juvenile suspects and accused. The author pays attention to both procedural and tactical, as well as psychological features of these interrogations. The article offers a comparative analysis of modern approaches to the interrogation of minor victims and witnesses in modern criminal proceedings in Russia. The authors come to a reasonable conclusion about the need to clarify the procedural rules for the interrogation of minor victims and witnesses and to solve problems related to the organization of the process of obtaining and announcing the testimony of these special participants in the process. The conclusion is made about the need to improve the procedural legislation regulating the interrogation of juvenile suspects and accused in criminal cases.

Keywords: criminal proceedings, interrogation, video recording, filming, minor, victim witness, legal representative, defender.

К сожалению, сегодня дети и подростки не полностью защищены от различных проявлений сексуальной, своекорыстной и других форм эксплуатации со стороны взрослых. Ежегодно до двух миллионов несовершеннолетних подвергаются насилию в различных формах; по разным данным, от 50 до 500 000 детей ежегодно покидают семьи и специальные учреждения, спасаясь от жестокости родителей, педагогов и сверстников; участились случаи похищения детей с целью получения выкупа. В этой ситуации необходимо совершенствовать тактику следственных действий с участием представителей этой группы лиц, особенно тактику допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, которые часто являются единственными очевидцами преступлений и поэтому обладают очень важной информацией, определяющей весь ход расследования.

Допрос является одним из наиболее распространенных следственных действий для получения доказательств по уго-

ловному делу. В ходе проведения этого расследования дознаватель, следователь получает и собирает информацию, полученную в устной форме от лица, владеющего этой информацией.

Общие правила допроса регулируются статьями 187-190 УПК РФ, а отдельная статья УПК РФ (статья 191 УПК РФ) устанавливает особенности допроса лица, не достигшего 18-летнего возраста и являющегося потерпевшим или свидетелем по уголовному делу. Особенности допроса подростков потерпевших и свидетелей связаны с особенностями возрастной психики несовершеннолетних, отсутствием у них жизненного опыта, а также неспособностью правильно оценить ситуацию, в которой они оказались.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает не только особенности допроса несовершеннолетнего, но и особенности вызова на допрос, что регулируется статьей 188 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Алиев Х. К.

Марианов А. А.

С 1 января 2015 года вступила в силу часть 5 статьи 191 УПК РФ, которая обязывает сопровождать следственные действия с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей видеозаписью или киносъемкой в досудебном порядке (вкратце речь пойдет только о видеозаписи).

А главное, тем же федеральным законом статья 281 УПК РФ дополнена частью 6, согласно которой (вместе с частью 1 той же статьи) теперь вместо допроса вышеуказанных лиц их показания в ходе предварительного следствия должны оглашаться в суде с демонстрацией их видеозаписей. Допрос этих лиц в соответствии с той же частью 6 статьи 281 УПК РФ стал возможен в порядке исключения, а именно по мотивированному решению суда, основанному на ходатайстве сторон или инициативе самого суда [1].

При допросе несовершеннолетних свидетелей (потерпевших) в возрасте до 14 лет требуется участие преподавателя, в противном случае его отсутствие в судебном заседании признается существенным нарушением Уголовно-процессуального законодательства, соответственно, показания подростков потерпевших (свидетелей) теряют свою доказательную силу в уголовном процессе, кроме того, суды должны соблюдать закон, обеспечивающий соблюдение прав несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) в уголовном процессе. Кроме того, суды должны соблюдать закон, регулирующий права несовершеннолетних потерпевших (свидетелей), и, соответственно, показания несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) теряют свою доказательную силу в уголовном процессе. Разъяснение обязанностей и ответственности, а также выяснение отношений потерпевшего (свидетеля) с участниками уголовного процесса до начала допроса, и на основании судебной практики можно сделать вывод, что законный представитель может быть допрошен в судебном заседании в качестве свидетеля.

В. В. Кальницкий и М. М. Овчинникова вполне обоснованно отмечают, что «использование видеозаписей показаний несовершеннолетнего является, по сути, императивом. Для сравнения, видеозапись других следственных действий в качестве дополнительного средства фиксации полностью зависит от усмотрения следователя» [2].

В следственных действиях видеозапись используются, если нет возражений со стороны потерпевшего и его законного представителя, что необходимо для обеспечения дополнительных гарантий защиты прав и законных интересов детей. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общее производство)». Кроме того, с учетом психофизиологических особенностей несовершеннолетнего потерпевшего, которые заключаются в необходимости компенсации возрастной недостаточности (по возрасту), законодатель привлекает следующих процессуальных фигур: психолога или педагога, представителя, законного представителя. Давайте подробнее рассмотрим роль каждой из вышеупомянутых процедурных фигур.

В связи с исключительной и довольно стрессовой ситуацией после совершения преступления в отношении подростков роль психолога, безусловно, высока. Это оказание психологической помощи, установление психологического контакта, что важно не только для качественного и продуктивного допроса, но и для защиты психики подростков потерпевшего.

В конце концов, эти авторы предполагают только интеллектуальные способности некоторых категорий жертв, чтобы засвидетельствовать то, что произошло. При этом не учитываются психологические состояния детей пострадавших от преступления, которые в большинстве случаев характеризуются тем, что они получают глубокую психологическую травму в результате преступных действий. Повторный допрос может усугубить это состояние пострадавшего. Не исключена возможность причинения подросткам необратимых психических расстройств. Представляется, что если существует вероятность того, что несовершеннолетняя жертва нападения может вызвать или усугубить психическое состояние, то уважение прав этого участника должно иметь приоритет, если существует даже небольшая вероятность, возможность причинить вред или ухудшить психическое состояние несовершеннолетней жертвы нападения.

Важным становится допрос несовершеннолетних пострадавших от преступления. Представляется, что в сложных следственных ситуациях, характеризующихся отсутствием информации об обстоятельствах расследуемого события,

особенно о материальных следах преступления, в ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего необходимо провести видеосъемку.

Нежелание некоторых следователей использовать видео объясняется не только обычной нечестностью, но и опасениями совершить ошибки во время дополнительного допроса, записанного на видео, что поставит под сомнение допустимость и точность полученных показаний.

Чтобы избежать ошибок, следователи должны знать особенности психологии несовершеннолетних разного возраста, уметь контактировать с ними в ходе допроса и других следственных действий, с этой целью наладить взаимодействие с психологами, в том числе с их помощью, получить показания от потерпевших из рассматриваемой категории.

К сожалению, на практике бывают случаи, когда следователь фактически поручает проведение допроса вовлеченному психологу. Некоторые следователи даже оставляют его наедине с допрашиваемым, наблюдая за общением через двустороннее зеркало и с помощью средств передачи звука.

Рекомендуется опросить дошкольников в увлекательной игровой форме в специально оборудованной комнате с игрушками, привлекательными для детей аналогичного возраста.

Казалось бы, допрос несовершеннолетних с использованием видеозаписей должен проводиться в специально оборудованных для этой цели помещениях. В них оборудование для аудио-видеозаписи должно быть скрыто от глаз участников. Это облегчает задачу сосредоточения внимания респондента на заявлении и обеспечения надлежащего качества записи. Последнее в первую очередь связано с расположением микрофонов и объективов записывающего устройства, что обеспечивает качество звука и изображения независимо от положения участников следственного действия [4].

У подростков может сформироваться стойкое представление о собственной вине в случившемся. Они могут замкнуться в себе. Чтобы избежать осложнений при работе с молодыми жертвами и свидетелями, Ганс Гросс рекомендовал следователю иметь в кармане... небольшую коробку конфет, так как они полезны при допросе маленьких детей, с которыми у вас иногда нет времени или желания возиться, чтобы получить от них ценные показания. Сладости в этих случаях оказывают наиболее благотворное влияние на маленьких свидетелей: плачущий, застенчивый ребенок становится полезным свидетелем благодаря этому простому средству [2].»

Буквальное изложение показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, на которых делают упор следователи Следственного комитета Российской Федерации, представляет определенную опасность, поскольку анализ ошибок в следственной практике показывает, что часто несовершеннолетние (маленькие дети) не понимают значения того или иного слова или имеют другое значение в часто используемых терминах, используемые слова или фразы могут застрять.

В ходе расследования чрезвычайно важно убедиться, что несовершеннолетний понимает суть заданного вопроса, если не то, что он придает вопросу более доступную форму для его восприятия, возможно, даже на «детском языке».

Пристатейный библиографический список

1. Брусницын Л. В. Новые правила допросов несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии и в суде // Уголовное право. – 2015. – № 3. – С. 90-94.
2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 180.
3. Кальницкий В. В., Овчинникова М. М. Видеозапись следователем (дознавателем) показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля // Законодательство и практика. – 2016. – № 1. – С. 33.
4. Карагодин В. Н., Казаков А. А. Тактико-организационные и процессуальные проблемы досудебного производства по фактам преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних // Lex russica. – 2017. – № 6. – С. 141-155.

БАЛОВИНА Ирина Валерьевна

старший преподаватель кафедры уголовного процесса, адъюнкт Уфимского юридического института МВД России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье рассматривается деятельность органов предварительного расследования по оценке доказательств в процессе производства по уголовному делу, в частности, следователь определяет не только признаки, но и какие доказательства были получены, как оформлены, а также исследованы применительно к конкретному уголовному делу. Показано, что свойства доказательств по уголовному делу имеют значение для установления их допустимости. При осуществлении оценки доказательств следователь должен учитывать различные их характеристики, а также условия формирования таких доказательств.

Ключевые слова: предварительное следствие, предмет доказывания, доказательство, оценка допустимости, оперативно-розыскная деятельность.

BALOVINA Irina Valerjevna

senior lecturer of Criminal process sub-faculty, adjunct of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

IMPROVING THE CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY OF THE INVESTIGATOR IN ORDER TO INCREASE THE EFFECTIVENESS OF THE EVIDENCE BASE IN A CRIMINAL CASE

The article discusses the activities of the preliminary investigation bodies to assess evidence in the criminal case proceedings, in particular, the investigator determines not only the signs, but also what evidence was obtained, how it was framed, and also investigated in relation to a specific criminal case. It is shown that the properties of evidence in a criminal case are important for establishing their admissibility. When evaluating evidence, the investigator must take into account their various characteristics, as well as the conditions for the formation of such evidence.

Keywords: preliminary investigation, subject of proof, proof, assessment of admissibility, operational investigative activity.

В деятельности органов предварительного расследования в процессе производства по уголовному делу следователь сталкивается со всеми видами доказательств. Свойства того или иного вида доказательств по уголовному делу имеют значения для установления их допустимости. При осуществлении оценки доказательств следователь должен учитывать различные их характеристики, а также условия формирования таких доказательств. При осуществлении оценки доказательств следователь должен определить не только признаки, но и как указанные доказательства были получены, как оформлены, а также исследованы применительно к конкретному уголовному делу.

Указанная деятельность следователя представляется достаточно важной, требующей постоянного совершенствования. Таким образом, в содержании указанной деятельности следователя, важной составляющей представляется предмет доказывания.

Отметим, что законодательного закрепления понятия «предмет доказывания» в отечественном уголовно-процессуальном законе отсутствует, однако подразумевается, что перечень обстоятельств, перечисленный в статье 73 УПК РФ, в какой-то мере отражает сущность данного правового института. Процессуалистами неоднократно инициировались споры об исчерпывающем характере данного перечня. Мы поддерживаем точку зрения, что перечень обстоятельств, указанный в статье 73 УПК РФ, носит обязательный, но, в то же время, минимально необходимый для установления истины по уголовному делу характер. То есть предполагается,

Баловина И. В.

что список элементов предмета доказывания сокращен быть не может, но может быть уточнен при каждом индивидуальном обстоятельстве. Более того, при осуществлении доказывания по названному перечню следователь должен иметь в виду, что все формируемые им доказательства должны отвечать требованиям допустимости.

Мы считаем, что унификация требований к элементам предмета доказывания оправдана временем и правовым опытом, полученным из ретроспективного анализа уголовно-процессуальных отношений. Поэтому мы не поддерживаем точку зрения ученых, утверждающих, что перечень обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, может быть сокращен, если того требует конкретный случай [1, с. 65].

Институт доказывания в отечественном уголовном процессе выполняет особенную миссию в целях реализации основного предназначения уголовного судопроизводства по защите прав и законных интересов потерпевших, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения. В особенности это проявляется именно в отношениях, связанных с предварительным следствием, так как именно в процессе него осуществляется сбор большого количества доказательств.

Заслуживает внимания предложение разработки алгоритмов или схем, с применением кругов Эйлера, по выявлению совокупности обстоятельств по уголовному делу, их всесторонняя оценка, приобщение в качестве доказательств, для каждого наиболее характерного для данной территории уголовного преступления, например, по грабёжам (ст. 161 УК

РФ), кражам (158 УК РФ). В таких алгоритмах обязательное внимание должно уделяться принципу допустимости полученных доказательств.

Говоря о деятельности следователя по формированию эффективной доказательственной базы по уголовному делу, следует оговорить проблематику нарушения прав участников уголовного судопроизводства, в том числе в ходе оценки допустимости собранных доказательств. Так как было выяснено ранее, норма УПК РФ о допустимости доказательств связывает указанное свойство с правомочностью (законностью) их получения. Вместе с тем иные аспекты законодателем не указываются, в том числе те, которые связаны с характером влияния допущенного при получении доказательства нарушения на конкретные права участников. Отметим, что такие доказательства могут нарушать права, как подозреваемых (обвиняемых), так и иных участников уголовного процесса, например потерпевшего. В связи с этим, для формирования качественно нового эффективного механизма института допустимости доказательств следует, прежде всего, пересмотреть положения ст. 75 УК РФ и включить в нее положения о влиянии таких доказательств на конкретные права участников, а также последствиях нарушения таких прав.

Следует рассмотреть возможность дифференцированного подхода к определению допустимости доказательств. Так, за основу можно взять опыт западных стран, в которых при определении допустимости доказательств может учитываться определенные обстоятельства (например, явилось ли нарушение процедуры получения доказательства умышленным или стало результатом добросовестного заблуждения субъекта доказывания) [3, с. 181].

Кроме того, считаем, что в положения УПК РФ следует закрепить безусловное правило признания доказательств недопустимыми в случае, если при их получении использовались пытки, применялись любые насильственные действия, а также нарушались иные принципы уголовного судопроизводства.

Считаем важным осветить еще одну проблему, связанную с недопустимостью доказательств – использование в качестве доказательств результатов оперативно-розыскной деятельности.

Как уже было выяснено, в УПК РФ отсутствует законодательное закрепление критериев оценки допустимости использования названных результатов в качестве доказательств, а также отсутствует механизм реализации положений ст. 89 УПК РФ, что не позволяет эффективно использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в процессе предварительного следствия и объективно обуславливает необходимость изменения редакции ст. 89 УПК РФ.

При осуществлении оценки доказательств следователь должен учитывать различные их характеристики, а также условия формирования таких доказательств. При осуществлении оценки доказательств следователь должен определить не только признаки, но и как указанные доказательства были получены, как оформлены, а также исследованы применительно к конкретному уголовному делу. В уголовно-процессуальном регулировании отношений, связанных с оценкой доказательств, в том числе их допустимости требуются изменения. Так, по нашему мнению, во-первых, целесообразно изменить положения ст. 75 УК РФ путем включения в нее положений о влиянии процесса получения недопустимых доказательств на конкретные права участников, а также последующих за этим последствиях. Кроме того, следует согласиться с большинством исследователей, которые осуществляют

исследование института допустимости доказательств, о необходимости разработки и внедрения должных обязательных критериев, с помощью которых следователь сможет определять допустимость доказательств. Необходимо учитывать, что следователь и сам может сформировать недопустимые доказательства. С целью минимизации таких случаев, считаем необходимым наделить полномочием по признанию соответствующих доказательств недопустимыми руководителя следственного подразделения, а также прокурора, вместе с тем, не забывая о процессуальной самостоятельности следователя. Кроме того, существует достаточное количество случаев, когда доказательства, полученные с помощью оперативно-розыскной деятельности, признаются недопустимыми, что, по нашему мнению, указывает на необходимость изменения редакции ст. 89 УПК РФ с целью эффективного использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе предварительного следствия.

Пристатейный библиографический список

1. Россинский С. Б. Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве // *Lex russica (Русский закон)*. – 2020. – № 9 (166). – С. 63-76.
2. Савин В. В. К вопросу о достоверности и допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности // *Человек в мире природы и культуры. Трибуна молодых: сборник материалов Международной научно-практической конференции*. – 2018. – С. 357-360.
3. Щербич Л. А. К вопросу о проверке доказательств следователем в досудебном производстве // *Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз. Редколлегия: Ю. В. Францифоров [и др.]*. – Саратов, 2020. – С. 180-182.

СЕНЧЕНКО Сергей Константинович

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, адвокат Коллегии адвокатов Енисейской Сибири (Красноярский край)

ВОЗРАЖЕНИЕ НА ДЕЙСТВИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО КАК ПРИЕМ ЗАЩИТЫ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В представленной статье автор анализирует предусмотренное Уголовно-процессуальным кодексом РФ право участников процесса возражать на действия председательствующего. Автором поднимаются проблемы, возникающие в адвокатской деятельности, связанные с реализацией указанного права, а также, предлагаются конкретные рекомендации по их регулированию.

Ключевые слова: адвокат, возражение, жалоба, защитник, заявление, председательствующий, ходатайство.

SENCHENKO Sergey Konstantinovich

postgraduate student of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University, lawyer of the Bar Association of the Yenisei Siberia (Krasnoyarsk Krai)

Сенченко С. К.

THE OBJECTION TO THE ACTIONS OF THE PRESIDING OFFICER AS A METHOD OF DEFENSE: PROBLEMS OF REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

In the presented article, the author analyzes the right of the participants in the process to object to the actions of the presiding judge provided for by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author raises the problems that arise in advocacy related to the implementation of this right, and also offers specific recommendations for their settlement.

Keywords: lawyer, objection, complaint, defender, statement, presiding officer, petition.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации наделяет председательствующего достаточно широким кругом полномочий. Например, ч. 1 ст. 275 УПК РФ позволяет председательствующему отклонить наводящий вопрос. Законодатель также предоставляет судье полномочия по проведению отдельных процессуальных действий в ходе судебного разбирательства.

К сожалению, наделение субъекта, осуществляющего правосудие, обширными организационно-распорядительными полномочиями по отношению к участникам разбирательства может повлечь различного рода злоупотребления.

Возникает закономерный вопрос, существует ли какой-либо правовой механизм, позволяющий оспорить принятие председательствующим решения, нарушающего права и законные интересы участников процесса? В данном случае мы не ставим вопрос об обжаловании судебных актов в апелляционном, кассационном и надзорном порядках и на это есть ряд причин: во-первых, не каждый акт можно обжаловать отдельно от приговора или иного итогового решения; во-вторых, судебное разбирательство является достаточно длительным по времени и несвоевременное обжалование неправомерных действий суда может причинить вред всей позиции защиты так, что последующее обжалование таких действий будет нецелесообразным.

Порядок обжалования отдельных действий председательствующего не закреплен. Законодатель устанавливает только право любого участника судебного разбирательства возражать против действий председательствующего с занесением таких возражений в протокол судебного заседания (ч. 3 ст. 243 УПК РФ). На важность возражения обращается внимание в Стандарте осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятом VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., который обязывает защитника заявлять возражения против действий председательствующего в судебном заседании при наличии к тому

оснований (п. 4 Стандарта)¹. Указанное требование обязательно для исполнения всеми адвокатами (п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и пп. 4 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Однако наличие права без законодательного закрепления процедуры создает правовую неопределенность. Остается непонятным, что представляет собой возражение, чем оно отличается от иных процессуальных средств, какие требования и ограничения установлены для возражений, как правильно их заявлять.

Отсутствие порядка заявления возражений создает трудности не только при реализации защитительной функции, но и иным участникам процесса, в том числе и суду. Наличие проблемы можно продемонстрировать рядом примеров из судебной практики, размещенных на доступных тематических интернет-ресурсах. Так, в Ставропольском краевом суде судья, выслушав возражения на свои действия, посчитал, что ему заявлен отвод. После дополнительных разъяснений адвоката о том, что он не заявляет отвод, а возражает на действия судьи и просит их приобщить, судья в приобщении заявленных возражений отказал [8]. В другом судебном заседании попытка адвоката возразить на действия судьи, отказавшего защитнику участвовать в исследовании доказательств под предлогом отсутствия такой возможности в процессе судебного следствия, суд сделал замечание защитнику, поскольку последний мешает ему работать [9].

Приведенные единичные примеры (их несравненно больше) свидетельствуют о том, что отсутствие норматив-

¹ Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings/> (дата обращения: 20.09.2022).

ного регулирования процесса заявления возражений может привести к нарушению прав участников процесса, в том числе, и права на оказание квалифицированной юридической помощи.

В связи с изложенным, считаем необходимым разработать нормативно-правовое определение понятию «возражение», предусмотреть порядок его заявления и процедуру отклонения или удовлетворения судом. Без разрешения обозначенных проблем и закрепления их решения на законодательном уровне, право заявлять возражения на действия председательствующего нельзя признать эффективным средством защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Следует также отметить, что указанная проблема не исследовалась на должном уровне в юридической литературе. Одной из работ, в которой можно встретить анализ права защиты на возражения, является монография А. В. Рагулина [11, с. 487-494].

В Уголовно-процессуальном законодательстве содержится ряд понятий, которые раскрывают содержание деятельности сторон: заявление, жалоба и ходатайство. Они направлены на реализацию прав участников уголовного процесса. Решение поставленных проблем необходимо начать с раскрытия содержания понятия «возражение» и отграничения его от других схожих действий стороны защиты. Поэтому, первым шагом в разрешении представленных проблем считаем необходимым разграничить приведенные выше термины.

Начнем с рассмотрения «заявления». В тексте статей УПК РФ неоднократно встречается термин «заявление» (заявление об отводе судьи (ст. 64 УПК РФ), заявление о преступлении (ст. 141 УПК РФ) и т.д.). Содержание термина «заявление», его определение в УПК РФ не приводится. Раскрытие содержания термина можно встретить в ФЗ «О порядке обращения граждан Российской Федерации». Так, в п. 3 ст. 4 указанного ФЗ сказано, что под заявлением понимается просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц [2]. Аналогичную формулировку можно встретить и в пп. 3 п. 1.9 Приказа Генпрокуратуры России от 30.01.2013 № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» [5]. В большом толковом словаре С. А. Кузнецова дано два определения слову «заявление»: 1) официальное обращение с сообщением о чём-либо важном, значительном; 2) письменная просьба о чём-либо, направленная официальному лицу, организации [7, с. 359].

Таким образом, термин «заявление» означает «просьбу» или «сообщение», направленные на недопущение нарушения прав и законных интересов участников процесса в будущем. Так, при наличии оснований для отвода судьи, стороны могут обратиться с заявлением об отводе. Приведенное в качестве примера заявление содействует реализации права лица на судебную защиту, закрепленное в ст. 46 Конституции РФ. Ведь, рассмотрение дела судьей, подлежащим отводу, влечет незаконность состава суда, что является безусловным основанием для отмены судебного акта в апелляционном порядке.

Содержание термина «жалоба» в УПК РФ также не раскрывается, несмотря на то, что встречается в законе достаточно часто (ст.ст. 53, 389.6, 401.4, 412.3 УПК РФ и др.). Тем не менее, определение «жалоба» можно встретить в упомянутых выше актах. Так, в п. 3 ст. 4 ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» указано, что

жалоба – просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц [2]. Совпадающая формулировка содержится и в вышеназванном приказе Генеральной прокуратуры. Исходя из формулировки определения можно сделать вывод, что подача жалобы носит ретроспективный характер, являясь закономерной реакцией участника процесса на факт нарушения его прав и законных интересов.

Еще один термин, который заслуживает внимания и абсолютно не раскрыт в статьях УПК РФ – ходатайство.

Большой толковый словарь русского языка под ходатайством подразумевает «документ, содержащий просьбу о чём-либо, представление с целью добиться чего-либо, хлопотать что-либо» [7, с. 1448]. Юридическая энциклопедия рассматривает ходатайство как «официальную просьбу или представление, адресованное государственным органам или общественной организации вышестоящей инстанции» или «официальную просьбу о совершении процессуальных действий или принятии процессуальных решений, обращенная к органу дознания, следователю, прокурору, судье или суду» [6, с. 909]. В Приказе Генпрокуратуры России от 30.01.2013 № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» «ходатайство» (пп. 5 п. 1.9) ходатайство рассматривается как «просьба заявителя о признании в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, определенного статуса, прав, свобод...» [5]. Совпадает ли данное определение с подходом, который содержится в текстах статей УПК РФ? По нашему мнению, нет. В УПК РФ, где заявлению ходатайств посвящена глава 15, приводятся обстоятельства, относительно которых можно заявлять ходатайство. Так, в ст. 119 УПК РФ указано, что участники уголовного судопроизводства вправе заявить ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, либо представляемых им лица или организации. Таким образом, законодатель четко очерчивает круг оснований для заявления ходатайств. Подводя итог в данной части, следует отметить, что «ходатайство», как и «заявление», подразумевает под собой просьбу или обращение к компетентным должностным лицам в целях реализации прав, предусмотренных УПК РФ и, как правило, носит перспективный характер, что отличает «ходатайство» от «жалобы», направленной на восстановление уже нарушенного права. Также, следует отметить, что ходатайство в рамках уголовного судопроизводства заявляется уже в рамках возбужденного уголовного дела, тогда как заявление может быть сделано и до возбуждения.

Анализ ч. 3 ст. 243 УПК РФ позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, возражать может любой участник судебного разбирательства. Во-вторых, возражать можно только против действий председательствующего. В-третьих, любое возражение заносится в протокол.

Таким образом, «возражение» можно рассматривать как реакцию участников процесса на неправомерные действия судьи. Иными словами, «возражение», как и «жалоба», служит средством восстановления нарушенного права. В то время, как «заявление» и «ходатайство» направлено лишь на реализацию прав.

Следует отметить, что возражать можно лишь на действия председательствующего, а обжаловать можно действия и иных участников процесса, принимающих соответствующие решения.

С учетом изложенного, наш взгляд, критериями для разграничения приведенных выше категорий являются: 1. Временной. В соответствии с указанным критерием можно

выделить процессуальные средства перспективного (заявления и ходатайства) и ретроспективного характера (жалоба и возражение). 2. Целевой. В одном случае целью является реализация прав (заявления и ходатайства), во втором – восстановление нарушенного права (жалоба и возражение).

В нашем случае, возникает закономерный вопрос о разграничении понятий «возражения» и «жалоба». При тождественности сравниваемых терминов возникает также и вопрос о целесообразности их наличия в уголовно-процессуальном законе. Если же термины имеют принципиальные отличия, то необходимо достаточно четко определить их содержание и, соответственно, рассмотреть процедуру подачи возражений.

Рассматривая указанный вопрос, необходимо обратить внимание на информацию, изложенную на сайте «Независимый советник»: «Возражения – это не жалоба на действия судьи, а установленный порядок реагирования участников процесса на его неадекватное поведение, принятие незаконных промежуточных решений в ходе судебного разбирательства, нарушение прав участников процесса и т.д.»². Действительно, можно согласиться с тем, что возражение – средство реагирования. Однако, согласиться с тем, что имеется установленный порядок его подачи, нельзя. В законе, кроме указания на наличие такого права у участников уголовного процесса и обязательного занесения его в протокол, больше ничего не сказано. Поэтому, при наличии возражений необходима полная регламентация порядка его заявления и действий уполномоченных субъектов.

Характеристику поведения председательствующего как неадекватного, также нельзя признать корректной, поскольку адекватность имеет свой контекст использования, который, в данном случае, не характеризует поведение лиц, принимающих решение. Правильней говорить о неправомерности поведения субъекта. Также, необходимо отметить, что спектр действий, по поводу которых могут возражать стороны достаточно широк и прямо не предусмотрен в УПК РФ. Так, можно возражать против необоснованных отклонений вопросов под предлогом их навязывающего характера, необоснованных ограничений прав участников процесса и т.д. Однако говорить о том, что можно возражать против промежуточных решений, не представляется возможным.

Итоговые и промежуточные решения предусмотрены и действующим законодательством, и реализуются в судебной практике. Согласно п. 53.2 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, итоговое судебное решение – приговор иное решение суда (например, определение (постановление) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования), вынесенное в ходе судебного разбирательства при разрешении уголовного дела по существу. К промежуточным судебным решениям относятся все определения и постановления суда, за исключением итогового судебного решения (п. 53.3 ст. 5 УПК РФ). Таким образом, деление указанных понятий проводится с учетом характера принятого решения, разрешается ли дело по существу или принимается иное решение.

Для отграничения итоговых решений от промежуточных, обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»³. Согласно п. 4 указанного Постановления, к итоговым, в том числе, могут также относиться

ся приговор, определение (постановление) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, определение (постановление) о применении либо об отказе в применении принудительных мер медицинского характера, определение (постановление) о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия. К промежуточным решениям Верховный суд относит вынесенные в ходе досудебного производства или судебного разбирательства определения и постановления суда, которыми уголовное дело не разрешается по существу или не завершается производство в отношении конкретного лица, а также судебные решения, вынесенные в процессе исполнения итоговых судебных решений. Проблема здесь заключается в том, что и итоговые решения, и промежуточные решения подлежат обжалованию в апелляционном порядке. Разница заключается в том, что часть промежуточных решений подлежат обжалованию самостоятельно (например, постановления мирового судьи о возвращении заявления лицу), а ряд решений обжалуются вместе с итоговым (определения или постановления о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства).

Если согласиться с позицией, что возражения можно подавать на промежуточные решения, то происходит совпадение двух понятий: «апелляционное обжалование» и «возражение». Совмещение разных понятий, используемых в УПК РФ, ставит вопрос о целесообразности наличия в уголовно-процессуальном законодательстве права на возражение.

На наш взгляд, жалоба от возражения отличается прежде всего предметом. В первом случае обжалуются конкретные судебные акты. Во втором, возражение на текущие (процедурные) действия судьи. Кроме того, процедура по обжалованию актов представляется более объемной, по сравнению с процедурой рассмотрения возражений, поскольку возражения рассматриваются председательствующим в том же судебном заседании. Отличаются указанные процедуры и по субъекту, принимающему решение. Жалобы рассматриваются лицами, не рассматривавшими ранее дело. Возражения же рассматриваются непосредственно в судебном заседании, судьей, рассматривающим дело.

На основе изложенного сделаем попытку сформулировать определение понятия «возражение» и выделить его существенные признаки. Так, согласно толковому словарю Ушакова, под возражением следует понимать опровергающий довод, мотивированное несогласие с чем-нибудь [12]. В толковом словаре Ожегова «возражение» рассматривается как «довод, мнение против чего-нибудь; выражение несогласия с чем-нибудь» [10]. В большом словаре русского языка под «возражением» понимаются доводы, мнения, выражающие несогласие с кем-либо, чем-либо [7, с. 144]. Таким образом, возражение выражается в несогласии с чем-либо.

Можно выделить следующие признаки «возражения»:

Во-первых, возражением всегда является несогласие с чем-либо;

Во-вторых, возражение должно быть мотивированным и обоснованным.

Указанные признаки возражения характерны и для правоприменительной практики.

Возражение в контексте правоприменительной деятельности имеет свои особенности. Они прежде всего касаются инициатора и адресата возражения.

Так, возражение в уголовном процессе представляет собой несогласие с неправомерными действиями судьи. Инициатором возражений может являться участник процесса.

Особое внимание следует обратить на второй признак. Под мотивированностью принято понимать правовое основание юридического возражения, т.е. ссылку на нарушение конкретной нормы права. Когда возражение заявляется защитником, ссылка на нормы закона не является чем-то осо-

2 Возражения на действия судьи. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://advokatsidorov.ru/vozhazheniya-na-dejstviyasudi.html> (дата обращения: 15.12.2021).

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.-Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.12.2021).

бенным, поскольку адвокаты в силу закрепленной за ними профессиональной функции оказывают квалифицированную юридическую помощь. Заявлять возражения могут и иные участники процесса, в том числе и не имеющие специальной подготовки и не занимающиеся профессиональной деятельностью (потерпевший, обвиняемый и подозреваемый). Предъявление требования о мотивированном возражении к ним лишает их возможности защищать свои права. Поэтому, по нашему мнению, в качестве второго признака следует рассматривать обоснованность, которая может включаться в себя как фактическое обоснование, так и правовое. При этом, отклонить возражение указанных субъектов при отсутствии правового обоснования следует рассматривать как ущемление их прав и законных интересов.

В качестве определенного пробела следует выделить и отсутствие законодательных требований к оформлению возражений. По нашему мнению, возражение можно рассматривать как упрощенную форму обжалования действий председательствующего. Соответственно, в возражениях должен быть указан председательствующий, с действиями которого не согласен защитник или иной участник процесса. Также, возражение должно содержать указание на конкретные действия председательствующего, нарушающие, по мнению участника процесса, его права и законные интересы. Поскольку форма подачи возражения не указана, допускается подача возражений, как в устной, так и в письменной форме (ч. 3 ст. 243 УПК РФ). Тем не менее, более действенной, на наш взгляд, является подача возражений в письменной форме, которая приобщается к протоколу судебного заседания.

Несомненно, что возражения должны формулироваться в корректной форме, не допуская высказываний, умаляющих честь и достоинство иных участников процесса.

С учетом изложенного можно предложить следующее определение понятия «возражение»: «Под возражением понимается средство процессуального реагирования участников судебного разбирательства на неправомерные действия председательствующего судьи, нарушающие предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, и представляет собой обоснованную позицию участника процесса, направленную на восстановление нарушенных процессуальных прав». Приведенное определение, по нашему мнению, следует внести в перечень основных понятий, используемых в статье 5 УПК РФ.

Считаем также возможным ввести в УПК РФ статью 243.1 УПК РФ следующего содержания:

«1. Каждый участник судебного разбирательства вправе возражать против действий председательствующего с занесением таких возражений в протокол судебного заседания.

2. Возражение подается как в письменной, так и в устной форме.

3. Возражение должно содержать: 1) наименование суда, в который подается возражение; 2) заявителя; 3) конкретные действия председательствующего, нарушающие предусмотренные настоящим Кодексом права участников уголовного судопроизводства.

4. Возражение должно быть обоснованным. Не допускаются при заявлении возражения высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства.

5. Возражение рассматривается председательствующим немедленно после заявления участником судебного разбирательства.

6. Неправомерный отказ в рассмотрении возражений влечет привлечение председательствующего к ответственности в предусмотренном действующим законодательством Российской Федерации порядке».

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
2. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
4. Кодекс профессиональной этики адвоката // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2003. – № 3.
5. Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации: Приказ Генпрокуратуры России от 30.01.2013 № 45 // Законность. – 2013. – № 4.
6. Барихин А. Б. Большая юридическая энциклопедия. (Серия «Профессиональные справочники и энциклопедии»). – М.: Книжный мир, 2010. – 960 с.
7. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
8. Гаспарян, Н. Ваша честь, я возражаю! – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/polemic/opinions/vasha-chest-ya-vozzrazhayu/> (дата обращения: 21.11.2021).
9. Новолодский Ю. Замечания на любые возражения! – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/polemic/opinions/zamechaniya-za-lyubye-vozzrazheniya/> (дата обращения: 01.12.2021).
10. Ожегов С. И. Толковый словарь Ожегова // Академик. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/26718> (дата обращения: 21.12.2021).
11. Рагулин А. В. Современные проблемы регламентации и охраны профессиональных прав адвоката-защитника в России. – М.: «ЮРКОМПАНИ», 2012. – 544 с.
12. Ушаков Д. Н. Толковый словарь Ушакова // Академик. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/762674> (дата обращения: 21.12.2021).

ТАНЕЧНИК Юлия Сергеевна

адъюнкт кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант юстиции

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОЗЫСКА ПОДОЗРЕВАЕМОГО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В статье изучено укрывательство подозреваемого лица от органов следствия с целью уклонения от уголовной ответственности. Анализ положений уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации позволил установить проблемы правоприменения задержания подозреваемого лица, которое было обнаружено в ходе осуществления розыскных мероприятий органов дознания. Предоставлены предложения по устранению выявленных законодательных недостатков на стадии предварительного расследования. По результатам исследования сформулированы выводы для усовершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: розыск, подозреваемый, обвиняемый, следователь, орган дознания, предварительное расследование.

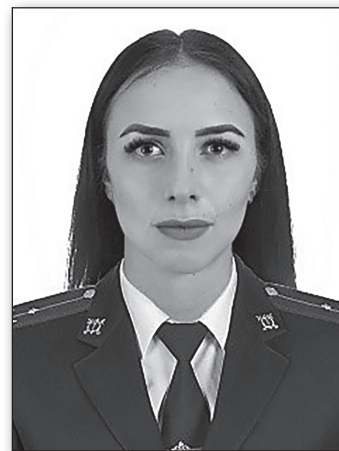
TANECHNIK Yuliya Sergeevna

adjunct of Criminal process sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lieutenant of justice

SOME PROBLEMS OF SEARCHING THE SUSPECT IN THE ACTIVITY OF THE INVESTIGATOR

The article examines the suspect's concealment from the investigation authorities in order to evade criminal responsibility. The analysis of the provisions of the criminal procedure legislation of the Russian Federation allowed to establish the problems of law enforcement detention of the suspect, which was discovered during the search activities of the inquiry bodies. Proposals were provided to eliminate the identified legislative shortcomings at the stage of preliminary investigation. According to the results of the study, conclusions are formulated for the improvement of criminal procedure legislation.

Keywords: search, suspect, accused, investigator, inquiry body, preliminary investigation.

Танечник Ю. С.

Существенная часть преступного умысла – это стремление избежать наказания за совершение конкретных общественно опасных деяний. Следовательно, лицо, которое действовало противоправно, стремится предпринять различные меры, чтобы избежать уголовной ответственности и соответственно скрыться от правоохранительных органов. Однако, для следственных органов невозможность установления местонахождения преступника ведет к нежелательным последствиям, препятствующим привлечению такого лица к ответственности, проведению быстрого, полного и объективного расследования, возобновлению нарушенных прав и законных интересов потерпевших лиц.

Следует заметить, что в настоящее время состояние розыска лиц, скрывающихся от органов досудебного расследования (подозреваемые, обвиняемые), приобретает особую актуальность. Статистические данные МВД РФ указывают, что за 2021 год в розыске находилось 90 тыс. чел., из которых около 45 тыс. чел. не были обнаружены правоохранительными органами [5].

Цель статьи – определение проблемы в законодательном регулировании розыска подозреваемых и обвиняемых, скрывающихся от органов досудебного расследования, разработка предложений по их устранению.

Вопросы изучения осуществления розыска подозреваемого (обвиняемого) отражены во многих научных публикациях отечественных специалистов, среди которых необходимо назвать таких, как: Ю. Н. Белозеров, В. И.

Власов, Б. В. Волженкин, А. Я. Дубинский, А. В. Дулов, В. И. Зажицкий, Е. Ф. Коновалов, А. С. Косенко, И. Ф. Крылов, А. М. Ларин, В. Д. Ломовский, А. Ф. Лубин, А. Г. Маркушин, Е. В. Прохорова, М. Г. Решняк, М. С. Строгович, А. Ю. Шумилов и др.

Обратим внимание, что проблема розыска лиц, скрывающихся от органов досудебного расследования, влечет невозможность быстрого, оперативного проведения расследования по делу, и соответственно истечения сроков давности, регламентирующих привлечение лица к уголовной ответственности за совершение конкретного противоправного деяния. Ведь для установления местонахождения указанных лиц правоохранительными органами затрачиваются немалые усилия, достаточно сложные и трудоёмкие мероприятия, материально-технические ресурсы. При этом проведение определенных розыскных мероприятия связано с наличием к этому процессуальных оснований.

Итак, следователь при необходимости проведения розыска подозреваемого (обвиняемого), руководствуясь ст. 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ), оформляет постановление о приостановлении предварительного следствия либо же выносит отдельное постановление по этому вопросу. При этом положения ст. 208 УПК РФ закрепляют основания, на которых будет основываться вышеуказанное решение следователя, в частности, когда не установлено лицо, совершившее преступное деяние; местонахождение

ние подозреваемого (обвиняемого), скрывшегося от следствия либо по иным причинам. Однако, ч. 1 ст. 210 УПК РФ определяет, что место нахождения лица является неизвестным. Указанные неточности оказывают негативное влияние на практику правоприменения.

Осуществление розыска лица за совершение противоправного деяния представляется возможным при наличии нижеуказанных условий [4, с. 92-98]:

- в отношении лица возбуждено уголовное дело;
- лицо имеет статус подозреваемого (обвиняемого), то его в отношении него вынесено соответствующее постановление;
- лицо ранее допрашивалось, задерживалось в качестве подозреваемого по данному уголовному делу;
- имело место применение меры пресечения до момента предъявления лицу обвинения;
- на этапе проведения дознания лицо уведомлялось о подозрении в совершении конкретного общественно опасного деяния.

Обратим внимание, что для объявления лица в розыск обязательным элементом выступает наличие у лица статуса привлечения в качестве подозреваемого либо обвиняемого.

Приостановка осуществления досудебного расследования представляет собой временный перерыв проведения досудебного следствия в соответствии с основаниями, указанными в ст. 208 УПК РФ. Практическая реализация данной процедуры наступает после того как лицо, совершившее преступление: «1) приняло действия по своему сокрытию и его местонахождение не установлено, однако имеются конкретные данные о таком лице; 2) после избрания ему соответствующей меры пресечения, которая не связана с содержанием под стражей, однако лицо установленное обязательство нарушило и предприняло действия по своему сокрытию» [6, с. 112-115].

Необходимо отметить, что после объявления лица в розыск досудебное расследование по делу в большинстве случаев останавливается, что негативно отражается на расследовании конкретного преступления, поскольку влечет затягивание сроков установления истины по делу, восстановления нарушенных прав и законных интересов как физических, так и юридических лиц, возмещение время потерпевшим (гражданским истцам), а также создает угрозу безопасности определённым участникам уголовного производства, в отношении которых совершаются различные противоправные деяния после приостановки производств по делу, со стороны разыскиваемых преступников.

В отношении розыска рассматриваемых лиц организуются самостоятельные направления розыскной работы следователя, органов дознания. Следовательно, деятельность по розыску лиц, скрывающихся от следствия, необходимо определять в качестве применения определенного комплекса мер, которые ориентированы на установление местонахождения лица, скрывающегося от правоохранительных органов. Таким образом, осуществление следователем деятельности по розыску подозреваемого (обвиняемого) основывается исключительно на требованиях УПК РФ и прежде всего предполагает вынесение соответствующего постановления об объявлении в розыск лица, в отношении которого неизвестно его место нахождения.

Следует полагать, что наличие доказательственной информации о фактическом укрывательстве подозреваемого (обвиняемого) предполагает сбор следователем различных сведений, которые могут указывать на то, что лицо осуществляет укрывательство от правоохранительных органов либо его местонахождение неизвестно. Об этом могут свидетельствовать такие обстоятельства как: отсутствует явка соответствующего лица, вызванного органами досудебного расследования; лицо не находится по месту своего фактического проживания либо же места регистрации; лицо не является на работу, обучение, лечение в стационарных условиях и т.п.; отсутствует информация, что в морги и травмпункты такое лицо поступало; лицо не находится по месту жительства своей семьи, родственников, родителей, друзей и т.п.

Из этого следует, что следователь реализует специальный комплекс мероприятий, направленных на определение места нахождения разыскиваемого лица, что заключается в таких действиях как: отправка запросов, организация проведения различных следственных (розыскных) и иных процессуальных мероприятий.

В связи с этим принимая постановление о приостановке предварительного следствия по причине отсутствия информации о местоположении подозреваемого (обвиняемого) следователь должен удостовериться, что местонахождение разыскиваемого лица неизвестно и при этом предприняты все необходимые мероприятия по определению достоверного места нахождения такого лица.

Отметим, что согласно ст. 38 УПК РФ следователь наделен полномочиями выдать письменное поручение органу дознания проведения необходимых следственных (розыскных) действий, направленных на розыск лица. Таким образом, в период до остановки проведения конкретного досудебного расследования, органы дознания получают поручение по розыску лица, для выполнения которого в своей деятельности используют кроме положений УПК РФ еще и положения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ [2], позволяющих выполнить возложенную задачу. Из этого следует, что реальную розыскную деятельность реализуют соответствующие органы дознания, которым выдано письменное поручение следователя.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ [3] к направлениям полицейской деятельности относится осуществление розыска лиц. Соответственно при проведении розыска лиц ставится вопрос о его обнаружении местонахождения и задержании в порядке, предусмотренном УПК РФ. Заметим, что скрывающееся лицо осознает факт своего розыска, понимает, что его разыскивают за совершение конкретного общественно опасного деяния, а они имеют своей целью – избежать уголовно-правовой ответственности предпринимая различные мероприятия, чтобы их местонахождение не было установлено.

В аспекте настоящего исследования отметим, что в большинстве случаев укрываются от ответственности лица, совершившие преступления небольшой либо средней тяжести, поскольку мера пресечения для них не предполагает лишения свободы, и такие граждане стремятся максимально быстро предпринять мероприятия чтобы

скрыться. Интересно, что в правоохранительной практике не одиноки случаи повторных случаев укрывательства одним и тем же лицом. Полагаем, что с целью пресечения указанных фактов уголовно-процессуальное законодательство должно содержать жесткие условия, при которых к лицу, которое было разыскано, применялись меры по взятию его под стражу.

Согласимся с позицией И. В. Смольковой [7, с. 129-138], указывающей, что ч. 3, 4 ст. 210 УПК РФ «Розыск подозреваемого, обвиняемого» не регламентируют деятельность в отношении подозреваемых лиц, что указывает на отсутствие правовой регламентации задержания лица, находящегося в статусе подозреваемого.

Анализируя положения п. 2 ч. 2 ст. 209 УПК РФ видно, что следователь реализует необходимые процессуальные меры, связанные с производством розыска органом дознания (ч. 1 ст. 152 УПК РФ), однако положения обозначенных уголовно-процессуальных норм не содержат обязанности следователя по составлению поручения о задержании лица, которое скрывалось, и находящееся в статусе подозреваемого. Как ранее нами отмечено, органы дознания могут выполнять по поручению следователя исключительно мероприятия, имеющие розыскной характер, поэтому и осуществление задержания не относится в данном случае к их компетенции. Ввиду того, что уголовное дело приостановлено (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) в связи с осуществлением розыска, то и реализация задержания, как уголовно-процессуального мероприятия (ч. 3 ст. 209 УПК РФ), может быть проведено только после его возобновления в порядке ст. 211 УПК РФ. После комплекса обозначенных действий следователь принимает решение о задержании лица, которое подозревается в совершении противоправного деяния, и поручает его исполнение органу дознания.

Суммируя изложенное следует отметить, что розыскная деятельность следователя представляет собой самостоятельное направление его деятельности, реализуемое исключительно в пределах уголовно-процессуального законодательства по расследованию конкретного уголовного дела, посредством определенного комплекса мероприятий, предусмотренных УПК РФ. Установлено, что современное уголовно-процессуальное законодательство содержит противоречия и неточности, что усложняет его правоприменение в отношении проведения розыскных мероприятия по розыску подозреваемого, обвиняемого. Выделены проблемы, требующие правового урегулирования, а именно: отсутствие возможности применения к подозреваемому лицу, которое было обнаружено в процессе розыскных мероприятий, уголовно-процессуального задержания (посредством внесения соответствующих дополнения в ч. 3 и ч. 4 ст. 210 УПК РФ); отсутствие возможности применять взятие меру пресечения в виде взятия под стражу подозреваемого лица, что исключить его желание и возможности скрыться от ответственности (посредством дополнения ч. 1 ст. 91 УПК РФ основанием – установленного в результате розыскных мероприятия органа дознания); отсутствие возможности проводить процессуальные мероприятия по расследованию уголовного дела в условиях его приостановки (посредством внесения изменений в ч. 3 ст. 209 УПК РФ).

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30.03.2021).
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 22.01.2022).
3. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/police/> (дата обращения: 30.03.2021).
4. Кунов И. М. Правовая природа деятельности следователя по приостановленному уголовному делу // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 3. – С. 92-98.
5. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 25.05.2022).
6. Сельхе М. Я. Правовое регулирование приостановления уголовного дела в отношении скрывающегося от следствия подозреваемого, обвиняемого // Закон и право. – 2018. – № 12. – С. 112-115.
7. Смолькова И. В. Розыск и задержание подозреваемого, скрывшегося от предварительного расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 2. – С. 129-138.

САРДАРОВ Джамил Ровшан оглы

аспирант кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В УГОЛОВНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В данной статье автором анализируется значение развития электронного правосудия в Российской Федерации в уголовном и административном судопроизводстве, а также производстве по делам об административных правонарушениях. Также автором исследуется текущее состояние нормативно-правового регулирования электронного правосудия в Российской Федерации в уголовном и административном судопроизводстве, а также производстве по делам об административных правонарушениях и дается оценка достоинствам и недостаткам существующей модели электронного правосудия в указанных видах производств.

Ключевые слова: электронное правосудие, правовое регулирование, уголовное судопроизводство, административное судопроизводство, производство по делам об административных правонарушениях.

SARDAROV Jamil Rovshan oglu

postgraduate student of Judicial power, law enforcement and human rights activities sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

ELECTRONIC JUSTICE IN CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

In this article, the author analyzes the importance of the development of electronic justice in the Russian Federation in criminal and administrative proceedings, as well as proceedings in cases of administrative offenses. The author also examines the current state of the regulatory and legal regulation of electronic justice in the Russian Federation in criminal and administrative proceedings, as well as proceedings on administrative offenses, and assesses the existing advantages and disadvantages of the existing model of electronic justice in these types of proceedings.

Keywords: electronic justice, legal regulation, criminal proceedings, administrative proceedings, proceedings in cases of administrative offenses.

Текущая ситуация в нашей стране наглядно свидетельствует о том, что на современном этапе существования Российской Федерации темпы развития электронного правосудия являются наиболее высокими. Сегодня осуществляется активная реформаторская деятельность во всех областях судебного производства. Ранее в исследовании объектом пристального интереса для автора выступила система электронного правосудия в сфере гражданского и арбитражного процессов, посему в данной статье будут рассматриваться основные аспекты деятельности, реализуемой в целях внедрения электронного правосудия в уголовный и административный процесс. Кроме того, объектом пристального интереса выступит и производство по делам об административных правонарушениях.

1. Уголовный процесс.

В настоящее время ситуация осложняется тем, что в уголовном процессе не применяется терминологическая категория «электронное правосудие», тогда как в нормативных положениях УПК РФ¹ лишь обозначается ряд основных форм и способов совершения процессуальных действий, чья реализация на практике осуществляется с использованием электронной формы. Прежде всего, в этот перечень можно включить:

а) внедрение в научно-практический обиход термина «электронный носитель информации», чьё содержание представлено в нормативных положениях п.5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ. Нужно подчеркнуть, что здесь сказано исключительно о цифровых носителях, что были изъяты у соответствующих сторон уголовного судопроизводства и в дальнейшем были приобщены к материалам уголовного дела в статусе доказательств;

б) ст. 474.1 УПК РФ, в её положениях обеспечивается регламентация порядка, при соблюдении которого электронные документы могут использоваться в уголовном судопроизводстве. Обозначенная статья УПК РФ была введена относительно недавно в 2016 году, после того как в законную силу вступил Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ².

В результате реализации указанного нововведения были созданы условия, для того чтобы осуществлять подачу на рассмотрение суда некоторых процессуальных документов, применения в этих целях систему электронного документооборота в электронной форме, а для подтверждения их подлинности начали использовать электронную подпись. Ещё один весомый положительный результат заключается в том, что в результате производства указанных нововведений также стала возможной процедура вынесения судебных решений в электронной форме (при этом закон предусматривает несколько ситуаций, где такая возможность отсутствует, а перечень этих случаев регламентирован в нормах ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ). Более того были созданы условия, позволившие направлять копии судебного решения, используя для этого в качестве канала коммуникации сеть Интернет, для этого изначально нужно получить согласие или просьбу соответствующих сторон судопроизводства (ч. 3 ст. 474.1 УПК РФ).

В результате произошедших изменений также была получена возможность сформировать прочную основу, создать все необходимые условия и предпосылки для активного развития электронного правосудия в уголовном производстве. Ещё одна беспрецедентная возможность заключается в том, что также были сформированы все необходимые условия для

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

2 Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 23.06.2016.

перехода к процедуре формирования электронных уголовных дел. Представители научно-практического сообщества в своих работах уже много раз выдвигали предположения о том, что целесообразно осуществить полный перевод уголовных дел в электронный формат. Кроме того, по их мнению, представляется возможным осуществлять фиксацию следственных действий, используя для этого электронные (цифровые) средства [3].

Отдельно нужно акцентировать внимание и на том, что в настоящее время накоплен существенный позитивный опыт в области внедрения в практическую деятельность Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы». По мере осуществления указанных мероприятий были созданы условия и предпосылки для перехода на качественно новый уровень информатизации и последующего более активного развития системы электронного правосудия в российских судах. Рассматривая вопросы уголовного судопроизводства, потребуются отдельно акцентировать внимание на одном весомом обстоятельстве, речь идёт о разработанном проекте «Электронное дело», так как возможности его применения распространяются и на сферу уголовного судопроизводства.

Представители научного и экспертного сообщества придерживаются мнения о том, что в настоящее время уже имеются некоторые предпосылки, а также весомые причины, в силу влияния которых необходимо в максимально короткий срок и с достижением наилучшего результата перейти к использованию электронной формы ведения уголовных дел. В качестве основных причин и обстоятельств такого рода выступают следующие: высокая степень сложности уголовного дела; значительное число участников такого судопроизводства, в частности это обвиняемые, свидетели и потерпевшие; требуется осуществлять судебные экспертизы высокой степени сложности. Так, возникает значительное число материалов расследования и в результате этого формируются многочисленные уголовные дела, когда в особо сложных ситуациях и их общий объём может составлять 100 томов [4].

Еще одна значимой причиной, в силу которой на сегодняшний день требуется предпринять адекватные меры для оперативного перехода к использованию электронной формы ведения уголовного дела, является наличие высокого риска фактической утраты уголовного дела, в результате чего будут утрачены и все собранные по нему материалы [4]. Мы в анализируемой ситуации придерживаемся позиции, что в результате внедрения и реализации электронной формы уголовного дела будут созданы условия, позволяющие минимизировать бумажный документооборот, а также будет обеспечиваться должная сохранность материалов уголовного дела, исключая риск их повреждения, риск их потери или полного уничтожения. Более того отдельно нужно подчеркнуть, что таким образом будут сформированы условия и предпосылки, чтобы упростить процедуру ознакомления с материалами уголовного дела сторон уголовного процесса.

Резюмируя всю представленную выше информацию, укажем, что для эффективного и успешного применения в ходе функционирования судов Российской Федерации информационных технологий, потребуются, прежде всего, максимально активно их внедрять и на этапе предварительного следствия. В настоящее время для решения этой серьёзной задачи уже сформированы все необходимые условия и предпосылки на законодательном и процессуальном уровне. Вместе с тем и ситуация осложняется тем, что эффективность практического воплощения идеи перехода на электронную форму ведения уголовного дела во многом зависит от того, какую поддержку окажут законодатель и Правительство Российской Федерации.

2. Административный процесс.

В настоящее время право на электронное обращение в органы судебной власти регламентировано в нормативных

положениях ст. 45 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ)³. В роли стимулирующего фактора, в силу влияния которого система электронного правосудия в административном процессе начала активно развиваться, выступила пандемия коронавируса. Именно по причине распространения COVID-19 в формат судебных заседаний были внесены значительные изменения, и в конечном итоге всё это обусловило переход большого количества судебных заседаний в онлайн-режим. Кроме того, пандемия коронавируса выполнила функции т.н. лакмусовой бумажки, наглядно продемонстрировав все несовершенства и недоработки, кои в настоящее время имеют место в системе национального законодательства в области нормативно-правового регулирования деятельности по отправлению правосудия дистанционным способом. Чтобы надлежащим образом урегулировать ситуацию в рассматриваемой сфере, было принято решение о введении в действие ФЗ от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»⁴. В соответствии с основными положениями законопроекта в КАС РФ были внесены серьёзные изменения и нововведения в части электронного правосудия:

а) внесены изменения в порядок, требующий своего соблюдения при использовании электронных документов в судопроизводстве;

б) были внесены изменения в систему направления судебных извещений, так как с этого момента была получена возможность направлять такого рода извещения, используя официальный сайт Госуслуг, если на это было получено согласие участника процесса.

в) созданы условия, чтобы осуществлять подачу искового заявления через сайт Госуслуг, условия для получения судебного решения в электронной форме;

г) осуществлено внедрение нового вида участия в судопроизводстве – посредством веб-конференции. Если речь идёт об административном деле, то суд может привлечь лицо к участию в деле, используя в этих целях веб-конференцию по своей инициативе.

Административное и судебное производство в настоящее время является объектом активного влияния для информационных технологий и подобное развитие событий обусловлено влиянием ряда причин:

1) Высокая степень оснащённости органов государственной власти техническими средствами обеспечения.

2) Функционирующая система электронного взаимодействия госслужащих и работников аппарата исполнительной власти.

3) Наличие значительного количества специфических черт, характерных исключительно для доказывания по административным делам, так как здесь в качестве фундаментальной основы выступают доказательные, представленные в письменном формате (например – гл. 27.1 КАС РФ) [9].

3. Производство по делам, вытекающим из АПН.

В рассматриваемой сфере деятельности аналогично уголовному процессу на текущий момент электронное правосудие в статусе единой системы ещё отсутствует. Так, сегодня, Кодекс об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)⁵ осуществляет регламентацию порядка производства по делам об административных правонарушениях и законодательное его закрепление осуществлено в нормативных положениях раздела 4 КоАП РФ. В этом разделе говорится о

3 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. ст. 1391.

4 Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 1. 2022.

5 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

том, что информационные технологии могут использоваться лишь по отдельным категориям дел. Так, в законе сказано, что информационные технологии могут применяться при разбирательстве по делам о нарушениях ПДД, чья фиксация осуществляется с использованием средств автоматического обнаружения правонарушений. Если рассматривать другие виды дел, то здесь система электронного правосудия может использоваться лишь частично.

В контексте решения стоящих перед нами задач указанный аспект требуется проанализировать детально.

В роли основных документов в производстве по делам об административных правонарушениях, как свидетельствует практика, выступают следующие: уведомление о составлении протокола, протокол об административном правонарушении и постановление об административном правонарушении, признающее вину или отсутствие таковой лица, в отношении которого велось административное производство.

В 2011 году в нормативные положения КоАП были внесены изменения и документ был дополнен статьей 25.15, в результате чего суды и наделенные соответствующими полномочиями по осуществлению административного производства органы государственной власти получили возможность, за счёт которой они смогли направлять уведомление другим участникам административного производства, используя электронную форму (факс, электронная почта и т.д.). Спустя непродолжительное время в 2015 году было принято решение дополнительно внести норму ч. 5.1 ст. 29.10 КоАП РФ, в результате чего уполномоченные субъекты получили возможность выносить постановления по делу об административном правонарушении и направлять его в форме электронного документа. Дополнительно была введена и ч. 8 ст. 29.10, в результате были созданы условия, позволившие осуществить перенос бумажного постановления в электронный вид.

С обобщенной позиции можно отметить, что на этом потенциальные возможности электронного правосудия в области действия КоАП в целом исчерпываются. Мы считаем, что подобное развитие событий обусловлено тем, что документ, где обеспечивается фиксация правонарушения – протокол об административном правонарушении, можно составить исключительно на бумажном носителе, а затем он должен быть обязательно подписан сторонами, коими являются наделённое соответствующими полномочиями должностное лицо и лицо, в отношении которого этот протокол был составлен. Также если исходить из основных нормативных положений КоАП РФ можно отметить, что требуется помимо всего иного вручить копию протокола и постановления лицам, в отношении которых ведется административное производство, и выполнить это условие представляется возможным только в случае применения бумажного носителя, что следует из смысла ч.2 ст. 29.11 КоАП РФ. Здесь существует единственное исключение, и речь идёт о производстве по делам по фактам нарушения порядка применения ККТ. В этой ситуации копия постановления об административном правонарушении вручается в форме электронного документа, который обязательно должен быть подписан усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного должностного лица, в этих целях используется личный кабинет ККТ.

Подводя итоги всей представленной выше информации, мы получили основания для формулировки вывода, что в настоящее время полноценная реализация электронного правосудия обеспечена в административном судопроизводстве. В уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях на текущий момент система электронного правосудия функционирует в частичном объёме. Поэтому анализируя текущую обстановку, можно отметить, что здесь наблюдается ситуация преодоления

отдельных этапов и ступеней деятельности в сфере информатизации производств. Как это ни прискорбно, но исходя из результатов анализа сложившейся на текущий момент ситуации, можно отметить, что уголовное судопроизводство и производство по делам об административных правонарушениях могут быть охарактеризованы как наиболее «архаичные» в системе правосудия Российской Федерации, а темпы их реформации являются весьма низкими, если сравнивать их с гражданским, административным и арбитражным судопроизводствами, в результате явно видны факторы, свидетельствующие о том, что законодателю необходимо обратить на эту сферу наиболее пристальное внимание

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 23.06.2016.
3. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019.
4. Самое абсурдное уголовное дело России: 100 томов, 29 следователей, 8 лет разбирательств – чтобы доказать вину невиновного. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27428/4629337/> (дата обращения 29.07.2022).
5. Генпрокуратура: правоохранители потеряли 270 000 уголовных дел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/view/120572/> (дата обращения 29.07.2022).
6. Куда исчезают уголовные дела. Пропажи начинаются с материалов доследственных проверок. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/2020-02-13/3_7794_extinction.html (дата обращения 29.07.2022).
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. ст. 1391.
8. Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 1. 2022.
9. Решетняк В.И., Смагина Е.С. Применение информационных технологий в административном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 4. С. 40-46.
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич

старший преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России

АНАНЬЕВА Жанна Николаевна

студент 3 курса очной формы обучения отделения психологии Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В данной статье описываются проблемы криминологического подхода к изучению личности подростка с целью предупреждения совершения им правонарушений и работы органов и учреждений уголовно-исполнительной системы по ресоциализации отбывающих уголовные наказания несовершеннолетних. В работе исследуются проблемы совершения несовершеннолетними противоправных деяний и предпринимается попытка создания комплекса мероприятий, способствующих нормализации их поведения в обществе.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, несовершеннолетние правонарушители, криминологическая характеристика, ресоциализация.

ANANJEV Oleg Gennadjevich

senior lecturer of Social psychology and social work sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

ANANJEVA Zhanna Nikolaevna

student of the 3rd course of the full-time student of the Psychology Department of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

PROBLEMS OF RE-SOCIALIZATION OF MINORS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

This article describes the problems of the criminological approach to the study of the personality of a teenager in order to prevent him from committing offenses and the work of bodies and institutions of the penal enforcement system for the re-socialization of minors serving criminal sentences. The paper examines the problems of minors committing illegal acts and attempts to create a set of measures that contribute to the normalization of their behavior in society.

Keywords: penal enforcement legislation, juvenile offenders, criminological characteristics, resocialization.

Категория несовершеннолетних всегда являлась самой проблематичной в проведении с ней различных мероприятий. Это касается и ресоциализации и исправления поведения. Подростки в силу своего возраста, характеризующегося крайними точками восприятия, гормональными проблемами становления, зависимостью от интернет-ресурсов, всегда являются основной категорией подверженной противоправному и асоциальному поведению, с которым приходится бороться не только родителям и работникам образовательных учреждений, но и сотрудникам правоохранительных органов.

При работе с несовершеннолетними правонарушителями стоит обращать внимание на особенности его личности. Под этим понимается несформированность его собственного мировоззрения, жизненных ценностей и идеалов. Также стоит учитывать и тот факт, что подростки больше подвержены негативному влиянию со стороны окружающих его людей, произошедших ситуаций, после которых человек испытывает стресс, поскольку психика не устояла и только формируется, воспринимая различный раздражитель любой силы, как важный фактор социализации.

Рассматривая начало июня 2022 года, можно сказать, что в воспитательных колониях отбывают наказание 799 несовершеннолетних. Это меньше, чем в 2021 году на 43 человека. Статистические данные о характеристике учреждений УИС не показывают количество несовершеннолетних, состоящих на учетах в уголовно-исполнительных инспекциях [1]. По статистике видно, что с каждым годом уменьшается число несовершеннолетних правонарушителей, которые состояли на учете, что ни может не радовать. Однако, просмотрев сводную статистику Генеральной прокуратуры РФ за апрель 2021 года высоким остается количество повторных совершений преступления несовершеннолетними или при их участии. Примерно, зарегистрировано за тот период времени в РФ 2543 совершенных преступлений. За период с января по март совершено 9811 преступлений, где только 650 особо тяжких [2]. Это говорит о том, что с данной категорией граждан стоит усилить ресоциализационную работу в рамках мер уголовно-правового характера и при отбытии ими уголовных наказаний, а также разработать комплекс мероприятий по предупреждению не только совершения преступлений и правонарушений, но и преступного поведения.

Согласно ст. 25 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», ресоциализация – комплекс мер, носящий педагогический, правовой, социально-экономический характер, осуществляемый субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера. В современное время социальная реабилитация несовершеннолетних правонарушителей представляется как комплекс мер, которые направлены на восстановление подростка в его утраченном полностью или частично социальном статусе. Данный процесс должен осуществляться под руководством специалиста в этой области, также необходимы специальные организованные условия, где в процессе используются различные формы, специальные средства и методы благоприятного воздействия на ребенка. Не стоит забывать, что несовершеннолетний проводит большую часть жизни в учреждениях, где также могут возникать у некоторых лиц отклоняющееся поведение. Именно такая среда сильнее всего воздействует на социализацию личности несовершеннолетнего. Среди негативных параметров стоит отметить коммерциализацию образования; недостаточную квалификацию педагогов; ослабление воспитательной роли школы; экстенсивный характер учебных нагрузок; преобладание отрицательной оценочной стимуляции.

Когда изучается ресоциализация и реабилитация несовершеннолетнего правонарушителя, который имеет делинквентное поведение, то в первую очередь под внимание попадает сама личность, поскольку данные процессы направлены на восстановление и исправление «повреждений», препятствующих адаптации в социуме. Стоит отметить и тот факт, что личность несовершеннолетнего человека отличается от личности взрослого, потому что она больше подвержена влиянию различных факторов. Они вынуждают ребенка или подростка поступать необдуманно. К тому же, до 14 лет несовершеннолетний не осознает полностью ответственность за содеянное. Иными словами, человек несерьезно относится к возможным последствиям.

Преступность несовершеннолетних — это социальное явление, характерное для любого общества и обусловленное рядом экономических, культурных и политических факторов. Это особая составляющая преступности, отражающая благосостояние, моральные устои и моральный облик общества. Исследования в области криминологии установили, что если человек совершает преступление в раннем возрасте, то велика вероятность повторного совершения, т. е. чем раньше он совершает преступление, тем выше увеличивается вероятность, что подобное повторится снова [3].

Когда происходит рассмотрение причин совершения преступления несовершеннолетним, главенствующим звеном становится сам человек, который совершил преступление. В нашем случае подросток.

Рассмотрев данные судебной статистики, можно сделать вывод, что на подростков 16-17 лет приходится около 69 % преступлений. Такие данные можно объяснить высокой криминогенной активностью молодежи в этом возрасте и ограниченный перечень преступлений, совершаемых лицами до 16 лет, согласно ст. 20 Уголовного Кодекса Российской

Федерации. Следующей важной характеристикой личности несовершеннолетнего, который совершает преступление, является его пол. В 93,5 % случаев несовершеннолетний, совершивший преступление, является мужчиной. Этот показатель обусловлен различиями между особями мужского и женского пола в социальных, психологических и физиологических характеристиках личности, а также различием в их воспитании и интересах. Стоит отметить, что за последние три года наблюдается снижение противоправных действий среди несовершеннолетних девочек: в 2019 году - 4,5 %, а в 2020 году - 4,1 %. Это связано с тем, что девушки совершают правонарушения на почве эмоциональных переживаний и потрясений, в то время как эта психологическая особенность не свойственна мужскому полу. Кроме того, сегодня сложились определенные стереотипы относительно роли женщин и мужчин в обществе, что также вызывает эту тенденцию.

Далее необходимо учитывать уголовно-правовые особенности личности несовершеннолетнего с делинквентным поведением. 20 % несовершеннолетних не имели погашенной или снятой судимости на момент совершения преступления; 17 % состояли на учете в специализированном органе; доля лиц, с которых была снята или погашена судимость, была освобождена от уголовной ответственности; доля других воспитательных мер составляет около 10 %. Взятые вместе, эти показатели свидетельствуют о том, что среди несовершеннолетних правонарушителей имеется большая доля лиц, к которым ранее применялись различные меры уголовно-правового характера.

Следующим уголовно-правовым признаком является то, что 78,2 % преступлений, совершенных несовершеннолетними, направлены против собственности. Это связано с тем, что несовершеннолетний в силу своего возраста не видит иного решения проблемы получения материала, кроме кражи. В большинстве случаев подросток делинквентного поведения рос в неблагополучной семье, в которой он не видит достойного примера работающего родителя. Следующим признаком личности подростка противоправного поведения являются его моральные качества и психологические особенности. Возраст от 14 до 18 лет отличается импульсивностью, непоследовательностью, восприимчивостью и склонностью к подражанию. В это время наиболее динамично развивается мировоззрение, формируется собственное «я», происходит развитие личности. В неблагоприятной социальной среде или под влиянием антисоциальных элементов несовершеннолетний может легко сосредоточиться на противоправном поведении. Все это ни может не оставить следа на восприимчивой психике ребенка. Они характеризуются узким кругозором, не читают книг, не интересуются искусством, не ориентируются в происходящих социальных и политических процессах, для них характерно отсутствие культуры досуга. У этой категории несовершеннолетних представляют интерес азартные игры, совместное употребление алкоголя, публичное выражение негативного отношения к социальным нормам поведения и морали, беспорядочные сексуальные отношения. Последним элементом в структуре личности несовершеннолетнего правонарушителя являются его социально значимые физиологические характеристики. К ним относятся особенности физического телосложения, здоровья, заболевания, затрудняющие социализацию личности.

Принудительные меры по воспитательному воздействию закреплены в разделе Уголовного Кодекса Российской Федерации. Передача несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц, их заменяющих, или специализированного государственного органа является следующей мерой воспитательного эффекта, которая заключается в передаче названным лицам ответственности за постоянное и непрерывное наблюдение за подростком и постоянный контроль за его досугом. Однако рассматриваемая мера может стать бессмысленной и безуспешной, если будет признана вероятность того, что родители не смогут оказать адекватного воспитательного воздействия на несовершеннолетнего. К сожалению, законодатель не предусмотрел ответственности родителей (их заместителей) за неисполнение или некачественное исполнение этой меры принуждения.

Обязательство возместить причиненный ущерб. Суть этой меры заключается в том, что несовершеннолетний обязан устранить последствия причиненного им ущерба. Эта мера определяется с учетом финансового положения подростка, то есть его личных доходов. Эта мера имеет смысл только в том случае, если несовершеннолетний имеет возможность возместить ущерб, причиненный им самим, что основано на принципе личной вины несовершеннолетнего. Наиболее строгой мерой в отношении несовершеннолетнего является его помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органов управления образованием. Эта мера относится к средствам социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушителей и подходит для подростков, совершивших преступления, которые находятся вне контроля их родителей, склонны к противоправному поведению, не хотят учиться, если другие меры, влияющие на них, не оказывают на это положительного влияния. Основными задачами специальных образовательных учреждений закрытого типа являются социальная и психологическая помощь подросткам, коррекция их поведения, а также создание условий для получения несовершеннолетними надлежащего образования и обучения в соответствии с Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Таким образом, можно сказать, что процессы ресоциализации и реабилитации в специализированных учреждениях отличаются от этих процессов применением воспитательных мер. Важно уделять много времени и сил на каждый аспект развития личности подростка, ведь каждое воспитательное действие в его сторону неизбежно будет приводить к изменениям и положительным, и отрицательным. Изучение отношения несовершеннолетних осужденных к различным формам воспитательной работы показывает, что наиболее популярными являются досуговые и образовательные (познавательные) мероприятия. Большинство подростков положительно относятся к различной форме дискуссии, которые основанные на принципе психологической равенства воспитателя и воспитанника.

Таким образом, меры ресоциализации и реабилитации в воспитательных колониях должны включать в себя качественную подготовку педагогических кадров, уважительные отношения между осужденным несовершеннолетним и воспитателем, воздействие не только на личность подростка, но и на его окружение, формирование в нем положительной мотивации к исправлению. Например, во многих воспита-

тельных колониях проводятся «Родительские конференции» с приглашением родителей посетить учреждение. С ними проводятся экскурсии по учреждению, которые позволяют родителям ознакомиться с жизнью, бытом и условиями отбывания наказаний их детей, а также свидания с детьми, в ходе которых воспитанники рассказывают своим родственникам о своей жизни в колонии. Это позволяет формировать у несовершеннолетних осужденных мотивацию к исправлению, к тому же, в силу особенностей личности несовершеннолетнего, для него особенно важна связь с семьей.

Пристатейный библиографический список

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим работы: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 07.07.2022).
2. Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ // Генеральная Прокуратура РФ: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 07.07.2022).
3. Грудинин Н. С. Личность несовершеннолетнего российского преступника и механизмы ее формирования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/54628982-Grudin-n-s-lichnost-nesovershennoletnego-rossijskogo-prestupnika-i-mehanizm-eyo-formirovaniya.html> (дата обращения: 07.07.2022).

БЕЛОВА Екатерина Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России

БЕЛОВ Владислав Иванович

кандидат юридических наук, доцент кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета

ФУНКЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В статье отмечается, что международные стандарты в современных мировых условиях продолжают являться внешнеполитическим фактором развития не только государства в целом, но и отдельного его элемента – уголовно-исполнительной политики. В условиях выхода России из Совета Европы и денонсировании Европейской конвенции по правам человека возрастает роль стандартов в области исполнения наказаний, которые приняты Организацией Объединенных Наций. Авторы рассматривают функции международных стандартов на этапе формирования уголовно-исполнительной политики – аксиологическую, гносеологическую и прогностическую.

Ключевые слова: международные стандарты, международные пенитенциарные стандарты, осужденные, уголовно-исполнительная политика, функции международных стандартов, аксиологическая функция, гносеологическая функция, прогностическая функция.

BELOVA Ekaterina Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the Pskov branch of the Academy of the FPS of Russia

BELOV Vladislav Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor, of Law enforcement, criminal law and process sub-faculty of the Pskov State University

THE FUNCTIONS OF INTERNATIONAL STANDARDS IN THE FORMATION OF THE PENAL POLICY OF RUSSIA

The article notes that international standards in modern world conditions continue to be a foreign policy factor in the development of not only the state as a whole, but also its separate element – penal policy. In the context of Russia's withdrawal from the Council of Europe and the denunciation of the European Convention on Human Rights, the role of standards in the field of execution of sentences adopted by the United Nations is increasing. The authors consider the functions of international standards at the stage of the formation of penal enforcement policy – axiological, epistemological and prognostic.

Keywords: international standards, international penitentiary standards, convicts, penal enforcement policy, functions of international standards, axiological function, epistemological function, prognostic function.

Международные стандарты в современных политических условиях продолжают являться внешнеполитическим фактором развития уголовно-исполнительной политики России. Учитывая выход нашей страны из Совета Европы, а также денонсирование Европейской конвенции по правам человека, которое состоялось 16 сентября 2022 года, Российская Федерация продолжит выполнение уже принятых постановлений Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ), если они не противоречат Конституции РФ. Покидая Совет Европы, Россия оставляет за собой возможность взаимодействия с членами Совета Европы по вопросам, представляющим взаимный интерес, и в рамках тех конвенций, участие в которых мы решим продолжать. Кроме этого, наше государство участник основных универсальных международных договоров по правам человека, заключенных в рамках Организации Объединенных Наций. Речь идет о Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенции о правах ребенка и других дого-

ворах, которыми гарантируется более широкий спектр прав и свобод человека, чем региональными документами Совета Европы.

Обращая внимание на общий, рекомендательный характер документов, их, как нам представляется, необходимо рассматривать системно, научно и экономически обоснованно, с учетом российского менталитета. Это, в свою очередь, требует анализа влияния международных стандартов как на этапах формирования и установления уголовно-исполнительной политики, так и ее реализации.

Рассматривая формирование уголовно-исполнительной политики как процесс, в котором «под влиянием системы факторов государственными органами и органами местного самоуправления, коммерческими и некоммерческими организациями, средствами массовой информации, международными организациями, а также гражданами вырабатываются, обосновываются, публикуются, оцениваются и доводятся до субъектов, установленные уголовно-исполнительной политикой мнения, суждения, рекомендации или предложения о принятии, изменении (сохранении) дирек-

Белова Е. Ю.

Белов В. И.

тивных решений и (или) нормативных правовых актов по вопросам исполнения (отбывания) уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера» [1, с. 14], необходимо отметить, что на этой стадии международные стандарты преимущественно выступают в качестве ценностного ориентира, формирующего у субъектов уголовно-исполнительной политики систему представлений о порядке и условиях исполнения наказаний, включая определение правового статуса осужденных [2, с. 11].

На наш взгляд, на этом этапе следует выделять аксиологическую, гносеологическую и прогностическую функции.

Во-первых, аксиологическая функция международных стандартов реализуется благодаря общезначимым для всего человечества в целом и каждого человека в отдельности ценностным ориентациям и установкам поведения и призвано их охранять. Однако нельзя не признать, что в сфере исполнения уголовных наказаний рассматриваемая функция, проявляет себя особенно отчетливо, поскольку нередко ломает сложившиеся в обществе стереотипы относительно целей наказания, а, следовательно, и отношения к осужденным.

Не случайно в Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными 2015 года (Правила Нельсона Манделы) [3] основные принципы обращения с заключенными и управления пенитенциарными учреждениями были закреплены в качестве самостоятельного раздела, что еще раз подчеркивает значимость уважительного отношения к личности, обеспечения личной неприкосновенности, недопустимости дискриминации и причинения осужденным чрезмерных страданий, подчинения системы исполнения наказаний общей цели защиты общества от преступников и сокращения случаев рецидива, в том числе посредством ресоциализации [4], ориентированной на сведение к минимуму разницы между жизнью в тюрьме и жизнью на свободе.

В этом отношении научно-теоретическая модель Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, подготовленная рабочей группой специалистов под руководством профессора В. И. Селиверстова [5], в отличие от действующего Уголовно-исполнительного кодекса России, включает отдельную главу, которая посвящена принципам уголовно-исполнительного законодательства. Именно они, по мнению авторов, должны определять исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, а также применение исправительно-предупредительного воздействия на осужденных.

К их числу, помимо прочего, были отнесены принципы гуманизма, справедливости, целесообразности, соединения наказания с исправительно-предупредительным воздействием, дифференциации, индивидуализации, экономии принуждения, стимулирования правопослушного поведения и общественно полезной активности осужденных, участия общества и граждан в исправлении осужденных и в обеспечении их прав и законных интересов, при характеристике которых были учтены положения международных стандартов (ст. ст. 8–19).

Формирование уголовно-исполнительной политики России невозможно и без проявления гносеологической функции международных стандартов, представляющих собой концентрированное выражение передового опыта исполнения наказаний, постепенно экстраполируемого на национальные пенитенциарные системы. Их эволюция, достаточно хорошо прослеживаемая на протяжении нескольких десятилетий, в свою очередь, является результатом переосмысления сущности и целей наказания и механизмов их достижения. Их соотнесение с национальной практикой исполнения наказаний, служит источником доктринальных идей и научных концепций, определяющих направления развития уголовно-исполнительной политики.

Международный статус рассматриваемых стандартов обеспечивает реализацию ими интегративной функции, заключающейся в формировании и распространении универсальных подходов к исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера, поскольку, в общем и целом, они отражают те минимальные условия, которые Организация Объединенных Наций считает приемлемыми.

Следует отметить и прогностическую функцию международных стандартов, реализуемую благодаря возможности прогнозировать тенденции реформирования пенитенциарной системы, учитывая то, что не все устанавливаемые ими правила можно применять повсеместно и одновременно, принимая во внимание разнообразие юридических, социальных, экономических и географических условий в мире. Например, Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) [6], изначально ориентируют на учет всего многообразия факторов, способных повлиять на практическую реализацию закрепленных в них норм, что необходимо принимать во внимание при формировании уголовно-исполнительной политики государств.

Таким образом, нами были рассмотрены функции международных стандартов на самом первом этапе – формировании уголовно-исполнительной политики государства.

Пристатейный библиографический список

1. Грушин Ф. В. Система факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2019. – 44 с.
2. Белова Е. Ю. К вопросу о влиянии международных стандартов при обращении с заключенными (осужденными) на уголовно-исполнительную политику России // развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты: сб. материалов между. науч.-практ. конф., Новосибирск, Новокузнецк, 2021. – С. 11-17.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ-Sessions/CCP_CJ24/resolutions/L6_Rev1/ECN152015_L6Rev1_r_V1503587 (дата обращения: 21.09.2022).
4. См., например, Грушин Ф. В., Белова Е. Ю., Перемолотова Л. Ю., Белов В. И. К вопросу международного-правового закрепления социальной адаптации (ресоциализации) лиц освобождаемых и освобожденных их исправительных учреждений // Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития: материалы III Международной научно-практической конференции. Псков, 2021. С. 102–116; Социальная адаптация (ресоциализация) лиц, освобождаемых и освобожденных из исправительных учреждений: итоги теоретического исследования / Под науч. ред. В. И. Селиверстова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2020. – 368 с.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Общая часть (научно-теоретическая модель) / Под научной редакцией научного руководителя НОЦ Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. И. Селиверстова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://new-am47n.law.msu.ru/files/file/Научно-теоретическая модель УИК.pdf](http://new-am47n.law.msu.ru/files/file/Научно-теоретическая%20модель%20УИК.pdf).
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/tu/documents/ded_conv/conventions/bangkok_rules.shtml (дата обращения: 21.09.2022).

ЛЕЛИК Наталия Борисовна

кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки Томского института повышения квалификации работников ФСИН России (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России), полковник внутренней службы

ИНТЕГРИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена актуальным проблемам совершенствования инженерно-технических средств охраны и надзора в учреждениях УИС. Рассматривается исторический аспект о применении систем сбора и обработки информации, примеры программной интеграции систем, входящих в состав интегрированной системы безопасности учреждений УИС, даются рекомендации по дальнейшему применению интегрированных систем безопасности. Кроме того, в статье даются положения Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года в области совершенствования и обеспечения безопасности в местах лишения свободы при внедрении цифровой трансформации и научно-технического развития. Представлены статистические данные по применению в территориальных органах Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации комплектов интегрированных систем безопасности.

Ключевые слова: инженерно-технические средства охраны и надзора; интегрированная система безопасности; учреждения уголовно-исполнительной системы.

LELIK Nataliya Borisovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of Service-combat and tactical-special training sub-faculty of the Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (FKU DPO Tomsk IPKR of the Federal Penitentiary Service of Russia), colonel of the internal service

INTEGRATED SECURITY SYSTEMS USED IN THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the actual problems of improving the engineering and technical means of protection and supervision in the institutions of the penitentiary system. The historical aspect of the use of information collection and processing systems is considered, examples of software integration of systems that are part of the integrated security system of UIS institutions are given, recommendations for the further use of integrated security systems are given. In addition, the article provides the provisions of the Concept of the development of the penal enforcement system until 2030, in the field of improving and ensuring security in places of deprivation of liberty with the introduction of digital transformation and scientific and technological development. Statistical data on the use of integrated security systems in the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation are presented.

Keywords: engineering and technical means of protection and supervision; integrated security system; institutions of the penitentiary system.

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее - Концепция) [1] в качестве одного из направлений совершенствования и обеспечения безопасности в местах лишения свободы предлагается проведение цифровой трансформации и научно-технического развития Федеральной службы исполнения наказаний (далее - ФСИН России). На протяжении многих лет исправительные учреждения (далее - ИУ) испытывали потребность в инженерно-технических средствах для обеспечения охраны, безопасности, оперативно-розыскной деятельности. На сегодняшний день существуют проблемы в применении технических средств охраны и надзора в деятельности учреждений УИС по предупреждению совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Соответственно, рассматривая развитие интегрированных систем безопасности в учреждениях УИС через призму мирового прогресса в данном направлении, можно сделать вывод о том, что техническим специалистам, по известным причинам, приходится не идти в ногу со временем, а «догонять». Общемировая тенденция развития данных систем - это переход от «цифрового» формата в «умное»,

в то время как зачастую специалисты пенитенциарной системы работают над переходом от «аналога» к «цифре». Вместе с тем в Концепции говорится о необходимости внедрения цифровых технологий, в том числе, оснащение учреждений УИС интегрированными системами безопасности (далее - ИСБ).

Основные предпосылки построения структуры интегрированных систем безопасности были разработаны еще в конце прошлого столетия. Необходимость данного понятия и принципов работы интегрированной системы возникло в связи с необходимостью обеспечения безопасности важных объектов, как от внешних, так и от внутренних угроз. До недавнего времени для обеспечения безопасности важных объектов повсеместно использовались отдельные или самостоятельно функционирующие системы, а именно:

- система охранно-пожарной и тревожной сигнализации;
- система контроля и управления доступом;
- система охранного телевидения;
- система жизнеобеспечения;
- системы охраны периметра.

Лелик Н. Б.

Данные системы существуют в учреждениях УИС достаточно давно, кроме этого типы охранных извещателей и места их установки (рубежи обнаружения) в запретной зоне охраняемых объектов отражены в приказе Минюста России от 04.09.2006 № 279 [2].

На современном этапе ФСИН России ведется планомерная работа по модернизации инженерно-технического комплекса учреждений УИС. Так, устаревшие аналоговые системы «Ночь-12» с начала двухтысячных годов заменяются на более современные - цифровые - СОПУ «Сова», «Рубеж-08», а с 2005 года вводятся в эксплуатацию ИСБ «Пахра-М». Рассматривая начальные этапы становления данных ИСБ, следует отметить, что в основном первые модели этих систем основывались исключительно на стандартных возможностях персональных компьютеров. Однако развитие новых информационных технологий: IP-технологии, технологии высокоскоростной передачи информации, технологии видеоаналитики и т.д. позволило существенно расширить возможности ИСБ, и на вооружение учреждений УИС стали поступать такие ИСБ, как «Синергет», «Микрос-02». Опыт применения на объектах уголовно-исполнительной системы ИСБ свидетельствует об их эффективности в части выявления и предупреждения угроз.

С точки зрения нормативной документации дать определение ИСБ не так просто, поскольку общепринятые нормы в этой сфере разработаны не в полном объеме. Однако, если рассматривать приказы регламентирующие деятельность служб инженерно-технического обеспечения учреждений УИС, то согласно приказа Минюста России от 17.06.2013 № 94 под интегрированными системами безопасности понимается «совокупность технических средств охраны и надзора (ТСОН) и программного обеспечения, объединенных в единую систему с целью физической защиты объекта от внешних и внутренних источников опасности» [3]. Если проанализировать ГОСТ Р 53704-2009 «Системы безопасности комплексные и интегрированные. Общие технические требования» то, с учетом внесенных изменений (ИУС № 2 2013), под ИСБ понимается «специализированная сложная техническая система, объединяющая (интегрирующая) на основе единого программно-аппаратного комплекса с общей информационной средой и единой базой данных целевые функциональные технические подсистемы и технические средства, предназначенные для комплексной защиты объекта от нормированных угроз различной природы возникновения и характера проявления» [4].

Однако, если объединить суть этих определений и учесть мнение специалистов в области систем обеспечения безопасности, можно сделать вывод, что применение ИСБ является однозначно эффективным в учреждениях УИС. По сравнению с простой совокупностью отдельных систем и средств защиты применение системы интеграции, поступающие на вооружение в УИС обеспечивают:

- комплексную безопасность при помощи технических средств, осуществляющих сбор информации;
- работу средств охранно-тревожной сигнализации;
- контроль и управление доступом;
- речевое, звуковое и световое оповещение лиц, находящихся на объекте УИС;
- сбор и обработку информации, получаемой от видеорекамера;
- оперативно-диспетчерскую связь.

В настоящее время основным направлением развития ИСБ является применение модульного построения ее архитектуры, которое позволяет решить задачи постепенного

наращивания функций, расширить возможности ИСБ без смены ядра системы, периферийного и станционного оборудования, программного обеспечения. Только ИСБ, построенные по модульному принципу с использованием новых информационных технологий, могут решить комплексную задачу безопасности объекта, развития и расширения возможностей систем при минимальных затратах, то есть обеспечить экономическую эффективность, что является немаловажным аспектом для снижения затрат при перепрофилировании и переоборудовании учреждений УИС.

В состав ИСБ входят следующие модули (подсистемы):

- система охранно-тревожной сигнализации (СОТС);
- система контроля и управления доступом (СКУД);
- система охранного телевидения (СОТ);
- система оперативно-диспетчерской связи (СОДС);
- система громкоговорящей связи (СГС).

Электропитание ИСБ осуществляется по I (особой) категории надежности электроснабжения от сети переменного тока 380/220 В, частотой 50 Гц согласно действующим правилам устройства электроустановок. Время работы от собственных источников бесперебойного питания 220 В не менее одного часа. В соответствии с приведенными данными в ИСБ, в состав которой входят СОТ, СОТС, СКУД, СОДС и СГС, имеет интеграционные связи между своими частями на двух уровнях- программном и аппаратном.

Интеграция между подсистемами осуществляется:

- СОТС, СКУД, СОТ между собой – на программном уровне;
- СГС, СОТС между собой – на программном и (или) аппаратном уровнях;
- подгруппы СОТС, СКУД, СОТ с подгруппой СГС, СОДС – на программном и (или) аппаратном уровнях.

Следовательно, выполнение в автоматическом режиме заранее определенных алгоритмов взаимодействия систем безопасности позволяет автоматизировать работу оператора, снижает риски принятия ошибочных решений и уменьшает время реакции при возникновении внештатной ситуации на объекте в учреждениях УИС.

Темпы переоснащения современными системами безопасности учреждений УИС позволяют предполагать неотвратимость перехода к системам, использующим в качестве ядра единую базу данных с системой анализа сквозной и соединительной информации искусственным интеллектом. Уже сейчас решение служебных задач, связанных с мерами по нераспространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19), дало огромный толчок для развития в учреждениях биометрических систем контроля доступа. Так установка на контрольно-пропускных пунктах (далее – КПП) учреждения УИС терминала распознавания посетителей по геометрии лица может дать каскадный эффект развития подсистемы ИСБ- контроля и управления доступом. Используя единую базу данных, достаточно легко установить дополнительный биометрический терминал, который контролировал бы доступ, например, в жилую зону исправительных учреждений. В настоящее время появляются биометрические терминалы аутентификации личности по геометрии лица, которые позволяют дистанционно измерять температуру тела объекта. На этом примере наглядно видно, как новые технологии способны оптимизировать нагрузку на часового, а следовательно, в целом повысить эффективность выполнения сотрудником своих должностных обязанностей.

Понимание «безопасность» давно перестало быть узконаправленной задачей отдельных отделов (подразделений)

учреждений УИС. Обеспечение безопасности объектов уголовно-исполнительной системы - это комплексное понятие, охватывающее организацию пропускного режима на объектах, обеспечение внутриобъектового режима, безопасность находящихся на объектах сотрудников (работников), а также граждан, прибывших на режимные территории учреждений УИС. Следовательно, набор задач, решение которых обеспечивает ИСБ, потребует дополнений. Количество параметров, которые необходимо держать на контроле дежурным сотрудником, растет с каждым годом, так как расширяются производственные мощности, усложняются системы контроля тепло и энергоносителей в угоду большей эффективности. Таким образом, система безопасности не только предотвращает побег из-под охраны, нарушений пропускного режима и т.д., но и охватывает весь спектр необходимой информационной системы безопасности в учреждениях УИС. Соответственно, внедрение цифровизации по обеспечению безопасности во все сферы деятельности учреждений УИС предусматривает создание единой информационной системы, обеспечивающей сквозную автоматизацию рабочих процессов, формирование баз данных по вопросам деятельности всех служб и подразделений ФСИН России [5].

Совершенствование современных систем охранного телевидения также претерпевает изменения и считается одним из основных направлений технической политики УИС [6, С. 47-49]. Особую актуальность данное направление деятельности приобретает при отсутствии возможностей увеличения численности личного состава для обеспечения постоянного контроля за осужденными и лицами, содержащимися под стражей. Однако, развитие данной подсистемы ИСБ несомненно несет огромные перспективы развития инженерно-технического развития учреждений УИС. Несмотря на то, что процесс видеонаблюдения регулируется нормативными правовыми документами, тем не менее очень не просто найти «золотую середину» между достаточным количеством видеокамер и оптимальной нагрузкой на оператора СОТ. Принимая во внимание «человеческий фактор», большое количество отображаемых видеокамер на мониторах не несет в себе уверенности, что оператор сможет заметить инцидент, происходящий на режимных территориях учреждения [7].

Научные разработки в области искусственного интеллекта (далее – ИИ) позволяют практически полностью разгрузить оператора видеонаблюдения, так как анализом видео контента занимается ИИ. Оператор в таких системах выполняет административную функцию – он принимает решение, каким образом отреагировать на нарушения режимных требований в учреждениях УИС.

В 2020 году в соответствии с планом ИСБ в территориальные органы ФСИН России распределен 41 комплект ИСБ (АППГ – 68 комплектов). Несмотря на сложную санитарно-эпидемиологическую обстановку и введение ограничений в части решений оперативного штаба ФСИН России по предупреждению распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) о приостановке монтажа ИСБ, в 2020 году территориальными органами ФСИН России в установленные сроки введены в эксплуатацию все централизованно поставленные ИСБ. Использование инновационных технологий и подходов, увеличение количества и технической усложненной аппаратуры в учреждениях УИС предполагает укомплектованность подразделений охраны и надзора высококвалифицированными специалистами, владеющими навыками применения ИСБ [8].

Совершенно очевидно, что активно внедряя ИСБ, можно уже в ближайшее время добиться коренного улуч-

шения обеспечения режима в учреждениях УИС и средств его обеспечения. Вызовы, стоящие перед уголовно-исполнительной системой, а также усиливающегося экономического кризиса в связи с эпидемиологической обстановкой (COVID-19) в России на пути совершенствования технических средств возникает множество проблем, тем не менее их необходимо решать. Обеспечивать совершенствование интегрированных систем безопасности залог повышения эффективности деятельности всей уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата посещения: 01.09.2022).
2. Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 04.09.2006 № 279 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата посещения: 05.09.2022).
3. О внесении изменений в приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 4 сентября 2006 г. № 279 «Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы» // приказа Минюста России от 17.06.2013 № 94// Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата посещения: 06.09.2022)
4. Системы безопасности комплексные и интегрированные. Общие технические требования // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии - ГОСТ Р 53704-2009. Москва. Стандартинформ, 2010. 31 с.
5. Об утверждении Порядка обеспечения безопасности объектов уголовно-исполнительной системы, а также органов Министерства юстиции Российской Федерации: приказ Минюста России от 11.10.2018 № 211 (ред. от 14.08.2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/72101942/#friends> (дата посещения: 06.09.2022).
6. Дергачев А.В. Технические средства видеонаблюдения в организации режима исправительного учреждения // Уголовно-исполнительное право. 2009. № 1. С.47-49.
7. Бойков К.К. Оборудование и организация деятельности постов систем охранного телевидения учреждений УИС: учебное пособие. Томск: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России. 2018. 80 с.
8. О результатах деятельности подразделений инженерно-технического обеспечения УИС в 2020 году и задачах на 2021 год: указание ФСИН России от 25.03.2021 № исх. 09. 19541. Документ опубликован не был.

ЛЯДОВ Эдуард Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России

ЗАМЕНА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ПРИНУДИТЕЛЬНЫМИ РАБОТАМИ КАК БОЛЕЕ МЯГКИМ ВИДОМ НАКАЗАНИЯ

В данной статье рассматриваются вопросы замены уголовного наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания – принудительными работами. Обращается внимание на расширение как практики применения данного института, так и количества лиц, ежегодно состоявших на учете в ИЦ (УФИЦ). Подчеркивается, что в настоящее время получил свое разрешение спорный вопрос, связанный с условно-досрочным освобождением от отбывания наказания применительно к лицам, которым была произведена замена лишения свободы на принудительные работы в рамках ст. 80 УК РФ.

Ключевые слова: уголовное наказание, лишение свободы, принудительные работы, назначение наказания, исполнение наказания, осужденный, приговор, замена более мягким видом наказания.

LYADOV Eduard Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Penitentiary law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

REPLACEMENT OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF DEPRIVATION OF LIBERTY BY FORCED LABOR AS A MORE LESS PUNISHMENT

This article discusses the issues of replacing the criminal punishment in the form of deprivation of liberty with a milder type of punishment - forced labor. Attention is drawn to the expansion of both the practice of applying this institution and the number of persons annually registered with the IC (UFIC). It is emphasized that at present the controversial issue related to parole from serving a sentence has been resolved in relation to persons who were replaced by deprivation of liberty with forced labor under Art. 80 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal punishment, deprivation of liberty, forced labor, sentencing, execution of punishment, convict, sentence, replacement with a milder type of punishment.

Лядов Э. В.

Общей частью УК РФ предусмотрены разные виды поощрений, одним из которых является замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Институт замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания является сложным по своей юридической природе, в нем можно найти черты, присущие институту освобождения от наказания. И освобождение от наказания, и замена неотбытой части наказания более мягким являются проявлением принципов гуманизма и справедливости российского законодательства [1, с. 54].

Данная мера поощрения, применяемая только после вступления приговора суда в законную силу и обращения его к исполнению, оказывает влияние и на достижение основной цели уголовно-исполнительного законодательства – исправления осужденного.

Замена не ставит под сомнение правильность вынесенного судом приговора, вид и размер назначенного наказания, не освобождает осужденного от исполнения наказания, а заменяет его другим, более мягким. При применении данного института происходит преобразование содержания правоотношения [2, с. 47], модификация объема карательно-воспитательного воздействия на осужденного в соответствии с заменяющим наказанием. Замена влечет за собой улучшение правового положения осужденного, следовательно, стимулирует его правомерное поведение и добросовестное отношение к отбыванию назначенного приговором суда уголовного наказания.

Анализ ст. 80 УК РФ показывает, что замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания может применяться, во-первых, к лицу, которое отбывает содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы и, во-вторых, если это лицо фактически отбыло установленную законом часть срока наказания (за совершение преступления небольшой или средней тяжести – не менее 1/3; тяжкого преступления – не менее 1/2; особо тяжкого преступления – не менее 2/3 срока наказания, а за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также преступлений, предусмотренных статьей 210 УК РФ (Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)), – не менее 3/4 срока наказания; преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, – не менее 4/5 срока наказания).

Здесь необходимо отметить, что в конце 2018 г. законодателем был сделан очередной шаг в сторону гуманизации и федеральным законом от 27.12.2018 г. № 540-ФЗ¹ были внесены изменения в содержание рассматриваемой статьи УК РФ. В настоящее время применительно к ситуации замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами установлены более льготные условия замены на более мягкое

¹ О внесении изменений в статьи 53.1 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 27 декабря 2018 г. № 540-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2018. - № 53 (часть I). - Ст. 8466.

наказание. Так в отличие от вышеуказанных сроков замена лишения свободы на принудительные работы возможна: за совершение преступления небольшой или средней тяжести – не менее 1/4; тяжкого преступления – не менее 1/3; особо тяжкого преступления – не менее 1/2 срока наказания.

Не подлежит сомнению, что при решении вопроса о возможности применения замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания судам надлежит обеспечить индивидуальный подход к каждому осужденному [3].

В контексте нашего исследования хотелось бы сделать акцент именно на вопросах замены уголовного наказания в виде лишения свободы таким наказанием как принудительные работы, а также затронуть проблему условно-досрочного освобождения осужденных, к которым был применен институт замены более мягким видом наказания.

Следует подчеркнуть, что вышеуказанные изменения, внесенные в 2018 г. в ст. 80 УК РФ серьезным образом повлияли на практику применения замены уголовного наказания в виде лишения свободы принудительными работами как более мягким видом наказания.

Так в 2019 г. из 4108 представлений и ходатайств о замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами как более мягким видом наказания в соответствии со ст. 80 УК РФ судами Российской Федерации было удовлетворено 22,03 %, в 2020 г. – 23,46 %, в 2021 г. – 23,94 % [4].

Если же рассматривать удельный вес данной категории лиц, содержащихся в исправительных центрах в тот же временной промежуток, то можно отметить, что в 2018 г., то есть в год внесения изменений в ст. 80 УК РФ, их объем был достаточно низким – 28,55 %, однако со следующего 2019 г. их удельный вес возрос сразу на 134,29 % и составил 66,89 % от общей численности лиц, состоявших на учете ИЦ (УФИЦ) в отчетном периоде, в 2020 г. наблюдается дальнейшее повышение – 79,56 %, в 2021 г. – 79,83 % [5].

Таким образом, указанные данные наглядно свидетельствуют о востребованности данного института применительно именно к замене уголовного наказания в виде лишения свободы принудительными работами и значительном расширении как практики применения, так и количества лиц, ежегодно состоявших на учете в ИЦ (УФИЦ).

Представляет также немалый интерес изменения подходов в практике реализации института условно-досрочного освобождения применительно к лицам, которым была произведена замена лишения свободы на принудительные работы в рамках ст. 80 УК РФ.

Как и при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, так и при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания право на его реализацию связано с отбытием осужденным определенной части наказания в зависимости от категории и вида совершенного преступления. В частности, ч. 3 ст. 79 УК РФ установлено, что условно-досрочное освобождение может быть применено после отбытия осужденным не менее 1/3 срока наказания, назначенного за преступление небольшой или средней тяжести, не менее 1/2 срока – за тяжкое преступление, не менее 2/3 – за особо тяжкое преступление.

Исходя из сказанного видно, что срок для условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания различны, причем возможность замены на наказание в виде принудительных работ может быть реализована значительно раньше.

В то же время обратим внимание, что судебная практика по вопросу, когда следует применять условно-досрочное освобождение в отношении лиц, которым неотбытая часть лишения свободы заменена более мягким видом наказания – принудительными работами была весьма разнообразной. Одни судебные инстанции придерживались мнения, что право на условно-досрочное освобождение возникает у осужденного с момента назначения судом приговора. Другие инстанции стояли на позиции, что возможность условно-досрочного освобождения должна исчисляться с момента замены уголовного наказания в виде лишения свободы на принудительные работы. Другими словами, после применения института замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания срок для исчисления возможности условно-досрочного освобождения «обнуляется» и начинает свое течение заново. Примером первой позиции является Постановление Верховного Суда РФ «О передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции» в которой он отметил, что «уголовный закон предусматривает возникновение права на условно-досрочное освобождение у осужденного за особо тяжкое преступление после фактического отбытия двух третей всего срока наказания, назначенного приговором суда, а не двух третей срока более мягкого вида наказания, назначенного осужденному в результате замены наказания в виде лишения свободы на принудительные работы в соответствии со ст. 80 УК РФ» [6], примером второй – Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.07.2020 г. № 78-УДПО20-6-К3 в котором ВС РФ подчеркивает, что «в результате замены наказания, назначенного по приговору суда, назначается новый более мягкий вид наказания, а поэтому в качестве назначенного наказания для применения положений ст. 79 УК РФ принимается то наказание, срок которого определяется, исходя из последнего принятого на этот счет решения» [7].

Данный спорный вопрос получил свое разрешение после принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.10.2021 № 32 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» [8]. При этом основанием для принятия такой позиции Верховного Суда РФ послужило Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2019 года № 3357-О в котором последний подчеркнул, что «освобождение осужденного от дальнейшего отбывания наказания путем замены его оставшейся части более мягким видом наказания аннулирует неотбытую часть прежнего наказания» [9].

В целях устранения разнообразного толкования и обеспечения единства судебной практики Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 21.04.2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» в п. 4.1 разъяснил, что при применении условно-досрочного освобождения от отбывания принудительных работ, если они были избраны осужденному в порядке замены на более мягкий вид наказания, «установленные в статье 79 УК РФ сроки, при фактическом отбытии которых возможно условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, исчисляются со дня начала отбывания принудительных работ, избранных осужденному в соответствии со статьей 80 УК РФ» [2].

Вместе с тем, следует отметить, что указанное разъяснение Пленума Верховного суда РФ в настоящее время входит

в противоречие с действующим уголовным законодательством. Данное расхождение произошло после внесения изменений в ст. 79 УК РФ Федеральным законом от 28.06.2022 г. № 200-ФЗ «О внесении изменения в статью 79 Уголовного кодекса Российской Федерации»². Указанный федеральный закон ввел в действие ч. 3.2 вышеуказанной статьи с прямо противоположным подходом к вопросу условно-досрочного освобождения от отбывания принудительных работ, если они были избраны осужденному в порядке замены на более мягкий вид наказания по сравнению с разъяснениями, данными Верховным Судом РФ. Указанная часть ст. 79 УК РФ установила, что «осужденному, неотбытая часть наказания которому была заменена более мягким видом наказания, срок наказания, после фактического отбытия которого может быть применено условно-досрочное освобождение, исчисляется с момента начала срока отбывания наказания, назначенного по приговору суда». Иными словами, возможность обращения в суд ходатайством об условно-досрочном освобождении у данной категории лиц на данный момент исчисляется с момента назначения им уголовного наказания в виде лишения свободы, а не со дня начала отбывания принудительных работ, избранных осужденному в соответствии со статьей 80 УК РФ.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что применение института замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания является весьма востребованным при замене уголовного наказания в виде лишения свободы принудительными работами и имеет положительную тенденцию, позволяет достигать основной цели уголовного наказания и уголовно-исполнительного законодательства – исправления осужденного.

Пристатейный библиографический список

1. Конкина О. В. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: дис. ... канд. юрид. наук. - Рязань, 2000. - С. 54.
2. Абдуллин Э. М. Замена наказания в уголовном законодательстве России (юридическая природа, виды, характеристика): дис. ... канд. юрид. наук. - Ульяновск, 2008. - С. 47.
3. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 (ред. от 28.10.2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. - 2009. - № 7.
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019–2021 г.г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 28.09.2022).
5. Статистическая форма ФСИН-1 подраздел 15.1. «Сведения о деятельности исправительных центров и участков, функционирующих как исправительные центры» за 2019-2021 гг. (Документы опубликованы не были).
6. О передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции: постановление Верховного Суда Рос. Федерации от 27 декабря 2019 г. № 78-укс19-527-К3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/275/Postanovlenie-78_UKS19_527_K3.pdf (дата обращения: 28.09.2022).
7. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.07.2020 г. № 78-УДПО20-6-К3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1904140 (дата обращения 28.09.2022).
8. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 октября 2021 г. № 32 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. - 2021. - № 12.
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ткачева Дмитрия Сергеевича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 79, частями первой и второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2019 года № 3357-О. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision451035.pdf> (дата обращения: 28.09.2022).

² О внесении изменения в статью 79 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2022 г. № 200-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2022. - № 27. - Ст. 4601.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-324-325

ПЕЙЗАК Анастасия Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД Российской Федерации

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В АВСТРАЛИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

В статье отмечается важная роль получения необходимого профессионального образования лицами, осужденными к лишению свободы, которая отводится ему странами англосаксонской правовой семьи. В статье перечислены основные направления и уровни образования, доступные осужденным Австралии, Великобритании и США. Обоснована экономическая значимость предоставления возможности получить образование осужденному в целях недопущения его возвращения в места лишения свободы на примере США. Автор отдельно отмечает проработанность и системность австралийского подхода в вопросе социальной адаптации и обучения осужденных, заслуживающего дальнейшего углубленного изучения.

Ключевые слова: образование осужденных, социальная адаптация, ресоциализация, исправление осужденных, социальная адаптация, Австралия, Великобритания, США.

PEYZAK Anastasiya Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

EDUCATION AS AN ELEMENT OF THE SOCIAL ADAPTATION OF CONVICTS IN AUSTRALIA, THE UNITED KINGDOM AND THE UNITED STATES

The article notes the important role of obtaining the necessary professional education for persons sentenced to deprivation of liberty, which is assigned to it by the countries of the Common Law system. The article lists the main directions and levels of education available to convicts in Australia, Great Britain and the United States. The economic significance of providing an opportunity to receive an education for a prisoner in order to prevent his or her return to places of deprivation of liberty was substantiated on the basis of the example of the United States of America. The author points out that the Australian approach to social adaptation and education for convicts is well developed and systematic and deserves further research.

Keywords: education of convicts, social adaptation, resocialization, correction of convicts, social adaptation, Australia, UK, USA.

Пейзак А. В.

Места лишения свободы в определенной мере становятся убежищами и пристанищем, «комфортной» средой для правонарушителей. Многие заключенные, отбывающие наказание, не представляют себе жизнь вне этой среды – беспечного полного «обслуживания» на грани «паразитирования» и дурмана субкультуры. Они заимствуют опыт и криминальные повадки, учатся друг у друга выживать в стрессогенной среде. С другой стороны их жизнь строго регламентирована и «предсказуема», что проявляется в отсутствии всего «негатива», что ожидает заключенных на свободе: социальной коммуникации, принятия самостоятельных решений, совершения независимых действий и, как следствие наступление ответственности перед законом.

Цель любого общества заключается в реабилитации тех, кто отбыл наказание в виде лишения свободы. Для этого необходимо наличие строго выстроенной работы по их поддержке со стороны государства и самого общества. Лица, освобожденные из мест лишения свободы, с трудом интегрируются в общество, особенно после длительных периодов содержания в изоляции.

Вопросам исправления осужденных и их социальной адаптации в обществе уделено определенное внимание целого ряда ученых: Е. Алауханова, А. И. Алексеева, Ю. А. Алферова, Г. Б. Андреевой, В. Т. Волова, Т. А. Казаковой, М. П. Карпенко, В. М. Литвишкова, С. А. Лузгина, А. С. Макаренко, Б. З. Маликова, А. В. Митькина, О. А. Никитиной, А. Н. Олейник, И. М. Режаповой, Н. К. Щепкиной и других.

Заключенные во всем мире представляют собой контингент менее образованных лиц, чем население в целом, что подтверждается неоднократными исследованиями в Австра-

лии, Великобритании, Ирландии, Канаде, Новой Зеландии, США и России. Проблема отсутствия или низкого уровня образования лиц, приговоренных к тюремному заключению, существует во всех странах и причины тому разные.

На уровне организации власти и правоохранительные органы большинства государств в настоящее время пришли к пониманию, что обучение осужденных преступников является одним из эффективных способов развития их личности и ее переориентации на созидательную деятельность. Более того, процесс образования и его результаты расширяют их возможности в успешной ресоциализации и реально позволяют сократить постпенитенциарный рецидив. В настоящей статье автор стремится теоретически обобщить особенности предоставления образовательных услуг осужденным стран англосаксонской правовой семьи, чей опыт должен быть полезен при проведении уголовно-правовой политики государства, реформирования пенитенциарной и образовательной систем России, работодателям, испытывающим дефицит рабочих и для общества, нуждающегося в большем количестве образованных и законопослушных граждан, в целом.

Учебные курсы для заключенных в странах англо-саксонской правовой семьи варьируются от курсов базового и среднего образования до программ профессионально-технического и высшего образования. При этом во многих исправительных учреждениях руководство настаивает на том, чтобы образовательные программы были сосредоточены исключительно на базовой грамотности осужденных, предполагая, что людей может уберечь от рецидива получение базовых навыков грамотности. Другой подход заключается в отнесении неформальной деятельности, позволяющей по-

лучить соответствующие навыки в искусстве, ремеслах или театральных постановках, к одной из форм образования. Аналогичным образом, в некоторых странах программы реабилитации или физического воспитания рассматриваются в качестве образовательных [1].

Повсеместно в Великобритании для осужденных преподают курсы, помогающие приобрести новые навыки, например, научиться читать и писать, использовать компьютер и выполнять элементарные математические расчеты. Важным моментом, который нельзя не отметить, является наличие индивидуального подхода к обучению осужденных в Великобритании. Большинство из них получают индивидуальный план обучения, в котором перечисляются элективные курсы и практики. Направленность некоторых курсов позволяет осужденному получить квалификацию, признаваемую работодателями за пределами исправительного учреждения (диплом о высшем образовании или степень). В частности, осужденные к лишению свободы в Великобритании могут пройти курс дистанционного обучения, например в Открытом университете¹.

Заклученные Австралии имеют возможность повысить уровень своего образования будь то завершение школьного обучения, получение базового образования для взрослых или продолжить образование вплоть до уровня присуждения степени. Имеется возможность пройти полный курс профессионально-технического обучения и подготовки, по окончании которого выдается квалификационный сертификат. Осужденный определяет самостоятельно изучаемые модули или предметы, которые позволят ему приобрести одну или сразу несколько компетенций. Большинство заключенных имеют доступ к бесплатному образованию и курсам профессиональной подготовки, признанным на национальном уровне, включая стажировки. Ключевым моментом является то, что осужденный к лишению свободы в Австралии имеет доступ к образовательным программам штата, где отбывается наказание, образовательным программам в другом штате Австралии или даже в зарубежье. Если стоимость обучения не покрывается субсидиями Программы бесплатного образования или Программы взносов на высшее образование, возможна оплата за счет собственных средств осужденного. Соответствующие полномочия в этой сфере наделена Группа по вопросам образования и профессиональной подготовки, входящая в состав Департамента исправительных учреждений Австралии [2].

Как в Великобритании, так и в Австралии большинство осужденных имеют доступ к государственным кредитам для студентов университетов. Также, заявки на получение грантов на финансирование дистанционного образования, которое не может оплатить осужденный, принимают благотворительные организации. Начальное, среднее и профессиональное образование, как правило, является бесплатным, хотя некоторые страны требуют от заключенных или их семей оплачивать заочные курсы. В Австралии и Великобритании лица, содержащиеся в условиях предварительного заключения, не имеют права на получение образования [1].

Ученые США уверены, что существует обратная связь между рецидивом и образованием, и чем выше уровень образования, тем меньше вероятность того, что то или иное лицо будет вновь арестовано или заключено в тюрьму. Нельзя не

согласиться с мнением, что каждый доллар, потраченный на образование осужденного, экономит больше двух долларов, просто избегая повторного заключения. Отчетность Бюро судебной статистики США за 2016 год² содержит сведения о потраченных 295,6 миллиардов долларов на учреждения исправительной системы и органов уголовного правосудия, что соответствует показателю ежегодных расходов на одного заключенного в размере 134,4 тысяч долларов США, что значительно превышает среднюю стоимость одного года обучения в колледже.

Основным направлением профессиональных программ для осужденных в США является развитие имеющихся навыков, что в некоторых случаях приводило к невозможности получения доступа к обучению из-за отсутствия диплома о среднем образовании. Еще одной проблемой является недостаточность мер, принимаемых в рамках содействия лицам, освобожденным из мест отбывания наказания в трудоустройстве, несмотря на полученное образование.

Практикой пенитенциарных учреждений и систем доказано, что получение образования осужденными во время отбывания наказания, является важным элементом их социальной адаптации, однако его недостаточно без системного применения иных мер государственной и общественной поддержки, как внутри, так и за пределами исправительных учреждений.

К подобным мерам можно отнести пробацию, нравственно-эстетическое воспитание осужденных, активное противодействие криминальной субкультуре, активное содействие в трудоустройстве и приобщении к выполнению общественно значимых работ как после, так и во время отбывания наказания. Это поможет снизить потребность производств в регионах России, которые остро нуждаются в работниках, расходы на обучение которых готов взять на себя работодатель, а также преодолеть вызовы настоящего и будущего.

Дальнейшее углубленное изучение позитивного опыта Австралии позволит выработать эффективную модель ресоциализации осужденных в рамках которой им будет предоставлена возможность получить необходимые компетенции, например, в области строительства или устранения последствий разрушений будь то от стихийных или иных бедствий. Осужденные уже во время отбывания наказания смогут применить полученные знания на практике за справедливую плату в том числе на территории ДНР и ЛНР, а также в пострадавших от стихийных бедствий регионах, доказав свою готовность вернуться в общество и заработав достойные средства для организации личной жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Режапова И. М. Образование для заключенных за рубежом // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. – 2020. – № 1 (9). – С. 56-62. – EDN LLBYGD.
2. Vocational education and training for adult prisoners and offenders in Australia: Research readings. Edited by Susan Dawe (2007). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED499730.pdf> (дата обращения: 04.05.2022).

1 Prison life. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/life-in-prison/education-and-work-in-prison> (дата обращения: 04.05.2022).

2 Justice Expenditure And Employment Extracts, 2016 – Preliminary (2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bjs.ojp.gov/library/publications/justice-expenditure-and-employment-extracts-2016-preliminary> (дата обращения: 04.05.2022).

КУТУЗОВА Елена Романовна

магистрант Забайкальского государственного университета, г. Чита

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуются вопросы, характеризующие организационные и правовые аспекты деятельности общественных формирований в разных странах, осуществляющих контроль за обеспечением прав, свобод и законных интересов человека в местах заключения. Данный интерес вызван факторами нарушения прав лиц, находящихся в местах заключения, которые были освещены в средствах массовой информации. Такие факторы вызывают всеобщую активность и дают стимул общественным формированиям. В большинстве стран в качестве органа для регулярных посещений мест заключения был выбран омбудсмен или аналогичные государственные органы. В каждом государстве деятельность по контролю за местами заключения осуществляется различных формах. Это зависит от развития национальной правовой системы, государственного строя и разных других показателей.

Ключевые слова: международные акты, омбудсмен, общественные формирования, места заключения, общественный контроль, обеспечения прав человека, государственные органы, права, свободы и законные интересы человека.

KUTUZOVA Elena Romanovna

magister student of the Zabaykalsky State University, Chita

THE ACTIVITIES OF PUBLIC MONITORING COMMISSIONS TO ENSURE HUMAN RIGHTS IN PLACES OF DETENTION IN FOREIGN COUNTRIES AND THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines issues that characterize the organizational and legal aspects of the activities of public formations in different countries that exercise control over ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of a person in places of detention. This interest is caused by the factors of violation of the rights of persons in places of detention, which were covered in the media. Such factors cause general activity and give an incentive to social formations. In most countries, the Ombudsman or similar public authorities have been chosen as the body for regular visits to places of detention. In each state, activities to control places of detention are carried out in various forms. It depends on the development of the national legal system, the political system and various other indicators.

Keywords: international acts, ombudsman, public formations, places of detention, public control, ensuring human rights, state bodies, rights, freedoms and legitimate interests of a person.

Актуальность исследования. Роль общественных организаций в осуществлении контроля за соблюдением обеспечения прав и законных интересов лиц, находящихся в местах принудительного содержания, как за рубежом, так и в России, особенно актуальна. Интерес общественных организаций вызван фактами грубого нарушения прав лиц, находящихся в изоляции от общества, которые освещены в средствах массовой информации, а также низким уровнем доверия граждан к представителям органов пенитенциарной системы.

Цель исследования – проанализировать модели общественных организаций в указанной сфере контроля как в зарубежных странах, так и в РФ, на основании метода компаративизма выявить положительные направления деятельности этих моделей для улучшения работы отечественных общественных наблюдательных комиссий.

В 2002 г. ООН принят Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [2]. Цель принятия данного документа – создание системы регулярных посещений, осуществляемых независимыми международными и национальными органами мест, где содержатся лица, лишённые свободы, с целью предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство и видов обращения и наказания со стороны должностных лиц.

Для реализации указанного протокола каждая страна выбрала собственную модель осуществления общественного

контроля за местами принудительного содержания. Она зависит от ряда взаимосвязанных факторов, в том числе, государственного строя и типа правовой системы.

На основе анализа деятельности зарубежных стран в сфере обеспечения прав, свобод и законных интересов лиц, находящихся в местах заключения, все страны можно условно разделить на две группы:

1. Первая группа стран характеризуется тем, что контроль за деятельностью органов пенитенциарной системы возложен на омбудсмена (Албания, Германия, Чехия, Дания, Эстония, Люксембург, Польша, Швеция, Словения, Испания).

2. Ко второй группе относятся страны, в которых контроль осуществляется негосударственными общественными формированиями. К этой группе можно отнести Великобританию, Швейцарию, Соединённые Штаты Америки, Францию, Российскую Федерацию.

Рассмотрим детально первую группу стран. В Албании за период 2019 г. в институт омбудсмена поступило 1263 жалобы, из которых в раздел по предупреждению пыток поступило 98 жалоб. По итогу отчётного периода разрешено 1263 жалобы [4].

В Республике Чехия Факультативный протокол вступил в силу с 2006 г., именно с этого периода и началась работа по обеспечению защиты лиц, органичных в свободе. В период с 2006 по 2018 гг. насчитывается 436 посещений, в том числе и тюрем, полицейских клеток, помещений для задержания иностранных граждан и т.д. [5].

Данные органы не являются общественными, они созданы на государственной основе. Несмотря на это, их деятельность имеет позитивный результат в рамках предупреждения и пресечения пыток и другого жестокого обращения с лицами, находящимися в местах принудительного содержания.

Анализ второй группы стран позволяет сделать следующие выводы. В Великобритании в 1897 г. парламентским актом было положено начало системы визитеров в тюрьмы Англии. В 1952 г. принят Акт о тюрьмах, установивший обязанность создания местного совета визитеров для всех тюрем Англии и Уэльса. При этом у каждой тюрьмы наличествует совет независимого мониторинга [10].

Советы независимы от тюремной системы, несмотря на то, что членов совета назначает министр внутренних дел, которому адресуются заявления.

Главным отличием британской системы визитеров от российской системы общественных наблюдательных комиссий является система подготовки и обучения визитеров. На первом этапе визитеры проходят обучение в тюрьмах, к которым относятся. На втором этапе обучения визитер обучается основам контрольной деятельности на специальных курсах. Кроме того, через каждые 2-3 года каждый визитер направляется на курсы для подготовки более опытных визитеров. К концу 4 года работы визитеры проходят курс национальной подготовки, а на 6 или 7 году работы – национальный курс интенсивной подготовки.

Председатели советов проходят специальную программу подготовки, по взаимодействию с администрацией тюрем и разрешению инцидентов.

Швейцарский опыт организации общественного контроля за местами принудительного содержания характеризуется созданием Национальной комиссии по предупреждению пыток (НСРПТ). Это независимая комиссия с юридическим мандатом, регулярно проверяет соотношение прав человека и мер, ограничивающих свободу, а также обеспечивает соблюдение прав и свобод лиц, чья свобода ограничена путем постоянного взаимодействия с властями [5].

Главное отличие системы общественных наблюдательных комиссий в РФ от Комиссии Швейцарии заключается в том, что последняя полностью финансируется из федерального бюджета. Члены Комиссии имеют право на возмещение всех расходов, связанных с обеспечением контрольной деятельности за учреждениями, в которых находятся лица, ограниченные в свободе. Бюджет Комиссии в год составляет 360 тысяч швейцарских франков (около 23 миллионов рублей). Данные средства уходят на содержание аппарата Комиссии, возмещение убытков связанных с посещением учреждений.

Рассматривая опыт деятельности в Соединенных Штатах Америки, можно выделить 4 основных формы осуществления общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов:

1. Наблюдательный совет. Считается, что это наиболее независимая модель. Цель совета – рассмотрение жалоб по поводу неправомерных действий со стороны сотрудников Департамента городской полиции Лас-Вегаса при исполнении ими своих обязанностей. Также совет проводит расследование случаев смерти лиц во время задержания или содержания под стражей [6].

2. Полицейская стража. Цели этой формы общественного контроля в расширении прав и возможностей жертв от неправомерных действий полиции при рассмотрении жалоб от них, предотвращение таких случаев, предание им огла-

ски, продвижение эффективной системы гражданского надзора за полицией. В полицейскую стражу поступает около 300 – 600 жалоб в год, но из них только небольшой процент рассматривается Полицейской стражей. Так как они не проводят самостоятельного расследования, но у них есть на это право [7].

3. Полицейская комиссия по разрешению заявлений. Роль и функции такой модели заключаются в том, что данная комиссия рассматривает заявления лиц, которые не были удовлетворены результатами расследования их жалоб [8].

4. Независимый полицейский аудит. Цель аудита состоит в том, чтобы укрепить доверие между гражданами и департаментом полиции, обеспечивая подотчетность, справедливость, прозрачность к системе подачи жалоб и процессу расследования. Он принимают жалобы от граждан да действия сотрудников полиции, но не проводит самостоятельного расследования. Вместе с тем, у членов аудита есть полный доступ к процессу расследования жалоб, они оценивают эффективность работы сотрудников Бюро внутренних дел при Полицейском департаменте. В обязанности аудита также входит мониторинг расследования жалоб на необоснованные действия сотрудников полиции. Так в 2019 г. поступило 132 жалобы, при расследовании по 25 из них подтверждено совершение незаконных действий сотрудниками полиции [9].

Опыт Соединенных Штатов Америки показывает, что для определенного округа создается определенная форма осуществления общественного контроля, исходя из различных показателей. Вместе с тем, наличие различных форм свидетельствует об отсутствии единой системы контрольных органов, как на местном, так и на государственном уровне. Вследствие чего нет единообразия в мероприятиях, проводимых такими органами.

В Российской Федерации Общественные наблюдательные комиссии осуществляют общественный контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания. Комиссии в обязательном порядке образуются в каждом субъекте Российской Федерации [3].

Анализ поступивших в Общественную наблюдательную комиссию Забайкальского края обращений в 2018-2019 гг., показал, что в большинстве случаев содержание жалоб сводится к неправомерным решениям судов и не правильно назначенного срока, что не является компетенцией общественных наблюдательных комиссий. Только единичные жалобы действительно направлены членам ОНК в соответствии с их полномочиями. За 2019 год разрешены 1 жалоба, 3 заявления и 1 обращение, по сравнению за 2018 год – 3 заявления, 10 жалоб, 12 обращений и 1 ходатайство, количество обращений снизилось на 21.

Данная ситуация складывается из-за того, что большее количество лиц, содержащихся в местах принудительного содержания, не знают об условиях и порядке обращения в ОНК, хотя описание условий и порядка обращения в ОНК размещается на информационных досках.

Таким образом, в заключение можно сделать следующие выводы. В каждом государстве форма общественного контроля определяются исходя из ряда взаимосвязанных факторов, в том числе государственного строя и типа правовой системы. В основе работы контрольных организаций лежит типовой алгоритм действий: вначале происходит сбор необходимой информации о работе учреждения, за которым осуществляется контроль, далее выявление нарушений

и уведомление вышестоящих органов о таком нарушении, и в конце контроль за устранением нарушений и недостатков.

Имеет большое значение опыт Великобритании по подготовке визитеров. Для организации работы визитеров в Англии разработана система подготовки визитеров. Эту систему можно рассматривать как примерную модель для создания системы подготовки общественных наблюдателей в Российской Федерации, так как в настоящий момент времени нет целостной системы для подготовки и профессионального развития членов общественных наблюдательных комиссий в РФ.

Важным моментом является также тот факт, что в большинстве государств организации, осуществляющие контроль за обеспечением прав и законных интересов лиц, находящихся в местах принудительного содержания, формируются за счет государства. Кроме того, они полностью финансируются из бюджета государства, тем самым обеспечивая все необходимые затраты в ходе деятельности организаций. В России деятельность общественных наблюдательных комиссий не финансируется, что порождает определенные трудности в плане посещения удалённых пенитенциарных учреждений, разрешения жалоб и заявлений. В большинстве случаев члены ОНК осуществляют контроль за соблюдением прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания, за свой личный счет, с использованием собственного транспорта и т.п. Так, например, для проверки ФКУ ИК-2 УФСИН России по Забайкальскому краю, расположенной в Карымском районе, п. Шара-Горохон, необходимо проехать 118 км. до ИК-10 в г. Краснокаменске – 554 км.

В заключении хочется отметить, что сфера исполнения уголовных наказаний до сих пор остается той, где права человека уязвимы и нуждаются в особом контроле со стороны не только государства, но и общества. В связи с этим необходима создание более благоприятных условий для осуществления общественного контроля.

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года: Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс: Международные правовые акты».
2. Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: принят резолюцией 57/199 Генеральной Ассамблеи ООН 18 декабря 2002 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс: Международные правовые акты».
3. Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
4. Albania: People's Advocate // Avokatipopullit. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.avokatipopullit.gov.al/English> (дата обращения: 09.02.2020).
5. Bundesgesetz über die Kommission zur Verhütung von Folter // Die Bundesbehörden der Schweizerischen Eidgenossenschaft. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20092626/index.html> (дата обращения: 19.02.2020).
6. Commission nationale de prévention de la torture // Commission nationale de prévention de la torture. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nkvf.admin.ch/content/nkvf/en/home/die_oe.html (дата обращения: 19.02.2020).
7. Frequently Asked Questions // The Las Vegas Metropolitan Police Department Citizen Review Board. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.citizenreviewboard.com/Default.aspx> (дата обращения: 19.02.2020).
8. About Portland Copwatch // Portland Copwatch. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portlandcopwatch.org/whois.html> (дата обращения: 19.02.2020).
9. The Function and Role of the Board of Police Commissioners [Электронный ресурс] // Los Angeles Police Department. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lapdonline.org/police_commission/content_basic_view/900 (дата обращения: 22.02.2020).
10. Акт о тюрьмах Великобритании 1952 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prisons.org.uk/prisoners-the-law/>.

МИХАЙЛОВ Вячеслав Сергеевич

старший преподаватель кафедры РиО в УИС Самарского юридического института ФСИН России

ЕРЕМЕЕВА Елизавета Юрьевна

курсант 5 курса Самарского юридического института ФСИН России

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ОСУЖДЁННЫМ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ, ИХ УЧЁТ И КОНТРОЛЬ В ИУ УИС РФ

В данной статье рассматривается вопрос о предоставлении телефонных переговоров в ИУ УИС РФ. Характеризуется значимость предоставления звонка для осужденного, а также негативные влияния при его осуществлении. Порядок предоставления телефонных переговоров. Авторы указали как осуществляется контроль и учет звонков в ИУ. Отметили наиболее важные проблемы. Обратились к международному опыту предоставления права на телефонный звонок осужденного.

Ключевые слова: осужденный; телефонные переговоры; звонок; сотрудник; социальные связи; исправительное учреждения; преступление; правонарушение.

MIKHAYLOV Vyacheslav Sergeevich

senior lecturer of R&D in the penal system sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

EREMEEVA Elizaveta Yurjevna

5th year student of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

PROVISION OF TELEPHONE CONVERSATIONS TO CONVICTS, THEIR ACCOUNTING AND CONTROL IN IU UIS RF

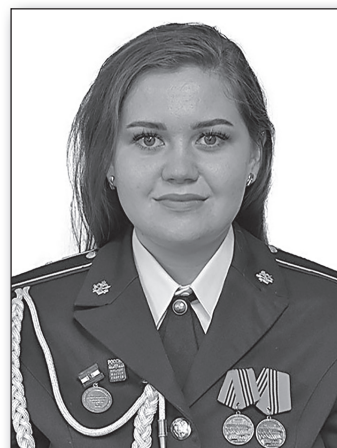
This article considers the issue of providing telephone conversations to the Information Institution of the UIS of the Russian Federation. It is characterized by the importance of providing a call for the convict, as well as negative influences in its implementation. The procedure for providing telephone conversations.

The authors indicated how the control and accounting of calls to the IU is carried out. Noted the most important problems. We turned to the international experience of granting the right to a phone call to a convict.

Keywords: convict, telephone conversations; ringing; employee; social ties; correctional institution; crime; offense.

Михайлов В. С.

Еремеева Е. Ю.

Поддержание социальной связи в местах лишения свободы всегда было и будет актуальным. В современном мире существует большое количество возможностей поддерживать социальную связь. К ним мы будем относить: социальные связи; переписка; встречи и т.д.

Касаемо лиц, находящихся в местах лишения свободы, то права и возможности в поддержании социальной связи ограничены в силу их социального статуса. Более подробно разберем вопрос касаемый, предоставления телефонных переговоров, осужденных в исправительных учреждениях (далее по тексту - ИУ).

Телефонные переговоры – это возможность по средством устной речи передать информацию через сотовую сеть. Могут иметь определенное время, возможность звонка одному человеку или нескольким.

Обращаясь к законодательству Российской Федерации (далее по тексту - РФ), то:

1) В Конституции прямо говорится о том, что права человека и гражданина являются высшей ценностью и то, что права человека и гражданина защищаются государством. Осужденный – есть гражданин РФ, то его права так же равны с применением определенных ограничений.

2) В соответствии с ч.1 ст. 92 УИК РФ осужденные имеют права на осуществление телефонных переговоров. Вре-

мя предоставления телефонных переговоров составляет не более 15 минут. Оплачивается общение по телефону за счет самого осужденного или его близких родственников и других лиц.

3) Согласно, приказу Минюста России № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» от 16.12.2016 г., то именно глава 15 раскрывает сущность предоставления телефонных переговоров на территории ИУ. Реализуются телефонные переговоры в специально для этого оборудованном месте или выделенных для этого помещениях. Так же отметим, что телефонные переговоры осуществляются в свободное не рабочее время осужденного.

4) Закон об ОРД от 12.08.1995 № 144-ФЗ, гласит нам о том, что в целях ОРД возможно прослушивание телефонных переговоров. Либо же в случае ВУД, при ограничении некоторых конституционных прав.

Для совершения телефонного звонка осужденному в оперативном отделе заводится телефонная карточка. Телефонная карта имеет три вида легальной связи:

- 1) Зонателеком;
- 2) Ростелеком;
- 3) УФСИНтелеком.

Самым распространённым является Зонателеком. Рассмотрим более подробно данный вид связи.

И так, Зонателеком – это официальный вид связи, предоставляемый ФСИН России. В магазине на территории ИУ приобретается самим осужденным данная карточка. В среднем цена карточки около 100 руб. При этом осужденный может поговорить оттуда за один звонок не более 30 руб.

Далее по данной карточке пишется заявление, в котором указываются все номера необходимые для осуществления звонка. Все номера проходят регистрацию в отделе безопасности. Поэтому осужденный сможет позвонить только номерам, указанным в заявлении. Иначе, ему будет услышан следующий ответ: «Вызов на данный абонентский номер ЗАПРЕЩЕН».

Цена одной минуты в данной телефонной связи составляют – 3 руб. Отсюда мы видим, что звонок до 15 минут. Поэтому на каждый звонок осужденному в среднем необходимо будет потратиться – 45 руб. Карту осужденный может пополнять как сам, так и его родственники в свободном доступе.

Порядок предоставления телефонных переговоров состоит в следующем: осужденный берет бланк заявления у своего начальника отряда, далее пишет заявление по образцу [1]. В заявлении осужденный указывает: ФИО, ст. по которой осужден, дату начала и конец срока, отряд, кому будет осуществлен вызов и номер телефона, на каком языке будет осуществляться телефонный разговор. Данное заявление подписывается начальником ИУ. Проверка по осуществлению звонка выполняется сотрудниками оперативного отдела [2]. Только после этого осужденный в порядке очереди между осужденными в определенное время может осуществить звонок, только указанному лицу в заявлении.

Контроль за проведением телефонных переговоров осуществляет младший инспектор учреждения осуществляющий порядок проведения данной социальной связи. Так же отметим, что в соответствии с ч. 5 ст. 92 УИК РФ, проведение телефонных переговоров может контролироваться сотрудниками ИУ, в котором осужденный отбывает свое наказание.

Для тщательного контроля за всем происходящим во время телефонного переговора в ИУ устанавливается параллельный телефонный аппарат. Телефонный разговор осуществляется на том языке, который был указан в заявлении. В случаи, если на территории ИУ не будет сотрудника, владеющего данным языком, будет вызываться переводчик.

Если осужденный не смог дозвонится до абонента, то он может осуществлять повторный звонок пока не дозвонится и не поговорит с абонентом.

Бывают случаи, когда осужденному необходимо срочно позвонить абоненту, а заявление написать он не успел. В таких, случаях вопрос решается через оперативный отдел ИУ, далее начальником ИУ. Всю основную информацию осужденный получает посредством взаимосвязи с начальником отряда.

Говоря про учет, то все телефонный переговоры осужденного фиксируются в журнале находящемся в ОБ ИУ. В зависимости от регионов и вида исправительного режима, телефонные переговоры контролируются (прослушивают-

ся) сотрудниками оперативного отдела, отдела безопасности, начальника отряда.

Учет ведется в документации. К документации мы будем относить - «Журнал учета телефонных разговоров подозреваемых или обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий, домашнего ареста или залога».

В данном журнале содержится: кем осуществляется звонок, дата и время осуществления телефонного звонка, абонент, с которым состоялся телефонный разговор, с какого носителя был произведен звонок, ФИО и звание сотрудника внешнего записи в данный журнал, дата и подпись самого сотрудника [5].

Существуют основания досрочного прекращения телефонного звонка. К ним относят: - информацию, касающуюся подготовки совершения преступления или правонарушения; - информацию, по проносу запрещенных предметов; осуществление телефонного звонка на языке, не указанном в заявлении; а также по желанию одного из лиц участвующих в разговоре. В документации есть четкое отражение того, что звонок был прерван. А именно, сотрудник прослушивающий разговор или осуществляющий контроль за ним, письменно докладывает начальнику учреждения о прерывании телефонного звонка с указанием причин на это.

Говоря про причины прерывания телефонных переговоров, следует остановиться на проносе незаконным оборотом наркотических средств. Осужденные с помощью связи с сообщниками находящиеся за пределами ИУ используют телефоны, для доставки наркотиков. Тем самым, разрушается деятельность ИУ. Возникают, случаи, когда по телефону осужденные могут зашифрованным текстом спланировать какой-то план или совершить какое-либо правонарушение. Отдельное внимание будет уделяться лицам, состоящим на профилактическом учете.

В настоящее время много уделяется значения для прослушивания телефонных переговоров, в целях раскрытия и предотвращения совершения преступлений. Пишутся различные пособия, диссертации, научные статьи, посвященные данной теме. Так как телефонная связь является одним из предметов совершения преступления, в целях получения криминалистической информации.

Отметим проблемные вопросы, связанные с предоставлением телефонных переговоров осужденным отбывающих наказание в ИУ.

1) Осужденный написал заявление, в котором указал список номер. В дальнейшем, когда осужденному подписали заявление, при совершении звонка определенному абоненту, оказалось, что номера нет в разрешенном списке. Отсюда, срабатывает сброс звонка и осужденный не может дозвонится до абонента.

2) Особо частые проблемы возникают при международном. К примеру, осужденный отбывает наказание на территории РФ, а его родственники и сам он с Республики Беларусь. Тогда ему приходится оформлять доп. карту и ожидать, когда, его соединят с указанным абонентом. Звонки на международные номера, намного дороже.

3) Плохая связь при совершении телефонного звонка. Часто в ИУ возникают различные неполадки. К примеру, осужденный при разговоре очень тихо слышит абонента,

либо слышит прерывисто. Отсюда, ухудшается качество звонка и усвоение принимаемой информации.

Считаем, что необходимы изменения, касаемые проведения телефонных переговоров в ИУ, улучшить качество и регламентировать четкое требование для проведения и контроля. Сотрудникам ИУ необходимо качественно контролировать, оперативно реагировать на совершения подготовку совершения противоправных действий поступающих по средством телефонной связи. Использовать современные технологии и приемы для раскрытия и предотвращения преступлений и правонарушений [3].

Обратимся к международному опыту проведения телефонных переговоров осужденным в ИУ. Анализ норм уголовного права в странах Центральной Европы показывает, что осужденные могут более широко связываться и вести переговоры по телефону. Например, согласно Федеральному закону Федеративной Республики Германии от 16.03.1976 «Об исполнении наказания в виде лишения свободы и мер исправления и безопасности, связанных с лишением свободы» и Федеральный закон Австрийской Республики «Об исполнении лишения свободы и профилактических мер, связанных с лишением свободы» от 26.03.1969 осужденные имеют право на телефонные переговоры с родственниками, адвокатами, социальными службами, государственными органами, должностными лицами и поставщиками юридических услуг [4]. При этом администрация пенитенциарных учреждений оставляет за собой при необходимости право контролировать диалог, в том числе с участием переводчиков.

Толкования норм международного и национального уголовного права указывают на то, что предоставление услуг по переводчику и адвокату за счет бюджетных средств при исполнении наказаний является обязанностью пенитенциарных учреждений. ИУ делает это для того, чтобы осужденный получил необходимое юридическое толкование. Разъяснение его прав и обязанностей, правила внутреннего распорядка и другие вопросы, связанные с отбыванием наказания.

Таким образом, мы рассмотрели понятие и значение телефонного переговоров в ИУ. Отметим, что телефонные переговоры являются одним из значимых в поддержании социальных связей, а также средством совершения предоставления информации к подготовке или совершению противоправного деяния. Так же рассмотрели законодательную базу предоставления телефонных переговоров, касаясь норм Конституции, УИК, ПВР, Закон об ОРД. Так же указали, что контроль осуществляет сотрудник из оперативного отдела, либо сотрудник отдела безопасности, либо начальник отряда. Учет по предоставлению звонка ведется в специальном Журнале Учета. Так же рассмотрели проблемные моменты возникающие при предоставлении телефонных переговоров, исходя из мнений сотрудников ИУ на территории Самарской области.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
2. Горяинов К. К., Щетнев Л. Е. Особенности применения законодательных положений при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 1. С. 22-25.
3. Галахов С. С. Правовые и организационные основы осуществления оперативно-розыскной деятельности в помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 3. С. 3-6.
4. Федоров А. А., Дергачев А. В. Предупреждение поступления в ИУ запрещенных вещей // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2013. № 11. С. 34-35.
5. Горяинов К. К., Сивиркин Ф. Д. Оперативно-технические мероприятия, ограничивающие право на тайну телефонных переговоров в отношении лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 1. С. 7-10.

References

1. Federal Law "On Operational-Search Activities" dated 12.08.1995 № 144-FZ (latest edition) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 9. Art. 851.
2. Goryainov K.K., Shchetnev L.E. Peculiarities of the application of legislative provisions in the implementation of operational-search measures in places of imprisonment//Criminal executive system: law, economics, management. 2019. № 1. S. 22-25.
3. Galakhov S. S. Legal and organizational foundations for the implementation of operational-search activities in premises operating in the mode of pre-trial detention centers//Criminal executive system: law, economics, management. 2018. № 3. S. 3-6.
4. Fedorov A. A., Dergachev A. V. Prevention of the receipt of prohibited things in the IU//Vedomosti of the penal system. 2013. № 11. S. 34-35.
5. Goryainov K.K., Sivirkin F.D. Operational and technical measures that limit the right to secrecy of telephone conversations in relation to persons serving sentences in correctional institutions//Criminal executive system: law, economics, management. 2018. № 1. S. 7-10.

ОВИНОВА Юлия Анатольевна

старший оперуполномоченный отдела собственной безопасности УФСИН России по Республике Хакасия, майор внутренней службы, адъюнкт Факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

ЗАБРОДИН Александр Владимирович

старший оперуполномоченный оперативной группы ФКУ ИК-28 УФСИН России по Республике Хакасия, старший лейтенант внутренней службы, аспирант Сибирского федерального университета

О НЕКОТОРЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СОВЕРШЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ЛИЦАМИ, ОСУЖДЁННЫМИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПРАКТИКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УФСИН РОССИИ ПО РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ)

В статье рассматриваются криминалистическая характеристика массовых беспорядков в одном из исправительных учреждений УФСИН России по Республике Хакасия, причины их возникновения в данном учреждении, особенности расследования данного преступления. Роль осужденных в совершении противоправного деяния, особое участие в организации массовых беспорядков осужденных за совершение преступлений против общественной безопасности и общественного порядка - преступников-террористов.

Ключевые слова: массовые беспорядки, причины возникновения массовых беспорядков, криминалистическая характеристика массовых беспорядков, терроризм.

OVINOVA Yuliya Anatoljevna

senior operative of the Department of Internal Security of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Republic of Khakassia, Major of Internal Service, adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the FPS of Russia

ZABRODIN Aleksandr Vladimirovich

senior operative of the operational group of the FКУ IK-28 of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Republic of Khakassia, senior lieutenant of the internal service, postgraduate student of the Siberian Federal University

ON SOME CIRCUMSTANCES OF THE COMMISSION AND INVESTIGATION OF MASS RIOTS IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY BY PERSONS CONVICTED OF TERRORIST CRIMES (BASED ON THE ANALYSIS OF THE PRACTICE OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA IN THE REPUBLIC OF KHAKASSIA)

The article examines the criminalistic characteristics of mass riots in one of the correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Khakassia, the causes of their occurrence in this institution, the specifics of the investigation of this crime. The role of convicted persons in the commission of an illegal act, special participation in the organization of mass riots of convicted persons for crimes against public safety and public order - terrorist criminals.

Keywords: mass riots, causes of mass riots, criminalistic characteristics of mass riots, terrorism.

Противоправные деяния, запрещённые Уголовным кодексом Российской Федерации¹ под угрозой наказания, реализуемые против основ конституционного строя и безопасности государства, а также общественной безопасности, всегда представляли большую угрозу не только для Российской Федерации, но и для всего мира. Массовые беспорядки в среде заключённых происходили всегда, во всех государствах и при любых режимах, такова природа мест лишения свободы.

Актуальность данной темы исследования обусловлена тем, что ввиду высокого уровня общественной опасности терроризма и массовых беспорядков человечество постоянно сталкивается с проблемами различных сфер и масштабов. Кроме того, противоправные действия, совершаемые лицами, осуждёнными за совершение преступлений террористического характера, в период отбывания наказания, в том числе групповые неповиновения и массовые беспорядки, должны быть удостоены особого внимания, так как несут

огромную опасность не только для функционирования конкретного учреждения, но и уголовно-исполнительной системы в целом.

Причины возникновения данного противоправного по своей природе и негативного явления разнообразны. Советская пенитенциарная система считалась одной из самых жестких в мире, а советские преступники – одними из самых идейных, что не могло не привести к глубокому и непримиримому конфликту между сторонами, который периодически приводил к массовым беспорядкам, начиная от самых мягких, в виде отказа от работы или приёма пищи, и заканчивая самыми жесткими. Осужденные вынуждены были мириться с тяжелыми условиями содержания несмотря на то, что идея воздаяния трансформировалась и взяла за основу концепцию о необходимом равновесии между наказанием и гуманностью, устанавливающей ограничения пределов карательного воздействия и постепенно приобретающая исправительный смысл наказания [5, с. 10]. Таким образом, совершение массовых беспорядков в исправительных учреждениях советского и постсоветского периода зависело еще и от складывающейся в обществе на тот период развития эконо-

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.

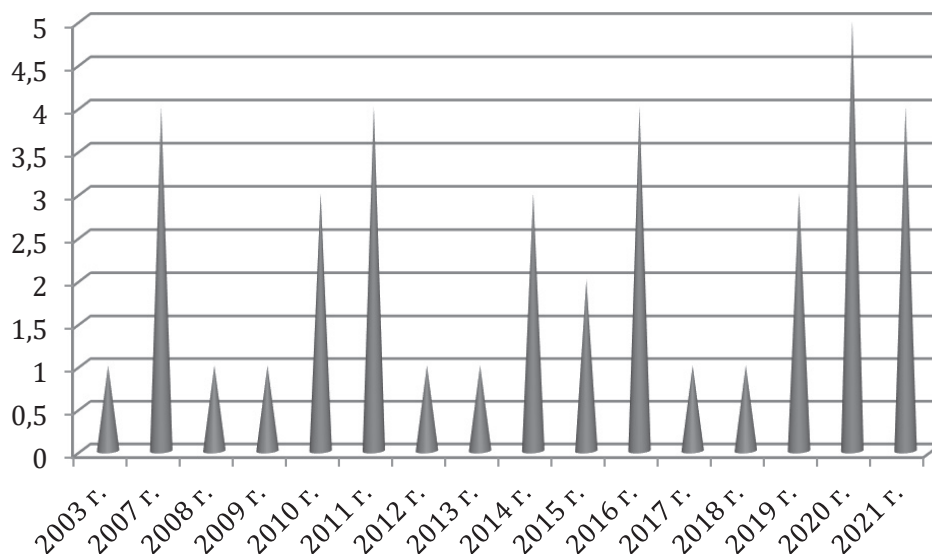

Рисунок 1.

(где в 2003 г. - 1 преступление; 2007 г. - 4; 2008 г. - 1; 2009 г. - 1; 2010 г. - 3; 2011 г. - 4; 2012 г. - 1; 2013 г. - 1; 2014 г. - 3; 2015 г. - 2; 2016 г. - 4; 2017 г. - 1; 2018 г. - 1; 2019 г. - 3; 2020 г. - 5; 2021 г. - 4).

мической и политической обстановкой. В современном российском законодательстве такое социально опасное явление, как массовые беспорядки, совершаемые в местах лишения свободы, носит экстремистский характер.

Отдельные уголовно-правовые аспекты данной проблемы в своих работах рассматривали Г. А. Аванесов, М. М. Бабаев, П. Ф. Гришанин, А. Э. Жалинский, М. П. Кудрявцев, А. В. Наумов, В. П. Ревин, П. В. Тепляшин и др. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты массовых беспорядков изучались М. А. Зеленским, В. А. Михайловым, В. Г. Енгибаряном, С. А. Шаталовым и др. Уголовно-правовому исследованию массовых беспорядков посвящены диссертационные работы Ю. Н. Демидова, В. П. Пономарева, Г. Ф. Фортуну, А. Э. Арипова, А. А. Балашова, А. З. Ильясова, О. Н. Расщупкиной, С. А. Хохрина и др.

На сегодняшний день проблема документирования противоправной деятельности массовых беспорядков, совершаемых в исправительных учреждениях и следственных изоляторах современной пенитенциарной системы, актуальна и требует углубленного криминалистического исследования. Успешность решения данной задачи должна быть основана на обстоятельном изучении эмпирического материала, прежде всего уголовных дел, что, в конечном счёте, будет способствовать не только разработке частной криминалистической методики расследования массовых беспорядков в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, но и позволит ответить на ряд вопросов, способствующих повышению качества профилактики совершения подобных противоправных деяний в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества.

Согласно статистическим данным за 2003-2021 гг. на территории исправительных учреждений и следственных изоляторов Российской Федерации произошло 39 массовых беспорядков, всего лишь 3 из которых были квалифицированы как оконченные преступления небольшой тяжести, остальные – тяжкие и особо тяжкие. На сегодняшний день просматривается тенденция к увеличению совершения данных преступлений в УИС: (См. Рис. 1.)

Хотелось бы на примере возникших в одном из исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Республики Хакасия массовых беспорядков дать криминалистическую характеристику данной категории преступления, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 212 УК РФ.

25.07.2016 следственными органами Республики Хакасия возбуждено уголовное дело по признакам составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 212 УК РФ по факту массовых беспорядков, произошедших в исправительном учреждении общего режима УФСИН России по Республике Хакасия, и участия в них. Огромную роль в организации подготовки к массовым беспорядкам сыграли лица, осуждённые за совершение преступлений террористического характера. Вербуя на протяжении нескольких месяцев других осуждённых, они подготовили т.н. «единомышленников» для совершения попытки оказания негативного влияния на оперативную обстановку в исправительном учреждении. Лица, совершившие преступления против безопасности общества, государства, его конституционного строя, в том числе путём финансирования, пособничества, подготовки к совершению взрывов, поджогов и иных представляющих опасность действий, их исполнение, представляют наибольшую опасность, даже находясь в местах лишения свободы.

Криминалистическая характеристика преступлений может быть сколько угодно сложной функциональной структурой, но фундамент ее составляют три обязательных элемента (компонента): лицо, совершившее преступление, предмет (объект) преступного посягательства, средства преступления [2, с. 235].

Так, в одном из исправительных учреждений УФСИН России по Республике Хакасия осужденные отрядов №№ 2,3,4,5, в количестве 242 человек, в период времени с 22 часов 23 минут 24.07.2016 до 05 часов 30 минут 25.07.2016, находясь на режимной территории учреждения (помещение жилого корпуса № 1), действуя умышленно, выражая недовольство установленными требованиями Правил внутреннего распорядка в исправительном учреждении, организовали массо-

вые беспорядки, сопровождавшиеся совершением погромов, поджогов и уничтожением имущества учреждения.

В адрес администрации учреждения преступниками были выдвинуты требования о предоставлении им средств связи, послабления соблюдения режимных требований, в том числе: ношение одежды без нагрудных знаков, 3-часовой сон после обеда, отращивание бороды, неприветствование сотрудников администрации, совершение религиозных обрядов после отбоя, а также решение вопроса о смешении с должностей сотрудников учреждения.

Всего в ходе предварительного следствия выявлено 20 участников в совершении массовых беспорядков, 9 из которых имели умысел на организацию массовых беспорядков и приняли непосредственное участие в совершении преступления, а также вовлекли к участию в погромах, поджогах и уничтожению имущества учреждения остальных осужденных. Среди указанных лиц были и лица, осужденные за совершение преступлений террористического характера. В результате совершения преступных действий осужденных исправительного учреждения, сопровождавшихся погромами, поджогами и уничтожением имущества, учреждению причинен ущерб в размере 1727168,35 руб. Нельзя исключать мнения о том, что требования о разрешении использования сотовых телефонов участниками массовых беспорядков выдвигались, в том числе, и для того, чтобы впоследствии принимать участие в совершении иных преступлений. Незаконное использование средств сотовой связи могло привести к организации террористических актов как на территории конкретного исправительного учреждения, так и в иных общественных местах различных населенных пунктов, что могло привести к огромному количеству жертв, разрушений и т.д.

Учитывая сложность уголовного дела, большое количество обвиняемых, а также необходимость в производстве большого объема следственных и процессуальных действий, предварительное следствие по уголовному делу осуществлялось следственной группой, которая проводила первоначальные следственные действия. Первоначальные и неотложные следственные действия, проводимые в условиях исправительного учреждения, близки по своему смыслу и цели. Проводя их, следователь (или дознаватель) должен максимально снизить риск утраты доказательств, который в условиях учреждения является очень высоким. Проведение первоначальных следственных действий позволяет предотвратить уничтожение доказательств осужденными в целях воспрепятствования установлению истины по делу. В ряде случаев обстановка совершения преступления может быть нарушена не только умышленно, но и случайно. Причем данное действие может совершить как сам преступник, так и лицо (лица), оказывающее ему содействие, для дезориентации расследования либо по иной причине [6, с. 625].

В исправительном учреждении УФСИН России по Республике Хакасия на первоначальном этапе расследования следственной группой произведен осмотр места происшествия, объектами осмотра являлись: территория и помещения общежития жилой зоны учреждения (2-х этажное отдельно стоящее здание, расположенное в 10-ти метрах в северно-западном направлении от здания дежурной части исправительного учреждения, огороженное бетонным забором, имеющее 4 входа), а также спортивный зал культурно-спортивного центра. В ходе доследственной проверки произведены такие следственные действия, как: два осмотра места происшествия (в день подавления массовых беспорядков

– 25.07.2016, а также позднее 29.08.2016), осмотр предметов, выемка, допросы, судебная экспертиза. При проведении осмотра места происшествия использовались следующие технические средства: дальномер, мерная рулетка, навигатор, фотоаппарат, ноутбук, портативный принтер. Осмотр проводился в условиях ясной погоды, в дневное время суток (как при естественном, так и при смешанном освещении).

Детальный осмотр места происшествия производился по секторам: осуществлялась узловая и детальная фотосъемка следов и объектов, производились замеры расстояний между ними, устанавливалось расположение объектов относительно друг друга. В ходе осмотра на территории локальных секторов отрядов №№ 2,3 были обнаружены разбросанными различные предметы и вещи, такие как металлические души от кроватей, деревянные стулья, фрагменты мебели, посуды, осколки стекла, матрасы со следами термического воздействия на момент осмотра, металлические сейфы, жидкокристаллические мониторы, системные блоки, лазерные принтеры, огнетушители, книги, тетради, служебная документация, предметы личной гигиены, таксофон. При входе в отряды установлены видеокamеры, которые по внешним признакам разбиты, провода оторваны. Оконные рамы, стекла в них, двери, сантехника частично разбиты или отсутствовали, практически все предметы имеют следы повреждений. Практически во всех отрядах окна забаррикадированы металлическими панцирными сетками. Всего, в ходе проведения следственного действия осмотрены: комнаты для хранения продуктов питания и приема пищи, комнаты для умывания, помещения зала, вещевые комнаты, комнаты быта отрядов №№ 2, 3, 4, 5, туалетные комнаты, кабинет начальника центра, кабинет психолога. В ходе осмотра пятен вещества бурого цвета, похожих на кровь, обнаружено не было. При производстве следственного действия ничего не изъято, к протоколу была приложена фототаблица, диск с файлами и схема. При этом, каких-либо замечаний, дополнений и уточнений от участвующих лиц не поступало.

В ходе допроса свидетелей по делу установлено, что в исправительном учреждении имелась видеозапись, хранящаяся на видеорегистраторе камер наблюдения, зафиксировавших совершенное преступление, имеющее доказательственное значение по уголовному делу. 17.08.2016 произведена выемка видеорегистратора камер наблюдения в помещении поста видеоконтроля.

В дальнейшем, в ходе проведения осмотра предметов в присутствии понятых, начальника оперативного отдела учреждения, а также специалиста (из отдела материально-технического обеспечения следственных органов) произведен осмотр видеорегистратора, изъятого в ходе выемки. В ходе проведения данного следственного действия установлено и зафиксировано время совершения преступления, так как в ходе просмотра видеoarхива установлено, что в 22 часа 27 минут (в отряде № 5), в 22 часа 28 минут 40 секунд (в отряде № 4) осужденные в массовом порядке встали с кроватей и оделись, что согласно требованиям действующего законодательства Российской Федерации является нарушением Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 03.11.2005 № 205 (в настоящее время утратил силу). При том, что в рапорте об обнаружении признаков преступления, зарегистрированным в Книге регистрации сообщений о преступлениях, время совершения массовых беспорядков было определено как 22 часа 30 минут.

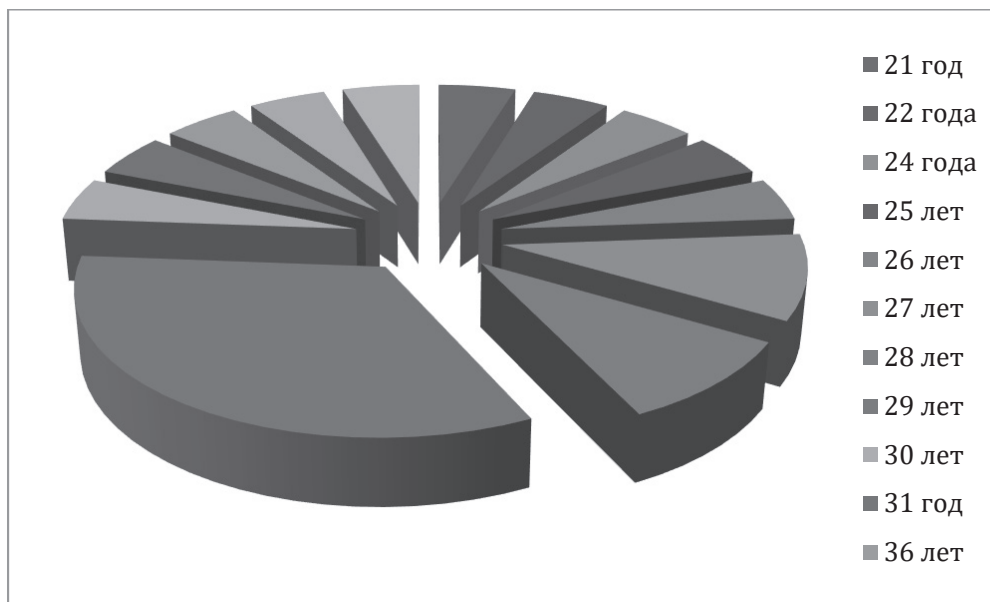

Рисунок 2

Следующей криминалистической характеристикой указанной категории преступления будут являться лица, совершившие преступления, так называемые пенитенциарные преступники. Комплексному изучению проблем, связанных с личностью осужденного, совершившего преступление в исправительном учреждении, в рамках криминалистического изучения о личности преступника не уделялось достаточно внимания [1].

Личность преступника в зависимости от признаков, ее характеризующих, в криминологии рассматривается в пяти аспектах: социально-демографическом (пол, возраст, образовательный уровень, социальное положение и род занятий, семейное положение, материальное положение, место проживания); нравственно-психологическом (взгляды, убеждения, жизненные стремления, ценностные ориентации, отношение к нормам морали); биологическом (состояние здоровья, наличие заболеваний и пр.); правовом (характер совершенного преступления, роль при совершении преступления, данные о прошлой преступной деятельности); криминологическом (степень криминогенной зараженности, уровень рецидива и т.д.).

При совершении массовых беспорядков в колонии общего режима УФСИН России по Республике Хакасия за совершение массовых беспорядков был осужден 21 пенитенциарный преступник, из них 3 человека, ранее осужденных за совершение преступлений террористической направленности. Обобщив имеющиеся данные, можно сделать определенные выводы. Так, в социально-демографическом плане в совершении преступления принимали участие лица в возрасте от 21 года до 41 года; уроженцы республик Таджикистан, Армения, Киргизия, Азербайджан; лишь 3 из участников имели высшее образование, остальные (или 85%) – среднее общее образование, неоконченное среднее. (См. Рис. 2.)

Преступления, за которые осужденные ранее отбывали наказание в исправительном учреждении Хакасии, в 13 случаях (или 61 %) квалифицировались как преступления против собственности, в 8 случаях – против общественной безопасности и общественного порядка, а также против личности. Только один осужденный из 21 ранее уже был судим по ч. 2 ст. 212 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Анализируя полученные на примере Республики Хакасия данные в отношении пенитенциарных преступников, следует, что к типичной личности преступника, совершившего массовые беспорядки в учреждении УФСИН России по Республике Хакасия, следует отнести лицо в возрасте 29-30 лет (в подавляющем большинстве, так как именно преступники данного возраста проявляли наибольшую криминогенную активность), имеющее среднее образование, осужденное за преступление небольшой или средней тяжести (преимущественно против собственности).

Нельзя не отметить роль участия в организации массовых беспорядков осужденных за совершение преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, к которым относятся и преступники-террористы. Терроризм всегда представлял большую угрозу человечеству в целом и национальной безопасности Российской Федерации, в частности. Современный мир не является исключением. По причине масштабов, последствий и характера названного противоправного деяния указанным охраняемым уголовным законом общественным отношениям в указанной сфере необходимо уделять огромное количество внимания. С. Р. Решетняк и С. Г. Оганнисян полагают, что террористические акты могут приносить большое количество жертв, что влечёт за собой разрушение как духовных, так и материальных ценностей. Кроме того, терроризм давно приобрёл международный характер, выйдя за национальные рамки и став, по мнению преступников, эффективным орудием для уничтожения ценностей и устрашения общества и государства [4, с. 157]. С авторами данного суждения тяжело не согласиться, так как, действительно, при совершении террористических актов осуществляется посягательство на все, наиболее важные общественные отношения, связанные с личностью, обществом, государством.

Изучение уголовно-правовой статистики и анализ данных анкетирования сотрудников правоохранительных органов о лицах, совершающих террористические акты, показали, что наиболее криминальной активностью обладает возрастная группа от 28 до 40 лет. Ими в среднем совершается свыше 70 % всех террористических актов. Оценка возрастных характеристик лиц, которые совершали теракты в последние годы, заключается в констатации факта их значи-

тельного омоложения, что следует признать негативной тенденцией в изменении характеристики личности террориста и можно объяснить, в частности, неблагоприятными тенденциями в общей структуре преступников из числа молодёжи. Большая часть террористов на территории Российской Федерации физически здоровые и психически вменяемые мужчины, преимущественно представители коренных народов Северо-Кавказского региона, хотя иностранцы также принимают активное участие в террористической деятельности на территории России [3, с. 43].

Зачастую по прибытии в исправительные учреждения для отбывания наказания осужденные за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности сразу переводятся в строгие условия, ограничиваясь при этом в возможности общаться с остальной массой осуждённых, оставаясь в одном помещении исключительно с отрицательными направленными осуждёнными, со злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания. Как известно, в отрядах строгих условий отбывания наказания работа с данной категорией ведётся более интенсивно и надзор осуществляется усиленный посредством выставления поста в соответствующем отряде. В исправительном учреждении УФСИН России по Республике Хакасия, в котором в 2016 году произошли массовые беспорядки, ряд осуждённых за преступления террористического характера были помещены в обычные условия, наряду с менее опасными криминально заражёнными осуждёнными. Кроме того, не было организовано на должном уровне оперативное сопровождение указанной категории осуждённых.

Таким образом, учитывая личность граждан, совершивших преступления против общественной безопасности и общественного порядка, среди которых важное место занимают лица, осуждённые за совершение преступлений террористического характера, а также в целях недопущения негативного влияния с их стороны на остальную массу осуждённых, совершения действий, дезорганизующих деятельность исправительных учреждений, в том числе групповых неповиновений и массовых беспорядков, а также других преступлений и иных правонарушений под их началом, полагаем, что по прибытии в исправительные учреждения для отбывания наказания в виде лишения свободы администрации необходимо осуществлять наиболее полный спектр данных о каждом преступнике. Кроме того, по прибытии в учреждение данной категории важно рассматривать вопрос о помещении преступников-террористов и иных лиц, способных повлиять на обстановку в исправительном учреждении, в отряд строгих условий отбывания наказания, а в исключительных случаях – штрафные изоляторы, помещения камерного типа или единые помещения камерного типа. Также необходимо должным образом организовывать оперативное сопровождение рассматриваемой категории лиц с целью своевременного получения данных о подготовке к совершению противоправных действий на территории соответствующего учреждения. Деятельность всех заинтересованных отделов и служб учреждений должна быть направлена также на недопущение преступлений и иных правонарушений со стороны данной категории лиц.

В настоящее время, изучение теоретических и прикладных проблем уголовно-правовой борьбы с массовыми беспорядками в исправительных учреждениях приобрело особую остроту и необходимость поэтапного понимания причин и условий возникновения данного социального явления.

Принимая во внимание уже сложившиеся в советский и постсоветский период причины возникновения массовых беспорядков, на сегодняшний день, необходимо не ограничиваться только внутренними факторами их возникновения, такими как, к примеру, непропорциональное помещение осуждённых в штрафные изоляторы, помещения камерного типа или единые помещения камерного типа, сложная оперативная обстановка в исправительном учреждении и др., но также внешними факторами «извне», как это было в Республике Хакасия.

Полагаем, что правильное определение причины возникновения такого опасного по своей природе социального явления, как массовые беспорядки, сможет стать ключевым фактором в выборе на практике тактических приемов и методов воздействия на участников групповых неповиновений, а также на дальнейшую их ликвидацию. При этом, при изучении криминалистической характеристика массовых беспорядков, совершаемых в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, не стоит исключать хотя бы один из ее трех компонентов.

Пристатейный библиографический список

1. Акчуринов А. В. Типичный пенитенциарный преступник: от криминологии к криминалистике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipichnyy-penitentsiarnyy-prestupnik-ot-kriminologii-k-kriminalistike> (дата обращения: 18.06.2022).
2. Енгибарян В. Г. Расследование массовых беспорядков: теоретические, организационные и методико-криминалистические основы по материалам Республики Армения: дис. ... на соискание учёной степени доктора юридических наук. - Москва, 2015. - 422 с.
3. Магомедов А. А., Макарян Т. А. Криминологическая характеристика личности преступника-террориста // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. - 2011. - № 2. - С. 42-46.
4. Оганисян С. Г., Решетняк С. Р. Терроризм как глобальная проблема современности: правовые аспекты борьбы с терроризмом // Северный Кавказ: пространственное развитие и человеческий капитал. - 2018. - № 1. - С. 155-159.
5. Тепляшин П. В. Становление и развитие теории специального предупреждения (частной превенции) преступности в контексте социально-правовой гармонизации тюремного заключения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2007. - № 3-4. - С. 10-14.
6. Шурухнов Н. Г. Криминология: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». - М.: Юрист, 2002. – 639 с.

ГАУЖАЕВА Виктория Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

УРУМОВ Аскер Валерьевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ, НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Целью написания статьи является обобщение общих положений подготовки, назначения и производства судебных экспертиз, их классификации по различным основаниям. В работе приводятся возможности использования специальных познаний в рамках расследования уголовных дел, исследуется правовой статус эксперта, основания назначения экспертизы и отвода эксперта.

Результаты такого обобщения могут быть использованы в практической деятельности органов предварительного расследования, для дальнейших теоретических исследований, подготовки научных работ и для решения практических задач в области подготовки и проведения осмотра места взрыва, как до возбуждения уголовного дела, так и в рамках предварительного расследования.

Ключевые слова: экспертиза, эксперт, специальные познания, классификация, правовое положение эксперта, предварительное расследование.

GAUZHAEVA Viktoriya Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Special and technical training sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

URUMOV Asker Valerjevich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Special and technical training sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

CERTAIN ISSUES OF CLASSIFICATION, APPOINTMENT AND PRODUCTION OF FORENSIC EXAMINATIONS

The purpose of writing the article is to summarize the general provisions of the preparation, appointment and production of forensic examinations, their classification on various grounds. The paper presents the possibilities of using special knowledge in the framework of the investigation of criminal cases, examines the legal status of an expert, the grounds for appointing an examination and challenging an expert.

The results of such a generalization can be used in the practical activities of the preliminary investigation bodies, for further theoretical research, preparation of scientific papers and for solving practical problems in the field of preparing and conducting an inspection of the explosion site, both before initiating a criminal case and as part of a preliminary investigation.

Keywords: expertise, expert, special knowledge, classification, expert's legal status, preliminary investigation.

Для решения задач расследования и раскрытия преступлений всегда требуется применение специальных познаний в процессуальной и непроцессуальной формах. Одной из наиболее значимых процессуальных форм их применения таких познаний выступает судебная экспертиза. Без судебных экспертиз в разных областях знаний не обходится ни одно уголовное дело.

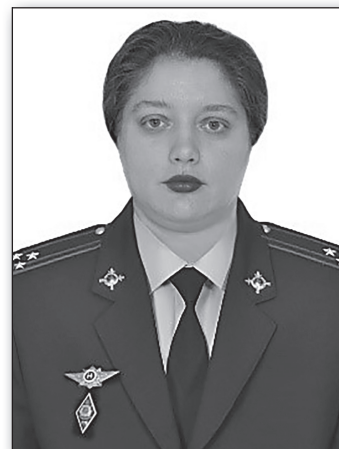
Классификация судебных экспертиз имеет не только теоретическое, но и выраженное практическое значение [1, с. 6-8] и осуществляется не только в зависимости от предмета судебной экспертизы, ее объекта; характера используемых при производстве экспертизы специальных знаний; характера решаемых в ходе экспертизы задач и применяемых методов исследования, но и по другим основаниям, к которым относятся: очередность

проведения; объем выполняемого исследования; численность и состав исполнителей (единоличные, комиссионные, комплексные); место проведения (проводимые в государственных судебно-экспертных учреждениях, проводимые вне государственных судебно-экспертных учреждений) [2, с. 212-215].

В последние годы увеличилось как количество экспертиз, проводимых в экспертно-криминалистических центрах МВД России, ежегодно увеличивается количество направлений научной деятельности, родов и видов экспертиз, которые проводятся в регионах.

Рассмотрим содержание наиболее значимых видов экспертиз:

– первичная экспертиза, которая назначается при необходимости использования для расследования и раскрытия

Гаужаева В. А.

Урумов А. В.

преступления определенных узких знаний в какой-либо области;

– дополнительная экспертиза, которая необходима для установления истины при наличии в первичном заключении экспертизы каких-либо неточностей или при появлении дополнительной информации, новых, ранее не исследованных фактов; производство данной экспертизы обычно поручается эксперту, проводившему первичную экспертизу;

– повторная экспертиза, которая назначается при недостаточной обоснованности экспертом выводов в экспертизе, либо наличии сомнений в их правильности; производство данной экспертизы поручается другому эксперту или комиссии экспертов.

Первичные, дополнительные и повторные экспертизы могут проводиться экспертом единолично, а также двумя и более экспертами. Экспертиза которая проводится по уголовному делу впервые сразу может быть назначена комиссионной, если ее проведение требует существенных временных затрат, что препятствует завершению расследования в установленные законом сроки. Комиссионно иногда проводят повторные экспертизы, в целях повышения объективности выводов экспертизы. В качестве дополнительной рекомендации можно указать на включение в состав комиссии начальника отдела соответствующих исследований, как эксперта.

Комиссионными экспертизы проводятся несколькими экспертами одной специальности [3, с. 153-158]. В ходе проведения исследования они до указания окончательного вывода в заключении вправе вместе или раздельно определять порядок и методы исследования в рамках имеющейся методики, советоваться между собой, разграничивать объекты исследования по любым основаниям, с тем, что бы все они подверглись необходимому анализу и, если они пришли к единому выводу, заключение проходит процедуру утверждения и все эксперты его подписывают. Если же к единому мнению экспертам, включенным в состав комиссии придти не удалось, каждый эксперт вправе оформить собственное заключение.

При проведении экспертизы экспертами, обладающими познаниями в разных областях экспертиза называется комплексной [4, с. 125-128]. В этом случае каждый из экспертов в заключении освещает свою часть исследования и отвечает на вопросы по своей специальности, в своей области специальных познаний.

Проведение экспертизы невозможно без определенных оснований [5, с. 367-369], по причине чего экспертиза проводится только по постановлению лица, ведущего расследование и только по возбужденному уголовному делу. Инициатором постановления может выступать прокуратура, следственный комитет, органы дознания, а также суд. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее - УПК РФ) следователь после установления необходимости проведения экспертизы, готовит постановление о ее назначении. В качестве реквизитов постановления выступает обоснованное основание о необходимости назначения, персональные данные эксперта, полное наименование органа и экспертной организации. Кроме этого, следователь должен конкретно и грамотно сформулировать эксперту вопросы, в которых необходимо отразить вид исследования и запрашиваемые конечные результаты экспертизы.

В постановлении также необходимо детально указать и расписать весь перечень материалов, направляемых экспер-

ту на исследование, в том числе в качестве сравнительного материала, источник их получения.

Экспертиза может проводиться как непосредственно в экспертном учреждении, так и вне его. Условия проведения экспертизы вне экспертного учреждения раскрыты в статье 189 УПК РФ [6]. После вынесения постановления следователь должен уточнить персональные данные лица, которому будет поручена экспертиза. Кроме того, необходимо установить наличие каких либо оснований и веских причин для отвода эксперта, либо отсутствие таковых. После проведения данных мероприятий необходимо приступить к разъяснению эксперту его прав и обязанностей. Особое внимание следует уделить вопросу ответственности эксперта и предупредить его об ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

В случае проведения экспертизы в экспертном учреждении следователю необходимо направить в конкретную организацию вместе с постановлением и полный перечень вещественных доказательств проведения исследования. При поступлении указанных материалов руководитель экспертного учреждения обязан после разъяснения прав и обязанностей в кратчайшие сроки организовать исполнение постановления путем поручения одному или нескольким лицам. При этом, руководитель в обязательном порядке должен предупредить экспертов об ответственности за дачу ими заведомо ложного заключения вместо лица, ведущего расследование [7, с. 269-272].

Данная процедура оформляется в виде подписки экспертов [8, с. 77-82], которая после завершения исследования направляется к следователю совместно с заключением. Раскрывая особенности производства судебно-медицинской экспертизы, следует отметить, что в соответствии с законом существуют обстоятельства, при возникновении которых судебно-медицинская экспертиза проводится обязательно. К таковым следует отнести случаи, при которых не известна причина смерти; наличие сомнений по поводу вменяемости обвиняемого или подозреваемого, и в целом определения их психического состояния; отсутствие подтвержденных сведений, либо документов, о возрасте обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего. Говоря о понятии эксперт, следует отметить, что им может быть любое лицо, которое обладает определенными познаниями в какой-либо узкой области (ремесле) и использует их для проведения исследования и дачи заключения [9, с. 244-247]. Статус эксперта в уголовном судопроизводстве определен в статье 78 УПК РФ.

Следует отметить, что если определенное лицо не имеет высшего образования, но обладает знаниями в определенных областях или области, то оно может быть привлечено к проведению любых видов экспертиз, за исключением судебно-медицинских и судебно-психиатрических исследований.

Законодатель наделил эксперта определенным набором прав и параллельно вменил ряд обязанностей. Рассмотрим права эксперта. Эксперт вправе изучать материалы, которые имеют отношение к экспертизе; в случае необходимости при нехватке материалов для производства экспертизы заявлять ходатайство с целью получения дополнительных материалов; находиться при производстве различных следственных действий с разрешения прокурора или следователя, при этом задавая запрашиваемым вопросы, относящиеся к экспертизе; в случае выполнения работы вне служебных обя-

занностей эксперт вправе получать вознаграждение, либо в случае, когда явка эксперта требует определенных расходов эксперт вправе получать возмещение этих расходов [10, с. 105-107].

Эксперт вправе ходатайствовать о проведении экспертизы несколькими экспертами, кроме этого он может отражать в заключении установленные самостоятельно дополнительные обстоятельства. В случае установления факта нарушения порядка назначения экспертизы, отсутствии соответствующих условий, необходимых для выполнения исследований, а также при возникновении угрозы жизни и здоровью эксперта следует отказаться от выполнения экспертизы.

Раскрывая перечень обязанностей эксперта, обозначенные в УПК РФ, в первую очередь следует отметить его обязанность являться по вызову лица, проводящего дознание, вызову следователя либо прокурора и суда; в пределах своей компетенции давать полное объективное заключение в письменном виде, в котором должны быть полные ответы на все имеющиеся в постановлении о назначении вопросы; в случаях выхода поставленных вперед экспертом вопросов за пределы его компетенции, либо когда перечень имеющихся материалов у эксперта недостаточен для проведения требуемого исследования он обязан направить письменное сообщение в орган, назначивший экспертизу, в котором указывает факт невозможности дачи заключения; кроме этого, полученные экспертом сведения о расследовании, он обязан хранить в тайне.

При наличии определенных обстоятельств эксперту может быть дан отвод. К таковым относят, к примеру, случай, при котором эксперт одновременно является иным участником судопроизводства (например, потерпевшим), а также их родственником, либо при наличии служебной или иной зависимости от них, личной или косвенной заинтересованности, либо при отсутствии познаний в данной области. Следует отметить, что в случае, если эксперт дал заведомо ложное заключение, либо разгласил полученные данные расследования, согласно УПК РФ, он несет персональную уголовную ответственность.

Мы можем констатировать, что, несмотря на то, что наука подвержена определенному прогрессу во всех областях, в том числе, в юридической сфере, назначение и производство экспертиз, их классификация практически не претерпела изменений. Вместе с тем есть положения, имеющие важное теоретическое и практическое значение, на которые в своей работе мы хотели обратить внимание.

Пристатейный библиографический список

1. Ильин Н.Н. Проблемы классификации судебных экспертиз // Эксперт-криминалист. 2020. № 3. С. 6-8.
2. Карданов Р.Р. Еще раз к вопросу классификации криминалистических экспертиз // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 212-215.
3. Дынник Ю.С. Некоторые проблемы классификации судебных экспертиз // Теория и практика современной науки. 2021. № 1 (67). С. 153-158.

4. Кудрявцев И.К., Аймуратова Э.А. Особенности назначения и организации производства комплексных судебных экспертиз // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 2-2 (41). С. 125-128.
5. Теппеев А.А. Назначение и производство судебной экспертизы на досудебных стадиях уголовного процесса // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158). С. 367-369.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: фед. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.
7. Аккаева Х.А. Проблемы квалификации заведомо ложных показаний, заключения эксперта, специалиста или неправильного перевода // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 269-272.
8. Устинов В.В., Четверкин П.А. Подписка эксперта и порядок ее оформления при назначении судебной экспертизы // Российское правосудие. 2021. № 1. С. 77-82.
9. Нагоева М.А., Тамбиев С.А. Техничко-криминалистические основы портретной идентификации // Криминалистика - наука без границ: традиции и новации: материалы всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 26 ноября 2021 года). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2022. С. 244-247.
10. Канокова Л.Ю. Правовое положение эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 105-107.
11. Кадырова Г.Ф. Гиндуллин Н.Ф., Бондаренко А.В., Лукиянов М.Ю. Ответственность в философии и юриспруденции // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 10(113). – С. 376-377.
12. Бондаренко А.В., Бондаренко Г.В. Влияние занятия спортивным туризмом на развитие личности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 6. – С. 99-101.
13. Кадырова Г.Ф. Гиндуллин Н.Ф., Бондаренко А.В., Лукиянов М.Ю. Ответственность в философии и юриспруденции // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 10(113). – С. 376-377.
14. Бондаренко А.В., Бондаренко Г.В. Влияние занятия спортивным туризмом на развитие личности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 6. – С. 99-101.

ЗАВЬЯЛОВ Василий Владимирович

кандидат химических наук, профессор, старший научный сотрудник федерального государственного бюджетного учреждения «27 Научный центр» Министерства обороны Российской Федерации Академии военных наук, полковник полиции в отставке

ЗАВЬЯЛОВА Анна Александровна

кандидат химических наук, доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, подполковник полиции

САФОНОВ Андрей Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

БОНДАРЕВА Ирина Олеговна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ РАДИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена исследованию проблем оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, связанной с раскрытием и расследованием радиологических преступлений как проявлениями ядерного терроризма и незаконного оборота ядерных материалов и радиоактивных веществ. В статье обосновываются необходимость введения в штат МВД России профильной Службы радиационной безопасности, приводятся сведения о функционировании аналогичных служб в иных правоохранительных органах, обозначается круг задач, которые должна решать данная Служба. Особое внимание уделяется организации и порядку осуществления экспертно-криминалистического обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел по раскрытию и расследованию радиологических преступлений, формулируют требования к специалистам, которые могут быть допущены к реализации такого обеспечения в рамках осуществления экспертно-криминалистической деятельности.

Ключевые слова: радиологическое преступление, ядерные материалы, радиоактивные вещества, физическая ядерная безопасность, источники ионизирующего излучения, служба радиационной безопасности, специалист, криминалистическое обеспечение, МАГАТЭ, радиоактивные отходы, следственно-оперативная группа, средства индивидуальной защиты, осмотр места происшествия, органы внутренних дел, оперативно-служебная деятельность.

ZAVYALOV Vasily Vladimirovich

Ph.D. in chemical sciences, professor, senior researcher of the Federal State Budgetary Institution "27 Scientific Center" of the Ministry of Defense of the Russian Federation of the Academy of Military Sciences, retired police colonel

ZAVYALOVA Anna Aleksandrovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor of Technical and forensic support of expert research sub-faculty of the Educational and Scientific Complex of Forensic Expertise of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

SAFONOV Andrey Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, of Technical and forensic support of expert research sub-faculty of the Educational and Scientific Complex of Forensic Expertise of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

BONDAREVA Irina Olegovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ORGANIZATIONAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF FORENSIC SUPPORT OF DISCLOSURE AND INVESTIGATIONS OF RADIOLOGICAL CRIMES

The article is devoted to the study of the problems of operational and official activities of internal affairs bodies related to the disclosure and investigation of radiological crimes as manifestations of nuclear terrorism and illicit trafficking of nuclear materials and radioactive substances. The article substantiates the need to introduce a specialized Radiation Safety Service into the staff of the Ministry of Internal Affairs of Russia, provides information on the functioning of similar services in other law enforcement agencies, the range of tasks that this Service should solve is indicated. Special attention is paid to the organization and procedure for the implementation of forensic support of operational and official activities of internal affairs bodies for the disclosure and investigation of radiological crimes, formulate requirements for specialists who can be admitted to the implementation of such support in the framework of the implementation of forensic activities.

Keywords: radiological crime, nuclear materials, radioactive substances, physical nuclear safety, sources of ionizing radiation, radiation safety service, specialist, forensic support, IAEA, radioactive waste, investigative and operational group, personal protective equipment, inspection of the scene, internal affairs bodies, operational and official activities.

Согласно законодательству Российской Федерации, в настоящее время МВД России относится к числу компетентных государственных органов в области противодействия ядерному терроризму, пресечения незаконного оборота ядерных материалов (далее также – ЯМ) и радиоактивных веществ (далее также – РВ), а также укрепления физической ядерной безопасности (далее также – ФЯБ). При этом именно на Министерство внутренних дел Российской Федерации возложена обязанность не только по осуществлению, но и по организации оперативно-розыскной деятельности по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений в форме диверсий, хищений ядерных материалов, ядерных установок и незаконного оборота ядерных материалов [1, пп. «б» п.9].

В современных условиях возможность совершения радиологических преступлений в формате незаконного оборота ЯМ и РВ, а также актов ядерного терроризма остается вполне реальной и продолжает возрастать. Это обусловлено рядом факторов, основные из которых – постоянное расширение областей применения ЯМ и РВ и увеличение номенклатуры изделий с ними, а также возрастание интереса к таким материалам и веществам со стороны экстремистских организаций как сравнительно дешевому и эффективному средству совершения террористических актов, имеющих огромный общественно-политический, психологический, а в ряде случаев – и экономический эффект [2].

Правовой основой организации противодействия незаконному обороту ЯМ и РВ в Российской Федерации являются:

- статьи Уголовного кодекса Российской Федерации: 205 (Террористический акт), 215 (Нарушение правил безопасности объектов атомной энергетики), 220 (Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами), 226.1 (Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей), 221 (Хищение или вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ), 247 (Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов), 355 (Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения);
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: статья 151 (Подследственность);
- статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: 9.6 (Нарушение правил использования атомной энергии и учета ядерных материалов и радиоактивных веществ), 11.14 (Нарушение правил перевозки опасных веществ, крупногабаритных или тяжеловесных грузов).

При этом необходимо учитывать, что обращение с ЯМ и РВ, включая проведение радиационного контроля и иных работ с источниками ионизирующего излучения (далее так-

же – «ИИИ») и (или) в непосредственной близости от них, регулируется следующими федеральными законами и санитарными правилами, обязательными для выполнения всеми органами, организациями и учреждениями в Российской Федерации:

- Федеральный закон «Об использовании атомной энергии» от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ (в частности, статья 52);
- Федеральный закон «О радиационной безопасности населения» от 9 января 1999 г. № 3-ФЗ (в частности, статьи 11, 14, 21);
- Санитарные правила СанПиН 2.6.1.2523-09 «Нормы радиационной безопасности» (НРБ-99/2009);
- Санитарные правила СанПиН 2.6.1.2612-10 «Основные санитарные правила обеспечения радиационной безопасности» (ОСПОРБ-99/2010).

Согласно нормам указанных документов, установлены следующие требования [3] к органам, организациям, учреждениям, сотрудники которых имеют контакт с ИИИ, каковыми являются ЯМ и РВ:

- работы с ИИИ или в непосредственной близости от них осуществляются только силами сотрудников службы радиационной безопасности (далее также – «РБ»). Данные сотрудники являются специалистами, имеющими соответствующий уровень подготовки;
- сотрудниками службы РБ назначаются лица, добровольно изъявившие желание проходить службу в данном подразделении, не имеющие медицинских противопоказаний для работы с ИИИ, прошедшие специальное обучение, являющиеся специалистами группы «А» и допущенные приказом руководителя органа (организации, учреждения) к работе с ИИИ. Подобные специалисты являются компетентными лицами, постоянно или временно непосредственно работающее с ИИИ или в непосредственной близости от него;
- сотрудники службы РБ вправе приостанавливать обращение с ИИИ в соответствующем органе, организации, учреждении (их структурных подразделениях) при выявлении нарушений нормативных документов по радиационной безопасности до устранения обнаруженных нарушений;
- сотрудники, являющиеся персоналом группы «А», имеют право на дополнительные социальные гарантии (дополнительный отпуск, надбавку к должностному окладу и т.д.).

Сотрудничество Российской Федерации с другими государствами по борьбе с преступностью осуществляется в целях предупреждения, пресечения, выявления и раскрытия преступлений, в том числе совершаемых организованными группами, связанным с незаконным оборотом радиоактивных веществ и ядерных материалов. Правовыми основаниями подобного сотрудничества являются: «Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с преступностью» (Ташкент, 11 июня 2010 г.), «Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью» (Москва, 25 ноября 1998 г.), постановление Правительства Российской Федерации от 18 ноября 1997 г. № 1449 «О заключении Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью» и другие.

В целях противодействия незаконному обороту ЯМ и РВ в соответствии с законодательством Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности при осуществлении деятельности в области использования атомной энергии, для

выполнения функций по обеспечению физической защиты объектов использования атомной энергии могут привлекаться органы внутренних дел [4, п. 5 ст. 49].

При этом с учетом международных обязательств Российской Федерации и рекомендаций МАГАТЭ по физической защите ЯМ и ядерных установок [5] МВД России в пределах своих полномочий:

- организует и осуществляет оперативно-розыскную деятельность по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, связанных с диверсиями, хищениями ЯМ и ядерных установок, незаконным оборотом ЯМ и РВ [1];

- участвует в обеспечении защиты объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства, связанных с их загрязнением опасными радиоактивными агентами, угрожающими жизни или здоровью персонала, пассажиров и других лиц [6];

- обеспечивает сопровождение ядерных материалов и ядерных установок при их перевозке и транспортировании.

В рамках своих полномочий по противодействию незаконному обороту ЯМ и РВ органы внутренних дел должны реагировать на угрозы радиационной безопасности посредством:

- 1) осуществления досмотра граждан, их вещей и транспортных средств с использованием средств радиационного контроля;

- 2) проверки заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, административных правонарушениях, происшествиях [7];

- 3) проверки информации государственных органов и организаций, осуществляющих деятельность с использованием ИИИ о хищениях, утрате либо обнаружении неучтенных источников;

- 4) проведения соответствующих оперативно-розыскных мероприятий, направленных на предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений в сфере оборота ЯМ и РВ, а также в области ФЯБ.

Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» полиции предоставлено право осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе РВ, и изымать указанные вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения (в соответствии с п. 16 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»). Кроме того, полиция имеет право принимать участие в досмотре пассажиров, их ручной клади и багажа на железнодорожном, водном или воздушном транспорте, метрополитене либо осуществлять такой досмотр самостоятельно в целях изъятия вещей и предметов, запрещенных для перевозки транспортными средствами.

В процессе досмотровых мероприятий сотрудниками органов внутренних дел могут применяться стационарные и мобильные средства радиационного контроля, призванные обеспечивать выявление лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных с повышенным относительно естественного радиационного фона уровнем ионизирующего излучения. Помимо участия в досмотровых мероприятиях полиция реализует комплекс иных мер, направленных на недопущение совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом ЯМ и РВ, а также в сфере ФЯБ. Например, полиция (силами подразделений ГИБДД) проверяет по соответствующим ориентировкам правоохранительных органов транс-

портные средства, водителей и пассажиров, находящиеся при них грузы и документы на предмет выявления незаконно перевозимых ЯМ и РВ для передачи последних (в случае их выявления), а также лиц, причастных к их незаконному обороту, в территориальные органы МВД России [8].

Управлениями на транспорте МВД России по федеральным округам регулярно направляются, например, запросы руководству ОАО «РЖД» о предоставлении информации о следовании по территории оперативного обслуживания поездов с опасными и разрядными грузами и грузами двойного назначения, времени и месте их стоянок, а также информационные письма о необходимости обеспечения дополнительных мер безопасности для поездов с указанными грузами в период проведения крупных общественно-политических мероприятий.

Территориальные органы МВД России осуществляют противодействие незаконному обороту ЯМ и РВ преимущественно посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий либо проверки заявлений, сообщений и иной информации от граждан, государственных органов и организаций, работающих с ИИИ, об их хищениях, утрате либо обнаружении неучтенных источников.

Федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, организации, учреждения, физические и юридические лица, осуществляющие деятельность с использованием ИИИ, в случае потери или возможного хищения источника должны немедленно уведомить органы внутренних дел для проведения специального расследования с целью выявления причастных лиц и розыска источника [3]. При обнаружении в организации, осуществляющей деятельность, связанную с использованием и перемещением РВ и радиоактивных отходов (далее – «РАО»), утраты, а также нахождения неучтенных РВ и РАО данная организация немедленно [9, п. 5.8] информирует вышестоящее руководство, а также органы внутренних дел и государственного надзора за радиационной безопасностью и соответствующие региональные или ведомственные информационно-аналитические организации и центры сбора, обработки и передачи информации, осуществляющие учет и контроль РВ и РАО [10].

Существование вероятности возникновения радиологических инцидентов требует обеспечения готовности органов внутренних дел к адекватному и эффективному реагированию на такие происшествия. Однако в настоящее время такая готовность в системе МВД России обеспечена далеко не в полной мере. Зачастую сотрудники полиции не обладают достаточными знаниями и умениями, равно как и техническими средствами выявления и контроля уровня радиации и определения безопасного расстояния до ИИИ в ходе выполнения служебных обязанностей. Соответственно по прибытию на место радиологического инцидента такие сотрудники в результате неумелых действий могут поставить под угрозу свою жизнь и здоровье в результате близкого подхода к ИИИ, а также жизнь и здоровье иных лиц в силу непринятия должных мер по грамотному оцеплению места происшествия.

В целом ведомственными нормативными правовыми актами должным образом не регламентирован порядок действий сотрудников полиции на месте радиологического инцидента, в том числе нормативно не определен порядок действий следственно-оперативной группы [далее – «СОГ»] на месте обнаружения ИИИ, а также алгоритм действий оперативных сотрудников при проверке информации о незаконном обороте ЯМ и РВ. Однако для сотрудников полиции

декларируется право проводить досмотровые, оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия по выявлению ИИИИ, находящихся в незаконном обороте, в том числе с использованием средств радиационного контроля. Вместе с тем органы внутренних дел не имеют на материально-техническом вооружении соответствующих технических средств для выявления ЯМ и РВ, хранения и транспортировки изъятых из незаконного оборота ИИИИ, а также специальных транспортных средств для перевозки лиц, подвергшихся радиационному облучению. В системе МВД России не предусмотрена подготовка и аттестация по вопросам обеспечения радиационной безопасности руководителей и ответственных исполнителей из числа сотрудников подразделений, осуществляющих предварительное расследование и оперативно-розыскную деятельность, временно выполняющих работы с ИИИИ или в непосредственной близости от них.

При этом инциденты, связанные с незаконным оборотом ЯМ и РВ, априори являются источниками высокой общественной опасности. Это связано, в первую очередь, с тем, что они могут спровоцировать разрушительную панику независимо от того, каков реальный ущерб здоровью людей и сохранности материальных объектов. Существование вероятности возникновения инцидента, связанного с незаконным оборотом ЯМ и РВ, требует обеспечения максимальной готовности органов внутренних дел к реагированию на такие происшествия.

В этой связи в настоящее время объективно назрела необходимость создания в структуре МВД России специализированной Службы радиационной безопасности. Необходимость такой службы объективно обусловлена тем обстоятельством, что осуществление радиационного контроля, проведение иной работы по обнаружению (в том числе в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий) объектов, возможно содержащих ЯМ и РВ, а также осмотр данных объектов, сопряженный с выявлением на них и фиксацией следов и иных вещественных доказательств, являются неотъемлемыми элементами реализации мероприятий по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений в сфере оборота ЯМ и РВ, противодействия ядерному терроризму и обеспечения ФЯБ.

Все действия сотрудников полиции по проведению измерений параметров неизвестных ИИИИ как при негласном оперативно-розыском обследовании, так и при официальном (в том числе в рамках проведения следственных действий, в частности – осмотра места происшествия в случае радиологического инцидента) досмотре лиц, грузов и транспортных средств подпадают под действие федеральных законов и правил по радиационной безопасности, что предопределяет невозможность возложения указанных функций (по сути, в качестве «факультативной» нагрузки) на сотрудников органов внутренних дел, не имеющих соответствующей профессиональной подготовки и не осуществляющих постоянное совершенствование знаний, умений и навыков по работе с ИИИИ или в условиях непосредственной близости от них. Кроме того, такая работа может осуществляться в условиях мирного времени лицами, не являющимися военнослужащими, только на добровольной основе и при условии предоставления определенных дополнительных социальных гарантий.

Установлено, что лица, не имеющие основательной специальной профессиональной подготовки в области радиационной безопасности, не обладающие соответствующими навыками длительной работы в условиях радиоактивного

заражения (что сопряжено, в частности, с необходимостью длительного пребывания в средствах индивидуальной защиты [далее – «СИЗ»]), в частности – изолирующего типа) оказываются не в состоянии сколько-нибудь эффективно выполнять оперативно-служебные и служебно-боевые задачи в данных условиях. Это бывает вызвано, в первую очередь, причинами психофизиологического характера – люди, даже имеющие опыт участия в боевых действиях и специальных операциях, в том числе контртеррористического характера, далеко не всегда могут справиться с парализующим страхом перед «невидимой смертью» (ионизирующим излучением и проникающей радиацией) либо четко и грамотно выполнять поставленные задачи в условиях сковывающего, а также изнуряющего действия СИЗ тем более в течение длительного периода времени.

Работа в зоне радиоактивного заражения, каковой является место происшествия в случае радиологического инцидента, в том числе любое место обнаружения ИИИИ, потребует от сотрудников полиции высокого уровня теоретической и практической профессиональной подготовки в области радиационной безопасности, так как любая самая малая ошибка, вызванная недостаточным уровнем знаний и (или) навыков, может привести к трагическим последствиям, сопряженным с реальной угрозой жизни как самому сотруднику, так и другим лицам.

Оперативно-розыскная деятельность в сфере противодействия незаконному обороту ЯМ и РВ, а также ядерному терроризму и ее технико-криминалистическое обеспечение не могут не быть сопряжены с риском радиоактивного загрязнения одежды, оборудования, в том числе оперативной, криминалистической и иной специальной техники, транспортных средств органов внутренних дел в случае их использования сотрудниками полиции в ходе осуществления такой деятельности, а также с вероятностью заноса в служебные помещения радиоактивно загрязненных предметов.

На эффективность проведения оперативно-розыскных мероприятий в рассматриваемой области также напрямую влияет такая составляющая их технико-криминалистического обеспечения, как проведение первоначального диагностического определения выявленного ИИИИ и отнесение его к одной из указанных четырех групп. Результатом подобного исследования должна стать выдача соответствующих рекомендаций оперативным сотрудникам полиции по дальнейшим действиям в рамках разрешения радиологического инцидента. Кроме того, отсутствие соответствующей специализированной службы и профильных специалистов-криминалистов в структуре МВД России вынуждает для выполнения подобных функций привлекать соответствующие компетентные службы радиационной, химической и биологической защиты Вооруженных Сил Российской Федерации [далее – «РХБЗ ВС РФ»] или на иные органы либо организации. Между тем данные организации не имеют специалистов в области криминалистики. Они не несут обязанностей по сохранению значимых криминалистических признаков при проведении локализации, изоляции и дезактивации объектов, подозреваемых на наличие ЯМ и (или) РВ, что в конечном итоге может при практической реализации привести к утере этих самых признаков.

При этом особенно в ходе проведения соответствующей специальной обработки в целях дезактивации объектов и местности на месте радиологического инцидента, осуществление которой является главной задачей и обязанностью сил, предназначенных для ликвидации последствий чрез-

вычайных ситуаций радиационного характера, например, войск РХБЗ ВС РФ или подразделений ФГУП «Радон», могут быть уничтожены следы и иные вещественные доказательства, имеющие значение для успешного проведения соответствующих оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие преступлений, связанных с незаконным оборотом ЯМ и РВ, а также диверсиями и иными проявлениями ядерного терроризма. Тем самым радиологическое преступление может остаться нераскрытым, а лица, виновные в его совершении, смогут избежать заслуженного наказания, остаться на свободе и продолжить свою противоправную деятельность.

Данные обстоятельства объективно обуславливают формулирование предложений по:

- созданию в системе МВД России в штате службы радиационной безопасности постоянно действующих оперативно-розыскных и экспертно-криминалистических подразделений, специализирующихся только по линии радиационной безопасности;

- выделению данным подразделениям отдельных изолированных помещений, оборудованных согласно требованиям радиационной безопасности;

- обеспечению указанных подразделений, особенно – экспертно-криминалистических, соответствующим оборудованием, в том числе лабораторным, которое будет использоваться только для проведения исследований в рамках экспертно-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования радиологических преступлений, а также средствами радиационной разведки и дозиметрического контроля, индивидуальной и коллективной противорадиационной защиты, специальной и санитарной обработки (деактивации).

Предложение о том, чтобы в ходе создания Службы радиационной безопасности МВД России предусмотреть формирование в ее составе собственных оперативных и экспертно-криминалистических подразделений, обусловлено объективной необходимостью организационно и методически обеспечить максимальную эффективность оперативно-розыскной деятельности по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений в форме диверсий, хищений ядерных материалов, ядерных установок и незаконного оборота ядерных материалов [6, пп. «б» п. 9], осуществление которой невозможно без соответствующего должного экспертно-криминалистического обеспечения.

Кроме того, данный путь организационного обеспечения реализации возложенных на МВД России функций в сфере противодействия незаконному обороту ЯМ и РВ, а также ядерному терроризму отвечает требованиям федерального законодательства в области радиационной безопасности населения. Это связано с тем, что лица, осуществляющие оперативно-розыскные мероприятия и их технико-криминалистическое сопровождение, исходя из приведенной аргументации, являются, по сути, персоналом группы «А» (специалистами), что требует официального правового закрепления их статуса в установленном российским и международным законодательством порядке.

При проведении организационных мероприятий по созданию в органах внутренних дел Службы радиационной безопасности предлагается использовать опыт существования аналогичной службы в ФТС России, созданной еще в 1990-х годах, а также функционирования в системе МВД России Департамента обеспечения правопорядка на закрытых территориях и режимных объектах (ДРО), в составе которого

имелись собственные оперативные и экспертно-криминалистические подразделения.

Введение в структуру Службы радиационной безопасности МВД России собственных экспертно-криминалистических подразделений с учетом приведенных требований к профессиональным качествам личного состава и оснащения данных подразделений не только «традиционной» криминалистической, но и специальной техникой, предназначенной для работы в условиях радиологического происшествия, а также выделение данным подразделениям отдельных помещений, отвечающих требованиям радиационной безопасности, обусловлено в первую очередь необходимостью обеспечения максимальной сохранности и полноты выявления, фиксации, изъятия на месте происшествия, направления на экспертное исследование следов и иных вещественных доказательств, имеющих отношение к радиологическому инциденту. Кроме того? проведение криминалистических исследований всех изъятых следов и объектов, за исключением самих ИИИ, в целях обеспечения оперативного раскрытия радиологических преступлений и формирования надежной доказательственной базы по соответствующим уголовным делам, нуждается в особом организационном подходе.

При этом осуществление мероприятий по технико-криминалистическому сопровождению раскрытия радиологических преступлений уже после принятия соответствующими службами, например, подразделениями войскам РХБЗ ВС РФ, мер по дезактивации места происшествия делает данные мероприятия практически бессмысленными, так как после проведения специальной обработки местности и обнаруженных на ней объектов, в том числе имеющих отношение к случившемуся радиологическому инциденту, вероятность сохранения криминалистически значимых следов и иных вещественных доказательств, пригодных для использования в целях установления истинной картины происшествия и изобличения лиц, виновных в незаконном обороте ЯМ и (или) РВ, а также причастных к подготовке и (или) совершению актов ядерного терроризма, будет практически равна нулю.

При реализации возложенных на МВД России функций по организации и осуществлению оперативно-розыскной деятельности по пресечению незаконного оборота ЯМ и РВ, а также противодействию ядерному терроризму должно строго соблюдаться законодательство в сфере радиационной безопасности населения, которое в мирное время в полной мере распространяется на сотрудников органов внутренних дел. При этом одной из важнейших задач, стоящих в свете рассматриваемой проблематики перед экспертной службой МВД России, является обязанность максимально обезопасить жизнь и здоровье личного состава экспертных подразделений, не задействованного в экспертно-криминалистическом обеспечении указанного направления оперативно-розыскной деятельности. Безусловно, исследование самих ИИИ и выполнение экспертиз, включаемых в настоящее время в понятие «ядерная криминалистика», в системе МВД России даже в рамках Службы радиационной безопасности представляется нецелесообразным, так как потребует, в частности, выделения чрезмерно больших средств, необходимых для закупки чрезвычайно дорогостоящего оборудования, которое уже имеется в специализированных учреждениях Государственной корпорации «Росатом».

Помимо чисто технико-криминалистических функций на экспертные подразделения Службы радиационной безопасности МВД России представляется целесообразным также возложить обязанности по:

– организации мероприятий по обеспечению радиационной безопасности сотрудников МВД России и его территориальных органов при применении оружия массового поражения и его компонентов, в том числе в террористических целях (например, «грязная бомба») и другие случаи ядерного терроризма в отношении объектов МВД России), авариях и разрушениях на объектах атомной энергетики, обнаружении неучтенных ЯМ и РВ в процессе повседневной деятельности органов внутренних дел;

– методическому руководству и обучению сотрудников органов внутренних дел в сфере радиационной безопасности, в том числе по порядку первичного реагирования в случае выявления радиологического инцидента;

– организации и осуществлению мероприятий по обеспечению, хранению и содержанию в исправном состоянии, ведению эксплуатационной документации и ремонту вооружения и средств радиационной, химических и биологической защиты органов внутренних дел.

Последние предложения являются особенно актуальными в связи с выводением внутренних войск из состава МВД России и создания на их основе самостоятельного федерального органа исполнительной власти – Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в 2016 году. Использование в целях обеспечения радиационной безопасности органов внутренних дел в процессе выполнения их сотрудниками оперативно-служебных задач службы РХБ защиты, существовавшей во внутренних войсках и перешедшей вместе со своими воинскими частями в состав Росгвардии, теперь не представляется возможным, что дополнительно обуславливает необходимость создания Службы радиационной безопасности в структуре МВД России.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 19 июля 2007 г. № 456 «Об утверждении Правил физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов» // Правовая информационная система «Гарант Максимум». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12154860/> (дата обращения: 02.06.2021 г.).
2. Запарий П.В., Карпов Е.М., Коныхин Б.А. и др. Концептуальные основы создания распределенной многофункциональной системы автоматизированного контроля транспортных средств // Стратегическая стабильность. М.: 2013. № 1 (62). С. 54-68.
3. Методические рекомендации «МР 2.6.1.0050-11. Государственное санитарно-эпидемиологическое нормирование Российской Федерации. 2.6.1. Ионизирующее излучение, радиационная безопасность. Санитарно-гигиенические требования к мероприятиям по ликвидации последствий радиационной аварии» (утв. Главным государственным санитарным врачом Российской Федерации 25 декабря 2011 г.) // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/law/mr-2610050-11-gosudarstvennoe-sanitarno-epidemiologicheskoe-normirovanie-rossiiskoi-federatsii/mr-2.6.1.0050-11/> (дата обращения: 02.06.2021 г.).
4. Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» // Правовая информационная система «Гарант Максимум». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10105506/> (дата обращения: 02.06.2022 г.).
5. Рекомендации МАГАТЭ «Физическая защита ядерного материала и ядерных установок», INFCIRC/225/Rev.4 // Международное агентство по атомной энергетике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/documents/infcircs/infcirc225r4c_rus.pdf (дата обращения: 02.06.2022 г.).
6. Приказ Минтранса России № 52, ФСБ России № 112, МВД России № 134 от 5 марта 2010 г. «Об утверждении перечня потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств» // Правовая информационная система «Гарант Максимум». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12174831/> (дата обращения: 02.06.2022 г.).
7. Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Правовая информационная система «Гарант Максимум». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70791976/> (дата обращения: 02.06.2022 г.).
8. Соломатина Е.А., Баранов А.А., Денисов Н.А. Предупреждение незаконного оборота оружия органами внутренних дел // Вестник Российской правовой академии. М.: 2016. № 3. С. 82-86.
9. Положение о государственном учете и контроле радиоактивных веществ и радиоактивных отходов в Российской Федерации (утв. Минатомом России 11 октября 1999 г.). // Правовая информационная система «Гарант Максимум». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/181160/> (дата обращения: 02.06.2022 г.).
10. Яворский И.К. Международно-правовые основы сотрудничества государств в сфере противодействия незаконному обороту ядерных материалов: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10. М., 2016.

НАЗАРКИН Евгений Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

СУЛЕЙМАНОВ Талят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

НОВИКОВА Людмила Владиславовна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ЖАРКО Наталья Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ОЧНОЙ СТАВКИ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

В настоящей статье рассматриваются особенности подготовки и проведения допроса на очные ставки с участием осужденных лиц в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Указаны задачи и особенности подготовки и проведения данного следственного действия в условиях пенитенциарного учреждения. Предложены отдельные организационные и тактические приемы, рекомендации подготовки, проведения и фиксации допроса на очной ставке по уголовному делу данной категории.

Ключевые слова: допрос, очная ставка, осужденный, задачи, особенности, психологические основы, тактические приемы, дезорганизация деятельности учреждения.

NAZARKIN Evgeniy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

NOVIKOVA Lyudmila Vladislavovna

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

ZHARKO Nataliya Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

FEATURES OF THE PREPARATION AND CONDUCT OF A CONFRONTATION DURING THE INVESTIGATION OF THE DISORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS PROVIDING ISOLATION FROM SOCIETY

This article discusses the specifics of the preparation and conduct of face-to-face interrogation with the participation of convicted persons during the investigation of the disorganization of the activities of institutions providing isolation from society. The tasks and features of the preparation and conduct of this investigative action in the conditions of a penitentiary institution are indicated. Separate organizational and tactical techniques, recommendations for the preparation, conduct and fixation of interrogation at the face-to-face in a criminal case of this category are proposed.

Keywords: interrogation, confrontation, convict, tasks, features, psychological foundations, tactical techniques, disorganization of the institution's activities.

При расследовании дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), следователь использует определенные методы познания события и действий его участников в установлении истины по всем обстоятельствам расследуемого преступления. Соответственно, учитывая ответственность и степень участия лиц в преступлении, иногда появляются определенные противоречия в показаниях последних. В этом случае между лицами проводится очная ставка. Это связано, в первую очередь, с много личностным характером совершенного преступления. Противоречия или «не стыковки» в показаниях допрашиваемых лиц по различным устанавливаемым обстоятельствам, как правило закономерны вследствие разных целей своих показаний у допрашиваемых лиц относительно участия в преступлении. Поэтому, очная ставка становится одним из методов познания истины по уголовному делу [1, с. 67].

Очная ставка, как самостоятельное следственное действие, по своему содержанию является определённой разновидностью допроса. Психологические основы очной ставки

предполагают принудительное общение между участниками уголовного процесса, обусловленное психологическим противоборством сторон и противоречиями в данных ими показаниях.

Существуют особенности проведения очной ставки в условиях расследования на территории исправительного учреждения по расследованию дезорганизующих действий связанных: с подготовкой и организацией следственного действия, обеспечение безопасности в ходе проведения, выбор места и времени проведения, участие третьих лиц, исключение психологического воздействия в процессе следственного действия и возможности негласной передачи информации между допрашиваемыми лицами и др. Например, в среде осужденных лиц воздействие на допрашиваемое лицо, ранее дававшее правдивые показания, может возникнуть вследствие психологического воздействия на него в процессе очной ставки с целью искажения этих показаний в пользу обвиняемого, с целью обезопасить себя от дальнейшего воздействия коллектива осужденных. При этом, в момент проведения очной ставки, осужденные могут передавать информацию

друг другу только им известными условными знаками – невербальными средствами общения, например, «пальцевым семафором», жестами, мимикой, позой телосложения и т.п. Это приобретает особое значение на очной ставке между ее участниками – осужденными, находящимися в одном исправительном учреждении. Возникающие дополнительные сложности в связи с этим лицу, ведущему расследование преступления, рекомендуется минимизировать это влияние, по нашему мнению, организационной подготовкой проведения очной ставки, как начального этапа следственного действия.

Решая основную для следствия задачу – установление истины по делу путем устранения имеющихся противоречий в показаниях лиц, следователем осуществляется и психологическое воздействие на лицо, дающие ложные показания или путающиеся в показаниях. В ходе очной ставки происходит дальнейшее изучение личности допрашиваемых, их психологических и личностных особенностей характера, поведения, взаимоотношений. Могут быть вскрыты, по нашему мнению, новые обстоятельства, не называвшиеся в ранее данных ими показаниях.

Проводя подготовительные мероприятия очной ставки, следователю рекомендуется выбрать оптимальный момент ее проведения, который дал бы результат по устранению противоречий в показаниях. Изучаются отношения между будущими участниками следственного действия, их «слабые» и «сильные» стороны характера, личности, степени вины в преступлении, включая его положение в коллективе осужденных, степени контакта с администрацией учреждения, отношения к отбыванию наказания, общественные обязанности и др. Данные обстоятельства можно установить путем изучения личных дел допрашиваемых осужденных, обращения в оперативный отдел учреждения для выяснения степени отношения лица к отбыванию наказания, к администрации, выполнению трудовых обязанностей в учреждении; психологическую службу – для получения психологического портрета осужденного. Следователь определяет предмет допроса, определяет очередность дачи показаний лицами, формирует вопросы к допрашиваемым, продумывает возможные вопросы, которые последние могут задать друг другу для подтверждения или опровержения показаний.

В рабочем этапе допроса на очной ставке с участием осужденных, тактические приемы, рекомендуемые, на наш взгляд, в ходе расследования преступления данного вида, исходя из их процессуального статуса (в случае сотрудника – потерпевшего) и личности осужденного (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля), можно рекомендовать следующие:

- допрос начинать с лица, дающего, по мнению следователя, достаточно правдивые (подтвержденные другими доказательствами) показания по обстоятельствам события преступления;
- аргументация, детализация и конкретизация спорного обстоятельства;
- вызывание в памяти другого допрашиваемого лица ассоциативных связей, восстановления последовательности событий и действий соотносимо с результатами и следами преступления;
- стимулирование припоминания памяти допрашиваемого лица;
- соотношение получаемых показаний по имеющимся противоречиям с доказательствами, имеющихся у следователя в уголовном деле, с возможностью их предъявления, в необходимых случаях, допрашиваемым;

Вопросы рекомендовано излагать достаточно быстро, понятно (простые), а ответы на них не превращались бы в полемику, взаимные упреки, обвинения или даже угрозы. Задача лица, ведущего допрос, – следить за ходом допроса, обеспечение не нарушения границ выясняемого обстоятельства; слежение за конкретностью вопроса (в том числе, по намеченному плану допроса), ответа на него и имеющейся, либо

предложенной участником подтверждающего или опровергающего аргумента; проследивание логической взаимосвязи между вопросами, действиями и аргументами.

Предполагается использование в ходе допроса на очные ставки других тактических приемов, учитывая вид преступления, личность каждого допрашиваемого, его участие (вину) в преступлении, другие пенитенциарные особенности осужденных, например, документальное подтверждение каких-либо излагаемых фактов, полученное из других очевидных, технических источников; использование противоречий в ранее данных показаниях с техническими средствами фиксации и в исправительном учреждении; «перекрестный» допрос (в случае участия второго следователя или лица, участвующего в следственном действии) и т.п.

Закрепление материалов проведенной очной ставки и её результатов осуществляется протоколом. В составлении протокола используются два основных способа:

- сначала излагаются и удостоверяются показания и ответы одного допрошенного участника очной ставки, затем другого участника;
- бланк протокола делится на две части по вертикали: слева излагаются показания по спорному обстоятельству одного участника (как правило, допрашиваемому первым), с правой – второго участника очной ставки.

К протоколу очной ставки могут прилагаться иные средства фиксации следственного действия и его результатов: аудиозапись и видеозапись (диск, флеш-карта, сим-карта, аудиокассета, видеокассета), рисунки, схемы, выполненные как следователем, так и допрошенными лицами.

К проведению очной ставки в необходимых случаях следователь может привлечь иных по закону участников следственного действия (специалиста-криминалиста, психолога и др.), в том числе и представителя администрации учреждения.

В случае не установления следователем противоречий в показаниях допрашиваемых лиц, у него в арсенале есть другие средства, такие следственные действия как, проведение следственного эксперимента, судебной экспертизы, проверки показаний на месте, осмотра, обыска и др., которые будут использоваться уже с имеющимися установленными очной ставкой истинными обстоятельствами события преступления.

Таким образом, подводя краткий итог, отметим, что тактика подготовки и проведения очной ставки осужденных лиц по уголовному делу о дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, должна строиться как на общих тактических основах проведения допроса на очной ставке, так и на некоторых специфических особенностях, связанных с пенитенциарным характером совершенного преступления, общим порядком функционирования, взаимоотношений в исправительном учреждении.

Приставный библиографический список

1. Акчурун А. В., Лядов Э. В., Назаркин Е. В., Новикова Л. В., Белов О. А., Цивкунов А. Г. Особенности расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: учеб.-практ. пособие. – Рязань: Академия ФСИН России, 2012. – 75 с.

СЕВОСТЬЯНОВА Светлана Олеговна

старший преподаватель кафедры исследования документов Учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

О ПЛАНИРОВАНИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЭКСПЕРТОМ

Следственная деятельность, осуществляемая в целях раскрытия преступных деяний – один из наиболее сложных процессов, целью которого выступает установление фактов, способствующих справедливому разрешению уголовного дела. В статье рассмотрено понятие планирования, раскрываются особенности планировании раскрытия и расследования преступлений, совершенных лицом, назначенным для производства экспертизы и дачи заключения. Уделено внимание задачам, ставящимся перед следователем, которые предусматривают установление субъектов, виновных в осуществлении преступного деяния. Показаны виды и этапы планирования производства следственных действий по раскрытию и расследованию преступлений. Проанализированы проблемные вопросы, возникающие у следователя при планировании.

Ключевые слова: планирование расследование, эксперт, виды планирования, следователь, криминалистика.

SEVOSTYANOVA Svetlana Olegovna

senior lecturer of Document research sub-faculty of the Educational and Scientific Complex of Expert and Criminalistic Activity of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

ABOUT PLANNING IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY EXPERTS

Investigative activities carried out in order to disclose criminal acts is one of the most complex processes, the purpose of which is to establish facts that contribute to a fair resolution of a criminal case. The article considers the concept of planning, reveals the features of planning the disclosure and investigation of crimes committed by a person appointed to produce an examination and give an opinion. Attention is paid to the tasks assigned to the investigator, which provide for the identification of subjects guilty of carrying out a criminal act. The types and stages of planning the production of investigative actions for the disclosure and investigation of crimes are shown. The problematic issues that arise for the investigator during planning are analyzed.

Keywords: investigation planning, expert, types of planning, investigator, forensic science.

Севостьянова С. О.

В настоящее время преступления совершенные лицом, назначенным для производства экспертизы и дачи заключения явление достаточно распространенное.

Следует заметить, что по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в последнее время ежегодно за различные преступления эксперты в нашей стране привлекается к уголовной ответственности. Незначительные же ежегодные колебания в численности осужденных не отображают какой-то ярко выраженной динамики или тенденций, так как некоторый рост количества осужденных в одном временном интервале в дальнейшем сменялся его снижением и наоборот.

Преступления, совершенные данными субъектами, возможно, разделить на две группы: «профессиональные» преступления, связанные с выполнением своих служебных обязанностей и общеуголовные преступления. Расследование таких преступлений достаточно сложный процесс и требует от следователей, правильного выбора тех или иных тактических приемов при производстве следственных действий, а также эффективного и оптимального пути проводимого расследования.

Задачи, ставящиеся перед следователем при расследовании преступлений совершенных экспертом, предусматривают установление виновных, сбор материалов доказательной базы, определение факторов, способствовавших нарушению закона, а также иные действия, реализация которых должна осуществляться в сроки, установленные нормативными положениями.

Важно понимать, что ведение следствия, как правило, ограничено не только во времени, но и в дефиците инфор-

мации, доступной на ранних стадиях, а также имеет место активное противодействие расследованию, оказываемое экспертом совершившим преступление. В таких случаях грамотная координация усилий, обеспечивающая эффективность взаимодействия всех привлеченных служб и субъектов, невозможна без качественного планирования.

Понятие планирования, достаточно подробно рассмотрено в научных трудах процессуалистов. Так, под планированием расследования, профессор Н.П. Яблоков предлагает понимать сложную мыслительную деятельность следователя, направленную на определение наиболее оптимальных путей достижения целей расследования, которая является условием и основным методом его рационального проведения. Рассматривая планирование расследования преступлений как метод организации расследования, профессор Р.С. Белкин полагал, что под ним следует понимать сложный мыслительный процесс, суть которого заключается в определении направленности и задач расследования, способов и средств их решения в рамках закона [2].

По нашему мнению данное определение достаточно универсально. В данной связи ключевым аспектом планирования становится грамотное распределение имеющихся ресурсов, обеспечивающее достижение нужного результата в рамках расследования уголовного дела.

Очевидно, что планирование в рамках следственной деятельности представляет собой сложную систему, объединяющую множественные действия в последовательный, логически выстроенный ряд. При этом определение порядка исполнения указанных действий является лишь одним их ха-

рактрных аспектов рассматриваемого процесса, что позволяет отнести планирование в большей степени к категории методов, нежели к спектру конкретных приемов, используемых следователями [1].

Процесс формирования планов осуществляется до их фактической реализации, предусматривая определение целей, круг ответственных исполнителей, а также перечень оперативно-розыскных мероприятий, которые могут способствовать их достижению. Дальнейшая деятельность, по сути, является процессом реализации намеченного плана, предусматривающим внесение корректировок исходя из происходящих изменений.

Таким образом, планирование может рассматриваться в качестве необходимого организационного аспекта, способствующего упорядочиванию следственной деятельности и достижению поставленных целей с минимальными затратами.

На практике выделяют следующие виды планирования:

- по версиям;
- по эпизодам (составам преступлений и отдельным фактам преступлений, образующих самостоятельный состав);
- по виновным лицам (эксперт, возможные соучастники) [4].

Беспорядочность и бессистемность производства следственных действий еще на первоначальном этапе расследования зачастую влечет за собой невосполнимую утрату доказательств и неполноту выполненной работы, и, таким образом, планирование выступает организующим и направляющим началом в расследовании уголовного дела и представляет собой процесс создания четкого алгоритма, отражающего последовательность и содержание следственных и процессуальных действий. Важным условием обоснованности и эффективности составленного плана расследования указанных преступлений является выдвигание всех реально возможных в данной ситуации версий. С этой целью следователю рекомендуется изначально составить частные планы расследования по каждой версии, а затем объединить их в общий план.

План расследования преступлений совершенных экспертом может содержать:

- фабулу;
- перечень процессуальных решений, принятых по делу;
- перечень выдвинутых версий;
- обстоятельства, подлежащие установлению для проверки выдвинутых версий;
- следственные и иные процессуальные действия;
- сроки их выполнения;
- результаты выполнения.

Как правило, следственная деятельность, осуществляемая в отношении подобных преступных деяний, предусматривает составление разнообразных версий, каждая из которых требует комплексной проверки. Для того, чтобы повысить эффективность намеченных мероприятий, рекомендуется составление дифференцированных планов, впоследствии объединяемых в общий документ.

Традиционно в процессе расследования выделяют четыре этапа:

1. Доследственная проверка материалов (начинается с момента получения сообщения о преступлении до принятия решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении);

2. Первоначальный этап расследования (с момента возбуждения уголовного дела до предъявления лицу обвинения в совершении преступления);

3. Последующий этап расследования (с момента предъявления обвинения до принятия решения об окончании производства следственных действий);

4. Заключительный этап (с момента ознакомления участников с материалами уголовного дела до составления

обвинительного заключения и направления его прокурору для принятия решения) [3].

В зависимости от каждой следственной ситуации следователь должен выполнить определённые процессуальные действия, направленные на установление лица, совершившего преступление, и сбор первоначальных сведений о событии преступного деяния, что называется алгоритмом действий следователя. Обязательным алгоритмом действий при любой следственной ситуации является производство допроса потерпевшего, заявителя, поиск свидетелей и очевидцев и их последующий допрос, осмотр места происшествия.

Немало важным является оформление результатов планирования, которое состоит в составлении письменных планов и приложений к ним. На протяжении всего планирования промежуточные результаты мыслительной работы следователя могут быть устными умозаключениями и фиксироваться в письменном виде в различных вспомогательных документах.

.Согласно проведённому анкетированию среди следователей следственного комитета, 20 из 27 следователей ответили, что по делам возбужденных в отношении данных субъектов планирование осуществляется, что составляет 70 %, 5 опрошенных ответили, что планирование осуществляется редко (20 %), и лишь 2 респондентов ответили, что планирование не осуществляется (10 %). Тем не менее, 20 из 27 опрошенных респондентов используют план расследования по версиям при расследовании преступлений совершенными лицами, назначенными для производства экспертизы и дачи заключения, что составляет 85 % от числа опрошенных, и 5 респондентов используют план расследования по эпизодам (15 %).

В заключении, отметим, что при расследовании преступлений совершенных экспертом, перед следователем стоит задача грамотно спланировать свою деятельность. Данное планирование заключается в моделировании предполагаемых версий по конкретному уголовному делу, составлении алгоритма действий, не только своих действий, но и различных подразделений органов внутренних дел, которые во взаимодействии со следователем будут осуществлять деятельность по получению доказательств.

Пристатейный библиографический список

1. Балгимбеков Д., Каржасова Г., Оспанов А.С., Кабжанов А.Б. Особенности планирования расследования преступлений связанных с торговлей людьми // Актуальные проблемы современности. - 2017. - № 1 (15). - С. 37.
2. Курьянова Ю.Ю. К вопросу о понятии планирования расследования преступлений // Сибирский юридический вестник. - 2010. - № 1.
3. Расследование преступлений против личности и собственности: в 2-х частях. Ч. 2. Расследование преступлений против собственности: учебное пособие. - СПб.: Изд-во СПб унта МВД России, 2017. - С. 46.
4. Шавкарлова Е.Е. Организация работы следователя по планированию раскрытия и расследования неочевидных преступлений // В сборнике: преемственность и новации в юридической науке. Сборник статей Международной научно-практической конференции. - 2017. - С. 155

ХАКИМОВА Эльмира Робертовна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России

ЗАРИНА Александра Михайловна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доцент Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ПРОВЕДЕНИЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ И ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научная статья содержит алгоритм действий при проведении таких следственных действий, как осмотр места происшествия и обыск, при расследовании преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: предварительное расследование, информационно-телекоммуникационные технологии, осмотр места происшествия, обыск, алгоритм действий.

KHAKIMOVA Elmira Robertovna

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ZARINA Aleksandra Mikhaylovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia, associate professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation

CONDUCTING AN INSPECTION OF THE SCENE OF THE INCIDENT AND A SEARCH DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

The scientific article contains an algorithm of actions during such investigative actions as inspection of the scene and search, in the investigation of crimes committed by the use of information and telecommunication technologies.

Keywords: preliminary investigation, information and telecommunication technologies, inspection of the scene, search, algorithm of actions.

Хакимова Э. Р.

Зарина А. М.

Научно-технический прогресс не останавливается ни на минуту, каждый день появляются все новые и более совершенные способы информационной коммуникации, что порождает новые вызовы лицам, осуществляющим правосудие. Так, в рамках всеобщей глобальной информатизации прослеживается тенденция формирования криминальных угроз принципиально нового плана, связанная с применением информационно-телекоммуникационных технологий.

Появление цифровых денег, криптовалют, массовое внедрение умных часов, домов, других интернет-вещей, использование квадрокоптеров, навигаторов, флеш-карт, ежедневное увеличение передачи пользовательских данных в Интернете, масштабный уход в онлайн многих сфер жизнедеятельности общества в связи с пандемией COVID-19 неизбежно повлечли на резкое увеличение преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [1, с. 56].

С января по декабрь 2021 года зарегистрировано 517,7 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 1,4 % больше, чем за аналогичный период прошлого года, их удельный вес составил 25,8 % [2], [3].

В настоящее время возникла необходимость в изучении особенностей расследования преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий. Под киберпространством необходимо понимать

уникальный носитель, не находящийся на определенной территории, но доступный каждому в любой точке мира через Интернет [3, с. 175].

Полагаем, целесообразно рассмотреть особенности проведения таких следственных действий как осмотр места преступления и обыск при расследовании преступлений указанной категории.

Осмотр места происшествия – важное следственное действие, неотъемлемая часть расследования любого преступления. Так, в ходе подготовительного этапа к осмотру места происшествия при расследовании преступления, совершенного с применением информационно-телекоммуникационных технологий, необходимо заранее взять объяснения у руководителя организации, лица, отвечающего за обслуживание компьютерного оборудования, выяснив обстоятельства, связанные блокированием помещения, где находится вычислительная техника, охранная сигнализация, логины, пароли, коды, документация для последующего беспрепятственного доступа к ним. Важно помнить, что дистанционное блокирование помещения или компьютера часто связано с самоуничтожением либо всей информации, либо наиболее значимой для расследования уголовного дела. Так, например, при несоблюдении правил входа в помещение может включаться устройство защиты, и компьютерная техника уничтожает необходимую информацию. При осмотре места происшествия также необходимо выяснить осуществление

резервного копирования информации, ведение протокола деятельности работы компьютерной техники в течение дня. Установив, что на предприятии имеется сеть Интернет, нужно определить условия предоставления указанных услуг.

Перед производством рабочего этапа осмотра места происшествия рекомендуется ознакомить специалиста, который будет участвовать в следственном действии, с протоколами объяснений, допросов, изъятой документацией.

Состав следственно-оперативной группы при расследовании киберпреступлений весьма разнообразен: это специалист-криминалист, специалист по средствам вычислительной техники, сотрудник ФСТЭК России, Центра защиты информации ((при обнаружении на месте осмотра конфиденциальной компьютерной информации, машинных носителей, специальных средств защиты от несанкционированного доступа и (или) технических средств негласного получения (уничтожения, блокирования) компьютерной информации)), специалист по сетевым технологиям (в случае наличия периферийного оборудования удаленного доступа или локальной компьютерной сети), специалист по системам электросвязи (при использовании для дистанционной передачи данных каналов электросвязи), оперативные сотрудники БСТМ. Также в состав группы могут входить бухгалтеры, специалисты спутниковых систем связи, операторы компьютерных систем и сетей электросвязи и др.

По прибытии на место совершения преступления следователю необходимо обеспечить недопущение воздействия на имеющуюся информацию. Важно оперативно отстранить сотрудников организации от компьютерных средств и иных гаджетов, установить наличие локальной сети в организации. При осмотре монитора необходимо зафиксировать имеющуюся информацию на нем путем фотографирования или составления рисунка, схемы, в ходе детального осмотра выявить программы, запущенные на техническом устройстве. Помимо этого, нужно зафиксировать наличие подключения внешних кабелей к компьютерным средствам для того, чтобы в последующем правильно восстановить их соединения.

Рабочий этап осмотра начинается со сбора традиционных доказательств: следов пальцев рук, следов обуви, орудий взлома, тетрадей с записями и др. Важным является проведение указанного следственного действия на месте. Так, специалист в присутствии понятых подключает свой ноутбук к сети или компьютеру для проведения антивирусного тестирования системы, проверяет наличие (отсутствие) вредоносных программ. Для получения образцов для сравнительного исследования файлов специалист осуществляет копирование файлов системы. Важно отметить, что при обнаружении «зараженных» файлов, они не должны вылечиваться. Факты их обнаружения фиксируются в протоколе осмотра, в дальнейшем экспертиза определит групповую принадлежность обнаруженных вирусов, вредоносность последствий их применения, дату создания, квалификацию лица, их создавшего.

При осмотре велика роль понятых, так как в суде сторона обвинения может попытаться опровергнуть факт наличия вредоносных программ на компьютере в момент осмотра. Доказательства, собранные при проведении обыска, способствуют успешному расследованию рассматриваемых преступлений. Чаще всего он проводится в жилище (помещении), также проводится личный обыск подозреваемого (обвиняемого) лица.

Одним из важных элементов обыска является подготовительный этап. Определение круга участников обыска, консультация с оперативными сотрудниками, сотрудниками БСТМ дают возможность следователю выработать эффективные тактические приемы проведения указанного следственного действия. При подготовке к обыску следователь решает вопросы, схожие с подготовкой к осмотру места происшествия: о виде и конфигурации используемой компьютерной техники; о том, подключена ли она к локальной сети или

Интернету; о наличии службы информационной безопасности и защиты от несанкционированного доступа; системе электропитания помещений, где установлена техника; квалификации пользователей. Владение такой информацией облегчит следователю доступ к хранящейся в компьютере информации и максимально повысит ее доказательственную базу.

Помимо этого, внезапность обыска часто имеет важное значение. Это позволяет избежать быстрого уничтожения компьютерной информации. Если получены сведения о том, что компьютеры организованы в локальную сеть, следует заранее установить местонахождение всех средств компьютерной техники, подключенных к этой сети (принтеров, сканеров) и организовать групповой обыск одновременно во всех помещениях, где установлены компьютеры [4, с. 29].

Также необходимо учесть, что при обыске необходимо организовать охрану обыскиваемых площадей, компьютеров, хранилищ машинных носителей информации, всех пунктов (пультов) связи, охраны и электропитания, находящихся на объекте обыска, специальных средств защиты от несанкционированного доступа, помещений и других объектов (стендов, сейфов и т.п.).

В ходе обзорной стадии обыска необходимо определить местонахождение подозреваемого (обвиняемого) на объекте обыска, отстранить его от осуществления любых действий, никого не выпускать и не выпускать на время проведения данного следственного действия.

Подводя итог, отметим, что в статье рассмотрены только некоторые, основополагающие следственные действия, необходимые при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и имеющие особые отличительные элементы их подготовки и проведения.

Пристатейный библиографический список

1. Хакимова Э. Р. Особенности образовательного процесса по компьютерной криминалистике в Уфимском юридическом институте МВД России // Современные цифровые технологии в деятельности образовательных организаций силовых ведомств: концепция, практика, инновации: сборник материалов 4-й Международной конференции. - Уфа, 2022. - С. 56-62.
2. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года. - М., 2022. - С. 3.
3. Переверзева Е. С., Комов А. В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2021. - № 1 (89). - С. 175-177.
4. Архипова И. А. Актуальные проблемы расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения): сборник статей Международной научно-практической конференции. - М.: Академия управления МВД России, 2018. - С. 29-31.

СОЛЯНКИНА Людмила Егоровна

доктор психологических наук, профессор кафедры криминалистики Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

КИКТЕВ Александр Валерьевич

преподаватель кафедры криминалистики Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

ПШЕНИЧКИН Александр Александрович

преподаватель кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России

МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ОСТРАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

В данной статье авторы рассматривают такую весьма важную проблему современной России, как молодежный экстремизм. В работе авторами обращено внимание на особенности и проблемы, с которыми сталкивается в настоящее время современная молодежь, что воздействует на психику молодежи и подталкивает на совершение преступлений экстремистского характера. На основе проведенного исследования авторами предложена группа факторов возникновения экстремистских проявлений в молодежной среде.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, экстремистские проявления.

SOLYANKINA Lyudmila Egorovna

Ph.D. in psychological sciences, professor of Criminalistics sub-faculty of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

IKITEV Aleksandr Valerjevich

lecturer of Criminalistics sub-faculty of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

PSHENICHKIN Aleksandr Aleksandrovich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Volgograd branch of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

YOUTH EXTREMISM AS AN ACUTE PROBLEM OF OUR TIME

In this article, the authors consider a very important problem of modern Russia as youth extremism. In the work, the authors draw attention to the features and problems that modern youth are currently facing, which affects the psyche of young people and pushes them to commit crimes of an extremist nature. On the basis of the study, the authors proposed a group of factors for the emergence of extremist manifestations among the youth.

Keywords: extremism, youth, extremist manifestations.

Молодежный экстремизм является одной из глобальных проблем современной России. Склонность к экстремизму современного молодого поколения России реальна, и потому требует пристального внимания и изучения различными социальными институтами общества.

Современная молодежь России оказалась в сложной ситуации, а именно: в обществе социально-экономической нестабильности, высокой рискогенности, большой неопределенности и неизвестности, что в свою очередь повышает тревогу молодежи за свое будущее и рождает у нее желание снять эту тревогу, к сожалению, не всегда конструктивными способами.

Отметим, что в силу своего возраста, молодые люди, характеризуются такими психологическими особенностями как: максимализм и нигилизм, радикализм и нетерпимость, безоглядность и непримиримость, склонность к групповщине, неспособность прогнозировать последствия тех или иных ситуаций и собственных поступков. Молодежь склонна к риску и экстремальному поведению, она проявляет интерес к мистическому и загадочному. Эмоциональная неустойчивость, колебания настроения в данном возрасте заложены бурными физиологическими изменениями организма и являются неизбежными. Вследствие этого именно молодежь представляет собой группу риска, легко подвергающуюся

негативному влиянию большого количества организаций и маргинальных политических групп, манипулирующих молодежной активностью в собственных интересах и склоняющую ее к агрессивно-экстремистским действиям [1].

Воздействие на незрелую психику требует меньшего труда и дает большего успеха. В результате молодые люди становятся просто жертвами, ввиду своей несостоятельности и социальной, материальной незащищенности.

Молодежные экстремистские группы в России в последние годы приобрели значительное число членов: на сегодняшний день под профилактическим контролем полиции находятся около 150 молодежных группировок экстремистской направленности общей численностью до 10 тысяч человек – от футбольных фанатов до хорошо организованных структурированных формирований ультралевой направленности, имеющих идеологические секторы, информационные группы и боевые отряды.

Считаем, что возникновение и развитие в стране молодежного экстремизма свидетельствует о том, что государственная молодежная политика уделяет недостаточно внимания молодежным организациям и их проблемам. В молодежном возрасте возникает чувство «ложной взрослости», ощущение полной самостоятельности и обособленности, права решать самому, что и как делать. В результате

этого, у юношей и девушек возникают затруднения с социальной адаптацией, что влечет искаженное представление у них о жизненной ценности, которая выступает мотиватором и регулятором поведения и деятельности. По большей части это касается молодого поколения в возрасте от 13 до 21 года, в период стадии вхождения во взрослую жизнь, осознания собственного «Я» и своего места в социуме.

Современный молодежный экстремизм обращает на себя внимание: своей неоправданной жестокостью, высокой степенью агрессивности массовостью. К сожалению, до сих пор нет официальной статистически по совершению террористических и экстремистских действий молодежью. Это еще раз говорит о том, что данной проблеме недостаточно уделяют внимание. Проведя анализ результатов исследования ученых: юристов, социологов, психологов, в области изучения факторов, которые способствуют развитию экстремистских проявлений в молодежной среде, нами были выделены следующие, особо значимые:

1. Для молодых людей свойственен юношеский романтизм и бунтарский дух, предприимчивость. Учитывая это и манипулируя патриотическими чувствами, молодых людей, экстремисты предлагают им утопическую, героическую, полную «особого смысла» жизни идею для достижения собственных социально-деструктивных целей, тем самым вовлекая молодежь в экстремистскую деятельность.

2. Отметим, что искажение ценностных ориентиров у молодых людей, позволяет с легкостью вовлекать их в различные экстремистских группировки, религиозные организации. Особую опасность представляют зарубежные и религиозные организации, где процветает религиозный фанатизм, национализм и сепаратизм.

3. Уделяя большое внимание, подготовке компетентного специалиста, отмечая при этом важность приобретения молодыми людьми профессиональных компетенций, педагоги и воспитатели учебных организаций недооценивают значение формирования правосознания у молодежи. Молодые люди с низким правосознанием легко попадают под влияние криминальных личностей.

4. Особенностью современности является цифровизация общества. Интернет-пространство активно используется в различных сферах деятельности, к сожалению, и противоправных.

Глобальная сеть имеет ряд негативных сторон. Молодые люди, гуляя в просторах интернета, могут наткнуться на большое количество нежелательных серверов. Интернет дает доступ к широкой аудитории, возможность размещения подробной информации о своих целях и задачах и несет абсолютно реальные угрозы и опасности. Троллинг, кибербуллинг, распространяемый информационный продукт, аудиофайлы «Машина ненависти», «Убей ребенка», расположенных на странице сообщества «Маррадеры – S.P.H.C.» и аудиофайлы «Плотная зига», «Самый мертвый девятиклассник», расположенных на странице сообщества «Красное солнце», искажает представление о нормах социального поведения в обществе и как следствие: пренебрежение к лицам другой национальности, другой расы, приводит к обесцениванию жизни другого человека и осознание значимости и исключительности себя, рассматривать окружающих как врагов, мешающих жить и наслаждаться жизнью. Внушает иллюзию принадлежности к исключительной группе, что можно расценить как пропаганду фашизма и национализма.

С. Холл впервые описал психологические особенности молодежи и указал не только на противоречивость поведе-

ния молодого поколения, но и возникновение не обоснованной агрессии. Такие негативные явления жизнедеятельности молодежи ученый связывал с переходностью и кризисом молодежного возраста. Считаем, что данное явление (кризис переходного возраста) неизбежным, поскольку предопределен биологическим и половым созреванием. Именно в это время молодой человек озабочен желанием найти свое место в обществе, поиском собственной идентичности, которая формируется по самой примитивной схеме «мы» — «они». (2, с. 1-7), обострением чувства справедливости. Опытные руководители экстремистских организаций, умело используют психологические особенности переходного периода в своих целях, вовлекая молодежь в деятельность экстремистских группировок, путем подкупа или откровенного обмана.

В связи с этим, подростковый возраст является наиболее благоприятным проявления экстремистской активности.

Таким образом, можно констатировать, что решение проблем экстремизма среди молодежи исключительно силами правоохранительных органов невозможно. Эта задача требует целого комплекса организационных, правовых, профилактических, воспитательных мероприятий, к которым мы отнесли, прежде всего, следующие:

1. Приоритетом в борьбе с экстремизмом должно стать устранение причин и условий, способствующих девиантному поведению молодежи. Направление на учебу, работу и предоставление жилья – вот минимум того, что должно сделать государство для своих несовершеннолетних граждан.

2. Важным аспектом в предупреждении молодежного экстремизма является формирование на федеральном уровне стратегии государственной молодежной политики. Эффективная государственная молодежная политика – это один из важнейших инструментов формирования у молодого поколения активной гражданской позиции, воспитания социальной инициативности, чувства патриотизма и гордости за свою страну.

3. В целях пресечения экстремистской преступности представляется целесообразным усилить профилактическую работу среди молодежи, в том числе несовершеннолетних путем проведения мер воспитательно-профилактического характера.

И в заключении отметим, что внедрение экстремизма в молодежную среду в настоящее время приобрело очень большие масштабы и имеет опасные последствия для будущего нашей страны, так как подрастающее поколение – это ресурс национальной безопасности, гарант развития общества и социальных инноваций. Это еще раз подчеркивает значимость проблемы и необходимость ее решения. Борьба с экстремизмом в большей степени обеспечит не только укрепление государственности, но и развитие гражданского правового общества.

Пристатейный библиографический список

1. Кошелев М. И., Кареева И. В. Профилактика экстремистских проявлений среди курсантов вузов ФСИН России // Уголовно-исполнительное право. - 2015. - № 2 (20).
2. Яковчук В. Н. Инновационные технологии профилактической деятельности негативных явлений среди детей и подростков // Вопросы студенческой науки. - 2016. - № 2. - С. 1-7.

АБДУЛМАНАПОВА Амина Султанмурадовна

магистрант 2 курса Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ТАИЛОВА Айша Габибовна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРЫСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье даётся краткая криминологическая характеристика корыстной преступности. Корыстная преступность имеет свои характерные особенности. Эти посягательства негативно отражаются на развитии общества, оказывают отрицательное воспитательное воздействие, прежде всего на молодежь.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что усложнение структуры финансового рынка и развитие системы электронных платежей привели к модернизации различных видов корыстных преступлений, что требует разработки мер профилактики данного вида преступного посягательства

Ключевые слова: корысть, преступность, общая характеристика, профилактика.

ABDULMANAPOVA Amina Sultanmuradovna

magister of the 2nd course of the North Caucasian Institute of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasian Institute of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF MERCENARY CRIME

The article provides a brief criminological description of mercenary crime. Mercenary crime has its own characteristic features. These encroachments have a negative impact on the development of society, have a negative educational impact, primarily on young people. The urgency of the problem under consideration is due to the fact that the complexity of the financial market structure and the development of the electronic payment system have led to the modernization of various types of mercenary crimes, which requires the development of measures to prevent this type of criminal encroachment.

Keywords: self-interest, crime, general characteristics, prevention.

В России уровень преступности определяют состоянием корыстной преступности. На фоне высокой латентности корыстных преступлений наблюдается экспансия указанного преступного поведения.

Имущества и имущественные права являются объектом корыстного преступления. По сути, субъект корыстного преступления получает имущественное право незаконно, таким образом, на отчуждаемые предметы у виновного нет прав. Материальная выгода рассматривается как форма изъятия от материальных затрат, а потому не требует дальнейшего уточнения. Субъективная сторона актуализируется в содержании корыстной мотивации, лежащая в основе корыстного преступления. Это означает необходимость определения места корыстных побуждений в сложной системе мотивационной борьбы, предшествующей совершению преступлений и квалификации видов корысти, таких как:

– стяжательство, характеризующееся склонностью к наживе, паразитизму, как форма антиобщественного поведения, направленного для получения выгоды самому себе;

– безответственность, выражающаяся в отсутствии личностной позиции, нежелание следовать установленным целям и задачам, нежелание отвечать за свои действия, нужда, представляющая собой нарушенную потребность обладать чем-то, прожигательство, характеризующееся в иррациональности в поведении, в активном желании и стремлении к обладанию денежными средствами;

– престижность, представляющая собой желание обладать материальными ценностями, побудившим совершить преступление;

– потребительство как поведение, основной деятельностью которой является стремление к получению наслаждений; бедность как социальная категория, которая не способна удовлетворить даже минимальные потребности в полном объеме, накопительство, представляющее патологическое желание обладать чем-то и невозможность контролировать данное поведение и соответственно деятельность и слагаемые ее действия.

Корысть – обязательный признак (например, для большинства преступлений против собственности), а для других, насильственных по характеру, она может служить мотивом (например, при убийстве) [1, с. 78].

Корыстная преступность имеет свои характерные особенности, которые следует оценивать на фоне объекта посягательства – прежде всего экономической основы, собственности. Эти посягательства негативно отражаются на развитии общества, оказывают отрицательное воспитательное воздействие, прежде всего на молодежь.

Значительная часть корыстных преступлений совершается скрытно, под видом правомерной деятельности, другая – соединяется с насилием по отношению к субъекту, владеющему или управляющему личным имуществом. На этом основании в криминологической литературе говорится и о корыстно-насильственной преступности.

Так, например, З. Магомедов, попросил у А. Саидовой (незнакомой девушки) сотовый телефон, якобы на своем закончились деньги, а нужно срочно позвонить домой. Саидова А. передала свой телефон «Nokia» З. Магомедову.

Тот немного отошел в сторону и быстро сел в уже стоящую «наготове» машину, в которой находился его сообщник

М. Нураев. Суд признал виновным З. Магомедова и М. Нураева виновными в совершении грабежа, предусмотренной ст. 161 ч. 2 п. «а» УК РФ [2].

Квартирные кражи составляют 26,0 %; карманные – около 2,0 %; кражи в домах отдыха, санаториях, гостиницах, общежитиях и т. п. – более 3,0 %. Кражи транспортных средств составляют 10,8 % [3].

Об уровне виктимизации населения говорят результаты опросов: от краж пострадали в 2013 г. – 56,5 %; в 2014 г. – 53,0 %; в 2015 г. – 54,4 % опрошенных петербуржцев. Потерпевшими от квартирных краж стали в 2018 г. – 25,7; в 2019 г. – 30,6; в 2021 г. – 23,7 %; потерпевшими от краж личных вещей из транспортных средств: в 2019 г. – 27,5 %; в 2020 г. – 26,4 %; в 2021 г. – 25,5 %.

Криминологические исследования показывают, что рассматриваемые посягательства совершаются уже для того, чтобы удовлетворить не насущные нужды, а прежде всего квазипотребности, для накопления богатств и обеспечения мещанского благополучия. Все это приводит к своеобразному психологическому настрою у некоторых лиц – получать побольше, что особенно типично для несформировавшихся в социальном отношении личностей. У них если не отсутствуют, то по меньшей мере обеднены духовные потребности, либо эти потребности стоят на втором плане, вследствие чего эти лица не оценивают реально свое место в системе общественного развития, не удовлетворяют разумно свои материальные потребности, не соблюдают общепринятых норм поведения. К данной категории надо отнести прежде всего лиц, совершивших кражи и особенно грабежи, разбой.

Так, например, 1 апреля 2018 года примерно в 10 часов 30 минут Севера Бадрутдиновна Муртузалиева с целью совершения кражи чужого имущества путем свободного доступа незаконно проникла в дом А. А. Алиевой по ул. Чернышевского 118 «а» г. Избербаш и тайно похитила женскую кожаную сумку стоимостью 2500 рублей. В которой находились 500 рублей, парфюмерия и косметичка в комплекте (духи «Москино», тени «Шанель», губная помада «Шанель» и «Лореаль») на сумму 3000 рублей, бриллиантовые серьги «скрипичный ключ» стоимостью 5500 рублей. Золотая цепочка «лезвие» стоимостью 2500 рублей, золотой кулон стоимостью 3000 рублей. Мобильный телефон «Сони Эриксон» с зарядным устройством стоимостью 13 000 рублей – всего имущества на общую сумму 117 000 рублей, чем причинила А. А. Алиевой значительный ущерб. Муртузалиева Севера Бадрутдиновна, незаконно проникнув в чужой дом, выждала под лестницей дома, пока хозяева отвлекутся, а затем покинут дом и воспользовавшись этим совершила кражу чужого имущества.

В ходе судебного заседания обвиняемая утверждала, что у нее якобы был соучастник, некий Муса, назвав номера государственных номера его автомашины и адрес его адрес места проживания, который дал ей дубликаты ключей от дома А. А. Алиевой, но вскоре обвиняемая отказалась от этих показаний.

В судебном заседании были представлены фотографии, сделанные Северой на украденный ею же телефон «Сони-Эрикссон». На фотографиях обвиняемая была в краденной куртке, с краденной сумкой и в краденных золотых украшениях, что являлось неоспоримым доказательством в данном преступлении [2].

При исследовании материалов уголовного дела и изучении личности С. Муртузалиевой мы пришли к следующим выводам: С. Муртузалиева характеризовалась в быту как лицо вспыльчивое, часто убегала из дома, находилась среди лиц, ведущих маргинальный образ жизни. Общественно полезным трудом не занималась, по словам родственников неоднократно устраивала скандал дома, ругалась с матерью.

Так, например, 13 ноября 2018 года Избербашским ГОВД было возбуждено уголовное дело по факту совершения раз-

бойного нападения на магазин «Радуга», расположенный по адресу Маяковского 80. В ходе оперативно-розыскных мероприятий были задержаны З. М. Азизов 04.09.1988 г.р. и Э. Н. Саламов 13.11.1988 г.р., которые на допросе признались в содеянном. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах:

13 ноября 2008 З. М. Азизов со своим другом Э. Н. Саламовым приехал в г. Избербаш из сел Первомайск РД, для покупки шапки. Деньги, предназначенные для приобретения шапки они потратили, сходили в кафе, выпили пиво, погуляли. Когда выяснилось, что денег на обратную дорогу у них не осталось, З. М. Азизов предложил Э. Н. Саламову зайти в один из магазинов и ограбить кассу.

Около 18 ч. 30 мин. они вошли в помещение магазина – гастронома «Радуга», расположенного по ул. Маяковского 80, г. Избербаш, в целях хищения чужого имущества, и потребовали от продавщицы З. Х. Алиевой передать им деньги из кассы. Когда З. Х. Алиева отказалась выполнять их требования, попросила их не шутить и уйти из магазина, З. М. Азизов сказал, что шутить они не собираются, вытащил из кармана куртки пистолет кустарного производства и направил его на З. Х. Алиеву и потребовал быстро передать ему деньги из кассы. Опасаясь за свою жизнь, З. Х. Алиева передала из кассы деньги в сумме 3600 рублей, находившихся под отчетом последней.

Саламов Э. Н. схватил деньги, а З. М. Азизов пригрозил З. Х. Алиевой, что если та проболтается о случившемся, то ей не жить, затем они выскочили на улицу и скрылись с места происшествия.

Алиева З. Х. сразу же нажала тревожную кнопку, которая находилась под прилавком магазина, на сигнал которой прибежали хозяйка и хозяин магазина А. М. Магомедова и К. М. Магомедов.

Магомедова А. М. сообщила о случившемся в ГОВД, а К. М. Магомедов выбежал на улицу, полагая, что преступники могли ещё находиться рядом с магазином.

При проведении оперативно розыскных мероприятий было установлено, что двое молодых людей по описанию, похожих на грабителей, сели в такси и уехали в направлении автостанции. На автостанции очевидцы рассказали, что они наняли частное такси и направились в сторону Дербента. Оперативникам удалось связаться с водителем такси и попросить его под любым предлогом остановить машину и помочь задержать преступников. Водитель такси Ю. М. Шихбагамаев доехал до заправки селения Первомайск Каякентского района РД и остановил машину, якобы для заправки.

Находившиеся в машине З. М. Азизов и Э. Н. Саламов, заподозрив что-то неладное, вышли из машины, позвонили кому-то и затем сказали Ю. М. Шихбагамаеву, что их доведут знакомые ребята, которые сейчас приедут за ними. Они отошли на расстояние около 150 метров, когда к автозаправке подъехала машина с оперативными работниками.

Работники ГОВД В. В. Новиков и А. М. Чанкаев побежали в сторону подозреваемых и задержали их, после чего оба подозреваемых З. М. Азизов и Э. Н. Саламов были доставлены в ГОВД Избербаш, где признались в содеянном и были опознаны З. Х. Алиевой.

Следствием было так же установлено, что З. М. Азизов 9 марта 2008 года на речке, расположенной в с. калибра, Каякентского района, РД нашёл и незаконно присвоил себе пистолет кустарного производства, 9 мм калибра, пригодный для стрельбы, который в последующем носил и хранил у себя до 13 марта 2008 года. Данный пистолет был использован З. М. Азизовым при совершении разбойного нападения в г. Избербаш [2].

Опрошенный нами П., которому были ранее известны З. М. Азизов и Э. М. Саламов, показал, что если ребята хотели выпить спиртное, то их никто остановить не мог, они могли устроить скандал с родителями, потребовать деньги на

Таблица 1. Возрастная структура осужденных [4]

Возрастная группа	2019 г.	2020 г.	2021 г.
14 – 17 лет	9,4 %	9,2 %	7,8 %
18 – 24	23,5 %	23,9 %	21,2 %
25 – 29	20,5 %	18,4 %	21,3 %
30 – 49	39,5 %	38,4 %	42,4 %
50 лет и старше	6,5 %	6,3 %	5,4 %

выпивку, на худой конец украсть деньги или что-то ценное из дома. В селении их побаивались сверстники, старики старались с ними не связываться. Все это, безусловно, способствовало криминальному поведению обоих преступников.

Преступников по исследуемому уголовному делу, прежде всего, отличает дефектность социальной идентификации. Азизов З. М. и Э. М. Саламов отличаются плохой социальной адаптацией, неудовлетворенностью своим положением в обществе. Они не хотят работать, в армию их не призвали в виду якобы имеющихся заболеваний, хотя их знакомые утверждают, что последние просто уклоняются от призыва.

Плохая социальная среда и плохое воспитание обусловили 1,7 % корыстных преступлений, наиболее отчетливо это выражено при кражах. Анализ некоторых посягательств на собственность показывает, что лицам с сомнительными качествами все еще предоставляется возможность распоряжаться товарно-материальными и денежными ценностями.

У некоторых лиц создается убеждение в безнаказанности, в неодинаковом применении законов ко всем. На некоторые корыстные преступления против личной собственности решающее влияние оказывают и криминогенные ситуации, созданные жертвой преступления.

Недостатки организационно-управленческого характера видны более всего при корыстных посягательствах на собственность.

Существенные недостатки допускаются и при назначении на материально-ответственные должности, имущество доверяется лицам, которые уже имели судимости и доказали свою профессиональную непригодность.

Взаимодействие правоохранительных органов с органами финансово-ревизионного контроля должно содействовать ограничению корыстных преступлений. Это обязывает их осуществлять совместный действенный контроль и перед началом финансовой ревизии, и в процессе ее проведения, и после ее окончания. Есть немало преступлений, которые совершаются после того, как были проведено несколько финансовых ревизий, отсюда можно сделать вывод о том, что совместно проведенная работа была неудовлетворительной, а это – один из факторов продолжительного совершения корыстных преступлений.

Данные выборочного исследования, проведенные при изучении уголовных дел по корыстным преступлениям в архиве Советского районного суда г. Махачкалы, дают основания говорить о том, что самая малочисленная группа составила 50 лет и старше, многочисленная – 30-49 лет. (См. табл. 1.)

Половой состав корыстных преступников характеризуется тем, что женщины к числу осужденных составляют в среднем 15 %. Тот факт, что женщины совершают значительно меньше преступлений, чем мужчины объясняется также не биологическими свойствами пола, а исторически сложившимся образом их жизни, особенностями поведения, отражающими историю культуры и структуру поведения.

Организованные групповые преступления не характерны для корыстной преступности. Из корыстно-насильственных преступлений, однако, только 59,2 % совершены единолично, а остальные – в соучастии. Каждое четвертое

преступление совершено двумя соучастниками, а каждое восьмое – тремя и более.

Групповые преступления типичны прежде всего для посягательств на собственность граждан.

Усложнение структуры финансового рынка и развитие системы электронных платежей привели к модернизации различных видов корыстных преступлений, что требует разработки мер профилактики данного вида преступного посягательства.

Профилактика корыстных преступлений является особой формой социального регулирования, она оказывает свое воздействие на население избирательно. Предупредительная работа специальных субъектов профилактики в отношении корыстных преступлений должна быть направлена на сдерживание лиц от желания совершить преступление и носить более результативный и эффективный характер.

Таким образом, все выше исследованные тенденции, приводят к выводу о том, что корыстная преступность является сложившимся и неотъемлемым элементом преступности в целом, назревает необходимость выделения корыстной преступности как отдельного социального института для более детального криминологического самостоятельного изучения, что позволит эффективно и своевременно предупреждать, выявлять и пресекать преступления корыстной направленности.

Пристатейный библиографический список

1. Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: пособие. – М.: Норма, 2014. – 169 с.сти. Уче
2. Материалы уголовных дел по корыстным посягательствам, рассмотренные Избербашским городским судом. Архив Избербашского городского суда за 2017-2019 года.
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/>.
4. Материалы уголовных дел по корыстным посягательствам, рассмотренные Советским районным судом г. Махачкалы. Архив суда Советского района г. Махачкалы за 2019-2021 года.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-357-359

АЛИЕВА Умзахрат Темирболатовна

старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

ГАБИТОВА Эльмира Габитовна

кандидат педагогических наук старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

ТАИЛОВА Айша Габибовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

ПРАВО ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И США

В статье проведён сравнительно-правовой анализ особенностей правового положения жертв сексуальных преступлений в Европе и США. Сфера защиты прав жертв сексуальных преступлений приобретает все большее значение во многих зарубежных странах. В связи с этим правительства многих стран ввели больше инструментов, доступных жертвам сексуальных преступлений. Так например жертвы могут решить не раскрывать свою личную информацию и не сохранять ее в судебных отчетах, в связи с чем появляется больше возможностей стимулировать жертв преступлений на сотрудничество с правоохранительными органами.

Изучение международного опыта в сфере защиты прав жертв сексуальных преступлений позволяет выработать меры по профилактике естественной латентности данной категории преступных посягательств на территории РФ.

Ключевые слова: жертва, сексуальное преступление, естественная латентность, опыт зарубежных стран.

ALIEVA Umzakhrat Temirbolatovna

senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

GABITOVA Elmira Gabitovna

Ph.D. in pedagogical sciences, senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of Economics and the legal and educational disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in the city Izberbash

THE RIGHT OF CRIME VICTIMS TO PRIVACY IN SEXUAL CRIMES: A COMPARATIVE ANALYSIS BETWEEN EUROPE AND THE USA

The article presents a comparative legal analysis of the features of the legal status of victims of sexual crimes in Europe and the USA. The sphere of protection of the rights of victims of sexual crimes is becoming increasingly important in many foreign countries. In this regard, many Governments have introduced more tools available to victims of sexual crimes. For example, victims may decide not to disclose their personal information and not to save it in court records, and therefore there are more opportunities to encourage victims of crimes to cooperate with law enforcement agencies. The study of international experience in the field of protection of the rights of victims of sexual crimes makes it possible to develop measures to prevent the natural latency of this category of criminal encroachments on the territory of the Russian Federation.

Keywords: victim, sexual crime, natural latency, experience of foreign countries.

С годами сфера прав жертв преступлений приобретает все большее значение. В связи с этим правительства многих стран ввели больше инструментов, доступных жертвам преступлений, чтобы уравнивать позиции сторон на досудебной, судебной и послесудебной стадиях.

Прежде всего, нам необходимо проанализировать три определения- жертва преступления, сексуальное преступление и неприкосновенность частной жизни. Жертва - это лицо, которому причинен (или потенциально может быть причинен) вред в результате преступного деяния. Это означает, что юридически определенная категория «жертвы» ограничена тем, какие действия считаются преступлением. Благодаря такому методу определения, категория жертв преступлений постоянно развивается. Что касается определения сексуальных преступлений, то в категорию сексуальных преступлений попадает целый ряд различных правонарушений. В целом, они подразумевают незаконное или принудительное сексуальное поведение в отношении другого человека. Наконец, право на неприкосновенность частной жизни заключается в защите личной информации от общественного внимания.

Договор о функционировании Европейского Союза (TFEU) рассматривает права жертв преступлений как тему, по которой Европейский парламент и Совет могут издавать директивы минимального уровня. Однако интерес европейских органов к защите жертв возник гораздо раньше: первый европейский законодательный акт на эту тему был разработан еще в начале 1980-х годов. Этот интерес можно обнаружить в деятельности наднациональных организаций - как универсальных, таких как ООН, так и региональных, таких как Совет Европы и Европейский Союз, - которые выполняли и продолжают выполнять важную роль пробуждения национальных законодателей, веками не проявлявших интереса к жертвам преступлений. [1, p. 247-249.]

Что касается более общих причин политико-уголовного характера, то это необходимость усиления инструментов защиты жертв в европейских странах. Это чрезвычайно актуально в связи с постоянным увеличением числа жертв преступлений в европейском пространстве - часто из стран, отличных от той, где было совершено преступление - как естественное следствие устранения внутренних границ и соз-

дания уникального пространства, где европейские граждане могут свободно перемещаться.

Что касается более конкретных правовых основ вмешательства государства по защите жертв, то они должны быть определены в принципах свободного передвижения людей и равенства граждан Европейского Союза. Действительно, отсутствие минимальных стандартов может привести к нарушению этих основополагающих принципов. 15 марта 2001 года было принято Рамочное решение Европейского Союза о положении жертв в уголовном процессе. Впервые на национальном уровне появился «жесткий правовой инструмент», касающийся жертв преступлений. Таким образом, эти кодифицированные правила, касающиеся правового положения жертв, являются обязательными во внутренней правовой системе государств-членов.

Американская система также имеет долгую историю попыток более широкого вовлечения жертв в уголовное судопроизводство. Действительно, в колониальный и революционный периоды система уголовного правосудия Соединенных Штатов была ориентирована на потерпевших, которые также могли расследовать и преследовать преступления. Примерно с 1900 по 1970-е годы этот интерес был утрачен: уголовно-процессуальное право основывалось на идее, что тот, кому причиняется вред преступлением, - это государство, а не отдельный человек. Современное движение за права жертв преступлений началось более 40 лет назад: юридический импульс этого движения можно найти в решении Верховного суда США 1973 года по делу Линда Р.С. против Ричарда Д [2].

Верховный суд постановил, что жертва преступления не может требовать уголовного преследования, поскольку «частное лицо не имеет познаваемого в судебном порядке интереса в уголовном преследовании или не преследовании другого лица». Верховный суд предложил решение этой проблемы, заявив, что «Конгресс может принимать статуты, создающие юридические права, вторжение в которые создает *locus standi*, даже если в отсутствие статута никакого ущерба не существовало бы». Начиная с этого дела, современное движение за права жертв преступлений направлено на повышение роли жертв в уголовном процессе. В настоящее время тридцать три штата внесли поправки в свои конституции, чтобы включить права жертв преступлений, а остальные приняли специальные законы на эту тему.

Что касается федерального уровня, то первым законодательным актом стал Закон о защите жертв и свидетелей в 1982 году, за которым последовали другие законы, способствующие признанию прав жертв преступлений. Знаковым, безусловно, стал Закон о правах жертв преступлений (2004), который предоставил восемь конкретных прав. Однако судебные дела также были основным ресурсом в развитии прав жертв преступлений. В качестве примера можно привести дело Пейн против Теннесси, США 808 (1991), где Верховный суд США прямо признал жертв преступлений безымянными неигроками в системе уголовного правосудия и высоко оценил движение за права жертв как возможность дать общественное чувство справедливости этим людям [3].

Что касается права на неприкосновенность частной жизни, то в Европе оно считается фундаментальным правом и защищается двумя основными источниками: оригинальной Европейской конвенцией по правам человека и Директивой 95/46/ЕС. Это право было рассмотрено с целью предоставления права жертвам преступлений благодаря Директиве 2012/29/UE.

Основной статьей, вызывающей озабоченность, является 21, которая требует от государств-членов обеспечить, чтобы компетентные органы могли принимать соответствующие меры для защиты частной жизни жертв преступлений, и чтобы они могли принимать все законные меры, которые могут привести к идентификации ребенка-жертвы. Кроме того, в

этой статье говорится, что государства-члены должны поощрять СМИ к принятию мер саморегулирования с целью защиты частной жизни. Публичность уголовного процесса может вызвать множество трудностей в защите частной жизни пострадавшего лица. По этой причине компетентные органы могут принять необходимые меры, чтобы гарантировать частную жизнь жертвы в отношении личных данных, изображения и информации, позволяющих ее идентифицировать, особенно если жертвой является несовершеннолетний. Кроме того, эта директива требует от СМИ принять этический кодекс в этом отношении. [4, с. 194-210].

Что касается Италии, то директива была введена в действие законодательным актом № 212/2015, который внес изменения в восемь статей Уголовно-процессуального кодекса (статьи 90, 134, 190-bis, 351, 362, 392, 398 и 498), ввел четыре новые статьи (статьи 90-bis, 90-ter, 90-quater, 143-bis) и два положения о применении (статьи 107-ter и 108-ter положений Уголовно-процессуального кодекса).

Согласно докладу правительства, «постный» характер этого закона объясняется тем, что многие положения Директивы уже присутствовали в итальянской правовой системе, которая, таким образом, в значительной степени соответствует положениям Европейского Союза. Что касается микро-системы мер предосторожности, то, безусловно, был сделан шаг вперед с введением статей 282-bis и 282-ter, полезных инструментов для защиты жертв сексуальных преступлений. Статья 282-ter явно направлена на расширение пространства защиты жертвы насильственных и преследующих действий перед лицом возможных ситуаций контакта с агрессором, создавая защитный экран вокруг «слабой стороны». Через ст. 282-bis Уголовно-процессуального кодекса, в контексте, характеризующемся совместным проживанием жертвы и лица, совершившего насилие, центральное ядро предостережения состоит в том, чтобы заставить подозреваемого покинуть семейный дом, что соответствует, хотя и косвенно, запрету на приближение. Оба этих инструмента должны сопровождаться существенными предписаниями, чтобы примирить потребности в безопасности и защите жертвы с потребностями подозреваемого [4, с. 194-210].

Что касается процедур заслушивания, то на европейском уровне проблема заключается в условиях, в которых жертвы могут быть заслушаны на стадии судебного разбирательства. Дача показаний в уголовном процессе о фактах и обстоятельствах, касающихся интимной жизни человека и связанных с перенесенным насилием, всегда является сложным и психологически тяжелым и травмирующим опытом. Это особенно актуально, если лицо, вызванное для дачи показаний, является особо уязвимым человеком, подверженным влияниям и внешней обусловленности в большей степени, чем другие.

В этих случаях принятие особых «защищенных» методов получения показаний в отношении места, обстановки, времени и конкретных способов проведения осмотра не только не противоречит потребностям процесса, но и способствует обеспечению достоверности самого доказательства.

Что касается американской системы, это право прямо не указано в Конституции США, но некоторые поправки и законодательные акты предоставляют определенные инструменты защиты. Что касается этого права применительно к жертвам преступлений, Закон о правах жертв преступлений гласит, что «жертва преступления имеет следующее право: право на справедливое обращение и уважение достоинства и частной жизни жертвы». Действительно, неприкосновенность частной жизни является первостепенной задачей для жертв, поскольку они опасаются преследований или мести со стороны преступников, которые могут узнать их имена или адреса. Эта защита осуществляется различными методами. Прежде всего, личность потерпевших защищается посредством: 1) запрета на принуждение к даче показаний,

касающихся личной информации, в открытом суде; 2) исключения или ограниченного раскрытия идентификационной информации потерпевших в материалах уголовного судопроизводства; 3) защиты от раскрытия адресов и номеров телефонов, предоставленных для целей уведомления [3].

Другой пример на других стадиях процесса касается некоторых дополнительных ограничений с целью минимизации контактов между подсудимым и жертвой, касающихся осмотра подсудимым материальных ценностей жертвы или его возможности проводить психологическое или физическое обследование жертвы. Все эти меры помогают жертвам чувствовать себя более безопасно и защищенно, поскольку уменьшают возможность вновь увидеть своего мучителя.

Еще одним инструментом является привилегия жертвы-консультанта. Эти законы позволяют консультантам сохранять конфиденциальность информации, переданной им жертвами, даже если их вызывают в качестве свидетелей. Многие законы также предоставляют дополнительную и более широкую защиту письменным записям консультантов (таким как меморандумы или рабочие документы). Эти законы о привилегиях распространяются только на определенные виды жертв - тех, кто подвергся сексуальному нападению, домашнему насилию, преследованию или торговле людьми.

Еще одним важным инструментом является возможность доступа к «Программам конфиденциальности адресов», в рамках которых жертвы сексуальных преступлений могут указать альтернативный адрес вместо своего фактического, чтобы сохранить свое местонахождение в тайне. Вся почта первого класса жертвы направляется на заменяющий адрес, а затем пересылается на фактический адрес. Тридцать шесть штатов продвигают эти программы, и в разных штатах действуют разные законы. В большинстве штатов требуется, чтобы жертва (или родитель, если жертва несовершеннолетняя) переехала на адрес, неизвестный преступнику. Все эти программы эффективно работают только в сочетании с другими стратегиями безопасности потерпевших [5, с. 219-225].

Что касается права жертв преступлений в Италии на неприкосновенность частной жизни, можно с легкостью сказать, что перенос Европейской директивы не был полным и что необходимо добавить множество статей, чтобы полностью гарантировать это право жертвам преступлений. Одно из наиболее полезных улучшений, которое следует сделать, заключается в предоставлении жертвам преступлений возможности ограничить раскрытие информации в ходе уголовного процесса. Итальянская уголовно-процессуальная система требует подписанной жалобы для того, чтобы фактически начать весь процесс, потому что обвиняемый должен знать, кто его обвиняет и в чем он обвиняется. Причину этого можно найти в праве на надлежащее судебное разбирательство, которое является одним из основных принципов итальянской системы уголовного права. Однако итальянский подход предлагает процессуальную защиту при проведении слушаний. Благодаря этому методу жертва сможет давать показания в более дружественной зоне, не на глазах у обвиняемого и при необходимости при поддержке психологов.

По нашему мнению, мера, которая должна и может быть введена в итальянскую уголовную систему, - это программа адресной конфиденциальности. Действительно, этот инструмент не нарушит право на надлежащее судебное разбирательство, поскольку обвиняемый сможет узнать, кем является другой человек, но не будет знать, где он/она фактически проживает. Кроме того, жертва будет чувствовать себя в большей безопасности и будет стремиться сообщить о преступлении. Подобный инструмент уже был введен для «коллаборационистов от власти» - бывших членов преступных организаций, которые сотрудничают с прокурором, предоставляя информацию, чтобы получить более мягкий приговор.

Таким образом, анализ всего вышеизложенного позволяет прийти к выводу, что эти две системы очень разные. Европейский подход состоит из ряда абстрактных руководящих принципов, которые могут по-разному применяться государствами-членами.

Что касается американской системы, то здесь жертвам преступлений предоставляется более надежная защита на этапе судебного разбирательства. Действительно, жертвы могут решить не раскрывать свою личную информацию и не сохранять ее в судебных отчетах. Благодаря этому механизму появляется больше возможностей стимулировать жертв преступлений сообщать о том, что они переживают, так как они будут чувствовать себя в большей безопасности. С другой стороны, в американской системе уголовного права отсутствует еще один важный защитный инструмент, который можно найти в режиме «защищенного» слушания, используемом в Италии. С помощью этой меры можно улучшить защиту во время судебного процесса, чтобы еще больше ограничить физические контакты.

Обе системы предлагают различные способы защиты права жертв преступлений на неприкосновенность частной жизни в сексуальных преступлениях. Действительно, эти преступления являются наиболее впечатляющими для сознания жертв и наиболее способными привести жертву к чувству вторичной виктимизации, если с ними не бороться должным образом.

На наш взгляд, отдельные правовые положения, используемые в Европейских странах и законодательством США в сфере защиты права на неприкосновенность частной жизни жертв сексуальных преступлений следует учитывать и в правовой системе РФ в целях разработки мер по профилактике естественной латентности данной категории преступных посягательств.

Пристатейный библиографический список

1. Права жертв» в книге «Жертвы преступлений» 2-е издание, под ред. Robert C. Davis, Arthur Lurigio and Wesley Skogan (Thousand Oaks, Sage Publication, 1999). P. 247-249.
2. David E. Aaronson, "New Rights and Remedies: Федеральный закон о правах жертв преступлений 2004 года" (том 28, выпуск 4, Pace Law Review. 2008)
3. Дин Г. Килпатрик, Дэвид Битри и Сьюзен Смит Хоули, Права жертв преступлений; имеет ли правовая защита значение? Разницу? (Вашингтон, округ Колумбия, Министерство юстиции США, Национальный институт юстиции, 1998)
4. «Права и услуги жертв преступлений; современная сага» 198 (Из книги «Жертвы преступлений», стр.194-210, 1997, Robert C. Davis, Arthur J. Lurigio, et al., eds)
5. Шалагин А.Е., Идиятуллоев А.Д. Зарубежный опыт предупреждения преступности в XXI веке // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 2 (40). С. 219-225.

РОМАНОВСКАЯ Ирина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАРКОЗАВИСИМЫХ ЛИЦ

В статье рассматриваются криминологические особенности лиц, употребляющих наркотические вещества. Приобщение к наркотикам – это симптом внутриличностных и межличностных проблем и конфликтов, результат недостаточной социальной адаптированности, различных деформаций в системе взаимоотношений личности с социальной средой. Особое внимание в статье уделяется субъективным факторам, влияющим на формирование личности наркомана.

Ключевые слова: наркозависимое лицо, наркотические вещества, внутриличностные проблемы, социальные деформации, наркотизм.

ROMANOVSKAYA Irina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

CRIMINOLOGICAL FEATURES OF DRUG ADDICTS

The article discusses the criminological features of people who use narcotic substances. Drug addiction is a symptom of intrapersonal and interpersonal problems and conflicts, the result of insufficient social adaptation, various deformations in the system of personal relationships with the social microenvironment. The article pays special attention to the subjective factors influencing the formation of a drug addict's personality.

Keywords: drug-dependent person, narcotic substances, intrapersonal problems, social deformations, narcosis.

На протяжении всей истории своего существования наркотики сопровождают человечество. Еще во времена Геродота и Гиппократ в древней медицине использовались препараты, изготовленные на основе производных каннабиса и опия. Как правило, человек употребляет наркотические вещества по нескольким причинам. Для одних – это форма социального протеста, другие – используют наркотики в качестве средства идентификации, стремясь стать носителями определенной субкультуры. К сожалению, средства массовой информации, часто преподносят наркотические вещества, как неизбежный атрибут «красивой божественной жизни», что способствует вовлечению в употребление наркотиков подростков и молодежь. Необходимо отметить, что молодые люди в современных условиях достаточно инфантильны, не всегда в состоянии объективно оценить последствия своих поступков, пренебрегают общеизвестными правилами безопасности, легко поддаются на провокации. Неудивительно, что именно данная категория граждан проще всего оказывается вовлеченной в сети наркотизма. Согласно официальным данным, количество наркозависимых граждан в России составляет примерно 459 тыс. человек, их средний возраст варьируется от 15-19 лет. Из них: 20 % – это школьники 9-15 лет; 60 % – молодые люди 16-30 лет; 20 % – лица старше 30 лет [1]. Однако официальная статистика не отражает реального положения, поскольку содержит лишь тех наркозависимых, которые состоят на учете в медицинских учреждениях. Большая часть из них не обращается за медицинской помощью боясь огласки, потери работы, кто-то не считает это проблемой и наивно полагает, что в любой момент может справиться самостоятельно, кто-то не верит в эффективность лечения. По неофициальным данным, сегодня в России насчитывается около 6 млн. человек, которые хотя бы раз употребляли наркотики. Многие наивно полагают, что однократное употребление «легкого» наркотика, не вызовет у них фатальных последствий для здоровья. Тем не менее, по мнению специалистов, даже среди тех, кто употребляет только «легкие» наркотики, продолжительность наркозависимости не превышает шести лет. Самые страшные показатели демонстрируют зависимые от героина и солей. В среднем они живут до года, за который эйфория достаточно быстро сменяется болезненным состоянием абстиненции. По данным официальной статистики, смертность наркозависимых в период 2017-2021 гг. составила порядка 70 тыс. человек, при этом, следует

отметить, что ежегодно около 90 тыс. человек официально в силу различных причин начинают употреблять психотропные препараты [1].

Говоря о проблемах наркотизации общества, невозможно обойти вниманием преступность, связанную с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ. По данным официальной статистики МВД России, всего за 2021 год было зарегистрировано 179732 таких преступления. Кроме того, 6620 человек – совершили преступления в состоянии наркотического опьянения [2].

Наркотизация общества напрямую связана с механизмом социально-психологического заражения и подражания. Как правило, будущая трагедия начинается с невинного любопытства, банальной провокации, направленной на вовлечение подростка в наркотическую сеть. Провокаторы обычно преследуют корыстный мотив, а те кто наивно попадают в их сети, чаще всего стремятся самоутвердиться в определенной социальной группе. Известно, что один наркоман-провокатор способен за достаточно короткий период времени вовлечь в употребление наркотиков в среднем 10-15 человек из числа подростков. Это объясняется тем, что несовершеннолетние чаще чем взрослые люди, сталкиваются со сложностями межличностного общения, проблемами самоидентификации. Что приводит к низкой социальной адаптированности, конфликтности и как следствие этого, деформации в системе взаимоотношений подростка и социальной среды. В этом случае, употребление наркотиков для подростка с одной стороны является решением возникших проблем, с другой – возможностью самоутвердиться, предстать перед сверстниками в качестве искусственного взрослой жизнью человека, что формирует ложное чувство превосходства в социальной группе. Среди них чаще всего встречаются ребята, перенесшие черепно-мозговые травмы, имеющие психопатический или неврастенический психотип. Для таких личностей наркоманская субкультура является весьма притягательной, жизнь наркомана представляется идиллической, наполненной заботой друг о друге, преданностью и дружбой, насыщенной постоянным риском, неограниченной свободой, новыми приключениями и впечатлениями. Что же происходит в действительности в среде наркоманов? К сожалению, кажущаяся на первый взгляд сплоченность вы-

ступает как средство достижения единственной цели – получения возможности приобретения очередной дозы «волшебного зелья». Для этого наркозависимые сделают все от них зависящее, чтобы «обратить в свою веру» как можно больше новичков. Обычно они действуют двумя самыми распространенными способами. Первый – опосредованный, заключающийся в косвенном воздействии на вовлекаемого (потенциальную жертву) посредством эмоциональных рассказов о «красочности» ощущений, о невозможности испытать неизведанное в обыденной «скучной» повседневной жизни, о «вечном празднике», который сопровождает наркозависимого. Данный способ весьма эффективен в среде несовершеннолетних, поскольку у них еще не сформировано в полной мере мировоззрение, отсутствует критическое мышление и нет жизненного опыта, но при этом присутствуют проблемы в межличностном общении. В итоге подросток легко поддается на увещания о том, что наркотики привнесут в жизнь много нового и интересного, раскрасивая будни в яркие краски, делая их более привлекательными. Другой способ вовлечения в наркосреду напрямую связан с провокацией, когда в среду наркозависимых приводят новичка, обычно это связано с личностными контактами участников группы. Такой новичок не может долго оставаться сторонним наблюдателем, поэтому через какое-то время ему напрямую предлагают попробовать наркотик. В такой ситуации, если лицо заинтересовано в том чтобы группа его не отвергла, то соглашается. Часто этот способ успешно работает в случае возникновения симпатий между участником группы и новичком.

Оба способа направлены на познание «нового мира», который по мнению подростков наполнен необыкновенными, неизвестными красками, позволяющий чувствовать себя более значимым в обыденной среде. Для эффективного использования обеих способов вовлечения в наркотическую зависимость, в качестве инструмента выступает так называемая нарркокультура, которая нивелирует и обесценивает любые культурные достижения, морально-нравственные ценности, семейные и духовные традиции. К сожалению, подросток постоянно испытывает потребность в преодолении любых ограничений и запретов, а значит именно нарркокультура предоставляет ему «идеальный» способ достижения целей, что в свою очередь создает механизм формирования психической зависимости.

Проблема формирования личности в современных условиях является одной из важнейших задач общества, поскольку это напрямую связано с будущим всего человечества. Необходимо понять на каком именно этапе взросления подросток пересекает черту, за которой пропасть. Попробуем подробно, насколько это возможно рассмотреть структуру личности наркозависимого, используя все имеющиеся на сегодня исследования, поскольку понимая с чего все начинается, можно наиболее эффективно превентивно действовать. Итак, в основе формирования личности лежит развитие ее индивидуальности, которая характеризуется такими свойствами, как направленность, самосознание, интеллект. Все это напрямую влияет на внутренний мир человека, его волевую саморегуляцию, которые отражаются в стереотипах поведения лица в определенных ситуациях. При этом, нельзя не отметить, что на модели поведения человека влияют не только субъективные факторы, но и объективные обстоятельства, существующие независимо от личности. Так как ранее отмечалось, что наибольшую опасность для подростка представляет механизм формирования психической зависимости от наркотиков, рассмотрим качества, присущие наркоману периода взросления, поскольку именно он является основополагающим в процессе формирования личности. Изучение криминологических особенностей наркозависимых лиц периода взросления позволяют разграничить качества подростка в пубертатный период, от личностных черт, сформированных под влиянием наркосреды, что в свою очередь поможет разработать наиболее эффективную систему мер, направленных на общую и индивидуальную профилактику наркомании среди несовершеннолетних и молодежи.

Основываясь на результатах проведенных ранее исследований, обозначим наиболее значимые характерологические особенности наркомана в период взросления:

- тип высшей нервной деятельности – слабый или смешанный;
- телосложение – преобладает астеническое;
- тип реагирования – гипотимный или эмотивный;

- характерологические особенности: пассивность, уступчивость, чувствительность к средовым воздействиям, нерешительность, трусливость, застенчивость, боязнь и уход от ответственности, тревожность, мнительность, зависимость настроения от мнения окружающих, впечатлительность, склонность к глубокой привязанности, пессимизм, склонность к фантазированию, поиск признания, лживость, капризность, скрытая повышенная страсть к самодемонстрации и склонность к драматизации имеющихся проблем, стремление потакать своим желаниям.

Отдельно следует остановиться на свойствах личности наркомана, имеющих свое отражение в стереотипах его поведения, а именно:

- мотивационная и эмоциональная неустойчивость, эмоциональная незрелость;
- поиск покровителя;
- ярко выраженная пассивно-страдательная позиция;
- отсутствие потребности в признании;
- выраженное стремление скрывать душевные и сексуальные переживания;
- выраженное стремление уйти в мир идеальных отношений, фантазий;
- стиль мышления, сочетающий в себе вербально-аналитические и художественные наклонности;
- в стрессе происходит блокировка и нерешительность;
- защитные механизмы: вытеснение или навязчивость, отказ от самореализации [3, с. 233-250].

В силу ослабленного самоконтроля у наркозависимых лиц наблюдается болезненная деформация влечений, выражающаяся посредством агрессии, сопровождающейся вспышками враждебности, переходящими в депрессию, мнительность – в ипохондричность, эмотивность – в импульсивное поведение. Это свидетельствует о состоянии полной дезадаптации и приводит к тому, что наркоман не верит в свои способности, не удовлетворен собой, от чего общение с представителями «чуждых» для него социальных групп переводит в конфликт. Из этого следует, что чем длиннее срок употребления наркотических веществ, тем сильнее разрушается индивидуальность человека и он переходит к типичным в наркосреде моделям поведения.

Рассмотренные нами криминологические особенности, характеризующие личность наркозависимого, в большей степени присущи возрасту 14-30 лет, у которых период употребления наркотиков превышает один год. Известно, что наркозависимость приводит к исчезновению специфических возрастных особенностей личности, они деградируют и сводятся к уровню среднего подросткового возраста. В результате чего наркоман характеризуется крайней противоречивостью и несбалансированностью реакций в различных обстоятельствах, формируя у каждого из них свой уникальный тип поведения, который основываясь на типичные личностные качества, образует его стиль жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Официальная статистика за 2021 год употребления наркотиков в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://narkonet.info/oficialnaja-statistika-za-2021-god-upotreblenie-narkotikov-v-rossii/> (дата обращения: 07.09.2022).
2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 28.08.2022).
3. Романовская И.В. Психолого-криминологическая характеристика лица, употребляющего наркотические вещества / Исследование проблем предупреждения наркомании и противодействия наркопреступности в Республике Крым: монография / Под общей редакцией С.А. Буткевича. – Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2014. – 328 с. – С. 233-250.

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

ШЕРСТЯНЫХ Александра Сергеевна

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России

МОШЕННИЧЕСТВО С КРИПТОВАЛЮТОЙ

Цифровая валюта (криптовалюта) становится все более конкурентоспособным элементом платежной системы во всем мире, вызывая достаточно большой интерес со стороны населения. Последнее одновременно определяет и привлекательность криптовалюты для мошенников. Поскольку на территории Российской Федерации запрещено использование цифровых финансовых активов (и криптовалют, в частности) для оплаты товаров и услуг, немаловажно иметь представление не только о способах мошенничества, о том, как работают схемы обмана, но и понимать, как можно их избежать. В статье рассмотрены основные способы и схемы мошенничества на рынке криптовалют.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, мошенничество, блокчейн, способы цифрового мошенничества.

STUPINA Svetlana Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

SHERSTYANYKH Aleksandra Sergeevna

Ph.D. in technical sciences, associate professor, associate professor of Information and legal disciplines and special technique sub-faculty of the Siberian law Institute of the MIA of Russia

CRYPTOCURRENCY FRAUD

Digital currency (cryptocurrency) is becoming an increasingly competitive element of the payment system around the world, causing quite a lot of interest from the population. The latter simultaneously determines the attractiveness of cryptocurrencies for scammers. Since the use of digital financial assets (and cryptocurrencies, in particular) to pay for goods and services is prohibited on the territory of the Russian Federation, it is important to have an idea not only about the methods of fraud, how fraud schemes work, but also to understand how they can be avoided. The article discusses the main methods and schemes of fraud in the cryptocurrency market.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, fraud, blockchain, methods of digital fraud.

В средствах массовой информации, социальных сетях, постах блогеров, можно встретить термины «криптовалюта» и «цифровая валюта», которые звучат для человека, не изучавшего этот вопрос, как синонимы. На самом деле криптовалюта является некой разновидностью цифровой валюты.

Понятие цифровой валюты дано в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Цифровая валюта существует в электронном формате, без конкретного физического носителя, но обладает всеми признаками фиатных денег. Т.е. ими можно оплачивать товары и услуги, переводить, получать, обменивать на другую валюту. Фактически банки рассматривают цифровые кошельки как банковские депозиты [1].

Криптовалюта – это вид цифровой валюты, в выпуске которого не участвует государство, т.е. криптовалюта не является фиатным платежным средством. У этой валюты нет материального выражения, это просто число, которое создается с помощью криптографических алгоритмов и существует в электронном виде. Криптовалюту может создать кто угодно – организация, компания и даже частное лицо. Термин «криптовалюта» появился после публикации в 2011 году в журнале Forbs статьи о системе Биткоин. Однако сам создатель Биткоина, Сатоши Накамото, использовал термин «электронная наличность».

Хотя криптовалюта и является видом цифровой валюты, между ними наблюдаются отличия. Цифровая валюта является централизованной, т.е. система цифровой валюты предполагает существование некоего центрального органа, который контролирует движение транзакций в системе. При этом он может управлять транзакцией (отменить, заморозить и т.д.) по просьбе одной из сторон, или правоохранительных органов (например, по подозрению в мошенничестве или отмывании денег) [1]. Криптовалюта же является полностью децентрализованной, т.е. в системе нет какого-либо регулятора или его аналога. В основе децентрализации лежит блокчейн (распределенная между компьютерами участников сети база данных, которая состоит из блоков). Каждый

блок содержит сведения о предыдущем блоке. Причем каждый новый блок рассылается всем участникам сети. Именно поэтому невозможно внести поддельные изменения в какую-либо запись базы данных [2].

Благодаря децентрализации большинство криптовалют являются абсолютно прозрачными (в отличие от цифровой валюты). Т.е. в сети в открытом виде любой участник может посмотреть транзакции, совершенные с любого кошелька (за исключением таких валют, как Monero, Dash, Zcash и пр., специально созданных, так, чтобы нельзя было отследить операции по конкретному кошельку) [3].

А связать конкретный кошелек с его хозяином можно, например, когда он оплатит покупку криптовалютой в интернет-магазине, поскольку при этом он обязан указать определенные персональные данные. Либо при регистрации кошелька на криптовалютной бирже, поскольку они придерживаются в своей деятельности соблюдения правила KYC (Know Your Client – знать своего клиента), которое обязывает финансовые структуры проводить идентификацию личности.

Все это делает криптовалюты привлекательными для преступников. Наиболее распространенными видами криптомошенничества или криптооскама (scam в переводе с английского – афера, соответственно криптооскам – мошенничество с криптовалютами) являются: поддельные сайты, скрытый майнинг, финансовые пирамиды.

Пожалуй, самым известным мошенничеством с криптовалютами, является их скрытый майнинг. Одна из первых программ, которая тайно добывала Dogecoin, была выявлена в 2014 году. В том же году стало известно о вирусе для майнинга биткоинов, поразившем суперкомпьютеры Национального научного фонда США [4]. В 2017 году такое вредоносное программное обеспечение стало весьма популярным у злоумышленников, и как следствие, о нем стало много публикаций в СМИ. Для распространения вредоносного ПО мошенники либо заражают компьютер жертвы (например, направляя фишинговое письмо, содержащее ссылку для скачивания), либо размещают его на сайте, после посещения которого начинается скрытый майнинг криптовалюты на компьютере пользователя. При этом вредоносное ПО не сохраняется на компьютере, а просто загружает-

ся в оперативную память, вследствие чего обнаружить весьма сложно.

Мошеннические сайты. Создается поддельный сайт, практически полностью идентичный настоящему, принадлежащий реальной компании. На сайте размещены предложения по продаже товаров за криптовалюту по достаточно низкой цене. Чтобы усыпить бдительность покупателей, низкая цена объясняется отсутствием платы за обслуживание счетов, ведь все сделки происходят в криптовалюте. При этом мошенники внимательно следят за новостями в мире криптоиндустрии и активно их используют в своих мошеннических аферах.

Еще одной разновидностью такого вида мошенничества является создание поддельных криптовалютных бирж и обменных пунктов. При посещении фейкового ресурса пользователь либо входит в личный кабинет (и у мошенников оказываются в руках ключи от криптокошелька), либо переводит криптовалюту на счет злоумышленника, в любом случае деньги оказываются у злоумышленников.

Известны случаи, когда мошенники выдавали себя за службу поддержки какого-либо криптовалютного сервиса (майнинга, биржи и пр.). Пользователю предлагается заполнить специальную форму-обращение, в которой нужно указать идентификационные данные, необходимые якобы, для решения возникшей проблемы.

Финансовые пирамиды. В связи с санкциями существенно изменились условия работы легальных финансовых институтов. На фоне этой сложной ситуации активизировалась деятельность криптомошенников. Люди, встревоженные этой ситуацией, стараются найти новые способы вложения средств. Поскольку криптовалюта в настоящее время является достаточно быстро набирающим популярность платежным средством с достаточно сложным (и из-за этого не всегда понятным обычному пользователю) механизмом действия, она стала весьма привлекательной для злоумышленников. Одним из проявлений их деятельности стало появление достаточно большого количества финансовых пирамид. По данным Банка России в первом полугодии 2022 года в России «...выявлено 2288 субъектов (компаний, проектов, индивидуальных предпринимателей и др.) с признаками нелегальной деятельности, в том числе с признаками финансовых пирамид» [5], 79 % из которых действовали в Интернете – так называемые хайп-проекты. Количество же финансовых пирамид, связанных с криптовалютами, в первом полугодии 2022 года составило 59 %.

Потенциальным инвесторам предлагается купить токены за криптовалюту (или поучаствовать в выпуске новой криптовалюты) по стартовой (читай – ничтожной) цене). При этом организаторы обещают, что новая криптовалюта будет стремительно расти в цене (до 50 % в день), что обеспечит быструю окупаемость вложений. Основным условием участия в проекте является привлечение новых участников, за что организаторы обещают всевозможные поощрения. Затем все зависти от жадности мошенников, проект может просуществовать 1-2 месяца, а может и несколько лет. Но итог один – в конце концов организаторы исчезают, оставляя жертв с «криптоантиками» на руках. Например, в августе прошлого года появился проект STEPN, пропагандирующий занятия бегом, а на деле являющийся криптопирамидой [6]. Пользователю нужно скачать приложение, в котором купить виртуальные кроссовки и начать тренировку в реальной жизни. Во время занятий ходьбой или бегом приложение генерирует новые токены (Green Satoshi Token) в зависимости от интенсивности (тренировка отслеживается с помощью мобильного интернета и акселерометра). Полученные токены можно обменять в приложении на стейблкоины (криптовалюта, имеющая фиксированную цену и привязанная к какой-либо фиатной валюте), которые можно конвертировать в определенную валюту. Похоже, что проект входит в финальную стадию, поскольку за два месяца цена токена упала на 97%.

В этом году наметилась тенденция перехода онлайн-мошенников в офлайн. Кибермошенники могут предложить посетить офис, в котором приглашают потенциальных жертв инвестировать в мнимые цифровые финансовые активы либо предоставлять «специальные» сервера для обхода внешних ограничений, наложенных санкциями. Поскольку методы социальной инженерии гораздо эффективнее при личном общении, чем онлайн, то специалисты считают такой способ обмана более опасным. Кроме того, ввод идентификационных данных на непроверенных площадках, связан с риском потерять уже имеющиеся финансовые средства.

Для привлечения к уголовной ответственности за такого рода преступные деяния в УК РФ Федеральным законом от 30

марта 2016 г. № 78-ФЗ введена статья 172.2 «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества». Однако на практике эта уголовно-правовая норма, к сожалению, фактически не работает. Такая ситуация требует пристального внимания со стороны высшего органа судебной власти РФ в части принятия соответствующих разъяснений [7, с. 94].

Еще одним видом мошенничества являются фейковые раздачи криптовалюты (Fake Crypto Giveaway) [8]. На YouTube размещаются фейковые стримы известных лиц, которые в сознании обывателей могут ассоциироваться с криптовалютой и/или инвестициями (Илон Маск, Виталик Бутерин, Кэтрин Вуд и др.). Под предлогом продвижения нового инвестиционного проекта злоумышленники предлагают перевести криптовалюту на определенный кошелек, обещая взамен вернуть в два раза больше. В процессе трансляции потенциальным инвесторам предлагается перейти на сайт, на котором представлена вся необходимая информация о проекте, а также почему нужно это сделать как можно быстрее. Чаще всего в таких фейковых раздачах упоминаются Bitcoin, Ethereum и Ripple, редко – Cardano, Dogecoin и Shiba Inu. При этом мошенники могут попросить ввести seed-фразу от своего кошелька (кодовая фраза из 12 или 24 слов, используемая для восстановления пароля к кошельку), обещая за это действие дополнительный бонус. В случае получения seed-фразы мошенники получили доступ к кошельку и, как не трудно догадаться, жертва лишилась всех средств.

В ходе анализа выявленных мошенничеств с фейковыми трансляциями, аналитики Group-IB выявили следующее: трансляция идет одновременно по 3-4 за раз и все имеют ссылку на один и тот же сайт. Сайты могут быть зарегистрированы на одно и то же имя. Названия сайтов ассоциируются с ключевыми словами трансляций или криптопроектов. Структура сайтов примерно одинакова: обязательно присутствует некая известная личность, от лица которой идет рекламная кампания, криптопроекта, прописаны условия раздачи, адрес криптокошелька, на который нужно отправить инвестиции для их кратного «увеличения», и для убедительности, отзывы «счастливых» участников проекта.

Таким образом, анализ вышеизложенных способов криптомошенничества является определенным ориентиром для выработки эффективных мер противодействия такой преступной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Максуров А. А. Криптовалюта как экономико-правовая категория // Современное право. – 2018. – № 9. – С. 68-71.
2. Как устроен рынок криптовалют в России и можно ли на нем заработать // Banki.ru. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10971071> (дата обращения: 20.09.2022).
3. Анонимность криптовалют – настоящая правда или обидное заблуждение? // FINANSY.name: портал о личных финансах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finansy.name/anonimnost-kriptovaljut> (дата обращения: 20.09.2022).
4. Скамы в криптоиндустрии: основные виды мошенничества с криптовалютой и как их избежать. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://profinvestment.com/scams-crypto/#1> (дата обращения: 21.09.22).
5. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // Сайт Банка России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/analytics/inside/2022_1/ (дата обращения: 22.09.2022).
6. Древние боты: новые финансовые пирамиды появились в кризис // Известия: новостной сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1366556/mariia-nemtceva/drevnie-boty-novye-finansovye-piramidy-poiavilis-v-krizis> (дата обращения: 22.09.2022).
7. Серeda И. М., Ступина С. А. Потенциал уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, связанным с криптовалютой // Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 4 (32). – С. 85-96.
8. Scamopedia: ловушка для криптоанов // блог компании GROUP-IB. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blog.group-ib.ru/crypto> (дата обращения: 23.09.2022).

АБДУСАЛАМОВ Руслан Пахрулаевич

магистрант 2 курса Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ТАИЛОВА Айша Габибовна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЗЕРКАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ В СИСТЕМЕ ОБНАРУЖЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА НА ТАМОЖНЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Каждая страна несет ответственность за проверку таможенных операций с целью выявления мошенничества и наказания нарушителей. Учитывая ограниченное количество доступных ресурсов, стало возможно проверить все таможенные операции и выявить все мошенничества с использованием искусственного интеллекта для обнаружения мошенничества в практике работы таможенных органов и выявления таможенных преступлений. Использование искусственного интеллекта в этих целях позволяет выявить преступные посягательства, связанные с контрабандой, наркотрафиком и другими преступными посягательствами. Выявлению и снижению таможенных преступлений способствует так же зеркальная статистика в системе обнаружения мошенничества на таможне в зарубежных странах.

Ключевые слова: таможенные преступления, искусственный интеллект, зеркальная статистика.

ABDUSALAMOV Ruslan Pakhrulayevich

magister of the 2nd course of the North Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND MIRROR STATISTICS IN THE SYSTEM OF FRAUD DETECTION AT CUSTOMS IN FOREIGN COUNTRIES

Each country is responsible for checking customs operations in order to detect fraud and punish violators. Given the limited amount of available resources, it became possible to check all customs operations and identify all fraud using artificial intelligence to detect fraud in the practice of customs authorities and identify customs crimes. The use of artificial intelligence for these purposes makes it possible to identify criminal encroachments related to smuggling, drug trafficking and other criminal encroachments. The identification and reduction of customs crimes is also facilitated by mirror statistics in the system for detecting fraud at customs in foreign countries.

Keywords: customs crimes, artificial intelligence, mirror statistics.

Международное отмывание денег и международные незаконные финансовые потоки (МНФП) являются серьезными проблемами как для бедных, так и для богатых стран. Обе эти проблемы связаны с мошенническим отношением к импорту и экспорту при пересечении ими международных границ. Это включает контрабанду, неправильную классификацию товаров для изменения их стоимости, а также прямой mis-invoicing, т.е. намеренное декларирование ошибочной стоимости товаров, чтобы сделать возможным тайный и незаконный перевод денег из одной страны в другую. По оценкам экспертов, 87 % МНФ в развивающихся странах за период 2005-2014 годов стали результатом неправильного выставления торговых счетов[1]. Выявление недооценки и неправильной классификации имеет решающее значение для борьбы с уклонением от уплаты налогов и МФР.

Как зеркальная статистика может помочь в выявлении мошеннической деятельности?

Обнаружить эту незаконную деятельность можно, сравнивая данные о торговых потоках между парами стран. В идеальном мире данные и стоимость всего зарегистрированного экспорта из Албании в Замбию должны совпадать с данными и стоимостью всего зарегистрированного импорта в Замбию из Албании. Это так называемая зеркальная статистика. В идеальном мире отражения должны совпадать идеально. В

реальности же они никогда не совпадают. Исследование того, как и почему они не совпадают, в принципе, является очень хорошим способом помочь таможенным службам выяснить, что происходит, и улучшить анализ рисков и выявление мошенничества.

Экономисты по торговле впервые использовали зеркальную статистику в 1960-х годах. Обычно предполагается, что показатели импорта будут более надежными. На их основе рассчитываются импортные пошлины и налоги, поэтому они обычно подвергаются более тщательному официальному анализу. Однако некоторые страны вообще не сообщают данные о международной торговле. Построить оценку структуры торговли этих стран можно, используя зеркальную статистику по другим странам (Anderson & Van Wincoop, 2003; Carrère, 2006). Существует также проблема, связанная с тем, что статистика импорта обычно представляется на основе CIF (т.е. с учетом страховки и стоимости фрахта), а статистика экспорта – FOB (т.е. Free On Board, без учета страховки и стоимости фрахта).[2] Экономисты по торговле уже давно используют зеркальный анализ для улучшения оценок стоимости международных перевозок.

Расхождения выходят за рамки чисто транспортных и логистических затрат. Статистические расхождения – неспособность зеркальных изображений идеально отражать друг

друга – сами по себе не указывают на нецелевое использование средств или другие формы мошенничества. Существуют обычные причины неполного совпадения. Экспорт из Албании, предназначенный для 2019 календарного или финансового года, может прибыть в Замбию только в 2020 финансовом году. Или партия меди, первоначально отправленная из Замбии в Албанию, может быть законно перепродана по пути и перенаправлена в Бельгию. Однако расхождения часто настолько велики, что мы можем быть уверены, что происходит что-то еще – и, скорее всего, незаконное.

Хуммельс и Луговский (2006) изучили статистику торговли для 17 790 пар стран. Они обнаружили, что почти в 50 % случаев расхождения явно выходили за разумные пределы: то есть, когда заявленные цифры означали, что расходы на международные перевозки были либо отрицательными, либо составляли более 100 % от стоимости товара при экспорте. Аналогичные результаты были получены в работе Raballand et al. (2012). Ayadi et al. (2014) показали, что стоимость тунисского импорта из Ливии и Алжира была занижена в среднем примерно в 3 раза, а информация, собранная ими на границах, подтвердила их выводы. Исследования также проводились Bensassi et al. (2017) в Мали и Chalendard et al. (2017) на Мадагаскаре.[3]

Практически из всех исследований следуют два вывода:

Чем выше уровень тарифов и сложнее структура тарифов, тем больше вероятность возникновения зеркальных расхождений.

В разных странах крупные статистические расхождения обычно ограничиваются менее чем 10 продуктами (из сотен/тысяч торгуемых товаров), но для одного и того же вида товаров (обычно из-за высоких налогов, о которых идет речь), таких как продукты питания (растительное масло, сахар, рис), одежда и обувь, промышленные товары (мотоциклы, телефоны), строительные материалы (цемент), топливо, товары с низкой ценой за единицу (например, удобрения, из-за риска неправильной классификации) или товары, освобожденные от пошлин/НДС.

Расхождения коррелируют с вопросами управления. Исследования, проведенные за последние два десятилетия, показали, что крупные расхождения в оценке, выявленные с помощью зеркального анализа, как правило, коррелируют с различными показателями неэффективного управления, включая уклонение от уплаты налогов и сговор. Используя модель гравитационного уравнения и всемирную панель очень подробных данных о торговле с 3,5 миллионами наблюдений, Каррере и Григориу (2014) обнаружили, что расхождения неизменно выше, когда тарифы – и, следовательно, стимулы для уклонения от них – выше; когда больше прямых иностранных инвестиций (и, следовательно, больше стимулов для незаконного перемещения прибыли); и когда больше сообщений о коррупции. Rijkers et al. (2017) демонстрируют на данных по Тунису, что размер расхождений больше, когда импортер близок к политической власти[4].

Поэтому в странах со слабым управлением, относительно высокими тарифами и сложной тарифной структурой высока вероятность обнаружения статистических расхождений по основным импортируемым товарам с помощью зеркального анализа.

Зеркальный анализ относительно прост. Он не требует значительных инвестиций или оборудования, а таможенники уже привыкли работать со статистическими программами или программами управления базами данных.

Зеркальный анализ использовался для реформирования таможенной службы, в том числе в рамках технической помощи таможенным администрациям, например, в Камеруне и Мадагаскаре. Хотя зеркальный анализ не подтверждает факт недостоверного выставления счетов и мошенничества, он дает основания для подозрений. Поэтому зеркальный анализ должен быть дополнен другими видами информации и подкреплен рутинной работой таможенных служб, занимающихся сбором данных, разведкой и расследованиями.

Важно также отметить, что зеркальный анализ не может проводиться в режиме реального времени, поскольку существуют большие задержки в предоставлении данных о торговле. Автоматический обмен информацией между национальными таможенными организациями при поддержке Всемирной таможенной организации позволил бы сократить эти задержки и сделать рутинный зеркальный анализ более эффективным средством борьбы с мошенничеством. Аналогичным образом, он будет более действенным в сочетании с другими таможенными реформами, такими как усиление учета и мониторинга деятельности отдельных таможенных инспекторов. Поэтому, хотя зеркальная статистика и анализ – очень полезный инструмент, он должен быть дополнен другими мерами для более эффективного таможенного и налогового администрирования.

В настоящее время все большее беспокойство вызывает контроль за таможенными операциями. В то время как глобализация стимулирует открытие рынка, растущие объемы импорта и экспорта используются для сокрытия нескольких видов незаконной деятельности, таких как уклонение от уплаты налогов, контрабанда, отмывание денег и таможенные операции.

Импорт и экспорт являются фундаментальными аспектами глобальной экономики. Товары, как правило, облагаются налогом пропорционально их стоимости, варьирующейся в зависимости от типа товара. Каждый товар классифицируется в соответствии с определенной системой классификации.

Для Меркосул эта система классификации называется NCM (Mercosul Common Nomenclature), которая аналогична «Гармонизированной системе описания и кодирования товаров», используемой Всемирной таможенной организацией (ВТамО) [5].

Эта система классификации имеет около десяти тысяч различных кодов, которые описывают категории продуктов (а не конкретные продукты). Часто присвоение кода категории товару является нетривиальной задачей из-за большого количества товаров. продукта из-за большого количества категорий и того факта, что описания некоторых категорий являются абстрактными. Более того, многие импортеры присваивают продуктам неправильную категорию, чтобы заплатить меньший налог. Однако неправильная классификация товаров является лишь одним из нескольких видов мошенничества, связанных с таможенными операциями.

Каждая страна несет ответственность за проверку таможенных операций с целью выявления мошенничества и наказания нарушителей. Учитывая ограниченное количество доступных ресурсов, стало невозможно проверить все таможенные операции и выявить все мошенничества.

Выявление мошенничества с помощью обычных аудиторских процедур – дорогостоящая и трудоемкая задача. Таможенников, обладающих необходимым опытом, немного, а операций, которые необходимо проверить, сотни (а иногда тысячи или даже миллионы). В связи с этим возникает

новая проблема: как построить вычислительные решения для автоматического или полуавтоматического выявления подозрительных операций. Для выявления мошеннических операций применяются методы интеллектуального анализа данных и статистические подходы этих мошеннических операций.

Обнаружение подозрительных действий является проблемой в нескольких областях, таких как мошенничество с кредитными картами, телекоммуникационное мошенничество, обнаружение финансовых преступлений и обнаружение компьютерных вторжений. Обнаружение мошенничества необходимо, поскольку механизмы предотвращения не работают, а хорошая система обнаружения должна быть самоадаптивной для выявления новых видов мошеннического поведения.

Существует несколько подходов к обнаружению мошенничества.

Мы выделяем использование нейронных сетей, байесовских сетей, экспертных систем, систем на основе правил и обнаружение статистических выбросов.

Эти подходы можно разделить на две группы: контролируемые и неконтролируемые. В подходах с наблюдением имеется обучающий набор операций, которые маркируются либо как мошеннические, либо как нормальные. Эти операции используются в качестве входных данных для некоторых систем, таких как нейросетевые системы, которым нужны маркированные входные данные для построения модели, которая будет использоваться для обнаружения мошенничества.

Системы на основе правил – это подходы без наблюдения, которые используют набор правил для классификации операций как мошеннических или нормальных, или для присвоения каждой операции значения, соответствующего шансу того, что операция является мошеннической. Правила, как правило, разрабатываются на основе советов экспертов. Преимущество таких систем заключается в том, что они не являются контролируемыми и учитывают знания экспертов при построении правил, оценивающих каждую операцию. Одним из недостатков таких систем является тот факт, что правила часто необходимо обновлять, чтобы справиться с новыми видами мошеннического поведения. В противном случае правила со временем устаревают.

Идентификация мошенничества с помощью обнаружения выбросов – это подход, не основанный на наблюдении, который выявляет подозрительные операции, сравнивая каждую операцию с предыдущими.

Одним из преимуществ этого подхода является возможность адаптации (и идентификации) новых моделей поведения, пока новые операции хранятся в системе. Другим преимуществом является четкое статистическое значение, которое присваивается каждой подозрительной операции.

Например, система может вычислить, что одна операция отклоняется от своего ожидаемого значения на четыре стандартных отклонения и что такое случается только один раз на тысячу операций. Эта операция является выбросом и заслуживает проверки (поскольку является подозрительной операцией).

Одним из важных условий систем обнаружения выбросов для выявления мошенничества является то, что большинство операций, хранящихся в системе, должны быть нормальными (не мошенническими). Кроме того, важно подчеркнуть, что быть выбросом не означает быть мошенником. Помимо этого предположения, также важно убедиться,

что импортеры, экспортеры и продукты правильно зарегистрированы и классифицированы.

Каждый день составляются сотни и даже тысячи импортных деклараций. Поскольку не существует глобальной базы данных иностранных компаний и продуктов, каждый импортер должен заново вводить название, описание и классификацию продуктов и название компании (экспортера), которая их продала. Этот процесс подвержен нескольким видам ошибок.

Мы выделяем:

1) неправильную классификацию продуктов (поскольку присвоение одной из десяти тысяч категорий каждому продукту является трудоемкой работой)

2) неправильную классификацию продуктов (поскольку присвоение одной из десяти тысяч категорий является трудоемкой работой)

3) регистрация компаний или продуктов с ошибками, такими как неправильное написание. Чтобы избежать этих двух проблем, общим подходом является разработка систем проверки орфографии и/или приблизительных поисковых систем, которые пытаются определить, что пользователь пытается набрать.

Таким образом, системы обнаружения мошенничества в таможенных операциях очень важны для минимизации ручного досмотра товаров и максимизации количества выявленных мошенничеств. Это сложные системы, которые должны решать несколько проблем, таких как, атрибуты с высокой кардинальностью, несбалансированные базы данных и проблемы неправильного написания.

Основными вкладками являются – способность помогать в выявлении выбросов (подозрительных операций), и система информации о товарах и иностранных экспортерах (включая базы данных и инструменты для выявления дублирования и предложения категории для каждого товара).

Пристатейный библиографический список

1. Basel AML Index 2017 Report, Basel Institute on Governance 16 August 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://index.baselgovernance.org/sites/index/documents/Basel_AML_Index_Report_2017.pdf
2. Архипов А.Ю., Шикун М.С. Позиционирование стран БРИКС в современной мировой экономике // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2017. - № 8 (87). - С. 7-10.
3. Кривещов П.О. Таможенные преступления как угроза экономической безопасности страны // Актуальные вопросы экономических наук: сб. материалов 57 Междунар. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. С.С. Чернова. - Новосибирск, 2017. - С. 139-146.
4. Джабраилов М.Х., Воробьева С.В. Уголовная ответственность за нарушения таможенного законодательства // Роль инновационных методов познания в развитии современной науки. Инновационные процессы в российском образовании: материалы Междунар. науч.-практ. конф. - Владивосток; Омск: Изд-во ЦППМ «Академия Бизнеса» (Саратов), 2019. С. 32-36.
5. Elliott L. Fighting Transnational Environmental Crime // Journal of International Affairs. - 2012. - Vol. 66. № 1. - P. 87-104.

ШЕРСТЯНЫХ Александра Сергеевна

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России

ТАРГЕТИРОВАННЫЙ ФИШИНГ – СОВРЕМЕННАЯ УГРОЗА КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время в мире выросло количество кибератак, причем резко увеличилось количество фишинговых мошенничеств. Фишинговые ссылки размещают в социальных сетях, мессенджерах, отправляют на почту. В статье рассматриваются два вида фишинговых атак: массовый и таргетированный (нацеленный на конкретного пользователя). Изложенный материал проиллюстрирован конкретными примерами.

Ключевые слова: социальная инженерия, фишинг, таргетированный фишинг, интернет мошенничество, информационная безопасность.

SHERSTYANYKH Aleksandra Sergeevna

Ph.D. in technical sciences, associate professor, associate professor of Information and legal disciplines and special technique sub-faculty of the Siberian law Institute of the MIA of Russia

Шерстяных А. С.

TARGETED PHISHING IS A MODERN THREAT TO CYBER SECURITY

Currently there are a number of cyber attacks increased in the world and with the number of phishing scams it have increased dramatically. Such phishing links are posted on some of the social networks and messengers. From this result it have been sent by mail. These two articles discusses the two different type of phishing attacks: the mass and the targeted (aimed at a specific user). The material presented is an illustration with many concrete examples.

Keywords: social engineering, phishing, targeted phishing, Internet fraud, information security.

С момента появления в Интернете сервисов, подразумевающих идентификацию пользователя, специалисты неустанно пытаются обеспечить сохранность его персональных данных. Системы компьютерной безопасности становятся сложнее год от года, однако они практически бессильны, когда злоумышленники пытаются воздействовать на человеческую психику с помощью методов социальной инженерии.

Одним из наиболее известных приемов социальной инженерии является фишинг. О его популярности у злоумышленников говорят цифры. По данным специалистов по кибербезопасности компании Group IB, количество выявленных фишинговых атак во втором квартале 2022 года, возросло на 71 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹.

Если обратиться к истории, то легенда о троянском коне является одной из самых известных атак с использованием фишинга. Она иллюстрирует все этапы этой технологии: заманчивое предложение, обман и терпеливое ожидание, когда жертва им воспользуется.

Понятие фишинга неразрывно связано с компьютерным мошенничеством. Хотя сам фишинг зародился еще задолго до появления компьютеров и сети Интернет. Все начиналось с телефонного мошенничества (фрикинга). Фрикерами в 60-х годах прошлого столетия называли тех, кому нравилось изучать телефонные линии – термин происходит от английских слов phone (телефон), free (бесплатно) и freak (одержимый,

чудак)². Однако со временем термин приобрел негативный контент, поскольку фриkerы все чаще находили уязвимости в телефонных сетях и звонили бесплатно. Одним из известных фриkerов того времени был Джон Дрейпер, который обнаружил, что свисток, который фирма, изготавливающая кукурузные хлопья, вкладывала в коробку со своей продукцией в качестве подарка, издавал звук, абсолютно идентичный сигналу проводной телефонной сети. Дрейпер набирал номер телефона и дул в свисток. Полученный сигнал система воспринимала как сообщение о том, что абонент положил трубку и, следовательно, линия считалась свободной, поэтому дальнейшие действия не регистрировались. В итоге он создал устройство Blue Box со свистком внутри, которое стало весьма популярным у населения после публикации журналом Esquire в 1971 году статьи «Секреты маленькой голубой коробки» с инструкциями по её применению³.

В связи с развитием технического прогресса, в телефонных линиях стало возможным отделить технические сигналы от голосовой линии, что фактически положило конец фрикингу в 80-х годах. В конце прошлого столетия стали доступны компьютерные сети и модемы, и фриkerы перешли к компьютерному мошенничеству.

Термин «фишинг» происходит от английского термина «phishing», который, в свою очередь, образовался из слов

1 Письмо несчастья: объем фишинга во втором квартале вырос на 71 % // Известия: новостной сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1048231/anastasiia-gavriliuk/pismo-neschastia-obem-fishinga-vo-vtorom-kvartale-vyros-na-71> (дата обращения: 10.09.2022).

2 Как доверие и невнимательность обогатили мошенников на сотни миллиардов долларов за 50 лет // vc.ru: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/promo/322969-kak-doverie-i-nevnimatelnost-obogatili-moshennikov-na-sotni-milliardov-dollarov-za-50-let> (дата обращения: 19.07.22).

3 Secrets of the Little Blue Box // Esquire. The magazine for men. October, 1971. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://historyofphishing.org/docs/rosenbaum1971.pdf> (дата обращения: 19.07.22).

«fishing» (рыбалка) и «phony» (обман, подделка), заменой буквы «f» на диграф «ph». Только, в данном случае «рыбой», за которой идет охота, является пользователь Интернета (а точнее, его идентификационные данные). А в качестве «наживки» выступают ссылки на поддельные ресурсы, которые должны ему показаться «заманчивыми».

Впервые термин «фишинг» появился в интернете в 1996 году. Одним из крупнейших интернет-провайдеров Америки того времени была компания America Online (AOL). И именно поэтому она оказалась привлекательной для мошенников. Они массово рассылали пользователям сообщения от имени этой компании с просьбой переслать «сотруднику компании» платежные реквизиты для их проверки, либо проверить свои учетные данные самостоятельно. В конечном счете, проблема приобрела такой размах, что сотрудники компании AOL стали добавлять к письму сообщения, о том, что настоящие сотрудники компании никогда не запрашивают такую информацию.

В настоящее время под фишингом понимается вид интернет-мошенничества, целью которого является получение идентификационных данных пользователя (сюда относятся кражи паролей, номеров кредитных карт, банковских счетов и другой конфиденциальной информации)⁴.

Чаще всего это поддельный интернет-ресурс, страница авторизации которого внешне практически ничем не отличается от настоящего. Для того, чтобы жертва оказалась на этом ресурсе используются следующие уловки:

– в первую очередь это, конечно же, почтовая рассылка писем, содержащих ссылку на фишинговый ресурс или вредоносное программное обеспечение (например, письма с сообщением, что Ваш аккаунт в социальной сети, магазине или банке взломан, и необходимо перейти по ссылке и авторизовавшись, сменить пароль);

– рассылка рекламных или личных сообщений в социальных сетях;

– индексирование мошеннического сайта в поисковых системах с целью выдачи на запрос пользователя в верхних позициях.

Фишинг можно разделить на две основных категории: обычный и целевой. Первый – массовый, отличается широким охватом и обычно имеет вид спам-кампаний. Такой вид фишинга часто называют безадресным. С ним сталкивался каждый владелец почтового ящика (достаточно заглянуть в папку со спамом, куда почтовый сервис помещает подозрительные письма). В последнее время, благодаря просветительской компании о кибербезопасности, частота открытия фишинговых писем снизилась до рекордного уровня – всего 3,4 %. Цифра вроде бы не большая, и именно поэтому мошенникам необходимо разослать свои письма как можно большому количеству лиц. То есть из ста вредоносных сообщений, разосланных на случайные почтовые адреса, три или четыре окажутся успешными и принесут мошенникам доход. Если же таких писем будет, например, миллион, то жертвами злоумышленников могут стать 34 тысячи человек.

Еще одним видом фишинга является распространение ссылок на фейковые приложения, визуально очень похожие на оригинальные. При этом мошенникам удается размещать фейковые программы в официальных магазинах приложений. Например, после того как в следствие санкций

приложение «Сбербанк-онлайн» было удалено из магазина приложений App Store, злоумышленники там разместили несколько своих, похожих по названию, но не по назначению («Сбербанк онлайн сайт», Sberbank Mobile banking, Sberbank on-line banking, Sberbank Conference)⁵. На деле эти приложения, всего лишь имитировали страницу авторизации Сбербанка, что позволило злоумышленникам получать персональные учетные данные клиентов Сбера.

Однако, благодаря просветительской кампании, проводимой в настоящее время среди населения в сфере кибербезопасности, все меньше людей стали обращать внимание на подобные рассылки. Поэтому в последнее время увеличилось количество так называемых целевых фишинговых атак, направленных на конкретного пользователя. В таком случае потенциальные жертвы получают тщательно разработанные персональные сообщения. Целью таких атак является кража учетных данных, предоставляющих доступ к аккаунтам пользователя. Именно благодаря тщательной проработке, направленный (или таргетированный) фишинг является наиболее эффективным.

В этом случае создается персональная (или таргетированная) ссылка, учитывающая индивидуальные данные конкретного человека (тип браузера, страна, геолокация, язык, провайдер т.п.). Причем большинство данных мошенники получают автоматически из файлов cookie⁶. Содержание фейковой страницы, предъявляемой конкретному пользователю сайта может меняться от пользователя к пользователю. Она может идентична любому, выбранному случайным образом бренду, или копировать главную страницу того бренда, которым потенциальная жертва пользуется постоянно.

Ссылка генерируется таким образом, чтобы она открывалась только на устройстве, имеющем конкретный IP-адрес⁷. Поэтому, даже если пользователь усомнится в подлинности ссылки, служба безопасности не сможет ее проверить, что снижает вероятность обнаружения мошеннических действий.

Создание таких таргетированных ссылок позволяет мошенникам увеличить время работы фейкового ресурса, а службе безопасности затрудняет процесс реагирования.

Как правило, на таких сайтах пользователю предлагается поучаствовать в опросах, получить приз или выигрыш, купить товар с большой скидкой и т.п. Но, чтобы получить желаемое, потенциальной жертве в конце концов нужно будет заполнить форму с персональными данными. Как правило это: ФИО, почтовый адрес или адрес электронной почты, номер телефона, некоторые не стесняются попросить номер банковской карты и CVV-код. Могут также попросить перевести небольшую сумму (например, в качестве налога, которым якобы облагается выигрыш).

5 Фейковое приложение Сбербанка взлетело в топ-10 App Store // RBC.ru: новостной сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/05/2022/627e5dd39a79470ff55eb01 (дата обращения: 13.09.2022).

6 Cookie – это небольшие текстовые файлы. В них браузер записывает данные с сайтов, которые вы просматриваете. Файлы cookie позволяют сайтам «запоминать» своих посетителей, например, чтобы каждый раз не переспрашивать их логин и пароль // Яндекс-справка: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.ru/support/common/browsers-settings/browsers-cookies.html?utm_source=facts (дата обращения: 13.09.2022).

7 IP-адрес – это уникальный адрес, идентифицирующий устройство в интернете или локальной сети // Что такое IP-адрес – определение и описание. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-an-ip-address> (дата обращения: 13.09.2022).

4 Что такое «фишинг» // Encyclopedia by Kaspersky: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/knowledge/what-is-phishing> (дата обращения: 21.07.22).

В зависимости от того, какие персональные данные смогли получить мошенники, распорядиться ими они могут по-разному:

- продать их на черном рынке;
- регистрироваться на разных сайтах;
- оформлять платные подписки;
- совершать покупки в интернет-магазинах.

Например, в марте 2022 года на электронную почту пользователей, на чьих компьютерах установлен VPN, приходили фишинговые письма от имени Минцифры и Роскомнадзора с предупреждением о незаконности посещения запрещенных в России веб-сайтов, а также использования VPN-сервисов для обхода их блокировок. Адресату предлагается просмотреть перечень запрещенных ресурсов, приложенный во вложении в виде файла в формате RTF. Как выяснили специалисты компании Malwarebytes, работающей в сфере кибербезопасности, при открытии вложения скачивается HTML-файл, который запускает скрипт, позволяющий злоумышленникам получить удаленный доступ к данным устройства⁸.

К сожалению, универсальных методов, призванных помочь потенциальной жертве однозначно определить, ведет ли присланная ссылка на реальный или фишинговый ресурс, нет. Можно только рекомендовать внимательно рассмотреть открывшуюся страницу. С информацией, которая размещается на официальных сайтах организаций, как правило работают редакторы (корректоры), поэтому опечаток практически не бывает. Злоумышленники редко обладают таким высоким уровнем грамотности. Признаком поддельного сайта может неверное наименование юридического лица или отсутствие на сайте способов обратной связи.

В июне 2022 года Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России сообщило о запуске информационной системы мониторинга фишинговых сайтов «Антифишинг». Система предназначена для автоматизации сбора, обработки, анализа и хранения информации о фишинговых ресурсах на территории Российской Федерации⁹.

Система выявляет ресурсы, маскирующиеся под сайты госорганов, банки, онлайн-магазины и пр., на основе анализа регистрируемых, перерегистрированных, а также перенесенных доменных имен. Также на сайте бдительные граждане могут оставить сообщение об обнаруженном фишинговом сайте. В сервисе реализована возможность блокировки ресурсов, признанных фишинговыми, на территории Российской Федерации, благодаря электронному взаимодействию заинтересованных госструктур.

За время опытной эксплуатации в течение двух месяцев новой информационной системы было заблокировано около 9 000 мошеннических сайтов.

Пристатейный библиографический список

1. Письмо несчастья: объем фишинга во втором квартале вырос на 71 % // Известия: новостной сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1048231/anastasiia-gavriliuk/pismo-neschastia-obem-fishinga-vo-vtorom-kvartale-vyros-na-71> (дата обращения: 10.09.2022).
2. Как доверие и невнимательность обогатили мошенников на сотни миллиардов долларов за 50 лет // vc.ru: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/promo/322969-kak-doverie-i-nevnimatelnost-obogatili-moshennikov-na-sotni-milliardov-dollarov-za-50-let> (дата обращения: 19.07.22).
3. Secrets of the Little Blue Box // Esquire. The magazine for mer. October, 1971. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://historyofphonerebreaking.org/docs/rosenbaum1971.pdf> (дата обращения: 19.07.22).
4. Что такое «фишинг» // Encyclopedia by Kaspersky: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/knowledge/what-is-phishing> (дата обращения: 21.07.22).
5. Фейковое приложение Сбербанка взлетело в топ-10 App Store // RBC.ru: новостной сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/05/2022/627e5dd39a79470ff55ebb01 (дата обращения: 13.09.2022).
6. Мошенники рассылают фишинговые письма от имени Минцифры и Роскомнадзора // Securlab.ru: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.securitylab.ru/news/530895.php> (дата обращения: 13.09.2022).
7. ИС Антифишинг: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://paf.occsirt.ru/> (дата обращения: 03.09.2022).

⁸ Мошенники рассылают фишинговые письма от имени Минцифры и Роскомнадзора // Securlab.ru: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.securitylab.ru/news/530895.php> (дата обращения: 13.09.2022).

⁹ ИС Антифишинг: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://paf.occsirt.ru/> (дата обращения: 03.09.2022).

АХТЯМОВА Кристина Михайловна

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ежедневно, выполняя свои служебные обязанности в экстремальных условиях, сопряжённых с риском для жизни и здоровья, сотрудники зачастую сами остаются недостаточно защищёнными. Исполняя долг перед своей страной, сотрудник должен быть уверен в том, что его правомерные действия получают поддержку со стороны государства. Только после этого он может добросовестно исполнять свои обязанности по расследованию и раскрытию преступлений. Через призму правовых основ автором анализируются социальные гарантии. Особое внимание уделяется совершенствованию российского законодательства в сфере денежного довольствия и медицинского обеспечения. Автором вносятся предложения по урегулированию пробелов и упущений в сфере социальных гарантий сотрудника.

Ключевые слова: сотрудник, гарантии, меры социальной защиты, денежное довольствие, медицинское обеспечение.

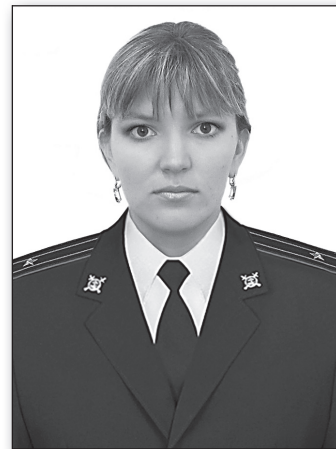
AKHTYAMOVA Kristina Mikhaylovna

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

IMPROVING THE LEGAL FOUNDATIONS OF SOCIAL GUARANTEES FOR EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Every day, performing their official duties in extreme conditions, fraught with risk to life and health, employees often themselves remain insufficiently protected. Fulfilling his duty to his country, an employee must be sure that his lawful actions will receive support from the state. Only after that, he can faithfully fulfill his duties to investigate and solve crimes. Through the prism of legal foundations, the author analyzes social guarantees. Special attention is paid to the improvement of Russian legislation in the field of monetary allowances and medical support. The author makes proposals to resolve gaps and omissions in the field of employee social guarantees.

Keywords: employee, guarantees, social protection measures, monetary allowance, medical support.

Ахтямова К. М.

Обеспечение социальными гарантиями сотрудников органов внутренних дел (далее – сотрудников) со стороны государства является одной из сильнейших мотиваций для эффективного выполнения ими своих обязанностей. Стимулирование служебной деятельности сотрудников, в этой связи, должно быть одной из главных задач государства ввиду стратегической важности правоохранительных органов для безопасности всей страны и каждого ее гражданина в отдельности.

Исполняя долг перед Отечеством, сотрудник только тогда будет относиться к выполняемым обязанностям в полном объеме, если будет уверен, что он, члены его семьи и близкие родственники, будут защищены от противоправных посягательств, связанных с его профессиональной деятельностью. Сотрудник, понимая, что от качества выполненной работы будет зависеть уровень его материального обеспечения и продвижения по службе, обязан юридически правильно выполнять свои обязанности. В своих научных трудах С. П. Матвеев излагает, что современная модернизация государственной правоохранительной службы невозможна без усиления гарантий социальной защиты сотрудников ОВД [2, 6].

Так, в 2011 году «переход» из милиции в полицию (при реформировании системы правоохранительных органов) способствовал изменению правовых норм, регулирующих сферу социальных гарантий сотрудника, что улучшает его правовое положение в настоящее время.

Правоотношения, связанные со службой в ОВД, нашли отражение в Конституции Российской Федерации, а именно, в статье 7 законодатель предусмотрел гарантии, в главе 2 данной правовой нормы аккумулируются следующие виды прав на: жилище (ч. 1 ст. 40), государственную пенсию (ч. 2 ст. 39), социальные пособия (ч. 2 ст. 39), социальное страхование (ч. 3 ст. 39), социальное обеспечение (ч. 1 ст. 39), медицинскую

помощь (ч. 1 ст. 41), возмещение ущерба, причиненного здоровью (ст. 42), образование (ст. 43), государственную защиту прав и свобод личности (ст. 45), возмещение вреда, реабилитацию (ст. 53).

Перечисленные права нашли своё отражение в:

1) Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Спектр гарантий его правовой защиты аккумулируется в статье 30. Кроме того, о гарантиях социальной защиты говорится в статьях 42, 23, 44, 45 и 46 главы 8 вышеуказанного федерального закона, а именно: об оплате труда, о страховых гарантиях и выплатах, о праве сотрудника на жилищное и другие виды обеспечения.

2) Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о службе в ОВД), в главе 9 которого, предусмотрены гарантии социальной защиты сотрудника.

3) Федеральном законе от 19 июля 2011 № 247 «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором закреплены правила, порядок обеспечения денежным довольствием, пенсионным, жилым, медицинским обеспечением сотрудников, граждан, уволенных со службы в ОВД, членов их семей и лиц, находящихся или находившихся на их иждивении.

Указанные нормативные правовые акты составляют базовую часть законодательных актов в области социальной поддержки служащих ОВД.

Кроме того, сферу социальных гарантий сотрудников в данной области регулируют различные подзаконные акты, принимаемые в зависимости от области обеспечения защиты.

Путем анализа перечисленного законодательства следует выделить основные гарантии для сотрудника, систематизация правовых основ которых, осуществляется в нижепредставленных сферах:

- выплачиваемое денежное довольствие сотруднику (заработная плата);

- обслуживание в медицинских учреждениях, лечебно-профилактических и санаторно-курортных организациях (ведомственные больницы, поликлиники, медсанчасти, госпитали, в которых могут обслуживаться не только сотрудники и пенсионеры ОВД, но и члены их семьи), страхование жизни и здоровья;

- пенсионное обеспечение;

- обеспечение жильем.

Несмотря на то, что в настоящее время урегулирована сфера социальных гарантий сотрудника, однако, имеются пробелы и упущения в некоторых сферах.

Остановимся подробнее на проблемных вопросах в сфере обеспечения денежным довольствием.

Хорошим индикатором отношения государства к сотрудникам будет являться заработная плата, которая повысит престиж профессии и поможет исключить коррупцию. Размер денежного довольствия за достойное вознаграждение своих трудов беспокоит каждого служащего. На плечи сотрудника ложится нелегкая работа с разным контингентом людей, в связи с чем, считаем, что все служащие – сотрудники ОВД, военные, судьи, прокуроры и так далее – должны получать денежное довольствие в равных частях, без большого отрыва друг от друга. Как отмечает А. В. Куракин, «... в зарубежных государствах жалование полицейским устанавливается чаще всего в таких размерах, чтобы их служба считалась престижной и позволяла тем полицейским, которые происходят из средних слоев общества чувствовать себя достойно. Таким образом, денежное содержание, устанавливаемое для полицейских, позволяет государству повысить их социальный статус, реализовать себя в полной мере, чувствовать себя полноценными членами общества» [1]. Учитывая ежегодный рост инфляции и цен на продукты и вещи материального мира, заработной платы полицейских в России хватает вести скромный образ жизни.

Кроме того, следует расширить перечень надбавок к должностному окладу сотрудника, которые могли бы выплачиваться ежемесячно за увеличение круга обязанностей и расширения должностных полномочий. Согласимся с мнением Л. В. Чернышовой, которая считает, что фиксированный размер оклада денежного содержания не стимулирует работника на более качественное и результативное выполнение возложенных задач [3].

Также, считаем, что необходимо продлить срок выплаты денежного довольствия лицам в период декретного отпуска по достижению ребенком трехлетнего возраста.

Сферу, касающуюся страхования здоровья, составляют:

- Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее – ФЗ от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ) [6], в котором законодатель предусмотрел систему мер государственной защиты жизни, здоровья и имущества сотрудников (их близких родственников, родственников или близких лиц) в случае оказания воздействия или из мести со стороны преступников;

- Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства», в который законодатель включил меры поддержки для перечисленных лиц, в том числе и сотрудников (их близких родственников, родственников или близких лиц), выступающих в статусе потерпевших или свидетелей.

Так, в зависимости от процессуального статуса, в котором находится сотрудник, к нему будут применяться реализуемые меры социальной поддержки или меры социальной защиты согласно одному из вышеуказанных законов.

Кроме того, в части 2 статьи 68 Закона о службе в ОВД перечисленные нормы находят своё отражение: «При наличии угрозы посягательства на жизнь, здоровье или имущество сотрудника, членов его семьи в целях воспрепятствования законной деятельности сотрудника либо принуждения его к изменению ее характера, а также из мести за указанную деятельность обе-

спечивается государственная защита в соответствии с законодательством Российской Федерации». Однако, и в данной области также имеются пробелы. Законодатель не отнес сотрудника в отставку в перечень лиц, подлежащих государственной защите. Так, например, сотруднику в отставке поступают угрозы в связи с раскрытием тяжкого преступления в своей бывшей профессиональной деятельности от бывшего осужденного. По какому закону он будет выступать защищаемым лицом? Предлагаем выделить сотрудников ОВД в отставке в отдельную категорию и включить его в перечень защищаемых лиц в ФЗ от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ. Считаем, что меры безопасности, избираемые в отношении сотрудников ОВД в отставке должны быть такими же, как у действующих сотрудников.

Все сотрудники согласно ФЗ «О полиции» и ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» подлежат обязательному государственному страхованию жизни и здоровья, то есть вред, причиненный жизни и здоровью, возмещается государством вне зависимости от того находился ли сотрудник при исполнении обязанностей или нет, что необходимо отдать должное законодателю. В ст. 969 Гражданского кодекса РФ указано, что понимается под обязательным государственным страхованием, и что оно может включать в себя категории: «жизнь», «здоровье», «имущество», что отсутствует в вышеуказанных федеральных законах. В данном случае наступает неясность правовых норм, что влечет наличие правовых пробелов.

Также, предлагаем законодателю расширить перечень социальных гарантий в сфере страхования сотрудника в случае гибели (смерти) застрахованного лица, имеющего ипотечное или кредитное обязательство, погасить одно обязательство перед одним банком на выбор субъекта страхования, указанного в ч. 3 ст. 2 данного акта. Законодатель предусмотрел в случае гибели (смерти) застрахованного лица получения выплаты в виде компенсации, однако, не всегда сумма компенсации соизмерима с долговым обязательством застрахованного лица перед банком.

Кроме того, считаем целесообразным закрепить в законе положение следующего содержания: «сотрудники при оформлении долгового обязательства (кредитного, ипотечного) в банке вправе использовать договор обязательного государственного страхования».

Таким образом, совершенствование законодательства в области правового регулирования с целью расширения социальных гарантий будет стимулировать служебную деятельность сотрудников, минимизировать коррупционные правонарушения в сфере внутренних дел и повышать престиж интересной и нелегкой профессии.

Пристатейный библиографический список

1. Куракин А.В. Социальная политика и российская полиция // Полицейская и следственная деятельность. 2013. № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=8914 (дата обращения: 06.06.2022). – Текст: электронный.
2. Матвеев С.П. Социальная защита государственных служащих: теоретические основы построения системы, практика осуществления и проблемы административно-правового регулирования: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Воронеж, 2012. – С. 18.
3. Чернышова Л.В. Совершенствование правовых основ денежного довольствия в органах внутренних дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-pravovyh-osnov-denezhnogo-dovolstvija-v-organah-vnutrennih-del/viewer> (дата обращения: 20.03.2022). – Текст: электронный.

БАБИН Александр Владимирович

доцент кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

ИВАНЧЕНКО Евгений Сергеевич

доцент кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России

ОВЕЧКИН Денис Геннадиевич

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической подготовки Волгоградской академии МВД России

ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАК КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ОБЩЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ И КУРСАНТОВ

Авторами данной статьи на основе проведенного исследования был определен уровень физической активности действующих сотрудников полиции и курсантов образовательных организаций МВД России в различных сферах их жизнедеятельности. Количественные показатели, которые являются основополагающими элементами данного исследования, могут быть использованы для оценивания физической подготовки лиц, готовящихся к будущей профессиональной деятельности полицейского.

Материал и методы: в исследовании приняли участие 53 действующих сотрудника полиции и 67 курсантов третьего курса факультета подготовки сотрудников полиции Уфимского юридического института МВД России.

За основу эмпирического метода, был взят опросник двигательной активности «ОДА-23+». На основе полученных результатов, автором был сделан вывод о том, что высокий уровень физической активности в рамках рабочей сферы демонстрируют сотрудники полиции, которые продолжают своё физическое развитие после обучения в образовательных организациях МВД России на протяжении всего срока службы.

Выводы: полученные данные играют важную роль для оценивания физической подготовки сотрудников полиции в рамках осуществления правоохранительной деятельности, а именно, в обеспечении общественной безопасности. Так же отмечается важность физической активности на протяжении всего срока прохождения службы данной профессии.

Ключевые слова: физическая активность, «ОДА-23+», сотрудники полиции, курсанты, правоохранительная деятельность.

BABIN Aleksandr Vladimirovich

associate professor of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

IVANCHENKO Evgeniy Sergeevich

associate professor of Physical training sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia

OVECHKIN Denis Gennadjevich

Ph.D. in of pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Physical training sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

PHYSICAL ACTIVITY AS A QUANTITATIVE INDICATOR OF THE GENERAL PHYSICAL FITNESS OF POLICE OFFICERS AND CADETS

The author of this article, on the basis of his research, determined the level of physical activity of active police officers and cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in various areas of their life. Quantitative indicators, which are the fundamental elements of this study, can be used to assess the physical fitness of individuals preparing for their future professional activities as a police officer. Material and Methods: The study involved 53 active police officers and 67 third-year cadets of the police training faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The basis of the empirical method was the ODA-23+ motor activity questionnaire. Based on the results obtained, the author concluded that a high level of physical activity within the working sphere is demonstrated by police officers who continue their physical development after training in educational organizations. Ministry of Internal Affairs of Russia throughout the entire service life. Conclusions: the data obtained play an important role in assessing the physical fitness of police officers in the framework of law enforcement, namely, in ensuring public safety. The importance of physical activity throughout the entire period of service in this profession is also noted.

Keywords: physical activity, ODA-23+, police officers, cadets, law enforcement.

Физическая активность — это любое движение организма, рассматриваемое как форма физического труда или досуговой деятельности, тем самым происходит расход энергии, которая может быть восполнена с помощью потребления питательных веществ. Многие исследования пришли к выводу, что низкий уровень физической активности, является одним из основных факторов появления различных заболеваний [1].

Физическая активность, содержание которой составляет менее 10% от общих суточных энергозатрат, считается недостаточной для поддержания здоровья в целом. Кроме того, в соответствии с рекомендациями Всемирной организации здравоохранения, для поддержания здоровья, необходимо уделять физической активности не менее 25 минут в день. Специфика работы правоохранительной деятельности определяет, что сотрудники полиции должны быть не только здоровыми и психологически устойчивыми, но и физически подготовленными.

Сотрудники полиции, подвергаются значительным психофизическим нагрузкам, поэтому физическая подготовка, играет важную роль на протяжении всего срока прохождения службы. Высокий уровень физической активности необходим

не только для поддержания хорошего здоровья, но и для того, чтобы сотрудники полиции могли эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность. В частности, сотрудник полиции чаще подвержен таким заболеваниям как: рак толстой кишки, диабет, сердечно-сосудистые заболевания и артрит. В ходе проведения сравнительного наблюдения за местным населением и сотрудниками полиции одного административного участка, было обнаружено что у последних, наиболее высокий уровень распространенности вышеуказанных заболеваний [2]. Умственное переутомление, неполноценный сон, неправильное питание — это элементы повседневной рабочей сферы сотрудников правоохранительных органов, способствующие появлению хронических заболеваний. Однако, исследования показывают, что такие негативные факторы влияния на здоровье организма, могут быть нейтрализованы с помощью увеличения физической активности, посредством включения тренировок на выносливость и силу [3], тем самым, подтверждая предыдущие выводы о том, что высокий уровень физической активности эффективен как для снижения количества заболеваний, так и уровня смертности населения. Поэтому, главным

критерием при наборе потенциальных кандидатов в полицию, является сдача нормативов по физической подготовке, результаты которых, позволяют наилучшим образом определить уровень физической готовности абитуриентов.

Цель исследования

Цель данного исследования – определить уровень физической активности действующих сотрудников полиции и курсантов, путем установления общего количества физической активности, а именно её интенсивности применения в различных сферах жизнедеятельности, в которых она наиболее часто проявляется, например: во время работы, учебы, а также спорта и отдыха.

Количественные показатели физической подготовки, рассматривались как потенциальные показатели того, насколько качественно сотрудники полиции физически подготовлены к будущей служебной деятельности. Анализ двух экспериментальных групп, то есть действующих сотрудников полиции и курсантов образовательных организаций МВД России, проводился для того, чтобы проследить тенденцию влияния службы в органах внутренних дел на уровень физической активности сотрудников в течение служебного времени.

Методика и организация исследования

Исследование проводилось на базе Уфимского юридического института МВД России, для которого были отобраны 53 сотрудника оперативно-розыскной службы проходивших повышение квалификации, и 67 курсантов третьего курса факультета подготовки сотрудников полиции.

Уровень физической активности участников оценивался с помощью опросника двигательной активности - «ОДА-23+» (Аронов Д. М., Красницкий В. Б., Бубнова М. Г., 2013).

Опросник содержит 23 вопроса, которые позволяют оценить уровень физической активности в динамике, тем самым определяя участника к одной из 5 ступеней физической активности: очень низкой, низкой, умеренной(средней), высокой и очень высокой.

В анкете респондентам предлагается сообщить о своей физической активности, затем подсчитываются баллы и определяется уровень физической активности.

Результаты исследования и их обсуждения

Средний уровень физической активности как у сотрудников полиции, так и у курсантов образовательных организаций МВД России был значительно выше того уровня, который принято считать показателем высокой физической активности.

Курсанты отметили, что обладают более высоким уровнем физической активности, чем действующие сотрудники полиции. Физическая активность, выполняемая во время работы, которая рассматривалась в качестве служебной обязанности для курсантов, была отнесена к уровню «высокой физической активности».

Сравнивая курсантов и сотрудников полиции, выяснилось, что последние в свою очередь наиболее чаще испытывают психоэмоциональные нагрузки в работе, а также более активны дома по ведению домашнего хозяйства (закупка товара в магазинах, приготовление пищи, уборка в доме, стирка, уход за животными и другое).

Однако, стоит отметить, что курсанты больше подвержены физической активности в свободное от учебы время, тем самым имея больше свободного времени для спортивной тренировки.

Проанализировав ответы респондентов, было установлено, что самыми лидирующими мотивационными факторами для участия курсантов в определении уровня физической активности являлись: улучшение здоровья, внешнего вида, самоуважение. Среди группы сотрудников полиции фактор «улучшения здоровья» был одним из самых мотивирующих, побуждающий их к участию в определении физической активности. Кроме того, сотрудники полиции отметили улучшение внешнего вида, как один из мотивационных факторов, который в отличие от группы курсантов был менее важен. Аналогичная взаимосвязь между двумя группами наблюдалась для установления мотивации связанной с повышением самооценки. Несмотря на высокий средний балл сотрудников полиции, которые оценили это как важный аспект, он также был значительно ниже, по сравнению с курсантами.

Как показал анализ научной литературы, регулярная физическая активность снижает уровень заболеваний и смертности. Исследования показали, что на сегодняшний день, рабочая сфера жизнедеятельности не всегда предоставляет возмож-

ность к занятиям самостоятельной физической активностью. Таким образом, это провоцирует развитие сидячего образа жизни, в следствие чего у работников появляются первые признаки ожирения, которые могут перейти в хроническую стадию заболевания. Негативные последствия сидячей рабочей среды очевидно сказываются и на тех, кто осуществляет правоохранительную деятельность в органах внутренних дел. Тем не менее, результаты показали, что уровень физической активности участвующих групп, намного выше принятых норм. Сравнивая количественные показатели физической подготовки двух групп, было отмечено, что курсанты имеют высокую физическую активность, благодаря характеру тренировок, проводимых на базе образовательной организации. Поэтому, сотрудники оперативно-розыскной службы, должны уделять больше времени самостоятельному физическому развитию и совершенствованию физической подготовки в целом, повышая тем самым физическую активность в профессиональной служебной деятельности.

Физической подготовке в образовательных организациях МВД России уделяется особое внимание, а также проводится работа по вовлечению курсантов в спортивную деятельность, в отличие от спортивной сферы сотрудников полиции, проходящих службу в органах внутренних дел.

На основе данного исследования, в результате анализа общей физической активности курсантов образовательных организаций МВД России, можно сделать вывод о том, что физическая подготовка и образование в целом, имеют высокий уровень качества.

ВЫВОДЫ

1. Существует необходимость в повышении осведомленности о преимуществах физической активности среди курсантов и сотрудников полиции.

2. Сотрудники полиции должны уделять больше внимания здоровому образу жизни, правильному питанию и рациональному отдыху в свободное время.

3. Система подготовки полицейских должна быть сохранена путем поощрения, а также систематического и строгого участия в спортивных мероприятиях среди сотрудников полиции.

Пристатейный библиографический список

1. Алимжанов А. Е. Проблема результативности сохранения физической активности государственных служащих силовых структур в непрерывном профессиональном образовании // Ped.Rev. - 2019. - № 3 (25). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-rezultativnosti-sohraneniya-fizicheskoy-aktivnosti-gosudarstvennyh-služhaschih-silovyh-struktur-v-nepreryvnom> (дата обращения: 03.08.2022).
2. Муртазов А. М., Шогенов А. Г. Современные методы профилактики психосоматических заболеваний как важнейший механизм обеспечения профессионального долголетия у сотрудников полиции // Вестник современной клинической медицины. - 2012. - № Приложение 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-metody-profilaktiki-psihosomaticheskikh-zabolevanij-kak-vazhneyshiy-mehanizm-obespecheniya-professionalnogo-dolgoletiya> (дата обращения: 03.08.2022).
3. Бабин А. В. Актуальные проблемы физической подготовки и спорта сотрудников органов внутренних дел и пути их решения / Бабин А. В., Лукьянов А. Б. // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 9 (160). – С. 473-475. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47195114>. (дата обращения: 23.08.2022).

ЖУКОВ Азамат Заурбекович

кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

МАХОВ Ислам Артурович

студент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова

ШКАХОВА Фазиля Абдулаховна

преподаватель Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Обеспечение информационной безопасности в органах внутренних дел является приоритетной задачей, так имеет важное значение для национальной безопасности государства. Процессы автоматизации и цифровизации затронули и правоохранительную систему. Работа правоохранительных органов в Российской Федерации является в принципе открытой для общественности, но имеет место быть информация конфиденциального характера: персональные данные, базы данных. В этой связи важно обеспечение эффективной защиты информации именно в органах внутренних дел. Государство осознает важность данной проблемы и создает нормативно-правовую и технологическую основу для функционирования системы информационной безопасности. Однако, возникают проблемы как нормативно-правового характера, так и технологического, решение которых требует комплексного подхода. Цель данной работы оценка проблем обеспечения информационной безопасности в органах внутренних дел в современных условиях. В сложившихся условиях именно уровень информационной безопасности определяет уровень национальной безопасности современного информационного государства.

Ключевые слова: органы внутренних дел, базы данных, связь, телекоммуникации, цифровые технологии, информационная безопасность, конфиденциальность.

ZHUKOV Azamat Zaurbekovich

Ph.D. in technical sciences, senior lecturer of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

MAKHOV Islam Arturovich

student of the H. M. Berbekov Kabardino-Balkar State University

SHKAKHOVA Fazilya Abdulakhovna

lecturer of the H. M. Berbekov Kabardino-Balkar State University

ACTUAL PROBLEMS OF ENSURING INFORMATION SECURITY IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN MODERN CONDITIONS

Ensuring information security in the internal affairs bodies is a priority, as it is important for the national security of the state. The processes of automation and digitalization have also affected the law enforcement system. The work of law enforcement agencies in the Russian Federation is, in principle, open to the public, but there is confidential information: personal data, databases. In this regard, it is important to ensure effective protection of information in the internal affairs bodies. The state is aware of the importance of this problem and creates a legal and technological basis for the functioning of the information security system. However, there are problems of both a regulatory and technological nature, the solution of which requires an integrated approach. The purpose of this work is to assess the problems of the problem of ensuring information security in the internal affairs bodies in modern conditions. Under the current conditions, it is the level of information security that determines the level of national security of the modern information state

Keywords: internal affairs bodies, databases, communications, telecommunications, digital technologies, information security, confidentiality.

Правоохранительные органы (Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности, Прокуратура) являются одними из важнейших субъектов в обеспечении информационной безопасности. Деятельность правоохранительных органов выстраивается на основе ряда принципов: сочетание гласности и профессиональ-

ной тайны, применение гласных и негласных методов средств деятельности, конспирация. Для достижения целей, которые возложены на правоохранительные органы, необходима оптимальная реализация приведенных выше принципов. Данные принципы закреплены на законодательном уровне.

Жуков А. З.

Махов И. А.

Шкахова Ф. А.

Так в федеральных законах «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации» (ст. 5), «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 3) обозначены данные принципы, что требует неукоснительного их соблюдения. Деятельность правоохранительных органов является гласной и открытой с одной стороны для общества, граждан, но с другой стороны в структуре органов внутренних дел много информации конфиденциального характера [2], [3].

Развитие информационных технологий и их активное внедрение в систему органов внутренних дел требует изменений в нормативно-правовом поле, технологическом контексте и в организационной структуре органов Министерства внутренних дел. Так в структуре МВД функционирует Департамент информационных технологий, связи и защиты информации, создан он был Указом Президента Российской Федерации в 2011 году. Основная цель формирования нового Департамента – это обеспечение эффективной системы информационной безопасности в системе органов внутренних дел. Для оценки деятельности Департамента необходимо рассмотреть основные функции:

- работа по совершенствованию и модернизации используемых информационных технологий и систем;
- модернизация инструментов технической защиты информации;
- разработка и развитие средств связи, применяемых в органах внутренних дел;
- осуществление противодействия техническим атакам и разведкам;
- разработка, внедрение и контроль за информационными ресурсами;
- реализация государственных, ведомственных и иных программ в сфере информатизации.

Организационная структура Департамента выстроена на основе реализуемых им основных направлениях деятельности:

- совершенствование информационных систем и всех информационных продуктов, применяемых правоохранительными органами;
- осуществление координационных действий работ по обеспечению связи;
- защита информации посредством применения технического инструментария; реализация профильных программ.

В соответствии с данными направлениями в Департаменте функционирует 4 управления. Выработкой общей стратегии планирования вопросов информатизации занимается первое управление, в его компетенции и разработка технических документов. Вопросы связи решает второе управление.

Вопросы, которые связаны с защитой информации, решает третье управление, также решает и вопросы защиты конфиденциальной информации и персональных данных. Внедрением информационных технологий занимается четвертое управление.

Управление реализует работу по взаимодействию с профильными министерствами, ведомствами, органами

федеральной и региональной власти. В основном это взаимодействие касается вопросов автоматизации и информатизации, предоставления услуг в электронном формате. Также в сфере деятельности управления находится координационная работа оформления и контроля паспортных документов. Одна из важнейших задач Департамента является создание и эффективное функционирование единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России. Единая информационно-телекоммуникационная система является фундаментом данной системы.

Важнейшей проблемой современного общества является рост количества киберпреступлений, что создает дополнительные проблемы для структур МВД России.

Основой государственной политики в сфере защиты информации является создание эффективной системы информационной безопасности в структуре МВД России.

Информационная безопасность в МВД России направлена, прежде всего, на защиту баз данных. Важнейшим этапом в создании эффективной системы информационной безопасности является формирование актуальной системы нормативно-правового регулирования защиты информации в органах внутренних дел. Так в качестве фундаментального документа рекомендательного характера является Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Разработка документа была направлена на раскрытие понятия информационная безопасность, обозначение его роли для государства. Доктрина была утверждена в 2016 году. В документе понятие информационной безопасности раскрыто как с технологической позиции, так и с нормативно-правовой. В рамках документа обозначено, что вопрос обеспечения информационной безопасности сложный и многокомпонентный. Обеспечение информационной безопасности – это задача государственного уровня, которая включает решение вопросов нормативно-правового регулирования, технологического, оперативно-розыскного, инфраструктурного характера. В рамках Доктрины обозначены основные меры, которые направлены на прогнозирование, обнаружение, пресечение информационных преступлений. Доктрина закрепляет необходимость защиты как субъектов, так и объектов информационной сферы. Основным объектом защиты выступает информация конфиденциального характера, в структуре МВД это в основном базы данных. Данная информация должна оставаться конфиденциальной, целостной и доступной для лиц, которым разрешен доступ. Следует осознавать, что под информационной безопасностью понимается защита не только информации, а также защита всего информационного поля, криптография, управление и реагирование инцидентами.

Важнейшим направлением национальной безопасности РФ в современных условиях является информационная безопасность в МВД и его структурных подразделениях. Формирование системы защиты баз данных в МВД выстраивается именно на положениях Доктрины информационной безопасности. В структуре МВД разработаны также локальные документы, которые регулируют сферу

защиты данных. Доктрина информационной безопасности упоминается в локальных документах МВД как основа выстраивания политики информационной безопасности. Незаконный доступ к информации, базам данных, кража информации в структурах МВД являются ключевыми проблемами в структуре МВД. Как и в других организациях, в системе МВД основными источниками утечки информации являются в основном бывшие сотрудники. Большинство преступлений совершают именно уволенные сотрудники, и эти преступления связаны с кражами баз данных. Сотрудники проводят активно работу в части снижения количества преступлений, совершаемых сотрудниками. Только формирование и дальнейшее развитие системы обнаружения вторжений в структуре МВД России позволит минимизировать риски утечки информации и нарушения ее целостности. Они не выступают в качестве дополнительного инструмента по защите данных. Это инструмент, позволяющий выявлять уязвимости информационных баз. Система разработана так, что позволяет изменить настройки в части проведения наблюдений за определенными операциями пользователей.

Важно, что в системе есть возможность регистрации типов трафика в рамках локальной сети, что позволяет проводить анализ в дальнейшем. Анализ необходим для контроля за ошибками в процессе внесения информации в базу данных.

В работе с базами данных в органах МВД имеют место быть два типа проблем защиты информации. К первой категории относятся отсутствие эффективной организационной структуры информационной безопасности. Данные проблемы являются первоочередными, и они являются причиной возникновения проблем второго порядка. Угрозы, которые непосредственно связаны с операциями с базами данных, относятся к вторичным проблемам. Так к ним относятся доступ несанкционированного характера, кража данных, искажение информации. Реализация комплексных мероприятий, направленных на формирование актуальной системы информационной защиты, позволит решить ряд проблем, но их полное устранение не представляется возможным. Важно отметить, что комплекс мер очень широк и включает работу по обучению и повышению квалификации сотрудников органов внутренних дел и разработку современных методов и технологий в области контроля. Созданные в структуре МВД подразделения имеют сложности в работе разного рода: программного, нормативно-правового, технологического.

В процессе расследований, особенно преступлений экономического характера, сотрудники органов внутренних дел сталкиваются с рядом проблем, так они должны обладать определёнными техническими знаниями и навыками. Сложно, именно распознавать информацию, так как есть информация, которая защищена программными инструментами, и информация, защищенная криптографическими инструментами. Именно по этой причине становится актуальным вопрос подготовки специалистов в области криптографии среди сотрудников органов внутренних дел. Одной из задач является и раз-

витие инфраструктурной базы в системе МВД. Так как наличие современной инфраструктуры создает фундамент для дальнейшего развития системы информационной безопасности в целом. Так одно из решений проблемы – это функционирование кустовых центров в субъектах РФ в целях обработки криптоаналитической информации. Необходимо проводить работу в части технического оснащения и кадрового обеспечения создаваемых кустовых центров в регионах. Институт криптографии, связи и информатизации ФСБ РФ может выступать в качестве базы по подготовке высококвалифицированных специалистов.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1.07.2020).
2. Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 № 40-ФЗ (последняя редакция).
3. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция).
4. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

МАГОМЕДАЛИЕВ Маруф Магомедалиевич

заместитель начальника кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

АРУТЮНЯН Ваган Николаевич

преподаватель кафедры физической подготовки Учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ХАБАРОВ Дмитрий Валентинович

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Краснодарского университета МВД России

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ, НЕОБХОДИМЫХ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАЧ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Данная статья представляет собой комплексный анализ способов и методов выработки эмоционально-волевой устойчивости у сотрудников правоохранительных органов при возникновении экстремальной ситуации. Особое внимание уделяется основным мероприятиям, реализуемым в рамках организации физической подготовки у обучающихся ведомственных вузов системы МВД России, которые призваны выработать у них волевые качества посредством проведения различных инсценировочных занятий.

Ключевые слова: сотрудник ОВД, сотрудник полиции, обучающийся, организация подготовленности, волевые качества, эмоциональная устойчивость.

MAGOMEDALIEV Maruf Magomedalievich

Deputy Head of the Department of Physical Training Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ARUTYUNYAN Vahan Nikolaevich

lecturer of Physical training sub-faculty of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the V. Ya. Kikotya Moscow University of the MIA of Russia

KHABAROV Dmitriy Valentinovich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

PROBLEMS OF EDUCATING EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF STRONG-WILLED QUALITIES NECESSARY WHEN PERFORMING TASKS IN EXTREME SITUATIONS

This article is a comprehensive analysis of the ways and methods of developing emotional and volitional stability in law enforcement officers in the event of an extreme situation. Special attention is paid to the main activities implemented as part of the organization of physical training for students of departmental universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which are designed to develop their strong-willed qualities through various staged classes.

Keywords: police officer, police officer, student, organization of preparedness, strong-willed qualities, emotional stability.

Подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (ОВД РФ) представляет собой комплекс подготовительных мероприятий, направленных на повышение профессионального уровня компетентности, а также выработку конкретных психологических и физических качеств. Волевая устойчивость сотрудников ОВД РФ – есть один из ключевых показателей профессиональной подготовки к реализации своих функциональных обязанностей. Имеет место быть мнение о том, что основным аспектом складывания характера, обучающегося является физическая подготовка, которая, как уже отмечалось, помимо развития физических особенностей предполагает формирование психологической устойчивости, содержание которой подразумевает способность сотрудника полиции стабилизировать и координировать психическое состояние при выполнении поставленной задачи.

Образовательный процесс по организации физической подготовки направлен на приобретение, развитие и совершенствование физических качеств, умений и навыков, способствующих дальнейшему успешному прохождению службы. Одним из эффективных и результативных методов совершенствования своих умений и способности координировать действия является моделирование критических ситуа-

ций, существенно приближенных к реальным условиям. Путем внедрения в образовательную программу такого подхода возможно выявить и улучшить у курсантов такие личностных качества, как смелость, упорство, самообладание, ориентирование, выдержку и т.д., а также позволяют формировать у них критического, импровизационного мышления. То есть все те характерно-психологические особенности, которые формируют у курсантов и слушателей эмоционально-волевою устойчивостью непосредственно к различным экстремальным обстоятельствам. Кроме этого, занятия по физической подготовке необходимо проводить прохождение разнообразных полос препятствий, учебно-тренировочных поединков и схваток, посредством включения различных техник бокса, самбо, рукопашного боя и других единоборств. Быстрая смена обстановки, как один из методов организации образовательного процесса, требующая оперативной координации и стабилизации волевых качеств сотрудника ОВД обуславливается важностью и значимостью.

Проанализировав различные теории, концепции и мнения по поводу конструктивной организации воспитания волевых качеств в сотрудника полиции, стоит отметить довольно интересное представление, которое свидетельствует о том, что, в целом, физический и пси-

хологический потенциал сотрудника полиции складывается посредством консолидации энергетических способностей, ресурсов и искусства их реализации. Под энергетическими возможностями конкретно в рамках данного исследования предполагается система мер и способов, которые призваны адаптировать сотрудника ОВД в различных ситуациях, координировать его действия под влиянием и воздействием окружающих и внутренних факторов. Особое внимание акцентируется на ситуациях, которые предполагают наличие критических, экстремальных обстоятельств. Поэтому следует в рамках подготовки сотрудников полиции организовывать и инсценировать различные боевые ситуации и действия, которые позволили бы более индивидуально подходить к сложившейся ситуации. Кроме этого, такого рода подход позволит обусловить личностные качества сотрудника ОВД, посредством проведения эксперимента. По мнению профессора Е. С. Жарикова, такой подход к обучению и тренировки бойцов позволяет непосредственно увеличить их творческое мышление, выработать наиболее эффективные и качественные способы и методы ведения боя правонарушителем.

Умение использовать и координировать энергетический потенциал сотрудника полиции предусматривает способность сосредоточения и фокусирования на представляющем интерес объекте. Длительное наблюдение за объектом указывает на то, что через некоторое время начинается период эмпатии, которые предусматривает некое слияние субъекта и объекта непосредственно для изучения и понимания внутренних побудителей объекта. Посредством сосредоточения и концентрации субъект, непосредственно сотрудник полиции, способен видеть и ощущать то, что при стандартном состоянии невозможно. Такого рода состояние обуславливается как измененное состояние сознания. Суть данной концепции состоит в том, чтобы формировать и развить подобное состояние у сотрудников полиции, а также умело пользоваться при возникновении критических, экстремальных ситуаций. В связи с этим при организации подготовительных мероприятий, направленных на развитие волевых качеств, руководителю занятий по физической подготовке необходимо дифференцировать учащихся в зависимости от имеющихся умений, навыков ведения боя. Сделано это для того, чтобы менее подготовленных курсантов можно было вводить в наиболее критичные и нестандартные ситуации, дабы поспособствовать развитию волевой устойчивости для успешного прохождения служебной деятельности. Что касается учащихся, обладающих различными выработанными умениями и навыками, то целесообразнее будет непосредственно подготовить более усложненную программу подготовки. Значимость такого подхода к организации занятий по физической подготовке способствует заинтересовать обучающихся, не склонных к ведению боя с противником, к развитию у себя, безусловно, как физических качеств, так и позволит оценить свои волевые возможности и способности по ориентированию, координации и стабилизации в критической ситуации. Как правило, при возникновении нестандартных обстоятельств, где необходимо как можно быстрее справиться со своими внутренними преградами и уравновесить состояние сотрудники полиции прибегают к проявлению нераскрытых потенциалов, особенностей. Поэтому, естественно, постоянное моделирование борьбы с преступни-

ком, создание разнообразных жизненных ситуаций, где применение волевой устойчивости крайне необходимо, следует на этом акцентировать особое внимание.

Кроме этого, на занятиях по физической подготовке следует уделять значительное внимание развитию волевых качеств посредством постоянного совершенствования физической подготовленности. Быстрота, ловкость, выносливость, сила формируются путем постоянного выполнения разнообразных упражнений, таких как: бег на короткие и длинные дистанции, бег по пересеченной местности, бег с дополнительным отягощением, гимнастика, нормативы на гимнастических снарядах и многое другое [1]. Как уже отмечалось, достаточно актуальными тематиками по физической подготовке являются занятия по различным видам единоборств, которые способствуют развитию у обучающихся как физических качеств, так и волевых: целеустремленность, ответственность, упорство, самоконтроль, силу воли и т.д. Каждый семестр учебного года заканчивается сдачей дифференцированного зачета, что позволяет постоянно контролировать, координировать уровень подготовленности будущих сотрудников полиции, а также балльная система оценивает способствует непрерывному улучшению их спортивных результатов.

Таким образом, физическая подготовка в процессе формирования у курсантов волевых качеств является неотъемлемой частью их образовательного процесса. Важность и значимость такого подхода обуславливается тем, что на практических занятиях возможно смоделировать различные критические ситуации, где необходимо координировать и регулировать свое внутреннее состояние, поведение и действия. Умение быстрого реагирования на сложившиеся нестандартные ситуации возможно добиться исключительно при комплексном подходе, который консолидирует как подготовку физических качеств курсантов, так и их волевой устойчивости.

Пристатейный библиографический список

1. Скоробогатов А. В., Перфильев М. В. Армспорт: учебно-методическое пособие. – Ижевск: УдГУ, 2008.

МИСРОКОВ Тенгиз Замирович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ НЕСЕНИЯ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена различным аспектам правового регулирования этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Автор обращает внимание на существовавший на протяжении 7 лет пробел в регулировании вопросов этики и служебного поведения, связанный с отсутствием в органах внутренних дел Российской Федерации в период с 2013 года по 2020 год этического кодекса, который являлся одним из моральных и этических ориентиров для сотрудников МВД России. Обращается внимание на совершенно разный подход в определении содержания и внутренней конструкции Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, действовавшего до 2013 года, и Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, действующего с 2020 года. Автор указывает также на рассредоточенность требований к служебному поведению, основных этических требований и других предписаний, касающихся поведения сотрудников, по текстам различных нормативных правовых актов и отсутствие у сотрудников возможности ориентироваться на единый свод этических принципов, норм и правил, которые бы содержались в одном документе, что значительно облегчило бы принятие сотрудниками решений в различных этических ситуациях, возникающих в процессе служебной деятельности.

Ключевые слова: этика, предписания, нравственность, сотрудники органов внутренних дел, требования к служебному поведению, кодекс этики, нравственные принципы.

MISROKOV Tengiz Zamirovich

Ph.D. in Law, senior lecturer of State, civil and law disciplines sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF THE ETHICAL ASPECTS OF SERVICE IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to various aspects of the legal regulation of ethics and official conduct of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The author draws attention to the gap that has existed for 7 years in regulating issues of ethics and official conduct, associated with the absence of an ethical code in the internal bodies of the Russian Federation in the period from 2013 to 2020, which was one of the moral and ethical guidelines for employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Attention is drawn to a completely different approach in determining the content and internal structure of the Code of Professional Ethics for an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation, which was in force until 2013, and the Code of Ethics and Official Conduct of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation, which has been in force since 2020. The author also points to the dispersal of requirements for official behavior, basic ethical requirements and other regulations regarding the behavior of employees, according to the texts of various regulatory legal acts and the lack of opportunities for employees to focus on a single set of ethical principles, norms and rules that would be contained in one document, which would greatly facilitate the decision-making by employees in various ethical situations that arise in the course of official activities.

Keywords: ethics, regulations, morality, employees of internal affairs bodies, requirements for official conduct, code of ethics, moral principles.

Осуществление правоохранительной деятельности неразрывно связано не только с вопросами реализации права, но и неизбежно сопряжено с нравственными и этическими сторонами противодействия преступности и обеспечения безопасности и правопорядка. Современное законодательство Российской Федерации обоснованно предъявляет повышенные требования к сотрудникам органов внутренних дел, их правовой, служебной, огневой и физической подготовке. Вместе с тем, вопросы профессиональной этики также получили достаточно широкое закрепление в целом ряде официальных актов, таких как Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ [1], Дисциплинарный Устав [2], Кодекс этики и служебного

поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [3], а также и в некоторых иных документах.

С одной стороны, множественность актов, регулирующих вопросы этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации вполне объяснима и связана с тем, что реформа МВД была длящимся процессом, в течение которого происходило постепенное обновление законодательства и приведение его в соответствие с требованиями современных реалий жизни нашего общества. Кроме того, сама по себе законодательная деятельность является чрезвычайно сложным по своей сути процессом, в рамках которого невозможно предусмотреть все нюансы и

Мисроков Т. З.

потенциальные сложности, которые могут возникнуть в ходе практической реализации законодательства.

С другой стороны, отсутствие одного единого акта, в рамках которого достаточно подробно раскрывались бы все ключевые аспекты этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел внесло бы больше ясности и простоты в эту важную составляющую их служебной деятельности. Наличие одного ориентира, указаниям которого необходимо было бы следовать значительно оптимизирует процесс морально-психологической подготовки сотрудников к выполнению служебных задач. Ранее действовавший Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации [4] обладал, по нашему мнению, правильным содержанием и понятной структурой, в нём находили официальное отражение многие термины и категории, которые в настоящее время по-прежнему изучаются в рамках профессиональной подготовки молодых сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и применяются в практической деятельности в ходе морально-психологической работы с личным составом МВД России.

Действующий Кодекс не содержит в себе дефиниций, определяющих такие понятия как гражданственность, государственность, патриотизм, долг, честь, совесть, которые ранее получили отражение в утратившем силу Кодексе 2008 года. Новый Кодекс ограничивается лишь перечнем наиболее общих требований этического характера и кратким изложением тех дополнительных требований, которые предъявляются к поведению лиц, занимающих в органах внутренних дел руководящие должности. Ранее действовавший Кодекс отличался стройностью конструкции, последовательностью и закреплял нравственные основы службы, профессионально-этические правила поведения, требования, касающиеся культуры речи и правил служебного общения и содержал достаточно подробное раскрытие многих других вопросов, связанных с профессиональной этикой сотрудника. Тем удивительнее кажется тот факт, что после утраты этим Кодексом силы в 2013 году, новый Кодекс был принят лишь спустя 7 лет - в 2020 году. За этот период могло сформироваться ошибочное мнение о том, что в существовании этического кодекса, регулирующего основные этические аспекты служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, нет необходимости, поскольку на протяжении 7 лет органы внутренних дел функционировали без него. Тем не менее в 2020 году вступил в силу новый Кодекс этики и служебного поведения, который по своему содержанию кардинально отличался от ранее существовавшего Кодекса 2008 года. Новый Кодекс гораздо меньше по содержанию, он затрагивает лишь наиболее общие этические требования и некоторые отдельные требования, касающиеся внешнего вида сотрудника, обращения со служебной и личной информацией. Столь разительное отличие от ранее существовавшего Кодекса можно объяснить по-разному, но едва ли следует утверждать, что те идеи, принципы и предписания, которые содержались в ранее действовавшем Кодексе были неверными. Их анализ говорит о достаточной продуманности, адекватности и обоснованности его содержания. Вместе с тем, действующее законодательство закладывает требования к служебному поведению сотрудника, вопросы служебной дисциплины, этические требования к поведению сотрудников в текстах различных актов, вместо объединения всех этих положений в какой-ни-

будь один согласованный по своей структуре документ, где подробно, а в некоторых аспектах исчерпывающим образом закреплялись бы важнейшие основы этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел, что облегчало бы их обучение фундаментальным этическим требованиям и нравственным принципам службы, позволяло бы быстро находить ответы, на возникающие служебные ситуации в рамках одного акта, а не широкого перечня документов, принимаемых разными органами государственной власти.

Правоохранительная деятельность основана и реализуется при строжайшем соблюдении законодательных предписаний, в ней крайне нежелательными являются общность формулировок и отсутствие конкретики. Сотрудникам правоохранительных органов важно иметь возможность быстро находить ответы на интересующие их по долгу службы вопросы в одном документе, это способствует оптимизации их деятельности, ускоряет способность принимать решения, соотносить свои действия с требованиями законодательства. Любая правотворческая деятельность представляет чрезвычайную сложность, поскольку в условиях гигантского массива законодательства не всегда удаётся соотнести содержание принимаемого нормативного правового акта с уже действующими иными нормативными правовыми актами, исходящими к тому же от различных органов государственной власти. Не всегда можно предусмотреть и предугадать как именно на практике будет реализовываться то или иное конкретно взятое положение, закрепленное в тексте нормативного правового акта. На наш взгляд, ранее действовавший Кодекс содержал полезные для практической деятельности предписания, которые и сейчас послужили бы надежным ориентиром для сотрудников при принятии ими служебных решений и выполнении служебных задач. В нём было достаточно много конкретики, а также четкие и понятные требования и формулировки, которые не утратили свою актуальность и сейчас. Более того перенос ряда важнейших положений и дефиниций ранее действовавшего Кодекса в содержание действующего в настоящее время Кодекса от 2020 года может стать ярким выражением преемственности традиций службы в органах внутренних дел, неизменности идей, лежащих в основе этического стандарта поведения сотрудников, и успешности испытания временем тех принципов, на основе которых формируется этическая модель поведения сотрудников МВД России.

В настоящее время исключительно много внимания уделяется выработке у сотрудников способности составления процессуальных документов, овладения ими навыками применения различных специальных средств и огнестрельного оружия, строевой подготовки и многим другим аспектам реализации ими своих служебных обязанностей. Признавая безусловную важность и необходимость формирования и постоянного совершенствования вышеназванных навыков и способностей у сотрудников органов внутренних дел, следует отметить, что далеко не всегда достаточно внимание уделяется вопросам профессиональной этики сотрудников, их умению корректно вести себя в различных служебных ситуациях, тактично подходить к разрешению конфликтов, возникающих в процессе взаимодействия с правонарушителями и другими категориями лиц, способности своим поведением и внешним видом завоевывать доверие и авторитет в глазах общественности. А это важнейшие составляющие успешно-

сти деятельности сотрудника. Можно при правильном подходе обучить сотрудников любым, даже самым сложным навыкам использования оружия, применения физической силы и специальных средств. Можно довести до автоматизма его способность к грамотному и четкому составлению всех процессуальных и служебных документов. Можно сформировать у сотрудников превосходную строевую подготовку. Но если всё вышеназванное не будет подкреплено прочным фундаментом в виде нравственных принципов, этически безупречного поведения, тогда даже выдающиеся профессиональные навыки сотрудника могут быть использованы не во благо общества, а во вред ему. Ни одна неудача в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, ни одна ошибка или недоработка не способны так сильно подорвать доверие общества к МВД как аморальный поступок, действия, нарушающие нормы профессиональной этики и подрывающие авторитет всей системы органов внутренних дел России.

Отдельное внимание в нормативных правовых актах, определяющих нормы и правила поведения и служебной этики, должно уделяться объяснению четкого алгоритма действий для сотрудников в наиболее вероятных ситуациях этической неопределенности, конфликта интересов, попыток их склонения к совершению коррупционных правонарушений и преступлений. Сотрудникам необходимы четкие и ясно сформулированные предписания о том, как действовать в той или иной ситуации, чтобы у них не было боязни по незнанию или недопониманию совершить что-то, способное повлечь дисциплинарную или уголовную ответственность. Уверенность сотрудника в своих действиях и в своём поведении, особенно в экстремальных условиях службы, связанной с применением силы, специальных средств, оружия, мер государственного принуждения, может быть обеспечена лишь при наличии четких формально закрепленных принципов и норм поведения и порядка действий в тех или иных служебных ситуациях.

Этическое поведение сотрудника является показателем его профессионализма, способности предотвращать конфликты без необходимости применения оружия, специальных средств и силы, умения налаживать взаимодействие не только со своими коллегами, но и гражданами, завоевывая их доверие и готовность добровольно помогать правоохранительным органам. Нравственный стержень, моральная чистоплотность, психологическая устойчивость являются теми гарантиями, которые удержат сотрудника от совершения противоправных действий даже тогда, когда у него будет реальная возможность избежать ответственности за такие действия. Они являются последним и одним из самых значимых и эффективных барьеров перед лицом профессиональной деформации, коррупции и нравственной деградации.

Первостепенное значение необходимо уделять именно вопросам этики и служебного поведения, моральному облику сотрудников, их нравственному воспитанию, поскольку любые практические навыки можно сформировать в процессе подготовки, переподготовки, повышения квалификации и оттачивания мастерства на практике. Нравственное поведение сотрудника, его способность сохранять моральную чистоту даже в тех ситуациях, когда он способен без какого-либо риска для себя совершить безнравственное корыстное действие, но осознанно не совершает его в силу твердости

своих моральных и этических принципов, является одним из важнейших показателей его профессиональной пригодности. В этой связи следует отметить, что вопросы этики и служебного поведения нуждаются в четком и однозначном закреплении и отражении в законодательстве. Дальнейшее совершенствование законодательства в сфере регулирования деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации следует осуществлять с учётом возможностей обогащения содержания Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, который должен быть одним из главных ориентиров в поведении сотрудников.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 2011 г. - № 49 (часть I). - Ст. 7020.
2. Указ Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2012 г. - № 43. - Ст. 5808.
3. Приказ МВД РФ от 24 декабря 2008 № 1138 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 1.09.2022).
4. Приказ МВД РФ от 26 июня 2020 № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 1.09.2022).
5. Кадырова Г.Ф. Гиндуллин Н.Ф., Бондаренко А.В., Лукьянов М.Ю. Ответственность в философии и юриспруденции // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 10(113). – С. 376-377.
6. Бондаренко А.В., Бондаренко Г.В. Влияние занятия спортивным туризмом на развитие личности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 6. – С. 99-101.

ЛЕГОСТАЕВ Сергей Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления ФСИН России

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ О НЕДОПУСТИМОСТИ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНА В СИСТЕМЕ АКТОВ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ

В статье раскрыто определение предостережения прокурора. Рассматривается его место в системе прокурорских актов. Проводится анализ правовых норм, закрепляющих механизм применения предостережения. Анализируются научные подходы к рассмотрению порядка направления предостережения должностным и иным лицам. Указывается на необходимость конкретизации правового регулирования понятия «иные лица». Вносятся некоторые предложения по корректировке законодательства.

Ключевые слова: прокурорский надзор, акты прокурорского реагирования, предостережение о недопустимости нарушения закона, порядок направления и объявления, проблемы правового регулирования.

LEGOSTAEV Sergey Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

WARNING ABOUT THE INADMISSIBILITY OF VIOLATING THE LAW IN THE SYSTEM OF ACTS OF PROSECUTORIAL RESPONSE

The article reveals the definition of the prosecutor's warning. Its place in the system of prosecutorial acts is being considered. The analysis of legal norms fixing the mechanism of application of the warning is carried out. Scientific approaches to the consideration of the procedure for sending warnings to officials and other persons are analyzed. The need to specify the legal regulation of the concept of "other persons" is indicated. Some proposals are being made to adjust the legislation.

Keywords: prosecutorial supervision, acts of prosecutorial response, warning about the inadmissibility of violating the law, the order of referral and announcement, problems of legal regulation.

Легостаев С. В.

Согласно ст. 25.1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее Закон о прокуратуре, Закон), в целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, прокурор или его заместитель направляет в письменной форме должностным лицам, а при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, содержащих признаки экстремистской деятельности, руководителям общественных (религиозных) объединений и иным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона¹. Предостережение является одним из часто применяемых по результатам прокурорских проверок средств реагирования. Применение данного акт не имеет каких-либо особенностей, в то же время он отличается от других применяемых средств на нарушения закона (протест, представление, предостережение) тем, что является мерой профилактического воздействия. Нужно заметить, что Закон не содержит определения предостережения. В научной литературе выработаны общие подходы к его понятию. Так, Н. Р. Корешникова определяет предостережение как надзорный акт прокурорского реагирования, который выносится в отношении должностных или иных лиц, пытающихся совершить единоличные противоправные деяния, не влекущие по своей общественной опасности административной или уголовной ответственности, но способные причинить вред гражданам либо государственным или общественным интересам [3, с. 10].

Представляется, что с правовой и практической стороны вопроса в данном случае значение имеет не отсутствие зако-

нодательного закрепления понятия данного прокурорского акта, а неконкретность правовой регламентация механизма его применения. Необходимость исследования, изучения и анализа практики, а также правового регулирования определяется тем, что в законодательстве неконкретно определены субъекты внесения предостережения, вызывает вопросы порядок его направления адресату. Указанные обстоятельства, по нашему мнению, являются определяющими факторами, формирующими мнение прокурорских работников о неэффективности этой меры прокурорского реагирования. Речь идет о том, что законодатель, закрепляя полномочия прокурора по направлению предостережения, указывает на возможность привлечения лиц, которым оно объявляется, к ответственности за неисполнение изложенных в нем требований. По смыслу закона предостережение все-таки не просто направляется лицу, а должно быть ему объявлено. Согласно Указанию Генерального прокуратура Российской Федерации от 6 июля 1999 года № 39/7 «О применении предостережения о недопустимости нарушения закона» (далее Указание) предостережение прокурором объявляется². Более того, в 2.3. Указания содержится требование об объявлении предостережения под расписку непосредственно в прокуратуре. В типовой форме предостережения, содержащейся в приложении к Указанию, имеется графа, предусматривающая отметку об объявлении предостережения под роспись с разъяснением права на обжалование. Поскольку ведомственные

1 О прокуратуре Российской Федерации: ФЗ от 17 января 1992г. № 2202-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 47. - Ст. 4472.

2 Указание Генерального прокуратура Российской Федерации от 6 июля 1999 года № 39/7 «О применении предостережения о недопустимости нарушения закона» // Прокурорский надзор: сборник приказов, указаний, инструкций генерального прокурора Российской Федерации. - Екатеринбург: ИА УрГЮА. - С. 189.

организационно-распорядительные документы являются обязательными для исполнения всеми нижестоящими прокурорами, предостережения как правило ими объявляются лицам, которым они адресованы.

Положение ст. 25.1 Закона о прокуратуре о направлении прокурором предостережения фактически предоставляет прокурору возможность альтернативных действий, в том числе и направление данного акта по почте. При такой форме направления у прокурора отсутствует возможность разъяснить лицу право на обжалование и порядок обжалования. Некоторые исследователи предлагают решить данную проблему направлением данного акта реагирования лицу по почте с последующим подписанием и возвращением в прокуратуру [1, с. 202]. На наш взгляд, это достаточно сложная процедура и она исполнима лишь при условии добросовестности лица, получившего предостережение. Сомнительно, что подвергнутое прокурорской проверке, предостерегаемое лицо будет сотrudничать с органами прокуратуры и вступать с ними в переписку. Тем более, законодательством такая процедура с возложением на соответствующих лиц каких-либо обязанностей не закреплена. Кроме того, помимо права на обжалование, лицу, которому объявляется предостережение, разъясняется порядок обжалования принятого решения.

В то же время судебная практика идет по пути буквальной трактовки положений ст. 25.1 Закона о прокуратуре. Суды отмечают, что поскольку данная норма предусматривает письменную форму предостережения и допускает отсутствие непосредственного контакта с получателем, направление предостережения почтой является правомерным³. Однако, при таком подходе остается открытым вопрос об объявлении предостережения. Как отмечалось выше, это действие для прокурора является обязательным. Конечно, можно полагать, что с большей долей вероятности предостережение будет получено. В то же время нельзя исключать обстоятельства, которые как по объективным, так и по субъективным причинам могут привести к длительному временному периоду его получения. Кроме того, хотя в отличие от других актов прокурора Закон не устанавливает сроки исполнения содержащихся в нем требований, несвоевременное устранение нарушений может негативно повлиять на достижение главной цели данного акта – пресечение готовящихся правонарушений.

Еще одним немаловажным аспектом является вопрос о лицах, к которым может быть применено предостережение. По смыслу закона это должностные лица, и оно не может быть адресовано гражданам. Во-первых, об этом прямо говорится в Законе и Указании и во-вторых, в правовых актах конкретизированы условия его применения. Оно может быть вынесено только при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов. Известно, что в содержащемся в ст. 21 Закона перечне объектов надзорной деятельности прокурора в указанных сферах граждане не указаны. Следовательно, прокурор не осуществляет за ними надзор и не уполномочен применять в отношении них акты реагирования.

Основанием для применения предостережения являются также имеющиеся у прокурора сведения о готовящихся противоправных деяниях, содержащих признаки экстремистской деятельности. Однако, в соответствующей норме Закона не раскрывается перечень иных лиц, являющихся субъектами прокурорского воздействия. Поэтому как в практической деятельности прокуроров, так и в юридической литературе складываются различные подходы к определению

лиц, которым прокурор может направлять предостережение.

Изучение направленных прокурорами в различных субъектах Российской Федерации актов показало, что иными лицами ими признаются руководители коммерческих организаций, организаторы массовых мероприятий, председатели политических партий, секретари комитетов политических партий, председатели товариществ собственников жилья, члены организационных комитетов правозащитных организаций. Как видно, круг иных лиц в понимании прокуроров, относительно широкий. Здесь важно заметить, что все эти лица наделены определенными полномочиями в той или иной общественной организации или партии. В то же время, в целях предупреждения экстремистских правонарушений некоторые предостережения объявлялись физическим лицам, что свидетельствует о неверном толковании понятия «иные лица» отдельными прокурорскими работниками. На наш взгляд, формирующаяся прокурорская практика в этом случае является нарушением принципа единства в деятельности прокуратуры.

В юридической литературе вопрос об «иных лицах» применительно к ст. 25.1 Закона о прокуратуре широко не обсуждается. В то же время в отдельных исследованиях встречаются предложения, которые несомненно оказывают положительное влияние на разрешение существующей проблемы. Например, в сфере экстремистской деятельности О. Р. Безсалий допускает возможность направления предостережения физическому лицу [2, с. 143]. С указанной позицией можно согласиться лишь в той части, что противоправные действия должны относиться к экстремистским проявлениям. Что касается субъектов, то отнесение физических лиц к «иным лицам» все-таки противоречит требованиям закона.

Таким образом, существуют очевидные проблемы как в сфере правового регулирования, так и практического применения реагирования прокурорами на готовящиеся правонарушения посредством направления предостережения. На наш взгляд, разрешить их можно внесением уточнения в ч. 1 ст. 25.1 Закона о прокуратуре, дополнив ее после слов «иными лицами» словами «наделенных полномочиями в указанных объединениях в соответствии с законодательством Российской Федерации». Помимо этого, требуется также изменение и приведение в соответствие закону практики применения прокурорами указанного акта реагирования. Положительно на эффективности прокурорского надзора скажут также обсуждение недостатков прокурорского надзора на научно-методических мероприятиях и издание соответствующего ведомственного правового акта.

Пристатейный библиографический список

1. Безсалий О. Р. Проблемы правовой регламентации предостережения прокурора // Проблемы экономики и юридической практики. - 2018. - № 4. - С. 202.
2. Безсалий О. Р. Субъекты предостережения о недопустимости нарушений закона // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. - 2013. - № 3. - С. 143.
3. Корешникова Н. Р. Основные правовые средства прокуратуры РФ как инструмент обеспечения исполнения закона: монография. - Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2010. - С. 10.

³ Решение Советского районного суда г. Новосибирска «О признании незаконным и отмене предостережения прокурора» № 2а-2154/2017 от 18.09.2017 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sud-praktika.ru/>.

ТИНГАЕВА Ирина Владимировна

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛУЖБ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОСНОВНЫЕ НЕДОСТАТКИ СБОРА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ПРОВЕРОК

В статье рассматриваются наиболее актуальные и наиболее болезненные вопросы по направлению материалов предварительных проверок, направляемые органами дознания в подразделения следствия и дознания. Проблемы качественного сбора первоначального материала, которые возникают уже при выезде на осмотры мест происшествий. Недостатки работы следственно-оперативных групп, и их пути решения, а также эффективность взаимодействия служб при раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: взаимодействие служб, первоначальный сбор, предварительная проверка, следственные действия, сотрудники служб, осмотр места происшествия, профессиональный уровень, поручения.

TINGAEVA Irina Vladimirovna

senior lecturer of Criminal process sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

INTERACTION OF SERVICES IN SOLVING AND INVESTIGATING CRIMES AND THE MAIN DISADVANTAGES OF COLLECTING INITIAL MATERIALS OF PRELIMINARY INSPECTIONS

The article considers the most relevant and painful issues in the direction of materials of preliminary inspections sent by the inquiry authorities to the investigation and inquiry units. Problems of high-quality collection of initial material that arise already when leaving for inspections of accident sites. The shortcomings of the work of investigative and operational groups, and their solutions, as well as the effectiveness of the interaction of services in solving and investigating crimes.

Keywords: interaction of services, initial collection, preliminary inspection, investigative actions, service employees, inspection of the scene, professional level, instructions.

Взаимодействие служб и подразделений территориальных органов по раскрытию и расследованию преступлений, по которым предварительное следствие необязательно, осуществляется с требованиями ведомственных приказов и нормативных документов МВД РФ.

Так при подготовке статьи было проанализировано взаимодействие служб и подразделений отделов полиции одного из территориальных отделов внутренних дел, при раскрытии и расследовании преступлений, в соответствии с требованиями «Инструкции по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений», утвержденная приказом МВД РФ № 495 дсп от 29.04.2015 года.

Итак, если говорить о материалах предварительной проверки, то качество поступающих материалов в подразделение дознания не на самом высоком профессиональном уровне. При поступлении материалов предварительных проверок в службу выявляются основные недостатки, а именно: если это материал по имущественному составу преступления, то в опросах не выясняется имущественное положение заявителя, а ограничиваются лишь тем, что причинен значительный имущественный ущерб. Также не проводится весь перечень мероприятий на первоначальном этапе рассмотрения материала предварительной проверки: не истребуются ревизии, накладные на похищенный товар, не устраняются противоречия в показаниях очевидцев происшествия т.д.

При сборе материалов предварительных проверок превентивной направленности, направляемых в подразделение дознания, сотрудниками служб УУП, ОУР не уста-

навливаются косвенные свидетели – очевидцы (соседи), которые могли слышать либо видеть конфликт, также родственники, которым потерпевшие рассказывали о произошедшем конфликте. В объяснениях потерпевших не выясняются такие обстоятельства: как причина конфликта, механизм нанесения ударов, в некоторых случаях не предпринимаются меры к изъятию предметов преступления (ножи, топоры, стеклянные бутылки, банки), которыми были нанесены телесные повреждения. Также при сборе материала предварительной проверки по преступлениям предусмотренным ст. 119 УК РФ - угроза убийством, не выясняется у потерпевших реальность восприятия ими, высказанных подозреваемыми угроз, какие именно действия подозреваемого были направлены на осуществление данных угроз.

Качество сбора материала предварительной проверки в дежурные сутки не соответствует, предъявленным требованиям, т.е. материалы содержат лишь объяснения потерпевшего, 2-3 лиц опрошенных по месту совершения преступления, при этом имеются рапорта сотрудников ОУР, УУП, что проводился обход прилегающей территории, обрабатывались ранее судимые лица. Некачественный собранный материал не позволяет принять законное и обоснованное решение о возбуждении уголовных дел, что в свою очередь затягивает сроки принятия процессуального решения, не позволяет дознанию принять решение о проведении дознания в сокращенной форме расследования.

Данные недостатки стали возможным из-за того, что руководители группы СО Г(дознатели, следователи) не в полном объеме осуществляют свои права при выезде

на место совершения преступления, не обеспечивают качественный контроль за сбором первоначального материала в дежурные сутки. Остаются факты некачественного осмотра мест происшествий, например: ненадлежащим образом описывается способ упаковки изымаемых объектов, не во всех случаях указывается наличие либо отсутствие уличного освещения, при осмотрах участков местности, наличие либо отсутствие видео наблюдения на прилегающих объектах, недостаточно с места происшествия изымаются следы преступления на месте происшествий, граждане для составления субъективного портрета направляются не во всех случаях.

Информация о проделанной на местах происшествий работе в рапортах отражается не полно, конкретные мероприятия, проведенные на месте происшествия, не указываются, не указываются адреса квартирного обхода. Данные об использовании оперативно-справочных, криминалистических и экспертно-криминалистических учетов во время работы СОГ на МП практически не используются. После возбуждения уголовного дела, в 100 % случаев составлены планы совместных следственно-оперативных мероприятий, которые должны быть утверждены руководством отдела полиции. Анализ планов на предмет их полноты, объективности, соответствия обстоятельствам преступления показал, что версии разрабатываются не всегда с учетом особенностей конкретного совершенного преступления, прослеживается шаблонность при их составлении.

Поручения о производстве отдельных следственных действий (оперативно-розыскных мероприятий) в материалах уголовного дела направляются в указанные службы, в день возбуждения уголовного дела либо на следующий день после его возбуждения. Ответы, поступающие из служб ОУР, УУП и ПДН в основном формальны и не несут какой-либо полезной информации для раскрытия преступления. Контроль за исполнением и качеством ответов на поручения дознавателей, следователей, а также по материалам предварительной проверки передаваемых в подразделение дознания со стороны руководителей служб органов дознания не в полной мере эффективен.

Приведенный анализ свидетельствует о том, что процессуальный и ведомственный контроль за расследованием и раскрытием преступлений со стороны руководителей служб, организован не на должном уровне, начиная с организации работы СОГ после получения сообщения о преступлении и заканчивая принятием окончательного решения по уголовному делу.

С целью эффективности взаимодействия подразделений подразделениями дознания отдела полиции при раскрытии и расследовании преступлений и устранения недостатков необходимо:

- принять меры по повышению эффективности осмотра места происшествия, при отсутствии изъятых следов(предметов), нарушений требований и порядка осмотра места происшествия (ст. 177 УПК РФ) организовывать повторный выезд на место происшествия;

- усилить контроль за качеством и своевременном исполнении поручений, при установлении нарушений сроков исполнения поручения виновных привлекать к дисциплинарной ответственности;

- в целях принятия законных решений по поступившим материалам проверок в СПД, ввести в практику доствления подозреваемых лиц и потерпевших в подразделения дознания в день направления материала.

С учетом вышеизложенного можно с уверенностью сказать, что при правильном взаимодействии служб, можно достичь положительных результатов в обеспечении защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействию преступности, охране общественного порядка и общественной безопасности. Таким образом, сотрудникам служб и подразделений отделов полиции необходимо в полной мере в служебной деятельности реализовывать свои законные права и обязанности, в целях дальнейшего раскрытия и расследования преступлений, а также осуществление государственной защиты прав и свобод, защиты имущества и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ МВД РФ от 29 апреля 2015 года № 495дсп «Об утверждении Инструкции по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.07.2022).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022).

УРУСОВ Замир Хасанович

старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ТЕПЕЕВ Алан Атлыевич

старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Изучение личности преступника органами внутренних дел имеет большой практический смысл. На основе данных, полученных при исследовании различных аспектов, можно составить рекомендации по устранению причин формирования преступных наклонностей или условий, способствующих совершению противоправных деяний, составить психологический портрет преступника, спрогнозировать его дальнейшее поведение или действия. Знание определенных особенностей поведения помогают с точностью «вычленив» преступника из массы подозреваемых, а также «предсказать» антиобщественную направленность и рецидивность его поведения. В данной статье автор сделал акцент на перечисленные и некоторые другие аспекты.

Ключевые слова: преступник, личность, преступления, общественная опасность, психологические особенности, направленность личности, ОВД.

URUSOV Zamir Khasanovich

senior lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

TEPEEV Alan Atlyevich

senior lecturer of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia of lieutenant colonel police

THE ROLE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE STUDY OF THE CRIMINAL'S IDENTITY

The study of the criminal's identity by the internal affairs bodies makes great practical sense. Based on the data obtained during the study of various aspects, recommendations can be made to eliminate the causes of the formation of criminal tendencies or conditions conducive to the commission of illegal acts, to make a psychological portrait of the criminal, to predict his further behavior or actions. Knowledge of certain behavioral features helps to accurately "isolate" the criminal from the mass of suspects, as well as "predict" the antisocial orientation and recidivism of his behavior. In this article, the author has focused on the listed and some other aspects.

Keywords: criminal, personality, crimes, social danger, psychological characteristics, personality orientation, ATS.

Нередко при расследовании преступлений бывают ситуации, когда подозреваемых либо слишком много, либо их нет совсем. Изучение личности преступников имеет большой познавательный смысл, состоящий в том, что при расследовании преступления, из массы людей, которые попадают под подозрение или среди которых необходимо выявить именно того, который действительно причастен к его совершению.

Изучением личности человека традиционно занимается наука психология. Органы внутренних дел (далее ОВД) изучают личность с точки зрения его преступной направленности. ОВД в своем исследовании опираются как на научные изыскания, так и на практический опыт. Эти аспекты деятельности правоохранительных органов не теряют своей актуальности многие годы, поскольку помогают не только выявить преступника среди подозреваемых, но и решать задачи предупреждения и борьбы с преступностью.

Изучение личности может происходить с разных сторон: криминалистической, уголовно-правовой, процессуальной и решать вопросы виновности и применения соответствующего наказания, а также задавать направление расследованию

и определению его методики. Уголовно-исполнительный аспект разрабатывает средства воздействия на преступника с точки зрения исправления преступного поведения, воспитания законопослушной личности. Сотрудники изучают:

- статистические данные (различные отчеты, материалы, собранные судами, прокуратурой, МВД)
- результаты специальных криминологических исследований, также основанные на статистических данных уголовных расследований;
- нередко используются статистические данные, касающиеся демографических, социально-культурных и экономических аспектов, которые «накладываются» на вышеперечисленные данные [2].

Такие корреляции нередко дают интересные результаты, которые потом используются сотрудниками ОВД в работе, а также для представления некоторых данных широкой общественности.

Изучение материалов уголовных дел, условий совершения того или иного преступления, а также статуса и личности потерпевшего, помогают определить тип преступника,

Урусов З. Х.

Тепеев А. А.

предугадать его дальнейшие шаги, и возможно предотвратить другие преступления.

Ценные данные можно получить при изучении следующих данных:

- вид преступления и направленность преступных посягательств;
- поведение преступника, его антиобщественная направленность (например, склонность к рецидивам, их частота, предрасположенность к совершению правонарушений и преступлений, отбывая наказание, и после его завершения);
- соучастие в преступной деятельности;
- степень общественной опасности преступника и преступлений, которые он совершил, оценка примененных мер наказания [3].

Схема изучения личности обычно представляет собой довольно проста, и состоит из набора стандартных сведений:

1. Поведение преступника, причина привлечения к ответственности, меры наказания, анализ поведения в заключении.
2. Обстоятельства и причины противоправного поведения, личность потерпевших, условия, способствовавшие совершению преступления, связь преступления с употреблением алкоголя, наркотиков и пр.
3. Социально-демографические условия: пол, возраст, образование, трудовая занятость, отношения в семье, мера ответственности в обеспечении своих семейных обязанностей.
4. Особенности личности:
 - уровень интеллектуального развития, знаний, кругозор, профессиональность в той или иной отрасли;
 - черты характера (замкнутость, общительность, равнодушие и пр.);
 - волевые качества (решительность, настойчивость);
 - потребности и интересы (одобрение, признание, защита);
 - пристрастия (употребление алкоголя, запрещенных препаратов, страсть к азартным играм и т.п.);
 - преступный опыт (особые навыки подготовки, знание криминальных порядков и пр.);
 - состояние здоровья.
5. Межличностные отношения (в семье, на работе, характеристика членов семьи, круг общения и т.п.).
6. Материальная обеспеченность [1].

Всестороннее изучение личности преступника обладает глубоким психологическим смыслом. Знания, полученные во время исследования, позволяют индивидуализировать наказание, определить меры воздействия на индивида, при которых будет достигнут максимальный эффект исправительного воздействия на осужденного, а также применить верную тактику в профилактической работе с преступниками.

При изучении личности преступников специалисты как правило интересуются теми, чья вина была доказана и теми, кто лицами, которые, представляют потенциальную угрозу для общества.

Обладание знаниями о личности преступника позволяет сотрудникам:

- эффективно совершенствовать правовую систему,
- лучше понимать различные зависимости и искать пути влияния на них (психологические, юридические и т.п.),
- находить простые и действенные решения профессиональных задач,
- укреплять правопорядок посредством взаимодействия с различными организациями.

Для практической деятельности изучение личности преступника позволяет:

- составлять психологические портреты преступников;
- прогнозировать ситуации и «следующие» шаги преступника;

– определять «корень» преступной направленности, исходя из определенных жизненных обстоятельств, прогнозировать его дальнейшее поведение.

Данные аспекты являются в некотором смысле определяющими в работе ОВД, без обладания некоторыми знаниями психологии личности преступника невозможно правильно выдвигать версии, задавать направление расследования. Конечно, зачастую такие знания приходят к сотрудникам с опытом, но помощь специалистов, обладающих специальными знаниями всегда «рядом».

Важнейшую роль в изучении личности преступника играют органы внутренних дел (далее ОВД), которые осуществляют это как с научной, так с практической точек зрения. Для этого применяются различные научные и статистические методы, результаты различных криминологических исследований и опросов. Соотношение этих данных, например, с демографическими и экономическими показателями позволяет найти более глубокие причины насильственных проявлений индивидов при совершении преступления. Большой пласт информации дают материалы как в рамках данного уголовного дела, так и прошлых преступлений, в которых преступник мог участвовать. Источниками данных при изучении личности, преступившей закон, выступают также и сам преступник, его ближайшее окружение, семья, друзья, коллеги, соседи, непосредственно потерпевший, характер их отношений (если они имелись).

Самым традиционным способом при изучении является метод статистического наблюдения, опросы, эксперименты и пр. При этом выявляются такие показатели как направленность преступного посягательства, устойчивость и рецидивность антиобщественного поведения, соучастие в других преступлениях, степени общественной опасности преступника.

Изучение социально-демографических признаков насильственных преступников позволяет выявить их как внутренние, так и внешние статистические связи.

Правоохранительные органы в первую очередь интересуют те преступники, которые уже совершили преступление либо лица, которые представляют потенциальную угрозу для общества. Обладание знаниями о таких людях позволяет эффективно совершенствовать правовую систему и лучше понимать юридико-психологические зависимости, то, как на них можно повлиять. Также это позволяет усовершенствовать взаимодействие с другими органами и структурами, извлечь максимальную пользу для раскрытия преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев А. И. Криминология: курс лекций. Издание четвертое, исправленное и дополненное. – М.: Издательство «Щит-М», 2004. – 315 с.
2. Значение и основные направления изучения личности преступника в практической деятельности органов внутренних дел – Структура личности преступника. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studbooks.net/1025842/pravo/znamenie_osnovnye_napravleniya_izucheniya_lichnosti_prestupnika_prakticheskoy_deyatelnosti_organov_vnutrennih (дата обращения: 11.06.2022).
3. Кивич Ю. В., Лебедев С. Я. Предупреждение преступности органами внутренних дел: лекция. – М.: ЮИ МВД РФ, 1998. – 34 с.

ЯРОСЛАВСКИЙ Михаил Александрович

преподаватель кафедры физической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ГУБЖОКОВ Анзор Хадисович

старший преподаватель кафедры физической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ И ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Пресечение преступных проявлений и восстановление нарушенного права зачастую сопряжены для сотрудников полиции с необходимостью применения физической силы. Подобные действия допускаются законодателем в строго определенном ряде случаев и при обязательном соблюдении условий их правомерности. Четкое понимание соотношения факторов и обстоятельств, характеризующих конкретную бытовую ситуацию, а равно и умение оперативно проанализировать ее с точки зрения допустимости и уместности физического воздействия на правонарушителя, позволит сотрудникам правоохранительных органов повысить уровень профессиональных компетенций и не допустить превышения служебных полномочий.

Ключевые слова: физическая сила и боевые приемы, физической воздействие, задержание и сопровождение, условия правомерности причинения физического вреда.

YAROSLAVSKIY Mikhail Aleksandrovich

lecturer of Physical training sub-faculty of the North Caucasian Advanced Training Institute (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia

GUBZHOKOV Anzor Khadisovich

senior lecturer of Physical training sub-faculty of the North Caucasian Advanced Training Institute (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia

ON THE QUESTION OF EXPEDIENCY AND INCREASING THE EFFECTIVENESS OF THE USE OF PHYSICAL FORCE BY POLICE OFFICERS

The suppression of criminal manifestations and the restoration of violated rights are often associated with the need for police officers to use physical force. Such actions are allowed by the legislator in a strictly defined number of cases and subject to mandatory compliance with the conditions of their legality. A clear understanding of the correlation of factors and circumstances characterizing a specific domestic situation, as well as the ability to quickly analyze it from the point of view of the permissibility and appropriateness of physical impact on the offender, will allow law enforcement officers to increase the level of professional competencies and prevent abuse of official authority.

Keywords: physical force and combat techniques, physical impact, detention and escort, conditions for the legality of causing physical harm.

Тезис античных философов «благо народа – высший закон» никогда не утратит своей актуальности в правовом государстве. Комфорт и беспрепятственное протекание жизнедеятельности населения в этой связи является безусловным приоритетом государственной политики. Обеспечению общественного порядка служит наделение представителей системы органов внутренних дел рядом специальных полномочий в части возможной реакции правоприменителей на совершенные, совершаемые либо готовящиеся преступления и правонарушения. В условиях модернизации и технологического прогресса, скорости социальных изменений и перестроек на современном этапе развития общества, международной обстановки, эффективность профессиональной деятельности сотрудников полиции в значительной степени определяет национальную безопасность государства в целом. Важным и действенным средством противостояния деликтам различной степени общественной опасности является право на применение сотрудниками полиции физической силы.

Обширный круг задач, решение которых зафиксировано законодательной базой в качестве функций системы органов внутренних дел, требует от ее представителей в том числе и такого построения процесса физической подготовки, когда усилия концентрируются на развитии физических качеств и формировании умений и навыков двигательной активности. Обуславливается подобное положение спецификой деятельности правоохранителей, которая наиболее явно проявляется в условиях непосредственного силового противостояния, пресечению правонарушений и задержанию лиц, их совершивших.

Строгое соответствие правилам физического воздействия на представителей подотчетного круга лиц сотрудниками полиции, находящимися при исполнении служебных обязанностей позволяет результативно решить несколько важных задач: во-первых, обеспечить итоговую эффективность процесса задержания и доставления правонарушителя в территориальное подразделение, сделать это без задержек

Ярославский М. А.

Губжиков А. Х.

и промедлений, во-вторых – сохранить в неприкосновенности жизнь и здоровье самих сотрудников, угрозой которым зачастую сопровождаются акты физического сопротивления законным требованиям, в-третьих – не допустить нанесения излишних повреждений задерживаемым, выполняя именно те действия, которые позволят минимизировать ущерб. Надлежащее соблюдение правил применения физической силы и приемов борьбы является залогом обеспечения должного уровня безопасности, а тактически квалифицированные методы позволяют избежать характерных ошибок, допускаемых при совершении подобных действий, сопряженных с негативными последствиями [2].

Нормативное закрепление право на применение физической силы сотрудниками полиции получило в ст. 20 Федерального закона «О полиции». Данный законодательный акт прописывает, что сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, в следующих случаях:

- 1) для пресечения преступлений и административных правонарушений;
- 2) для доставления в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, помещение муниципального органа, иное служебное помещение лиц, совершивших преступления и административные правонарушения, и задержания этих лиц;
- 3) преодоления противодействия законным требованиям сотрудника полиции [1].

Своего рода оговорка и указание на особенности и нюансы каждой конкретной ситуации силового воздействия на физическое лицо содержится в части 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции» где поясняется, что сотруднику полиции при применении физической силы следует действовать с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются данные меры государственного принуждения, характера и силы оказываемого ими сопротивления. Подобная трактовка не допускает волевой установки сотрудников полиции на достижение цели любыми средствами, а предполагает важность целесообразного выбора репрессивности собственных действий исходя из сложившегося положения.

Помимо прочего степень приложения физических усилий на правонарушителя должна соотноситься с такими критериями как необходимость и достаточность. К примеру, в двух условных ситуациях, где первая представляет акт неповиновения законным требованиям сотрудника правонарушителем и попыткой скрыться, а вторая – нападением на полицейских или иных лиц с угрозой их жизни и здоровью, выбор конкретного боевого приема, их комбинаций и последовательности, а также иных тактических действий безусловно должен различаться.

Содержание понятия применение физической силы уполномоченным субъектом, на наш взгляд, наиболее емко отражается в следующей формулировке: использование мускульного напряжения, физических качеств и возможностей, а равно специальных технических навыков полицейскими для ограничения неприкасаемости правонарушителя, отражения угрозы, исходящей от его действий, переводение его в состояние, когда сопротивление не представляется возможным (болевым прием, связывание, сковывание и т.п.).

Почти всегда физическое воздействие в телесном контакте влечет причинение вреда правонарушителю, выражающегося в появлении болевых ощущений (проведение

специального приема задержания), различных травмах и повреждениях. Одновременно, в зависимости от сложности разрешения конфликтной ситуации переход к применению приемов задержания без предварительной системной подготовки может представлять для самих сотрудников полиции большие затруднения и риски получения травм и потери боеспособности. Если же в ситуации непосредственного противостояния сотруднику полиции противопоставит правонарушитель (группа правонарушителей), превосходящий правоприменителя в антропометрических данных, обладающий определенной подготовкой и сколько-нибудь наработанными навыками единоборств, от уровня владения боевыми приемами и общефизического состояния полицейского, умения мгновенно принять правильное решение в части собственных действий и нейтрализовать угрозу, без преувеличения зависит жизнь и здоровье его самого и окружающих.

Выходом из положения нам представляется организация и четкое следование системному подходу к тренировочному процессу в подразделениях органов внутренних дел, изучение нормативной базы и постоянная апробация боевых элементов, получение представления об ударной и борцовской технике, приемов задержания, ограничения свободы, освобождения от захватов и т.д. Автоматизм действий, вырабатываемый регулярными тренировками, постоянный контроль эмоционального состояния, способность мобилизовать внутренние резервы для решения поставленной задачи, готовность быстро принять решение в сложной ситуации, оценив обстановку, высокий уровень физической подготовки, уверенное владение боевыми приемами борьбы – задачи, которые помогает решать физическая культура, а также занятия прикладными видами спорта в повседневной деятельности сотрудников органов внутренних дел посредством обучения двигательным реакциям, тонкой дифференцировке и точности движений [3].

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 13 июля 2015) // Собрание законодательства РФ. - 2011.
2. Ярославский М. А. Индивидуальные и коллективные тренировки как способы развития скоростно-силовых качеств полицейских / Учебное пособие. – Нальчик, 2019.
3. Филимонов Д. Г. Роль физической культуры и спорта в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / Физическое воспитание и спорт: актуальные вопросы теории и практики [Электронное издание]: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 5 апреля 2018 года).

ШОНДИРОВ Руслан Хазраилович

преподаватель кафедры огневой подготовки Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, капитан полиции

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К ПРАВОМЕРНОМУ ПРИМЕНЕНИЮ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В ПРОЦЕССЕ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Обладание сотрудниками полиции глубокими знаниями и устойчивыми навыками владения огнестрельным оружием является одним из главных компонентов их профессионализма. Именно достижению этой цели и способствует дисциплина «огневая подготовка», где в процессе обучения сотрудники полиции отрабатывают упражнения с оружием. Сотрудники полиции также обучаются тому, что каждый случай применения огнестрельного оружия должен быть правомерным. Поэтому в процессе освоения дисциплины «огневая подготовка» каждый обучающийся должен ставить перед собой целью достижение грамотного, с наименьшим ущербом для здоровья, но с наибольшей эффективностью использования огнестрельного оружия. Только в таком случае можно говорить о результативности обучения. Вместе с тем, во избежание трагичных последствий, связанных с неумелым обращением с огнестрельным оружием, когда погибали сами сотрудники, в процессе обучения перед преподавателями (руководителями занятий) ставится задача сформировать и закрепить у обучающихся комплекс морально-психологических, боевых и физических качеств, необходимых для эффективного применения оружия.

Ключевые слова: сотрудники полиции, огневая подготовка, техническая подготовка, тактическая подготовка, профессионализм, правомерность применения огнестрельного оружия, практико-ориентированное обучение, ситуационный подход.

SHONDIROV Ruslan Khazrailovich

lecturer of Fire training sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, captain of police

FORMATION OF READINESS FOR THE LAWFUL USE OF FIREARMS IN THE PROCESS OF FIRE TRAINING OF POLICE OFFICERS

Possession by police officers of in-depth knowledge and stable firearms skills is one of the main components of their professionalism. It is the achievement of this goal that contributes to the discipline of "fire training", where in the process of training, police officers work out exercises with weapons. Police officers are also trained that every use of firearms must be legal. Therefore, in the process of mastering the discipline "firearms training" each student should set himself the goal of achieving a competent, with the least damage to health, but with the greatest efficiency in the use of firearms. Only in this case can we talk about the effectiveness of training. At the same time, in order to avoid the tragic consequences associated with the inept handling of firearms, when the employees themselves died, in the process of training, teachers (class leaders) are tasked with forming and consolidating in students a set of moral, psychological, combat and physical qualities necessary for effective use of weapons.

Keywords: police officers, firearms training, technical training, tactical training, professionalism, the legality of the use of firearms, practice-oriented training, situational approach.

Разработка и внедрение новых Федеральных государственных образовательных стандартов в корне изменило социальное предназначение высшей школы, ранее назначение которой заключалось в осуществлении простой передачи знаний от педагогов к обучающимся. Сегодня функции образования переориентированы на процесс воспитания высококонкретного, компетентного, успешного и осознающего ответственность за настоящее и будущее своей страны, отвечающего требованиям правоохранительной деятельности гражданина России.

Развитие у сотрудников полиции способностей, а на их основе готовности ставить цели, проектировать пути их реализации, оценивать достижения результатов обучения выступает одной из приоритетных задач ведомственного образования. Система подготовки кадров для МВД России призвана обеспечить обучающихся умениями и навыками своевременного реагирования на события, связанные,

Шондилов Р. Х.

в частности, с применением огнестрельного оружия в процессе выполнения оперативно-служебных задач. При этом, во всех случаях применения огнестрельного оружия следует помнить, что его использование допускается только в качестве крайней меры защиты от противоправных деяний со стороны антиобщественных элементов, посягающих на жизнь и здоровье граждан. В профессиональной деятельности применение огнестрельного оружия является важнейшей составной частью сотрудника полиции.

Сотрудники полиции на занятиях по огневой подготовке совершенствуют навыки применения огнестрельного оружия. В процессе обучения сотрудники полиции получают необходимый багаж знаний, умений и навыков по защите жизни граждан, однако во главу угла прежде всего необходимо ставить сохранение своей собственной жизни, а это возможно только при уверенном владении огнестрельным оружием.

При оценке криминальных структур правоохранители отмечают, что они постоянно технически и тактически развиваются, их методы совершенствуются, а это дает им возможность выйти на более профессиональный уровень, стать более агрессивными и изощренными. Следовательно, растет и число совершаемых преступлений, особенно связанных с посягательством на жизнь граждан и сотрудников полиции.

Федеральным законом «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ регламентируется «право сотрудников ОВД на применение различных мер государственного принуждения, с целью успешного осуществления возложенных на них обязанностей, связанных с защитой жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, а также государственных и общественных интересов от противоправных посягательств» [1]. Отсюда, для успешного решения указанных задач необходимо у сотрудников полиции сформировать комплекс моральных, физических и психологических качеств, в т.ч. смелости и решительности, которые помогут моментально распознать опасность и не теряя самообладания реагировать на нее [6], [7], [10]. Поэтому обладание постоянной готовностью к применению огнестрельного оружия и умениями принимать правильные решения для достижения превосходства над противником является генеральной целью огневой подготовки сотрудников полиции.

Со стороны сотрудников полиции условия профессиональной деятельности требуют обладания глубокими знаниями и устойчивыми навыками владения огнестрельным оружием. Именно достижению этой цели и способствует дисциплина «огневая подготовка», где в процессе обучения сотрудники полиции отрабатывают упражнения с оружием. Условия правоохранительной деятельности, в которых возникает необходимость применения огнестрельного оружия, весьма разнообразны – это и различное время суток, и открытое пространство, и густонаселенные пункты, и помещение, и транспорт, поэтому в обязанности сотрудника полиции входит поражение цели с минимальным производством выстрелов. Если приемы с оружием не доведены до совершенства и не выполняются «на автомате», то осуществление указанной задачи возводится в разряд невозможных. Ввиду этого, важное значение приобретает тактическая и техническая подготовка.

Вместе с тем, правоохранительная практика часто указывает на случаи, когда сотрудниками была проявлена нерешительность или возник страх перед применением огнестрельного оружия, что привело к результатам с трагическими последствиями. В числе причин такого положения называют недостаточную подготовленность полицейского к ведению огневого боя, а также недооценка необходимости использования специальных и индивидуальных средств защиты.

В образовательные организации МВД России на обучение, подготовку, переподготовку и повышение квалификации попадает контингент сотрудников полиции, профессиональная деятельность которых проходит с крайне редкой необходимостью применения огнестрельного оружия и поэтому с их стороны идет недопонимание значимости огневой подготовки. Ввиду этого у них можно

наблюдать слабое представление о профессиональном качестве «владение оружием», структуру которого составляют знания, умения и навыки. Соответственно данная категория сотрудников не осознает и тяжести последствий, которые могут возникнуть по причине неумелого и неграмотного обращения с оружием. В то же время анализируя категорию сотрудников полиции, у которых по долгу службы применение огнестрельного оружия является необходимостью, можно заметить, что и они опасаются обнажать его, а тем более вести огонь, поскольку подобные случаи связаны с большой ответственностью и вероятностью ошибки, что в результате обернется для стрелявшего неизбежными проблемами – от увольнения до уголовного преследования [4], [5], [8].

Каждый случай применения огнестрельного оружия должен быть правомерным и рассматривают его не только в подразделении полиции, но и в прокуратуре. Поэтому даже в самых критических ситуациях профессиональной деятельности сотрудники полиции до последнего избегают ведения огня. Исследователи причиной такого поведения называют отсутствие у сотрудников полиции уверенности в своей подготовке к ситуациям применения оружия. Полный перечень и подробное описание случаев применения огнестрельного оружия содержится в нормах Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ [1]. Если говорить о ситуациях преднамеренного применения огнестрельного оружия со смертельным исходом, то следует помнить, что подобное действие допускается только в случаях возникновения необходимости защитить свою жизнь или жизнь мирных граждан, поскольку со всей очевидностью сложилась обстановка, в которой менее решительные меры недостаточны. А для защиты здоровья огнестрельное оружие необходимо применить так, чтобы не причинить смерти правонарушителю.

Именно поэтому приоритетной задачей образовательного процесса является совершенствование у сотрудников полиции умений, навыков и способов применения оружия. В процессе освоения дисциплины «огневая подготовка» каждый обучающийся должен ставить перед собой целью достижение грамотного, с наименьшим ущербом для здоровья, но с наибольшей эффективностью использования огнестрельного оружия. Только в таком случае можно говорить о результативности обучения.

Официальная статистика неутешительно свидетельствует о большом числе случаев, когда из-за неумелого обращения с огнестрельным оружием погибали сами сотрудники. Во избежание подобных трагичных последствий в процессе обучения перед преподавателями (руководителями занятий) ставится задача сформировать и закрепить у обучающихся морально-психологические, боевые и физические качества, необходимые для эффективного применения огнестрельного оружия [7], [10]. И важное значение здесь имеет тактическая подготовка, о которой мы упоминали выше, призванная обеспечить рациональную организацию поведения и действий обучающихся сообразно условиям изменяющейся внешней среды и стрессового состояния.

Относительно выполнения действий с оружием следует также помнить о необходимости технически

правильного выполнения приема. С этой целью учебно-тренировочный процесс организовывается на основе практико-ориентированного обучения, призванного помочь сотрудникам полиции в наработке высокого уровня мастерства, психологической устойчивости, готовности переносить любые испытания, выдержки и самообладания, а также способности рассуждать и логически мыслить [2], [3]. При этом, практико-ориентированное обучение строится на основе ситуационного метода, в процессе которого преподаватели создают различные нестандартные ситуации, усложняют их, меняют оперативно-тактические условия и последовательность. Это способствует развитию инициативы и самостоятельности у контингента обучающихся, а также формирует у них стрессоустойчивость [4], [9].

Во всех случаях преподаватели должны помнить, что всякое послабление в процессе обучения замедляет выработку навыков эффективного владения оружием, а в практической деятельности, к которой сотрудники полиции возвращаются после завершения обучения, к необратимым последствиям. Поэтому образовательный процесс сотрудников полиции должен быть направлен на углубление и обогащение теоретических знаний, а также расширение их технического кругозора [3], [4], [8].

В заключение обобщим, что формирование готовности правомерного применения огнестрельного оружия процесс длительный и трудоемкий. Условия службы в правоохранительной системе связаны с необходимостью применения огнестрельного оружия, причем подобные ситуации весьма разнообразны. Однако, во всех случаях обнажения оружия следует помнить, что каждый случай быть правомерным. Поэтому образовательный процесс по дисциплине «огневая подготовка» строится таким образом, чтобы сотрудники полиции достигали высоких результатов обучения и показывали надлежащий уровень технической, тактической и физической подготовки, а также высокие морально-волевые и психологические качества [7]. В процессе освоения дисциплины «огневая подготовка» перед каждым обучающимся ставится задача достижения грамотного, с наименьшим ущербом для здоровья, но с наибольшей эффективностью использования огнестрельного оружия. И одних учебно-тренировочных занятий по огневой подготовке может оказаться недостаточно. Здесь важна также и самостоятельная работа, и при этом нельзя забывать, что успеху обучения способствует соблюдение принципа регулярности и поддержания навыков меткой стрельбы. Поэтому считаем целесообразным после выпуска из образовательных организаций сотрудникам полиции продолжить также тренировать практическую стрельбу в тирах и на стрельбищах.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 14.08.2022).
2. Абидов Р. Р. Правовые основы организации огневой подготовки сотрудников полиции // Журнал

прикладных исследований. - 2021. - Т. 1. - № 5. - С. 88-91.

3. Абидов Р. Р. Проблемы правового регулирования огневой подготовки сотрудников полиции // Журнал прикладных исследований. - 2021. - Т. 1. - № 5. - С. 96-99.
4. Гедгафов М. М. Формирование профессиональной готовности у сотрудников полиции к правомерному применению огнестрельного оружия // Журнал прикладных исследований. - 2022. - Т. 1. - № 4. - С. 89-93.
5. Жамборов А. А. Некоторые особенности формирования психологической устойчивости и физической готовности сотрудников органов внутренних дел к применению боевого оружия // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 3 (154). - С. 343-345.
6. Карачаев А. Р., Малаев А. Х. Последствия и риски неправомерного применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции // Журнал прикладных исследований. - 2022. - Т. 2. - № 3. - С. 184-187.
7. Карданов А. К. Влияние физической подготовленности на технику стрельбы слушателей образовательных организаций МВД России // Проблемы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 4. - С. 75-78.
8. Таков А. З. Актуальные проблемы огневой подготовки в образовательных организациях МВД России // Образование. Наука. Научные кадры. - 2022. - № 1. - С. 250-252.
9. Черкесов А. Ю. Огневая подготовка сотрудников полиции, как часть служебно-боевой подготовки // В сборнике: Инновации в науке и практике. Сборник трудов по материалам VI Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ. - Уфа, 2021. - С. 104-109.
10. Черкесов А. Ю. Актуальные вопросы огневой подготовки сотрудников полиции // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 10 (161). - С. 404-405.

АБАЗОВ Ислам Султанович

старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

МАГОМЕДОВ Мурад Насруллаевич

старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ СОВРЕМЕННОМУ ТЕРРОРИЗМУ

В статье показана роль Глобальной Контртеррористической Стратегии Организации Объединённых Наций в противодействии международному терроризму, которая должна обеспечить устранение условий, способствующих распространению данного явления, меры борьбы с ним, укрепление потенциала государств по предотвращению терроризма и борьбе с ним, укрепление роли системы Организации Объединённых Наций в этой области, а также всеобщее уважение прав человека и верховенства права в качестве фундаментальной основы для борьбы с терроризмом. Также проанализированы причины, влияющие на эффективность реализации Стратегии. Сделан вывод о том, что соблюдение принципов Стратегии должно обеспечиваться всеми странами, независимо от того сколько для этого ресурсов будет затрачено.

Ключевые слова: Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, международное сотрудничество, верховенство права, эффективность и результативность реализации, противодействие.

ABAZOV Islam Sultanovich

senior lecturer of Internal affairs activities in special conditions sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

MAGOMEDOV Murad Nasrullaevich

senior lecturer of Internal affairs activities in special conditions sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

THE ROLE OF INTERNATIONAL INSTITUTIONS IN COUNTERING MODERN TERRORISM

The article shows the role of the United Nations Global Counter-Terrorism Strategy in countering international terrorism, which should ensure the elimination of conditions conducive to the spread of this phenomenon, measures to combat it, strengthening the capacity of states to prevent and combat terrorism, strengthening the role of the United Nations system in this areas, as well as universal respect for human rights and the rule of law as a fundamental basis for the fight against terrorism. The reasons that affect the effectiveness of the implementation of the Strategy are also analyzed. It is concluded that compliance with the principles of the Strategy should be ensured by all countries, regardless of how much resources will be spent for this.

Keywords: UN Global Counter-Terrorism Strategy, international cooperation, rule of law, effectiveness and efficiency of implementation, counteraction.

Вторая половина XX века прочно закрепила терроризм в роли основной угрозы обществу по всему миру, с которым борется большая часть современных государств, ввиду того что данное явление из внутренней проблемы трансформировалось в интернациональную. В последние три десятилетия терроризм наращивает свою агрессию, повышается степень его организованности, использует в своем арсенале новейшие технические средства массового уничтожения. В результате мир постоянно сотрясается от безжалостных актов терроризма. Соответственно это резко увеличивает степень его общественной опасности, и исследователи при его квалификации отмечают, что терроризм является глобальным злом, которое деструктивные силы используют в качестве инструмента достижения определенных целей [6-8].

Когда дело касается борьбы и противодействия терроризму, то у разных государств разные методы и в данной научной работе мы проанализируем роль Глобальной Контртеррористи-

ческой Стратегии Организации Объединённых Наций в противодействии международному терроризму [2].

Глобальная Контртеррористическая Стратегия ООН была принята 08 сентября 2006 года и это событие по мнению многих исследователей является одним из важнейших шагов в борьбе с терроризмом, так как подписанные ранее соглашения или договора носили двусторонние или трехсторонние порядком, а в принятии данной стратегии 193 государства выразили готовность вести совместную борьбу с терроризмом. Конечно, имеет смысл согласиться с тем, что совместная борьба двух, трёх или пяти стран в любом случае будет уступать эффективности совместной деятельности сразу 193 стран [1, 3].

Стратегия включает в себя четыре основных компонента в качестве меры:

- по устранению условий, способствующих распространению терроризма;
- по предотвращению терроризма и борьбе с ним;

Абазов И. С.

Магомедов М. Н.

– по укреплению потенциала государств по предотвращению терроризма и борьбе с ним и укреплению роли системы Организации Объединенных Наций в этой области;

– по обеспечению всеобщего уважения прав человека и верховенства права в качестве фундаментальной основы для борьбы с терроризмом [2].

В Стратегии закреплены следующие основные руководящие принципы международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом:

1. Осуждение терроризма во всех его формах и проявлениях. Основной идеей и целью данного принципа является уточнение того факта, что терроризм в любой своей форме, как самой радикальной, так и начальной может привести к страшным последствиям и ровно по этой причине должен подлежать применению санкций в отношении лиц, компаний и стран, которые поддерживают террористические организации, оправдывают их действия или помогают им совершать теракты.

2. Отказ от организации, содействия, участия, поддержки или оправдания террористически направленных действий. Отличительной особенностью Стратегии от всех остальных международных договоров, регулирующих противодействие терроризму, является тот факт, что основной целью взаимодействия между странами является подрыв финансирования террористов при успешном проведении которого террористы при отсутствии средств, ослабеют и со временем исчезнут.

3. Соблюдение прав и свобод человека при принятии мер по борьбе с терроризмом. Какими бы безжалостными не были террористические организации и какой ущерб они не нанесли бы человечеству, осуществляя борьбу не стоит забывать об общих принципах права и международных документах, регламентирующих права и свободу любого человека в мире. В некоторых случаях борьба с терроризмом оборачивается самой настоящей войной, но даже в этом случае, не стоит забывать, что весь цивилизованный мир выше террористов и использования их методов борьбы против них неприемлемо, так же как допуск жертв среди мирного населения в ходе операций или жестокого отношения к террористам, которые были захвачены живыми. Основным здесь, как и сказано ранее, является соблюдение законов международного права, а именно всеобщей декларации прав человека и различных конвенций в области прав человека.

4. На государствах лежит основная ответственность за осуществление Стратегии. Стратегия подразумевает, что каждое государство вправе принимать решения в отношении борьбы с терроризмом, которые, по его мнению, являются наиболее эффективными и правильными, однако они не должны нарушать правила самой Стратегии и законы международного права. Это означает, что в отношении государств, преступивших черту закона, могут быть выдвинуты различные санкции. С одной стороны такая политика является довольно эффективной, так как терроризм в каждом государстве проявляется по-своему и государство должно применять те методы борьбы, которые будут эффективны в ее конкретном случае, с другой же стороны методы борьбы одного государства могут быть восприняты другими как чрезмерные и оно может подвергнуться санкциям без особой причины.

5. Совершенствование межкультурного взаимопонимания и обеспечение уважения всех религий, религиозных ценностей, убеждений и культур. Согласно данному принципу, была сформулирована очень точная и правильная позиция, согласно которой терроризм никаким образом не связан ни с одной религией, национальностью или расой, терроризм – идеология насилия, которую никакая религия, нация или раса изначально не преследует, и он присущ отдельным людям, которые могут быть разных национальностей, рас и религий. Данный принцип было необходимо сформулировать чтобы избежать преследования мирных жителей-представителей той же религии или нации и расы что и террористы, и что данные критерии не делают их такими же террористами [4].

Однако, как и схожие международные договорённости данная Стратегия не совершенна и имеет ряд минусов, которые напрямую влияют на эффективность борьбы с терроризмом.

Первой и самой глобальной проблемой является слабое международное сотрудничество. Безусловно, за те годы, что существует стратегия человечество вышло на новый уровень в борьбе с возникшей угрозой и многие государства уже не выглядят столь слабыми и беспомощными в отличии от террористических организаций, которым они противостоят, и достигнуто это не без помощи различных соглашений между странами для усиления друг друга. Однако и террористические организации не собираются сдавать свои позиции, поэтому тоже не сидели все эти годы сложа руки и пошли по пути модернизации, стано-

ваясь более опасными. Следовательно, не стоит обманываться, что даже если в последние годы террористы стихли и ушли в подполье это не означает что они признали свое поражение и не вернутся в любой момент с громкими резонансными террористическими актами. Именно поэтому стоит задуматься о том, какие международные соглашения помогут странам входящим в ООН быть готовыми отразить новый удар в будущем, что действительно необходимо предпринять для сохранения доминирующей позиции над террористами. Однако, к сожалению, многие государства демонстрируют неадекватность и не рассматривают вариант, при котором террористические организации вновь начнут воевать с ними. А в это время пока первые наслаждались мирным небом над головой и предпочли забыть, что такое терроризм, вторые становились сильнее и закалялись, придумывая новые стратегии войны и финансирования [3, 5, 6].

Второй, немаловажной проблемой, является то, что техническое обеспечение террористов не уступает ведущим странам мира, а значит превосходит менее развитые и богатые государства, что делает возможным превосходство террористов над ними. Помимо этого, наличие у террористов передовых технологий и достижений техники заметно затрудняет их поиск и уничтожение. Зачастую террористы заблаговременно узнают о готовящихся спецоперациях специальными структурами разных стран и успевают скрыться или устроить засаду и уничтожить целые военные отряды. А как известно, каждый такой отряд трудно заменить, так как в него входят высококвалифицированные специалисты, на подготовку которых государство потратило множество средств, а уничтожили их террористы, которые в разы уступают им. Также благодаря хорошей технической обеспеченности террористические организации могут похищать или уничтожать важные государственные данные, перенаправлять беспилотники или захватывать их, что даёт им сильное преимущество. Как известно в современном мире информация является самым сильным оружием, которое оказавшись в руках террористов может привести к последствиям о которых мы даже не догадываемся [1, 4].

Подводя небольшой итог нашему исследованию, отметим, что Глобальная контртеррористическая стратегия ООН при всей ее безупречности на первый взгляд, все же имеет свои слабые места и для ее эффективного использования необходимо строгое соблюдение всех предписанных ей принципов, в противном случае очень сильно падает ее результативность. И самое главное здесь, это необходимость ее соблюдения всеми странами, независимо от того сколько для этого ресурсов будет затрачено. В рамках же национальных стратегий противодействие терроризму необходимо осуществлять путем проведения согласованной внутренней и внешней политики государства, направленной на нейтрализацию факторов его возникновения, недопущение формирования террористических ячеек в обществе и обеспечения антитеррористической защищенности граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Ахмадулина Р. Д. Роль глобальной контртеррористической стратегии организации объединенных наций в борьбе с терроризмом // Вестник магистратуры. – 2019. – № 1-1 (88). – С. 63-65.
2. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902114207>.
3. Милецкий В. П. Международный терроризм: политико-правовое измерение теории и практики противодействия // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. – № 1. – С. 180-189.
4. Поцелуев Е. Л. Международный терроризм: понятие, признаки, состав, формы сотрудничества государств по его противодействию // Государствоведение и права человека. – 2019. – Т. 15. – № 3. – С. 122-144.
5. Соловьева Ю. А. Роль организации объединенных наций в борьбе с терроризмом // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2021. – Т. 4. – № 13. – С. 317-326.
6. Шматова Е. С., Золотарева А. И. Сущность международного терроризма и методы борьбы с ним // В сборнике: Российское государство и право: история и современность. Сборник статей преподавателей и студентов направления подготовки «Юриспруденция». – 2018. – С. 141-152.

БЕЛОНОВ Георгий Евгеньевич

кандидат философских наук, преподаватель предметно-цикловой комиссии общих гуманитарных, социально-экономических дисциплин Уфимского торгово-экономического колледжа

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ТЕРРОРИЗМ» В ФОРМАЛЬНО-ПРАВОВОМ И КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОМ РАКУРСАХ

Статья посвящена проблеме определения понятия «терроризм», которое уже многие десятилетия используется в мировых средствах массовой информации в качестве идеологического клише.

Ключевые слова: терроризм, сепаратизм, политическая конъюнктура, сепаратизм, культурно-экономическая-интеграция.

BELONOV Georgiy Evgenjevich

Ph.D. in philosophical sciences, lecturer at the Department of General humanities, socio-economic disciplines of the Ufa College of Commerce and Economics

THE PROBLEM OF THE CORRELATION OF THE CONTENT OF THE CONCEPT OF «TERRORISM» IN FORMAL LEGAL AND CONCRETE HISTORICAL ASPECTS

The article is devoted to the problem of defining the concept of "terrorism", which has been used for many decades in the world mass media as an ideological cliché.

Keywords: terrorism, separatism, political conjuncture, separatism, cultural and economic integration.

Мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 году, то обостряющийся, то переходящий в фазы стагнации, протекционистские войны ведущих держав в борьбе за контроль за сократившиеся рынки сбыта товаров, породили и обострили множественные очаги военных конфликтов, привели к углублению внутренних социальных антагонизмов во многих странах, ленты новостных агентств постоянно сообщают о совершенных террористических актах.

Вопреки оптимистичным прогнозам ряда крупных экспертов-экономистов и цифрам официальной экономической статистики реалии развития неolibеральной модели рыночной экономики в современном мире далеки от благостной картины, рисуемой федеральными СМИ. Имеют место хроническая безработица, сужение перспектив трудоустройства и вертикальной мобильности для молодежи, неуклонное снижение реальных доходов населения, демонтаж социальных обязательств государства перед населением, рост уголовной преступности и многие другие негативные явления. Эти объективные проблемы не могут не отражаться в общественном сознании и поведении. Протестные настроения реализуются в самом широком спектре – от голосований за кандидатов легальных оппозиционных политических партий, митинговой и забастовочной активности, до стихийных акций протеста с эксцессами насилия по отношению к представителям правоохранительных органов, политическим противникам, этническим меньшинствам и т.д. Одним из крайних проявлений политически мотивированного насилия выступает терроризм.

Широкое распространение практики запугивания и насильственных действий в отношении политических противников, идейных оппонентов, тех или иных социальных, религиозных, этнических групп свидетельствует об упадке политической культуры, деградации морали, нравственности, дезинтеграции социальных связей – того, что Э. Дюркгейм описывал как состояние аномии [3]. Зависимость между масштабами распространения терроризма и кризисным со-

стоянием общества вполне очевидна, но не является жестко детерминированной.

Терроризм можно рассматривать как симптом общественных болезней, но далеко не в каждом социуме он находит резкое выражение. Статистика террористических актов дает неоднозначную картину – они пожирают большое количество жертв не только в странах «третьего мира» с диктаторскими авторитарными режимами, но и в развитых странах Западной Европы и Северной Америки, славящихся своими демократическими институтами и политической толерантностью.

В 2011 году 77 человек стали жертвами террористического акта во вполне благополучной Норвегии... Феномен вежливого, спокойного, уравновешенного сына дипломата Андерса Брейвика дал пищу для размышлений многим социологам, психологам, политологам. Согласно глобальному индексу терроризма (Global Terrorism Index), который ежегодно фиксирует уровень террористической активности в странах мира, в 2017 году США и Россия последовательно занимали 32 и 33 места рейтинга, гораздо менее экономически развитая Молдова была на 107 месте, а уступающая последней по уровню ВВП на душу населения Монголия заняла 134 место [5].

О терроризме за последние полвека в мире было написано бесчисленное множество монографий, научных статей и журналистских расследований. Сам термин давно превратился в политический жупел, который используется различными политическими режимами для дискредитации своих противников. Многие государственные деятели, чьи собственные биографии зачастую отмечены пролитием крови конкурентов, а удержание власти достигается систематическим террором внутри собственных стран и вовне их, огульно записывают в террористы или их пособников всех тех, кто представляет реальную или мнимую угрозу их позициям.

Среди исследователей уже не первое десятилетие ставится проблема ограничения понятия «терроризм», поскольку

его расплывчатые и широкие формулировки, выступающие как синоним насилия вообще, в последовательно логическом применении могут привести к абсурдным умозаключениям. Вся история человечества может быть изображена как история непрекращающегося террора, в котором далеко не всегда можно выявить субъект-объектные отношения, поскольку насилие как инструмент достижения политических целей широко применялся различными социальными группами в борьбе друг против друга. Стоит напомнить, что именами террористов названы улицы множества российских городов и не только российских. В истории зарубежных стран найдутся личности, аналогичные Андрею Желябову, Степану Халтурину, Софье Перовской, Егору Созонову, братьям Кадомцевым, Ивану Якутову. История мировых религий и их конфессий, при широком понимании терроризма, даст не меньше противоречивых фигур, которые могут при желании рассматриваться как апологеты террора. Точно так же будет обстоять дело и с многими деятелями литературы, искусства и т.д.

Закономерен вопрос: можно ли оценивать события далёкого прошлого с точки зрения современных терминов? По мнению У. Лакера, «не существует «общей научной теории» терроризма. Общая теория a priori невозможна, потому что у этого феномена чересчур много различных причин и проявлений». Терроризм многолик и его формы зависят от множества факторов: от культурных традиций региона, особенностей социальной иерархии, что делает крайне затруднительными попытки дать общее определение терроризма [2].

Одним из ярких современных примеров комплексности явления политического терроризма является Black Lives Matter (BLM) – горизонтально организованное движение протеста в США, поднимающее проблемы эксцессов насилия и социальной дискриминации в американском обществе в отношении представителей афроамериканского населения по расовым признакам. Движение преследует цели борьбы с немотивированным полицейским насилием, с неадекватно многочисленным присутствием полиции в районах проживания афроамериканцев и с злоупотреблениями, имеющими место в пенитенциарной системе США [1]. К каким непредсказуемым последствиям может привести игнорирование внешне мультикультурным и толерантным государством реальных проблем расовых меньшинств показали многомиллионные протесты лета 2020 г., охватившие множество регионов США после убийства белым полицейским темнокожего безработного Джорджа Флойда. Между тем, за внешне расовыми признаками данного конфликта со всей очевидностью кроется широкий перечень социально-экономических проблем непарадной Америки, замкнутого круга безработицы, криминала, бесправия десятков миллионов жителей страны и ответного жесткого насилия со стороны формально «правового государства».

Если тот или иной социальный конфликт длительное время глеет, игнорируется государством, не находя конструктивного решения в рамках официальных политических институтов и правовых процедур с учетом интересов разных сторон, составляющих данный социум, то рано или поздно он будет разрешаться стихийным образом, включая массовые беспорядки, массовые грабежи, акты вандализма и террора.

Известный в российском медиа-пространстве политолог Б. Кагарлицкий в одной из своих статей отмечает: «Любое государство склонно считать террористами всех, кто бо-

рется против него с оружием в руках (включая повстанцев, добивавшихся независимости Израиля, Палестины, Алжира, Кении, автономии Чиапаса, всеобщего избирательного права в Родезии и Южной Африке и т.д.). В момент, когда боевые действия прекращаются, террористы становятся партнерами по переговорам, а в случае срыва переговоров их пытаются перекалфицировать обратно в террористов, – история Чечни и Палестины в этом смысле достаточно схожа. Поскольку законы о терроризме подвержены политической конъюнктуре, каждая страна выдумывает собственные определения». В противовес расширительному толкованию терроризма в США, России и Израиле, Б. Кагарлицкий приводит более конкретное представление о первом как о сознательном вооруженном насилии, направленном против мирных жителей из которого исходят в Западной Европе [4]. Представляется, что такой подход более продуктивен в реальной борьбе против рассматриваемого бича современной цивилизации. Известно, что верное определение симптомов болезни способствует постановке более точного диагноза, а верный диагноз уже есть половина лечения.

Терроризм может быть симптомом многих болезней, требующих длительного лечения. На территории ряда республик бывшего СССР имело место опыт вполне успешной антитеррористической практики, когда силовое пресечение действий вооруженных формирований со стороны государства сочеталось с наведением своеобразных культурных мостов со сторонниками идей сепаратизма. Путь социальной адаптации и культурно-экономической интеграции носителей идей национального обособления был тернист и долог. Однако именно такая кропотливая работа позволила остановить многолетнее кровопролитие в лесах Западной Украины и Прибалтики.

Добавить к анализу явления терроризма что-то новое, не повторив уже высказанных когда-либо оценок и суждений предыдущих исследователей, весьма затруднительно, но тем не менее, пока происходят террористические акты, пока растет страшная статистика невинных человеческих жертв, изучение реальных причин терроризма в их сложной, многоаспектной взаимосвязи с динамикой развития общества остается одной из важных теоретических задач гуманитарных наук.

Пристатейный библиографический список

1. Ford, Lynne E.; Bardes, Barbara A.; Schmidt, Steffen W.; Shelley, Mack C. (2017-2018). American Government and Politics Today, 2017-2018 Edition. – Boston: Cengage Learning. – Pp. 172-173.
2. Laqueur, Walter. Interpretations of Terrorism – Fact, Fiction and Political Science // Journal of Contemporary History. – January, 1977. – 183 p.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
4. Кагарлицкий Б.Ю. Все можно вырубить топором // Сборник статей и интервью 2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/114056/2/Kagarlickiii_-_Sbornik_stateii_i_interv%27yu_2002.html.
5. Рейтинг стран мира по уровню терроризма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info>.

ГУТИЕВА Ирина Генриховна

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ РАДИКАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ В РОССИИ

Одна из главных государственных задач, в условиях продолжающегося построения демократических основ в Российской Федерации – противодействовать экстремизму и терроризму. Однако принимая во внимание статистику преступлений экстремистской и террористической направленности, говорить о решении данной задачи пока преждевременно. В научной статье рассмотрены некоторые аспекты развития и формирования радикальных взглядов и направлений в России.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, понятия, история формирования, этапы, детерминанты, правоохранительные органы.

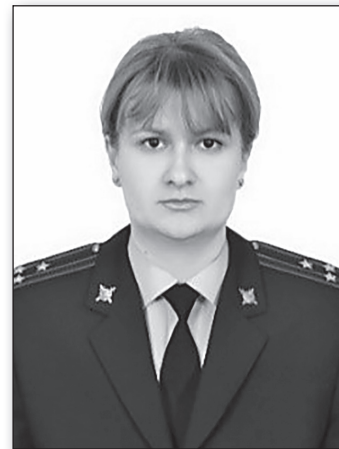
GUTIEVA Irina Genrikhovna

Ph.D. in Law, Deputy Head of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF RADICAL VIEWS IN RUSSIA

One of the main state tasks, in the context of the ongoing building of democratic foundations in the Russian Federation, is to counteract extremism and terrorism. However, taking into account the statistics of extremist and terrorist crimes, it is still premature to talk about solving this problem. The scientific article discusses some aspects of the development and formation of radical views and trends in Russia.

Keywords: extremism, terrorism, concepts, history of formation, stages, determinants, law enforcement agencies.

Гутиева И. Г.

Если обратиться к истории России, и проанализировать различные формы радикальных проявлений, то первый призыв к террористическим действиям в XIX веке содержался в антиправительственной прокламации «Молодая Россия», написанной студентом П. Заичневским в 1862 г.

Террористических актов в России было совершено, к сожалению, немало. Но одним из первых считается акт, совершенный 4 апреля 1866 г., когда в Петербурге, у ворот Летнего сада, на жизнь Александра II покушался Д. Каракозов. Несмотря на то, что Д. Каракозов промахнулся, историки считают совершенное первым террористическим актом, положившим начало формирования и развития радикальных идей в умах многих людей, приверженцев разных социальных групп. В 1869 г. создается «Общество народной расправы» под руководством С. Г. Нечаева, а в 1878 году совершаются два злодеяния насильственного характера: в феврале указанного года Вера Засулич стреляет и ранит генерал-губернатора Петербурга Ф. Ф. Трепова, а затем С. Кравчинский наносит смертельный удар кинжалом шефу Отдельного корпуса жандармов Н. В. Мезенцову.

Возрастающий уровень терроризма в общества представители власти пытались побороть репрессиями и принятием документов антитеррористического характера. Несмотря на все предпринимаемые меры 1 марта 1881 г. при

непосредственном участии представителей «Народной воли» Александр II был убит.

Следующая террористическая активность в обществе начинает наблюдаться в 1900 г. и. такие проявления становятся обыденностью и до 1912 года, пока не был разоблачен Е. Ф. Азефа, воспринимаются как норма жизни.

С 1913 террористическая активность утихает, но возрождается с новой силой в связи с приходом к власти, в октябре 1917 г., большевиков. Эта волна активности продолжалась до проведения новой экономической политики (НЭП) (1921-1928 гг.). В период проведения НЭПа проявлений терроризма регистрировалось мало, но так продолжалось не долго - ускоренная индустриализация и укрепление личной власти И. В. Сталина придали террору характер массовости. 1937-1938 гг. получили наименование «большого террора».

Следующая волна терроризма «накрывает» Россию во время Второй мировой войны.

К середине 50-х гг. XX в. почти не встречалась или правильнее сказать - сведения о таких актах не подлежали разглашению. Но, как говорится – нет информации, это еще не значит, что ничего не происходит. На данном историческом этапе террористические преступления преимущественно выражались в захвате заложников и угонах самолетов: по данным специалистов за указанный период совершено 92 попытки угнать самолет.

Следующая террористическая активность, носившая ярко выраженный сепаратистский характер, наблюдается после того, как распался в декабре 1991 г. Советский Союз. Это время вспоминается печальными событиями, произошедшими в г. Буденновске, г. Кизляр (Дагестан). Начиная с 90-х гг. XX в. (Дагестан) (9 мая 2002 г.) — это события, которые ни один нормальный человек не может вспоминать без содрогания.

Периоды развития терроризма, исходя из вышесказанного, можно разделить на несколько этапов. В литературе можно встретить и другие периодизации развития терроризма.

По мнению И. И. Колпакова экстремизм — это «действия разных социальных групп (партии, организации, отдельные граждане, объединенные разным кругом интересов), направленные на то, чтобы реализовать собственную модель развития общества, используя при этом насилие к тем, кто не является сторонником их убеждений» [3].

По мнению других ученых, экстремизм — «явление, насильственно воздействующее на государство и общество в целом». Определения, предлагаемые авторами, являются спорными и противоречивыми [4].

А. Е. Шалагин и М. Ю. Гребенкин определили экстремизм, как «форму проявления терроризма». В некоторой степени с данным определением согласуется и законодательное понимание экстремизма — «деятельность общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц по планированию, организации, и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя, подрыв безопасности РФ, захват или присвоение властных полномочий, создание НВФ, осуществление террористической деятельности, унижение национального достоинства; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или ее финансирование». Такие элементы, как «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность», пересекают экстремизм с терроризмом [5].

Законодательно терроризм определен, как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами госвласти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [1].

Разносторонность экстремизма находит проявление в разных сферах человеческой жизнедеятельности, воплощаясь в разных видах: этнический, политический, религиозный, экономический, межличностный и иные виды. С. Ю. Бирюков, М. В. Бобовкин и М. А. Шматов выделяют левый и правый виды экстремизма [2].

Первый вид экстремизма, на котором акцентируем внимание — политический, понимаемый нами как тип политической активности, выражающейся в том, что граждане желают воплотить свои политические взгляды и цели в

жизнь любыми способами, не всегда законными, а скорее наоборот незаконно, насильственно воздействуя на институты власти, общественные организации и отдельных индивидов.

В последнее время политический экстремизм, проявляющейся ксенофобии (неприязню к кому-либо) особенно заметен. Не может не способствовать тревоге нарастающая популизация идеологии неонацизма, возрастающая из-за социальных и расовых противоречий и намеренного уничтожения религиозного достоинства большей части населения страны.

Другим видом является этнический экстремизм. Этот вид анализируемого негативного явления наиболее опасен для России, на территории которой проживает многочисленное число разных народностей. Поэтому вполне логично, что разжигание ненависти и вражды может способствовать возникновению войны.

Митинги, пикеты и другие массовые акции протеста, проводимые активистами националистических движений, становятся повседневной реальностью, что позволяет говорить о том, что этнический экстремизм развивается.

Одним из видов экстремизма является молодежный экстремизм. Именно возрастными рамками его последователей отличается молодежный экстремизм от других видов. Занимаясь профилактикой экстремистских проявлений, среди молодежи, следует учитывать воспитание, полученное в семье, именно семья формирует экстремистские настроения.

Многие представители экстремистских взглядов «направленно пользуются сложившейся кризисной ситуацией и, используя страх и неопределенность в среде населения для продвижения своих идей, пропагандируют ненависть в меньшинств, распространяя теории заговора и подстрекая к расовой, национальной, религиозной войнам».

Многообразие идеологий, которое конкретизировано в ст. 13 Конституции РФ, а также свобода слова и отсутствие цензуры (ст. 29 Конституции РФ) позволяют некоторым российским гражданам придерживаться разных взглядов. При этом не все понимают, что информационная свобода не может трактоваться как вседозволенность и навязывание своих идей другим. О том, что некоторые граждане стараются распространять свои идеологии, находящийся под запретом, известно широкой общественности. Содержание экстремистских идеологий объяснить сложно, что позволяет говорить о том, что каждая идеология самостоятельна и формируется под влиянием разных факторов: обычаи и традиции, которых придерживаются граждане; подражание авторитету, например, являющегося лидером экстремистских группировок; связь поколений и др.

В целом, экстремистская и террористическая идеология способна исказить общественные отношения, тормозить их развитие.

Человек, стремящийся к нравственному идеалу, столкнувшись с несправедливостью, желает отойти от проблем. У такого человека развивается апатичное отношение ко многим правовым явлениям, формируется правовой нигилизм. Именно незнание законов и не редко, полное

пренебрежение ими - это одна из характерных черт самосознания граждан современного общества. Правовой нигилизм может выражаться в следующем: субъект осознанно (умышленно) нарушает законодательные предписания; законы не исполняются, массово нарушаются нормы права; в обществе пропагандируется литература, отрицающая правовые идеи, оправдывающая противоправное человеческое поведение; принимаемые законодательные документы противоречивы. Не согласуются с потребностями общества; массово нарушаются права и свободы человека; авторитет правоохранительной и судебной системы снижается. Правовому нигилизму присущи определенные признаки, в числе которых массовость распространения, бесконтрольность и многохарактерность проявлений.

Опасение вызывает правовой цинизм, являющийся крайней формой правового нигилизма. Речь идет о презрительным, не уважительном отношении к правилам поведения и установкам, которые приняты в обществе. Банкет, который устраивает должностное лицо в день, когда по всей стране объявлен траур, разве это не цинизм? В целом, правовым цинизмом является дерзкое отрицание права, правовой культуры, воспитанности, с явно проявляющимися неуважительными элементами ненависти к обществу или отдельным индивидам.

На правосознание граждан оказывают влияние следующие факторы: понятность и доступность законодательных норм для большей части населения, способных обеспечивать основные потребности общества; эффективность контрольно надзорных органов, обязанных следить за состоянием законодательства; деятельность средств массовой информации и лиц творческих профессий, способствующих активному продвижению в общество модели законопослушного поведения.

С точки зрения деформации, правосознание проходит несколько стадий:

На первом уровне, который преимущественно касается информационно-познавательный правовой установки, формируются возможности для когнитивного диссонанса. Иначе говоря, получая информацию человек, не может определиться между старыми и вновь образованными стереотипами. Он не понимает, что для него более значимо, существенно. Вторая стадия касается оценочного уровня правовой установки. У человека появляется желание восстановить для него привычный порядок, устранить рассогласованность. Потребность в урегулировании противоречий возникает из-за того, что устранить рассогласованность можно или скорректировав ранее полученные знания или добавить новые знания. Именно поэтому полученная новая информация должна оцениваться. На третьей стадии правовая установка урегулируется. Субъект приводит свои мысли к определенной системе, упорядочивая в ней, что для него ценно, а что нет. Как правило, на данной стадии возникают ценности противоположные ценностям общества. У субъекта формируется специфическая поведенческая активность.

Происходящие в стране изменения в виде упадка производственной сферы, социального расслоения общества,

разрушение традиционных устоев, разным образом сказываются на мировоззрении и правосознании людей и не всегда положительно, о чем свидетельствует возрастание в динамике преступности экстремистской и террористической направленности, циничное и открытое непринятие законов. В целом, не будет новостью утверждение о том, что непослушание является результатом деформированного правосознания и отсутствия правовой культуры. На основании вышесказанного, под профилактикой экстремизма и терроризма в обществе предлагаем понимать деятельность по снижению, устранению влияния негативных факторов и причин, которые способствуют появлению терроризма и экстремизма.

Пристатейный библиографический список

1. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) // Доступ из справ.-правовой системы Консультант-Плюс.
2. Бирюков С. Ю., Бобовкин М. В., Шматов М. А. Общая характеристика экстремизма и анализ современного состояния борьбы с преступлениями экстремистской направленности // Legal Concept. - 2020. - № 2. - С. 117-120.
3. Колпаков И. И. Политический экстремизм как угроза безопасности современной России // Молодой ученый. - 2014. - № 11. - С. 310-313.
4. Козлов Д. С. Российский политический экстремизм: тенденции и превентивные меры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2015. - № 6 (56): в 2-х ч. - Ч. I. - С. 93-97.
5. Шалагин А. Е., Гребенкин М. Ю. Противодействие экстремизму и терроризму: история и современность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. - 217. - № 3. - С. 5-9.
6. Кадырова Г.Ф. Гиндуллин Н.Ф., Бондаренко А.В., Лукьянов М.Ю. Ответственность в философии и юриспруденции // Евразийский юридический журнал. - 2017. - № 10(113). - С. 376-377.
7. Бондаренко А.В., Бондаренко Г.В. Влияние занятия спортивным туризмом на развитие личности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 6. - С. 99-101.

ДАУРОВ Алим Ибрагимович

преподаватель кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МОБИЛЬНОГО СРЕДСТВА ДИСТАНЦИОННОЙ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ОСТАНОВКИ ТРАНСПОРТА НА ОСНОВЕ МИКРОВОЛНОВОГО ИЗЛУЧЕНИЯ

У сотрудников ДПС ГИБДД довольно часто возникает ситуация при которой ведется преследование нарушителя, который отказывается выполнить законные требования сотрудника полиции. Чтобы обеспечить безопасность лиц, принимающих участие в дорожном движении, инспектора ДПС стараются не предпринимать рискованных маневров. И если водитель скрылся, то дальнейшие розыскные мероприятия проводятся с помощью камер системы видеонаблюдения. Однако в случае введения каких-либо оперативных планов или блокирования территории такая ситуация требует принятия безотлагательного решения и тогда инспектора становятся перед проблемой выбора способа остановки транспортного средства. Статья посвящена одному из технических средств, находящихся в арсенале ДПС ГИБДД, применяющемуся для принудительной остановки автомобиля.

Ключевые слова: дорожное движение, принудительная остановка автомобиля, технические средства.

DAUROV Alim Ibragimovich

lecturer of Fire training sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

LEGAL BASIS FOR THE USE OF A MOBILE MEANS OF REMOTE FORCED TRANSPORT STOP BASED ON MICROWAVE RADIATION

Traffic police officers quite often have a situation in which they are prosecuting an offender who refuses to comply with the legal requirements of a police officer. To ensure the safety of persons participating in traffic, traffic police inspectors try not to take risky maneuvers. And if the driver fled, then further search activities are carried out using the cameras of the video surveillance system. However, in the event of the introduction of any operational plans or the blocking of the territory, such a situation requires an urgent decision, and then the inspectors face the problem of choosing a way to stop the vehicle. The article is devoted to one of the technical means in the arsenal of the traffic police, which is used to force a car to stop.

Keywords: traffic, forced stop of the car, technical means.

Профессиональная деятельность сотрудников ДПС ГИБДД связана с необходимостью контролировать дорожное движение. При этом государство позаботилось о том, чтобы оснастить все дороги и трассы камерами видеонаблюдения, посредством которых фиксируются правонарушения, а затем водителям рассылаются уведомления с требованием оплатить штраф. Однако бывают случаи, когда возникает необходимость в «личном» общении сотрудника с водителем транспортного средства, нарушившим правила дорожного движения. во всех случаях остановку необходимо производить в хорошо освещенном месте. Несоблюдение данного условия означает незаконную остановку. Однако бывают случаи, когда водители отказываются остановиться и тогда сотрудники имеют право применить спецсредство.

Сегодня в арсенале ДПС ГИБДД немало технических средств, которые можно применить для принудительной остановки водителя. Об одном из них мы и расскажем.

Как мы указали, у сотрудников ДПС ГИБДД довольно часто возникает ситуация, при которой ведется преследование нарушителя, который отказывается выполнить законные требования сотрудника полиции. Чтобы обеспечить безопасность лиц, принимающих участие в дорожном движении, инспектора ДПС стараются не предпринимать рискованных маневров. И если водитель скрылся, то дальнейшие розыскные мероприятия проводятся с помощью камер системы видеонаблюдения. Однако в случае введения каких-либо опе-

Дауров А. И.

ративных планов или блокирования территории такая ситуация требует принятия безотлагательного решения и тогда инспектора становятся перед проблемой выбора способа остановки транспортного средства [4].

Применение способа принудительной остановки транспортного средства путем контактного взаимодействия с транспортным средством нарушителя, двигающимся на большой скорости сопряжена с высокой степенью травматизма участников дорожного движения в результате применения спецсредства [5]. Это подтверждается и статистикой МВД России. Также представляет большой риск применение огнестрельного оружия для остановки транспортного средства нарушителя, представляющего опасность для окружающих водителей, пассажиров и пешеходов. Об этом свидетельствует большое количество резонансных случаев, при которых вместо движущей части автомобиля пули поразили лиц, находящихся в нем. Отсюда, приходит понимание, что эффективное использование огнестрельного оружия для принудительной остановки транспорта осуществить довольно сложно, поскольку число попаданий по ходовой части автомобиля не превышает 10 % и до полной остановки транспортного средства проходит значительное время [3].

Таким образом, средства принудительной остановки транспорта, состоящие на вооружении органов внутренних дел Российской Федерации [2], имеют недостатки, которые могут ограничивать их применение.

Критическими, по нашему мнению, являются потеря управления автомобилем, эффективность применения (в ряде случаев автомобиль продолжает движение) и невозможность применения в отношении мотоциклов и мопедов [1].

В таких ситуациях для принудительной остановки транспорта предлагается использовать комплексное средство, на основе микроволнового¹ излучения установленное на патрульном автомобиле (с кузовом пикап) или стационарно на посту ДПС, которое функционально состоит из:

1. Системы генерации импульсов высокой мощности (в состав входит: модулятор, магнетрон, электромагнит/постоянный магнит, переход, циркулятор, нагрузка, автоматический регулятор частоты, радиочастотное окно).

2. Регулятора мощности (в состав входит: блок питания высокого напряжения, контроллер, источник питания электромагнита, блок распределения питания, выключатель питания).

3. Антенна направленного излучения (120x50 см)

Пульт управления (расположен в кабине автомобиля).

Технические характеристики прототипа:

– время работы в режиме ожидания - 2 часа; в режиме излучения - 12 минут;

– средняя выходная мощность (ВЧ) - 4 кВт;

– пиковая выходная мощность (РЧ) - 3 МВт;

– частота повторения импульсов от 20 до 400 Гц;

– ширина импульса от 3 до 5 мкс;

– напряжение питания - 24 В;

– массогабаритные характеристики прототипа: габариты 150x90x80 см; Вес 90 кг.

Устройство посылает в сторону цели узкий волновой пучок, сфокусированный направленной антенной. Блокирующий микроволновой импульс продолжительностью всего в 50 наносекунд проникает в бортовую электросеть автомобиля через уязвимые точки. К их числу относятся нити накала лампы, крепежные гайки и болты, контактирующие с металлом кузова, а также антенна бортового радиоприемника. Количество и качество подобных «точек доступа» является одним из главных параметров, определяющих останавливающий потенциал импульса. Дело в том, что лакокрасочное покрытие, которой покрыты современные автомобили, почти не проводит электрический ток и в данном случае начинает играть роль волнового экрана.

Жгуты проводов также являются «точками доступа». Принимая во внимание полосу частот (от 1 до 4 ГГц), L и S-диапазона радиоволн - жгут проводов, например, метровой длины это почти идеальная антенна. Электромагнитный импульс проходит через жгут проводов в виде серии импульсов, достигая системы управления двигателем транспортного средства или иммобилайзера, и блокирует его работу, что приводит к остановке двигателя, но транспортное средство по инерции еще может проехать до 10 метров до полной остановки.

Согласно алгоритму своей работы блок управления двигателем (ECU) или иммобилайзер попытаются выполнить сброс (перезагрузку) и дать возможность запустить двигатель, но, если будут периодически посылаться повторные импульсы, двигатель не запустится. После прекращения излучения работа вышеназванных устройств возобновляется (в отдельных случаях после проведения ручной перезагрузки), то есть излучение не оказывает разрушающего действия на электронные системы транспортного средства.

Для гарантированной остановки транспортного средства достаточно воздействия длительностью 3 секунды на дистанции до 50 метров.

Устройство способно остановить не только инжекторные, но и карбюраторные двигатели, не использующие сложную электронику и обладающие чисто электрической схемой зажигания. Со старыми механическими дизелями электромагнитный импульс ничего сделать не может, но работу современных дизелей контролирует большое количество электронных устройств и микроволновое воздействие на них приведет к остановке двигателя.

Подобное устройство разработано и успешно испытано в Великобритании и 17 стран высказали заинтересованность в его приобретении. Испытания проводились на различных типах транспортных средств (грузовики, мотоциклы, легковые автомобили).

Недостатками данного устройства является большие массогабаритные характеристики, необходимость мощного источника питания и малая, при стационарном размещении, дальность действия по быстро движущемуся транспортному средству (требуется увеличение дальности действия до 180 м). Еще одним существенным недостатком применения является необходимость расположения патрульного автомобиля, в ходе преследования, впереди транспортного средства нарушителя (решается переносом антенны в переднюю часть или на крышу патрульного автомобиля и применением аэродинамического обтекателя из радиопрозрачного материала).

Пристатейный библиографический список

1. Приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280037/ (дата обращения: 12.07.2022).
2. Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2012 г. № 737-р «Об утверждении перечня видов огнестрельного оружия, патронов к нему, боеприпасов и специальных средств, состоящих на вооружении органов внутренних дел Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12117854/> (дата обращения: 13.07.2022).
3. Басатин А. Е. Особенности действий по задержанию вооруженных преступников, передвигающихся на автомобиле // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. - 2017. - № 4 (73). - С. 104-106.
4. Тактика действий сотрудников ОВД по задержанию преступников, передвигающихся на автотранспорте: учебное пособие / Сост. Д. Б. Кавецкий, А. А. Каримов, А. А. Сысоев. - Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2015. - 48 с.
5. Хакимзянов А. Р. Проблемы обеспечения мер личной безопасности при несении службы сотрудниками Госавтоинспекции // Вестник НЦБЖД. - 2017. - № 4 (34). - С. 112-120.

¹ Микроволны — это поддиапазон радиоизлучения, примыкающий к инфракрасному, включающий в себя дециметровый, сантиметровой и миллиметровый диапазон радиоволн (длина волны от 1 м — частота 300 МГц; до 1 мм — частота 300 ГГц). Его также называют сверхвысокочастотным (СВЧ) излучением, так как у него самая большая частота в радиодиапазоне.

ЖУКОВ Азамат Заурбекович

кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

МАХОВ Ислам Артурович

студент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова

ШКАХОВА Фазилия Абдулаховна

преподаватель Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ

В статье представлен анализ развития системы информационной безопасности в правовом и технологическом аспектах. Становление информационной безопасности в РФ и дальнейшее развитие определялись особенностями исторического, политического, экономического и правового развития государства. Именно они и оказали прямое воздействие на изменения в сфере информационной безопасности. Одна из актуальных проблем и особенностей развития системы защиты информации в РФ заключается в отставании системы нормативно-правового регулирования информационной безопасности от технологического развития данной отрасли. Актуальность разрабатываемых и принимаемых нормативно-правовых актов снижается, так как они не позволяют осуществлять контроль за новыми технологиями. Цель данной статьи анализ этапов становления информационной безопасности в Российской Федерации и выявление особенностей системы защиты информации.

Ключевые слова: информационная безопасность, защита данных, информационные технологии, гражданин, криптография, аутсорсинг.

ZHUKOV Azamat Zaurbekovich

Ph.D. in technical sciences, senior lecturer of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

MAKHOV Islam Arturovich

student of the H. M. Berbekov Kabardino-Balkar State University

SHKAKHOVA Fazilya Abdulakhovna

lecturer of the H. M. Berbekov Kabardino-Balkar State University

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION SECURITY SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN LEGAL AND TECHNOLOGICAL ASPECTS

The article presents an analysis of the development of the information security system in the legal and technological aspects. The formation of information security in the Russian Federation and further development were determined by the peculiarities of the historical, political, economic and legal development of the state. It was they who had a direct impact on changes in the field of information security. One of the urgent problems and features of the development of the information security system in the Russian Federation is the lag of the system of legal regulation of information security from the technological development of this industry. The relevance of the developed and adopted regulatory legal acts is reduced, as they do not allow control over new technologies. The purpose of this article is to analyze the stages of the formation of information security in the Russian Federation and to identify the features of the information security system.

Keywords: information security, data protection, information technology, citizen, cryptography, outsourcing.

В современном обществе информация становится все более неотъемлемой частью жизнедеятельности. Защита информации является вопросом актуальным, это касается всех времен: в прошлом информации шифровалась, в современном мире применяются криптографические инструменты защиты информации. Цель и в те времена, и в настоящее время идентична: защита особо важной информации. Мето-

ды защиты информации в Российской Федерации уже сформированы, но частично, особенно на государственном уровне. Однако сфера информационных технологий развивается очень высокими темпами и в этой ситуации необходимо постоянно разрабатывать новые средства и методы защиты информации. Что же касается нормативно-правового регулирования сферы защиты информации, данная отрасль также

Жуков А. З.

Махов И. А.

Шкахова Ф. А.

развивается, но не столь высокими темпами. Существует ряд проблем, решение которых является прерогативой исключительно государства. В Российской Федерации стоит рассмотреть процесс формирования системы защиты информации в нормативно-правовом контексте. Определение информационной безопасности менялось, и сущность данного понятия также меняется. Рассмотрим сущность данного понятия в различных нормативно-правовых актах Российской Федерации. Так в Указе Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 под информационной безопасностью понимается состояние защищенности общества и государства, также отдельного гражданина от воздействия информационно-технического характера на информационную систему. В целом это защита обществ от недостоверной информации, в том числе и от ее разглашения. Рассмотрим, как раскрывается понятие информационной безопасности в фундаментальном нормативно-правовом акте - Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Под защитой информации понимается комплекс действий владельца по защите информации, а также по осуществлению правового доступа к ней. Защита от уничтожения, копирования и распространения – это действия, которые направлены на защиту информации. Защита интеллектуальной собственности также относится к сфере защиты информации. К примеру, это касается ноу-хау. В отношении ноу-хау защита информации подразумевает также и законное применение информации. Если рассматривать российское законодательство в сфере информационной безопасности, то понятие «информационная безопасность» имеет различную направленность. В каждом нормативно – правовом акте данное понятие раскрывается в соответствии со спецификой документа [1].

В РФ изменения происходили в три этапа, условно специалисты разделяют именно так все изменения, которые происходили в сфере информационной безопасности. По мнению экспертов на первом этапе происходило формирование прав, обязанностей в сфере правовой защиты информации. На данном этапе происходило формирование правового поля защиты информации. Формирование нормативно-правового фундамента происходило на данном этапе, именно в это время формировались основные источники права в области обеспечения информационной безопасности. На этом этапе были разработаны и приняты первые редакции Федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации». Первая редакция федерального закона содержала только основные категории, сформировались такие понятия как информационные ресурсы государства. Интересно, что в рамках данного закона информационные ресурсы относились к категории национального достояния РФ в 2003 году. Очевидно, что этого было недостаточно для формирования правовой основы защиты информации. В 1993 году был принят Закон «О государственной тайне» [2].

Таким образом, был установлен правовой режим государственной тайны. В 1997 году была принята новая редакция закона. Принятие данного закона позволило закрепить понятие государственная тайна и определить порядок правовой защиты государственной тайны. Перечень сведений, которые

относятся к категории конфиденциальной информации, был закреплен в Указе от 6 марта 1997 года № 188. В Указе были определены перечень информации, которая относилась к конфиденциальной: персональные данные, тайна судопроизводства, коммерческая тайна. На данном этапе необходимо было сформировать именно основные правила и своды для развития нормативно-правовых аспектов защиты информации. Одним из важнейших был второй этап. На данном этапе проводилась работа по формированию ключевых направлений и их практическая реализация. В этот период были приняты две Доктрины информационной безопасности в 2000 и 2015 годах. Данные доктрины не отражают изменения, которые были внесены за 16 лет с 2000 года, но в целом именно в данных документах зафиксирована общая тенденция существующих информационных угроз и правовых аспектов [3].

Рассмотрим основные положения Доктрины информационной безопасности личности, которая была принята в 2000 году. В названии самой Доктрины обозначено, что основная цель данного документа – это защита личности в информационном пространстве. В информационном пространстве интересы личности выражаются, прежде всего, в реализации его прав, гарантированных Конституцией РФ. Закреплено право граждан на использование информации в своих интересах, применение информации в рамках закона. Гражданин имеет право использовать информацию в целях интеллектуального, духовного и физического развития. Также информация может выступать в качестве ресурса, который обеспечивает личную безопасность [4].

На данном этапе одним из важнейших инструментов является Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. Разработка Стратегии была направлена на формирование информационного общества в РФ. Именно в данном документе обозначена важность информации в контексте обеспечения национальной безопасности государства в информационном пространстве. Обеспечение национальной безопасности было обозначено как одно из направлений реализации стратегии. В процессе второго этапа четко обозначились два основных направления информационной безопасности: обеспечение внутренней информационной безопасности и система внешней информационной безопасности (как одно из направлений национальной безопасности государства в условиях цифровизации). Исходя из этих двух направлений, формируется и система нормативно-правового обеспечения. Формируется система правового регулирования посредством взаимосвязанной системы из защиты отдельной личности, государства и общества.

Третий этап отличался своей технологической направленностью. По мнению ряда специалистов для данного этапа характерна гонка с технологиями, которые развиваются очень высокими темпами. Активные процессы в сфере развития информационных технологий способствовали развитию информационного общества, в котором информационный поток растет непрерывно. Увеличение информационного потока требует совершенствования, доработки информационных технологий, инструментов. Также необходимо внедрять новые возможности в систему информационного

взаимодействия общества. Появление новых технологий создает новые проблемы в сфере нормативно-правового регулирования сферы информационной безопасности. Вопросы защиты информации, личности, персональных данных, баз данных и иной конфиденциальной информации – это прерогатива не только специалистов в области права, но и также технических специалистов. Таким образом, недостаточно разработки нормативно-правовых актов, необходимо создать технологическую платформу для реализации правовых основ. Разработка нормативно-правовых актов с 2016 года выстраивается именно на технологической основе. Развитие системы информационной безопасности в РФ происходило именно поэтапно, как видно, на каждом из этапов имели место быть свои проблемы. Данная хронография выстроена именно на основе направлений государственной политики в сфере информационной безопасности. На практике применения нормативно-правового законодательства в сфере регулирования защиты информации в судах или досудебном порядке не наблюдалось. Для успешной практической реализации защиты информации необходимо знание и понимание процессов, происходящих в информационном пространстве.

Знания в данной области позволяют решать ряд проблем в сфере информационного обеспечения и защиты. Так в 2020 году в РФ впервые был оформлен кредит под залог интеллектуальной собственности. Законодатели активно реализуют политику ужесточения мер по защите авторских прав и именно по этой причине появились новые возможности кредитования. Наиболее уязвимым звеном в сфере защиты информации является предпринимательский сектор. С 2016 года разрабатываются и внедряются меры по защите предпринимательского сектора, несмотря на это ряд моментов, которые связаны с техническими элементами остаются недостаточно защищенными. В этой связи предпринимательская деятельность подвержена высоким информационным рискам. Предприниматели должны осознавать какие риски возникают при использовании интернета. Нормативно-правовая база должна адаптироваться под технологические изменения и нововведения. Для каждого предпринимателя важно защитить свои данные глобальной сети. Активное развитие технологий и возникновение новых способов утечки информации приводит к повышению уровня ценности информации, т.е. информация выступает в качестве важнейшего ресурса для каждого предпринимателя. Для настоящего времени наиболее надежным вариантом минимизации утечки информации является ужесточение мер идентификации и аутентификации. Изъять персональные данные, которые уже находятся в глобальной сети сложно, в таком случае единственным решением проблемы безопасности данных является профилактика и соблюдение мер предосторожности. В целом можно выделить два основных направления: ужесточение мер внутренней безопасности или передача на аутсорсинг. Внутреннее ужесточение ограничивается IT-отделом организации. Что же касается аутсорсинга, то инструментарий гораздо шире и необходимо тщательно осуществлять выбор применяемых инструментов. Что касается решения вопросов утечки данных в судебном порядке, то наблюдаем

смешанные решения. При передаче персональных данных оператору на аутсорсинг шансы на получение компенсации увеличиваются. После того как были внесены изменения в Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» на рынке возникли компании на аутсорсинге, предлагающие услуги по облачному хранению. Суть услуги заключалась в хранении всего объема данных в защищенном облаке на серверах компании, которая предоставляла услугу. Хранение касалось первичной документации, счетов и иной документации. Но это не гарантирует полной защиты от утечки данных.

В Российской Федерации одной из проблем является отставание нормативно-правовой базы от технологического развития в сфере защиты информации. Государство осознает масштаб данной проблемы и занимается реализацией мероприятий по устранению проблем. Одна из таких попыток – это новая редакция Закона № 149-ФЗ, в целом закон направлен именно на защиту информации. Кроме того, в Государственную Думу внесено 10 проектов, которые касаются именно мер по защите персональных данных. Однако, разработка новых методов шифрования в техническом контексте порождает новые методы обхода в нормативно-правовом поле, что позволяет констатировать бесконечность гонки между правовой и технической составляющей защиты информации в РФ, так и во всем мире.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция).
2. Закон РФ «О государственной тайне» от 21.07.1993 № 5485-1 (последняя редакция).
3. Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 (ред. от 13.07.2015) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера».
4. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

ЗАЙДИЕВА Патимат Артуровна

магистрант 1-го года обучения Факультета управления и права Дагестанского государственного педагогического университета

АЮБОВА Шуайнат Исрапиловна

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Дагестанского государственного педагогического университета

ЛАВАРСЛАНОВА Маржанат Гаджиевна

кандидат педагогических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета

ВОЗМОЖНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Статья посвящена исследованию некоторых мер по противодействию экстремизма в молодежной среде. В статье рассматриваются причины и факторы, детерминирующие проявление идеологии и практики современного экстремизма в современной России в среде молодежи. Также в работе предлагаются основные мероприятия по решению проблемы данного вопроса в молодежной среде.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, информационные ресурсы, Интернет, информационные технологии.

ZAYDIEVA Patimat Arturovna

magister student of the 1st year of study of the Faculty of Management and Law of the Dagestan State Pedagogical University

AYUBOVA Shuainat Israpilovna

Ph. D. in historical sciences, senior lecturer of Legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University

LAVARSLANOVA Marzhanat Gadzhievna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University

INNOVATIVE TEACHERS: NEW APPROACHES TO PERSONALITY EDUCATION

The article is devoted to the study of some measures to counter extremism among young people. The article examines the causes and factors determining the manifestation of the ideology and practice of modern extremism in modern Russia among young people. The paper also suggests the main measures to solve the problem of this issue in the youth environment.

Keywords: extremism, youth, information resources, Internet, information technologies.

Одной из отличительных и неотделимых особенностей современного общества является сеть Интернет. Каждый день человек проводит очень много своего рабочего и свободного времени в Интернете. С помощью Интернета люди могут развиваться, улучшать свои интеллектуальные способности, а также он дает возможность в общении с различными людьми, которые находятся на разных уголках нашей планеты [7].

Одной из крупных проблем в современной российской действительности является проявление экстремизма. Всё многообразие форм проявления экстремизма оказывает большое негативное влияние практически на все сферы развития государства. В развитии экстремизма можно проследить тенденции к его омоложению, с каждым годом растёт количество преступлений экстремистской направленности, которые совершаются исходя из мотивов национальной, религиозной ненависти или расовой неприязни.

В число основных принципов с целью противодействия терроризму Федеральный закон от 06.03.2006 (ред. 26.05.2021) № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» относит системное и комплексное применение мер информационно-пропагандистского характера, тем самым повышая важность распространения информации о терроризме. Концепция противодействия терроризму [4], принятая в Российской Федерации, очень детально характеризует образовательные, информационные мероприятия с целью разъяснения понятия терроризма и той опасности, которую он несёт для общества.

В комплексном плане противодействие идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019-й 2023-й года определены конкретные меры по организации информационного противодействия для распространению террористической идеологии в рамках образовательного процесса.

Документ обращает внимание на проведение в образовательных организациях культурно-просветительских и воспитательных мероприятий, в повестку которых включается антитеррористическая тематика, что позволяет добиваться осознания подрастающим поколением преступной сущности терроризма. В документе подчеркивается необходимость совершенствования мер информационно-пропагандистского характера, в том числе проведения с молодежью бесед по формированию стойкого неприятия идеологии терроризма, и разработку методическими центрами, на базе федеральных университетов, учебно-методических материалов по актуальным вопросам противодействия идеологии терроризма [1].

Государственная политика по противодействию экстремизму находит свое отражение в документе «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». В нем можно найти описание того, что необходимо включать в образовательные программы для обучающихся, чтобы сформировать у них уважительное отношение к различным этносам, религиям, национальностям; какие проводить занятия, которые бы выработали у учащихся умение и навыки противодействовать вовлечению в экстремистскую деятельность. Следует отметить, что в документе уделяется внимание тому, что уже существует потребность в создании и реализации педагогических и образовательных методологий, обеспечивающих противодействие экстремизму со стороны обучающихся [3].

Практически все государственные документы, направленные на обеспечение противодействия распространению в молодежной среде идеологии экстремизма и терроризма, обозначают важнейшую роль именно информационной безопасности, которая реализуется в практической жизни с помощью целенаправленного воздействия именно на об-

учающихся. Примечательно, что пока именно в документе «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» существует положение о включении в федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования вопросов так называемого информационного освещения темы противодействия экстремизму. Тем не менее, пока подобные вопросы планируется «освещать» в рамках специальности «Журналистика».

Что касается основных барьеров, не позволяющих успешно бороться с экстремизмом в информационной сети Интернет, то можно отметить следующие:

а) не налажено взаимодействие на международном уровне по вопросам борьбы с преступностью в сети Интернет, правового регулирования соответствующих вопросов;

б) не выработаны правовые механизмы противодействия анонимности пользователей в сети Интернет (например, использование ими протоколов VPN, помогающих скрыть реальное место выхода в сеть Интернет);

в) постоянная работа криминального мира, с другой стороны, который регулярно развивает и совершенствует средства и методы совершения преступлений и сокрытия своих следов [5].

В последнее время появилась большая необходимость в разработке современных методов по поводу реализации профилактики в борьбе с экстремизмом непосредственно в сети Интернет, которая будет реализовываться правоохранительными органами:

1. Ведение мониторинга на постоянной основе в интернет-пространстве, в социальных сетях, к их числу можно отнести внедрение и применение технологий искусственного интеллекта, улучшение подходов автоматизации. В связи с этим важно определить те технологии, которые будут наиболее эффективными и которые можно применять в таком процессе. Также необходимо дать понимание базовых понятий и сущности области применения искусственного интеллекта при профилактике в борьбе с экстремизмом в глобальной сети.

2. Необходимо улучшать и совершенствовать нормативно-правовую основу с помощью изучения законодательства зарубежных стран. Важно совершенствовать на постоянной основе нормативно правовое регулирование применительно к порядку взаимодействия подразделений в профилактике и противодействии экстремизму с правоохранительными органами и их подразделениями.

3. Важно разработать методические рекомендации в области противодействия и профилактики экстремизма в глобальной сети Интернет. Необходимо повышать на кадровом уровне подготовку к реализации правоохранительной деятельности, связанной с противодействием экстремизму.

4. Важно наметить международное сотрудничество и взаимный обмен важным опытом в области противодействия экстремизму; необходимо подготавливать хороших специалистов, которые будут способны противостоять преступности в современном мире [6].

В данном случае также хочется отметить, что постоянное улучшение, формирование и введение подходов инновационного характера относительно профилактики и противодействия экстремизму в глобальной сети будет оказывать очень хорошее воздействие на обеспечение более высокого уровня законности в Российской Федерации.

Насущной считается потребность в высококачественном усовершенствовании способов профилактики, которая должна устремиться к ослаблению объективных факторов, содействующих совершению преступлений; корректирующее влияние, сокращающее криминальные ресурсы лично фактора – замысел преступления; внесение не функциональности в линию криминального влияния субъективных и объективных факторов, основное к разрушению самого процесса приближения к посягательству на совершение преступления.

В это время прецеденты отказа важных мер по защите детей от информации, агитации и пропаганды, которые наносят ущерб здоровью, а также развитию личности, отмечаются во многих государствах. Прецеденты пассивности

директоров учебных заведений школ и отделов образования относительно непринятия соответствующих организационно-распорядительных документов для установки систем фильтрации доступа в Интернет приводят к тому, что для учащихся открыт беспрепятственный доступ к материалам, включенным в федеральный список экстремистских материалов [6].

Из этого мы можем сделать вывод, что правильное внедрение информационно-коммуникативных интернет-ресурсов, с одной стороны уменьшит риски, которые связаны со свободным доступом для молодого поколения к различным экстремистским ресурсам, а с другой стороны будет фильтровать пропагандистскую деятельность, по различным направлениям. Также нужно обратить внимание на проблему экстремизма, который развивается вокруг молодежи, и она может быть разрешена при всеохватывающем подходе к реализации профилактических, правовых и организационных мероприятий, в аспекте улучшения, организации взаимодействия специально подобранных органов государственной власти, общественных организаций, а также граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019-2023 годы. Утвержден Президентом России 28 декабря 2018 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mpgu.su/novosti/utverzhdennkompleksnyj-plan-protivodejstvija-ideologii-terrorizma-na-2019-2023-gody> (дата обращения: 24.05.2022).
2. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 05 октября 2009 г. // Консультант Плюс: СПС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92779/ (дата обращения: 24.05.2022).
3. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Утверждена Президентом РФ 28 ноября 2014 № Пр-2753 // Консультант Плюс: СПС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160 (дата обращения: 24.05.2022).
4. Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Рос. газ. – 2006. – 10 марта. (ред. от 18.10.2021).
5. Вдовин Е. А. Проблема противодействия распространению идей экстремизма и терроризма в сети Интернет // Молодой ученый. – 2019. – № 16 (254). – С. 79-81. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/254/58284/> (дата обращения: 24.05.2022).
6. Жиров Р. М. Информационные ресурсы в сфере противодействия экстремизму в молодежной среде // Закон и право. – 2020. – № 1. – С. 102-105.
7. Кагермазова Л. Ц., Абакумова И. В., Масаева З. В. Террористические аспекты профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде вуза // В сборнике: Профилактика экстремизма в системе образования. Сборник материалов Координационного центра по повышению эффективности формирования у молодежи активной гражданской позиции, противодействия идеологии терроризма и экстремизма. Сост. И. С. Хажуев, С-М. М. Джулагов. – Грозный, 2021. – С. 43-51.
8. Пороховой Э. Ю., Иванова М. Д. Актуальные вопросы профилактики и противодействия экстремизму в сети интернет // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2021. – № 4. – С. 35-39.

КОДЗОКОВА Ляца Арсеньевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

КАРЧАЕВА Камила Аварьевна

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, лейтенант полиции

ФЕНОМЕНЫ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА КАК АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Число терактов неустанно растет, гибнут люди, а ситуация с экстремизмом также не оставляет желать лучшего. Масштабы и уровень жестокости возрастает, поэтому требуется непрерывная борьба с ними, в первую очередь используя нормативно-правовую базу. Основной проблемой современности является то, что несмотря на развитость всего мира и стран, в частности, все еще существует терроризм и экстремизм, а люди в современном мире сталкиваются с их многочисленными проявлениями. При этом, сама проблема реализации экстремизма и терроризма касается абсолютно всех, приводит к непоправимым последствиям для человечества, поэтому требуется полная модернизация общества. Этим актуальным вопросам посвящена научная статья.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, феномен, понятия, признаки, виды, борьба, проблемы, современность.

KODZOKOVA Lyatsa Arsenjevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

KARCHAEVA Kamila Avarjevna

Ph.D. in economical sciences, senior lecturer of Law enforcement sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of MIA of Russia, lieutenant of police

PHENOMENA OF EXTREMISM AND TERRORISM AS TOPICAL PROBLEMS OF OUR TIME

The number of terrorist attacks is constantly growing, people are dying, and the situation with extremism also does not leave much to be desired. The scale and level of cruelty is increasing, so a continuous fight against them is required, primarily using the legal framework. The main problem of our time is that despite the development of the whole world and countries in particular, terrorism and extremism still exist, and people in the modern world are faced with their numerous manifestations. At the same time, the very problem of the implementation of extremism and terrorism concerns absolutely everyone, leads to irreparable consequences for humanity, therefore, a complete modernization of society is required. A scientific article is devoted to these topical issues.

Keywords: terrorism, extremism, phenomenon, concepts, signs, types, struggle, problems, modernity.

XXI век становится веком проблем глобального значения, к которым по праву можно отнести терроризм и экстремизм, как явлений, несущих серьезную угрозу государству и нации. Проявления данных феноменов напрямую связаны с массовыми человеческими жертвами, сопровождаемые массовыми разрушениями ценностей как на материальном, духовном, так и на культурном уровне, что негативно сказывается на дальнейшей жизнедеятельности последующих поколений. Обстановка в мире является нестабильной и растет актуальность международного терроризма. Реалии современности наполнены не только научными открытиями, но и страхом за жизнь, исходящим от проявлений террористического и экстремистского характера. Сегодня экстремизм и терроризм – это одни их самых обсуждаемых тем, как среди научной и политической общественности, так и среди населения.

Принимая во внимание, что идеологии терроризма и экстремизма должны незамедлительно пресекаться, актуализируется профилактическая деятельность, которая в большей степени должна реализовываться в образовательных учреждениях.

Причины приверженности молодежи к экстремизму могут быть совершенно различными: родители с радикальными взглядами; сверстники, интересующиеся данной темой; влияние авторитетных лиц, которые заняты тренерством, педагогикой и являются лидерами молодежи; стресс, диктующий резкие общественные изменения; наличие собственных установок на экстремизм; выученная агрессивность; высокое психологическое напряжение.

Существует понятие «группа риска», в которую входят некоторые представители подрастающего поколения, к ним в первую очередь относятся:

Кодзокова Л. А.

Карчаева К. А.

– дети из неблагополучных семей (причины: низкий доход, низкий социальный статус, недостаток образования, склонность вредным привычкам);

– «золотая молодежь» (причины: вседозволенность, безнаказанность, «все есть игра»);

– подростки с различными психологическими трудностями (причина: неадекватное и незрелое поведение, поведенческие отклонения, агрессия и т.д.);

– участники неформальных объединений и уличных банд (причина: агрессия, стремление к самоутверждению с помощью силы);

– активисты политических и религиозных объединений (причина: чувство опасности, цели и убеждения, противоречащие общественным).

Понятие «экстремизм» не имеет конкретно одного определения, т.к. представлено различными науками и научными деятелями. Каждое определение данного термина включает в себя определенные нюансы.

Случаи экстремизма, особенно среди молодежи, не являются редкостью. Они проявляются в беспорядках, проявлении насилия с точки зрения национализма. В настоящее время молодежь активно вовлекают в экстремистские неформальные группировки данных направленностей.

Терроризм представляет собой применение террора, насилия, осуществление запугивания населения. В международном праве терроризм рассматривается в качестве преднамеренного причинения вреда, имеющее политическую направленность, совершаемое против граждан, либо значимых объектов государственного масштаба, либо скрытыми действиями специальных людей, организаций, способствующим обеспечению нестабильной обстановки в обществе.

Обратим внимание на то, что сами по себе экстремизм и терроризм имеют как сходства, так и различия. Терроризм является одним из направлений экстремизма. В то время как экстремизм становится базой для возникновения террора в обществе. Терроризм является именно общественно-опасным деянием, где объектами воздействия являются люди. Экстремизм, в то же время, более широкое понятие. Экстремизм, достигая основной цели, превращается в террор, соответственно все террористические организации – экстремистские. При этом экстремизм не всегда приводит к террору, где есть множественные жертвы и проявление насилия. Сходным между терроризмом и экстремизмом становится то, что оба этих направления скрывают под собой единую базу – ненависть к людям, что выражается в ее реализации во вне. Также оба деяния – уголовно наказуемы.

Таким образом, отметим, что экстремизм и терроризм как актуальная проблема современности достаточно значимы и требуют разрешения еще до их возникновения в обществе. Экстремизм и терроризм появились достаточно давно и в разные периоды истории несли за собой негативные последствия для общества. Рассмотрим кратко основные моменты.

Еще во времена Великой Римской Империи в I веке действовала секта сикариев, которая уничтожала еврейскую знать, которая вела свои дела с римлянами. Это было новым явлением в те времена и какое-то время власти бездействовали. В Средние века существовала секта мусуль-

ман асосогафинов, а на территории Ирана и Афганистана действовала секта исмаилитов, которые также расправлялись с теми, кто не поддерживал их концепцию. Также в Средние века действовала инквизиция, которая легко расправлялась с еретиками, устраивая массовые расправы. Причинами были политика и религия, а экстремизм использовался правящими кругами Западной Европы. В Германии в словаре философа Трауготта Круга (1838 г.) возник термин «экстремизм», который пояснял, что такие люди (экстремисты), не довольствуются обычным положением вещей и стремятся к крайностям. При этом другим определением стало ультра. Затем в других странах стали возникать определения экстремистов. Вражда Севера и Юга стала одним из таких примеров (в 80-х гг. XIX в.). Однако в юриспруденции термин появился в начале XX века, где экстремизм стал верой в политический идеал, доходящей до фанатизма. В СССР после 1950 г., данный термин относился к СМИ и литературе. К окончанию существования СССР сам термин приобрел иное значение, которое фиксировало экстремизм как действия группировок, которые реализуют возрастание межнациональной вражды, провоцируют беспорядки и забастовки. Но в сознании людей нашей страны экстремизм является сходным понятием с фашизмом и терроризмом [1].

Терроризм стал наиболее актуален по причине пропаганды в СМИ, которая раскрывала суть чеченских сепаратистов и их действий. Именно эти факторы послужили отождествлению экстремизма и терроризма в сознании людей. Терроризм также стал развиваться достаточно давно, еще в 66-73 гг. до н.э., где существует первое упоминание о терактах, которые проводились группировкой зедотов, связанных с политикой. Они были против римлян, требуя автономию Фессалонии. Другими яркими примерами терроризма можно назвать инквизицию, Парижскую коммуну, Варфоломеевскую ночь и т.д. В начале XIX века появились различные террористические организации, которые имели свою направленность: уголовную, революционную, националистическую. Появление мафии также приписывают именно этому временному периоду. Некоторые террористические организации вкладывали в насилие стремление к социальной справедливости и росту благосостояния, но их действия так и оставались крайне негативными действиями, направленными против других людей. Во второй половине XX века террор развивался на основе анархизма и национализма, что повлекло за собой смерть известных личностей. Терроризм стал актуальнее с начала XX века, а ближе к концу стал крайне разнообразным с точки зрения форм. Терроризм стал совершаться не только группой экстремистов, но и отдельными личностями, а также специальными государственными службами. В конце 60-х гг. XX века возник международный терроризм, который вредит людям всего мира в целом и с каждым годом количество жертв только возрастает. Проанализировав историю, следует отметить, что сам характер и тактические действия террористов претерпевали изменения, поэтому увеличилось число похищений, убийств высокопоставленных лиц, совершения взрывов и поджогов, и т.д. В наши дни число организаций, являющихся террористическими, постоянно пополняется. Все они запрещены на территории России. К ним относятся «Лига партизан»,

«Аль-Каида», и т.д., в общей сложности не менее 18 организаций. С середины 90-х гг. XX века в нашей стране прошла волна разнообразных терактов, которые имели негативные последствия с многочисленными человеческими жертвами.

Формы реализации экстремизма могут быть различными: бумажная форма (брошюры, картинки и т.д.), аудио и видео форматы обращений и демонстраций, где содержится призыв к нарушению равноправия, как конкретных граждан, так и группы лиц. Данные призывы настроены на неопределенное число людей и привлекают широкое внимание общественности.

В связи с отсутствием исчерпывающего и единого определения экстремизма, он приобретает различные формы, руководствуясь рядом критериев, в зависимости от мотивов, целей, направленностей. Чаще всего указываются виды экстремизма, основанные на направленности: политический, национальный и религиозный. Политический экстремизм – это использование радикальных способов борьбы с существующей властью для достижения значимых политических целей, что может приводить к терроризму. Религиозный экстремизм выражается в нетерпимости к представителям других конфессий и стремление создать единую конфессию, уничтожив все остальные. Национальный экстремизм состоит в нарушении межнациональных отношений, организации войн, конфликтов, актов геноцида, попытку отстоять интересы каждой отдельной этнической или национальной группы, отвергая такие же права и свободы у «конкурирующей» группы. В стране резко возросла активность молодежных экстремистских организаций, потому что экстремизм приобретает все новые формы. Самым неприятным является то, что подобным организациям оказывается финансовая поддержка, что негативно влияет на обеспечение правопорядка в стране [2].

Факторы и социальные явления, позволяющие увеличивать число пособников террористической деятельности: рост числа неудовлетворенных граждан из-за разницы доходов между богатыми и бедными; высокий уровень безработицы и ухудшение условий жизни населения, социальная незащищенность. В свою очередь влияют: эгоизм, иждивенчество и отчужденность людей; повышение уровня преступности и включение людей в криминальные отношения; снижение уровня духовности и падение культурного уровня, снижение значимости любви к Отечеству и выполнению социального долга перед обществом; использование современных технологий и СМИ для обеспечения актов устрашения и повышение возможностей для пропаганды терроризма.

Таким образом, терроризм и экстремизм ведет к нарушению нормальной жизнедеятельности людей, которые абсолютно ни в чем не виноваты, разрушая отношения, сея панику и страх в глазах граждан. Все это ведет к достижению политических целей.

В состав Конституции включен принцип, согласно которому любой человек имеет права и свободы, как гарант государства вне зависимости от половых, расовых, возрастных, национальных и иных различий. В связи с этим, согласно ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), все попытки покушения на права и свободы гражданина РФ либо попытки разжигания конфликтных

ситуаций являются экстремизмом. Статья 282 УК РФ раскрывает понятие «экстремизм» как публичное деяние, реализованное с помощью сети Интернет, либо СМИ, при этом обращенное к неопределенному кругу лиц, затрагивающее равноправие людей. Известным фактом является то, что к уголовной ответственности можно привлечь граждан, достигших 16 лет, являющихся дееспособными [3]. Субъективной стороной преступления является пропаганда конфликтов со всеми негативными вытекающими последствиями. В настоящее время контроль за сетью Интернет возрос, поэтому за экстремизм могут быть привлечены все, кто: разжигает конфликты на основе национальности; призывает к совершению экстремистских действий и направляет на сепаратизм; оправдывает терроризм и поддерживает нацистские взгляды; занимается оскорблением чувств верующих; распространение материалов экстремистской направленности в социальных сетях. В социальных сетях вопрос стоит наиболее остро потому, что за неподходящий контент можно получить не виртуальный, а вполне осязаемый и реальный штраф.

Пристатейный библиографический список

1. Неверов А. П. Проблемы противодействия идеологии экстремизма и терроризма в образовательных учреждениях // Скиф. – 2017. – № 6.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (последняя ред.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы Консультант-Плюс.
3. Перфилов В. П., Иерусалимцева О. В., Горюнов А. П. Организация профилактической деятельности по противодействию идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере: методические рекомендации / В. П. Перфилов, [и др.]. – Ярославль: ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2019. – С. 47.
4. Кадырова Г.Ф. Гиндуллин Н.Ф., Бондаренко А.В., Лукьянов М.Ю. Ответственность в философии и юриспруденции // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 10(113). – С. 376-377.
5. Бондаренко А.В., Бондаренко Г.В. Влияние занятия спортивным туризмом на развитие личности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 6. – С. 99-101.

МАНУКЯН Алинэ Романовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ПРИЧИНЫ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В ПОДРОСТКОВОЙ И МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Под влиянием социальных, политических, экономических и иных факторов, наиболее подверженных деструктивному влиянию, в молодежной среде легче формируются радикальные взгляды и убеждения. Таким образом, молодые граждане пополняют ряды экстремистских и террористических организаций, которые активно используют российскую молодежь в своих политических интересах. Молодежная среда в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала. В статье представлено теоретическое обоснование проблемы профилактики распространения идеологии терроризма и экстремизма, охарактеризованы причины и условия возникновения этих негативных явлений.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, молодежь, подросток, идеология, распространение, развитие, профилактика, причины, формы.

MANUKYAN Aline Romanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

CAUSES AND FORMS OF MANIFESTATION OF THE IDEOLOGY OF TERRORISM AND EXTREMISM IN ADOLESCENTS AND YOUTH

Under the influence of social, political, economic and other factors that are most susceptible to destructive influence, radical views and beliefs are more easily formed in the youth environment. Thus, young citizens join the ranks of extremist and terrorist organizations that actively use Russian youth in their political interests. The youth environment, due to its social characteristics and sharpness of perception of the environment, is the part of society in which the accumulation and realization of negative protest potential most quickly occurs. The article presents a theoretical justification for the problem of preventing the spread of the ideology of terrorism and extremism, and describes the causes and conditions for the occurrence of these negative phenomena.

Keywords: extremism, terrorism, youth, teenager, ideology, distribution, development, prevention, causes, forms.

Случаи экстремизма, особенно среди молодежи, не являются редкостью. Они проявляются в беспорядках, проявлении насилия с точки зрения национализма. В настоящее время молодежь активно вовлекают в экстремистские неформальные группировки данных направленностей.

Причины приверженности молодежи к экстремизму могут быть совершенно различными: родители с радикальными взглядами; сверстники, интересующиеся данной темой; влияние авторитетных лиц, которые заняты тренерством, педагогикой и являются лидерами молодежи; стресс, диктующий резкие общественные изменения; наличие собственных установок на экстремизм; выученная агрессивность; высокое психологическое напряжение [3].

Существует понятие «группа риска», в которую входит подрастающее поколение. К ним относятся: дети из неблагополучных семей. Причина: низкий доход, низкий социальный статус, недостаток образованности, склонность к вредным привычкам; «золотая молодежь». Причина: вседозволенность, безнаказанность, «все есть игра»; подростки с различными психологическими трудностями. Причина: неадекватное и незрелое поведение, поведенческие отклонения, агрессия и т.д.; участники неформальных объединений и уличных банд. Причина: агрессия, стремление к самоутверждению с помощью силы; активисты политических и религиозных объединений. Причина: чувство опасности, цели и убеждения, противоречащие общественным.

Рассмотрим виды экстремизма более подробно. В связи с отсутствием исчерпывающего и единого определения экстремизма, он приобретает различные формы, руководствуясь

Манукян А. Р.

рядом критериев, в зависимости от мотивов, целей, направленностей. Чаще всего указываются виды экстремизма, основанные на направленности: политический, национальный и религиозный [4].

Политический экстремизм – это использование радикальных способов борьбы с существующей властью для достижения значимых политических целей, что может приводить к терроризму.

Религиозный экстремизм выражается в нетерпимости к представителям других конфессий и стремление создать единую конфессию, уничтожив все остальные.

Национальный экстремизм состоит в нарушении межнациональных отношений, организации воин, конфликтов, актов геноцида, попытку отстоять интересы каждой отдельной этнической или национальной группы, отвергая такие же права и свободы у «конкурирующей» группы.

В стране резко возросла активность молодежных экстремистских организаций, потому что экстремизм приобретает все новые формы.

Экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Самым неприятным является то, что подобным организациям оказывается финансовая поддержка, что негативно влияет на обеспечение правопорядка в стране.

В состав Конституции [1] включен принцип, который обеспечивает любого человека на получение прав и свобод,

как гарант государства вне зависимости от половых, расовых, возрастных, национальных и иных различий. В связи с этим, согласно ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), все попытки покушения на права и свободы гражданина РФ либо попытки разжигания конфликтных ситуаций являются экстремизмом [2].

Статья 282 УК РФ раскрывает понятие «экстремизм» как публичное деяние, реализованное с помощью сети Интернет, либо СМИ, при этом обращенное к неопределенному кругу лиц, затрагивающее равноправие людей.

Формы реализации экстремизма могут быть различными: бумажная форма (брошюры, картинки и т.д.), аудио и видео форматы обращений и демонстраций, где содержится призыв к нарушению равноправия, как конкретных граждан, так и группы лиц. Данные призывы настроены на неопределенное число людей и привлекают широкое внимание общественности.

Известным фактом является то, что к уголовной ответственности можно привлекать граждан, достигших 16 лет, являющихся дееспособными. Субъективной стороной преступления является пропаганда конфликтов со всеми негативными вытекающими последствиями. Наказывается публичный экстремизм: либо штрафом от 300 до 500 тыс. руб., либо штрафом в размере дохода, осужденного сроком от 2 до 3 лет, либо принудительными работами от 1 года до 4 лет, либо лишением свободы от 2 до 5 лет, либо в качестве дополнительного наказания применяется ограничение на определенные должности или ведение определенной деятельности на срок до 3 лет.

В настоящее время контроль за сетью Интернет возрос, поэтому за экстремизм могут быть привлечены все, кто: разжигает конфликты на основе национальности; призывает к совершению экстремистских действий и направляет на сепаратизм; оправдывает терроризм и поддерживает нацистские взгляды; занимается оскорблением чувств верующих; распространение материалов экстремистской направленности в социальных сетях.

В социальных сетях вопрос стоит наиболее остро потому, что за неподходящий контент можно получить не виртуальный, а вполне ощутимый и реальный штраф.

Если более подробно рассматривать терроризм, то можно отметить его виды. Политический терроризм возникает в противовес действующей государственной системе, затрагивая всю систему, отдельную ее часть, либо конкретных служащих. Такой вид терроризма направлен на захват политической власти и разрушение устоев общества, общественное мнение снижает вероятность прекращения терроризма, а СМИ транслирует их требования вовне.

Религиозный терроризм направлен на уничтожение «неудобных» представителей разных религиозных конфессий. Такой вид чаще всего используется для политических целей для получения доступа к светскому государству для распространения своих религиозных воззрений. Некоторые террористы данной направленности настроены на распространение религиозных учений в рамках страны и используют догмы в качестве замены официального законодательства [5].

Криминальный терроризм используется для достижения целей запугивания власти и влияния на население с помощью устрашения. К формам данного вида терроризма относятся: вооруженные нападения, заказные убийства и т.д.

В современном мире политический терроризм стирает границу вместе с уголовным, их можно различать по основным целям и мотивам, ведь методы и формы совершенно одинаковы. При политическом терроризме применяются криминальные формы достижения успеха, а именно: незаконная торговля оружием, наркотиками, реализация контрабанды. Сложно разделить два этих вида, учитывая их схожий характер взаимодействия.

Национальный терроризм состоит в действии группировок, которые хотят сделать одну нацию, господствующей над другой. Для этого происходит нарушение территориальной целостности страны и проявляется стремление к созданию обособленного государства.

Технологический терроризм – реализуется с помощью угрозы применения ядерного, радиоактивного и иного оружия

схожего типа, основанного на применении технологических разработок. Захват промышленных объектов, которые занимаются разработкой и производством данных технологий так же относится к технологическому терроризму. Данный вид терроризма чаще всего имеет под собой политическую подоплеку.

Кибертерроризм проявляется в захвате автоматизированных информационных систем, произведения информационной атаки на компьютерную сеть, вывод из строя аппаратуры, вычислительных систем, и т.д. Смысл данного вида терроризма – проникать и уничтожать информационную составляющую, а также менять режимы работы аппаратуры для причинения вреда, управления и снижения возможностей обмена информацией.

Данный вид терроризма негативно сказывается на отдалах коммуникаций, энергетике, диспетчерских системах, финансовых и правительственных системах, а также системах управления военной техникой и войсками.

Среди факторов и социальных явлений, позволяющих увеличивать число пособников террористической деятельности: Рост числа неудовлетворенных граждан из-за разницы доходов между богатыми и бедными. Высокий уровень безработицы и ухудшение условий жизни населения, социальная незащищенность. Формирует эгоизм, иждивенчество и отчужденность людей. Повышение уровня преступности и включение людей в криминальные отношения. Снижение уровня духовности и падение культурного уровня, снижение значимости любви к Отечеству и выполнению социального долга перед обществом. Использование современных технологий и СМИ для обеспечения актов устрашения и повышение возможностей для пропаганды терроризма.

Таким образом, терроризм и экстремизм ведет к нарушению нормальной жизнедеятельности людей, которые абсолютно ни в чем не виноваты, разрушая отношения, сея панику и страх в глазах граждан. Все это ведет к достижению политических целей. Здесь необходима более точечная работа по профилактике конкретных ситуаций, из-за которых данная группа может начать осуществлять экстремистскую деятельность. К ним относятся: дети из неблагополучных семей; дети, имеющие зависимости; дети, имеющие отклонения в интеллектуальном развитии; «золотая молодежь»; дети и подростки, склонные к агрессии и физическому способу решения трудностей; представители уличных, неформальных, религиозных, политических организаций и т.д.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета. - 4 июля 2020 г. - № 144.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (последняя ред.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
3. Маздогова З. З. Противодействие экстремизму и профилактика терроризма в современных образовательных организациях // Проблемы экономики и юридической практики. - 2016. - № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-ekstremizmu-i-profilaktika-terrorizma-v-sovremennyh-obrazovatelnyh-organizatsiyah>.
4. Неворов А. П. Проблемы противодействия идеологии экстремизма и терроризма в образовательных учреждениях // Скиф. - 2017. - № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-protivodeystviya-ideologii-ekstremizma-i-terrorizma-v-obrazovatelnyh-uchrezhdeniyah>.
5. Перфилов В. П., Иерусалимцева О. В., Горюнов А. П. Организация профилактической деятельности по противодействию идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере: методические рекомендации / В. П. Перфилов, [и др.]. - Ярославль: ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2019. - С. 47.

ТРОФИМЦЕВА Светлана Юрьевна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры безопасности и информационных технологий Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт»

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОКУШЕНИЯМ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КИБЕРФИЗИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В статье анализируются нормы главы 28 УК РФ (с учётом последних изменений) на предмет возможности квалификации злонамеренных попыток нарушения состояния защищённости киберфизических систем в качестве уголовно наказуемых деяний. Делается вывод о наличии пробела в уголовном законодательстве РФ в области противодействия новым способам совершения общественно опасных деяний в киберсфере.

Ключевые слова: киберпреступления, компьютерные преступления, уголовное законодательство, киберфизические системы.

TROFIMTSEVA Svetlana Yurjevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Security and information technologies sub-faculty of the National Research University «Moscow Power Engineering Institute»

ON THE POSSIBILITY OF USING THE NORMS OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ORDER TO COUNTERACT ATTACKS ON THE SECURITY OF THE FUNCTIONING OF CYBER-PHYSICAL SYSTEMS

The article analyzes the norms of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation (taking into account the latest changes) for the possibility of qualifying malicious attempts to violate the state of security of cyber-physical systems as criminally punishable acts. It is concluded that there is a gap in the criminal legislation of the Russian Federation in the field of countering new ways of committing socially dangerous acts in the cybersphere.

Keywords: cybercrimes, computer crimes, criminal legislation, cyber-physical systems.

Глобальный технический прогресс, продолжая ускоряться, привёл, в том числе, к появлению систем информационного моделирования знаний, что повлекло за собой создание и внедрение киберфизических систем (Cyber-physical systems), в которых была реализована идея соединить физические процессы производства, управления и т. д., инженерные решения с компьютерными системами. Внедрение киберфизических систем в реальную экономику и повседневную жизнь человека продолжает расширяться, и увеличивается количество и виды систем, связанных с киберфизическими, в том числе, в области промышленности, финансовой сферы, транспорта, медицины, систем коммуникаций и военных систем [6], а также в иных социальных сферах, таких, как «Интернет вещей», «умный дом» и пр. При этом, в силу глобальности как экономики, так и, прежде всего, Интернет-пространства, в указанные процессы становятся вовлечёнными не только компании, включая транснациональные, но и всё большее число стран, к примеру США, страны Европы, Япония, Южная Корея, Индия [5, с. 19], а также Россия и другие государства. Как отмечал ещё в 2016 г. научный сотрудник Национального института стандартов и технологий (National Institute of Standards and Technology, США) Рон Росс, распространение технологий, связанных с созданием и функционированием киберфизических систем в глобальном пространстве, повлекло за собой создание «весьма сложной информационно-технологической инфраструктуры систем и сетей, которые трудно понять и еще труднее защитить» [6]. Такая ситуация неизбежно провоцирует злоумышленников на поиск и применение новых способов реализации злонамеренных деяний, создающих угрозу нормальному функционированию киберфизических систем и как обрабатываемой ими информации, так и информации, обмен которой реализуется между отдельными компонентами киберфизических систем и другими подобными системами.

При этом, как ещё в начале 1990-х гг. отмечали специалисты, а 2013 признала даже Генпрокуратура Российской Федерации, деяния злоумышленников становятся «всё более изощрёнными» [3], а уголовно-правовые нормы, одной из целей принятия которых является защита законных интересов субъектов социальных отношений, всегда ощутимо от-

стают от новых посягательств на безопасность общественных отношений, на законные интересы субъектов, их ценности и блага. В связи с этим актуальным представляется анализ имеющихся в уголовном законодательстве России и других государств норм, принятых для квалификации злонамеренных посягательств на безопасность киберфизических систем.

Следует отметить, что российское уголовное законодательство в плане противодействия киберпреступности дополняется крайне медленно, а внесённые составы явно не охватывают значительную часть различных злонамеренных деяний в киберпространстве. Так, после введение в действия УК РФ, содержащего три статьи по компьютерным преступлениям: ст. 272 («Неправомерный доступ к компьютерной информации»), ст. 273 («Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»), ст. 274 («Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей»), до июля 2022 г. появились: ст. 159.6 («Мошенничество в сфере компьютерной информации», 2012 г.), ст. 159.3 («Мошенничество с использованием электронных средств платежа», 2018 г.), ст. 274.1 («Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации», 2017 г.), в которых отсутствуют нормы, напрямую применимые к неправомерным посягательствам на киберфизические системы, включающие в себя такие обязательные компоненты, как физический слой системы, цифровой слой системы, к которому относятся хранимые компьютерные данные о системах, алгоритмы управления физическими объектами и обработки информации, а также совокупность средств, методов, правил взаимодействия цифрового и физического слоёв и этих слоёв и человека [4]. Как отмечал Р. Росс, повышенная сложность киберфизических систем привела «к увеличению поверхности атаки», поскольку в компонентах базовых подсистем киберфизических систем, естественно, содержатся слабые места и недостатки, как известные, так и неизвестные разработчикам [6], что повышает вероятность угроз.

Для того, чтобы атака злоумышленника на киберфизические системы подпала под действие российского уголовного закона, следствию нужно неопровержимо доказать,

например, что имел место факт неправомерного доступа к подпадающей под охрану закона компьютерной информации, и, через причинно-следственную связь, осуществление неправомерного воздействия на информацию (только одно из тех, что указаны в ч. 1 ст. 272 УК РФ). Если же кибератака была произведена способом, не описанным в диспозиции ч. 1 ст. 272 УК, и не выражалась в непосредственном воздействии на информацию в цифровом слое киберфизической системы, а, к примеру, привела к изменению функционирования системы, в том числе, к её сбою, то деяние может быть криминализовано по ст. 273 УК только тогда, когда следствием будет доказан факт осуществления деяния посредством использования компьютерной программы (информации), заведомо предназначенной для несанкционированного воздействия на информацию киберфизической системы. Если же были применены компьютерные программы, изначально разрабатываемые для других целей, такое деяние под действие уголовного закона Российской Федерации.

Ситуация не стала исправляться и после введения в июле 2022 г. в главу 28 УК РФ ст. 274.2, содержащую два состава: ч. 1 криминализовала нарушение порядка установки, эксплуатации, модернизации в сетях связи технических средств противодействия угрозам устойчивости, безопасности, целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сети связи общего пользования¹ либо несоблюдение технических условий их установки или требований к сетям связи при использовании перечисленных выше технических средств, а ч. 2 – нарушение требований к пропуску трафика через технические средства противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования [1].

Из анализа данных диспозиций очевидно, что к злонамеренным воздействиям на киберфизические системы ст. 274.2 практически не применима, за исключением, возможно, воздействий, которые как-то затронут киберфизические системы, используемые в электроэнергетических сетях, и то при условии, что непосредственное воздействие злоумышленник осуществит описанным в диспозициях ст. 274.2 образом непосредственно не на киберфизические системы и даже не на сами сети общего пользования и Интернет, а на установленные в указанных сетях средства противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования сетей общего пользования и Интернета на территории РФ, если нарушитель – внешний. Если же нарушитель внутренний, то деяние может быть признано преступлением только в том случае, если им нарушен указанный в ч. 1 порядок установки, эксплуатации, модернизации технических средств в сетях связи общего пользования и Интернете.

Однако описанные выше варианты применения введённых в УК РФ новых норм по противодействию киберпреступлениям в отношении именно киберфизических систем можно рассматривать как маловероятные, поскольку российский законодатель, руководствуясь не совсем понятными мотивами, сделал субъекта преступления не общим, а специальным: это либо должностное лицо, выполняющее управленческие, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой или иной организации, вероятно, имеющей отношение к сетям общего пользования на территории РФ, или же индивидуальный предприниматель. При этом в отношении указанных субъектов уже была реализована административная преюдиция по ч. 2 введённой одновременно со ст. 274.2 УК ст. 13.42 КоАП (два административных нарушения требований законодательства к установке указанных выше технических средств противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования либо технических средств контроля за соблюдением операторами

связи, собственниками или иными владельцами технологических сетей связи требований законодательства, предусматривающих ограничение доступа к информации [2], что, вероятно, связано с необходимостью соблюдения требований, введённых в законодательство РФ так называемым «пакетом Яровой» в 2016 г.).

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что пока обеспечение безопасности киберфизических систем не является объектом внимания российского законодателя. Уголовно-правовые нормы, существующие на настоящий момент в российском законодательстве, либо весьма условно применимы, либо вообще не применимы к изменяющимся в связи с внедрением киберфизических систем в экономику и повседневную жизнь реалиям, что открывает широкое окно возможностей для злоумышленников осуществлять злонамеренные деяния, выражающиеся в нарушении функционирования киберфизических систем, что может повлечь за собой, с учётом значимости сфер, где сейчас используются киберфизические системы, в том числе, тяжкие общественно опасные последствия. Исходя из этого, необходимо провести модернизацию российского уголовного законодательства с участием специалистов по информационным технологиям, киберфизическим системам и информационной безопасности для выработки адекватных мер уголовно-правового противодействия угрозам безопасности киберфизических систем, имеющих социальную значимость на территории Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.09.2022).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 18.07.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.09.2022).
3. Федеральный закон Российской Федерации «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 20.09.2022).
4. Генеральная прокуратура Российской Федерации: Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации (утв. Генеральной прокуратурой РФ). Москва, 2013 (утратили силу). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/documents/nauka/execution/document-104550/> (дата обращения: 08.09.2017).
5. Кондаратцев В. Применение искусственного интеллекта в киберфизических системах // *Phygitalism*. – 2019. – Nov 29. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medium.com/phygitalism/ai-cps-1731d00247a4> (дата обращения: 18.09.2022).
6. Куприяновский В. П., Намиот Д. Е., Синягов С. А. Кибер-физические системы как основа цифровой экономики // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2016. – Vol. 4. – № 2. – С. 18-24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiber-fizicheskie-sistemy-kak-osnova-tsiifrovoy-ekonomiki> СЛЭШviewer.pdf (дата обращения: 05.09.2022).
7. Ross R. Rethinking Cybersecurity from the Inside Out [Electronic text] // Website of the National Institute of Standards and Technology. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nist.medium.com/rethinking-cybersecurity-from-the-inside-out-1fc2089a1695> (data access: 20.09.2022).

1 Согласно ст. 13 126-ФЗ «О связи» от 07.07.2003 г., сеть связи общего пользования представляет собой комплекс взаимодействующих сетей электросвязи, в том числе сети связи для трансляции телеканалов и (или) радиоканалов (Федеральный закон Российской Федерации «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 20.09.2022).

УРУСОВ Замир Хасанович

старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТЕЛЕФОННОГО ТЕРРОРИЗМА

В статье автор анализирует понятие телефонного терроризма, приводит классификацию, а также сложности, связанные с отслеживанием преступников. Сегодня в условиях напряженности с украинской стороной и странами, выступающими против специальной операции, развернутой нашей страной, государство столкнулось с тем, что большая масса телефонных звонков поступает с территории Украины и стран ее поддерживающих. Проблема отслеживания данных звонков связана с тем, что используются сим-карты, зарегистрированные в других странах, VPN, анонимайзеры, а также временные аккаунты, на которых не сохраняется информация о его владельце. Данная проблема могла бы быть решена посредством международного сотрудничества, однако в силу политического противостояния, существующего на сегодняшний день, это невозможно. Недостаточная техническая оснащенность ОВД также значительно снижает поиск и отслеживание преступников. Актуальным нам видится необходимость исследования данной проблемы, ее проявлений, последствий и путей решения.

Ключевые слова: телефонный терроризм, IP-телефония, анонимайзер, VPN, наказание, УК РФ.

URUSOV Zamir Khasanovich

senior lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

ABOUT SOME PROBLEMS OF TELEPHONE TERRORISM

In the article, the author analyzes the concept of telephone terrorism, gives a classification, as well as the difficulties associated with tracking down criminals. Today, in conditions of tension with the Ukrainian side and the countries opposing the special operation launched by our country, the state is faced with the fact that a large number of phone calls come from the territory of Ukraine and the countries that support it. The problem of tracking call data is due to the fact that SIM cards registered in other countries, VPNs, anonymizers, and temporary accounts are used that do not store information about its owner. This problem could be solved through international cooperation, but due to the political confrontation that exists today, this is impossible. Insufficient technical equipment of the police department also significantly reduces the search and tracking of criminals. We see the urgent need to study this problem, its manifestations, consequences and solutions.

Keywords: telephone terrorism, IP telephony, anonymizer, VPN, punishment, Criminal Code of the Russian Federation.

Урусов З. Х.

Исторически Россия неоднократно сталкивалась с таким опасным социальным явлением как терроризм. Его представители не раз пытались подорвать устои законной власти и запугать мирное население. Люди помнят страшные последствия терактов, которые имели место в разных странах. Это и разрушение зданий торгового центра в США, и захват школы в Беслане. Сегодня наряду с «традиционным» терроризмом, популярен - «телефонный». Самая большая проблема заключается в том, что, несмотря на формальный характер угроз, они несут существенный материальный ущерб государству, поскольку подобные звонки не могут быть оставлены без внимания. А люди, умышленно формирующие данные ситуации запускают сложнейший и очень дорогостоящий механизм эвакуации людей и проверки данных сообщений. Так, например в 2019 году было совершено 5000 ложных телефонных угроз, из-за чего были эвакуированы 2,9 млн человек [4]. А затраты на данные мероприятия исчисляются подчас миллиардами рублей.

Проблема телефонного терроризма знакома России с 90-х годов, когда шла активная борьба с террористами боевыми. По сути, телефонный терроризм – это изначальное умышленное введение в заблуждение полиции и спецслужб о готовящемся террористическом акте или преступлении посредством телефонного вызова [5]. Нередко на такие серьезные темы шутят школьники, которые, таким образом, пытаются сорвать контрольную, продемонстрировать сверстникам свою смелость. Однако безобидность этих шуток носит уголовный характер, поскольку, несмотря на по большей части, запугивающий характер таких звонков, это вносит существенный сбой в работу учреждений, а также стягивание

серьезных правоохранительных сил к объекту «минирования», что оборачивается государству огромными финансовыми затратами. «Минированию» могут быть подвергнуты любые объекты, школы, детские сады, больницы, вокзалы и аэропорты, метро, банки, крупные магазины, торговые центры и прочие организации. По данным ОВД, на заре распространения данного преступления им злоупотребляли в основном школьники, уволенные преподаватели и «выходцы» из террористических организаций. Когда, к концу 90-х - началу 2000-х годов, основная часть «проблемных» территорий была взята под контроль, количество звонков было значительно снижено. Однако с конца 2019 оно выросло в полтора раза по сравнению с 2018 годом, и постепенно увеличивалось. Основная масса звонков, со слов замглавы министрату внутренних дел И. Зубова стала поступать с территории Украины [3]. А с началом спецоперации в феврале 2022 года, на учреждения Российской Федерации обрушился просто шквал подобных телефонных сообщений.

Правоохранительные органы столкнулись с проблемой отслеживания звонков. Развитие цифровых технологий, конечно, добавляет возможностей обнаружить преступного абонента. Но еще большими возможностями обладают и преступники, осуществляющие звонки, по закодированным каналам связи, посредством IP-телефонии. Оснащенность техническими новинками в системе ОВД, к сожалению, требует значительных пополнений и финансирования, а Украина находится на «довольствии» практически всего мира, поэтому факты данных «диверсий» остаются по большей части безнаказанными. Отмечаются также звонки и из дру-

гих стран, из-за этого поймать преступника становится значительно сложнее. Связано это также с тем, что государство, с которого поступают такие звонки, может быть не открыто, но косвенно поощряет и покрывает такую деятельность.

Данные факторы влияют на раскрываемость таких дел. В 2018 году было раскрыто 797 дел из 1530 дел, касающихся «телефонного» терроризма. В 2019 году две трети ложных сообщений так и остались нераскрытыми (1475 из 2187 случаев). В 2021 году было зафиксировано свыше 4500 ложных сообщений, а за первое полугодие 2022 года – свыше 12 000.

Если говорить о телефонном терроризме на территории РФ, то частично изменить ситуацию может ликвидация рынка «левых» сим-карт, которые продаются в свободном доступе, часто без регистрации, что позволяет преступникам оставаться анонимными.

В декабре 2017 года ст. 207 УК РФ [1] ужесточила наказание за ложные сообщения, которое составило 5 лет лишения свободы, а в случае гибели кого-либо в результате проведения операций по ликвидации опасной ситуации – на 10 лет. С начала 2020 года вступила в силу поправка к ст. 207 УК РФ. Так, за ложное сообщение о готовящемся теракте теперь грозит лишение свободы на срок от 3 до 5 лет (ранее — до 3 лет).

Если рассматривать ситуацию со звонками из-за рубежа, то сегодня существует следующая схема подмены номера. При любом телефонном звонке вызывающей стороне присваиваются два идентификатора:

– первый – ANI (Automated Number Identification), на который выставляется счет за услуги связи и его менять нельзя по закону,

– второй – Caller ID – высвечивается на устройстве абонента, что и таит основную опасность, так как операторы не обязаны соотносить данные идентификаторы, и естественно не делают этого.

Поскольку сегодня рынок изобилует разнообразием программ и мобильных приложений, которые позволяют с легкостью манипулировать и подменять номер телефона (вплоть до выбора произвольного), то все это изначально создает сложную для правоохранителей ситуацию, и к сожалению, не противоречит законодательству.

Схема действия приложения достаточно проста. Человек совершает вызов с номера, присвоенного ему оператором связи, то есть используя свою сим-карту, а специальное приложение, используя определенные протоколы IP-телефонии, отправляет на принимающее устройство сигнал с другим Caller ID. Идентификация абонента обычно делается сотрудниками мобильного оператора по запросу сотрудников полиции. Попадают, как правило, неопытные «террористы».

Существуют программы, которые маскируют входящий звонок под один из контактов телефонной книги – то есть даже дети, например, могут позвонить маме от лица бабушки. Нередко таким «фокусом» пользуются телефонные мошенники.

В ноябре 2018 года, когда московские торговые центры были буквально атакованы «телефонными» террористами, оказалось, что все звонки шли с номера женщины-пенсионерки из Подмосковной Балашихи.

Сложнее отследить тех, кто пользуется услугами операторов-посредников, которые массово предлагают свои услуги через сеть Интернет. Сущность сводится к тому, что злоумышленник регистрирует временный аккаунт, при этом не обязательно указывать какие-либо контактные данные, пополняет счет и звонит в любую точку мира. Серьезность и сложность такой схемы состоит в том, что данные операторы не сохраняют никаких данных ни о звонках, ни об абонентах и найти правонарушителей практически невозможно. Оплаты звонков осуществляются с «левых» счетов и карт, а, сохранившийся IP-адрес, может также характеризоваться отсутствием какой-либо содержательной информации, поскольку, как правило, регистрируется в странах третьего мира.

Часто преступники пользуются интернет-телефонией и отправляют угрожающие сообщения посредством арендованных в других странах номеров. Террористы используют различные сервисы, такие как VPN или анонимайзеры, которые формируют длинные цепочки IP-адресов и сохраняют не только анонимность, но и обходят различные блокировки. Отследить такую цепочку можно, но лишь теоретически, по факту это практически невозможно.

Существует следующая классификация форм «телефонного» терроризма:

1. по характеру ложной опасности:
 - масштабный; – локальный

2. по характеру ложного сообщения:
 - преднамеренный; – спонтанный
3. по пониманию ложности сообщения:
 - осознанный; – неосознанный
4. по возрасту «террористов»:
 - взрослый; – детский;
5. по направленности:
 - личный; – частный; – государственный;
6. по повторяемости звонка:
 - первичный; – рецидивный
7. по виду используемого средства связи:
 - мобильный; – стационарный;

Целесообразность такой классификации основывается на том, что мера наказания должна быть разной в зависимости от обстоятельств, предшествующих звонку. Ответственность за поступок это не умаляет, однако детская шалость и умышленное причинение вреда должны оцениваться соответственно.

Если с детьми и подростками должны работать психологи и сотрудники ПДН, то организованной преступностью – более серьезные структуры. Если у школьников – это спонтанное желание доказать окружающим свое «я могу», они не думают о последствиях своих действий, то у продуманного преступника – это хорошо подготовленный и продуманный план действий, и масштаб планируемого ущерба имеет глобальные размеры.

Нередко звонки в полицию с сообщением о заложенной бомбе исходят от нетрезвых, психически больных или находящихся под воздействием сильных эмоций людей. Такие личности не отдадут отчет своим действиям. Умышленные преступники четко осознают цель и последствия.

В. И. Шулов выделяет следующие цели телефонного терроризма:

- изменение существующего мира, общества,
- совершение психического насилия [2].

По УК РФ цели субъекта влияют на квалификацию деяния:

- ч. 1 и 2 ст. 207 УК РФ предусматривают наличие хулиганских побуждений;
- ч. 3 ст. 207 УК РФ – целей дестабилизации деятельности органов власти;
- ч. 4 ст. 207 УК РФ – любых намерений, предусмотренных предыдущими частями.

Решение проблемы отслеживания телефонных террористов было предложено Россией другим странам. Сущность состоит в том, что для «вычисления» данной группы преступников должна быть регламентирована регистрация и хранение ключей шифрования мобильных устройств, поскольку, как правило, анонимные звонки идут через интернет-телефонию с арендованных технических площадок, расположенных как на территории России, так за рубежом. Однако данная мера до сих пор не реализована.

На наш взгляд для устранения «телефонного» терроризма среди школьников, необходимо проводить воспитательные беседы, информационные собрания, начиная с младшей школы. Сотрудники правоохранительных органов должны сообщать о последствиях, об уголовной ответственности, о существенных штрафах, а также о том, что даже если ребенок избежит наказания, оно тяжким грузом ложится на его родителей.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ (последняя редакция) / КонсультантПлюс.
2. Александров Е. В. Особенности современного «телефонного терроризма» Современные проблемы юридической науки: материалы XIV Международной научно-практической конференции молодых исследователей: в 2 ч. Часть II. - Челябинск: Цицеро, 2018. - 386 с.
3. Как менялся «телефонный терроризм»? - Рамблер/новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/other/43553674-kak-menyalsya-telefonnyy-terrorizm/> (дата обращения: 27.07.2022).
4. Российский бизнес и госпредприятия получили финансовую защиту от телефонного терроризма // Российская газета. - 01.06.2021.
5. Pamyatka_Telefonnyj_terrorizm.pdf. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dszn.ru/uploads/editor/1f/5c/Pamyatka_Telefonnyj_terrorizm.pdf (дата обращения: 27.07.2022).

ФЕДОСОВ Артем Васильевич

кандидат технических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

ТАЖЕТДИНОВА Айсылу Азаматовна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ТАЖЕТДИНОВА Азалия Азаматовна

бакалавр Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЯХИНА Элиза Наилевна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ФЕДОСОВА Елизавета Артемовна

бакалавр Уфимского государственного нефтяного технического университета

АНАЛИЗ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С каждым годом биологические технологии совершенствуются и развиваются, становятся все сложнее. Много лабораторий проводят различные биологические испытания. Поэтому вопрос законодательного регулирования биологической безопасности становится все актуальнее.

В статье проведен критический анализ нормативных требований, обеспечивающих биологическую безопасность в РФ.

Целью статьи является рассмотрение законодательных требований на различных уровнях, касающихся биологической безопасности.

Ключевые слова: биологическая безопасность, риск, нормативный документ, федеральные нормы и правила.

FEDOSOV Artem Vasiljevich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of the Ufa State Petroleum Technical University

TAZHETDINOVA Aisulu Azamatovna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

TAZHETDINOVA Azaliya Azamatovna

bachelor student of the Ufa State Petroleum Technical University

YAKHINA Eliza Nailevna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

FEDOSOVA Elizaveta Artemovna

bachelor student of the Ufa State Petroleum Technical University

ANALYSIS OF THE REQUIREMENTS OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION TO ENSURE BIOLOGICAL SAFETY

Every year biological technologies are being improved and developed, becoming more and more difficult. Many laboratories conduct various biological tests. Therefore, the issue of legislative regulation of biological safety is becoming more relevant.

The article provides a critical analysis of the regulatory requirements that ensure biological safety in the Russian Federation.

The purpose of the article is to consider legislative requirements at various levels related to biological safety.

Keywords: biological safety, risk, regulatory document, federal norms and rules.

Биотехнология сегодня развивается бурными темпами. Как наука, она изучает внедрение производственных процессов, в основе которых лежит практическое использование микроорганизмов, всевозможных биологических систем. Основой биотехнологии является генетическая биохимия и инженерия. Развитие клеточной инженерии считается на данный момент одним из самых перспективных направлений. Почти любая технология по производству пищевых продуктов основана на биохимических процессах. Поэтому изучение процесса обмена веществ в живой клетке – актуальный вопрос для развития биотехнологии. Это имеет большое значение не только для животноводства и растениеводства или переработки промышленным способом сельскохозяйственного сырья, но и для медицины, а также экологии.

Под биологической безопасностью понимается состояние защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска. При этом под биологическим риском понимается вероятность причинения вреда (с учетом его тяжести) здоровью человека, животным, растениям и (или) окружающей среде в результате воздействия опасных биологических факторов.

Еще одним важным понятием в области биологической безопасности является термин «биологический фактор» — это

совокупность биологических объектов, включающих в себя микро- и макроорганизмы, продукты их метаболической деятельности, а также продукты биологического синтеза и обладающих способностью при воздействии на организм человека и окружающую среду оказывать вредное действие [1].

Основой биологической безопасности служит Конвенция о биологическом разнообразии (далее – КБР), принятая 5 июня 1992 года в Рио-де-Жанейро. КБР представляет собой международный юридически обязательный договор, три основные цели которого заключаются в сохранении биоразнообразия, устойчивом использовании биоразнообразия и совместном получении на справедливой и равной основе выгод, связанных с использованием генетических ресурсов. Ее общей задачей является стимулирование деятельности, ведущей к созданию устойчивого будущего. Достоинством данной Конвенции является то, что ее подписали 168 стран, т.е. данной Конвенции практически подчиняется весь мир.

Основным нормативно правовым актом по обеспечению биологической безопасности в РФ является федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» (далее – ФЗ). ФЗ устанавливает основы государственного регулирования в области обеспечения биологической безопасности в Российской Федерации и определяет комплекс мер, направленных на защиту населения

и охрану окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, на предотвращение биологических угроз (опасностей), создание и развитие системы мониторинга биологических рисков [2].

Основными задачами деятельности по обеспечению биологической безопасности являются:

1) определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обеспечения биологической безопасности;

2) прогнозирование, выявление, анализ, оценка биологических рисков;

3) разработка и применение мер по выявлению, предупреждению и устранению биологических угроз (опасностей), в том числе выявленных в результате мониторинга биологических рисков, локализации и нейтрализации последствий их проявления;

4) применение специальных экономических мер в целях обеспечения биологической безопасности;

5) обеспечение защищенности потенциально опасных биологических объектов;

6) разработка, производство и внедрение новых технологий и методов ведения деятельности, связанной с использованием патогенов, а также стандартизация методов их исследования;

7) организация научной деятельности в области обеспечения биологической безопасности;

8) коллекционная деятельность, связанная с использованием патогенных микроорганизмов и вирусов;

9) координация действий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления при обеспечении биологической безопасности;

10) информационно-аналитическое и экспертное обеспечение деятельности федеральных органов исполнительной власти при обеспечении биологической безопасности;

11) международное сотрудничество в целях обеспечения биологической безопасности [3].

Достоинством данного нормативного документа является то, что он устанавливает ответственность за нарушение законодательства РФ по обеспечению биологической безопасности. Федеральным законом вводятся ограничения на отпуск и реализацию лекарственных препаратов, предназначенных для лечения инфекционных и паразитарных болезней, вызываемых патогенными микроорганизмами и условно-патогенными микроорганизмами — при отсутствии медицинских показаний, устанавливается запрет на применение таких лекарственных препаратов у животных без клинического подтверждения диагноза, а также на продолжение их применения при отсутствии эффективности лечения.

Указ Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» устанавливает цель, принципы, приоритетные направления и основные задачи государственной политики Российской Федерации в этих областях [4].

Целью государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности является поддержание допустимого уровня риска негативного воздействия опасных химических и биологических факторов на население и окружающую среду. Приоритетными направлениями государственной политики являются:

1) постоянный контроль химических и биологических рисков;

2) совершенствование нормативно-правового регулирования и государственного управления;

3) развитие ресурсного обеспечения национальной системы химической и биологической безопасности;

4) осуществление комплекса мероприятий по нейтрализации химических и биологических угроз, предупреждению и минимизации химических и биологических рисков, повышению защищенности населения и окружающей среды от негативного воздействия опасных химических и биологических факторов, а также оценка эффективности указанных мероприятий.

В рамках «регуляторной гильотины» было принято Постановление главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 28 января 2021 г. № 4 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней»» (далее – СанПиН), которое разработано

с целью предупреждения и распространения болезней среди населения Российской Федерации. В СанПиНе определены мероприятия, направленные на обеспечение безопасности, защите окружающей среды при работе с микроорганизмами, вирусами, различными инфекционными частицами, ядами биологического происхождения и другими биологическими веществами, искусственно созданными с помощью различных манипуляций. СанПиН заменил более 60 санитарно-эпидемиологических правил.

Требования СанПиНа выполняются путем реализации таких мероприятий, как дезинфекционная деятельность. Она осуществляется с помощью трех главных направлений: дезинфекция, дератизация, дератизация. Дезинфекция — это мероприятия по устранению возбудителей инфекций и токсинов во внешней среде; дезинсекция — это мероприятия по устранению членистоногих; дератизация — это мероприятия по устранению грызунов [5].

Недостатком данного нормативного документа является то, что он отменяет прежние санитарные требования по профилактике ВИЧ, туберкулеза, гриппа, ОРВИ, требования к дератизации и санитарной охране территории России.

Важным направлением в обеспечении биологической безопасности является оценка условий труда при воздействии биологического фактора. Основным нормативным документом в этой области является приказ Минтруда России З3н «Об утверждении Методики проведения специальной оценки условий труда, Классификатора вредных и (или) опасных производственных факторов, формы отчета о проведении специальной оценки условий труда и инструкции по ее заполнению», который идентифицирует БФ только на рабочих местах медицинских работников, ветеринаров, генных инженеров. Отнесение условий труда к классу (подклассу) условий труда при воздействии биологического фактора (работы с микроорганизмами-продуцентами, живыми клетками и спорами, содержащимися в бактериальных препаратах) осуществляется в зависимости от превышения значений фактической концентрации микроорганизмов-продуцентов, бактериальных препаратов и их компонентов в воздухе рабочей зоны над значениями предельно допустимой концентрации данных веществ, установленными соответствующими гигиеническими нормативами. Недостатком проведения специальной оценки условий труда при воздействии биологического фактора является ограничение видов деятельности, на которых проверяется данный фактор, т.е. если работник подвергается вредности по биологическому фактору, но не относится к перечням профессий, на которых он идентифицируется, то на данном рабочем месте данный фактор не учитывается.

Таким образом, рассмотренные нормативные документы помогают обеспечить биологическую безопасность на законодательном уровне, но далеки от совершенства и требуют дальнейшей проработки.

Пристатейный библиографический список

1. Федосов А. В., Абдрахманов Н. Х., Бадртдинова И. И., Хамитова А. Н., Муратова Р. Р. Управление риском для обеспечения безопасности жизнедеятельности // Безопасность жизнедеятельности. - 2021. - № 10 (250). - С. 28-35.
2. Федосов А. В., Абдрахманов Н. Х., Гусева А. С., Ахметьянов Р. Р. Возможность применения результатов неразрушающего контроля для оценки профессиональных рисков в системе управления охраной труда // Безопасность техногенных и природных систем. - 2022. - № 1. - С. 4-8.
3. Федосов А. В., Аскарлова А. А. Моделирование биологического фактора при специальной оценке условий труда // Безопасность жизнедеятельности. - 2016. - № 1 (181). - С. 14-17.
4. Вадулина Н. В., Федосов А. В., Рахматуллина С. С. Оценка биологического фактора на рабочих местах // Нефтегазовое дело. - 2014. - Т. 12. - № 1. - С. 164-167.
5. Федосов А. В., Абдрахманов Н. Х., Тажетдинова А. А., Исмагилов М. И., Бакиров Д. Р. Особенности проведения производственного контроля за состоянием условий труда на предприятиях нефтегазовой отрасли // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. - 2022. - № 4 (307). - С. 47-53.

ТОКБАЕВ Аюб Амербиевич

кандидат экономических наук, преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ВОСКОБОЕВ Александр Иванович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

В настоящей статье рассматриваются основные нормативно-правовые документы, определяющие понятия экстремизма и терроризма, а также регламентирующие деятельность государственных органов в борьбе с ними. Также в статье приведены данные об экстремистских и террористических организациях, осуществляющих свою деятельность в Северо-Кавказском регионе.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, экстремистская организация, террористическая организация, пропаганда экстремистской деятельности, национальная безопасность.

ТОКБАЕВ Ayub Amerbievich

Ph.D. in economic sciences, lecturer of Internal affairs bodies in special conditions sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

VOSKOBUEV Aleksandr Ivanovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF EXTREMISM AND TERRORISM IN THE NORTH CAUCASUS REGION

This article discusses the main regulatory documents defining the concepts of extremism and terrorism, as well as regulating the activities of state bodies in the fight against them. The article also provides data on extremist and terrorist organizations operating in the North Caucasus region.

Keywords: extremism, terrorism, extremist organization, terrorist organization, propaganda of extremist activity, national security.

Токбаев А. А.

Воскобоев А. И.

Для российского государства и общества наиболее значимыми угрозами национальной безопасности признается радикальная деструктивная деятельность националистических, религиозных и иных экстремистских и террористических организаций, направленная на разрушение единства многонационального народа Российской Федерации [1]. Поэтому органы государственной власти и институты гражданского общества всемерно противодействуют формированию и деятельности в РФ и сопредельных странах организаций, преследующих экстремистские и террористические цели. Но до 2001 г. в национальном законодательстве не было четкого правового определения экстремистской и террористической деятельности, вследствие чего эти социально опасные деяния получали юридическую квалификацию в соответствии с юридическими нормами, обусловленные другими правонарушениями и преступлениями. Такую практику Конституционный суд РФ признал недопустимой при рассмотрении дела о соответствии Конституции РФ указа Президента России от 28 октября 1992 г. «О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации». В постановлении по этому делу Конституционный суд РФ признал не имеющими юридического значения содержащееся в указе понятия «экстремистские элементы», «... поскольку оно не имеет опреде-

ленного юридического содержания, что может при применении Указа привести к нарушению конституционных прав граждан...» [2]. Указанное постановление Конституционного суда РФ послужило основанием для признания недействующими, утратившими юридическую силу рассматриваемого указа Президента РФ и иных нормативно-правовых актов, принятых на его основании.

Однако более всего законодателей «подтолкнуло» к работе по юридически однозначному определению явлений, обозначаемых терминами «экстремизм» и «терроризм», ратификация в нашей стране Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». В ней при определении сущности «экстремизма» и «терроризма» делались ссылки на национальное законодательство, не имевшее в РФ к моменту принятия Шанхайской конвенции однозначных юридических квалификационных признаков экстремизма и терроризма. Такие определения были даны в национальном законодательстве федеральными законами «О противодействии экстремистской деятельности» [3] и «О противодействии терроризму» [4], принятыми в 2002 г. и в 2006 г., соответственно.

Приведенные в федеральных законах правовые определения терминов «экстремизм» и «терроризм» признают-

ся некоторыми учеными дискуссионными, вследствие чего идеологи экстремистских и террористических организаций «проталкивают» в теоретические споры идеи «благородной», «гуманистической» антигосударственной экстремистской и террористической деятельности «героев», якобы, выполняющих миссионерские функции борьбы с «тираническими режимами». Но реальное бесчеловечное поведение лидеров и рядовых бойцов запрещенных в РФ террористических организаций, показало их настоящую бесчеловечную сущность, для борьбы с которой должно объединяться все мировое общество, независимо от национальных, конфессиональных и иных отличий.

Очевидно, трактовки основных терминов понятийного аппарата международных и национальных нормативных правовых актов, связанных с противодействием деятельности экстремистских и террористических организаций, должны совершенствоваться с учетом современных реалий борьбы человечества с экстремизмом и терроризмом, которые становятся все более социально опасными в современных условиях.

Организации, осуществляющие экстремистскую и террористическую деятельность, благодаря слаженной и отработанной борьбе с ними международных сил правопорядка, подвергаются значительным потерям, как в количественном выражении, так и в финансировании. Этот факт вынуждает их активизироваться в области вовлечения и пополнения своих рядов за счет молодежи. В связи с этим, в последние десятилетия наиболее часто так называемыми новобранцами экстремистских и террористических организаций, к сожалению, становятся молодые люди, проводящие огромное количество времени в интернет-сетях. Вербовщики устанавливают с ними виртуальные связи и обрабатывают их по налаженной схеме для вовлечения в свою противоправную деятельность.

Со временем вербовочные технологии в экстремистской среде переориентируются в соответствии со складывающимися устоями в более уязвимой молодежной среде. В частности, уклон ведется на использование конфессиональной или националистической направленности молодежи. Чаще всего данный аспект наблюдается при превозношении одних национальностей или направлений вероисповедания над другими, так называемыми «неправильными» или «недостойными».

Героизация смертников-шахидов, подмена ценностных ориентиров, подмена оценочных суждений с гуманистических на оправдывающие преступления против «чужих», инородных «врагов» и иноверцев – являются основой для пропагандистской и агитационной работы вербовщиков. Наибольшее беспокойство вызывает изощренное применение террористическими и экстремистскими организациями психолингвистических технологий, а также иных методик воздействия на психическое состояние пользователей сетей массовых коммуникаций.

Исследования, в данной сфере показали, что распространение примитивных и достаточно изощренных методов, основанные на принципе сочетания правдивой и ложной информации (примерно 40 процентов лжи и 60 процентов правдивых сведений). Также немаловажное значение имеют технологии внушения сомневающимся уверенности в собственной неполноценности и необходимости безоговороч-

ного подчинения вождям из числа «просвещенных», «цивилизованных», «продвинутых» народностей. Стоит отметить, что наиболее эффективными указанные методы агитации и пропаганды оказываются в отношении молодежи, проводящей много времени в интернет-сетях [5], так как практически все действующие международные террористические организации ведут свою пропагандистскую деятельность в глобальной сети, а общее количество таких сайтов в последнее время превысило 10 тысяч.

Профилактическими мерами противодействия экстремистским и террористическим организациям являются:

- разработка и организация эффективной защиты граждан от террористических и экстремистских угроз (особенно при проведении массовых мероприятий);

- разъяснение молодежи большой общественной опасности экстремистских и террористических преступных деяний и достаточно жестких мер уголовной ответственности за такого рода преступления;

Немаловажным в области пресечения экстремистских и террористических деяний является меры по обезвреживанию организованных групп людей, планирующих подготовку преступлений экстремистского и террористического характера, а также отработка мероприятий, снижающих пагубные социально-экономические последствия такого рода преступлений.

Работа в этом направлении в России ведется достаточно интенсивно. Так, стоит отметить, что по данным Национального антитеррористического комитета России за 2020 г. на территории России прекращена деятельность 37 радикально-экстремистских групп. Также правоохранительными органами РФ предотвращено возвращение в Россию более 10 тыс. лиц, прошедших подготовку к ведению экстремистской и террористической деятельности в специальных учебных центрах и лагерях, запрещенных террористических организациях Ближнего Востока. Помимо этого, обнаружены 70 групп, имеющих связи с международными террористическими центрами, задержаны около 40 руководителей, более 200 активных участников и почти 600 пособников террористов, осуществлявших вербовку и вывоз молодежи из России и других стран бывшего СССР в зарубежные центры, осуществляющие подготовку террористов.

В соответствии с судебными решениями Минюст России внес в федеральный реестр запрещенных к распространению в РФ более 5 тыс. наименований материалов экстремистского характера.

Несмотря на конкретные меры, принимаемые органами государственной власти и институтами гражданского общества для сокращения экстремистских и террористических угроз, в течение пяти последних лет количество преступлений и правонарушений такого характера остается высоким. Так, на сайте правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ приведены сведения о том, что за 2018 г. на территории РФ совершено 2227 преступлений террористической направленности с участием 653 человек, в 2019 г. – 1871 преступлений с участием 873 человек, в 2020 г. – 1679 преступлений с участием 753 человек, в 2021 г. – 1806 преступлений с участием 718 человек.

За этот период наблюдалась неустойчивая тенденция снижения количества преступлений экстремистского характера: в 2018 г. их зарегистрировано 1450 с участием 934 чело-

век, в 2019 г. зарегистрировано 1521 преступление с участием 972 человек, в 2020 г. - 1265 преступлений с участием 894 человек, в 2021 г. - 585 преступлений с участием 445 человек.

Как видим, наивысшего уровня террористическая активность в РФ достигала в 2018 г., но и в последующие годы сохранилась на высоком уровне.

Высокий уровень террористической опасности отмечается на территории Северного Кавказа. За период 2018-2021 гг. на территории субъектов РФ, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, количество преступлений террористического характера последовательно сократилось с 1572 (2018 г.) до 1146 (2019 г.), до 840 (2020 г.), до 917 (2021 г.).

Как показывает сравнительный анализ информации о количестве зарегистрированных террористических актов в каждом из субъектов РФ, включенных в состав СКФО, в течение 2018-2021 гг. первые места в рейтинге регионов РФ, наиболее подверженных террористическим угрозам, занимают Республика Дагестан (1 место), Чеченская Республика (2 место), Кабардино-Балкарская Республика (3 место). Так, в 2021 г. в РД зарегистрировано 532 террористических акта, в ЧР - 149, в КБР - 120, в РИ и Ставропольском крае - по 46, в КЧР - 18, в РСО-Алания - 6.

Таким образом, в современных условиях для России и других государств экстремизм и терроризм остаются значительной реальной угрозой национальной безопасности, требующей консолидации усилий мирового сообщества для противодействия им. При организации противодействия идейно-пропагандистской и вербовочной работе экстремистских и террористических организаций, как представляется, необходимо выделить следующие приоритеты деятельности органов государственной власти и институтов гражданского общества Российской Федерации:

– целенаправленно формировать у граждан России, особенно молодежи, устойчивое мировоззрение, основными составляющими которого должны являться национальная система культурных ценностей и патриотизм;

– создавать в РФ реальных условий для реализации созидательного потенциала молодежи, обладающей высокой социальной мобильностью и активностью;

– разрабатывать и реализовывать эффективные государственные программы вовлечения молодежи в общественно полезную деятельность, предусматривающую элементы социально безопасного и общественного полезного экстрима (воинская служба, военно-прикладные виды спорта, паркур, альпинизм и т.п.);

– всестороннее сотрудничество различных правоохранительных органов государства с институтами гражданского общества по выявлению и пресечению деятельности лиц, сочувствующих и взаимодействующих с экстремистскими и террористическими организациями;

– ученым необходимо продолжать изучение феноменов экстремизма и терроризма, обеспечивать разработку методик решения актуальных задач повышения эффективности мер, принимаемых для выявления и пресечения противоправных действий общественных объединений и лиц, преследующих экстремистские и террористические цели в динамично изменяемых современных условиях, разрабатывать и вводить в образовательных организациях учебные дисциплины, подготавливающие специалистов правоохранитель-

ных органов к противодействию экстремистским и террористическим угрозам.

Исходя из вышесказанного можно резюмировать, что никакая борьба с преступными проявлениями не может осуществляться в одиночку какой-либо организацией в силу того, что это не возымеет практически никакого эффекта. Государство и гражданское общество должны противопоставить идейно-политической работе экстремистских и террористических организаций современные высокотехнологичные силы правоохранительных органов, поддерживаемых всем обществом.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 31. декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 февраля 1993 г. №3-П по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 28 октября 1992 г. № 1308 «О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12127578/>
4. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/
5. Токбаев А. А. Современные тенденции развития экстремизма в социальных сетях // Проблемы в российском законодательстве. - 2020. - Т. 13. - № 4. - С. 109-112.

КАШИРГОВ Астемир Хасанбиевич

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

ЦЫРЕТОВ Алексей Иванович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, капитан полиции

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В представленной статье исследованы актуальные вопросы борьбы с терроризмом и экстремизмом в современном мире. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что в качестве наиболее перспективного направления противодействия терроризму и экстремизму выступает профилактико-предупредительная деятельность, поскольку она имеет опережающий характер воздействия не только на противоправное поведение, но и на формирование и распространение идеологии вышеназванных преступных явлений. В данном контексте отмечается необходимость всесторонней оценки потенциала специальных субъектов, например, таких как СМИ, в рамках системы противодействия терроризму и экстремизму, и дальнейшее использование их возможностей в части формирования правомерного мировосприятия среди населения и отдельных наиболее уязвимых категорий (несовершеннолетние лица, представители молодежи и др.).

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, противоправное поведение, корыстные преступления, контртеррористическая и антиэкстремистская деятельность.

KASHIRGOV Astemir Khasanovich

lecturer of Organization of law enforcement sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

TSYRETOV Aleksey Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, captain of police

ISSUES OF COUNTERING TERRORISM AND EXTREMISM IN THE MODERN WORLD

The article examines the current issues of combating terrorism and extremism in the modern world. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that the most promising direction of countering terrorism and extremism is preventive and preventive activity, since it has a proactive effect not only on illegal behavior, but also on the formation and dissemination of the ideology of the above-mentioned criminal phenomena. In this context, the need is noted for a comprehensive assessment of the potential of special subjects, for example, such as the media, within the framework of the system of countering terrorism and extremism, and the further use of their capabilities in terms of forming a legitimate worldview among the population and certain most vulnerable categories (minors, youth, etc.).

Keywords: terrorism, extremism, illegal behavior, mercenary crimes, counter-terrorism and anti-extremist activities.

Терроризм и экстремизм являются глобальными проблемами современности, поскольку масштабное оправдание и поддержка насильственных методов решения любых конфликтов в настоящее время актуальна для населения большинства современных государств. Несмотря на то, что терроризм и экстремизм в настоящее время рассматриваются как самостоятельные противоправные явления, в рамках представленного исследования видится необходимым отметить схожесть их идеологического содержания.

Терроризм является наиболее сложной и негативной формой трансформации экстремистских взглядов, которые изначально могут возникать из-за неверного понимания отдельных процессов, происходящих в конкретном государстве или регионе. В процессе возникновения множества конфликтных ситуаций, отдельным представителям населения свойственно обуславливать их противоречивостью политического курса или заинтересованностью властных субъектов в нарушении прав и свобод человека. Подобные ситуации приводят к уязвимости указанных лиц в отношении их вовлечения в противоправную деятельность.

Борьба с экстремизмом и терроризмом на территории российского государства приобретает особую актуальность в современных условиях. Экономический кризис, вызванный пандемией новой коронавирусной инфекции, а также масштабная информационная антироссийская пропаганда и санкционная политики со стороны зарубежных государств

создают максимально благоприятный климат для укоренения противоправных взглядов в сознании населения.

Все вышеназванные обстоятельства обостряют множество внутригосударственных проблем различного характера, которые выступают основными факторами, способствующими развитию терроризма и экстремизма.

Вопросы противодействия терроризму и экстремизму весьма детально регламентируются в российском законодательстве, что также подчеркивает необходимость комплексного воздействия на вышеназванные преступные явления.

Отраслевые акты в рамках действующих механизмов борьбы с терроризмом и экстремизмом совершенно справедливо выделяют два основных направления:

- 1) выявление и пресечение противоправного поведения экстремистской и террористической направленности;
- 2) профилактико-предупредительная деятельность, направленная на предотвращение развития факторов, способствующих распространению идеологии терроризма и экстремистских взглядов среди населения.

Первое направление, безусловно, в существенном объеме относится к компетенции целого ряда правоохранительных органов, наделенных в указанных вопросах специальными полномочиями.

С одной стороны, выявление и пресечение противоправного поведения экстремистской и террористической направленности имеет принципиальное значение для сокращения объемов негативных общественных последствий указанных

явлений, с другой – эффективность профилакто-предупредительной деятельности позволяет снизить загруженность компетентных органов, поскольку уменьшается количество правонарушений и преступлений террористической и экстремистской направленности.

Важно отметить, что в настоящее время в качестве наиболее перспективного направления противодействия терроризму и экстремизму весьма справедливо выделяется именно профилакто-предупредительная деятельность, поскольку она имеет опережающий характер воздействия не только на противоправное поведение, но и на формирование и распространение идеологии вышеназванных преступных явлений.

Идеологическая многоаспектность терроризма и экстремизма обуславливает их привлекательность для широкого круга лиц, в связи с чем существенную актуальность имеет постоянное совершенствование механизмов профилактики и предупреждения вышеназванного противоправного поведения с учетом возникающих вызовов и угроз.

В настоящее время функции по профилактике и предупреждению терроризма и экстремизма осуществляют не только разнообразные органы государственной власти в рамках своей компетенции, но и в указанный процесс активно вовлекаются различные общественные организации и иные субъекты общественной жизнедеятельности.

Общественные организации могут как напрямую функционировать с целью противодействия распространению преступных взглядов среди населения, так и косвенно затрагивать указанное направление борьбы с терроризмом и экстремизмом в рамках пропаганды и развития правомерных ценностей и жизненных ориентиров. В данном контексте принципиальное значение приобретает развитие вышеназванных идей среди представителей молодежи посредством их вовлечения в деятельность различных спортивных, культурно-массовых, волонтерских организаций, в рамках функционирования в которых происходит становление личности несовершеннолетних лиц и молодежи в духе законности, правопорядка и недопустимости антиобщественного поведения в любых его формах [1].

Кардинальные преобразования, происходящие во всех сферах жизни нашего общества, заметно отражаются на нравственном поведении молодежи, когда происходит ломка традиционных моральных стереотипов, а в результате возрастает возможность проявления в молодежной среде различного рода негативных явлений. Молодежь, как никакая другая демографическая группа, испытывает на себе прессинг от навязываемых поведенческих догматов, от тотальной регламентации ее действий, от отчужденности при решении не только глобальных социально-экономических проблем, но и локальных вопросов, связанных с ее собственной жизнью. Такая «конфронтация» представителей подрастающего поколения с институтами государственной власти и управления, наложенная на сложность и противоречия процесса социализации в новых социально-экономических и политических условиях, разразилась «взрывом» молодежной деструктивности: обвальным ростом преступности, наркомании, проституции и других видов отклоняющегося поведения.

Исходными при исследовании отклоняющегося поведения являются представления об обществе, государстве и личности. При этом предполагается, что общество соотносится с личностью, равно как и личности между собой, посредством моральных норм, ценностей, прав и обязанностей. Государство регламентирует деятельность граждан с помощью законов, а сами граждане взаимодействуют друг с другом на основании прав, обязанностей, личностных мотивов, интересов, потребностей и целей. Исходя из этого, выявляются и различные виды поведения личности (группы личностей), в том числе такие, которые могут отклоняться от групповой, общественной или государственной нормы. Так возникает идея асоциального, антиобщественного, противоправного

поведения и других видов поведения, характеризующихся несовпадением поведения личности (группы) с групповыми нормами, общественными ожиданиями, оценками и государственными предписаниями.

Одним из наиболее значимых субъектов профилактики и предупреждения терроризма и экстремизма в настоящее время выступают различные образовательные организации, в рамках функционирования которых происходит основные процессы воспитания и развития несовершеннолетних лиц, правомерность мировосприятия которых имеет существенный потенциал для будущего российского государства. С одной стороны, борьба с противоправным поведением в современных образовательных организациях проводится в многообразных формах, начиная от традиционных лекций и бесед и заканчивая масштабными конкурсами по заявленной проблематике, с другой стороны – в последние годы существенный акцент в механизмах борьбы с распространением террористических и экстремистских взглядов среди несовершеннолетних лиц и молодежи смещен на совершенствование образовательных программ и введение специализированных курсов и разделов.

Безусловно, подобная образовательная практика способна положительно влиять на осведомленность указанных категорий населения о существующих проблемах распространения терроризма и экстремизма, однако в большинстве своем формализм соответствующих мероприятий наоборот вызывает отрицательное восприятие со стороны представителей молодого поколения.

Важно отметить, что в современной правовой литературе достаточно часто акцентируется внимание на отдельных специальных субъектах, которые обладают существенным потенциалом влияния на мировосприятие населения. В данном контексте весьма справедливым видится мнение Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина, по мнению которого средства массовой информации располагают огромными возможностями привлекать к участию в решении задач, стоящих перед российским обществом и государством, наиболее авторитетных специалистов в различных областях жизни (руководителей различного уровня, ученых, писателей, публицистов, социологов, политологов, экспертов). Такие лица своими выступлениями, комментариями и оценками способствуют воспитанию у граждан правосознания, духа уважения к закону, настраивая общество на всемерную помощь органам, занимающимся борьбой с терроризмом и экстремизмом.

Такая деятельность средств массовой информации, направленная на предупреждение терроризма и экстремизма, представляется очень важной, в связи с чем необходимо ее продолжать и активно поддерживать [2].

Таким образом, на основе проведенного анализа следует сделать вывод о том, что в настоящее время существенное значение имеет всесторонняя оценка потенциала специальных субъектов, например, таких как СМИ в рамках системы противодействия терроризму и экстремизму. В условиях антироссийской информационной пропаганды, активно проводимой многими зарубежными государствами, принципиальное значение имеет детальное освещение реальных современных событий в российских СМИ.

Пристатейный библиографический список

1. Бастрыкин А. И. Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // Актуальные проблемы российского права. - 2021. - Т. 16. - № 6 (127). - С. 167-170.
2. Буданов С. А., Колесников Р. В. Молодежный экстремизм: особенности структуры личности преступника // Вестник Воронежского института МВД России. - 2022. - № 1. - С. 139-145.

МАГОМЕДОВ Мурад Насруллаевич

старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

АБАЗОВ Ислам Султанович

старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКСТРЕМИСТСКО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

В статье раскрывается влияние цифровизации на распространение экстремистско-террористической идеологии. Современные экстремистско-террористические группировки и организации осуществляют антиконституционные действия в виртуальном пространстве, параллельно насаждая ненависть и цифровое насилие в отношении российских граждан, имеющих активную гражданскую позицию и защищающие основы конституционного строя. Стремительное развитие интернета, медиа-предложений и социальных сетей обусловили масштабный рост экстремистско-террористической коммуникации среди пользователей. Эксплицировалось это в использовании возможностей и ресурсов глобальной сети экстремистами и террористами для пропаганды агрессивно-насильственных идей с целью вовлечения в свои ряды так называемых сочувствующих. И это не удивительно, поскольку правоохранительная практика отмечает, что во все времена агрессивными группировками использовались все доступные средства для продвижения своих идей в широкие массы и яростного противостояния своим противникам.

Ключевые слова: цифровизация, экстремизм, терроризм, сеть интернет, социальные сети, цифровые платформы, противодействие.

MAGOMEDOV Murad Nasrullaevich

senior lecturer of Internal affairs activities in special conditions sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

ABAZOV Islam Sultanovich

senior lecturer of Internal affairs activities in special conditions sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

DIGITALIZATION AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF EXTREMISM-TERRORISM IDEOLOGY

The article reveals the impact of digitalization on the spread of extremist-terrorist ideology. Modern extremist-terrorist groups and organizations carry out anti-constitutional actions in the virtual space, simultaneously spreading hatred and digital violence against Russian citizens who have an active civic position and protect the foundations of the constitutional order. The rapid development of the Internet, media offers and social networks have led to a massive increase in extremist-terrorist communication among users. This was explicated in the use of the capabilities and resources of the global network by extremists and terrorists to propagate aggressively violent ideas in order to involve the so-called sympathizers in their ranks. And this is not surprising, since law enforcement practice notes that at all times aggressive groups used all available means to promote their ideas to the broad masses and violently confront their opponents.

Keywords: digitalization, extremism, terrorism, the Internet, social networks, digital platforms, counteraction.

Экстремизм и терроризм в XXI веке стали одной из радикальных форм социального протеста. А ввиду ее повышенной конфликтности данная проблема на сегодняшний день обладает особой остротой.

Все чаще сегодня мы сталкиваемся с такими понятиями как «цифровая экономика», «цифровая эпоха», «электронное правительство», «онлайн-образование», которые выступают элементами цифровизации. Процесс цифровизации стал тенденцией, направленной на внедрение современных цифровых технологий в различные сферы человеческой жизнедеятельности и обусловившей начало четвертой промышленной революции, ознаменовавшей индустриализацию современного общества, также стала одним из ключевых факторов его развития. А, как известно, любое новаторство поначалу таит в себе немало рисков. Не взирая на исключение и цифровизация. Для ее эффективного

развития необходимы оптимизированные технологии безопасности, поскольку параллельно данному процессу зародились такие явления, как онлайн-насилие и вызовы, представляющую угрозу национальной безопасности государств [1], [5].

Целью цифровизации выступает социальная трансформация человечества, осуществляя непосредственное влияние на общество. Прежде все изменилось социальное поведение индивида, в частности то, как он общается, делает покупки, работает и т.д. Под ее воздействием у людей развивается ответственность в плоскости обработки данных или использования алгоритмов.

Как сказано выше, у любого явления имеются две стороны медали. Так, при очевидных плюсах цифровизации, нужно указать и на ее минусы. В числе главных негативных атрибутов цифровизации правоохранителями названы кибербезопасность и киберпреступность, которые ставят под угрозу информацион-

Магомедов М. Н.

Абазов И. С.

ную безопасность, что напрямую угрожает всей системе национальной безопасности современных государств. В свою очередь, стремительное развитие интернета, медиа-предложений и социальных сетей обусловили масштабный рост экстремистско-террористической коммуникации среди пользователей. Эксплицитно это в использовании возможностей и ресурсов глобальной сети экстремистами и террористами для пропаганды агрессивно-насиленных идей с целью вовлечения в свои ряды, так называемых сочувствующих. И это не удивительно, поскольку правоохранительная практика свидетельствует о том, что во все времена агрессивными группировками использовались все доступные средства для продвижения своих идей в широкие массы и яростного противостояния своим противникам.

Современные экстремистско-террористические группировки и организации осуществляют антиконституционные действия в виртуальном пространстве, параллельно насаждая ненависть и цифровое насилие в отношении российских граждан, имеющих активную гражданскую позицию и защищающие основы конституционного строя РФ [2], [5], [6].

Все чаще правоохранители отмечают о случаях поступления угрозы цифровой и психологической безопасности членов правительства, государственных служащих, гражданских активистов, научной и творческой интеллигенции, журналистов со стороны лидеров и членов экстремистско-террористических организаций. Причем многие из них осуществляют свою деятельность с территорий других государств, где они скрываются от российского правосудия. Также в отчетах МВД России отмечается, что на защитников конституционного строя совершаются онлайн-атаки, против них организуются целые кампании по распространению фейковой информации. Для этого онлайн-агрессорами используются все доступные методы информационной войны – распространяются ложные слухи, фальсифицируются фото- и видеоматериалы, публикуются оскорбительные мемы, бездоказательные обвинения и т.д. Все это делается с одной целью – нанести ущерб их репутации. Подобные атаки разжигают протестные настроения, подрывают доверие к государственным и общественным деятелям и журналистам, которые обличают истинное лицо экстремизма и терроризма.

Свои действия онлайн-агрессоры осуществляют согласованно и персонифицировано. Радикально настроенные члены экстремистско-террористических группировок вторгаются в частную жизнь граждан сначала онлайн, а затем переходят в офлайн-формат, угрожая им физическим насилием, а иной раз и уничтожением. Пропаганда радикальных взглядов и идей в сети интернет, кроме того, что повышают экстремистско-террористическую активность, также представляют собой масштабную угрозу для всей международной безопасности, поскольку развернувшаяся в сети подрывная деятельность экстремистов и террористов подвергает опасности, как отдельные государства, так и целые регионы [2], [3]. Возможности социальных сетей, мессенджеров и иных цифровых платформ используются экстремистами и террористами в агрессивных целях, где между противоборствующими сторонами разворачиваются целые информационные войны. Помимо пропаганды интернет используется для мобилизации огромного числа людей, придерживающихся радикальных взглядов. Радикально настроенная аудитория сконцентрирована на нескольких платформах, где они обмениваются пропагандистскими материалами и транслируют экстремистско-террористический контент.

Таким образом, можно заключить, что интернет детерминирован в площадку, где радикализм, экстремизм и терроризм живут и процветают. Сетевые боевики адаптировались к новым условиям коммуникации, и беспрепятственно осуществляют свою диверсионную деятельность. Агрессоры постоянно ищут новые защищенные онлайн-платформы и приложения в целях распространения идеологии насилия и осуществления «киберкоучинга» террористов. Данные ресурсы пользуются особой популярностью ввиду того, что они предлагают высокий уровень анонимности, простоту использования, экономическое удобство, широкую доступность, интерактивность и главное слабый контроль со стороны государства.

Исследователи отмечают значительное влияние киберпространства на рост экстремизма и терроризма. Между современным экстремизмом, терроризмом и сетью интернет сложились тесные взаимоотношения, обусловленные наличием в глобальном пространстве отраслевых шаблонов для производства сенсационного контента, который в изобилии предоставляется экстремистско-террористическими ячейками. Правоохранители отмечают взаимовыгодные отношения, которые установились между экстремистско-террористическими организациями и администрацией социальных сетей, мессенджеров и приложений.

Еще раз отмечая, что присутствие экстремистов и террористов в информационном поле и процесс цифровизации ставит не только под угрозу безопасность граждан, юридические лица, финансовую систему, путём использования данного процесса также они разработали новые методики и способы вербовки лиц в свои организации. В современном мире цена человеческой жизни, к сожалению, становится все меньше и меньше, гораздо большую цену представляет благополучие всего государства и общества в целом. В современном мире все подчиненно ряду правил и тенденций. Если не обладать специальными навыками или знаниями, то в современном мире трудно выжить. Также люди перестали пытаться быть самобытными и развиваться по намеченному ими пути, им гораздо легче не выбиваться из системы и быть как все вокруг. Потерялась самоидентичность и самореализация, основной целью человека является получение образования, которое гарантирует ему работу и все. В современном мире в таких жестких реалиях очень тяжело развиваться людям, которые не хотят вести «стадный» образ жизни, и предпринимают попытки развиваться в противоположном направлении от других людей. Любой творческий человек и его творческий подход встречаются с негативной и жестко критикой общественности в лице его друзей, близких и родных. В результате чего он испытывает жуткую ненависть ко всему обществу, он считает себя выше, лучше, умнее и способнее него, и чтобы доказать это он нередко прибегает к радикальным мерам. Такие люди являются идеальной целью для экстремистских и террористических организаций. В одиночку человек не сможет доказать свое превосходство всему обществу, для этого ему нужно огромное количество времени и денег. В таких ситуациях на помощь к ним приходят экстремистско-террористические организации, которые обладают денежными средствами и людьми, которые слепо повинуются любой идеологии лидеров и будут делать то, что им прикажут без раздумий. Таким образом, экстремисты входят в контакт с таким человеком, обещают дать ему возможность быть услышанным и отомстить обществу, которое не признало его. Без долгих раздумий человек принимает их приложение и начинает свой проект мести всему человечеству.

В заключение отметим, что «скачок» в цифровое будущее поможет нашему государству эффективно отреагировать на пагубные последствия агрессивной идеологии, которые осознали всю мощь глобального информационного пространства. Ни одно государство не может и не должно сегодня отказываться от интернета и передовых цифровых технологий. Цифровизация станет важнейшим элементом социально-экономической политики, которая ускорит устойчивое и всеобъемлющее восстановление в долгосрочной перспективе. А как показал ранее накопленный опыт противодействия экстремизму и терроризму цифровые платформы позволяют повысить эффективность данного процесса, поэтому цифровизация должна стать приоритетным направлением деятельности государства.

Пристатейный библиографический список

1. Абидов Р. Р. Глобализация информационного пространства, как ресурсная база кибертерроризма // Проблемы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 4. - С. 116-119.
2. Барсегян А. А., Кернер Е. А. Проблема цифровизации терроризма на пространстве СНГ // Постсоветские исследования. - 2020. - Т. 3. - № 4. - С. 315-322.
3. Конев Д. А. Цифровые технологии и преступность // Юрист-Правовед. - 2021. - № 2 (97). - С. 224-228.
4. Тхаезглов Т. М. Интернет как один из способов вовлечения лиц в экстремистскую деятельность // Журнал прикладных исследований. - 2022. - Т. 1. - № 3. - С. 81-84.
5. Хайдаров Р. Дж. Цифровизация общества как ключевой фактор обеспечения кибербезопасности государств в период глобализации // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховадинова Национальной академии наук Таджикистана. - 2022. - № 1. - С. 98-103.
6. Цримов А. А., Кучмезов А. Н. Зарождение терроризма и формы его проявления до наших дней // Проблемы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 4. - С. 27-30.
7. Черкесов А. Ю. Глобализация, как среда, благоприятствующая распространению информационного экстремизма и терроризма // Проблемы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 4. - С. 49-52.

МАНУКЯН Алинэ Романовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Актуальность данной темы продиктована опасностью экстремизма терроризма и необходимостью научить молодое поколение противостоять этим негативным явлениям. Так же важным выступает стремление к совершенствованию и дополнению методов профилактики новой информацией. В предлагаемой статье представлены некоторые направления по организации работы образовательных учреждений по направлению профилактики распространения идеологии терроризма и экстремизма, в том числе системы МВД России.

Ключевые слова: профилактика, распространение, образовательные учреждения, терроризм, экстремизм, идеология.

MANUKYAN Aline Romanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

Манукян А. Р.

SOME ASPECTS OF PREVENTING THE SPREAD OF THE IDEOLOGY OF TERRORISM AND EXTREMISM IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The relevance of this topic is dictated by the danger of extremism and terrorism and the need to teach the younger generation to resist these negative phenomena. Just as important is the desire to improve and supplement prevention methods with new information. The proposed article presents some directions for organizing the work of educational institutions in the direction of preventing the spread of the ideology of terrorism and extremism, including the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: prevention, distribution, educational institutions, terrorism, extremism, ideology.

Для обеспечения непрерывной работы и получения значительных результатов по профилактике, формирование у личности позиции, противоборствующей экстремизму и терроризму в данный процесс обучения и воспитания должны быть включены, как сами слушатели системы МВД, так и педагогический и административный персонал.

Рассматривая организацию профилактической работы в образовательных учреждениях следует отметить наличие нескольких уровней, на которых нужно организовывать данное направление.

Уровни:

– подростки и молодёжь всей страны. На общем уровне эффективнее производить общепрофилактические мероприятия, которые связаны с повышением уровня и качества жизни подрастающего поколения. Также меры должны решать проблемы высокого показателя незащищенности и невостребованности, способствуя адекватному самовыражению заданной группе лиц.

– дети, подростки, молодёжь «группы риска». Здесь необходима более точечная работа по профилактике конкретных ситуаций, из-за которых данная группа может начать осуществлять экстремистскую деятельность.

К ним относятся: дети из неблагополучных семей; дети, имеющие зависимости; дети, имеющие отклонения в интеллектуальном развитии; «золотая молодёжь»; дети и подростки, склонные к агрессии и физическому способу решения трудностей; представители уличных, неформальных, религиозных, политических организаций и т.д.

Факторами экстремизма и терроризма с точки зрения психологического аспекта являются:

1. общегрупповые: наличие установок, предубеждений родителей; установки и взгляды референтной группы; убеждения авторитетных лиц; повышенный стресс.

2. Личностные факторы: личностные качества (наличие внушаемости, агрессивности, особенности протекания различных психических процессов); эмоциональные особенности (повышенная возбудимость, депрессия и т.д.) [1].

Помимо вышесказанного, при организации работы с детьми, подростками и молодёжью требуется учитывать их возрастные особенности и социально-экономические аспекты.

Считается, что наиболее критическим становится возраст от 14 до 22 лет. Это связано с психологическими и социальными факторами. В это время наиболее активно развивается самосознание, обостряются чувства справедливости и каждый ищет свой смысл жизни и определяет ее ценность. В это время человек ищет свою социальную группу для установления социальной идентичности, которая позволяет ему ощущать свою приверженность к тем или иным идеалам. В это время психика особенно не стабильна и человек склонен к тому, чтобы подвергаться манипуляциям и внушению.

Профилактика экстремизма и терроризма среди детей, подростков и молодежи направлена на: повышение качества эмоциональной среды в образовательной организации; обеспечение пространства для активного позитивного взаимодействия;- стимулирование творческого развития детей, подростков и молодежи; обеспечение положительного опыта самореализации в образовательном учреждении; помощь в социализации личности и включение в социально-культурное пространство Родины; процесс формирования толерантности, ответственности и иных качеств гражданина страны; разработка систем психокоррекционной работы по профилактике агрессии, проблем в социальном взаимодействии, и т.д.; снижение негативных паттернов поведения, развитие рефлексии; помощь при выходе из деструктивных организаций и субкультур; выявление лиц «группы риска»; выявление потенциальных экстремистов, коррекция их поведение и устранение негативных факторов воздействия [2].

Рассмотрим эффективные меры профилактики экстремизма в трудах различных ученых. По мнению А. А. Гаджиева и Н. В. Старикова, в целях профилактики экстремизма выделяют некоторые меры. Более подробно свои идеи освещала автор Т. А. Юмашева, которая предлагала использовать следующие формы профилактической работы по противодействию экстремизму и терроризму: индивидуальные беседы; организацию факультативов; обеспечение проведения тренингов, встреч с психологами; организация групповых мероприятий, тематических вечеров и т.д.; составление статистики молодежных девиаций; включение во внутриведомственную статистику мероприятия и учреждения, занимающиеся девиациями подростков и молодежи, а также семей «групп риска»; реализация

доступности информации об актуальной статистике подростковых и детских девиациях в каждом из образовательных субъектов; анализ проблем и последствий безнадзорности; проведение оценки эффективности проведенной профилактики; Составление прогнозов для системы профилактики в количественном и качественном ключе; выявление семей и подрастающего поколения «групп риска»; информирование социальных центров, учреждений, и т.д. о неблагополучии, а также поиск нуждающихся в социальной реабилитации и профилактике; проведение апробации форм работы с неформальными объединениями; разработка и систематизация форм по социально-педагогической коррекции условий семейного воспитания, образа жизни и т.д. и соотнесение с общими образовательными задачами, которые ставит общество; обеспечение организации психологического консультирования; соблюдение правовых гарантий для профилактики и обеспечение финансирования программ из государственного бюджета; распределение полномочий и ответственности между органами власти и физическими лицами, занятыми профилактикой экстремизма и терроризма; определение возможностей для регулирования с точки зрения права в отношении экстремизма и терроризма; подготовка и реализация межведомственных программ взаимодействия, которые направлены на обучение специалистов помощи данной категории населения; разноуровневая подготовка кадров, которые могут осуществлять профилактическую работу на основании актуальной системы оказания помощи в социальной, коррекционной, реабилитационной работе с подрастающим поколением; проведение обучающих семинаров, конференций для исследования и воспроизведения возможностей для профилактической работы с подрастающим поколением среди специалистов и педагогов, обмен опытом; создание технологий предупреждения социальной дезадаптации, социальной адаптации и реабилитации детей разных возрастов и молодежи; реализация услуг профилактических служб по комплексной помощи семье и детям в данном вопросе; целенаправленное использование детских, подростковых и молодежных объединений для ресоциализации дезадаптированных представителей социума; разработка специфических форм приобщения к полезному и активному досугу и труду; апробация форм работы с неформальными объединениями; обеспечение соблюдения правовых гарантий в профилактике экстремизма и терроризма.

Условия, при которых осуществляется профилактика экстремизма и терроризма в образовательных учреждениях: обеспечение просветительской работы в учреждениях образования (с педагогами, слушателями, администрацией); использование сочетания индивидуальных и групповых форм работы; создание комплексного подхода к воспитанию и оказанию профилактических мер; системный, комплексный подход к реализации непрерывной профилактической работы по противодействию экстремизму и терроризму; обеспечение воспитательной работы по направлению патриотического воспитания и социализации; обеспечение направленности на всех участников процесса образования; создание условий для взаимодействия педагогов с родительской общественностью и специалистами, в том числе правовыми структурами; обучение педагогов эффективным формам профилактики экстремизма и терроризма в рамках учреждений образования; организация благоприятного психологического климата в образовательном учреждении; обеспечение условий для гармоничной самореализации личности школьника; взаимодействие с различными объединениями продуктивной направленности (культурными, молодежными и т.д.); создание возможностей для влияния на социализацию и развитие коммуникации подрастающего поколения; развитие социальной активности и умения конструктивно решать конфликты; разработка схем последовательной психокоррекционной работы, связанной с агрессивным поведением, умением общаться и взаимодействовать с людьми, развивать навыки саморегуляции и рефлексии, а также способствовать выработке толерантного отношения к людям и сообществам.

Цель профилактической работы по профилактике терроризма является – предупреждение фактов возникновения предрасположенности и совершения терроризма и экстремизма.

Задачами профилактики терроризма и экстремизма в образовательной среде являются: воспитание толерантного отношения ко всем людям, вне зависимости от половых, возрастных, национальных, религиозных и иных различий; воспитание уважительного отношения ко всем людям, а также создание благоприятной среды для общения в образовательной организации; формирование уважительного отношения к ценностям

и наследию страны, учитывая множество национальностей и конфессий; пропаганда здорового образа жизни и благоприятных паттернов поведения; расширение возможностей для самореализации подрастающего поколения в спорте, творчестве и иной активности; информирование о сущности экстремизма и терроризма, а также способов противостояния им; развитие правовой культуры у педагогического состава слушателей; формирование понимания ответственности за совершения актов экстремизма и терроризма; развитие умений и навыков по правильному поведению при угрозах терроризма и экстремизма; формирование навыков противодействия терроризму и экстремизму; формирование ценностных ориентаций, направленных на мирные решения конфликтов и гражданского самосознания.

Ожидаемые результаты профилактики экстремизма и терроризма в образовательной организации: воспитание у слушателей потребности к признанию и соблюдению, а также защите прав человека через соблюдение законов; формирование социально-приемлемого поведения, направленного на существующую систему социума; повышение роли семьи в процессе формирования толерантного отношения; снижение социального напряжения в обществе; реализация противодействия экстремизму с помощью общественных организаций, через организацию системы самоуправления (например, ученического); внедрение в школьный порядок толерантного отношения друг к другу; воспитание законопослушных граждан, которые информированы о последствиях терроризма и экстремизма; отработка навыков поведения в ситуации угрозы терроризма или экстремизма.

Профилактика экстремизма и терроризма должна включать дифференцированный подход, учитывать возрастные и индивидуальные особенности профилируемых. Например, молодым людям свойственно стремиться к подражанию, опираться на мнение лидера и референтной группы, а также стремиться показать себя сторонником общих ценностей. Однако следует помнить, что подрастающее поколение получает опыт социализации именно в группе.

Таким образом, образовательная организация должна обеспечивать формирование у слушателей системы МВД направленности на противостояние экстремизму и терроризму с опорой на личную позицию, где требуется умещать, развивать и закреплять огромный пласт знаний, умений и качеств, необходимых для современного гражданина страны.

Противоэкстремистская позиция личности является мировоззренческой характеристикой личностной направленности, ориентированной на принятие позитивных установок и взглядов, касающихся и общества, и полное отвержение экстремистских и террористических настроений [3].

На основании вышесказанного отметим, что для профилактики экстремизма и терроризма в образовательной организации требуется выявить уровень подверженности слушателей системы МВД к экстремистской и террористической позиции, а также определить степень непринятия философии экстремизма и терроризма. При планировании деятельности, направленной на профилактику философии экстремизма и терроризма в образовательной организации требуется стремиться к форматированию у подрастающего поколения знаний, умений и личностных качеств, необходимых для адекватного развития личности гражданина РФ. Сформированные критерии будут способствовать адекватной оценке типов, к которым относятся слушатели системы МВД и выявить тех, кто склонен к подверженности экстремистским настроениям. Разработанные рекомендации будут способствовать повышению эффективности профилактики экстремизма в образовательной организации.

Приставейный библиографический список

1. Адоевцева И. В. Профилактика экстремизма и терроризма в детской и молодежной среде, гармонизация межэтнических отношений в образовательной организации.
2. Медведева С. А., Шумилова Р. А. Эффективные практики профилактики распространения идеологии экстремизма и терроризма в образовательных организациях: практическое пособие / В. П. Перфилов и др. - Ярославль: ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2021. - 82 с.
3. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (последняя ред.). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

ТОКБАЕВ Аюб Амербиевич

кандидат экономических наук, преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ХРЫКОВ Иван Сергеевич

преподаватель кафедры огневой подготовки и деятельности органов внутренних дел в особых условиях Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ТРАНСПОРТНЫХ ОБЪЕКТАХ

В настоящей статье рассматриваются основные проблемы в области антитеррористической защищенности в транспортной инфраструктуре России. Анализируются и предлагаются основные направления противодействия и минимизации террористических актов на транспорте. Также отмечается взаимодействие различных подразделений по обеспечению транспортной безопасности.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, террористический акт, транспорт, транспортная инфраструктура, взаимодействие.

ТОКБАЕВ Ayub Amerbievich

Ph.D. in economic sciences, lecturer of Internal affairs bodies in special conditions sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

HRUKOV Ivan Sergeevich

lecturer of Fire training and activities of internal affairs bodies in special conditions sub-faculty of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the MIA of Russia

TOPICAL ISSUES OF ENSURING ANTI-TERRORIST SECURITY AT TRANSPORT FACILITIES

This article discusses the main problems in the field of anti-terrorist security in the transport infrastructure of Russia. The main directions of countering and minimizing terrorist acts in transport are analyzed and proposed. The interaction of various departments to ensure transport security is also noted.

Keywords: terrorism, terrorist activity, terrorist act, transport, transport infrastructure, interaction.

Терроризм как явление существует уже не одно столетие, но никогда проблема борьбы с ним не вызывала серьезную обеспокоенность у большинства государств, как сегодня.

В сложившихся условиях современной политической борьбы имеет место угроза использования в ней террористических методов, для чего создаются специальные структуры экстремистского, а также уголовного направления.

Террористическая деятельность является источником неоспоримой угрозы нанесению как экономического, так и политического ущерба. Данная деятельность напрямую оказывает негативное воздействие на общество в целом, а также наносит прямую угрозу конституционному строю страны, с вытекающими из этого угрозами нанесения угроз целостности и независимости государства и его суверенного существования. Целью большинства террористических акций является противодействие органам государственной власти для деструктивного воздействия на их нормальную деятельность [1].

Террористические акции в условиях современного информационно-индустриального общества, создавшего мощную техносферу, становятся причиной масштабных катастроф и бедствий. Опираясь на это, можно предположить, что терроризм выступает сильнейшим катастрофогенным фактором влияния на социальное развитие общества.

В наши дни явно прослеживается тот факт, что при осуществлении своих преступных деяний террористы все чаще и активнее применяют наиболее современные виды вооружений, в том числе и не гнушаются средствами массового поражения (радиоактивные, химические и биологические средства поражения противника). Данный факт свидетельствует о том, что терроризм приобретает ярко выраженный технологический аспект.

Технологический аспект современного терроризма проявляется в выражении его непосредственной направленности. Довольно часто конкретными целями террористических акций выступают объекты наибольшей повышенной опасности. В частности, об этом свидетельствуют участвовавшие случаи терактов на объектах транспорта. Транспорт, являясь одним из важнейших инструментов достижения социальных, экономических и внешнеполитических целей, при этом ничуть не принижая другие инфраструктурные отрасли, обеспечивает фундаментальные условия жизнедеятельности общества.

Также, не стоит забывать, что транспорт выступает действенным инструментом реализации национальных интересов государства и в немалой степени обеспечивает стране достойное место в мировой хозяйственной системе.

Токбаев А. А.

Хрыков И. С.

Глобальное развитие транспортной инфраструктуры является существенной опорой для всего экономического пространства, в сфере беспрепятственного перемещения по стране и за ее пределами товаров и услуг, здоровой конкуренции в экономической деятельности, гарантией обеспечения целостности и национальной безопасности государства, а также критерием для улучшения уровня жизни населения страны.

К сожалению, этим фактом в полной степени пользуются и террористические организации, чья активность против транспортной инфраструктуры значительно возросла и стала составной частью их противоправной деятельности во многих государствах. Это связано с тем, что транспорт, являясь местом массового присутствия материальных ценностей и техники, сосредоточения достаточно большого количества людей, манит к себе террористов большим количеством потенциальных жертв и последствиями, которые вызывают общественные и эмоциональные потрясения, в связи с чем, могут парализовать ключевые секторы экономики.

Одним из ярких примеров деятельности террористов с использованием транспорта являются события, которые произошли в США осенью 2001 года, вызвавшие осязаемый мировой резонанс. Кто-то в этом винит всем известную террористическую группировку «Аль Каида», а кто-то – утверждает, что это спланированные действия американского правительства. Но, независимо от мнения кого бы то ни было, 11 сентября 2001 года произошла действительно ужасная трагедия, которая унесла жизни нескольких тысяч человек. Если обратиться к официальным фактам, в этот день погибло 2977 человек, 24 человека, до сих пор, находятся в списках пропавшими без вести. К общему числу стоит добавить и 19 террористов-смертников, которые преднамеренно осуществили нападение [2].

Проблема обеспечения безопасности транспортного комплекса очень актуальна и для России, особенно в свете террористических акций, совершенных в последние годы.

Проанализировав основные способы подготовки и непосредственного совершения террористических актов, можно констатировать, что наиболее типичными методами проведения данных противоправных деяний на объектах транспортной инфраструктуры могут быть: минирование как самих объектов транспорта, так и маршрутов передвижения транспортных средств после их тщательного предварительного изучения. Также не стоит недооценивать и акт, осуществляемые с помощью закамуфлированных под бытовые предметы взрывных устройств и с применением террористов-смертников.

Для проведения своих террористических акций террористами применяются взрывные устройства промышленного производства, а также самодельные взрывные устройства, в чью конструкцию входят поражающие элементы, использующие энергию взрыва заряда взрывоопасных смесей. Об этом свидетельствует террористический акт, совершенный в московском аэропорту «Домодедово», совершенный в международном терминале в январе 2011 года. Террорист-смертник, затерявшийся в скоплении людей, привел в действие взрывное устройство, начиненное различными металлическими поражающими элементами. Взрывное устройство имело мощность около пяти килограммов в тротиловом эквиваленте. По итогам данного террористического акт по-

гибло 37, и получили различной степени повреждения 172 иностранных и российских граждан. Также стоит вспомнить террористический акт, в результате которого погибло 18 и ранено 50 человек, произошедший в здании железнодорожного вокзала в Волгограде в декабре 2012 года [2].

Возникшая необходимость разработки современных специальных технических средств идентификации взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также оружия и различного рода опасных веществ у пассажиров, проносящих их в багаже и перевозящих в транспортных средствах, обуславливается изощренностью в способах проведения террористических акций, оснащенностью террористов современным оружием и специальной техникой, внезапностью проведения самих терактов.

Наша страна, выступая участником множества международных соглашений в области транспортной безопасности, прикладывает активные усилия в сфере противодействия террористическим проявлениям на транспорте и обеспечению устойчивой и безопасной деятельности транспортной инфраструктуры.

Стоит отметить, что правовой основой борьбы с терроризмом в современной России выступает Конституция РФ, а также Федеральные законы «О противодействии экстремистской деятельности» «О противодействии терроризму». Также основные аспекты борьбы с террористическими проявлениями определены в международных договорах РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права, нормативных правовых актах Президента РФ и Правительства РФ и сопутствующих с ними нормативных правовых актах федеральных органов власти.

Актуализация современных методов противодействия актов терроризма в отношении объектов жизнедеятельности государства и общества предопределила введение такого понятия, как «антитеррористическая защищенность объекта», что представляет собой состояние степени защищенности здания и сооружения, а также мест массового пребывания, с целью противодействия совершению террористического акта против вышеперечисленных объектов. Данное определение было прописано в Федеральном законе от 23 июля 2013 № 208-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам антитеррористической защищенности объектов». Отметим, что под местом массового пребывания людей следует понимать территории, предназначенные для общего пользования населенного пункта или за его пределами, а также объекты, где при соблюдении некоторых условий можно одновременно разместить более 50 человек. [3].

В целях повышения степени защищенности транспортного комплекса, в Российской Федерации совершенствуется комплексная система обеспечения безопасности транспортной инфраструктуры. Помимо государственных институтов, в создании и совершенствовании механизма безопасности принимают участие непосредственно перевозчики и собственники транспортных средств. Немаловажную роль в данном механизме играет МВД России, которое при выполнении наложенных на него задач по обеспечению безопасности на транспорте, в плотную взаимодействует с другими ведомствами (ФСБ России, Росгвардия, МЧС России, Минтранс России), а также с соответствующими субъектами транспорта.

Несмотря на принимаемые превентивные меры по недопущению террористических актов на территории Российской Федерации, достаточно актуальными остаются угрозы их совершения и вмешательства в нормальную деятельность транспортного комплекса и возникающих в их следствии чрезвычайных ситуаций. В связи с чем на уровне государства проводится комплекс организационных, профилактических, материально-технических и нормативных мероприятий.

В качестве примера может послужить Федеральный закон №15-ФЗ принятый 3 февраля 2014 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения транспортной безопасности». Данным документом предусмотрены основные принципы досмотра транспорта, а также основы для создания подразделений, обеспечивающих транспортную безопасность. Вместе с тем, необходимо отметить, что данным нормативном акте определен порядок пропуска граждан на всех видах транспорта, где необходимы досмотровые мероприятия, в том числе в аэропортах, на водных, железнодорожных и других транспортных объектах. Стоит также отметить, что в ходе проведения досмотровых мероприятий на всех видах транспорта, отработан единый алгоритм действий органов внутренних дел во взаимодействии с другими подразделениями, отвечающими за транспортную безопасность. Разграничение обязанностей при этом происходит следующим образом: обязанности по контролю и досмотру пассажиропотока возлагаются на подразделения транспортной безопасности, а сотрудники полиции находятся поблизости к непосредственным местам досмотра. Основной целью сотрудников полиции является незамедлительное реагирование на возникающие угрозы и различные происшествия, а также изъятие обнаруженных запрещенных предметов и веществ. В практической деятельности данный фактор будет способствовать тому, что подразделения, связанные с проведением досмотровых мероприятий, с каждым днем будут совершенствоваться в контексте выполнения задач в области обеспечения безопасности граждан и борьбе с преступностью на транспорте [4].

В настоящее время действует достаточно конструктивное соглашение между Министерством внутренних дел России и Министерством транспорта, предполагающий обмен данными, содержащими информацию по купленным билетам, за исключением городского транспорта. На основе межведомственных соглашений создается Единая государственная информационная система обеспечения транспортной безопасности (ЕГИС ОТБ). Целью данной системы периодический анализ обстановки на объектах транспорта для выявления возможных угроз. Данная система предполагает аккумуляцию различных баз данных (как оперативного, так и информационного характера). Данная система представляет собой один из наиболее действенных инструментов в области антитеррористической защищенности транспортных объектов [5].

Повышение антитеррористической защищенности транспортной инфраструктуры является одним из приоритетных направлений Правительства России. Решение данной задачи помимо дополнительных затрат требует изменений в самих подходах к организации перевозок (как грузовых, так и пассажирских), а также оптимизации основной деятельно-

сти по обеспечению антитеррористической безопасности на транспорте.

Констатируем, что данный аспект выступает одной из основополагающих целей Транспортной стратегии Российской Федерации, представляющая собой повышение комплексной безопасности и устойчивости транспортной системы. Комплексное достижение этой цели обеспечит эффективную деятельность аварийно-спасательных служб, подразделений специальных служб и повысит уровень мобилизационной готовности, и таким образом позволит создать необходимые условия для соответствующего уровня общенациональной безопасности и снижения террористических рисков в транспортной инфраструктуре.

Пристатейный библиографический список

1. Учебно-методическое пособие для сотрудников правоохранительных органов государств - участников СНГ. - М.: ВНИИ МВД России, 2005.
2. Сайт РИА Новости: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20140124/990669937.html#ixzz3aCTscYpw>
3. Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 208-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам антитеррористической защищенности объектов».
4. Федеральный закон от 03.02.2014 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения транспортной безопасности».
5. Журнал «Системы безопасности». – 2014. - № 1.

ТАРЧОКОВ Беслан Алексеевич

кандидат экономических наук, начальник кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ТЕРРОРИЗМА В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ

Террористическая активность является одним из тревожных симптомов для общества в целом и обеспечения национальной безопасности. На сегодняшний день терроризм плотно развивается в сети Интернет, где, как известно, основную часть пользователей представляет молодежь и несовершеннолетняя аудитория, которые первыми попадают под «прицел» деструктивных течений и субкультур. Установлено, что «современная машина» вытеснила из жизни подростков реальное общение, заменив его виртуальным. А принимая во внимание, что в сети кроме полезной, подростки имеют дело с обилием вредоносной информации, в частности террористического содержания, то налицо и рост преступности среди несовершеннолетней аудитории.

Ключевые слова: терроризм, подростки, неформальные сообщества, деструктивные субкультуры, массовые расстрелы.

TARCHOKOV Beslan Alekseevich

Ph.D. in economical sciences, Head of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

ABOUT SOME CAUSES OF TERRORISM AMONG ADOLESCENTS

Terrorist activity is one of the alarming symptoms for society as a whole and national security. Today, terrorism is developing densely on the Internet, where, as you know, the bulk of users are young people and underage audiences, who are the first to fall under the "target" of destructive trends and subcultures. It has been established that the "modern machine" has ousted real communication from the life of adolescents, replacing it with virtual one. And taking into account that in addition to useful information, teenagers deal with an abundance of harmful information, in particular terrorist content, there is also an increase in crime among a minor audience.

Keywords: terrorism, teenagers, informal communities, destructive subcultures, mass shootings.

Современный мир, столкнувшись с проявлениями экстремизма и терроризма, столкнулся также с необходимостью предпринять всяческие попытки к своевременному ответу на нарастающие новые вызовы и угрозы. Террористическая активность является одним из тревожных симптомов для общества в целом и обеспечения национальной безопасности [2], [3], [4]. Вместе с тем современные реалии демонстрируют нам растущий уровень преступности несовершеннолетних. Первое полугодие 2022 года статистические данные отмечают 38 769 преступлений, совершенными указанным контингентом правонарушителей. Причем заметно возросло число лиц несовершеннолетнего возраста, совершивших преступления террористической окраски.

Существенно ситуация осложняется тем, что на сегодняшний день терроризм выражено развивается в глобальной сети Интернет, где, как известно, основную часть пользователей представляет молодежь и несовершеннолетняя аудитория, которые первыми попадают под влияние деструктивных течений и субкультур. Современные компьютерные технологии во многом облегчили повседневную жизнь людей. Отпала необходимость в отстаивании очереди в банках, упростилась оплата коммунальных услуг, появилась возможность приобретать товары и услуги, как говорится, не выходя из дома. А главное - в сети можно найти любую информацию. И что делают подростки, приходя из школы домой? Прямоком садятся за компьютер (ноутбук, планшет), где они выполняют большую часть домашних заданий, читают онлайн-книги, общаются с друзьями, совершают покупки и т.п.

Современная «электронная техника» вытеснила из жизни подростков реальное общение, заменив его виртуальным. А принимая во внимание, что в сети кроме полезной, подростки имеют дело с обилием вредоносной информации, в частности и террористического содержания, то налицо и рост преступности среди несовершеннолетней аудитории. Участились случаи, когда становится известно о том, что молодежь и несовершеннолетними подростками предпринимается попытки и совершаются различные преступления террористической направленности. По этой причине правоохранителям приходится вырабатывать методику работы с данным контингентом пользователей сети интернет для

предупреждения и предотвращения совершения преступлений террористической направленности [5], [7].

Так по данным комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции, за несколько лет в России зафиксировано около 16 тысяч ложных сообщений о терроризме, которые касались различных учреждений. «Минировали» школы, суды, больницы, здания городских администраций.

В наступившем году активность так называемых «подрывников» вообще рекордная. По России прокатилась волна лжеминирований – в последние месяцы из-за сообщений о бомбах эвакуировали школы, детские сады, торговые центры и суды в некоторых городах, таких как Нальчик, Кисловодск, Ставрополь, Махачкала, Ижевск, Волгоград и других регионах. За этим могут стоять школьники. В соцсетях — десятки сообществ, где они за деньги заказывают «закладку взрывчатки».

Вместе с тем, необходимо понимать, что в молодёжной среде очень много различных неформальных сообществ, являющихся приверженцами радикальных взглядов, члены которых готовы на совершение жесточайших преступлений и террористических актов. Причинной тому исследователи называют ограниченное общение, которое молодые люди не знают, как преодолеть, а также подражание старшим, желание походить на супергероев из известных сюжетов. Сюда же можно отнести такие психологические факторы, которые особенно проявлены у несовершеннолетних, как доверчивость, внушаемость, излишняя эмпатия или интроверсия, жажда приключений, стеснительность, боязнь осуждения любых индивидуальных проявлений со стороны сверстников.

Другим, одним из остро стоящих вопросов, является воспитание и образование молодежи. Сегодня мы имеем дело с потерей идеалов, падением нравов и идеологическим вакуумом. Сегодня подростков не так широко вовлекают в дополнительное образование, посещение кружков и секций. Большая часть из них, по сути, ведет беспризорный образ жизни. Они ничем не заняты, они бродят по улицам, образуют дурные компании и в результате становятся фигурантами уголовных дел. Многие из них происходят из семей с низким доходом (малообеспеченных), что также толкает их на нелегальные поиски источников дохода (чаще всего это кражи, продажа так называемых «легких» наркотиков и ку-

рительных смесей). Все это приводит их к осознанию о невозможности утвердиться в обществе. И если последние 20 лет весь мир ведёт активную борьбу с Исламским терроризмом, то среди молодежи за это время сформировалось огромное количество других организаций и бандформирований с различными взглядами. Самые крупные по численности группами являются нацистские, антисемитские, группы против ЛГБТ сообществ. Основным отличием молодёжного терроризма является то, что среди данной социальной группы большое количество террористов одиночек или небольших групп лиц до 5 человек. Как правило, первопричиной того, что они совершают теракты, является особенность молодёжной среды, которая является очень жестокой по отношению индивидов друг к другу [1], [2], [5].

Так же, на сегодняшний день особую остроту приобрело такое явление как буллинг, который подразумевает унижение человека из-за его нации, расы, религии или плохой обеспеченности. Молодежь всегда резко негативно относилась к отдельным личностям, которые выбиваются из общей массы и не соответствуют обществу других детей. В результате человек который постоянно находится в обстановке несносных оскорблений, насмешек и насилия ломается и решается на крайние меры для того, чтобы остановить травлю в свой адрес [2], [6]. Так, например два подростка, которые подвергались нападкам в школе, 20 апреля 1999 года организовали теракт в своей школе в США, который стал известен на весь мир по названию школы - Колумбайн. В результате теракта погибло 15 человек, 23 были ранены. Два подростка Эрик Харрис и Дилан Клиболд на протяжении долгого времени готовились к совершению данного преступления, сохранились видео-дневники, на которых они демонстрируют своё огнестрельное оружие и самодельные бомбы, которые собирались использовать, чтобы атаковать свою школу. По изначальному плану они планировали заложить 45 бомб в столовой школы, встать на парковке напротив столовой, взорвать бомбы и отстреливать выживших людей, которые выбегают из столовой на улицу. Однако заложенные бомбы не детонировали, и они отошли от своего изначального плана и начали стрельбу внутри школы. Самым примечательным является тот факт, что незадолго до теракта подростки были арестованы за кражу различных вещей из грузовика транспортной компании, которые были использованы в создании самодельных бомб и суд назначил им психиатрическое лечение, которое, к сожалению, результатов не принесло. Помимо прочего они вели свой сайт, на котором размещали информацию о готовящемся теракте и угрожали одному школьнику, с которым один из атаковавших дружил. Его родители неоднократно обращались в полицию, однако со стороны стражей правопорядка не последовало никаких мер, направленных на проверку факта угрозы или изучения сайта террористов и обыска их домов. И скорее всего именно тот факт, что со стороны правоохранительных органов не было организовано никаких оперативных мероприятий, стала возможным организацией теракта, который унёс жизни десятка людей.

Стоит поставить вопрос о компетентности психологов и психиатров, которые работали с подростками после совершенного ими ограбления, однако не смогли распознать готовящееся преступление или заметить их психические отклонения, жестокость и готовность убивать. Отдельного внимания заслуживает тот факт, которому никто ранее не придавал значения, каким оружием были вооружены подростки и каким образом двое несовершеннолетних завладели им. Изучив оружие можно сказать с уверенностью, что оно не принадлежало родителям или близким подростков, следовательно они его приобрели. Закономерно встает вопрос о том, каким образом два несовершеннолетних человека смогли приобрести оружие без особого разрешения.

Данное происшествие, к большому сожалению, не единственное и подобные деяния случаются и сегодня. Так, в мае 2021 года произошла подобная трагедия, в гимназии № 75 в Казани, где 19-летний юноша устроил массовую стрельбу, унесшую жизни 9 человек, а пострадавших было более 30 человек. В сентябре 2021 года в Пермском государственном университете произошло аналогичное преступление. 18-летний стрелком было застрелено 6 и ранено 47 человек.

В теперешней реальности подростковый терроризм, это бич практически всех стран. Не нужно быть экспертом, чтобы увидеть общие черты всех этих преступлений. Это возраст стрелков – 18-21 год, орудие убийства – помповое гладкоствольное ружье, объект нападения – образовательные учреждения. Но именно на данных примерах хочется отметить

ряд важных выводов, чтобы в последующем иметь возможность эффективно реагировать на подобные события.

Первый и самый важный вывод – отсутствие участия родителей в повседневной жизни своих детей. Когда родители абсолютно невнимательны к своим детям, не вовлечены в их воспитание, не в состоянии поддерживать здоровый психологический климат в семье, не интересуются их увлечениями, неминуемо наступают негативные последствия, методов устранения которых, невозможно найти, когда ребенок уже повзрослел. Дефицит общения и внимания в семье отдаляет детей от родителей, они ассоциализируются, озлобляются и идут на страшные преступления [3], [5], [6].

Второй очевидный факт – это неосмотрительность отдельных представителей правоохранительных органов, которые не восприняли подобающим образом поступающую информацию и факты совершенного подростками ранее менее тяжкого преступления всерьёз и не отреагировали соответственно сложившейся ситуации.

И, наконец, неэффективная работа психологов, которую мы уже выше обсудили.

Эти печальные примеры показывают, что бездействие и ряд объективных обстоятельств, приведших к неправильной оценке действий подростков, вылились в крупный террористический акт. О подобных фактах необходимо помнить, принимать во внимание и использовать для совершенствования работы с молодежью. Соответственно, представители правоохранительных органов, призваны обеспечить безопасность общества от таких людей, а также помогать молодежи и несовершеннолетним не совершать ошибки, за которые они впоследствии будут расплачиваться очень долго.

Одной из ключевых задач правоохранительных органов является профилактика и предупреждение подобных преступлений, а для этого необходимо очень долго, планомерно и кропотливо работать с молодежью, постоянно проводить мониторинговые мероприятия в сети интернет на наличие информации террористической направленности. Важнейшей составляющей этой задачи, также является формирование развитого нравственно-правового сознания. Мораль и право неразрывны и взаимообусловлены. Право создает условия для нравственности и одновременно основывается на её принципах. Воспитание, нравственные установки, закладываемые родителями с самого детства, формируют и все последующие его действия в жизни. Если в человека с раннего детства не было вложено уважение, необходимость уважения права и соблюдения закона, то в процессе жизни вряд ли человек задумается над этим и сформирует своё новое мировоззрение. Воспитание здоровой, умной и целеустремлённой молодежи одна из основных целей государства и правоохранительные органы играют в достижении данной цели немаловажную роль.

Пристатейный библиографический список

1. Диденко К. В., Диденко В. И Социальные факторы преступности несовершеннолетних // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. - 2019. - № 4. - С. 13-16.
2. Егорова Л. И. Предпосылки вовлеченности подростков в терроризм: социально-педагогический аспект // Современное педагогическое образование. - 2019. - № 2. - С. 36-40.
3. Коваленко Э. В., Пхитиков Р. Б. К вопросу о борьбе с современными угрозами терроризма в обществе // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 4 (167). - С. 392-393.
4. Тарчоков Б. А., Зумакулова З. А., Шеожева С. Т. О роли институтов гражданского общества в противодействии деструктивным идеологиям в молодежной среде // Журнал прикладных исследований. - 2022. - Т. 2. - № 6. - С. 169-173.
5. Тхазеплов Т. М. Противодействие идеологии терроризма: педагогический аспект // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 9 (160). - С. 498-499.
6. Маздогова З. З. Вопросы профилактики терроризма и экстремизма в образовательных организациях // Право и управление. - 2022. - № 5. - С. 20-22.
7. Чубарова А. В. Влияние социальной среды на формирование преступности несовершеннолетних // Бюллетень науки и практики. - 2021. - Т. 7. - № 3. - С. 287-292.

ШОГЕНОВ Заур Артурович

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

ПХИТИКОВ Руслан Батырович

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

ПРОБЛЕМЫ ОБНАРУЖЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ СООБЩЕСТВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В настоящей научной работе рассматриваются проблемы своевременного обнаружения экстремистских сообществ, активно использующих социальные сети для вовлечения в свои ряды новых участников. В статье излагаются возможные методы противодействия экстремистской деятельности, способы пресечения их незаконной деятельности, с целью обезопасить общество, государство и отдельных граждан от возможных негативных последствий от преступной деятельности различных экстремистских сообществ, которые ныне активно используют социальные сети для достижения своих преступных замыслов.

Ключевые слова: экстремистские сообщества, интернет-пространство, интернет-ресурс, кибер-фиксированные, кибер-спутники, кибер-буллинг, кибер-дистанцирование, кибер-спутники, кибератака, контент.

SHOGENOV Zaur Arturovich

lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

PKHITIKOV Ruslan Batyrovich

lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

PROBLEMS OF DETECTING EXTREMIST COMMUNITIES IN SOCIAL NETWORKS AND WAYS OF COUNTERING THEM

In this scientific work, the problems of timely detection of extremist communities that actively use social networks to involve new participants in their ranks are considered. The article outlines possible methods of countering extremist activities, ways to suppress their illegal activities, in order to protect society, the state and individual citizens from possible negative consequences from the criminal activities of various extremist communities that are now actively using social networks to achieve their criminal intentions.

Keywords: extremist communities, internet space, internet resource, cyber-fixed, cyber-satellites, cyber-bullying, cyber-distancing, cyber-satellites, cyber attack.

Актуальным вопросом и значимой проблемой, перед нашим государством, органами правоохранительной направленности, выступает повальное распространение экстремистской идеологии в глобальной сети интернет. Экстремизм воспрепятствует нормальному развитию государства и общества, так как несет за собой возбуждение вражды и ненависти к представителям различной нации и вероисповедания, подрывает доверие к государству, препятствует нормальной деятельности органов государственной власти. Цели экстремизма могут быть различными, но в конечном итоге разжигают конфликт в обществе, наносят существенный вред социальной стабильности общества. Предпринимаемые государством и правоохранительными структурами меры противодействия проявлениям различного рода экстремизма не всегда эффективны [1]. Во многом это обусловлено интернетом, ставшей неотъемлемой частью жизни и профессиональной деятельности почти каждого современного человека. Одновременно в сети может находиться многомиллионная аудитория, которая здесь обменивается мнениями, получают и производят информацию, общаются на профессиональные темы, обучаются и многое другое.

Наиболее активной аудиторией социальных сетей выступает молодежь, риски вовлечения их в преступные сообщества остаются высокими. Первым шагом такого противодействия

является осуществление контроля за информационным ресурсом экстремистского содержания и ограничение к нему доступа.

Нахождение молодежи в социальных сетях по несколько часов в день обуславливаются рядом причин: создаются сообщества по интересам, верованиям, убеждениям и др. посредством которых реализуется естественная человеческая потребность в социализации. Молодые люди зачастую проявляют и демонстрируют в сети свои установки и ценности, в ответных реакциях от других пользователей получают значительное влияние на свои жизненные ориентиры и поведение. По мнению ряда экспертов, в последние десятилетия такое положение приобретает все больший негативный окрас. В соцсетях в невероятных количествах создаются экстремистские сообщества, в которые вовлекаются новые члены [2].

Острота вопросов противодействия вовлечению молодежи в экстремистскую деятельность только набирают свои обороты. Разграничивая типы уязвимости пользователей, можно выделить три разновидности.

К первому типу относятся кибер-фиксированные пользователи, демонстрирующие отождествление себя с онлайн-обществом, проводя там все свое время. Они являются участни-

Шогинов З. А.

Пхитиков Р. Б.

ками практически всех социальных сетей и чувствуют себя здесь намного свободнее, чем в реальном общении.

Ко второму типу относятся кибер-спутники. Их можно идентифицировать в качестве активных пользователей социальных сетей, однако в отличие от первого типа в сети они общаются с реальными друзьями (однокурсниками, коллегами).

И, наконец, третий тип это кибер-дистанцированные, которые отличаются наименьшей активностью в социальных сетях и узким кругом общения [3].

Таким образом, приведенный контингент пользователей выступает постоянно объектом онлайн-ненависти, преследования, подвергаются кибератакам, становясь жертвами кибер-буллинга. На указанные угрозы пользователей реагируют различно и чаще всего вступают в асоциальные группы экстремистского толка.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ регламентирует правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, устанавливает ответственность за ее осуществление, закрепляет определение экстремизма и экстремистской деятельности, принципы противодействия экстремизму, а также содержит различные вопросы международного сотрудничества по борьбе с экстремизмом [4].

С проблемой экстремизма на сегодняшний день столкнулись много государств, которым приходится сотрудничать и пресекать проявления экстремизма в интернет-пространстве. Для своевременного пресечения подобных преступлений необходим постоянный мониторинг социальных сетей и создаваемых в глобальной сети сообществ, которые могут призывать к противоправным действиям из различных уголков мира, в силу которого правоохранительным структурам государств следует сотрудничать тесно для эффективности борьбы с экстремизмом.

Пользователи социальных сетей составляют преимущественно граждане в возрасте от 14 до 30 лет. На формирование ценностных ориентиров указанной социально-демографической группы граждан особое влияние общественное сознание, мышление и поведение, которое отличается динамичностью, оригинальностью, экстремальностью, стремлением преуспеть в жизни, познать новое, быть преуспевающим во всем. И на помощь здесь приходят социальные сети, в особенности до недавнего времени это были Facebook и Instagram. В марте 2022 года, решением суда, американская компания «Meta Platforms Inc.», признана экстремистской организацией, в связи с чем принадлежащие ей соцсети, в том числе «Facebook» и «Instagram» попали в запретный список.

При осуществлении мониторинга социальных сетей следует помнить о том, что ее необходимо признать интернет-ресурсом, которая в свою очередь должна отвечать определенным требованиям интерактивного многопользовательского веб-сайта, где пользователями устанавливается взаимная связь на почве схожих интересов и предпочтений, реализуются коммуникативные функции между пользователями [5].

В социальных сетях сконцентрировано большое число пользователей, которые принимают активное участие во всем происходящем: ставят репосты, добавляют к себе на страницу, комментируют публикации, разделяют их мнения, а также производят впоследствии свой контент [6].

Интернет-пространство обеспечивает высокую латентность пользователей, которые имеют удаленный доступ, что в свою очередь способствует конспирации и предоставляет большую свободу для маневров различным сообществам, преследующим преступные намерения. До ужесточения наказания за экстремистские действия и принятие так называемого «пакета Яровой», треть групп и пабликов социальной сети «ВКонтакте» производили контент с признаками политического экстремизма, более половины – этнополитического и религиозно-политического экстремизма, содержавших кроме всего призывы к массовым беспорядкам и экстремистской деятельности. Если бы данная мера не была принята своевременно, неизвестно сколько граждан еще было бы вовлечено в подобные преступления. В разное время в «ВКонтакте» плотно обосновались: сообщество «Misanthropic Division RUS», пропагандирующее крайнюю форму ненависти к человеку и популяризирующее убийства как проявление мизантропии; экстремистское движение «Джихад», пропагандирующее не традиционный ислам и нетерпимость к другим верованиям; организации «Time for Terror», «СНШ», осуществляющие террористическую деятельность и многие другие.

В настоящее время наблюдается рост преступлений, связанных с незаконным финансированием экстремистских организаций, которые активно используют социальные сети и интернет. Основная масса контентов, связанных с финансированием подобных организаций, конспирируется под видом благотворительности, однако фактически сбор средств осуществляется на поддержание экстремистской деятельности, что влечет за собой уголовную ответственность по ст. 282.3 УК РФ. Часть лиц, оказывающих финансовую помощь, не предполагают, что перечисляют средства запрещенным экстремистским сообществам чьи интересы как правило представляют порой гражданские лица, предлагающие оказать помощь нуждающимся оказавшимся в трудном положении в силу различных международных и политических конфликтов, наблюдаемые в прибрежных странах Персидского залива. Выявление и контроль подобных экстремистских объединений, распространяющих контент и призывы оказывать финансовую помощь.

Ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, путем использования интернета квалифицируется ст. 280 УК РФ. Силовые структуры, периодически выявляя различные контент в соцсетях, устанавливают запреты и ограничения доступа, но несмотря на это, пользователи социальных сетей находят новые возможности для ежедневного создания экстремистского контента в интернет-пространстве и пропаганды различной деструктивной идеологии. Одним из подобных контентов следует отнести – кибер-буллинг, иначе называемые «группы смерти», одобряющие и призывающие к культуре самоубийства, группы намеренной травли человека, и группы опасного досуга. В одной только сети «ВКонтакте» насчитывается более 3 тысяч, в которых состоят около 40 млн активных пользователей; а «Twitter» и «Telegram» только и успевают приостанавливать и блокировать экстремистские аккаунты и каналы. На сегодня заблокировано более 500 тыс. сообществ, распространяющих идеи терроризма и экстремизма, а также инструкции и способы изготовления взрывчатых устройств, пособий по ведению диверсионной работы [7].

В заключении отметим, что на сегодняшний день большая часть транслируемого интернет-контента не подвластна контролю правоохранителей ни одной из стран. Поэтому основной задачей является разработка предупредительных мер, направленных на обработку информационного ресурса с экстремистским содержанием, привлечение специалистов для поиска социальных сетей экстремистского толка и их организаторов. Для продуктивной работы по предотвращению подобных сообществ, кроме как блокирования и запретов, требуется активно привлекать к содействию международные организации, объединения и сообщества, оказывающие помощь молодежи и различным слоям общества, выявлять организаторов и создателей подобных групп для привлечения к уголовной ответственности, так как в ином случае оставаясь на свободе подобные лица могут продолжать заниматься преступной деятельностью.

Приставленный библиографический список

1. Бережная А. И., Яцышина Ю. В., Юсифзаде Д. Н. О. Война и ненависть в сети: правовые основы и проблемы противодействия интернет-экстремизму // Оригинальные исследования. - 2020. - Т. 10. - № 6. - С. 355-367.
2. Тхазеплов Т. М. Интернет как один из способов вовлечения лиц в экстремистскую деятельность // Журнал прикладных исследований. - 2022. - Т. 1. - № 3. - С. 81-84.
3. Мишин А. М. Проблемы противодействия экстремизму в сети интернет // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 2 (141). - С. 389-390.
4. «О противодействии экстремистской деятельности»: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
5. Павлинова Е. Ю. Проблемы противодействия экстремизму в сети интернет // Закон и власть. - 2019. - № 2. - С. 50-53.
6. Гедутошев Р. Р. Концептуальные основы, детерминирующие экстремистскую среду и терроризм в условиях глобализации // Проблемы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 4. - С. 104-107.
7. Тарчоков Б. А. О противодействии угрозам кибертерроризма в глобальном информационном пространстве // Государственная служба и кадры. - 2021. - № 1. - С. 148-150.

ШУЛЬГИН Андрей Александрович

преподаватель Краснодарского университета МВД России

МАКАРЕНКО Андрей Иванович

преподаватель Краснодарского университета МВД России

ПОНЯТИЕ О НАЧАЛАХ ТЕРРОРИЗМА КАК ПРЕДПОСЫЛКЕ К УСПЕШНОЙ БОРЬБЕ С ТЕРРОРОМ

В данной статье рассматривается правовая природа терроризма. Феномен терроризма анализируется с политической, экономической и социально-психологической точки зрения, большое внимание уделяется теоретико-правовой характеристике данного явления. Анализ показывает, что использование понятия «Терроризм», вне зависимости от причин, превращает борьбу с терроризмом в идеологический инструмент, представляемый в совокупности как нарастающая угроза правам человека.

Ключевые слова: безопасность, терроризм, террор, демократический процесс.

SHULGIN Andrey Aleksandrovich

lecturer of the Krasnodar University of the MIA of Russia

MAKARENKO Andrey Ivanovich

lecturer of the Krasnodar University of the MIA of Russia

THE CONCEPT OF THE ORIGINS OF TERRORISM AS A PREREQUISITE TO A SUCCESSFUL FIGHT AGAINST TERRORISM

This article discusses the legal nature of terrorism. The phenomenon of terrorism is analyzed from a political, economic and socio-psychological point of view; much attention is paid to the theoretical and legal characteristics of this phenomenon. The analysis shows that the use of the concept of "Terrorism", regardless of the reasons, turns the fight against terrorism into an ideological tool, presented in aggregate as a growing threat to human rights

Keywords: security, terrorism, terror, democratic process.

Одной из наиболее важных задач любого государства и Российской Федерации, в том числе, является устойчивое развитие предпосылками к которому служит охрана населения от преступных посягательств и в целом безопасность общества [1]. В тоже время общество и государство являются сложными механизмами, в рамках которых достижение одной цели может противоречить исполнению другой, примером может послужить достаточно известная цитата одного из американских президентов: «тот, кто для кого-то террорист, для другого – борец за свободу» она наглядно иллюстрирует, одно из самых серьезных препятствий в борьбе с терроризмом – явлением, которое напрямую влияет на безопасность и защищенность общества [2].

Сегодня терроризм становится экстерриториальным, что косвенно увеличивает риск конфликтов в отношениях между странами. Так Россия и Китай, определяют стратегические приоритеты государственной политики, к которым относится сохранение экономического развития, их влияние в отдельных регионах, а значит решительное противостояние интересам Соединенных Штатов Америки (далее – США), которые долгое время доминировали, а во многих аспектах до сих пор доминируют в мировой политике. Что позволяет предположить, США вынуждены переводить свои экономические амбиции в приоритеты политики, так как потребности общества потребления в этой стране постоянно растут.

Постоянно растущие агрессивные интересы США и других стран, которые провозгласили приоритетом своей политики развитие общества потребления, показывают рост корней возможных конфликтов (и терроризма, поскольку это явление может быть правильно понято только в контексте юридической социологической и политической науки), т.е.

соответствующие средства для решения возникающих проблем. Наше исследование направлено на поиск решения проблемы путем анализа данного явления. Так многие американские политологи и пропагандисты в том числе, занимавшиеся анализом терроризма в последние годы, такие как, Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер не скрывают что «самым слабым местом глобальных конфликтов» является агрессивная политика США с целью повлиять на мировое бытие. Такая позиция стран глобального запада сталкивается с растущим сопротивлением других стран, которые в большинстве своем также представляют собой развивающиеся демократические общества, в связи с чем, названные авторы, считают, что при нарастании конфронтации США должны снизить свои амбиции по распространению своей власти на развивающийся мир, который стремительно меняется и во многом становится все более и более демократичным [3].

Террористические атаки давно стали глобальной угрозой. Почти каждый день где-то в мире совершаются теракты. В связи с постоянно распространяющейся глобализацией эта угроза возрастает, поскольку, используя современные средства коммуникации, террористы могут распространять свою идеологию, вербовать новых членов, планировать и координировать теракты, не встречаясь лицом к лицу. Поэтому сегодня под угрозой терактов находятся все, независимо от государственных границ, национальности или религии. Терроризм – одно из самых опасных и непредсказуемых явлений современности, которое приобретает все более разнообразные формы и все более угрожающие масштабы. Теракты обычно несут массовые человеческие жертвы и связаны с

Шульгин А. А.

Макаренко А. И.

уничтожением как материальных, так и духовных ценностей, восстановить которые порой невозможно.

Кроме того, теракты также демонстрируют враждебность между странами, вызывают недоверие, ненависть между социальными или этническими группами, или даже войны, которые иногда не могут быть разрешены в течение жизни одного поколения.

Феномен терроризма известен с момента создания первых «террористических организаций», которыми были две еврейские экстремистские группировки «Сикари» [4] и «Зелоты» [5]. Они были созданы в Древнем Риме в 46 г. н.э., когда представители двух группировок в боях против греков, римлян и евреев-раскольников не гнушались применения насилия. Часто жертв в Римской империи убивали публично, чтобы передать сообщение римским властям. Хотя истоки терроризма относятся к I веку, теории терроризма появились только в XX веке.

Терроризм развивался на протяжении тысячелетий, постоянно меняя свою идеологию и методы действия. Это очень разнообразное и развивающееся явление, в котором в последние десятилетия наблюдался очень быстрый прогресс.

С девяностых годов XX века террористы стали планировать особо масштабные теракты, которые, отличительной чертой которых является, посягательство не только на личность, но и на национальную безопасность и территориальную целостность государства. Террористические атаки нарушают различные права людей. Больше всего нарушаются такие права как право на жизнь, право на свободу и право на личную неприкосновенность. Побочным действием особенно в тех случаях, когда террористы проводят серию терактов, является сформировавшаяся в обществе обстановка небезопасности, которая затрагивает все сферы общественной жизни, в том числе социальную среду, экономику, образование и другие сферы. Страны в ответ на угрозу терроризма и для защиты прав лиц, находящихся под их юрисдикцией, имеют право и обязаны принимать эффективные меры против терроризма, стремиться предотвращать будущие террористические акты и привлекать к ответственности тех, кто несет ответственность за такие действия. Однако следует также подчеркнуть, что меры, предпринимаемые против террористов, создают множество проблем для прав человека. Международные организации единогласно подчеркивают, что в борьбе с терроризмом государство должно соблюдать свои международные обязательства. Таким образом, борьба с терроризмом ставит перед странами множество задач – с одной стороны, они обязаны защищать своих граждан, с другой стороны, они должны уважать основные права других людей, а также террористов.

В связи с чем терроризм и борьба с ним в большей части мира вдруг стали главным приоритетом? В первую очередь из-за закономерно возросшей угрозы терроризма, новых тенденций терроризма и роста фатальности и глобализации, после чего последствия террористических актов становятся угрозой для многих, вне зависимости от того, что было первоначальной целью террористов. Борьба с терроризмом часто используется как инструмент внешней и внутренней политики западных демократий. Во-вторых, терроризм признается новой, конкретной угрозой и специальными средствами борьбы, допустимыми и оправданными, поэтому он может стать мощным инструментом внешней политики и защиты интересов государства. Борьба с терроризмом сегодня является главным приемлемым предложением для войны и экономической интервенции. Некоторые эксперты в области политики безопасности говорят, что в конце холодной войны политики и эксперты по безопасности в Соединенных Штатах и многих других странах были заинтересованы в том, чтобы найти нового великого «врага». Снижение военных угроз во многих странах вызвало напряженность между выделением средств на национальную оборону и другими, в основном

социальными, политиками. Кроме того, подчеркивая угрозу терроризма и приоритизируя борьбу с ним, обеспечить общественную поддержку и поощрение не только большего финансирования, но и создания новых специальных учреждений или расширения возможностей существующих, потому что трудно критиковать борьбу с терроризмом или быть против него, смягчение террористической угрозы.

Таким образом представляется возможным сделать следующие выводы. Понятие терроризма является ключевым элементом при попытке координировать международное сотрудничество на основе действующих правил ведения войны, отделяя терроризм от криминала и от открытой войны между государствами. Когда нет четкого определения терроризма и его причинно-следственные связи приемлемы для всех, возникают вопросы о масштабах борьбы с терроризмом. В этом случае мы не можем быть уверены, что современные демократические страны во всех случаях используют правильное определение терроризма и не нарушают права человека при борьбе с террором. Еще больше сомнений вызывают действия демократических стран, активно участвующих в борьбе с терроризмом.

Неопределенность понятия терроризма используется для сокрытия нарушений прав человека. Понятие терроризма нельзя отделить от раскрытия причин этого явления.

Причины терроризма и других конфликтов схожи, но есть разные средства и пути. В результате данного исследования видится следующие характеристики, которые позволяют точно отнести преступление к террористическому акту:

- 1) террористический акт направлен на преднамеренное применение насилия;
- 2) цель террористического акта связана не с диверсией, то есть причинением вреда государственным служащим или государственным органам, а с необходимостью запугивания общества, то есть против граждан или гражданских объектов;
- 3) задачей террористических групп является достижение каких-либо политических целей.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».
2. Рейган Р. Откровенно говоря. Избранные речи / Пер. с англ. - М.: Новости, 1990. — 397, [1] с., 8 л. ил.
3. Бжезинский и Киссинджер: «железные» советники Белого дома // Радио Спутник Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sputnik.by/20170529/bzhezinskij-i-kissindzher-zheleznyesovetniki-belogo-doma-1029020256.html> (дата обращения: 22.08.2022).
4. Сикари // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / Гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.
5. Зелоты // Материал из Википедии — свободной энциклопедии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%82%D1%8B> (дата обращения: 22.08.2022).

АБУКАРОВА Мейрам Узеровна

старший преподаватель кафедры уголовного права и государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства

РОССИЯ В ПРОЦЕССЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: БИХЕВИОРИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД, ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Мировая экономика — это сложная, многокомпонентная система, подчиняющаяся определённым правилам и нормам. Первоначально её появление было обусловлено тем, что в мире сложилась такая ситуация, что проблемы, имеющие место в конкретно взятой стране, находят отражение во многих уголках мира, приобретая интернациональный характер. К примеру, такие негативные процессы как инфляция, безработица в одном государстве скрупулёзно начнут влиять на мировую экономическую ситуацию. Также следует заметить, что любые процессы, происходящие в обществе так или иначе связаны с экономическими гранями, так или иначе всё упирается в дефляцию, поэтому не только непосредственно имеющие прямое отношение к экономике процессы, но и такие процессы, вернее, проблемы демографического характера или же и того хуже экологические проблемы в одной стране вызывают громкий, так сказать, «резонанс» в других странах и не только в близлежащих.

Ключевые слова: мировая экономика, интеграция, дефляция, всемирное хозяйство, мировые процессы, многокомпонентная система, внешняя торговля, монополия государства, международные экономические отношения, международное разделение труда, имитацией мировых тенденций.

ABUKAROVA Meiram Uzerovna

senior lecturer of Criminal law and state legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State University of National Economy

RUSSIA IN THE PROCESS OF GLOBAL ECONOMIC INTEGRATION: BEHAVIORAL APPROACH, LEGAL ASPECTS

The world economy is a complex, multicomponent system that obeys certain rules and regulations. Initially, its appearance was due to the fact that there was such a situation in the world that the problems taking place in a particular country are reflected in many parts of the world, acquiring an international character. For example, such negative processes as inflation, unemployment in one state will scrupulously begin to affect the global economic situation. It should also be noted that any processes taking place in society are somehow connected with economic facets, one way or another everything rests on deflation, therefore not only processes directly related to the economy, but also such processes, or rather, demographic problems or even worse environmental problems in one country cause a loud, so to speak, "resonance" in other countries and not only in nearby ones. Keywords: world economy, integration, deflation, world economy

Keywords: world economy, integration, deflation, world economy, world processes, multicomponent system, foreign trade, state monopoly, international economic relations, international division of labor, imitation of world trends.

Процесс укрупнения, расширения всемирного хозяйства продолжается, можно сказать, на протяжении уже очень длительного периода истории. Интеграция всех мировых процессов — динамичный непрекращающийся процесс и особое место в этом процессе отведено экономической интеграции.

И это не случайно, ведь экономика — это система хозяйствования, которая обеспечивает людей различными благами, тем самым экономика — это базовая, структурирующая составная часть общества. Уже давно сложилась и функционирует мировая экономика. По общему правилу, мировую экономику можно определить, как сумму всех национальных экономик. Но не только это положение определяет мировую экономику. Частично можно выделить и такой аспект мировой экономики, как совокупность некоторых сфер или компонентов экономики отдельного государства, взаимодействующие с внешним миром. Хотя границы этих двух определений уже почти размываются, поскольку вряд ли можно сейчас встретить какую-либо сферу экономики так или иначе не взаимодействующую, не задействованную в мировом экономическом хозяйстве, ну если не прямо, то хотя бы косвенно.

Мировая экономика — это сложная, многокомпонентная система, подчиняющаяся определённым правилам и нормам. Первоначально её появление было обусловлено тем, что в мире сложилась такая ситуация, что проблемы, имеющие место в конкретно взятой стране, находят отражение во многих уголках мира, приобретая интернациональный характер. К примеру, такие негативные процессы как инфляция, безработица в одном государстве скрупулёзно начнут

влиять на мировую экономическую ситуацию. Также следует заметить, что любые процессы, происходящие в обществе так или иначе связаны с экономическими гранями, так или иначе всё упирается в дефляцию, поэтому не только непосредственно имеющие прямое отношение к экономике процессы, но и такие процессы, вернее, проблемы демографического характера или же и того хуже экологические проблемы в одной стране вызывают громкий, так сказать, «резонанс» в других странах и не только в близлежащих. Это было оговорено с тем, чтобы сделать акцент на том, что интеграция необходима не только по сугубо экономическим вопросам, но также многие глобальные проблемы, встающие перед человечеством, требуют интеграционных слияний и тем самым формируется новая парадигма в экономическом развитии.

Но, к слову сказать, в эпоху советского времени вообще не стояла такая задача как интеграция в мировую экономику, в этом не было необходимости, Советский Союз был огромной страной и самодостаточность экономики для нас была присуща. А, кроме того, был и другой аспект, всем известно, что в соответствии с советской экономической теорией в мире существовало два типа экономики капиталистический и социалистический, соответственно всё, что имело отношение к капитализму пресекалось на корню, поскольку нашей стране это было чуждо. К тому же внешняя торговля базировалась исключительно на монополии государства.

Была даже разработана так называемая Комплексная программа научно-технического прогресса, интересно, что данная программа, несмотря на свою содержательность и даже при том, что частенько обновлялась, всё в жизни не была реализована. Эта программа была некой имитацией

мировых тенденций. Однако процесс встраивания в мировое хозяйство был неизбежен и процессы, связанные с этим явлением, всё больше и больше имели место быть.

Рассмотрим некоторые важные аспекты, связанные с мировым хозяйством в целом и применительно к нашей стране в частности. Прежде всего, отметим, что мировое хозяйство — это сложная, испещрённая система. Данная испещрённость объясняется многогранностью составляющих её элементов. Это не просто синтез национальных экономик, это более глубинное движение и товаров, и услуг, и факторов производства, имеется в виду вся палитра экономических ресурсов. Вот этим и закладывается фундамент международных экономических отношений между странами.

Мировое хозяйство — это сложная система. Вся совокупность разнообразных национальных экономик (или их внешнеэкономических частей, если исходить из узкого определения) объединена движением товаров, услуг и факторов производства (экономических ресурсов).

На этой основе между странами завязываются международные экономические отношения (внешнеэкономические связи). Возникают хозяйственные отношения между резидентами и нерезидентами (юридическими и физическими лицами разных стран). Их можно сгруппировать по формам.

Международную (мировую) торговлю товарами и услугами обычно выделяют в отдельную форму. Перемещение факторов производства основывается на таких формах международных экономических отношений, как международное перемещение капитала, международная миграция рабочей силы, международная торговля знаниями (международная передача технологий). При рассмотрении остальных факторов производства, помимо капитала, труда, и знаний (технологии), можно сказать, что, например, природные ресурсы немобильны и участвуют во внешнеэкономических связях почти всегда опосредованно, через международную торговлю изготовленной на их основе продукции и т. д.

Другими факторами производства являются предпринимательские способности (предпринимательство, предпринимательский опыт). Они передвигаются в основном вместе с капиталом, рабочей силой и знаниями (технологией) и потому обычно не фигурируют как самостоятельная форма международных экономических отношений. В особую форму можно выделить международные валютно-расчетные отношения. Они хотя и являются производными от международной торговли и движения факторов производства (особенно капитала), но им удалось приобрести довольно большую самостоятельность в мировом хозяйстве.

Впрочем, необходимо заметить, что национальные экономики практического большинства стран уже встроены в экономику современного мира, неизбежной динамичной системы всемирного хозяйства, являясь её частью. Говоря о большинстве стран, подразумеваются цивилизованные страны мира. Хотя нельзя на данном этапе истории какую-либо страну не вписать в список цивилизованных стран, это было бы ошибкой. Таким образом, приходим к выводу, что есть всемирное хозяйство, о котором, собственно, и идёт речь в данной статье, это взаимосвязанные между собой экономики всех стран мира. В свою очередь нельзя обойти стороной немаловажный фактор зарождения такой взаимосвязи. Таковым стимулом служит прежде всего объективная целесообразность, вызванная стремлением государств к росту своей экономики, это первое. Ну а достигается это как известно за счёт международного разделения труда. А второй фактор, это международная интеграция.

По мнению некоторых исследователей, понятие «международная экономическая интеграция» имеет сравнительно недолгую историю развития, хотя сам термин «интеграция» начал употребляться достаточно давно. Оксфордский словарь определяет дату первого использования интеграции в смысле «объединения частей в целое» в печатных изданиях 1620 годом. При этом интеграция определяется как процесс или условие «формирования целого из частей» или создания единой целостности из отдельных частей [2].

Чем хороша международная интеграция? Почему она вовлекает государства в свой процесс? Несомненно, она обла-

дает целым рядом преимуществ. Прежде всего заметим, что международная интеграция — это процесс как хозяйственно-го, так и политического объединения стран с целью дальнейшего их взаимодействия, которое сулит странам взаимное сотрудничество в решении политических, экономических, да и вообще любых проблем сообща. При всей своей витиеватости звучания данный регламент позволяет выявить большие преимущества этого процесса.

Международная интеграция не заставляет себя ждать в получении выгодных предложений государствам, участвующим в ней. Конечно же, речь идёт, как правило, о соседних государствах, но могут быть и исключения из данного постулата, но о них в данной статье мы не упоминаем. Также следует отметить, что, говоря о международной интеграции всё же на практике наиболее частое применение находит именно международная экономическая интеграция, которая представляет собой процесс некоего сращения экономик соседних государств в единый хозяйственный комплекс. Однако здесь есть свои особенности, которые выявляют качественные различия от других форм экономического взаимодействия государств. Конечно, в рамках одной статьи трудно охарактеризовать весь спектр фоновых признаков ключевых явлений, поэтому приведем лишь ключевые предпосылки международной экономической интеграции, которые наиболее ярко позволяют её охарактеризовать:

1. Первый признак, как уже было сказано, географическая близость стран и наличие у них общих границ и как следствие возникающие экономические связи;

2. Во-вторых, степень экономического развития и уровень рыночной зрелости интегрирующихся стран должны быть равнозначны, ну или по меньшей мере близки, иначе говорить об экономической интеграции не приходится;

3. Третий фактор — это наличие общих проблем в сфере экономики и не только экономики, это могут быть самые разные кластеры общих вопросов;

4. И ещё один немаловажный показатель — так называемый «эффект домино», который упоминается в доктрине экономических учений. Ну и отметим, что же собой представляет «эффект домино». Не трудно догадаться, что здесь речь идёт о том, что если большая часть стран региона уже присоединилась к интеграционному образованию или союзу, то другая часть, чтобы сохранить экономическую выгоду тоже будет объективно стремиться войти в этот союз.

Как точно отмечает Хасая Н. М.: «К неотъемлемым свойствам интеграции относится расширение рынков сбыта, снижение стоимости товаров и оптимизация производства, унификация экономического пространства, отсутствие войны и повышение уровня жизни» [3].

Недостаточный уровень внутренней интеграции национальной экономики. Ни одно государство федеративного типа не может рассчитывать на эффективную экономическую интеграцию с другими странами при условии, что внутри страны еще не достигнут достаточный уровень экономической интеграции. В случае с Россией это выражается в чрезвычайно неравномерном развитии экономик регионов страны (а это большой разрыв в уровне жизни населения и развития производительных сил), а также в низком уровне межрегионального экономического сотрудничества. Подавляющее большинство мелких и средних предприятий работают лишь на внутренний рынок региона, без установления деловых контактов за его пределами [1].

Приставленный библиографический список

1. Таказова М. Т. Международная экономическая интеграция и проблемы ее развития в России // Современные проблемы науки и образования. - 2013.
2. Ушакова Н. Б. Международная экономическая интеграция: эволюция и границы понятия // Экономика и предпринимательство. - 2015.
3. Хасая Н. М. Теоретические аспекты современной экономической интеграции // Вопросы экономики и управления. - 2020. - № 3 (25). - С. 13-18.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-438-439

АНДРЮХИНА Ирина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Западного филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

КАРАМА Лариса Львовна

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Западного филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОДХОДОВ К ОРГАНИЗАЦИИ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы совершенствования кадрового обеспечения органов государственной власти и местного самоуправления, для решения которых авторы предлагают тиражировать опыт российских предприятий реального сектора экономики, успешно использующих методы деловых игр и ситуативных задач при отборе персонала для замещения вакантных должностей. Авторы обосновывают необходимость введения в практику работы кадровых служб ассесмент-центра и приводят алгоритм его работы.

Ключевые слова: кадровая политика, государственное и муниципальное управление, органы государственной власти, органы местного самоуправления, ассесмент-центры.

ANDRYUKHINA Irina Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of State and municipal administration sub-faculty of the Western branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation

KARAMA Larisa Lvovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of State and municipal administration sub-faculty of the Western Branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation

IMPROVING APPROACHES TO THE ORGANIZATION OF STAFFING OF PUBLIC AUTHORITIES AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

The article discusses the problems of improving the staffing of public authorities and local self-government, for which the authors propose to replicate the experience of Russian enterprises in the real sector of the economy, successfully using the methods of business games and situational tasks in the selection of personnel to fill vacant positions. The authors substantiate the need to introduce the personnel services of the assessment center into practice and provide an algorithm for its operation.

Keywords: personnel policy, state and municipal administration, public authorities, local self-government bodies, assessment centers.

Решение задачи повышения качества и уровня жизни населения на всей территории Российской Федерации, требует, в первую очередь, выдвижения особых требований к личности государственного гражданского и муниципального служащего, выполняющего задачи по обеспечению полномочий органов власти и лиц, замещающих государственные (муниципальные) должности.

Безусловно, реализация Указов Президента РФ требует дальнейшего совершенствования системы оценки эффективности деятельности по выполнению задач развития Российской Федерации, в том числе, кадровой политики.¹

На первый план для достижения выше названных задач выступает необходимость выявления новых подходов в реализации кадровой политики, которая имеет существенные отличия от кадровой политики, реализуемой в организациях и на предприятиях [1].

¹ Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»/ Справочно-консультационная система «Консультант-Плюс».

Андрюхина И. Ю.

Карам Л. Л.

Наличие ограничений и запретов требует от лиц, работающих в органах государственной власти и местного самоуправления, собранности, дисциплинированности, огромной ответственности в отношении органа власти и общества.

Ненормированный рабочий день, законодательно закрепленный от старшей группы должностей и выше, сужает возможности личного пространства для граждан, решивших связать свою судьбу со службой государству.

Таким образом, на первый план выступает проблема подбора качественного состава гражданских и муниципальных служащих, несмотря на преимущественный способ набора кадров на конкурсной основе.

Жесткий правовой статус является ограничителем желаний многих граждан посвятить свою жизнь служению государству и обществу, в связи с чем повышается актуальность совершенствования подходов в сфере кадрового обеспечения гражданской и муниципальной службы.

Особое внимание крупных российских организаций сегодня уделено методам набора, отбора и оценки персонала, а широкое распространение в реальном секторе экономики приобрели так называемые ассесмент-центры, или центры

оценки, основанные на использовании методик, направленных на оценку реальных качеств сотрудников, их психологических и профессиональных особенностей, а также выявление их потенциальных возможностей [2].

В настоящее время, в соответствии как с федеральным, так и законами субъектов РФ основным способом набора специалистов является конкурс.²

Кадровое обеспечение – это прежде всего люди.

От наличия у них потенциала управленческой деятельности, компетентности, устойчивости психофизиологического поведения и способности к коммуникациям зависит эффективность государственного и муниципального управления в стране, а следовательно достижение цели обеспечения высокого уровня жизни на территории всех субъектов Российской Федерации.

На основании изложенного авторам статьи представляется целесообразным адаптировать идею внедрения ассесмент-центров в систему государственной и муниципальной службы.

В работе С. В. Байтерякова, А. В. Барышникова, В. К. Копыток сформированы основные направления изменений системы государственного управления в России [3].

Особое внимание авторы уделяют вопросам профессионального развития служащих, в том числе в сфере цифровизации.

Предлагается шире использовать информационные компьютерные технологии при прохождении служащими курсов повышения квалификации и переподготовки, с учетом особенностей специфики их профессиональной деятельности.

Безусловно, общепринятая конкурсная форма с традиционным тестированием и собеседованием с кандидатами на замещение вакансий уже давно устарела.

К мнению авторов, высказанному выше, можно добавить, что методы проведения конкурса, используемые в настоящее время, не предполагают выявления навыков работы участника в информационном пространстве, что очень важно с учетом задач создания цифрового государства.

Имеющиеся тестовые вопросы в области информационных компьютерных технологий направлены в основном на выявление умений участников, работать в текстовых редакторах и с учетом наличия ответов на тестовые вопросы, легко заучиваются участниками.

Реальных умений и навыков тестирование не выявляет, отчасти выявляет у кандидатов только рамочные знания законодательства РФ сфере знания основ Конституции РФ, государственной службы, противодействия коррупции, русского языка и основ информационных компьютерных технологий.

При внедрении в практику работы кадровых служб органов государственной власти и местного самоуправления технологий ассесмент-центров, а именно групповых заданий, ролевых игр, аналитических презентаций, конкурс на замещение вакантных должностей, сводимый главным образом, к тестированию и собеседованию, приобретет новый облик и результат.

Проведение отбора, набора и оценки персонала на основе технологий Ассесмент-центра с его богатейшей базой методических приемов и способов проведения данной работы

позволит получить высокие результаты в сфере формирования эффективного кадрового обеспечения.

Примерный алгоритм работы Ассесмент-центра как профильного отдела министерства, агентства, службы или местной администрации может выглядеть следующим образом:

Составление программы оценки участников конкурса и кадрового состава органа исполнительной власти или местной администрации.

Выбор конкретной технологии оценки (аналитическая презентация, групповое интервью и т. д.).

Разработка методики программы оценки участников конкурса и кадрового состава органа исполнительной власти или местной администрации.

Проработка подробной инструкции для участников.

При проведении оценки кадрового состава целесообразно применять методику 360 градусов, предполагающую оценку каждого участника членами его коллектива.

Для успешности проведения данного этапа работы необходимо заранее подготовить анкету с вопросами, позволяющими подготовить объективную характеристику как личностных, так и деловых качеств каждого члена коллектива.

Подготовка отчетности.

Форму отчетности целесообразно создавать в соответствии с поставленными целями проводимого обследования (оценки).

Расширение применяемых методов оценки персонала Ассесмент-центрами позволит обеспечить подбор эффективного кадрового состава, приведет к развитию и переходу работы с кадровым потенциалом на новый уровень.

Безусловно кадровый состав пополнится не только людьми, знающими нормативные правовые акты, но и умеющие их применять, организовывать дискуссии, успешно коммуницировать с населением и коллегами, и, что важно – принимать решения.

Все эти качества, в том числе, лидерские, можно выявить при использовании новых подходов, о которых было рассказано выше.

Таким образом, введение Ассесмент-центров позволит обеспечить подбор специалистов, обладающих необходимыми компетенциями, научным и творческим потенциалом, умениями ориентироваться в цифровой среде.

Проведение групповых дискуссий позволит раскрыть как умственный потенциал служащих, так и их умение работать в команде, а также выявить наличие лидерских качеств.

Личностные презентации позволят раскрыть мировоззрение служащих, выявить наличие идей о совершенствовании исполняемых полномочий.

Результаты психологического тестирования позволят выявить наличие профессионального выгорания и возможных деформаций служащих.

Пристатейный библиографический список

1. Москвитина Н. В. Кадровая политика и кадровый аудит. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.isu.ru.
2. Википедия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Ассесмент-центр – Википедия (wikipedia.org).
3. Байтеряков С. В., Барышникова А. В., Копыток В. К. Экспертная записка. Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cpur.ru/research_pdf/R_civil_servants_reforms_2021.pdf.

2 Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» // Справочно-консультационная система «Консультант-Плюс».

КАШИРГОВ Астемир Хасанбиевич

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для нашей страны на данном этапе очень важным является реформирование государственной системы управления как залога эффективной государственной политики и очень важно здесь суметь наладить работу Правительства.

Правительство отвечает за соблюдение положений Конституции, международных договоров, федеральных законов, указов Президента. Она отвечает за организацию их соблюдения и принимает меры в случае их нарушения, руководит и деятельностью министерств и министров, контролирует их.

Для реализации своих полномочий Правительство может создавать различные территориальные органы и представительства и назначать их руководителей.

Изучив структуру федеральных органов власти, мы можем сказать, что законодательство относительно определения полномочий и структурного построения органов федеральной власти имеет много пробелов и лишь устранение данных недостатков позволит эффективно осуществлять федеральное руководство органами исполнительной власти.

Ключевые слова: правительство, исполнительная власть, федеральные органы, конституция, федеральное собрание, правительство РФ.

KASHIRGOV Astemir Khasanovich

lecturer of Organization of law enforcement sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASES OF THE EXECUTIVE POWER SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

For our country at this stage, it is very important to reform the state management system as a guarantee of effective public policy and it is very important to be able to adjust the work of the Government here. The Government is responsible for compliance with the provisions of the Constitution, international treaties, federal laws, presidential decrees. He is responsible for organizing their compliance and takes measures in case of violation. It directs and controls the activities of ministries and ministers. To exercise its powers, the Government may create various territorial bodies and representative offices and appoint their heads. Having studied the structure of federal authorities, we can say that the legislation on the definition of powers and the structural structure of federal authorities has many gaps and only the elimination of these shortcomings will allow effective federal management of executive authorities.

Keywords: government, executive power, federal bodies, constitution, federal assembly, government of the Russian Federation.

Каширгов А. Х.

Понятие исполнительная власть в советской России почти не применялась. Априори, все институты власти подчинялись Коммунистической власти, и о разделении властей не могло идти речи. Распад СССР и образование Российской Федерации, объявленной по Конституции правовым демократическим государством, потребовал создания абсолютно новых институтов власти как федерального, так и местного уровня. С этого времени начинается постепенное построение исполнительной власти в субъектах РФ.

Вопросами создания местных институтов власти были озабочены не только органы власти, но и ученые-правоведы, которые начиная с 90-х гг. XX века проводят многочисленные исследования по данной теме. Хотя подобных научных трудов было издано большое количество, в вопросе что собой представляет исполнительная власть, единого мнения среди ученых выработано не было. Каждый исследователь давал свою характеристику исполнительной власти.

Бельский К. С. определял исполнительную власть как систему органов государственной власти, осуществляющую руководство обществом на основе изданных нормативных правовых актов с применением административных мер наказания.

Ю. А. Тихомирова считает исполнительную власть многочисленным явлением, служащим разновидностью государственной власти, специфическими органами, имеющей политическую нейтральность и нуждающуюся в правильном соотношении с остальной государственной властью.

Ю. М. Козлов отождествляет ее с государственной властью и государственным управлением. Он считает ее отдельным звеном государственной власти, которая призвана притворять в жизнь нормативные правовые акты, созданные государственной властью. Исполнительную власть Ю. М. Корнев представляет как институт, обладающий полномочиями воздействовать на общество, тогда как государственная власть влияет на право. В итоге, исполнительная власть управляет в рамках государственной власти.

В соответствии с Конституцией РФ, государственная власть в России осуществляется путем существования трех независимых ветвей власти:

- законодательной;
- исполнительной;
- судебной.

В соответствии с данным положением Конституции, все органы государственной власти должны быть разделены на три части, в зависимости от регулируемой им области. Каждая структура должна в обязательном порядке обладать независимостью и влиять только на одну сферу деятельности общества. Без должного соблюдения данных принципов трехвластного разделения, функционирование государственной власти станет неполноценным [1].

На основе данной установки мы можем выразить парадигму исполнительной власти, в соответствии с которой, она олицетворяет собой отдельные субъекты государственной власти,

управляющие исполнительно-распорядительными сторонами общества.

Другие ветви власти не могут вмешиваться в работу исполнительной власти, так как они нарушают конституционный принцип независимости трехзвенной системы властей.

Исполнительная власть также не уполномочена вмешиваться в работу судебной и законодательной ветвей власти. Исполнительная власть имеет свои задачи и функции, в соответствии с которыми и устанавливается ее компетенция.

Во главе законодательной власти в Российской Федерации стоит Федеральное Собрание. Во главе исполнительной ветви власти стоит Правительство РФ. Судебную ветвь власти возглавляют Верховный и Конституционный Суды РФ.

Компетенции ветвей власти и органов государственной власти разграничены Конституцией РФ. Она устанавливает, что ветви власти независимы друг от друга, но самостоятельны лишь в соответствии со своими функциями. Разграничение ветвей власти осуществляется конституционными нормами, разграничение полномочий государственных органов происходит в соответствии с федеральными законами.

Особенность исполнительной власти состоит в том, что у нее есть различные профильные органы с единой целью – осуществление полномочий государственной власти. У всех органов исполнительной власти помимо единой цели есть своя компетенция, штат, структура.

В соответствии с Конституцией, исполнительной властью является Правительство РФ, но исполнительная власть не ограничивается только Правительством РФ. Есть и другие органы исполнительной власти в РФ.

Для уточнения данного не совсем корректного положения Конституции, в ФЗ «О Правительстве РФ» указывается, что Правительство РФ лишь возглавляет исполнительную власть, а не исчерпывает собой всю исполнительную власть страны.

Многочисленные структурные элементы органов исполнительной власти подчиняются единому коллегиальному органу – Правительству РФ. Их подробности функционирования регулируются нормативными правовыми актами Президента.

1.2. Система органов исполнительной власти РФ

Изучение полномочий и особенностей функционирования исполнительной власти в России связано с некоторыми проблемами. В частности, споры вызывает определение ветвей власти, ее функционирование место в государственной системе.

Прежде всего, необходимо определить систему органов исполнительной власти для выявления ее полномочий [2]. Слово «система» означает соединение более мелких взаимосвязанных элементов в единую организацию, структуру. Каждый элемент системы имеет свои особенности и взаимосвязан с другими элементами.

Система органов исполнительной власти России по вертикали является двухступенчатой:

- 1) федеральные органы исполнительной власти;
- 2) исполнительная власть субъектов.

Федеральные органы исполнительной власти имеют свои представительства в субъектах РФ, которые работают вместе с исполнительной властью субъектов РФ в соответствии со своими полномочиями.

Во главе федеральных органов исполнительной власти стоит Правительство РФ. Правительство РФ включает элементы:

- 1) исполнительная власть субъектов;
- 2) федеральные органы;
- 3) федеральные службы;
- 4) территориально-федеральные органы;
- 5) федеральные агентства.

Полномочия всех органов исполнительной власти определены Конституцией РФ, конституциями республик, федеральными законами и т.д.

Построение органов исполнительной власти производится в соответствии с основополагающими требованиями. Главным требованием к формированию органов исполнительной власти является соблюдение определенной системы построения включающей:

- 1) они должны соответствовать основным признакам социальной системы управления в стране;
- 2) все элементы системы должны взаимодействовать друг с другом и внешними органами;
- 3) она должна соблюдать принцип гласности и открытости для общества;
- 4) у нее должна быть своя стратегия;
- 5) у нее должна быть установленная миссия.

Управление органами исполнительной власти РФ должно осуществляться в соответствии с программно-целевыми установками. В частности:

- 1) у каждого элемента должно быть программно-целевое управление;
- 2) необходимо применение индикативного планирования;
- 3) каждый элемент должен иметь программный базовый документ;
- 4) вся работа должна проходить в плановом, стратегическом порядке;
- 5) необходимо участие каждого органа в различных целевых программах на разном уровне.

Следующим, обязательным признаком построения системы органов исполнительной власти является соблюдение принципа инновационности, включающего:

- 1) каждый орган структуры должен предлагать инновационные подходы;
- 2) необходимо поощрение инноваций из любых источников;
- 3) инновации должны появляться как по прямой инициативе, так и по косвенной;
- 4) работа любого органа исполнительной власти должна быть направлена на непрерывный поиск инноваций;
- 5) деятельность должна осуществляться с учетом всех внешних и внутренних изменений.

В предметы ведения органов исполнительной власти РФ входит:

- 1) предмет ведения федеральных органов;
- 2) предмет ведения субъектных органов;
- 3) совместное ведение федеральных и субъектных органов.

Федеральные органы исполнительной власти имеют исключительное право принимать различные нормативные правовые акты, которые впоследствии выполняются как федеральными органами исполнительной власти, так и органами исполнительной власти субъектов страны. В то же время, субъекты исполнительной власти имеют компетенцию издавать свои акты и самим же их исполнять.

В соответствии с полномочиями органов исполнительной власти есть схема сфер их совместного ведения, которая включает:

- 1) в управлении участвуют не соподчиненные органы федеральной власти и субъектов федерации;
- 2) субъект исполнительной власти осуществляет деятельность в соответствии с полномочиями, данными федеральными органами;
- 3) полномочия по защите прав и свобод граждан, охране собственности и т.д.

При построении системы органов исполнительной власти очень важно следовать основным принципам соблюдения законности. Это означает, что вся работа должна осуществляться на основании Конституции РФ [3], разделения властей, народолюбия, недопустимости ущемления прав граждан и т.д.

Должны строго соблюдаться принципы соподчиненности, подведомственности и подконтрольности в соответствии с исполнительно-распорядительной деятельностью.

Все органы исполнительной власти должны следовать правилам федерального и субъектного законодательства. Их работа должна осуществляться на основании единых правил делопроизводства и отчетности страны.

Органы исполнительной власти организованы в соответствии с Указами Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» и «О структуре федеральных органов исполнительной власти».

Она строится на основе четкого разграничения управленческих функций органов исполнительной власти.

Пристатейный библиографический список:

1. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета от 11 марта 2004 г. № 48, от 12 марта 2004 г. № 50.
3. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 января 2020 г. – № 4. – Ст. 346.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-442-443

ИГНАТЬЕВА Оксана Николаевна

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

СИЗОНЕНКО Зарина Лероновна

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

КРАЙНОВА Елена Николаевна

старший преподаватель кафедры государственного управления Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

МЕСТНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

По мнению авторов статьи, посредством поддержки местных инициатив муниципальные власти получают дополнительные ресурсы для решения социально-экономических проблем. От развития института местных инициатив в определенной мере зависит уровень развития муниципального образования, а также социальная удовлетворенность населения решениями по важнейшим вопросам местного значения. Инициатива, как правило, возникает в наиболее проблемной сфере общественной жизни и требует быстрого реагирования. Местные инициативы основаны на нестандартных подходах, дополняют существующий механизм регулирования развития и предполагают использование нереализованных региональных ресурсов при минимальном финансовом обеспечении.

Ключевые слова: местная инициатива, гражданское общество, уровень бедности, эффективность, социальная поддержка, социальные выплаты.

IGNATJEVA Oksana Nikolaevna

Ph.D. in sociological science, associate professor of State management sub-faculty of the Institute of History and State Management of the Bashkir State University

SIKONENKO Zarina Leronovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of State management sub-faculty of the Institute of History and State Management of the Bashkir State University

KRAYNOVA Elena Nikolaevna

senior lecturer of State management sub-faculty of the Institute of History and State Management of the Bashkir State University

LOCAL INITIATIVES AS A RESOURCE FOR THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

The authors of the article consider that through the support of local initiatives, municipal authorities receive additional resources to solve social and economic problems. The development of the institute of local initiatives to a certain extent depends on the level of development of the municipality, as well as the social satisfaction of the population with decisions on the most important issues of local importance. The initiative, as a rule, arises in the most problematic area of public life and requires a quick response. Local initiatives are based on non-standard approaches, complement the existing development regulation mechanism and involve the use of unrealized regional resources with minimal financial support.

Keywords: local initiatives, civil society, municipal government, local self-government.

В современном российском обществе актуализировалась практика социального заказа на различные свободные от администрирования формы участия населения в решении социально значимых проблем территории, расширяются возможности содействия местного сообщества в форме диалогового взаимодействия с властными институтами. Данная особенность обусловлена стремлением населения реализовывать социальный контроль «снизу». Одной из форм участия граждан в решении важнейших проблем муниципального образования являются местные инициативы, которые можно определить как процесс объединения жителей внутри городов и сел для совместного выявления проблем, планирования действий по их решению и непосредственного участия в преодолении трудностей, создании более лучших условий своей жизни.

Федеральный закон РФ от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] определяет две формы реализации местных инициатив: инициативные проекты и правотворческая инициатива граждан. Под правотворческой инициативой понимается право населения муниципального образования участвовать в разработке и обсуждении местных нормативных актов. Правотворческую инициативу также определяют как

вхождение в компетентный орган с предложением принять нормативный правовой акт, а зачастую и непосредственное внесение проекта такого акта [2]. Инициативные проекты затрагивают интересы местного сообщества и направлены на решение проблем конкретной территории. Они, как правило, основаны на нестандартных подходах, дополняют действующий механизм регулирования развития и предполагают использование нереализованных региональных ресурсов при минимальном финансовом обеспечении. Зачастую инициативные проекты содержат не только экономические, но и гуманитарные, социальные, институциональные элементы. Эти качества позволяют рассматривать местные инициативы как инновационный метод управления, с одной стороны, и как инструмент обеспечения устойчивого развития территории – с другой, но в целом – как ресурс для активизации гражданского общества.

В современных инициативных проектах развития местных территорий население выступает в новой социальной роли соучаствующих специалистов, должностным лицам и профессионалам в выборе, разработке и реализации проектов поддержки местных инициатив по решению вопросов местного значения. Успешную активизацию населения обозна-

чают понятием «соучаствующее проектирование», под которым понимается процесс проектирования и планирования с привлечением населения, представителей административных структур, бизнес-сообществ, инвесторов и заинтересованных в проекте лиц для выявления реально существующих проблем и потребностей. Благодаря соучаствующему проектированию осуществляется вовлечение населения в обсуждение и принятие решений о дальнейшем будущем муниципального образования. Соучаствующее проектирование является одним из механизмов вовлечения населения в решение вопросов местного значения в местных инициативах. Инициативный проект должен содержать следующие сведения:

- описание проблемы, на решение которой направлен проект;
- обоснование предложений по решению указанной проблемы;
- описание ожидаемого результата (ожидаемых результатов) реализации инициативного проекта;
- предварительный расчет необходимых расходов на реализацию инициативного проекта;
- планируемые сроки реализации инициативного проекта;
- сведения о планируемом (возможном) финансовом, имущественном и (или) трудовом участии заинтересованных лиц в реализации данного проекта;
- указание на объем средств местного бюджета в случае, если предполагается использование этих средств на реализацию инициативного проекта, за исключением планируемого объема инициативных платежей;
- указание на территорию, в границах которой будет реализовываться инициативный проект.

Большинство из указанных пунктов требует расчетов, но наибольшего внимания для разработки инициативного проекта заслуживают описание проблемы, обоснование предложений и описание ожидаемого результата. Недоработка этих параметров может привести к неверному толкованию при обсуждении с жителями и рассмотрении администрацией, неправильной с точки зрения разработчиков проекта расстановке приоритетов, а в конечном счете – появлению невосстановленных объектов и неэффективному расходованию ресурсов.

Одной из форм инициативных проектов является инициативное бюджетирование как совокупность практик вовлечения населения в бюджетный процесс, объединенных общей идеологией гражданского участия, а также сферу государственного регулирования участия населения в определении и выборе проектов, финансируемых за счет расходов бюджета, и последующем контроле за реализацией отобранных объектов [3]. Наиболее известной практикой инициативного бюджетирования в России является Программа поддержки местных инициатив (ППМИ). ППМИ реализуется в России с 2007 г. и признана одной из лучших социальных программ Всемирного банка. В рамках программы реализовано около 4000 проектов в восьми регионах РФ: Ставропольском крае, Кировской, Тверской, Нижегородской областях, Республике Башкортостан, Хабаровском крае, Республике Северная Осетия, Алания, Еврейской автономной области. Отличительными чертами данной практики являются: участие граждан в выборе приоритетных проектов, в реализации и контроле за проектами, софинансирование.

Развитие местных инициатив напрямую связано с ростом социальной и экономической активности жителей, расширением возможностей для их самореализации; формированием менталитета инициативного и предприимчивого гражданина. Это становится хорошей школой для укрепления института самоуправления в стране и формирования других структур гражданского общества. Местные инициативы также позволяют уменьшить уровень бюрократии в органах власти, поскольку повышение уровня и качества жизни, решение вопросов жизнеобеспечения начинает осуществляться не только силами государства, но и самими гражданами. Кроме того, выявление активных членов локального сообщества, формирование негосударственных структур в регионах формируют основу для

усиления общественного контроля за деятельностью органов управления и самоуправления.

Местные инициативы нацелены на различные направления местного самоуправления, среди которых выделяются формирование туристических маршрутов на базе имеющегося на территории природно-рекреационного потенциала, формирование условий для роста малого и среднего бизнеса, привлечение инвестиций. Яркие тому примеры – проекты, направленные на сохранение самобытного фольклора, развитие народных праздников, промыслов и ремесел, кулинарных рецептов, которые могут продемонстрировать и задействовать локальный ресурсный потенциал. Также местные инициативы затрагивают вопросы здравоохранения и экологии. К числу характеристик местных инициатив следует отнести:

- ситуативный характер инициатив, который свидетельствует о том, что они являются ответом на противоречия социальной среды;
- динамичность инициатив, обусловленную внешними условиями. Так, эволюционные постепенные социальные изменения могут приниматься местным сообществом в режиме стратегии невмешательства, однако при этом определенная единичная реформа может спровоцировать волну масштабных инициатив.

Таким образом, понятие местной инициативы является неотъемлемой частью местного самоуправления и предполагает продвижение идей активными гражданскими сообществами и должно находить поддержку. Местная инициатива, как правило, возникает в наиболее проблемной зоне общественной жизни и требует оперативного реагирования [4], при этом не всегда носит целенаправленный и последовательный характер, но отличаются степенью формализованности. Как показывает практика, в российском обществе механизм взаимодействия власти и общества посредством местных инициатив еще пока не отработан. Поэтому и теории, и практики утверждают, что основной причиной отсутствия заинтересованности граждан, а особенно молодежи, в создании инициативных проектов является отсутствие практик закрепления и реализации этих проектов, а также недостаточно четко определенные организационные условия участия [5]. В идеале взаимосвязь и взаимодействие между участниками процесса самоуправления должны быть непосредственными и регулируемые законодательно.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 05.05.2022).
2. Бычкова Е. И. Проблемные вопросы повышения активности участия граждан в реализации правотворческой инициативы. – Текст: электронный // Конституционное и муниципальное право. - 2016. - № 5. - С. 42-44. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25995078> (дата обращения: 05.09.2022).
3. Гузь Н. А. Партисипаторное бюджетирование: зарубежный опыт и российская практика. - Пенза: Наука и просвещение, 2017. - 198 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29765204&pf1=1> (дата обращения: 25.08.2022).
4. Сухоруков Д. В. Структурно-функциональная специфика городской среды как фактор социокультурного развития / Текст: электронный // ALMA MATER (Вестник Высшей школы). - 2018. - № 6. - С. 116-120. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35167890> (дата обращения: 25.08.2022).
5. Шурыгина Е. С. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации / Под редакцией Е. С. Шурыгиной. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2019. - 240 с. - ISBN 978-5-98597-310-5.

НИГМАТУЛЛИНА Ирина Владимировна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и права Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

РАССОЛОВА Ирина Юрьевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и права Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

МУДАРИСОВ Рамиль Зуфарович

доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории и права Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

БУРГАНОВА Арина Ахияровна

студент 4 курса Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье предпринята попытка осмысления происходящих в сфере высшего образования России кардинальных изменений. Это связано со многими моментами: с выходом России из Болонской системы, с Четвертой промышленной революцией, процессом глобализации в современном мире, с ухудшающейся международной обстановкой и внутренними социально-экономическими проблемами. Сделан вывод о необходимости развития классических государственных университетов, региональных учебных комплексов, кампусов, дистанционного обучения. Главное, предоставить человеку много возможностей для саморазвития и самообразования на протяжении всей жизни.

Ключевые слова: компетенция, квалификация, профессионализм, Болонская система, гуманизм, непрерывное образование, компьютеризация образования.

NIGMATULLINA Irina Vladimirovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy, history and law sub-faculty of the Ufa branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

RASSOLOVA Irina Yurjevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy, history and law sub-faculty of the Ufa branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

MUDARISOV Ramil Zufarovich

Ph.D. in historical sciences, professor of Philosophy, history and law sub-faculty of the Ufa branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

BURGANOVA Arina Akhiyarovna

student of the 4th course of the Ufa branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

THE MAIN TRENDS IN THE FIELD OF EDUCATION IN MODERN RUSSIA

The article attempts to comprehend the cardinal changes taking place in the sphere of higher education in Russia. This is due to many factors: Russia's withdrawal from the Bologna system, the Fourth Industrial Revolution, the process of globalization in the modern world, the deteriorating international situation and internal socio-economic problems. The conclusion is made about the need for the development of classical state universities, regional educational complexes, campuses, distance learning. The main thing is to provide a person with many opportunities for self-development and self-education throughout life.

Keywords: competence, qualification, professionalism, Bologna system, humanism, continuing education, computerization of education.

Актуальность темы о состоянии сферы образования в современной России не вызывает сомнений. В СССР в высшей школе давали фундаментальное академическое образование, наши технические специалисты высоко ценились за рубежом. В настоящее время российская система образования характеризуется глубокими противоречиями. В этой области необходима модернизация, совершенствование методов управления и механизмов финансирования образовательных процессов. Общие принципы современной образовательной политики России определены в Законах Российской Федерации «Об образовании», «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», раскрыты в Национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 года и Государственной Программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы».

Министр науки и высшего образования РФ Валерий Фальков заявил о выходе России из Болонской системы (стра-

на официально присоединилась к ней в 2007 году) и разработке собственной уникальной системы обучения, в основу которой будут поставлены интересы экономики и максимальные возможности для студентов [1]. России требуется новая модель образования, которая объединит позитивные наработки Болонской системы и собственные практики, особое предпочтение будет оказано специалитету, образование будет соответствовать запросам рынка, науки и экономики. Может уменьшиться приток студентов и ученых из дружественных к нам государств Африки, Азии, Латинской Америки, поскольку люди заинтересованы в признании российского диплома в других странах. Возникнут проблемы с обучением и трудоустройством наших студентов, оказавшихся за рубежом, пострадает академическая мобильность и студентов, и преподавателей. На нашей российской почве Болонская система не прижилась. Кроме того, начавшаяся Четвертая промышленная революция в ближайшее время

кардинально изменит весь наш мир (развитие компьютерных технологий, беспилотный транспорт, «умный дом»), что приведет к исчезновению многих профессий, людям придется постоянно учиться в разных областях. По данным РАНХ и ГС в результате роботизации и цифровизации к 2030 году рабочих мест лишатся более 20 миллионов россиян [2]. Если оставить все, как есть, расслоение людей по уровню образования станет огромным. Основные тенденции развития образования в мире сегодня включают гуманизацию – то есть поворот от его технократической цели к гуманистическим целям становления и развития личности; демократизацию – переход от жесткой централизованной системы организации обучения к созданию условий для наиболее полного раскрытия студентами своих способностей и возможностей; переход от концепции «образование на всю жизнь» к самообучению, самообразованию. Еще добавляется разработка образовательных стандартов, внедрение новых информационных технологий и опережающее развитие общего и профессионального образования личности по отношению к уровню развития производства, техники, технологии.

Осложняет обстановку процесс глобализации, многие воспринимают это явление как «вестернизацию» – распространение ценностей и норм евро-американской культуры. Наряду с внедрением новых информационных технологий в наш обиход вошли мобильные технологии (подключение смартфонов к информационным сетям, например), создание открытых контентов (институты выкладывают свои ресурсы в открытый доступ), электронные книги, дополненная реальность (переход к обучению, построенному на открытии, создаются новые информационные измерения нашего восприятия реальности), сенсорные интерфейсы (новые образовательные модели взаимодействия нескольких людей с компьютером), визуализация данных, когда визуальный анализ становится доступным для всех желающих как инструмент для отображения данных через специальные Интернет-серверы (Gar minder).

В России, с 2005 по 2015 годы значительно сократилось число высших учебных заведений, на 172 единицы. Количество студентов уменьшилось на 2,3 миллиона человек, хотя за последние 5 лет численность студентов увеличилась на 54 тысячи человек [4, с. 145]. Процесс сокращения образовательных учреждений проходил неравномерно и в основном они сосредоточились в крупных городах. Таким образом, доступность высшего образования в России стала снова актуальной. В 2021 году Россия заняла 45 место из 132 стран в мировом рейтинге инноваций (по данным Global Innovation Index). По развитию бизнеса мы оказались на 44 месте, «человеческого капитала» – на 29 месте, в рубрике «результаты креативной деятельности» – на 56 месте, а вклад России в мировой ВВП составил в 2021 году лишь 1,74 %. При этом у Германии этот показатель 3,8 %, у Японии – 5 %, у Китая – 14,9 %, у США – 21 % [2].

Для создания механизма устойчивого развития системы образования в России нужно: 1. Обеспечение государственных гарантий доступности качественного образования. 2. Повышение качества общего и профессионального образования. 3. Формирование эффективных экономических отношений в образовании. 4. Обеспечение системы образования высококвалифицированными кадрами, их поддержка государством и обществом. 5. Управление развитием образования на основе распределения ответственности между субъектами образовательной политики. К сожалению, до сих пор в нашей стране существует дисбаланс между состоянием и развитием бюджетного и платного образования на всех уровнях. Происходит коренное изменение структуры спроса на различные образовательные услуги. У нас не хватает хороших специалистов в вузах, особенно в области маркетинга и менеджмента. Часто перспективные, ценные сотрудники уходят в другие сферы деятельности.

Приоритетной моделью нашего высшего образования остаются классические государственные университеты, именно они включают фундаментальность и научность, системность и преемственность, верность сложившимся традициям и внимание к инновациям [4, с. 20-24]. Благодаря классиче-

ским университетам осуществляется связь с историей нашей страны, происходит возрождение этнической культуры, экономики, национального самосознания. Появляются также кампусы – территории высших учебных заведений с внутренней инфраструктурой: в Казани, Сибири, на Дальнем Востоке. Огромную роль играет инновационный центр «Сколково» – действующий в Москве современный научно-технологический инновационный комплекс по разработке и коммерциализации новых технологий, первый в РФ наукоград, так называемый центр инноваций. «Сколково» создано в 2010 году и предоставляет профессиональное бизнес-образование. Там преподают ведущие учителя России и мира. Активно функционируют школа управления и экономическая школа.

Кроме того, в России появились ИТ-буткемпы. Термин «буткемпы» возник в США и означал тренинги по интенсивной военной подготовке среди новобранцев. Первые ИТ-буткемпы появились в мире в 2010 году, в России – в 2019 году. Они ориентированы на решение практических задач, это и карьерные тренинги, спортивные соревнования, исторические игры и тимбилдинг (строительство команды). Виды тимбилдинга: командные игры и психологические тренинги, экстремальное управление на доверии (вождение автомобиля вслепую), отправка «офисных» работников «в поле» (продавать продукцию на ярмарке), «тимшоу» – выступления во время перерыва на научных конференциях.

Однако, в современной России возможность получить высшее образование напрямую связана с доходами родителей. Процедуры финансирования образования «не из бюджета» почти не развиты. Программы обучения по бакалаврским и магистерским направлениям слабо ориентируются на потребности рынка труда. Введение «компетентного подхода» не решило проблему. Формирование трудовых кадров, отвечающих современным требованиям возможно только на основе реализации концепции непрерывного образования. По мнению экспертов, если повысить продолжительность высшего образования в стране на 1 год, то это приведет к увеличению ВВП на 5-15 % [5, с. 171]. Дистанционное обучение повысит доступность образования в целом, нивелирует региональные различия в сфере образования, что позволит увеличить человеческий потенциал и может стать двигателем экономического роста.

Пристатейный библиографический список

1. Электронный журнал «Коммерсантъ» - Российское образование - 02.06.2022, интервью министра Валерия Фалькова «Будут и бакалавры, и магистры». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Komersant/ru/ljs/5381815/](https://www.komersant.ru/ljs/5381815/) (дата обращения: 27.09.2022).
2. Какие требования предъявляет к человеку Четвертая промышленная революция. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [kakie-trebovaniya-predyavlyet-k-cheloveku-szetvertaya-promyshlennaya-revoljuzsiya/](https://www.kakie-trebovaniya-predyavlyet-k-cheloveku-szetvertaya-promyshlennaya-revoljuzsiya/) (дата обращения: 27.09.2022).
3. Гурфова Р. В., Аликаева М. В., Налчаджи Т. А., Гадафова И. Ю., Казиева Б. В. Тенденции развития образования в условиях модернизации (на материалах СКФО) // *Фундаментальные исследования* – 2011. - № 12 - 1. - С. 20-24.
4. Современные тенденции социально-экономического развития регионов. - Государственный социально-гуманитарный университет; под ред. А. А. Угрюмовой. - Коломна, 2017. - 209 с.

ПАНОВА Ольга Сергеевна

кандидат педагогических наук, профессор кафедры физической подготовки, Волгоградской академии МВД России

ЗИННАТОВ Ролан Рифатович

старший преподаватель кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

СПОРТИВНОЕ ПРАВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В работе представлен анализ правовой регламентации спортивной отрасли Российской Федерации. Авторами обозначается необходимость совершенствования нормативно-правовой базы спортивного права, и ее кодификация. При этом раскрываются пробелы правовой регламентации в действующих законодательных актах. Даются рекомендации по их устранению с помощью изучения теоретической базы спортивных правоотношений, а также практической деятельности субъектов выделяемой области права. Анализируется законодательный перечень полномочий субъектов спортивной сферы для сравнения с настоящей их действительностью и оценкой соответствия общей компетенции.

Ключевые слова: спортивное право, физическая культура, спорт, отрасль права, спортивная наука, физическая подготовка, спортивная индустрия.

PANOVA Olga Sergeevna

Ph.D. in pedagogical sciences, professor of Physical training sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

ZINNATOV Roland Rifatovich

senior lecturer of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

SPORTS LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION: ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT

The paper presents an analysis of the legal regulation of the sports industry of the Russian Federation. The authors indicate the need to improve the regulatory framework of sports law, and its codification. At the same time, the gaps of legal regulation in the current legislative acts are revealed. Recommendations are given for their elimination by studying the theoretical basis of sports legal relations, as well as the practical activities of the subjects of the allocated area of law. The legislative list of powers of the subjects of the sports sphere is analyzed for comparison with their current activities and assessment of compliance with the general competence.

Keywords: sports law, physical culture, sport, branch of law, sports science, physical training, the sports industry.

В настоящее время развитие спортивного права в России является актуальной проблемой социальной структуры общества и государства в целом. Спортивная сфера как социальный элемент, влияет как на различные сферы жизнедеятельности населения, так и на общее функционирование государственных правоотношений. Однако изучив, научную литературу и нормативно-правовые акты спортивной направленности, автором был сделан вывод о том, что данный элемент так же входит в структуру политической, экономической и духовной сфер.

Это объясняется следующими показателями:

1. Политическая сфера.

Так как развитие вышеуказанного направления затрагивает интересы мировой арены, можно утверждать, что предметом международных отношений и политических процессов государства выступает спортивное право.

2. Экономическая сфера.

Финансовые правоотношения экономических процессов государства, увеличивают доход государственного бюджета посредством денежного оборота спортивной индустрии. Производство спортивных средств, а именно: инвентаря, тренажеров, специализированного оборудования, а также услуги, оказываемые в данной сфере, свидетельствуют о важности выделения отдельной отрасли права.

3. Социальная сфера.

Социальные общности, классы и группы, выступающие субъектами - участниками спортивной деятельности создают отдельный вид правоотношений, который специализируется на физическом воспитании и развитии, здорового образа жизни, профессиональной спортивной деятельности. В современном мире социум молодежной группы недостаточно компетентен в воспитании и развитии спортивной культуры, тем самым отмечается важность взаимодействия малых социальных групп с физической деятельностью для нравственного и патриотического воспитания личности [1]. Так же субъектами могут выступать организации и учреждения, оказывающие услуги в данном направлении.

Выделение отдельной отрасли права и ее нормативно-правовое закрепление в виде кодекса и федеральных законов объясняется правовым разделением двух дефиниций таких как «спорт» и «физическая культура». Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (далее закон о физической культуре и спорте) трактует понятие «спорт», как не входящий элемент в физическое воспитание и культуры при этом выделяя данную дефиницию с более профессиональной позиции. Таким образом, спорт

- как сочетание специальной спортивной подготовки и соревновательного периода, определяет необходимость создания в правовой сфере государственной системы отдельную категорию отрасли права.

На сегодняшний день появляется огромное количество новелл в регулирование соревновательных правил и требований, спортивных нормативов в различных видах спорта. Поэтому объединенные новые нормы необходимо правильно распределять к той или иной части правовой системы. Исходя из вышеизложенного, дефиниция «спортивное право» или «спортивное правоведение» может быть рассмотрена в следующих категориях:

- как отрасль законодательства;
- как отрасль правового регулирования (права);
- как учебная дисциплина;
- как наука, изучающая систему взглядов и убеждений, гипотез и научных доказательств в рамках спортивной сферы;

В российской науке существует огромное количество версий механизма определения и выделения отдельной категории обсуждаемой сферы. В общей системе права особенностью регулирования общественных спортивных отношений является факт того, что происходит одновременно несколько взаимосвязанных действий субъектов. Например, данные отношения могут включать как сам тренировочный процесс и подготовку спортсмена к соревновательному периоду и непосредственное участие в них, так и участие юридических лиц, которые проводят подготовку и организацию спортивного мероприятия, а также являются представителями определенных соревнований на различных территориальных уровнях.

Тем самым, отмечая важность регулирования норм спортивного правоведения, данную отрасль права, можно выделить на идентичном уровне наряду с гражданским, уголовным, административным, трудовым и др.

Проблема противоречивости и отсутствия комплексного перечня правовой регламентации свидетельствует о том, что рассмотрение рекомендаций и новелл в данном вопросе находится на подготовительном уровне. Это объясняется возможной реформацией российского законодательства при выделении нового направления права, а также количеством охватываемых правоотношений, требующие создание Спортивного кодекса и других документов, которые связывают спорт и физическую культуру.

Закон о физической культуре и спорта раскрывает основные спортивные понятия, организационные аспекты и полномочия отдельных субъектов, устанавливает основы спортивной деятельности на территории российского государства. К основным дефинициям законодательного акта относят: спортивная дисциплина, физическая подготовка, национальный спорт, массовый спорт, спортивные сооружения, правила спорта, спортивная федерация и т.д. Следовательно, введение закона с объемным содержанием основ спортивной направленности позволило:

1. Разъяснить субъектам споров в сфере спорта определенные аспекты, что позволило увеличить результатив-

ность разрешения конфликтных ситуаций в судебном порядке.

2. Выступать правовой основой для разработки целевой программы физической культуры и спорта на долгосрочный промежуток времени (2006 -2015 гг.).

3. Придать значимость спортивной профессиональной деятельности и гарантированность в выполнении определенных требований и правил в различных видах спорта, при этом подтверждая целесообразность введения утвержденных норм.

Таким образом, с помощью обобщенного анализа правового акта и разъяснением значимости выделяемой сферы правоотношений, авторы едины в утверждении нового направления в правовой системе государства с кодификацией всех вышеназванных норм.

Пристатейный библиографический список

1. Бабин А. В., Зиннатов Р. Р., Матвеев А. С., Нравственное и патриотическое воспитание молодежи в современном мире физической культуры и спорта // В сборнике: Проблемы и перспективы развития физической культуры и спорта в образовательных учреждениях. Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции. Ответственный редактор С. Т. Аслаев. - 2020. - С. 10-12.

СМИРНОВА Майя Ивановна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПЕРЕГРУЗКИ НА ИНФОРМАЦИОННУЮ КУЛЬТУРУ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВУЗОВ МВД РОССИИ

Статья посвящена проблем формирования информационной культуры курсантов и слушателей вузов МВД России в условиях информационной перегрузки. Проанализировано понятие информационной перегрузки, изучено его негативное воздействие на информационную культуру личности в условиях информационной войны, рассмотрены средства предотвращения угроз культурных и профессиональных деформаций, предложены способы противодействия ее пагубным последствиям.

Ключевые слова: информация, информационная война, информационная перегрузка, информационный ресурс, психологическое воздействие.

SMIRNOVA Maya Ivanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Humanitarian and social-economical disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

THE NEGATIVE IMPACT OF INFORMATION OVERLOAD ON THE INFORMATION CULTURE OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

The article is devoted to the problems of formation of information culture of cadets and students of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in conditions of information overload. The concept of information overload is analyzed, its negative impact on the information culture of a personality in conditions of information war is studied, the means of preventing threats to cultural and professional deformations are considered, and ways to counteract its harmful consequences are proposed.

Keywords: information, information war, information overload, information resource, psychological impact.

Развитие современного общества находится под решающим влиянием социально и стратегически значимого ресурса, определяющего и регулирующего функционирование всего социально-экономического механизма государства – информации. Управляя личностным и профессиональным ростом всех членов общества, информация является источником знаний и сведений, необходимых для принятия решений, осуществления профессиональной деятельности.

В современных условиях информация превратилась в эффективное оружие нового типа. Борьба за превосходство переместилась в информационную сферу общества. Индивидуальное, групповое и массовое сознание людей превратилось в объект агрессивного информационного воздействия. Используя информационные ресурсы с целью дестабилизации социально-политической ситуации и обстановки в обществе, противоборствующие силы наносят удар по моральным устоям общества, пытаются трансформировать ценностные ориентиры ее членов. Личность может быть в безопасности, если она может критически проанализировать и оценить полученную информацию, принять адекватное объективное решение, обладая определенным набором ценностей, взглядов, знаний и навыков, то есть имеет достаточный уровень информационной культуры.

Информационной культуре курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России уделяется особое внимание, поскольку высокая информационная культура правоохранителей в современных условиях является важным условием и залогом их безопасности. По определению Л. А. Прониной ядро информационной

культуры включает информационные ценности, информационные нормы, информационные знания, информационные значения. Умения и навыки информационной деятельности образуют защитный пояс [1]. Информационная культура является динамичной системой и может подвергаться изменениям и трансформациям, вызванным как позитивными, так и негативными процессами, происходящими в современном информационном обществе.

Беспрецедентные темпы увеличения объемов разнотипной информации, поступающей в информационную среду из различных источников в разнообразных формах и видах, является особой чертой современного общества. Невиданный масштаб распространяемой информации вызван, с одной стороны, глобальными процессами генерирования новых сведений и данных в разных областях науки и техники, а с другой, значительным увеличением числа людей, взаимодействующих с данными (до 75 % к 2025 году). Это, в свою очередь, ведет к увеличению базы пользователей, способствует приросту и размножению информации.

Содержание информации при передаче и перемещении не всегда может подвергаться изменению, а будучи представленным в разнообразных формах, создавать видимость новизны информационного продукта, что влечет необоснованное увеличение информационного массива.

Особую роль в процессе управления информационными потоками играют информационные технологии, устройства, гаджеты, которые как способствуют повышению эффективности процесса обработки, передачи огромных пластов данных разных типов, а с другой – создают условия для увеличения знаний со скоростью, про-

порциональной их значению, то есть экспоненциальному росту. Известный английский исследователь науки Д. Прайс относит организацию передачи информации к основным факторам, определяющим закон экспоненциального роста объема знаний [2]. Однако, всякий процесс, который следует этому закону, приобретает характер взрыва, по утверждению П. Капицы [3]. Информационный взрыв (лавинообразное нарастание массы разнообразной информации) является реалией современного общества и порождает явление информационной перегрузки, которое рассматривается как серьезная проблема для современного потребителя информации.

Человеческий мозг предназначен для обработки и хранения информации особым образом, и этот процесс невозможно изменить или ускорить в условиях постоянного и стремительного информационного потока. Очевидно, что существует физиологическое ограничение способности и возможности человека к усвоению информации. Когда способность человека обрабатывать информацию превышает свой предел, тогда дальнейшие попытки обрабатывать информацию или принимать точные решения на основе избытка информации приводят к информационной перегрузке.

Информационная перегрузка встречается и в таких альтернативных названиях, как «инфоксикация», «инфоожирение» и смог данных. Все эти названия имеют одно общее значение. Переизбыток информации препятствует ее полноценному осмыслению и усвоению. Информационная перегрузка возникает, когда лица, принимающие решения, сталкиваются с уровнем информации, превышающим их возможности ее обработки, то есть с чрезмерно высокой информационной нагрузкой.

Профессор информационных наук Лондонского городского университета Д. Боуден первым с соавтором Л. Робинсон дал определение информационной перегрузки как состояния цивилизации, при котором объем потенциально полезной и актуальной информации, превышает возможность ее обработки средним человеком (т. е. когнитивные способности) и становится препятствием, а не подспорьем [4].

Популяризировал это понятие в 1970 году американский писатель и футурист Э. Тоффлер в своей книге «Шок будущего»: «После того, как емкость превышена, дополнительная информация становится шумом и приводит к снижению обработки информации и качества принятия решений... Слишком много информации равносильно ее нехватке» [5].

Среди наиболее частых причин возникновения современной информационной перегрузки называют следующие:

- Постоянно создаваемы огромные массивы новой информации;
- Принуждение к созданию и конкурированию в предоставлении информации, что приводит к эффекту превосходства количества по сравнению с качеством во многих отраслях;
- Простота создания, копирования и обмена информацией в Интернете;
- Экспоненциальное увеличение количества каналов для получения информации по радио, телевидению, че-

рез печатные СМИ, веб-сайты, электронную почту, мобильную связь, и т. д.;

- Возрастающий удел доступных нам исторических данных;
- Большой объем противоречивой и просто старой неточной информации;
- Отсутствие простых методик для быстрой обработки, сравнения и оценки источников информации [6].

При информационной перегрузке возникает ситуация, когда рост массива информации, поступающей к человеку, обратно пропорционально эффективности ее обработки, качественного анализа и усвоения. Это не может не иметь серьезные последствия физического, психического, социального, политического, экономического, культурного характера.

С одной стороны, это физическая и физиологическая неспособность справиться с лавинообразным информационным потоком, с другой стороны, это психологическое состояние, получившее название «синдром информационной усталости». Его симптомы заключаются в плохой концентрации из-за перегрузки кратковременной памяти, стремлении постоянно спешить, чтобы быть в ногу со временем, хроническом состоянии раздражительности, постоянном желании «подключения» (потребности проверять электронную почту, голосовую почту и Интернет, чтобы оставаться «на связи», традиционном стрессе, включающем депрессию и «сгорание» [5].

Информационная перегрузка вызывает серьезные нарушения когнитивных процессов и интеллектуальных возможностей человека. Информационная перегрузка ведет к когнитивной перегрузке и, так называемому, «мозговому туману», который характеризуется хаотичностью мыслей, сложностей с концентрацией внимания, неспособность ясно мыслить, принимать осознанные решения, нарушена способность сохранить мотивацию и продуктивность в принятии решений.

Информационная перегрузка наносит серьезный урон информационной культуре потребителя информации. Особо уязвимой в этих условиях становится способность к критическому мышлению. Избыток шаблонных информационных сигналов, настойчивое навязывание мнений и суждений, отсутствие возможности оценить достоверность контента, или подвергнуть его сомнению значительно ослабляет критичность мышления, что составляет основу информационной культуры пользователя информации.

В условиях переизбытка информации информационная культура потребителя, с одной стороны, выступает как некий «иммунитет», который помогает снизить пагубное влияние и побороть негативные последствия явления информационной перегрузки, а с другой стороны, требует особого, пристального внимания к формированию информационной культуры.

Информационное пространство ставит пользователя в такие условия, когда ему постоянно приходится анализировать и пересматривать свои знания, проверять свои возможности как потребителя информации, постоянно мониторить и оценивать складывающуюся информационную ситуацию. Происходит адаптация потребителя к медиасреде и адаптация медиасреды к потребителю. Он

осуществляет оценивание и настраивает нужные ему источники информации, регулирует свое информационное поведение, исходя из полученных информационных знаний и системы ценностей. Происходит своеобразный процесс фильтрации. Очень точно заметил писатель и исследователь интернета и медиасреды К. Ширки: «Нет информационной перегрузки, есть сбой фильтров» [7]. Информационное мировоззрение, то есть ценности, убеждения, идеалы в отношении к миру информации, можно рассматривать как набор фильтров, который способен помочь отсортировать информацию, проанализировать и интерпретировать ее, сократив нежелательную нагрузку неуправляемых информационных потоков.

Система ценностей, информационных норм и значений, составляющая ядро двухкомпонентной структуры информационной структуры, выполняет социально-регулятивную, ценностно-ориентационную функцию. Информационная культура, представленная на ценностно-эмоциональном уровне, проявляется в умении личности адекватно формулировать свою потребность в информации, основываясь на знании информационных ресурсов, формулировать информационные запросы. Она включает в себя способности и умения ее потребителя адекватно оценивать и отбирать информацию, в умении критически мыслить, творчески использовать информацию, ориентироваться в условиях информационного шума. Информационная культура заключается в умении адекватно воспринимать информацию в условиях навязывания чуждых мнений и идей.

Умения и навыки информационной деятельности выступают в качестве защитного пояса [1]. Развитие данного компонента информационной культуры связано с формированием информационной компетентности, которая предусматривает знание основных свойств информации, организации информационных процессов; представление об источниках информации, информационных хранилищах, их определяющих характеристиках, системах организации знаний, т. е. умение ориентироваться в потоке информации; владение приемами поиска информации; владение навыками во владении основами аналитической переработки информации; в умении пользоваться современными информационно-коммуникационными технологиями [8].

Таким образом, информационная перегрузка является серьезной проблемой современного информационного общества, негативное воздействие которой необходимо учитывать при формировании информационной культуры обучающихся вузов МВД России как потребителей информации. Основное внимание следует уделять формированию тех компонентов информационной культуры, которые обеспечат информационную безопасность будущих сотрудников органов внутренних дел России.

Пристатейный библиографический список

1. Пронина Л. А. Информационная культура как фактор развития информационного общества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-kultura-kak-faktor-razvitiya-informatsionnogo-obschestva> (дата обращения: 31.08.2022).
2. Price D. J. Little Science, Big Science. - N.Y: Columbia University Press, 1963.
3. Капица П. А. Эксперимент. Теория. Практика. - М.: Наука, 1987. - С. 196-197.
4. Факты и только факты: информационная перегрузка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lpgenerator.ru/blog/2014/01/07/fakty-i-tolko-fakty-informatsionnaya-peregruzka/> (дата обращения: 31.08.2022).
5. Ruff J. (2002). Information Overload: Causes, Symptoms and Solutions. Harvard Graduate School of Education's Learning Innovations Laboratory (LILA). Information Overload: Causes, Symptoms and Solutions.pdf. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://workplacepsychology.net/2011/05/18/information-overload-when-information-becomes-noise/> (дата обращения: 31.08.2022).
6. Information overload, why it matters and how to combat it. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interaction-design.org/literature/article/information-overload-why-it-matters-and-how-to-combat-it> (дата обращения: 31.08.2022).
7. Селина М. В. Информационная перегрузка. Варвара Чумакова о том, как выжить в современной медиасреде. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/215584230.html> (дата обращения: 31.08.2022).
8. Информационная культура, как решение современных информационных проблем. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/dianatinatkina2/proekt> (дата обращения: 31.08.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-451-452

КОГАН Ольга Станиславовна

доктор медицинских наук, профессор кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЛИФАНОВА Марина Владиславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета; доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЧЕКРЫЖОВ Алексей Владимирович

старший преподаватель кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ КОНФЛИКТНОСТИ ДЛЯ РАБОТНИКОВ СФЕРЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Одним из факторов, обуславливающих значение психологии для юриспруденции, является необходимость использования психологических знаний для решения вопросов урегулирования спорных и конфликтных ситуаций в практической работе юристов, возникающих в следственной практике, оперативно-розыскной и иной правоохранительной деятельности.

Для профессионалов сферы юриспруденции необходимо четкое понимание и интерпретация психологических явлений, связанных с такими понятиями, как мотив, цель, вина, состояние аффекта и т.п.

Одним из направлений психологии юриспруденции является исследование психологических особенностей, связанных с коммуникационными взаимодействиями в профессиональной деятельности следователя, судьи, адвоката и иного сотрудника правоохранительных органов. При этом изучаются психологические характеристики участников правовых отношений: потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, в том числе с использованием психодиагностических методов и тестов. Учитывается также психологическое состояние сотрудников органов правопорядка с целью профилактики хронического выгорания и функциональных перегрузок.

Знания психологии для юриспруденции необходимы также при решении ряда вопросов психологического обеспечения учебно-воспитательного процесса в практике высшего юридического образования: профориентации и профессионально-психологического отбора кандидатов на учебу, адаптации студентов и курсантов к условиям учебной и служебной деятельности, развития профессионально значимых качеств личности будущих юристов, подготовки выпускников к самостоятельной профессиональной деятельности [9]. Кроме того, большое значение для сотрудников юриспруденции имеют знания психологических основ конфликтологии.

Ключевые слова: психология юриспруденции, конфликтология, конфликт, урегулирование спорных и конфликтных ситуаций.

KOGAN Olga Stanislavovna

Ph.D. in medical sciences, professor of International relations, history and oriental studies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

LIFANOVA Marina Vladislavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and process sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University; associate professor of International relations, history and oriental studies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

CHEKRYZHOV Aleksey Vladimirovich

senior lecturer of International relations, history and oriental studies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF PERSONALITY AND PROBLEMS OF CONFLICT FOR LEGAL PROFESSIONALS

One of the factors determining the importance of psychology for jurisprudence is the need to use psychological knowledge to resolve issues of dispute resolution and conflict situations in the practical work of lawyers arising in investigative practice, operational investigative and other law enforcement activities.

For professionals in the field of jurisprudence, it is necessary to have a clear understanding and interpretation of psychological phenomena related to such concepts as motive, purpose, guilt, state of affect, etc.

One of the areas of psychology of jurisprudence is the study of psychological features associated with communication interactions in the professional activities of an investigator, judge, lawyer and other law enforcement officer. At the same time, the psychological characteristics of participants in legal relations are studied: victims, suspects, accused, witnesses, including using psychodiagnostic methods and tests. The psychological state of law enforcement officers is also taken into account in order to prevent chronic burnout and functional overload.

Knowledge of psychology for jurisprudence is also necessary in solving a number of issues of psychological support of the educational process in the practice of higher legal education: career guidance and professional psychological selection of candidates for study, adaptation of students and cadets to the conditions of academic and service activities, development of professionally significant personality qualities of future lawyers, preparation of graduates for independent professional activity. In addition, knowledge of the psychological foundations of conflictology is of great importance for law staff.

Keywords: psychology of jurisprudence, conflictology, conflict, settlement of disputable and conflict situations.

Коган О. С.

Лифанова М. В.

Чекрыжов А. В.

Таблица 1

Стили поведения	Число лиц	%	Экстраверт Холер./Сангв.	Интраверт Флегм./Меланх.
соперничество	14	14,6	10 (9/1)	4 (2/2)
сотрудничество	39	40,6	19 (4/15)	20 (15/5)
компромисс	22	22,9	12 (3/9)	10 (7/3)
уклонение	11	11,5	4 (1/3)	7 (3/4)
приспособление	10	10,4	4 (2/2)	6 (4/2)
Итого	96	100	49 (19/30)	50 (29/21)

Введение. Актуальность исследования психологических детерминант поведения людей в практике юриспруденции обусловлена недостаточной изученностью закономерностей и психологических особенностей конфликтного поведения в деятельности участников следственных действий, оперативно-розыскной работы, адвокатской деятельности, а также теоретическим и практическим значением этой проблематики для будущих работников сферы юстиции.

Юриспруденция (правоведение) — это общественная дисциплина, которая изучает право, как особую систему социальных норм и различные аспекты юридической деятельности. Юриспруденция тесно связана с экономическими, культурными, социальными, психологическими и другими научными направлениями, которые обеспечивают ей теоретическую и практическую деятельность. «Основными структурными элементами юриспруденции являются: общая теория и практика юриспруденции; философия юриспруденции; этика (мораль) юриспруденции; социология права; психология юриспруденции» [

По данным таблицы 1 все студенты распределились по стилям реагирования в конфликтной ситуации следующим образом: стиль «соперничество» - 14,6 %; стиль «сотрудничество» - 40,6 %; «компромисс» - 22,9 %; стиль «уклонение» - 11,5 %; стиль «приспособление (уступка)» - 10,4 %.

Таким образом, анализ полученных результатов выявляет большинство студентов направления «Юриспруденция» со стилем реагирования «сотрудничество», средний результат у студентов со стилем реагирования - «компромисс», с небольшой разницей определялись стили «уклонение» и «приспособление (уступка)». Стиль «соперничество» выявлялся, в большей степени, у 9 студентов-холериков, как наиболее подверженного конфликтам типа личности. Стиль «сотрудничество» чаще всего встречался среди сангвиников - 19 человек, и флегматиков - 20 человек.

Стили реагирования - «сотрудничество» и «компромисс», которые в сумме составляют 68,7 % среди всех опрошенных студентов, являются субъективным показателем хорошей конфликтоустойчивости студентов изучаемого направления «Юриспруденция». Кроме того, это является косвенным свидетельством качественного профотбора на данное направление обучения.

Выводы

1. По данным научной литературы установлено, что большое значение в возникновении конфликта, длительности его протекания и способов разрешения конфликтной ситуации, имеют психологические особенности личностей, участвующих в конфликте.

2. Основные виды поведения в конфликтной ситуации: 1) соперничество; 2) сотрудничество; 3) компромисс 4) уклонение; 5) приспособление.

3. Меньшую подверженность стрессам и большую устойчивость в конфликтах имеют лица с типом темперамента сангвиник и флегматик.

4. Наиболее конфликтными признаны лица с выраженной неустойчивой психикой и экстернальностью - холерики.

Пристатейный библиографический список

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. - 6-е изд., испр. и доп. - Москва [и др.]: Питер, 2015. - 525 с.
2. Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. - 1995. - № 3. - С. 90-101.
3. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. - СПб.: Питер, 2008. - 544 с.
4. Дейч М., Шикман С. Конфликт: социально-психологическая перспектива // Социальный конфликт: современные исследования: Реферативный сборник. - М.: ИСАИ, 1991. - С. 70-74.
5. Дмитриев А. В. Конфликтология: Учебное пособие. - М.: Гардарики, 2000. - 320 с.
6. Емельянов С. М. Конфликтология: учебник и практикум для академического бакалавриата. — 4-е изд., испр. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2018. - 322 с.
7. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса: психологическая антропология стресса. - М.: Акад. проект, 2009. - 943 с.
8. Майерс Д. Социальная психология [пер. с англ. З. Замчук]. - 7-е изд. - М. [и др.]: Питер, 2011. - 793 с.
9. Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. - СПб., 1999. - 416 с.
10. Саврасова С. В. Средства успешного разрешения межличностных конфликтов в подростковом возрасте // Вестник науки и образования. - 2020. - № 25-1. - С. 98-101.
11. Сорокина Е. Г. Конфликтология в социальной работе: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — 2-е изд., стер. - М.: Издательский центр «Академия», 2010. - 208 с.
12. Сорокотягин И. Н. Психология юриспруденции как самостоятельная дисциплина // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2005. - № 1 (23). - С. 97-98.
13. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. - М.: Прогресс, 1993. - 478 с.

РАХМАТУЛЛИНА Зилья Борисовна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Башкирского государственного университета

КОВРОВ Владимир Федорович

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ И ПОДХОДЫ К ЕЕ РЕШЕНИЮ

В статье рассматривается проблема одиночества людей в пожилом возрасте, выделяются основные причины одиночества и предлагаются некоторые подходы по оказанию своевременной поддержки для преодоления одиночества пожилых людей. Авторы обосновывают положение о том, что выход на пенсию, изменение социального статуса, потеря родственников, друзей, прежних контактов общения, кардинально меняет стиль их жизни, и самочувствие далеко не в лучшую сторону. В статье акцентируется внимание на том, что именно разрыв социальных связей и потеря социальных коммуникаций являются основой одиночества пожилых людей. Обозначенная проблема одиночества пожилых людей подводит нас к пониманию того, что требуется развитие системы социального обслуживания людей старшего возраста, которая предполагает не только наращивание ресурсов социальных служб и подготовку профильных специалистов, но и новые мощности и соответствующее финансирование этой сферы.

Ключевые слова: одиночество, люди пожилого возраста, пенсия, старение, общение, здоровье.

RAKHMATULLINA Zilya Borisovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Social work sub-faculty of the Bashkir State University

KOVROV Vladimir Fedorovich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Sociology and youth work sub-faculty of the Bashkir State University

THE PROBLEM OF LONELINESS OF ELDERLY PEOPLE AND APPROACHES TO ITS SOLUTION

The article examines the problem of loneliness of elderly people, highlights the main causes of loneliness and suggests some approaches to providing timely support to overcome loneliness of older people. The authors substantiate the position that retirement, a change in social status, the loss of relatives, friends, former contacts of communication, radically changes their lifestyle, and well-being is not for the better. The article focuses on the fact that it is the rupture of social ties and the loss of social communications that are the basis of loneliness of older people. The identified problem of loneliness of elderly people leads us to understand that the development of a system of social services for older people is required, which involves not only increasing the resources of social services and training specialized specialists, but also new capacities and appropriate financing of this area.

Keywords: loneliness, elderly people, retirement, aging, communication, health.

Во всем мире, особенно в развитых странах идет процесс старения населения. В своем докладе Всемирная организация здравоохранения опубликовала данные о том, как во многих странах мира растет удельный вес людей пожилого возраста. На эти данные ссылается Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтруд) и сообщает в своем докладе о результатах комплексного мониторинга социально-экономического положения пожилых людей в 2020 году, который разместил на своем сайте: «В России на 1 января 2021 года насчитывалось более 36,8 млн человек старше трудоспособного возраста, что составляет более 25 % населения страны», — сообщается в этом докладе [1]. Если рассмотрим данные статистики по Республике Башкортостан, то они свидетельствуют о следующей ситуации: «...в Республике Башкортостан этот показатель несколько ниже и составляет 21 %, что соответствует 849 тыс. человек. Это жители в возрасте 60 лет и старше. Из них до 74 года – 623,4 тысячи жителей республики, в возрасте 75-89 лет – 207,4 тысяч человек» [2].

В массовом сознании жителей нашей страны старость, как правило, ассоциируется с тяжелым положением человека, которое включает «ухудшающееся состояние здоровья, не дающее достаточных оснований для оптимистических прогнозов относительно возможностей пожилых людей собственными силами поддерживать свою самостоятельность в течение позднего периода жизни; низкий уровень материальной обеспеченности, а именно низкий размер пенсии, который выступает стимулом для того, чтобы пенсионеры продолжали работать; проблема одиночества, которая возникает в связи с разрушением деловых связей, смерти близких людей, отчужденности от более молодых поколений и указывает на слабую адаптированность пожилых людей в обществе» [3; 57].

Рассмотрим проблему одиночества пожилых, так как, оно, чаще всего, касается их, и связано с процессом старения человека. Выход на пенсию, изменение социального статуса, потеря родственников, друзей, прежних контактов общения – все это кардинально меняет стиль их жизни, и самочувствие далеко не в лучшую сторону. С выходом на пенсию меняется и круг общения, теряются прежние социальные связи, а завести новые знакомства человеку становится все сложнее в силу изменений в характере. Добавим, что проблема одиночества у пожилых усугубляется тем, что повзрослевшие дети далеко не всегда могут взять на себя их экономическую и психологическую поддержку, что связано с тем, что взрослые дети живут в собственных семьях и далеко не все навещают родителей. Более того, разница во взглядах и ценностях поколений может обострить чувство одиночества пожилого человека. Отсюда можем сказать, что именно разрыв социальных связей и потеря социальных коммуникаций являются основой одиночества пожилых.

Ситуация может усугубиться и потерей спутника жизни. Мужчины и женщины к потере супруга реагируют по-разному. У пожилой женщины гораздо меньше шансов повторно обрести пару, так как численность женщин после 60 превышает численность мужчин, однако они более приспособлены к ведению быта и самостоятельной жизни. Вместе с тем мужчины после смерти жены быстрее адаптируются к новым условиям, чаще находят новую спутницу жизни. У них не так велик страх одиночества, но из-за сложностей в ведении быта мужчины чувствуют себя более потерянными [3, с. 399 - 401]. Завести новых друзей старому человеку гораздо сложнее, так как у него все меньше причин появляться в обществе, это обусловлено и состоянием здоровья. Отпечаток на общение с окружающими накладывает и изменения, которые про-

исходят в поведении и психике пожилого человека, которые выражаются как ухудшение психического и эмоционального состояния. В первую очередь стоит отметить возникновение возрастных психических нарушений таких, как снижение скорости реакции, замедление мыслительных процессов, сложности в запоминании, в результате пожилой человек становится более раздражительным, рассеянным, ворчливым. Как следствие у старого человека пропадает интерес к окружающему миру, к окружающим людям. Чувство одиночества, нужности, потерянности, немощность накладывает отпечаток на жизнь пожилого человека. Оставаясь в одиночестве наедине со своими мыслями, они чувствуют апатию, отрешенность, что негативно сказывается и на физическом здоровье. По данным ВОЗ более 20 % россиян в возрасте от 60 лет имеют психологические заболевания, а они чаще всего обусловлены одиночеством [4].

Говоря об одиночестве, выделим также ограниченный набор социальных ролей и форм активности, доступных пожилым людям. Сужение рамок их образа жизни, а именно выбор социально санкционированных возможностей в сферах жизнеобеспечения, коммуникации и рекреации имеют для них ограниченный диапазон. К этому следует добавить, что люди старшего поколения относятся к той категории людей, которые имеют также ограниченный доступ к информации о предоставляемых социальных услугах и в целом к современным информационным ресурсам. Это зачастую порождает ситуацию информационного вакуума и ущемленного положения ввиду того, что большинство из них не успевает приспособиться к стремительно меняющейся реальности, особенно в сфере современных информационных технологий [5]. К примеру, далеко не у всех пожилых есть гаджеты и необходимые навыки, чтобы, например, записаться к врачу онлайн.

Отметим, что пандемия COVID-19 спровоцировала ухудшение здоровья, психоэмоционального состояния пожилых, определенная часть которых потеряла друзей и близких, поскольку именно пожилые люди в случае заражения были подвержены гораздо большему риску тяжелого течения заболевания. В силу этих и других причин пожилые все чаще переживают фрустрацию и одиночество. В этой связи последствия COVID-19 нам еще только предстоит осознать.

Проблема одиночества людей пенсионного возраста требует обдуманного подхода и грамотного решения. В этом ряду отметим, что семья, связь с повзрослевшими детьми и подрастающими внуками является важнейшим фактором, позволяющим пожилому человеку удовлетворить свои основные социально-психологические потребности в сопричастности, привязанности. Забота родных и близких положительно влияет на состояние здоровья пожилых и престарелых родственников, обеспечивая психологическое равновесие и наполняя смыслом их жизнь. Наряду с взаимодействием с родственниками можно расширять социальные контакты за счет интересов и хобби. В последнее время тренд на здоровый образ жизни способствует тому, все больше пожилых людей проявляют заметный интерес к различным видам физической активности таким, как скандинавская ходьба, гимнастике, бег и т.п. Все это не только укрепляет физическое состояние, но и помогает обрести доброе расположение духа и эмоциональное равновесие, создает благоприятную атмосферу для установления новых контактов по интересам.

Обозначенная проблема одиночества пожилых людей подводит нас к пониманию того, что требуется развитие системы социального обслуживания людей старшего возраста, которая предполагает не только наращивание ресурсов социальных служб и подготовку профильных специалистов, но и новые мощности и соответствующее финансирование этой сферы. Эффективная поддержка пожилых россиян должна в равной степени строиться на переориентации на их потребности не только деятельности медицинских учреждений, но и психологических служб.

В настоящее время предлагается немало программ именно для людей старшего поколения, так называемые 50+, включающие экскурсии, обучающие программы, группы здоровья, группы по интересам и др. Все эти меры действенны для преодоления одиночества и могут дать благоприятный эффект. Так, одним из механизмов предупреждения чувства одиночества у пожилого человека является телефон доверия, который с 2018 года заработал в Республике Башкортостан (РБ). Позвонив на бесплатный номер, пожилые граждане республики могут проконсультироваться по своим проблемам, высказаться и попросить о помощи (кроме материальной). Также у нас в республике функционирует Народный

университет третьего возраста. Это заведение предназначено для старшего поколения и отлично справляется с функцией организации досуга пожилых посредством преподавания различных дисциплин (психология, компьютерная грамотность, спортивные и творческие секции). Существуют специальные фитнес клубы для пенсионеров. Они функционируют во многих регионах России. В данных фитнес клубах предлагаются специальные фитнес программы для лиц пожилого возраста, например, лечебная физкультура, танцы, дыхательная гимнастика. Стоимость в среднем по России от 4000 рублей в месяц. Это хорошая альтернатива для лиц старшего возраста завести новые знакомства и справиться с настаивающим одиночеством.

Однако следует учитывать, что пожилые и престарелые люди чрезвычайно избирательны в выборе предлагаемых услуг социальной поддержки и помощи. В этой связи все предпринимаемые шаги для обеспечения благополучного старения должны включать индивидуальную психологическую работу, психокоррекцию и отработанные тренинги с учетом психоэмоционального состояния и индивидуальности пожилого человека. Благодаря такой помощи пожилой человек получит возможность улучшить свое психоэмоциональное состояние и преодолеть одиночество.

Думается, что создание системы долговременного ухода станет важной моральной дилеммой для общества, поскольку традиционный уход за немощными людьми старшего поколения считается обязанностью родственников, а появление альтернативы в лице создающейся государством системы ухода долговременного ухода изменит долговременного ухода эти нормы, но существующие десятилетиями и важные для общества договоренности.

Продуманная и эффективная работа в этом ключе может способствовать сохранению собственной индивидуальности пожилого человека, развитию у него новых возможностей взаимодействия с окружающими людьми, гибкому использованию собственных ресурсов, дальнейшему построению своей жизненной траектории и, как результат, активному долголетию. Все эти факторы способствуют сохранению как физического, так и психологического здоровья человека в период старения и тесно взаимосвязаны с его субъективным благополучием. Наряду с этим следует повышать цифровую грамотность пожилых людей, чтобы они могли пользоваться мобильными приложениями для получения информации и общения с близкими и друзьями, которые могут помочь даже в условиях физической удаленности [6].

Пристатейный библиографический список

1. Минтруд сообщил, что более четверти россиян старше трудоспособного возраста. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/11802399> (дата обращения: 08.09.2022).
2. В Башкирии пересчитали долгожителей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ufa.rbc.ru/ufa/01/10/2020/5f7568859a79474d946df8ddhttps://ufa.rbc.ru/ufa/01/10/2020/5f7568859a79474d946df8dd>. (дата обращения: 12.09.2022).
3. Рахматуллина З.Б., Ковров В.Ф. Социально-экономические проблемы людей пожилого возраста и подходы к их решению // Современные гуманитарные исследования. 2020. № 6. С. 54-57.
4. Психологические заболевания пожилых России: Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-of-older-adults> (дата обращения: 08.09.2020).
5. Рахматуллина З. Б., Королева Н.Л. Информационные технологии в жизни пожилых людей // Стратегии развития России и социальная работа: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием: Материалы докладов и сообщений, 12-14 ноября 2019 г. / Южный федеральный университет [редкол.: А. В.Метелица, Е. В. Сердюкова, Л. С. Деточенко и др.]. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. С. 89-91. (245 с.).
6. Рахматуллина З.Б., Ковров В.Ф. Проект «Башкирское долголетие» в рамках российской концепции активного долголетия // Вопросы гуманитарных наук. 2022. № 3 (120). С. 26-29.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-455-456

МАКАЕВА Гузаль Зайнагиевна

доцент кафедры иностранных языков Института экономики и управления Казанского государственного архитектурно-строительного университета.

МАКАЕВ Ханиф Фахретдинович

доцент кафедры иностранных языков Института международных отношений Казанского федерального университета

ИЗУЧЕНИЕ ТЕРМИНОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ КАК ЗАЛОГ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТА

В работе с учетом теории когнитивной лингвистики рассматриваются некоторые возможности работы с юридической терминологией по внесению вклада в развитие навыков критического мышления студентов. Даны определения понятий «когнитивный подход», «критическое мышление». Сделана попытка показать практическую связь лингвистических изысканий с дидактическими задачами. Результаты исследования могут внести определенный вклад как в педагогическую, так и в лингвистическую науку.

Ключевые слова: когнитивный, лингвистика, термин, студент, критическое мышление, дидактическая задача.

MAKAYEVA Guzal Zaynagievna

associate professor of Foreign languages sub-faculty of the Institute of Economics and Management of the Kazan State University of Architecture and Engineering

MAKAYEV Khanif Fakhretdinovich

associate professor of Foreign languages sub-faculty of the Institute of International Relations of the Kazan Federal University

STUDYING THE TERMS OF THE LEGAL SPHERE IN THE COGNITIVE ASPECT AS A GUARANTEE OF THE DEVELOPMENT OF THE STUDENT'S CRITICAL THINKING

In this work, taking into account the theory of cognitive linguistics, some possibilities of working with legal terminology to contribute to the development of students' critical thinking skills are considered. Definitions of the concepts "cognitive approach", "critical thinking" are given. An attempt is made to show and implement the practical connection of linguistic research with didactic tasks. The results of the study can make a certain contribution to both pedagogical and linguistic science.

Keywords: cognitive, linguistics, term, student, critical thinking, didactic task.

Актуальностью предлагаемого исследования является необходимость внесения некоторых исследовательских изысканий в области лингвистики в процесс изучения терминологического пласта языка на основе когнитивного подхода посредством развития навыков критического мышления студентов вуза. Исходя из этого, целью данной работы является попытка организовать изучение терминов с максимальным эффектом, основываясь на развитии навыков критического мышления обучающихся с учетом аспектов когнитивной лингвистики.

Когнитивный подход (Дж. Брунер и У. Риверс) [8] направлен на развитие мышления обучающегося, что является основой процесса овладения языком. Обучение языку не должна строиться только на автоматическом заучивании материала, студент должен вовлекаться в активный процесс усвоения предлагаемого материала. Для этого необходимо создать условия, обеспечивающие успешность протекания данного процесса. Одним из таких условий является активное участие самого обучающегося в этом процессе. Еще одним условием следует назвать то, что процесс усвоения информации должен носить не только личностный характер, но и социальный [9].

В учебном процессе учет когнитивных аспектов подразумевает организацию учебного процесса таким образом, чтобы обучающиеся усваивали предлагаемый учебный материал на основе понимания и его практического применения.

Вопросам изучения терминов посвящен ряд работ таких известных ученых, как А. А. Реформатский [7], С. В. Гринёв-

Гринёвич [2] и др. В работах В. В. Вахрамеева [1], Е. В. Кербер [3] проанализировано происхождение лексических единиц в различных терминологиях. Отдельные вопросы одновременного рассмотрения лингвистического анализа терминов и технологий обучения были проработаны в исследованиях российских языковедов Макаева Х. Ф., Сакаевой Л. Р., Яхина М. А., Макаевой Г. З., Гулканяна М. К. [4]. В работе Макаевой Г. З., Макаева Х. Ф., Мерзляковой Л. Х. рассматривается вопрос ударения в общепрофессиональных юридических терминах английского языка с *-ee* на конце слова [5].

Термины бывают однозначными и имеющими несколько значений. Для успешного их усвоения обучающимися необходимо организовать работу так, чтобы были рассмотрены все эти значения. Такой подход обеспечит более глубокое понимание и восприятие рассматриваемых лексических единиц, поможет их уместное употребление. Этому, на наш взгляд, будет способствовать использование методов развития критического мышления, подразумевающего анализ «вещей с критической точки зрения, и событий с формулированием обоснованных выводов, что позволит выносить обоснованные оценки, интерпретации, а также применить полученные результаты к ситуациям и проблемам» [10].

Применение термина в тех или иных ситуациях подразумевает рассмотрение всех его значений и правильное использование в соответствии с данной ситуацией. Для достижения этого необходимо, чтобы обучающийся владел навыками анализа, синтеза и других операций мышления. Обучающийся должен научиться подвергать сомнению ана-

лизируемую информацию, поступающую от термина, включая также собственные убеждения.

Таким образом, операциями мышления являются:

– *сравнение*, выражающееся в сопоставлении предметов и явлений, нахождение сходств и различий между ними: например, в следующих примерах можно сравнить значения перевода основной лексической единицы со значениями его перевода в составе словосочетаний:

abstract – 1) выписка, выдержка (из книги, протокола); 2) краткое описание документов и фактов, изложение содержания, конспект, резюме, сводка.

– *of account* – выписка из счета; *~of evidence* – краткое изложение доказательств; *~of fine* – выписка из приказа о вызове в суд на предмет наложения штрафа; *~of judgement* – краткое изложение сути судебного решения; *~of record on appeal* – резюме протоколов дела на предмет пересмотра его в апелляционном порядке; *~of title* – справка о правовом титуле; *~record* – 1) выписка из протокола, записи, документа, дела; 2) резюме протоколов дела; *amendatory* ~ – выписка из протоколов дела, с учетом поступившей апелляции; *marginal* ~ – указание, сделанное на полях документа; краткое резюме содержания текста на полях документа; примечание на полях, заметка;

– *анализ*, означающее мысленное разделение предметов и явлений на части или свойства – *deceit* (обман), *escape* (побег), *кража* (*theft*) и т.д. (составляющие преступления (*crime*));

– *синтез*, то есть мысленное объединение частей или свойств в единое целое – *умышленное* (*intentional*), с целью наживы (*for the purpose of profit*), на почве ревности (*on the basis of jealousy*) и т.п. (общее значение - *убийство* (*murder*));

– *обобщение* выступает как мысленное объединение предметов и явлений по их общим и существенным признакам (например, *thief* (вор), *murderer* (убийца), *rapist* (насильник) – это *criminals* (преступники));

– *абстрагирование* – мысленное отвлечение от ряда свойств предметов и отношений между ними с целью выделения существенных их признаков (например, *abstract* (выписка, справка) – *of title* (о правовом титуле); *judicial* (судебное) – *abuse* (злоупотребление)).

Развитию когнитивных навыков при изучении терминов способствуют также экстралингвистические факторы. Для этого необходим потенциал для развития обучающихся. Предлагаемый материал должен послужить в дальнейшем стимулом для студента продолжить работу за пределами учебной аудитории, способствовать дальнейшему росту личностного, творческого потенциала обучающихся, т.е. их когнитивному развитию.

Важно привлечение обучающихся к разным видам деятельности, к которым можно отнести игровую, ситуативную, учебную, профессионально-направленную и другие, стимулирующие речевую активность и спонтанное общение.

При выполнении таких заданий студент оказывается и объектом, и субъектом деятельности, поскольку акцент перемещается на него самого. Он будет чувствовать непосредственную заинтересованность в учебном материале, оказавшись в центре учебного задания. Материал задания перестает быть абстрактным, он связан со студентом, с его личным опытом и ежедневной практикой.

Итак, рассматривая вопрос изучения терминов и терминологии с позиций когнитивной лингвистики, мы разделяем точку зрения В. Ф. Новодрановой о том, что «терминология, являясь результатом порождения научных знаний и инструментом их развития, самым тесным образом связана с ког-

нитивными науками, прежде всего с теорией информации и когнитивной психологией» [6]. Термин сам становится инструментом познания, закрепляя полученную информацию в своем содержании. Он дает возможность обобщать научные знания, умножать знания и передавать их следующим поколениям.

Пристатейный библиографический список

1. Вахрамеева В. В. Одноименные термины в английских подъязыках науки и техники: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Омск, 2003. – 143 с.
2. Гринев-Гриневиц С. В. Терминология. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
3. Кербер Е. В. Лингвистические особенности немецкоязычной экономической терминологии: монография / Науч. изд. Л. К. Кондратьева; Минобрнауки России, ОмГТУ. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2013. – 148 с.
4. Макаев Х. Ф., Сакаева Л. Р., Яхин М. А., Макаева Г. З., Гулкян М. К. Словообразование в сфере физики и его влияние на общепотребительную лексику. 5-я Международная междисциплинарная научная конференция по общественным наукам и искусствам // SGEM. – 2018. – Vol. 5. – Вып. 36. – С. 711-718.
5. Макаева Г. З., Макаев Х. Ф., Мерзлякова Л. Х. Ударение в общепрофессиональных юридических терминах английского языка *s-ee* в конце слова // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 12 (163). – С. 484-485.
6. Новодранова В. Ф. Терминологический взрыв в 90-е годы XX в. // Научно-техническая терминология. – М., 2000. – С. 68.
7. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология (1959/1961) [Текст] / А. А. Реформатский // История русской терминологии. Классики терминологии: очерк и хрестоматия / В. А. Татаринов. – М.: Московский лицей, 1994. – С. 299-314.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://didacts.ru/termin/kognitivnyi-podhod.html>.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://methodological_terms.academic.ru/643/КОГНИТИВНЫЙ_ПОДХОД.
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Критическое_мышление.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-457-459

БИКМЕТОВ Евгений Юрьевич

доктор социологических наук, профессор кафедры цифровых технологий в экономике и управлении Уфимского государственного авиационного технического университета

КУЗНЕЦОВА Елена Владимировна

кандидат социологических наук, доцент кафедры цифровых технологий в экономике и управлении Уфимского государственного авиационного технического университета

ЛАРЦЕВА Светлана Александровна

кандидат экономических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой цифровых технологий в экономике и управлении Уфимского государственного авиационного технического университета

РУВЕННЫЙ Игорь Ярославович

кандидат экономических наук, доцент кафедры цифровых технологий в экономике и управлении Уфимского государственного авиационного технического университета

КЛЮЧЕВЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В МАРКЕТИНГОВОМ УПРАВЛЕНИИ

В статье с позиции системного, функционального, поведенческого, комплексного подхода исследуются ключевые стратегические решения маркетинг ориентированного управления. Проводится теоретико-методологическое обоснование разработки взаимосвязанных стратегий сегментирования, дифференциации и клиентоориентированности как выражения стратегического управленческого мышления и действия.

Ключевые слова: маркетинговое управление, стратегическое мышление, стратегические решения, сегментирование, дифференциация, клиентоориентированность.

BIKMETOV Evgeniy Yurjevich

Ph.D. in sociological sciences, professor of Digital technologies in economics and management sub-faculty of the Ufa State Aviation Technical University

KUZNETSOVA Elena Vladimirovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Digital technologies in economics and management sub-faculty of the Ufa State Aviation Technical University

LARTSEVA Svetlana Aleksandrovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Acting Head of digital technologies in economics and management sub-faculty of the Ufa State Aviation Technical University

RUVENNY Igor Yaroslavovich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Digital technologies in economics and management sub-faculty of the Ufa State Aviation Technical University

KEY STRATEGIC DECISIONS IN MARKETING MANAGEMENT

The article examines the key strategic decisions of marketing oriented management from the standpoint of a systemic, functional, behavioral, integrated approach. Theoretical and methodological substantiation of the development of interrelated strategies of segmentation, differentiation and customer orientation as an expression of strategic management thinking and action is carried out.

Keywords: marketing management, strategic thinking, strategic decisions, segmentation, differentiation, customer orientation.

Введение.

Экономическая и социальная трансформация российского общества предъявляют к менеджменту предприятий в различных отраслях повышенные требования, вызванные необходимостью овладения новыми управленческими компетенциями, формирования стратегического маркетингового мышления и действия, направленного на устойчивое функционирование предприятий в условиях рискогенности, высококонкурентной среды, усиливающейся стохастичности бизнес-процессов. Корпоративная стратегия способствует проектированию развития, конструированию видения организации, выявлению как предсказуемых, так и непредвиденных обстоятельств. Маркетинговый образ мышления обеспечивает не только оперативное реагирование на динамичные рыночные процессы, но и планирование, предвидение, прогнозирование будущих изменений [1, с. 99]. Стратегическое маркетинговое управление сопряжено с принятием обоснованных решений, влияющих на долгосрочную прибыльность, устойчивое конкурентное преимущество на рынке на

основе знания его конъюнктуры, закономерностей, существующих и перспективных потребностей, методов организации отношений с потребителями. Это предполагает разработку и реализацию соответствующих стратегий.

В качестве объекта исследования авторы статьи выбрали стратегическое маркетинговое управление, а предметом выступают ключевые управленческие решения, выраженные в разработке стратегий сегментирования, дифференциации, клиентоориентированности. Целью исследования является теоретико-методологическое обоснование ключевой значимости указанных стратегических решений в маркетинговом управлении.

Методология.

Научная дискуссия по поводу содержания сегментации рынка с выделением критериев сегментирования и раскрытием ее сущности на примере различных отраслей разворачивается в работах зарубежных и отечественных авторов [2, 3, 4, 5, 6].

Понятие «дифференциация» как ключевой термин маркетинга вводится В. Смитом [7]. На практике в условиях монополистической конкуренции выживают даже небольшие компании, предлагающие дифференцированный продукт для целевой аудитории [8]. Компания должна правильно выявить конкурентные преимущества своего продукта, найти сегмент потребителей, которые оценят уникальность продукта, и установить цену, обеспечивающую требуемый уровень прибыли. Как утверждает М. Портер, компания получает конкурентные преимущества на рынке, когда предлагает клиентам продукты, дающие большую ценность за ту же стоимость (дифференциация), или предоставляет одинаковую ценность, но за меньшую стоимость (низкие издержки) [9].

В основе разработки стратегии клиентоориентированности лежит концепция маркетинга отношений. В. Цайтама и М. Битнер полагают, что «маркетинг отношений – это философия ведения бизнеса, стратегическая ориентация, которая фокусируется скорее на удержании и «улучшении» текущих потребителей, чем на привлечении новых» [10, р. 111]. Принципы маркетинга отношений были сформулированы Р. Эбрамом и Дж. Расселом [11]: постоянное партнерство с потребителями вместо однократных усилий для удержания потребителей; нацеленность на самые прибыльные потребительские сегменты; всестороннее внимание качеству обслуживания клиентов; расширение маркетингового комплекса с «4Р» до «7Р»; использование внешнего и внутреннего маркетинга.

Исследование опирается на принципы системности, комплексности в познании стратегического маркетингового управления.

Результаты исследования.

Авторами исследования выделяются три ключевые стратегии в маркетинговом управлении, определяющие эффективное взаимодействие с потребителями.

1. Стратегическая сегментация. Сегментация – разделение рынка на группы потребителей по определенным схожим характеристикам, от возраста и социального статуса до глубинных мотивов покупки, с целью изучения их реакции на тот или иной продукт и формирования комплекса маркетинговых инструментов.

При проведении сегментации важным шагом является выбор критериев сегментации. При этом целесообразно проводить различие между критериями сегментации рынков продукции производственного назначения и корпоративных клиентов (B2B) и рынков потребительских товаров и услуг (B2C).

В качестве критериев сегментации на рынке B2B можно назвать товароборот компании, ее надежность и стабильность на рынке, выполнение сроков, исполнительность, платежеспособность, цели приобретения продуктов. При стратегической сегментации рынка B2C преимущественно применяются следующие четыре группы критериев: географические, демографические, поведенческие, психографические.

Важная роль в маркетинговом управлении отводится выбору моделей стратегической сегментации.

Модель 5W Марка Шеррингтона охватывает ответы на пять вопросов о продукте компании и покупателе: what – что компания предлагает, что желает получить клиент; who – кто покупатель; why – зачем покупателю это нужно, какие боли клиента «закрывает» предложение компании; when – когда и в какой ситуации необходим продукт компании; where – где клиенты знакомятся с продуктом и могут его приобрести.

Модель Khramatrix расширяет модель 5W ответами на вопросы: поведение в интернете – почему целевые аудитории пользуются интернетом, какие сервисы и сайты посещают; целевая функция – какое действие к продукту компании

совершает потенциальный покупатель, например, собрать информацию, осуществить покупку, протестировать; целевое действие – участие в опросах, подписка на группы в социальных сетях, скачивание коммерческого предложения; постановка целей – заключение договора, совершение покупки, заполнение формы на сайте, визит в офис.

Модель RFM-анализа ориентируется на три показателя: давность – насколько давно потребители делали последнюю покупку; частота – как часто клиенты покупают продукт компании; суммарная стоимость покупок – на какую сумму клиенты покупают.

2. Стратегия дифференциации продукта – это разработка уникальных особенностей продукта, существенно отличающих его от товаров конкурентов на рынке и являющихся привлекательными и выгодными для целевых аудиторий.

Условия, при которых дифференциация может быть успешна: однородная продукция не может удовлетворить существующие потребности, потому что на рынке имеется разнообразный спрос; конкуренция носит неценовой аспект; конкуренты не могут быстро скопировать приемы дифференциации; компания владеет стратегическим ресурсным потенциалом для создания уникального продукта с конкурентными преимуществами; имеется сегмент потребителей, лояльных к компании, продукту и признающих его ценность; в отрасли присутствуют только несколько компаний, применяющих стратегию дифференциации продукта.

На практике выделяют два вида дифференциации продукта в ассортиментном портфеле компании: горизонтальная дифференциация, предполагающая производство разных продуктов для разных потребностей различных сегментов, и вертикальная дифференциация, ориентирующаяся на производство разных продуктов для одной потребности.

Основными стратегиями дифференциации продукта выступают дифференциация по продукту, его характеристикам, цене, сервису, маркетинговым коммуникациям, упаковке, персоналу, имиджу, «уход в нишу».

3. Стратегия клиентоориентированности.

Формой стратегического взаимодействия с потребителями является обеспечение их долгосрочной лояльности как результата реализации стратегии клиентоориентированности. Управление взаимоотношениями с потребителями предполагает клиентоориентированный подход. Клиентоориентированность имеет стратегический характер, так как предполагает стремление к долгосрочным отношениям с потребителями. «Клиентоориентированность – это инструмент управления взаимоотношениями с клиентами, нацеленный на получение устойчивой прибыли в долгосрочном периоде и базирующийся на трех критериях: ключевая компетенция, целевые клиенты и равенство позиций» [12, с. 43]. Ключевой компетенцией считается способ достижения необходимых целей с большей по сравнению с конкурентами результативностью. В фокусе внимания может быть сам продукт, ассортимент и логистические процессы, уровень обслуживания, методы стимулирования сбыта, а также последовательное исполнение взятых обязательств. Важной характеристикой отношений между продавцом и клиентом является равенство позиций. При истинном партнерстве отсутствует доминирование интересов одной из сторон и предполагается обоюдная открытость и взаимная выгода.

Рассмотрим принципы реализации клиентоориентированного подхода.

1. Работа не должна ограничиваться только привлечением новых клиентов. Сохранять постоянных клиентов выгоднее, чем привлекать новых. Расходы на рекламу дают результат, но если эти средства будут направлены на повышение качества обслуживания, результат будет более весомым.

2. Необходимо анализировать не только общую динамику продаж, но и отдельные аспекты потребительского пове-

дения (изменение состава покупок, количества обращений, задолженности по оплате).

3. Взаимоотношения с клиентами – это не только сами продажи, но и предпродажные и послепродажные процессы. Результативность продаж зависит от комплекса процессов по привлечению, сохранению и обслуживанию клиентов.

4. Ответственность за клиентов должна распределяться между всеми подразделениями, как основными, так и вспомогательными. На первый план выходят вопросы разработки стандартов обслуживания и реинжиниринга всех элементов цепи обслуживания клиентов.

5. Информационная система взаимодействия с клиентами для получения верифицированной информации о них обязательна.

В управлении отношениями с клиентами следует описать формы этих взаимоотношений.

1. Взаимоотношения, организуемые с помощью коммуникативных средств продвижения продукции (в том числе средств референтного маркетинга [13]). Средства продвижения используются как для привлечения новых потребителей, так и удержания имеющихся. Средства продвижения не всегда подходят для выстраивания полноценных взаимоотношений с потребителем, так как коммуникационные технологии продвижения носят неличный характер.

2. Межличностные отношения. Потребитель вовлекается в диалог с персоналом организации. Важную роль на его восприятие оказывает личностные характеристики персонала. Гармоничное состояние межличностных отношений возможно только при соответствующем уровне профессионализма и мотивации персонала.

3. Взаимоотношения с использованием технических средств. Организации должна стремиться к максимальной доступности для клиентов. Для этого создаются call-центры, развитием которых стали контакт-центры, которые могут быть интегрированы с сайтом.

4. Взаимоотношения, основанные на материальной выгоде клиентов. Они основаны на рационализме (дисконтные и бонусные программы; подарки и призы). Может показаться, что скидки являются основным способом формирования лояльности, но это не так. Во-первых, лояльность потребителей исчезнет, если конкурент предложит более выгодные условия. Во-вторых, использование скидок ухудшает финансовые показатели. В-третьих, иницилируя скидки, организация думает лишь о текущих продажах. Поэтому набирают популярность бонусные программы лояльности.

5. Взаимоотношения, основанные на использовании баз данных о клиентах. Потребитель выступает источником разнообразной информации, которую необходимо обрабатывать, сохранять и анализировать. Информация о потребителях может быть сведена в интегрированную и персонализированную базу данных – CRM-систему.

Заключение.

Таким образом, стратегии сегментации, дифференциации продукта и клиентоориентированности выступают ключевыми, базовыми элементами маркетингового управления, связанного с принятием научно обоснованных решений, направленных на долгосрочную прибыльность, устойчивое конкурентное преимущество на рынке на основе знания его конъюнктуры, закономерностей, существующих и перспективных потребностей, методов организации взаимодействия с потребителями.

Пристатейный библиографический список

1. Бикметов Е. Ю., Рувенный И. Я. Стратегическое управленческое мышление: проблемы формирования и средства оценки // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Уфа: УФИЦ РАН, 2020. С. 94-99.
2. Kotler P. Marketing Management. 15th edition. Prentice Hall, 2015. 821 p.
3. Yankelovich D., Meer D. Rediscovering Market Segmentation // Harvard business review. 2006. Vol. 84 (2). P. 122-131.
4. Кириллова Л. К. Сегментация рынка: эволюция и направления развития в условиях цифровизации маркетинга // Экономика и предпринимательство. 2022. № 1 (138). С. 868–871.
5. Ребрикова Н. В. Сегментирование рынка товаров по характеристикам потребителей // Экономика. Бизнес. Банки. 2020. № 9 (47). С. 47-57.
6. Тимохина Г. С., Прокопова Л. Г., Грибанов Ю. Г., Зайцев С. А., Муртузалиева Т. В. Исследование подходов к сегментации состоятельных потребителей на рынке банковских услуг // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2022. № 2. С. 86-103.
7. Smith W. R. Product Differentiation and Market Segmentation as Alternative Marketing Strategies // Journal of Marketing. 1956. Vol. 21. P. 3–8.
8. Beane T. P., Ennis D. M. Market segmentation: a review // European Journal of Marketing. 1987. № 32 (5). P. 20-42.
9. Портер Е. М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 454 с.
10. Zeithaml V., Bitner M. Services Marketing. N.Y.: McGraw-Hill, 1996. 370 p.
11. Abratt R., Russel J. Relationship marketing in private banking in South Africa // International Journal of Bank Marketing. 1999. Vol. 17. P. 5–19.
12. Shani D., Chalasani S. Exploiting niches using relationship marketing // Journal of consumer marketing. 1992. № 3. P. 33–42.
13. Рыжковский Б. Н. Когда клиент голосует деньгами? // Управление компанией. 2005. № 7. С. 42-45.
14. Бикметов Е. Ю., Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В., Рувенный И. Я. Референтный маркетинг как инновационная коммуникационная технология взаимодействия с потребителями // Бизнес. Образование. Право. Вестн. Волгогр. ин-та бизнеса. 2015. № 2 (31). С. 25-31.

ЗАЙЦЕВ Алексей Геннадьевич

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики промышленности Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

ГОЛИКОВ Игорь Олегович

кандидат технических наук, доцент кафедры электроснабжения Орловского государственного аграрного университета имени Н. В. Парахина

ПОЛТОРЫХИНА Светлана Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой финансов и кредита Набережночелнинского филиала Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

ХАПИЛИНА Светлана Ивановна

аспирант Орловского государственного аграрного университета имени Н. В. Парахина

ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОСНОВЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В АПК

Статья рассматривает процессы, сопровождающие обеспечение экономической безопасности через призму продовольственной безопасности и инновационных преобразований в АПК. Характеризуется миссия государственной политики в области содействия продовольственной безопасности. Описываются ключевые институциональные факторы, тормозящие развитие инноваций в функционировании предприятий АПК. Устанавливаются противоречия в функционировании и инновационном развитии АПК.

Ключевые слова: экономическая безопасность, продовольственная безопасность, агропромышленный комплекс, агроинновационная система, агропродовольственная система.

ZAYTSEV Aleksey Gennadjevich

Ph.D. in of economical sciences, associate professor, professor of Industrial economics sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics

GOLIKOV Igor Olegovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Power supply sub-faculty of the N. V. Parakhin Orel State Agrarian University

POLTORYKHINA Svetlana Valerjevna

Ph.D. in of economical sciences, associate professor, Head of Finance and credit sub-faculty of the Naberezhnye Chelny branch of the V. G. Timiryasov Kazan Innovative University (IEML)

KHAPILINA Svetlana Ivanovna

postgraduate student of the N. V. Parakhin Orel State Agrarian University

APPLICATION OF TOOLS TO IMPROVE ECONOMIC SECURITY BASED ON AN INSTITUTIONAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF INNOVATIVE TRANSFORMATIONS IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

The article considers the processes accompanying the provision of economic security through the prism of food security and innovative transformations in the agro-industrial complex. The mission of the state policy in the field of promoting food security is characterized. The key institutional factors hindering the development of innovations in the functioning of agribusiness enterprises are described. Contradictions are established in the functioning and innovative development of the agro-industrial complex.

Keywords: economic security, food security, agro-industrial complex, agro-innovative system, agro-food system.

Говоря об экономической безопасности в сфере агропромышленного комплекса (АПК), в первую очередь нужно остановиться на продовольственной безопасности. Продовольственная производственно-распределительная система играет значимую роль в экономическом развитии. Потенциал ее развития предопределяет то, каким будет потенциал развития государства. Данное обстоятельство обуславливает направления функционирования агропродовольственной системы. В целом они двойственны и отчасти противоречивы, так как предусматривают одновременное обеспечение продовольственной безопасности в стране и необходимость снабжения ее граждан продовольствием, которое будет отвечать их количественным, качественным и ассортиментным запросам [5, с. 13]. В целях обеспечения продовольственной безопасности государство должно предпринимать все меры,

повышающие конкурентоспособный уровень отечественных продуктов на мировом продовольственном рынке. Функционирование национальной экономики должно носить экспортно-ориентированный характер, чего невозможно достичь без реализации и развития в АПК инновационной деятельности. Но в настоящий период времени большая доля продукции научно-технического характера, реализуемой в АПК, не имеет достаточного спроса у агробизнеса. Это связано с неэффективным продвижением инноваций в производственные процессы и несовершенством правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности. В развитии инновационных агросистем регионального уровня участвуют субъекты инновационного процесса, которые взаимодействуя при генерации и преобразовании результатов инновационной деятельности в инновационные продукты,

продвигают инновации в процессы производства. Достижение экспортно-ориентированной направленности развития регионального АПК невозможно без применения его инновационного потенциала [2, с. 400].

На сегодняшний день функционирование российского АПК происходит в нестабильных макроусловиях, что препятствует достижению его устойчивости и повышению конкурентоспособности. В то же время появляется потребность в активной реализации инновационной деятельности, показатели которой достаточно низки. В числе еще одного фактора, воздействие которого и приводит к такому состоянию, следует отметить и несовершенство институциональной среды [3, с. 95]. Это обстоятельство актуализирует необходимость проведения анализа инновационных преобразований в АПК на основе институционального подхода.

В числе ключевых институциональных факторов, которые тормозят развитие инноваций в функционировании предприятий АПК, следует выделить факторы экономического характера. Прежде всего – недостаточное финансирование инноваций в АПК. Многие агропредприятия получают низкие доходы от своей деятельности, что не позволяет им модернизировать производственные процессы, применяя в них достижения научно-технического характера. Значительно ограничиваются возможности по реализации инновационного потенциала ввиду отсутствия масштабности производственных процессов. Как результат – невозможность закупки современного технологического оборудования, необходимого для успешной реализации инноваций в производстве. Инновационные потребности агропредприятий сталкиваются с отсутствием такой среды извне, которая бы предоставляла им благоприятные условия для внедрения инновационных технологий и продуктов. Благодаря успешно функционирующей институциональной среде возможно нивелирование факторов, которые препятствуют реализации инновационной деятельности и инноваций. В случае, если агропредприятия уже осуществляют инновационную деятельность, она создает еще больше стимулов для того, чтобы такая деятельность происходила на протяжении всего жизненного цикла агропредприятий. Но существующие институционально-регулирующие механизмы, необходимые для обеспечения эффективности подобной среды институционального типа в условиях инновационного развития, не соответствуют модернизационным требованиям. Инновационная модернизация российского АПК невозможна без формирования и функционирования новых институционально-регулирующих механизмов, способных модернизировать не только существующую институциональную среду АПК, но и создать новую. Роль институтов двойка: с одной стороны, они олицетворяют собой институциональную среду, а с другой – являются государственными управленческими инструментами. Требуется наличие и рыночных институтов, создаваемых государством, без которых не представляется возможным обеспечение конкурентоспособного уровня агропредприятий, а также достижение осознанной инновационной активности и способности воспринимать передовые технологии [3, с. 95].

Институты развития являются достаточно важным фактором, так как содействуют трансформационным процессам, в ходе которых АПК приобретает новое состояние в виде региональных инновационных агросистем. Выявление причин-

но-следственных связей процессов инновационного характера дает возможность анализировать и оценивать процедуры формирования инновационных агросистем с точки зрения их сущностно-содержательных характеристик. Это позволяет прогнозировать, каким будет ее развитие в будущем [2, с. 401].

Поведенческие характеристики населения в сельской местности идут вразрез с направлениями инновационного развития АПК. Это обуславливает неадекватное влияние инновационных преобразований в отношении развития сельских территорий, которое носит двойственный характер, проявляющийся, во-первых, в необходимости формирования структуры человеческого капитала с новыми качественными характеристиками, а, во-вторых, в усилении сельской безработицы. Сглаживание подобного влияния возможно с помощью применения инноваций организационно-экономического, процессного и социально-экономического типов. Именно они способны значительно воздействовать на все сферы АПК, будь то материальные или нематериальные отраслевые структуры [4, с. 22]. Научно-производственные связи следует усиливать с помощью улучшения и расширения коммуникационных процессов, реализуемых государственными и региональными властями, бизнес-структурами в области наращивания масштабов инновационной активности АПК-предприятий. При этом требуется учитывать региональные потребности [2, с. 406]. Одним из инструментов повышения экономической безопасности АПК можно считать институциональные механизмы, позволяющие стимулировать спрос и развивающие инновационную АПК-инфраструктуру. Они способны обеспечить высокий уровень инновационной активности региональных АПК-предприятий, в результате чего АПК сможет стать более конкурентоспособным и экспортно-ориентированным.

Агроинновационную систему можно определить как комплексную структуру взаимодействующих элементов. В качестве таких элементов выступают хозяйствующие субъекты и институты, предопределяющие базовые условия взаимодействий субъектов и институтов. Потребность в функционировании агроинновационной системы проявляется в необходимости поддержания нужного уровня (количественного и качественного) продовольственного обеспечения граждан. При этом меняющиеся и возрастающие индивидуальные потребности граждан должны быть в приоритете. Это отражает сущность целостного подхода к продовольственной безопасности. Агроинновационная система в процессе своего формирования принципиально модернизирует деградирующие агропродовольственные производственные процессы и способствует трансформации стратегий, определяющих развитие сельских территорий. Трансформируется и сама агропродовольственная система в новое более качественное состояние. Ключевым звеном данных трансформаций является национальная инновационная система, а формирование новой агроинновационной системы осуществляется с учетом концептуальных положений современных теорий развития (рис.1).

Агроинновационная система и ее структурные элементы также вынуждены регулярно обновляться. Агроинновационную политику по праву можно считать ключевым элементом и фактором, обеспечивающим формирование агроинновационной системы. Она представляет собой эволюционное

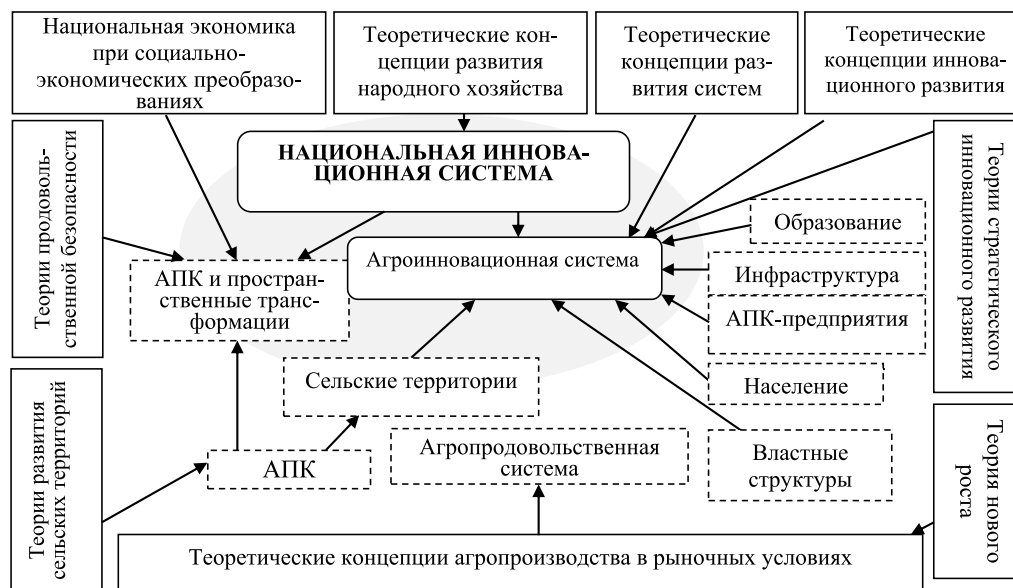

Рисунок 1. Взаимосвязь современных теорий развития с новой агроинновационной системой [5, с. 14].

продолжение агропродовольственной политики. Еще один важный фактор представлен инновационными цепочками добавленной полезности. Фактором формирования агроинновационной системы могут выступать и непосредственно ее экономические ресурсы. Инновационный потенциал также может детерминировать функциональные составляющие агропредпринимателей, входящих в структуру агроинновационной системы. При этом важен не только инновационный потенциал самой агроинновационной системы, но и свойства инновационного потенциала ее структурных составляющих [5, с. 13-20].

Использование институциональных положений современных теорий развития применительно к взаимодействию субъектов АПК, национальной инновационной системы, образовательных, инфраструктурных и властных элементов, а также трансформаций аграрного и пространственного характера способствует формированию и развитию новой агроинновационной системы. Данный процесс связан с инновационными преобразованиями в АПК, которые в свою очередь обуславливают необходимость реализации институционального подхода к анализу этих преобразований. Рассматриваемый подход выступает ключевым инструментом повышения экономической безопасности в АПК. Инновационная модернизация экономики в целом и АПК, в частности, невозможна без инновационных преобразований в АПК. Реализованный в статье институциональный подход к анализу инновационных преобразований в АПК позволил разработать инструменты повышения его экономической безопасности, практическое применение которых, даст возможность обеспечить необходимый уровень экономической безопасности государства в целом.

Приставный библиографический список

1. Андреева С. В. Экономическая безопасность предприятий АПК: учеб. пособие. – Самара: изд-во Самарского государственного экономического университета, 2019. – 116 с.
2. Дерунова Е. А. Формирование методического инструментария исследования региональных инновационных агросистем // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2019. – Т. 19. Вып. 4. – С. 400-408.
3. Кадомцева М. Е. Влияние институциональных факторов на формирование стратегии инновационного развития предприятий АПК // Информационная безопасность регионов. – 2014. – № 3. – С. 94-100.
4. Камышанченко Е. Н., Мазурек А. М. Преобразование АПК в результате применения инновационных и государственных механизмов – стратегические приоритеты развития и сглаживания социально-экономического уровня Белгородской области // Продовольственная политика и безопасность. – 2015. – № 2 (1). – С. 19-32.
5. Полбицын С. Н. Теоретико-методологические подходы к формированию агроинновационной системы: автореф. дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05. – Екатеринбург, 2015. – 43 с.

КАЙСАРОВА Валентина Петровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и планирования социально-экономических процессов Санкт-Петербургского государственного университета

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Методологический подход к оценке целей устойчивого развития по трем составляющим (экономической, социальной и экологической) в регионах России в соответствии с мировой Повесткой дня в области устойчивого развития до 2030 года выявил серьезный пробел в российской законодательной базе и необходимость принятия процедур оценки достижения показателей устойчивости на региональном уровне. Результаты исследования включают обоснование важности реализации ЦУР ООН, включая задачи по экологической устойчивости, чтобы достичь баланса с другими целями в региональном развитии.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социально-экономическое развитие, экологическая составляющая ЦУР, региональное развитие, регионы России.

KAISAROVA Valentina Petrovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Management and planning of socio-economic processes sub-faculty of the Saint Petersburg State University

ERMOLINA Marina Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of World politics sub-faculty of the Saint Petersburg State University

ECONOMIC AND LEGAL ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE GOALS IN THE FIELD OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN REGIONS

The methodological approach to determining the goals of sustainable development in three components (economic, social and environmental) in the regions of Russia in accordance with the amicable agreement of the Agenda of the region in the field of sustainable development until 2030 requires careful consideration in the scientific base and consideration of the consideration of research results level. The results of the study include the rationale for the importance of implementing the UN SDGs, including the task of ensuring environmental sustainability, achieving a balance with other factors in future development.

Keywords: sustainable development, socio-economic development, environmental component of the SDGs, regional development, regions of Russia.

После проведения Международной конференции по окружающей среде и развитию 1992 года при разработке принципиально новых установок в экономических разделах стратегий развития не только стран, но и регионов наступила эра преобразований и включения в активную повестку экологических аспектов. Именно в это время, под влиянием нарастающих экологических проблем в экономической теории появляется концептуальная идея устойчивого развития. Философский смысл определения «устойчивость» заключается в неизменности, сохранности своего состояния. До возникновения самого понятия под устойчивостью понимался последовательный и непрекращающийся экономический рост. Но понятие было переведено с определенной неточностью, возникла смысловая путаница. По нашему мнению, понятие «согласованное развитие» более точно определяет цели комплексного развития территорий, не затрагивает предыдущие смыслы. Понятие «sustainable development» не отделяет социально-экономические направления от других сфер жизни общества и показывает, что долгосрочный курс развития человечества возможен только при комплексном концентрировании внимания на важных целях проведения экономических реформ в отдельных организациях, регионах и странах. В России и по странам мира мы можем наблюдать повсеместно возникновение природных катаклизмов, климатических изменений, тенденции к росту загрязнения окружающей среды и сокращение видовой разнообразности флоры и фауны.

Важно заметить, что уже начиная с 1980-х годов отчеты о реализации мировых программ сохранения природы от Всемирного фонда дикой природы (WWF), ЮНЕСКО, МСОП, экспертной комиссии программы ООН по вопросам окружающей среды, а также организаций по вопросам продо-

вольствия и сельскохозяйственного производства при ООН были единодушны в том, для следования принципу устойчивости в социально-экономическом развитии государств необходимо придерживаться подхода к сохранению ресурсов, а не использовать их как неисчерпаемый источник быстрого развития. Так, доклад «The World Conservation Strategy of 1980» [8] нацеливал на поиск решения послевоенных проблем экономик снизить факторы экстенсивного развития и рекомендовал исключить пагубность негативного влияния результатов человеческой деятельности для сохранения природного и генетического разнообразия. Озвученный в преддверии Рио-де-Жанейрской конференции 1992 года доклад «Our Common Future» (1987 г.), более известный как «Отчет Брундтланд», привел к появлению концепции устойчивого развития. Такое развитие определялось, как «развитие, обеспечивающее удовлетворение потребностей нынешнего поколения и не подрывающее при этом возможность удовлетворения потребностей будущих поколений» [9].

Основополагающая установка в решении глобальных экологических и экономических проблем вызвала дискуссии, количество определений понятия постоянно увеличивалось. Здесь выделим две фундаментальные идеи: во-первых, в трактовке заложено понимание выживания человечества с возможностью дальнейшего непрерывного и безопасного развития. В действительности будущие поколения расплачиваются за «долги» предыдущих. Если поколение выбирает свой путь развития как использование максимального количества ресурсов бездумно, не беспокоясь о будущем, а нацелившись на цели в краткосрочной перспективе – это неизбежно заставляет задуматься об этом уже будущее поколение. Иными словами, устойчивое развитие делает ставку на такое развитие, при котором наши потомки не будут обла-

дать меньшим набором возможностей для своего развития, чем мы. Во-вторых, в этом понятии есть аспекты деятельности человечества, которая должна быть в гармонии с природой, как естественной основой жизни на Земле, двух важных начал человеческой жизнедеятельности, которые должны развиваться в гармонии друг с другом [9].

Мы определяем устойчивое развитие как состояние, где реализуется комплекс мер и действий по соблюдению баланса в развитии экономических, социальных и экологических подсистем при соблюдении внутренней и внешней устойчивости в целях развития человеческого капитала нынешнего и будущих поколений. В число основных международных органов и организаций, осуществляющих деятельность в интересах устойчивого развития, включают Комиссию по устойчивому развитию, Всемирный банк, ЮНЕП, Глобальный форум по окружающей среде, Совет Европы, ОЭСР и ВТО. В 2015 году 193 страны во время съезда ООН для общего развития подписали соглашение о достижении Плана на 2016-2030 годы из 17 глобальных целей стран-участников («Sustainable development goals» – SGD) с 169 задачами устойчивого развития (ЦУР) [4]. Главный предмет всеобщего обсуждения составили вопросы охраны окружающей среды и будущего всего человечества [10]. Эксперты отмечают, что «изменение уже принятых нормативных актов не представляется возможным, но явной проблемой является фрагментарность международных норм в области устойчивого развития. Нужны действенные международно-правовые механизмы, чтобы «объединить отдельные «фрагменты» в единую стратегию: важно дополнительное закрепление всех соглашений в формат международно-правовых обязательств» [7]. В Российской Федерации первые шаги в сторону имплементации концепции устойчивого развития в нормативно-правовую базу страны сделаны в 1991 году в Законе РСФСР «Об охране окружающей природной среды», в котором провозглашены природа и её богатства «национальным достоянием народов России, естественной основой их устойчивого социально-экономического развития и благосостояния человека» [3]. В настоящее время приняты ряд документов, в основном на федеральном уровне, где понятие устойчивого развития – синоним и часто употребляется вместе с такими характеристиками как «безопасное» и «динамичное» («Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» от 29.09.2018 г.; Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года; Послание Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию от 20.02.2019; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, отраслевые и межотраслевые программы и проекты по охране окружающей среды, ряд федеральных законов («Об охране окружающей среды» и «О животном мире», Водный, Лесной, Градостроительный кодексы и другие)). Но ЦУР в России формально реализуются на практике, а программы социально-экономического развития продолжают преимущественно ориентироваться на экономические показатели. Исходя из анализа нормативно-правовых актов по реализации ЦУР ООН в России, можно сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, большинство из них (особенно принятых до 2015 года), где упоминается устойчивое развитие, прямо связаны с окружающей средой и природопользованием. И реализуется узкий подход к устойчивому развитию, а тенденции его восприятия фокусируются в большинстве случаев лишь в рамках вопросов охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Комплексных документов, которые охватили бы экологическую, экономическую и социальную сферы вместе, явно недостаточно – в основном к ним относятся документы стратегического планирования [5]. Во-вторых, отсутствует единый по временным рамкам подход и видна фрагментарность законодательства, где широта самой концепции, ее межотраслевой характер реализации не дают возможности точно определить единый федеральный орган, ответственный за ЦУР. В-третьих, видна слабость нормативно-правовой базы из-за отсутствия единой методологии оценки устойчивости на различных уровнях управления. В-четвертых, до появления модели ни в одной экономической школе не поднимался вопрос об экологической ограниченности экономики, решение данной проблемы предполагалось другими отраслями; проявление экологических проблем – не только первая предпосылка концепции устойчивого развития, но и впоследствии – фак-

тор качества жизни граждан, автоматически не исключает экономическую и социальную устойчивость. В-пятых, нормативно-правовые акты регионального и муниципального уровней по содержанию во многом дублируют федеральное законодательство, но их число заметно меньше [1]. В 2018 году ЦУР нашли отражение в национальной политике и программах, но и национальные проекты, принятые в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [6] также следует рассмотреть с позиций соответствия реализации 17 ЦУР ООН. Для регионов России требуется получить относительно объективные данные, чтобы выявить ключевые проблемы с точки зрения устойчивости их развития. Так, по нашей интегральной оценке устойчивого развития в 10 регионах Северо-Западного федерального округа СЗФО за 2022 год, по сравнению с 2017-2018 гг., явно выделяются лидеры и аутсайдеры. Санкт-Петербург с самым высоким интегральным коэффициентом устойчивости всей социально-экономической системы (0,84) вошел в группу регионов со средней устойчивостью по уровню экологической устойчивости и с ее отрицательной динамикой. Но Ленинградская область – лидер экологической устойчивости по СЗФО, с положительной динамикой +0,11 [2]. Между тем в этой части России ни один субъект Федерации не имеет высокого уровня экологической устойчивости. Это говорит о недостаточном внимании региональных властей к экологической обстановке. Следовательно, для принятия управленческих решений в соответствии с Повесткой устойчивого развития ООН действенным инструментом могут быть индикаторы ЦУР в регионах, чтобы Россия до 2030 года вернулась к активной имплементации признанных общемировых целей в систему стратегического планирования не только через систему федерального законодательства. Важно из единого Центра в группах регионов страны, схожих по уровню достижения показателей в области устойчивого развития, обеспечить их поддержку и соответствующие стимулы.

Приставленный библиографический список

1. Гусейнова Э. Д., Ермолина М. А. Проблемы законодательной техники в экологическом кодексе субъекта Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 3 (154). – С. 119-121.
2. Кириллов С. Н., Пакина А. А., Тульская Н. И. Оценка устойчивости развития на региональном уровне: пример Республики Татарстан [Текст] // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. – 2017. – № 4 (41). – С. 6.
3. Об охране окружающей природной среды: Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 (ред. от 10.07.2001, с изм. от 30.12.2001) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция ООН от 25.09.2015 A/RES/70/1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (дата обращения: 04.09.2022).
5. Сидорова Т. Ю. Имплементация концепции устойчивого развития в Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 4. – С. 15.
6. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Шугуров М. В. Международно-правовые основания перехода к устойчивому развитию // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 2 (91). – С. 162.
8. Allen R. How to save the world: strategy for world conservation. Hardcover – June 1, 1980.
9. Brundtland G. H. World commission on environment and development // Environmental policy and law. – 1985. – Т. 14. – № 1. – С. 26.
10. Take Action for the Sustainable Development Goals. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 04.09.2022).

НАМИНОВА Кермен Владимировна

эксперт по созданию и развитию бизнеса, ИП Наминова К. В.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО МАСШТАБИРОВАНИЮ СТАРТАПА

В статье представлен анализ сущности масштабирования бизнеса, показано, чем оно отличается от роста предприятия. Выделены частые ошибки предпринимателей при создании стартапа и его развитии. Сформулированы рекомендации, как правильно масштабировать бизнес, почему это стоит делать и каких ошибок следует избегать.

Ключевые слова: увеличение доходы, масштабы операций, расходы, стратегия бизнеса, персонал, клиенты.

NAMINOVA Kermen Vladimirovna

expert on creation and development business, IP Naminova K. V.

RECOMMENDATIONS FOR SCALING A STARTUP

The article presents an analysis of the essence of business scaling, shows how it differs from enterprise growth. The frequent mistakes of entrepreneurs when creating a startup and its development are highlighted. Recommendations are formulated on how to properly scale a business, why it should be done and what mistakes should be avoided.

Keywords: increase in revenues, scale of operations, expenses, business strategy, personnel, clients.

Масштабируемость бизнеса — это способность компании расширять масштабы своей деятельности для увеличения доходов. Они должны расти гораздо более быстрыми темпами по сравнению с постоянными операционными затратами, включая производственные расходы. Масштабирование не всегда требует найма новых сотрудников или увеличения материальных ресурсов. Увеличение масштаба операций обычно связано с введением в предложение новых продуктов или услуг. Автоматизация процессов также является важным элементом масштабирования бизнеса [2].

Увеличение дохода не обязательно связано с масштабированием бизнеса. Возможна также ситуация, когда предприятие получает все более высокие доходы, что сопровождается значительным увеличением расходов. Как правило, рост приводит к быстрому расширению структуры компании. Реальность, однако, часто имеет мало общего с предположениями, и теория постоянной экономии за счет масштаба производства не приводит непосредственно к масштабированию бизнеса в целом. Это гораздо более широкий процесс, который требует тщательного анализа различных аспектов конкретного бизнеса и создания надежной дорожной карты и стратегии.

Технологические решения экономят время и деньги и даже сокращают количество сотрудников. Системы предварительной проверки резюме, базы знаний, системы формирования документов и счетов или CRM (управление взаимоотношениями с клиентами), инструменты электронного маркетинга. Все это, а также передача отдельных аспектов бизнеса на аутсорсинг позволяет повысить эффективность и сосредоточиться на наиболее важных для масштабирования направлениях деятельности [5].

Даже небольшие улучшения могут быть очень эффективными, а традиционная модель роста не эффективна — количество сотрудников увеличивается соответственно количеству клиентов, и в результате в течение длительного периода времени доходы растут со скоростью, аналогичной понесенным затратам. Тогда сложно говорить о реальном масштабировании. Ключом к масштабированию бизнеса в настоящее время является поиск идеи, которая будет тиражируемой,

то есть такой, которая позволит увеличить количество клиентов в гораздо большей степени, чем понесенные затраты (экспоненциальный рост клиентов, линейное увеличение затрат). Примером могут служить компании-разработчики программного обеспечения — после разработки продукта предельные затраты на производство еще одной копии являются символическими. Чем эффективнее система массового производства, тем больше масштабируется бизнес.

Рассмотрим, что нужно начать, продолжить и прекратить делать при масштабировании стартапов. Основной принцип заключается в следовании простой стратегии. Для успеха бизнесу нужна стратегия, но она не может быть слишком сложной. Стратегия должна включать SWOT-анализ (сильные и слабые стороны, возможности и угрозы для организации), тенденции в отрасли, ценности и миссию компании, цели на квартал, год и несколько лет, а также краткий анализ рынка. Также важно понимать, какова главная амбициозная цель, которую нужно достичь за период от 10 до 25 лет.

Чтобы иметь возможность масштабировать свой бизнес, необходимо одновременное выполнение трех условий [1], [4]:

1. Должна быть достаточна Customer Value Over Time (LTV) (долгосрочная ценность клиента — отношение LTV, оно же переводится как Пожизненная ценность клиента или Суммарная ценность клиента).

2. Стоимость приобретения клиента (CAC) должна быть относительно низкой (предпочтительно до 30 % LTV). Самый простой и распространенный метод расчета — среднее значение LTV по всем сделкам клиентов. Этот средний коэффициент LTV показывает, какова средняя прибыль компании, является очень агрегированной величиной и поэтому может быть не совсем точной, если структура покупок клиентов разнообразна, но расчет этой величины дает определенную важную информацию.

3. Рынок должен быть достаточно большим, чтобы компания на нем могла расти.

Есть мнение, что наиболее распространенной причиной неудач стартапов являются затраты на привлечение клиентов (CAC), которые превышают пожизненную ценность клиента

(LTV). Это связано с тем, что многие компании заботятся о клиенте только до момента заключения сделки, пренебрегая созданием положительного впечатления и лояльности. Хотя все умеют это делать - заботиться о качестве предлагаемых товаров/услуг, обслуживании клиентов. Если стоимость привлечения клиента (CAC) относительно высока, нужно сосредоточиться на ее значительном снижении. В противном случае придется потратить гораздо больше финансовых ресурсов. Когда стоимость привлечения клиента немедленная (вы платите, например, комиссию за привлечение нового клиента), а выгоды отсрочены во времени, у компании могут закончиться деньги на развитие, даже при не высоком CAC. Пути его снижения — это, например, анализ эффективности привлечения клиентов, автоматизация и стандартизация процесса привлечения клиентов.

Чтобы масштабирование бизнеса принесло желаемые результаты, следует избегать ошибок, которые могут тормозить его развитие. На основе анализа научной литературы мы выделили чаще всего встречающиеся ошибки, совершенные предпринимателями [3], [5]:

1. Отсутствие продуманной стратегии. Масштабирование бизнеса должно основываться на четком плане, включающем, среди прочего, указание целей и стратегий действий, обеспечивающих их достижение. Если масштабируемость окажется чем-то случайным, то предприниматель, вероятно, не сможет должным образом реагировать на меняющиеся рыночные условия.

2. Ориентация на слишком быстрый рост. Слишком быстрое масштабирование бизнеса иногда оказывается контрпродуктивным. Тогда может оказаться, что компания не справляется с возросшим количеством заказов, что приведет к снижению качества продукции или услуг. Важно понимать, готова ли организация к развитию — особенно в плане ресурсов, таких как персонал, оборудование, складские площади и т. д. В противном случае есть риск, что нереализованная продукция испортится или потеряет ценность.

3. Низкое качество обслуживания клиентов. Одним из ключевых элементов масштабирования бизнеса является поддержание прочных отношений с клиентами. Знакомство с их потребностями, мнениями или рекомендациями может помочь в соответствующей корректировке предложения, стандартов продаж и обслуживания. Для этого стоит систематически проводить маркетинговые исследования, предварительную сегментацию клиентов. При этом масштабирование может привести к потере ключевых покупателей.

4. Высокая нагрузка на предпринимателя / персонал. Развитие компании может существенно нарушить баланс между работой и личной жизнью и стать источником дополнительного стресса, например, из-за увеличения количества обязанностей или повышенной ответственности. Стоит рассмотреть возможность делегирования некоторых задач, например, фрилансерам или аутсорсинговой компании. Эти решения не только разгрузят самого предпринимателя, но и позволят избежать чрезмерной нагрузки на его собственных сотрудников. В то же время сотрудники должны быть вовлечены в процесс масштабирования, поэтому важно поддерживать их высокую мотивацию и приверженность.

5. Отказ от сотрудничества в партнерстве. При масштабировании компании не стоит действовать только в одиночку. Целесообразно наладить партнерское сотрудничество с другими организациями, например бизнес-ангелами или частными инвесторами. В обмен на предоставление им не-

которых акций они поделятся своими знаниями и опытом в отношении масштабируемости.

6. Отсутствие финансового плана. Масштабирование бизнеса предполагает необходимость осуществления определенных инвестиций, требующих финансовых ресурсов. Поэтому предприниматель должен понимать, откуда он возьмет средства. Масштабирование может потребовать, среди прочего, расширения помещений, производственных цехов или складов, а также инвестиции в новые машины и устройства, программное обеспечение, автомобили и т. д., также следует учитывать возросшие расходы на наем сотрудников.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, масштабирование бизнеса, когда по мере роста бизнеса растет и команда. Компания начинает с небольшой группы людей, которые делают все и работают день и ночь, почти не ожидая взамен. Команды, специализации и менеджеры должны появиться со временем.

Во-вторых, масштабирование клиентов. Это означает выход на новые сегменты или рынки, где у потребителей могут быть совершенно другие, часто более высокие требования. Для того, чтобы бизнес мог расти, нужно включить это в свой продукт и обслуживание клиентов.

В-третьих, масштабирование доходов, которое не может быть связано только с увеличением числа потребителей, обязательно необходимо увеличивать доход от клиентов.

Однако, приступать к оптимальному масштабированию следует только тогда, когда был создан продукт, который реально решает определенную проблему и за который люди хотят платить, то есть обеспечено «продуктовое соответствие рынку».

Пристатейный библиографический список

1. Александрин А. В. Актуальные показатели создания стоимости в системе ценностно-ориентированного менеджмента // Экономика и бизнес: теория и практика. - 2020. - № 4. - С. 5-10.
2. Александрова Е. Н., Теплоу А. С. Эффективность управления венчурными инвестициями // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2022. - № 4-4. - С. 14-18.
3. Сатаев П. А. Рекомендации по развитию стартапа с учетом значимых факторов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. - 2022. - № 3 (135). - С. 184-193.
4. Kuzmina T. I. Systematization of factors affecting the formation of business ecosystems // МНИЖ. - 2020. - № 1-2. - С. 23-26.
5. Mason C., Brown, R. Entrepreneurial ecosystems and growth oriented entrepreneurship. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/cfe/leed/entrepreneurial-ecosystems.pdf>.

НИЗАМОВА Гульнара Закиевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАРЕЕВА Земфира Анисовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета

ХАЛИТОВ Руслан Ильдарович

студент Уфимского государственного нефтяного технического университета

АНАЛИЗ РЫНКА СЖИЖЕННОГО ГАЗА

В статье выполнен анализ рынка сжиженного газа в РФ с помощью инструментов экономико-математического моделирования. Результаты данного анализа могут быть использованы в практике деятельности нефтегазовых компаний при разработке стратегических планов развития.

Ключевые слова: рынок, сжиженный газ, модель, производство, корреляционно-регрессионный анализ, нефтегазовая компания.

NIZAMOVA Gulnara Zakievna

Ph.D. in economical sciences, senior lecturer of Economics and management at the enterprise of oil and gas industry sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

GAREEVA Zemfira Anisovna

Ph.D. in economical sciences, senior lecturer of Economics and management at the enterprise of oil and gas industry sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

KHALITOV Ruslan Ildarovich

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

ANALYSIS OF THE LIQUEFIED GAS MARKET IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the liquefied gas market in the Russian Federation using economic and mathematical modeling tools. The results of this analysis can be used in the practice of oil and gas companies when developing strategic development plans.

Keywords: analysis, market, liquefied gas, production, correlation and regression analysis, oil and gas company.

Вопросы анализа рынка сжиженного газа имеют стратегическое значение, поскольку обусловлены такими глобальными вызовами как санкционное давление, COVID-19, высокая производственная зависимость от импорта, ориентация на импортозамещение, необходимость инноватизации и технологизации производства. В условиях непрерывно изменяющейся среды хозяйствования, когда меняется структура и порядок мировых хозяйственных связей, когда конкурентное поведение и условия деятельности становятся непредсказуемыми, комплексность диагностики производства продукции с учетом принятия во внимание указанных выше факторов, обуславливают возможности по достижению конкурентных преимуществ на заданном рынке продукции. Теоретические основы проведения маркетинговых исследований рассмотрены в работах таких авторов как Аакер Д., Берне Э., Браун Т., Буш Р., Власова М. Л., Голубков Е. П., Дэй Дж., Кумар В., Каллингэм К., Котлер Ф., Лейн Келлер К., МакНейл Р., Малхорта Н. К., Черчилль Г. А. и др. [1], [3], [8]. Вопросам управления маркетингом на рынках промышленной продукции посвящены работы следующих авторов: Баженова Н., Карпова С. В., Мхитарян С. В., Рой И. В., Уэбстер Ф., Третьяк В. П., Хардинг Г. [2], [7]. Использование статистических и эконометрических моделей представлены в работах таких

авторов как Айвазян С. А., Архипов В. Ю., Архипова М. Ю., Бурева Н. Н., Вуколов Э. А., Громыко Г. Л., Доуртерти К., Елисеева И. И., Иванов Ю. Н., Мхитарян В. С., Садовникова Н. А., Четыркин Е. М. и др. [5], [7].

Анализ научной литературы показал, что вопросы использования эконометрических моделей для анализа конкретного вида продукции нефтегазовых компаний остаются не рассмотренными в полном объеме. Предлагаемая методика анализа рынка продукции предполагает использование следующего алгоритма:

1-й Этап. Выявление из совокупности данных наиболее информативных факторов, оказывающих существенное влияние на результативный показатель.

Это возможно путем проведения предварительного анализа всего набора факторов, имеющих на количественную оценку.

Низамова Г. З.

Гареева З. А.

Халитов Р. И.

2-й этап. Определение направления и количественной оценки тесноты связи между факторными и результативными признаками.

Для выполнения поставленных задач необходимо построить матрицу коэффициентов парной (множественной) корреляции. На основе матрицы коэффициентов отбирают факторные признаки, которые имеют высокую или тесную зависимость с результативным признаком. Для этого используют шкалу Чеддока. При этом если значение коэффициента корреляции больше нуля, то между переменными прямая связь, т.е. при росте фактора растет и увеличивается результативный признак. Если же значение коэффициента корреляции меньше нуля, то связь обратная – при росте фактора результативный признак уменьшается.

Далее сравниваются показатели корреляции между факторными признаками. Между ними не должно наблюдаться тесной зависимости. В противном случае возникает проблема мультиколлинеарности, как следствие, использовать метод наименьших квадратов для определения параметров модели регрессии будет невозможно.

3-й этап. Построение модели регрессии, описывающей зависимость результативного признака Y от наиболее информативных признаков X [4], [9].

Регрессионный анализ исследует и оценивает связь между зависимой или объясняемой переменной и независимыми или объясняющими переменными.

Линейная регрессионная модель имеет вид:

$$y = \beta_0 + \beta_1 x + \varepsilon, \quad (1)$$

где y – зависимая случайная переменная;

x – независимая детерминированная переменная;

β_0, β_1 – постоянные параметры уравнения;

ε – случайная переменная, называемая также ошибкой.

Зависимая переменная (Y) – это переменная, описывающая процесс, который мы пытаемся предсказать или понять. Независимые переменные (X) – это переменные, используемые для моделирования или прогнозирования значений зависимых переменных.

В уравнении регрессии они располагаются справа от знака равенства и часто называются объяснительными переменными. Зависимая переменная – это функция независимых переменных.

Коэффициенты регрессии (β) – это коэффициенты, которые рассчитываются в результате выполнения регрессионного анализа. Вычисляются величины для каждой независимой переменной, которые представляют силу и тип взаимосвязи независимой переменной по отношению к зависимой.

Создание регрессионной модели представляет собой итерационный процесс, направленный на поиск эффективных независимых переменных, чтобы объяснить зависимые переменные, которые мы пытаемся смоделировать или понять, запуская инструмент регрессии, чтобы определить, какие величины являются эффективными предсказателями. Затем пошаговое удаление и/или добавление переменных до тех пор, пока не найдется наилучшим образом подходящая регрессионная модель, т.к. процесс создания модели часто исследовательский, он никогда не должен становиться простым «подгоном» данных.

Задача регрессионного анализа заключается в получении оценок коэффициентов β_0, β_1 . Для этого обычно применяют метод наименьших квадратов (МНК), а также метод максимального правдоподобия, метод наименьших модулей

и т.д. В регрессионную модель включаются те факторные признаки, зависимость между которыми слабее, чем с результирующим показателем.

4-й этап. Расчет и анализ дополнительных показателей для расширения экономической интерпретации уравнения регрессии [10].

Основными показателями достоверности являются:

1) множественная корреляция (R);

2) коэффициент Фишера (F);

3) коэффициент Стьюдента (t).

При удовлетворительных результатах проверки на достоверность переходим к этапу 5. Если результат не удовлетворяет, необходимо провести дополнительные исследования, скорректировать модель, уточнив первичные данные.

Показатель множественной корреляции характеризует тесноту связи рассматриваемого набора факторов с исследуемым признаком, или, иначе, оценивает тесноту совместного влияния факторов на результат. Независимо от формы связи показатель множественной корреляции может быть найден:

Значения коэффициентов множественной корреляции изменяются от нуля до единицы ($0 \leq R_{yx1x2...xp} \leq 1$). Чем ближе коэффициент единице, тем теснее связь между результатом и всеми факторами в совокупности и уравнение регрессии лучше описывает фактические данные. Если множественный коэффициент корреляции $R_{yx1x2...xp}$ близок к нулю, то уравнение регрессии плохо описывает фактические данные, и факторы оказывают слабое влияние на результат.

Проверка значимости уравнения множественной регрессии, так же, как и парной регрессии, осуществляется с помощью критерия Фишера. В данном случае (в отличие от парной регрессии) выдвигается нулевая гипотеза H_0 о том, что все коэффициенты регрессии равны нулю ($b_1=0, b_2=0, \dots, b_m=0$). Полученное значение F -критерия сравнивается с табличным при определенном уровне значимости. Если его фактическое значение больше табличного, тогда гипотеза H_0 о незначимости уравнения регрессии отвергается, и принимается альтернативная гипотеза о его статистической значимости.

С помощью критерия Фишера можно оценить значимость не только уравнения регрессии в целом, но и значимость дополнительного включения в модель каждого фактора. Такая оценка необходима для того, чтобы не загружать модель факторами, не оказывающими существенного влияния на результат. Кроме того, поскольку модель состоит из нескольких факторов, то они могут вводиться в нее в различной последовательности, а так как между факторами существует корреляция, значимость включения в модель одного и того же фактора может различаться в зависимости от последовательности введения в нее факторов.

Оценка значимости коэффициентов регрессии b_i проводится по критерию Стьюдента t . Полученные значения t -критериев сравниваются с табличными, и на основе этого сравнения принимается или отвергается гипотеза о значимости каждого коэффициента регрессии в отдельности.

5-й этап. Экономическая интерпретация, формулирование выводов, построение прогнозов, разработка предложений

На данном этапе осуществляется экономический анализ полученного регрессионного уравнения, разрабатываются предложения и формулируются выводы.

Нами была выполнена апробация предлагаемой методики. Для анализа использовались следующие факторы: производство продукции, тыс.тн. (Y), объем отгрузки про-

Таблица 1. Результаты корреляционно-регрессионного анализа рынка сжиженного газа

Наименование показателя	Значение показателя
Коэффициент множественной корреляции (между Y и X2)	0,94
Множественный R	0,94
R-квадрат	0,89
Нормированный R	0,86
F-критерий Фишера	31,3 (критический интервал (0,00016; +∞)
t-статистика Стьюдента	6,51 > 0,000187

дукции, тыс. руб. (X1), производственная мощность, тыс.тн. (X2), индекс цен (X3), объем остатков, тыс. тн. (X4), стоимость экспорта, тыс. руб. (X5), стоимость импорта, тыс. руб. (X6) и цена, руб. за 1 тыс.тн. (X7) за 2010-2021 гг. В таблице 1 представлены итоговые результаты корреляционно-регрессионного анализа рынка сжиженного газа.

По результатам корреляционно-регрессионного анализа получим следующее уравнение регрессии:

$$Y=0,24 \cdot X_2$$

Высокая значимость полученного регрессионного уравнения обуславливается следующими выводами:

– коэффициент множественной корреляции (R) = 0,94, следовательно, связь между Y и фактором X2 сильная;

– коэффициент детерминации, равный 0,89 свидетельствует о том, что полученная зависимость с достаточной степенью (89 %) аппроксимации отражает наблюдаемое явление;

– расчетное значение критерия Фишера 31,3 попадает в критический интервал (0,00016; +∞), что говорит о том, что коэффициент детерминации найденной регрессионной связи является значимым;

– t-статистика больше р-значения для коэффициента, значит, фактор является значимым.

При помощи функции СРЗНАЧ рассчитаем средние значения выборок X2 и Y:

$$\text{Тогда } \bar{X}_2 = 0,24 \cdot 162854,4 / 111070,27 \cdot 100 \% = 353,06 \%$$

Таким образом, по результатам расчетов установлено, что при изменении производственной мощности на 1 % объемы производства сжиженного газа возрастут на 353,06 %. В последующем результаты корреляционно-регрессионного анализа могут быть использованы при разработке стратегического плана развития газовой компании, в части использования результатов прогнозирования при сценарном планировании. В целях оптимального использования производственных мощностей, учитывая сложную политическую и экономическую обстановку в мире, необходимо сконцентрировать усилия по внедрению новых инновационных отечественных разработок, сформировать комплекс эффективных мер, направленных на снижение зависимости от импортных технологий по производству сжиженного газа и, как следствие, увеличение доли продукции отечественного производства в газовой промышленности.

Пристатейный библиографический список

1. Аакер Д., Кумар В., Дэй Д. Маркетинговые исследования. - М.: Питер, 2004. - 840 с.
2. Айвазян С. А., Мхитарян В. С. Прикладная статистика и основы эконометрики. - М.: ЮНИТИ, 1998. - 1022 с.
3. Власова М. Л. Социологические методы в маркетинговых исследованиях: учеб. пособие для вузов. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. - 710 с.
4. Гареева З. А., Низамова Г. З., Альмухаметов И. Н. Использование регионального ценового анализа в закупочной деятельности // Евразийский юридический журнал. - 2019. - №12. - С. 386-388
5. Доуртерти К. Д. Введение в эконометрику: Пер. с англ. - М: ИНФРА-М, 1999. - XIV, 402 с.
6. Кулаичев А. П. Методы и средства комплексного статистического анализа данных: учеб. пособие. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2018. – 484 с. – (Высшее образование: Бакалавриат). – www.dx.doi.org/10.12737/25093. - ISBN 978-5-16-012834-4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/975598>.
7. Меликян О. М. Поведение потребителей: учебник. – 5-е изд., стер. - Москва: Дашков и К°, 2020. - 280 с.: ил. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=112324> . – Библиогр.: с. 237-239.
8. Мусина Д. Р., Низамова Г. З., Гайфуллина М. М. Ценообразование на мировом рынке природного газа // Нефтегазовое дело. - 2018. - № 2. - С. 188-208.
9. Низамова Г. З., Мусина Д. Р. Анализ факторов инновационного развития регионов // Экономика и управление. - 2021. - № 6. - С. 54-59.

НОВИКОВА Екатерина Витальевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры товароведения и таможенного дела Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В данной статье исследуется актуальная тема, связанная с политикой импортозамещения в регионах, затронуты стимулирующие меры со стороны государства. Проанализированы динамика и товарная структура экспорта и импорта в Орловской области. Уделяется внимание направлениям развития экспортно ориентированных отраслей региона, а именно зерновой отрасли.

Ключевые слова: импортозамещение, отрасль, экспорт, импорт, регион, Орловская область.

NOVIKOVA Ekaterina Vitaljevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Commodity science and customs affairs sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE REGION IN THE CONTEXT OF IMPORT SUBSTITUTION (ON THE EXAMPLE OF THE OREL REGION)

This article explores the current topic related to the policy of import substitution in the regions, the stimulating measures on the part of the state are touched upon. The dynamics and commodity structure of exports and imports in the Orel region are analyzed. Attention is paid to the directions of development of export-oriented industries in the region, namely the grain industry.

Keywords: import substitution, industry, export, import, region, Orel region.

В настоящее время в сложившейся ситуации, связанной с введением антироссийских санкций со стороны Европы и ряда иностранных государств, а также ответных ограничительных мер Россией, вопрос развития, как регионов, так и страны в целом остается актуальным. Наложены ограничительные меры на закупку многих категорий продуктов питания, продукции легкой промышленности, машин и оборудования, лекарственных средств и др. Подзаконными актами установлены полные перечни продукции, запрещенной или ограниченной к закупке, как для государственных, так и муниципальных нужд. Расширен список недружественных стран в отношении России, многие страны исключены из режима наиболее благоприятствуемой нации.

В связи с чем, большое внимание уделяется вопросам импортозамещения. Это связано с тем, что экспорт в России на протяжении долгих лет имел сырьевую направленность, а импорт – ориентирован на закупку готовой и высокотехнологичной продукции. Согласно Постановлению Правительства РФ от 15.04.2014 № 328 под импортозамещением рассматривается процесс создания современных конкурентоспособных производств, направленный на замещение импортируемых в настоящее время товаров, как потребительских, так и производственных [1]. Следует учесть, что импортозамещение в России идет в большей степени не на национальном уровне, а на уровне союзных государств ЕАЭС. В России процесс импортозамещения реализуется в рамках отдельных отраслей, и прежде всего в рамках сельского хозяйства. Помимо этого необходимо

обратить внимание также на развитие экспортоориентированных отраслей. Все это должно привести к переориентации отраслей экономики.

Импортозамещающая политика реализуется путем применения защитных и стимулирующих мер со стороны государства. Защитные меры внутреннего рынка представляют собой применение тарифных и нетарифных методов регулирования, направленных на снижение конкурентоспособности иностранных товаров, выражаются в установлении высоких пошлин, эмбарго, квотировании и др. Стимулирующие меры направлены на поддержание отечественных производителей, выражаются во введении налоговых льгот, субсидировании производства, целевом финансировании, создании благоприятных условий для ведения бизнеса и др. [2, 3].

Для реализации программы импортозамещения в регионах разработаны планы мероприятий по содействию данному процессу, определен перечень необходимой продукции. Учитывая специализацию Орловской области, к приоритетным направлениям относятся: увеличение производства сельскохозяйственной продукции и продуктов переработки, в промышленном производстве – развитие металлургического производства, машин и оборудования, электрооборудования, транспортных средств [4]. Рассмотрим динамику и товарную структуру импорта и экспорта Орловской области за 2021 год по данным Центрального таможенного Управления [5].

В стоимостном выражении в регионе импорт товаров в 2021 году увеличился на 44,2 % и составил 396,199 млн.долл.

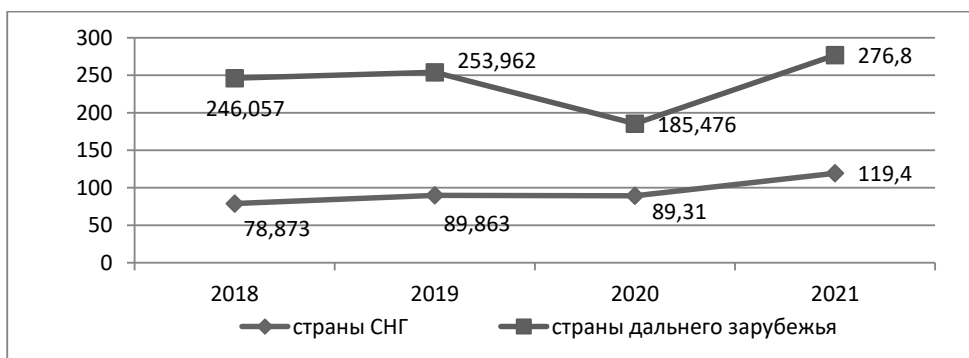

Рисунок 1. Объемы импорта в Орловскую область из стран СНГ и дальнего зарубежья, млн. долл. США

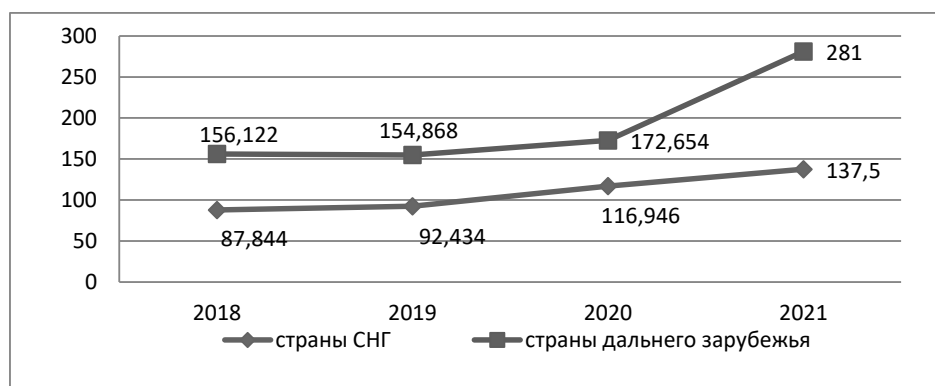

Рисунок 2. Объемы экспорта из Орловской области в страны СНГ и дальнего зарубежья, млн. долл. США

США против 274,786 млн.долл. США в 2020 году. Столь низкие объемы импорта в 2020 году объясняются влиянием пандемии коронавируса, а увеличение в 2021 году связано с ростом физического объема товаров, а также повышением цен. Произошло и увеличение экспорта на 44,5 %, что составило 418,464 млн.долл. США против 289,6 млн.долл. США в 2020 году, что в большей степени связано с повышением цен. Экспорт незначительно превышает импорт товаров в стоимостном выражении на 5,6 %. В товарной структуре импорта региона преобладают машиностроительная продукция (39,3 %), продукция химической промышленности, каучук (23,6 %) и продовольственные товары и сырье (15,8 %).

В товарной структуре экспорта региона преобладают продовольственные товары и сырье (34,2 %), машиностроительная продукция (29,5 %) и металлы и изделия из них (10,1 %). Значительных изменений в товарной структуре импорта и экспорта Орловской области в 2021 году по сравнению с 2020 годом не произошло. Видно, что доля экспорта продовольственных товаров и сырья превышает аналогичный импорт в 2,2 раза.

Экспортно ориентированными являются следующие отрасли: машиностроение, металлы и изделия из них, сельское хозяйство. Орловская область ведет торговлю, как со странами дальнего зарубежья, так и со странами СНГ. Стоимостный объем импорта из стран дальнего зарубежья в Орловскую область больше импорта из стран СНГ в 2,3 раза. Значительное увеличение произошло в 2021 году из стран дальнего зарубежья в 1,5 раза и из стран СНГ в 1,3 раза по отношению к 2020 году (рис. 1).

Стоимостные объемы экспорта также значительно увеличились в 2021 году по отношению к 2020 году как со

странами СНГ в 1,2 раза, так и со странами дальнего зарубежья в 1,6 раза (рис. 2).

В связи со сложившейся ситуацией, связанной с ограничением торговых отношений со странами Евросоюза, Орловская область усиливает торговые отношения со странами СНГ и дальнего зарубежья, что выражается в увеличении объемов поставок. Так в 2021 году основным торговым партнером из стран СНГ по импорту являлась Беларусь, поставки увеличились на 48,6 %, основными торговыми партнерами по экспорту являлись Беларусь, Казахстан и Азербайджан. Среди стран дальнего зарубежья основными торговыми партнерами были Германия, Латвия и Китай. Перспективными для региона являются рынки стран Азии.

Одной из ключевых импортозамещающих и экспортно ориентированных отраслей в Орловской области является сельскохозяйственная. Согласно плану реализации процесса импортозамещения перед регионом стоят задачи увеличения объемов сельскохозяйственной продукции, а именно зерна, сахарной свеклы, картофеля, молока, мяса, а также продуктов их переработки. Большое внимание в регионе уделяется выращиванию зерна и зернобобовых культур, чему способствует расположение региона и благоприятные климатические условия. Проведем анализ производства зерна в Орловской области [6, 7].

Посевные площади зерновых и зернобобовых культур увеличиваются незначительно с каждым годом. В 2021 году произошло сокращение площади по отношению к 2020 году на 5,5 %, а по отношению к 2019 году увеличение на 0,2 %, что объясняется неблагоприятными погодными условиями и смещением посевных площадей в сторону

технических культур. Валовой сбор зерна в 2021 году сократился по отношению к 2020 году на 11,6 % и увеличился по отношению к 2019 году на 3 %, что объясняется изменением в размерах посевных площадей, а также снижением урожайности. Несмотря на это, в 2021 году Орловская область занимала 8 место по валовому сбору зерна в РФ. Регион выполняет контрольные показатели по содействию импортозамещению по объемам валового сбора зерна, так в 2020 году этот показатель был превышен на 42,75 %.

Урожайность зерновых и зернобобовых культур имела тенденцию к увеличению, однако в 2021 году сократилась по отношению к урожайному 2020 году на 6,8 %, что также объясняется неблагоприятными погодными условиями. Для поддержания предприятий АПК со стороны государства на данный момент предоставляются субсидии на затраты на сертификацию продукции, на транспортные расходы, выдаются кредиты по льготной ставке. Среди продукции АПК можно выделить перспективные товары, способствующие увеличению объемов экспорта региона, такие как пшеница, солод, кукуруза, масло рапсовое, подсолнечное, жмых.

Таким образом, для наращивания объемов экспорта зерновых и зернобобовых культур из Орловской области, а также поддержания продовольственной безопасности населения региона, необходимо обеспечить: увеличение посевных площадей; своевременное внесение удобрений для повышения урожайности в соответствии с научно-обоснованными нормами; качественный посевной материал; качество и безопасность продукции; соответствие требованиям стран-импортеров, принятых национальными стандартами получателей; выращивание экологически чистой продукции; создание мощностей для хранения и переработки зерна, а также производств по глубокой переработке зерна с применением биотехнологий; применение ресурсосберегающих технологий, обеспечивающих безотходное производство; совершенствование логистической инфраструктуры АПК; государственной поддержки; расширение торговых связей и освоение новых рынков сбыта.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. №328 «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. https://kodeksy-ru.com/norm_akt/source-%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/type-%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5/328-15.04.2014.htm.

2. Коварда В.В., Лаптев Р.А., Гололобова М.А. Перспективы развития импортозамещения в России: региональный аспект // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 10-3. – С. 45-50.
3. Гатиятулин Ш.Н., Орлов А.В. Проблемы импортозамещения в России и пути их разрешения // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. – 2022. – № 3. – С. 8-12.
4. Постановление Орловского областного Совета народных депутатов от 21.12.2018 № 31/823-ОС «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Орловской области до 2035 года». [Электронный ресурс]. <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW127&n=58299#u55DDHTgD1PJXxo11>.
5. Внешняя торговля субъектов ЦФО: Орловская область [электронный ресурс]. <https://ctu.customs.gov.ru/metodik/vneshnyaya-torgovlya-sub-ektov-czfo/orlovskaya-oblast>
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 1112 с.
7. Орловская область в цифрах. 2010, 2015, 2018-2020: краткий стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Орловской области. – Орел, 2021. – 190 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-473-474

ИГНАТЬЕВА Оксана Николаевна

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

СИЗОНЕНКО Зарина Лероновна

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

КОВШЕЧНИКОВА Вероника Александровна

старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Филологического факультета Башкирского государственного университета

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РАЗВИТИИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Статья посвящена вопросам развития цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Башкортостан. Авторы отмечают определенные успехи органов государственной власти в развитии цифровой экономики в регионе, особенно полученные социальные результаты, которые связаны с ростом качества жизни граждан, улучшением среды для развития коммерческих и некоммерческих организаций, обеспечением условий более продуктивной деятельности. При этом существует ряд острых проблем, препятствующих эффективной реализации стратегии развития цифрового государственного управления в республике.

Ключевые слова: инфраструктура интернета, государственные услуги, государственное управление, IT-проекты, цифровая трансформация, цифровизация отраслей.

IGNATJEVA Oksana Nikolaevna

Ph.D. in sociological science, associate professor of State management sub-faculty of the Institute of History and State Management of the Bashkir State University

SIONENKO Zarina Leronovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of State management sub-faculty of the Institute of History and State Management of the Bashkir State University

KOVSHETCHNIKOVA Veronika Aleksandrovna

senior lecturer of Foreign languages of the humanitarian faculties sub-faculty of the Philological Faculty of the Bashkir State University

THE CURRENT STATE OF THE ORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

The article is devoted to the development of digital transformation of economic sectors, social sphere and public administration of the Republic of Bashkortostan. The authors note certain successes of public authorities in the development of the digital economy in the region, especially the social results obtained, which are associated with an increase in the quality of life of citizens, improving the environment for the development of commercial and non-profit organizations, providing conditions for more productive activities. At the same time, there are a number of acute problems that hinder the effective implementation of the strategy for the development of digital public administration in the republic.

Keywords: internet infrastructure, public services, public administration, IT projects, digital transformation, digitalization of industries.

Как известно, целью цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Башкортостан является создание условий для ускоренного развития экономики и общества в республике на основе разработки и масштабного внедрения преимущественно отечественных информационных и телекоммуникационных технологий и услуг в целях повышения эффективности использования возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями в сферах транспорта, образования, ЖКХ, дорожного хозяйства, здравоохранения и социальной политики. В Государственной программе «Развитие информационного общества. Цифровая трансформация Республики Башкортостан» приведен перечень вызовов государственного управления: повышение соответствия кадрового потенциала; повышение доступности и качества предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде и проактивном режиме [1].

Таким образом, задачи цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Башкортостан: оптимизация про-

цессов работы органов власти и увеличение их эффективности; создание новых электронных форматов оказания государственных и муниципальных услуг; обеспечение внедрения «сквозных» цифровых технологий для повышения эффективности образовательного процесса; повышение уровня «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, а также государственного управления; разработка и утверждение нормативно-правовой базы, регулирующих внедрение новых технологий; создание образовательных программ для подготовки высококлассных специалистов для цифровой экономики; гарантия безопасности электронных данных, защита государственных, личных, бизнес интересов и др.

Проанализируем наиболее значимые направления деятельности в сфере цифрового развития Республики Башкортостан: инфраструктура интернета, перевод государственных услуг в электронный вид, поддержка республиканских IT-проектов, создание сети call-центров, цифровизация отраслей, работа над созданием информационных систем для Центра управления регионом. В течение 2020-2021 гг.

в республике, благодаря федеральному проекту «Информационная инфраструктура» национальной программы «Цифровая экономика», 1191 социальное учреждение подключили к высокоскоростному интернету. Завершилась реализация федеральной программы по устранению цифрового неравенства, в рамках которой обеспечены точкой доступа к Интернету 929 населённых пунктов Башкортостана с численностью жителей от 250 до 500 человек. Проект реализуется уже несколько лет и предусматривает обеспечение населённых пунктов коллективными общедоступными wi-fi точками доступа к сети интернет со скоростью 10 Мбит/с без ограничений по трафику. В указанный период была проведена полномасштабная доработка существующих 17 электронных госуслуг в сфере земельных отношений на региональном портале государственных услуг. Реализован механизм предоставления информации об уплате государственной пошлины и административного штрафа в области производства и оборота спиртосодержащей продукции для государственной услуги «Лицензирование розничной продажи алкогольной продукции», механизм возможности прикрепления файлов к электронному заявлению большего объёма с использованием файлового хранилища федерального СМЭВ и др. С 2019 года в республике функционируют ряд информационных систем для нужд государственных органов власти: Единый интернет-портал Республики Башкортостан для бизнеса и Лесная карта Башкортостана. Новый бизнес-портал объединил и расширил возможности всех ранее существовавших сайтов ведомств, республиканских институтов развития для взаимодействия с предпринимателями. Теперь у Башкортостана есть единая площадка для бизнесменов и инвесторов. Единый портал создавался, чтобы информировать представителей бизнеса об инвестиционной привлекательности и возможностях региона; дать удобную и функциональную онлайн-площадку для инвесторов; обеспечить информационное сопровождение реализуемых проектов и возможности в формате «одного окна» получать информацию об актуальных региональных и государственных мерах поддержки для крупного, малого и среднего бизнеса, деятельности институтов развития; а также в помощь нахождения площадок для реализации инвестпроектов. «Лесная карта Башкортостана» делает прозрачной и открытой информацию об использовании лесов. Функционал системы направлен на сохранение и приумножение лесного фонда Республики Башкортостан и представлен в виде мобильного приложения, целевой аудиторией которого являются жители-пользователи Интернета, а также сотрудники министерства лесного хозяйства Республики Башкортостан. Любой может скачать мобильное приложение (для Android и iOS) и загрузить карты всех лесничеств, либо отдельно выбранного лесничества. Для обеспечения контентного наполнения системы оцифрованы карты всех лесов Башкортостана (5747,7 тысячи гектаров, 31 лесничество, 80947 лесных кварталов). Проводится работа по оцифровке 21,7 тысячи гектаров лесов муниципального (городского) значения. Важно отметить, что, если в лесу у пользователя мобильного приложения не окажется сотовой связи и подключения к Интернету, приложение сохранит всю информацию, включая географические координаты, и отправит её позже.

С 2019 года в Башкортостане реализуется проект АИС «Образование», в котором уже приняли участие более 1,2 млн пользователей, в том числе более 390 000 студентов, а также профессорско-преподавательский состав, сотрудники РСО, Министерство образования и науки Республики Башкортостан [2]. На портале «Электронное образование Республики Башкортостан» также размещены электронные курсы в области нефтяной и газовой промышленности по 8 направлениям. Обеспечена возможность онлайн-тестирования и получения по его итогам успешного сертификата.

По поручению Президента России в РБ с 2020 года начал функционировать Центр управления республикой (ЦУР) – единая цифровая платформа, на которой представлены все сферы жизнедеятельности региона. Его основой стали информационные системы, которые разрабатывает Мини-

стерство цифрового развития государственного управления РБ [3].

Для реализации мероприятий государственной программы «Развитие информационного общества. Цифровая трансформация Республики Башкортостан» в 2021 году предусмотрено 931329,3 тыс. рублей. За 2021 год сумма освоенных средств составила 900981,5 тыс. рублей. Причиной низкого уровня контрактации является длительность проведения закупочных процедур, поэтапная оплата согласно условиям заключённых государственных контрактов. В 2021 году достигнуто 11 из 15 показателей государственной программы, поэтому общая оценка достижения плановых значений целевых индикаторов и показателей государственной программы (подпрограмм) составила 73,3 %. Эффективность реализации мероприятий подпрограмм составила 72,2 %. Доля расходов бюджета Республики Башкортостан в соответствующем периоде на реализацию программы в общем объёме расходов на реализацию программы составила 20,3 %. К концу 2024 года Министерством цифрового развития государственного управления Республики Башкортостан будет обеспечено развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры за счёт: обеспечения всех населённых пунктов с населением более 250 человек услугами мобильной связи и доступом к сети Интернет; обеспечения свыше 90 % автомобильных дорог регионального значения устойчивым сигналом сотовой связи; обеспечения возможности использования жителями Республики Башкортостан единой карты «АЛГА» на всех видах пассажирского транспорта и при получении социально значимых сервисов и услуг; возможности всем гражданам и организациям осуществлять взаимодействие в электронном виде с республиканскими органами исполнительной власти при получении значимых государственных и муниципальных услуг. Таким образом, в рамках исследования были выявлены следующие проблемы: – нестабильность и недостаточность нормативно-правовых актов на федеральном и региональном уровнях, определяющих условия и возможности развития инновационных отечественных технологий, их использование органами государственной власти с целью предоставления государственных услуг физическим и юридическим лицам в электронном виде и совершенствования межведомственного взаимодействия; – недостаточная квалификация руководителей, менеджеров и специалистов отраслевых министерств региона в сфере использования цифровых экономических и управленческих моделей; – отсутствие должного обеспечения реализации стратегии развития цифрового государственного управления на основе цифровой платформы; – недостаточная степень синхронизации цифровизации управленческого цикла по принятию решений с цифровизацией цикла сбора и обработки данных, расширения используемых источников данных о результативности и эффективности деятельности органов власти и методов обработки и анализа этих данных; – отсутствие возможности перевода всех госуслуг полностью в электронный вид потому, что существуют законодательные требования по предъявлению некоторых документов в бумажном виде.

Пристайный библиографический список

1. Официальный сайт Министерства цифрового развития государственного управления Республики Башкортостан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://it.bashkortostan.ru/> (дата обращения: 15.09.2022).
2. Официальный сайт Башкирского регистра социальных карт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brsc.ru/customers/education/about> (дата обращения: 15.04.2022).
3. Указ Главы Республики Башкортостан от 09.03.2022 № УГ-100 «О Центре управления Республикой Башкортостан». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0200202203170002> (дата обращения: 11.05.2022).

ХАЛИКОВА Эльвира Анваровна

кандидат экономических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

КАНТОР Ольга Геннадиевна

доктор физико-математических наук, профессор Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЭРГАШЕВА Шахло Тургуновна

кандидат экономических наук, профессор Ташкентского государственного экономического университета

ГУСЕЙНОВА Наиля Заминовна

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

МОНИТОРИНГ КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМИ ПОТОКАМИ В КОМПАНИИ

В представленной статье рассматриваются концептуальные основы управления финансовыми потоками, основанные на интегрировании ключевых функций финансового менеджмента – планирования, учета и анализа с использованием базы данных и инструментария ее визуализации и аналитики.

Основной акцент сделан на методологии ключевых показателей эффективности в системе управления финансовыми потоками, включая «план-факт» анализ исполнения показателей бизнес-плана. На примере нефтегазовой компании Республики Узбекистан показана апробация рассматриваемой методологии и каким образом могут приниматься корректирующие управленческие решения менеджментом предприятия.

Ключевые слова: финансовые потоки, ключевые показатели эффективности, «план-факт» анализ, бизнес-план, финансовые результаты.

KHALIKOVA Elvira Anvarovna

Ph.D. in economical sciences of the Ufa State Petroleum Technical University

KANTOR Olga Gennadjevna

Ph.D. in physics and mathematics sub-faculty, professor of the Ufa State Petroleum Technical University

ERGASHEVA Shakhlo Turgunovna

Ph.D. in economical sciences, professor of the Tashkent State Economical University

GUSEYNOVA Nailya Zaminovna

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University, magister student of the Tashkent State Economical University

MONITORING OF KEY INDICATORS AS A TOOL FOR EFFECTIVE MANAGEMENT OF FINANCIAL FLOWS IN THE COMPANY

The presented article discusses the conceptual foundations of financial flow management based on the integration of the key functions of financial management - planning, accounting and analysis using a database and tools for its visualization and analytics.

The main emphasis is placed on the methodology of key performance indicators in the financial flow management system, including the "plan-fact" analysis of the performance of business plan indicators. On the example of an oil and gas company of the Republic of Uzbekistan, the approbation of the considered methodology is shown and how corrective management decisions can be made by the enterprise management.

Keywords: financial flows, key performance indicators, plan-fact analysis, business plan, financial results.

Современные предприятия вынуждены осуществлять свою деятельность в условиях экономического непостоянства и ограниченного объема финансовых ресурсов, в связи с чем они крайне заинтересованы в поиске способов повышения ее эффективности. В свою очередь решение задачи повышения эффективности работы предприятий во многом связано с совершенствованием управления финансовыми потоками. Эффективное управление финансовыми потоками помогает обеспечить достижение стратегических целей и обеспечить необходимым объемом финансовых ресурсов для финансирования текущей, финансовой и инвестиционной деятельности предприятия. Помимо этого, правильное формирование финансовых потоков на этапе составления бизнес-плана и корректные методы их мониторинга способствуют повышению эффективности управления предприятием в целом и обеспечению динамичности соответствующих процессов.

Управление финансовыми потоками на предприятии подразумевает грамотной планирование, учет, анализ и кон-

троль финансовых показателей, генерирующих финансовые потоки, что является существенным фактором ее стабильности. Для того чтобы определить экономическую эффективность предприятия за определенный временной промежуток (в качестве такового в настоящей работе рассмотрен год) предлагается набор процедур по анализу и мониторингу ключевых показателей бизнес-плана (КРП или КПЭ), выступающих ориентиром финансовой деятельности на предстоящий период времени. Отдельные показатели КРП позволяют оценить эффективность работы компании по конкретному направлению, а их совокупность – степень достижения стратегических целей компании.

В качестве ключевых показателей эффективности были рассмотрены: доход (чистая выручка), ОПЕХ (операционные расходы), САРЕХ (капитальные затраты, вложения в основные средства и нематериальные активы), ЕБИТ (прибыль до вычета процентов и налогов), ЕБИТДА (прибыль до уплаты налога на прибыль, процентов по кредитам и амортизации),

Таблица 1. «План-факт» анализ финансовых показателей за 2021 гг. (млрд.сум)

Показатель	2021 год		
	бизнес-план	отчетные данные	отклонение от бизнес-плана (Δ)
Sales	14 338,3	15 823,5	1 485,2
Opex	7 715,0	9 192,6	1 477,5
CAPEX	3,5	4,0	0,5
EBIT	6 623,3	6 631,0	7,6
EBITDA	2 894,7	5 446,4	2 551,7
EBT	3 593,7	4 741,1	1 147,4
Net Profit (NP)	3 054,6	3 301,9	247,3
FCF	3 053,8	3 300,7	246,9

свободный денежный поток (FCF). Мониторинг перечисленных показателей позволяет выявить тенденции, намечающиеся позитивные и негативные изменения и повысить достоверность прогнозных оценок. В данной статье в качестве инструментов мониторинга предлагается использовать «план-факт» анализ, коэффициентный метод, а также метод светофора.

«План-факт» анализ проводится в целях изучения результатов деятельности предприятия. Данный метод направлен на сравнение плановых и фактических показателей. В рамках его применения рассчитываются отклонения, на основе анализа которых стараются выявить причины их появления. Проведение «план-факт» анализа предполагает, что должны быть выбраны показатели для непосредственного наблюдения. При этом желательным является определение уровней существенности по каждому из них, что позволит дать качественную оценку их изменений. Для выполнения «план-факт» анализа необходимо определить последовательность действий и утвердить форму представления результатов.

Проведения «план-факт» анализа подразумевает создание табличного представления данных, которые будут составлять основу для бизнес-аналитики. Рассмотрим динамику финансовых показателей на примере АО «Узбекнефтегаз», занимающегося геологоразведкой, добычей, транспортировкой, хранением, переработкой и реализацией нефти и газа. Представление данных с использованием метода «план-факт» анализа приведено в таблице 1.

Анализ абсолютных отклонений Δ целесообразно дополнять коэффициентным анализом, который в данном случае может быть сведен к расчету финансовых коэффициентов на основе представленных показателей финансовой отчетности. На основе данных 2021 года (табл. 1) следует отметить, что показатели доходов, EBIT, EBITA, EBT и чистой прибыли (NP) имеют положительные отклонения, что свидетельствует о правильном распределении и планировании финансовых показателей. В этот период имело место превышение всех запланированных показателей. Так, фактические значения показателей прибыли NP и EBITA превысили плановые на 8,1 % и 88,1 %, показателей затрат OPEX и CAPEX - на 19,5 % и 15,6 % соответственно, а показателя EBIT – всего на 0,1 %, что может объясняться существенным снижением амортизационных отчислений в виду выбытия изношенного основного капитала.

Разнонаправленные качественные трактовки тенденций изменений выбранных для анализа показателей, обуславливают целесообразность применения специфического инструмента мониторинга КПЭ, в качестве которого в настоящей работе был использован метод светофора.

Данный метод позволяет давать наглядное представление отклонения запланированных данных от фактических значений по принципу светофора.

Для финансовых показателей, рост которых оказывает негативное влияние на финансовые потоки предприятия, в качестве допустимого диапазона отклонений фактических показателей от бизнес-плана приняты следующие значения: для CAPEX – 30 %, для OPEX – 20 %. Данное обстоятельство объясняется тем, что высокая динамика инфляционных процессов влияние на рост цен на материальные ресурсы, энергетику, производственные услуги и работы.

Для финансовых показателей, рост которых оказывает положительное влияние на финансовые потоки предприятия, в качестве допустимого диапазона отклонений фактических показателей от бизнес-плана принято значение 10 %.

Данный метод позволяет давать наглядное представление отклонения запланированных данных от фактических значений по принципу светофора. Так, если все отклонения попадают в зеленую зону, это означает что бизнес-план на заданный период был распisan правильно, и прибыль предприятия достигла значений, выше запланированных. Если же значение попадает в желтую зону, то это означает что данный показатель находится в зоне допустимых вариаций, в случае попадания показателя в красную зону, это может свидетельствовать, что компания не исполняет свой бизнес-план, и, соответственно, необходимо корректировать управленческие действия, направленные на обеспечение исполнения показателей бизнес-плана.

Визуализация аналитических данных для управления финансовыми потоками реализуется с помощью Дашборда. Это информационная панель, на которой одновременно размещаются диаграммы, гистограммы, круговые диаграммы и аналитические групповые таблицы со световыми иконками, а также параметры, при выборе которых меняются финансовые метрики и аналитическая информация.

Эффективность перечисленных аналитических инструментов анализа финансовых показателей возрастает при их одновременном применении. В этой связи в целях обеспечения удобства и наглядности мониторинга ключевых показателей эффективности финансовых потоков предприятия «Узбекнефтегаз» перспективным направлением видится разработка дашборда – современного цифрового инструмента визуализации данных и бизнес-аналитики.

Пристатейный библиографический список

1. Роберт С. Каплан, Дейвид П. Нортон. Сбалансированная система показателей. ЗАО «Олимп-Бизнес». Москва, 2003. 210 с.
2. Халикова Э.А., Арутюнян Б.Х. Современная модель управления денежными потоками в компании // Евразийский юридический журнал. 2017. № 5 (108). С. 382-385.
3. Данные бизнес-плана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ung.uz/?ysclid=18mtdtc3y377321763/>.

САИТБАТАЛОВА Венера Тухфатовна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА И РЕАЛИЗАЦИИ ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

В статье рассматриваются проблемы производства и реализации органической продукции. Одной из проблем является отсутствие компенсации за затраты на приобретение сертификации продукции, так же в законодательстве не разработан единый перечень анализов для органической продукции. Важной проблемой является отсутствие единого реестра, в котором бы содержалась информация о производителях органических веществ для улучшения почв и органических удобрений. Автор считает, что одним из решений будет разработка комплексной программы мероприятий для предотвращения фальсификации органической продукции.

Ключевые слова: органическая продукция, национальный стандарт, нормативное регулирование, сертификация, право.

SAITBATALOVA Venera Tuhfatovna

senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Sibai Institute (branch) of the Bashkir State University

CHARACTERISTICS OF LEGAL PROBLEMS OF REGULATION OF PRODUCTION AND SALE OF ORGANIC PRODUCTS

The article deals with the problems of production and sale of organic products. One of the problems is the lack of compensation for the costs of purchasing certification of products, as well as the legislation has not developed a single list of analyses for organic products. An important problem is the lack of a unified register that would contain information about producers of organic substances for soil improvement and organic fertilizers. The author believes that one of the solutions will be the development of a comprehensive program of measures to prevent the falsification of organic products.

Keywords: organic products, national standard, regulatory regulation, certification, law.

Цены на органическую продукцию достаточно высокие, это связано с высокотехнологичным производством, ведь в конечном итоге больше времени требуется для изготовления такой продукции, обязательной процедурой сертификации продукции.

Для того, чтобы той или иной продукции был присвоен статус «органической», задачей производителя такой продукции является обеспечение всех необходимых требований к производственному процессу такой продукции. Эти требования должны соответствовать установленным стандартам и регламентам. В таком случае, орган, который проводит аккредитацию, может выдать производителю органической продукции соответствующий сертификат. Однако, следует акцентировать внимание на том факте, что процесс, связанный с сертификацией, может предполагать достаточно высокие затраты, а также усложнение производственного процесса.

У производителей органической продукции на месте производства проверяют выполняются ли условия, прописанные в регламентах и только после этого аккредитованные органы сертификации выдают сертификат.

Перед тем, как орган по сертификации получит возможность выдавать организациям сертификаты, ему необходимо самому пройти аккредитацию в органах по аккредитации.

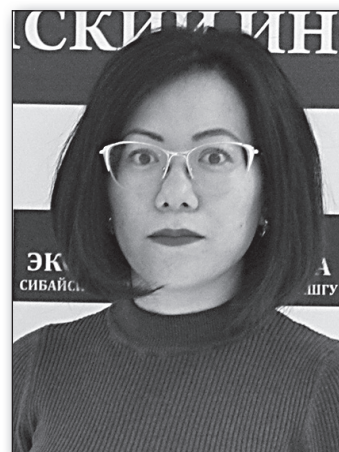
В Федеральной службе по аккредитации есть перечень требований к органам сертификации, он составлен на основе европейских регламентов и стандартов, так как в России рынок органической продукции развит слабо. Европейский

стандарты и регламенты можно найти на сайтах европейских органов аккредитации, имеющих подтвержденную международную аккредитацию.

Процесс сертификации характеризуется как трудоемкостью, так и длительностью. Однако, после того, как этот процесс завершается, предприятие, которое осуществляет производство продуктов имеет возможность:

- на законных основаниях использовать знак эко-маркировки; наличие данного знака является подтверждением того, что производимая продукция отвечает всем необходимым стандартам, которые соответствуют органической продукции;
- использовать наличие соответствующего сертификата для того, чтобы повысить потребительский спрос на продукцию;
- выйти со своим продуктом на внешние рынки, а также повысить цены на эту продукцию;
- улучшить имидж своего предприятия, что, в свою очередь повысит уровень доверия со стороны потенциальных покупателей.

Нормативно-правовая база, на основе которой регламентировались бы вопросы, связанные с органическим земледелием, а также в целом производством и реализацией органической продукции, длительное время отсутствовала. Однако, за последнее время были разработаны и внедрены ряд ГОСТов, о которых уже шла речь в предыдущих частях данной работы. Здесь можно выделить такие нормативно-правовые документы как:

Саитбаталова В. Т.

– «ГОСТ Р 56104-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Продукты пищевые органические. Термины и определения» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 10.09.2014 г. № 1068-ст)¹;

– Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 57022-2016 «Производство органического производства. Порядок проведения добровольной сертификации органического производства» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 5 августа 2016 г. № 906-ст);

– «ГОСТ 33980-2016. Межгосударственный стандарт. Продукция органического производства. Правила производства, переработки, маркировки и реализации» (введен в действие Приказом Росстандарта от 22.11.2016 г. № 1744-ст);

– ГОСТ Р 59425-2021 «Продукция органическая из дикорастущего сырья. Правила заготовки, сбора, хранения и переработки» (утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 14.04.2021 г. № 212-ст).

В перечисленных документах находят свое отражение основные правила и нормативы, которые касаются вопросов производства и реализации органической продукции, а также порядок проведения сертификации такой продукции.

Также важнейшим нормативно правовым актом здесь является вступивший в действие с начала 2020 года ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Несмотря на вступление в силу названного ФЗ, необходимо определенное время для того, чтобы необходимая законодательства база, которая обеспечивала бы эффективное регулирование вопросов производства и реализации органической продукции, будет сформирована. К тому же следует отметить, что имеет место быть большое количество неурегулированных вопросов.

Одной из проблем можно назвать тот факт, что в настоящее время отсутствует такая система национальной сертификации, которая была бы гармонизирована с теми стандартами органической продукции, которые используются в международной практике [1, с. 32].

В настоящее время на территории Российской Федерации существует двенадцать организаций, которые имеют право проводить сертификацию органической продукции. Однако, добровольная сертификация органической продукции является достаточно затратным мероприятием. В Соединенных Штатах государство полностью компенсирует те затраты, которые несут фермеры в связи с необходимостью сертификации [2, с. 46]. В нашей же стране такая компенсация в настоящее время не предусмотрена.

В качестве еще одной проблемы нормативного регулирования производства органической продукции можно назвать тот факт, что единый перечень анализов отсутствует. Готовая органическая продукция должна также подлежать систематической проверке на наличие в ней веществ и соединений, недопустимых для органической продукции.

Также в качестве проблемы следует обозначить отсутствие единого реестра, в котором бы содержалась информация о производителях органических веществ для улучшения почв и органических удобрений, а также энтомофагов и биопрепаратов. Несмотря на тот факт, что на сайте Союза органического земледелия имеется «Перечень средств производства для применения в системе органического земледелия», этот документ должен быть подвергнут тщательному редактированию, а также дополнению [4, с. 253]. Например,

в данном перечне указаны пятьдесят шесть видов энтомофагов, производство половины из которых не осуществляется на территории Российской Федерации.

Среди прочих проблем нормативно-правового регулирования, которые сдерживают процессы производства и реализации органической продукции, можно назвать следующие:

– отсутствие возможности получать доплату за переходный период, в который земли, подготавливаемые для выращивания органической продукции, не дают урожай;

– наличие достаточно слабой информационной базы о тех технологиях, которые должны находить свое использование при ведении органического земледелия.

Автор рассматривает в качестве выхода из сложившейся ситуации разработку стандартов, где будет предусмотрено использование препаратов для защиты растений и его технические условия применения, разрешено применение ГОСТ 33980–2016 для борьбы с болезнями, вредителями и сорняками средств биологического происхождения.

Таким образом, в завершение данной статьи можно сделать следующие основные выводы.

Несмотря на развитие законодательства в сфере регулирования производства и реализации органической продукции в Российской Федерации, имеют место быть вопросы, которые должны быть решены.

Среди актуальных проблем нормативно-правового регулирования можно выделить:

– отсутствие законодательной возможности для производителей органической продукции компенсировать затраты на ее сертификацию;

– отсутствие разработанной программы информационной поддержки, которая позволила бы обеспечить широкий доступ к реестру как производителей органической продукции, так и производителей удобрений и прочей вспомогательной продукции;

– отсутствует комплексная программа мероприятий, которая позволила бы предотвратить возможную фальсификацию органической продукции;

– отсутствие единого реестра, в котором бы содержалась информация о производителях органических веществ для улучшения почв и органических удобрений, а также энтомофагов и биопрепаратов.

Автор рассматривает в качестве основного выхода из указанных проблем разработку стандартов, где будет предусмотрено использование препаратов для защиты растений и его технические условия применения, разрешено применение ГОСТ 33980–2016 для борьбы с болезнями, вредителями и сорняками средств биологического происхождения.

Пристатейный библиографический список

1. Белякова З. Ю. Формирование органического сектора пищевой продукции в России. Часть 1. Перспективы развития // Молочная промышленность. – 2018. – № 10. – С. 30-32.
2. Климова М. Л. Органическое сельское хозяйство. Международный опыт правового регулирования // Молочная промышленность. – 2018. – № 5. – С. 46-47.
3. Кострова Ю. Б., Шибаршина О. Ю. К вопросу о развитии сертификации органической продукции в РФ // Столыпинский вестник. – 2020. – № 3. – С. 85-89.
4. Кострова Ю. Б., Мартынушкин А. Б. Проблема развития рынка органической продукции в РФ // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. – 2020. – № 1 (60). – С. 252-255.

¹ «ГОСТ Р 56104–2014. Национальный стандарт. Продукты пищевые органические. Термины и определения» (утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10.09.2014 г. № 1068-ст). – СПС «Гарант».

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-479-482

ДОБРЯХИНА Олеся Павловна

аспирант Заполярного государственного университета им. Н. М. Федоровского

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕГАПРОЕКТОВ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)

Статья посвящена проблемам реализации мегапроектов цифровой трансформации городов. В качестве примера рассматривается масштабный проект «Умный город 2030», реализуемый в настоящее время в Москве. Дана общая характеристика этого мегапроекта, проанализирована специфика развития ИТ-инфраструктуры города, выделены основные проблемы цифровизации. По результатам анализа выявленных проблем предложены базовые рекомендации по повышению эффективности реализации мегапроекта.

Ключевые слова: мегапроект, цифровая трансформация, цифровизация, умный город, Москва.

DOBRYAKHINA Olesya Pavlovna

postgraduate student of the N. M. Fedorovskiy Transpolar State University

IMPLEMENTATION OF CITIES DIGITAL TRANSFORMATION MEGAPROJECTS: FEATURES AND PROBLEMS (THE CASE OF MOSCOW)

The article is devoted to the problems of implementing megaprojects of cities digital transformation. As an example, the large-scale project "Smart City 2030", implemented in Moscow, is considered. The general characteristics of this megaproject are given, the specifics of the development of the city's IT infrastructure are analyzed, and the main problems of digitalization are highlighted. Based on the results of the analysis of the identified problems, basic recommendations for improving the efficiency of the implementation of the megaproject are proposed.

Keywords: megaproject, digital transformation, digitalization, smart city, Moscow.

Добряхина О. П.

Введение

В последние годы в социальных и экономических исследованиях всё чаще рассматривается тема техногенного общества, для которого характерно наличие устойчивых взаимосвязей между жизнью людей и функционированием технических систем. Одной из наиболее популярных концепций такого общества является концепция «умный город», в рамках которой раскрываются различные аспекты использования информационных технологий в городской среде. Согласно результатам исследования, проведённого специалистами Массачусетского технологического института, «умный город» является одним из наиболее перспективных направлений цифровизации общества [6].

Концепция «умный город» подразумевает использование инновационных подходов к организации жизни города и интеграцию различных аппаратных и программных средств для информационного обеспечения таких сфер, как транспорт, образование, здравоохранение, потребительский рынок, социальное обеспечение и т.д. По сути, речь идёт о применении принципиально нового подхода к формированию системы управления городом. На входе системы «умный город» – информация, вводимая пользователями, а также поступающая с различных сенсорных устройств и камер и др. На выходе – результаты анализа информации, полученные с использованием современных технологий (управление базами данных, работа с большими данными, блокчейн и т.д.) и соответствующим образом интерпретированные для принятия рациональных управленческих решений. Применение концепции «умный город» позволяет делать городское пространство более связанным, достигать синергетического эффекта от взаимодействия различных систем городского

хозяйства, повышать эффективность контроля и более рационально использовать материальные, финансовые и человеческие ресурсы. Технологии умного города уже апробируются и внедряются во многих крупнейших мировых мегаполисах. Одними из наиболее ярких примеров являются Торонто и Барселона [9].

Успешность реализации концепции определяет множество факторов, наиболее важными из которых являются материально-техническое и кадровое обеспечение. Ключевую роль играет человеческий капитал, под которым понимается наличие достаточных кадровых ресурсов, обладающих необходимыми знаниями, умениями и навыками и способных быстро адаптироваться к изменениям окружающей среды. Именно наличие человеческого капитала стало определяющим условием для успешной реализации многих крупных проектов по внедрению концепции «умный город» в различных мегаполисах мира.

В ряде российских крупных городов уже внедрены отдельные «умные» технические решения для автоматизации систем безопасности, электроснабжения, материально-технического обеспечения (кварталы Smart Grid, управление уличным освещением с помощью сенсорных датчиков), а также для информационного взаимодействия между гражданами и органами власти (порталы для оказания государственных услуг, системы электронного голосования и т.д.). Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает реализацию во всех регионах к 2024 г. проекта «Цифровой город» [5]. Однако, следует отметить, что масштабы инвестиций в городские проекты значительно разнятся, в зависимости от ресурсного потенциала регионов и размеров городских бюджетов. В крупных мега-

полисах объёмы капиталовложений часто составляют десятки миллиардов рублей, и при этом проекты имеют системный и долгосрочный характер, что позволяет относить их к категории мегапроектов.

Наиболее значимые успехи в сфере использования умных технологий наблюдаются в Москве. Столица является своеобразным «локомотивом» цифровизации российских городов, здесь уже внедрено и отработано большинство современных технологий «умного города».

Цель настоящей статьи – рассмотреть специфику и проблемы цифровизации городской среды на примере мегапроекта «Умный город - 2030» в Москве и предложить рекомендации по повышению эффективности внедрения «умных» цифровых технологий.

Особенности цифровизации Москвы на основе технологий умного города

Москва является не только столицей России, но и по множеству параметров – уникальным мегаполисом. Здесь концентрируются финансовые и человеческие ресурсы со всей страны, а также государств постсоветского пространства. Москва активно развивается с привлечением smart-технологий, и руководство столицы стремится сделать ее лидером среди мировых и российских «умных городов».

В настоящий момент в Москве реализуется мегапроект «Умный город - 2030», который предусматривает масштабное внедрение современных цифровых технологий по следующим направлениям: развитие человеческих ресурсов, социальное обеспечение, рекреация, мобильные технологии, экономика и финансы, охрана окружающей среды, цифровое правительство. Основной акцент делается на внедрение во все сферы жизнедеятельности города сквозных технологий: дополненная и виртуальная реальность, интернет вещей, обработка больших данных, искусственный интеллект.

«Умный город - 2030» – уже третий крупный проект цифровизации городской среды в Москве. Он является самым масштабным и базируется на достижениях предыдущих этапов цифровой трансформации, связанных с реализацией программ «Информационный город» и «Электронная Москва». На ранних этапах внедрялись новые форматы оказания отдельных услуг для граждан (например, внедрение системы электронных голосований «Активный гражданин»), а к 2023 году планируется полностью перейти к «умному» управлению и комплексному взаимодействию между гражданами и городскими властями с помощью цифровых инструментов. На текущий момент вся ключевая инфраструктура уже сформирована (телекоммуникационные каналы и серверные мощности, системы электронного документооборота, системы цифровой поддержки оказания государственных услуг в сфере образования, здравоохранения, ЖКХ).

Согласно данным мэрии Москвы, роль цифровых технологий в управлении российскими городами стабильно растёт. В 2020 г. их доля в валовом региональном продукте превысила 7 % [1]. При этом Москва лидирует среди многих мировых городов по множеству параметров в цифровизации городской жизни.

Как известно, Москва обладает крупнейшим ресурсным потенциалом, не сопоставимым с другими российскими городами. В столице имеются необходимые кадры и финансовые ресурсы для динамичного внедрения цифровых технологий во все сферы городского хозяйства. Ежегодно московские власти вкладывают более 30 млрд. руб. в реализацию мегапроекта «Умный город – 2030» [2]. По уровню цифровизации

Москва может соперничать с наиболее передовыми мегаполисами мира.

В Москве активно развиваются инновационные технологические центры и технопарки (более 1300 резидентов технопарков) [2], столица ведёт интенсивное сотрудничество и обмен опытом в области цифровизации с другими российскими и зарубежными городами. В связи с этим Москву по праву называют «глобальным городом» [7]. В 2017 г. Москва впервые вошла в семёрку ведущих интеллектуальных мегаполисов мира и в финал премии исследовательской компании Intelligent Community Forum (ICF). К числу лидеров были отнесены Мельбурн и Ипсуич (Австралия), а также графство Грей и Эдмонтон (Канада). Претенденты на премию сравнивались по следующим характеристикам: уровень развития инфраструктуры, наличие условий для реализации инновационных проектов, доступность образования, эффективность работы городских интернет-сервисов, качество и доступность услуг связи. Москва заняла второе место в мире по охвату городской территории бесплатными точками доступа к Wi-Fi, в том числе в метрополитене [8].

На текущий момент инновационная инфраструктура столицы включает примерно 2 тыс. объектов, на которых работают больше 3 тыс. ед. современного высокотехнологичного оборудования, в частности [4]:

- особая экономическая зона «Технополис “Москва”»;
- «Цифровое деловое пространство» – обновленный Центральный дом предпринимателя;
- 31 технопарк;
- 76 коворкингов, в каждом из которых оборудованы в среднем по 100 рабочих мест;
- пять центров развития промышленных технологий, работающих с предприятиями малого и среднего бизнеса: компании имеют возможность отлаживать производственные процессы, заниматься лабораторными исследованиями в области материаловедения, вести работы по стандартизации и сертификации. В 2021 году резидентами этих центров были более 300 малых и средних предприятий.
- два территориальных инновационных кластера в Троицке и Зеленограде. Специализация первого: инновационные материалы, лазерные и рентгеновские технологии (58 участников, около 6 тыс. работников); специализация второго: приборостроение и электроника (190 участников, свыше 8 тыс. работников).

Ключевая роль в реализации мегапроекта «Умный город – 2030» принадлежит Департаменту информационных технологий Правительства Москвы, который координирует деятельность всех основных объектов ИТ-инфраструктуры города. В частности, под его руководством внедрена электронная платформа оказания государственных услуг и различные информационные системы, основанные на технологии интернета вещей.

Одной из базовых технологий цифровизации городского хозяйства является технология искусственного интеллекта. С её помощью в Москве уже автоматизировано множество функций управления городом, расширен ассортимент предоставляемых дистанционно государственных услуг и повышено их качество. Наиболее широко применяются такие технологии, как распознавание и синтез речи и изображений, машинный перевод. Важной вехой интеграции различных цифровых технологий и городских информационных ресурсов стало создание официального портала мэрии Москвы mos.ru. В результате жители столицы получили возможность доступа к разносторонней информации в удобном формате,

Таблица 1. Основные проблемы реализации мегапроекта «Умный город - 2030» и возможные направления их решения

Проблема	Краткая характеристика проблемы	Рекомендуемые пути решения проблемы
Нерациональное финансирование	Сложности с рациональным распределением финансовых ресурсов, связанные с отсутствием эффективных моделей оценки экономической эффективности проектов.	Совершенствование методологии оценки эффективности проектов, использование передовых программных продуктов для экономического моделирования. Более активное использование механизмов государственно-частного партнерства.
Наличие множества административных барьеров	Ключевую роль в реализации мегапроекта играют городские и муниципальные власти. Возникают сложности при согласовании интересов государственных и частных структур. Процедуры согласования часто являются слишком долгими и затратными. Часто возникают хозяйственные споры.	Разработка детальных правил, регламентирующих процедуры согласования различных аспектов реализации проектов и процедуры взаимодействия между государственными органами и предпринимательскими структурами. Автоматизация процедур согласования. Введение штрафных санкций за затягивание государственными служащими сроков согласования.
Проблемы в сфере координации деятельности отдельных участников мегапроекта	В городе отсутствует единая информационная система, с помощью которой можно было бы координировать работу различных участников мегапроекта. Отсутствует единая управляющая структура мегапроекта.	Разработка единой системы, позволяющей бизнесу и государственным органам оперативно обмениваться через интернет актуальной финансовой и организационной информацией по отдельным проектам, входящим в мегапроект
Низкий уровень интеграции технологий умного города в планы городской застройки.	Корректировка документации, регулирующей городскую застройку, требует значительных затрат временных и финансовых ресурсов.	Разработка и автоматизация процедур, позволяющих оперативно корректировать градостроительную документацию.
Дефицит необходимых трудовых ресурсов	Для реализации отдельных проектов не хватает квалифицированных специалистов. Кадровая структура требует корректировки.	Разработка и реализация специализированных образовательных программ, привлечение профессорско-преподавательского состава лучших вузов. Совершенствование системы мотивации персонала.
Низкая эффективность мероприятий по популяризации концепции умного города.	Низкая осведомленность населения и предпринимательских структур об особенностях и преимуществах использования технологий умного города.	Создание специализированной PR-структуры для донесения до целевых аудиторий необходимой информации по реализации мегапроекта «Умный город - 2030».
Проблема методологии оценки эффективности мегапроекта.	Отсутствие единой системы критериев для оценки экономической и социальной эффективности мегапроекта.	Привлечение специалистов из академической среды, из предпринимательского сектора и из сферы государственного управления для разработки системы ключевых показателей эффективности.

Составлено автором

а мэрия - возможность значительно экономить ресурсы (прежде всего временные и кадровые) и использовать развитые механизмы обратной связи с гражданами.

К наиболее важным направлениям дальнейшей цифровой трансформации столицы мэрия Москвы относит создание и развитие интегрированных баз данных по различным аспектам жизни города: функционирование жилищно-коммунального хозяйства, социальное обеспечение, экология, регулирование потребительских рынков.

Следует обратить внимание, что реализация мегапроекта «Умный город - 2030» не только способствует повышению качества жизни жителей столицы, но и помогает повысить конкурентоспособность Москвы как центра притяжения наиболее квалифицированных человеческих ресурсов и точки роста в сфере цифровых технологий - не только на национальном, но и на международном уровне [3]. Таким образом, формируются инновационные конкурентные преимущества города, которые дают синергетический эффект совместно с традиционными преимуществами: столичным статусом, выгодным географическим положением, большой численностью и высоким уровнем образованием населения.

Ключевые проблемы цифровой трансформации Москвы в рамках мегапроекта «Умный город - 2030»

Для идентификации и анализа ключевых проблем реализации московского мегапроекта «Умный город - 2030» автором был проведён опрос руководителей трёх строительных компаний, руководящих работников мэрии Москвы, а также жителей столицы с использованием социальной сети Вконтакте (300 респондентов).

По результатам опроса выделены типовые проблемы и потенциальные направления их решения при реализации рассматриваемого мегапроекта (таблица 1).

Можно выделить следующие ключевые проблемы мегапроекта «Умный город - 2030», решению которых городские власти Москвы должны уделить особое внимание:

- организационные проблемы: низкая эффективность взаимодействия между различными субъектами, принимающими участие в реализации мегапроекта, недостаток кадров требуемой квалификации, высокие административные барьеры, низкая эффективность мероприятий по популяризации деятельности городских властей в области цифровой трансформации городского хозяйства;

- проблемы оценки эффективности: отсутствие финансовых моделей, позволяющих адекватно оценить экономическую эффективность реализуемых частных проектов и мегапроекта в целом; отсутствие единой системы показателей для определения социальной эффективности проводимых мероприятий;

- инфраструктурные и технические проблемы: низкая эффективность интеграции технологий умного города в планы по развитию инфраструктуры Москвы.

Для эффективного развития столицы как «умного города» в ближайшей перспективе должны быть выполнены два основных условия.

1. Необходимо более активно развивать ИТ-инфраструктуру, работая при этом по возможности с отечественными поставщиками аппаратных и программных решений или с поставщиками из дружественных стран. Это позволит достичь необходимого уровня производительности и безопасности интегрированной информационной системы города.

2. Больше внимания следует уделять развитию цифровых компетенций сотрудников органов государственной власти. Для этого необходимо разрабатывать и реализовывать комплексные образовательные программы очного и дистанционного обучения с привлечением лучших отечественных специалистов.

Несоблюдение хотя бы одного из этих условий приведёт к значительному осложнению реализации мегапроекта «Умный город - 2030», увеличению финансовых и материальных затрат, а также к сдвигу сроков реализации отдельных проектов, входящих в данный мегапроект. К числу основных препятствий для реализации мегапроекта можно отнести:

- системные ошибки в определении приоритетов при распределении ресурсов между частными проектами;

- отсутствие эффективной системы мотивации участников мегапроекта к снижению затрат и внедрению инновационных решений;

- низкий уровень эффективности обучения цифровым технологиям сотрудников государственных учреждений;

- отсутствие ориентации на долгосрочные результаты при реализации отдельных проектов;

- недостаточно высокий уровень цифровой грамотности населения;

- низкий уровень координации между различными участниками при реализации проектных мероприятий.

Для преодоления обозначенных препятствий целесообразно сформировать единую управляющую структуру, которая смогла бы координировать и контролировать деятельность государственных органов и предпринимательских структур в ходе реализации мегапроекта.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что в процессе развития крупнейших мегаполисов, которые являются точками концентрации человеческих, финансовых, и материальных ресурсов, растёт востребованность комплексных решений цифровой трансформации городского хозяйства. Такие решения требуют значительных инвестиций и ориентируются на долгосрочную перспективу, в связи с чем оптимальной формой цифровизации городов является реализация мегапроектов.

Москва является передовым российским городом в области внедрения «умных» цифровых технологий управления, поэтому ее опыт является чрезвычайно важным и может быть транслирован на региональный уровень.

Автором проведено практическое исследование особенностей реализации московского мегапроекта «Умный город – 2030», по результатам которого выделено три группы проблем: организационные проблемы, проблемы оценки эффективности, инфраструктурные и технические проблемы.

Для решения данных проблем городским властям целесообразно сформировать единую структуру управления мегапроектом, реализовывать комплексные программы обучения сотрудников государственных органов в целях повышения их общей цифровой грамотности и передачи навыков в области работы с конкретными техническими решениями. Кроме того, необходимо более тщательно расставлять приоритеты при ресурсном обеспечении отдельных проектов, уделять максимум внимания координации работы отдельных участников мегапроекта и совершенствовать систему мотивации персонала. Выполнение данных рекомендаций будет способствовать снижению затрат на реализацию рассматриваемого мегапроекта и повышению его эффективности в долгосрочной перспективе.

Пристатейный библиографический список

1. Ерохина О. В. «Умная Москва»: новая концепция развития столицы // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. - 2020. - № 3. - С. 34-39.
2. Кузнецов Н. Москва превращается в умный город и в центр финансовых технологий. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://inosmi.ru/social/20171117/240786809.html> (дата обращения: 21.08.2022).
3. Макаров П. Ю. Факторы формирования интеллектуального капитала региона // Общественные науки. - 2015. - № 3 (35). - С. 114-123.
4. Москва – умный город. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 21.08.2022).
5. «Цифровая экономика РФ»: Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 21.08.2022).
6. Marr B. MIT Names Top 10 Breakthrough Technologies For 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2018/02/21/here-are-the-top-10-breakthrough-technologies-for-2018/#6dbb619d5d25> (дата обращения: 21.08.2022).
7. Sassen S. 2019. The Global City: London, New York, Tokyo. 2nd ed. - Princeton: Princeton University Press. - 240 p.
8. The Top7 Intelligent Communities of the Year. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelligentcommunity.org/top7> (дата обращения: 21.08.2022).
9. Woyke E. A smarter smart city. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.technologyreview.com/s/610249/a-smarter-smart-city/> (дата обращения: 21.08.2022).

БОРОВОЙ Евгений Михайлович

кандидат философских наук, доцент (ВАК), доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики

ФЕНОМЕН ПОСТПРАВДЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

Укоренившийся в современном обществе феномен постправды является существенным фактором обострения социальных противоречий и подрыва социальных ценностей вследствие его колоссального влияния на формирования обыденного сознания общества. В данной статье рассматривается понятие постправды и основные ее механизмы, роль философии постмодернизма в процессе распространения данного феномена, а также рассмотрение ее как инструмент формирования общественного обыденного сознания.

Ключевые слова: постправда, истина, философия постмодернизма, средства массовой коммуникации, гражданственность, патриотизм, историческая память.

BOROVYU Evgeniy Mikhaylovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor (HAC), associate professor of Philosophy and history sub-faculty of the Siberian State University of Telecommunications and Informatics

Боровой Е. М.

POST-TRUTH PHENOMENON AS A TOOL FOR FORMING ORDINARY CONSCIOUSNESS

The phenomenon of post-truth, which has taken root in modern society, is a significant factor in exacerbating social contradictions and undermining social values due to its enormous influence on the formation of the ordinary consciousness of society. This article discusses the concept of post-truth and its main mechanisms, the role of the philosophy of postmodernism in the process of spreading this phenomenon, as well as its consideration as a tool for the formation of public everyday consciousness.

Keywords: post-truth, truth, postmodern philosophy, mass media, citizenship, patriotism, historical memory.

Множество современных исследователей в области социальной философии, политологии, этики и других сферах сходятся во мнении, заключающемся в том, что современная эпоха является эпохой постправды. Стремительная эволюция медиа-пространства, особенности политики ведущих мировых держав, идеологическая борьба, - все это актуализирует постановку проблемы определения феномена постправды в современном обществе и его влияния на процесс формирования обыденного сознания. Так, сложно переоценить влияние СМИ на сознание отдельного взятого человека и общества в целом в настоящий период. Особенно актуальным данный вопрос становится в ходе информационной войны, когда «идеологическая правда» выходит на первый план и становится определяющей в формировании представлений потребителей информации о происходящих событиях.

Впервые данный термин был введен Стивеном Тесичем в 1992 г. в эссе, посвященном войне в Персидском заливе. Так, автор назвал постправдой информационную ситуацию, сложившуюся вокруг действий США [9].

Наиболее известное определение постправды дал Оксфордский словарь: «Постправда – обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям» [2].

На основе данного определения можно вывести ряд специфических особенностей феномена постправды: во-первых, это доминирование эмоций над фактами – иррациональное познание начинает довлеть над рациональным, происходит стихийное поглощение информации ее потребителями. Во-вторых, это фактическое сливание понятий правды и вымысла – между ними стираются границы; общество пребывает в состоянии самообмана, не зная, как отделить одно от другого. В-третьих, зачастую дезинформация

становится целенаправленным явлением, осуществляется с умыслом скрыть истину от общественности в силу идеологических, политических, социальных, этических и иных факторов. Наконец, в-четвертых, феномен постправды, пожалуй, не мог бы столь прочно укорениться в реалии современной жизни вне активного процесса информатизации, развития медиа-сферы, эволюции СМИ. Информация поступает к человеку в огромных количествах, одно событие сменяет другое с колоссальной скоростью, и тем сложнее становится отличить истину от лжи [14].

Граница между правдой и постправдой проходит в рамках отношения данных понятий к истине. Поскольку главный принцип истинного знания – его объективность, постправду от нее отделяет ее субъективный характер. Так, например, она может совпадать с правдой, либо же ей противоречить – это будет зависеть от того, насколько правда совпадет с убеждениями того, кто ее утверждает [6].

Алиференко И.В. называл ряд исследователей, полагавших, что политика всегда была неизбежно напрямую связана с постправдой, соответственно, мы не можем говорить о том, что это принципиально новое явление. Так, данное мнение разделяли Ханна Арендт, Юваль Ной Харари, Майкл Мармо [1]. Тем не менее, на современном этапе более очевидный ее идеологический подтекст и скорость распространения позволяют судить о том, что данный процесс вступил в свою новую фазу [3].

Согласно мнению журналиста Мэтью д'Анкуна, ложь всегда была неотъемлемой составляющей политической сферы, но поворотной точкой вхождения в эпоху постправды стал 2016 г. Ознаменовавшим ее событием стали очередные выборы президента США, в рамках которых политика постправды в пропагандистском и идеологическом направлении достигла существенных масштабов. Как отмечал журналист, «в этой эре эмоции угрожают рациональному мышлению,

скептицизм и пренебрежение – науке, а цена правды сильно снизилась» [1].

Концепция постправды является фактическим воплощением философии постмодернизма. Процесс их сближения ускорился в связи с развитием Интернета и социальных сетей. Как отмечает Костырев А.Г., в социальных сетях «любая интерпретация реальности получает не только право, но и потенциал для презентации и восприятия, а множественность продуцированных, восприятий и интерпретаций, которая является маркером постмодернизма, нарушает любую монополию на истину» [7].

Философия постмодернизма фактически представляет собой явление, характеризующееся принципиальным пересмотром и переосмыслением укоренившихся ценностей, концепций и понятий. Соответственно, в рамках философии постмодернизма вполне естественным следствием является появление постправды как «правды без истины».

При этом, как отмечает Несправа М.В., переосмысление и последующее разрушение коренных ценностей, что связано с тенденцией развития постмодернизма, следствием чего является постправда, ведет к «распылению моральной сердцевины бытия». Концепция постправды возвращает, тем самым, к принципу «у каждого – своя правда», а позиции «истинного» и «ложного» все больше сливаются между собой [10].

Однако данная идея также может трактоваться неоднозначно. Так, постмодернистские философские теории в значительной мере исходят из того, что Истины не существует и, более того, в современных реалиях данное понятие является скорее вредоносным. Владение «истинной информацией» фактически формирует общественную элиту, приводит к общественному разрыву, разделению на тех, кто ей владеет, и тех, кто нет. Соответственно, философами постмодернизма предлагается обеспечить плюрализм информации, исходя из принципа «собственной истины для каждого» [12]. Таким образом, мысль о том, что постправда в значительной мере оказывается порождена эпохой постмодернизма подтверждается.

Коваленко В.Д. указывает на то, что любая информация в эпоху постмодернизма фактически становится постправдой: все больше она оказывается обращена к эмоциям, иррациональному, основанному исключительно на вере представленной информации (в качестве ярких примеров исследователь приводит активизацию сведений о взрывах в разных точках метро после совершенного в Санкт-Петербурге теракта 2017 г.; интернет-агитацию А. Навального, информационный «взрыв» произошедший в начале пандемии Covid-19) [6].

По мнению Фотиевой И.В., Семилет Т.А., в политическом плане доминирование постправды означает движение в сторону тоталитарной модели государства или иных подобных моделей. Принципиальным моментом здесь является целенаправленное внедрение в социальную среду заведомо ложной или направленной на эмоциональное воздействие информации политическими управляющими структурами. Согласно авторам, мы можем судить об окончательном торжестве постправды в случае отсутствия критериев различения истинного от ложного, уничтожения гражданского общества, способного отделять объективные факты от посыла, направленного на эмоции, обращенного к вере [13].

Глухова А.В. отмечала, что легитимизация постправды фактически делегитимизирует институт науки, научное знание в целом, которое влияет на все сферы общественной жизни и, в первую очередь, формирует картину мира отдельных людей и общества в целом. Безусловно, наука влияет на формирование обыденных знаний у людей, обеспечивая объективность оценки получаемой информации. В случае же укоренения, торжества постправды, согласно исследовательнице, происходит обесценивания науки и образования,

что приводит к ведущей позиции иррационального познания [4].

На основе вышесказанного, можно заключить, что феномен постправды в качестве своих последствий имеет нарушения массовых коммуникаций, деструктивные трансформации в современной социокультурной системе.

Рассмотрим особенности влияния феномена постправды на процесс формирования современного обыденного сознания. Как уже было отмечено, технологии постправды вместо фактов и аргументации, убеждающих приемов, опираются на эмоциональную сферу человека, вместо достоверной новостной информации «подаются» фейки и, таким образом, конструируется определенный политический дискурс и альтернативная реальность, в которой достоверность и объективность перестают таковыми быть. ИКТ стали неотъемлемой частью нашей жизни, соответственно, это привело и к активизации использования манипулятивных технологий постправды, которые, в свою очередь, приводят к подрыву коренных общественных ценностей [13].

Исследователи Грачев М.Н., Евстифеев Р.В. отмечают, что ключевой движущей силой постправды в рамках ее влияния на общественное сознание является политическая, экономическая, социодемографическая и культурная дифференциация общества. Тем самым, формируются полярные интересы различных социальных групп. Так называемые агенты «разрушения правды» с целью их реализации могут использовать постправду преднамеренно, стремясь достичь собственных политических или экономических целей.

Ярким примером здесь будет являться деятельность СМИ, публикующих информацию, не прошедшую рациональную выверку, основанную на личных мнениях и комментариях экспертов. Как правило, подобного рода информация потребляется в больших количествах и оказывает больше эмоционального эффекта на потребителей, она прочно закрепляется в сознании. Соответственно, СМИ становится все выгоднее распространение публикаций именно подобного характера. В аналогичной ситуации оказываются политические акторы и органы власти, когда не выполняют своих обещаний, а также скрывают от общественности или превратно интерпретируют в публичном пространстве какие-либо факты и события [5].

Одним из ключевых отрицательных последствий влияния постправды на общественное сознание является подрыв принципиально значимых ценностей, на основе которых формируется государственность, достигается социальная сплоченность, успешная самоидентификация. Под ударом оказывается идея гражданственности вследствие невозможности выстраивать конструктивный диалог по наиболее значимым политическим проблемам, несогласованностью мнений, обострением противоречий конфликтующих сторон, эмоциональным накалом со стороны представляемой обществу информации (в том числе с разных позиций) [11].

В период информационной войны данные проблемы становятся особенно актуальными. У обывателей подрывается доверие к государству, происходят острые столкновения мнений относительно политической позиции и необходимости действий со стороны государства, начинается процесс стереотипизации представителей различных национальностей, гражданственности. В соответствии с этим подрываются и основы идеи патриотизма, поскольку понятие гражданственности утрачивает для обывателей свое значение, государство утрачивает доверие со стороны общественности.

В соответствии с идеологическими целями посредством постправды проводится также политика стирания исторической памяти, что также соответствующим образом отражается на обыденном сознании современного общества.

Курбатова А.Г. отмечала следующие механизмы стирания исторической памяти в общественном сознании: «отторжение прошлого», устранивание ориентиров самоидентифи-

фикации социума с выходом на установку самоуничужения (так, например, в российском обществе, в зависимости от идеологических задач выстраивается преемственность с имперским или же с советским прошлым при отторжении идентификации себя со вторым вариантом); монополизация информационного пространства (так, формируется единый исторический нарратив, общепринятые трактовки тех или иных событий); «демонизация» отдельных исторических событий (к примеру, период 1990х гг. и происходившие в нем процессы в идеологической трактовке возводятся в абсолют, характеризуясь исключительно негативно, с целью продемонстрировать контраст с современностью). Неизменными остаются и методы обращения к эмоциям общества – тем самым, у обывателей в сознании формируется ярко эмоционально окрашенное отношение к тем или иным историческим событиям, зачастую без подкрепления объективными фактами [8].

Дискредитация государственности, журналистики, начавшаяся как следствие распространения фальшивых новостей, и трудность их распознавания обычными людьми привели к снижению уровня доверия граждан к СМИ и, тем самым, к дисфункциям демократии [11]. Соответственно, одной из ключевых задач современного общества является преодоление распространения дезинформации, формирование сознательного потребления, основанного на отборе объективных фактов, недопущении эмоционального «заражения», развитии критического мышления.

Таким образом, мы можем заключить, что феномен постправды является неотъемлемым элементом современной эпохи, следствием дифференциации общественных интересов и распространения ИКТ, посредством которых информация может предоставляться колоссальному количеству потребителей. Философия постмодернизма фактически нашла свое непосредственное выражение в концепции постправды. Несмотря на идею, заключающуюся в том, что «у каждого своя истина», стоит отметить, что распространение постправды на современном этапе ведет к ряду негативных последствий для формирования обыденного общественного сознания – подрыву идей гражданственности и патриотизма, обострению социальных противоречий, стирание исторической памяти, укоренение идей вседозволенности и утрата возможностей к рациональному мышлению и объективной дифференциации информации. Соответственно, ключевой задачей современного общества является преодоление указанных проблем посредством укрепления позиций институтов науки и образования, развития критического мышления, поиска решения социально-экономических и политических противоречий, являющихся первоисточником и основой феномена постправды.

Пристатейный библиографический список

1. Matthew, d'Ancona Post-Truth: The New War on Truth and How to Fight Back. – 1-е изд. – London: Ebury Digital, 2017. – 164 с.
2. Oxford Learner's Dictionaries post-truth adjective. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/post-truth> (дата обращения: 19.08.2022).
3. Алиференко И.В. Определение и исследование феномена постправды в научных дисциплинах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/310/70200/> (дата обращения: 19.08.2022).
4. Глухова А.В. Постфактическая демократия и политика постправды: как защитить реальность // Личность, общество, власть: прошлое и современность: материалы XIII региональной научной конференции. – Воронеж: ИД ВГУ, 2018. – С. 368-373

5. Грачев М.В., Евстифеев Р.В. Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-razrusheniya-pravdy-v-usloviyah-tsifrovogo-obschestva-analiticheskiy-obzor/viewer> (дата обращения: 19.08.2022).
6. Коваленко В.Д. Постправда: субъективность и постмодернизм. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politonomia.ru/files/PostTruthInModernWorld.pdf#page=100> (дата обращения: 19.08.2022).
7. Костырев А.Г. Постполитика в сетях постправды // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 2. – С. 64-75
8. Курбатова А.Г. Историческая память – столкновение стереотипов и постправды. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ivran.ru/f/Central_Eurasia_2020_1.pdf.pdf#page=64 (дата обращения: 20.08.2022).
9. Лучинский Ю.В. «Правительство лжи»: феномен «постправды» Стивена Тесича. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_35410039_81770608.pdf (дата обращения: 19.08.2022)
10. Несправа М.В. Неокордоцентризм как сердцевина духовной экологии – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neokordotsentrizm-kak-serdtsevina-duhovnoy-ekologii/viewer> (дата обращения: 19.08.2022).
11. Полагутина Л.В. Социальные и этические аспекты постправды в сетевом обществе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politonomia.ru/files/PostTruthInModernWorld.pdf#page=173> (дата обращения: 19.08.2022).
12. Ростова Н.Н. Философская аналитика идеи постправды. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskaya-analitika-idei-postpravdy/viewer> (дата обращения: 19.02.2022).
13. Фотиева И.В., Семилет Т.А. Феномен постправды в современной медиакоммуникации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sibphil.elpub.ru/jour/article/view/402/323> (дата обращения: 19.08.2022)
14. Шатин Ю.В. Постправда как риторический феномен в современном медиапространстве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/postpravda-kak-ritoricheskiy-fenomen-v-sovremennom-mediaprostranstve/viewer> (дата обращения: 19.08.2022).
15. Шушпанова И.С. «Постправда» в социальной реальности: риски и угрозы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/profile/Irina-Shushpanova-2/publication/331025371_Post-truth_in_Social_Reality_Risks_and_Threats/links/6034e3f2a6fdcc37a8469f53/Post-truth-in-Social-Reality-Risks-and-Threats.pdf (дата обращения: 20.08.2022).

БУТЕНКО Анна Константиновна

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теории права и государства Барнаульского юридического института МВД России

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАРОЖДЕНИЯ И ГЕНЕЗИСА ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Статья посвящена анализу основных точек зрения российских и зарубежных исследователей на один из наиболее дискуссионных вопросов изучения исторического сознания – время его возникновения и основные этапы генезиса исторического сознания. Особое внимание автор уделяет наличию в мифологии представлений о времени, через которое аргументирует наличие исторического сознания в период первобытно-общинного строя.

Ключевые слова: историческое сознание, генезис, мифология, мифологическое время, традиции, обряды, историография

BUTENKO Anna Konstantinovna

Ph.D. in philosophical sciences, senior lecturer of Theory of law and state sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

Бутенко А. К.

PROBLEMATIC ISSUES OF THE ORIGIN AND GENESIS OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Article is devoted to the analysis of the basic points of view of Russian and foreign researchers on one of the most debatable questions study of historical consciousness - time of its origin and genesis of historical consciousness. The author pays special attention to the presence in mythology of ideas about time, through which he argues for the existence of historical consciousness in the period of the primitive communal system.

Keywords: historical consciousness, genesis, mythology, mythological time, traditions, rituals, historiography.

На протяжении всего времени изучения исторического сознания вопрос о времени его зарождения оставался в центре внимания исследователей. Большинство исследователей относят зарождение исторического сознания к эпохе первобытно-общинного строя.

Так, например, Б.Г. Могильницкий и М.А. Барг считают, что первые зачатки исторического сознания возникают у каждого народа в глубокой древности, будучи выражением изначально присущей человеку потребности осмыслить окружающий мир и своё место в нём. И проследить его наличие можно уже в древнейших памятниках народного творчества дошедших до нас, в воспоминаниях о битвах, походах, путешествиях, где мы находим отражение исторических событий, оказавших влияние на историческое самосознание народа. Профессор В.А. Ельчанинов связывает становление исторического сознания с началом трудовой, материально-преобразующей деятельности человека. Эту точку зрения разделяет и А.И. Панюков, который связывает появление исторического сознания, с периодом, когда люди стали осознанно хоронить умерших, то есть стали понимать, что принадлежат к единой цепочки сменяющихся поколений. По его мнению, в этот период начинают формироваться оценочные представления о предках и об их деяниях и происходит закрепление исторического сознания в обрядовых формах. Периоду зарождения исторического сознания, по мнению А.И. Панюкова, соответствовал «докритический тип» исторического сознания.

Однако, есть и противоположенные точки зрения, например, А.И. Ракитов предлагает выделять как первичную форму исторического сознания – «стихийное» историческое сознание. Зарождение исторического сознания он относит к V-IV вв. до н. э. «Предпосылки исторического сознания содержатся в мифологии, героическом эпосе, отдельных преданиях и т.д.». [2, с. 48]. Также к эпохе античности относит возникновение исторического сознания М.А. Кисель. В. Устьянцев полагает, что возникновение исторического сознания связано с появлением историографии, в смысле историописания, то есть он также относит появление исторического сознания к эпохе античности.

Исходный критерий исторического сознания сводит к отражению временной связи поколений А.Я. Гуревич. Он при-

ходит к выводу о том, что историческое сознание - духовное образование позднего средневековья. Аргументируя это тем, что только к этому периоду относится осознание линейной развёрнутости времени и его социальной значимости.

К XVIII-XX вв. относит формирование исторического сознания Ю.М. Шор. Подлинным же носителем исторического сознания можно считать, по его мнению, только XX век. «Историческое сознание – феномен, претерпевший фундаментальные изменения. Античная культура не знала истории, понимая её как круговорот, постоянное возвращение к одному и тому же состоянию. Средневековое мировоззрение также исключает историческое сознание. Время средневековой культуры идёт медленно. Да и теологический характер средневекового мировоззрения черпает своё содержание из вневременных параметров «божественной субстанции», исключает собственно историзм». [6, с. 44]

В целом, можно сделать вывод, что в современной философской литературе по проблеме возникновения и генезиса исторического сознания можно выделить следующие позиции:

1. Историческое сознание зарождается в рудиментарной форме на ранних этапах истории человечества (Б.Г. Могильницкий, М.А. Барг, В.А. Ельчанинов, А.А. Самиев, А.И. Панюков, В.М. Межуев, А.П. Окладников, В.К. Егоров, Ю.А. Левада).
2. Историческое сознание начинает формироваться в эпоху античности (А.И. Ракитов, М.А. Кисель, В. Устьянцев).
3. Историческое сознание - явление позднего средневековья (А.Я. Гуревич).
4. Формирование исторического сознания начинается лишь в XVIII-XX вв., но истинным носителем исторического сознания является XX век (Ю.М. Шор).

По вопросу возникновения и генезиса исторического сознания, мы придерживаемся первой точки зрения, а именно, зарождение исторического сознания относится к первобытно – общинной эпохе, и берет своё начало в мифологическом сознании. Ю. Либиг считает, что наиболее ранние представления людей об их истории были вплетены в мифологические и религиозные представления о происхождении земли и неба, а так же и самого человека, через действие сверхъестественных сил. Историческое сознание формируется на основе устных

преданий и не ищет опоры в науке, в систематическом сборе исторической информации.

Мифологическое наследие передаётся от поколения к поколению не бессистемно, а как заметил М.А. Барг исторически, посредством механизма воспитания. Действительно, люди каждого последующего поколения начинают свою жизнь в мире предметов и явлений, созданных предшествующими поколениями. Мышление и знание у людей каждого последующего поколения формируются на основе усвоения ими уже достигнутых успехов познавательной деятельности прежних поколений.

Мифология как форма исторического сознания, возникает в условиях сравнительно низкого уровня социального развития и отражает в виде образного, фантастического представления о природе, обществе и личности. В мифологической форме исторического сознания мы находим отражение истории познания человеком окружающего мира.

Одним из дискуссионных вопросов в философской науке является вопрос мифологического времени, а именно о наличии представлений о времени в мифологии. Например, исследователь Е.М. Мелетинский не ставит под сомнение существование такой категории как время в мифологическом сознании. Он пишет, что «мифологическое время и заполняющие его события, действия предков и богов являются сферой первопринципов всего последующего, источником архетипических первообразов, образов для всех последующих действий. Реальные достижения культуры, формирование социальных отношений в историческое время и т.п. проецируется мифом в мифологическое время и сводится к однократным актам творения. Важнейшая функция мифологического времени и самого мифа – создание модели, примера, образца». [3, с. 258]

В целом же под мифологическим временем обычно понимается свойственное религиозному миру, легенде, мифу представление о некотором периоде, когда не существовало смерти, болезней, страданий, различий между человеком и животными, половых табу и т. д.; это время может быть отнесено к прошлому («точно» датированному, как, скажем, грехопадение в библейской литературе, или связанному с неопределенно-отдаленной эпохой, «давным-давно», «когда звери говорили» и т.п.) или также к будущему (рай, «тысячелетнее царство» и пр.).

По мнению философа и историка М. Элиаде, одной из характерных черт мифа является то, что в прасобытии мифа видят не просто прошлое, которому надо подражать, а вечное настоящее или нечто, что постоянно повторяется, а не уходит в вечное небытие. Таким образом, прошлое не исчезает, оно присутствует в настоящем, а значит будущее не страшно.

Мифология, как отмечает А.И. Панюков, это прежде всего мировосприятие истории - прошлого, настоящего и будущего. «В этом мировосприятии все события вне и внутри «Я» причастны к вселенной истории» [4, с. 54]. Поэтому можно согласиться с М.А. Баргом, что мифология – это докритическая, космологическая форма исторического сознания. Миф – начало исторического сознания. Многие исследователи, например, В.Г. Табачковский, А.Я. Мороз и другие доказывают наличие историзма в мифологическом сознании. Этой же точки зрения придерживается Ю.А. Левада, считая, что мифологическое сознание одна из форм исторического сознания. Он выделяет несколько способов мифологической трансформации истории. А именно: 1) прошлое рисуется как адекватное настоящему; время снимается и «сегодняшний» миф выступает извечным; 2) конструируется картина мифологического времени, прямо противоположного нынешнему; апология настоящего происходит через иллюзорное его отрицание; 3) настоящее выступает неким исключением из хода событий, которое существует благодаря вмешательству исключительных факторов – культурных героев и сил; 4) настоящее выступает результатом всех предшествующих состояний общества.

А.Ф. Лосев в своей работе «Античная философия истории» пишет: «В эпоху безраздельного господства мифологии в представлениях людей отсутствовал фактографический и прагматический историзм, требующий объяснения каждого события из каких –нибудь других, но подобного же рода пространственно – временных событий» [2, с. 87]. Но наличие других форм освоения действительности, например, чувственно – практических, он не отрицает.

В.А. Ельчанинов считает, что мифологическое мышление по сути близко к художественному, так как оперирует в основном образами, а не понятиями [1, с. 19]. Содержание мифов принималось на наивную веру и не требовало опытной про-

верки либо логических доказательств. Но в мифах фиксировались и передавались из поколения в поколения сведения о происхождении мира, данного рода, племени, этноса.

Р. Коллингвуд называл этот период в сознании людей «теократической историей», в которой участники истории выступали как исполнители воли богов. Но так как боги существовали вне времени, то необходимости в точной фиксации событий не было, по этому в мифах не было точной датировки событий.

На смену «теократической истории», по мнению А.Ф. Лосева, приходит период полного осознания времени, для которого характерно наличие так называемого «эпического историзма». То есть, когда историческое сознание, не освобождённое от мифологического содержания, всё больше социализируется и индивидуализируется, когда исторические изменения происходят не с богами, а с самими людьми. Начало периоду «эпического историзма», по мнению некоторых исследователей, положил Геродот.

В целом, на наш взгляд, в эпоху первобытно-общинного строя мы можем говорить лишь о зачаточных элементах исторического сознания, но их наличие нельзя отрицать, так как именно благодаря этим элементам происходила передача исторического и жизненного опыта от поколения к поколению, которые со временем приобретают более зрелые формы. Ведь для того чтобы те или иные представления о прошлом вошли в историческое сознание общества, они должны быть прежде всего в наличии. При этом не столько существенно, являются ли они продуктом индивидуальной профессиональной деятельности или выступают результатом коллективного исторического творчества, запечатленного в древнем эпосе.

Исследователи, относящие зарождения исторического сознания к эпохе средневековья и к более позднему времени, ссылаются на то, что только к этому периоду человеческой истории относится начало осознания обществом линейной развёрнутости времени, появления первой печатной книги, разработка принципа историзма в историсофских системах Вико, Вольтера, Дидро, Фихте, Гегеля и других.

Но нельзя не согласиться, например, с Д.С. Лихачёвым, который изучив древнерусскую литературу X-XII вв., пришёл к выводу о том, что уже «Повесть временных лет» характеризуется историческим сознанием очень высокого уровня или В.И. Мильдоном, который подчёркивает, что русские летописи свидетельствуют национального исторического сознания. А.И. Ракитов, в противовес А.В. Гульке пишет: «Две тысячи лет, отделяющие Геродота от Гуттенберга, заполнены сотнями исторических трудов, летописей и хроник. Наличие исторического сознания в этом промежутке времени совершенно бесспорно» [5, с. 258].

А.И. Панюков считает, что с появлением хроник и летописей можно говорить о критическом типе исторического сознания. При котором происходит социализация исторического сознания, которая приобретает характер стандартизации общественного поведения и индивидуальных представлений об историческом прошлом, историческом настоящем и историческом будущем.

Новые изменения в историческом сознании происходят в Новое время, это было связано с утверждением буржуазных отношений в обществе. Эти изменения проходили на фоне промышленного переворота, буржуазных революций в Европе, ускорения темпов общественного развития и обмирщения общественного сознания. Именно в этот период, по мнению исследователей, начинают проявляться тенденции соединения исторического сознания с научным знанием.

Пристайный библиографический список

1. Ельчанинов В.А. Актуальные проблемы исторического сознания. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – 111 с.
2. Лосев А.Ф. Античная мифология. – М., 1957. – 620 с.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература, РАН, 2000. – 407 с.
4. Панюков А.И. Историческое сознание: сущность, структура, тенденции развития: диссертация на соискание ученой степени кандидат философских наук. – Красноярск, 1995. – 153 с.
5. Ракитов А.И. Историческое познание. – М.: Политическая литература, 1982. – 303 с.
6. Шор Ю.М. Очерки теории культуры. – Л.: ЛГИТ-МИК, 1989. – 158 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-488-489

ВИНОГРАДОВА Наталья Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

ТУКАЕВА Роза Абдулхаевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных дисциплин, Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета имени С. М. Кирова

КОСМИЧЕСКАЯ ЭТИКА К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО: РАЦИОНАЛИЗМ И ГУМАНИЗМ

Статья посвящена творчеству гениального русского учёного и философа К. Э. Циолковского. Авторы анализируют социально-этические взгляды мыслителя, основанные на его представлениях о гармонии и совершенстве Вселенной, в которой живёт бесконечное множество духов-атомов, вере в человеческий разум и прогресс. При этом обращается внимание на некоторые противоречия в понимании того, как достичь совершенного будущего, где каждый человек сможет быть счастливым.

Ключевые слова: этика, философия, Вселенная, атом, дух, разум, гармония, материя, счастье.

VINOGRADOVA Natalya Viktorovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy, history and social engineering sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

TUKAEVA Rosa Abdulkhaevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy and social disciplines sub-faculty of the S. M. Kirov St. Petersburg State Forestry University

SPACE ETHICS K. E. TSIOLKOVSKY: RATIONALISM AND HUMANISM

The article is devoted to the work of the brilliant Russian scientist and philosopher K. E. Tsiolkovsky. The authors analyze the socio-ethical views of the thinker, based on his ideas about the harmony and perfection of the Universe, in which an infinite number of spirits-atoms live, faith in the human mind and progress. At the same time, attention is drawn to some contradictions in understanding how to achieve a perfect future, where every person can be happy.

Keywords: ethics, philosophy, universe, atom, spirit, mind, harmony, matter, happiness.

Константин Эдуардович Циолковский — выдающийся деятель российской науки и техники, изобретатель и философ, автор революционных открытий, позволивших человеку выйти за пределы земной атмосферы. 2022 год — юбилейный, К. Э. Циолковскому исполнилось бы 165 лет, но его идеи по-прежнему вызывают интерес и привлекают внимание. Одна из важных сторон философского творчества мыслителя — его этика, на её основных положениях и некоторых противоречиях мы остановимся в данной статье.

Философские взгляды К. Э. Циолковского во многом сформировались под влиянием идей Н. Ф. Фёдорова, основателя русского космизма. В них удивительным образом соединяются материалистические и идеалистические идеи, точные науки и теософские размышления. Но, пожалуй, главное в его философии — это вера в безграничные возможности человеческого разума, неизбежный прогресс и самосовершенствование человека, а отсюда, и твёрдая убежденность в том, что человечество ждёт прекрасное будущее. «И человечеству предстоит в этот невообразимый период идти вперёд и прогрессировать - в отношении тела, ума, нравственности, познания и технического могущества. Впереди его ждёт нечто блестящее, невообразимое. По истечении тысячи миллионов лет ничего несовершенного вроде современных растений, животных и человека на Земле уже не будет. Останется одно хорошее, к чему неизбежно приведёт нас разум и его сила» [1]. «Через тысячи лет наука расширится, усовершенствуется, и сам человек преобразится к лучшему» [2]. Человечество освоит другие планеты, покорит космическое пространство, и именно совершенный разум станет залогом высокой морали.

Представления К. Э. Циолковского о Вселенной строятся на идее о её гармонии и совершенстве, вечной непрерывной биологической жизни, которая зависит от самочувствия атомов. Элементарный атом, или вечный дух, с точки зрения мыслителя, является началом Вселенной и основой материи, он бесконечно мал, быстр и вечен, он имеет бесконечное прошлое и беспредельное будущее [1]. Всё живое и неживое со-

стоит из атомов-духов, следовательно, всё обладает чувствительностью. Но дух не остаётся в одном теле в течение всей его жизни, а перемещается из одного тела в другое, его жизнь ограничивается обменом веществ, то есть четырьмя — шестью месяцами. Дух выходит из тела незаметно для него и потом тысячи или даже миллионы лет проводит вне организованной материи, но эти годы проходят для духа-атома незаметно, как одно мгновение, он о них не помнит. А помнит только жизнь, ощущения, а при каждом новом возникновении воспоминание о прошлом исчезает. Вот почему человеку кажется, что его жизнь существует первый и последний раз, он рождается и умирает лишь единожды. Интересно, что философ сравнивает жизнь атома с жизнью человека, который бесконечно падает в обмороки, а очнувшись не помнит, что с ним было до обморока. «Тысячи обмороков, как бы ни были они продолжительны, не существуют для больного, а существуют только светлые промежутки сознания. Не так ли и дух, странствуя из тела в тело, знает только жизнь, не зная смерти» [1].

Атом (дух-неделимое) последовательно живёт жизнью неорганизованной материи, растений, низших и высших животных и, наконец, человека разумного. Причём жизнь в низших существах проходит как сон, в высших животных — бессознательно и тягостна, лишь человек обладает разумом. Для К. Э. Циолковского человек — это сложный организм, храм, здание, в котором содержится множество атомов-духов, проникнутых единой идеей, постоянно меняющихся, одни из них уходят, другие приходят (обмен веществ). Эти же атомы «носятся» по просторам вечной и бессмертной Вселенной, значит каждый человек есть та же Вселенная, только в миниатюре (вспомним античные «макрокосм» и «микроскосм»). Так как атом — чувствующий, он стремится к счастью, а счастлив он может быть только находясь в существе, обладающем высшим разумом. И самому человеку нужно быть счастливым настолько возможно, — рекомендует мыслитель. Это позволяет сделать вывод, что этика К. Э. Циолковского во многом эвдемонистическая, близкая к идеям ренессансного гуманизма.

В работе «Любовь к самому себе, или истинное себялюбие» философ говорит о том, что в основе всех человеческих поступков лежит любовь к самому себе, и это является разумным, ведь ни один человек не станет делать себе зло. В каждом человеке живёт желание себе величайшего добра, в глубине души он всегда эгоист, и осуждать его за это нельзя. «Но беда в том, что он часто заблуждается и вместо добра себе делает зло» [2]. «Например, эгоизм разбойника, грабителя, разного рода насильников, богатого, властного, честолюбивого, сладострастника и т.д. Они не сознают, что сами себя ненавидят, и потому такие эгоизмы надо бы назвать эгофобией или самоненавистью» [2]. Однако философ уверен, что человечество, пусть и медленно, но неуклонно движется к лучшему образу жизни, для этого только нужно огромное терпение. Человек во всём следует своему разуму, который на сегодняшний день не является совершенным, но это дело времени и эволюции Вселенной. Счастье всей Вселенной определяется счастьем отдельного атома и наоборот, счастье отдельного сознательного существа зависит от счастья всей Вселенной, каждый человек будет счастлив, если будут счастливы все живые существа. Истинное себялюбие человека в том, что он способен бороться со своей низкой природой, с окружающим злом. К. Э. Циолковский разработывает ряд рекомендаций, как избежать страданий и добиться счастья. Среди них: «не надо никому причинять насилия», «обезвреживать существа, причиняющие насилие, но с наименьшими страданиями для них», «стремиться к тому, чтобы не было несовершенных существ, например насильников, калек, больных, слабоумных, несознательных и т.п.» [2]. Предлагает он и способ избавиться от таких несовершенных существ, но сегодня такие предложения выглядят как минимум не гуманно. Конечно, К. Э. Циолковский не призывает насильно уничтожать подобных людей, о них нужно заботиться, но они не должны давать потомства. Является мыслитель и явным сторонником евгеники, предлагает своеобразную селекцию людей, разделяя людей на высших и низших, в том числе и по расовому признаку. «Высшая мудрость отбирает наиболее совершенных особей для размножения их рода: кротких, умных, здоровых, смелых, долголетних и т.д. При благоприятных условиях они размножаются с баснословною быстротою. Та же мудрость отбирает худших особей, даёт им жён по их выбору и взаимному согласию, но из забракovaných, даёт им богатства и все блага жизни, но лишает их (или их роды) несчастья и потомства. Тогда эти последние уничтожаются с такою же баснословною быстротою, как те размножаются» [3]. Кроме того, можно заметить противоречия во взглядах самого К. Э. Циолковского. В своей автобиографической статье «Черты из моей жизни», написанной в 1935 году, он размышляет о роли наследственности и приходит к выводу о том, что её влияние в «деле прогресса человечества» замечается редко. «Ясно, что гений более создаётся условиями, чем передаётся от родителей или других предков» [4]. Следовательно, вывести совершенного человека таким искусственным путём не представляется возможным.

Что касается существования атома в мозгу животного, то оно неприятно, так как несознательно. На основании этого положения философ заключает: «Следовательно, животных совсем не должно быть. Таков идеал» [3]. Он предлагает добиться «такого идеала» как можно «милосерднее», лишив животных возможности размножаться. «Когда не будет животных, то атомы будут жить только жизнью человека» [3]. Возможно, идеи, предлагаемые К. Э. Циолковским, во многом есть отражение начала беспокойного XX века, когда, с одной стороны, происходила смена научных парадигм, а с другой - в российском обществе зрело недовольство властью и формировались радикальные политические движения.

Вопрос об общественном устройстве, правах, свободах и обязанностях человека также составляет важную часть творческого наследия мыслителя. В духе философии нового времени, теории естественных прав и французского просвещения К. Э. Циолковский утверждает: «...право на жизнь всячески должно поддерживаться каждым и всеми» [5]. То есть первое и главное естественное право человека – это право на жизнь, и никто не может посягать на него. «Союз людей всего земного шара должен восстать и против всякого человека или народа, затеявшего войну или отвечающего на войну войною» [5]. Высказывает философ и мысль, во многом близкую к современным представлениям о природной ренте: «Каждый член общества [в том числе и новорождённый]

имеет право на почву и океан» [5]. Другие ключевые свободы: свобода передвижения и свобода слова. «Человек, ограниченный в свободе передвижения, жалок. Напротив, эта свобода даст полезные знания, радость и усиленную промышленную деятельность» [5]. «Слово свободно и ненаказуемо. Слово устное, слово письменное или печатное есть только проявленная мысль... Ни ругань, ни ложь, ни заблуждение, выраженные только словом, или печатью, или другим способом (без проявления насилия над личностью), ни в каком случае не должны караться... Мы должны приучить себя не бояться слова, в каком бы виде оно не проявлялось. Сколько тогда будет спасено новых и плодотворных идей, сколько света прольётся в мир и сколько радости будет у всех, благодаря этому закону!» [5]. Обо всём об этом К. Э. Циолковский пишет в 1933 году, по прошествии почти столетия эти положения не теряют своей актуальности.

Рассматривая базовую этическую проблему добра и зла и задавая вопросом: «Альтруизм или эгоизм?», философ вновь обращается к космосу. Выбирая между альтруизмом и эгоизмом, добром и злом, человек всегда должен помнить, что его дурные поступки, во-первых, подают дурной пример другим людям, во-вторых, оборачиваются злом не только для него самого, но и всех его родных и близких, предков и потомков. То есть здесь мы видим идею воздаяния, возвращения человеку всей суммы его дел обратно. И даже то зло, которое человек испытывает на себе сейчас, может быть результатом его прошлых неверных поступков. Но в силу ограниченности своего разума он не всегда понимает эту связь. Кроме того, неправильное поведение отдельных людей может привести к регрессу всего человечества, вернуть его к животному состоянию. Атомы-духи при этом будут страдать, и потребуются очень много времени, чтобы человек мог вернуться к разумному состоянию. Ещё одним побудительным мотивом к добру и альтруизму К. Э. Циолковский называет Первопричину. Это понятие он вводит для объяснения появления и устройства Вселенной, её законов и порядка. По мысли философа, Первопричина имеет целью стремление к добру, она всемогуща и нежно любит своё творение, потому и человек в благодарности и из-за любви к ней должен стремиться к разумным поступкам. Как видим, разумное для К. Э. Циолковского есть доброе, руководствуясь разумом человек способен добиться совершенства.

Подводя итог, хочется подчеркнуть, что К. Э. Циолковский был человеком удивительной широты кругозора, мечтавшим о совершенном разумном человеке и будущем, построенном на принципах любви, милосердия, великодушия. А одним из главных факторов достижения этого должен стать научно-технический прогресс. Пусть некоторые его идеи сегодня выглядят утопичными, а некоторые, скорее, ошибочными, основные положения его этической концепции сохраняют свою актуальность и составляют важную часть духовного наследия человечества.

Пристатейный библиографический список

1. Циолковский К. Э. Космическая философия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tsiolkovsky.org/ru/nauchnoe-nasledie/>
2. Циолковский К. Э. Любовь к самому себе, или истинное себялюбие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tsiolkovsky.org/wp-content/uploads/2021/08/63-tsiolkovsky-lyubov-k-samomu-sebe-ili-istinnoe-sebyalyubie.pdf>
3. Циолковский К. Э. Этика или естественные основы нравственности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tsiolkovsky.org/wp-content/uploads/2021/09/166-tsiolkovsky-etika-ili-estestvennye-osnovy-nravstvennosti.pdf>
4. Циолковский К. Э. Черты из моей жизни. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tsiolkovsky.org/ru/biografiya/>
5. Циолковский К. Э. Права и обязанности человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tsiolkovsky.org/wp-content/uploads/2021/09/107-tsiolkovsky-prava-i-obyazannosti-cheloveka.pdf>

ГАЛИАХМЕТОВ Равиль Нургаянович

кандидат философских наук, доцент кафедры управления персоналом Красноярского института железнодорожного транспорта (филиал) Иркутского государственного университета путей сообщения

ПАГУЛЫЧ Валерия Андреевна

магистрант Института педагогики, психологии и социологии (ИППС) Сибирского федерального университета

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНФЛИКТНОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности конфликтности в межличностном общении через призму философии. Отдельное внимание в процессе исследования уделено философскому пониманию категории противоречие, единство, ценность. Также обозначено значение общения между людьми в процессе их интеграции в социум и нахождения в нем. Особый акцент сделан на гносеологическом аспекте конфликтности межличностного общения.

Ключевые слова: общение, конфликтность, социум, индивид, интересы, взаимодействие, ценность, философия, единство.

GALIAXHMETOV Ravil Nurgayanovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Personnel management sub-faculty of the Krasnoyarsk Institute of Railway Transport (branch) of the Irkutsk State University of Railway Transport

PAGULYCH Valeriya Andreevna

magister student of the Institute of Pedagogy Psychology and Sociology (IPPS) Siberian Federal University

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE CONFLICT NATURE OF INTERPERSONAL COMMUNICATION

The article deals with the peculiarities of conflict in interpersonal communication through the prism of philosophy. Special attention in the process of research is paid to the philosophical understanding of the category of contradiction, unity, value. The value of communication between people in the process of their integration into society and being in it is also denoted. Particular emphasis is placed on the epistemological aspect of the conflict nature of interpersonal communication.

Keywords: communication, conflict, society, individual, interest, interaction, value, philosophy, unity.

Человеческая жизнь чрезвычайно сложна и противоречива, поскольку каждый индивид так или иначе пытается самоопределиваться, самоутвердиться, что вовлекает его в контур конфликтологического взаимодействия на протяжении всей жизни. Общественные процессы, происходящие вокруг индивида и в которых он часто выступает непосредственным участником или отстраненным наблюдателем, также в свою очередь пронизаны противоречиями и разногласиями [1]. Пожалуй, не найдется ни одного человека, который бы в своей жизни не переживал внутриличностный конфликт или не был участником межличностных споров или не являлся составной единицей социального (группового) конфликта.

Особо яркое проявление конфликтности находит в межличностном общении. Без общения человек вообще не может участвовать в совместной деятельности, которая составляет одно из определяющих условий современного общественного производства, поскольку сама эта деятельность предполагает необходимость постоянного взаимодействия и взаимопонимания между ее участниками. Общение же является основным инструментарием обеспечения этого взаимодействия и взаимопонимания. Однако огромное разнообразие целей, интересов и стремлений участников совместной деятельности, индивидуальных особенностей психики и ее проявления нередко приводит к столкновению различных, а то и прямо противоположных интересов. Это может не только существенно усложнять межличностное общение, но и придавать ему конфликтный характер. Конфликты часто крайне негативно влияют не только на отношения между людьми, но и на качество осуществления ими совместной деятельности.

Широкая распространенность конфликтов, их значение и роль в общественной жизни и в коммуникациях между людьми находилась в фокусе внимания ученых и мыслителей еще с древних времен. Конфликтам посвящали свои труды многие мудрецы. Так, по мнению античных философов, конфликты составляют необходимый и очень важный эле-

мент общественной жизни, обеспечивая ее развитие. Например, Гераклит полагал, что отрицательные последствия войн и столкновений вынуждают людей стремиться к миру и делать все, для его достижения. Начиная с древнейших времен, люди мечтали жить в бесконфликтном обществе и предпринимали попытки разрешить возникающие противоречия [2].

Философская рефлексия феномена конфликта в межличностном общении, как объективной реальности и специфического общественного экзистенциала, вопросы изучения разного рода конфликтов как в онтологическом, так и в диалектическом контекстах, анализ их происхождения, разветвления, регулирования и разрешения представляется не только актуальной, но и важной теоретико-методологической проблемой, необходимость решения которой и предопределила выбор темы данной статьи.

Сложность обозначенной сферы научного познания заключается в ее междисциплинарном характере. Так, исследованию явления конфликта в социальной плоскости посвящен ряд работ таких авторов как Кофтина Ю. Н., Громова К. В., Аквазба Е. О., Савицкая Ю. П., Mangla, Akshay, Gabriela, Lotta, Ralf Dahrendorf.

Предметная плоскость общения, выступающего в качестве социально-психологической проблемы межличностного взаимодействия, привлекает внимание Филипповой О. В., Бахтиной С. В., Лубягина Д. М., Lavelle, Mary, Darzi, Ara, Anderson, Janet E.

Философский аспект межличностного конфликта, изучение его в качестве сложного социального феномена, который характеризует качество взаимодействия между людьми, а также выступает элементами внутренней структуры личности и проявляется в противоборстве сторон ради достижения своих интересов и целей, входит в круг научных интересов Астраханцевой Ю. Л., Варнина А. В., Главатского М. М., De Clercq, Dirk, Fatima, Tasneem.

Анализ имеющейся на сегодняшний день литературы позволяет прийти к выводу, что конфликт является сложным

и неоднозначным образованием. Его сущность исследуется учеными разных специальностей, активно разрабатываются практические рекомендации по управлению конфликтами. Однако надлежащее философское осмысление конфликта в общении между людьми еще не получило должного отражения в научной и учебно-методической литературе.

Таким образом, цель статьи заключается в осуществлении философского осмысления конфликтности межличностного общения.

Понимание социального мира через призму хаоса и отсутствия каких-либо причинно-следственных связей можно расценивать как одну из существенных основ социальных идей конфликтов, кризисов и рисков жизни человека, которые стали проявляться еще во времена Античности, приобретая особую остроту с середины XIX в. Представление об упорядоченности и детерминированности социальных процессов рассматривалось только в формах конкретных наслоений на общество.

Иными словами, конфликт не следует считать чем-то экстраординарным. Он является вполне естественным следствием общественной природы человека и широкого разнообразия целей, стремлений и интересов как самого индивидуума, так и тех, кто его окружает. Однако онтологические аспекты общения и конфликта требуют рассмотрения каждого из этих феноменов более глубоко и детально, как отдельно, так и в их системном взаимодействии.

Социальный и исторический опыт, который накоплен людьми к началу нового тысячелетия, свидетельствует о том, что в основе многих конфликтов, присутствующих в межличностном общении, нередко лежат отношения между членами общества, затрагивающие социально-бытовую, экономическую, культурно-образовательную, экологическую, политическую, духовно-нравственную сферы жизнедеятельности.

Критика сформированных ранее представлений о сущности социального мира, его целостности и единстве в наше время довольно часто изымается из научной методологии ввиду неспособности раскрытия всей сложности общества и феномена общения между людьми. Ее место занимает форсированный плюрализм, когда социальный мир характеризуется своеобразным пучком множества линий и различий, которые не могут быть сведены друг к другу. Так, Ж.-Ф. Лиотар тотальную объективность определял как подавление индивидуального человеческого бытия, ему противостоят разнообразные дискурсивные практики, относительно которых конституируется человеческая индивидуальность [3].

Выявление человека в социальном мире как неповторимой личности постоянно порождает коллизии определения его участия в социальных конфликтах, кризисах, рисках не только через переживания, но и через коммуникативность и ощущения, которые рано или поздно проявляются в чувствах социального одиночества, социального страха, социальной депрессии. Складывается ситуация недоверия к фундаментальным ценностным установкам, что наиболее ярко проявляется в человеческом общении. Эта проблема берет начало от взглядов Б. Паскаля и Г. Сковороды, а больше всего активизируется в европейской философии в XX в., прежде всего в неклассической философии с ее установками на уникальность человеческой личности.

Весь арсенал философских категорий, таких как форма и содержание, сущность и явление, общее и единичное, возможность и действительность, борьба, движение, развитие, единство и другие, является необходимым познавательным инструментарием для формирования всестороннего объективного знания о межличностном конфликте и динамике его развития. Одной из центральных методологических и, одновременно, операциональных категорий в теории конфликта является парная категория причина-следствие.

Приведем конкретный пример ее использования для философского осмысления особенностей межличностного конфликта.

Межличностное общение может использоваться (и довольно часто действительно используется) не только для достижения общих целей и удовлетворения общих интересов

его участников, но и для попыток отдельных из них заставить других людей действовать исключительно в своих собственных интересах. Поскольку объективно интересы людей могут быть не только разными, но и прямо противоположными, в результате попытки навязать свое мнение или желание неизбежно становятся потенциальным источником конфликтов.

Конфликтную природу общения также можно рассмотреть с гносеологических позиций.

Во-первых, как выявление и познание сущности и содержания общения благодаря изучению одной из его характерных особенностей, когда это общение происходит при условии недостаточной согласованности позиций, целей, стремлений и интересов участников общения.

Во-вторых, сама конфликтная природа общения открывает возможности лучшего познания партнера, поскольку в конфликтных ситуациях человек часто достаточно откровенно выражает свои мысли и раскрывает свою глубинную сущность.

В-третьих, конфликт дает возможность лучше воспринять и глубже познать сущность и причины возникновения ситуации, обусловившей его появление и в то же время, открывает возможности более эффективно ее преодолеть.

Считаем, что философское осмысление понятия противоречия позволяет избежать несколько усеченной в смысловом плане трактовки как социального противоречия, так и межличностного конфликта, а, значит, определить более эффективные подходы к возможностям регуляции возникающих споров и разногласий. Взаимоотношения между конфликтующими сторонами проявляются в виде разногласий не только в том случае, когда стороны представляют противоборствующие силы, отстаивая противоположные интересы, но тогда, когда они дополняют друг друга, взаимообуславливают, составляют диалектическое единство. Такой подход к пониманию противоречия позволяет утверждать, что межличностный конфликтное общение – это и противоборство субъектов, и их единство.

В этом моменте происходит определенное пересечение гносеологических аспектов философии общения и его конфликтной составляющей с его аксиологическими аспектами. Аксиология как философское учение о ценностях действительно признает общение одной из важных общественных ценностей, поскольку возможности общаться удовлетворяют одну из существенных жизненных потребностей человека, обусловленных его общественной природой [4]. Конфликтную природу общения, как это ни кажется на первый взгляд парадоксальным, также можно считать несомненной ценностью.

Подводя итоги, отметим, что конфликтное общение является особым видом межличностного взаимодействия, которое характеризуется столкновением различных целей, взглядов, интересов и действий отдельных людей и социальных групп. Философское осмысление обозначенной проблематики позволяет диагностировать, прогнозировать, анализировать конфликтные процессы, выявлять возможности их локализации и способы управления.

Пристатейный библиографический список

1. Добронравова У. В. Логический проект философии нового времени: рождение личности и общественного договора // Вестник Челябинского государственного университета. - 2022. - № 5 (463). - С. 106-115.
2. Бодрухин В. Н., Бодрухина И. Н. Межличностные конфликты: причины и разрешение // Интериал. - 2019. - № 2 (6). - С. 109-111.
3. Склярлова А. М. Неофрейдизм, гуманистическая философия и психология о дегуманизации личности // Информация–Коммуникация–Общество. - 2021. - Т. 1. - С. 97-104.
4. Холодова А. А. Личность и личностный опыт в современной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2019. - № 6 (109). - С. 24-29.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-492-494

ГОРБАЧЕВ Сергей Борисович

кандидат политических наук, доцент кафедры философии и культурологии Башкирского государственного университета

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ АВТАРКИИ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена проблеме обеспечения автаркии государства в современных условиях. С развитием процесса глобализации в конце XX - начале XXI века стало преобладающим мнение, что в условиях все большей взаимозависимости стран автаркия невозможна и не нужна. События последнего времени, прежде всего так называемая «санкционная политика» Запада показали, что обеспечение автаркии государства может стать вопросом его выживания.

Ключевые слова: государство, автаркия, глобализация, цивилизация.

GORBACHEV Sergey Borisovich

Ph.D. in political sciences, associate professor of Philosophy and cultural studies sub-faculty of the Bashkir State University

TO THE QUESTION OF THE NEED FOR AUTARKY OF THE STATE IN MODERN CONDITIONS

The article is devoted to the problem of ensuring the autarky of the state in modern conditions. With the development of the globalization process at the end of the 20th - beginning of the 21st century, the prevailing opinion became that in the conditions of increasing interdependence of countries, autarky is impossible and unnecessary. Recent events, primarily the so-called «sanctions policy» of the West, have shown that ensuring the autarky of the state can become a matter of its survival.

Keywords: state, autarky, globalization, civilization.

Горбачев С. Б.

Начавшийся в XX веке процесс глобализации многими ее теоретиками изначально расценивался как приводящий к утрате автаркии государства, неизбежному сужению его суверенитета, а в перспективе - к исчезновению института государства как такового [2].

Для обеспечения суверенитета необходимым условием является автаркия государства, мы уже затрагивали эту тему ранее [6, с. 471]. Конечно, абсолютной автаркией не обладает ни одно государство, поскольку изолированное существование невозможно. Как пишет Н.Н. Алексеев, «когда мы говорим о стремлении к самодостаточности, мы разумеем под этим желание быть независимыми от других в основных и необходимых процессах жизни» [1, с. 46]. В обычных условиях открытость, вовлеченность государства во внешний мир, – благо для него (если, конечно, она не основывается на невыгодном, неэквивалентном обмене). В критических же ситуациях (экономический кризис, тем более война и т.п.) таким благом является самодостаточность государства. Стремление к автаркии обуславливается прежде всего желанием государства обеспечить свое бытие в кризисные, катастрофические периоды развития.

Казалось бы, утверждение, что государство стремится к автаркии, утратило свою силу в условиях глобализации, в связи со все большей его зависимостью от внешней среды в современном мире. Однако это не так, что признают сейчас и видные теоретики глобализации, а также убеждает реальная политика государств. США, которые, на первый взгляд, в очень значительной степени зависят от внешнего мира, откуда они черпают огромное количе-

ство ресурсов (материальных, демографических, информационных и т.д.), потенциально обладают большой степенью автономности от внешней среды и, в предвидении кризисной ситуации, стремятся к еще большей. Приход в власти в 2016 г. Дональда Трампа, который пытался восстановить в стране реальный сектор экономики, вернуть в США вынесенное в третьи страны (Мексику, Китай и др.) производство символизирует именно стремление к автаркии. США в последнее время демонстративно отвергают малейшие возможности ограничения своего суверенитета извне, проводя последовательную политику выхода из различных международных договоров [5, с. 131]. Кстати, большие страны вообще меньше зависят от внешних связей, чем малые, благодаря значительному объему внутреннего обмена и наличию более диверсифицированной экономики.

За первое постсоветское десятилетие Россия в значительной мере утратила возможность контроля над средой - как внутренней, так и внешней. Попытки восстановить такой контроль встречают сильное сопротивление со стороны прежде всего западных государств, не только не заинтересованных в подобном восстановлении, но и стремящихся к освоению внутреннего пространства России, к ограничению ее суверенитета. Говоря о перспективах автаркии России, можно отметить ряд обнадеживающих инициатив государства в сфере безопасности и экономике (например, направленных на поддержку собственного сельского хозяйства). В значительной мере возврат к курсу на автаркию был обусловлен внешними факторами, в частности, введением целого ком-

плекса мер против России со стороны Запада под предлогом реагирования на ситуацию на Украине.

Само функционирование любого государства можно рассматривать как адаптацию к окружающей среде. Однако государство является сложной системой, и поэтому адаптация его к внешнему миру имеет две стороны: во-первых, собственно приспособляемость к внешней среде; во-вторых, в соответствии со своим потенциалом, попытки этот мир изменить – адаптировать к решению собственных проблем, в своих интересах, зачастую в ущерб интересам других государств. Второй аспект адаптации практически могут реализовать лишь немногие государства, обладающие достаточной для этого мощью – державы.

Государство, обладающее статусом мировой державы, представляет собой самовоспроизводящуюся, динамичную систему с *внутренними* механизмами развития форм политической организации, вынуждающими это государство к утверждению себя в качестве мировой державы. На наш взгляд, реально таким статусом обладают сейчас лишь США, Китай и Россия. Все они обладают главным качеством, отличающим мировую державу, а именно – автаркией, внутренними ресурсами контроля над мировыми политическими и экономическими процессами (особенно над механизмами стратегического планирования развития). Отдельно хотелось бы отметить ситуацию с Россией. В конце XX века ее экономическое и политическое влияние в мире оказалось в значительной степени суженным. Тем не менее Россия по-прежнему способна к воспроизводству себя в качестве мировой державы: она сохраняет контроль над значительной частью мировых стратегических ресурсов, а ее военная мощь достаточна для поддержания статуса мировой державы.

Значимой проблемой обеспечения суверенитета для России (по сравнению с теми же США и Китаем) остается несформулированность государственной идеологии, стратегического плана развития, уязвимость для негативного информационного влияния извне. Эта проблема в настоящий момент не носит такого фатального характера, как в конце XX века, но остается очень серьезной. При сохранении культурного диалога со всеми цивилизациями, в т.ч. западной, тем не менее необходимо создавать некие культурные «фильтры», защищающие ценностное ядро общества. На Западе эту задачу успешно выполняет гражданское общество (в США невероятной выглядит ситуация, в которой по крупным телевизионным негосударственным каналам транслируются фильмы или программы, очерняющие американский образ жизни, отвергающие положительную роль страны в мировой истории и т.п.). В России традиционно такую задачу выполняло государство, но в конце прошлого века оно фактически самоустранилось из этой сферы, хотя сейчас наблюдаются попытки его возвращения (например, внедрение в российское законодательство понятия «иноагента», которое вызвало резко негативную реакцию на Западе и в среде внесистемной оппозиции, но которое широко практикуется на самом Западе десятилетиями). Кроме того, российское общество на настоящий момент стоит на гораздо более патриотических позициях, чем это было в конце XX века.

Даже учитывая все негативные тенденции постсоветской реальности, потенциально Россия – наиболее автаркическое образование в мире. Несмотря на значительное сужение воз-

можностей, шанс возродить свое значение, опираясь на преимущество самодостаточности, еще остается.

Суверенитет государства подкрепляется его признанием другими государствами, а также гарантиями с их стороны обеспечивать этот суверенитет. Но это внешнее основание суверенитета менее надежно, чем внутреннее, ибо любое государство руководствуется прежде всего собственными интересами. Доказательство тому мы находим и в истории, и в современных политических процессах. Из множества исторических примеров приведем здесь участь малых европейских стран в конце 30-х – начале 40-х годов XX века. Их суверенитет практически целиком основывался на международных гарантиях, предоставленных великими державами. Как только интересы последних стали противоречить взятым на себя обязательствам, суверенитет Чехословакии, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии оказался утраченным. Кстати, эти государства демонстрируют неспособность самостоятельно обеспечения суверенитета и сейчас – едва обретя его после развала СССР, они стали стремиться войти в другое государственное образование – ЕС, то есть остро нуждаются в предоставлении внешних гарантий.

Самый низкий уровень (практически отсутствие) национального суверенитета на европейском континенте демонстрирует сейчас Украина. Подписание Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом позволяет нам сделать вывод о том, что Украина не только фактически, но и юридически отказалась от своего суверенитета – для этого достаточно просто внимательно изучить этот документ. В здании Службы безопасности Украины открыто работали сотрудники ЦРУ. Ни одно важное решение с 2014 г. не принималось правительством Украины без консультаций с администрацией США. Особенно показательно – как принимались кадровые решения по украинским органам государственной власти. Уже 4 февраля 2014 г. на YouTube была опубликована аудиозапись телефонного разговора помощника государственного секретаря США Виктории Нуланд и посла США на Украине Пайетта, обсуждающих перестановки в высших эшелонах украинской власти. В его ходе они пришли к выводу, что наиболее подходящей кандидатурой на пост премьер-министра является А. Яценюк – и через некоторое время именно он и занял эту должность. 23 января 2018 года бывший вице-президент США Джо Байден на дискуссионной панели Совета по международным отношениям в Вашингтоне откровенно рассказал, как в 2016 г. требовал уволить генпрокурора Украины В. Шокина, ведущего тогда расследование, затрагивающее интересы сына Байдена Хантера (дело Burisma), и генпрокурор был немедленно отправлен в отставку. Отказ Украины от собственного суверенитета носит и символический характер – складывается впечатление, что она вообще демонстративно перешла под внешнее управление со стороны США. Наиболее показательным в этом отношении был очень знаменательный акт, когда уже упомянутый вице-президент США Дж. Байден, проводя 22 апреля 2014 г. встречу с украинскими политиками, сел в кресло президента Украины, и присутствующие (судя по их лицам) сочли это вполне естественным.

Спецоперация, которая началась Россией 24 февраля 2022 г., наглядно продемонстрировала степень «независимости» Украины. Даже те робкие попытки переговоров по существу с российской стороной, которые предпринимались

в начале весны 2022 г. украинским руководством, были решительно пресечены западными кураторами (прежде всего США и Великобританией). По сути, Запад опосредованно ведет с Россией войну на Украине уже давно. Если ранее она носила характер прежде всего информационно-экономический, то теперь добавился военный компонент - накачка ВСУ и националистических подразделений западным оружием, предоставление разведывательной информации, прямое участие западных наемников в боевых действиях.

Ситуацию с Украиной можно считать наиболее показательной, но, по сути, практически все страны Европы, начиная с реализации плана Маршалла после II Мировой войны, обладают лишь ограниченным суверенитетом – в той или иной мере, который постепенно все более сужается.

В последние годы Россия предпринимает ряд важных шагов по восстановлению своего суверенитета и обеспечению автаркии. В сфере внешней политики этот процесс можно считать запущенным с 2007 г. (знаменитая Мюнхенскую речь президента В.В. Путина). Операция в Сирии, которую Россия (в отличие от США и их сателлитов) проводит в полном соответствии с международным правом, на практике этот процесс демонстрирует [4, с. 96; 7, с. 188]. В сфере экономики удалось отстоять энергетический суверенитет (неприятие Европейской энергетической хартии, которая активно навязывалась в середине 2000-х годов), начать «импорт-замещение» в промышленности [3, с. 9]. В сфере сельского хозяйства Россия не только обеспечила собственную продовольственную безопасность, но и вошла в число мировых лидеров-экспортеров зерновых. В правовой сфере – те поправки в Конституцию РФ, которые предложил президент В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 2020 г. [9], явно имеют целью усиление суверенитета страны.

События последнего времени, прежде всего так называемая «санкционная политика» Запада показали, что обеспечение автаркии государства может стать вопросом его выживания, поскольку противостояние носит характер уже не столько экономический и даже геополитический, а цивилизационный [8, с. 22].

Итак, можно сделать вывод, что реальным, наиболее полным (но не абсолютным) суверенитетом, основывающимся и на международном признании и, что важнее, на внутренней способности к его защите - автаркии, обладают немногие государства, прежде всего крупнейшие державы мира – США, Китай и Россия. В условиях наступающего «постглобалистского» мира обладание государством автаркией будет носить экзистенциальный характер.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.
2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Пер. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.

3. Вахитов Р.Р., Горбачев С.Б. О событиях в Белоруссии: трансформация общества на фоне геополитики // О вечном и преходящем: сборник научных статей. Выпуск 11 / Отв. ред. Р.Х. Лукманова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 6-9.
4. Горбачев С.Б. Идеологические основания ваххабизма и угроза его распространения в России // Коренные народы современной России: этноязыковые, правовые, социокультурные и духовные проблемы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной объявленному ООН в 2019 году Международному Году языков коренных народов (г. Уфа, 26 апреля 2019 г.) / Отв. ред. Л.А. Иткулова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С. 96-99.
5. Горбачев С.Б. Основные пути решения глобальной экологической проблемы // Организация Объединенных Наций и глобальные проблемы человечества в XXI веке: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Уфа, 15-16 ноября 2019 г.) / Отв. ред. Р.В. Нигматуллин. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С. 131-136.
6. Горбачев С.Б. Проблема суверенитета государства в современном мире // Евразийский юридический журнал. 2020. № 1 (140). С. 471-473.
7. Горбачев С.Б. Реализация геостратегии Запада на Ближнем Востоке как политика двойных стандартов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 3 (159). С. 187-190.
8. Горбачев С.Б. Субъективные основания классического евразийства // О вечном и преходящем: сборник научных статей. Выпуск 12 / Отв. ред. Р.Х. Лукманова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 22-24.
9. Послание Президента Федеральному Собранию. 15 января 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 09.05.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-495-497

ЕЛИЗАРОВ Михаил Владимирович

кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения Института экосистем бизнеса и креативных индустрий Уфимского государственного нефтяного технического университета

Елизаров М. В.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ И ЕВРОПЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье прослеживаются культурно-исторические предпосылки генезиса и развития идеи прав человека в российской и западноевропейской культурной традиции. Цель исследования заключается в выявлении причин, по которым идея прав человека в России всегда запаздывала и развивалась медленнее, чем на Западе. Методология исследования основана на органичном сочетании философского подхода, общенаучных и специальных методов. В частности, использованы исторический метод и метод сравнительного анализа для выявления интеллектуальных и культурно-исторических истоков идеи прав человека в России и Европе с учётом греко-римского, византийского и германского влияний. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что идея прав человека была всегда чужда российскому менталитету. Влияние кочевых племён на этнокультурное развитие России, вкупе с традициями самодержавия, унаследованного от Византии, сформировало особенный менталитет русского народа, создав большие препятствия и трудности в продвижении идеи прав человека. Ввиду необходимости поддержания порядка на столь обширных территориях Россия всегда нуждалась в жёсткой центральной власти с подчинением всей жизни государственным интересам, что отнюдь не способствовало утверждению прав человека как всеобъемлющей концепции. Тем не менее, богатая духовная культура России, представленная русскими писателями, поэтами и художниками «золотого века», сделав шаг к началу диалога между властью и обществом, создала условия для продвижения и популяризации идеи прав человека, что помогло России стать полноправным партнёром европейского сообщества, однако, не без страданий и потерь.

Ключевые слова: Россия, Европа, цивилизация, права человека, духовная культура, дихотомия Восток-Запад, правовое сознание, менталитет.

ELIZAROV Mikhail Vladimirovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of International relations, history and oriental studies sub-faculty of the Institute of Ecosystems of Business and Creative Industries of the Ufa State Petroleum Technical University

CULTURAL AND HISTORICAL ORIGINS OF THE IDEA OF HUMAN RIGHTS IN RUSSIA AND IN EUROPE: A COMPARATIVE ANALYSIS

This paper delineates the cultural and historical background that influenced the genesis and evolution of the idea of human rights in Russian and European cultural tradition. The purpose of the study is to identify the reasons why the idea of human rights in Russia has always lagged behind and developed more slowly than in the West. The methodology of the paper is based on an organic combination of the philosophical approach, general scientific and special research methods. In particular, the historical method and the method of comparative analysis are used to carry out a systematic analysis of the intellectual, cultural and historical origins of the idea of human rights in Russia and Europe, taking into account the Greco-Roman, Byzantine and Germanic influences. Based on the conducted research, the author suggests that the idea of human rights has always been alien to the mindset of Russians. The influence of nomadic people groups on ethnocultural development of Russia, coupled with the traditional autocratic form of rule that had passed from Byzantium to Rus', has formed a definable mindset of the Russian people, causing serious challenges and difficulties in promoting the idea of human rights. In order to maintain unity and order over such huge areas, Russia has always required a strong (sometimes even oppressive) government with the subordination of all life to the state interest that naturally didn't contribute to the adoption of human rights as a comprehensive concept. And yet, a great spiritual culture, represented by the outstanding Russian writers, poets and artists of the "golden age", created the conditions necessary for the development of the human rights idea that eventually helped Russia to become a full-fledged (maybe even a spiritually superior) partner of the European community, though not without sacrifice.

Keywords: Russia, Europe, civilization, human rights, spiritual culture, East-West dichotomy, legal consciousness, mindset.

Идея прав человека в России всегда развивалась медленнее, чем в странах западного мира и воспринималась как нечто чуждое русскому менталитету. Да и сегодня тема прав человека зачастую поднимается постфактум, т.е. тогда, когда эти самые права уже нарушены. Цель настоящего исследования состоит в попытке ответить на вопросы о том, почему идея прав человека в России всегда запаздывала, и почему на протяжении большей части российской истории не существовало широкого и всеобъемлющего понятия прав и свобод человека, как сложившейся концепции.

Причины запаздывания, по-видимому, кроются в самом менталитете: просто эта идея всегда была чужда «духу» русского народа, для которого чувства коллективизма были всегда ближе западного индивидуализма, а самодержавие – предпочтительнее «демократического беспорядка». По справедливому замечанию Э. Ю. Соловьёва, «...в России XVIII-XIX веков не появилось сочинение, которое по типу и масштабам воздействия на общественную мысль можно было бы сравнить с Локковскими трактатами о государственном правлении в Англии или с «Общественным договором» Руссо во Франции...» [7, с. 231].

Во многом это можно объяснить тем, что российская цивилизация с самого начала своего развития пошла по пути отличному от Западной Европы. Обусловлено это двумя факторами: первый из них определяется географией, и о нём мы поговорим чуть позже. Второй фактор связан, если можно так выразиться, с «прелестями» античного наследия греко-римского мира, которые, словно дар судьбы, достались ранним европейцам в виде многовековой и стройной цивилизации. И хотя, будучи изначально безграмотными, они не смогли сразу же оценить этот дар и воспользоваться его плодами, но важно другое – начался культурный синтез, взаимопроникновение, что придало Западной Европе колоссальный импульс для развития.

Расселённым на обломках некогда величественной Западной Римской империи многочисленным германским племенам выпал исторический шанс воспринять наследие античного мира в готовом виде. Это были достижения в области архитектуры, искусства, инженерного дела, юриспруденции и государственного управления, включая систему институтов и должностей, которые, пусть и в виде фантомов, продолжали существовать даже с наступлением Средневековья. Неслучайно, например, во внешнем облике средневековых городов Западной Европы проступали черты древнегреческого полиса, а устройство любого замка воспроизводило схему римского военного поселения (каструм). И если хоть чем-то Новгородская и Псковская республики напоминали средневековые европейские города, с ними же покончили. А в них, между прочим, «прорастал» античный полис с его традициями политической власти и образованности (например, там изучались тривиум и квадривиум).

Взаимопроникновение и слияние двух миров подталкивало формирующееся общество Запада к установлению и поддержанию диалога с иностранцами, юридическому оформлению круга их прав и обязанностей. Даже римская богиня Фидес, олицетворявшая, по верованиям римлян, верность и добросовестность, благосклонно относилась к гражданам, которые надлежащим образом заключали договоры в письменной форме. Как справедливо отмечал Н. Н. Алексеев, «с самого начала западноевропейская цивилизация столкнулась с необходимостью формирования «общества собственности», члены которого должны были руководствоваться принципом «не трогай меня, и я не трону тебя» (*do, ut des and do, ut facias*) как в частной, так и в общественной жизни [1, с. 161]».

Наши же предки – славянские и балтские племена – были гораздо менее воинственными, чем германцы: они не вторгались на чью-то территорию, никого не завоевывали и никого не опрокидывали, но они и не получили дара судьбы в виде великого культурного наследия, превосходившей по уровню развития цивилизации. Как отмечает Е. В. Суворцева, «на протяжении веков, Россия являлась крестьянской страной, да и сама российская цивилизация создана крестьянским трудом. В крестьянской общине преобладали духовно-нравственные ценности, при которых человеку было невозможно жить чужим трудом и без совести». Если на Западе жить чужим трудом было всегда «и престижно, и нравственно», то в России осуждались «накопительство и страсть к деньгам, богатству и сытости [8, с. 52]».

В отличие от истории западного мира, в России не было слияния двух миров. Русь получила влияние от Византии – тоже обломка античного мира, но уже другого, с неким восточным колоритом, с византийской жестокостью и коварством, порождённым переплетением этносов и культур, которые там сложились. В Византии была крайне деспотичная форма правления, где вся полнота власти находилась в руках императора (басилевса), чей двор отличался особенной пышностью и показной роскошью, а Церковь была полностью подчинена государству (а не конкурировала с ним, как на Западе). Иными словами, это совершенно другая судь-

ба. Будучи единственным независимым православным государством, Россия всегда считала себя законной наследницей Византии, носителем её политических и культурных традиций, истинным центром христианства, следующим за самим Римом и Константинополем.

Второй фактор, обусловивший своеобразие российской цивилизации, как уже было отмечено выше, это география. И здесь не следует забывать, что огромная часть территории России географически лежит в Азии. Например, мы часто слышим о Сибири как о символе всего русского (сибиряки, сибирское здоровье и т.п.) и слова «Азия» в этом нет. Однако географически Сибирь – это всё-таки Азия, и она огромна, и во многом она перевешивает, и в этом плане российская история гораздо более тесно связана с азиатским миром, нежели европейская. Кроме того, трудно переоценить влияние кочевых народов из Азии на российскую государственность, тех же монголов. У кочевников не было цели выстраивать оригинальную политическую или правовую систему на завоеванных ими землях. Для них было важно вовремя получать дань с покорённых народов. Именно так в своё время поступали и гунны, и многие другие кочевники. Получив дань, они уходили и двигались дальше. Но вместе с тем некоторую ломку сознания это почти трёхсотлетнее владычество монголов всё-таки принесло: русские князья оказались перед необходимостью кланяться, зная, что где там есть «великий хан», которому надо платить, причём в весьма унижительной форме, попирая, так сказать, своё человеческое достоинство. Для них это и было подлинным игом – не столько экономическим, сколько духовным. Отечественный историк Н. И. Костомаров в работе «Начало единой державы в Древней Руси» (1885 г.) писал, что все русские – от князя до холопа – стали его («великого хана») рабами без исключения. Исчезло чувство свободы, чести, сознания личного достоинства; ему на смену пришло раболепие перед вышестоящими и деспотизм над нижестоящими [6, с. 47].

Всё это необходимо рассматривать ещё и вкрупне с традициями деспотического самодержавия, унаследованного от Византии. Возможно поэтому, начиная где-то с Ивана III, таким естественным в истории русских земель становится мощный государственный пресс, сначала в лице княжеской, а затем и царской власти. На Западе это человеческое достоинство не сломали, несмотря даже на то, что в условиях феодальной системы человек тоже платил дань (её платили везде), но делал он это, всё-таки сохраняя хоть какое-то уважение к самому себе, и берущий дань признавал это самое достоинство.

В этом отношении западная история совсем другая: там уже к концу эпохи Средневековья (а это период между XIII и XV вв.) развивался диалог между королевской властью и сословиями, начатый в представительных органах, а именно в парламенте Англии, впервые созданном оппозицией в 1265 году. А до него, ещё раньше, в 1215 году, была принята Великая хартия вольностей, которую короля Иоанна Безземельного заставили подписать, хотя он её никогда, конечно, не соблюдал, но заставили. Во Франции в 1302 году, по инициативе королевской власти, были созданы Генеральные штаты – представительный орган, на который уже можно положиться в процессе принятия управленческих решений. В Испании представительные собрания королевств назывались cortesами, а в немецких землях их аналогом стали рейхстаги. Конечно же, диалог с королём там шёл очень тяжело, были и взаимные распри, и обиды, но он всё-таки шёл. В России подобного диалога не было, что и проложило благодатную дорогу к абсолютизму.

Запад, впрочем, со временем тоже пришёл к абсолютизму. Об этом свидетельствует, в частности, знаменитое выражение Людовика XIV, который якобы однажды сказал своим министрам, топнув ногой: «Государство – это я». Абсолютизм имел место и в Англии при Елизавете I, и при её отце

Генрихе VIII Тюдоре. И в религиозных войнах между католиками и протестантами «кровь лилась рекой». Однако в России был иной абсолютизм, более абсолютный, если можно так выразиться, потому что не было того самого противовеса в лице представительных органов сословий, который к тому времени уже возник на Западе, равно как отсутствовал диалог между властью и народом.

Мы полагаем, что у России свой темп развития: она словно движется в собственном пространственно-временном континууме, очень медленно, шаг за шагом. К тому же она более традиционная, патриархальная и земледельческая. Размышляя о предназначении и об исторической судьбе и России, А. С. Пушкин писал следующие строки: «Долго Россия оставалась чуждой Европе. Великая эпоха Возрождения не имела на неё никакого влияния, рыцарство не вдохновило наших предков на подвиги, а благодетельное потрясение, произведённое Крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... Её необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощённую Русь и возвратились на степи своего Востока. Образующееся Просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией» [5, с. 407].

Географический фактор, бесспорно, оказал большое влияние на правовое сознание и менталитет русского народа. По сравнению с территорией, которая постоянно разрасталась вокруг русских земель и превратилась, в конце концов, в огромную империю, страны Западной Европы всё-таки такие маленькие. И для того, чтобы поддерживать единство и порядок на столь огромных территориях, вполне естественно, Россия всегда нуждалась в сильной (а кое-где и жестокой) центральной власти с подчинением всей общественной и частной жизни государственным интересам, где любые свободные проявления гражданской позиции или частной инициативы, исходящие «снизу», подавлялись. Это отнюдь не способствовало утверждению прав человека как всеобъемлющей концепции. Вот почему, с точки зрения Н. А. Бердяева, у русских всегда было слабо развито «сознание личных прав и не развита была самостоятельность классов и групп» [3, с. 63]. Соответственно и позиции представительных органов и местного самоуправления никогда не были столь сильны, как на Западе. Всё это тормозило развитие прогрессивной политической мысли и формирование гражданского общества.

Помимо прочего для русского менталитета всегда было характерно соединять несоединимое, а именно любовь к свободе со смирением и покорностью, которые иногда достигали производа и анархии. Даже само слово «свобода» в русском языке больше отождествляется с понятием «вольность». Как высказался однажды отечественный литературовед В. Г. Белинский, в сознании русского народа «свобода есть воля, а воля – озорничество». По мнению Белинского, «не в парламент пошёл бы освобождённый русский народ, а в кабак побежал бы он – пить вино, бить стекла и вешать дворян. Вся надежда России на просвещение, а не на перевороты, не на революции и не на конституции» [2, с. 92].

Подобным же образом в книге «Национальный характер русского народа» (1957 г.) отечественный мыслитель Н. О. Лосский отмечал следующие качества русского народа: свободолюбие, могучую силу воли, доброту и талант. С его точки зрения, «в России неслучайно сформировались традиции сильной центральной власти, которые порой граничили с деспотизмом. В противном случае было бы чрезвычайно трудно управлять народом со столь сильными анархическими наклонностями, который к тому же предъявляет чрезмерные требования к государству» [4, с. 276]. Именно поэтому Россия дала миру известных деятелей-анархистов, таких как Бакунин и Кропоткин.

Так каким же образом, несмотря на все эти огромные издержки, России всё-таки удалось стать одной из самых пере-

довых держав мира? Случайно ли это? Исключительно ли это заслуга Петра Великого? Да, несомненно, Петр I очень много сделал для России: он создал современный бюрократический и полицейский аппарат, построил сильный военный флот, сделал энергичную попытку приблизить страну к ценностям европейской цивилизации. Это, в свою очередь, привело к усилению позиций Российской империи на мировой арене, и за время его правления страна сделала гигантский по своим последствиям рывок вперёд, этого нельзя отрицать.

И всё же главная заслуга, на наш взгляд, в деле продвижения России по пути интеграции страны в европейскую семью принадлежит замечательной духовной русской культуре XIX века. Это именно богатая русская культура «золотого века», представленная величайшими русскими писателями, поэтами, художниками и мыслителями, способствовавшая выражению чувств посредством слов, красок и мыслей, позволила сделать шаг к началу диалога между властью и обществом и создала условия для развития идеи прав человека. И именно духовная культура «золотого века» помогла России, пусть даже и путём невероятных борений и страданий, стать полноправным, а кое в чём и духовно превосходящим партнёром европейского сообщества.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – М.: «Аграф», 1998. – 635 с.
2. Белинский В. Г. Письма: три тома / Ред. и примеч. Е. А. Ляцкого. Т. 1: [1829-1839]. Письмо к Д. И. Иванову от 7 августа 1837 г. – Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1914. – С. 92.
3. Бердяев Н. А. Судьба России. – М.: «Философское общество СССР», 1990. – 240 с.
4. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. – М.: «Политиздат», 1991. – 367 с.
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в десяти томах. Т.6. Критика и публицистика / Примеч. Ю. Оксмана. – М.: Государственное издательство Художественной литературы, 1962. – 590 с.
6. Собрание сочинений Н. И. Костомарова. Исторические монографии и исследования. – Кн. 5. Т. 12. – Санкт-Петербург: «Общество для пособия нуждающимся литераторам и учёным», 1903-1906. – 827 с.
7. Соловьёв Э. Ю. Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры). – М.: «Политиздат», 1991. – 430 с.
8. Суровцева Е. В. Свобода как феномен русской культуры в истории и современности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 11 (340). – С. 51-58.

ЕЛХОВА Оксана Игоревна

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Башкирского государственного университета

КУДРЯШЕВ Александр Федорович

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Башкирского государственного университета

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЕ УСВОЕНИЯ ЗНАНИЙ

В данной работе оцениваются возможности и перспективы использования эмоционального искусственного интеллекта в образовательном процессе. Авторами отмечается, что технологии искусственного интеллекта уверенно входят в сферу образования, становятся инновационным шагом на пути к новой образовательной системе более высокого качественного уровня. В результате обучающиеся получают знания более прочные, чем знания тех, кто учится по традиционной системе. Использование возможностей эмоционального искусственного интеллекта может значительно повысить качество усвоения знаний пользователями. Эмоциональный искусственный интеллект, подготовленный соответствующим образом, генерирует адаптированные вмешательства, учитывая характер и направленность изменений текущего состояния пользователя; как следствие, учебная информация становится интересной, эмоционально окрашенной и, соответственно, ее усвоение будет надежнее, чем при привычном способе подачи материала.

Ключевые слова: философия, эмоциональный искусственный интеллект (эмоциональный ИИ), виртуальная реальность, процесс усвоения знаний.

ELKHOVA Oksana Igorevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Philosophy and cultural studies sub-faculty of the Bashkir State University

KUDRYASHEV Aleksandr Fedorovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of Philosophy and cultural studies sub-faculty of the Bashkir State University

POSSIBILITIES OF USING EMOTION ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PROCESS OF LEARNING

This paper assesses the possibilities and prospects for the use of emotion artificial intelligence in the educational process. The authors note that artificial intelligence technologies are confidently entering the field of education, becoming an innovative step towards a new educational system of a higher quality level. As a result, students receive more solid knowledge than of those studying under the traditional system. Using the capabilities of emotion artificial intelligence can significantly improve the quality of knowledge acquisition by users. Emotion artificial intelligence prepared accordingly, generates adapted interventions given the nature and directionality of changes in the current state of the user, as a result, educational information becomes interesting, emotionally colored and, accordingly, its assimilation will be more reliable than with the usual way of presenting material.

Keywords: philosophy, emotion artificial intelligence (Emotion AI, emotional artificial intelligence, emotional intelligence, affective computing), virtual reality, learning process.

Разработки эмоционального искусственного интеллекта стали очень популярными в современных научных исследованиях. То, что принято называть эмоциональным искусственным интеллектом, представляет собой область искусственного интеллекта, где исследуются и разрабатываются системы, способные распознавать, интерпретировать, обрабатывать и имитировать человеческие эмоции. Такие системы являются важной частью взаимодействия человека с компьютером. Последние два десятилетия были отмечены значительными успехами искусственного интеллекта в области распознавания объектов, их категоризации и принятия решения. На переднем крае исследований находятся системы искусственного интеллекта, демонстрирующие растущую способность справляться с неформальной и неопределенной информацией. По сути, речь идет о стремлении выйти в разработках систем с искусственным интеллектом за рамки простых ру-

тичных вычислений в сторону возможности гибко классифицировать информацию и использовать ее в качестве основы для принятия решений, а также создания «общительных» компьютеров, позволив им имитировать человеческие эмоции и реагировать на эмоции пользователя [3]. Такой подход позволяет создавать системы с искусственным интеллектом, менее «уязвимые» при столкновении с новыми ситуациями. Создание компьютеров, отображающих эмоции, заведомо является сложной задачей, поскольку она требует формализации понятий и механизмов, которые зачастую еще не до конца исследованы наукой. Проблема усугубляется высоким уровнем неоднозначности, который существует в изображении и обнаружении эмоциональных состояний пользователя. В частности, у многих людей могут быть неодинаковые эмоциональные реакции на один и тот же импульс, и это разнообразие зависит от характеристик определенного чело-

Елхова О. И.

Кудряшев А. Ф.

века, которые не всегда обнаруживают себя явным образом [4]. В частности, такие реакции могут зависеть от скрытых целей, предпочтений, ожиданий пользователя, который вовлечен в образовательный процесс.

Системы с искусственным интеллектом постепенно становятся частью нашей системы образования, уже активно используются для вовлечения учащихся в процессе усвоения знаний. Отметим, что потенциал видео и компьютера, виртуальные игры давно используются как средство обучения. Они позволяют не только взаимодействовать с искусственно созданной средой, но и «присутствовать», «жить» в виртуальном мире [2]. Действительно, при использовании таких возможностей можно значительно повысить качество усвоения знаний обучающимися. Если у человека есть возможность погрузиться в атмосферу того или иного события, то учебная информация становится более интересной, эмоционально окрашенной и соответственно ее усвоение будет выше, чем при привычном способе подачи материала. В результате обучающиеся таким образом получают более прочные знания, чем те, кто учится по традиционной системе.

Однако исследования показали, что, хотя образовательные игры обычно создаются на увлекательном информационном материале, они, к сожалению, не всегда приводят к желаемому образовательному результату. Объяснение здесь заключается в том, что часто можно научиться выполнять задания образовательной игры, не имея глубоких познаний в изучаемой области. Возможно, что для некоторого количества учащихся образовательная игровая деятельность действует как расслабление и отвлечение от традиционного образования. Чтобы преодолеть подобные досадные препятствия, в обучающих играх используется эмоциональный искусственный интеллект. Если обнаруживается, что пользователь не учится в виртуальной игре и решает задачи формально, то эмоциональный искусственный интеллект может генерировать адаптированные вмешательства, направленные на стимулирование рассуждений учащегося, с целью превратить игровой опыт в обучающий. Так, согласно устоявшимся представлениям, считается, что ученику с хорошим запасом знаний нужно дать сложное задание, при этом совершенно не принимается в расчет негативное текущее состояние пользователя, выход из которого может быть осуществлен легким заданием, забавным видеороликом, анимацией, историческим экскурсом. Напротив, при эмоционально высоком позитивном состоянии можно усложнять варианты заданий без особых негативных последствий.

Необходимо подчеркнуть, что обучение с помощью систем с искусственным интеллектом представляет собой нечто большее, чем просто передвижение-навигация по виртуальному пространству. Это, прежде всего, возможность пользователя в режиме реального времени управлять виртуальной средой, быть участником в конструировании ее формы и содержания. Эффект вовлечения достигается за счет интерактивности, то есть возможности взаимодействовать с виртуальными объектами, что делает процесс обучения более продуктивным. Интерактивность может рассматриваться как одна из основных характеристик виртуального мира, которая указывает на процесс взаимодействия пользователя и среды, их взаимного влияния друг на друга, что в результате обуславливает специфику протекания виртуального действия [1].

Преимущество таких обучающих игр по сравнению с традиционными заключается в том, что первые, как правило, вызывают гораздо более высокий уровень положительной эмоциональной вовлеченности студентов. Сам процесс обучения становится мотивированным и привлекательным. Крайне важно, чтобы вмешательство эмоционального искусственного интеллекта в процесс обучения соответствовало духу игры, учитывало эмоциональное состояние игроков. С одной стороны, эмоциональный искусственный интеллект

должен корректно оценить, что ученик усваивает из игры и сгенерировать адаптированные вмешательства, исходя из полученной информации. С другой стороны, также необходимо избегать грубых вмешательств, которые заставляют студента начать видеть взаимодействие с игрой скорее как образовательную работу, чем как развлечение. В процессе участия человека-игрока в образовательной игре с привлечением эмоционального искусственного интеллекта последнему в своих действиях требуется искать компромисс между обучением игрока и поддержкой должного уровня развлечения, чтобы максимизировать результат с точки зрения обучения и эмоциональной вовлеченности учащегося. Чем большим объемом информации об эмоциональном состоянии пользователя располагает искусственный интеллект, тем более целенаправленным и эффективным могут быть его действия.

Вместе с тем нельзя не заметить теневую сторону увлечения эмоциональным искусственным интеллектом. Такой рукотворный разум со временем способен научиться управлять не только своими эмоциями, но и эмоциями контактирующих с ним людей, что, разумеется, не всегда отзовется благоприятным образом на человеке. Кроме того, сильные эмоциональные переживания, и прежде всего аффекты, могут привести находящихся под влиянием искусственного интеллекта людей к психологическому срыву и непредсказуемым действиям с отрицательным для социума исходом. Остается также спорным, как надо подходить к моделированию совмещения эмоциональных переживаний с формально производимыми вычислениями: обычно у человека это получается плохо, а вот у компьютера это может получиться хорошо, и такой искусственный интеллект со своими сверхспособностями становится опасным, поскольку может приводить в ведущий к ступору ужас обычного пользователя.

Тем не менее остается фактом, что новейшие информационные технологии уверенно входят в сферу образования, становятся инновационным шагом на пути к другой образовательной системе, причем более высокого качественного уровня. На этом пути системам с эмоциональным искусственным интеллектом отводится свое весьма заметное место. Однако при всех уже сегодня видимых результатах таким системам предстоит пройти еще очень долгий путь совершенствования.

Пристатейный библиографический список

1. Елхова О. И. Индекс виртуальности: философское обоснование // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2021. Т. 21. - № 3. - С. 99-107.
2. Elkhova O. I., Kudryashev A. F. The creative ability of artificial intelligence // Creativity Studies. - 2017. - Т. 10. - № 2. - С. 135-144.
3. Keri A. Pekaar, Dimitri van der Linden, Arnold B. Bakker & Marise Ph. Born Emotional intelligence and job performance: The role of enactment and focus on others' emotions // Human Performance. - 2017. - 30:2-3. - P. 135-153.
4. Magdin M. Evaluating the Emotional State of a User Using a Webcam // International Journal of Interactive Multimedia and Artificial Intelligence. - 2016. - 4 (1). - P. 61-68.

ЗУБКОВ Сергей Александрович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ЭКОФИЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ВЕДИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ*

Статья рассматривает связь экофильной ведической философии, зародившейся в Индии и распространенной сегодня широко за ее пределами. Дается опора на священные писания Индии. Раскрывается тема сакрализации природы в целом и ее различных объектов: животных, растений, рек, озер, гор. Выявляется связь экофильных образов ведической философии с современностью, с процессами глобализации, с глобальными проблемами.

Ключевые слова: экофильность, ведическая философия, теология, сакрализация.

ZUBKOV Sergey Aleksandrovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy and religious studies sub-faculty of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University

ECOPHILIC IMAGES OF VEDIC PHILOSOPHY

The article examines the connection of the ecophilic Vedic philosophy, which originated in India and is now widely spread beyond its borders. Support is given to the sacred scriptures of India. The theme of the sacralization of nature as a whole and its various objects is revealed: animals, plants, rivers, lakes, mountains. The connection of ecophilic images of Vedic philosophy with modernity, with the processes of globalization, with global problems is revealed.

Keywords: ecophilicity, Vedic philosophy, theology, sacralization.

Веды и теологически близкие им тексты такие как Пураны, Упанишады, эпосы Махабхарата и Рамаяна – суть древнейшие сакральные писания Индии. В далекой древности Веды передавались устно, но позднее мудрец Вьяса записал ведические тексты [11, с. 21]. Среди критериев экофильности теологических и философских учений были выделены следующие: сакрализация природы, зоо и фитолатрия, вегетарианство. В ведической теологии и философии данные аспекты экофильности представлены в достаточной степени [9, с. 14].

Прежде всего, следует выделить культ Бхуми деви, обожествление планеты, природы. Отношение к природе как к сакральной энергии, олицетворенной в форме богини Бхуми деви – планетного божества, суть линия экофильности ведической мысли и практического подхода в заботе об окружающей среде [8, с. 16].

Важным объектом обожествления в индуизме, проявляющим экофильность его традиций, является богиня земли и плодородия, имеющая множество имён, самые известные из которых Бхуми и Притхиви. Бхуми – олицетворение плотной материи, физического плана бытия «Бхур», и Дхарани как поддерживающая сила. Бхур-лока – мир, который человек может воспринимать посредством органов чувств, он простирается в пределах освещаемого Солнцем и Луной пространства. Притхиви с корнем «притху» – огромный, просторный, широкий, описывает земные просторы. Также Притхиви может означать «дочь Притху», одного из могущественных правителей земли, наделенного от рождения благочестием и праведностью, история которого описана в Бхагавата Пуране; благодаря ему процветание и благополучие пришло на землю.

Бхуми является супругой одной из аватар Бога Кришны (Вишну) Варахи и одной из двух форм богини Лакшми. В этой ипостаси она проявляется как мать-земля, кормящая, заботливая и обеспечивающая домом. Бхуми изображается восседающей на квадратной платформе, располагающейся на четырёх слонах, олицетворяющих четыре стороны света. В своей четырёхрукой форме она держит в руках ёмкость с водой, гранат, горшок с овощами и горшок с лечебными травами. В двурукой форме Бхуми деви изображается с синим

лотосом в правой руке, а левая рука сложена в мудре бесстрашия.

Притхиви или Бхуми – это богиня ведического пантеона, олицетворенная Земля, богиня плодородия, покровительница земных просторов и всей планеты, щедрая дарительница целебных трав, злаков, овощей и фруктов, а также мать-кормилица для всех живых существ. Вся наша планета – это её тело, деревья – волосы, нефть – кровь, а земля, по которой мы ходим, – её кожа, и как на теле человека существует сакральные точки, так и на теле Земли.

В некоторых эпосах и гимнах индуизма прославляется пара Мать-Земля и Небо-Отец в обличье коровы и быка, как творческая природа и животворящая сила. Так же Притхиви – это поддерживающая сила, которая проявляется в том, что она является опорой для всего сущего, она держит на себе все горы, скалы, деревья, различные живые существа.

Богатые поучительными историями о Бхуми деви древние писания индуизма направлены на осознание в сердце человека того, что планета Земля живая, у неё есть душа и к ней нужно относиться соответствующе. Она может испытывать радость, оберегая, поддерживая, вскармливая живых существ как заботливая мать, заботящаяся о своем ребенке, но также она может испытывать боль, когда её дети, обитатели земли, пренебрегают ей, относятся неуважительно и тем более используют в своих корыстных потребительских целях, открыто демонстрируя равнодушие и презрение.

Экофобная деятельность, такая как непомерная добыча полезных ископаемых, руд, нефти, газа, бурение скважин, нерациональное природопользование истощает землю. К сожалению, человечество склонно бездумно отравлять землю своими отходами, живя в эгоистическом сознании, не осознавая, что ущерб родной матери-земле неизбежно вернётся страданиями для самого человека. Землетрясения, цунами, наводнения, другие стихийные бедствия – это ответ Бхуми деви на беспощадное использование природных богатств, так мы расплачиваемся за пренебрежение той, которая всегда готова дать свои благословения в благодарность за экофильное, уважительное к ней обращение.

В ведической традиции существовал ритуал, в соответствии с которым первым делом после подъёма с постели,

* Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 21-011-44195.

человек приносил поклоны Земле и просил прощение, что ступает на нее своими стопами.

Так как Бхуми деви несёт ответственность за всю землю, в том числе и объекты недвижимости, то до сих пор в современной Индии сельскохозяйственные и строительные работы, а также купля-продажа земельных участков сопровождаются церемониями почитания богини Земли [3].

С древнейших времён в Индии корова почитается как священное животное. Экофильный образ коровы, пожалуй, самый известный пример зоолатрии – почитания животных за их особые свойства. Для индусов корова – это мать, которая даёт молоко и молочные продукты в пищу, навоз в качестве топлива для приготовления пищи и отопления домов, а также удобрения полей. Корова – это главная кормилица с незапамятных времён в индийской культуре.

Полуостров Индостан – благодатное место для земледелия, где можно собирать три урожая в год. Для такого интенсивного земледелия необходимо достаточно удобрений для предотвращения истощения почв и, конечно же, тягловая сила для сбора и перевозки урожая. В этом незаменимы коровы как источники калорийных продуктов питания, удобрения, топлива, строительного материала, и быки как аналог «древнего» трактора, без которого ни вспахать землю, ни перевести урожай.

Но всё не сводится просто к бытовому использованию этих животных в домашнем хозяйстве и земледелии. Согласно ведическим писаниям, мать всех коров – богиня Сурабхи, которая специально передавалась аскезе, чтобы коровы стали благостными и могли помогать нуждающимся в разных мирах. У коров в индуистской системе мироздания даже есть свой планета в духовном мире, называемая Голокой. Корова – любимица Бога Кришны и его любовь к ним превозносится в ведических текстах, в связи с чем в них постоянно делается упор на защиту коров [10, с. 136-137].

В древнем эпосе Махабхарата говорится, что коровы полны благодати и считаются наисвященнейшими созданиями, они поддерживают все три мира, служение им несёт исцеление, а кормление ежедневно увеличивает благоденствие.

В индийской культуре широко известен эпический сюжет пахтания молочного океана полубогами (девами) и демонами (асурами), в результате которого одним из полученных сокровищ была корова Камадхену, что буквально означает «дойная корова» или Сурабхи «приятно пахнущая», то есть обладающая необычайными свойствами. Согласно писаниям Камадхену может исполнить для искренне верующего любое желание, а обладающий ею никогда не будет голодать.

Религиозным значением наделена каждая часть тела коровы: четыре Веды – это четыре ноги, четыре Пурушартхи – соски, боги – рога, солнце и луна – лицо, Агни (бог огня) – плечи и так далее. Считается, что всех богов вбирает в себя Камадхену.

До сих пор в Индии существует ритуалы поклонения священной корове с целью получения милости богов. Держа корову за хвост и произнося соответствующие молитвы, просящий как бы символически приносит корову в дар, в надежде, что она исполнит его желания. Для индусов корова символизирует несколько аспектов. Как мать она кормит своим молоком и ничего не требует взамен. Хотя по словам Махатма Ганди «мать-корова во многом лучше, чем та мать, которая дала нам жизнь» [10, с. 136].

Как кормилица она дает молоко и множество других питательных продуктов, которые поддерживают жизнь огромного числа жителей Индии. Бог Шива ездит на быке Нанди, а Бог Кришна и его брат Баларама в детстве пасут коров, проявляя их божественную природу. Коровы – это чистота и святость, которые проявляются в бескорыстии коров к людям. Они несут благодать: молочные продукты считаются в Индии продуктами, просветляющими сознание, дающими силу и исцеляющими тело. Также корова – это благополучие, богатство, процветания, так издревле цари обладали множеством коров и приносили их в дар брахманам, гостям, давали в качестве приданого и том

Различные ритуалы и жертвоприношения играют одну из первостепенных ролей в жизни каждого индуса. Любой более-менее важный повод сопровождается жертвоприношением, от простого предложения зажженной лампы до пышного возлияния масла в огонь. Будь то рождение, свадьба, имянаречение, посвящение или смерть, встреча почетных гостей, а в современной Индии и покупка какой-то дорогой вещи, всё сопровождается большим или маленьким ритуалом с обязательным участием молочных продуктов, таких как топленое масло или йогурт.

Продукты коровы незаменимы, начиная с больших храмовых ритуалов таких, как например постоянное возлияние молочных продуктов на Шивалингам, и заканчивая небольшой пуджей при встрече почетных гостей в доме добродетельных индусов.

Современная Индия сохранила в своей традиции, культуре и законах экофильное отношение к коровам и быкам. Так, например, до сих пор им позволяется ходить в любом месте в любое время, им везде уступают дорогу и не редкость видеть посреди оживлённого перекрёстка массовое возлежание коров, не обращающих внимание на городскую суету. В подавляющем большинстве штатов Индии запрещено убийство коров, а также перевозка коров в другие штаты, работает много организаций, которые занимаются защитой, поддержанием и лечением коров.

Отношение к корове как к священному животному в Индии имеет не только религиозный характер, но и общечеловеческий. Материнство вне религий. В любой культуре оно священо, оно восхваляется, превозносится и почитается. Веды говорят, что мать – это первый учитель для человека. Так сравнивая корову с матерью, индусы переносят на неё все характеристики материнства, которые стоят за этим понятием.

Согласно древним писаниям, у человека есть семь матерей и корова одна из них, и как мир не мыслим без защиты материнства, так и жизнь благочестивого индуса немислима без защиты коров. Культура заботы о коровах в индуизме зиждется на понимании того, что любое живое существо личность, в этой жизни корова, в следующей – человек. Поэтому корове служат и о ней заботятся, не возводя в пантеон и не строя отдельные храмы в ее честь [10, с. 137].

Экофильным образом растения и примером фитолатрии ведической ритуалистики является – Базилик священный (также известный как Туласи, *Ocimum tenuiflorum* или *Ocimum sanctum*) – это многолетнее травянистое растение или кустарник родом из Индии. В Индии выделяют два вида Туласи: тёмная Кришна-Туласи и светлая Рама-Туласи. Кришна-Туласи особо почитаема в Индии, в первую очередь, в религиозном поклонении, но также, благодаря своим лекарственным свойствам, широко применяется в медицине с древнейших времен. На это деревце можно смотреть с двух сторон, первая – физическая или материальная, то есть к какому семейству растений относится, как она выглядит, где произрастает, в чем польза и другое, вторая – духовная. В данной работе больше интересует второй взгляд, как основа экофильного отношения индусов к, казалось бы, непримечательному растению. На самом же деле за этим стоит глубокий смысл и древняя культура почитания личностей, связанных с Богом, которые могут воплощены, как в растениях, так и в животных.

Туласи – это одно из священных растений, которому широко поклоняются в ведической культуре, так как она считается воплощением богини процветания Лакшми, вечной супруги Вишну. Одновременно с этим Туласи – это воплощение жительницы духовного мира Вринда деви, близкой подруги Шримати Радхарани, вечной спутницы Бога Кришны [2]. Деревце Туласи растёт почти в каждом индийском дворе, даже во дворах многоэтажек, на плоских крышах или террасах. Она не приносит вкусных и полезных плодов, а даёт всего лишь мелкие светло-розовые цветочки, и всё же считается превыше других растений, прославляется как великая святая и почитается в храмах. Поклонение Туласи нельзя сравнивать с поклонением камням или деревьям язычниками, потому что в данном случае Туласи поклоняются как личности,

принявшей образ дерева. В Пуранах, сохранившихся на территории Индии, раскрывается история, в которой великая святая Вринда деви, живущая в духовном мире, на планете Голока, из сострадания пожелала прийти на землю в виде кустарника, чтобы поклоняющиеся ей могли получать благо. Туласи значит «несравненная», для индусов это означает, что нет никого равного ей на земле по преданности Богу и, следовательно, ухаживая за этим деревцем, человек удовлетворяет Бога.

Даже после смерти и засыхания ветки и ствол Туласи используют для ритуального поклонения, вырезная бусины для четок, на которых представители индийской культуры повторяют священные мантры, что согласно священным писаниям даёт освобождение из круга перерождения. Так же из засохших веток вырезают бусы, которые в качестве оберега и показателя определённой религиозной принадлежности носят верующие. Священные писания прославляют Великую святую Туласи, рассказывая, как незначительное соприкосновение с ней, может благоприятно отразиться на жизни и смерти человека, например, умирающему человеку кладут листочки Туласи, предложенные на алтаре на язык, а также небольшие веточки во время кремации вместе с телом; сгорая в таком огне, человек освобождается от всех грехов [12]. Один из влиятельных индийских писателей и поэтов Рабиндранат Тагор провозглашает экофильный дендрологический образ в его сакрализации и обращении к Божеству, объединяя религию с природой: Я попросил дерево: Скажи мне о Боге. И оно зацвело [4].

Уважение к живым существам и их святость является одним из постулатов индуизма. В составляющие дхармы: религиозных действий входит посадка деревьев [4, с. 156]. Этика ахимсы подразумевает, что люди не могут причинять вред ни одному существу, если только нет на это достаточного основания. Этот принцип распространяется и на ненасильственное питание исключительно лактовегетарианскими продуктами.

Как правило, религия определяет утилитарный подход во взаимодействии с сакральной сферой. Она раскрывает понимание того, как использовать концепцию Бога в своих личных нуждах. В качестве альтернативы такому поклонению Богу в Бенгалии зарождается культ бхакти – бескорыстного почитания Божества через воспевание. Это теологическое движение было основано Шри Чайтаньей (1486-1534) [13, с. 16].

Согласно ведическим текстам горы также имеют сакральный статус. Особенно почитаются Гималаи, где выделяется вершина Кайлас, которая служит местом паломничества для почитателей божества Шивы.

Реки в Индии священны. Среди них наиболее знаменитой рекой является Ганга (Ганг), которая персонифицируется богиней, как и приток Джамна (Ямуна). Другими крупными священными реками являются: Нармада, Годавари, Кришна, Кавери. В Гималаях есть и особо почитаемые сакральные озера, среди них выделяется озеро Манаса, находящееся рядом с горой Кайлас [6, с. 280].

Исследователь экофильной философии и теологии В. Е. Борейко отмечает, «что в каждой религии, кроме экофильных, имеются еще и экофобные этические воззрения и догмы» [4, с. 155]. В частности, к экофобности ряда течений индуизма можно отнести принесение в жертву отдельных животных. Это как раз и послужило буддийским реформам отвержения ведийских жертвоприношений. Именно Будду Борейко отмечает как экофилософа древней Индии, провозгласившего принцип ахимсы – ненасилия и метты – любви и сострадания к живым существам [5, с. 20-21].

Политический лидер Индии Мохандас Ганди (1869-1948) создал концепцию ненасильственного протеста – сатьяграхи. На собственном примере аскетического образа жизни и практики ахимсы, благодаря своему влиянию на население страны, он способствовал обретению независимости Индии [1, с. 78-79].

В современной Индии социальные и демографические проблемы тесно коррелируют с экологическими. Проблемы копирования западных ценностей и тенденций развития ци-

вильзации Индией привели к росту урбанизации, появлению трущоб, к большей остроте отношения с окружающей средой. Огромные площади богатых плодородием земель занимают под экофобную деятельность и строительство, растет степень загрязнения воздушной и водных оболочек продуктами деятельности городов [7, с. 127].

Таким образом, ведическая философия и теология постулируются экофильностью на основе сакрализации природы, обожевления отдельных животных и растений, лактовегетарианства. Данные учения и практики актуальны сегодня для осмысления и понимания отношения человека к природе на основе ценностей духовного обогащения и ритуальности, экологического гуманизма, природоохранной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Адамчик М. В. Восточная философия. – Мн.: Изд-во Харвест, 2006. – 320 с.
2. Базилик как БАД. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cgon.rosпотреbnadzor.ru/content/ostalnoe/bazilik-kak-bad> (дата обращения: 30.07.2022).
3. Богиня Земли Притхиви (Бхуми) – Мать-Кормилица всех живых существ. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oum.ru/yoga/vedicheskaya-kultura/boginya-zemli-pritkhivi-bkhum-mat-kormilitsa-vsekh-zhivykh-sushchestv/> (дата обращения: 30.07.2022).
4. Борейко В. Е. Прорыв в экологическую этику. – К.: Логос, 2013. – 168 с.
5. Борейко В. Е. Философы зоозащиты и природоохранны. – К.: Логос, 2012. – 180 с.
6. Бэшем А. Цивилизация Древней Индии. – Екатеринбург: Изд-во У-Фактория, 2007. – 496 с.
7. Дмитриев Р. В. Опорный каркас расселения и хозяйства современной Индии. – М.: Изд-во МАКС Пресс, 2014. – 156 с.
8. Кремо Майкл А., Мукунда Госвами. Божественная природа. – М.: Изд-во ББТ, 2004. – 121 с.
9. Зубков С. А. Критерии религиозной экофильности // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2019. – Том 28. – С. 92-100. – Doi.org/10.26516/2073-3380.2019.28.92.
10. Роузен С. Вегетарианство в мировых религиях: Трансцендентная диета – М.: Изд-во «Философская книга», 2013. – 176 с.
11. Сатсварупа дас Госвами. Очерки ведической литературы. – М.: ББТ, 2008. – 160 с.
12. Страна контрастов: почему в Индии поклоняются дереву. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/125732-o-svyaschennom-indiyskom-kustarnike-tulasi> (дата обращения: 30.07.2022).
13. Тимощук А. С. Эстетика ведийской культуры. – Владимир: Изд-во ВЮИ Минюста России, 2003. – 112 с.
14. Тимощук А. С. Экология в ведической культуре // Законы экологической сферы общества: Материалы VIII-ой Международной ярмарки идей, 33 Академического симпозиума. – Н. Новгород: Изд. Гладкова О. В., 2005. – С. 223-224.

ИЗМАЙЛОВА Джамиля Ибрагимовна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ БИОЭТИКИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена исследованию вопросов гендерного самоопределения личности в контексте современной биоэтики и социальной философии. Определены аксиологические и социокультурные основания исследования гендерной проблематики в контексте социальной философии. Проведён анализ генезиса и эволюции понятий «гендер» и «гендерная идентичность», определено их концептуальное содержание. Проведена сравнительная характеристика понимания гендерного разнообразия сквозь призму биоэтики и социальной философии, определены социокультурные и эволюционные перспективы человечества в контексте гендерных идентичностей.

Ключевые слова: биоэтика, гендер, гендерная идентичность, гендерное самоопределение, гендерное разнообразие.

IZMAILOVA Dzhamilya Ibragimovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Mikhail Tugan-Baranovskiy Donetsk National University of Economics and Trade

ISSUES OF GENDER SELF-DETERMINATION IN THE PROBLEM FIELD OF BIOETHICS: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

The article is devoted to the study of issues of gender self-determination of a person in the context of modern bioethics and social philosophy. The axiological and sociocultural grounds for the study of gender issues in the context of social philosophy are determined. The analysis of the genesis and evolution of the concepts of "gender" and "gender identity" is carried out, their conceptual content is determined. A comparative analysis of the understanding of gender diversity through the prism of bioethics and social philosophy has been carried out, the sociocultural and evolutionary prospects of mankind in the context of gender identities have been determined.

Keywords: bioethics, gender, gender identity, gender self-determination, gender diversity.

Измайлова Д. И.

В предметную область биоэтики сегодня входит куда более широкий спектр феноменов, чем чисто медицинские. Традиционно в сферу биоэтики входили междисциплинарные исследования, имеющие непосредственное отношение к нравственному аспекту деятельности в области медицинских и биологических технологий. На сегодняшний день современная биоэтика представляет собой активно развивающуюся отрасль знаний на стыке философских, естественных и юридических наук. Несмотря на то, что центральным ядром биоэтики был и остаётся вопрос жизни и смерти (смерти и бессмертия), в проблемное поле биоэтики можно смело отнести такие социальные феномены и процессы как гендерная идентичность и гендерное самоопределение, экологическая этика и биосферная безопасность и многое другое.

В свете современных глобализационных процессов и связанных с ними ценностных сдвигов, противоречий и конфликтов, рассмотрим вопрос гендерного самоопределения личности в контексте биоэтики и социально-философском срезе.

Отметим, что кроме аксиологических, есть и другие основания для обращения к гендерной проблематике в современной науке: во-первых, девиации в мужском и женском образах жизни; во-вторых, искажение ценности семьи, а соответственно, и выполнения в ней гендерных ро-

лей; в-третьих, неадекватные представления о мужественности и женственности, сформированные под влиянием западных стереотипов, и, пожалуй, самое главное – проблема гендерного самоопределения в контексте эволюционных перспектив человечества. Кроме того, исследование гендерного самоопределения как феномена постнеклассической культуры, обусловлено идеологией «постгендеризма», призывающей к полному отрицанию не только биологического пола, но и гендера, как социального конструкта, поскольку они являются бесперспективными для «постчеловека» и характеристик его бытия.

С целью дальнейшего комплексного анализа исследуемого феномена зададимся определением содержания основного понятийного аппарата.

Под гендером в науке принято понимать спектр характеристик человека, имеющих отношение к мужественности (маскулинности) или женственности (фемининности). При этом понятие «гендер» затрагивает психологические, культурные и социальные характеристики, в то время как понятие «пол» имеет отношение исключительно к анатомии и физиологии [4, с. 22].

Наиболее обобщённое определение гендера даёт Всемирная организация здравоохранения, определяя гендер как «социально детерминированные роли, идентичности и ответственности мужчин и женщин, зависящие не от био-

логических половых различий, а от социальной организации общества» [6, с. 41].

Отметим, что в настоящее время в области социологии и социальной философии выделяют как минимум три основные теории гендера:

- теория социального конструирования гендера;
- теория гендерной стратификации;
- теория интерпретации гендера как культурного символа.

Таким образом понятия пол и гендер ни в коем случае нельзя считать синонимичными. В связи с этим, очевидно, что понятие гендер является в большей степени социальным конструктом, чем неотъемлемым атрибутом человека.

Гендерная идентичность понимается как осознание индивидом своих качеств (мужественности либо женственности), осознание себя самого как представителя конкретного пола [3, с. 37-40]. Таким образом, в традиционной бинарной гендерной системе возможно осознание себя как представителя мужского или женского пола. Очевидно, что в варианте медико-психологической и социальной нормы гендерная идентичность будет совпадать с биологическим полом индивида.

Гендерное самоопределение – сознательный и свободный выбор, обоснование и утверждение индивидом самого себя в роли мужчины или женщины и выбор траектории своего дальнейшего развития по соответствующему типу [5, с. 15].

Итак, рассматривая проблему гендерного самоопределения с точки зрения дуалистической классификации биологического пола имеем два варианта самоопределения: женщина, определяющая себя женщиной, мужчина, определяющий себя мужчиной. В случае если гендерная идентичность не совпадает с биологическим полом (женщина, определяющая себя мужчиной, и мужчина, определяющий себя женщиной) речь идёт о трансгендерной идентичности. Очевидно, что последние два варианта не вписываются в социальные нормы, опровергая традиционную ценностную шкалу и семейные институты, но при этом не считаются девиацией с точки зрения психологии или психиатрии и были исключены ВОЗ из списка психических расстройств.

Для обозначения идентичностей, выходящих за рамки традиционной бинарной системы, появился термин «небинарная гендерная идентичность», включающая в себя спектр гендерных идентичностей, отличных от бинарной системы либо выходящих за её пределы. Исходя из небинарной гендерной концепции, гендерная идентичность может быть комбинацией мужского и женского гендера (бигендерность и тригендерность), может быть изменчивой в течение времени (гендерфлюидность), либо полностью отсутствовать (агендерность) [8, с. 211].

Проследим за генезисом и эволюцией понимания гендерной идентичности в социально-философском и историческом срезе. Анализируя историю эволюции человеческой цивилизации, становится очевидным, что гендерное разнообразие является отнюдь не новым феноменом и берёт своё начало ещё с мифов Древней Греции, содержащих множество упоминаний об андрогинии.

Исследователь Х. Сайдль указывает, что примитивная цивилизация индейцев Северной Америки также облада-

ла пониманием гендерного разнообразия как части установленного природой порядка. Например, они полагали, что все люди обладают как мужскими, так и женскими качествами, которые связаны с гендером «духа», а в языке индейского племени Кри существует порядка шести различных терминов, используемых для описания кроссгендерной идентичности [11, с. 57].

В эпосе и мифологии индуизма также прослеживается множество упоминаний о людях кроссгендерной природы. Так, например, в Индии на протяжении многих лет существовала и существует сейчас гендерная разновидность «хиджры», определяемые как промежуточный пол и имеющие культовый для индуизма статус. Более того, в 2014 году Верховный суд Индии официально признал хиджра третьим полом.

Обращаясь к другим историческим примерам альтернативной гендерной идентичности, стоит упомянуть полинезийских *маху*, сочетавших в себе мужское и женское начала; *катой* (третий пол в Таиланде, состоящий из трансгендерных женщин); *биссу* в Индонезии (дословно «вид трансцендентного», мета-род, выступающий посредником между людьми и богами).

В дальнейшем, появление Ветхого и Нового Заветов и отражённых в них иудео-христианских законов, привело к запрету кроссгендерных проявлений, и соответственно в традиционных обществах с авраамической религиозной системой, такие индивиды автоматически перешли в категорию стигматизированных, греховных или девиантных.

В социально-философском срезе анализ роста численности «аномальных» гендерных идентичностей в процессе гендерного самоопределения молодёжи, связывает их с усложнением вариативности социальных ролевых моделей и их неоднозначности, а также со всё большей ориентацией современного социума на раскрытие индивидуально-личностного потенциала каждого человека. В связи с этим, у многих молодых людей формируется неадекватная гендерная идентичность, т.к. представления о мужественности, женственности и соответствующих социальных ролях весьма размыты. Как результат, зачастую современная молодёжь ориентируется при выборе ролевого поведения не в сторону традиционных моделей.

По мнению ряда учёных [1; 2; 9] в рамках спектра небинарных гендерных идентичностей все их разновидности можно признавать нормативными, если они признаются и принимаются индивидом. Исходя из содержания этих исследований, с точки зрения современной биоэтики разнообразие гендерных идентичностей является естественным феноменом, который рекомендуется не только принимать, но и ценить за наделённую человечеству уникальность. Всё чаще в контексте гендерной самоидентификации в современной биоэтике употребляется термин «гендерной уникальности» по отношению к индивидам, не определившимся с собственным гендером, чей накопленный опыт понимается как трансцендентный по отношению к традиционной бинарной гендерной концепции.

С точки зрения биоэтики, как феномена западной науки и культуры, с присущими ей ценностными ориентирами и либеральными идеями, включая толерантность, переходящую во вседозволенность (а порой и во вседозволенность), гендерное разнообразие является естественным

социально обусловленным явлением. Более того, в контексте биоэтики некоторые авторы традиционный биологический пол конституируют как «устаревший сексуальный стереотип», а понятия «мужчина» и «женщина» определяют как атавизмы, упраздняя традиционные местоимения «он» и «она» [10, с. 95-102]. Таким образом, последовательно разрушая половую и полоролевую идентичность, под эгидой толерантности и гендерного равноправия, планомерно уничтожаются биологические различия и внедряется новая парадигма социального развития и идея создания «пост-человека», максимально преобразованного телесно и интеллектуально, вплоть до освобождения от качеств, характеризующихся как «слишком человеческие» [7, с. 115]. Процесс утраты человеком человеческого российский учёный П. Д. Тищенко предлагает проследить именно на новых биомедицинских технологиях, лежащих в предметном поле биоэтики. Автор указывает, что по мере развития медицинских технологий, изначально направленных на высокие цели спасения жизни и сохранения организма, все медицинские манипуляции с человеческой природой (включая и деконструкцию человеческой сексуальности) неизбежно приводят к тотальной деструкции человеческого в человеке [там же, с. 116].

В это же время, с позиций социальной философии, человечество оказывается в уникальной ситуации синтеза классической и неклассической культуры в постнеклассическую, основным базисом и характеристикой которой является «человекоразмерность», т.е. антропный принцип в исследовании всех явлений и процессов человеческой жизни, отказ от бинарных категорий и переход к мультидисциплинарным подходам в исследованиях. В условиях подобных культурных трансформаций в разы увеличиваются метафизические риски «расчеловечивания» человечества. С точки зрения эволюционного подхода, подобная толерантность в вопросах гендерного самоопределения личности ставит перед человечеством реальную угрозу даже для самого факта существования человека, как биологического вида.

Исходя из вышеизложенного, приходим к заключению, что для решения множества надвигающихся на человечество биоэтических проблем, необходим диалогичный подход для их обсуждения, поскольку все они представляют собой сложные, многоаспектные явления, манипуляции с которыми могут быть весьма опасны для будущего всего человечества.

Пристатейный библиографический список

1. Балдицына Е. И., Бакланов И. С., Бакланова О. А. Особенности исследования гендерной идентичности в современной социальной теории // *Женщина в российском обществе*. – 2019. – № 2. – С. 43-51.
2. Ватсон Д., Сайдль Х. Эволюция взглядов на гендерную идентичность: расстройство или «новая» норма? // *Рос. психиатрич. журнал*. – 2017. – № 5. – С. 33-39.

3. Исаев Д. Д. Системный подход к проблеме гендерной идентичности // *Педиатр*. – 2012. – Т. 3. № 4. – С. 37-40.
4. Клёцина И. С. Гендерная социализация. – СПб.: Алтейя, 2004. – 92 с.
5. Ломова Т. Е. Стереотипы в гендерных установках современной российской молодёжи: дис...канд. культурологии. – М.: Изд-во РГБ, 2005. – С. 15.
6. Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с.
7. Тищенко П. Д. Биотехнологическая ре-де-конструкция человеческого в человеке и проблема ответственности: казус сексуальности // *Биоэтика и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика*. Вып. 3 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. Ф. Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2009. – 236 с.
8. *Genderqueer and Non-Binary Genders* (англ.) / Christina Richards, Walter Pierre Bouman, Meg-John Barker (eds.). – London: Palgrave Macmillan, 2017. – 306 p.
9. Reilly-Cooper R. Gender is not a spectrum. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aeon.co/essays/the-idea-that-gender-is-a-spectrum-is-a-new-gender-prison> (access date: 25.09.2022).
10. Richards Ch., Bouman W. P., Seal L. et al. Non-binary or genderqueer genders // *Intern. Rev. Psychiatry*. – 2016. – № 28 (1). – Pp. 95-102.
11. Seidl H. *Gender Related Behaviour Scale*. 2004.

КАБАХИДЗЕ Екатерина Львовна

кандидат философских наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации Факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СПОР ОБ УНИВЕРСАЛИЯХ: АНТИЧНОЕ ПРОШЛОЕ, ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ НАСТОЯЩЕЕ И КОГНИТИВНОЕ БУДУЩЕЕ

В статье рассматривается эволюция взглядов на проблему универсалий в историософской перспективе в тесной связи языка, мышления и сознания на материале античных диалогов Платона «Гиппий Большой», «Кратил», трактата Аристотеля «Категории», а также схоластических сочинений эпохи Средневековья Фомы Аквинского, Пьера Абеляра, которые рассмотрены с позиций современной когнитивистики и концепций сознания в философии XX века. Особое внимание в статье уделяется родовидовым отношениям, которые объективируют категориальную структуру сознания.

Ключевые слова: универсалии, сознание, Платон, концепт, эйдос, реалисты, номиналисты.

КАВАКХИДЗЕ Ekaterina Lvovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Linguistics, translation studies and intercultural communication sub-faculty of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of the M. V. Lomonosov Moscow State University

MEDIAEVAL DISPUTE ON UNIVERSALS: ANCIENT PAST, PHENOMENOLOGICAL PRESENT AND COGNITIVE FUTURE

The article presents an overview of approaches to the issues of universals in the philosophical and historical perspective and its intrinsic connection to language, consciousness and thinking process on the basis of Plato's dialogue "Lesser Hippias", "Cratylus", Aristotle's essay "Categories" as well as scholastic treatises by Thomas Aquinas and other medieval philosophers analysed from the standpoint of the contemporary cognitive science and concepts in the modern philosophy. Special attention is attributed to genus-species relations which reveal the categorical architecture of consciousness.

Keywords: universals, consciousness, Plato, concept, eidos, realists, nominalists.

Средневековый спор об универсалиях был искусно заложен Платоном в учении о сверхчувственном мире идей, а позднее актуализирован Аристотелем в сочинении «Категории». В диалоге «Гиппий Большой» Платон впервые рассматривает прекрасное с точки зрения истинно сущего, а не частного случая или частного предмета чувственного мира. Кроме этого, Платон ставит вопрос о безусловном прекрасном, а не прекрасном в относительном смысле: «Я спрашиваю тебя о самом прекрасном, которое делает прекрасным все, к чему только прикаснется: и камень, и человека, и дерево и божество, и всякое дело, и всякое знание...которое никогда, нигде и никому не могло бы показаться безобразным...бывает прекрасно для всех и всегда» [5]. Кульминационной точкой диалога является отождествление прекрасного со смыслом или логосом, т.е. в слове не только запечатлевается объект, но сама идея в слове воплощается, т.е. сущностным основанием логоса становится эйдос.

Идея божественного акта номинации ярче всего представлена в диалоге «Кратил», в котором Платон задает вопросом о связи между словом и вещью: «Вот потому, Гермген, боюсь, что не такое уж это ничтожное дело - установление имени, и не дело людей неискusstных или случайных. И Кратил прав, говоря, что имена у вещей от природы и что не всякий мастер имен, а только тот, кто обращает внимание на присущей каждой вещи по природе имя и может воплотить этот образ в буквах и слогах» [6, с. 183]. Для того чтобы разрешить вопрос об установлении имени и устранить конфликт и несовершенство между эйдосом и его материальным воплощением - вещью, Платон утверждает установление имени божествами, а никак не людьми.

Дальнейший виток проблема общего получает в трактате Аристотеля «Категории», введение к которому пишет неоплатоник Порфирий, ставя в пику Аристотелю вопрос о природе категорий (время, пространство, сущность, качество и прочие), которые обладают умопостигаемым бытием (как у Платона), не являются сущностью сами по себе.

В целом, в философии Аристотеля к языку прослеживается утилитарное отношение: «К [области] мысли относится все, что должно быть достигнуто словом; части же этой задачи - доказывать и опровергать, возбуждать страсти (такие

как сострадание, страх, гнев и тому подобные), а также возмечивать и умалять» [2, с. 608].

Возможно, по этой причине Порфирий не находит ответа на вопрос о природе категорий, а «Введение» к «Категориям» становится главным источником спора об универсалиях в средневековой схоластике. После Аристотеля весь комплекс проблем, связанных с языком, можно разделить на две группы. Первая группа - отношения между людьми и языком; вторая - отношения между языком и миром. Проблематика, которая лежит в плоскости «человек и язык» включает в себя вопрос о том, что значит владеть языком, использовать язык для понимания и концептуализации мира, а также проливает свет на природу коммуникации и понимания. Проблемы второй категории, касающиеся отношения «язык и мир», включают природу референции, предикации, репрезентации и истины. Данный круг вопросов изучается в первую очередь семантикой и прагматикой.

Спор об универсалиях, т.е. общих понятиях становится принципиальным для богословов средневековья и, казалось бы, сильно выбивается из общего перечня проблем и вопросов, которыми традиционно занималась схоластика, которые можно синтезировать в познании Бога, формировании христианской догматики. Однако такой взгляд на спор об универсалиях не является достаточно основательным, т.к. от результата спора зависело, будет ли узан и доказан божественный всеобщий замысел за единичными объектами, возможность познания Бога через единичную сущность, т.к. нет сущности без ипостаси. Познание становится возможным, прежде всего, через понятие (имя) предмета, которое отражает сущность предмета. Через язык усматривается возможность в познании Бога - через номинацию (имена вещей даны Богом), а также через общие классы/категории на которые делит мир язык, собирая множество в единство.

Труд Аристотеля «Категории» с введением Порфирия был переведен на латинский язык и прокомментирован Бозием, таким образом, он стал доступен средневековым схоластам. Если мир идей Платона стал проводником для средневековых реалистов, то Аристотеля можно считать основоположником номинализма, хотя прямых свидетельств этому обнаружить сложно: «Аристотеля, несмотря на под-

черкивание им объективности и реальности единичного и конкретного, невозможно отнести к числу номиналистов. Тем не менее боэцианское истолкование аристотелевского решения проблемы общего, в особенности истолкование им категорий как наиболее типичных высказываний о бытии (а этот преимущественно грамматический аспект действительно силен и у самого Аристотеля), могло привести и к чисто номиналистическому ответу» [7, с. 147].

Универсалии – это то общее, что присуще отдельным объектам определенного вида или класса: «И род это, например, – живое существо, вид, например, – человек, различающий признак – например, одаренность разумом – собственный, признак живое существо» [2, с. 54]. Возвращаясь к диалогам Платона, универсалией выступает красота, которая является сущностной характеристикой розы, мраморной статуи или поэмы. Универсалии присущи конкретным единичным вещам, определяют их природу. Порфирий во «Введении» поставил ряд вопросов: существуют ли универсалии самостоятельно, т.е. вне конкретных вещей, являются ли они телесными или бестелесными, имеют ли они единую природу с чувственными вещами, если они телесные? Сам Порфирий лишь ставит данные вопросы, не отвечая на них. Обозначенная Порфирием проблема универсалий стала предметом ожесточенных споров средневековых схоластов, которые разделились по вопросу универсалий на два лагеря: реалисты и номиналисты.

Реалисты полагали, что универсалии существуют вне конкретных вещей – до вещей (*ante rem*), в вещи (*in re*) и после (*post re*). Универсалии, существующие до вещи (*ante rem*), признавались божественными идеями, архетипами, которые существуют в божественном интеллекте и являются прообразами вещей. Данное понимание восходит к идеям Платона, которые разделяли крайние реалисты (Эриугена, Шартрская школа, Ансельм Кентерберийский и другие).

Универсалии рассматривались в качестве субстанциональной сущности тварных вещей как части общего, однако это общее извлекается, прежде всего, разумом, который из предметов образует общие понятия. К умеренным реалистам традиционно относят Фому Аквинского: «Наш ум абстрагирует умопостигаемые виды из индивидуализирующих начал; следовательно, умопостигаемые виды в нашем уме не могут быть подобны началам индивидуальности, а потому наш ум [сам по себе] и не знает единичного. Но умопостигаемые виды в божественном уме, каковой суть сущность Бога, бестелесны не вследствие абстрагирования, но таковы в нем самом, начале всех начал, как начал видов, так и начал индивидуальности, которые и входят в состав других вещей. Вот таким-то образом Бог и знает не только универсалии, но и единичные вещи» [1]. В приведенной цитате из «Суммы Теологии» Ф. Аквинский рассуждает о единичных вещах, которые появляются через посредство всеобщих причин, а Бог знает единичные вещи и причины их порождающие. Человек, в свою очередь, абстрагирует умопостигаемые виды, называя в них общее.

Номиналисты и концептуалисты придерживались парадигмы «*post rem*», полагая существование общего в мышлении человека как результат ментальной операции абстрагирования и обобщения, наделяя универсалии феноменологическим статусом. Средневековые схоласты усмотрели роль и значение языка не просто в наименовании, но в способе представления мира. В спорах между реалистами и номиналистами ставился вопрос еще более существенный – связь языка и мышления, предвосхищая появление ключевой проблемы для когнитивных наук. К концептуалистам относится Пьер Абеляр.

Номинализм и реализм внутри дробились на умеренный и крайний. Среди умеренных номиналистов выделяется учение Уильяма Оккама, которое получило название «терминизм». У. Оккам полагал, что реально существуют единичные вещи, аргументируя свою позицию тем, что могущество Бога слишком велико, Он не нуждается в посредниках-идеях – универсалиях. Бог создает единичные вещи посредством акта божественного творения, не применяя трафареты в виде универсалий. Под термином У. Оккам понимает общие понятия, производя следующий пример: «Человек есть имя». В данном предложении лексическая единица «человек», согласно У. Оккаму, выступает в качестве термина, т.к. обобщает сущностные качества всех людей и не относится к отдельно взятому человеку. При этом термин «человек» не обозначает видовой общности, которая существовала бы в умопостига-

емом мире, обладала реальным существованием, а лишь замещает видовой представлении «человек», которое существует в уме познающего человека.

Если У. Оккам выступал умеренным номиналистом, то крайних взглядов придерживался Росцелин, который постулировал действительное существование лишь единичных вещей. Универсалии, согласно Росцелину, являются лишь наименованиями или «звуком голоса» (*flatus vocis*). Родовые слова существуют лишь в языке, а не в реальности. Росцелин наложил номиналистическое учение на один из центральных догматов христианства – Троицу, доказывая, что не может существовать Триипостасности Бога, единства Бога по существу, но триничности в лицах, напротив, существуют три различных бога. В данной позиции Росцелина просматривается не только противостояние реалистам, христианскому догматизму, но данная является «антитеологическим острием его номинализма» [7, с. 48]. Реакция католической церкви не заставила себя ждать – Росцелин был обвинен в ереси тритеизма, а его учение было моментально отвергнуто.

Похожая судьба постигла ученика Росцелина Пьера Абеляра, который был обвинен в ереси пелагианства. Абеляр, защищая номинализм, доказывал существование единичных событий. Так, первородный грех является событием, которое связано только с Адамом и Евой и не может быть отнесено ко всему человечеству, имеет статус единичного события. Единственное общее, что есть у человека с идеей первородного греха – лишь слово «первородный грех».

Согласно Х. - Г. Гадамеру, с концептуализма Абеляра начинается период, когда вещи обретают свой голос [3, с. 527]. Абеляр пытается услышать не только речь вещи, но и речь самой речи, собирая в ней концепты (=смыслы), устанавливая связь между языком-сознанием-миром. Концепт, по мысли Абеляра, и является универсалией, поскольку представляется продуктом связи вещи и речи о вещи, т.к. именно речь кондиционирует все возможные смыслы, а в процессе разворачивания речи предъясняет именно те из них, которые необходимы в конкретный момент для конкретной вещи в условиях коммуникации с конкретным индивидуумом. Таким образом, П. Абеляр постулирует прагматическую направленность высказывания. Концепт рождается «по ту сторону грамматики или языка» в пространстве души, воплощая в себе три способности души во временном континууме: память (прошлое), воображение (будущее), суждение (настоящее).

Ключевое различие в понимании концепта средневековым философом-концептуалистом Пьером Абеляром и современными когнитивистами состоит в том, что первый считал концепт единицей речи, общения, а в современной когнитивной науке концепт – единица сознания: «концепт мы трактуем расширительно, подводя под это обозначение разнородные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия» [4, с. 46].

Реалисты защищали позицию, что универсалии являются идеями Бога, Его архетипами и Бог познаваем через общие понятия, которые тождественны общему бытию, отражают его. Номиналисты, напротив, полагали, что универсалии являются не чем иным как тварными понятиями самого человека. Данные понятия возникают в уме человека, а реально существуют лишь единичные предметы. Понятия возникают как знаки в уме, когда последний абстрагирует их от конкретных предметов, их индивидуальных свойств.

Пристатейный библиографический список

1. Аквинский Фома. Сумма Теологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-1/> (дата обращения: 02.06.2022).
2. Аристотель. Категории. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. - С. 54.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. - М., 1988. - С. 527.
4. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования/Ин-т языкознания РАН. - М.: Знак, 2012. - С. 46.
5. Платон. Гипсий Большой. [Электронный ресурс]. - Режим доступа <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/gippb.htm> (дата обращения: 01.06.2022).
6. Платон Диалоги. - М.: Изд-во АСТ. 2020. - С. 183.
7. Соколов В. В. Средневековая философия: Учеб. Пособие для филос. фак. и отделений ун-тов. - М.: Высш.школа, 1979. - С. 147.

МУСЛИМОВА Лариса Фанильевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

АБСОЛЮТНОЕ НАЧАЛО ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ

В представленной статье рассмотрена проблема духовного развития человека, становление морально-нравственных идеалов. Автор рассматривает гносеологический анализ категорий духовность, абсолютное начало, определяя их онтологическое значение. Актуальность исследования духовного развития обусловлена многими проблемами настоящего общества, заменой или потерей категорий высшего, абсолютного порядка, идеалов и ценностей. Акцентируется внимание на необходимости актуализации проблемы духовного развития человека в настоящем обществе.

Ключевые слова: Абсолютное начало, духовность, духовное развитие человека.

MUSLIMOVA Larisa Faniljevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy, history and social engineering sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

THE ABSOLUTE BEGINNING OF HUMAN AS A SUBJECT OF RESEARCH OF PHILOSOPHY

The presented article deals with the problem of the spiritual development of a person, the formation of moral ideals. The author examines the epistemological analysis of the categories of spirituality, the absolute beginning, defining their ontological significance. The relevance of the study of spiritual development is due to many problems of the present society, the replacement or loss of categories of a higher, absolute order, ideals and values. Attention is focused on the need to actualize the problem of the spiritual development of a person in a real society.

Keywords: Absolute beginning, spirituality, spiritual development of a person.

Значимость исследования абсолютного начала человека неоспорима. Ориентация на высшие, абсолютные начала позволяет раскрыть новые горизонты развития человека, определяя решение многих масштабных проблем современности. Человек настоящего не имеет идей, связанных с категориями добра, красоты, истины, он нацелен на внешнее самопредставление и в восприятии «другого» также ориентирован на внешнее. Человек сегодня не задумывается о чистоте помыслов, поступков не испытывает внутреннего чувства страдания совести. Все это обусловлено воспитанием, ценностной ориентацией общества в целом, социальными идеалами, установками. Акцентируя внимание на духовном, абсолютном начале человека, мы актуализируем проблему обесценивания абсолютных ценностей, пытаемся сменить предмет самоидентичности человека, показать новые горизонты развития, опирающиеся не на материальные блага и внешний лоск, а на духовное богатство и высшие категории. Духовность, духовное развитие как проявления абсолютного начала человека в состоянии не только противостоят разрушительным установкам, направленным на масштабное изменение общепринятых человеческих категорий, но и развивать новые приоритеты и ценности, способствующие совершенствованию общества. Подходов к пониманию духовного развития множество, духовное развитие определяется и через обогащение интеллектуальное, и через религиозные установки, духовное развитие также предстает как трансформация сознания (восточные учения), как некий переход от одного восприятия реальности к другому. В каждом видении развития так или иначе присутствует идея абсолютного начала в человеке. Духовное развитие через призму религиозных убеждений предполагает систему взглядов, предубеждений в рамках священного писания, которое наделяет жизнь человека морально-нравственными идеалами и нормами. Христианские заповеди, мусульманские столпы, буддийский восьмиричный путь – направляют человеческую мысль на самого человека, его внутренний мир, определяя высшие, абсолютные ценности. Духовное развитие через призму религии утверждает брэнность физического существования, акцентируя внимание на высшем существе человека, как бесконечном и вечном. Светское духовное развитие определено интеллектуальным развитием человека. Способностью к

более тонкому восприятию реальности, состраданию, эмпатии, уважению «другого». Духовное развитие, представленное трансформацией сознания, подобно взглядам трансперсональных психологов, берет свое начало в восточных учениях. Индийская философия практико-ориентированная, учит не поклонению, а поиску абсолютного начала в собственной сущности. Трансформируя сознание человек способен выйти на новый уровень существования, в частности опыт Будды показывает переход от я-центрации или я-идентичности к опустошению и самообретению себя в абсолютном. Таким образом можно рассматривать духовное развитие, как поиск абсолютного начала и его развитие.

Абсолютное начало человека встречается в истории философии в следующих формах – Брахман, Истинное Я, Внутреннее Я, Космическое сознание, Божественное дыхание, Рух. Абсолютное начало человека рассматривается как восточными мыслителями, так и западными. Для представителей восточных философских традиций свойственно находить абсолютное в самом человеке, отождествление духа человека (Атмана) с Абсолютом, Брахманом. Восточная философия в целом считает, что дух «освобождает человека от его чувственных волнений и мыслей, предохраняет от влияния внешних впечатлений и водворяет в нем непоколебимый покой» [1, С. 33]. Буддизм указывает на единство макрокосмоса и микрокосмоса-человека: «Здесь все едино, все – Брахман, причем в рамках этого единого реально существует лишь сам Брахман и являющиеся его частью духовные монады, «Я» каждого. Только тот, кто осознал эту тождественность, может рассчитывать на освобождение (мокша)» [2, С. 38]. Восток не выделяет человека как отдельную проблему, скорее наоборот «человек соединяет свое мирское сознание – микрокосм – со Сверхмирским Всесознанием; он становится Буддой, при этом предельное становится беспредельным, Вселенским, Космическим. Превосходя микрокосмический разум своего индивидуального «Я», человек выходит за пределы себя самого – становится сознательным соучастником всеобъемлющего Вселенского Разума, Сверхразума, Космического сознания» [3, С. 123].

В античной философии мы также встречаем абсолютное начало сначала в первосубстанции, затем в Едином и мистическом экстазе Платона. Космоцентризм соединял воедино Ма-

крокосмос и микрокосмос, отождествляя абсолютное начало человека с высшей гармонией между человеком и космосом. Абсолютное начало предстает в форме Числа (Пифагор), Истины (Сократ), Эйдосов (Платон), Нуса (Аристотель), предполагая наличие высшего, абсолютного начала в человеческой сущности. Платон отмечает: «Душа, никогда не видевшая истины, не примет образа человека, ведь человек должен постигать истину в соответствии с идеей, исходящей от многих чувственных восприятий, но сводимой рассудком воедино. А это есть акт припоминания того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала Богу» [4, С. 158].

Западноевропейская средневековая философия разделяет бытие на мир земной и божественный, горный и низший, сотворенный и абсолютный. Понятие «раскрытие» абсолютного начала в самом человеке сменяется на «постижение» его за пределами. Постигание абсолютного начала осуществляется через милость Бога: «Бог по своей милости соединяется с сотворенным» [5, С. 152]. Однако существуют и эзотерические, неортодоксальные подходы. М. Экхарт (эзотерик) видит путь раскрытия духа через «непосредственное, прямое видение Божественной сущности. Он скептически относился к внешним проявлениям благочестия, поклонения реликвиям» [6, С. 412]. В работе А.Р. Аминовой процесс раскрытия абсолютного начала в человеке: «Парадоксальным образом «здесь и теперь» в человеке сквозь время прорывается вечность, сквозь относительную реальность – реальность абсолютная, сквозь человеческое сознание – Божественное самосознание, сквозь человеческое «я» – «Я» абсолютное» [7, С. 40].

Немецкая классическая философия находит абсолютное начало человека в процессе познания, как форму выхода за пределы субъективного отражения «вещи в себе». У И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегеля абсолютное человека, есть взаимодействие с Абсолютным духом, который объективирован от бытия. В идеях А. Шопенгауэра мы встречаем волевой акт как проявление духовного начала.

В экзистенциальной философии абсолютное начало человека стремится преодолеть исконно заложенный страх, спасение от «заброшенности», есть истинный переход к духовно-бытию.

Анализ подходов к исследованию проблемы абсолютного начала человека дает четкое понимание наличия структуры предпонимания вопроса. Так, во все времена абсолютное начало человека в различных воззрениях рассматривалось и рассматривается как высшее начало (Бог, Абсолют, Брахман, Истинное Я, Внутреннее Я, Космическое сознание, Божественное дыхание, Рух). Проблема абсолютного начала человека может быть рассмотрена с позиции теологического подхода и философского. Мы отдаем предпочтение философскому видению проблемы с обоснованной методологической базой. «Философия предполагает бытие не какое получится, а с самого начала возникающее с мудростью, предвидением и, стало быть, со свободой». [8, С. 261] Однако, полностью исключить теологическое предпонимание невозможно поскольку подходы диалектически взаимосвязаны. Процесс исторического изменения миропонимания, определяющий гносеологический инструментальный исследования абсолютного начала включает ступени познания (Мифология; Религия; Наука) как религии, так и науки.

Рассмотрение абсолютного начала человека сквозь призму науки дает возможность выйти за пределы религиозных установок. В таком случае абсолютное начало человека предстанет как эссенция, проявленная в направленности сознания человека на высшие категории, ибо «ученый никогда не должен полагаться на какое-то единственное учение, никогда не должен ограничивать методы своего мышления». [9, С. 85]

Философское исследование абсолютного начала человека дает основание для обоснования духовно-нравственной сущности человека, определяя онтологическое значение исследуемого. Именно философия: «...представляя собой систему наиболее общих понятий, законов, принципов движения материи, направляет деятельность человека в определенное русло» [10, С. 13]. Как справедливо замечает А.В. Лукьянов, «... философия занимается духом, предшествующим всякому держательному предметному знанию. Вместе с тем, знание о

духе создается из той материи, которая подвергнута языковой обработке в ходе образования предметов». [11, С. 16]

Абсолютное начало человека предстает как объективированное, проявленное сущностное начало «... есть несотворимый и неуничтожимый источник жизни и разума, который определяет жизнь человека как объективный порядок и как духовная сила мировая или личностная». [12, С. 9] Практическое значение исследования абсолютного начала в человеке обусловлено взаимосвязью с сознанием. Современное общество, центрированное на внешних ценностях, как никогда нуждается в абсолютизации проблемы духовного. Сознание человека, есть отражение настоящей картины происходящего в обществе. Сознание в своем становлении проходит ряд этапов (интериоризация, идентификация, самоотождествление), каждый этап непосредственно взаимодействует с окружающей реальностью, реальность определяет и формирует индивидуальное восприятие и отражение человеком мира. Сродни с сензитивным периодом развития сознания человека, описанным в феномене Маугли, с чем столкнется находящееся в процессе становления сознание таковым оно и останется. Поверхностное, внешнеориентированное сознание, в котором отсутствует глубокий уровень восприятия реальности, определено внешними факторами (интериоризация). Сознание человека сначала вбирает в себя всю информацию извне, затем идентифицирует себя с ней (идентификация) и самоотождествляется. Настоящее общество неспособно мыслить категориями добра, истины, красоты, поскольку внешняя реальность не содержит перечисленных категорий, сознание, лишь инструмент отражения. «Для того, чтобы объяснить сложнейшие формы сознательной жизни человека, необходимо выйти за пределы его организма, искать источники этой сознательной деятельности и «категориального» поведения не в глубинах мозга и не в глубинах духа, а во внешних условиях жизни...». [13, С. 64] Возобновляя идеи духовности, рефлексии собственного существа, актуализируя ценности высшего порядка, мы создаем новые возможности для развития общества. Философская гносеология, онтология на протяжении всего становления науки углубленно изучала данный вопрос, пытаясь определить направления развития человека. Исследование абсолютного начала человека ведет к возвращению утраченных ценностей.

Пристатейный библиографический список

1. Томпсон М. Восточная философия / Пер. с англ. Ю. Бондарева. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.
2. Исаева Н.В. Шанкара и индийская философия. – М.: Наука, 1991. – С. 38.
3. Самоосвобождение благодаря видению обнаженной осознанностью. СПб.: Культурный центр «Уддияна», 2001.
4. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1999. – С. 158.
5. Боргош Ю. Фома Аквинский. – М.: Мысль, 1975.
6. Э. Майстер. Об отрешенности. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001.
7. Аминова А.Р. Онтологический аспект трансцендирования. – Уфа: РИО БашГУ, 2006.
8. Шеллинг Ф.В.И. Философия откровения. Т. 1. – СПб.: Наука, 2000.
9. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. – М.: Наука, 1989.
10. Аверьянов А.Н. Системное познание мира. – М.: Политиздат, 1985.
11. Лукьянов А.В. Идея метафизики «чистой любви». – Уфа: РИО БашГУ, 2001.
12. Хазиев В.С. Философские эссе (мировоззренческое основание толерантного сознания). – Уфа: Изд-во «Китап», 2008.
13. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М., 1934.

ЛОБАНКОВА Инна Петровна

кандидат культурологии, доцент кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

ПРОТОГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА ЕВРАЗИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрен процесс формирования протогородской культуры по четырем уровням предметного бытия: вещь (артефакт), деятельность (символ), знак (слово), предельная универсалия (пассионарная энергичность) на примере археологического индоиранского памятника Аркаим. Конституирование индоиранского этноса идет от духа, слова, идеальных структур, пассионарности, являя культурный код народа. Движение предметной формы здесь идет апофатически от энергичности к предметности. Философская схема герменевтического круга доказывает приоритет энергично-пассионарной духовной культуры Аркаима над ее предметной формой.

Ключевые слова: протогородская культура, пассионарность, предметность, энергичность.

LOBANKOVA Inna Petrovna

Ph.D. in culturological sciences, associate professor of Philosophy, history and social engineering faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

PROTO-TOWN CULTURE OF EURASIA: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

The article considers the process of formation of the proto-town culture on four levels of an objectness being: a thing (artifact), an activity (symbol), a sign (word), the limit universal (passionary energy) on the example of the archaeological Indo-Iranian monument of Arkaim. The becoming of the Indo-Iranian ethnos comes from the spirit, word, ideal structures, passionarity, showing the cultural code of the people. The movement of the objectness form here is apofatically from energy to objectness. The philosophical scheme of the hermeneutical circle proves priority of the energy-passionary spiritual culture of Arkaim over its subject form.

Keywords: proto-town culture, passionarity, objectness, energy.

Глубинное осмысление истоков Российского пространства началось с открытия на Южном Урале протогорода Аркаим и «Страны городов» (XVIII-XXI в.в. до н.э.), отнесенных к синташтинской археологической культуре. Научное сообщество отмечает определяющую роль «Страны городов» в культурогенезе Евразийской степи в эпоху бронзы на рубеже III-II тыс. до н.э. Населяющие «Страну городов» ранние индоиранцы – это степные скотоводы эпохи бронзы – этносы, объединенные языком, культурой, территорией (степи Евразии). Аркаим для современной России может явиться объединяющим началом – идеей, связанной с укоренением, местом развития, Евразийским пространством.

Современный мир сосредоточен на предметной стороне бытия. Однако предметность мира сопряжена с энергичностью (деятельной способностью человека). Философское абстрагирование и рефлексия в анализе археологического памятника обобщает эмпирическое многообразие предметного материала, добавляя в него энергичный фактор.

Аркаим – событие в духовной жизни современного социума. Философский взгляд на проблему дает предельное понимание борьбы предметности, ставшей сущностью человека, с его пассионарно-энергичным «выходом за» исторически обусловленную, археологически установленную предметную определенность, выявляя духовное бытие этноса.

Исследование предметно-энергичных аспектов культуры протогорода основано на концепции философа А. Б. Невелева о закономерности обратного отношения предметной и энергичной сторон бытия человека: чем меньше предметная определенность бытия, тем больше его энергичная насыщенность [5]. В качестве метода взят герменевтический круг, как взаимообусловленная интерпретация в понимании текста культуры – диалектика целого и части, где культура понимается через постижение ее свойств, а целостность (культура) имеет преимущество перед ее частями (предметными слоями бытия: вещь /артефакт; деятельность / символ; знак /слово; предельная универсалия).

Лобанкова И. П.

Выход человека за предел обусловленности предметным миром акцентирует его деятельно-энергичную сторону. Идентичность с единой энергичностью может возникать только в момент, когда человек методологически одолев предметное многообразие и распыленность своей энергичности и вошел в точку осознания единства сущего. Только тогда может совершиться духовное рождение. Для пассионария это возможно, для непассионария – нет. А. Н. Гумилев [1] это точно ухватил, но не ввел в рассмотрение еще и культурную компоненту рождения пассионария. У Гумилева в основе зарождения пассионария лежит природный фактор, что имеет значение. Но в нашей предметно-энергичной концепции пассионарности, воздействие природы на явление пассионария совершается в рамках культуры. Предельная энергичная форма и есть выходящая за рамки предметности и конституирующая новую культуру пассионарность в ее предметном выражении.

Открытие Аркаима наложило на современную духовную потребность народа. Аркаим из-за временной удаленности и абстрактности фиксации жизнедеятельности населения может явиться предметной формой, которую можно наполнить пассионарной энергичностью народа, что может стать источником нашей этнической идентичности. И страсти вокруг Аркаима сегодня не случайны. Может случиться, что здесь завязывается культурный духовный код народа. Интерес Аркаима в этом скачке идентичности, в этой точке бифуркации. И против аркаимского мифа нужна не борьба, а наоборот, его возвращение, поскольку миф является базовым родовым энергичным источником народа. Без мифа нет народа. И наш миф необходим, поскольку потребность в нем колоссальная.

Методологически сильная идея первооткрывателя Аркаима Геннадия Борисовича Здановича об индоиранском своеобразии устной культуры Аркаима при небольшом слое артефактов показательна, т.к. здесь люди акцентируют идентичность в устной форме слова, которое проигрывает действие с вещным миром. В интерпретации уклада жизни «аркаимцев» Г. Б. Зданович [3] исходил не только из эмпирически

данного хозяйственного слоя артефактов, но и из косвенных источников – священных, строго ритуализирующих, идеализирующих (одухотворяющих) бытие людей индоиранских текстов Ригведы и Авесты. Священные тексты становятся живыми носителями духовной энергии. В них отставлена материально обусловленная предметность, а духовно-энергетический фактор стал конституирующим и вышел на первый план. Это соотносимо со «слоистостью» предметного бытия: вещь (артефакт), деятельность (символ), знак (слово), предельная универсалия.

В Аркаиме пассионарно-энергетическая мощь представляет не восхождение по «энергемам» (А. Ф. Лосев [4]) к предметно-абстрактному бытийному уровню, а наоборот являет нисхождение в сакральной концентрированности в сферы знаков, символов и орудий.

Археологическая проблемность и уникальность Аркаима, связанная с небольшим слоем предметных следов орудийной жизнедеятельности находит объяснение в философской концепции. Аркаим и «Страна городов» – энергетично концентрированное «месторазвитие», имеющее сакральный символический смысл, где культура создана не из экономических потребностей, а как логически завершенная, энергетично насыщенная внутренняя религиозная структура со строжайшей организацией, прописанной в священном культурном тексте (это организующий текст культуры). Аркаим уникален тем, что это протогород с ведущей духовной детерминантой. Во всех остальных «месторазвитиях» идентичность идет от предметности к энергетичности. Аркаим явился «месторазвитием» диалектического скачка, где пассионарность и энергетичность индоиранцев вышла вперед, став духовной основой, конкретизированной в нисходящих уровнях предметного бытия, и удерживалась устным сакральным текстом, много позже отраженным в Ригведе и Авесте.

«Страна городов», вписанная в уровни движения предметности: от чувственно-конкретного через абстрактное к мысленно-конкретному в предметно-энергетичной методологии, дает понять, что даже Троя, построенная на 500 лет позднее, не соперник Аркаима. Апофатическая особость Аркаима, его энергетичная чистота отлична от отягощенной предметностью Трои из-за отсутствия в Аркаиме престижных вещей при идентичности обывательных вещей. Факт свободы Аркаима от загруженности орудийной предметностью очень показателен. В археологии «Страны городов» отражено движение к предметному ничто – «исчезновение предметности» К. Ясперса [6], которое сопровождает концентрация энергетичности вплоть до наивысших идеалов священных текстов.

В бесписьменной культуре Аркаима акцентирована энергетичная идентичность в устной форме слова. Есть предположение, что вещей нет в силу их ненужности. Дух нарочно убирает вещный мир, чтобы удержать себя в своей чистоте, чтобы вещный мир не дробил его идентичность. Собирая свой дух словом молитвы воедино, человек переживает фазу энергетичной концентрации. Отсюда необходимость сохранять демаркацию энергетичного (духовного) и предметного (материального). Аркаим мог быть тем местом, где произошла замена доминанты с предметной идентичности на энергетичную.

Аркаим – веха в истории самостояния народного духа. Необходимость Аркаима для нынешней России связана с формой удержания духовного бытия в его самостоянии. Это примат организации бытия духовного над материальным, т.е. удержание Духа в энергетично-пассионарной чистоте. Это идеологическая функция Аркаима. Этим можно обосновать и духовный туризм в Аркаиме. Избыток духовности и насыщенность энергетичности на фоне предметной скудости материальной культуры Аркаима привлекает паломников.

Культуру Аркаима представим как герменевтический круг движения идентичности по предметным слоям бытия от Предметности 1 (П1 – вещь/артефакт) к Предметности 2 (П2 – деятельность/символ), Предметности 3 (П3 – знак/слово), Предметности 4 (П4 – предельная универсалия), где предметное многообразие культуры сведено до предельных категориальных и мифо-религиозных структур сознания на этапе выхода в энергетично-пассионарную фазу после абстрагирования, сконцентрировавшего энергетичность.

Далее возвращение по кругу предметностей от П4 к П1 и начало герменевтической интерпретации, где обратное движение от энергетичности к предметности передается через сакральное слово и ритуал. Так возникает энергетично-предметный культурный код, определяющий идентичность в будущем индоиранском этносе, который не привязан к материальному началу и начинает его «штамповать». Логику восхождения по

левой стороне герменевтического круга от П1 к П4 можно понять как движение категорий от единичного П1 через особенное П2, общее П3 к всеобщему П4, а по правой стороне – наоборот.

Сакрализация предметного мира Аркаима проходит по правой стороне герменевтического круга – от всеобщего к единичному при движении энергетично насыщенной священной идеи из трансцендентного мира (универсалии) в нижележащие предметные слои социокультурного бытия. Так, при сосредоточении на целом предметно ограниченной частью является вариантом целого в нисходящей ветви герменевтического круга.

Аркаимцы конституируют этнос духом, словом, идеальными структурами, пассионарностью, которая обеспечивает сакрально-религиозную и категориальную дистанцию с разрушающим предметным миром через ритуал. Идентификация пассионариев Аркаима в сакрализации жизни этноса связана с нисхождением от П4 к П1 – от точности обряда (призывание Бога в дом) к суровости эгалитарного быта. Энергетичность максимальна, предметность минимальна. Возможно, в Аркаиме роль границы, фиксирующей бытие как таковое, вводящей в экзистенцию, где сброшены все предметные формы и остается предметность одного предельного слова «Я есть», играет дом как жилище Бога [2]. Это демаркация предметного и энергетичного в эгалитарном обществе, где энергетичная идентичность выходит вперед как созидательно ведущая. Только здесь можно говорить о пассионарии.

Пассионарии Аркаима, удерживая схему действия в мысли, слове, которое как линза собирало энергию, и накладывали эту матрицу на любой ареал, куда переселялись и штампуя генетической мыслительной основой, создавали новый мир. Жители Аркаима, покидая протогород, сожгли его, превратив предметность в энергию. Они несли в мысли идеализированную предметность, чтобы воплотить ее на новом месте, удерживая энергию в слове. Культура Аркаима в движении теряла вещный мир, поскольку он не является конституирующим. Вещи они заимствовали у других. При передвигании они несли не вещи, а дух: имена богов, географию в названии места, язык, где конституирующим явилось «предельное слово», которое становилось силой и удерживало пассионарную энергию духа сначала в устной форме, а затем в энергетичной концентрации в священных индоиранских текстах Ригведа и Авеста. Ведийская культура через вековую преемственность сохранила этнокультурные социальные ценности культуры Аркаима (самоназвание, язык, ритуал, культ, миф, символ, традиции, домостроительство, хозяйственный тип).

В бесписьменной культуре «Страны городов» вся смысловая нагрузка заключена в обрядах и в геометрии планиграфии поселений, керамике, утвари. В Авесте слово молитвы только устно. И молитвы в степи Зауралья произносились устно. Священное устное слово – это дух, оно несет не только смысл, но и музыку (ритм, гармонию), оно есть звук.

Итак, мы должны высветить самое неочевидное – это бытие духа. Очевидна вещь, очевидно действие с вещью. Но свернутая вещь и свернутое действие, обозначенное словом, и как бы забранная форма у вещи и у действия не очевидна. И не учет третьего этапа бытия формы, этого момента неочевидности – это убогость современного миропонимания. Поэтому необходим взгляд в прошлое и учет духовного опыта наших предков.

Пристатейный библиографический список

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. - М.: Айрис-пресс, 2011. - 560 с.
2. Зданович Г. Б. Идея дома ариев Ригведы и жилой комплекс поселения Аркаим / Gloria Bibliospherae (Ariadne's Thread). Акад. межд. науч. сб. – София, 2016. - С. 415-426.
3. Зданович Г. Б. Аркаим. Археология укрепленных поселений: монография: в 2 кн. Кн. 1: Жилища и жилое пространство / Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина, Д. Г. Зданович / ЧелГУ; Челябин. госуд. заповедник «Аркаим». - Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2020. - 450 с.
4. Лосев А. Ф. Вещь и имя. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hghltd.yandex.net/yandbmt?text>.
5. Невелев А. Б. Бытие человека: диалектика предметности и энергетичности // Вестник ЧелГУ. - 2012. - № 15. - С. 30-34.
6. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / Пер. А. К. Судакова. - М.: «Канон+», 2012. - 384 с.

МАРЮШКО Анна Валерьевна

аспирант кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ И ВИРТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВОПОРЯДКА И ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье исследованы синергетический и виртуальный аспекты общественного правопорядка. Виртуальная реальность в этом плане включается в тесный контекст правовой реальности. Правопорядок выступает как субстанциональная основа общественных отношений и имеет особые предупредительные свойства. При этом общественный правопорядок и правовое сознание, зачастую, оперируют вероятностными моделями становления социальных отношений. Автор исследует фактор случайности, который оказывается включенным в процесс правового регулирования отношений собственности, обмена и распределения. Но случайность можно использовать в правотворческой деятельности, если она создает инновацию.

Ключевые слова: синергетика, общественный правопорядок, виртуальная реальность, виртуальность, случайность, собственность, правовое регулирование, правовое сознание.

MARYUSHKO Anna Valerjevna

postgraduate student of Philosophy, history and social engineering sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

SYNERGETIC AND VIRTUAL ASPECTS OF PUBLIC LEGAL ORDER AND LEGAL CONSCIOUSNESS: A SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The article explores the synergetic and virtual aspects of public law and order. Virtual reality in this regard is included in the close context of legal reality. The rule of law acts as the substantive basis of social relations and has special preventive properties. At the same time, public order and legal consciousness often operate with probabilistic models of the formation of social relations. The author explores the factor of chance, which turns out to be included in the process of legal regulation of property relations, exchange and distribution. But chance can be used in lawmaking if it creates innovation.

Keywords: synergetics, public order, virtual reality, virtuality, chance, property, legal regulation, legal consciousness.

В настоящее время актуализируются исследования права и правопорядка в контексте синергетической парадигмы. Синергетический подход в исследовании правового порядка позволяет рассмотреть социально-правовую реальность через противопоставление порядка хаосу, где порядок состоит из закономерностей, а хаос – из случайностей.

В данной статье автор анализирует синергетический и виртуальный аспекты исследования общественного правопорядка и правового сознания. Исследование общественного правопорядка и правового сознания способствует решению ряда проблем, обладающих научной новизной. Во-первых, позволяет выявить соотношение таких понятий, как «виртуальное» и «синергетическое». Во-вторых, дает возможность анализа синергетики, правопорядка и правового сознания в едином контексте. Наконец, способствует рассмотрению виртуальной реальности в контексте понятий «права» и «собственности» и сознания, что предопределяет выход на проблему «социальной справедливости». Эти проблемы, рассмотрим в контексте не только получения результатов, но и в контексте формулирования основной цели – дать анализ развертывания перспектив права и правовой реальности в свете рассмотрения виртуальной реальности и деятельности как субстанциональной основы общественной жизни людей.

Однако «виртуальное» означает колебание социальной системы между порядком и хаосом. Синергетика, как наука, которая расписывает механизм возникновения порядка из хаоса, в принципе имеет отношение к праву и правовым реалиям как социальной основе деятельности. Но мы должны учесть и тот момент, что право основано не только на защите собственности граждан, но и на правовом сознании общества. В виртуальной реальности собственность также виртуализируется.

Она становится то призрачной, то реальной. Сам двойственный характер труда, когда человеческий труд становится то абстрактным, то конкретным, выступает как некая виртуальная сила. Деньги, в которых воплощен абстрактный труд, есть высшее проявление виртуальной реальности.

Учитывая наличие не только положительной стороны виртуальности, выраженной в ее применении во всех сферах деятельности человека, включая профессиональную, следует отметить и возникновение существенного риска или даже опасности в виртуальном пространстве. Также необходимо признать, что в социальном и виртуальном мирах системы правил и норм, ценностных и смысловых ориентиров весьма различны. А, следовательно, может возникнуть вероятность угрозы безопасности не только человека, но и собственности, включенных в условия виртуального мира. Необходимо в виртуальной реальности создавать правовой порядок, учиться правовой культуре и правовой свободе. Причем виртуальное способно создать более совершенный правопорядок «... порядок жизни, признанный лучшим, признается лучшим не только для какого-нибудь отдельного, единичного человека, но и для всех людей, обладающих особыми предупредительными свойствами, например, для ученых, для рабочих, для правительственных чиновников и т.д.» [1, с. 51].

Правовая реальность является существенной частью общественной жизни, охватывающая все правовые явления общества, и воздействующая на него с помощью норм права, правового сознания и правовой культуры. Право и общественный правопорядок связаны с господством закона, а не случайного бытия. Но право оперирует, все же, вероятностными моделями становления общественных систем. И хотя фактор случайного и оказался включенным в процесс правового

регулирования общественных отношений, тем не менее, он может быть использован в правотворческой деятельности. Но следует отметить, что для исследования случайности в правовом регулировании общественных отношений необходимо более четко определить феномен случайности. Например, Ю. Ю. Вегютнев указывает на то, что «необходима выработка более точного определения случайности, которое было бы приемлемым для целей политико-правового исследования» [2, с. 73]. Также В. В. Сорокин отмечает важность того, что «при объяснении правовых процессов, наблюдаемых в переходный период, тоже важно учитывать влияние ситуационных факторов (случайности), способных конкурировать с объективными условиями перехода» [3, с. 304]. Для определения феномена случайности нельзя не согласиться с автором К. В. Шундиковым, что «случайность в правовой жизни общества как антипод закономерности в этой сфере необходимо понимать как такое развитие процесса, которое является нетипичным, казусным, не происходит с необходимостью при наличии тех условий, при которых развитие процесса обычно идет закономерно» [4, с. 12].

Современные технологии способны дополнять физический мир виртуальными элементами, где физическая реальность перестает быть единственно возможной. Виртуальная реальность может быть понята человеком как способ «обмануть его органы восприятия и создать иллюзию нахождения в искусственно созданном мире» [5, с. 238]. Человек, (на современном этапе технологий) может попасть в достоверный с точки зрения чувств виртуальный мир. При этом человек «не будет различать события виртуального и действительного мира», так как они окажутся «неразличимыми на уровне ощущений» [5, с. 238]. При этом социальное пространство и время, как факторы социокультурного процесса, исчезают.

Нам думается, что образы виртуальной реальности являются пространственно яркими. Но возникает вопрос о том, а каким образом все испытываемое человеком окажется иллюзией, которая отделяет его от действительности? Однако переживание реальности навряд ли выступает критерием для различения разных реальностей, в том числе, и виртуальной. Человек призван занять позицию «внешнего наблюдателя» к правовой реальности. Человек не знает – снится ли ему нечто, или данное нечто принадлежит к социальной реальности. Поэтому вопрос о критериях различения виртуально-го и реального поднимает М. Хейм [6].

Право является несовершенным для осмысления того, что произошло за время жизни отдельного человека. Оно не в силах придать социокультурным явлениям характер уникальности, одновременности. Это обстоятельство «отличает события реального мира от преходящих событий мира виртуального» [5, с. 239]. Виртуальная реальность раздвигает границы мира. Но виртуальное отличается возможностью «перезагрузки» общественных отношений. «Линейная темпоральность также перестает быть серьезной преградой, здесь всегда можно переиграть и начать заново» [5, с. 239].

Согласно А. Маслоу, после физиологических потребностей человека, на втором месте выступают потребности безопасности [7, с. 77-105]. В принципе, это правовые потребности и интересы действующего субъекта. Развитие технологий, которые в значительной мере продуцируют иллюзорный мир, приводят к возрастанию количества людей, проводящих значительную часть своей жизни в виртуальном мире. В виртуальном мире само бытие человека низвергается до бытия вещей, безразличных к времени существования. Но, человек выходит за границы своего «Я», за пределы себя, а это как

раз и формирует общественный правопорядок. Виртуальная среда – это «пространство абсолютной свободы, правда, иллюзорной, но понимание приходит лишь при глубинном постижении сути данного феномена, однако в мире виртуальном нет места для основательности, а свобода – есть» [8, с. 54]. Мы должны ограничивать свою деятельность, свою свободу, чтобы дать место свободе других людей. Однако мы не призваны к тому, чтобы игнорировать там фактор случайности, который оказывается, по существу, включенным в процесс правового регулирования отношений собственности, обмена и распределения. И все же случайность можно применять в правотворческой деятельности. Благодаря праву реальное и виртуальное достигают гармонического объединения, что формирует предпосылки к возникновению устойчивости в общественных отношениях, а само общество достигает стабильного и устойчивого развития.

Таким образом, общественный правопорядок и правовое сознание обладают особыми предупредительными свойствами, но, в то же время выступают как субстанциальная основа бытия индивида, общества и государства. К тому же, право, зачастую, оперирует вероятностными моделями становления социальных отношений и сам фактор случайности, включенный в процесс правового регулирования отношений собственности, обмена и распределения, можно использовать в правотворческой деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // Ильин И. А. Соч.: в 10 т. Т. 4. - М., 1994.
2. Вегютнев Ю. Ю. О правовой случайности и правовом хаосе // Журнал российского права. - 2003. - № 7.
3. Сорокин В. В. Концепция эволюционного преобразования правовых систем в переходный период. - Барнаул, 2002.
4. Шундиков К. В. Фактор случайности в правовой жизни общества // Правовая политика и правовая жизнь. - 2013. - № 2.
5. Елхова О. И. Реальное и виртуальное: критерии различения // Духовность: традиции и проблемы: межвузовский научный сборник / Отв. ред. А. В. Лукьянов. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2011.
6. Хейм М. Метафизика виртуальной реальности // Возможные миры и виртуальные реальности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ido.rudn.ru/ffec/philos/ctest/g12/hiem_m.html (дата обращения: 03.03.2011).
7. Маслоу А. Мотивация и личность. - СПб.: Евразия, 1999.
8. Соловьева Л. Н. одусы цифрового бытия человека информационной эпохи // Общество: философия, история, культура. - 2022. - № 4.

ПИСАРЕВА Анна Владимировна

старший преподаватель кафедры философии Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ В СИНЕРГИЙНОЙ ПРИРОДЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье проанализированы взгляды на социальную природу самоуправления, рассмотрены основополагающие векторы возможного развития самоуправления как одной из базовых составляющих существования общества как системы, обозначена роль социокультурных аспектов в процессах самоуправления и их значение в синергийной природе самоорганизации.

Ключевые слова: самоуправление, социальная синергетика, социальная система, пассионарность, социокультурные факторы.

PISAREVA Anna Vladimirovna

senior lecturer of Philosophy sub-faculty of the M. Tugan-Baranovsky Donetsk National University of Economics and Trade

Писарева А. В.

SOCIOCULTURAL ASPECTS IN THE SYNERGISTIC NATURE OF SELF-GOVERNMENT

The article analyzes the views on the social nature of self-government, considers the fundamental vectors of the possible development of self-government as one of the basic components of the existence of society as a system, identifies the role of socio-cultural aspects in the processes of self-government and their significance in the synergistic nature of self-organization.

Keywords: self-government, social synergetics, social system, passionarity, sociocultural factors.

В основе природы самоуправления как социально-философского феномена заложены диалектические взаимосвязи таких базовых культурологических компонентов индивидуального и коллективного социального бытия как: свобода – личности, народа, государства; автономия – индивида, общины, социальной группы; власть – обоснование права на неё одних и обязанности подчинения ей других людей; суверенность – прав личности, человека, гражданина, носителей и органов власти; равенство членов общества – реальное и формальное в природе, обществе и государстве; социальное равноправие с точки зрения закона и иерархичности системы как её естественного адаптивного свойства и т.д.

История глубокого теоретического осмысления природы самоорганизации социальных общностей берет начало с трудов известных древнегреческих философов Платона и Аристотеля, в трудах которых представлен системный сравнительный анализ разнообразных форм государственного управления как конкретных моделей управления социальными системами, выявлены и обоснованы закономерности причинно-следственных связей социальных явлений, фактов и процессов в исторической ретроспективе.

Понимание смысла самоуправления как социального явления и предмета социально-философского анализа раскрывается через изучение концепций и теорий демократии, социального управления, народного суверенитета, права народов на самоопределение, гражданского общества и правового государства. Весомый вклад в осмысление природы социальных процессов и отношений в парадигме «человек-общество-государство» внесли такие европейские мыслители как Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, А. Гамильтон, Т. Джефферсон, И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс, А. де Токвиль, С. Симон и др. Среди отечественных философов следует особенно отметить в этом контексте философское наследие П. И. Новгородцева, Л. П. Красавина, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Н. Я. Данилевского, П. Я. Чаада-

ева, А. С. Хомякова, К. Н. Леонтьева, Н. О. Лосского, В. П. Безобразова, А. И. Васильчикова, Б. Н. Чичерина, В. И. Ленина и многих других. Наиболее ярко и динамично данная тематика в исследованиях проявилась с начала периода Нового времени, заложив основу для реализации ряда этих концепций на практике уже в конце 18 в. (Великая Французская революция, Война за независимость США от Великобритании), далее в 19 в. (Буржуазные революции в Европе) и в 20 в. (Великая Октябрьская революция в России, Революции и гражданская война в Китае) и т.д.

Социально-философская и политологическая природа феномена самоуправления наилучшим образом раскрывается через анализ феномена общества в целом. В зависимости от подхода, самоуправление может выступать предметом анализа как: свойство, качество, способность, функция, процесс, форма организации, устройства, метод социального саморегулирования, элемент социального самоконтроля и т.д. общества как системы, существующей в определённых социально-культурных и экономико-политических условиях, имеющей собственную структуру, нормативные, ценностные и мотивационные основания для внутреннего и внешнего взаимодействия.

Следует отметить, что ключевыми факторами для определения роли, качества и сущности самоуправления в социуме выступают его пространственно-временные параметры и конкретная историческая ситуация. В современной социальной философии ведущее место в анализе социальных явлений и процессов занимает синергетический подход как метод эффективного анализа открытых нелинейных систем. Но, к примеру, синергетический подход И. Р. Пригожина, в котором социальная система представлена как носитель диссипативной структуры, расплывающий энергию вовне, не позволяет в полной мере комплексно изучать поведение общества, так как оставляет за скобками его биоприроду [4, с. 657]. А вот другой адепт этой методологии М. С. Каган пишет, что

«синергетика утверждает, эволюция каждой динамической системы, независимо от её масштаба, является её самодвижением, т.е. непосредственно управляется внутренними, имманентными этой системе силами, и лишь «во вторую очередь» реагирует на воздействие среды» [2, с. 211]. Иными словами, живость и саможивость социального организма, с точки зрения социально-культурного, а также антропологического и биоэтического ракурсов, подразумевает продуцирование и расходование им энергии разного порядка в первую очередь для обеспечения самовоспроизводства и саморепликации, и только после - для внешних реакций и взаимодействий.

Значимость синергетической парадигмы, как концептуального подхода и методологической базы, с точки зрения прикладного анализа развития и функционирования социальной системы крайне высока. Потому как, если в принципе точное определение векторов комплекса протекающих в социуме процессов невозможно, то выделение доминант и предвидение тенденций, вполне осуществимо, что позволяет моделировать перспективы посредством «предсказания» реакций населения на те или иные грядущие изменения, с учётом выверения соотношения ряда существующих социальных закономерностей и меры приверженности им данного общества, как системы, существующей в конкретном пространстве-временном и культурном континууме. Прогнозирование и моделирование процессов самоорганизации как дехаотизационных следует проводить с учетом параллельного протекания процессов организации-управления в существующих условиях структуры-иерархии. От успешности поиска системой способов «равновесного упорядочения структур» во многом зависит её устойчивость.

В процессах самоуправления ведущую роль играют способы, формы и механизмы социального взаимодействия во всех сферах общественной структуры. Крайне важны роль и статус социальных институтов в реальном пространстве-времени. Наряду с такими классическими социальными институтами как семья, система образования, церковь, на ведущие позиции выходят те институционализированные формы коллективного социального бытия, которые лежат в основе гражданского общества. Наиболее показательным примером в данном контексте выступают общественные объединения, организации и местное самоуправление, которые возникают благодаря наличию пассионарной энергии определенной части народа. По мнению Л. Н. Гумилёва, именно вокруг пассионарных личностей образуются структуры-аттракторы, включающие мотивационные стимуляторы для развертывания социальной структуры [3]. А. Г. Давыденкова, настаивает на том, что «политико-социальный дуализм или синкретизм самоуправления влияет на специфику институтов самоуправления», а «эффективность системы самоуправления, являющаяся предпосылкой синергетических социальных процессов, во многом зависит от мотиваций индивида» [1]. То есть, в контексте обозначенного, можно заключить, что социальная и культурная обусловленность гражданского общества детерминирует остальные формы его развития и влияет на их эффективность, так как пассионарность, активность, энергия движения есть продукты культурного поля, результаты осмысления реальности, саморефлексии по поводу смыслов прошлого, настоящего и будущего.

Пребывая в состоянии необходимости выживать в процессе интенсивных и порой агрессивных импульсов и воздействий со стороны внешней среды, социальная система, как показывает и доказывает современный политико-исторический момент, стержневым элементом выбирает ориентир на социокультурные, духовные силы. То есть именно нематериальная сторона культуры выходит на первый план в процессе интенсифицированной технологизации и глобализации. Возникает ощущение, что, несмотря на экзистенциальную, казалось бы, важность материальной составляющей для банально биологического выживания человека сегодня,

то насыщение и те темпы изменения материального мира, в которых живет человечество в 21-м веке, оголило проблему их, с одной стороны, стремительного дистанцирования от возможности удовлетворения реальных социокультурных потребностей большинства, а с другой, их гибридации, сращивания. При чем эти процессы проявляются на всех уровнях данной системы, начиная от конкретного индивида с его запросами и интересами, заканчивая государством как наивысшей формой политической организации этих индивидов. Одна из острых и наболевших социальных проблем современности – уход человека в виртуальный мир, где посредством «бездружных технологий» ему удастся удовлетворять широкий спектр своих духовных и социальных потребностей, как бы парадоксально это ни звучало! Также, к примеру, в «человеческом измерении» наличие мобильного телефона, другого гаджета и интернета сегодня это не блажь, а необходимые средства мгновенного информирования человека, аппараты обеспечения его непрерывной круглосуточной взаимосвязи с внешним миром. А в международных отношениях сегодня выстраивается технология удержания власти на обосновании необходимости в борьбе за собственные культурные ценности смиренно нести всевозможные экономические трудности.

Следует отметить, что свобода и воля к свободе, инициативности, креативу индивидов неодинакова не просто в разных системах, но и на разных уровнях подсистем внутри отдельно взятой системы, и зависит от ряда именно социокультурных факторов, ментальных и национальных особенностей чувствовать и рефлексировать по поводу коллективных онтологических условий и обстоятельств.

Синергетическая природа самоуправления неразрывно связана с ролью социокультурных факторов, влияющих на уровень и качественное состояние развитости социальных отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Давыденкова А. Г., Туфанов А. О. Институционализация социокультурной и экономической жизни общества: социально-философские аспекты. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizatsiya-sotsiokulturnoy-i-ekonomicheskoy-zhizni-obschestva-sotsialno-filosofskie-aspekty/viewer>
2. Каран М. С. «Синергетика и культурология» / Синергетика и методы науки. – СПб.: Наука, 1998. – 439 с.
3. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. – СПб.: «Алетейя», 2002.
4. Каширин В. И., Каширина О. В. «Синергетика в контексте учения русской философии о времени: концепция культуры времени» / Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 688 с.

ОЛЕШКОВА Анна Михайловна

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) Российского государственного профессионально-педагогического университета

ГРУППОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КОНСТРУКТ И ПРОТОТИП (НА МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ)

Концепт «идентичность» рассматривается с позиции критического дискурс-анализа и когнитивного подхода. Идентичность – синтез репрезентации и конструкционизма (влияние идеологии), с одной стороны, и чувственного опыта (телесного опыта), с другой стороны. Исследование идентичности предполагается в двух измерениях: в первом социальная составляющая рассматривается как довлеющая (теория Франкфуртской школы, Водак, ван Дейк), во втором – акцент сделан на телесности, понимание тела одновременно как физической структуры, являющейся средой для когнитивных процессов, и живой феноменологической сущностью (Мерло-Понти, Эрикссон, Лакофф, Рош). Представлены перспективы методологического синтеза критических исследований дискурса и когнитивного подхода на материалах Интернет-коммуникации. Обозначена важность включения современного эмпирического материала в поле философского анализа, поскольку именно последний обладает возможностью междисциплинарного синтеза дисциплин, исторически возникших позднее самой философии: социология, политология, культурология, психология. Также важно отметить необходимость научной кооперации философии и лингвистики, учета опыта лингвистического анализа дискурса на примерах конкретного эмпирического материала.

Ключевые слова: идентичность, дискурс, власть, конструкционизм, критический дискурс-анализ, прототип, категории, воплощенное познание, Интернет-комментарий.

OLESHKOVA Anna Mikhailovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Humanitarian and social economical sub-faculty of the Nizhny Tagil Social Pedagogical Institute (branch) of the Russian State Professional Pedagogical University

GROUP IDENTITY AS A CONSTRUCT AND PROTOTYPE (BASED ON INTERNET COMMUNICATION MATERIALS)

The concept of "identity" is considered from the standpoint of critical discourse analysis and cognitive approach. Identity is a synthesis of representation and constructionism (the influence of ideology), on the one hand, and sensory experience (bodily experience), on the other hand. The study of identity is conducted with two different aspects taken into account: in the first, the social component is considered as a dominant one (the theory of the Frankfurt school, Vodak, van Dyck), in the second, the emphasis is placed on physicality, understanding the body simultaneously as a physical structure that is a medium for cognitive processes, and a living phenomenological entity (Merleau-Ponty, Erickson, Lakoff, Roche). The prospects of methodological synthesis of critical studies of discourse and cognitive approach on the materials of Internet communication are presented. The importance of including modern empirical material in the field of philosophical analysis is indicated, since it is the latter that has the possibility of interdisciplinary synthesis of disciplines that historically arose later than philosophy itself: sociology, political science, cultural studies, psychology. It is also important to emphasize the need for scientific cooperation between philosophy and linguistics, taking into account the experience of linguistic analysis of discourse on examples of specific empirical material.

Keywords: identity, discourse, power, constructionism, critical discourse analysis, prototype, categories, embodied cognition, Internet commentary.

В русле постмодернизма, постструктурализма, конструкционизма было предложено множество точек зрения на ракурсы изучения проблем идентичности. Большую роль в оформлении современных подходов сыграли социология и психология, начиная с конца XIX века предлагались трактовки категорий «Я», «сознание», «self» и др. [8], повлиявшие на развитие эмпирической стороны проблемы, которая в том числе является лингвистической и философской. Например, в коллективном обобщающем труде «Дискурс и идентичность» [15] представлены изменения представлений о феномене идентичности.

Однако ни в одной из автономных наук (психология, социология, политология, философия, лингвистика) без междисциплинарного сотрудничества невозможно говорить о наличии конвенционального методологического решения проблемы. В изучении идентичностей нужно учесть не только пространство языка (в том числе измеряемое пространство, в частности, постигаемое ресурсами контент-анализа), но и актуальный социокультурный и исто-

рический контексты (привлекая методы event-анализа, критического дискурс-анализа (КДА), семантического анализа), а также обращаясь к когнитивным механизмам (теории «воплощенного мышления»).

В контексте темы данной статьи, отметим, во-первых, когнитивные и критические исследования тесно связаны. Проблемы идентичности в совокупности с изучением убеждений, коллективной памяти относятся именно к когнитивным процессам [3, с. 107-116]. Во-вторых, представляется, что ресурсы когнитивных и социальных наук позволяют обратиться, соответственно, к внутренним и внешним способам формирования идентичности. В обоих случаях язык выступает как способ (маркер) групповой идентичности. Отметим, что социальную и групповую идентичность мы считаем синонимами. Манифестация идентичности происходит именно через язык. Детерминированность языковых систем обуславливается совокупностью факторов, в том числе социальных (социальная идентичность субъекта, выраженная в возрасте, гендере, статусе), кроме

того, целями общения и контекстом. Язык представляет собой сферу культурного производства и воспроизводства социальной идентичности. Идентичность следует воспринимать как процесс, результатом которого становится дифференциация интрогруппы и аутгруппы.

Современное общество претерпевает серьезные трансформации, выраженные в способах взаимодействия и коммуникации. Происходит смешение онлайн и офлайн культуры, при этом процессы социальной дифференциации и стратификации свойственны обеим сферам жизни человека, но протекают в каждой со своей спецификой. С одной стороны, в онлайн культуре (на примере коммуникации в Интернете, в целом, в медиадискурсе) отсутствует четкая стратификация, социальные категории размыты, что актуализирует проблему идентичности. С другой стороны, в Рунете происходит формирование новых социальных групп, действуют механизмы стереотипизации и стигматизации «своих» и «чужих», что предоставляет богатый эмпирический материал для анализа социокультурных трансформаций, которые могут отразиться не только филологи, но и представители общественных наук.

Критический дискурс-анализ позволяет выявить специфику властных отношений в том числе в медиадискурсе, в котором проявляются предрассудки и стереотипы «говорящих субъектов». С учетом того, что медиaprостранство выступает сегодня глобальной площадкой публичного высказывания, аккумулирующей позиции Интернет-пользователей по актуальной повестке, изучение речевого поведения при помощи междисциплинарного подхода позволит приблизиться к механизмам формирования групповых идентичностей, которые при распространенном сегодня тезисе о идентичности как динамичном феномене (например тезисы о множественной идентичности [17; 2], полиидентичности как характерной черте языковой личности в виртуальном пространстве [6]), следует рассматривать в оппозиции «мы – они» [7, с. 9].

Дискурс интрогруппы фиксирует качества, которые позитивно характеризует группы «своих», негативно описывая «чужих». Критические исследования дискурса, одним из теоретических оснований которых являются исследования представителей Франкфуртской школы, делают акцент на вопросах идеологии, распределении власти. Знания – это продукт дискурса, дискурс функционирует идеологически.

Следует отметить, что и в критических и когнитивных исследованиях одними из ключевых вопросов является «дискурс» и «язык».

Еще М. Фуко указывал на дискурсы как на способы использования языка в конкретных социальных практиках [5, с. 237]. Благодаря дискурсу, который может выступать и текстом, и контекстом, производится и воспроизводится система знаний, которая для индивида является посторонней и нуждается в освоении или присвоении, в том числе, некритичном.

Субъект включен в формирование реальности, которую в дальнейшем он воспринимает. Эта система знания становится той реальностью, в которой находится субъект. Повседневность индивида может им не рефлексироваться, контекст не подлежит проблематизации, при этом еще один аспект связи между конструкционизмом и когнитивизмом заключается в обосновании, легитимации того

порядка, в котором находится субъект, того пространства, которому он дает оценки. И в данном случае важно отметить, что легитимация имеет нормативный и когнитивный уровни. Знание опосредует артикулируемым ценностям [1, с. 152-154; 9, с. 182].

Понятие «одномерность» у Г. Маркузе сопровождается разнообразными трактовками, в том числе его можно сопоставить с невозможностью встать на позиции Другого, безальтернативностью мышления. Для представителей Франкфуртской школы характерен расширительный подход к идеологии. Социальная детерминированность мышления, гиперидеологизация действительности ведет к тому, что, с одной стороны, субъект рискует стать авторитарной личностью, которая не только сама манипулирует, но и которой можно манипулировать; с другой – формируется ситуация отчуждения, в том числе от декларируемых субъектом ценностей [13, с. 103].

Экзистенциальные категории также являются связующим звеном между критическими и когнитивными теориями.

Идентичность как конструкт предполагает влияние политики и идеологии на ее формирование. Речь в этом случае идет не только об этнической идентичности, но и о любой групповой идентичности, в которой важную роль играет иерархия ценностей, отвергаемых субъектом и тех, кого он воспринимает как «свои».

Критический дискурс-анализ следует воспринимать шире, чем метод, скорее, это подход, аккумулирующий как минимум две научные традиции: Р. Водак и Н. Фэркло [12, с. 195].

Разнообразие методологических рамок КДА позволяет кооперировать разные подходы и научные традиции, в том числе в области социологии и философии, медиаисследований. Так, конструкционизм и критические теории, которые можно воспринимать в качестве предпосылок становления подхода, позволяют детально прописать концепты «идеологии» и «репрезентации», обратиться к неформальным практикам «говорящих субъектов», которые могут ими не осознаваться. Идеологическое социальное знание, влияющие на восприятие себя и других, представляет собой системы убеждений, которые не принадлежат самим субъектам [5, с. 238]. Типы дискурсов, формируемые социальными формациями, являются социальными практиками, транслирующими эти внешние, по отношению к субъекту, убеждения.

Именно в этом аспекте метода, позволяющем проанализировать идеологическое мышление субъектов, следует учесть достижения когнитивных наук, в частности, новый взгляд на проблему категоризации и связь мышления и тела. Новая теория категоризации позволяет пересмотреть тезис о важной роли общих свойств для восприятия вещей и явлений как единых. При наличии данного механизма, нужно учитывать и иные способы категоризации, в частности, объясняемые теорией прототипов.

Обращение к проблеме телесности, осознание своего тела субъектом и принятия себя в окружении Других – темы, к которым обращался еще Э. Эриксон, работы которого имеют важное значение для классического понимания феномена идентичности. Для применения когнитивного подхода к анализу проблем идентичности следует

учитывать понятие «телесный опыт», которое использует как Эриксон [14, с. 91, 92], так и современные авторы. Так, Дж. Лакофф, ссылаясь на эмпирические исследования Э. Рош, описывает новый подход к категоризации, называемый экспериенциализмом. Категоризация как конкретных вещей, так и абстрактных понятий, в том числе процессов и социальных отношений, не происходит изолированно от субъекта. Как следствие, во-первых, нужно учесть не-социальные факторы: нейропсихологию, особенности перемещения физического тела субъекта в пространстве, мысленные образы и чувственно-эмоциональную сферу, воображение; во-вторых, нужно иметь в виду, что система категорий имеет прототип – лучшего представителя категорий [10, с. 21, 22].

Говоря другими словами, новый подход к категоризации должен учесть особенности самого человека (в том числе телесные), а также его способность к образному мышлению (использование метафор в формировании представлений о реальности). В этом отношении нужно подчеркнуть еще одну общую линию между критическими и когнитивными исследованиями: учет того, что «реальность накладывает ограничения на понятия» [10, с. 14].

Идентификация себя и других с учетом неклассической телесно-ориентированной эпистемологии позволяет увидеть связь между интерпретацией реальности, мышлением, эмоциональной и сенсорно-двигательной системами.

С точки зрения М. Мерло-Понти, теория которого находится также на стыке разных подходов (феноменология, экзистенциализм, гештальт-психология, патопсихология), субъект взаимодействует с миром через восприятие, которое следует понимать как феноменологический механизм. В решении вопроса об онтологически первичном опыте восприятия философ характеризует чувственно-предметный уровень как способ коммуникации, опережающий духовное взаимодействие. Этот первый уровень характеризуется спонтанностью и независимостью от рациональных и рефлексивных механизмов интерпретации себя и других. Нерефлексивный уровень жизни – это ситуация, которая является одновременно «исходной» и «конечной» [11, с. 13].

Отсутствие рефлексии или частичная возможность восприятия себя в объективных, сторонних категориях – также общий знаменатель между когнитивным и критическими теориями, которые позволяют опосредованно, но обратиться к особенностям когнитивных процессов, идеологий, дискурсивных практик, увидеть социальную сторону дискурса [3, с. 109], в том числе медиадискурса.

Темы современных авторов, которые разрабатывали представители критического дискурс-анализа, связаны с выявлением отношений доминирования в языке СМИ: например, в исследованиях Т. ван Дейка и Р. Водак особое внимание уделяется расистскому дискурсу [4; 7].

СМИ как часть медиапространства сохраняет актуальность в качестве объектно-предметной сферы исследования, однако с учетом развития Интернет-пространства, важным представляется учесть социальные медиа, социальные сети и комментарии пользователей к публикуемым сообщениям.

Междисциплинарные исследования идентичности через анализ общения в медиапространстве, в частности,

социальных медиа, позволяет охватить значительный перечень тем, характеризующих современное социокультурное пространство: ценности, табу, норма и др. Комплексная методика расширяет инструменты, характерные для отдельных наук, например, дает возможность сместить акцент с анкетирования и опросов на этнометодологию и разговорный анализ, а также критический анализ дискурса, позволяющие обратиться к непринужденной языковой ситуации.

Современное общение в социальных сетях на примерах коммуникации в отдельных пабликах, реакций отдельных пользователей на новостные сообщения, цепочек интернет-комментариев позволяет обратиться к природе агрессии и причинах безапелляционных суждений, свойственных «говорящим субъектам». «Язык вражды», являющийся важным социальным и психологическим маркером взаимодействия в социальных сетях, указывает на особо значимые для Интернет-пользователей темы. Одной из особенностей дискурса социальных сетей является его политизированность. Даже в изначально неполитических темах комментарии «говорящих субъектов» выходят на темы политики и идеологии. Системообразующей дихотомией, относительно которой происходит поляризация оценок поступков как самих Интернет-пользователей, так и медийных личностей или процессов, является бинарная оппозиция «либерал – консерватор» – частный вариант противопоставления «свой – чужой».

Негативные модификации обозначенных концептов мы можем найти в разных пабликах с разрешенной опцией комментирования. Приведем в пример одни из самых популярных Интернет-сообществ социальной сети «ВКонтакте»: Рифмы и панчи (<https://vk.com/rhymes>), Леонардо Дайвинчик (<https://vk.com/dayvinchik>), MDK (<https://vk.com/mudakoff>). Несмотря на то, что обозначенные Интернет-сообщества не являются политическими пабликами, дискуссии с отсылками к обозначенным концептам возникают не только при упоминании политических тем в новостном контенте, но и в диалогах, касающихся разных социокультурных вопросов, в том числе бытовых, что говорит об актуальности этой бинарной оппозиции для «говорящих субъектов».

Идентификация себя с той или иной позицией подразумевает связь с целым спектром категорий, которые составляют «либерализм» и «консерватизм» в качестве медиафреймов и концептов. С точки зрения ин- и аутгруппы, каждый из концептов характеризуется положительными и отрицательными свойствами. Особо показательны негативные коннотации, которые сопровождают трансформации изначального академического смысла, свойственного концептам. Так, «либерализм» и «либералы» как аутгруппа сопоставляются с агентами западного влияния, оказывающие деструктивное влияние на современное общество, прежде всего, с моральной точки зрения. «Консерваторы» с таких же позиций связываются с доминирующим религиозным сознанием, препятствующим рациональному мышлению. Неологизмы, языковая игра и обсценная лексика – одни из постоянных признаков, характерных для политических и квазиполитических (политизация изначально неполитических тем) дискуссий с использованием дихотомии «либерал – консерватор». Так, можно встретить

следующие модификации лексемы «либерал»: например, *либераст, либероид, либерда*. В данном случае, образ Другого / чужого конструируется на основе приписываний девиаций и перверсий аутгруппе.

Следует отметить, что дихотомия «либерал – консерватор» занимает особое место в эволюции политического сознания россиян, а также характеризует трансформации общественно-политической мысли в истории и современности. Как следствие, важно задействовать методологические ресурсы критической теории, которая способна определить идеологический уровень сознания, а также когнитивные теории, с помощью которых возможно выявить прототипические характеристики концепта «либерал» и «консерватор», т.н. лучших представителей данных категорий, определить особенности ментальных моделей «говорящих субъектов», построенных на противопоставлении: в частности, в терминологии Дж. Лакоффа соответствующие модели «строгий отец» и «заботливый родитель» [16].

Идентичность и как конструкт, и как прототип предполагает динамичность и контекстную обусловленность восприятия и самовосприятия субъекта. Концепт «идентичность» в проекции на междисциплинарную методологию позволяет задействовать другие категории, нуждающиеся в научной рефлексии: идеология, дискурс, власть; мышление, сознание, тело. Двойная рамка исследования (критическая и когнитивная) дает возможность обратиться к восприятию «говорящего субъекта» самого себя и других, увидеть способы идентификации, формирующие идентичность *извне*, являющиеся для человека как бы внешним вместилищем, которое он в разной степени способен интериоризировать; а также интерпретировать механизмы *изнутри*, определить особенности восприятия, свойственные индивиду как феноменологическому телу.

Философский уровень междисциплинарной методологии с учетом лингвистического поворота должен учитывать ресурсы современной лингвистики, которая имеет непосредственное отношение к сбору эмпирического материала (примеры словоупотреблений) и вариантам его обработки, которые можно адаптировать для общественных наук.

Пристатейный библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. – 334 с.
2. Васильева М. В. Репрезентация культурной идентичности в сети Интернет: дис. ... канд. философ. наук. – СПб., 2017. – С. 54.
3. Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу // Политическая лингвистика. – 2006. – № 19. – С. 107-116.
4. Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? / Пер. с англ. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр» / Кочергина Е. Н., Гритчина О. В., 2018. – 404 с.
5. Габибуллаева Н. Ф. Г. Концепт «идеология» и дискурс в рамках критического дискурсивного анали-

- за // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. – № 3 (32). – С. 237-240.
6. Гермашева Т. М. Виртуальная языковая личность в пространстве блог-дискурса // Вестник адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. – 2014. – № 2 (140). – С. 36-40.
 7. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 344 с.
 8. Джеймс У. Психология. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
 9. Козлов С. В. Социальный конструкционизм П. Бергера и Т. Лукмана о роли легитимации в социальном конструировании реальности // Modern Science. – 2020. – № 1-2. – С. 182-186.
 10. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга I: Разум вне машины / Пер. с англ. И. Б. Шапуновского. – М.: Гнозис, 2011. – 512 с.
 11. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: «Ювента» «Наука», 1999. – 122 с.
 12. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Е. Веттер. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с нем. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2017. – 356 с.
 13. Ходанович В. Н. Проблемы идеологии в философии франкфуртской школы // Современные проблемы и пути их решения в науке, производстве и образовании. – 2016. – № 1 – С. 102-110.
 14. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ./ Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
 15. Benwell B., Stokoe E. Discourse and identity. Edinburgh, 2006. – 328 p.
 16. Lafoff G. Don't think of an elephant! Know your values and frame the debate. – Chelsea Green Publishing. – 124 p.
 17. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of Intergroup Relations / Ed. by S. Worchel, W. Austin. – Chicago, 1986. – P. 7-24.

РАВОЧКИН Никита Николаевич

доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Лаборатории цифровой антропологии медицинских систем Сибирского государственного медицинского университета

МУЛЬТИТЕМПОРАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье представлен философский анализ мультитемпоральности современного мира. Репрезентирована проблема восприятия времени для интеллектуального поиска. Для раскрытия заявленной цели автор обращается к работам зарубежных классиков и современных мыслителей. Установлены векторы трансформации восприятия времени к актуальному состоянию мира. В заключение приводится перечень аспектов, раскрытие которых сложным образом формирует современную мультитемпоральность.

Ключевые слова: мультитемпоральность, общество, человек, время, память.

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, chief researcher of the Medical Systems Digital Anthropology Laboratory of the Siberian State Medical University

Равочкин Н. Н.

MODERN WORLD MULTITEMPORALITY: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The article presents a philosophical analysis of the multitemporality of the modern world. The problem of time perception for intellectual search is represented. To reveal the stated goal, the author refers to the works of foreign classics and modern thinkers. The vectors of transformation of the perception of time to the current state of the world are established. In conclusion, a list of aspects is given, the disclosure of which forms modern multitemporality in a complex way.

Keywords: multitemporality, society, person, time, memory.

Осмысление времени всегда привлекало внимание ведущих ученых, поскольку его восприятие всегда было неоднозначно: ни в синхроническом, ни в диахроническом аспектах. В истории заявленная проблема прошла длительный путь от полной статичности в период Античности до презентизма и мультитемпоральности Постмодерна. Трансформации в восприятии пространственно-временных категорий обусловлены глубинными социальными трансформациями. Так, усиление позиций христианства привело к становлению линейного времени, лишив его цикличности, а становление индустриального общества сопровождалось появлением измеряемого времени, причем определить то, что есть причина, а что – следствие (изменения в восприятии темпоральности привели к изменениям социальности или, наоборот, социальные изменения обусловили переосмысление временных категорий) в изменении социальности и темпоральности часто не представляется возможным.

В XXI столетии в научной литературе произошел так называемый «темпоральный поворот», который, как и многие другие противопоставления второй половины прошлого века, стал попыткой нового означивания «исторических режимов». Одной из версий объяснения трансформаций временных категорий стала категория мультитемпоральности, которая сегодня часто применяется и для интерпретаций метаморфоз социальности, но при этом все еще не обрело своей устойчивости в терминопотреблении. Принимая во внимание множественное функционирование определений в научных исследованиях и отсутствие единства в их понимании, особую актуальность приобретает исследование содержания понятия.

На сегодняшний день достаточно сложно сказать, кто именно стоял у истоков становления концепта «мультитемпоральность». Отдельные исследователи современности видят истоки множественности темпоральности в марксистской концепции, т. е. отдельные представления о мультитемпоральности сформировались в период индустриальных обществ, когда восприятие времени упорядочивалось социальностью. В частности, К. Маркс при характеристике современного ему немецкого общества подчеркивает анахроничность и несовременность его инструментов [2]. При этом

анахронизм понимается как ошибка отнесения к истории или же допущенная непосредственно в самой хронологии [4]. Возникает вопрос: по отношению к чему государственные инструменты немецкого общества являются анахронизмами? Как полагает В. Морфино, речь идет об истории Англии и Франции, значит, Маркс утверждает различное течение истории для отдельных государств, само «немецкое общество – анахронизм, его существование – симптом смещения исторических времен» [3, с. 143]. Очевидным становится, что «исторические события, действия и процессы не происходят в одном-единственном времени. Они принадлежат различным темпоральным парадигмам и рамкам – различным хронологиям, периодам, схемам и нарративам» [6, с. 99]. Само признание отличий исторического периода Германии от истории других государств стало основой понимания особого пути государства. Необходимо подчеркнуть, что К. Маркс наблюдает смещение времен лишь в Северной Европе. В классовую борьбу, выступающую ключевым пунктом марксистской теории, вовлечены не только буржуазия и пролетариат, но и фракции: промышленная буржуазия, финансовая аристократия, государственная бюрократия, армия, крестьяне, пролетариат, люмпены, организованная преступность. В эту же борьбу включаются политические партии, различные институты, СМИ, религиозные объединения и само государство. Все указанные акторы обладают собственными интересами, вступают в альянсы или в конфронтации, живут в коллективном воображаемом, где представлены дифференциации в восприятии времени, «принадлежащие традиции, и вспышки фантазии, принадлежащие мгновениям. В нем живут грезы, кошмары, призраки, тени, туманы, талисманы, привороты, фантазмагии, иллюзии, непонимания и обманы» [3, с. 147]. Эти темпоральности окружают и пронизывают силы, которые вступают в борьбу, и поскольку они могут поменять расклад сил, их последствия более чем реальны.

В целом, именно в немецкой философии сформировалась идея «die Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen», которую достаточно сложно перевести на другие языки мира. Здесь может пониматься «одновременность неодновременного», «синхронность несинхронного», «современность несовремен-

ного», которая была подхвачена немецкими философами и мыслителями [6, с. 103]. Идеи Маркса оказали огромное влияние на дальнейшее развитие рассматриваемой тематики в философии. Например, Э. Блох подчеркивает, что «не все люди существуют в одном и том же сейчас» [7]. По его мнению, существует «время буржуа», «время крестьян», «время молодежи», «время среднего класса» – более того, они ни в коей мере не будут являться рядоположенными друг другу, однако укорененными в самой объективной несовременности общества, поскольку само общество «не является одним гомогенным пространством, пропитанным единым временем, подобно некоему игровому полю, на котором разворачивается простое противоречие» [3, с. 158]. Для того чтобы понять общество и всю поливариантность социальных взаимодействий, необходимо расширить «текущее сейчас», усвоить мультитемпоральную и мультипространственную диалектику и помыслить историческое и социальное, значит, необходимо отойти от гомогенного времени как носителя одноименного значения [1]. Таким образом, перед современными мыслителями возникает непростая задача по преодолению сформировавшегося в индустриальном обществе разрыва между природным и социальным развитием для последующего соединения истории с природой.

Едва ли не наиболее полное своё воплощение концепция мультитемпоральности во второй половине прошлого столетия нашла в работах Р. Козеллека, провозгласившего необходимость проработки «теории исторических времен» [10]. Впоследствии теория множественности времен разрабатывалась К. Помяном, который утверждал необходимость учета «стратификации времен и истории» в процессах осмысления исторического и социального [11, р. 335]. Огромный вклад в формирование теории мультитемпоральности внесен Э. Зерубавелем, отстаивавшего идею многослойности исторического времени, в которой время прогресса сменяется множеством длительностей, ритмов и сюжетных линий, могущих принимать самые различные формы и заменяющих собой привычный образ стрелы (ветвящееся дерево, зигзаг, цепная схема) [12]. Постепенно сформировалось понимание того, что сформировавшаяся изначально под влиянием христианства, а затем – «денатурализации», разграничения истории природы и общества линейная концепция времени, связанная с верой в постоянный прогресс не способна объяснить все многообразие и вариативность развития истории и учесть особенности формирования различных национальных государств. Само универсальное представление о потоке времени как движении от начала к концу представляется упрощенным и не способным учитывать целый ряд иных не только лишь социальных факторов.

Соответственно, в философии уже в эпоху индустриального общества, в логике стрелы времени постепенно формировался подход к пониманию мультитемпоральности, распада стрелы бесчисленное множество временных потоков. Становление мультитемпоральности на данном этапе связано с формированием отдельных временных потоков для каждого актора, отдельных групп, каждая из которых обладает собственной памятью, собственным прошлым и будущим. То есть уже в логике временной стрелы осуществлялся переход к пониманию времени как «пульсирующей точке», что привело к становлению теории многослойного времени как полноценной замене идеям линейности и однонаправленности.

Огромный вклад в понимание отсутствия единства, универсальности времени в точных науках был внесен Эйнштейном. Ученый доказал, что время по-разному течет на горе и у ее подножия. Более того, у человечества не два времени, а гораздо больше. Эйнштейн обогатил физическую науку рядом уравнений, позволяющих описывать, каким образом времени собственное время одного явления развивается по отношению к собственному времени явлений других. Время, соответственно, не только ни едино, ни универсально, ни циклично, ни линейно, оно «разворачивается в целую паутину разных “времен”» [5]. Именно благодаря Эйнштейну время утратило свое единство в синхроническом аспекте. Не едино время и в аспекте диахроническом, т. е. в структуре «прошлое – настоящее – будущее», восприятие времени как стрелы, обращенной из прошлого в будущее, сформирован-

ное во многом под влиянием христианства с его осевым временем, также не столь неоспоримо. Л. Больцман сумел увидеть в стакане воды движение молекул, объяснив основные различия между теплым и холодным объектом. Принимая во внимание указанное положение, прошлое может лишь казаться более «упорядоченным», «холодным», чем будущее, которое определяется прошлым не в меньшей степени, чем настоящим. Разумеется, современная наука говорит о наличии причинно-следственных связей, но сами категории причины и следствия сегодня подвергаются переосмыслению, а при описании времени в микроскопических терминах провести демаркационные линии между прошлым и будущим весьма затруднительно: время конституирует себя как субъект истории исключительно путем создания истории вещей и слов [9, р. 369]. Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что само наличие прошлого и будущего, восприятие стрелы времени сегодня не столь общепризнано, что границы между прошлым, настоящим, будущим сегодня размыты, а восприятие прошлого и будущего во многом исходит из разницы ощущений людей и их фокусировке во взгляде на мир; временная форма, связывающая события, которые следуют одно за другим, не темпоральна, но, строго говоря, квазитемпоральна [8, р. 15]. Соответственно, как в философии, так и в точных науках говорят об отсутствии единства времени, о том, что время не едино не только в диахроническом, но и синхроническом аспектах, т. е. не едино для людей, проживающих сегодня, для людей, воспринимающих прошлое и будущее. Различение между настоящим, прошлым и будущим имеет не онтологическую, а социокультурную природу.

По итогу мы можем говорить о множественных прошлых и будущих относительно к множественности настоящих. В целом же расположить людей и их объединения в одном «слое времени» в принципе представляется невозможным. Мультитемпоральность – неотъемлемая характеристика не только современного мира, но и имманентно присутствует на более ранних этапах исторического развития вплоть до Античности. В заключение также бы хотелось подчеркнуть, что сегодня концепт мультитемпоральности не может полностью перечеркнуть и оставить в прошлом круг и линию, само понимание того, что временная стрела может распадаться на множество несвязанных между собой линий требует предположения того, что эта временная линия существует. Поэтому само дефинирование и осмысление мультитемпоральности следует осуществлять с учетом накопленного интеллектуального наследия и в обязательной привязке к эмпирическим контекстам для наглядной компаративистики.

Пристатейный библиографический список

1. Лоренц К. Вне времени? Критические размышления о презентизме Франсуа Артога // *Логос*. – 2021. – Т. 31. № 4. – С. 31-64
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 45. – М.: Политиздат, 1975. – 636 с.
3. Морфино В. Чесать марксистскую традицию против шерсти // *Логос*. – 2021. – Т. 31. № 4. – С. 137-170.
4. Рансьер Ж. Понятие анахронизма и истина историка // *Социология власти*. – 2016. – № 2. – С. 203-223.
5. Ровелли К. Срок времени. – М.: Corpus, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bookzip.ru/reader/4941/4/> (Дата обращения 07.07.2022)
6. Хельге Й. Множественное время и стратификация истории // *Логос*. – 2021. – Т. 31. № 4. – С. 95-118.
7. Bloch E. Non-contemporaneity and Obligation to its Dialectic // *Heritage of Our Times*. – L.: Polity Press, 1991. – P. 104-116.
8. Collingwood R.G. *The Idea of History*. – Oxford: Clarendon press, 1951. – 339 p.
9. Foucault M. *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. – L.: Tavistock, 1970. – 386 p.
10. Koselleck R. *Zeitschichten. Studien zur Historik*. – Fr.a.M.: Suhrkamp, 2003. – P. 150-177
11. Pomian K. *L'ordre du temps*. P.: Gallimard, 1984. – 384 p.
12. Zerubavel E. *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*. – Chicago: University of Chicago Press, 2003. – 430 p.

ТИМОФЕЕНКО Вероника Андреевна

кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и гуманитарно-правовых дисциплин Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

СЕРДЮКОВА Юлия Александровна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и гуманитарно-правовых дисциплин Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

САМОЙЛОВА Ирина Николаевна

кандидат философских наук, доцент, заместитель декана Юридического факультета Московского университета имени А. С. Грибоедова

ФИЛОСОФСКО-СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В представленной статье автор рассматривает философско-правовые современные особенности института уголовной ответственности несовершеннолетних, правовую природу, специальные нормы закрепления ответственности несовершеннолетних в российском уголовном законодательстве на современном этапе развития правоведения. В условиях системного анализа определено состояние и развитие преступности несовершеннолетних лиц в региональном аспекте. Исследование носит практический характер и заключается в возможности применения выделенных результатов в практическом поле деятельности педагогов и правоохранительных органов, с целью усовершенствования форм и методик работы с несовершеннолетними.

Ключевые слова: несовершеннолетний преступник, анализ, ответственность, философия права, общество, транзитивное государство.

TIMOFEENKO Veronika Andreevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Economics and humanitarian and legal disciplines sub-faculty of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State University of Economics (RINE)

SERDYUKOVA Yuliya Aleksandrovna

PhD in Law, associate professor, Head of Economics and humanitarian and legal disciplines sub-faculty of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State University of Economics (RINE)

SAMOYLOVA Irina Nikolaevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Deputy Dean of the Faculty of Law of the A. S. Griboedov Moscow University

PHILOSOPHICAL AND SOCIAL ANALYSIS OF THE IMPROVEMENT OF THE INSTITUTION OF CRIMINAL LIABILITY OF MINORS

In the presented article, the author considers the philosophical and legal modern features of the institution of criminal liability of minors, the legal nature, special norms for fixing the liability of minors in Russian criminal law at the present stage of development of jurisprudence. Under the conditions of system analysis, the state and development of juvenile delinquency in the regional aspect is determined. The study is of a practical nature and consists in the possibility of applying the highlighted results in the practical field of activity of teachers and law enforcement agencies.

Keywords: juvenile delinquent, analysis, responsibility, philosophy of law, society, transitive state.

На современном этапе эволюция и трансформация общества, социальных институтов, идеологической разрозненности и толерантности, проявляющейся в разном восприятии мировоззрения, действий в образе жизни и поведенческом аспекте сохраняют тенденцию определения новых путей развития в теории и практики правоведения и правоохранительной деятельности по предупреждению и профилактике преступлений несовершеннолетними лицами при достаточно криминогенной обстановке в регионах страны. Данная категория преступлений, как преступления совершенными несовершеннолетними лицами остаётся предметом пристального внимания со стороны органов власти, в лице его специально уполномоченных органов занимающихся правоохранительной деятельностью, которая включает в себя защиту прав и свобод человека и гражданина, охране прав и законных интересов общества, по борьбе с преступностью и другими правонарушениями, различных сообществ имеющих прямое, либо косвенное отношение к данной проблеме, а также своевременное оказание по мере необходимости квалифицированной юридической помо-

щи и обеспечению доступа к правосудию на региональном уровне.

Сегодня многие авторы, философы, правоведы, историки проводят исследования о причинах появления несовершеннолетних преступников, приводят множество философских подходов к восприятию действующего законодательства несовершеннолетними, кроме того, ученые согласны с тем, что нельзя исключать из практики устоявшуюся ретроспективу по данной правовой проблеме, но и многогранные научные разработки ученых современников в аспекте криминологии и уголовного права данную инициативу уравнивают и совершенствуют в своих научных работах с целью расширения и свойственно нашему времени модернизации практической типологии и классификации свойств личности несовершеннолетнего преступника руководствуясь законностью и справедливостью.

Обращение к опытным практикам и проведение мониторинга в разных регионах страны для изучения личности несовершеннолетнего преступника является одним из качественных правовых инструментов способных обеспечить

Таблица 1. Характерные особенности социально-психологических черт несовершеннолетнего преступника и причины возникновения

Типичные психологические черты личности несовершеннолетнего преступника	Характерные особенности психологических черт личности несовершеннолетнего преступника	Причины возникновения
Социальная деформация и дезадаптация	Нарушение взаимодействия личности, как индивидуума со средой, которое в целом определяет явную невозможность осуществления позитивной социальной роли	Нарушения происходят с обеих сторон: несовершеннолетнего преступника и самой среды
Плохое осознание, игнорирование принятых в обществе правил, отсутствие чувства ответственности за свои поступки	Нарушение индивидуумом принятых в обществе правил и норм социального взаимодействия, моральных и правовых норм, ограничений и запретов	Несформированность у личности несовершеннолетнего моральных и нравственных принципов, понимания и оценки собственного поведения (что плохо или что хорошо)
Ложно понимаемое стремление к самовыражению	Искаженное представление в противовес о социально одобряемых ценностях, таких, как смелость, дружба, солидарность, взаимовыручка и т.д.	Нарушение или отсутствие у личности психологического равновесия, невозможности адаптации к современному обществу, отсутствие самореализации и т.д.
Стремление к достижению любых потребностей любыми способами, в том числе противоправными	Внутреннее желание быстрого и незамедлительного собственного удовлетворения, которого не несет под собой оценочной деятельности со стороны индивида	Наличие крайнего индивидуализма личности определяет исполнять свои желание вопреки требованиям общества и действующих социальных норм. Акцентуированность отдельных черт характера
Новые впечатления, риски, сложные и трудновыполнимые ситуации и т.д.	Возникновение острой потребности в новых впечатлениях, которые в процессе реализации носят возбуждающий характер, яркий эмоциональный фон и наслаждение	Неблагоприятные и несвойственные социальным нормам условия нравственного формирования личности несовершеннолетнего, складывающиеся изначально в рамках института семьи, школы и т.д.
Обостренное чувство независимости, негативизм, отчуждение	Отсутствие всесторонней оценки жизненных обстоятельств, сниженная способность к прогнозу социальных (в том числе и правовых) последствий своих действий	Отсутствие чувства и роста самооценки и самокритичности. Снижение влияния родителей и повышения влияния сверстников, как ключевой референтной группы
Ограниченность круга интересов	Не желание ознакомления с источниками культурной информации, утрата интереса к учебе, неприятие требований образовательного учреждения и т.д.	Выбор предпочтения пассивно-потребительского досуга и негативных его форм проявления в тех или иных интересах. Сформированное типично беспорядочное и бесцельное времяпрепровождение
Агрессивность, жестокость, игнорирование потребностей и интересов окружающих	Сниженная способность к сопереживанию, чуткости, понимания,	Нарушения в эмоциональной сфере, безответственность родителей, отсутствие семейного воспитания, влияние Медиа, взаимоотношения с неустойчивой и грубой группой сверстников и т.д.

целом систему права и правопедания необходимыми результатами в отношении личности несовершеннолетнего.

Аккумулируя понятиями и особенностями правоохранительной деятельности с учетом периодичности и статуса его развития в ретроспективе и на сегодня является возможным говорить о том, что правовая и социальная обусловленность института уголовной ответственности несовершеннолетних является правовой категорией, как правопедания, так и правоохранительной деятельности в основеобщих, фундаментальных правовых понятий, являющиеся наивысшим пределом научного обобщения в данных областях теории и практики.

В Таблице 2-3 представим с 01.01.2020 по 31.10.2020 (период пандемии) следующие показатели: число несовершеннолетних лиц, совершивших преступления; социально-криминологическая характеристика совершенных преступлений несовершеннолетними лицами или при их соучастии; удельный вес от общего числа преступлений и расследованных преступлений с квалификацией на тяжкие и особой тяжкие преступления, а также регионы РФ с наибольшим удельным весом несовершеннолетних, совершивших преступления от общего числа выявленных лиц (Таблица 3):

Несмотря на отсутствие глобального роста преступлений несовершеннолетними за анализируемый период, считаем необходимым определить свойственное современному социуму применение комплексных подходов в систематической взаимосвязи с дифференцированными подходами в практической деятельности правоохранительных органов власти и иных структурных подразделений, учреждений способных обеспечить их разработку и внедрение в процессе практикоприменения.

Следовательно, если активизировать процесс внедрения новых подходов профилактики правонарушений, то существует реальная возможность создать более совершенный механизм в основе специальных диагностических, регулятивных, контролируемых и иных мер; разработки государственных и региональных программ; вовлечение IT-технологий и IT-возможностей цифровизации, искусственного интеллекта в правовое и социальное поле профилактики преступлений несовершеннолетними, тем самым давая предпосылки для снижения бремени проблем института уголовной ответственности несовершеннолетних.

Правовая и социальная обусловленность института уголовной ответственности несовершеннолетних лиц, как

Таблица 2. Показатель совершивших преступления несовершеннолетних лиц с 01.01.2020 по 31.10.2020 года*

С 01.01.2020 по 31.10.2020 год (год пандемии)	Всего	+, -в %	Уд. вес в общ. числе выявл. лиц от 100%
Выявлено лиц, совершивших преступления всего, из них:	717638	-3,9	100
- несовершеннолетние лица	27156	-11,2	3,8

* Составлено автором исследования в основе анализа специальных официальных источников. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/21933965/> (дата обращения: 20-22 апреля, 2021 г.).

Таблица 3. Социально-криминологическая характеристика несовершеннолетних*

Преступление совершены			Уд. вес от расследованных прест., %	В том числе тяжкие и особо тяжкие		
				Всего	+, -в %	Уд. вес от 1 гр. %
- несовершеннолетними или при их соучастии	30095	-9,0	3,5	8014	-1,1	26,6

* Составлено автором исследования в основе анализа специальных официальных источников. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/21933965/> (дата обращения: 20-22 апреля, 2021 г.).

Таблица 4. Сводные данные с наибольшим удельным весом (%) несовершеннолетних лиц, совершивших преступления за период 01.01.2020 по 31.10.2020 г. по регионам РФ*

Рег. РФ	с 01.01.2020 по 31.10.2020									
	Республика Тыва	Новгородская обл.	Новосибирская обл.	Кемеровская обл.	Забайкальский край	Челябинская обл.	Иркутская обл.	Вологодская обл.	Амурская обл.	Республика Карелия
Уд. вес (%)	6,9	6,5	6,4	6,2	6,2	5,7	5,6	5,5	5,5	5,4

* Составлено автором исследования в основе анализа специальных официальных источников. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/21933965/> (дата обращения: 20-22 апреля, 2021 г.).

правовой категории в правоправедении и правоохранительной деятельности вызвана тенденцией, характеристикой и состоянием преступности; криминогенной обстановкой в данной категории; необходимостью охраны прав и свобод несовершеннолетнего; обеспечение общественного порядка, безопасности общества и государства в аспекте реализации института уголовной ответственности несовершеннолетних; предупреждение и пресечение правонарушений несовершеннолетними, применение мер государственного принуждения к лицам, виновным в их совершении.

Обобщая правовую и социальную обусловленность института уголовной ответственности несовершеннолетних, как категории правоправедения и правоохранительной деятельности можно выделить следующие признаки, которые наиболее значимы в рамках проблемы настоящего исследования и с учетом субъективной позиции автора:

– указанные категории обеспечивают фундаментальное сходство и различие в понятиях, как в области правоправедения, так и правоохранительной деятельности;

– обеспечивают системное видение юридических явлений в институте уголовной ответственности несовершеннолетнего, как с позиции правоправедения, так в условиях правоохранительной деятельности;

– выступают правовыми и социальными ценностями в аспекте регулирования института уголовной ответственности несовершеннолетних сквозь призму уголовного и иного законодательства, возможных социальных программ, проектов и иных направлений, призванных обеспечивать надлежащее исполнение института уголовной ответственности несовершеннолетних по российскому законодательству.

Проанализированные научные суждения и позиции ученых юристов, правоправедов, криминалистов и их научное

обоснование в рамках уголовного права не носят исчерпывающий характер, а определяют необходимость дальнейшего изучения и анализа личности несовершеннолетнего в социальном, правовом, педагогическом и психологическом аспекте.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс этики и служебного поведения профессорско-преподавательского состава сотрудников федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rsue.ru/prepodavatelyam/dokumenty/kodeks_etiki.pdf
2. Абдулаева М.И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений // Под ред. М.И. Абдулаева. М.: «Магистр-Пресс», 2012.
3. Горбатова М.К., Домнина А.В. Теоретические подходы к содержанию профессионального правосознания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 2 (1). С. 235.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-525-526

ФРОЛОВА Ирина Васильевна

доктор философских наук, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

ФРОЛОВ Константин Андреевич

аспирант Факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

В статье с позиции социальной философии анализируются понятие и феномен эмоционального поворота, которым характеризуется современная социально-гуманитарная наука. На примере лингвистики рассматриваются основные характеристики этого процесса, подчеркивается их культурная специфика, связь с коммуникативными практиками.

Ключевые слова: эмоциональный поворот, социально-гуманитарная наука, современная лингвистика, психологизация знания.

FROLOVA Irina Vasiljevna

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Russian history, historiography and source studies sub-faculty of the Institute of History and State Management of the Bashkir State University

FROLOV Konstantin Andreevich

postgraduate student of the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples' Friendship University of Russia

EMOTIONAL TURN IN MODERN LINGUISTICS: PHILOSOPHICAL REFLECTION

The article analyzes the concept and phenomenon of emotional turn, which characterizes modern social and humanitarian science, from the position of social philosophy. Using the example of linguistics, the main characteristics of this process are considered, their cultural specificity and connection with communicative practices are emphasized.

Keywords: emotional turn, social and humanitarian science, modern linguistics, psychologization of knowledge.

Становящиеся сегодня все более востребованными теории эмоционального интеллекта свидетельствуют о том, что обмен эмоциями, выступающий как часть повседневного общения и профессионального взаимодействия, помогает эффективной коммуникации. В этой связи вопрос о взаимосвязи языка и эмоций имеет полное право выступать в качестве предмета научного поиска. Если логический позитивизм определял в качестве первостепенной задачи стремление к ясности, адекватную передачу содержания сообщения, то сегодня востребованным становится и корректное понимание эмоций.

Этим обстоятельством определяется распространение в разных сферах социально-гуманитарного знания такого исследовательского фокуса, который получил название «эмоциональный поворот». Становится очевидным, что эмоциональная составляющая является важным компонентом познания человека и общества, в том числе – в историко-ретроспективном аспекте. В зарубежной историографии, отмечает А. Ю. Рожков со ссылкой на труды М. Стейнберга, Б. Розвейна, С. Китаяса, Д. Мацумато, уже достаточно хорошо разработан тезаурус эмоциональной истории. К числу основных терминов, используемых исследователями, относятся так понятия, как «эмотив», «эмоциональный репертуар», «эмоциональное кодирование», «эмоциональное сообщество», «эмоциональный режим», «эмоциональное страдание» и др. В частности, речевой акт, призванный выражать эмоцию, получил название эмотива; обобщенный набор эмоций, характеризующий включенность индивида в социальную группу в конкретный период истории – эмоционального репертуара (реестра). Аутентификация в определенных фреймах тех поведенческих и эмоциональных установок и практик,

которые свойственны данной социальной группе, является своего рода эмоциональным кодированием [3, с. 101-106]. Социальные группы, имеющие особое эмоциональное кодирование, определенный эмоциональный репертуар, специфические поведенческие нормы, принято называть эмоциональным сообществом. И, наконец, набор нормативных официальных ритуалов и практик, сопровождающих их эмоций и связанных с ними эмотивов, которые поддерживают наличный политический режим, находят выражение в понятии эмоциональный режим. Необходимость людей жестко ограничивать собственные чувства и переживания под давлением репрессивного режима, постоянный контроль над эмоциональной сферой приводит индивидов к эмоциональным страданиям [3, с. 103].

В лингвистике также наблюдаются черты эмоционального поворота, что характеризует современный тренд ее развития. Если в прошлом столетии лингвисты изучали преимущественно референциальную функцию языка и лингвистического кода, то сегодня на повестку дня выходит проблема связи языка с эмоциями, его зависимость от эмоционального состояния и эмоциональной культуры человека, и общества. Уже в конце XX века лингвисты констатировали тот факт, что язык – это гораздо больше, чем просто код, совокупность правил грамматики, морфологии и фонетики. Действительно, язык представляет собой систему, прагматические, познавательные, и, конечно же, эмоциональные аспекты которой выходят за пределы классической лингвистики. Более того, исследователи стали поднимать вопрос об эмоциональной заряженности каждого слова, влияющей на его способность воздействовать на адресата. Показательно, что в недалеком прошлом эмоциональное содержание слов не всегда и не в полном объеме принималось во внимание

даже в лексикографических исследованиях, на основе которых осуществляется подготовка словарей.

В то же время, современная социально-гуманитарная наука до сих пор не имеет в своем арсенале четко сформулированного понятия «эмоция». И это не удивительно, ведь психологи, социологи, антропологи, лингвисты, историки, а также представители других отраслей знания предлагают собственные ответы на этот вопрос, используя свой инструментарий. Например, лингвисты-когнитологи, осуществляя рефлексию роли эмоций в языке, применяют данные, полученные их коллегами-психологами. В то же время, нельзя забывать о том, что существует физиологическая основа эмоций, объясняющая апелляцию когнитивной лингвистики к исследованиям физиологов. Еще одна дискуссионная проблема – соотношение в эмоциональной составляющей языка универсальных и уникальных характеристик. Л. Альба-Хуэс и Т. В. Ларина подчеркивают, что можно выделить универсальные функции просодий, которые связаны с дискурсивно-прагматической организацией коммуникации и эмоциональной передачей отношения говорящего [1, с. 20]. Очевидно, что каждый человек способен испытывать эмоции, и это никак не обусловлено его этничностью и языковой принадлежностью.

Тем не менее, исследования по лексике эмоций демонстрируют наличие культурной специфики в категориях, используемых для описания эмоций. В качестве иллюстрации приведем небольшой сравнительно-сопоставительный кейс на примере английского и русского языков. Для существующих в английском языке слов *sad* (грустный) и *sadness* (грусть) не имеется абсолютных совпадений в русском языке. В последнем существуют три слова, фиксирующие разные оттенки этого состояния - грусть, печаль, тоска, - но при этом характеризующиеся разной степенью интенсивности и продолжительности [2]. Иначе говоря, то, как эмоции проявляются, уровень их экспрессивности, их направленность, прагматика и функции обусловлены как культурными, так и групповыми особенностями. Эта специфика отражается в языке, фиксируется в дискурсе, формирует коммуникативные этностили [5, с. 195-215].

Внутри одной культуры мы тоже сталкиваемся с разными системами дискурса, когда отдельная группа демонстрирует определенные правила проявления эмоций. В ряде культурах декларируется и поощряется непосредственное выражение эмоций, другие, призывают к эмоциональному самоконтролю и самоограничению. Неслучайно исследователи призывают проводить различие между эмоциональной коммуникацией, представляющей собой непосредственное проявление внутренних эмоциональных состояний, и эмотивную коммуникацию, обусловленную сознательным проявлением эмоций для целей эффективной коммуникации [5, с. 195-215]. Эмоциональная коммуникация в повседневном взаимодействии свойственна российской традиции, постулирующей ориентацию на искренность, а эмотивная коммуникация характерна для английской культуры, где она позиционируется как позитивная вежливость. Когда на первый план выходит эмотивная коммуникация, отмечают исследователи, возникает ситуация опосредованной коммуникации, ставящая всех участников в равное положение.

Возвращаясь к вопросу о попытке сформулировать общее для социально-гуманитарного дискурса определение эмоций, обратимся к методологии М. Шварц-Фризель. Она выделяет три главных характеристики эмоций как психических состояний, включающих оценку (положительную

или отрицательную), продолжительность, интенсивность (слабая, сильная, средняя). Иными словами, эмоция является сложной многоуровневой системой взаимодействий, выполняющей прежде всего функцию оценки [6, с. 157-173]. Именно эта функция и является маркером, который выделяют представители разных сфер социально-гуманитарного знания, осуществляющие попытки выявить качественные характеристики этого понятия и феномена. Вышесказанное позволяет констатировать тот факт, что исследование эмоций входит в предметную область лингвистики, но требует изучения не только в фокусе дискурсивного анализа и прагматики. Будучи неразрывно связаны с межличностными отношениями, эмотивные значения должны рассматриваться в неразрывной связи с языковым, социальным, культурным фоном и контекстом.

Вышесказанное позволяет констатировать своего рода «психологизацию» социально-гуманитарного знания как такового [4, с. 105-130]. Не только в истории и лингвистике, но и в такой «позитивной» науке как социология, наблюдается «эмоционализация» или «эмоциональный поворот». Он характеризуется интересом, с одной стороны, к эмоциональному измерению социальных явлений, и к социальной природе эмоциональных состояний – с другой. Сегодня психологи апеллируют к социологическим исследованиям эмоций, считая это продуктивным, а социологи постигают социальные структуры и социальные действия с учетом эмоционального измерения. Задача философии – рефлексировать эти процессы, понимая их взаимозависимость и взаимосвязь.

Пристатейный библиографический список

1. Альба-Хуэс Л., Ларина Т. В. Язык и эмоции: дискурсивно-прагматический подход // Вестник РУДН. Серия: лингвистика. - 2018. - № 1. - С. 20.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культуры через посредство лексики и прагматики. - М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Рожков А. Ю. «Эмоциональный поворот» в исторической науке: основные понятия и подходы // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. - 2014. - № 3-4. - С. 101-106.
4. Симонова О. А. «Эмоциональный поворот» в социологии: развитие теории и отдельных исследовательских областей. (аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. - 2016. - № 3. - С. 105-130.
5. Larina Tatiana (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // In International Review of Pragmatics. - Vol. 7 (5). Special Issue: Communicative Styles and Genres, P. 2015. - P. 195-215.
6. Schwarz-Friesel, Monika. Language and emotion. The cognitive linguistic perspective. In Emotion in Language. U. Lüdke (ed.). - Amsterdam, John Benjamins. - P. 157-173.

ДИАРОВ Виталий Олегович

соискатель кафедры философии и политологии факультета Философии и социологии Башкирского государственного университета

ОНТОЛОГИЯ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ГНОСЕОЛОГИИ

Эволюционная гносеология – это натуралистическая гносеология, которая подчеркивает роль естественного отбора и состоит из двух основных функций. В первой функции отбор создает и поддерживает надежность наших сенсорных и когнитивных механизмов и “соответствие” между ними и миром. Во второй функции в качестве процесса отбора признается обучение методом проб и ошибок и разработка научных теорий. Важнейшие аспекты эпистемологии, ее суть, онтология гносеологии – раскрывается и анализируется в данной работе.

Ключевые слова: онтология, философия, эволюция, гносеология, эпистемология.

DIAROV Vitaliy Olegovich

competitor of Philosophy and political sciences sub-faculty of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

ONTOLOGY OF EVOLUTIONARY EPISTEMOLOGY

Evolutionary epistemology is a naturalistic epistemology that emphasizes the role of natural selection and consists of two main functions. In the first function, selection creates and maintains the reliability of our sensory and cognitive mechanisms and the “correspondence” between them and the world. The second function recognizes trial and error learning and the development of scientific theories as a selection process. The most important aspects of epistemology, its essence, as well as ontology and epistemology are revealed and analyzed in this work.

Keywords: ontology, philosophy, evolution, determination, epistemology.

Актуальность темы исследования находит обоснование в гносеологическом анализе эволюции и эволюционных подходов, связанных с онтологией, и их диалектическое рассмотрение в данном труде. И в исследовании возможных вариаций эволюции в аспектах эпистемологии, анализе явлений, которые в целом в состоянии оценить в виде противоречивых и непоследовательных. Объектом исследования выбрана онтология гносеологии эволюции, эпистемология эволюции, механизм исследования посредством онтологического подхода – диалектики. Рассматриваются диалектические противоречия эволюции эпистемологии, возможные связи и аспекты.

Традиционная эпистемология берет свое начало от Платона и скептиков древности. Отчасти это связано с озабоченностью Платона проблемой различения знания и истинной веры. Его решение заключалось в том, что знание отличается от истинной веры, потому что оно оправдывается. Старые скептики жаловались, что все подобные попытки рассуждений глубоко ошибочны. Второе направление – реконструировать человеческое знание и показать, как его различные части структурно взаимозависимы. Проект представил эмпирическую и рациональную версию современного знания Декарта, которая является одновременно фундаментальной и последовательной. Эти две части объединены общей темой. Именно связь между разумом и доказательствами соединяет реконструкцию человеческого знания, позволяя нам различать знания и истинные убеждения.

Традиционные подходы основаны на предположении, что на эпистемологические вопросы можно ответить, не предполагая конкретного знания. Идея заключается в том, что такой подход естественным образом порождает вопросы. Такой подход можно назвать «трансцендентальным».

Революция Дарвина в 19 веке предложила альтернативный подход, впервые рассмотренный Дьюи и прагматиками. Человек – продукт эволюции и естественное существо. Их когнитивные и религиозные способности также являются результатом естественной эволюции. Поэтому разумно предположить, что знание как естественная деятельность должно изучаться и анализироваться в соответствии с его статусом,

Диаров В. О.

т.е. в соответствии с научным методом. В этом смысле не существует строгого разделения труда между наукой и эпистемологией. В частности, результаты специальных наук, таких как эволюционная биология и психология, не считаются нерелевантными для априорных эпистемологических вопросов. Такой подход часто называют натуралистической эпистемологией, независимо от того, мотивирован ли он явно эволюционными соображениями или нет. Подходы, которые явно мотивированы эволюцией и утверждают, что развитие знаний соответствует биологическим моделям развития, называются «эволюционной эпистемологией».

Эволюционная эпистемология стремится ответить на вопросы о теориях познания с эволюционной точки зрения. Эволюционная эпистемология использует модели и метафоры, взятые из эволюционной биологии, для описания и решения вопросов, возникающих в связи с изменениями в эпистемологии и концепциях. Модели будут обмениваться и разрабатываться совместно. Таким образом, эволюционная эпистемология стремится понять, как происходит биологическая эволюция, и объяснить ее с помощью моделей, которые вытекают из понимания концептуальных изменений и теоретического развития». Термин «эволюционная эпистемология» был введен Дональдом Кэмпбеллом. [4, с. 13].

Существуют две родственные, но разные программы, называемые «эволюционной эпистемологией»: первая посвящена эволюции когнитивных механизмов у животных и человека. Это просто расширение биологической эволюционной теории для включения аспектов и особенностей животных, которые формируют биологическую основу когнитивной деятельности, таких как мозг, сенсорные системы и двигательные системы. Вторая программа направлена на объяснение эволюции идей, научных теорий, эпистемологических норм и культуры в целом, используя модели и метафоры из эволюционной биологии. Обе программы основаны на биологии и социальной философии XIX века и трудах Дарвина, Спенсера, Джеймса и других. За прошедшие годы было предпринято несколько попыток разработать такие программы. Большая часть современной эволюционной

эпистемологии основана на работах Конрада Лоренца До-нальда Кэмпбелла, Карла Поппера и Стивена Тулмина.

ЕЕМ – это программа, которая стремится объяснить эволюцию когнитивных структур в эволюционных терминах, в то время как ЕЕТ стремится проанализировать эволюцию человеческого познания и когнитивных норм в связи с биологическими аспектами. Некоторые из этих экспериментов анализируют рост человеческого познания на основе моделей выбора и метафор. Они также признают биологическую обоснованность эпистемологических и методологических норм, но избегают селекционистских моделей когнитивного роста человека.

ЕЕМ и ЕЕТ являются родственными, но разными: Сама по себе ЭМ успешно объясняет развитие когнитивных структур в мозге, но экстраполяция этой модели не дает основы для понимания развития когнитивной системы человека. Аналогично, использование TSE просто для обоснования селективного объяснения эволюции когнитивной системы человека не дает основания утверждать, что эволюция когнитивных способностей была вызвана естественным отбором для специфических или общих структур мозга, которые привели к эволюции когнитивных способностей. Эти две программы структурно похожи и основаны на одних и тех же моделях и метафорах, но они не совместимы и не работают вместе. [3, с. 15].

Развитие в биологии включает в себя как онтогенез, так и филогенез. Таким образом, развитие признака, например, обратимост большого пальца человека, можно рассматривать как с точки зрения развития этого признака у отдельных организмов (онтогенез), так и с точки зрения развития этого признака в человеческих линиях (филогенез). [2, с. 11].

Развитие знаний и когнитивных механизмов демонстрирует параллельные различия. Мы можем рассматривать рост знаний и когнитивных норм в индивидуумах или мозге (онтогенез), или рост знаний и когнитивных норм в поколениях индивидуумов, или эволюцию мозга в человеческих семьях (филогенез) Различие ЕЕМ/ЕЕТ выходит за рамки этого различия, например, к онтогенезу или филогенезу мозга. развитие, или даже онтогенез или филогенез норм и знаний. Согласно современной ортодоксии, биологические процессы онтогенеза отличаются от селективных процессов филогенеза, поэтому можно считать, что эволюционная эпистемология отражает это различие. Интересно, однако, что в большинстве случаев это не так. Например, «нейро-дарвиновская теория», предложенная Эдельманом Чен Ге, предлагает селекционистское объяснение онтогенеза нейронных структур в мозге. Известным примером селекционистского подхода, применимого как к онтогенетической эволюции индивидуального знания, так и к межпоколенной (филогенетической) эволюции научного знания, является модель гипотез и отрицаний Карла Поппера в эволюции человеческого знания Ф. Скиннера. Онтология индивидуального поведения Скиннера явно основана на дарвиновской модели отбора.

Третье различие касается описательного и нормативно-го подходов к эволюции человеческого познания и знания. Традиционно эпистемология понимается как нормативный проект, направленный на объяснение и защиту таких понятий, как знание, основания, доказательства и рассуждения; многие утверждают, что ни программы ЕЕМ, ни ЕЕТ не имеют ничего общего с эпистемологией в правильном (т.е. традиционном) смысле. Этот аргумент основан на том, что правильная эпистемология является нормативной дисциплиной, тогда как курсы ЕЕМ и ЕЕТ имеют дело с каузальными и генетическими (т.е. описательными) моделями развития когнитивных способностей и систем знаний. Утверждается, что такие модели не могут внести существенный вклад в нормативную эпистемологию. Сила этого аргумента зависит от того, как рассматривать отношения между эволюционной эпистемологией и традицией.

Существует три возможных конфигурации отношений между дескриптивной и традиционной эпистемологией. Дескриптивная эпистемология может рассматриваться как аналог традиционной нормативной эпистемологии. С этой точки зрения, оба пытаются решить одни и те же проблемы и предлагают конкурирующие решения, и это мнение поддерживает Ридд. Распространенное возражение против такого подхода состоит в том, что дескриптивный учет может

неадекватно учитывать нормативные элементы нормативной методологии. Степень вклада эволюционных подходов в решение традиционных эпистемологических и философских проблем зависит от выбранного подхода. Дескриптивная эпистемология может рассматриваться как преемница традиционной эпистемологии. Согласно этой интерпретации, дескриптивная эпистемология не занимается проблемами традиционной эпистемологии, рассматривая их как нерелевантные, не имеющие ответа и неинтересные. Дескриптивная эпистемология рассматривается как дополнение к традиционной эпистемологии, видимо, это мнение Кэмпбелла. Согласно этому анализу, задача эволюционного подхода – дать описательный рассказ о механизмах познания, оставив нормативные аспекты эпистемологии более традиционным подходам. Там, где эволюционный анализ проявляет себя наилучшим образом, он помогает устранить подходы, которые не соответствуют норме [1, с. 8].

Полный описательный рассказ об истине и легитимности требует теории значения. Если символ не имеет значения, он не может быть истинным или ложным. Установление смысла обоснованного утверждения также объясняет теорию обоснования. Именно обоснование делает обоснованное утверждение истинным. Если значение является конвенцией, то развитие значения является шагом в развитии конвенции.

Skirmms представляет эволюционную интерпретацию модели рационального выбора Дэвида Льюиса о значимом соглашении. Скимс показывает, что сильный отбор происходит в смешанных популяциях и что можно продомострировать, что все стратегии – кооперативные, антикооперативные и некооперативные – которые являются частью «сигнальной системы», были сформированы. Примечательно, что структура этой модели и процесс отбора, в ходе которого возникают и укореняются сигнальные конвенции, во многом совпадают с эволюцией смысла, описанной Рут Милликан.

Результаты анализа показывают, что одна из этих двух сигнальных стратегий доминирует почти во всех исходных распределениях популяций. Ситуация усложняется в случае более реалистичных эволюционных преимуществ, например, когда передающий ген несет биологические потери, а не автоматически разделяет преимущества, которые получает потомок в результате экологического поведения. Однако и в этом случае доминирование сигнальной системы представляется наиболее перспективным направлением развития. В итоге можно подвести итог, что те методы – системный и диалектический, который мы выбрали в данном исследовании, проявили себя максимально эффективно и логично в данном контексте, в конкретных условиях. Они обосновали основную мысль нашей работы, доказали актуальность эпистемологии, актуальность анализа через этот философский подход, и привели конкретные доводы, о том, что мы можем теоретически моделировать различные ситуативные выборы в предмете эволюции и биофилософии.

Пристайный библиографический список

1. Касавин И. Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология и философия науки. – 2008. – № 1. – С. 13.
2. Кудряшев А. Ф. Уровни бытия в философском учении Фихте // Фихте и конец XX века: «Я» и «Не-Я». – Уфа, 2002. – 351 с.
3. Шноль С. Э. Хватает ли времени для дарвиновской эволюции? // Природа. – 1990. – № 11. – С. 23-26.
4. Кудрин Б. И. Метафизика техники // Техноценоз как наличное бытие и наука о технической реальности. – Абакан, 1998. – С. 12-15.
5. Докинз Р. Самое грандиозное шоу на Земле. Доказательство эволюции. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – С. 10-13.
6. Scott M. Campbell and Paul W. Bruno The Science, Politics, and Ontology of Life-Philosophy. – London: Bloomsbury, 2013. – P. 224.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-529-530

СЕРЁГИН Алексей Анатольевич

аспирант кафедры комплекса гуманитарных дисциплин (субъект-субъектные отношения) (выпускающая кафедра) Российского государственного социального университета; Редактор Главной редакции информационно-аналитических программ «Телекомпании НТВ»

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЛИДАРНОСТИ И КОНФЛИКТА

В статье подробно описаны наиболее важные принципы экзистенциальной философии, такие как свобода, пограничный опыт, сущность и существование, приведены причины и условия возникновения экзистенциализма, показаны основные ошибки и заблуждения в понимании и осмыслении экзистенциальной мысли. Объяснены отличия между религиозной и атеистической экзистенциальными идеями, дано осмысление понятий солидарности и конфликта в рамках экзистенциальной философии.

Ключевые слова: экзистенция, экзистенциальная философия, конфликт, солидарность, атеистический и религиозный экзистенциализм.

SEREGIN Aleksey Anatoljevich

postgraduate student of Complex humanities (subject-subject relations) (graduate department) sub-faculty of the Russian State Social University; Editor of the main editorial office of information and analytical programs of NTV TV Company

THE EXISTENTIAL PHILOSOPHY OF SOLIDARITY AND CONFLICT

The article describes in details the most important principles of existential philosophy, such as freedom, borderline experience, essence and existence, the reasons and conditions for the emergence of existentialism, shows the main errors and misconceptions in understanding and comprehending existential thought. The differences between religious and atheistic existential ideas are explained, the concepts of solidarity and conflict are interpreted within the framework of existential philosophy.

Keywords: existence, existential philosophy, conflict, solidarity, atheistic and religious existentialism.

Серёгин А. А.

Термин экзистенциализм – это некий стереотип, всем привычное клише, которое принято использовать в любой уместной, а чаще не очень ситуации. Так, например, широкое использование слово «экзистенциализм» в последнее время получило в официальных средствах массовой информации. Современные медиа в любом подходящем, по их мнению, случае используют прилагательное «экзистенциальный», зачастую не вникая в то, какой глубокий смысл вкладывали в это понятие такие философы как Бубер, Розенцвейг, Ясперс, Марсель, Бердяев, Шестов, Хайдеггер, Камю, Сартр, и другие.

Стоит отметить, что только Жан Поль Сартр называл себя экзистенциалистом в нескольких своих работах середины прошлого столетия. Остальные представители данного течения практически не именуют себя таковыми. Учитывая вышесказанное в данной статье, будет использоваться также термин «экзистенциальная философия» – он обеспечивает более широкую позицию для осмысления вопроса, не заикляясь на шаблоне понятийного аппарата, стандартного набора философских формул и экзистенциального словаря.

Мы часто сталкиваемся с понятиями: экзистенциальный кризис, экзистенциальная пустота, упадок, расстройство, вакуум. Отождествляем экзистенциализм с внутренним состоянием грусти, тоски, печали и уныния, т.е. воспринимаем его как некую философию пессимизма. Но на самом деле экзистенциализм – это философия свободы.

Источником экзистенциальной мысли стал интеллектуальный и духовный кризис в европейской культуре XIX века. Уходит религиозное понимание мира, оно уже не способно выполнять свою главную функцию – объяснять мир. Человек остаётся один на один с этим миром, в котором уже нет самого главного – смысла. «Экзистенциальная философия акцентирует свое внимание на уникальности бытия человека, на идее преодоления (а не раскрытия) человеком собственной сущности, а также подчеркивает глубину эмоциональной природы [5, с. 94].

Понятие «экзистенция» можно определить как внутреннее бытие человека, которое скрыто от него. Апофатически

экзистенция – это не душа, не разум и не чувства. Явить себя человеку экзистенция может в обстоятельствах наивысшего выбора. Ясперс определял такое состояние как пограничный опыт, т.е. как ситуацию выбора между равно значимыми для человека предельными ценностями, например, ценностью его жизни и жизни близкого ему человека, или выбор между жизнью и честью.

Замечательным примером пограничного опыта может послужить известная повесть о том, как Бог испытывал Авраама которую описывает Кьеркегор в своём произведении «Страх и трепет»: «И Господь испытывал Авраама и сказал ему: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойдь в землю Мориа, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе» [3, с. 5]. Общий смысл легенды состоит в том, что Авраам выдержал испытание, данное ему Богом, сохранил веру и снова обрёл сына.

Стоит особо подчеркнуть, что ситуация предельного выбора не имеет рационального решения. Это объясняется тем, что в первые этапы своего становления экзистенциализм был тесно связан с религией и конкретно христианством. Философия экзистенциализма – это философия свободы и веры в уникальность и независимость человеческого индивида.

Говоря о конфликте, следует обозначить несколько ключевых особенностей, касаемых его природы. Во-первых, конфликт – это сугубо социальное явление и его регулирование осуществляется путём применения нормы права [8]. Во-вторых, участники конфликта обладают меняющимися ресурсами, что ведет к постоянной смене диспозиций. И последнее, изучать конфликт необходимо опираясь на закон «единства и борьбы противоположностей». Таким образом:

1. конфликт – обратная сторона солидарности;
2. конфликт неизбежен и всегда есть основания для его обострения;
3. конфликт может быть продуктивным и вести к продолжению сотрудничества;
4. конфликт может привести к полному уничтожению одной из сторон.

XX век – век двух мировых войн, двух жесточайших конфликтов в современной истории человечества. Первая мировая война приводит к кризису рационального человека, к разочарованию самой идеи человека. Она показывает, что разумный человек использует оружие массового поражения, применяет химические атаки и строит концентрационные лагеря. Но вторая мировая ставит под вопрос сам мир. После неё любая культура всего лишь мусор, пишет в «Негативной диалектике» немецкий философ Теодор Арно: «... а можно ли после Освенцима жить дальше; можно ли действительно позволить это тем, кто случайно избежал смерти, но по справедливости должен стать одним из тех, убитых. <...> В награду за содеянное этого человека посещают мечты о том, что он не живет, а умер в газовой камере в 1944 году; и все его существование сводится, в конечном счете, к химере, эманации безумного желания человека, убитого двадцать лет тому назад» [1, с. 453].

XX век погружает нас в идею, что человек, как индивид независимый и свободный, на самом деле таковым не является. В этом контексте будет уместно вспомнить Маркса, который показывает, что человек не источник себя, он не сам по себе. Существует сфера социально-экономических отношений, которые предопределяют любого индивидуального человека и реализуют себя через него. Фрейд говорит, что «сознательное» – лишь небольшая часть нашей психики в огромном потоке бессознательного, который предопределяет нас. Суть фрейдистского детерминизма состоит в том, что мы обусловлены нашими комплексами, нашей генетикой, переживаниями детства, вытесненными желаниями, страхами и т.д. Через нас проходит смысл нашего бессознательного.

Но Сартр не согласен с такой постановкой вопроса, он возражает: нет! Если вы обуславливаете деятельность человека его комплексами, то вы отбираете у него свободу и ответственность. По сути, вы не можете иметь право вменить ему что-либо. Любой поступок в такой детерминистической парадигме не может быть присвоен человеку, это тоже стечение обстоятельств. Наше переживание бытия – случайно, но своё бытие мы конструируем сами, это результат нашего свободного выбора.

Это и есть одна из главных проблем философии экзистенциализма – проблема свободы, которая ставит человека перед выбором и требует от него ответственности за совершённый выбор. Человек действует в предлагаемых ему обстоятельствах, но всегда в этих обстоятельствах делает свой выбор.

Экзистенциальная мысль отсекает все идеи, что человек сбрасывает с себя ответственность. Только он сам ответственен за всё, что он делает. Примером могут послужить оправдания немецких офицеров во время нюрнбергского процесса. Главная идея их невиновности состояла в том, что они выполняли приказ. Экзистенциальная мысль говорит, что нет никакого сбрасывания ответственности, только вы должны решать и быть ответственными за то, что делаете. Именно такие пограничные рубежи формируют сущность человека.

Одна из главных идей Сартра состоит в том, что существование предшествует сущности. В работе «Экзистенциализм – это гуманизм» Сартр пишет, что существуют две разновидности экзистенциалистов: во-первых, это христианские экзистенциалисты и, во-вторых, экзистенциалисты-атеисты. «Тех и других объединяет лишь убеждение в том, что существование предшествует сущности, или, если хотите, что нужно исходить из субъекта» [4, с. 146].

Сущность появляется, когда заканчивается существование, т.е. в момент смерти. Более того, с точки зрения атеистического экзистенциализма смерть это не только небытие, но и ничто. Применительно к небытию Сартр определяет ад. Ад – это другие. Другой не может видеть меня в процессе существования, он видит меня только как готовую сущность, здесь и сейчас. Взгляд другого делает из меня то же самое, что и смерть – он превращает меня в сущность. Ад, то есть состояние смерти – это состояние под взглядом другого человека. Под ним мы теряем своё существование, т.е. свободу и превращаемся в сущность.

Здесь открывается ключевое понятие для осмысления ситуации конфликта в экзистенциальной философии. Поскольку атеистический экзистенциализм подразумевает исключительно субъект-объектную коммуникацию конфликт становится неизбежным. Объект не может быть приравнен к субъекту в любой сфере их взаимодействия – социальной, политической или культурной. Субъект же, определяя своё положение как господствующее, считает себя вправе влиять на объект: управлять им, манипулировать, подчинять, диктовать свои условия, действовать с позиции силы вплоть, как уже было сказано выше, до полного уничтожения последнего. Очевидно, что ситуация общественного конфликта всегда би-субъектная, но поскольку каждая из сторон социального соприкосновения считает субъектом именно и только себя, а оппонента – объектом, то уже на этой начальной стадии возникает противоречие. Любая социальная коммуникация на уровне субъект – объект неизбежно ведёт к конфликту. Даже ещё до точки непосредственного соприкосновения сторон это уже конфликт.

Солидарность – обратная сторона конфликта строится по совершенно другим правилам – по принципу религиозного экзистенциализма. В религиозной экзистенциальной философии коммуникация Я и Ты происходит через Бога. Другой воспринимается как Ты, потому что есть Бог, другой – это не объект рассмотрения, а равная субъективность, таким образом осуществляется би-субъектная коммуникация. Общение по типу субъект-субъект – это равноправная коммуникация с признанием уникальности и неповторимости другого.

Вообще, можно сказать, что одной из основ религиозного экзистенциализма является связь Я – Ты. Бытие индивида определяется другими, окружающими его людьми. Именно они наделяют его определенными качествами. Именно их оценки дают ему определённую, – пишет Бахтин. Изнутри самого себя человек не может ни понимать себя, ни даже стать собой [2, с. 7-180].

По мысли Ясперса, коммуникация является изначальным фактором и обязательным условием человеческого существования. «...Мы суть то, что мы суть, только благодаря общности взаимного сознательного понимания. Не может существовать человек, который был бы человеком сам по себе, просто как отдельный индивид» [7, с. 110].

В своём осмыслении феномена коммуникации Франк вводит понятие взаимопроникновения «я» и «ты». Совершенно очевидна разница, когда мы смотрим на безразличный к нам предмет или же смотрим на существо, глядящее на нас. Взгляд другого проникает в нас, вызывает определённые чувства – приводит в смущение, напряжение. «Всякое познание или «восприятие» «ты» есть живая встреча с ним, скрещение двух взоров: вторжение «ты» в нас есть вместе с тем наше вторжение в него...» [6, с. 354].

Пристатейный библиографический список

1. Адорно Т. Негативная диалектика. – М.: Издательство «Научный мир», 2003. – С. 534.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. – М.: Искусство, 1979. – С. 7-180.
3. Кьеркегор С. Страх и трепет. - Перевод Н. В. Исаевой и С. А. Исаева. – М.: "Республика", 1993. – С. 109.
4. Сартр Жан Поль. Человек в осаде. – Издательство Вагриус, 2006. – С. 320.
5. Трофимова Е. В. Экзистенциально-религиозная проблематика в киногерменевтике Ларса фон Триера // Культура и цивилизация. – 2021. – Том 11. – № 1А. С. 93-105.
6. Франк С. А. Сочинения. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 352, 354.
7. Гайденок П. П. Человек и история в свете «философии коммуникации» К. Ясперса // Человек и его бытие как проблема современной философии. – М., Наука, 1978. – С. 102.
8. Зиммель Г. Социология вещей. – М.: Вильямс, 2008. – С. 104.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-531-532

АБРАРОВА Зинира Фоатовна

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы Башкирского государственного университета

ЛУКМАНОВА Юлия Шафкатовна

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Башкирского государственного университета

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИИ СЕМЬИ И ГОСУДАРСТВА

Изучение проблемы современной семьи в отечественной философии, к сожалению, не имеет сложившейся теоретической традиции. Вместе с тем существует достаточное число научных работ, посвященных демографической катастрофе и распаду семьи в целом. Поэтому выяснение и анализ причин, обуславливающих данные процессы, являются, несомненно, актуальными. В статье демонстрируется то, что государству необходимо защищать институт семьи, тем самым развивая семейную политику. Именно от развития семейной политики многое зависит: 1) экономическое развитие государства, 2) развитие генофонда нации, 3) формирование трудового капитала, воспроизводство населения.

Ключевые слова. философия семьи, семья, семейная политика, семейные отношения, государство, демографическая политика.

ABRAROVA Zinira Foatovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Head of Social work sub-faculty of the Bashkir State University

LUKMANOVA Yuliya Shafkatovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Social work sub-faculty of the Bashkir State University

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE STATE FAMILY POLICY IN THE RELATIONSHIP BETWEEN THE FAMILY AND THE STATE

Unfortunately, the study of the problem of the modern family in Russian philosophy does not have an established theoretical tradition. At the same time, there is a sufficient number of scientific papers devoted to the demographic catastrophe and the disintegration of the family as a whole. Therefore, the clarification and analysis of the causes of these processes are undoubtedly relevant. The article demonstrates that the state needs to protect the institution of the family, thereby developing family policy. A lot depends on the development of family policy: 1) economic development of the state, 2) development of the gene pool of the nation, 3) formation of labor capital, reproduction of the population.

Keywords: family Philosophy, family, family policy, family relations, state, demographic policy.

Особое значение государственная семейная политика имеет в современной России, когда актуальные процессы трансформации семьи, сами по себе протекающие болезненно и противоречиво, переплетаются с острейшими проблемами геополитики и внутренними кризисными явлениями в России. В то же время в нашей стране семейная политика как система целенаправленной государственной деятельности еще не сложилась, принимаемые государством меры не охватывают необходимого комплекса проблем, носят краткосрочный характер. В результате интересы института семьи учитываются недостаточно. Выдающийся философ Н.А. Бердяев видел саму суть семьи в том, что она была, есть и будет позитивистским мирским институтом благоустройства, а также биологическим и социальным упорядочиванием жизни целого рода [1]. Философ В.В. Розанов в своей работе «В мире неясного и нерешенного» указывает, что семья – это краеугольный камень человеческого бытия [2].

В процессе формирования социального государства именно семья является посредником согласования интересов индивида и государства, политическим интересом и политической ценностью общества, обеспечивающей социальную стабильность и устойчивость его политической системы. Семья гармонизирует интересы государства и социализированного, граждански ответственного индивида. На позицию государства, на его практическую деятельность в определении цели, задачи и стратегии влияют следующие факторы:

1) Экономические факторы: необходимость роста рабочей силы, расширения воспроизводства населения (репродуктивная функция семьи).

Возможно, именно современная семейная политика государства не совсем благоприятно отразилась на статистике разводов и бракосочетаний, поскольку в 2020 году в России распалось 73% браков, когда в 2018 и 2019 годах распалось 65% браков. 30 лет назад данное соотношение было равным 42%, а 70 лет назад распадалось всего лишь 4% брачных союзов. То есть, именно в 2020 году было наибольшее количество разводов за последние 30 лет. Это может означать, что одним из факторов разводов является именно развитие семейной политики в Российской Федерации. В тяжелые времена для страны не было обеспечено достаточной поддержки семьям, что негативно повлияло на отношения между людьми в том числе. Однако в противовес статистике распада браков, статистика заключения браков также изменилась. В 2020 году в брак вступило на 21% больше населения, чем в предыдущий год[3].

2) Социальный фактор – улучшение генофонда, качество рабочей силы, которое определяется семейным образованием и воспитанием, уровнем и качеством жизни семьи.

3) Духовно-нравственный фактор. Семья – транслятор фундаментальных ценностей от поколения к поколению, это и проблема здоровья, интеллектуального развития граждан, досуг и т.д.

По данным Росстата, в январе-феврале 2022 года в России выросло число и браков, и разводов по сравнению с аналогичным периодом 2021 года.

Так, в январе-феврале 2022 года в России было заключено 102,8 тысяч браков, что на 3,5 тысячи больше, чем за аналогичный период 2021 года. За тот же срок в 2022 году в стране было зарегистрировано 86,9 тысяч разводов. Это на 1,3 тысячи больше, чем в январе-феврале 2021 года[4].

4) Социально-политический фактор. Политика в сфере семьи затрагивает существенные интересы практически всех слоев общества. Возрастает политическая и социальная значимость проблем государственной семейной политики, так как существует прямая взаимосвязь между этой политикой и степенью социальной стабильности в обществе, расстановкой политических сил, эффективностью рыночных реформ.

Государство заинтересовано в нормальной, адаптированной к новой политической системе, толерантной к государству семье, способной выработать на основе максимального использования личного потенциала новую жизненную стратегию.

5) Геополитический фактор. Крепкая семья – сильное государство.

Очень многие специалисты в нынешнее время убеждены в том, что Семейный Кодекс Российской Федерации не совсем соответствует современным потребностям семьи и нынешней реальности. Очень часто при решении того или иного вопроса или проблемы государственные органы власти рассматривают отдельных членов семьи (родителей или детей), но никак не семью в целом. Например, при бракоразводном процессе, при наличии двух и более детей, их, как правило, делят между супругами, и в последующем дети, достаточно часто, перестают общаться и теряют связь друг с другом.

В том числе, к проблемам развития семейной политики так же относится и неуверенность молодого поколения в завтрашнем дне. Если такая неуверенность появляется, значит, на это есть причины. Возможно, именно опыт старших поколений и обстановка в стране заставляют считать, что тот или иной человек не сможет прокормить себя и свою семью в случае возникновения трудностей.

Главной целью государственной семейной политики, на наш взгляд, должно стать создание благоприятной атмосферы для семьи, в которой супруги хотят заводить и воспитывать детей. В качестве основной модели семьи, поощряемой государством, мы видим полную семью с 3-4 детьми. В определении государственной семейной политики, данном в Указе Президента Российской Федерации, сказано, что она направлена «на улучшение условий и повышение качества жизни семьи». Демографический, направленный на элементарное восстановление и преумножение численности населения, подход к семейной политике был закреплен благодаря Указу Президента России от 09 октября 2007 года № 1351, утвердившему «Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». В данной концепции преобладают вопросы народосбережения, снижения смертности (в том числе материнской и младенческой). Вместе с тем в документе есть раздел «Решение задач по укреплению института семьи, возрождению и сохранению духовно-нравственных традиций семейных отношений». Хотя данный раздел не может «похвастать» многочисленностью мероприятий, сам факт его появления свидетельствует о появлении государственной задачи, связанной с защитой духовно-нравственных устоев.

Ресурсами для успешной реализации государственной семейной политики являются развитая доступная инфраструктура организаций - субъектов семейной политики, а также материально-техническое, кадровое и финансовое обеспечение реализации мероприятий Концепции.

Развитие человеческого потенциала лучше всего изучать с помощью моделей, в основе анализа которых лежат люди, а не денежные или другие единицы. Демография, которую также можно определить как математику людей, определяет все свои модели строго в терминах человеческих существ в соответствии с различными соответствующими характеристиками. Следовательно, она предлагает наиболее подходящий подход к изучению человеческого развития во всем мире. Традиционно демографический анализ в основном фокусировался на изменении состава населения по возрасту и полу. Но люди обладают многими наблюдаемыми и измеримыми характеристиками, которые отличают одного индивида от другого и которые можно считать весьма важными для человеческого развития; эти характеристики также могут быть оценены в совокупности и использованы для отличия одной подгруппы населения от другой. Здесь мы сосредоточимся на уровне высшего образования и в меньшей степени также на состоянии здоровья в дополнение к возрасту и полу.

Практически во всех обществах более образованные мужчины и женщины имеют более низкие показатели смертности, а их дети имеют больше шансов на выживание. Почти повсеместно женщины с более высоким уровнем образования рожают меньше детей, предположительно потому, что они хотят меньше и имеют лучший доступ к средствам контроля рождаемости. Конечно, существует множество факторов, влияющих на уровень фертильности, которые варьируются от статуса женщин в семье до участия женщин в рабочей силе и общего социально-экономического развития. Однако обширные

исследования показали, что среди этого множества факторов уровень образования женщин и доступность услуг репродуктивного здоровья являются двумя наиболее важными, которые открыты для политических вмешательств. Влияние образования на рождаемость особенно сильно в странах, которые все еще имеют относительно высокий общий уровень рождаемости и, следовательно, находятся на ранних стадиях своего демографического развития.

Пристатейный библиографический список.

1. Бердяев Н. Смысл творчества // Семья: книга для чтения. Кн. 2 / Сост. И.С. Андреева, А.В. Гульга. М., 1990. Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. М., 1995.
2. Развод в цифрах: статистика разводов в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.planeta-zakona.ru/blog/razvod-v-tsifrakh-statistika-razvodov-v-rossii.html/>
3. Адаева А.Р. Семейная политика в России: направления и актуальные проблемы реализации // Актуальные исследования. 2021. № 27 (54). С. 17-19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apni.ru/article/2697-semejnyaya-politika-v-rossii-napravleniya>

DOI 10.46320/2073-4506-2022-8-171-533-534

САБЕКИЯ Раушана Бейсеновна

доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории и философских дисциплин Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета

АСКАРОВА Гульнара Бейсеновна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры психолого-педагогического образования Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета

ПОЛОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИЯ БЫТИЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ

В статье обосновывается эволюционная роль полового диморфизма как источника саморазвития бытия живого. Исходя из тезиса, что именно половая дифференциация обеспечивает задачу воспроизводства и самосохранения человеческого рода, утверждается смысловая связь идеологии гендерной демократии с деконструкцией ценностей морали, религии, семьи и брака. Доказывается, что современные гендерные сценарии, оторванные от биологического пола, служат реализации сценария трансгуманизма и депопуляции народонаселения планеты.

Ключевые слова: пол, гендер, половой диморфизм, гендерный сценарий, гендерная демократия, трансгуманизм.

SABEKIYA Raushana Beisenovna

Ph.D. in philosophical sciences, professor of General history and philosophical disciplines sub-faculty of the Sterlitamak branch of the Bashkir State University

ASKAROVA Gulnara Beisenovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Psychological and pedagogical education sub-faculty of the Sterlitamak branch of Bashkir State University

SEXUAL DIFFERENTIATION OF BEING AND GENDER SCENARIOS IN A GLOBALIZED WORLD

The article substantiates the evolutionary role of sexual dimorphism as a source of self-development of being alive. Proceeding from the thesis that it is sexual differentiation that provides the task of reproduction and self-preservation of the human race, the semantic connection of the ideology of gender democracy with the deconstruction of the values of morality, religion, family and marriage is asserted. It is proved that modern gender scenarios, divorced from biological sex, serve to implement the scenario of transhumanism and depopulation of the planet's population.

Keywords: sex, gender, sexual dimorphism, gender scenario, gender democracy, transhumanism.

Человек – открытая самоорганизующаяся система, существо не самодостаточное, не замкнутое, становящееся, проходящее свой жизненный путь как самореализацию своего образа, потенциально заложенного в недрах его биологической сущности, но обретающего явленность именно в выходе за свои природно-биологические пределы. Из всех качественных характеристик человека именно его половая определенность выступает в качестве базисной, системообразующей, собирающей всю панораму бытия человека в его внутреннем и внешнем мире в некую целостность.

Половая определенность человека выкристаллизовывается в различных пластах его бытия: 1) в морфологии его тела; 2) в глубинных слоях психики, где укоренены архетипические поло-ролевые образцы мужественности и женственности, составляющие модификации человеческой сущности; 3) в общественном сознании, закрепляющем социокультурные формы половой дифференциации поведения во взаимоотношениях людей. Именно из единства всех трех пластов бытия человеческого пола: анатомо-физиологического, где пол есть фактическая данность, психологического, где пол – результат самоощущения и самовосприятия, и социокультурного, в котором пол – совокупность осознаваемых и реализуемых статусно-ролевых позиций индивида, – именно из этого проистекает содержательное тождество и различие таких понятий, как половая и гендерная идентичность.

«Пол» представляет собой одну из самых сложных и полисемантических научных категорий. Если обратиться к словарным источникам, то в зарубежных и российских толковых словарях приводятся следующие определения заявленного феномена: «Пол – каждый из двух генетически и физиологически противоположных разрядов живых существ (мужчин и женщин, самцов и самок), организмов» и пол (sex) есть «физиологические, функциональные и психологические различия, которые делают людей на мужчин и женщин» [5].

Известный ученый И.С. Кон трактует «пол» как некую совокупность взаимно контрастирующих генеративных и связанных с ними признаков, заключающих в себе не только репродуктивные показатели, но и всю палитру полового диморфизма, то есть расхождение анатомических, физиологических, психологических и поведенческих черт особей

данного вида в зависимости от пола. И.С. Кон отмечает, что половые различия могут быть как контрастирующими, взаимоисключающими, так и количественными, допускающими многочисленные индивидуальные вариации [3, с. 166-167].

Достаточно длительное время половая принадлежность человека трактовалась унитарно-однозначной категорией. Примерно с XX века пол рассматривается в качестве многоуровневой системы, элементы которой формируются поэтапно, в соответствии со спецификой индивидуального развития каждой отдельно взятой личности. Отталкиваясь от этого, ученые по-разному интерпретируют пол генетический, хромосомный, гонадный, внутренний и внешний морфологический, а также репродуктивный пол. В принципе ученые проявляют единодушие в понимании пола как проявлении конкретных доминантных тенденций в структуре личности, выраженных в определенных гендерных различиях между полами, проявляемых уже с самого раннего детства. По мере освоения ребенком социального опыта к природно-биологическим факторам половой дифференциации присоединяются и социальные: первоначально, на основании генитальной выраженности младенца, устанавливается его гражданский (паспортный) пол, исходя из которого и осуществляется процесс воспитания ребенка. В своей совокупности все эти факторы накладывают некоторый отпечаток на образ «Я» ребенка, формируя персональный жизненный опыт и окончательно определяя половую идентичность личности. Иными словами, некоторые ее аспекты являются заданными биологически, другие же обусловлены культурными предписаниями, нормами и традициями.

Осмысление проблемы маскулинности/феминности как основы человеческой личности четко обозначило три значимых обстоятельства. Во-первых, то, что каждый человек, вне зависимости от его половой принадлежности, обладает индивидуальной степенью выраженности маскулинности или феминности. Люди могут быть в той или иной мере маскулинными, феминными, либо даже андрогинными, гармонично сочетающими в себе «мужские» и «женские» свойства и качества личности. В начале 70-х годов двадцатого века американским психологом Сандрой Бем была предложена концепция андрогинии, основывающаяся на представлении

о том, что гармоничное сочетание маскулинных и фемининных качеств в личности повышает ее адаптивные возможности, способствует высокой гибкости в межличностном взаимодействии [6, с. 1050].

Во-вторых, как мужские, так и женские свойства обладают многогранностью и многомерностью, к примеру, четко проявленный «мужской» тип телосложения легко может сочетаться с сугубо «женскими» качествами, характеристиками, эмоциями, и с точностью до наоборот. В-третьих, устойчивые представления о маскулинности и феминности в определенной степени могут отличаться от некоторых норм и социальных ожиданий, ибо зачастую формируются на основе житейского здравого смысла и эмпирического опыта: иногда отдельные черты или свойства личности причисляются к разряду феминных лишь потому, что в большей степени они присущи именно женской модели поведения или же общению. Из совокупного множества психологических черт и характерологических свойств, носителем которых является каждый без исключения человек, можно без проблем вычленивать те из них, которые традиционно приписываются мужской (лидерство, креативность, смелость, активность и др.) или женской (уступчивость, отзывчивость, мягкость, верность и т.п.) социальной роли. Другие же характеризуются универсальностью и потому не могут быть искусственно привязаны, либо не привязаны к особенностям проявления женской или мужской психологии (совестливость, порядочность, надежность, и т.п.).

Отдельные из «типично женских» или «типично мужских» черт и свойств личности оказываются в непосредственном единстве с эволюционно-генетическими и физиологическими особенностями представителя того или иного пола. Другие же черты могут формироваться в ходе социализации личности, а именно в процессе ее воспитания, обучения и развития. В связи с этим принято говорить о трех основообразующих понятиях, таких как маскулинность, фемининность и андрогинность – это параметры, характеризующиеся так называемый феномен «психологического пола» индивида, определяемого культурно обусловленными гендерными сценариями. Тем самым, понятие гендера вводится в научный оборот для унификации биологического пола, стирания принципиальных различий между мужским и женским.

В результате долгой научной дискуссии по терминологическому разведению пола и гендера ученые решили использовать понятие «гендер» при обсуждении социо-культурных и психологических аспектов, существующих в обществе черт, норм, стереотипов, социально типичных ролей, закрепленных культурными предписаниями за мужчинами и женщинами. Л.В. Крымец, в частности, рассматривает гендер как фундаментальный инструмент «неисчислимого множества социальных, культурных и цивилизационных таксономий» [4, с. 67]. Акцентируя то, что в соответствии с классической парадигмой «гендерное неравенство не историческая акциденция, а социообразующий закон, без которого общество невозможно» [4, с. 67], Л.В. Крымец отмечает, что «гендер как социально-половой критерий в контексте глобализации теряет свое значение», в обществе нарастают ярко выраженные андрогинные тенденции, что таит в себе серьезные опасности и «может привести к не подвергнутому экзорцизму гендерному коллапсу мирового масштаба» [4, с. 69].

Очевидным становится факт масштабной андрогинизации мужчин и женщин, приводящей к стиранию социально-психологической границы между обоими полами. В то же время некоторые ученые считают, что причина стирания полоролевых границ коренится в изначальной андрогинности человеческой души, сознания и психики, отражающей андрогинность пола, иными словами, двуполость как параллельное существование и «противоборство двух критериев в сознании и психике человека с разными характеристиками» [2, с. 115]. В частности, А.П. Гладиллина делает вывод о том, что закономерным развитием социума в будущем явится сглаживание половых различий, которые «спустя некоторое время, возможно, бесследно исчезнут. Масштаб распространности этого явления растет вместе с ускоряющимися процессами глобализации, успехами медицины, пластической хирургии и транссексуальное поведение становится кросскультурным феноменом» [2, с. 117].

Между тем, живая природа наглядно демонстрирует, что устойчивость биологических систем определяется разделением на периферическую (оперативную, мужскую) и центральную (консервативную, женскую) подсистемы. Если периферическая подсистема обеспечивает коммуникацию

с внешней средой и постоянно трансформируется для адаптации системы к изменяющимся условиям среды, то центральная защищена от случайных влияний и ориентирована на обеспечение непрерывности рода. Тем самым, за счет половой дифференциации человеческого бытия на женский (консервативный) и мужской (оперативный) полюсы реализуются задачи не только воспроизводства популяции, но и ее самосохранения, самоорганизации, саморазвития в изменяющемся мире.

Гендерная идеология транссексуальности вышла за рамки пола: основываясь на принципе примата сиюминутных сексуальных желаний личности над «вечными» ценностями надличностного характера, она вывела сексуальные притязания индивида из физиологической плоскости в политико-правовое поле. И все государственные учреждения и социальные институты призваны теперь обеспечивать право каждого гражданина на конструирование своей половой идентичности в угоду сексуальным импульсам и желаниям. Причем гендерный плюрализм легко превращается в тоталитаризм, яростно вытесняя из публичного пространства традиционализм, базирующийся на признании дихотомичности человеческого бытия.

По сути, освобождение гендера от привязанности к половой предзаданности, осуществляемого под постмодернистским лозунгом свободы самоконструирования человека в соответствии с личным выбором и желанием, смыкается с идеологией трансгуманизма, настаивающего на пластичности человеческой природы под действием свободной воли индивида. Свобода выбора гендерной идентичности оказалась симулякротом свободы самопрезентации, а многозначность гендерных сценариев явилась симулякротом индивидуализации полового амплуа: глобальный мир, создавая иллюзию множественности, стирает различия мужского и женского, лишая бытие эволюционного импульса и шанса на сохранение человечности – человека как гаранта вечности бытия. Как констатирует А.С. Армен, «тотальная реализация принципа плюрализма... и, как следствие, возведение в абсолют неограниченного выбора и возможностей самопрезентации спровоцировала истинный кризис человеческой экзистенции» [1].

Именно отрыв конструируемых обществом гендерных сценариев от биологической полярности мужского и женского служит задачи деконструкции смыслов института брака и семьи, морально-религиозных норм и ценностей, и главная цель идеологии гендерной демократии – это создание нового человека, лишённого половой идентичности. Женщины, дискредитирующие материнство, мужчины, не способные защищать не только женщин, детей, страну, но и самих себя, – один из факторов депопуляции населения планеты в глобализованном мире.

Пристатейный библиографический список

1. Армен А.С. Деконструкция гендерной идентичности и ее отражение в культурном пространстве постмодернистского общества // Культура и цивилизация (Донецк). 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dekonstruktsiya-gendernoy-identichnosti-i-ee-otrazhenie-v-kulturnom-prostranstve-postmodernistskogo-obschestva> (дата обращения: 10.09.2022).
2. Гладиллина А.П. Андрогинизация и стирание гендерных границ в современном обществе [Текст] // Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета: научный журнал, 5 выпуск. Усть-Каменогорск, 2010. С. 113-117.
3. Кон И.С. Ребенок и общество: (Историко-этнографическая перспектива) [Текст]. М.: Наука, 1988. 270 с.
4. Крымец Л.В. Гендерные аспекты социального управления в контексте образовательного пространства [Текст] // Вестник Российского философского общества. 2014. № 1 (69). С. 67-69.
5. Словарь гендерных терминов // Под ред. А.А. Денисовой // Региональная общественная организация «Восток-Запад: женские инновационные проекты» [Текст] М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.
6. Bem, S.L. Theory and measurement of androgyny: A reply – to ... critiques. Journal of Personality and Social Psychology. 1979, vol. 37. P. 1050.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от отсутствия плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.